

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855723 2

СОВРЕМЕНИКЪ

ЛITERATURНЫЙ ЖУРНАЛЪ

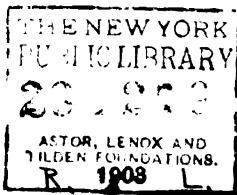
ИЗДАВАЕМЫЙ съ 1847 ГОДА Н. ПАПАЕВЫМЪ и В. ПЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНОГО ШТАВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВДАНІЯМЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ утвержденное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Января 9 дня 1858 года.

Цензоръ *П. Нофальскій.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Кавенъакъ. <i>Н. Г. Чернышевскою</i>	1 ✓
Предсмертное стихотворение Беранже. <i>А. А. Фета</i>	38
Ася. Повѣсть, <i>И. С. Тургенева</i>	39 ↴
Не сошлись характерами! Картины изъ московской жизни <i>А. Н. Островскаю</i>	85 ↴
Экспедиція въ Большой Чечнѣ зимою съ 1856 на 1857 годъ.	119
«Отъ солнца лилія пугливо». Стихотвореніе <i>А. Н. Майкова</i>	128
Слово о Барклай-де-Толли. <i>П. Гльбова</i>	129 ✓
Очерки народнаго быта. (1. Поросенокъ.—II. Хорошее житье.) <i>Н. Успенскаю</i>	157 ✓
Актеры въ Россіи при Петре Великомъ. <i>П. П. Пекарскаю</i>	185 ✓
Чудо «Морскаго Сборника». Современная быль, разсказанныя <i>Иваномъ Путинкою</i>	199 ↴
Могильные преданія. <i>Н. И. Костомарова</i>	223 ✓
Шилогъ ненаписанной поэмы. <i>Н. А. Некрасова</i>	242
Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю. <i>Н. В. Гербелл</i>	267 ↴
Русские въ Италии. Повѣсть <i>Н. Н. Стакицкаю</i> . T. LXVII. Отд. II.	299 15½

Отголосокъ на «Жалобу женщины». В... ой	366
Замѣтки о современной польской литературѣ. А. Я. — ковскаю.	375
О новыхъ условіяхъ сельскаго быта	392
Замѣтки для исторіи крѣпостного права въ Россіи. По поводу статьи, помѣщенной въ 23 № 1858 г. газеты «Le Nord». Е. П. Карновича	442

КРИТИКА и БИБЛIOГРАФІЯ.

Чорная рада, хроника 1663 года. Написалъ П. Кулишъ. — Проповѣди на малороссийскомъ языке, протоіерея Гречулевича. Издание второе, исправленное, Кулиша. Н. И. Костомарова	1
Сочиненія Пушкина. Седьмой дополнительный томъ. Издание Н. В. Анненкова	29
Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ. Составилъ Санктпетербургской Духовной Семинаріи профессоръ магистръ Михаилъ Архангельскій.	43
Новые стихотворенія В. Бенедиктова.	51
Везиція Луки и Великолуцкій уѣздъ. Замѣтки Михаила Семевскаго.	65
О степени участія народности въ развитіи русской литературы. (Очеркъ исторіи русской поэзіи. Л. Милюкова Второе дополненіе изданіе). Статья — Боза	113
Жизнь Магомета. Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Перев. съ англійскаго, Петра Кирьевскаю	168
Стихотворенія изъ Гейне. Переводъ И. Семенова. Сновиденія, пѣсни, романсы, сонеты	175
Русский иллюстрированный Альманахъ.	178
Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защищѣ материала. Инженеръ-полковника Лебедева З.	180
О торфѣ и его добываніи во Франціи. Соч. В. Шмидта	183

СМѢСЬ.

Петербургская жизнь. Замѣтки *Нового Поэта*.

- (1. Ночь на Рождество. Святочный разсказъ **НОВАГО ПОЭТА**.
2) «Въ сельчакъ», располагающій къ разнымъ грустнымъ впечатлѣніямъ и между прочимъ о томъ, какъ простое кривлянье и гримасы—

очень далеки отъ остроумія и проче. — Балы въ Дворянскомъ Собраниі, удостоенныі Высочайшаго посвѣщенія. — Театры — Русскій: Князья Курбскіе, барона Розена. — Дебютантка, Надеждина. — Французскій: «Генрихъ III и его Дворъ» и г-жа Напталь-Ариу въ роли герцогини Гизъ. — Водопроводное общество въ Петербургѣ. — — Засѣданіе Академіи Наукъ 29 декабря. — Новый годъ.	69
Современное Обозрѣніе.	
(О народномъ воспитаніи, по поводу статьи г. Аппельрота. — Воспоминанія г. Кошелева о путешествіи по славянскимъ австрійскимъ землямъ.	98
Петербургская жизнь. Замѣтки <i>Нового Поэта</i>.	
(Благонамѣренійшій господинъ. Современный очеркъ. — Итальянская опера. — Луиза Миллеръ и Фра-Діаволо. — Прощальный бенефис г-жи Надежды Богдановой. — Корсарь, новый балетъ. — Драма «Машкинъ-Бенъ-Израиль». — Гг. Самойловъ и Зубровъ. — Шведскіе пѣвицы. — Отѣздъ артистовъ. — Балы. — Маскерады. — Балаганы. — Обѣды Московскаго и Харьковскаго университетовъ. — Некрологи: Кудрявцевъ и Коркуновъ. — Осмотръ петербургскихъ мастерскихъ. — Статья г. Шестакова въ «Морскомъ Сборникѣ». — Литературные и художественные новости. — Новые книги и изданія. — Новый журналъ «Военный Сборникъ». — и прочее.	185
Жизнь Южныхъ Штатовъ. Романъ г жи Бичеръ-Стоу.	. . . 129—208

При томъ томъ приложенъ романъ г-жи Бичеръ-Стоу
ХИЖИНА Дяди ТОМА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣнъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ утвержденное число
августовскаго. Санктпетербурга. Февраля 10 дня 1858 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ
объ издании журнала
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ.

издается по Высочайшему повелению при штабѣ отдельного гвардейского корпуса.

Выходитъ ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ или 320 страницъ въ каждой. Издание начнется съ 1-го мая 1858 года.

Издание это предпринимается съ цѣлію доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и полезное чтеніе, и въ тоже время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средство сообщать своимъ товарищамъ по оружію паблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріального и нравственного быта нашихъ войскъ.

По назначению своему, «Военный Сборникъ» будетъ журналомъ не специальнно-военнымъ, а военно-литературнымъ. Каждая книжка его, согласно Высочайше одобренной программѣ, будетъ имѣть *четыре отдѣла:*

1. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ Высочайшихъ приказовъ, приказовъ Главнокомандующихъ арміями, Военного Министра, Генералъ-Инспектора по Инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, Начальника Главнаго Штаба по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ и командировъ Отдельныхъ Корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій

Департаментовъ Всеннаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все, относящееся до измѣненія состава войскъ, управлія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ той мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣльно этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановлений и узаконеній.

(Извлеченія эти, само собою разумѣется, не могутъ замѣнить подлинныхъ приказовъ и циркуляровъ, которые въ настоящее время обявлены выписывать различные Штабы и другія управлѣнія.)

II. ОТДѢЛЬ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортіфикація и артиллерія.

По тактике будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клюющіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событиями послѣдней войны, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, обѣ организаціи и употребленіи кавалеріи и артиллериі, о соответствующихъ современному состоянію военного искусства способахъ обучения войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соответствующія карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управлѣнія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностраннныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортіфикаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ, по отношенію ихъ къ дѣйствию войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ специальные журналы.

III. ОТДѢЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Рассказы изъ военного быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательныхъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ Комиссіи Улучшений по военной части и всѣхъ отдѣлений Военно-Ученаго Комитета. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенныя. в) Выдержки изъ журналовъ русскихъ и иностраннныхъ. г) Библіографическая извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. д) Всѣ нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Чтобы соответствовать своему назначенію, «Военный Сборникъ» будетъ стараться изложеніе всѣхъ статей сдѣлать обще-

доступнымъ и общеподобнымъ, заботясь о соединеніи ученыхъ достоинствъ ихъ съ популярностью. Редакція употребить всѣ усиленія, чтобы наполнять журналъ по преимуществу такими статьями, которые имѣли бы живое значеніе для нашего военнаго быта и возбуждали бы въ читателяхъ дѣятельность мысли. Все-стороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго материальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ будетъ первою обязанностію журнала.

Редакція сознаетъ всю важность этой обязанности, всю трудность ея исполненія; преодолѣть эту трудность она надѣется только при помошіи всѣхъ образованныхъ и заботящихся объ общемъ благѣ русскихъ офицеровъ; поэтому и обращается ко всѣмъ служащимъ и служившимъ въ рядахъ нашей арміи офицерамъ съ просьбою содѣйствовать ей въ дѣлѣ изученія нашего военнаго быта, и распространенія въ войскахъ всѣхъ свѣдѣній, до военного дѣла относящихся.

Въ какой бы формѣ ни была написана статья, основательно излагающая состояніе того или другого отдѣла нашихъ войскъ, той или другой стороны военной нашей жизни, она будетъ съ равной признательностью принята «Военнымъ Сборникомъ». Систематическое изслѣдованіе, простой рассказъ, замѣтки въ формѣ воспоминаній или наблюденій, — все можетъ быть равно прекрасно и полезно, лишь бы только было дѣльно и правдиво. Многіе изъ опытнейшихъ и достойнейшихъ людей, въ совершенствѣ знакомыхъ свою часть, затрудняются передавать на общую пользу, посредствомъ печати, плоды своихъ наблюдений только потому, что ихъ останавливаютъ требования такъ называемой литературной формы; но знаніе дѣла и здравый взглядъ на него — достоинства болѣе важныя, нежели изящество языка, и если статья написана человѣкомъ дѣльнымъ, ясно понимающимъ свой предметъ и излагающимъ мысли основательно обдуманныя, она всегда будетъ оцѣнена по ея внутреннему достоинству. Такія статьи «Сборникъ» будетъ считать лучшимъ своимъ украшеніемъ.

Желая сколь возможно избѣгнуть односторонности вззрѣній, редакція будетъ охотно помѣщать въ «Сборникѣ» всѣ возраженія и замѣчанія на статьи, въ немъ же напечатанныя.

Относительно каждой присыпаемой въ редакцію «Военного Сборника» статьи, авторъ будетъ получать отъ редакціи увѣдомленіе, намѣрена ли редакція помѣстить ее въ журналъ, если только потребуетъ увѣдомленія объ этомъ.

Если авторъ, по какой либо причинѣ, не желаетъ подписывать своимъ именемъ принадлежащую ему статью, имя это остается непарушимою тайною редакціи.

Вознаграждение за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборнике», опредѣлено: за извлечениія и компиляціи по 30 р. сер. съ печатнаго листа, а за оригиналъя статьи — до 50 руб. сер., и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получать бесплатно отъ 25 до 50 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи: для этого нужно ему только отмѣтить на самой статьѣ, что онъ желаетъ имѣть отдѣльные оттиски.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается въ С.-Петербургѣ, по адресу: въ Редакцію «Военного Сборника», при Штабѣ Отдѣльного Гвардейскаго Корпуса, или: въ Контору «Военного Сборника», при книжномъ магазинѣ Давыдова, па Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго. Въ Москвѣ, по адресу: въ Контору «Военного Сборника» при книжномъ магазинѣ Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.

Цѣна за полное годовое изданіе «Военного Сборника» назначается въ 6 рублей серебромъ (по 50 коп. за книжку); въ нынѣшнемъ же 1857 году — 4 рубля серебромъ (за 8 книжекъ). Лица, служащія въ войскахъ и обращающіяся съ требованіемъ на «Военный Сборникъ» черезъ свои начальства или прямо отъ себя въ Штабъ Отдѣльного Гвардейскаго Корпуса, за пересылку ничего не платятъ; журналъ будетъ доставляться на ихъ имя въ ту часть войскъ, къ которой они принадлежатъ. Лица же, къ войскамъ не принадлежащія, прилагаютъ къ подписной цѣпѣ, за пересылку въ другіе города, или въ С.-Петербургѣ за доставку на домъ, 1 руб. 50 коп. сер.

Редакторы: Генерального Штаба Подполковникъ В. АНИЧКОВЪ.

Гвардейского Генерального Штаба Капитанъ Н. ОВРУЧЕВЪ.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

Печатать позволяетъ. Января 24 дня 1857 года.

Старшій Цензоръ Рочфорта.

Бы́ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ заведеніямъ.

КАВЕНЬЯКЪ.

По случаю смерти Кавенъяка, въ иностранныхъ газетахъ явилось много статей, обозрѣвающихъ его государственную дѣятельность; находя интересными факты, представляемые въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, мы приводимъ здѣсь, такъ сказать, сводъ ихъ. Абѣла эти намъ совершенно постороннія, мы не можемъ имѣть никакого особеннаго сочувствія ни къ одной изъ партій, участвовавшихъ въ событияхъ, которымъ подвергалась Франція въ послѣднее время; мы видимъ только, что каждая изъ этихъ партій надѣлала много ошибокъ, и что вслѣдствіе этого события имѣли гибельный ходъ. Читатель замѣтитъ, что этотъ взглядъ господствуетъ въ представленной статьѣ; онъ замѣтитъ также, что этотъ взглядъ не мало не принадлежитъ намъ, — мы только передаемъ то, что находимъ въ источникахъ, которыми руководствовались.

Изгнанный изъ Франціи переворотомъ 2 декабря, черезъ нѣсколько времени тихо возвратившися на родину, чтобы закрыть глаза умирающей матери, потомъ нѣсколько лѣтъ жившій въ уединеніи, чуждаясь политическихъ дѣлъ, суровый побѣдитель юньскихъ дней долго оставался почти забытъ молвво. Послѣдніе выборы, на которыхъ его имя было выставлено символомъ начинаящагося противодѣйствія лекабрьской системѣ, снова привлекли на бывшаго диктатора вниманіе не только Франціи, но и цѣлой Европы; нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ европейскія газеты наполнялись соображеніями о томъ, какое значеніе имѣть выборъ его въ депутаты. Несомнѣнныя признаки показали, что приближается время политического оживленія для Франціи. Кавенъяку очень многіе предназначали одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ движеніи,

близость которого равно предвидится во Франції людьми всѣхъ націй. Потому внезапная смерть предводителя «умъртвленыхъ республиканцевъ» Франції для многихъ его соотечественниковъ была тяжелою потерей, для многихъ другихъ — облегченiemъ опасностей. Друзья Кавенъяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости: боясь признаться въ шаткости своего положенія тѣмъ, когда выразить удовольствіе, что смерть Кавенъяка освободила ихъ отъ одного изъ ихъ страховъ, они поспѣшили принять видъ также огорченный и присоединить свои приворонныя сожалѣнія къ искренней скорби друзей покойного. «Moniteur», «Constitutionnel» и другіе органы декабрьской системы наровнѣ съ «чистыми республиканцами» превознесли его «великія, безмѣрныя услуги» Франціи, называя его даже «спасителемъ отечества.

Но если многочисленны во Франціи друзья и противники партии, предводителемъ которой бывъ Кавенъякъ, то еще многочисленнѣе люди, смотрящіе на эту партію съ спокойнымъ безпристрастіемъ, какъ на историческое явленіе, уже отжившее свой вѣкъ, какъ на безцвѣтный остатокъ старины, безсильный въ будущемъ и на добро и на зло, обсуждающіе прошлую ея дѣятельность безъ всякаго увлеченія надеждами или опасеніями. Они думаютъ, что въ памятиокахъ надъ гробомъ Кавенъяка, внушенныхъ однимъ искренностью чувства, другимъ — соображеніями приличія и разсчетливости, гораздо больше реторики или ослѣпленія, нежели основательности. Они находятъ, что Кавенъякъ, заслуживавшій полнагоуваженія, какъ частный человѣкъ, качествами своего характера, вовсе не достоинъ ни удивленія, ни даже признателности, какъ государственный человѣкъ; что при всемъ своемъ желаніи быть полезнымъ родинѣ, онъ во время своего ликторства принесъ ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убѣжденніямъ, руководившимъ его дѣйствіями, недоставало практическости, и дѣйствія его не соответствовали потребностямъ общества, которымъ привелось ему управлять. Его образъ мыслей испортитъ все дѣло. Высокая честность, энергическая воля, добрыя намѣренія — этихъ качествъ совершенно лоскаточно для почтенной дѣятельности въ размѣренномъ кругѣ частной жизни, гдѣ все опредѣляется обычными отношеніями и объясняется многочисленными примѣрами. Этими достоинствами обладалъ Кавенъякъ; но ихъ мало государственному человѣку, который постоянно находится въ отношеніяхъ очень многосложныхъ, въ положеніяхъ, нераэрѣшихъ прежними случаями, потому что въ исторіи ничто не повторяется, и каждый моментъ ея имѣеть свои особенные требованія, свои особенные условія, которыхъ

не бывало прежде и не будетъ посль. Безъ достоинствъ, уважаемыхъ обществомъ въ частномъ человѣкѣ, государственный человѣкъ не будетъ полезенъ ролиѣ; но кромѣ ихъ ему нужны еще другія, вышія достоинства. Онъ долженъ вѣрно понимать силы и стремленія каждого изъ элементовъ, движущихъ обществомъ; долженъ понимать, съ какими изъ нихъ онъ можетъ вступать въ союзъ для достижения своихъ добрыхъ цѣлей; долженъ умѣть давать удовлетвореніе законнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ интересовъ общества, какъ потому, что удовлетворенія имъ требуетъ справедливость и общественная польза, такъ и потому, что только опираясь на эти сильнѣйшіе интересы, онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ власть надъ событиями. Безъ того, его дѣятельность истощится на безславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые имъ, возстанутъ противъ него, и результатомъ будутъ только бесплодныя стѣснительныя мѣры, которыя необходимо приводить или къ упадку государственной жизни, или къ паденію правительственной системы, чаще всего къ тому и другому виѣстѣ. Такъ было и съ Кавеньякомъ. Онъ наѣдалъ ошибокъ, которыхъ дорого стоили Франціи и низвергли его собственную власть. Въ немъ не было качествъ, нужныхъ государственному человѣку.

Не говоря теперь о томъ, хороши или дурны были цѣли Кавеньяка, скажемъ только, что имени государственнаго человѣка заслуживаетъ единственно тотъ правитель, который умѣетъ располагать свои дѣйствія сообразно этимъ цѣлямъ; а у Кавеньяка каждое правительственное дѣйствіе противорѣчило его цѣлямъ, служило въ пользу не ему, а его противникамъ. Вся его государственная дѣятельность обратилась только въ пользу Луи Наполеону. Тотъ плохой государственный человѣкъ, кто работаетъ во вредъ себѣ, въ выгоду своимъ противникамъ:

Но отвѣтственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падаетъ на всю ту партію, представителемъ которой онъ былъ, потому что онъ дѣйствовалъ не по личнымъ своимъ разсчетамъ и выгодамъ, а только какъ служитель извѣстнаго образа мыслей, общаго ему со всею партіею «чистыхъ республиканцевъ»; онъ постоянно руководился мнѣніями этой партіи; ошибки его не его личныя ошибки, а заблужденія цѣлой партіи; ини обнаруживается несостоительность для Франціи того образа мыслей, котораго онъ держался. «Чистые республиканцы» забывали, что политическая форма держится только тѣмъ, когда служитъ средствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей; они выражали, что слово «республика» само по себѣ чрезвычайно привлекательно для французской націи; они хлояотали о формѣ, не счи-

тая пужнымъ позаботиться о томъ, чтобы форма принесла съ собою исполненіе желаній французского народа; они мечтали, что народъ, не получая отъ формы никакихъ существенныхъ выгодъ для себя, станетъ защищать форму ради самой формы. И форма упала, неподдерживаемая народомъ.

Съ начала нынѣшняго вѣка, эта ошибка повторялась всѣми партиями, господствовавшими во Франціи. Каждая, увлекаясь своими формальными пристрастіями, воображала, что и нація раздѣляется ея пристрастіе къ извѣстной форме ради самой формы, между тѣмъ, какъ нація съ восторгомъ привѣтствовала новую форму только потому, что ждала отъ нея блага себѣ; каждая система воображала, что нація не можетъ жить безъ нея, и забывала о томъ, каковы были ожиданія націи. Ни отъ одной системы не дождалась Франція исполненія своихъ надеждъ, и какъ только распространялось въ націи мнѣніе, что система не оправдываетъ націядъ, на нее возлагавшихся, система падала. Такъ покинутъ быть сначала Наполеонъ, потомъ покинута Реставрація, потомъ юльская династія, потомъ и республика Кавенъяка и его друзей. Изъ исторіи всѣхъ націй и всѣхъ эпохъ выводится точно такой же результатъ: форма держится, пока есть мнѣніе, что она приноситъ благо; она падаетъ, какъ скорѣг распространяется мнѣніе, что она существуетъ только ради самой себя, не заботясь объ удовлетвореніи сильнѣйшихъ интересовъ общества. Форма падаетъ не сплошь своихъ враговъ, а единственно тогда, когда обнаруживается ея собственная бесплодность для общества.

Исторія диктаторства Кавенъяка очень поучительна, потому что въ ней съ особенною ясностью раскрывается эта истинна. Не силою своихъ враговъ, не стечениемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пало правительство Кавенъяка и чистыхъ республиканцевъ: восторжествовавшій противникъ былъ совершенно бессиленъ самъ по себѣ, всѣ обстоятельства благопріятствовали продолженію власти Кавенъяка уже во всякомъ случаѣ не менѣе, нежели возвышенню Луи Наполеона; единственны ошибки Кавенъяка погубили его.

Правленіе Кавенъяка было, какъ мы сказали, правленіемъ партии чистыхъ или умѣреныхъ республиканцевъ. Оно стало ся предводителемъ конечно, благодаря, отчасти собственнымъ талантамъ; но еще болѣе обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ въ этой партии тому уваженію, которое имѣла она къ его отцу и, особенно, къ его старшему брату.

Отецъ диктатора, Жанъ Батистъ Кавенъякъ, былъ сначала, какъ и многіе другіе политические люди Франціи, адвокатомъ. При началѣ первой революціи, онъ сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ, и былъ выбранъ членомъ Национального Конвента, въ которомъ

поддерживалъ всѣ рѣшительныя мѣры, казавшіяся тогда нужными для борьбы съ вандейцами, эмигрантами и европейскою коалицією. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ важныя порученія при арміи и въ провинціахъ, и, всегда дѣйствуя твердо, не запятнанъ, однако же, себя жестокостями, которыми повредили общему дѣлу нѣкоторые изъ его товарищѣй по убѣжденіямъ. Онъ оставилъ дѣтамъ имя, уважаемое французскими республиканцами, но знаменитость этому имени дали блестательные таланты его старшаго сына, Годфруа, который былъ однимъ годомъ старше втораго брата, впослѣдствіи ставшаго диктаторомъ Франціи.

Годфруа Кавенъякъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ французской республиканской партіи при Луи Филиппѣ, бывъ сперва, подобно отцу, адвокатомъ, и подобно отцу рано оставилъ для политической дѣятельности адвокатуру, которая, при его чрезвычайныхъ талантахъ, обѣщала ему огромныя богатства. Въ юліѣ онъ сражался противъ Бурбоновъ; былъ очень недоволенъ, когда визверженіе Бурбоновъ послужило только къ возвышению Луи Филиппа и одинъ изъ первыхъ началъ возставать противъ новой конституціонной формы. Черезъ гдѣль орлеанское правительство уже предало его суду, какъ президента республиканскаго общества «Amis du Peuple». Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы громко объявить себя республиканцемъ, — рѣшимость, которую имѣли тогда очень немногіе, и которая тѣмъ больше доказывала силу его характера, что пылкая рѣчь въ защиту республики была имъ сказана передъ судомъ, уже за одно это признаніе имѣвшимъ власть осудить его. Заключенный потомъ въ тюрьму, онъ бѣжалъ изъ нея подземнымъ ходомъ, который тайкомъ былъ прорытъ въ его комнату изъсосѣднаго дома. Товарищемъ его по тюрьмѣ и бѣгству былъ, между прочимъ, Арманъ Маррѣ, впослѣдствіи содѣйствовавшій возвышению его брата. Пять лѣтъ Годфруа прожилъ въ Англіи изгнаникомъ. Республиканская партія во Франціи была тогда еще очень слаба, и Луи Филиппъ совершенно неразсчетливо придавалъ ей ожесточеннымъ гоненіямъ важность, которой она безъ тогоне имѣла бы. Общественное мнѣніе, возмущенное излишествомъ этихъ гоненій, вынудило наконецъ амнистию политическимъ преступникамъ. Годфруа Кавенъякъ долго не хотѣлъ ею пользоваться; но крайнєе республиканцы, находившиѳ, что National, до той поры важнѣйшій республиканскій журналъ, недовольно демократиченъ, убѣдили Годфруа возвращаться во Францію, чтобы быть главнымъ редакторомъ рѣшительнѣйшаго демократического журнала, который онъ вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и сталъ издавать подъ именемъ «La R  forme». Отличаясь отъ редакторовъ «Nationalа» болѣе рѣзкостью мнѣ-

ній, Годфруа Кавенъякъ бытъ, однако, и отъничъ признаваемъ главою республиканской прессы во Франціи. Дѣйствительно, послѣ смерти Армана Карреля, она не имѣла столь даровитаго публициста. Изнуренный волненіями политической борьбы, Годфруа умеръ въ 1845 году, за три года до Февральскихъ событий. Надъ могилою его различныя партіи французскихъ республиканцевъ клялись забыть всѣ раздоры, ихъ раздѣлавшіе. Больѣ, нежели кто нибудь другой послѣ Армана Карреля, Годфруа Кавенъякъ способствовалъ распространенію республиканскихъ убѣждений во Франціи при Луи Филиппѣ, до 1845 года. Всѣ отдылы этой партіи чрезвычайно уважали его.

Эженъ Кавенъякъ, младшій его братъ и воспитанникъ по убѣжденіямъ, родился 15 декабря 1802 года. Окончивъ курсъ въ Политехнической школѣ, онъ сдѣлался офицеромъ; при юльскихъ событияхъ онъ первый въ своемъ полку объявилъ себя противъ Бурбоновъ; подобно брату, онъ бытъ недоволенъ тѣмъ, что юльская революція кончилась въ пользу Луи Филиппа, и вообще извѣстенъ бытъ въ арміи, какъ ревностный республиканецъ. Думая поставить его въ затруднительное положеніе, полковникъ однажды предложилъ ему официальный вопросъ, прикажетъ ли онъ своимъ солдатамъ стрѣлять по народу въ случаѣ возстанія противъ Луи Филиппа. Кавенъякъ не колеблясь отвѣчалъ: «Нѣтъ». Правительство не могло оставить безъ наказанія офицера, который прямъ отказывался защищать его, но съ тѣмъ вѣдѣ не отваживалось и предать военному суду молодаго штабсъ-капитана, который уже пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи. Дѣло кончилось тѣмъ, что полковнику сдѣлали выговоръ за неумѣстный вопросъ, а Кавенъяка перевели въ Алжирію. За республиканскій образъ мыслей, и въ особенности за то, что страшный Годфруа Кавенъякъ бытъ его братъ, Эжену Кавенъяку всячески старались не давать хода, по возможности обходили его чинами, не смотря на блестящіе подвиги. Вотъ одинъ примѣръ. Первымъ замѣчательнымъ дѣломъ Кавенъяка бытъ защита Тлемсена въ 1836—1837 годахъ. Оставленный въ этомъ отдаленномъ передовомъ укрѣпленіи съ однимъ батальономъ, безъ запасовъ провіанта и амуниції, опъ цѣлый годъ выдерживалъ блокаду и отбивалъ приступы многочисленныхъ арабскихъ отрядовъ, терпя недостатокъ во всемъ. Продовольствіе доставалось гарнизону только съ битвы. Когда солдаты не могли получать полныхъ порцій, Кавенъякъ самъ бралъ себѣ порціи еще меньше солдатскихъ, своимъ примѣромъ ободряя ихъ терпѣть голодъ. Алжирская армія удивлялась геройской защитѣ форта, но правительство не хотѣло награждать республиканца и его отрядъ; всѣ представлениія алжирскаго главнокомандующаго о наградахъ тлемсенскимъ офицерамъ

были отвергаемы военнымъ министромъ. Наконецъ, нужно же было наградить Кавенъяка, — ему сказали, что онъ получить слѣдующій чинъ; омъ отвѣчалъ, что не прійметъ награды, если не будутъ награждены также всѣ офицеры его отряда. Министерство вынудило эту уступку у министерства.

Не смотря на всѣ затрудненія, дѣлаемыя министрами Луи Филиппа служебной карьерѣ республиканца, бывшаго братомъ ненастному Годфруа, Эженъ Кавенъякъ въ началѣ 1848 года былъ бригаднымъ генераломъ и губернаторомъ Оранской провинціи, потому что равно отличался и военными и административными дарованіями. О благосостояніи своихъ солдатъ онъ чрезвычайно заботился; арабы прозвали его «справедливымъ султаномъ»; въ арміи считался онъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ и едвали не лучшимъ администраторомъ. Еслибъ не опальное его имя и не республиканская мнѣнія, онъ вѣроятно подвинулся бы гораздо быстрѣе въ продолженіе своей 14-лѣтней воинской дѣятельности. Теперь пока онъ оставался не болѣе, какъ однимъ изъ генераловъ, занимавшихъ въ алжирскомъ управлѣніи вторыя мѣста послѣ генераль-губернатора. Въ январѣ 1848 года никто не предполагалъ, чтобы скоро ему пришлось слѣдиться значительнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Но события 24-го февраля 1848 года передали управлѣніе Францію въ руки республиканцевъ и господствующею во Временному Правительствѣ партію была именно та партія, къ которой принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ Эженъ Кавенъякъ,—партія умѣренныхъ или чистыхъ республиканцевъ,—иначе, партія «National'я». Эженъ Кавенъякъ, хотя и чрезвычайно любилъ брата, не былъ такимъ революціонеромъ, какъ Годфруа; онъ былъ, подобно ему, демократомъ, но совсѣмъ не крайнимъ демократомъ. Именно таково было и большинство Временнаго Правительства,—Маррѣ, Мари, Гарнье-Паже, Араго, Кремье, Дюпонъ де л'Оръ. Всѣ они были друзьями Годфруа Кавенъяка, всѣ сохранили очень сильное уваженіе къ нему, хотя онъ иногда и упрекалъ ихъ за то, что они нѣсколько отставали отъ него.

Алжирская армія, въ которой принципы Орлеанскаго Дома имѣли многихъ людей, лично имѣ преданныхъ и вообще пользовались популярностью, внушала Временному Правительству беспокойство въ первые дни нового порядка вещей.

Надобно было отдать команду надъ нею испытанному республиканцу; изъ всѣхъ алжирскихъ генераловъ, ни какого Временное Правительство не могло положиться съ такою увѣренностью, какъ на Кавенъяка, и однимъ изъ первыхъ декретовъ, подписанныхъ новыми

правителями Франції, было назначеніе Кавенъяка генералъ губернаторомъ Алжиріи.

Онъ имѣлъ столько скромности и прямодушія, что самъ понялъ и откровенно высказалъ причину своего быстраго возвышенія въ прокламаціяхъ, обнародованныхъ имъ при вступленіі въ новую должность. «Вы, точно также какъ и я, говорилъ онъ въ прокламаціи къ жителямъ Алжира, знаете, что память о моемъ благородномъ братѣ, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила ихъ вручить мнѣ управление дѣлами Алжиріи». — Тоже самое выражалъ онъ и въ прокламаціи къ жителямъ Орана: «Моимъ назначениемъ правительство хотѣло отъ имени націи почтить память доблестнаго гражданина, моего брата».

Этимъ прямодушнымъ сознаніемъ очень хорошо опредѣляется и личный характеръ Кавенъяка и его справедливое понятіе о степени своихъ достоинствъ. Онъ самъ указываетъ, что далеко не имѣсть генія, какимъ отличался его старшій братъ; что если бы не блескъ, сообщенный его имени дѣятельностью брата, онъ не былъ бы замѣченъ, какъ человѣкъ, котораго надобно вытеснить впередъ; но только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что своими достоинствами оправдаетъ выборъ, которыйъ обязанъ постороннему обстоятельству — увѣренный, что никто не назоветъ его недостойнымъ занятаго имъ мѣста, можетъ такъ прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себѣ, одолженъ онъ своимъ выборомъ заслугамъ другаго.

Вскорѣ представился Кавенъяку другой случай выказать рѣдкую честность своихъ правилъ. Жители Алжира хотѣли выбрать его своимъ представителемъ въ Национальное Собрание. Онъ рѣшительно отказался отъ этой чести, говоря, что его положеніе въ Алжиріи не позволяетъ ему принимать голоса, подаваемые въ его пользу его подчиненными. Онъ хотѣлъ сохранить себя совершенно чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ искаательствѣ, въ честолюбіи, въ желаніи пользоваться данною ему властью для какой либо личной выгоды.

Парижское Временное Правительство давно знало безкорыстіе его характера, его недоступность никакимъ соблазнамъ. Алжирская армія уже доказала, что вовсе не имѣть намѣренія поднимать междуусобныя смуты: она безусловно покорилась правительству, признанному Франціею; Временное Правительство могло оставить Алжирію безъ Кавенъяка, воспользоваться его военными и административными талантами и рѣдкими качествами его характера въ должностіи, еще болѣе важной. Парижскіе работники, оружіемъ которыхъ восторжествовало восстание и въ юль 1830 и въ февраль

1848 года, волновались, не видя исполнения своихъ належдъ отъ новаго правительства, поставленаго ихъ соцѣйствіемъ. Большинство Временнаго Правительства состояло изъ людей, желавшихъ ограничить переворотъ 24 февраля чисто политическими преобразованіями, безъ измѣненій въ гражданскихъ отношеніяхъ между классомъ капиталистовъ съ одной стороны, классомъ живущимъ наемною работою с другой стороны,— эти измѣненія казались невозможными большинству Временнаго Правительства, а между тѣмъ ихъ требовали парижскіе работники, поддерживаемые полнымъ сочувствіемъ своихъ сотоварищѣй по всей Франціи. Для сопротивленія имъ, большинству Временнаго Правительства нужно было имѣть и сильное войско и хорошаго военнаго министра, на котораго могло бы оно положиться. Въ правлениѣ Луи Филиппа, система подкуповъ и фаворитизма разстроила военную администрацію, какъ и всѣ отрасли государственного управления; беспорядки военнаго управлениѣ были таковы, что новое правительство не нашло въ концѣ февраля 20,000 человѣкъ, готовыхъ къ открытію кампаніи въ случаѣ вѣнчайшей войны, хотя армія считала 400,000 солдатъ. Нуженъ былъ хороший администраторъ для поправленія этихъ беспорядковъ. Но потребность въ арміи на случай вѣнчайшей войны была въ глазахъ большинства Временнаго Правительства еще не такою настоятельною нуждою, какъ необходимость приготовиться къ подавленію восстаній въ самомъ Парижѣ. Послѣ 24 февраля, войска, побѣженныя инсургентами, были выведены изъ Парижа, какъ по требованію побѣдителей, опасавшихся реакціи, такъ и для того, чтобы эти войска, нравственно униженныя своимъ пораженіемъ, могли оправиться духомъ вдали отъ улицъ, напоминавшихъ имъ о ихъ разбитіи. Нужно было теперь снова ввести сильный гарнизонъ въ Парижъ, сосредоточить войска въ окрестностяхъ столицы, сдѣлать заготовленія амуниції и т. д. на случаѣ междуусобныхъ смутъ. Это могъ исполнить только такой военный министръ, который вполнѣ разѣялъ бы убѣженія большинства Временнаго Правительства, потому что при малѣйшей нерѣшительности онъ легко могъ быть задержанъ въ своихъ вооруженіяхъ усилениями меньшинства Временнаго Правительства, находившагося въ раздорѣ съ большинствомъ. Кромѣ всего этого, нужно было въ военномъ министрѣ совершенное безкорыстіе, чтобы онъ, имѣя въ своихъ рукахъ фактическую силу, не поддался обольщеніямъ властолюбія, остался вѣрнымъ сановникомъ правительства, а не покушался быть его властелиномъ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Кавенъякъ. Характеръ его представлялъ совершенное ручательство, что онъ не употребить противъ правительства силы, которую ему дадутъ; онъ

быть известенъ, какъ хороший генералъ и отличный администраторъ. Нашлись бы и кромѣ его генералы, обладающіе этими качествами, но было еще условіе, которому никто не соотвѣтствовалъ столько, какъ онъ. Много было генераловъ, съ радостью готовыхъ дѣлаться противъ «черни»; la canaille; но эти генералы были преданы Орлеанскому Дому и враждебны республикѣ; было нѣсколько и республиканскихъ генераловъ,—но почти всѣ они поколебались бы двинуть войска противъ своихъ соотечественниковъ. Кавенякъ былъ несомнѣнныи республиканецъ, но съѣть вмѣстѣ готовъ былъ повести войско противъ гражданъ, сошедшихся принуждать республиканское правительство къ уступкамъ, которыхъ оно не хотѣло дѣлать. Не даромъ, когда жители Алжира выразили желаніе, чтобы въ Алжирѣ военное управлѣніе было замѣнено гражданскимъ, онъ сдѣлалъ имъ строгіе упреки и сказалъ: «Энергія, состоящая въ томъ, чтобы опираться на мнѣніе массъ, не исполняетъ своихъ обязанностей, гнусная энергія, я отвергаю ее. Самый лурой законъ лучше беспорядка». Ему послали назначеніе явиться въ Парижъ, для принятія должности военнаго министра. Онъ сказалъ, что пріѣметъ ее только тогда, если ему позволено будетъ сосредоточить сильную армію около Парижа,—это было еще въ мартѣ, меньшинство Временного Правительства было тѣгда еще довольно сильно; оно воспротивилось этому требованію, соотвѣтствовавшему желаніямъ большинства, и Кавенякъ отказался отъ министерского портфеля. Прошло два мѣсяца; отчасти ошибочные дѣйствія, еще болѣе нерѣшительность и бездѣйственность очень ослабили вліяніе меньшинства во Временномъ Правительствѣ; выборы въ Национальное Собрание, произведенные подъ впечатлѣніемъ этихъ ошибокъ и бездѣйственности, доставили рѣшительный перевѣсь партіи умѣренныхъ республиканцевъ; когда Временное Правительство сложило свою власть передъ Национальнымъ Собраниемъ, Собрание передало ее «Исполнительной Комиссіи» изъ пяти членовъ, между которыми только одинъ не былъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ; они теперь стали полновластными правителями государства. Требованіе Кавеняка сосредоточить сильное войско въ Парижъ, прежде помѣшившее вступленію его въ министерство, теперь было новою рекомендацией для него, и когда онъ, избранный въ Национальное Собрание депутатомъ отъ департамента Ло, прибылъ въ Парижъ, Исполнительная Комиссія тотчасъ же назначила его военнымъ министромъ (17 мая).

Въ Национальномъ собраніи онъ не былъ особенно блестящимъ ораторомъ, но дѣятельность его по управлѣнію министерствомъ соотвѣтствовала надеждамъ, которыя имѣли на него умѣренные рес-

публиканцы. Они неутомимо заботился о томъ, чтобы имѣть на готовъ такія силы, съ которыми можно было бы въ случаѣ возстанія подавить инсургентовъ.

Случай употребить въ дѣло собранныя силы незамедлилъ представиться. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ началъ Кавенъякъ свои приготовленія, восстание вспыхнуло, и вспыхнуло въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какихъ не достигала еще ни одна междуусобная битва въ Парижѣ, вилѣвшемъ такъ много страшныхъ междуусобицъ. Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, легкомысленное бездѣйствіе и разнорѣчащія распоряженія Временнаго Правительства и его наследницы, Исполнительной Комиссіи, раздражали массу, обманываемую въ своихъ надеждахъ, исполненіе которыхъ было ей формально обѣщано. Каковы были эти надежды, разумны или неразумны, все равно; дѣло въ томъ, что ихъ исполненіе было формально обѣщано, дѣло въ томъ, что были формально подтверждены ожиданія,—и когда гиѣвъ овладѣль людьми, не видѣвшими исполненія этимъ ожиданіямъ, когда отчаяніе овладѣло людьми, увидѣвшими, что у нихъ отнимается всякая надежда, удивляться тутъ нечemu. Неудовольствіе массы росло съ каждымъ днемъ, и наконецъ мѣры, принятые Исполнительшою Комиссіею по повелѣнію Національного Собранія для закрытія такъ называемыхъ «Національныхъ Мастерскихъ» (Ateliers Nationaux) произвели взрывъ.

Исторія Національныхъ Мастерскихъ и трагического ихъ окончанія—самый печальный и виѣсть самый нелѣпый эпизодъ въ печальной исторіи столь обильныхъ нелѣпостями событий, послѣдовавшихъ за февральскою революціею. Кого надоин винить за Національныя Мастерскія? — обстоятельства были такъ запутаны, ошибокъ было надѣлано столько всѣми партіями, участвовавшими въ управлѣніи Франціею послѣ 24 февраля, что ни одна изъ партій этихъ не можетъ похвалиться государственнымъ благоразуміемъ въ дѣлѣ Національныхъ Мастерскихъ; какъ увидимъ ниже. Но если отвѣтственность за гибельную нелѣпость должна падать преимущественно на тѣхъ людей, которыми она была придумана, которые завѣдывали ея исполненіемъ, которые не допускали другихъ сдѣлать ничего для ея отстраненія, то отвѣтственность за Національныя Мастерскія прямымъ образомъ падаетъ на партію чистыхъ республиканцевъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Республика была провозглашена во Франціи по настоянію республиканцевъ и работниковъ. Республиканцы шли впереди, но ихъ требованія не имѣли бы никакой силы, если бы не были поддержаны работниками. Но работники увлекались вовсе не тео-

ретическими разсужденіями о качествахъ республиканской формы политического устройства, — они хотѣли существенныхъ измѣнений въ своемъ материальномъ бытѣ, и когда республиканцы, достигшіе власти ихъ силою, показали видъ, что хотѣть ограничиться измѣненіемъ политической формы, работники потребовали отъ нихъ, на другой же и на третій же день послѣ побѣды, принятія мѣръ къ улучшенію материальнаго положенія низшихъ классовъ. Способъ, которымъ работники предполагали улучшить свой бытъ, — учрежденіе промышленныхъ ассоціацій при вспоможеніи правительства, казался республиканцамъ химерою; нелько не сообразностью съ ихъ понятіями о государствѣ казалось имъ и то право, которое во мнѣніи работниковъ служило основаніемъ этому способу,—именно, «право на трудъ» (*droit au travail*),—право каждого, не находящаго себѣ работы у частныхъ промышленниковъ, получать эту работу отъ государства, которое такимъ образомъ обеспечивало бы средства для жизни каждому, желающему трудиться. Здравый смыслъ говорилъ, что если республиканцы не считали возможнымъ удовлетворить этимъ требованіямъ, они должны были рѣшительно отвергнуть ихъ. Но отвергнуть ихъ значило бы въ туже минуту лишиться власти, потому что сами по себѣ, республиканцы были безсилы, и держались только тѣмъ, что опирались на работниковъ. Они рѣшились выпутаться изъ затрудненія обѣщаніями, разсчитывая выиграть время проволочками, надѣясь, что настойчивость работниковъ остынетъ мало по малу, что дѣла какъ нибудь уладятся счастливыми случайностями, что Временное Правительство впослѣдствіи приобрѣтетъ силу воспротивиться работникамъ. Первая уступка состояла въ томъ, что ва другой же ленъ послѣ переворота, Временное правительство издало декретъ (25 февраля), которымъ объявляло, что государство обязывается обеспечивать существованіе работника доставленіемъ ему работы въ случаѣ надобности,—«право на трудъ» было такимъ образомъ формально признано. Черезъ два дня, точно сообразивъ убѣжденія республиканцевъ, работники увидѣли, что не будетъ принято Временнымъ Правительствомъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ исполненію этого обѣщанія, если исполненіе не будетъ предоставлено человѣку, раздѣляющему въ этомъ случаѣ идеи работниковъ—и снова явились (27 февраля), требуя, чтобы для этого дѣла было учреждено особенное «министерство прогресса» и министромъ быть назначенъ Луи Бланъ, глава той соціальной школы, мнѣнія которой господствовали тогда между парижскими работниками. Луи Бланъ былъ однимъ изъ одиннадцати членовъ Временного правительства, но не имѣлъ въ немъ никакой силы, встрѣ-

час безусловное сопротивление со стороны всѣхъ своихъ сотовавшихъ, кромѣ одного Альбера, который самъ принадлежалъ къ классу работниковъ. Поручить Луи Блану министерство прогресса значило дать ему власть, значило облечь правительственною силою именно тѣ идеи, которыя девятерымъ изъ одиннадцати членовъ Временного Правительства казались габельною химерою. Оно не могло согласиться на это; но не могло и совершенно отказать работникамъ; и вотъ, оно придумало, вмѣсто министерства прогресса, учрежденіе «Правительственной Комиссіи» для работниковъ (*Commission du Gouvernement pour les travailleurs*), которая подъ предсѣдательствомъ Луи Блана составляла бы проекты законовъ для предложенія будущему Национальному Собранию. Принявъ это порученіе, Луи Бланъ въ свою очередь слѣдалъ очень важную ошибку. Эта комиссія, не имѣвшая никакой власти, учреждалась только для проволочки, съ цѣлью замѣтъ дѣло; она обманывала работниковъ наружностью безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Нечего уже и говорить о томъ, что не имѣя административной власти, комиссія не могла ничѣмъ облегчить состояніе работниковъ въ настоящемъ; очевидно было, что и составлять проекты законовъ Временное Правительство поручало ей только въ той увѣренности, что они будутъ отвергнуты Национальнымъ Собраниемъ,— да и самъ Луи Бланъ зналъ это. Ясно было также, что во всякомъ случаѣ комиссія вовсе не нужна для составленія законовъ,—ихъ гораздо легче и удобнѣе было бы обрабатывать безъ такой многосложной обстановки, какую должны были имѣть засѣданія комиссіи. Луи Бланъ видѣлъ, что комиссія придумана только для того, чтобы Временному Правительству увернуться отъ требованія работниковъ. Ему слѣдовало отказаться отъ этого обманчиваго порученія. Онъ отказывался и говорилъ, что долженъ выйти изъ Временного Правительства, которое считается его участіе во власти невозможнымъ. Но если бы онъ не согласился остатъ въ Правительствѣ, если бы не принялъ порученія, работники въ тотъ же часъ поняли бы, что имъ нечего ждать отъ Временного Правительства, они возстали бы противъ него, произошли бы новыя смуты, быть можетъ новое междоусобіе. Это было представлено Луи Блану его товарищами,— и онъ согласился принять порученіе, которое одно могло спасти правительство отъ разрыва съ работниками. Эту уступку съ его стороны можно приписывать слабости его характера, если думать, что онъ, подобно республиканцамъ, по убѣжденію не отвращался междоусобій. Но его образъ мыслей былъ таковъ, что наслідіе на въ какомъ случаѣ не можетъ вести ни къ чему хорошему, что все въ мірѣ лучше, нежели быть

виновникою смутъ,—и потому очень можетъ быть, что онъ уклонился отъ разрыва не по недостатку характера, а напротивъ, по твердому убѣжденію въ томъ, что лучше отказаться отъ успѣха, нежели достичь его путемъ насилия. Въ самомъ дѣлѣ, Луи Блану тогда нечего было бояться разрыва: въ случаѣ борьбы, побѣда несомнѣнно оставалась бы на сторонѣ работниковъ, желавшихъ отдать власть въ его руки.

Но каковы бы ни были побужденія, заставившія Луи Блана сдѣлать уступку, онъ уступилъ. Для комиссіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, былъ отведенъ Люксамбургскій Дворецъ, въ которомъ двѣ недѣли тому назадъ засѣдала Палата Перовъ. Для участія въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ, касающихся быта работниковъ, были избраны работниками всѣхъ промысловъ двѣсті пятьдесятъ депутатовъ. Но составлять проекты законовъ, которые не имѣли вѣроятности пройти черезъ Национальное Собрание, было бесполезно, и комиссія скорѣе имѣла характеръ государственной аудиторії, въ которой Луи Бланъ излагалъ свою систему, нежели Законодательного Комитета. Главною цѣлью рѣчей Луи Блана было внушить собравшимся около него депутатамъ работниковъ, что насилиемъ они ничего не выиграютъ, и должны надѣяться только на мирныя средства для улучшенія своей участіи; что путь убѣженія и законныхъ выборовъ—единственный вѣрный путь для исполненія ихъ желаній. Пока продолжались Люксамбургскій конференціи, онъ болѣе нежели что нибудь другое удерживалъ работниковъ отъ насильственныхъ дѣйствій. Но съ другой стороны, онъ составляли для работниковъ самое торжественное свидѣтельство обѣщаній правительства позаботиться объ ихъ участіи. Мало того: работники необходимо приходили черезъ нихъ къ мысли, что законы и распоряженія, касающіяся положенія рабочаго класса, могутъ составляться не иначе, какъ по совѣщавію съ этимъ классомъ, съ его одобренія, при его участіи. Легко понять, какое впечатлѣніе послѣ такихъ идей долженъ былъ произвести на нихъ тотъ фактъ, когда потомъ вдругъ имъ объявили, что ни одна изъ ихъ наложѣній не можетъ быть исполнена, что они требуютъ нелѣпости, желая, чтобы правительство заботилось о рабочихъ хотя на половину того, какъ заботится о фабрикантахъ, и что они должны безпрекословно повиноваться всему, что имъ приказываютъ, оставляя ихъ, между прочимъ, безъ средствъ жизни.

Въ то время, какъ на Люксамбургскихъ конференціяхъ работники провокались высокими мыслями о пріобрѣтенномъ ими участіи въ рѣшеніи вопросовъ касающихся ихъ быта, и безпрестанно вспоминали декреты Временнаго Правительства, обѣщавшаго до-

ставление работы отъ государства тѣмъ рабочимъ, которые остаются безъ работы у частныхъ промышленниковъ, уже оказались естественные слѣдствія всякаго государственного кризиса: торговыя дѣла приостановились, произошло многое банкротство, и оттого частные промышленники должны были сократить работу на своихъ фабрикахъ, а нѣкоторые даже вовсе закрыть ихъ. Произойти это должно было неизбѣжно: всегда и вездѣ за каждымъ государственнымъ кризисомъ слѣдуетъ промышленный. И въ Англіи, при гораздо менѣшихъ усиїахъ къ преобразованіямъ гораздо меньшимъ, бываетъ тоже: и парламентская реформа, и отмененіе хлѣбныхъ законовъ соединены были съ промышленными кризисами. Тоже было во Франціи и при началѣ Реставраціи, и послѣ юльского переворота, и послѣ декабрьского переворота. Но если при этихъ послѣднихъ кризисахъ французское правительство могло оставлять на волю судьбы работниковъ, лишавшихся работы вслѣдствіе промышленного кризиса, нельзѧ было этого сдѣлать теперь: декреть, признавшій право на трудъ, бытъ еще у всѣхъ въ рукахъ; работникамъ еще принадлежало фактическое владычество въ Парижѣ, еще не имѣвшемъ гарнизона послѣ февральскихъ событий. Нельзѧ было не позаботиться о тѣхъ работникахъ, которые остались безъ хлѣба. Временное Правительство никакъ не хотѣло приступить въ самомъ дѣлѣ къ обѣщаннымъ преобразованіямъ экономического быта; а все таки необходимо было сдѣлать то, что должно было, по мнѣнію самыхъ работниковъ, быть только уже результатомъ этихъ преобразованій, — пришлось дать работу отъ правительства работникамъ, оставшимся безъ занятія на частныхъ фабрикахъ. Временное Правительство сдѣлало это такъ, какъ дѣлается все, дѣлаемое противъ желанія и убѣжденія, безъ знанія и обдуманности, — слѣжало такъ, что вышла совершенно нелѣпая путаница. Оно поручило одному изъ своихъ членовъ, привадлежащему къ чисто республиканскому большинству и бывшему министромъ публичныхъ работъ, Мари, учредить «Національныя Мастерскія» для работниковъ, оставшихся безъ занятія. Имя «Національныя Мастерскія» было заимствовано изъ системы Луи Бланна, и потому люди, не знаящіе о самомъ фактѣ ничего, кроме его имени, утверждали потомъ, что «Національныя Мастерскія» произошли отъ него или его идей. Напротивъ, онѣ были учреждены его непримиримыми противниками, управляемы людьми, нарочно избранными для того за личную вражду противъ него, устроены были совершенно наперекоръ его початіямъ и при всей обременительности своей для государства, при всей гибельности для частной промышленности, долго были пріятны Временному Правительству, искашему въ нихъ опоры противъ Луи

Блан. Человѣкъ тѣхъ оснований, на которыхъ онъ былъ созданы, невозможно ничего и придумать.

Надобно давать средства для жизни работникамъ (такъ разсчитывало Временное Правительство) — не потому, чтобы это было хорошо, напротивъ, это очень дурно; но чтожь дѣлать, безъ этого произойдетъ восстание. Они говорятъ, что хотятъ работать; но если имъ латъ занятіе ихъ обыкновенно работою, это будетъ подрывомъ частной промышленности. Поэтому нельзѧ ткачамъ давать ткать матеріи, столярамъ дѣлать мебель: нужно дать имъ занятіе, которое не входило бы въ соперничество съ частною промышленностью.

На этихъ соображеніяхъ были устроены Национальныя Мастерскія». Единственная работа, которая не подрывала бы частной промышленности, состояла, по мнѣнію умѣренныхъ республиканцевъ, въ томъ, чтобы копать землю, — и всѣхъ этихъ людей: ювелировъ, фортепьянщиковъ, слесарей, портныхъ, ткачей, гравёровъ, наборщиковъ и т. д. обратили въ землемѣровъ.

Копать землю — это прекрасно; но гдѣ взять землю, которую нужно копать? Въ Парижѣ произошли различные земляные работы, особенно по постройкѣ дорогъ, мостовъ, укреплений. Еще больше земляныхъ работъ предлагалось совершить современемъ. Казалось, по чому бы не обратить людей «Национальныхъ Мастерскихъ» на эти действительно нужные работы, если ужъ они непремѣнно должны копать землю? Администрація Мастерскихъ обратилась къ инженерному вѣдомству, управлявшему всѣми земляными работами въ Парижѣ, — тутъ произошла вещь невѣроятно милая: инженерное вѣдомство постоянно было враждѣ съ министерствомъ публичныхъ работъ; — бюрократическаяссора не постыдилась проявиться и тутъ, когда дѣло было такъ важно для государства: инженеры отвѣчали, что у нихъ нетъ никакихъ работъ для администраціи Национальныхъ Мастерскихъ. Что оставалось дѣлать Марі? Вместо того, чтобы призвать на помощь всю силу правительства для усмирѣнія нелѣпой вражды инженеровъ, она началъ придумывать самъ отъ себя работы, — нужныхъ работъ не придумало его министерство никакихъ, и Национальныя Мастерскія были заняты совершенно пустымъ пересыпанiemъ земли съ одного мѣста на другое, потомъ опять съ этого втораго на первое, — такъ, единственно для препрвожденія времени. Это опять невѣроятно, — но действительно было такъ. Рабочіе Национальныхъ Мастерскихъ сначала вырыли рвы и насыпали террасы на Марсовомъ полѣ, потомъ срыли опять террасы и засыпали рвы, потомъ снова принялись рыть тѣже рвы и насыпать террасы, и т. д.; подобными же упражненіями занима-

лись они и на всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Парижа, гдѣ толькобы можно потѣшаться лопатами и заступами.

За это совершеннейшее осуществленіе нашей поговорки о пересыпаніи изъ пустаго въ порожнее слѣдовало имъ получать плату отъ правительства. Такимъ образомъ умѣренныя республиканцы удивительно разрѣшили задачу: содержать рабочихъ и заставлять ихъ трудиться, но такъ, чтобы ихъ трулъ небылъ соперничествомъ частной промышленности.

И сами рабочіе, и администраторы Национальныхъ Мастерскихъ очень хорошо чувствовали, что ихъ занятіе—нелѣпая пародія труда. Не глупо ли токарю или каретнику копать землю? —заставлять его дѣлать это, значитъ просто заставлять его бездѣльничать. Да и вообще, заставлять человѣка дѣлать дѣло, совершенно ни для чего не нужно, только затѣмъ, чтобы потомъ онъ могъ заняться раздѣльваніемъ сдѣланнаго — опять таки нелѣпость, которой долженъ совѣститься и работникъ и наизиратель. Поэтому очень скоро паизиратели бросили требовать отъ рабочихъ труда; рабочимъ стало омерзительна пошлия возня съ лопатами. Но общему согласію тѣхъ и другихъ установилось, что весь процессъ «рабочаго дня» состоить лишь въ томъ, чтобы явиться на мѣсто работы, какъ нибудь провѣсть на этомъ мѣстѣ назначенные часы, и отправиться назадъ по окончанію ихъ, получивъ квитанцію за свое присутствіе въ назначномъ мѣстѣ. Оно дѣйствительно такъ и слѣдовало по самой мысли учредителей.

Не одни люди рабочаго класса, но и люди всякаго званія предпочтутъ пользоваться деньгами за даромъ, если открывается возможность получать за даромъ столько же денегъ, сколько и за тяжелый трудъ. Когда въ Национальныхъ Мастерскихъ стало нужно только прогуляться отъ сборнаго мѣста до какой нибудь площади по утру, и вечеромъ прогуляться съ этой площади назадъ до сборнаго мѣста, чтобы выдана была квитанція за такъ называемый «рабочій день», а потомъ за эту квитавцію выдана была плата не менѣе той, какая давалась на фабрикахъ, — когда такимъ образомъ открыты были синекуры для работниковъ, само собою разумѣется, что работники стали покидать частныя фабрики для Национальныхъ Мастерскихъ. И безъ того, вслѣдствіе нерѣшительныхъ, двусмысличныхъ дѣйствій Временного Правительства, Парижъ волновался страхами всевозможныхъ родовъ; кредитъ падалъ, фабрики закрывались все больше и больше; а тутъ, привлекаемые даровыми жалованьемъ въ Национальныхъ Мастерскихъ, многие работники уходили и съ такихъ фабрікъ, которыхъ могли бы выдержать промышленный кризисъ. И вотъ, по обыкновенію, одно бѣдствіе пора-

ждало другое, и само потомъ увеличилось отъ его вліянія. Політическій кризисъ привелъ къ промышленному; промышленный кризисъ окончательно сбилъ съ толку Временное Правительство, и безъ того не слишкомъ мудрое; потерявшіе голову правители въ торопливомъ смущеніи основали широкое дѣло Национальныхъ Мастерскихъ для облегченія зла, но основали въ такомъ нелѣпомъ видѣ, что отъ нихъ зло могло лишь увеличиваться; вслѣдствіе превратныхъ мѣръ правительства кризисъ возрасталъ, и число людей въ Национальныхъ Мастерскихъ увеличивалось съ страшною быстротою: одни шли туда потому, что не имѣли работы на фабрикахъ, другіе своимъ уходомъ принуждали закрывать фабрики и тѣмъ увлекали въ Национальные Мастерскія новые толпы людей, лишавшихся работы. Въ началѣ марта, Национальные Мастерскія имѣли 20,000 работниковъ, дѣйствительно не находившихъ занятія на частныхъ фабрикахъ; въ срединѣ іюня, Национальные Мастерскія считали уже болѣе 150,000 работниковъ, изъ которыхъ не сколько десятковъ тысячъ сами бросили фабрики и тѣмъ лишили работы можетъ быть сотню тысячъ людей, вовсе не желавшихъ быть тунеядцами, но не видѣвшихъ себѣ другаго спасенія, кромѣ Национальныхъ Мастерскихъ.

Расходъ государства на ихъ содержаніе былъ громаденъ: каждый мѣсяцъ Национальные Мастерскія поглощали вѣсколько миллионовъ, а работы совершаються ими очень мало; да и та не приносила пользы ни на грошъ, потому что тратилась на предметы вовсе не нужные. Мало того, что расходы эти составляли въ настоящемъ страшную тягость для казны: въ будущемъ они угрожали еще большою разорительностью, потому что число людей въ Национальныхъ мастерскихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Всѣ партіи съ одинаковымъ беспокойствомъ смотрѣли на эту колоссальную нелѣпость.

Всѣ партіи, сказали мы, — это выраженіе не совсѣмъ точно: представители партій умѣреныхъ республиканцевъ во Временномъ Правительствѣ, наровнѣ со всѣми жалѣя о страшной растратѣ денегъ на Национальные Мастерскія, находили въ этомъ своемъ тупоумномъ порожденіи одну сторону, которая утѣшала ихъ за всѣ расходы. Национальные Мастерскія находились въ завѣдываніи министерства публичныхъ работъ, а министерствомъ этимъ управляли вѣрнѣшіе люди умѣренно-республиканской партіи, сначала Мари, потомъ Трелѣ. Администраторы мастерскихъ всѣ принадлежали къ той же партіи: Мари, который назначилъ этихъ агентовъ, былъ очень осмотрителенъ въ ихъ выборѣ. Особенно могла умѣренно республиканская партія положиться на главнаго администратора мастерскихъ, — то былъ Эмиль Тома, чистѣйший умѣренный

республиканецъ, по убѣжденію смертельный врагъ всѣхъ крайнихъ партій, особенно соціалистовъ, сверхъ того личный врагъ Луи Блава, который былъ тогда сильнѣйшимъ изъ предводителей соціалистовъ. Благородный и чрезвычайно гуманный, Эмиль Тома пользовался безграничною любовью людей, находившихся подъ его управлениемъ; онъ былъ очень обходителенъ съ работниками своими, заботливо вникалъ въ ихъ нужды, старался во всемъ помочь имъ на сколько отъ него зависѣло, занимался своими трудными обязанностями съ ревностью, доходившею до самоотверженія; его кроткій характеръ, его ласковая рѣчь, его обязательность привлекали къ нему толпы, находившіяся подъ его начальствомъ. Умѣренные республиканцы могли навѣрное разсчитывать, что его работники пойдутъ за нимъ, куда бы онъ ни повелъ ихъ.

Это служило имъ источникомъ великой отрады. Въ Национальныхъ Мастерскихъ умѣренные республиканцы видѣли сильнѣйшую свою опору противъ соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники—депутаты Люксамбургскихъ конференцій, имѣвшіе громадное влияніе на всѣхъ другихъ людей своего класса въ Парижѣ, были отвергаемы, осмѣиваемы, преслѣдуемы работниками Национальныхъ Мастерскихъ; многіе изъ этихъ депутатовъ были принуждены удаляться изъ мастерскихъ. Словомъ, между Люксамбургомъ и Национальными Мастерскими не было и не могло быть ничего общаго. Возстаніе соціалистовъ грезилось умѣреннымъ республиканцамъ каждую ночь, каждый день, — но они съ иѣкоторою самоувѣренностью твердили себѣ: у насъ есть противъ такого возстанія громадная армія.

Въ самомъ дѣлѣ, Национальныя Мастерскія съ тѣмъ и были устроены, чтобы служить армію противъ соціалистовъ. Сообразно такому назначению, эти Мастерскія были организованы по военной системѣ: каждыми десятю работниками начальствовалъ десятникъ (rÃ©gieur); пятьдесятковъ составляли взводъ (brigade) съ капорадомъ (brigadier); иѣсколько бригадъ соединялось подъ начальствомъ пуручика (lieutenant) и т. д.; у бригадъ и отрядовъ, изъ нихъ составлявшихся, были свои знамена; къ сборному мѣсту шли работники изъ своихъ жилищъ военнымъ строемъ, съ знаменами; еще церемоніальне были ихъ марши отъ сборнаго мѣста до иѣста (такъ называемыхъ) работы и обратно; отъ сборнаго мѣста по домамъ они также расходились военнымъ порядкомъ. Само собой разумѣется, эти марши, знамена, это мелочное распределеніе по чинонаачальству и проч. было бы совершенно неумѣство, если бы Национальныя Мастерскія устраивались только для прокормленія людей, не находящихъ себѣ работы; но они назначались также доставлять

защитниковъ умѣренныи республиканцамъ, и этому назначенню совершенно соотвѣтствовала ихъ военная организація.

Но въ срединѣ іюня, умѣренные республиканцы чувствовали себя уже столь сильными, что могли обойтись безъ помощи этихъ союзниковъ. Робость, овладѣвшая среднимъ и высшимъ классами послѣ февральскихъ событій, мало по малу разсѣявалась, когда они увидѣли, что нижній классъ въ массѣ ожидаетъ улучшеннія своей участіи отъ закона, не прибѣгающій къ насилию; что предводители этого класса, крайніе республиканцы и соціалисты, не захватываютъ силою диктатуру въ свои руки, а ожидаютъ достичь торжества путемъ порядка и законности. Этому спокойствію предводителей крайнихъ партій было много причинъ: уваженіе къ національной волѣ, выраженіе которой они видѣли въ установленномъ тогда Suffrage universel; надежда, что результатъ этого всеобщаго права участвовать въ выборахъ будетъ благопріятелемъ людямъ, которые считали себя защитниками интересовъ массы; неувѣренность въ томъ, что городскіе пролетаріи будутъ поддержаны поселенцами, Парижъ будетъ поддержанъ провинціями, если фабричные работники въ Парижѣ вздумаютъ возстать противъ буржуазіи; несогласія между различными школами и главными людьми этихъ школъ. Мы не можемъ рѣшить, какое изъ этихъ соображеній и затрудненій имѣло болѣе силы; противники говорятъ, что эти люди удерживались опасеніемъ восстановить противъ себя всю Францію присвоеніемъ власти; сами они говорятъ, что только добровольное отвращеніе отъ насилий руководило ихъ дѣйствіями; какъ бы то ни было, но они не прибѣгли къ насилийнымъ мѣрамъ, которыхъ ожидали отъ нихъ противники, — мало того, они всѣ свои усилия направляли къ удержанію массы отъ всякаго насилия. За это противники сочли ихъ людьми, неумѣющими извлѣкать выгоду изъ обстоятельствъ, людьми неспособными къ практической дѣятельности; дѣйствительно, они безъ всякихъ попытокъ присвоить себѣ власть дали пройти тѣмъ днямъ или нѣдѣлямъ, когда могли быть страшны своимъ противникамъ, и противники ободрились. Нѣкоторыя слабыя движения, возбужденныя интриганами въ родѣ Бланки, увлекшими всѣдѣ за собою опрометчивыхъ фанатиковъ въ родѣ Барбе и Гюбера, послужили, однако же, поводомъ выставить честолюбцами, опасными для общественнаго спокойствія, и тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ старались предотвратить эти волненія. Нѣкоторыя ошибочныя мѣры, принятые Временнымъ Правительствомъ противъ ихъ совѣта, были приписаны ихъ теоріямъ или желаніямъ. Такимъ образомъ, предводители крайнихъ партій были осуждаемы, и за волненіе 15 мая, ко-

гда клубы вторгнулись въ Национальное Собрание и хотѣли разогнать его, и за взысканіе земельного налога, декретированное умѣренными республиканцами, и за учрежденіе Национальныхъ Мастерскихъ, происшедшее также вопреки ихъ мнѣніяхъ и вѣ всѣаго ихъ участія.

Такія обвиненія противорѣчили фактамъ, но факты тогда еще не были извѣстны въ истинномъ своемъ видѣ, — напротивъ, они доходили до всеобщаго сѣдѣнія искаженными или преувеличенными. Эти ложные слухи много содѣствовали упадку меньшинства Временнаго Правительства и укрепленію власти большинства, состоявшаго изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Но всего болѣе, конечно, произошло это просто вслѣдствіе естественного закона, по которому за напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, по которому стремительный порывъ массы быстро сминается обычною для нихъ времотою, по которому люди неопытные беспечно успокаиваются послѣ первого, обманчиваго успѣха. Масса, на сочувствіи которой основывалась сила крайнихъ партій, уже воображала себя совершенною побѣдительшицею, она воображала, что противники, извергнутые въ февраль, уже безсильны; что умѣренные республиканцы, союзники массы въ февраль, будутъ исполнять ея желанія, потому что сдѣлали на словахъ нѣсколько уступокъ этими желаніямъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, умѣренные республиканцы решительно восторжествовали на выборахъ въ Национальное Собрание; крайняя партія, и прежде имѣвшія мало вліянія на управление дѣлами, совершенно лишилась его, когда съ открытиемъ Национального Собрания Временное Правительство сложило съ себя власть, и она была передана Исполнительной Комиссіи, въ которой уже исключительно господствовали умѣренные республиканцы.

Теперь эта партія, до сихъ поръ стѣснявшаяся въ своихъ дѣятствіяхъ противорѣчіемъ меньшинства Временнаго Правительства, могла безпрепятственно принимать мѣры, казавшіяся ей нужными. Первою изъ этихъ мѣръ было призваніе сильныхъ отрядовъ войска въ Парижъ и его окрестности. Крайняя партія опиралась на парижскихъ работниковъ, — умѣренные республиканцы старались, какъ мы видѣли, подчинить этотъ классъ своему вліянію; но все таки, они имѣли другихъ предводителей, его желанія были въ сущности несогласны съ желаніями умѣренныхъ республиканцевъ, его требования казались имъ гибельными для общества химерами; работники внушали сильное спасеніе умѣреннымъ республиканцамъ. Для

обузданія этихъ многочисленныхъ недовольныхъ, необходимо было войско.

Когда сильное войско было сосредоточено въ Парижѣ и его окрестностяхъ, умѣреные республиканцы гораздо прыже, нежели прежде, начали говорить, что преобразованія, которыхъ желаютъ работники, неизѣны, и правительство не можетъ исполнить ихъ. Разочарованіе овладѣло умами и тѣхъ изъ работниковъ, которые, до сихъ поръ, сохраняли надежду на то, что Национальное Собрание постановитъ законы, измѣняющіе материальное положеніе рабочаго класса. Предводители крайнихъ партій, по прежнему, убѣждали массу не прибегать къ насилию, ожидать исполненія своихъ желаній отъ употребленія средствъ, которыя давались къ тому законнымъ правомъ участвовать въ выборахъ. Судя по всему, эти увѣщанія и собственное благородство удержали бы наилѣпшій классъ отъ смутъ, еслибы правительство не приступило къ уничтоженію Национальныхъ Мастерскихъ способомъ столь же неблагороднымъ, какъ неблагороденъ былъ способъ ихъ учрежденія.

Правительство, теперь твердо, опиралось на армию. Ему уже можно было обойтись безъ союза съ защитниками ненадежными,— надобность, для которой до сихъ поръ содержались Национальные Мастерскія, прекратилась. Рѣшено было закрыть ихъ. Работники ихъ будутъ недовольны? Это не важность: при многочисленной арміи, они не посмѣютъ противиться.

И вотъ, для закрытия Национальныхъ Мастерскихъ, приняты были быстрыя мѣры, — мѣры, въ которыхъ самонадѣянное легко-мыслие страныю образомъ смыкалось съ трусливою торопливостью, грубая жестокость съ изворотливымъ коварствомъ.

Самый недальновидный человѣкъ могъ бы, повидимому, понять, что опасно варугъ отнимать содержаніе у массы въ 150,000 человѣкъ, организованной подобно войску, не предоставивъ этимъ людямъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію; но умѣреные республиканцы успокаивались надеждою на силу собранной ими арміи, и, безъ всякихъ церемоній, варугъ объявили, что Национальные Мастерскія уничтожаются, потому что государство не можетъ содержать за свой счетъ огромную толпу тунеядцевъ.

Прекрасно; но въ какомъ положеніи видѣли теперь себя эти 150,000 людей, которыхъ до сихъ поръ кормило правительство? Фабрики были закрыты; промышленный кризисъ продолжался, и не было даже надежды, что онъ скоро прекратится. Благородство требовало бы отъ правительства, чтобы оно помогло фабрикамъ возобновить работу и распускало людей изъ Национальныхъ Мастерскихъ только по мѣрѣ того, какъ они могли бы заходить себѣ за-

иятіе въ частной промышленности. Это не было сдѣлано. Занятій не могли они найти себѣ никакихъ. Они оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они могли только умирать съ голову на улицахъ Парижа.

Неужели этого не предвидѣло правительство? Нѣтъ, предвидѣло, и потому принялъ съѣдующія мѣры: молодымъ и здоровымъ людямъ предложило оно поступать въ солдаты, а тѣхъ, которые неспособны сдѣлаться хорошими солдатами, оно приказало разводить изъ Парижа по провинціальнымъ городамъ.

Легко было предугадать, какой видъ получать въ глазахъ работниковъ эти мѣры, которыхъ начали приводиться въ исполненіе безъ излишнаго вниманія къ желанию или не желанію воспользоваться ими со стороны работниковъ. «Насъ насильно, противозаконно бѣрутъ въ солдаты,—насъ насильно развозятъ по разнымъ городамъ, въ которыхъ также закрыты фабрики, въ которыхъ также нѣть намъ работы, въ которыхъ также останется намъ только умирать съ голову, какъ и въ Парижъ» — иначе не могли думать несчастные. — «Насъ развозятъ затѣмъ, что въ соединеніи мы сильны, раздѣливъ насть, они легче управляются съ нами, какъ хотятъ».

Ясно было, что Эмиль Тома, при своемъ гуманномъ характерѣ, при своей заботливости объ участіи людей, которыми управлялъ, не согласится быть исполнителемъ такихъ мѣръ. Онъ говорилъ, что нельзя такъ круто повернуть этого дѣла, что надобно приготовить занятіе распускаемымъ работникамъ, сокращать Национальныя Мастерскія только по мѣрѣ пробужденія дѣятельности на частныхъ фабрикахъ, и т. п. И вотъ придумали новую мѣру, чтобы избавиться отъ него. Его призвали къ министру публичныхъ работъ (министръ былъ тогда Трелѣ; Мари, прежній министръ, былъ членомъ Исполнительной Комиссіи, руководившей дѣйствіями министровъ).—министръ сказалъ ему, что для закрытія Национальныхъ Мастерскихъ нуженъ администраторъ съ характеромъ болѣе твердымъ, что если работники узнаютъ объ его отрѣшеніи, они могутъ воспротивиться, собраться вокругъ прежнаго любимаго начальника, надѣлать беспорядковъ. «Потому немедленно отправляйтесь изъ Парижа, такъ чтобы этого никто не зналъ, оставайтесь въ провинціи, куда я посыпаю васъ, пока здѣсь все будетъ кончено. Тогда я возвращу васъ въ Парижъ». Эмиль Тома доказывалъ, что его внезапное удаленіе встревожитъ работниковъ, усилитъ ихъ подозрѣнія, — напрасно. Онъ сказалъ, что по совѣсти не можетъ покиноваться, зная, что его удаленіе изъ Парижа будетъ имѣть гибельныя слѣдствія. Тогда министръ объявилъ, что принужденъ выслать его изъ Парижа насильно, — призвалъ чиновниковъ, кото-

рымъ поручилъ взять его подъ стражу и немедленно уѣхагъ съ нимъ изъ Шарика. Это было исполнено въ ту же минуту, и, для лучшаго сохраненія тайны, даже семейству Эмиля Тома не было сказано, куда онъ исчезъ.

Слѣдствіе было совершенно таково, какъ предсказывалъ онъ.

Любимый начальникъ, которому вѣрили, внезапно исчезъ—онъ пошелъ къ министру, и не возвращался болѣе. «Онъ брошенъ въ тюрьму, говорили одинъ работники,—онъ убитъ министромъ, говорили другіе. Это потому что онъ не хотѣлъ выдать насть, — что же хотѣть сдѣлать съ нами? — какъ что, развѣ это не видно? Насть пошлиютъ въ Алжирію, гдѣ мы погибнемъ отъ климата и отъ кабиловъ; кого не пошилютъ въ Алжирію, кого не берутъ въ солдаты, тѣхъ насильно отвозятъ Богъ знаетъ куда, развозятъ по провинціямъ, чтобы легче было поодинакѣ замѣтить намъ рогъ, подавить насть; насть бросаютъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, — мы не найдемъ работы ни здѣсь, ни въ провинціяхъ — работъ нѣтъ нигдѣ. Мы обречены погибнуть отъ голода. Погибнуть отъ голода! А давно ли даны намъ обѣщанія, что каждый, не находящій работы въ частной промышленности, получитъ работу отъ правительства? Исполняя этотъ декретъ, правительство содержало насть, пока не имѣло войскъ, — теперь оно имѣть войска, и хотеть поступить съ нами такъ же, какъ поступалъ Гизо. Предатели, они хотятъ, чтобы мы погибали.»

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Комиссія и Национальное Собрание въ іюнѣ не хотѣли губить работниковъ для собственного удовольствія, то надобно было умѣренными республиканцамъ признаться, что ихъ управление сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Национальнаго Собрания, — надежды были пробуждены, официально признаны справедливыми, — и вдругъ правительство совершенно отрекается всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхыхъ.

Сто-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію, — начальникъ, котораго они любили, коварно отнять у нихъ — ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа, — имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи, — неужели они отпадутся на жертву безъ сопротивленія?

Ошибки правительства привели къ немѣдленной междусобойной войнѣ,

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Национального Собрания закрыть Национальную Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Гома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсыпанія по провинціямъ (22 июня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Комиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Марш, принялъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно — безусловно покинуться.

На слѣдующее утро (23 июня) вспыхнуло восстание. Цѣлый день оно усиливалось, и вечеромъ Национальное Собрание передало исполнительную власть Кавенъяку, который, какъ военный министръ, съ самого начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ рассказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшаго междуусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ покажется, что наше объясненіе неполно, что мы опустили изъ виду влияніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій; дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ юньскихъ событияхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной комиссіи, назначеннай по этому дѣлу, Кентеномъ Башаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ненависти, давно отвергнутъ общественными мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проницательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые суды на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная комиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ юньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смуты, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до юньскихъ дней, выставила Луи Блану, на которого сваливали также учрежденіе Национальныхъ Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссицье, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Национального Собрания), а представители могли быть подвергаемы судебному представованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собрания. Правительство потребовало этого разрѣшенія, — Собранию было предло-

жень вопросъ : находить ли оно достаточные поводы подозревать участіе Луи Блана въ майскихъ и юнісскихъ событіяхъ и находить ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: « да. » Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, быть, между прочимъ, и Бастіа, известный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ учений, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партия, къ-которой принадлежала Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана , — но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре :

« Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи , такъ тяжело беспокоившее и Собрание и Францію. Собрание дало согласіе на судебнное преслѣдованіе Луи Блана и Коссильера за участіе въ преступленіи 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивится, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаютъ такъ, илиначе, голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣщали мнѣ исполнить это; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимостью ; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что учение Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣженъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое-нибудь убѣжденіе, по необходимости считается гибельною противн.е убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочными, но и опасными. По этому принципу, нашъ всѣмъ пришлось бы перепрѣзать другъ друга.

« Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и восстania? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена , свобода отнята у журналистовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ полити-

ческимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій? — это дѣло, которому я не могу сопрѣстиваться, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

« Я не осуждаю Кавенъяка за то, что онъ на время отмѣнилъ действие всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправливается все, — спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищъ были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло можетъ только посеять между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраниі, но и въ цѣлой Франції; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи выѣзжихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе, — при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы по заботиться о благѣ страшы; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищъ и что я не обязанъ выдавать ихъ.

« Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлялось гибельнымъ для республики!

« Если ты вайдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты.»

Черезъ вѣсомъкъ дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

« Говорить, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ которого былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гиѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требование судебнаго преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть, страхъ могъ заставлять кланѣть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ власиліе, армія, національная гвардія, большинство Национальнаго Собрания, влечение обстоятельствъ, правительство.

« Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трелѣ? Въ показаніи говорится: « Я былъ въ

Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Бланна, не слышалъ, чтобы онъ бывалъ тамъ; но въ жестахъ, въ физиономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ следы того, что онъ былъ тамъ». Высказывалась ли когданибудь политическая иешавшеть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственного акта составлены въ такомъ духѣ!

«Словомъ сказать, по совѣсти.... я не думаю, чтобы Луи Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и юньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія.»

Свидѣтельство Бастиа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіемъ чистыхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до юна; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Национальныя Мастерскія, закрытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междуусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ которого было междуусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многие клубы действовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; паконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междуусобіи юньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го юна ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возмутятся за оружіе.

Именно, отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ беспокойства во Франціи, юньское междуусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междуусобій; въ этомъ отсутствіи сбыковицьыхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами юньскихъ дней, и ужаса, произведенаго этою рѣзнею. Массы шли на битву безъ всякихъ производителей; ни одного сколько нибудь извѣстного человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они? — это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодающей смерти, открывшуюся передъ ними

То не были ни коммунисты, ни социалисты, ни красные республиканцы, — эти партии не участвовали въ битвахъ юньскихъ дней; чего хотѣли они? — улучшениѣ своей участіи; но какими средствами могло бытъ улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самыи инсургентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались имъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если небыли даже коммунистами? Отчаяніе — вотъ единственное объясненіе юньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого восстания. Инсургенты сражались не для ниспроверженія или установленія какойнибудь политической формы, — они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый рабо-тою, и думали, что противники хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать имъ хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Отъ этого то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Национальныхъ Мастерскихъ, взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на иогибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединился никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную, дрались съ энергию, какой не было ни въ юлѣ 1830, ни въ февралѣ 1848 года. Противъ нихъ выведены: были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшия, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена была «подвижная гвардія», garde mobile, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской безломной жизни, выдвинута была страшная артиллерія тяжелаго калибра, — всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новые войска и новые отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ, — да и это медленною побѣдою противники инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавенъякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкого непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пункте, избранномъ для наступательного движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первую цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ дру-

гой части не могли уже подавать помощи другъ другу, братъ по-степенно одну часть за другою. Знатоки военного дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и замуманъ и исполненъ Кавенъякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроатности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавенъякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣсть съ президентомъ Национального Собрания принялъ мѣры перенести Собрание и резиденцію правительства въ Сенъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечъ, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашные битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшать потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ, — и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли, — да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Какъ полководецъ, Кавенъякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военного дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ, онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое, — непреклонную энергию воли, когда, несмотря ни на какія просьбы, внушаемыя нетерпѣніемъ, твердо сдѣловалаъ своеиу плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достижения диктатуры: это низкая клевета; онъ вѣрно служилъ Исполнительной Комміssіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Национальнымъ Собраниемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собрания, и ни самъ Кавенъякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внуширить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собрание, возвра-

щая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ;—когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ принялъ это высокое порученіе, никоимъ не утратилъ простоты своихъ правовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей, — всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно вѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтова. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавенъякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проницательности, ни особыхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не преду-смотриительно и не разсчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками лѣта были доведены до юньского междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавенъякъ, — онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительного влиянія на ходъ событий до юна, — онъ ограничивался до той поры почти только своими специальными занятіями по должностіи военного министра, и управлялъ этой частью хорошо. Потому теперь, когда управлѣніе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣреныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможной готовностью къ примиренію, и тогда генералъ, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавенъякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія лѣта глазами своихъ политическихъ друзей; а политическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежнаго управлѣнія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: «варвары у воротъ нашихъ», — *les barbares sont à nos portes*; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ работникахъ нещастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихся за оружіе чисто съ намѣреніемъ гра-

быть и рѣзать. Сообразно такому понятію и повеши они борьбу противъ нихъ, — не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ шабель каннибаловъ, безпощадно, безжалостно. Наконецъ, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день восстанія, на другой день ожесточенной битвы, 25го июня. Въ этотъ моментъ возникли для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ быть бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Надежды противниковъ уничтожены. Пусть прежде инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри; но слѣдуетъ ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбѣжности资料а пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности, — опасность уже отвращена, — не введеть ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденийъ, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвѣрдить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ; кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдельные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселять, желавшихъ низвергнія республиканки. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами, — теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ, остается имѣющимъ практическую силу только преданность республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣймъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ, — она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными вынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о попадѣ, сть которой пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ воскресенье 25 на 26 июня. Къ президенту Национального Собрания Сенару и къ Кавенъяку явилась депутациа инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдаются; если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавенъяка, что это предложеніе — глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдаутся безусловно, на жизнь и на смерть. «Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ», сказалъ Кавенъякъ депутатамъ: — «я отвергаю всякія другія предложенія.»

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ «безусловная сдача на волю побѣдителей»: быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣ, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ ихъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предыдущіе дни безпощаднымъ употребленіемъ картечі, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихся въ плѣнъ, убийствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами полувинной гвардіи. Они въ отвѣтъ Сенара и Кавенъяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть посчитано, ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: «теперь вамъ не остается уже ничего, кроме какъ биться до послѣдней капли крови, потому что погибнуть вамъ не будетъ.»

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 июня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ втораго часа пополудни совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсыпались по окрестностямъ. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленія здѣя въ Парижѣ, такъ что наконецъ пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери въ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простипалось до 14,000 человѣкъ.

Они всеѣ были отданы подъ военный судъ, почти всеѣ приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебнаго приговора было уже създано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтонъ

для отправления въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ,— это было то, что называется по французски судъ на скорую руку, *justice sommaire*.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этой ссылкою цѣлой массы народа, массы уже *официальной* на понтонѣ безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало по малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партию пленныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ несолько тысячи человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и拿破仑овская ссылка была ничтожна передъ этой произвольной мѣрою: тогда подвергнуты были произвольному наказанію всесто, полутораста человѣкъ,—теперь подвергались многія тысячи людей.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ еще болѣе, нежели даже въ самой безощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе, ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благородуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ осажденіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достижениіи совершиенной победы, разсудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужно не только усмирить, но и совершенно обессызить работниковъ. 26-го июня это было сдѣлано, и военные соображенія должны были уступить мѣсто правительственныймъ. Самое основное правило политического благородумія говоритъ, что при внутреннихъ раздорахъ, побѣдоносная сторона можетъ укрѣплять свое господство только смиходительностью къ побѣжденной,—такъ действовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полного торжества они дали амнистию побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы эту мантію милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междуусобиемъ. Они этого не сдѣлали, и озлобленіе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражало

ясь и усиливалось холодною неумѣстностью напраснаго ищениѧ вадъ людьми, которыйѣ уже не могли быть вредны побѣдителемъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавенъяка, пріобрѣли безграницную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ,—не говоримъ уже законности, иди гуманности, во—всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла быль путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громадѣйшихъ размѣрахъ. Убийства въ Травеноненской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ юнскими убийствами, разстрѣливаніями и ссылкою цѣлыя массы. Еслибы кто нибуль сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событий, что они совершать такія дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они пріобрѣсти, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый брѣль. А между тѣмъ, все совершившееся въ юнѣ, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предсмотриность ихъ не была помрачена политическою страстью, они къ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаятъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную,—игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малоочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанского правительства, которое хотѣли свергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы пхъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикой. Такою цѣною пріобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщении съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны имъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы воображали, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результа-

ты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ: эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыхъ не могли удовлетворить, умѣренныереспубликанцы должны были знать, что имъ придется отвергать требованія, которымъ они лѣстили. Въ этихъ требованіяхъ работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя—нельзя было неугадать, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Но формалисты ничего не предвидятъ. Умѣренныереспубликанцылегкомысленно повели въ февралѣ противъ Орлеанскаго правительства людей, съкоторыми еще гораздо менѣе могли ужиться въ согласіи, нежели съ Орлеанскимъ правительствомъ. Если бы они предвидѣли юнь, они отказались бы отъ вражды противъ Орлеанскаго правительства въ февралѣ.

Исторіа возвышенія партіи умѣренныхъ республиканцевъ представляется поразительнымъ примѣромъ того, какъ неизбѣжно осуществляется исторіею правило, внушаемое здравымъ смысломъ и такъ часто забываемое въ увлечениі политическихъ страстей: нужно подумать о томъ, каковы существенные желанія людей, прежде, нежели искать ихъсодѣйствія. Если бы работники и республиканцы понимали другъ друга, они ни въ какомъ случаѣ не начали бы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Орлеанскаго правительства, потому что между ними было противорѣчие, еще болѣе важное, нежели причины ихъ недовольства министерствомъ Гизо.

Союзъ ихъ былъ инатураленъ, онъ привелъ къ неѣности, — неѣность въ историческихъ дѣйствіяхъ ведетъ къ событиямъ гибельнымъ для страны.

Правда и то, что противоестественный союзъ между партіями, смертельно враждебными по сущности своихъ желаній, былъ произведенъ столь же противными здравому смыслу дѣйствіями Гизо, его покровителей и партизановъ. Только ихъсамообольщеніе породило самообольщеніе въ противныхъ партіяхъ, — это очевидно для всякаго, кто припомнитъ исторію временъ, предшествовавшихъ во Франціі февральскимъ событиямъ, и первая вина за ужасы, совершенные послѣ того, падаетъ на людей, которые довели дѣла Франціі до неѣпаго положенія, породившаго февральскія события. Здѣсь не мѣсто доказывать это,—мы хотѣли только изложить, какимъ рядомъ обмановъ и насилий умѣренныереспубликанцы должны были вынуждаться изъ того фальшиваго положенія, въ которое стали для низверженія Орлеанской системы, — ка-

кія нелѣпости и ужасы были необходимымъ условіемъ утвержденія ихъ власти надъ Франціею. Теперь намъ должно разсказать вторую половину ихъ исторіи;—мы знаемъ, какимъ образомъ достигли они власти, теперь посмотримъ, какимъ образомъ потеряли они власть; за возвышеніемъ ихъ быстро послѣдовало паденіе, и мы увидимъ, что паденіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ фальшивыхъ или жестокихъ Федствъ, которыми они достигли власти, и той несоответствістности ихъ убѣжденій съ потребностями французского общества, которая съ самого начала дѣлала для нихъ невозможнымъ прямой и самостоятельный образъ дѣйствій.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПРЕДСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

БЕРАНЖЕ.

О Франція! мой часъ насталъ, я умираю.
Возлюбленная мать, прощай! Покину свѣтъ,
Но имя я твое послѣднимъ повторяю.
Любилъ ли кто тебя сильнѣй меня? О, нѣтъ!
Я пѣлъ тебя, еще читать ненаученный,
И въ часъ, какъ смерть ударъ готова нанести,
Еще поеть тебя мой голосъ утомленный.
Почти любовь мою одной слезой.... Прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили въ пыли,
Я кровь твою унять умѣль ихъ багряницей
И слезы у меня цѣлебныя текли.
Богъ посѣтилъ тебя грозою благотворной,
Благословеніемъ грядущаго внимай:
Осѣмняила міръ ты мыслью плодотворной
И равенство пожнетъ плоды ея. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой въ гробницѣ,
О, защитите всѣхъ, кто мною былъ любимъ,
Вотъ, Франція, твой долгъ смиренной голубицѣ
Неприкасавшейся къ златымъ полямъ твоимъ.
Но чтобъ ты ссыпаласа, какъ я къ тебѣ взываю,
Въ тотъ часъ, какъ Богъ меня въ иной прiemлетъ край,
Свой камень гробовой съ улыбкой поднимаю....
Рука изнемогла, онъ падаетъ.... Прощай!

А. ФЕТЬ.

А С Я.

РАЗСКАЗЬ И. И.

I.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать-пять, началъ Н. Н: — дѣла давно минувшихъ днѣй, какъ видите. Я только что вырвался на волю и уѣхалъ за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитаніе», какъ говоривалось тогда, а просто, мнѣ захотѣлось посмотретьъ на мѣръ Божій. Я былъ здоровъ, молодъ, весель, деньги у меня не переводились, заботы еще не успѣли завестись — я жилъ безъ оглядки, дѣлалъ что хотѣлъ, процвѣталъ, однимъ словомъ. Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что человѣкъ не растеніе, и процвѣтать ему долго нельзѧ. Молодость есть пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и есть хлѣбъ насущный; — а придетъ время, и хлѣбца напросишься. Но толковать объ этомъ не для чего.

Я путешествовалъ безо всякой цѣли, безъ плана; останавливался вездѣ, гдѣ мнѣ нравилось, и отправлялся тотчасъ далѣе, какъ только чувствовалъ желаніе видѣть новыя лица — именно: лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидѣлъ любопытные памятники, замѣчательныя собранія, одинъ видъ лоянъ-лакея возбуждалъ во мнѣ ощущеніе тоски и злобы; я чутъ съ ума не сошель въ дрезденскомъ «Грюне-Гевѣлбе». Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любилъ такъ называемыхъ ея красотъ, необыкновенныхъ горъ, утесовъ, водопа-

довъ; я не любилъ, чтобы она навязывалась мнѣ, чтобы она мнѣ мѣшала. За то лица, живыя, человѣческія лица — рѣчи людей, ихъ движенія, смѣхъ — вотъ безъ чего я обойтись не могъ. Въ толпѣ мнѣ было всегда особенно легко и отрадно; мнѣ было весело идти куда шли другіе, кричать, когда другіе кричали, и въ тоже время я любилъ смотрѣть, какъ эти другіе кричать. Меня забавляло наблюдать людей.... да я даже не наблюдалъ ихъ — я ихъ разсматривалъ съ какимъ-то радостнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ. Но я опять сбиваюсь въ сторону.

И такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ я проживалъ въ нѣмецкомъ небольшомъ городкѣ З. на лѣвомъ берегу Рейна. Я искалъ уединенія: я только что былъ пораженъ въ сердце одной молодой вдовой, съ которой познакомился на водахъ. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всѣми — и со мною грѣшныя, — сперва даже поощряла меня — а потомъ жестоко меня уязвила, пожертвовавъ мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я дочель долгомъ предаться на нѣкоторое время печали и одиночеству — чѣмъ молодость не тѣшится! — и поселился въ З.

Городокъ этотъ мнѣ понравился своимъ мѣстоположеніемъ, у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, своими дряхлыми стѣнами и башнями, вѣковыми липами, крутымъ мостомъ надъ свѣтлой рѣкой — а главное, своимъ хорошимъ виномъ. По его узкимъ улицамъ гуляли вечеромъ, тѣтчать послѣ заходженія солнца, (дѣло было въ юнѣ) прехорошенья блокурыя нѣмочки и встрѣтѣсь съ иностранцемъ, произносили пріятнымъ голоскомъ: «Guten Abend!» — а нѣкоторые изъ нихъ не уходили даже тогда, когда луна поднималась изъ-за острыхъ крыши старецкихъ домовъ, и мелкие каменя мостовой четко рисовались въ ея неподвижныхъ лучахъ. Я любилъ бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядѣла на него съ чистаго неба; и городъ чувствовалъ этотъ взглядъ и стоялъ чутко и мирно, весь облитый ея свѣтомъ, этимъ безмятежнымъ и въ тоже время тихо волнующимся свѣтомъ. Шѣтухъ на высокой готической колокольнѣ блестѣлъ блѣднымъ золотомъ; такимъ же золотомъ переливались струйки по черному глянцу рѣки; тоненькия свѣчки (нѣмецъ бережливъ!) скромно теплились въ узкихъ окнахъ подъ грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усыки изъ-за каменныхъ оградъ; что-то пробѣгало

въ тѣни около старинного колодца на трехъ-угольной площади, внезапно раздавался сонливый свистокъ ночного сторожа, добродушная собака ворчала въ-польголоса, а воздухъ такъ и ластился къ лицу, и липы пахли такъ сладко, что грудь, по неволѣ, все глубже и глубже дышала слово: «Гретхенъ?» не тѣ воскликаніе, не тѣ вопросъ — такъ и просилось на уста,

Городокъ З. лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Рейна. Я часто ходилъ смотрѣть на величавую рѣку, и не безъ пѣкотораго напряженія мечтая о коварной вдовѣ, просиживалъ долгіе часы на каменной скамье подъ одинокимъ огромнымъ ясенемъ. Маленькая статуя Мадонны съ почти дѣтскимъ лицомъ и краснымъ сердцемъ на груди, пронзеннымъ мечами, печально выглядывала изъ его вѣтвей. На противоположномъ берегу находился городокъ Л., немного побольше того, въ которомъ я поселился. Однажды вечеромъ, сидѣль я на своей любимой скамье и глядѣль то на рѣку, то на небо, то на вишноградники. Передо мной бѣлоголовые мальчишки карабкались по бокамъ лодки, вытащенной на берегъ и опрокинутой на смоленнымъ брюхомъ къ верху. Кораблики тихо бѣжали на слабо-надувшихся парусахъ; зеленоватыя волны скользили мимо, чуть чуть вздуваясь и урча. Вдругъ донеслись до меня звуки музыки: я прислушалъся. Въ городѣ Л. играли вальсъ; контрабасъ гудѣль отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? спросилъ я у подошедшаго ко мнѣ старика въ плюсовомъ жилетѣ, синихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

— Это, отвѣчалъ онъ мнѣ, предварительно передвинувъ мундштукъ своей трубы изъ одного угла губъ въ другой: — студенты прѣѣхали изъ Б. на коммершъ.

«А посмотрю-ко я на этотъ коммершъ, подумалъ я: — кстати же я въ Л. не бывалъ.» Я отыскалъ перевозчика и отправился на другую сторону.

II.

Можетъ быть, не всякий знаетъ, что такое коммершъ. Это особенного рода торжественный пиръ, на который сходятся студенты одной земли или братства (*Landswmannschaft*). Почти всѣ участники въ коммершѣ носятъ издавна установленный костюмъ немецкихъ студентовъ: венгерки, большие сапоги и маленькия

шапочки съ околышами извѣстныхъ цвѣтовъ. Собираются студенты обыкновенно къ обѣду подъ предсѣдательствомъ сеніора, т. е. старшины,—и пирують до утра, пьють, поютъ пѣсни, *Landsdesvater, Gaudeamus*, курятъ, бранять филистеровъ; иногда они нанимаютъ оркестръ.

Такой точно коммерчъ происходилъ въ городѣ Л. передъ небольшой гостиницей подъ вывѣскою Солнца, въ саду, выходившемъ на улицу. Надъ самой гостиницей и надъ садомъ вѣяли флаги; студенты сидѣли за столами подъ обстриженными липками; огромный бульдогъ лежалъ подъ однимъ изъ столовъ: въ сторонѣ, въ бесѣдкѣ изъ плюща, помышдались музыканты и усердно играли, то и дѣло подкрѣпляя себя пивомъ. На улицѣ, передъ низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотѣли пропустить случая по-глазѣть на забѣзжихъ гостей. Я тоже вмѣшался въ толпу зрителей. Мне было весело смотрѣть на лица студентовъ; ихъ объятія, восклицанія, невинное кокетничанье молодости, горящіе взгляды, смѣхъ безъ причины—лучшій смѣхъ на свѣтѣ, все это радостное кипѣніе жизни юной, свѣжей, этотъ порывъ впередъ —куда бы то ни было, лишь бы впередъ, это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. Ужь не пойти ли къ nimъ спрашивалъ я себя....

— Ася, довольно тебѣ? вдругъ произнесъ за мною мужской голосъ по русски.

— Подождемъ еще, отвѣчалъ другой, женскій голосъ на томъ же языкѣ.

Я быстро обернулся.... Взоръ мой упалъ на красиваго молодаго человѣка въ фуражкѣ и широкой курткѣ; онъ держаль подъ руку дѣвушку невысокаго роста, въ соломенной шляпѣ, закрывавшей всю верхнюю часть ея лица.

— Вы русскіе? сорвалось у меня невольно съ языка.

Молодой человѣкъ улыбнулся и промолвилъ:

— Да, русскіе.

— Я никакъ не ожидалъ.... въ такомъ захолустѣ, началь было я....

— И мы не ожидали, перебилъ онъ меня: — что жъ? тѣмъ лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ Гагинымъ, а вотъ это моя.... Онь запнулся на мгновеніе: — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвалъ себя, и мы разговорились. Я узналъ, что Гагинъ, путешествуя, такъ же какъ я, для своего удовольствія, не-дѣлю тому назадъ заѣхалъ въ городокъ Л., да и застрялъ въ немъ. Правду сказать, я неохотно знакомился съ русскими за границей. Я ихъ узнавалъ даже издали по ихъ походкѣ, покрою платка, а, главное, по выражению ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смынялось выраженіемъ осторожности и робости.... Человѣкъ внезапно настораживался весь, глазъ беспокойно бѣгалъ.... «Батюшки мои! не совраль ли я, не смыются ли надо мною», казалось, говорилъ этотъ уторопленный взглядъ.... Проходило мгновеніе,—и снова возстановлялось величіе физіономіи, взрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣніемъ. Да, я избѣгалъ русскихъ, но Гагинъ мнѣ понравился тотчасъ. Есть на свѣтѣ такія счастливыя лица: глядѣть на нихъ всякому любо; точно они грѣютъ вѣсъ или гладятъ. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, съ большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорилъ онъ такъ, что даже не видя его лица, вы, по одному звуку его голоса, чувствовали, что онъ улыбается.

Дѣвушка, которую онъ назвалъ своей сестрою, съ первого взгляда показалась мнѣ очень миловидной. Было что-то свое, особенное въ складѣ ея смугловатаго, круглого лица, съ небольшимъ тонкимъ носомъ, почти дѣтскими щечками и черными, свѣтлыми глазами. Она была граціозно сложена, но какъ будто не вполнѣ еще развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти къ намъ? сказалъ мнѣ Гагинъ:—кажется, довольно мы насмотрѣлись на пѣмцевъ. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти ужъ больно скрошны. Какъ ты думаешь, Ася, пойти намъ домой?

Дѣвушка утвердительно качнула головой.

— Мы живемъ за городомъ, продолжалъ Гагинъ: — въ ви-воградникѣ, въ одинокомъ домишкѣ, высоко. У насть славно, посмотрите. Хозяйка обѣщала приготовить вамъ кислаго моло-ка. Теперь же скоро стемнѣеть и вамъ лучше будетъ перѣѣхать Рейнъ при лунѣ.

Мы отправились. Черезъ низкія ворота города (старинная стѣна изъ булыжника окружала его со всѣхъ сторонъ, даже бойницы не всѣ еще обрушились) мы вышли въ поле и пройдя шаговъ сто, вдоль каменной ограды, остановились передъ узень-

кой калиткой. Гагинъ отворилъ ее и повелъ насъ въ гору по крутой тропинкѣ. Съ обѣихъ сторонъ, на уступахъ росъ виноградъ; солнце только что сѣло, и алый тонкій свѣтъ лежалъ на зеленыхъ лозахъ, на высокихъ тычинкахъ, на сухой землѣ, усыпанной сплошь крупнымъ и мелкимъ плитнякомъ, и на бѣлой стѣнѣ небольшого домика, съ косыми черными перекладинами и четырьмя свѣтлыми окошками, стоявшаго на самомъ верху горы, по которой мы взирались.

— Вотъ и наше жилище! воскликнулъ Гагинъ, какъ только мы стали приближаться къ домику: — а вотъ и хозяйка несетъ молоко. Guten Abend, Madame. Мы сейчасъ примемся за ъду; но прежде, прибавилъ онъ: — оглянитесь: каковъ видъ?

Видъ былъ, точно, чудесный. Рейнъ лежалъ передъ нами, весь серебряный, между зелеными берегами; въ одномъ мѣстѣ онъ горѣлъ багрянымъ золотомъ заката. Пріютившійся къ берегу городокъ показывалъ всѣ свои дома и улицы; широко разбѣгались холмы и поля. Внизу было хорошо, но на верху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свѣжій и легкій, онъ тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнѣе на высотѣ.

— Отличную вы выбрали квартиру, промолвилъ я.

— Это Ася ее нашла, отвѣчалъ Гагинъ: — ну-ко, Ася, продолжалъ онъ: — распоряжайся. Вели все сюда подать. Мы станемъ ужинать на воздухѣ. Тутъ музыка слышнѣе. Замѣтили ли вы, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ: — вблизи, иной вальсъ никакуда не годится — пошлые, грубые звуки, а въ отдаленны, чудо! такъ и шевелить въ вѣсъ всѣ романтическія струны.

Ася (собственно имя ея было Анна, но Гагинъ называлъ ее Асей и ужъ вы позвольте мнѣ ее такъ называть), Ася отправилась въ домъ и скоро вернулась, вмѣстѣ съ хозяйствкой. Онъ вдвое несли большой подносъ съ горшкомъ молока, тарелками, ложками, сахаромъ, ягодами, хлѣбомъ. Мы усѣлись и принялись за ужинъ. Ася сняла шляпу; ея черные волосы, остриженные и причесанные, какъ у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; по Гагинъ сказалъ ей:

— Ася! полно єжиться! онъ некусается.

Она улыбнулась и, немного спустя, уже сама заговаривала со мной. Я не видалъ существа, болѣе подвижнаго. Ни одно

мгновенье она не сидѣла смирно; вставала, убѣгала въ домъ и прибѣгала снова, напѣвала въ-поль-голоса, часто смѣялась, и престраннымъ образомъ: казалось, она смѣялась не тому, что слышала, а разнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову. Ея большие глаза глядѣли прямо, свѣтло, смѣло, но иногда вѣки ея слегка щурились, и тогда взоръ ея внезапно становился глубокъ и нѣженъ. .

Мы проболтали часа два. День давно погасъ, и вечеръ, сперва весь огнистый, потомъ ясный и алый, потомъ блѣдный и смутный, тихо таялъ и переливался въ ночь, а бесѣда наша все продолжалась, мирная и кроткая, какъ воздухъ, окружавшій насъ. Гагинъ велѣлъ принести бутылку рейнвейна; мы ее распили, не спѣша. Музыка, по прежнему, долетала до насъ; звуки ея казались слаже и нѣжнѣе; огни зажигались въ городѣ и надъ рѣкою. Ася вдругъ опустила голову, такъ что кудри ей на глаза упали, замокла и вздохнула; а потомъ сказала намъ, что хочетъ спать и ушла въ домъ; я однако видѣлъ какъ она, не зажигая свѣчи, долго стояла за нераскрытымъ окномъ. Наконецъ луна встала и запела по Рейну; все освѣтилось, потемнѣло, измѣнилось, даже вино въ нашихъ граненыхъ стаканахъ заблестѣло таинственнымъ блескомъ. Вѣтеръ упалъ, точно крылья сложилъ, и замеръ; ночнымъ, душистымъ тепломъ повѣяло отъ земли.

— Пора! воскликнулъ я: — а то, пожалуй, перевозчика не съищешь.

— Пора, повторилъ Гагинъ.

Мы пошли внизъ по тропинкѣ. Камни вдругъ посыпались за нами: это Ася наѣздила.

— Ты развѣ не спишь? спросилъ ее братъ, но она, не отвѣтивъ ему ни слова, пробѣжалась мимо. Послѣдня умиравшая плошки, зажженная студентами въ саду гостиницы, освѣщала снизу листья деревьевъ, что придавало имъ праздничный и фантастический видъ. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала съ перевозчикомъ. Я прыгнулъ въ лодку и простился съ новыми моими друзьями: Гагинъ обѣщалъ навѣстить меня на слѣдующій день; я пожаль его руку и протянулъ свою Асѣ; но она только посмотрѣла на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой рѣкѣ. Перевозчикъ, бодрый старикъ, съ напряженiemъ погружалъ весла въ темную воду.

— Вы въ лунный столбъ вѣхали, вы его разбили, закричала миѣ Ася.

Я опустилъ глаза; вокругъ лодки сверкали бѣглые блестки.

— Прощайте! раздался опять ея голосъ.

— До завтра, проговорилъ за нею Гагинъ.

Лодка причалила. Я вышелъ и оглянулся. Никого ужъ не было видно на противоположномъ берегу. Лунный столбъ опять танулся золотымъ мостомъ черезо всю рѣку. Словно на прощаніе примчались звуки стариннаго ланиеровскаго вальса. Гагинъ былъ правъ: я почувствовалъ, что всѣ струны сердца моего задрожали въ отвѣтъ на тѣ заискивающіе нацѣвы. Я отправился домой черезъ потемнѣвшія поля, медленно вдыхая пахучій воздухъ, и пришолъ въ свою комнатку весь разнѣженный сладостнымъ томлениемъ безпредметныхъ и бесконечныхъ ожиданій. Я чувствовалъ себя счастливымъ.... Но отчего я былъ счастливъ? Я ничего не желать, я ни о чёмъ не думалъ.... Я былъ счастливъ.

Чуть не смѣясь отъ избытка пріятныхъ и игривыхъ чувствъ, я нырнулъ въ постель и уже закрылъ было глаза, какъ вдругъ миѣ пришло на умъ, что въ теченіе вечера я ни разу не вспомнилъ о моей жестокой красавицѣ.... «Что же это значитъ?» спросилъ я самого себя; — «развѣ я не влюбленъ?» Но, задавъ себѣ этотъ вопросъ, я, кажется, немедленно заснуль, заснуль какъ дитя въ колыбели.

III.

На другое утро (я уже проснулся, но еще не вставалъ) стукъ палки раздался у меня подъ окномъ, и голосъ, который я тотчасъ призналъ за голосъ Гагина, запѣлъ:

«Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуджу....»

Я поспѣшилъ отворить ему дверь.

— Здравствуйте, сказалъ Гагинъ, входя: — я вѣсЬ раненько потревожилъ, но посмотрите, какое утро. Свѣжесть; роса, жаворонки поютъ...

Съ своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками, онъ самъ былъ свѣжъ, какъ утро.

Я одѣлся; мы вышли въ садикъ, сѣли на лавочку, велѣли по-
дѣлать себѣ кофе и принялись бесѣдоватъ. Гагинъ сообщилъ мнѣ
свои планы на будущее: владѣлъ порядочнымъ состояніемъ и ни
отъ кого не завися, онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и
только сожалѣлъ о томъ, что поздно хватился за умъ и много
времени потратилъ по пустому; я также упомянулъ о моихъ пред-
положеніяхъ, да кстати повѣрилъ ему тайну моей несчастной
любви. Онъ выслушалъ меня съ симхожденіемъ, но, сколько я
могъ замѣтить, сильного сочувствія къ моей страсти я въ немъ
не возбудилъ. Вздохнувши вслѣдъ за мной раза два изъ вѣжливости,
Гагинъ предложилъ мнѣ пойти къ нему посмотретьъ его
этюды. Я тотчасъ согласился.

Мы не застали Асию. Она, по словамъ хозяйки, отправилась
на «развалины». Верстахъ въ двухъ отъ городка Л. находились
остатки феодального замка. Гагинъ раскрылъ мнѣ всѣ свои кар-
тоны. Въ его этюдахъ было много жизни и правды, что-то сво-
бодное и широкое; но ни одинъ изъ нихъ не былъ оконченъ и
рисунокъ показался мнѣ небреженьемъ и невѣренъ. Я откровенно
высказалъ ему мое мнѣніе.

— Да, да, подхватилъ онъ со вздохомъ: — вы правы; все
это очень плохо и незрѣло. Что дѣлать! Не учился я какъ слѣ-
дуетъ, да и проклятая славянская распущенность беретъ свое.
Пока мечтаешь о работѣ, такъ и паришь орломъ: землю, кажется,
сдвинула съ места, а въ исполненіи тотчасъ ослабѣешь и
устаешь.

Я началъ было ободрять его, но онъ махнулъ рукой и, со-
бравши картоны въ охапку, бросилъ ихъ на диванъ.

— Коли хватить терпѣнія, изъ меня выйдетъ что нибудь.
Промолвилъ онъ сквозь зубы: — не хватитъ — останусь недо-
росѣемъ изъ дворянъ. Пойдемте-ко лучше Асию отыскивать.

Мы пошли.

IV.

Дорога къ развалинѣ вилась по скату узкой лѣсистой доли-
ны; на днѣ ея бѣжалъ ручей и шумно прядалъ черезъ камни,
какъ бы торопясь слиться съ великой рѣкой, спокойно сіявшей
за темной гранью круто разсѣченыхъ горныхъ гребней. Гагинъ
обратилъ мое вниманіе на нѣкоторыя счастливо освѣщенные ив-

ста; въ словахъ его слышался, если не живописецъ, то ужь на-
вѣрное художникъ. Скоро показалась развалина. На самой вер-
шинѣ голой скалы возвышалась четыреугольная башня, вся чер-
ная, еще крѣпкая, но словно разрубленная продольной трещи-
ной. Мшистые стѣны примыкали къ башнѣ; кой-гдѣ лѣпился
плещъ; искривленные деревца свѣшивались съ сѣдыхъ бойницъ
и рухнувшихъ сводовъ. Каменистая тропинка вела къ уцѣлѣв-
шимъ воротамъ. Мы уже подходили къ пимъ, вдругъ впереди
насъ мелькнула женская фигура, быстро перебѣжала по грудѣ
обломковъ и помѣстилась на уступѣ стѣны, прямо надъ про-
пастью.

— А вѣдь это Ася! воскликнулъ Гагинъ: — экая съумас-
шедшая!

Мы вошли въ ворота и очутились на небольшомъ дворикѣ,
до половины заросшемъ дикими яблонями и крапивой. На уступѣ
сидѣла, точно, Ася. Она повернулась къ намъ лицомъ и засмѣя-
лась, но не тронулась съ мѣста. Гагинъ погрозилъ ей пальцемъ,
а я громко упрекнулъ ее въ неосторожности.

— Полноте, сказалъ мнѣ шепотомъ Гагинъ: — не дразните
ее; вы ее не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберется. А
вотъ, вы лучше подивитесь смыщенности здѣшнихъ жителей.

Я оглянулся: въ уголку, пріютившись въ крошечномъ дер-
евянномъ балаганчикѣ, старушка вязала чулокъ и косилась на
насъ черезъ очки. Она продавала туристамъ пиво, пряники и
зельцерскую воду. Мы умѣстились на лавочкѣ и принялись пить изъ
тяжелыхъ оловянныхъ кружекъ довольно холодное пиво. Ася
продолжала сидѣть неподвижно, подобравъ подъ себя ноги и
закутавъ голову кисейнымъ шарфомъ; стройный обликъ ея от-
четливо и красиво рисовался на яспомъ пебѣ; но я съ непріяз-
неннымъ чувствомъ посматривалъ на нее. Уже наканунѣ замѣ-
тилъ я въ ней что-то напряженное, не совсѣмъ естественное....
«Она хочетъ удивить насъ», думалъ я: — «къ чему это? Что за
дѣтская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдругъ бро-
сила на меня быстрый и пронзительный взглядъ, засмѣялась
опять, въ два прыжка соскочила со стѣны, и, подойдя къ ста-
рушкѣ, попросила у неї стаканъ воды.

— Ты думаешьъ, я хочу пить? промолвила она, обратившись
къ брату: — нѣтъ; тутъ есть цветы на стѣнахъ, которые непре-
мѣнино полить надо.

Гагинъ ничего не отвѣчалъ ей; а она, съ стаканомъ въ руки, вспугнулась карабкаться по развалинамъ, изрѣдка останавливаясь, наклоняясь и съ забавной важностью роняя нѣсколько капель воды, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ. Ея движенья были очень мелки, но мнѣ, по-прежнему, было досадно на нее, хотя я невольно любовался ея легкостью и ловкостью. На одномъ опасномъ мѣстѣ она нарочно вскрикнула и потомъ захочотала.... Мнѣ стало еще досаднѣе.

— Да она какъ коза лазитъ, пробормотала себѣ подъ носъ старушка, оторвавшись на мгновеніе отъ своего чулка.

Наконецъ Ася опорожнила весь свой стаканъ, и, шаловливо покачиваясь, возвратилась къ намъ. Странная усмѣшка слегка подергивала ея брови, ноздри и губы; полу-дерзко, полу-весело щурились темные глаза.

— Вы находите мое поведеніе неестественнѣмъ, казалось, говорило ея лицо: — все равно: я знаю, вы мнѣю любуетесь.

— Искусно, Ася, искусно, промолвилъ Гагинъ въ полголоса.

Она вдругъ какъ будто застыдилась, опустила свои длинные рѣсицы и скромно подсѣла къ намъ, какъ виноватая. Я тутъ въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ ея лицо, самое измѣнчивое лицо, какое я только видѣлъ. Нѣсколько мгновеній спустя оно уже все поблѣдѣло и приняло сосредоточенное, почти печальное выраженіе; самыя черты ея мнѣ показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругомъ (Ася шла за нами слѣдомъ) и полюбовались видами. Между тѣмъ часть обѣда приближалася. Расплачиваясь со старушкой, Гагинъ спросилъ еще кружку пива, и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А развѣ у него, — развѣ у вѣсть есть такая дама? спросила вдругъ Ася.

— Да у кого же ея нѣть? возразилъ Гагинъ.

Ася задумалась на мгновеніе; ея лицо опять измѣнилось, опять появилась на немъ вызывающая, почти дерзкая усмѣшка.

На возвратномъ пути она еще пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную вѣтку, положила ее къ себѣ на плечо какъ ружье, повязала себѣ голову шарфомъ. Помнится, намъ встрѣтилась многочисленная семья блокурыхъ и чопорныхъ англичанъ: всѣ они, словно по командѣ, съ холоднымъ изумленіемъ, проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, какъ бы

вить на эдо, громко запѣла. Воротясь домой, она тотчась ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ самому обѣду, одѣтая въ лучшее свое платье, тщательно причесанная, перетянутая и въ перчаткахъ. За столомъ она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отвѣдывала кушанья и пила воду изъ рюмки. Ей явно хотѣлось разыграть передо мною новую роль, — роль праличной и благовоспитанной барышни. Гагинъ не мѣшалъ ей; замѣтно было, что онъ привыкъ потакать ей во всемъ. Онъ только по временамъ добродушно взглядалъ на меня и слегка пожималъ плечомъ, какъ бы желая сказать: «Она ребенокъ; будьте снисходительны.» Какъ только кончился обѣдъ, Ася встала, сдѣлала намъ кникенъ и, надѣвавъ шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти къ Фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? отвѣчалъ онъ съ своей неизмѣнной, на этотъ разъ яѣсколько смущенной улыбкой: — развѣ тебѣ скучно съ нами?

— Нѣть, но я вчера еще общала Фрау Луизе побывать у ней; притомъ же, я думала, вамъ будетъ лучше вдвоеемъ; г. Н. (она указала на меня) чтонибудь еще тебѣ разскажетъ.

Она ушла.

— Фрау Луизе, началь Гагинъ, стараясь избѣгать моего взора: — вдова бывшаго здѣшняго бургомистра, добрая, впрочемъ, пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться съ людьми круга нынешаго; я замѣтилъ, причиною этому всегда бываетъ гордость. Она у меня порядкомъ избалована, какъ видите, прибавилъ онъ помолчавъ немногого: — да что прикажете дѣлать? Взыскивать я ни съ кого не умѣю, а съ нея и подавно. Я обязанъ быть снисходительнымъ съ нею.

Я промолчалъ. Гагинъ перемѣнилъ разговоръ. Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался. Я скоро его понялъ. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, къ сожалѣнію, немногого вялая, безъ цѣлостности и внутренняго жара. Молодость не кипѣла въ немъ ключомъ; она свѣтилась тихимъ свѣтомъ. Онъ былъ очень миль и уменъ, но я не могъ себѣ представить, что съ нимъ станется, какъ только онъ возмужаетъ. Быть художникомъ.... Безъ горькаго, постояннаго труда не бываетъ художниковъ, а трудиться, думалъ я, глядя на его мягкія черты, слушая его неспѣшную рѣчь, — нѣть! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумѣешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце такъ и влеклось къ нему.

Часа четыре провели мы съ нимъ вдвоемъ, то сидя рядомъ на диванѣ, то медленно расхаживая передъ домомъ, и въ эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце сѣло и мнѣ уже пора было идти дочкой. Ася все еще не возвращалась.

— Экая она у меня вольница, промолвилъ Гагинъ: — хотите, я пойду провожать вась; мы по пути завернемъ къ Фрау Луизе; я спрошу, тамъ ли она? Крюкъ не великъ.

Мы спустились въ городъ, и, свернувши въ узкій, кривой переулочекъ, остановились передъ домомъ въ два окна шириной вышиной въ четыре этажа. Второй этажъ выступалъ на улицу больше первого, третій и четвертый еще больше второго: весь дому съ своей ветхой рѣзьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутымъ въ видѣ клюва воротомъ на чердакъ, казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! крикнула Гагинъ: — ты здѣсь?

Освѣщенное окошко въ третьемъ этажѣ стукнуло и отворилось, и мы увидали темную головку Аси. Изъ-за нея выглядывало беззубое и подсѣповатое лицо старой нѣмки.

— Я здѣсь, проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу: — мнѣ здѣсь хорошо. На, тебѣ, возьми, прибавила она, бросая Гагину вѣтку гераніума: — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмѣялась.

— Н. уходить, возразилъ Гагинъ: — онъ хочетъ съ тобой проститься.

— Будто? промолвила Ася: — въ такомъ случаѣ дай ему мою вѣтку, а я сейчасъ вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцаловала Фрау Луизе. Гагинъ протянулъ мнѣ, молча, вѣтку. Я, молча, положилъ ее въ карманъ, дошолъ до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помчится, я шоль домой, ни о чѣмъ не размышляя, но съ странной тѣжестью на сердцѣ, какъ вдругъ меня поразилъ сильный, знакомый, но въ Германіи рѣдкій запахъ. Я остановился и увидѣлъ въздѣлъ дороги небольшую грядку ионопли. Ея русскій степной запахъ мгновенно напомнилъ мнѣ родину и возводилъ въ душѣ страстную тоску по ней. Мнѣ захотѣлось дышать русскимъ воздухомъ, ходить по русской землѣ. «Что я здѣсь дѣлаю, зачѣмъ таскаюсь я въ чужой сторонѣ, между чужими?» воскликнулъ я, и жартиенная тѣжость, которую я ощущалъ на сердцѣ, разрѣши-

лась внезапно въ горькое и жгучее волненіе. Я пришолъ домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ наканунѣ. Я чувствовалъ себя почти разсерженнымъ и долго не могъ успокоиться. Непонятная мнѣ самому досада меня разбирала. Наконецъ я сѣлъ и, вспомнивъ о своей коварной вдовѣ (официальнымъ воспоминаніемъ объ этой дамѣ заключался каждый мой дѣнъ), до-сталь одну изъ ея записокъ. Но я даже не раскрылъ ея; мысли мои тотчасъ приняли иное направленіе. Я началъ думать.... думать объ Асѣ. Мнѣ пришло въ голову, что Гагинъ, въ теченіе разговора, намекнулъ мнѣ на какія-то затрудненія, препятству-ющія его возвращенію въ Россію.... «Полно, сестра ли она его?» произнесъ я громко.

Я раздѣлся, легъ и старался заснуть; но чашь спустя я опять сидѣлъ въ постели, облокотившись локтемъ на подушку, и снова думалъ объ этой «каризной дѣвоочкѣ съ натянутымъ смѣхомъ...» «Она сложена какъ маленькая рафаэлевская Галатея въ Фарне-зинѣ», шепталъ я: — «да; и она ему не сестра....»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, бѣлья въ лу-чахъ луны.

V.

На съдующее утро я опять пошелъ въ Л. Я увѣрялъ себя, что мнѣ хочется повидаться съ Гагинымъ, но въ тайнѣ меня та-нуло посмотретьть, что станеть дѣлать Ася, также ли она будетъ «чудить», какъ наканунѣ. Я засталъ обоихъ въ гостиной, и, странноедѣло! — оттоголи, что я ночью и утромъ много размыши-дялъ о Россіи — Ася показалась мнѣ совершенно русской дѣ-вушкой, да простою дѣвушкой, чуть ни горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидѣла, не шевелясь, у окна, да шила въ пѣльцахъ, скромно, тихо, точно она вѣкъ свой ничѣмъ другимъ не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу и черты ея приняли такое незначительное, будничное выраженіе, что мнѣ невольно вспомнились наши доморощенныя Кати и Маши. Для довершенія сходства, она принялась напѣвать въ полголоса «Ма-тушку, голубушку». Я глядѣлъ на ея желтоватое, угасшее лицо, вспоминалъ о вчерашнихъ мечтаніяхъ, и жаль мнѣ было чего-то. Погода была чудесная. Гагинъ объявилъ намъ, что пой-

деть сегодня рисовать этюдъ съ натуры; я спросилъ его, позво-
лить ли онъ мнѣ провожать его, не помѣшаю ли ему?

— Напротивъ, возразилъ онъ: — вы мнѣ можете хорошій
совѣтъ дать.

Онъ надѣлъ круглую шляпу à la Van Dyck, блузу, взялъ кар-
тонъ подъ мышку и отправился; я поплелся вслѣдъ за нимъ. Ася
осталась дома. Гагинъ, уходя, попросилъ ее позаботиться о томъ,
чтобы супъ не былъ слишкомъ жидкъ; Ася обѣщалась побывать
на кухнѣ. Гагинъ добрался до знакомой уже мнѣ долины, при-
сѣль на камень, и началъ срисовывать старый дуплистый дубъ
с раскидистыми сучьями. Я легъ на траву и досталъ книжку;
но я двухъ страницъ не прочелъ, а онъ только бумагу измаралъ;
мы все больше разсуждали, и, сколько я могу судить, довольно
умно и тонко разсуждали о томъ, какъ именно должно работать,
чего слѣдуетъ избѣгать, чего придерживаться, и какое собствен-
но значеніе художника въ нашъ вѣкъ. Гагинъ наконецъ рѣшилъ,
что онъ «сегодня не въ ударѣ», легъ рядомъ со мною, и ужъ
тутъ свободно потекли молодыя юноши рѣчи, тѣ горячія, то за-
думчивыя, то восторженныя, но почти всегда неясныя рѣчи, въ
которыхъ такъ охотно разливается русскій человѣкъ. Наболтав-
шись до сыта и наполнившись чувствомъ удовлетворенія, точно
мы что-то сдѣлали, успѣли въ чемъ-то, вернулись мы домой. Я
нашелъ Асию точно такою же, какою я ее оставилъ; какъ я ни
старался наблюдать за нею — ни тѣни кокетства, ни признака
вамѣренно-принятой роли я въ ней не замѣтилъ; на этотъ разъ
не было возможности упрекнуть ее въ неестественности.

— А-га! говорилъ Гагинъ: — постъ и покаяніе на себя на-
ложила.

Къ вѣчеру она нѣсколько разъ непрітворно зѣвнула и рано
ушла къ себѣ. Я самъ скоро простился съ Гагинымъ, и, возвра-
тившись домой, не мечталъ уже ни о чёмъ: этотъ день прошоль
въ трезвыхъ ощущеніяхъ. Помнится, однако, ложась спать, я
невольно промолвилъ вслухъ:

— Что за хамелеонъ эта дѣвушка! — и, подумавъ немногого, при-
бавилъ: — а все-таки она ему не сестра.

VI.

Прошли цѣлые двѣ недѣли. Я каждый день посѣщалъ Гагиныхъ. Ася словно избѣгала меня, но уже не позволяла себѣ ни одной изъ тѣхъ шалостей, которыя такъ удивили меня въ первыя два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорченной или смущенной; она и смѣялась меныше. Я съ любопытствомъ наблюдалъ за ней.

Она довольно хорошо говорила по французски и по нѣмецки; но по всему было замѣтно, что она съ дѣтства не была въ женскихъ рукахъ и воспитаніе получила странное, необычное, не имѣвшее ничего общаго съ воспитаніемъ самого Гагина. Отъ него, несмотря на его шляпу *à la Van Dyck* и блузу, такъ и вѣяло мягкимъ, полуизнѣженнымъ, великорусскимъ дворяниномъ, а она не походила на барышню; во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то неспокойное: этотъ дичокъ недавно былъ привить, это вино еще бродило. По природѣ стыдливая и робкая, она досадовала на свою застѣнчивость и съ досады насильственно старалась быть развязной и смѣлой, что ей не всегда удавалось. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней обѣ ея жизни въ Россіи, обѣ ея прошедшемъ: она неохотно отвѣчала на мои разспросы; я узналъ однако, что до отѣзда за границу она долго жила въ деревнѣ. Я засталъ ее разъ за книгой, одну. Опершись головой на обѣ руки и запустивъ пальцы глубоко въ волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! сказалъ я подойдя къ ней: — какъ вы прилежны.

Она приподняла голову, важно и строго посмотрѣла на меня.

— Вы думаете, я только смѣяться умѣю, промолвила она, и хотѣла удалиться.

Я взглянуль на заглавіе книги: это былъ какой-то французскій романъ.

— Однако я вашъ выборъ похвалить не могу, замѣтилъ я.

— Что же читать! воскликнула она, и бросивъ книгу на столъ, прибавила: — такъ лучше пойду дурачиться, и побѣжала въ садъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я читалъ Гагину «Германа и Доротею.» Ася сперва все только шныряла мимо насъ, потомъ вдругъ

остановилась, приникла ухомъ, тихонько подсѣла ко мнѣ и пропустила членіе до конца. На слѣдующій день я опять не узналъ ея, пока не догадался, что ей вдругъ вошло въ голову: быть домовитой и степенной, какъ Доротея. Словомъ, она являлась мнѣ полузагадочнымъ существомъ. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. Въ одномъ только я болѣе и болѣе убѣждался, а именно въ томъ, что она не сестра Гагина. Онъ обходился съ нею не по братски: слишкомъ ласково, слишкомъ снисходительно и въ тоже время несолько принужденно.

Странный случай, по видимому, подтвердилъ мои подозрѣнія.

Однажды вечеромъ, подходя къ винограднику, гдѣ жили Гагины, я нашелъ калитку запертою. Не долго думавши, доѣдался я до одного обрушенного мѣста въ оградѣ, уже прежде замѣченного мною, и перескочилъ черезъ нее. Недалеко отъ этого мѣста, въ сторонѣ отъ дорожки, находилась небольшая бесѣдка изъ акаций; я поровнялся съ нею и уже прошолъ было мимо, вдругъ меня поразила голость Аси, съ жаромъ и сквозь слезы произносишшей слѣдующія слова:

— Нѣть, я никого не хочу любить кромѣ тебя, нѣть, нѣть, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, говорилъ Гагинъ: — ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

Голоса ихъ раздавались въ бесѣдкѣ. Я увидалъ ихъ обоихъ сквозь негустой переплетъ вѣтвей. Они меня не замѣтили.

— Тебя, тебя одного, повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала целовать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно, твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ее волосамъ.

Несколько мгновеній остался я неподвижнымъ.... Вдругъ я встрепенулъся. — Подойти къ нимъ?... Ни за что! сверкнуло у меня въ головѣ. Быстрыми шагами вернулся я къ оградѣ, перескочилъ черезъ нее на дорогу и чуть не бѣгомъ пустился домой. Я улыбался, потирая руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновеніе не усомнѣлся въ ихъ справедливости), а между тѣмъ на сердцѣ у меня было очень горько. Однако, думалъ я, умѣютъ же они притворяться! Но къ чему? Что за охота меня Морочить? Не ожидалъ я этого отъ него.... И что за чувствительное объясненіе?

VII.

Я спалъ дурно, и на другое утро всталъ рано, привязалъ походную котомочку за спину и, объявивъ своей хозяйкѣ, чтобы она не ждала меня къ ночи, отправился пѣшкомъ въ горы, вверхъ по течению рѣки, на которой лежитъ городокъ З. Эти горы, отрасли хребта, называемаго Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытны въ геологическомъ отношеніи; въ особенностн замѣчательны онѣ правильностью и чистотой базальтовыхъ слоевъ; но мнѣ было не до геологическихъ наблюденій. Я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что во мнѣ происходило; одно чувство было мнѣ ясно: нежеланіе видѣться съ Гагинами. Яувѣрилъ себя, что единственной причиной моего внезапнаго нерасположенія къ нимъ была досада на ихъ лукавство. Кто ихъ принуждалъ выдавать себя за родственниковъ? Вирочемъ, я старался о нихъ не думать; бродилъ не спѣша, по горамъ и долинамъ, засиживался въ деревенскихъ харчевняхъ, мирно бесѣдую съ хозяевами и гостями, или ложился на плоскій, согрѣтый каменѣ и смотрѣль, какъ плыли облака, благо погода стояла удивительная. Въ такихъ занятіяхъ я провелъ три дня, и не безъ удовольствія, — хотя на сердцѣ у меня щемило по временамъ. Настроеніе моихъ мыслей приходилось какъ разъ подъ статѣ спокойной природѣ того края.

Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшій впечатлѣніямъ: неторопливо смыняясь, протекали они по душѣ, и оставили въ ней наконецъ одно общее чувство, въ которому слилось все, что я видѣль, ощутиль, слышалъ въ эти три дня — все: тонкій запахъ смолы по лѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчна болтовня свѣтлыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлые очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькия деревеньки съ почтенными старыми церквами и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе, медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами,

Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ Германской земли, съ твоимъ незатѣмливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными сльдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя не спѣшной работы... Привѣтъ тебѣ и миръ!

Я пришелъ домой къ самому концу третьяго дня. Я забылъ сказать, что съ досады на Гагиныхъ, я попытался воскресить въ себѣ образъ жестокосердой вдовы; — но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялъ мечтать о ней, я увидѣлъ передъ собою крестьянскую дѣвочку лѣтъ пяти, съ круглымъ любопытнымъ лицомъ, съ невинно выпученными глазенками. Она такъ дѣтски простодушно смотрѣла на меня.... Мнѣ стало стыдно ея чистаго взора, я не хотѣлъ лгать въ ея присутствіи и тотчасъ же окончательно и навсегда раскланялся съ моимъ прежнимъ предметомъ.

Дома я нашолъ записку отъ Гагина. Онъ удивлялся неожиданности моего рѣшенія, пѣнялъ мнѣ, зачѣмъ я не взялъ его съ собою, и просилъ прийти къ немъ какъ только я вернусь. Я съ неудовольствіемъ прочелъ эту записку, но на другой же день отправился въ Л.

VIII.

Гагинъ встрѣтилъ меня по пріятельски, осыпалъ меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, какъ только увидала меня, расхохоталась безо всякаго повода и, по своей привычкѣ, тотчасъ уѣжала. Гагинъ смутился, пробормоталъ ей вслѣдъ, что она съумасшедшая, попросилъ меня извинить ее. Признаюсь, мнѣ стало очень досадно на Асию; ужъ и безъ того мнѣ было не по себѣ, а тутъ опять этотъ неестественный смѣхъ, эти странныя ужимки. Я, однако, показалъ видъ, будто ничего не замѣтилъ, и сообщилъ Гагину подробности моего небольшого путешествія. Онъ разсказалъ мнѣ, чтѣ дѣлалъ въ мое отсутствіе. Но рѣчи наши не клелись; Ася входила въ комнатку и уѣгала снова; я объявилъ наконецъ, что у меня есть спѣшная работа и что мнѣ пора вернуться домой. Гагинъ сперва меня удерживалъ, потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, вызвался провожать меня. Въ передней Ася вдругъ подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку; я слегка пожалъ ея пальцы и едва поклонился ей. Мы

вѣстѣ съ Гагинымъ перешли черезъ Рейнъ, и проходя мимо любимаго моего ясения съ статуейкой Мадонны, присѣли на скамью, чтобы полюбоваться видомъ. Замѣчательный разговоръ произошелъ тутъ между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потомъ замолкли, глядя на свѣтлую рѣку.

— Скажите, началь вдругъ Гагинъ, съ своей обычной улыбкой: — какого вы мнѣнія объ Асѣ? Неправда ли, она должна казаться вамъ немного странной?

— Да, отвѣтилъ я не безъ иѣкотораго недоумѣнія. — Я не ожидалъ, что онъ заговорить о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, промолвилъ онъ: — у нея сердце очень доброе, но голова бѣдовая. Трудно съ нею ладить. Впрочемъ, ее нельзя винить, и еслибы вы узнали ея исторію....

— Ея исторію? перебилъ я.... Развѣ она не ваша....

Гагинъ взглянулъ на меня.

— Ужь недумаете ли вы, что она не сестра мнѣ?... нѣть, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое замѣшательство: — она точно мнѣ сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую къ вамъ довѣріе, и расскажу вамъ все.

«Отецъ мой былъ человѣкъ весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась съ нимъ не хуже, чѣмъ со многими другими: но онъ и перваго удара ея не вынесъ. Онъ женился рано, по любви: жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался послѣ нея шести мѣсяцевъ. Отецъ увезъ меня въ деревню и цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ не выѣзжалъ никуда. Онъ самъ занимался моимъ воспитаніемъ и никогда бы со мной не разстался, еслибы братъ его, мой родной дядя, не заѣхалъ къ намъ въ деревню. Дядя этотъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и занималъ довольно важное мѣсто. Онъ уговорилъ отца отдать меня къ нему на руки, такъ какъ отецъ ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представилъ ему, что мальчику моихъ лѣтъ вредно жить въ совершенномъ уединеніи, что съ такимъ вѣчно унылымъ и молчаливымъ наставникомъ, каковъ былъ мой отецъ, я непремѣнно отстану отъ моихъ сверстниковъ, да и самый нравъ мой легко можетъ испортиться. Отецъ долго противился увѣщаніямъ своего брата, однако уступилъ наконецъ. Я плакалъ, разставаясь съ отцомъ; я любилъ его, хотя никогда не видалъ улыбки на лицѣ его. Но попавши въ Петербургъ, скоро

изо забылъ наше темное и невеселое гнѣзда. Я поступилъ въ Юнкерскую школу, а изъ школы перешелъ въ гвардейскій полкъ. Каждый годъ пріѣзжалъ я въ деревню на пѣсколько недѣль и съ каждымъ годомъ находилъ отца моего все болѣе и болѣе грустнымъ, въ себя углубленнымъ, задумчивымъ до робости. Онъ каждый день ходилъ въ церковь и почти разучился говорить. Въ одно изъ моихъ посѣщеній (мнѣ уже было лѣтъ двадцать слишкомъ), я въ первый разъ увидалъ у насъ въ домѣ худенькую, черноглазую дѣвочку лѣтъ десяти — Асю. Отецъ сказалъ мнѣ, что она сирота, и взята имъ на прокормленіе — онъ именно такъ выразился. Я не обратилъ особенного вниманія на нее; она была дика, проворна и молчалива какъ звѣрокъ, и какъ только я входилъ въ любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, гдѣ скончалась моя мать и гдѣ даже днемъ зажигались свѣчки, она тотчасъ пряталась за волтеровское кресло его или за шкапъ съ книгами. Случилось такъ, что въ послѣдовавшіе за тѣмъ три, четыре года обязанности службы воѣщали мнѣ побывать въ деревнѣ. Я получалъ отъ отца ежемѣсячно по короткому письму; обѣ Асѣ онъ упоминалъ рѣдко и то вскользь. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался еще молодымъ человѣкомъ. Представьте мой ужасъ: вдругъ я, ничего не подозрѣвавшій, получаю отъ приказчика письмо, въ которомъ онъ извѣщаешь меня о смертельной болѣзни моего отца и умоляетъ пріѣхать какъ можно скорѣе, если хочу проститься съ нимъ. Я поскакалъ, сломя голову, и засталъ отца въ живыхъ, но уже при послѣднемъ издыханіи. Онъ обрадовался мнѣ чрезвычайно, обнялъ меня своими исхудальными руками, долго поглядѣлъ мнѣ въ глаза какимъ-то, не то испытующимъ, не то умоляющимъ взоромъ и, взявъ съ меня слово, что я исполню его послѣднюю просьбу, велѣлъ своему старому каммердинеру привести Асию. Старикъ привелъ ее, она едва держалась на ногахъ и дрожала всемъ тѣломъ.

«— Вотъ, сказалъ мнѣ съ усиліемъ отецъ: — завѣщаю тебѣ свою дочь, свою сестру. Ты все узнаешь отъ Якова, прибавилъ онъ, указавъ на каммердинера.

«Аси зарыдала и упала лицомъ на кровать.... Полчаса спустя, мой отецъ скончался.

«Вотъ, что я узналъ. Аси была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, лойлю ея высокую стройную фигуру, ея благообразное, строгое,

умное лицо, съ большими темными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я могъ понять изъ почтительныхъ недомолвокъ Якова, отецъ мой сошелся съ нею нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда въ господскомъ домѣ, а въ избѣ у замужней сестры своей, скотницы. Отецъ мой сильно къ ней привязался и послѣ моего отъѣзда изъ деревни хотѣлъ даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

«— Покойница Татьяна Власьевна, такъ докладывалъ мнѣ Яковъ, стоя у двери съ закинутыми назадъ руками: — во всемъ были разсудительны и не захотѣли батюшку вашего обидѣть. Что, моль, я вамъ за жена? какая я барыня? такъ онѣ говорить изволили, при мнѣ говорили-съ.» — Татьяна даже не хотѣла переселиться къ намъ въ домъ и продолжала жить у своей сестры, вмѣстѣ съ Асей. Въ дѣтствѣ, я видывалъ Татьяну только по праздникамъ, въ церкви. Повязанная темнымъ платкомъ, съ желтой шалью на плечахъ, она становилась въ толпѣ возлѣ окна, — ея строгій профиль четко вырѣзывался на прозрачномъ стеклѣ, — и смиренно и важно молилася, кланяясь пизко, по старинному. Когда дядя увезъ меня, Асѣ было всего два года, а на девятомъ году она лишилась матери.

«Какъ только Татьяна умерла, отецъ взялъ Асю къ себѣ въ домъ. Онъ и прежде изъявлялъ желаніе имѣть ее при себѣ, но Татьяна ему и въ этомъ отказалася. Представьте же себѣ, что должно было произойти въ Асѣ, когда ее взяли къ барину. Она до сихъ поръ не можетъ забыть ту минуту, когда ей въ первый разъ надѣли шелковое платье и поцаловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Онъ былъ ея учителемъ; кромѣ его, она никого не видала. Онъ не баловалъ ея, то есть, не нянчился съ нею; но онѣ любилъ ее страстно и никогда ничего ей не запрещалъ: онъ въ душѣ считалъ себя передъ ней виноватымъ. Ася скоро поняла, что она главное лицо въ домѣ, она знала, что баринъ ея отецъ; но она также скоро поняла свое ложное положеніе; самолюбіе развилось въ ней сильно, недовѣрчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотѣла (она сама мнѣ разъ призналась въ этомъ) заставить цѣлый миръ забыть ея происхожденіе, она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы....

Но развѣ она виновата? Молодыя силы разыгрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направи-да.... Полная независимость во всемъ! да развѣ легко ее вынен-сти? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Чѣмъ тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣльѣль.

«И вотъ я, двадцатилѣтній малый, очутился съ тринадцати-лѣтней дѣвочкой на рукахъ! Въ первые дни послѣ смерти отца, при одномъ звукѣ моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее въ тоску, и только понемногу, исподволь, привык-ла она ко мнѣ. Правда, потомъ, когда она убѣдилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбилъ ее, какъ сестру, она страст-но ко мнѣ привязалась: у ней ни одно чувство не бываетъ впо-ловину.

«Я привезъ ее въ Петербургъ. Какъ мнѣ ни больно было съ ней разстаться, — жить съ ней вмѣстѣ я никакъ не могъ; я по-мѣстилъ ее въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ; Ася поняла необ-ходимость нашей разлуки; но начала съ того, что заболѣла и чуть не умерла. Потомъ она обтерпѣлась и выжила въ пансіонѣ четыре года; но, противъ моихъ ожиданій, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансіона часто жаловалась мнѣ на нее: «И наказать ее нельзя», говаривала она мнѣ: — «и на ласку она не подается.» Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всѣхъ; но никакъ не хотѣла подойти подъ общій уровень, упрямилась, глядѣла букой.... Я не могъ слишкомъ винить ее: въ ея положеніи, ей надо было либо при-служиваться, либо дичиться. Изо всѣхъ своихъ подругъ она со-шлась только съ одной, некрасивой, загнанной и бѣдной дѣвуш-кой. Остальные барышни, съ которыми она воспитывалась, боль-шей частью изъ хорошихъ фамилій, не любили ее, язвили ее и кололи, какъ только могли; Ася имъ на волосъ не уступала. Од-нажды, на урокѣ изъ Закона Божія, преподаватель заговорилъ о порокахъ. «Лесть и трусость самые дурные пороки», громко промолвила Ася. Словомъ, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ея стали лучше, хотя и въ этомъ отношеніи она, кажется, не много успѣла.

«Наконецъ ей минуло семнадцать лѣтъ; оставаться ей долѣе въ пансіонѣ было невозможно. Я находился въ довольно боль-шомъ затрудненіи. Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: выдти въ

отставку, поѣхать за границу на годъ или на два и взять Асю съ собою. Задумано — сдѣлано, и воть мы съ ней на берегахъ Рейна, гдѣ я стараюсь заниматься живописью, а она.... шалить и чудить по-прежнему. Но теперь я надѣюсь, что вы не станете судить ее слишкомъ строго; а она, хоть и притворяется, что ей все ни по чемъ, — мнѣніемъ каждого дорожить, вашимъ же въ особенности.»

И Гагинъ опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крѣпко стиснула ему руку.

— Все такъ, заговорилъ опять Гагинъ:—но съ нею мнѣ бѣда. Порохъ она настоящій. До сихъ порь ей никто не нравился, но бѣда, если она кого полюбить! Я иногда не знаю, какъ съ ней быть. На дняхъ она чтò вздумала: начала вдругъ увѣрять меня, что я къ ей стала холоднѣе прежняго, и что она одного меня любить и вѣкъ будетъ меня одного любить.... И при этомъ такъ расплакалась....

— Такъ вотъ чтò.... промолвила я, и прикусилъ языкъ.

— А скажите-ко мнѣ, спросила я Гагина:—дѣло между пами пошло на откровенность. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей до сихъ порь никто не нравился? Въ Петербургѣ видала же она молодыхъ людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нѣтъ, Асѣ нуженъ герой, необыкновенный человѣкъ или живописный пастухъ въ горномъ ущельи. А впрочемъ, я заболтался съ вами, задержаль вѣсть, прибавилъ онъ, вставая.

— Послушайте, началъ я: — пойдемте къ вамъ, мнѣ домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвѣчала; Гагинъ добродушно усмѣхнулся и мы вернулись въ Л. Увидѣвъ знакомый виноградникъ и бѣлый домикъ на верху горы, я почувствовала какую-то сладость — именно, сладость на сердцѣ: точно мнѣ въ тихомолку меду туда налили. Мнѣ стало легко послѣ Гагинскаго разсказа.

IX.

Ася встрѣтила насъ на самомъ порогѣ дома; я снова ожидалъ смѣха; но она вышла къ намъ вся блѣдная, молчаливая, съ потупленными глазами.

— Вотъ онъ опять, заговорилъ Гагинъ: — и замѣть, самъ захотѣль вернуться.

Ася вопросительно посмотрѣла на меня. Я въ свою очередь протянулъ ей руку и на этотъ разъ крѣпко пожалъ ея холодные пальчики. мнѣ стало очень жаль ея; теперь я многое понимаю въ ней, что прежде сбивало меня съ толку: ея внутреннее беспокойство, неумѣніе держать себя, желаніе порисоваться, — все мнѣ стало ясно. Я заглянулъ въ эту душу: тайный гнѣтъ давилъ ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбіе, но все существо ея стремилось къ правдѣ. Я понялъ, почему эта стравная дѣвочка меня привлекала; не одной только полу-дикой прелестью, разлитой по всему ея тонкому тѣлу, привлекала она меня: ея душа мнѣ нравилась.

Гагинъ началъ копаться въ своихъ рисункахъ; я предложилъ Асѣ погулять со мною по винограднику. Она тотчасъ согласилась съ веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присѣли на широкую плиту.

— И вамъ не скучно было безъ насъ? начала Ася.

— А вамъ безъ меня было скучно? спросилъ я.

Ася взглянула на меня съ боку.

— Да, отвѣчала она. — Хорошо въ горахъ? продолжала она тотчасъ: — онѣ высоки? Выше облаковъ? Расскажите мнѣ, чтобъ вы видѣли. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно жь вамъ было уходить, замѣтилъ я.

— Я уходила.... потому что.... Я теперь вотъ не уйду, прибавила она съ довѣрчивой лаской въ голосѣ: — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте....

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. мнѣ было очень досадно, что вы такъ ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я радъ, что вернулся, промолвилъ я.

Ася повела плечами, какъ это часто дѣлаютъ дѣти, когда имъ хорошо.

— О, я умѣю отгадывать! продолжала она: — бывало, я по одному папашину кашлю изъ другой комнаты узнавала, доводенъ ли онъ иной, или нѣтъ.

До того дня Ася ни разу не говорила мнѣ о своемъ отцѣ. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? проговорилъ я, и вдругъ, къ великой моей досадѣ, почувствовалъ, что краснѣю.

Она ничего не отвѣчала и покраснѣла тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бѣжалъ и дымился пароходъ. Мы принялись глядѣть на него.

— Что же вы не рассказываете? прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня разсмѣялись, какъ только увидѣли меня? спросилъ я.

— Сама не знаю. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня.... потому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелѣ? Вѣдь это ея скалavidнѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду, мнѣ нравится эта сказка. Фрау Луизе мнѣ всякия сказки сказываетъ. У Фрау Луизе есть черный котъ съ желтыми глазами....

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ахъ, мнѣ хорошо, проговорила она.

Въ это мгновеніе долетѣли до насъ отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосовъ разомъ и съ мѣрными разстановками повторяли молитвенный напѣвъ: толпа богомольцевъ тянулась внизу по дорогѣ съ крестами и хоругвями.

— Вотъ бы пойти съ ними, сказала Ася, прислушиваясь къ постепенно ослабѣвшимъ взрывамъ голосовъ.

— Развѣ вы такъ набожны?

— Пойти куданибудь далеко, на молитву, на трудный подвигъ, продолжала она. А то дни уходятъ, жизнь уйдетъ, а что мы сдѣлали?

— Вы честолюбивы, замѣтилъ я: — вы хотите прожить не даромъ, сдѣль за собой оставить....

— А развѣ это невозможно?

«Невозможно», чуть было не повторилъ я.... Но я взглянулъ въ ея свѣтлые глаза и только промолвилъ:

— Попытайтесь!

— Скажите, заговорила Ася, послѣ небольшаго молчанія, въ теченіе котораго какія-то тѣни пробѣжали у ней по лицу, уже успѣвшему поблѣднѣть: — вамъ очень нравилась та дама.... Вы помните, братъ пиль ея здоровье въ развалинѣ, на второй день нашего знакомства?

Я засмѣялся.

— Вашъ братъ шутилъ; мнѣ ни одна дама не нравилась; по крайней мѣрѣ, теперь ни одна мнѣ не нравится.

— А что вамъ нравится въ женщинахъ? спросила Ася, закинувъ голову съ невиннымъ любопытствомъ.

— Какой странный вопросъ! воскликнула я.

Ася слегка смущилась.

— Я не должна была сдѣлать вамъ такой вопросъ, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, чтò мнѣ въ голову входитъ. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите, ради Бога, не бойтесь, подхватилю я: — я такъ радъ, что вы наконецъ перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмѣялась тихимъ и легкимъ смѣхомъ; я не зналъ за ней такого смѣха.

— Ну, рассказывайте же, продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая ихъ себѣ на ноги, точно она усаживалась на долго: — рассказывайте или прочтите что нибудь, какъ, помните, вы намъ читали изъ «Онѣгина»....

Она вдругъ задумалась.

«Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
«Надъ бѣдной матерью моей,»

проговорила она въ полголоса.

— У Пушкина не такъ, замѣтила она.

— А я хотѣлабы быть Татьяной, продолжала она все также задумчиво. — Рассказывайте, подхватила она съ живостьюю.

Но мнѣ было не до разсказовъ. Я глядѣль на нее, всю облитую яснымъ солнечнымъ лучомъ, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами — небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо! такъ же тихо отвѣчала она, не смотря на меня. — Еслибы мы съ вами были птицы — какъ бы мы взмыли, какъ бы полетѣли.... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ.... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырості, возразилъ я.

— Какъ такъ?

Т. LXVII.

— Поживите — узнаете. Есть чувства, который поднимаютъ насъ отъ земли. Не беспокойтесь, у васъ будуть крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать... Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте.... Я попрошу брата сыграть намъ вальс.... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею — и нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увѣченіемъ. Что-то мягкое, женское простило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, до него слышалось мнѣ ея ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями.

X.

Весь этотъ день прошолъ какъ нельзя лучше. Мы веселились какъ дѣти, Ася была очень мила и проста. Гагинъ радовался, глядя на нее. Я ушолъ поздно. Вѣхавши па средину Рейна, я попросилъ перевозчика пустить лодку внизъ по течению. Старикъ поднялъ весла — и царственная рѣка понесла насъ. Глядя кругомъ, слушая, вспоминая, я вдругъ почувствовалъ тайное беспокойство на сердцѣ.... поднялъ глаза къ небу — но и въ небѣ не было покоя; испепренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился къ рѣкѣ.... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду — и тревога росла во мнѣ самомъ. Я облокотился на край лодки... Шопотъ вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запѣлъ на берегу, и заразилъ меня сладкимъ яломъ своихъ звуковъ. Слезы закипали у меня на глазахъ; но то не были слезы безпредметного восторга. Что я чувствовалъ, было не то

мутное, еще недавно испытанное ощущение всеобъемлющихъ желанийъ, когда душа ширится, а звучитъ, когда ей кажется, что она все понимаетъ и все любить... Нѣтъ! во мнѣ зажглась жадь да счастія. Я еще не смѣлъ назвать его по имени, — по счастью, счастья до пресыщенія — вотъ чего хотѣлъ я, вотъ о чёмъ томился... А лодка все неслась, и старикъ-перевозчикъ сидѣлъ въ дремали, паклонясь надъ веслами.

XI.

Отправляясь на слѣдующій день къ Гагину, я не спрашивалъ себя, влюбленъ ли я въ Асию; но я много размыслилъ о ней; ея судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближенію. Я чувствовалъ, что только со вчерашняго дня я узналъ ее; до тѣхъ поръ она отворачивалась отъ меня. И вотъ, когда она раскрылась наконецъ передо мною, какимъ приветливымъ свѣтомъ озарился ея образъ, какъ онъ былъ новъ для меня, какія тайныя обаянія стыдливо въ немъ сквозили....

Бодро шолъ я по знакомой дорогѣ, безпрестанно посматривая на издали бѣльшій домикъ; я не только о будущемъ — я о завтрашнемъ днѣ не думалъ; мнѣ было очень хорошо.

Ася покраснѣла, когда я вошелъ въ комнату; я замѣтилъ, что она опять принарядилась, но выраженіе ея лица неshalо-къ ея наряду: оно было печально. А я пришолъ такпѣкъ веселымъ! Мнѣ показалось даже, что она, по обыкновенію своему, собралась было уѣхать, по сдѣлала усилие надъ собою — и осталась. Гагинъ находился въ томъ особенномъ состояніи художническаго жара и ярости, которое, въ видѣ припадка, внезапно овладѣваетъ дилетантами, когда они вообразятъ, что имъ удались, какъ они выражаются: «поймать природу за хвостъ.» Опѣй стоялъ, весь взъерошенный и выпачканный красками, передъ затянутымъ холстомъ и, широко размахивая по немъ кистью, почти свирѣпо кивнулъ мнѣ головой, отодвинулъся, прищурилъ глаза и снова накинулъ на свою картину. Я не сталъ мѣшать ему, и подсѣлъ къ Асѣ. Медленно обратились ко мнѣ ея темные глаза.

— Вы сегодня не такая, какъ вчера, замѣтилъ я, послѣ тщетныхъ усилий вызвать улыбку на ея губы.

— Нѣтъ, не такая, возразила она, неторопливымъ и глухимъ голосомъ. — Но это ничего. Я не хорошо спала, всю ночь думала.

— О чѣмъ?

— Ахъ, я о многомъ думала. Это у меня привычка съ дѣтства; еще съ того времени, когда я жила съ матушкой....

Она съ усилиемъ выговорила это слово, и потомъ еще разъ повторила :

— Когда я жила съ матушкой.... Я думала, отчего это никто не можетъ знать, что съ нимъ будетъ; а иногда и видишь бѣду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?... Потомъ я думала, что я ничего не знаю, что мнѣ надобно учиться. Меня перевоспитать надо; я очень дурно воспитана. Я не умѣю играть на фортепьяно, не умѣю рисовать; я даже пѣю плохо. У меня пѣть никакихъ способностей, со мной должно быть очень скучно.

— Вы несправедливы къ себѣ, возразилъ я. — Вы много читали, вы образованы, и съ вашимъ умомъ....

— А я умна? спросила она съ такой наивной любознательностью, что я невольно засмѣялся, но она даже не улыбнулась.

— Братъ, я умна? спросила она Гагина.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей и продолжалъ трудиться, безпрестанно мѣня кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня въ головѣ, продолжала Ася съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ.—Я иногда самой себя боюсь, ей Богу. Ахъ, я хотѣла бы.... Правда ли, что женщины не слѣдуетъ читать много?

— Много не нужно, но....

— Скажите мнѣ, что я должна читать? скажите, что я должна дѣлать? Я все буду дѣлать, что вы мнѣ скажете, прибавила она, съ невинной довѣрчивостью обратясь ко мнѣ.

Я не тотчасъ нашолся, что сказать ей.

— Вѣдь вамъ не будетъ скучно со мной?

— Помилуйте, началь я.

— Ну, спасибо! возразила Ася:—а я думала, что вамъ скучно будетъ.

И ея маленькая горячая рука крѣпко стиснула мою.

— Н. ! вскрикнуль въ это мгновеніе Гагинъ: — не теменъ этотъ фонъ?

Я подошелъ къ нему. Ася встала и удалилась.

ХII.

Она вернулась черезъ часъ, остановилась въ дверяхъ и подозвала меня рукою.

— Послушайте, сказала она: — еслибъ я умерла, вамъ было бы жаль меня?

— Что у васъ за мысли сегодня! воскликнулъ я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мнѣ иногда кажется, что все вокругъ меня со мною прощается. Умереть лучше, чѣмъ жить такъ.... Ахъ! не глядите такъ на меня; я, право, не притворяюсь. А то я васъ опять бояться буду.

— Развѣ вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, возразила она.—Видите, я ужъ и смѣяться не могу....

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило въ ней, чего я не понималъ. Ея взоръ часто останавливался на мнѣ; сердце мое тихо сжималось подъ этимъ загадочнымъ взоромъ. Она казалась спокойною — а мнѣ, глядя на нее, все хотѣлось сказать ей, чтобы она не волновалась.—Я любовался ею, я находилъ трогательную прелестъ въ ея поблѣдѣвшихъ чертахъ, въ ея нерѣшительныхъ, замедленныхъ движеніяхъ — а ей по чему-то воображалось, что я не въ духѣ.

— Послушайте, сказала она мнѣ не за долго до прощенья: — меня мучить мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы впередъ всегда вѣрите тому, что я вамъ говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вамъ всегда буду говорить правду, даю вамъ честное слово....

Это «честное слово» опять заставило меня засмѣяться.

— Ахъ, не смѣйтесь, проговорила она съ живостью: — а тѣ я вамъ скажу сегодня то, что вы мнѣ сказали вчера: — «зачѣмъ вы смѣетесь?» — и помолчавъ немного, она прибавила: — помните, вы вчера говорили о крыльяхъ?... Крылья у меня выросли — да летѣть некуда.

— Помните, промолвилъ я: — передъ вами всѣ пути открыты...

Ася посмотрѣла мнѣ прямо и пристально въ глаза.

— Вы сегодня дурного мнѣнія обо мнѣ, сказала она, пахмуривъ брови.

— Я? дурного мнѣнія? о васъ!..

— Что это вы точно въ воду опущенные, перебилъ меня Гагинъ:— хотите, я, по вчерашнему, съиграю вамъ вальсъ?

— Нѣтъ, нѣть, возразила Ася и стиснула руки:— сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, повторила она, блѣднѣя.

«Неужели она меня любить?» думалъ я, подходя къ Рейзту, быстро катившему тѣмныя волны.

XIII.

«— Неужели она меня любить? спрашивалъ я себя на другой день, только что проснулся. — Я не хотѣлъ заглядывать въ самаго себя. Я чувствовалъ, что ея образъ, образъ «дѣвушки съ естапутымъ смѣхомъ», втѣснился мнѣ въ душу, и что мнѣ отъ него не скоро отдѣлаться. — Я пошолъ въ Л. и остался тамъ цѣлый день; но Асю видѣлъ только мелькомъ. Ей нездоровилось; у неї голова болѣла. Она сошла внизъ, на минутку, съ повязанной головы, блѣдная, худенькая, съ почти-закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: — «Это пройдетъ, это ничего; все пройдѣтъ, не правда ли?» — и ушла. — Мнѣ стало скучно и какъ-то грустно-пусто; я однако долго не хотѣлъ уходить и вернулся поздно, не увидавъ ея болѣе.

Слѣдующее утро прошло въ какомъ-то полу-снѣ сознанія; я хотѣлъ приняться за работу—не могъ; хотѣлъ ничего не дѣлать и не думать... и это не удавалось. Я бродилъ по городу, возвращался домой, выходилъ снова.

— Вы ли г-нъ Н? — раздался вдругъ за мною дѣтскій голосъ. Я отглазулся; передо мною стоялъ мальчикъ. — Это вамъ отъ фрейлейнъ Annette, прибавилъ онъ, подавая мнѣ записку.

Я развернулъ ее — и узпалъ неправильный и быстрый почеркъ Аси. — «Я непремѣнно должна васъ видѣть, писала мнѣ она; — приходите сегодня въ четыре часа къ каменной часовнѣ на дорогѣ возрѣ развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите, ради Бога, вы все узнаете... Скажите посланному: да.»

— Будетъ отвѣтъ? спросилъ меня мальчикъ.

— Скажи, что: да, отвѣчалъ я. Мальчикъ уѣждалъ.

XIV.

Я приводилъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ и задумался. Сердце во мѣсѣ сильно билось. Несколько разъ перечелъ я записку Аси. Я посмотрѣлъ на часы: и двѣнадцати еще не было.

Дверь отворилась—вошолъ Гагинъ.

Лицо его было пасмурно. Онъ схватилъ меня за руку и прѣвѣко пожалъ ее. Онъ казался очень взволнованнымъ.

—Что съ вами? спросилъ я.

Гагинъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ мене. — Четвертаго дня, началь онъ съ принужденной улыбкой и запинаясь: — я удивилъ васъ моимъ разсказомъ; сегодня удивлю еще болѣе. — Съ другимъ я, вѣроятно не рѣшился бы.... такъ прямо.... Но вы благородный человѣкъ, вы мнѣ другъ, не такъ ли?—Послушайте: моя сестра, Ася, въ вѣсѣ влюблена.

Я весь вздрогнулъ и приподнялся....

—Ваша сестра, говорите вы....

—Да, да, перебилъ меня Гагинъ.—Я вамъ говорю, она съу-
масшедшая, и меня съ ума сведеть. Но, къ счастью, она не
умѣеть лгать—и довѣряеть мнѣ.—Ахъ, что за душа у этой дѣ-
вочки.... но она себя погубить, непремѣнно.

—Да вы ошибаетесь, началь я....

—Нѣть, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти цѣлый день пролежала, ничего не ъла, впрочемъ не жаловалась.... Она никогда не жалуется.—Я не беспокоился, хотя къ вечеру у ней сдѣлался небольшой жаръ. Сегодня, въ два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: ступайте, говорить, къ вашей сестрѣ: съ ней что-то худо. — Я побѣжалъ къ Асѣ и нашелъ ее нерав-
дѣтою, въ лихорадкѣ, въ слезахъ; голова у ней горѣла, зубы стучали. «Что съ тобой? спросилъ я:—ты больна?»—Она броси-
лась мнѣ на шею и начала умолять меня увезти ее, какъ можно
скорѣе, если я хочу, чтобы она осталась въ живыхъ.... Я ниче-
го не понимаю, стараюсь ее успокоить.... Рыданія ея усили-
ваются.... и вдругъ, сквозь эти рыданія, услышалъ я.... Ну
словомъ, я услышалъ, что она вѣсѣ любить.—Увѣряю вѣсѣ, мы
съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ;
какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной си-
лой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на

нее также неожиданно и также неотразимо, какъ гроза. — Вы очень милый человѣкъ, продолжалъ Гагинъ — но почему она вѣсъ такъ полюбила, — этого, я признаюсь, не понимаю. Она говоритъ, что привязалась къ вамъ съ перваго взгляда.... Отъ того она и плакала на дняхъ, когда увѣряла меня, что, кроме меня, никого любить не хочетъ.—Она воображаетъ, чтобы ее презираете, что вы вѣроятно знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказалъ ли я вамъ ея исторію—я, разумѣется, сказалъ, что нѣтъ; но чуткостьея—просто страшна. Она желаетъ одного: уѣхать, уѣхать тотчасъ. — Я просидѣлъ съ ней до утра; она взяла съ меня слово, что наскъ завтра же здѣсь не будстъ—и тогда только она заснула.—Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился—поговорить съ вами. По моему, Ася права: самое лучшее—уѣхать намъ обеимъ отсюда. И я сегодня же бы увезъ ее, еслибы не пришла мвѣ въ голову мысль, которая меня остановила. Можетъ быть.... какъ знать? — вамъ сестра моя нравится?—Если такъ, съ какой стати я увезу ее?—Я вотъ и рѣшился, отбросивъ въ сторону всякий стыдъ.... Притомъ же я самъ кое-что замѣтилъ.... Я рѣшился.... узнать отъ вѣсъ.... Бѣдный Гагинъ смущился.—Извините меня, пожалуйста, прибавилъ онъ:—я не привыкъ къ такимъ передрягамъ.

Я взялъ его за руку.

— Вы хотите знать, произнесъ я твердымъ голосомъ: — нравится ли мнѣ ваша сестра? — Да, она мнѣ нравится....

Гагинъ взглянулъ на меня. — Но, проговорилъ онъ запинаясь: — вѣдь вы не женитесь на ней?

— Какъ вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на такой вопросъ? Попсудите сами, могу ли я теперь....

— Знаю, знаю, перебилъ меня Гагинъ. — Я не имѣю никакого права требовать отъ васъ отвѣта, и вопросъ мой — верхъ шеприличія. — Но чтò прикажете дѣлать? Съ огнемъ шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она въ состояніи занемочь, уѣхать, свиданье вамъ назначить.... Другая умѣла бы все скрыть и выждать — но не она. Съ нею это въ первый разъ, — вотъ что бѣда! Еслибы вы видѣли, какъ она сегодня рыдала у ногъ моихъ, вы бы поняли мои опасенія.

Я задумался. Слова Гагина: «свиданье вамъ назначить», зольнули меня въ сердце. Мнѣ показалось постыднымъ не отвѣтить откровенностю на его честную откровенность.

— Да, сказалъ я наконецъ: — вы правы. Часть тому назадъ, я получила отъ вашей сестры записку. Вотъ она.

Гагинъ взялъ записку, быстро пробѣжалъ ее и уронилъ руки на колѣни. Выраженіе изумленія на его лицѣ было очень забавно, но мнѣ было не до смѣху.

— Вы, повторяю, благородный человѣкъ, проговорилъ онъ: — но что же теперь дѣлать? Какъ? она сама хочетъ уѣхать, и пишетъ къ вамъ и упрекаетъ себя въ неосторожности.... и когда это она успѣла написать? Чего же она хочетъ отъ васъ?

Я успокоилъ его, и мы принялись толковать, хладнокровно, по мѣрѣ возможности, о томъ, что намъ слѣдовало предпринять.

Вотъ на чемъ мы остановились наконецъ: во избѣженіе бѣды, я долженъ быть идти на свиданіе и честно объясниться съ Асей; Гагинъ обязался сидѣть дома и не подать вида, что ему известна ея записка; а вечеромъ мы положили сойтись опять.

— Я твердо надѣюсь на васъ, сказалъ Гагинъ и стиснулъ мнѣ руку; — пощадите и ее, и меня. А уѣзжаемъ мы все таки завтра, прибавилъ онъ вставая; — потому что вѣдь вы на Асѣ не женитесь.

— Дайте мнѣ сроку до вечера, возразилъ я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Онъ ушелъ, а я бросился на диванъ и закрылъ глаза. Голова у меня ходила кругомъ: слишкомъ много впечатлѣній въ нее нахлынуло разомъ. Я досадовалъ на откровенность Гагина, я досадовалъ на Асю, ея любовь меня и радовала и смущала. Я не могъ понять, что заставило ее все высказать брату; неизѣбѣнность скораго, почти мгновеннаго рѣшенія, терзала меня....

«Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, съ ея нравомъ, какъ это можно?» сказалъ я, вставая.

XV.

Въ условленный часъ переправился я черезъ Рейнъ и первое лицо, встрѣтившее меня на противоположномъ берегу, былъ самый тотъ мальчикъ, который приходилъ ко мнѣ по утру. Онъ, повидимому, ждалъ меня.

— Отъ фрейлейнъ Аппельте, сказалъ онъ шопотомъ, и подалъ мнѣ другую записку.

Ася извѣщала меня о перенѣхъ мѣста нашего свиданія. Я долженъ былъ прийти черезъ полтора часа, не къ часовой, а въ домъ къ Фрау Лунзе, постучаться внизу и войти въ третій этажъ.

— Опять: да? спросилъ меня мальчикъ.

— Да, повторилъ я, и вошолъ къ берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотѣлъ бродить по улицамъ. За городской стѣнью находился маленький садъ съ навесомъ для кеглей и столами для любителей пива. Я вошелъ туда. Несколько уже пожилыхъ пѣмцевъ играли въ кегли; со стукомъ палились деревянные шары, изрѣдка раздавались одобрительныя воekiщанія. Хорошенькая служанка съ заплаканными глазами принесла мнѣ кружку пива; я взглянулъ въ ея лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, промолвилъ тутъ же сидѣвшій толстый и краснощекій гражданинъ: — Гашкенъ наша сегодня очень огорчена. Женихъ ея пошолъ въ солдаты. Я посмотрѣлъ на нее: она прижалась въ уголокъ и подперла рукою щеку; слезы капали одна за другой по ея пальцамъ. Кто-то спросилъ пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на свое мѣсто. Ея горе подействовало на меня; я началъ думать объ ожидавшемъ меня свиданіи: но мои думы были заботливыя, певеселыя думы. Не съ легкимъ сердцемъ шоль я на это свиданіе; не предаваться радостямъ взаимной любви предстояло мнѣ; мнѣ предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обизанноесть. «Съ неѣ шутить нельзя» — эти слова Гагина, какъ стрѣлы, впились въ мою душу. А еще четвертаго дня, въ этой лодкѣ, уносимой водными, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможнымъ — и я колебался, я отталкивалъ, я долженъ былъ оттолкнуть его прочь.... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, съ ея огненной головой, съ ея прошедшими, съ ея воспитаніемъ, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мнѣ чувства. Назначенный срокъ приближался. «Я не могу на неї жениться», рѣшилъ я наконецъ: — «она не узнаетъ, что и я полюбила ее»!

Я всталъ, — и положивъ талеръ въ руку бѣдной Гашкенъ (она даже не поблагодарила меня), направился къ дому Фрау Лунзе. Вечерняя тѣни уже разливались въ воздухѣ и узкая полоса неба, надъ темной улицей, алѣла отблескомъ зори. Я слабо

стукнула въ дверь; она тотчась отворилась. Я переступилъ порогъ и очутился въ совершенной темнотѣ.

— Сюда! послышался старушечий голосъ. Всѣ ждутъ.

Я шагнулъ раза два ощущью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, Фрау Луизе? спросилъ я.

— Я, отвѣчалъ мнѣ тотъ же голосъ: — я, мой прекрасный молодой человѣкъ. Старуха повела меня вверхъ, по крутой лѣстницѣ, и остановилась на площадкѣ третьаго этажа. При слабомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ крошечнаго окошка, я увидалъ морщавистое лицо вдовы бургомистра. Приторно лукавая улыбка растягивала ея ввалившіяся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мнѣ на маленькую дверь. Судорожнымъ движеніемъ руки, отворила я ее и захлопнула за собою.

XVI.

Въ небольшой комнаткѣ, куда я вошолъ, было довольно темно, и я не тотчась увидѣлъ Асию. Закутанная въ длинную шаль, она сидѣла на стулѣ, возлѣ окна, отвернувъ и почти спрятавъ голову, какъ испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мнѣ стало несказанно жалко ея. Я подошолъ къ ней. Она еще больше отвернула голову....

— Анна Николаевна, сказаль я.

Она вдругъ вся выпрямилась, хотѣла взглянуть на меня — и не могла. Я схватилъ ея руку, она была холодна и лежала какъ мертвая на моей ладони.

— Я желала... начала Ася, стараясь улыбнуться, но ея блѣдныя губы не слушались ея: — я хотѣла.... Нѣть, не могу, проговорила она и умолкла. Дѣйствительно, голосъ ея прерывался въ каждомъ словѣ.

Я сѣлъ подлѣ нея.

— Анна Николаевна, повториъ я, и тоже не могъ ничего прибавить.

Настало молчаніе. Я продолжалъ держать ея руку и глядѣлъ на нее. Она, по прежнему, вся сжималась, дышала съ трудомъ и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакатъ, чтобы удержать накипавшія слезы.... Я глядѣлъ на нее: было что-то трогательно безпомощное въ ея робкой неподвижности:

точно она отъ усталости едва добралась до стула и та^{къ} и ум^а-ла на него. Сердце во мнѣ растаяло....

— Ася, сказала я, едва слышно....

Она медленно подняла на меня свои глаза.... О, взглядъ женщины, которая полюбила,—кто тебя опишетъ? Они молчили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались.... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами; я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ, дрожавшей руки. Я поднялъ голову и увидѣлъ ся лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушолъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянула ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы....

— Ваша.... прошептала она, едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана.... Но вдругъ воспоминаніе о Гагинѣ, какъ молнія, меня озарило.—Что мы дѣлаемъ! воскликнулъ я и судорожно отодвинулся назадъ.... Вашъ братъ.... вѣдь онъ все знаетъ... Онъ знаетъ, что я вижусь съ вами.

Ася опустилась на стульѣ.

— Да, продолжалъ я, вставая и отходя на другой уголъ комнаты.— Вашъ братъ все знаетъ.... Я долженъ быть ему все сказать.

— Должны? проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти въ себя и плохо меня понимала.

— Да, да, повторилъ я съ какимъ-то ожесточеніемъ: — и въ этомъ вы однѣ виноваты, вы однѣ.—Зачѣмъ вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлялъ васъ все высказать нашему брату? Онъ сегодня былъ самъ у меня и передалъ мнѣ вашъ разговоръ съ нимъ. — Я старался не глядѣть на Асю и ходилъ большими шагами по комнатѣ. Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, воскликнулъ я:—останьтесь, прошу васъ. Вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ,—да, съ честнымъ человѣ-

когдъ. — Но, ради Бога, чѣмъ взволновало васъ? Развѣ вы замѣтили во мнѣ какую перемѣну? А я не могъ скрываться передъ вашимъ братомъ, когда онъ пришолъ сегодня ко мнѣ.

«Чѣмъ я такое говорю?» думалъ я про себя и мысль, что я беззаконный обманщикъ, что Гагинъ знаетъ о нашемъ свиданіи, что все искажено, обнаружено, перепутано, — такъ в звѣнѣла у меня въ головѣ.

— Я не звала брата, послышался испуганный шопотъ Аси:— онъ пришолъ самъ.

— Посмотрите же, что вы надѣяли, продолжалъ я. Теперь вы хотите уѣхать.

— Да, я должна уѣхать, такъ же тихо проговорила она:— я и попросила васъ сюда для того только, чтобы проститься съ вами.

— И вы думаете, возразилъ я:— мнѣ будетъ легко съ вами разстаться?

— Но зачѣмъ же вы сказали брату? съ недоумѣніемъ повторила Ася.

— Я вамъ говорю — я не могъ поступить иначе. Еслибы вы сами не выдали себя....

— Я заперлась въ моей комнатѣ, возразила она простодушно:— я не знала, что у моей хозяйки былъ другой ключъ....

Это невинное извиненіе, въ ея устахъ, въ такую минуту — меня тогда чуть не разсердило.... а теперь я безъ умилія не могу его вспомнить. Бѣдное, честное, искреннее дитя!

— И вотъ теперь все кончено! началъ я снова.— Все. Теперь намъ должно разстаться. Я украдкой взглянула на Аси.... лицо ея быстро краснѣло. Ей, я это чувствовала, и стыдно становилось, и страшно. Я самъ ходилъ и говорилъ какъ въ лихорадкѣ.— Вы не дали развиться чувству, которое начинало созрѣвать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имѣли ко мнѣ довѣрія, вы усомнились во мнѣ....

Пока я говорилъ, Ася все больше и больше наклонялась впередъ — и вдругъ упала на колѣни, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбѣжалъ къ ней, пытался поднять ее, но она мнѣ не давалась. Я не выпошу женскихъ слезъ: при видѣ ихъ я теряюсь тотчасъ.

— Анна Николаевна, Ася, твердилъ я:— пожалуйста, умоляю васъ, ради Бога, перестаньте.... Я снова взялъ ее за руку....

Но къ величайшему моему изумлению, она вдругъ вспомнила, — съ быстротою молнии бросилась къ двери и исчезла....

Когда нѣсколько минутъ спустя, Фрау Луизе вошла въ комнату — я все еще стоялъ по самой серединѣ ея, ужъ точно какъ тромонъ пораженный. Я не понималъ, какъ могло это свиданіе такъ быстро, такъ глупо кончиться—кончиться, когда и я самой доли не сказалъ того, что хотѣть, что долженъ быть сказанъ, когда я еще самъ не зналъ, чѣмъ оно могло разрешиться....

— Фрейлейнъ ушла? спросила меня Фрау Луизе, приподнявъ свои жолтые брови до самой накладки.

Я посмотрѣлъ на пеѣ какъ дуракъ — и вышелъ зонъ.

XVII.

Я выбрался изъ города и пустился прямо въ поле. Досада, досада бѣшена, меня грызла. Я осмыкаль себя укоризнами. Какъ я могъ не понять причину, заставившую Асю перемѣнить иѣsto нашего свиданія, какъ не оцѣнить, чего ей стоило прийти къ этой старухѣ, какъ я не удержалъ ее! Наединѣ съ ней, въ той глухой, едва освѣщенной комнатѣ, у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть ее отъ себя, даже упрекать ее.... А теперь ея образъ меня преслѣдовалъ, я просилъ у ней прощенія, воспоминанія объ этомъ блѣдномъ лицѣ, объ этихъ влажныхъ и робкихъ глазахъ, о развитыхъ волосахъ на наклоненной шеѣ, о легкомъ прикосновеніи ея головы къ моей груди — и глядѣ мене. «Ваша»... слышался мнѣ ея шопотъ. «Я поступиль по совѣсти»—увѣрялъ я себя.... Неправда! Развѣ я точно хотѣть такой развязки? развѣ я въ состояніи съ ней разстаться? Развѣ я могу лишиться ея? Безумецъ! Безумецъ! повторялъ я съ озлобленіемъ....

Между тѣмъ ночь наступала. Большими шагами направился я къ дому, гдѣ жила Ася.

XVIII.

Гагинъ вышелъ ко мнѣ на встречу.

— Видѣли вы сестру? закричалъ онъ упѣ еще издали.

— Развѣ ея нѣть дома? спросилъ я.

— Нѣтъ!

— Она не возвращалась?

— Нѣтъ. Я, виноватъ, продолжалъ Гагинъ: — не могъ утерпѣть; противъ нашего уговора, ходилъ къ часовни; тамъ ея не было; стало-быть она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы ея не видѣли?

Я долженъ былъ сознаться, что я ее видѣлъ.

— Гдѣ?

— У Фрау Лунзе. — Я разстался съ ней часъ тому назадъ, прибавилъ я: — я былъ увѣренъ, что она домой вернулась.

— Подождемъ, сказалъ Гагинъ.

Мы вошли въ домъ и сѣли другъ подлъ друга. Мы молчали. Намъ очень неловко было обомъ. Мы безпрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконецъ Гагинъ всталъ.

— Это ни на что не похоже! воскликнулъ онъ: — у меня сердце не на юбѣтъ. Она меня уморить, ей Богу.... пойдемте искать ее.

Мы вышли. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло.

— О чѣмъ же вы съ ней говорили? спросилъ меня Гагинъ, надвигая шляпу на глаза.

— Я видѣлся съ ней всего минутъ пять, отвѣчалъ я: — я говорилъ съ ней, какъ было условлено.

— Знаете ли что? возразилъ онъ: — лучше намъ разйтись, эдакъ мы скорѣе на нее паткнуться можемъ. — Во всякомъ случаѣ, приходите сюда черезъ часъ.

XIX.

Я проворно спустился съ виноградника и бросился въ городъ. Быстро обошелъ я всѣ улицы, заглянулъ всюду, даже въ окна Фрау-Луизе, вернулся къ Рейну и побѣжалъ по берегу... Из-рѣдка попадались инѣ женскія фигуры; но Аси нигдѣ не было видно. Уже не досада меня грызла, тайный страхъ терзалъ меня, и не одинъ страхъ я чувствовалъ... нѣть, ячувствовалъ раскаяніе, сожалѣніе самое жгучее, любовь — да! самую нѣжную любовь. Я ломалъ руки, я звалъ Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва въ поль-голоса, потомъ все громче и гром-

че; я повторилъ сто разъ, что я ее люблю, я клялся никогда съ ней не разставаться; я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы опять держать ея холодную руку, опять слышать ея тихій голосъ, опять видѣть ее передъ собою... Она была такъ близка, она пришла ко мнѣ съ полной рѣшимостью, въ полной невинности сердца и чувствъ, она припесла мнѣ свою нетронутую молодость.... и я не прижалъ ее къ своей груди, я лишилъ себя блаженства увидать, какъ ея милое лицо разцвѣло бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня съ ума сводила.

— Куда могла она пойти, чѣдѣала ? восклицалъ я въ тоскѣ безсильного отчаянія... Что-то бѣлое мелькнуло вдругъ на самомъ берегу рѣки.— Я зналъ это мѣсто: тамъ, надъ могилой человѣка, утонувшаго лѣтъ семидесять тому назадъ, стоялъ до половины вросшій въ землю каменный крестъ съ старинной надписью. — Сердце во мнѣ замерло... Я подбѣжалъ къ кресту: бѣлая фигура исчезла; я крикнулъ: «Ася!» дикій голосъ мой испугалъ меня самого — но никто не отзвался...

Я рѣшился пойти узнать, не нашелъ ли ее Гагинъ.

XX.

Быстро взбиралась по тропинкѣ виноградника, я увидѣлъ сѣть въ комнатѣ Аси... Это меня нѣсколько успокоило.

Я подошелъ къ дому; дверь внизу была заперта; я постучалъ. Неосвѣщенное окошко въ нижнемъ этажѣ осторожно отворилось и показалась голова Гагина.

— Нашли? спросилъ я его.

— Она вернулась, отвѣчалъ онъ мнѣ шепотомъ: — она въ своей комнатѣ и раздѣвается. Все въ порядкѣ.

— Слава Богу! воскликнулъ я съ несказаннымъ порывомъ радости: — слава Богу! Теперь все прекрасно. Но вы знаете, мы должны еще переговорить.

— Въ другое время, возразилъ онъ, тихо потянувъ къ себѣ раму, въ другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, промолвилъ я: — завтра все будетъ рѣшено.

— Прощайте, повторилъ Гагинъ. Окно затворилось.

Я чуть было не постучалъ въ окно. Я хотѣлъ тогда же сказать Гагину, что я прошу руку его сестры. Но такое сватанье,

въ такую веру... До завтра, подумалъ я: — завтра я буду счастливъ...

Завтра я буду счастливъ! У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣть и вчерашняго; оно не помнить прошедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее, и то не день, а мгновенье.

Я не помню, какъ дошелъ я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какія-то широкія, сильныя крылья. Я прошелъ мимо куста, гдѣ пѣлъ соловей; я остановился и долго слушалъ: мнѣ казалось, онъ пѣлъ мою любовь и мое счастье.

XXI.

Когда на другой день утромъ я сталъ подходить къ знакомому дому, меня поразило одно обстоятельство: все окна въ немъ были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какія-то бумажки валялись передъ порогомъ; служанка съ метлой показалась за дверью.

Я приблизился къ ней...

— Уѣхали! брякнула она, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить ее: дома ли Гагинъ?

— Уѣхали?... повторилъ я... Какъ уѣхали? Куда?

— Уѣхали сегодня утромъ въ шесть часовъ и не сказали куда. Постойте, вѣдь вы, кажется, г-нъ Н?

— Я г-нъ Н.

— Къ вамъ есть письмо у хозяйки. Служанка пошла на верхъ и вернулась съ письмомъ. — Вотъ-съ, извольте.

— Да не можетъ быть... Какъ же это такъ?... началь было я. Служанка тупо посмотрѣла на меня и принялась мести.

Я развернулъ письмо. Ко мнѣ писалъ Гагинъ; отъ Аси не было строчки. Онъ начиналъ съ того, что просилъ не сердиться на него за внезапный отъездъ; онъ былъ увѣренъ, что по зрѣлому соображеніи, я одобрю его рѣшеніе. Онъ не находилъ другаго выхода изъ положенія, которое могло сдѣлаться затруднительнымъ и опаснымъ. — «Вчера вечеромъ, писалъ онъ, пока мы оба молча ожидали Аси, я убѣдился окончательно въ необходимости разлуки. Есть предразсудки, которые я уважаю; я понимаю, что вамъ нельзя жениться на Асѣ. Ова мнѣ все

«сказала; для ся спокойствія я долженъ бытъ уступить ся тому — скореннымъ, усиленнымъ просыбамъ». — Въ концѣ письма онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что наше знакомство такъ скоро прекратилось, желалъ мнѣ счастья, дружески жалъ мнѣ руку и умолялъ меня не стараться ихъ отыскивать.

— Какіе предразсудки? вскричалъ я, какъ будто онъ могъ меня слышать: — что за вздоръ! Кто дасть право похитить ее у меня... Я схватилъ себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: ей испугъ заставилъ меня прийти въ себя. Одна мысль во мнѣ загорѣлась: съискать ихъ, съискать, во чтобы то ни стало. Принять этотъ ударъ, примириться съ такою развязкой было невозможно. Я узналъ отъ хозяйки, что они въ шесть часовъ утра сѣли на пароходъ и поплыли внизъ по Рейну. Я отправился въ контору: тамъ мнѣ сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошелъ домой съ тѣмъ, чтобы тотчасъ уложиться и поплыть вслѣдъ за ними. Мнѣ пришлося идти мимо дома фрау Луизе.... Вдругъ я слышу: меня кличетъ кто-то. Я поднялъ голову и увидалъ въ окнѣ той самой комнаты, гдѣ я наканунѣ видѣлся съ Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошелъ мимо; но она мнѣ крикнула вслѣдъ, что у ней есть что-то для меня. Эти слова меня остановили и я вошелъ въ ея домъ. Какъ передать мои чувства, когда я увидалъ опять эту комнатку....

— По настоящему, начала старуха, показывая мнѣ маленькую записку: — я бы должна была дать вамъ это только въ случаѣ, еслибы вы зашли ко мнѣ сами, но вы такой прекрасный молодой человѣкъ. Возьмите.

Я взялъ записку.

На крошечномъ клочкѣ бумаги стояли слѣдующія слова, торопливо начерченные карандашомъ:

«Прощайте, мы не увидимся болѣе. Не изъ гордости я уѣзжаю — нѣтъ, мнѣ нельзѧ иначе. Вчера, когда я плакала передъ вами, еслибы вы мнѣ сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его несказали. Видно, такъ лучше.. Прощайте навсегда».

Одно слово... О, я безумецъ! Это слово... я со слезами повторялъ его наканунѣ, я расточалъ его на вѣтеръ, я твердилъ его среди пустыхъ полей.... но я не сказалъ его ей, я не сказала ей, что я люблю ее.... Да я и не могъ произнести тогда

это слово. Когда я встрѣтился съ нею въ той рѣковой комнатѣ, во мнѣ еще не было яснаго сознанія моей любви; оно не про-
снулось даже тогда, когда я сидѣлъ съ ея братомъ въ безсмы-
слии и тягостномъ молчаніи.... оно вспыхнуло съ неудер-
жимой силой, лишь нѣсколько мгновеній спустя, когда испуган-
ной возможностью несчастія, я сталъ искать и звать ее, но ужь
тогда было поздно. « Да это невозможно! » скажутъ мнѣ; не знаю,
возможно ли это — знаю, что это правда. Ася бы не уѣхала,
еслибы въ ней была хоть тѣнь кокетства и еслибы ея положеніе
не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая
снесла бы, я этого не понялъ. Недобрый мой гений остановилъ
признаніе на устакъ моихъ при послѣдпемъ свиданіи съ Гаги-
нымъ передъ потемнѣвшимъ окномъ, и послѣдняя нить, за ко-
торую я еще могъ ухватиться — выскользнула изъ рукъ моихъ.

Въ тотъ же день вернулся я съ уложеннымъ чемоданомъ въ
городъ Л. и поплылъ въ Кёльнъ. Помню, пароходъ уже отча-
ливалъ и я мысленно прощался съ этими улицами, со всѣми эти-
ми мѣстами, которыя я уже никогда не долженъ былъ позабыть,
и увидѣлъ Ганихенъ. Она сидѣла возлѣ берега на скамью. Лицо
ея было блѣдно, но не грустно; молодой красивый царень сто-
ялъ съ ней рядомъ и, смѣясь, рассказывалъ ей что-то; а на дру-
гой сторонѣ Рейна, маленькая моя Мадонна все такъ же пе-
чально выглядывала изъ темной зелени старого ясения.

XXII.

Въ Кёльнѣ я напалъ на слѣдъ Гагиныхъ; я узналъ, что они
поѣхали въ Лондонъ; я пустился вслѣдъ за ними; но въ Лон-
донѣ всѣ мои розыски остались тщетными. Я долго не хотѣлъ
смириться, долго упорствовалъ, но я долженъ былъ отказаться
наконецъ отъ надежды настигнуть ихъ.

И я не увидѣлъ ихъ болѣе — я не увидѣлъ Аси. Темные
слухи доходили до меня о немъ, но она навсегда для меня ис-
чезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, нѣсколько лѣтъ
спустя, я мелькомъ увидѣлъ за границей въ вагонѣ желѣзной
дороги женщину, лицо которой живо напомнило мнѣ незабвен-
ныя черты... но я, вѣроятно, былъ обманутъ случайнымъ сход-
ствиемъ. Ася осталась въ моей памяти той самой дѣвочкой, какою
я зналъ ее въ лучшую пору моей жизни, какой я ее видѣлъ

въ послѣдній разъ наклоненной на спинку низкаго деревянаго стула.

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что я не слишкомъ долго грустилъ по ней; я даже нашелъ, что судьба хорошо распорядилась, не соединивъ меня въ Асей; я утѣшался мыслю, что я вѣроятно не былъ бы счастливъ съ такой женой. Я былъ тогда молодъ и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мнѣ безпредѣльнымъ. Развѣ не можетъ повториться то, что было, думалъ я: и еще лучше, еще прекраснѣе?... Я зналъ другихъ женщинъ, — но чувство, возбужденное во мнѣ Асей, то жгучее, нѣжное, глубокое чувство уже не повторилось. Нѣтъ! ни одни глаза не замѣнили мнѣ тѣхъ, когда-то съ любовью устремленныхъ на меня глазъ, ни на чье сердце, привавшее къ моей груди, не отвѣчало мое сердце такимъ радостнымъ и сладкимъ замирапіемъ! Осужденный на одиночество безсемейнаго бобыля, до-живяя скучные годы; во я храню, какъ святыню, ея записочки и высохшій цветокъ гераніума, тотъ самый цветокъ, который она никогда мнѣ бросила изъ окна. Онъ до сихъ поръ издастъ слабый запахъ, а рука, мнѣ давшая его, та рука, которую мнѣ только разъ пришлось прижать къ губамъ моимъ, быть можетъ, давно уже тлѣеть въ могилѣ... И я самъ — чтосталось со мною? Чѣ осталось отъ меня, отъ тѣхъ блаженныхъ и тревожныхъ дней, отъ тѣхъ крылатыхъ надеждъ и стремлений? Такъ легкое испареніе ничтожной травки переживаетъ всѣ радости и всѣ горести человѣка — переживаетъ самого человѣка.

И. ТУРГЕНЕВЪ.

Римъ, 1887 г.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПРЕЖНЕВЪ, совершенно дряхлый старикъ, по-
тѣа безъ всякаго движения, въ большихъ чи-
нахъ. Его взять изъ кресла.
ПРЕЖНЕВА, Софья Ивановна, жена его,
вѣдь 45.

ПОЛЬ, молодой человѣкъ, ея сынъ.
УСТИНЬЯ ФИЛИМОНОВНА ПЕРЕШИВКИНА,
пожилая женщина, прежде бывшая ильинка
Поли, теперь въ родѣ пруживалки или эко-
номки по разнымъ знакомымъ домамъ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ отставшими отъ стѣнъ обоями. Паркетный полъ по угламъ значитель-
но опустился. Наѣво, окна въ садъ и дверь на деревянный съ колони-
зацией балконъ; прямо дверь выходная, направо во внутреннія комнаты.
По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ,
надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченыхъ
рамахъ. Мебель старая, тяжелая, съ потертой позолотой. На столахъ
бронза старого фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ,
въ видѣ миндалинъ. Двѣ или три шармочки изъ плюща. На всемъ
видны — и совершенный упадокъ — и остатки прежней роскоши.

I.

ПРЕЖНЕВЪ (подлѣ окна спить въ вольтеровскомъ, на колесахъ, креслѣ. Одѣтъ въ мѣховой халатъ, ноги покрыты бѣлымъ шерстянымъ пологомъ). На противоположной сторонѣ ПРЕЖНЕВА (въ изящномъ утре- немъ неглиже, полулежитъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ).

ПРЕЖНЕВА (опустивъ книгу).

Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила!
Nous autres femmes... мы... о! мы вѣримъ, мы едѣю вѣримъ.
 мы никогда не анализируемъ. Нѣть, я не стану дальше читать
 этотъ романъ. Молодой человѣкъ, хорошаго происхожденія,
 красивъ, уменъ, служить въ военной службѣ, выражаетъ ей
 свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ.... и она.... Она
 имѣла силы отказать ему! Нѣть, она не женщина! Женщина —
 твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И
 какъ легко насть обмануть! Мы для любимаго человѣка готовы
 всѣмъ пожертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что,
 къ несчастію, случается очень часто, то ужь въ этомъ винова-
 ты не мы, а они. Они по большей части хитры и коварны....
 мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему
 вѣрить, что только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ
 опытовъ убѣждаемся въ безправственности обожаемыхъ лицъ.
 (*Молчаніе.*) Но нѣть! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ
 обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возмож-
 ность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба!
 Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обста-
 новкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ,
 журчавъ водъ. Онъ пришелъ въ охотничью костюмъ, съ ружь-
 емъ, собака лежала у его ногъ. Ахъ! но мужчины.... они часто
 въ злѣ употребляютъ прекрасныя качества нашего пѣжнаго серд-
 ца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣд-
 ные женщины! (*Молчаніе.*) Конечно есть и между насть такія, ко-
 торыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкие материаль-
 ные расчеты, хозяйственныя хлопоты. Но это проза, проза!
 что бы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которые
 разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ,
 но я не признаю ихъ женщинами. Они могутъ быть умны, учены,
 но вмѣсто сердца у нихъ ледъ. (*Молчаніе.*) Когда мнѣ при-

ходяты такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю объ моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщиными! Я на передѣ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ, дѣти! дѣти! (цихарть спиртъ и потожъ звонить. Входитъ лакей.)

ЛАКЕЙ.

Чего изволите-съ?

ПРЕЖНЕВА.

Что, баринъ не приходилъ еще?

ЛАКЕЙ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ПРЕЖНЕВА.

Когда онъ придетъ, пошли его ко мнѣ.

ЛАКЕЙ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

ПРЕЖНЕВА.

Онъ такой чувствительный, нервный мальчикъ! Весь въ меня. Его бы надобно было беречь, лелеять; а я не могу; я не имѣю средствъ. Послѣ такого прекраснаго воспитанія онъ, по несчастію, долженъ служить. Тамъ эти столонаачальники.... всѣ они въ такихъ странныхъ фракахъ.... а онъ такой нервный, такой первый!... я вѣрю, что его всѣ притѣсняютъ, потому что ему всѣ завидуютъ.

(Входитъ Полѣ).

II.

ПРЕЖНЕВА и ПОЛЬ (безукоризненно одѣтый въ лѣтнемъ костюмѣ, съ утомленнымъ видомъ, нѣсколько ломаясь).

ПОЛЬ.

Bon jour, maman!

ПРЕЖНЕВА (палуетъ его въ лобъ).

Bon jour, Paull Откуда ты?

ПОЛЬ (садясь съ другой стороны на диванъ).

Откуда!... Извѣ того прекраснаго мѣста, куда вашъ угодно было опредѣлить меня.

ПРЕЖНЕВА.

Что жь дѣлать, Полѣ!

ПОЛЬ.

И шелъ пѣшкомъ въ такой ужасный жарь.

ПРЕЖНЕВА.

У насть, въ этой залѣ, такъ хорошо, такъ прохладно!

ПОЛЬ.

Да; но за то каково здѣсь зимой! Всѣ углы егнини, поль провалился.

ПРЕЖНЕВА.

Да, мой другъ, теперь наши дѣла въ очень дурномъ положеніи.

ПОЛЬ.

Ваши дѣла! Какія у васъ дѣла? Отецъ, вонъ, едва дышить, вы тоже ужъ отжили свой вѣкъ. Каково мое положеніе!

ПРЕЖНЕВА.

Я тебѣ вѣрю, мой другъ. Я воображаю, какъ тебѣ тяжело!

ПОЛЬ.

Еще бы легко! Вы послушайте меня. По рожденію, по воспитанію, по знакомству, ну наконецъ по всему, поглядите вы на меня съ ногъ до головы,—я принадлежу къ лучшему обществу....

ПРЕЖНЕВА.

О, да.

ПОЛЬ.

И чего же мнѣ недостаетъ? Вѣдь это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣть состоянія?—никто не приметъ этого ни въ уваженіе, ни въ оправданіе. Я все—таки долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Чтожь, въ мѣщане что ли мнѣ приписаться? Сапоги шить? Нѣтъ состоянія, это смѣшно даже.

ПРЕЖНЕВА.

Было, Поль, было,

ПОЛЬ.

Я знаю, что было, да теперь гдѣ? я знаю больше.... я знаю, что вы его промотали.

ПРЕЖНЕВА.

Ахъ, Поль, не вини меня; ты знаешь, что всѣ мы, женщины, такъ довѣрчивы, такъ слабы! Когда бытъ еще здоровъ твой отецъ, насть всѣ считали очень богатыми людьми, у насть было отличное имѣніе въ Симбирской губерніи. Онъ какъ—то умѣль управлять всѣмъ этимъ. Потомъ, когда его разбилъ параличъ, я жила совсѣмъ не роскошно, а только что прилично.

ПОЛЬ.

А monsieur Пеше чѣмъ вамъ стоять? Сознайтесь, таман!

ПРЕЖНЕВА.

Ахъ, мой другъ, онъ такъ нуженъ былъ для твоего воспитанія. Потомъ, я два раза была за границей; а впрочемъ большихъ расходовъ никакихъ не дѣлала. И вдругъ мнѣ говорять, что я все прожила, что у насъ ничего нѣтъ. Это ужасно! Вѣроятно всему виною тамъ эти управляющіе да бургомистры.

ПОЛЬ.

Каналы!

ПРЕЖНЕВА.

Что дѣлать, мой другъ! Люди такъ злы, коварны, а мы съ тобою такъ довѣрчивы.

ПОЛЬ.

Это вы, шаман, довѣрчивы; а попадись они мнѣ, я бы имъ задалъ. Фить, фить.... (*дѣлаетъ жестъ рукой*). Вѣдь съ этимъ народомъ нельзя иначе. Это имъ хорошо.... почаще.... Просто, зло береть. Изъ-за этихъ негодяевъ я теперь долженъ чѣмъ свѣтъ идти пѣшкомъ въ какой-то судъ, о которомъ я бы и не слыхалъ никогда; потомъ бѣжать пѣшкомъ домой или трястись на Ванькѣ. Не могу же я такъ жить, какъ живутъ эти писцы, съ которыми, впрочемъ, я сижу рядомъ. Они тамъ на крыльцѣ Ѣдятъ у разношниковъ пироги съ лукомъ. Они все могутъ, они такъ созданы; а я немогу. Ну, вотъ я теперь и задолжалъ всѣмъ: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши всѣ ходятъ къ Шевалье, и правовѣды... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, пироги съ лукомъ єсть, а тамъ еще нужно экзаменъ держать въ какомъ-то Уѣздномъ училищѣ. Ужасно! А будь у меня состояніе, я бы ничего этого и не зналъ: нисудовъ, ни Уѣздныхъ училищъ, ни писарей съ пирогами. На что мнѣ все это?...

ПРЕЖНЕВА.

Да, да, я понимаю.... съ твоимъ нѣжнымъ сердцемъ.... ты такой первыи!...

ПОЛЬ.

Я просто не знаю, чтò мнѣ дѣлать! Выдѣй случай, такъ въ карты бы обыгралъ кого нибудь, не посовѣстился.

ПРЕЖНЕВА.

Да, въ твоемъ положеніи.... конечно....

ПРЕЖНЕВЪ (*просыпаясь*).

Павель, ты давно былъ въ театрѣ?

ПОЛЬ.

Недавно.

ПРЕЖНЕВЪ.

Кто мынче маркизовъ играеть?

ПОЛЬ.

Давно ужъ никто не играеть.

ПРЕЖНЕВЪ.

Я прежде хорошо маркизовъ игралъ.

(Прежнева звонить. Входить лакей).

ПРЕЖНЕВА.

Вывези барина на балконъ; да возьми старыя газеты, почитай ему!

(Лакей беретъ газеты и увозить Прежнева на балконъ).

ПОЛЬ

Вотъ еще, мой любезный дядюшка, тамъ онъ гдѣ-то предсѣдалъ, селъ быль, такъ и разсуждаетъ съ высока. Ты, говорить, многое хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это? пріхоти, роскошь? Я хочу только необходимаго, безъ чего нельзя обойтись человѣку нашего круга. Кажется, ясно. Такъ нѣть, дядюшка любезный говорить: ты этого не долженъ желать, потому что ты не имѣешь средствъ. Да развѣ я виноватъ, что не имѣю средствъ. Гдѣ же тутъ логика?

ПРЕЖНЕВА.

Какая логика, все вздоръ.

ПОЛЬ.

Ты, говорить, работай. Нѣть ужъ, слуга покорный! Что, я дошадь, что-ли?

ПРЕЖНЕВА.

Для твой человѣкъ грубый.

ПОЛЬ.

Нѣть, шашап, это драма.

ПРЕЖНЕВА.

Драма, mon cher!

ПОЛЬ.

И еще какая драма! Что тамъ рѣжутся, отправляются, все это вздоръ.

ПРЕЖНЕВА.

Знаешь чтò, Поль? — я думаю, тебѣ бы жениться.

ПОЛЬ.

Что жь, я не прочь жениться, да на комъ?

ПРЕЖНЕВА.

Да, это вопросъ! Я знаю тебя, Поль. Зачѣмъ ты такъ прекрасно воспитанъ? Зачѣмъ у тебя такая нѣжная душа? Ты че-

резь это будешь несчастливъ въ своей жизни. Тебѣ пѣть пары! Много, слишкомъ много, нужно имѣть дѣвушкѣ достоинствъ, чтобы понравиться тебѣ и сдѣлать твоё счастье.

ПОЛЬ.

Вы, можетъ быть, думаете, шташап, что меня прельщаетъ семейное счастье. Я ужъ не ребенокъ, мнѣ двадцать-одинъ годъ. Что за пастораль! (Хохочетъ.) Мнѣ просто нужны деньги.

ПРЕЖНЕВА.

Но все-таки, мой другъ, я знаю твой характеръ, я знаю, что ты не захочешь жепиться на комъ нибудь.

ПОЛЬ.

На комъ хотите. Мнѣ нужны деньги, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобы играть роль въ обществѣ, одинимъ словомъ, чтобы дѣлать то, къ чему я способенъ. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и съ достоинствомъ. У меня для этого есть всѣ способности, есть тактъ, есть вкусъ, я могу быть передовымъ человѣкомъ въ обществѣ.

ПРЕЖНЕВА.

Однако, мой другъ....

(Входитъ лакей).

ЛАКЕЙ.

Перешивкина пришла.

ПРЕЖНЕВА.

Вѣчно не во-время пріѣдетъ.

ПОЛЬ.

Поговоримъ послѣ, еще будетъ время.

ПРЕЖНЕВА.

Пусть войдетъ.

(Лакей уходитъ).

III.

ТѢЖЕ и ПЕРЕШИВКИНА.

ПРЕЖНЕВА.

Что ты, Устинья Филимоновна?

ПЕРЕШИВКИНА (далуетъ Прежневу въ плечо и становится сзади).

Провѣдать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благо-дѣтелей не забываю.

ПОЛЬ.

А, боткинья Филимоновна, откуда тебя принесло?

ПЕРЕШИВКИНА.

Какая я ботинья лимоновна? Вы все, баринъ, шутите.

ПОЛЬ.

Она, кажется, воображаетъ, что съ ней можно говорить серьезно.

ПЕРЕШИВКИНА.

У меня, матушка, знакомый человѣкъ люми-термо дѣластъ....
(Поль хохочетъ.) Ничего, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной, старухой.... Такъ, вотъ, неудобно ли купить, онъ мнѣ дешево отдастъ. Широкій такой, добротный. Прикажете принести? Въ городѣ за эту цѣпу не купите.

ПРЕЖНЕВА.

Принеси, я посмотрю.

ПОЛЬ.

А много ли ты тутъ, старая корга, наживешь?

ПЕРЕШИВКИНА.

Ужь и старая корга?

ПОЛЬ.

Что жь, ты, можетъ быть, еще замужъ сбираешься?

ПЕРЕШИВКИНА.

Не годится вамъ, баринъ, меня, старуху, бранить, я васъ на рукахъ нянчила.

ПОЛЬ.

Кажется, она обижаться вздумала. Вотъ одолжить.

ПРЕЖНЕВА.

Оставь ее, мой другъ!

ПЕРЕШИВКИНА.

Ничего, матушка, ничего, пусть шутить. Онъ ужь такой шутникъ! Еще маленький мнѣ какъ-то чепчикъ сзади зажегъ.

ПОЛЬ.

А, помнишь!

ПЕРЕШИВКИНА.

Какъ не помнить! Всѣ волосы сжегъ, да и лицу досталось. А вы, баринъ, не смѣйтесь надо мной; я еще, можетъ, пригожусь вамъ.

ПОЛЬ.

На что жь ты мнѣ пригодишься? Въ огородѣ вмѣсто чучела поставить?

ПЕРЕШИВКИНА.

А, можетъ быть, на что другое пригожусь, Павель Петровичъ. Какъ знать? Чтобъ, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупыя слова? Можетъ я какое слово и къ мѣstu скажу.

ПРЕЖНЕВА.

Что такое? Говори!

ПЕРЕШИВКИНА.

Есть у меня одна лада, знакомая, Серафимой Карповной зовутъ. Я завсегда къ нимъ въ домъ вхожа. Она, вотъ видите ли, матушка, купеческаго рода, только была за господиномъ Асламевичемъ, важнымъ человѣкомъ, въ чинахъ. Онъ, матушка, одинъ разъ генераломъ былъ.

ПОЛЬ (хочетъ).

Какъ это такъ?

ПЕРЕШИВКИНА.

А вотъ какъ: гдѣ онъ служилъ-то, такъ ихній генераль въ отпуску былъ, въ это-то самое время онъ и былъ генераломъ цѣлый мѣсяцъ.

ПОЛЬ.

А, вотъ какъ. Ну, ври, ври!

ПЕРЕШИВКИНА.

Это истинно я вамъ говорю. И всего только одинъ годочекъ жила она съ нимъ, а теперь, вотъ, другой годъ вдовѣеть.... Да вы не разсердитесь, матушка барыня.

ПРЕЖНЕВА.

Ну, продолжай!

ПЕРЕШИВКИНА.

Красавица собой, и добрая, а ужъ скромная какая!—на рѣдкость. И разсчетливая, ужъ на наряды или тамъ на какія бездѣлицы денегъ не промотаетъ.

ПОЛЬ.

То есть, просто скуча.

ПЕРЕШИВКИНА.

Не то, что скуча, а разсчетлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значить, все при ней состоитъ. Однихъ денегъ полтораста тысячъ.

ПОЛЬ.

Полтораста тысячъ!

ПЕРЕШИВКИНА.

Сама, сама видѣла, всѣ эти билеты у нея въ пкатулкѣ видѣла; при мнѣ считала. Только вы лучше велите мнѣ, дурѣ, замолчать. Вѣдь языкъ безъ костей, пожалуй мели, что хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы все-таки мнѣ дороже ея. Богъ съ ней. За что же я васъ буду напрасно въ гнѣвъ вводить!

ПРЕЖНЕВА и ПОЛЬ.

Ничего, говори, говори!

ПЕРЕШИВКИНА.

Коли приказываете, такъ буду говорить. Вотъ, матушка барыня, такъ сказать по нашему, по женски: дѣло молодое, другой годъ вдовѣть.... ну, вотъ, она.... И чѣто, чтобы лгу: я на себя и грѣха этого не возьму. Я всегда вашимъ добромъ довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькие, а добра не забываемъ, и завсегда, чѣмъ могу, услужить....

ПОЛЬ (накинувъ рукой).

Ну!

ПРЕЖНЕВА.

Да ты продолжай!

ПЕРЕШИВКИНА.

Слушаю, матушка. Вотъ она у васъ тутъ по гosѣству живеть. Налѣво бѣлый каменный домъ; Павель Петровичъ часто мимо кодитъ.

ПРЕЖНЕВА.

Ну, такъ что же?

ПЕРЕШИВКИНА (на ухо).

Влюбилась.

ПРЕЖНЕВА.

Что?

ПЕРЕШИВКИНА (громче).

Влюбилась. Ей-Богу!... Да.

ПРЕЖНЕВА (смѣется).

Да что же тутъ удивительного? Ты глупа, душа моя! Еще бы въ него-то не влюбиться! Вотъ рѣдкость!

ПЕРЕШИВКИНА.

Ну само собой, барыня; да вѣдь съ деньгами.

ПОЛЬ (постѣ).

La donna e mobile.....

ПЕРЕШИВКИНА.

Я, говорить, влюблена, Устинья Филимоновна. Въ кого, говорю, матушка, въ кого? А вотъ посмотри, сейчасъ пройдетъ. Я гляжу въ окно-то, а Павель Петровичъ и идетъ; а она идетъ говорить: вотъ онъ. Я такъ и акнула.

ПОЛЬ (постѣ).

La donna e mobile.....

ПЕРЕШИВКИНА.

Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотреть: понравится ли еще. Ну да колисомнѣе вѣбете, можно и въ Опекунскомъ справиться, билеты-то все именные. Отчего же не сбравиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Вѣдь это дѣло вѣчное.

ПОЛЬ (подходитъ къ матери).

Маша, я иду гулять.

ПРЕЖНЕВА.

Прощай, мой другъ! (целуетъ его въ лобъ.)

ПОЛЬ (тихо).

Хлопочите. (Уходитъ.)

ПРЕЖНЕВА.

Вотъ видишь ли, милая Устинья Филипповна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадамъ Асламевичъ въ него влюбилась.... Однако, если онъ ее увидитъ, можетъ быть, она ему и понравится.... Я, конечно, съ своей стороны не буду препятствовать ему, хоть она и изъ купеческаго званія.... Мнѣ только бы онъ счастливъ... (встаетъ). Пойдемъ, я вѣю тебя чаевъ напоить.... Только ты ужъ веди себя поумнѣе.

ПЕРЕШИВКИНА.

Матушка, я по гробъ жизни.... (Уходитъ.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

КАРПЪ КАРПЫЧЪ ТОЛСТОГОРАЗДОВЪ, ку-
знецъ, сѣйцъ, извеснѣй, толстый.

УЛІТА НІКІТІШНА, жена его, пожилая жен-
щина, безъ особыхъ пріязнъ.

СЕРАФІМА КАРПОВНА, дочь Толстогораздова,
вдова, высокаго росту, худощава, необыкно-
венной красоты. Походка и движенія инсти-
тутики. Часто задумывается, задыхается и под-
нимаетъ глаза къ небу, когда говоритъ о
любви; томѣ дѣлаетъ, когда про себя счи-

таетъ деньги, а иногда и просто безъ всякой
причины.

МАТРЕНА, горничная, девчина родственница
Толстогораздовъ. Молодая цѣвка, полна,
тѣло измѣренной бѣлизны, щеки румяны,
глаза и брови черные. Ходить въ шубѣ, руба-
шка съ кисейными рукавами, въ костѣ лягушки.

1-й КУЧЕРЪ, Толстогораздовъ.

2-й КУЧЕРЪ, Сергеевны Карповны.

Дворъ. На право галлерей дома, на заднемъ планѣ садъ; на лѣво на-
дворное строеніе; двѣ двери: одна на погребъ, другая на сѣнникъ.

I.

(На дворѣ).

1-й КУЧЕРЪ сидитъ на приступкѣ у погребицы. МАТРЕНА входитъ.

1-й КУЧЕРЪ (поетъ тонкійъ голосомъ).

Прежде жилъ я, мальчикъ, исселился;
Но имѣлъ свой капиталъ.

Капиталу, мальчикъ, я рѣшился,
Во неволю жить попасть.

МАТРЕНА.

Хозяева проснулись. Ты бы, Иванычъ, самоваръ-то втащилъ.

1-й КУЧЕРЪ.

А ты что за барыня? Промниши! Ишь жиругу-то нагуляла; не-
укудунашь нигдѣ, точно на наковальнѣ молотками сколочена.

(Поетъ.)

И какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?

МАТРЕНА.

Позавидовалъ ты моему жиру. У самого рыло-то ужь лоп-
нуть хочетъ. Неси, что ли, говорятъ тебѣ.

1-й КУЧЕРЪ.

Приходи завтра (*поетъ*).

Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?

МАТРЕНА.

Дай срокъ, я вотъ Улитѣ Никитишнѣ скажу, что ты ничего
не дѣлаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й КУЧЕРЪ.

Я кучерь, понимаешь ты это? Я свое дѣло правлю. А ты
что? Типунь-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Зна-
чать ты его (*показывая на самоваръ*) и волоки.

МАТРЕНА.

Да вѣдь въ немъ пудовъ пять будетъ, гдѣ жь дѣвка его ста-
щить.

1-й КУЧЕРЪ.

Опять таки это до меня некасающее.

МАТРЕНА.

Стыда-то въ тебѣ ничего нѣтъ, безстыжіе твои глаза! Хоть
надорвись дѣвка, тебѣ все равно.

(Поднимаетъ самоваръ, всѣмъ корпусомъ отваливается
назадъ, и загнувъ голову на сторону отъ пару, идетъ къ
галлерѣ).

1-й КУЧЕРЪ (въ сѣдѣ ей).

Не балуй въ серыгахъ, позолота сойдетъ!

МАТРЕНА (входя на крыльцо, оборачивается).

Ругатель! (*Ставитъ на столъ самоваръ*).

1-й КУЧЕРЪ (*поетъ*).

Какова, братцы, неволя?

Да кто знаетъ про нее.

(На галлерею выходить Карпъ Карпычъ и Улита Ники-
тишва. Кучерь замолкаетъ и уходитъ).

II.

(На галлерей).

КАРПЪ КАРПЫЧЪ И УЛИТА НИКИТИШНА (садятся у стола на галлерей).

УЛИТА НИКИТИШНА (заваривая чай).

Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Какой это муаръ-антикъ?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такая материа.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну и пущай ее.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да я такъ.... Воть кабы Серафимочка за мужъ вышла, такъ ужь сшила бы себѣ, кажется.... Всѣ дамы носятъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты нешто дама?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Обнакновенно дама.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да воть можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова.... когда ты себя дамой называешь.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да, что же такое за слово: — дама? Что въ немъ.... (ищетъ слова) постыднаго?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да коли не люблю! Воть тебѣ и сказъ!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, а Серафимочка дама?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да, нѣть! Все таки.... какъ же!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ

Сказано, молчи, ну и баста! (молчаніе).

T. LXVII.

7

УЛИТА НИКИТИНА.

Когда было это страженіе?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Какое страженіе?

УЛИТА НИКИТИНА.

Ну вотъ недавно-то. Разъ не помашь, что ли?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Такъ что же?

УЛИТА НИКИТИНА.

Такъ много изъ простаго звания въ офицеры произошли.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, чтѣ
соответственно.

УЛИТА НИКИТИНА.

А какъ же вотъ, къ памъ мѣщанка ходить, такъ говорила,
что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ
благородна.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да, дожидайся.

УЛИТА НИКИТИНА.

А говорять, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки
есть.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (смѣется).

Гвардія. (Молчаніе.)

УЛИТА НИКИТИНА.

Говорятъ, грѣшно чай пить.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Это еще отъ чего?

УЛИТА НИКИТИНА.

Потому, изъ некрещеной земли идеть.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Мало ли что изъ некрещеной земли идеть.

УЛИТА НИКИТИНА.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крашеной земли, мы его и
ѣдимъ во время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣдѣ, а мы
за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и званий прѣкъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты пей во время.

УЛИТА НИКИТИНА.

Нѣтъ, все таки....

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Все таки молчи. Ума у тебя нѣть, а разговаривать любишь.
Ну, и молчи! (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Какая Серафимочка у насть счастливая! Была за бариномъ, барыня стала, и овдовѣда—все таки барыня. А какъ теперь, если за князя выдѣтъ, такъ, пожалуй, княгиня будеть.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Все таки по мужѣ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, а какъ за князя выдѣтъ, неужто я такъ-таки ничего?
Вѣдь она мое рожденіе.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я, было, обѣ дѣлъ задумаль, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего, бабыаго, разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! вотъ дѣло-то короче будетъ. (*Задумывается. Молчаніе. Вѣльгаетъ Матрена.*)

III.

МАТРЕНА.

Матушка, Улица Никитишина, Серафима Карповна прѣѣхала.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ахъ, батюшки! (*быстро встаетъ и уходитъ съ Матреной.*)

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Кабы на бабъ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ нѣть, давай лѣзть въ чужое. Пристаетъ къ мужу: скажи ей свое дѣло и свою тайну, и прельщаются его прелестю и лукавствомъ, и осклабляютъ лицо сїбе,— и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, и онъ наушаютъ и соизвѣняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ который, и неопытный, можетъ полститься на ихъ прелестъ, а человѣкъ старый въ разумъ входить и въ лѣта постоянныя, для того женская прелестъ ничего не значить, даже скверно.

(На дворѣ.)

Входить 1-й и 2-й КУЧЕРА.

2-й КУЧЕРЬ.

У васъ, какое сравненіе! Не въ примѣръ лучше. Просто жиць, а не барыня; сама овесь выдается. (Уходятъ въ сарай.)
 Входить УЛИТА НИКИТИШНА, СЕРАФИМА КАРПОВНА и МАТРЕНА.

IV.

(На галлерѣи.)

КАРПЪ КАРПЫЧЪ, УЛИТА НИКИТИШНА (садится на свое мѣсто и разливаетъ чай), **СЕРАФИМА КАРПОВНА** (въ плащѣ, въ мантильѣ, въ зеленыхъ перчаткахъ, съ вонтикомъ, подходитъ къ отцу), **МАТРЕНА** (ставитъ на столъ росписную чашку, которую привнесла изъ комната и становится по-одаль).

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Здравствуйте, папенька! (целуются).

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Здравствуй! Садись, такъ гостья будешь.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (садясь).

А гдѣ же братецъ, Онисимъ Карповичъ?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Гдѣ Онисимъ-то? Загуляль. Вотъ ужъ пятый день чертить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А сестрица, Анна Власьевна?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да вотъ, какъ ни бьемся, все Онисимъ пить-то не переста-
етъ, такъ жена и повезла по тюрьмамъ жалачи раздавать.
Авось Богъ проститъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да, да... Повезла жалачи раздавать... заключеннымъ...
Вѣдь все больше занапрасно...

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да, занапрасно! Они тамъ рѣжутъ да грабятъ, а ихъ не
сажать.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такъ чай тѣ, которые грабятъ-то, въ острогъ сидятъ; я въ
живѣ-то за что?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А въ ямѣ-то за долги.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Какъ не за долги! Вонъ, говорять, Конъ Конычъ за процентъ сидить.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

За какой процентъ?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да также, за процентъ. А какой тутъ процентъ! Какъ браиль, такъ и отдай. Чай вѣдь это грѣхъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ты опять разговаривать! (*Улита Никитишина наливает чай, Матрена подает на поднос чашку Серафиму Карповну, та беретъ, не снимая перчатокъ*).

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ты-бъ, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилю, да и платье-то бы разстегнула сзади, здѣсь все свои. Вотъ тебѣ Матрена разстегнетъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ахъ, что это вы, маменька! Минъ не жарко. Я къ вамъ на минуточку пріѣхала, только посовѣтоваться.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (дуя на блюдечко).

Объ чемъ бы это, напримѣръ?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Я хочу замужъ вѣти.

УЛИТА НИКИТИШНА (всплеснувъ руками.)

Ахъ, батюшки!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну что жь! Съ Богомъ! Это дѣло хорошее. Это лучше...

УЛИТА НИКИТИШНА (качая головой, и складывая руки на груди.)

Красавица ты моя!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А за кого бы это? Желаю я знать.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Онъ, папенька, молодой человѣкъ, служить въ Судѣ и, надобно вамъ сказать, небогатый. Я бъ и не пошла за бѣднаго, да ужъ очень въ него влюблена. (*Поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ и задумывается*).

УЛИТА НИКИТИНА (всплеснувъ руками.)

Ахъ, матушка моя!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А чьиихъ омы?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Прежневъ. Онъ благородный, хорошей фамилии, можетъ мѣсто хорошее получить. Что жь, думаю, у ~~меня~~ своихъ деньги; если буду жить разсчетливо, могу прожить и съ мужемъ. Лучше я себѣ во всемъ откажу, а ужь я безъ него жить не могу. (*Оплакиваетъ вздыхаетъ и поднимаетъ глаза*).

КАРПЪ КАРПЫЧЪ

Можетъ качества какія есть?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Качествъ за нимъ никакихъ не смыкать.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ты, Серафима, помни одно, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ. Такъ ты, смотри, не проживи деньги-то, которыя за тобой дадены.

УЛИТА НИКИТИНА.

Тотъ быѧ старикъ, а этотъ, ишь-ты, молодой: гляди рожать будешь; такъ деньги-то, чтобы дѣтамъ остались.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Мнѣ денегъ прожить нельзя съ моимъ характеромъ. (*Отдаетъ чашку Матренѣ*)

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, онъ молодой, а ты все-таки вдова, а не дѣвушка, все, какъ будто, передъ мужемъ совсѣмъ; ну, онъ подастися, да и выманитъ деньги-то.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (принимая чашку отъ Матрены.)

Неужели мужчины могутъ любить только изъ денегъ? (*Вздохъ и глаза къ небу*.)

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты думала какъ? Порядокъ известный.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (выходи изъ задумчивости.)

Да я ему и не дамъ денегъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, и ладно. Ты поступай такъ, какъ я тебѣ приказывалъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А вотъ и у насть скоро свадьба. Матрену въ саду съ приказчикомъ застали; такъ хочу погынчать. (*Матрена закрывает лиро рукаючи.*) Тысячу рублей ему денегъ я свадьба на мой счетъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Тебѣ бы только пображничать гдѣ было, за тымъ и свадьбу-то затѣяль.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, еще что?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ничего больше.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (строго).

Нѣтъ, ты поговори!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ничего, право, ничего.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (строже).

Нѣтъ, поговори что нибудь, я послушаю.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да что говори-то, коли не слушаешь.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Что слушать-то! Слушать-то у тебя ничего. Эхъ, Улита Никитишина, (*грозить пальцемъ*) сказано: молчи! Я хочу, чтобы девка чувствовала, а ты съ своими разговорами. (*Матрена закрывает другимъ рукавомъ глаза.*) Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу. (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Смотри, будеть ли онъ любить-то тебя.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Что жъ, маменька, въ моемъ характерѣ ничего дурнаго нѣтъ. Только я... еще и въ пансіонѣ говорили, что я музыки со всемъ не понимаю, задумываюсь часто, такъ ви обѣ чѣмъ, да очень люблю сладкое, такъ, можетъ, онъ этого не замѣтить. Да вотъ еще на серебро плохо считаю....

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ничего, привыкнешь.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Можетъ быть ему не понравится, что я разсчетлива, такъ вѣдь иначе мнѣ какъ же? Я стараюсь только, чтобы не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Чтожъ я буду тогда безъ капиталу, я ничего не буду значить.

КАРЬ КАРПЫЧЪ.

Обнакновенно.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А проценты я сейчас могу расчесть на бумажкѣ: нась тъ пансіонъ этому учили. А вотъ вдругъ безъ бумажки, я и не могу. (*Задумывается*).

УЛИТА НИКИТИШНА.

Объ чёмъ ты это думаешьъ-то, милушка?... Да и я то дура! Какъ тебѣ, бѣдной, не думать-то! Перемѣна въ жизни. Вѣдь въ него не влѣзешь, какой онъ тамъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣть, маменька, я вотъ давеча ленты покупала, по восьми гривенъ ассигнаціями, семь аршинъ; такъ вотъ я и думаю, сколько это на серебро-то будетъ, и такъ ли онъ мнѣ сдачу сдать съ трехъ цѣлковыхъ? (*вынимаетъ портъ-моне и смотритъ въ него*).

КАРЬ КАРПЫЧЪ.

Рубь шесть гривенъ... рубь сорокъ сдачи.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Такъ ли, папенька-съ?

КАРЬ КАРПЫЧЪ.

Ну, да что тутъ еще разговаривать!

СЕРАФИМА КАРПОВНА (*прачечь портъ-моне*).

Хорошо-съ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Смотри, не пьетъ-ли?

КАРЬ КАРПЫЧЪ.

Опять ты все врешь! кто нынче не пьетъ!

УЛИТА НИКИТИШНА.

То есть ты спроси, во хмѣлю-то онъ каковъ?

КАРЬ КАРПЫЧЪ.

Ну, вотъ это дѣло.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Потому, другой смиренный въ хмѣлю, такъ это нужды нѣть, все равно, что не пьющий.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Хорошо, маменька, я распрошу-съ. Мнѣ, маменька, пора.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ахъ, какъ это можно. Посиди. Вѣдь ты сладкое-то любишь... У насъ фрукты какие преотмѣнныe! Поди, Матрена, принеси, они

у меня на окнѣ въ спальнѣ. (*Матрена уходитъ и скоро возвращается съ фруктами и подноситъ Серафимѣ Карповнѣ, а потомъ ставитъ на столъ*). Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Что это вы, маменька!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Пивца, душенька?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Да развѣ я пью?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну медку?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Право не могу.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну вареньца?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Вареньца можно.

УЛИТА НИКИТИШНА (*доставъ ключи изъ кармана*).

Матрена! сходи въ кладовую, принеси двухъ сортовъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Да вели моему кучеру подавать.

(*Матрена беретъ ключи и уходитъ черезъ сцену*).

УЛИТА НИКИТИШНА.

Кушай еще, Серафимушка! (*Серафимна Карповна беретъ еще*). А ты, что же, Карпъ Карпичъ?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну вотъ еще! Стану я теперь ъсть всякую дрянь. А ты отложи мнѣ, а остальные вели убрать; я ужо какъ стану водку пить, такъ закушу апельсиномъ. (*Улита Никитишина беретъ и пьстъ. Молчаніе.*)

III.

(На дворѣ).

МАТРЕНА (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери сънишка и толкаетъ ее ногой*).

Эй вы, гужѣды! (*кучера выходятъ*). Подавай лошадей! Барыня ъхать хотятъ.

2-й КУЧЕРЪ.

Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й КУЧЕРЪ.

Ишь ты!

2-й КУЧЕРЪ.

Такъ язв тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. И такъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подъ черкеса.

1-й КУЧЕРЪ.

У меня тутъ по сосѣдству одинъ деньщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской кампаніи были, такъ онъ про австріяка сказывалъ.

2-й КУЧЕРЪ.

А что такое?

1-й КУЧЕРЪ.

А вотъ что, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано, при французѣ, когда французы были: что ты можешь мнѣ препятствовать! хочешь, я тебя раззорю.

2-й КУЧЕРЪ.

И раззорить.

1-й КУЧЕРЪ.

Раззорить.

2-й КУЧЕРЪ.

Потому, сила.

1-й КУЧЕРЪ.

Ничего не подѣлаешь. Все равно, какъ милюція была... одиннадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымается. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту, значитъ въ барабанъ, отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна. Ну и прутъ себѣ, что ты хочешь.

2-й КУЧЕРЪ.

Извѣстно, ужь тутъ кто кого.

1-й КУЧЕРЪ.

Кто, значитъ, ужь одолѣть, чья сила возьметъ.**МАТРЕНА.**

Скучно слушать-то! Охъ, воины! сидя на пескѣ воете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й КУЧЕРЪ (скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ).

Сволочь!

МАТРЕНА.

Говорять вамъ, барыня дожидается.

2-й КУЧЕРЪ (надѣвай на правую руку петлю
круга, языкомъ подаетъ Иванычу).

Прощай.

1-й КУЧЕРЪ.

Прощай, другъ любезный!

(Уходитъ за дамъ, Матрена за галлерею).

IV.

(На галлереѣ).

УЛИТА НИКИТИШНА.

Серафимушка! я было и забыла... еще вотъ что надо безпрѣмѣнно тебѣ сдѣлать! Ужь проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что онъ не моть, не пьяница, не картежникъ, — такъ съѣзди къ ворожеѣ къ Парашѣ. Приди къ ней смирененько и спроси: будетъ ли, молъ, раба Серафима счастлива съ работомъ... Какъ его?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Павломъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Съ работомъ Павломъ? Чѣдѣ она тебѣ скажеть, такъ и сдѣлай.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ничего ты этого не дѣлай!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну ужь, Карпъ Карпычъ, я во всемъ тебя послушаю, а это дѣло нетвое, это дѣло женское! Не слушай ты его, Серафимушка, дѣлай, какъ я велю. Я мать — худо не посовѣтую.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Хорошо-съ. (Встаетъ). Прощайте, папенька! Прощайте, ма-менька! (цалуетъ).

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты вотъ чтѣ, ты скажи жениху, коли будетъ ко мнѣ почитителенъ, я ему шубу подарю хорошую, а коли не будетъ — назадъ отниму. (Уходитъ).

Между второю и третьею картинами проходитъ месяцъ.

6

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЛИЦА:

ПОЛЬ.
СЕРАФИМА КАРПОВНА, жена его.
СОФЬЯ ИВАНОВНА ПРЕЖНЕВА.
НЕИЗВѢСТНЫЙ, приятель Поля, человекъ сред-

нихъ лѣтъ, съ греческими профилемъ и прат-
 выми выражениемъ лица.
ГОРНЧАЙ.
ЛАКАЙ.

Богато убраный кабинетъ.

I.

ПОЛЬ (сидитъ за столомъ и пишетъ), **ЛАКАЙ** (входитъ).

ЛАКАЙ.

Павелъ Петровичъ, тамъ портной да каретникъ дожидаются.

ПОЛЬ (обращаясь).

Гони ихъ вонъ.

ЛАКАЙ.

Да неайдутъ-съ.

ПОЛЬ.

Ну, скажи имъ, что на слѣдующей недѣлѣ.

ЛАКАЙ.

Говорилъ, — да неайдутъ-съ.

ПОЛЬ.

Такъ неужели-жь мнѣ самому съ ними разговаривать? Ну, скажи имъ чтѣ нибудь такое. Ты видишь, что я занятъ. Надоѣлъ! Пашоль вонъ!

ЛАКАЙ.

Тамъ еще какой-то баринъ васъ спрашивается.

ПОЛЬ.

И его гони.

(Неизвѣстный показывается въ дверяхъ; лакей, увидѣвъ неизвѣстнаго, уходитъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно.

ПОЛЬ (встаетъ)

Ахъ, мой другъ, я и не зналъ, что это ты. Извини, сдѣлай ми-
 лость!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, ты не зналъ.

(Осматриваетъ съ ногъ до головы Поля, и потомъ кабинетъ).

ПОЛЬ.

Право же, не зналъ. Неужели бы я тебя не принялъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (садится).

Ну хорошо, хорошо.

ПОЛЬ.

Сигару не хочешь ли?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (иронически улыбаясь.)

Сигару? А когда же деньги?

ПОЛЬ.

Теперь скоро.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

То есть, какъ же это: теперь, или скоро?

ПОЛЬ.

Скоро, скоро,

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты скоро отдашь? (*Смотритъ пристально на Поля*). Ну, а если я тебѣ не вѣрю.

ПОЛЬ.

Какъ же тебѣ не вѣрить, у тебя въ рукахъ документъ. Потомъ, ты видишь, какъ я живу.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да вѣдь документу срокъ; а это не твое, — а женнино.

ПОЛЬ.

Это все равно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ, не все равно.

ПОЛЬ.

Такъ чего ты хочешь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А вотъ чего: или ты завтра мнѣ отдашь всѣ деньги, или мы перепишемъ документъ....

ПОЛЬ.

Изволь, перепишемъ хоть сейчасъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ, мы перепишемъ завтра, только чтобъ твоя жена подпись писалась поручительницей.

ПОЛЬ.

Какъ же это?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Тамъ ужъ маклеръ знать какъ; а то я подамъ ко взысканію. (*устаетъ*).

ПОЛЬ.

Ну, хорошо.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ смотри же, завтра! (*Идетъ къ двери*). Ты не думашъ ли отвернуться какъ нибудь? Этого со мной нельзя. (*Уходитъ*).

ПОЛЬ.

Это скучно наконецъ! Богатъ, богатъ, а денегъ все нѣтъ. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня, у насъ все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я такъ долго откладываю? Только все больше и больше запутываюсь. (*Серафима Карповна входитъ, Поль пишетъ*).

II.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Поль, брось писать, не пиши! (*Обнимаетъ его*. Поль перестаетъ писать). Я такъ счастлива, такъ счастлива! Господи, за что мнѣ такое счастіе! (*Задумывается*). Всего у меня много, мужъ такой милый, (*целуетъ его*) красавецъ, умный! Только одно меня беспокоитъ: ты часто уѣзжаешь. Ужъ коли ты женился, ты бы все и сидѣлъ со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

ПОЛЬ.

Нельзя же, мой другъ, у меня служба.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ты и нынче пойдешь?

ПОЛЬ.

Да, пойду. Ужъ мнѣ пора.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Возьми меня съ собой.

ПОЛЬ.

Куда это, въ Сенатъ-то?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ну, да.

ПОЛЬ.

Что ты говоришь! Да развѣ это можно?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

У васъ все нельзя. Просто, ты меня не любишь, отъ того и не хочешь взять. Кабы ты любилъ, ты бы взялъ. Ты бы сказалъ всѣмъ: «это моя жена». Что-жъ, я тебя никогда не остримлю, я въ пансіонѣ воспитывалась.

ПОЛЬ.

Да ты спроси у когонибудь, коли мнѣ не вѣришь, берутъ ли
женъ въ присутственныя мѣста.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Оттого и не берутъ, что не любять насъ. Кабы любили, такъ
бы брали. Если бы вы насъ любили такъ, какъ мы васъ любимъ,
вы бы всѣ наши прихоти исполняли. Мы для васъ все на свѣтѣ
готовы сдѣлать, а вы никакой малости не хотите.

ПОЛЬ.

Да и я все, что хочешь, готовъ для тебя сдѣлать, только
этого нельзя.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ну, покрайней мѣрѣ, сдѣлай для меня удовольствие, неѣди
пышче, посиди со мной.

ПОЛЬ (пожимая плечами).

Если ты хочешь, — изволь.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣть, въ самомъ дѣлѣ, ты не пойдешь?

ПОЛЬ.

Не пойду, если тебѣ угодно.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Милый Поль, какой ты добрый! Какъ ты меня балуешь! Че-
го я для тебя на свѣтѣ не сдѣлаю! Ну, говори! Говори, чего хо-
чешь! да говори же! (ласкастъ его). Проси чего хочешь. Все, все
на свѣтѣ. Ну, скажи, чего ты хочешь, сейчасъ же пойду въ го-
родъ и куплю тебѣ. (Входитъ горничная).

ГОРНИЧНАЯ.

Барыня, пожалуйте, швея пришла.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Поль, милый Поль, я сейчасъ приду. (Уходитъ).

III .

ПОЛЬ.

Странныя иногда у ней желанія являются, и не разберешь:
отъ глупости это, или отъ любви ко мнѣ. Впрочемъ, это очень
хорошо, что она меня такъ любить. Чего, говорить, ты хочешь?
Чего? Разумѣется, денегъ. Значить, правду говорятъ, что у жен-
щинъ сердце гораздо чувствительнѣе нашего. А я, признаться,
этому прежде не вѣрила. Теперь я понимаю, что если любовь
заберетъ ихъ за живое, такъ бери съ нихъ, что хочешь. Да и

хорошенькая какая! Даже этакъ, если и съ другой стороны взять... да что тутъ разговаривать-то, просто наслажденіе! Если ужъ просить, такъ за-разъ большой кушъ; надо пользоваться минутой, пока она въ экстазѣ. (*Входитъ Серафима Карповна*). Ахъ, Серафима, я хотѣла съ тобой поговорить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

И я хотѣла съ тобой поговорить, Поль.

ПОЛЬ.

Ну, такъ говори ты.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, ты говори прежде.

ПОЛЬ.

Нѣтъ, ты, Серафима.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, ты.

ПОЛЬ.

Я тебѣ уступаю, какъ дамѣ, Серафима.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки мѣняешь, вѣдь это разсчетъ.

ПОЛЬ.

Чтоты, съ ума что ли сошла! Что это за разсчетъ для насы! Нѣтъ, я хотѣла поговорить совсѣмъ о другомъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Все таки, другъ ты мой (*целуетъ его*), надобно разсчитывать. Никакого въ этомъ сумасшествія нѣть.

ПОЛЬ.

Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой другъ; это даже хорошо, что ты въ мелочахъ соблюдаешь экономію. Мелочи въ жизни важное дѣло. Я очень радъ, что нашелъ въ тебѣ такую хозяйствку! Но я хочу съ тобой поговорить о болѣе важномъ дѣлѣ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Объ ѿемъ же это, Поль? Да, нѣтъ, постой! Что намъ обѣ дѣлѣ говорить! Мы еще съ тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе. Что намъ говорить обѣ дѣлахъ, поговоримъ о любви. (*Вздохъ и глаза къ небу*).

ПОЛЬ.

Объ любви еще мы успѣемъ, когда только тебѣ будетъ угодно, а теперь мнѣ нужно обѣ дѣлѣ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ахъ, Поль, ты остался со мной; мнѣ теперь, право, ни о чёмъ другомъ думать не хочется.

ПОЛЬ.

Нѣтъ, Серафима, мнѣ, право, нужно съ тобой серьёзно по-говорить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (нѣсколько обиженнаго тона).
Что такое тебѣ нужно? Говори?

ПОЛЬ.

Какъ ты хочешь употребить свой капиталъ?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Что за вопросъ! Я его никакъ не хочу употреблять; пускай лежитъ въ Совѣтѣ, а мы будемъ жить процентами.

ПОЛЬ.

Но процентовъ очень мало, мой другъ! Мы лучше пустимъ капиталъ въ оборотъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Въ какой оборотъ?

ПОЛЬ.

Напримеръ, купимъ имѣніе.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Какое имѣніе?

ПОЛЬ.

Ну, деревню въ хорошей губерніи, хоть въ Орловской.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ни за что на свѣтѣ! Мужики не будутъ платить, деревня можетъ сгорѣть; пять лѣтъ неурожай! Что-жь тогда дѣлать?

ПОЛЬ.

Пять лѣтъ неурожай не бываетъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Однако можетъ быть; ты вѣдь не пророкъ.

ПОЛЬ.

Ну, купимъ домъ, да пустимъ жильцовъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А жильцы платить не будутъ.

ПОЛЬ.

Какъ это платить не будуть? Съ нихъ всегда можно взыскать.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ну, а домъ сгоритъ?

ПОЛЬ.

Надо застраховать.

T. LXVII.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А придетъ непріятель, да разоритъ все. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

ПОЛЬ.

Ну, перестанемъ лучше объ этомъ говорить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ты самъ посуди. Ты молодой еще человѣкъ, у насъ могутъ быть дѣти.

ПОЛЬ.

Конечно будуть дѣти; но что жь изъ этого? Чѣмъ мы больше будемъ получать, тѣмъ больше дѣтямъ достанется.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, я и говорить не хочу; а то мнѣ сейчасъ скучно дѣлается. Ты и не разстроивай меня. Какіе тамъ обороты! Мы и такъ можемъ жить. Всего у насъ много (задумывается). Теперь время свободное, ты не пойхалъ въ присутствіе... (обнимаетъ Поля).

ПОЛЬ (освобождается изъ объятій).

Нѣтъ, Серафима, какъ ты хочешь, а мнѣ съ тобой нужно поговорить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (сердито).

Объ чемъ еще?

ПОЛЬ.

А вотъ объ чемъ: дай ты мнѣ, коли любишь меня, пять тысячъ рублей серебромъ. Мнѣ очень нужно для одного дѣла. Дѣло, Серафима, очень выгодное,— я теперь тебѣ не скажу какое, — но мы можемъ вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти увѣренъ, что больше.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Пять тысячъ рублей серебромъ... Сколько же это будетъ на ассигнаціи?

ПОЛЬ.

Почемъ я знаю.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Постой, я сейчасъ сочту (вынимаетъ изъ кармана бумажку и карандашъ и считаетъ). Ахъ, ахъ! (ублагается).

IV.

ПОЛЬ.

Что же это такое? Чего она испугалась? Я ужъ и не пойму. Не думаетъ ли она, что я всю жизнь буду только одной любовью

пробавляться? Это будетъ очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконецъ, узнать, что она больше любить: меня или деньги? Коли меня — такъ дѣло поправить можно. А какъ деньги? Просто хоть въ петлю лѣзь. (*Входитъ Прежнева*).

ПРЕЖНЕВА.

Bon jour, Paul!

ПОЛЬ.

Bon jour, maman!

ПРЕЖНЕВА (*садится*).

Я сейчасъ заходила къ твоей женѣ; что съ ней сдѣлалось? Плачетъ и собирается куда-тоѣхать.

ПОЛЬ.

Была маленькая сцена.

ПРЕЖНЕВА.

Ахъ, Поль, такъ рано! Такъ скоро послѣ свадьбы! Не оскорбаль ли ты ее чѣмъ нибудь? Женщина такое слабое, такое нѣжное созданіе.

ПОЛЬ.

Какой чортъ оскорбилъ! Я только попросилъ у ней денегъ.

ПРЕЖНЕВА.

Довольно ли ты нѣженъ быль съ ней?

ПОЛЬ.

Да, помилуйте, я цѣлый мѣсяцъ съ ней нѣжничалъ, жили какъ голуби (*хочають*). Только пынче рѣшился попросить денегъ. Она сначала было такъ расчувствовалась, что лябо. Пропен, говорить, что хочешь; я все для тебя на свѣтѣ. Я хоть сейчасъ, говорить, поѣду въ городъ и куплю тебѣ чего хочешь. Что жъ она мнѣ купитъ? Собачку фарфоровую или сахарного гусара? А вотъ, какъ попросилъ я у ней пять тысячъ, такъ взвизгнула да ушла... а теперь плачетъ. Это, чортъ знаетъ, что такое!

ПРЕЖНЕВА.

У ней нѣть, нѣть чувствъ, мой другъ. Женщина для любимаго человѣка готова все на свѣтѣ. Нѣть, мой Поль, она не женщина.

ПОЛЬ.

Нѣть, она женщина, только денегъ не даетъ.

ПРЕЖНЕВА.

Ахъ, Поль, я думаю, что она современемъ тебя оцѣнить, — въ такъ полюбить, такъ полюбить, (*восторженло*) что отдастъ твое полное распоряженіе и себя и ... все свое состояніе.

ПОЛЬ.

Да вѣдь этого нужно ждать, а мнѣ ждать нельзя.

ПРЕЖНЕВА.

Подожди, Поль! За то впередъ какое блаженство ожидаетъ тебя.

(Входитъ горничная съ письмомъ и бумажникомъ въ рукахъ и подаетъ Полью).

ПОЛЬ.

Это что такое?

ГОРНИЧНАЯ.

Барыня уѣхали и приказали замъ отдать бумажникъ и письмо. (Уходитъ).

ПОЛЬ.

Бумажникъ! Это хорошо!

(Кладетъ бумажникъ въ руки).

ПРЕЖНЕВА.

Я тебѣ говорила.

ПОЛЬ.

Теперь почитаемъ посланіе. (Читаетъ): «Милый Поль! Какъ я ни люблю тебѣ, но намъ должно разстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будетъ разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебѣ. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а домъ этотъ продамъ. Теперь ужъ ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мнѣ сегодня показалъ, что будто ты меня любишь изъ-денегъ. Но въ нашемъ купеческомъ кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ?—тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ,—я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги,—я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы. Я приготовила тебѣ къ именинамъ бумажникъ и сама вышила, и какъ я чувствовала, что тебѣ мой подарокъ будетъ очень пріятенъ, то и пасылаю тебѣ. Ты изъ чапенъкъ не ѿзи, онъ у насъ очень сердитъ и очень разгневается на тебя, когда все это узнаетъ; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться въ деньгахъ, я тебѣ всегда готова помочь потихоньку отъ своихъ, только не много—рублей сто, не болѣе. Будь счастливъ! А я должна плакать всю жизнь. Твоя на вѣки, Серафима».—Что же это такое! Это такъ странно, что я даже этому и не вѣрю. Вѣроятно

она шутить, или хочетъ меня попугать. Однако посмотримъ, что такое за бумажникъ. Можетъ быть въ немъ что нибудь и есть (вынимаетъ изъ кармана).

ПРЕЖНЕВА.

Я почти увѣрена, Поль. Она вѣрно хотѣла тебѣ сдѣлать скориазъ.

ПОЛЬ.

Бумажникъ щегольской! (*Разчертываетъ его и рассматриваетъ.*) Пусто!

ПРЕЖНЕВА.

Посмотри, нѣть ли гдѣ секретнаго какого отдѣленія?

ПОЛЬ.

Вотъ есть и секретное, да въ немъ тоже ничего нѣть. (*Входитъ лакей.*) Что тебѣ?

ЛАКЕЙ.

Да, помилуйте, что же это такое! Шубу увезли.

ПОЛЬ.

Какую шубу?

ЛАКЕЙ.

Вашу шубу. Вѣдьми положить къ барынѣ въ карету и увезли. Ужь я съ Аньюткой не мало ругался, да что жъ съ ними сдѣлаешь. На что жъ это похоже, я ужь и не знаю.

ПОЛЬ.

Маменька! Это ужь не шутки.

ЛАКЕЙ.

Это, вѣдь, срамъ! Не первый годъ служу. (*Всплескнувъ руками.*) Господи! я и не видывалъ. Помилуйте, Павелъ Петровичъ!

ПОЛЬ.

Ну, поди вонъ!

ЛАКЕЙ.

Да это и въ люди сказать, такъ стыда-то не оберешься. Что это такое? Что это такое?

(Уходитъ.)

ПОЛЬ (садясь и пристально глядя на мать.)

Маман!

ПРЕЖНЕВА.

Нынче у женщинъ совсѣмъ нѣть сердца, совсѣмъ нѣть.

ПОЛЬ.

Позвольте мнѣ, маман, поблагодарить теперь васъ за всѣ вещи; во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-

вторыхъ, за то . что воспитали меня такъ , чтò я никуда не го-
жуясь. Я умѣю только проживать. А гдѣ деньги, гдѣ? (*Горячо*).
Гдѣ деньги? Ну , давайте мнѣ ихъ ! Вамъ весело было, когда я
восьми лѣтъ , въ бархатной курточкѣ , танцевалъ лучше всѣхъ
дѣтей въ Москвѣ , и ужь умѣлъ волочиться за маленькими дѣвоч-
ками! Вамъ весело было, когда я шестнадцати лѣтъ отлично
скакалъ на лошади ! Вы любовались, когда мы съ монимъ гувернеромъ , вашимъ любимцемъ , скакали по нашимъ на-
сѣдственныемъ полямъ. Вамъ весело было! При такомъ воспи-
таніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль
въ вашемъ обществѣ . Зачѣмъ же вы все промотали? Ку-
да дѣлись наши имѣнія , ваши крестьяне ? Я блисталь бы
въ обществѣ наперекоръ всѣмъ этимъ ученымъ и современ-
но образованнымъ людямъ съ новыми идеями. Мнѣ это было
бы легко : они большой симпатіей не пользуются. А теперь что?
Теперь вы, можетъ быть, будете имѣть удовольствіе видѣть меня
выгнаннымъ изъ службы , праздношатающимся , картежнымъ
игрокомъ , а можетъ быть и хуже. Что жъ мнѣ дѣлать ? Нельзя же
мнѣ отъ живой жены жениться въ другой разъ.

(Опускаетъ голову на руки).

А. ОСТРОВСКІЙ.

Ноябрь, 1857 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ БОЛЬШОЙ ЧЕЧПЪ

ЗИМОЮ СЪ 1856 НА 1857 ГОДЪ.

Большою Чечею называется пространство, граничащее съ юга хребтомъ Черныхъ горъ, съ запада рѣкою Аргуномъ, съ сѣвера Сунжего и Качкаловскимъ хребтомъ, а на востокѣ она примыкаетъ къ горнымъ обществамъ Ичкеріи и Ауха.

Все это пространство составляетъ совершенную равнину (за исключениемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ возвышений) перерѣзанную, параллельно теченію Аргуна, бѣгущими съ юга на сѣверъ рѣчками: Бассъ (называемой въ низовьяхъ Джанкою), Хулхулау, Искерикъ, и текущими съ востока на сѣверо-западъ: Гумсомъ (Гудермесомъ) и Мичикомъ. Всѣ они принимаютъ въ себя много незначительныхъ топкихъ рѣчекъ, известныхъ подъ общимъ названіемъ Шавдоновъ и вливаются въ Сунжу. Большая половина этой равнины покрыта до непроходимости частымъ орѣшникомъ, между которымъ кое-гдѣ лишь замѣты отдѣльные группы большихъ деревьевъ; а подножья Чернаго хребта напротивъ покрыты огромными деревьями, большую частію чинарами. Меньшая половина равнины состоитъ изъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе значительныхъ полянъ, служащихъ хлѣбоцаротными и покосными мѣстами для чеченцевъ.

До возмущенія 1840 года, аулы чеченцевъ въ западной части Большой Чечни были расположены по обоимъ берегамъ Сунжи

и Аргуна и на значительнѣйшихъ полянахъ; а въ восточной ея части по теченію вышесказанныхъ рѣчекъ; но послѣ этой катастрофы оставаться здѣсь имъ не было больше возможности: все это были мѣста открытыя, легко доступныя нашимъ войскамъ. Чеченцы должны были бѣжать и искать болѣе безопасныхъ мѣстъ для своего поселенія. Нѣкоторые скрылись въ ущелья Червыхъ горъ, а большинство, не желая разстаться съ своею плодородною родникою, скрылось въ ближайшія чащи къ берегамъ топкихъ Шавдоновъ, и вырубая небольшія полянки, селилось отдалѣнными незначительными хуторами. Такимъ образомъ, изъ прежнихъ значительныхъ чеченскихъ ауловъ остались на своихъ мѣстахъ бывшия въ центрѣ Чечни, какъ то: Автуръ, Гельдыгенъ, Оспанъ-юртъ, Маюръ-туцъ и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ, доступъ къ которымъ былъ прегражденъ не только сплошными массами орѣшика и хвойныхъ растеній, но также безчисленнымъ множествомъ болотистыхъ ручьевъ, обрывистыхъ рѣчекъ, глубокихъ канавъ, переправа чрезъ которыхъ дѣлалась весьма трудною при упорной защѣть ихъ чеченцами,—въ особенности для отрядовъ, обремененныхъ значительными обозами и тяжестями.

До 1852 года воинные дѣйствія наши въ Большой Чечнѣ почти постоянно были направляемы со стороны Аргуна, и цѣлью ихъ было, посредствомъ широкихъ проспѣкъ, открыть себѣ постоянный доступъ къ значительнымъ полянамъ, съ потерей которыхъ чеченцы лишились средствъ существованія.

Такимъ образомъ овладѣли мы Шалинскою поляною, одною изъ самыхъ богатыхъ по своимъ тучнымъ пастбищамъ, и отъ нея продолжали увеличивать кругъ нашихъ дѣйствій, въ послѣдствіи до того стѣснившихъ чеченцевъ, что они бросали свои жилища и опять разселялись кто въ горы, кто глубже въ чащи лѣсовъ, а многіе стали выходить къ намъ, изъявлять покорность и образовывать аулы подъ стѣнами укрѣплений и станицъ.

Успешный ходъ этой системы дѣйствій убѣждалъ въ необходимости дать имъ болѣшій размѣръ. Съ этою цѣлью, и чтобы ближе ознакомиться съ театромъ предстоявшихъ дѣйствій, въ февралѣ 1852 года было предпринято наступательное движеніе чрезъ самую середину всей Чечни къ Качкальковскому хребту.

Легко себѣ представить, какъ непріятель старался воспользоваться каждою мѣстною преградою, какъ отчаянно онъ защищалъ каждый оврагъ, каждую переправу, и какъ одобренъ

быть Шамиль, видѣвшій, что исчезаетъ таинственность, за которую пряталась населенная и недоступная часть Чечни.

Движеніе это показало необходимость продолженія рубки просвѣкъ къ сердцу Большой Чечни и съ восточной ея стороны, отъ Качкальковскаго хребта. Зимою 1853 года предпріятіе это, не взирая на отчаянное сопротивленіе Шамиля, было приведено въ исполненіе: огромная, широкая просвѣка чрезъ Качкальковскій хребетъ, названная Хоби-Шавдонскою, по имени бывшаго здѣсь небольшаго аула, открыла намъ свободный путь къ Авчику и передала въ наши руки значительную часть плодородной Мичиковской долины по правому берегу рѣки. Бывшіе по близости аулы тотъ часъ же вынуждены были скрыться.

Такимъ образомъ, просвѣками отъ Аргуни и Хоби-Шавдона мы приближили къ центру Большой Чечни и, такъ сказать, сперли въ это незначительное пространство, щоросшее сплошнымъ лѣсомъ, изрѣзанное и пересѣченное всѣми возможными мѣстными препятствіями, средоточіе ея населенія.

Въ послѣдующія за тѣмъ дѣй экспедиціи были расчищены просвѣки въ разныхъ направленіяхъ къ низовьямъ Аргуна и Джалики и истреблены гдѣ гнѣздившіеся тамъ хутора, населеніе которыхъ, по близкому сосѣдству съ Сунжей и съ нашими поселеніями, постоянно тревожило насъ своими набѣгами.

Плодами этихъ нѣсколько-лѣтнихъ усилий было отнятіе у непріятеля многихъ плодороднѣйшихъ полянъ, удаленіе отъ нашихъ предѣловъ значительной массы непокорнаго населенія, вынужденного столпиться на незначительномъ пространствѣ, составляющемъ центръ Большой Чечни, которое описано выше. Стѣсненіе сдѣгалось такъ велико, хлѣбопахотныя и пастбищныя поля оказались такъ ограниченны, что третья всего народонаселенія, быть можетъ и половина, постепенно переселилась къ намъ, умоляя о щадѣ и о средствахъ къ пропитанію.

Не стану повторять всѣмъ извѣстныя по этому случаю распоряженія правительства, съ такою щедростью доставившаго чеченцамъ прежнее довольство. Достаточно для этого взглянуть на разбросанные по правому берегу Сунжи и лѣвому Аргуна большіе аулы, въ нынѣшнемъ году только окончательно устроившіеся.

Такимъ образомъ, осталась одна полоса Чеченской плоскости подъ защитою окружавшихъ ее лѣсныхъ чащѣй, до которыхъ не дотронулся еще топоръ. Но тамошніе жители хорошо

постыгали, что это положение ихъ временно, что не долго уже ждать имъ нашего появления; они съ зависью смотрѣли на тѣкъ, которымъ удалось, несмотря на бдительный надзоръ, уйти къ намъ и найти прочную осѣдлость на отведенныхъ участкахъ земли. Шамиль, замѣчая это направление умовъ въ Чечнѣ, и боясь потерять послѣднюю точку опоры въ этой части края, употреблялъ между тѣмъ всевозможныя средства, увѣщанія и угрозы для удержанія чеченцевъ на своихъ мѣстахъ. Онъ объѣщалъ имъ употребить всѣ усилия и не жалѣть никакихъ средствъ для защиты этого послѣдняго, нетронутаго русскими, угла Большой Чечни.

Но какъ было уже сказано, судьба этого края была решена давно, — послѣ Февральской экспедиціи 1852 года. Съ пріѣздомъ въ октябрѣ 1856 года новаго главнокомандующаго, планъ предстоявшей экспедиціи былъ окончательно утвержденъ, а съ первыхъ чиселъ декабря было приступлено къ его исполненію.

Познакомивъ такимъ образомъ читателя, на сколько позволяетъ объемъ статьи, и на сколько хватило моего умѣнья, съ мѣстностью и съ предшествовавшими обстоятельствами, приступаю теперь къ разсказу о бывшей экспедиції.

Непріятель видѣлъ наши приготовленія, зналъ, что ему угрожаетъ наступленіе нашихъ войскъ, но пунктъ атаки былъ ему неизвѣстенъ. Онъ ожидалъ насъ по прежнему отъ Аргуна, и чтобы оставить его при этомъ убѣжденіи, употребленъ былъ весьма удачный маневръ: особая колонна, имѣвшая видъ авангарда всего отряда, была переправлена за Аргунъ и расположилась тамъ лагеремъ въ готовности двинуться далѣе. Когда же непріятель, принявъ ея движеніе за направление всего отряда, собрался къней на встрѣчу, тогда главный отрядъ, по частямъ, собрался на разныхъ другихъ пунктахъ въ 5 декабря утромъ со средоточіемъ при подъемѣ на Качкалыковскій хребетъ. Весь день продолжалось страшное ненастье, дороги сдѣлались до не проходимости грязны и затрудняли движеніе войскъ: тѣмъ не менѣе къ вечеру мы заняли почти безъ боя долину Мичика и разположились лагеремъ на обоихъ обрывистыхъ берегахъ этой мутно-грязной рѣченки.

Съ другаго же дня было приступлено къ рубкѣ извѣстнаго своею непроходимостью Маюртупскаго орѣшника. Непріятель поздно спохватившійся, началъ стекаться сюда со всѣхъ сторонъ, привезъ пушки, но долина была уже занята, удобная

минута для сопротивленія при переходѣ чрезъ крутые берега Мичика была упущена, лагерь расположенье, сообщеніе обезвѣчено и чеченцамъ по неволѣ пришлось ограничить свои дѣйствія то канонадой, то незначительными перестрѣлками съ нашими цѣлями, повторявшимися каждый день.

Не стану утомлять вниманіе читателя описываніемъ каждого дневныхъ, довольно однообразныхъ занятій отряда, его усиленныхъ трудовъ при рубкѣ лѣсу, его лишений и неудобствъ, вслѣдствіе беспрестанной слякоти и непроходимой грязи; не стану рассказывать о мало интересной лагерной жизни; не буду описывать этой каждодневной канонады этихъ беспрестаныхъ мелкихъ стычекъ непріятельскихъ всадниковъ съ нашими козаками, п бездѣйствія большихъ скопищъ горцевъ, приславныхъ Шамлемъ для сопротивленія намъ, но не смѣвшихъ вступить съ нами въ дѣло и остававшихся все время посторонними зрителями паденія одного изъ крѣпчайшихъ оплотовъ Чечни. Всё это едва ли интересно людямъ, не бывавшимъ въ этихъ экспедиціяхъ, да и едва ли изъ такихъ бѣглыхъ зачѣтокъ они могли бы познакомиться съ подробностями быта нашихъ воинскъ и образа этой оригиналной войны.

Имѣя въ виду объяснить только цѣль зимней экспедиціи 1856го, г. и результатъ ея, я ограничиваюсь полуофиціальнымъ обзоромъ ея хода.

Послѣ 16 дневной работы, чрезъ Маюртунскій орѣшникъ до Гельдыгенскаго лѣсу была проложена шпрокая, сажень въ 700 проѣвка, открывшая намъ съ этой стороны свободный доступъ къ центру Чечни. — 21 декабря, отрядъ отступилъ отъ Мичика и войска были расpushены на отдыхъ по квартирамъ.

15 января начался второй періодъ зимней экспедиціи. Отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части: главный Чеченскій и Кумыкскій. Первый, перейдя Аргупъ и Джалку, занялъ съ боя Чухумъ-Барзекія высоты, а Кумыкскій двинулся по Хоби-Шавдонской просѣкѣ чрезъ Мичикъ къ Гельдыгену. Маюртурская просѣка, давшая возможность сдѣлать движение это совершенно свободнымъ, облегчила общій успѣхъ. Непріятель, лишенный мѣстныхъ преградъ, при всемъ упорствѣ защиты, не могъ не только остановить нашего движенія, но даже нанести намъ много вреда. Между тѣмъ главный отрядъ, оставилъ на позиціи укрѣпленный вагенбургъ, на — легкѣ выступилъ на встрѣчу Кумыкскому отряду. Всѣ усилия горцевъ, неумолкающій огонь

изъ б орудій, всегда удобно расположеннѣи на южнѣйшихъ высотахъ, даже сильная стужа и выюга бывшая въ эти дни, ни что не остановило наскъ: послѣдній непроходимый участокъ пути по Большой Чечнѣ былъ очищенъ отъ лѣсу и орѣшика, вслѣдствіе большихъ ауловъ чеченцевъ уничтожены, населеніе ихъ разсѣяно, свободный путь отъ Аргуна къ Качкальковскому хребту вдоль всей Чечни открытъ, и почти всѣ хлѣбородыѣ мѣста отняты, ибо мы имѣемъ возможность во всякое время придти и уничтожить посѣлки. Однимъ словомъ, Большой Чечнѣ нанесенъ сильный ударъ, одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которые въ войнѣ называются рѣшительными и которые сей часъ начинаютъ оказывать очевидное вліяніе на общій ходъ всего дѣла. И все это исполнилось съ весьма незначительной потерей.

14 дней продолжался 2-й періодъ зимней экспедиціи,—ерокъ кажется весьма небольшой, особенно если вспомнить безпрерывную, преслѣдовавшую насъ стужу и неогоду,—но сдѣлано въ эти дни много. Къ 1 февраля войска опять во вратились на свои мѣста. Громъ и гуль утихли въ Чечнѣ; ее покрылъ какой-то мертвенный сонъ; унылое населеніе ея было повержено въ какое-то летаргическое состояніе недоумѣнія и неизвѣстности. Одни лишь дымившіеся остатки костровъ, среди разрушенныхъ сакель въ опустѣвшихъ аулахъ, напоминали о недавнихъ событияхъ. ...

3-го марта войска опять собрались за Аргуномъ и 4-го стали лагеремъ па р. Басесь. Въ теченіи двухъ недѣль, на лѣвомъ берегу этой рѣчки, у бывшаго аула Шали, было построено земляное укрѣпленіе для б ротъ пѣхоты съ 4-ми сотнями козаковъ, и для совершенного обеспеченія гарнизона, при движенихъ во окрестностяхъ, на нѣсколько верстъ вырубленъ лѣсъ во всѣ стороны. Шамиль, конечно, видѣлъ, что остановить нашихъ предпріятій онъ не можетъ, что трудно уже помочь дѣлу и предотвратить готовящійся Чечнѣ ударъ; но чтобы поддержать изолѣющееся вліяніе и ободрить остатки непокорнаго населенія Большой Чечни, онъ собралъ огромныя толпы горцевъ изъ Дагестана, далъ имъ 6 орудій и подъ предводительствомъ втораго сына своего, Кази-Магомы, выслалъ противу насъ.

Каждый день видѣли мы эти пѣшия колонны, окружавшія свою артиллерию, каждый день слышали почти опредѣленное число ихъ пушечныхъ выстрѣловъ, по всегдашнему перестрѣливались съ одиночными конными всадниками, каждый разъ все

далѣе и далѣе отъ укрѣпленія исчезали лѣсъ и кусты, открывая намъ послѣднія хлѣбопахотныя полянки, а непріятель даже не рѣшился покуситься на упорное сопротивленіе безъ содѣйствія чеченцевъ, на которыхъ начало всеобщее уныніе.

20-го марта временное укрѣпленіе было окончено, въ него введенъ гарнизонъ, а 22 отрядъ снялся съ позиціи и двинулся въ малую Чечню, для расчистки заросшихъ старыхъ простѣкъ.

Такимъ образомъ у самаго центра Большой Чечни остались постоянно наши войска, угрожающія поминутно враждебному населенію — и во время полевыхъ работъ, и во время пастьбы скота, и во время ночи. Для желающихъ выселяться къ намъ — это ближайшій пунктъ, въ который они могутъ укрыть семейство и имущество. Для дальнѣйшихъ, предстоящихъ намъ въ этомъ краѣ дѣйствій — это опорный и складочный пунктъ.

Чтобы остановить постоянное переселеніе къ намъ чеченскихъ семействъ и хоть на время еще удержать ихъ отъ оконачальнаго изъявленія намъ покорности, Шамиль присыпалъ въ Чечню Даніель-Бека, бывшаго сultана Элисуйскаго, съувѣщаніями, надеждами на будущую вѣчную жизнь и съ обѣщаніями построить три укрѣпленія рядомъ съ нашимъ и крѣпче нашего. Но они что-то плохо уже вѣрили всему этому, и мы видѣли, какъ бывшій сultанъ, сопровождаемый толпою мюридовъ и большими зелеными значкомъ, разъѣзжалъ между чеченцами съ ободрительными словами, оставшимися безъ отвѣта.

Въ это время Кумыкскій отрядъ проникъ въ Ауховское общество, уничтожилъ преграждавшее доступъ туда непріятельское укрѣпленіе Гойтемиръ-Капу, вырубилъ на пути лѣсъ, разорвалъ нѣсколько ауловъ и осмотрѣлъ подробно мѣстность этого общества.

Вотъ, въ общемъ видѣ, обзоръ всей зимней экспедиціи съ 56-го на 57-й годъ.

Благодаря этому успѣху, съ весны приступлено къ постройкѣ укрѣпленія на Хоби — Шавдонѣ, къ возведенію на Сунжѣ, Чертугаевской станицы, къ продолженію системы кордонныхъ постовъ по Сунжѣ до укр. Умаханъ-Юрта, и къ правильному поселенію на правомъ ея берегу, въ открытыхъ мѣстахъ, большихъ покорныхъ ауловъ.

Я не распространялся о подробностяхъ экспедиціи, не вдавался въ похвалы плану, распоряженіямъ и выполненію, — я рассказалъ только сущность сдѣланнаго. Для читателя, хорошо

знакомаго съ нашими дѣлами, съ Кавказомъ, съ здѣшней войной, съ нашимъ положеніемъ, со всѣми трудностями и препятствіями, съкоторыми на каждомъ шагу нужно бороться,—этого достаточно. Онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій пойметъ, въ чемъ дѣло, и чего должно ожидать въ будущемъ отъ такихъ дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ указать здѣсь на самыя ощущительныя стороны результата этой экспедиціи, выказавшіяся сей часъ послѣ ея окончанія.

Если бы кто нибудь, бывшій здѣсь въ краѣ не болѣе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ тому назадъ, вздумалъ теперь пріѣхать сюда, онъ, я увѣренъ, былъ бы не мало удивленъ. Страна измѣнила свой характеръ, самая мѣстность измѣнилась, жители измѣнились. Возьмемъ съ любой стороны. Съ сѣвера: отъ ст. Николаевской на Терекъ до кр. Грозной сообщеніе производилось разъ или два въ недѣлю подъ прикрытиемъ двухъ ротъ съ орудіями, и такимъ образомъ это 26-ти-верстное разстояніе дѣжалось въ два дня, невыносимо медленнымъ шагомъ, со всѣми мучительными неудобствами слѣдованія съ пѣшею оказію. Сколько потерянного времени, сколько напрасныхъ издержекъ, сколько ожиданій, и проч. и проч. Теперь, когда вамъ угодно, вы садитесь въ экипажъ иѣдете на этомъ пространствѣ безъ прикрытия, совершая путь въ два часа.—Все сдѣжалось дешевле, доставка военныхъ и продовольственныхъ припасовъ удобнѣе, торговля оживилась и край какъ будто расторгъ связывавшія его цѣпи.

Съ запада: отъ Владикавказа до Грозной по теченію Сунжи (100 верстъ) вы проѣзжаете когда угодно въ одинъ день, безъ всякаго прикрытия, исключая первыя 25 верстъ до Назрановскаго укрѣпленія, гдѣ бродяги изъ ингумъ и балашевцевъ, поджидавшіе удобнаго случая кого нибудь ограбить, заставляютъ братъ человѣка по три козаковъ. Теперь приняты мѣры къ отвращенію и этого послѣдняго неудобства. И такъ Военно-Грузинская дорога посредствомъ Сунженской линіи вошла въ связь съ Грозной, — это составило одно управлениѳ, одинъ твердый сплотъ противу непокорныхъ горцевъ.

Съ юга: отъ кр. Воздвиженской (28 верстъ), такъ недавно еще посыпалась разъ въ недѣлю оказія подъ прикрытиемъ двухъ ротъ, 2 орудій и сотни козаковъ, и это считалось даже рискованнымъ; а теперь—пѣхотный взводъ въ 60—70 человѣкъ безъ артиллеріи и козаковъ, прикрываетъ на этомъ пути цѣлые обозы и транспорты.

Съ востока, сообщеніе съ Кумыкскою плоскостію, одно изъ важнѣйшихъ нашихъ сообщеній, отъ котораго много иногда можетъ зависѣть, производилось такъ: небольшія части посылались кругомъ по Тереку, отряды и самостоятельныя части — не менѣе батальона — между Терекомъ и Сунжей на Новый-Юртъ, Умаханъ-Юртъ и Куринское,— что составляло по крайней мѣрѣ три перехода; а путь по Сунжѣ чрезъ Тепли-Кичинское укрѣпленіе, всего до Умаханъ-Юрта—34 версты, сокращающій разстояніе цѣлымъ переходомъ,— считался непроходимымъ по опасности. Теперь по этому пути 23 версты свободны для всякаго проѣзжающаго безъ прикрытия, а послѣдня 11 верстъ, до окончанія начатыхъ постовъ и постройки станицы, производятся подъ прикрытиемъ небольшихъ командъ. Отряды же отъ Аргуна на Кумыкскую плоскость могутъ проходить чрезъ Чечню, по послѣднѣе вырубленнымъ просекамъ, въ одинъ переходъ.

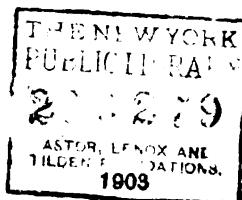
Съ окончаніемъ же крѣпости на Буртунаѣ, къ чему приступлено еще съ весны, и съ приведеніемъ въ исполненіе другихъ предположеній въ восточной части края, составляющаго лѣвое крыло Кавказской линіи, когда такое же сообщеніе для отрядовъ откроется между всѣми этими пунктами, мы поставимъ войска Дагестана, Кумыкской плоскости и Большой Чечни въ возможность содѣйствовать и помогать другъ другу, мы отрѣжемъ всю плодородную полосу предгорія отъ непріятеля, окончательно стѣснимъ его въ способахъ существованія и приготовимъ себѣ путь къ дальнѣйшему, окончательному успѣху. Впрочемъ, не далеко и до новой зимней экспедиціи, которая рельефъ выкажетъ всѣ послѣдствія, и доставить мнѣ возможность съ большою подробностью расказать объ нашихъ дѣлахъ.

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждетъ, все ждетъ тоскливо
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ! этотъ мѣсяцъ тихимъ свѣтомъ
Ее пробудить ото сна,
И всѣмъ дыханьемъ, полнымъ цвѣтомъ,
Къ нему запросится она,

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ ,
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

А. МАЙКОВЪ.

СЛОВО О БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Ne rien exposer au hasard de ce qui peut être assuré par la prudence. C'est toujours l'espérance de gagner, qui nous fait perdre. L'espérance trompeuse fait mal parler et mal agir.

(Прасило Людовика XIV.)

Шатобрианъ, въ свойдъ «Замогильныхъ запискахъ» (Mémoires d'outre-tombe), разсказываетъ, между прочимъ, съдѣдующее: «Въ Вильнѣ Бонапартъ принялъ сенатора Вибисского, присланного къ нему отъ «Варшавскаго Сейма; русскій парламентеръ Балашевъ также представился ему. Онъ объявилъ, что еще могутъ быть ведены переговоры; что Александръ не зачинщикъ; что французы вступили въ «Россию безъ всякаго объявленія войны. Наполсонъ же сказалъ ему, что у Александра собственно только есть три генерала: Кутузовъ, который его, Бонапарта, ни сколько не беспокоитъ, потому что онъ «русскій; Бенигсенъ, который назадъ тому шесть лѣтъ былъ «слишкомъ старъ, а теперь пришелъ въ состояніе дѣствия; наконецъ «Барклай-де-Толли, умѣющій только отступать.»

Подробности о поѣздкѣ въ Вильну министра полиціи Балашева и о бѣсѣдѣ его съ Наполеономъ въ той самой комнатѣ, въ которой за нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда войска наши не выступали еще изъ Вильны, получилъ Балашевъ свое назначеніе отъ Государя, известны у насъ изъ подлинныхъ актовъ, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться. При томъ, самъ Балашевъ оставилъ послѣ себя собственноручные записки, столь же достовѣрныя, какъ

и любопытныя. Между прочимъ, въ запискахъ этихъ разсказано подробно о послѣднемъ дипломатическомъ сношении нашего правительства съ французскимъ императоромъ на землѣ русской, въ Вильнѣ. Разсказано въ нихъ и о томъ, какъ Наполеонъ, разговаривая съ Балашевымъ на частной аудиенціи, превозносилъ мужество своихъ воиновъ, уверяя, что ихъ у него очень много, и что всѣ они дерутся, какъ львы; предсказывалъ новыя побѣды, распространялся о своихъ громадныхъ приготовленіяхъ для вторженія въ Россію, разспрашивалъ о Москвѣ, ея населеніи, числѣ домовъ, церквей, даже о дорогахъ, которыя ведутъ къ Москвѣ; распространялся также о чувствахъ преданности иуваженія къ нашему Государю, въ тоже время угрожая свергнуть съ престоловъ владѣтелей въ Виртембергѣ, Баденѣ и Веймарѣ, подобно тому, какъ нѣкогда угрожалъ онъ въ Миланѣ Двору Римскому, въ Веронѣ—Венеціи, а въ Ливорнѣ—Фердинанду, герцогу тосканскому, брату императора австрійскаго. Но о томъ, чтобы императоръ французскій насмѣшило отзывался въ Вильнѣ о нашихъ генералахъ, Кутузовѣ, Бенигсенѣ и Барклай-де-Толли, Балашевъ въ своихъ запискахъ не упоминаетъ.

Нельзя однако предположить и того, чтобы Шатобранъ, безъ всякаго основанія, вложилъ въ уста Наполеона слова, о которыхъ толь не помышлялъ; трудно представить себѣ, чтобы писатель, съ извѣстностью столь громкою, занимавшій нѣкогда самъ посты государственные, разсказывая изъ-за могилы о гигантскомъ событии, равнаго которому, какъ онъ самъ выражается, никогда не бывало и не будетъ, позволилъ себѣ украшать свой разсказъ поэтическими вымыслами, или, сказать проще, небылицами. Если могъ императоръ французскій относиться въ Вильнѣ съ угрозою о владѣтеляхъ, родственныхъ Императорскому нашему Дому, то почему же было не поглумиться ему и на счетъ нашихъ генераловъ? Кто не знаетъ, что упреки, сарказмы и угрозы, съ примѣсью какого-то ребяческаго хвастовства и фанфароства, составляли довольно обыкновенную принадлежность всякой официальной и не официальной рѣчи Наполеона? «Всякая новая война», — говорилъ Наполеонъ Балашеву: «для меня новое торжество. Я все предусмотрѣлъ, и знаю, что вы не можете мнѣ сопротивляться. Я действую по разсчету, а не по страсти. Замѣчаю, что императоръ Александръ руководимъ ненавистью ко мнѣ, но я отомщу ему и свергну съ престоловъ родственныхъ Императорскому Дому владѣтелей въ Виртембергѣ, Баденѣ, Веймарѣ: пусть вашъ государь готовить для нихъ убѣжище. Я внесу войну во внутренность Россіи; употреблю на то три, четыре похода; проникну въ ваши стени.» Даже послѣ битвы по югъ Малымъ — Ярославцемъ, когда все

его арміи опредѣленъ уже былъ великий смертный приговоръ, онъ и тогда угрожалъ гласно — двинуться на Петербургъ, чтобы сбросить его въ Неву. А сколько хвастливой неправды о событияхъ двѣнадцатаго года напечатано было въ знаменитыхъ бюллетенахъ, которые великій полководецъ самъ диктовалъ на бивакахъ, среди своей непобѣдимой арміи, отступавшей уже на Березину! Не даромъ сами французы, какъ только выступилъ Наполеонъ изъ Москвы, назвали свою официальную газету — *Le Menteur Universel*. Собразивъ все это, мы не находимъ причины не вѣрить, что Наполеонъ могъ отозваться въ Вильнѣ о нашихъ генералахъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ упоминаетъ Шатобрианъ; Балашевъ же, вѣроятно, не обратилъ вниманія на такой отзывъ, а потому и не упомянулъ о немъ въ своихъ запискахъ.

Но на сарказмъ Наполеона стоитъ обратить вниманіе преимущественно потому, что и въ Россіи, какъ извѣстно, общесмѣніе было не на сторонѣ Барклая-де-Толли; и некоторые и теперь даже считаютъ его полководцемъ черезъ чуръ осторожнымъ, для котораго отступление было любимымъ и единственно маневромъ на полѣ битвы. Но особенно неправы быликъ немусовременники. Между ними, грустно вспомнить, были даже такие, которые по праву рождения и заслугамъ стояли въ служебной іерархіи на высотѣ, недоступной для толпы, и потому, казалось бы, могли яснѣ другихъ понимать цѣль и значеніе тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, а, между тѣмъ, и они бросили нареканіе на благоразумнаго вожда. Самыя обидныя суждевія и даже неблагопристойные слухи о немъ распространялись и въ Петербургѣ, и въ арміи, иными начиненно, въ угоду сильнымъ врагамъ и завистникамъ полководца, другими же по непониманію всей трудности совершившихся событий. Но неужели можно было опрокинуть въ одинъ день могущество исполнца, какого и не видано еще было въ Европѣ? Притомъ въ самыхъ обвиненіяхъ, падавшихъ тогда со всѣхъ сторонъ на дѣйствія этого замѣчательнаго полководца, которымъ, по всей справедливости, должна гордиться Россія, было много противорѣчій. Когда онъ не сражался, дѣйствія его находили нерѣшительными; когда же рѣшался на битву, какъ напримѣръ подъ Витебскомъ, — дерзостными. Только неизмѣнная довѣренность монарха и внутреннее убѣжденіе въ томъ, что для спасенія Россіи нельзя было иначе дѣйствовать, какъ дѣйствовать онъ на пространствѣ отъ Вильны до Царева-Займища, поддерживали его въ борьбѣ съ общимъ заблужденіемъ.

«О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землю тебѣ чужой.

Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчанья шея одиѣ ты съ мысайю великой;
 И въ имени твоемъ звукъ чуждый не вѣлюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиной.
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....»

Какъ бы то ни было, но несправедливыя порицанія современниковъ могли обрушиться на Барклай только послѣ открытия кампаний двѣнадцатаго года, когда обстоятельства непреодолимыя, въ то время не всѣмъ извѣстныя, поставили обѣ наши арміи въ необходимость — отступать отъ непріятеля и осторожно, и долго; но на какомъ основаніи могъ сказать Наполеонъ о нашемъ полководцѣ, предъ самыми началомъ кампаний, будто онъ умѣеть только отступать? Развѣ могъ предвидѣть императоръ французскій, только что перешагнувъ чрезъ Нѣманъ, что ему придется долго блуждать съ своими громадными полчищами по степямъ Россіи и до битвы Бородинской ни разу не встрѣтиться съ нашими арміями, а биться только съ одними ихъ арріергардами, да съ летучими отрядами. Нѣть, могучій баловень побѣдъ, герой пирамидъ, Маренго, Аустерлица, Іевы и Фридланда, такого странствованія предвидѣть не могъ; напротивъ, какъ видно изъ тогдашнихъ распоряженій его обѣ устройствъ продовольствія для своихъ войскъ, онъ мечталъ одною битвою, если не на берегахъ Нѣмана, то въ окрестностяхъ Вильны, кончить войну. Ясно, что если въ Вильнѣ Наполеонъ и говорилъ что выбудь о Барклай-де-Толли, то сужденіе его о нашемъ полководцѣ могло быть основано только на дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ кампаний двѣнадцатаго года. Но дѣйствія эти, какъ мы сей-часъ увидимъ, вовсе были не таковы, чтобы можно было по нимъ сказать о Барклай-де-Толли, что онъ умѣеть только отступать.

Въ первую войну съ Наполеономъ, Аустерлицкую, Барклай въ битвахъ не участвовалъ, но во вторую, подъ Пултускомъ, сражаясь на правомъ крылѣ Бенигсеновой арміи, онъ нѣсколько разъ опрокидывалъ штыками напоръ французовъ, предвоимыхъ Ланномъ, и въ свою очередь отважно и рѣшительно нападалъ на нихъ. Подъ Прейсишъ-Эйлау, Барклай также отличался смѣлостю дѣйствій наступательныхъ: два раза блестящими аттаками выбивалъ онъ французовъ изъ мѣстечка Эйлау, которое Бенигсенъ почиталъ нужнымъ удержать за собою. Что же касается до кампаний въ Финляндіи, гдѣ Барклай въ первый разъ сталъ дѣйствовать съ отдѣльными отрядами, то все подвиги его въ этой странѣ были, по истинѣ,

суворовскіе. Особенно же замѣчательнъ переходъ его чрезъ Кваркенскій проливъ изъ Вазы въ Умео. Съ горстю удальцовъ пробѣжалъ онъ по глыбамъ льда, забуравленнымъ на морѣ бурами, разбилъ шведовъ на собственныхъ ихъ границахъ, занялъ Умео и съ торжествомъ возвратился обратно чрезъ Кварксѣпъ въ Вазу. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ военной исторіи всмного найдется прымѣровъ такого отважнаго наступленія. Слова вѣтъ, что во всѣхъ исчисленныхъ войнахъ, Барклай не дѣйствовалъ независимо, а потому судить о немъ, какъ о знатокѣ ратнаго дѣла и какъ о полководцѣ даровитомъ, можно только по дѣйствіямъ его въ войну отечественную. Но во всякомъ случаѣ, боевые подвиги, которыми ознаменовала свою службу Барклай до двѣнадцатаго года, сначала въ кампаніяхъ Пултуской и Прейсишъ-Эйлауской, а потомъ въ Финляндіи, не представляютъ ни одного случая, по которому можно было бы заключить, что герой кваркенскій способенъ только къ отступленіямъ. Напротивъ, онъ преимущественно отличался тѣмъ именно мужествомъ, которое подвигаетъ на предпріятія самыя смѣлые, и самыя рѣшительныя. Иногда храбрость его походила даже на отчаянную дерзость и, вѣроятно, мало было полководцевъ, которые подвергали бы жизнь свою такимъ опасностямъ, на какія иногда бросался Барклай-де-Толли; особенно въ битвѣ Прейсишъ-Эйлауской онъ явилъ себя храбрѣшимъ изъ храбрыхъ.

Можно представить еще и другое опроверженіе на то, что Барклай-де-Толли, по личному характеру своему, склоненъ былъ къ отступленіямъ. Лично узналъ его императоръ Александръ только въ 1807 году, когда, раценый, прѣѣхалъ онъ послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія въ Петербургъ. Государь, изъ разговоровъ съ нимъ о тогданихъ военныхъ дѣйствіяхъ и о состояніи нашей арміи, получилъ о немъ самое высокое мнѣніе, которое впослѣдствіи никакія уже обстоятельства измѣнить не могли. Вскорѣ потомъ представился случай Барклай оправдать столь лестное о немъ мнѣніе государя подвигами, по истинѣ чудесными, въ войну Финляндскую. Наградъ въ это время получилъ онъ много, но важнѣйшую была довѣренность къ нему Монарха. Едва прошло три года и генералъ-маиръ Барклай-де-Толли былъ уже генераломъ отъ инфантеріи и воспѣымъ министромъ. (*) Въ это время, какъ известно, борьба съ Наполеономъ была уже рѣшена. Пѣть сомнѣнія,

(*) Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли поступилъ на службу въ 1776 году и только въ 1778 году произведенъ въ офицеры; въ 1798 пожалованъ полковникомъ, въ 1799 генералъ-маиромъ, въ 1807 генералъ-лейтенантомъ, въ 1809 генераломъ-отъ-инфантеріи, а въ сѣѧнѣ, 1810, возведенъ въ званіе военного министра.

что въ званіи военного министра и осчастливленный особою довѣренностю Благословленного, Барклай не могъ не имѣть вліянія на составленіе плана войны для предстоявшей кампаніи; планъ же этотъ, утвержденный государемъ въ началѣ 1812 года, заключался не въ дѣйствіяхъ оборонительныхъ или отступательныхъ, а въ томъ, чтобы выступить за границу чрезъ Нѣманъ, къ берегамъ Одера, и тамъ дѣйствовать наступательно, для чего и разосланы были ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ повелѣнія о приготовленіи войскъ къ походу. Въ повелѣніяхъ этихъ, между прочимъ, подробно было объяснено, куда каждому корпусу слѣдовать, въ какомъ мѣстѣ переправляться черезъ Нѣманъ и какъ потомъ дѣйствовать наступательно по направленію къ Одру. Кромѣ сего, свезены были въ Литву и на разные пункты Нѣмана значительные запасы продовольствія, въ томъ числѣ и всѣ нужные материалы для наведенія мостовъ. Такимъ образомъ, все было приготовлено къ открытію дѣйствій наступательныхъ, и Барклай изъ Вильны исправлялъ уже у императора разрѣшенія на отважное движеніе за Нѣманъ, донося, что пора трогаться впередъ, какъ вдругъ новое политическое событие, союзъ Австріи съ Наполеономъ, измѣнило намѣренія государя. Выѣсто того, чтобы идти за Нѣманъ, къ Одру, какъ предполагали первоначально, рѣшились, по необходимости, сразиться съ непріятелемъ въ собственныхъ предѣлахъ.

Обнимая мыслію тогдашнее политическое и военное состояніе Европы и могущество самого Наполеона, одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ, повелѣнія котораго, какъ выражалось въ своихъ «Замогильныхъ запискахъ» Шатобріанъ, исполнялись тогда на пространствѣ въ 19 градусовъ широты и тридцать градусовъ долготы, можно ли не удивляться рѣшимости русского военачальника, который, съ силами почти ничтожными, сравнимо съ числомъ войскъ непріятельскихъ, не только задумалъ одно изъ отважнѣйшихъ военныхъ преліятій, но самъ готовъ былъ и привести его въ исполненіе, испрашивая разрѣшенія скорѣе тронутъся впередъ, на встрѣчу событию, устрашившаго всю Европу? Нѣть, о такомъ полководцѣ нельзя было сказать въ Вильнѣ, что онъ умѣетъ только отступать.

Но чтобы убѣдиться въ томъ, что Барклай и въ двѣнадцатомъ году рѣшился на отступление въ пѣдра Россіи не потому, что умѣлъ только отступать, по потому единственно, что обстоятельства, отъ него не зависѣвшія, поставили его въ необходимость дѣйствовать такимъ образомъ, надо прослѣдить безпристрастно всю борьбу его съ Наполеономъ, отъ самыxъ береговъ Нѣмана до боевой позиціи у Царева-Займища, на которой, по волѣ Государа, передалъ

съ начальствованіе надъ арміями князю Кутузову. Въ этой борьбѣ полководецъ нашъ обнаружилъ такъ много самоотверженія, мужества, присутствія духа и дарованій военныхъ, что, поистинѣ, нельзя отказать ему въ дани справедливаго уваженія.

По переходѣ главныхъ силъ непріятеля черезъ Нѣманъ у Kovno, первоначальное намѣреніе Наполеона было — устремиться на Вильну, ударить на центръ арміи Барклая и разбить его прежде, нежели успѣеть онъ собрать корпуса свои, которые растянуты были на слишкомъ большомъ пространствѣ. Разстояніе отъ Россіенъ, гдѣ стоялъ графъ Витгенштейнъ, до Лиды, корпусной квартиры Дохтурова, тянулось по прямой линіи болѣе, чѣмъ на двѣсти верстъ. Такое пространное размѣщеніе корпусовъ арміи объясняется тѣмъ, что, при началѣ кампаніи, невозможно было отгадать, въ какомъ пункѣ переправится непріятель черезъ Нѣманъ. Впрочемъ, Барклай, какъ видно изъ тогдашихъ его распоряженій, вовсе и не заботился о томъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю перейти границу въ какомъ либо мѣстѣ. Онъ оборонялъ по рѣку Нѣманъ, но страну, которая прикрывалась этой рѣкою. Притомъ, можно ль было помышлять о Фермопилахъ, когда граница, которую защищали, тянулась по протяженію отъ Галиціи до моря Балтійскаго.

Для уничтоженія первоначального замысла Наполеона, Барклай, разумѣется, долженъ былъ поспѣшить сосредоточеніемъ своей арміи въ одинъ пунктъ, чтобы не быть разбитымъ по частямъ. Въ окрестностяхъ Вильны собраться всѣмъ корпусамъ было невозможно, такъ какъ громадныя силы непріятельскія потянулись уже изъ Kovno по разнымъ направленіямъ. Поэтому и рѣшили отступить къ Свенцянамъ, гдѣ почти въ одно время могли собраться всѣ корпуса первой арміи — графа Витгенштейна, Багговута, Тучкова, графа Шувалова, Дохтурова, Уварова, барона Корфа, и гвардія, подъ предводительствомъ цесаревича. Доказательствомъ же того, что Барклай не охотно рѣшался и на это отступленіе, можетъ служить донесеніе его государю изъ Вильны. «Не хочу отступать, но «куда достовѣрно не узнаю о силахъ и намѣреніяхъ Наполеона. «Не вида передъ собою превосходнаго непріятеля, не считаю нужнѣмъ отходить назадъ». — «Берегитесь», отвѣчалъ ему государь: — «чтобы въасъ не обошли въ Вильнѣ: непріятель можетъ перейти чрезъ «Вилю ниже Вильны, между вами и Багговутомъ.»

Наполеонъ едва успѣлъ занять Вильву, какъ всѣ корпуса нашей арміи собрались уже въ окрестностяхъ Свенцянъ, гдѣ и стали готовы.

виться къ битвѣ. Такимъ образомъ, первоначальное намѣреніе императора французскаго — разбить по частямъ первую армію прежде, нежели успѣть она сосредоточиться, — неудалось. Поэтому, не занятіи Вильны, главный предметъ успѣхъ Наполеона состоялъ уже не въ разбитіи арміи Барклая по частямъ, а въ отдаленіи двухъ нашихъ армій, первой и второй, другъ отъ друга и проложеніи себѣ чрезъ то прямаго пути въ недра Россіи. Для этой цѣли и дано было войскамъ французскимъ разобщеніе: одни пошли наступать противъ нашей первой арміи, другія же противъ второй. Кроме того, чтобы преградить князю Багратіону пути, ведущіе къ первой арміи, составленъ бытъ особый корпусъ, сводный, который и направился, подъ предводительствомъ Даву, изъ Вильны по дорогѣ въ Минскъ.

Пока этотъ новый замыселъ Наполеона не обнаружился чрезъ движеніе его колоннъ по разнымъ направленіямъ, Барклай не думалъ о дальнѣйшемъ отступленіи; напротивъ, онъ самъ предполагалъ двинуться отъ Свенцянъ впередъ и атаковать непріятеля въ окрестностяхъ Вильны. Но это отважное намѣреніе не могло быть приведено въ исполненіе, когда уловистырились въ чрезвычайномъ числительномъ превосходствѣ непріятельскихъ войскъ, часть которыхъ успѣла уже врѣзаться въ центральное положеніе между двумя нашими арміями, чрезъ что и соединеніе этихъ армій въ окрестностяхъ Свенцянъ сдѣлалось уже невозможнымъ.

Вотъ причина, и единственная, по которой рѣшился на дальнѣйшее отступленіе отъ Свенцянъ, съ тѣмъ, чтобы по соединеніи обѣихъ армій на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ, общими силами ударить на непріятеля; одна же армія Барклая не могла вступить въ дѣло кровопролитное, при самомъ началѣ кампаніи, когда всѣ вѣроятности на успѣхъ были на сторонѣ противника. Случайный успѣхъ подъ Свенцянами не могъ остановить нашествія непріятеля на Россію; но, въ случаѣ пораженія, Россія могла лишиться цѣлой арміи. Замѣтимъ еще, что самъ Наполеонъ въ своихъ «Правилахъ» (*Maximes de la guerre*) настоятельно требуетъ: не дѣлать того, чего желаетъ противникъ, потому именно, что онъ этого желаетъ; Наполеону же можно было желать общей битвы: войска его вступили бы въ дѣло въ такомъ числѣ и совокупности, что успѣхъ могъ быть для него рѣшительный и несомнѣнныи.

Конечно, бываютъ случаи, когда при встрѣчѣ съ непріятелемъ, сильнейшимъ въ силахъ, выгоднѣе самому отважно па него броситься. Такими нечаянными движеніемъ можно озадачить противника, и если онъ не приметъ мѣръ рѣшительныхъ, то, по всей вѣроятности, будетъ разбитъ. Въ подтвержденіе этого правила, фран-

чусы приводятъ въ прииѣръ своего Тюренса въ 1653 году, когда онъ отважныи движениіи впередъ предупредилъ нападеніе испанцевъ, значительно превышавшихъ его въ силахъ. Но этотъ случай, честный, исключительный, ничего не доказываетъ; у насъ и не такие были случаи: сть ключомъ войскъ не только предупреждали нападеніе непріятеля, значительнѣйшаго въ силахъ, но и разбивали его. Однако и эти случаи наука не обратила въ законъ и не внесла ихъ въ свой кодексъ; если же она разсказываетъ о Кагулѣ, Сталовицахъ, Рымникѣ и Ахалцихѣ, то какъ о подвигахъ чрезвычайныхъ, выходящихъ изъ общихъ правилъ, не въ поученіе, а только на удивленіе потомства. Вообще, приизученіи воинского искусства, надо умѣть различать правила, составленныя хотя и великими полководцами, но подъ влияніемъ частныхъ случаевъ, отъ истинъ, которыя всегда неизмѣнны. Припомнитъ же эти истинны, можно сказать положительно, что Барклай, подъ Свенциянами, тогдѣ только могъ бы атаковать непріятеля, когда Наполеонъ занялъ бы позицію, въ тактическомъ отношеніи особѣнно не выгодную; когда не успѣлъ бы сосредоточить онъ всѣхъ своихъ силъ для общей битвы; когда войска его были бы разстроены отъ предъиущихъ неудачъ или отъ другихъ какихълибо обстоятельствъ и, наконецъ, когда они, по своему устройству, болѣе походили бы на союзническіе мазелюковъ, чѣмъ на благоустроенную армію великой націи, а самъ Наполеонъ, герой Фридлавда и Іены, па какого нибудь Мустафу, трехъ-бунчужнаго бѣглер-бейа блистательной Порты. Но какъ ни одного изъ этихъ условій, которыя могли бы обѣщать побѣду надъ противникомъ, втрое сильнѣйшимъ, подъ Свенциянами не представлялось, то Барклай и не могъ рѣшиться на битву безполезную, тѣмъ болѣе, что сильныя колонны непріятельской стали уже угрожать лѣвому его флангу. Замѣтимъ еще слѣдующее. Въ тогдашихъ обстоятельствахъ, соединеніе со второй арміею должно было быть главнымъ предметомъ всѣхъ усилий со стороны главнокомандовавшаго первую армію; достигнуть же этой цѣли можно было только черезъ отступленіе. Поэтому также первая армія не могла не отступить отъ Свенциянъ.

Но, вѣроятно для того, чтобы предупредить Наполеона на Двинѣ, Барклай послѣшилъ изъ Свенциянъ принять направлениe, отдаленное его отъ князя Багратиона, двинувшись со всѣми своими корпусами вправо, къ укрепленному лагерю подъ Дриссою. Другой причиной этого движенія придумать невозможно, тѣмъ болѣе, что первая армія для сближенія со второйю, могла удобно обратиться изъ Свенциянъ влево на минскую дорогу. Тогда, безъ сомнѣнія, соединеніе обѣихъ армій не встрѣтило бы тѣхъ затрудненій, которыя пришлюсь имъ.

впослѣдствіи преодолѣвать, и князь Багратіонъ не очутился бы изъ Николаева въ Несвижѣ, по направлению къ Бобруйску.

Не безъ основанія укоряютъ Барклай за это поспѣшное отступленіе его къ Дриссѣ. Кромѣ того, что оно удаляло первую армію отъ второй, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно открывало Наполеону прямой путь къ Смоленску, этому важному, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, стратегическому пункту. Но если отступленіе къ Дриссѣ и не можетъ быть удовлетворительно оправдано въ военномъ отношеніи, за то какими превосходными соображеніями впослѣдствіи исправилъ свою ошибку Барклай-де-Толли; по мнѣнію же Бутурлина (*), сколько великъ долженъ быть тотъ полководецъ, который въ теченіи похода учинить всего одну только ошибку!

По вступленіи первой арміи въ укрѣпленный лагерь подъ Дриссой, намѣреніе Наполеона и главный предметъ его усилий, по прежнему, состояли въ томъ, чтобы воспрепятствовать всѣми способами соединенію нашихъ армій, разобщенныхъ имъ съ самого начала похода. «Князь Багратіонъ и Барклай-де-Толли не увидятся болѣе, другъ съ другомъ», съ насмѣшкою говорилъ императоръ французскій, такъ онъ былъ увѣренъ, что наши арміи не могутъ уже соединиться.

Для уничтоженія такихъ замысловъ противника, звачительныя силы котораго, направившись изъ Вильны къ Глубокому, стали уже подходить на одну высоту съ нашимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, Барклай рѣшился выступить изъ этого лагеря и слѣдовать съ своею арміею отъ Дриссы по правому берегу Двины, противъ ея теченія, для предупрежденія непріятеля въ Витебскѣ; также, между Двиною и Днѣпромъ, для удобнѣйшаго соединенія со второю арміею. Лучшаго направлениія нельзя было придумать, чтобы исправить ошибочное отступленіе къ Дриссѣ. Кромѣ того, что направленье къ Витебску сближало первую армію съ Смоленскомъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, пересѣкало еще путь, по которому долженъ былъ слѣдовать князь Багратіонъ. Такимъ образомъ однимъ движеніемъ достигалась двоякая цѣль: соединеніе со второю арміею и сближеніе черезъ Смоленскъ съ плодородными южными губерніями.

Первые переходы арміи отъ Дриссы до Полоцка прикрывались корпусомъ Дохтурова, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Двины, для наблюденія за непріятелемъ. Кажется, намѣреніе Барклай было остановиться навремя при Полоцкѣ, чтобы съ этого пункта высмотрѣть вѣрнѣе движенія непріятеля, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подкрѣпить графа Витгенштейна противъ Удино, который занялъ уже

(*) Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году.

наши укреплёнія при Дриссѣ, на лѣвомъ берегу Даины.¹ Но когда, по прибытии въ Полоцкъ, удостовѣрились, что большая часть непріятельской арміи потянулась уже со всѣхъ сторонъ на Витебскъ, тогда, разумѣется, не должно было терять ни минуты, для предупрежденія непріятеля въ столь важномъ пункѣ. По этому армія и двинулась усиленными переходами изъ Полоцка къ Витебску. Жары были невыносимые; для облегченія войскъ на маршъ, дозволено было солдатамъ идти безъ галстуковъ и съ разстегнутыми мундирами. По рассказамъ стариковъ, походъ этотъ былъ изъ самыхъ трудныхъ для первой арміи въ продолженіе цѣлой кампаніи: шли безъ дневокъ, по суворовски; останавливались только на короткихъ разстахи, чтобы сварить кашу, выпить чарку, да и опять въ походъ. Послѣдствія доказали, что если бы Барклай пришелъ въ Витебскъ двѣнадцатью часами позже, то этотъ городъ былъ бы уже занятъ непріятелемъ. Тогда не только сдѣлались невозможнымъ соединеніе обѣихъ армій, но и запита открытой московской дороги — главного предмета усиій Наполеона.

Изъ Витебска Барклай предполагалъ сдѣловать на Оршу чрезъ Бабиновичи, чтобы овладѣть путемъ, чрезъ который долженъ быть проходить князь Багратіонъ. Но непріятель какъ будто отгадалъ намѣреніе资料 our другого полководца, сосредоточивъ значительную часть своихъ силъ въ окрестностяхъ Островны, въ десяти или двѣнадцати верстахъ отъ Витебска. Послѣ этого нельзя уже было и помышлять о предположенномъ движениіи къ Оршѣ, потому что Мюратъ и вице-король могли ударить изъ Островны на правый флангъ нашей арміи, еслибы потянулась она по дорогѣ къ Бабиновичамъ. Обстоятельство это поставило Барклая въ положеніе самое затруднительное. На Смоленскъ отступить онъ не могъ, чтобы не удалиться еще болѣе отъ князя Багратіона, которому самъ назначилъ прорваться къ Оршѣ; сдѣловать же самому на Оршу, не отбросивъ непріятеля отъ Островны, значило бы подвергнуть себя пораженію, по всей вѣроятности, неминуемому. Въ такой крайности, Барклай рѣшился на сраженіе подъ Витебскомъ. «Здѣсь», — доносилъ онъ императору: «взялъ я позицію и рѣшился дать Наполеону генеральное сраженіе».

Рѣшеніе это, какъ я уже сказаъ, признавали въ то время чрезъ чурб дерзостнымъ (*). По этому необходимо объяснить, что могло подвигнуть на такое рѣшеніе главнокомандующаго первою арміею.

Барклай былъ выше криковъ «черни ликой», болтовни глупцовъ и сарказмовъ злыхъ завистниковъ; въ угоду имъ опять ни-

(*) Бутурлинъ, Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году. Часть 1, стр. 179,

когда не рѣшился бы на кровопролитіе безполезное, менужное; равно недоступны были ему и никакіе расчеты эгоистическіе. Оборона Россію, онъ не думалъ о популярности, объ угощденіи безсмысленнымъ требованіямъ толпы, непонимавшей затруднительности обстоятельствъ, въ которыхъ поставлена была тогда Россія; не думалъ также и о личной славѣ, не помышлять о торжествѣ, которое могъ доставить ему даже незначительный успѣхъ надъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ, не стремился къ битвамъ, который не оправдывались бы крайнею необходимости, дѣйствовалъ осторожно и осмотрительно. Но когда обстоятельства ставили его въ такое положеніе, что опь не могъ уже одною дѣятельностью умственную, одни маневрами разрушить замыслы противника, когда, по необходимости, приходилось обречь на смерть несколько тысячи героевъ, тогда въ немъ проявлялась и отвага, и рѣшимость, и онъ не останавливался предъ самымъ смѣлимъ предпріятіемъ. Такимъ онъ обнаружилъ себя и подъ Витебскомъ, когда только сраженіемъ при этомъ городѣ можно было достигнуть важной цѣли — соединенія двухъ армій, для дальнѣйшихъ дѣйствій. Князь Багратіонъ, какъ я уже сказалъ, долженъ былъ прорваться изъ Могилева по направленію къ Оршѣ. Такое направленіе для второй арміи назначилъ самъ Барклай и оно казалось тогда исполнимымъ. По крайней мѣрѣ, въ главной квартирѣ первой арміи никто не сомнѣвался, что князь Багратіонъ идетъ на Оршу. Имѣя это въ виду, сраженія подъ Витебскомъ миновать было нельзя, потому что первой арміи, въ тогдашнемъ ея положеніи, оставалось одно изъ двухъ: или сразиться съ Наполеономъ, чтобы открыть себѣ дорогу на Оршу, которую стерегъ уже непріятель въ Островнѣ, или же отступить къ Смоленску, отказавшись отъ соединенія армій, на что Барклай ни въ какомъ случаѣ рѣшился не могъ. Притомъ, сраженіемъ подъ Витебскомъ, достигалась еще и другая цѣль. Обративъ на эту точку вниманіе непріятеля, Барклай останавливалъ направленіе колоннъ его къ Могилеву и тѣмъ облегчалъ движеніе князю Багратіону чрезъ этотъ городъ на Оршу.

Объяснивъ цѣль сраженія подъ Витебскомъ, прибавимъ, что были вѣроятности и на успѣхъ его.

Во-первыхъ, Наполеонъ не успѣдъ еще сосредоточить всѣхъ своихъ силъ въ окрестностяхъ Витебска.

Во-вторыхъ, мужество и стойкость войскъ первой арміи въ сраженіяхъ 13 и 14 июля, при Островнѣ и Печанкѣ, могли служить нѣкоторымъ ручательствомъ въ пріобрѣтеніи побѣды подъ Витебскомъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, позиція, избранная самимъ главно-командующимъ, особенно была выгодна въ тактическомъ отношеніи.

Рѣшившись на битву, Барклай занялся приготовленіемъ къ цей съ хладнокровіемъ и распорядительностію, которая никогда ему не измѣняли. Генераламъ сообщены были подробныя наставленія, гдѣ и какъ встрѣтить непріятеля. Графъ Остерманъ-Толстой и Кондратицкій, сражавшіеся наканунѣ, при Островѣ и Печанкѣ, съ Мюратомъ и вице-королемъ, присоединились къ армії; на смиреніи идѣ отправился графъ Палевъ, съ приказаниемъ наводить непріятеля на боевую нашу позицію. Такимъ образомъ все было готово къ сраженію, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подучено было отъ кнѣзя Багратіона извѣстіе о неудачномъ его нападеніи на Могилевъ. Между прочимъ, кнѣзь сообщалъ и то, что, для соединенія съ первою арміею, привужденъ онъ принять болѣе вправо и сѣдовать на Смоленскъ не по направлению чрезъ Оршу и Витебскъ, а черезъ Мстиславль.

Такое неожиданное извѣстіе изъ второй арміи, разумѣется, измѣнило положеніе дѣла. Не для чего уже было сражаться подъ Витебскомъ, когда сраженіе не доставляло тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремились, — сближеніе армій. Самая победа не принесла бы никакой пользы, особенно если принять въ соображеніе, что Даву могъ занять Смоленскъ, пока первая армія сражалась бы подъ Витебскомъ. Тогда военные дѣйствія могли бы принять оборотъ самый критический. Барклай, одержавъ даже побѣду, не могъ бы преслѣдовать непріятеля, потому что ничего не препятствовало бы Даву, по занятіи Смоленска, тотчасъ же двинуться въ тылъ первой арміи. Если же Барклай рѣшился бы ударить на Даву, то Наполеонъ послѣдовалъ бы за Барклаемъ и онъ бы былъ бы окруженнъ. Такимъ образомъ победа, купленная пожертвованіемъ десяти или двадцати тысячъ человѣкъ, не только не принесла бы намъ никакой пользы, но даже и поставила бы побѣдителей въ положеніе еще болѣе затруднительное. Во всякомъ случаѣ, послѣ сраженія, пришлось бы первой арміи отступать. Но единственно возможное отступленіе, даже послѣ побѣды, предстояло только въ направлениіи черезъ Суражъ къ Велижу, а направление это еще болѣе отдалило бы первую армію отъ второй.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Барклай и рѣшился немедленно отступить къ Смоленску. Но чтобы непріятель не могъ сѣдовать непосредственно за арміею, войска наши оставлены были на позиціи подъ Витебскомъ до полудня, показывая видъ, будто приготовляются къ вступленію въ битву. Поистинѣ, что въ этомъ слу-

чай вся надежда на успѣхъ военной хитрости основывалась за предположеніи, что непріятель къ первый день займется одиними рѣкогносцировками и аванпостными сшибками и съ осторожностью ставить сближать главные свои силы къ Витебску. Къ счастію, предположеніе это сбылось какъ нельзя лучше. По первѣшательнымъ движеніямъ колоннъ непріятельскихъ, замѣтно было, что Наполеонъ хотя и радостно принялъ вызовъ на бой, однако не безъ опаски вступалъ на поле битвы; вѣтъ сомнѣнія, что онъ помнилъ подъ Витебскомъ, какъ бились русскіе при Фридландѣ и Эйлау. Часть испріятельскихъ войскъ, напирая на незначительный по силамъ отрядъ графа Палена, и не подозрѣвала, что отрядъ этотъ, медленно отступая съ одной позиціи на другую, прикрываетъ отступленіе цѣлої арміи. Удивительнѣе же всего то, что Наполеонъ, этотъ столь догадливый полководецъ, не догадался, въ чемъ состояла цѣль движенія, когда армія наша, для отступленія съ боевой позиціи, частію своего лѣваго крыла двинулась въѣво. Должно думать, что движеніе это показалось ему или обыкновеннымъ переходомъ колоннъ съ одного мѣста на другое, или же покушеніемъ обойти правый его флангъ, но отнюдь не отступленіемъ. Какъ бы то ни было, но Барклай успѣлъ сняться съ позиціи и исполнить, въ виду предиримчиваго непріятеля, одно изъ опаснѣйшихъ и труднейшихъ движений, которыя рѣдко удаются и въ простыхъ военныхъ маневрахъ въ мирное время.

Выступивъ изъ подъ Витебска, армія потянулась къ Смоленску тремя колоннами; ближайшимъ же путемъ пошелъ Дохтуровъ съ своимъ корпусомъ и гвардіей чрезъ Рудню. Всѣдѣ за Дохтуровымъ站нулись къ Смоленску и прочія войска первой арміи и всѣ стали лагеремъ па правомъ берегу Днѣпра. Около этого же времени появился съ своими донцами у Смоленска и Матвѣй Ивановичъ Платовъ, оберегавшій цѣлый мѣсяцъ тылъ и флангъ второй арміи, при трудномъ отступленіи ее изъ окрестностей Гродно. Наконецъ, днѣ чрезъ два или три послѣ прихода донцовъ, прибыла къ Смоленску и вторая армія. Она заняла позицію на лѣвомъ берегу Днѣпра, загородивъ дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ. Послѣ Могилевскаго дѣла, подъ Салтановкой, князь Багратіонъ никогда уже не встрѣчалъ непріятеля. Даву, какъ тогда полагали, ожидалъ вторичнаго нападенія со стороны князя Багратіона, а потому, вмѣсто того, чтобы не упускать изъ виду вторую нашу армію, сталъ укрѣплять Могилевъ батареями и тѣмъ далъ князю Багратіону время и возможность прорваться къ Смоленску.

Съ соединеніемъ армій нашихъ у Смоленска, лестныя надежды Наполеона разбить ихъ порознь исчезли навсегда. Кроме то-

го, соединение это и по многимъ другимъ отношеніямъ было для насъ чрезвычайно выгодно. Во-первыхъ, оно поставило Наполеона въ необходимость стянуть всѣ свои войска между Двиною и Даѣпромъ, чтобы удержать за собою перевѣсъ въ числительности силъ; чрезъ это Удино могъ получить подкѣпленіе только ужетогда, когда былъ разбитъ графомъ Витгенштейномъ. Во-вторыхъ, всѣ замыслы Наполеона на Лифляндію, Псковъ и Новгородъ рушились, такъ какъ Макдональдъ, оставленный собственнымъ его силамъ, по необходимости принужденъ былъ остановить покушенія свои противъ Риги. Наконецъ, въ-третьихъ, для замѣны въ Могилевѣ корпуса Даву, присоединеннаго къ главной арміи, нельзя было не подвинуть ближе къ Смоленску корпусъ князя Понятовскаго, между тѣмъ какъ корпусъ этотъ имѣлъ особое назначеніе занять позицію между Припетью и Даѣпромъ. Такимъ образомъ, расчеты Наполеона были уничтожены однимъ превосходнымъ соображеніемъ нашего полководца, и именно, отступательнымъ движеніемъ его отъ Дриссы сначала на Витебскъ, а потомъ на Смоленскъ. Слова вѣтъ, что успѣху Барклая много содѣствовали ошибки его противника, но развѣ ошибки Вуризера, Алавинчи, Меласа, Макка, Болье и даже нашего Бенигсена, не способствовали блестящимъ успѣхамъ прежнихъ кампаній Наполеона? Умѣть пользоваться ошибками противника — едва ли не лучшая сторона дарованій военныхъ. Одна же изъ главнѣйшихъ ошибокъ Наполеона заключалась въ томъ, что, выѣстото того, чтобы самому, съ главными своими силами, направиться на главный путь дѣйствій, императоръ французскій увлекся преслѣдованіемъ арміи Барклая, направившейся отъ Свенцянъ къ Дриссѣ; на дорогу же изъ Вильны къ Смоленску, которая врѣзывалась въ самую средину Россіи чрезъ Минскъ и Могилевъ, направленъ былъ Даву, съ незначительными, по числительности, корпусомъ. Маршалъ этотъ, пока маневрировалъ на одной высотѣ съ главными силами Наполеона, не опасался выдвигаться впередъ, для заслоненія князю Багратіону сообщеній съ первой нашей арміей; но какъ только, запявъ Могилевъ, Даву опередилъ нѣсколько Наполеона, дальнѣйшія движенія сдѣлались уже опасными для него. Немогъ онъ, чтобы заслонить путь Смоленску, переправиться, напримѣръ, чрезъ Днѣпръ въ Могилевъ, не могъ потому, что движеніемъ этимъ врѣзался бы между двухъ нашихъ армій: съ правой стороны былъ бы у него князь Багратіонъ, а съ лѣвой Барклай, и оба могли бы ударить ему въ тылъ. Вотъ причина, и единственная, какъ надо полагать, по которой обѣ наши арміи успѣли соединиться у Смоленска.

По соединеніи армій, войска непріятельскія заняли слѣдующіе пункты въ окрестностяхъ Смоленска: вице-король итальянскій сталъ

между Суражемъ и Порѣчью; король неаполитанскій между Рудни и Ліозною; вправо отъ Рудни, между Березиной и Днѣпромъ, генералъ Монбронъ, а позади его, между Любавичами и Дубровною, маршалъ Даву; самъ же Наполеонъ, съ гвардіей, какъ полагаю, поѣздуя еще изъ Витебска.

При такомъ расположениіи войскъ непріятельскихъ, наступательныя движенія нашихъ армій удобнѣе всого могли бытъ устремлены на короля неаполитанскаго, но въ такомъ только случаѣ, когда король принялъ бы вызовъ на бой въ окрестностяхъ Рудни, на что сдали мнѣ поѣзду разсчитывать. Въ противномъ случаѣ, и именно при отступлениіи центріателя, безъ выстрѣла, отъ Рудни къ Любавичамъ и Бабиновичамъ, дальнѣйшее преслѣдованіе его было бы ошибкою неизвѣнительною. Нельзя было и думать обѣ удаленіи обѣихъ армій отъ Смоленска на нѣсколько переходовъ, когда вице-король имѣлъ возможность ударить имъ въ тылъ со стороны Порѣчья. Еслибы это случилось, то обѣ арміи наши, чрезъ одно необдуманное движеніе, могли бы лишиться разомъ всѣхъ выгодъ, приобрѣтенныхъ ими съ такими усиленіями. Смоленскъ, а вмѣстѣ съ нимъ и большая московская дорога, достались бы, такъ сказать, непріятелю даромъ.

По этимъ соображеніямъ Барклай и полагалъ оставить вторую армію въ Смоленскѣ для наблюденія за непріятелемъ и для прикрытия московской дороги, а самому, съ первою арміею, двинуться по дорогѣ къ Порѣчью, чтобы въ окрестностяхъ этого города напастъ съ превосходными силами вице-короля и опрокинуть его. Такимъ начаденіемъ можно было надѣяться весь край между Суражемъ и Велижемъ очистить отъ непріятеля и занять особымъ отрядомъ нашихъ войскъ. Тогда обѣ арміи, безъ всякаго уже опасенія за Смоленскъ и московскую дорогу, могли бы двинуться къ Руднѣ и ударить тамъ соединенными силами на короля неаполитанскаго и маршала Нея, стоявшаго, съ своимъ корпусомъ, позади короля; въ случаѣ же, еслибы они боя у Рудни не привали, то преслѣдовать ихъ по пятамъ, не опасаясь за свой тылъ..

Но въ военномъ совѣтѣ, къ коему приглашены были цесаревичъ, князь Багратіонъ, начальники штабовъ и генералъ-квартирмейстеры обѣихъ армій, вмѣсто того, чтобы рѣшиться атаковать первую армію вице-короля, общимъ мнѣніемъ предложили двинуться обѣими арміями отъ Смоленска прямо къ Руднѣ, оставивъ на всякий случай у Смоленска отрядъ пѣхоты съ нѣсколькими козачими полками. Барклай, по необходимости, долженъ былъ согласиться на это предложеніе, такъ какъ оно было принято общимъ мнѣніемъ, но съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы отнюдь не отходить отъ Смоленска далѣе, какъ на три перехода.

Какъ предсказывалъ Барклай, такъ и случилось. Не успѣли обѣ арміи наши сдѣлать и одного перехода по направлению къ Руднѣ, какъ непріятель, по донесенію передовыхъ постовъ, сталъ уже отступать. Въ это же время получено было также извѣстіе, что винцѣ-король подкрѣпленъ въ Порѣчье кирасирской дивизіею графа Дефранса. Въ добавокъ къ этимъ двумъ извѣстіямъ, донцы, послѣ молодецкой схватки съ авангардомъ короля неаполитанскаго, о которой Матвѣй Ивановичъ донесъ, что «непріятель пардона не просилъ, а россійскія войска, бывъ разъярены, кололи и били его», — успѣли захватить на квартире Себастіана, между другими его бумагами, и дневной приказъ по войскамъ короля неаполитанскаго. Изъ приказа этого ясно было видно, что непріятель извѣстился уже о намѣреніи нашемъ и отступалъ съ умысломъ къ Любаничамъ и Бабиновичамъ. Всѣ эти обстоятельства понудили Барклая, вмѣсто того, чтобы продолжать наступленіе по направлению къ Руднѣ, какъ рѣшено это было въ военномъ совѣтѣ, привести въ исполненіе первоначальное намѣреніе свое, и именно, освободить правый флангъ нашихъ армій отъ угрожавшаго имъ нападенія со стороны Порѣчья. Для этого первая армія тотчасъ же перешла съ дороги рудненской на дорогу порѣчскую; князю же Багратіону предложено было стать съ своею арміею у Приказъ-Выздры, гдѣ позиція была выгоднѣе смоленской и откуда онъ могъ удобнѣе наблюдать за непріятелемъ, будучи притомъ ближе къ первой арміи и къ отряду Невѣровскаго, который оставленъ былъ въ Красномъ, чтобы стеречь дорогу отъ этого города къ Смоленску.

Разумѣется, завистники и недоброжелатели Барклая не замедлили воспользоваться отмѣною наступательнаго движенія къ Руднѣ, при общемъ тогдашнемъ стремлѣніи сразиться съ непріятелемъ во что бы то ни стало, чтобы обвинить нашего полководца въ дѣйствіяхъ нерѣшительныхъ и даже боязливыхъ. Но было ли основательно подобное обвиненіе, и могъ ли, въ тогдашихъ обстоятельствахъ, главнокомандующій рѣшиться на удаленіе обѣихъ армій отъ Смоленска и на дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, отступившаго умышленно отъ Рудни? Дѣйствія подъ Витебскомъ доказываютъ, что, когда нужно было, Барклай не уклонялся сразиться съ непріятелемъ и вдвое его сильнѣйшимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ также ударили бы и на короля неаполитанскаго и на маршала Ней у Рудни, еслибы только они тамъ остались, потому что ударомъ этимъ могъ надѣлиться уничтожить часть арміи противника, до соединенія еще всѣхъ его силъ. Но общее сраженіе за Руднену, въ окрестностяхъ Любаничей и Бабиновичей, гдѣ король неаполитанскій и Ней могли соединиться съ Даву и Мовбреномъ, не представляло рѣшительно никак-

кихъ для насъ выгодъ. Одержавъ даже побѣду, мы потеряли бы болѣе, нежели непріятель. Резервы наши были частію отдалены, частію еще неустроены, а потому мы не скоро могли бы замѣнить потерю въ людяхъ, которую пришлось бы понести въ общей битвѣ; непріятель же имѣлъ позади себя и на флангахъ корпуса, которые могли его тотчасъ же подкрѣпить. Когда Удинъ былъ разбитъ, Наполеонъ не замедлилъ подкрѣпить его цѣльнымъ корпусомъ; на просьбу же графа Витгенштейна, понесшаго также значительную убыль въ людяхъ, отвѣчали, чтобы онъ обратилъ вниманіе на находившихся позади его больныхъ, изъ которыхъ выздоравливающіе могутъ быть обращены на службу. Но если бы вмѣсто побѣды, мы понесли пораженіе и непріятель ударили бы намъ во флангъ и въ тылъ со стороны Порѣчья, тогда, кто можетъ сказать, какія бы были бы послѣдствія!... При тогдашихъ обстоятельствахъ, участіе кампаніи и Россіи зависѣла не отъ случайной побѣды надъ частію войскъ непріятельскихъ, но отъ сохраненія арміи, пока еще не было другой для ея замѣны; изъ одного же ложнаго стремленія къ славѣ, а тѣмъ болѣе въ угоду храбрымъ крикунамъ, нельзя было предавать судьбу имперіи на волю слѣпаго случая....

Если непріятель имѣлъ возможность во-время, чрезъ лазутчиковъ, извѣститься о намѣреніи нашемъ атаковать его у Рудни, какъ это видно изъ захваченнаго донцами приказа въ квартирѣ Себастіана, то не трудно было догадаться ему и о покушеніи первой арміи на Порѣчье, какъ только армія эта перешла съ дороги рудненской на порѣчскую. Для предупрежденія такого покушенія, вице-король самъ очистилъ отъ своихъ войскъ окрестности Порѣчья, отступивъ по направлению къ Витебску. Почти въ одно время съ отступленіемъ вице-короля, выступилъ изъ Витебска и Наполеонъ и тотчасъ же стала сосредоточивать всѣ свои силы за Руднею, въ окрестностяхъ Любовичей, Бабиновичей и Дубровны. Съ прибытіемъ императора французскаго къ своей арміи, намъ нельзя было уже и помышлять о дѣйствіяхъ наступательныхъ; по необходимости надо было обратиться къ роли обороныящагося, всѣ распоряженія котораго, какъ извѣстно, зависятъ отъ движеній нападающаго, все умѣніе состоитъ въ томъ, чтобы отгадывать намѣренія противника и не увлекаться ложными его движеніями. Посмотримъ, какъ выполненъ и это назначение, едва ли не труднѣйшее на войнѣ, нашъ полководецъ.

Первою заботою его было соединить скорѣе обѣ арміи, потому что нападеніе непріятеля со стороны Рудни могло отрѣзать часть первой арміи, распространившейся уже до Порѣчья. Для предупрежденія этого, Барклай поспѣшилъ стянуть обѣ арміи на весьма выгодную для боя позицію, при Волковой, какъ вдругъ получено было

известіе, что Наполеонъ, со всѣми своими силами, переправилъся на лѣвый берегъ Днѣпра и стѣснилъ Невѣровскаго, принудивъ его отступить изъ Краснаго къ Смоленску, съ значительнымъ урономъ въ людяхъ и съ потерей нѣсколькоихъ орудій. Такое неожиданное движение непріятеля угрожало Смоленску со стороны дороги, ведущей къ Красному, а потому Барклай, бросивъ свою позицію при Волковой, немедленно, съ обѣими арміями, двинулъся на защиту города. Первый прилетѣлъ въ Смоленскъ Раевскій. Цѣлый день удерживалъ онъ напоръ передовыхъ войскъ непріятеля на полу-развалившіяся стѣны смоленскія, пока не прибыли обѣ наши арміи на правый берегъ Днѣпра.

Смыслъ и значеніе отважнаго маневра Наполеона передъ Смоленскомъ теперь уже не тайна для каждого изъ наст. Наступательнымъ движениемъ чрезъ Ляды и Красный замышлялъ онъ отрѣзать Барклая и князя Багратіона отъ Тормасова, отъ плодородныхъ полуденныхъ губерній и даже отъ Москвы. При малѣйшей медленности и нерѣшимости со стороны нашихъ военачальниковъ, непріятель могъ воспользоваться временемъ, чтобы распространиться до Дорогобужа и предупредить насъ въ переправѣ черезъ Днѣпръ подъ этимъ городомъ. Тогда, дѣйствительно, могло бы случиться, что обѣ арміи наши, отрѣзанные отъ московской дороги, потеряли бы соображеніе и съ Тормасовымъ, и съ южными губерніями, и, по необходимости, должны были бы отступить чрезъ Порѣчье къ Великимъ Лукамъ.

Для отвращенія такого смылага замысла, тотчасъ же было решено — второй арміи отступить по дорогѣ дорогообужской, а первой — прикрывать это отступленіе, удерживая непріятеля въ Смоленскѣ до занятія княземъ Багратіономъ Соловьевой-Переправы на Днѣпрѣ.

Битвою въ стѣнахъ Смоленска и сраженіемъ при Лубинѣ, непріятель былъ остановленъ и отступленіе второй арміи столь удачно прикрыто, что она не лишилась ни одного человѣка. Тогда, вслѣдъ за княземъ Багратіономъ, потянулся по дорогообужской дорогѣ съ первою арміею и самъ Барклай; развалины же Смоленска достались непріятелю.

При оборотѣ дѣйствій нашихъ войскъ въ Смоленскѣ, со дня появленія предъ этимъ городомъ Наполеона со стороны дороги, ведущей къ Красному, рождаются два вопроса: первый, — могъ ли Барклай, съ обѣими арміями, остаться въ Смоленскѣ, чтобы атаковать непріятеля на лѣвомъ берегу Днѣпра? и второй, — по отступленіи князя Багратіона, долженъ ли былъ Барклай отстаивать Смоленскъ до послѣдней крайности?

На первый вопросъ отвѣтить не трудно. Арміи наши не могли рѣшиться вступить съ непріятелемъ въ общее сраженіе подъ стѣнами Смоленска, на лѣвомъ берегу Днѣпра, по той самой причинѣ, по которой и Раевскій не приводилъ боя впереди Смоленска. Причина же эта самая законная. Позиція предъ Смоленскомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ тактическомъ отношеніи, не представляла рѣшительно никакихъ выгода для боя, въ чёмъ и теперь удостовѣриться можно всякому, кто изучаетъ военное дѣло не въ четырехъ только стѣнахъ своего кабинета. Лѣвый ея флангъ совершенно открытъ, а съ тылу тянется глубокая рѣтвина, не проходимая для артиллеріи. Можно сказать навѣрное, что едва сраженіе завязалось бы на такой позиціи, какъ открытый ся лѣвый флангъ тотчасъ же былъ бы обойденъ непріятелемъ; притомъ, въ случаѣ пораженія, съ этого же фланга пришлось бы и отступать, потому что съ правой стороны позиціи крутыя берега Днѣпра и стѣны Смоленска, а позади рѣтвины, для артиллеріи и обоза не проходимая. Что случилось бы тогда съ арміей, поставленной въ такое положеніе?...

На второй вопросъ, какъ я полагаю, можно отвѣтить слѣдующими соображеніями. Когда князь Багратіонъ отдался отъ первой арміи, у Барклай осталось не болѣе 75-т. человѣкъ подъ ружьемъ, ровно на половину менѣе войскъ, которыми могъ располагать подъ Смоленскомъ Наполеонъ. Не взирая на такое превосходство силъ непріятельскихъ, Барклай, для прикрытия отступленія князя Багратіона, все отчаянныя нападенія непріятеля отражалъ съ устремлениемъ, но одинъ этотъ день стоилъ арміи болѣе пяти тысячъ убитыми и ранеными. Слова нѣть, что если въ первый день могли оборонить Смоленскъ, то и въ слѣдующіе представлялась возможность удержать его за собою, въ чёмъ не сомнѣвался и самъ Наполеонъ, какъ это видно изъ разговора его въ Смоленскѣ съ генераломъ Тучковымъ. Но для этого пришлось бы смѣнить войска Дохтурова, бывшія въ теченіе цѣлыхъ сутокъ въ безпрерывномъ огнѣ, остаткомъ арміи, которая находилась въ резервѣ и сберегалась для общаго сраженія; пришлось бы и эти остальные войска, лучшія, по ихъ устройству, въ цѣлой арміи, обречь на потерю въ иѣсколько тысячъ человѣкъ, безъ надежды въ скоромъ времени замѣнить ихъ войсками свѣжими, такъ-какъ Милорадовичъ не трогался еще съ своимъ резервомъ къ Вязьмѣ. Ко всему этому надо иметь въ виду еще и то, что непріятель занялъ уже высоты, съ которыхъ орудийнымъ огнемъ фланкировалъ Днѣпровскій мостъ и тѣмъ затруднялъ даже сообщеніе нашей арміи съ городомъ. Не положимъ, что, послѣ чрезвычайныхъ усилий и значительныхъ по-

жертвованій въ людяхъ, первая армія успѣла бы удержать за собою городъ. Въ этомъ случаѣ Наполеону слѣдовало только направить ся въѣво, перейти черезъ Днѣпръ ниже Смоленска съ частью своей арміи и двинуться на правый флангъ нашей арміи, стоявшей по дорогѣ въ Порѣчье, чтобы однимъ этимъ движеніемъ заставить Барклай—вывести свои войска изъ города. Тогда Смоленскъ внезапно достался бы въ руки непріятеля, а Барклай, потерявъ совершиенно безъ пользы и безъ всякой видимой надобности отъ восьми до десати тысячъ человѣкъ, поставленъ бы въ необходимость—или сразиться противъ воли съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, или отступить въ виду его съ порѣчской дороги на московскую, вслѣдъ за княземъ Багратіономъ. Но продолжительная оборона Смоленска первою арміею могла имѣть еще и худшія послѣствія, если бъ Наполеонъ, съ частью своихъ войскъ, пошелъ не въѣво, а вправо, и переправился бы черезъ Днѣпръ выше Смоленска, съ тѣмъ, чтобы овладѣть московскою дорогою, которую князь Багратіонъ, съ одною своею арміею, по числу не значительною, едва ли могъ бы отстоять съ успѣхомъ. Тогда обѣ арміи по всей вѣроятности, были бы оттеснены къ Порѣчью и отрѣзаны отъ дороги московской, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ южныхъ губерній. Бутурлинъ, въ сочиненіи своемъ о изшествіи императора Наполеона на Россію въ 1812 году, разбирая дѣйствія нашихъ генераловъ въ окрестностяхъ Смоленска, не могъ не отдать справедливости Барклайю въ томъ, что онъ не усиливался оборонять этотъ городъ. «Рѣшительность генерала Барклай-де-Толли оставить Смоленскъ»,—говоритъ онъ:—«достойна тѣмъ большей похвалы, что въ семъ случаѣ онъ поступилъ вопреки мнѣнію князя Багратіона и другихъ главнѣйшихъ генераловъ обѣихъ армій, полагавшихъ возможнымъ продолжать оборону Смоленска.»

Только по выступленіи изъ Смоленска, идея — измучить Наполеона, отдалившагося на такое большое разстояніе отъ опоры свѣтлыхъ дѣйствій, общими машеврами,—озарила умъ нашего полководца. При открытии же кампаниіи, какъ я объяснилъ уже въ началѣ этой статьи, ни кому и на мысль не приходило заявлечь намѣренno непріятеля во внутренность Россіи. Даже по соединеніи обѣихъ армій, никто, по видимому, не усматривалъ тѣхъ существенныхъ выгодъ, какія пріобрѣтали мы, такъ сказать, съ каждымъ днемъ, отъ отступательныхъ движений. По крайней мѣрѣ не видно этого ни изъ одной офиціальной переписки главнокомандовавшаго обѣими арміями, до выступленія армій изъ Смоленска. Притомъ, если бъ сказанная идея входила въ соображеніе тогдашнихъ военныхъ предначертаній, то на какой конецъ стали бы покушаться въ Смоленскѣ

перейти къ наступательнымъ движеньямъ, съ опасениемъ даже быть отрѣзанными отъ главнаго пути дѣйствій? Но когда овладѣли уже мы Дорогобужскою дорогою и переправою чрезъ Днѣпръ у Соловьевой, тогда очевидная истина — продолженіемъ войны и общими маневрами истребить непріятеля окончательно и несомнѣнно, — представилась свѣтлому уму нашего полководца во всей ея ясности. «Непріятель», — доносилъ онъ государю: «слабѣетъ на каждомъ шагу по мѣрѣ того, какъ подается впередъ; напротивъ этого, наши войска подкѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ.» Изъ переписки же съ графомъ Ростопчинымъ усматривается еще яснѣе, какія выгоды надѣялся приобрѣсть Барклай отъ веденія войны общими движеньями, до окончательного сформированія внутреннихъ ополченій. Но и это убѣженіе, вѣрное и глубоко обдуманное, должно было принести онъ въ жертву настоящіемъ требований арміи, народа, даже самого правительства. Удивляться этому мы не должны теперь. Вторженіе непріятеля въ цѣда отечества всякий считалъ не только величайшимъ бѣствіемъ, но и оскорблениемъ народной чести; всякий въ этой общей бѣдѣ видѣлъ, такъ сказать, личную и кровную для себя обиду. Немудрено послѣ этого, что вся Россія, подъ влияніемъ нанесенного ей оскорблѣнія, не могла безпристрастно обсуживать собственное свое положеніе; она требовала только скорѣшаго отомщенія врагу за обиду. Необходимо было уступить требованію цѣлой нації, хотя и не разумному, но законному въ томъ отношеніи, что проистекало оно изъ горячей любви къ отечеству, изъ желанія защитить свои дома и семейства отъ гибельного нашествія враговъ.

Такимъ образомъ вынужденный отказаться отъ своего личнаго убѣженія, въ угоду общему стремленію сразиться съ врагомъ, овладѣвшимъ уже пространствомъ русской земли болѣе, чѣмъ на восемь сотъ верстъ пути, Барклай и въ послѣдній періодъ главноначальствованія надъ арміями, отступалъ ненамѣренно, съ цѣлію извѣритъ войска непріятельскія лишеніями и трудами дальнѣаго похода. Напротивъ, отступая, онъ искалъ только удобной мѣстности, на которой можно было бы принять бой съ большую вѣроятностію на побѣду, такъ-какъ въ этомъ случаѣ единственно отъ выбора позиціи и отъ правильнаго расположенія на пей войскъ, сообразно съ ихъ свойствами, можно было ожидать успѣха. Съ этой только точки зрѣнія и должно смотрѣть на отступленіе обѣихъ нашихъ армій отъ Соловьевой Персправы до Царева-Займища.

Вторая армія была уже въ Дорогобужѣ, когда Барклай прибылъ на позицію, прилегавшую къ деревнѣ Усвятъ, въ двѣнадцати verstахъ отъ Дорогобужа, но направлению къ Смоленску. Позиція эта,

на правомъ берегу рѣчки Ужи, повидимому, казалась выгодною для общей битвы; поэтому главнокомандующій и рѣшился было принять на ней сраженіе, для чего и предложилъ князю Багратіону присоединиться къ лѣвому флангу первой арміи. Арріергардъ нашъ, останавливавшій непріятеля почти на каждомъ шагу, сталъ уже приближаться къ главнымъ силамъ. Непріятель слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и, какъ только явился въ виду нашей арміи, тотчасъ же открылъ орудійный огонь. Такимъ образомъ сраженіе при Усвятѣ уже завязывалось, какъ вдругъ получили извѣстіе, что вице-король, наступавшій по правому берегу Днѣпра отъ Духовщины къ Дорогобужу, сталъ угрожать обходомъ нашему правому крылу. Притомъ самъ князь Багратіонъ, этотъ храбрѣйший изъ храбрыхъ, опасался и за свой лѣвый флангъ, который, лѣтѣтвительно, могъ быть также обойденъ непріятелемъ. Въ такомъ положеніи русскія войска продолжать бой уже не могли, не подвергаясь опасности быть обойденными съ обоихъ фланговъ. Поэтому, немедленно снявшись съ позиціи при Усвятѣ, и отступили они къ Дорогобужу.

Но позиція у Дорогобужа оказалась неудобнѣйшею изъ всѣхъ, занимавшихся нашими войсками въ продолженіе цѣлой войны.

Во-первыхъ, на этой позиціи надо было отдать пѣшій корпусъ на правый берегъ Днѣпра, чтобы встрѣтить тамъ наступление вице-короля итальянскаго.

Во-вторыхъ, для занятія главнѣйшихъ пунктовъ позиціи, необходимо было растянуть остальныя войска, чтобы прислониться вправо къ Днѣпру и въ тоже время занять лѣвымъ флангомъ высоты, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя было оставить безъ обороны. Кроме этихъ высотъ, оставались еще противу фронта позиціи, въ разстояніи орудійнаго выстрѣла, и другія высоты, съ которыхъ непріятель могъ рекогносцировать наше расположеніе и открыть даже огонь орудійный.

Въ третьихъ, въ небольшомъ разстояніи позади фронта виднѣлся городъ съ деревянными постройками и на мѣстоположеніи, пересѣченномъ ямами и глубокими рѣтвицами.

Наконецъ, въ четвертыхъ, вторая армія могла расположиться не ближе, какъ въ восьми верстахъ отъ первой, чрезъ что пришлось бы ей сражаться отдаленно.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Барклай и рѣшился продолжать отступленіе до Царева-Займища, куда вскорѣ и прибыли обѣ арміи. Позиція здѣсь оказалась весьма выгодною. Арміи, расположенные на въ большомъ одна отъ другой разстояніи, имѣли передъ собой открытое мѣсто, на которомъ непріятель не могъ скрыть своихъ движений. Въ двѣнадцати верстахъ отъ позиціи при Гжатскѣ, была

другая, найденная также удобною. Притомъ и Милорадовичъ донесъ уже, что вскорѣ прибудетъ къ Гжатску съ частію своихъ резервовъ. Въ случаѣ пораженія, Барклай могъ удержаться на позиціи при Гжатскѣ, подкрѣпившись резервами. Всѣ эти причины были достаточно уважительными, чтобы принять общее сраженіе при Царевѣ-Займищѣ, на что главнокомандующій и рѣшился. «Здѣсь»,—доносъ онъ Государю: «сталъ я съ обѣими арміями въ позиціи и рѣшился ожидать аттаки непріятельской.»

Но въ это время прибылъ въ Царево-Займище князь Кутузовъ, назначенный Высочайшимъ повелѣніемъ—быть главнокомандующимъ надъ всѣми арміями....

Года четыре тому назадъ, привелось мнѣ закрыть глаза одному изъ сподвижниковъ Барклая-де-Толли, заслуженному штабъ-офицеру артиллерійскому. Послѣдніе годы жизни своей провелъ онъ въ Украинѣ, на мирномъ хуторѣ, среди пчелъ, цвѣтовъ и канареекъ. Самъ онъ называлъ себя не иначе, какъ пушкаремъ Салтановскимъ, потому что въ дѣлѣ подъ Салтановкой рота подполковника Шульмана, въ которой служилъ онъ тогда старшимъ офицеромъ, особенно отличилась. Вообще личность старика этого была въ высшей степени замѣчательна. Онъ жилъ и умеръ съ одною мыслью, съ однимъ воспоминаніемъ—о чудномъ походѣ двѣнадцатаго года. Въ цѣломъ мірѣ ничто уже его не запоминало, кроме этого похода. По природѣ добрый и снисходительный, онъ не только не любилъ общества, но даже избѣгалъ всякихъ знакомствъ. Казалось, онъ родился для того только, чтобы прослужить въ рядахъ русской арміи двѣнадцатый годъ; когда же годъ этотъ минулъ, онъ за-живо похоронилъ себя на своемъ хуторѣ, отказавшись отъ свѣта и отъ людей. Онъ не зналъ что стало съ Европою послѣ того, какъ англичане заняли Бонапарта на дикую скалу, среди океана; но за то какъ живо помнилъ онъ всѣ малѣйшія подробности отечественной войны. Нельзя было безъ восхищенія слушать его, когда, бывало, въ своемъ палисадникѣ, среди пахучихъ цвѣтовъ и подъ тѣнию цвѣтущей яблони, съ витою трубочкою въ зубахъ, съ бѣлымъ крестомъ на груди и съ замѣчательнымъ выраженіемъ любви и кротости на лицѣ, становить онъ разсказывать о чудныхъ подвигахъ героеvъ двѣнадцатаго года.

По словамъ старика, послѣ вступленія въ главнокомандование наше арміи князя Кутузова, Барклай оставался при арміѣ еще болѣе мѣсяца. Почти всякой день вѣщали его на конѣ,—то сопровождавшаго, въ числѣ другихъ, князя Кутузова, то одного, безъ свиты, щѣдиншаго по позиціямъ и изучавшаго во всей подробности мѣстность, на которой располагались войска наши. Не рѣдко сѣ-

залъ онъ съ юдади, чтобы глаzомърно набросить на бумагу чертежъ какой либо части позиціи. Всѣ замѣчанія свои, какъ слышно было въ армії, доводилъ онъ до свѣдѣнія князя Кутузова или изустно, или особыми записками, которыя пересыпалъ въ главную квартиру съ первымъ, попадавшимся ему на глаза, офицеромъ; иногда же случалось, что указывалъ на погрѣшности въ расположении войскъ на самомъ мѣстѣ Бенигсену или Толю. Князь, правдимому, очень дорожилъ мнѣніями资料а своего даровитаго предмѣстника; по крайней мѣрѣ всѣ замѣчанія и представленія его выслушивались всегда внимательно, ни въ чёмъ не противорѣчилъ ему и во всемъ съ нимъ соглашался на словахъ. Самъ пушкарь Салтацовский, будучи на ординарцахъ у начальника артиллеріи, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Наканунѣ Бородинской битвы, пострѣчавшись съ княземъ Кутузовымъ у моста чрезъ Колочу, Барклай съ примѣтнымъ неудовольствіемъ сталъ жаловаться на то, что, для прикрытия старой смоленской дороги, кто-то распорядился отдалить 3-й корпусъ отъ первой арміи безъ его вѣдома, что корпусъ этотъ остался теперь безъ начальства, и что самъ онъ не знаетъ, къ кому ему относиться и отъ кого получить приказанія. Князь тотчасъ же сталъ успокаивать Михаила Богдановича, взялъ его дружески за руку и просилъ не сердиться на генералъ-квартирьстера, уверяя при этомъ, что вся путаница произошла отъ ошибки, недоразумѣнія, но что онъ съ сегодняшняго же дня приметъ мѣры, чтобы такихъ недоразумѣній болѣе не повторялось. Когда же началъ бой Бородинскій, Барклай, подъ выстрѣлами непріятельскими, явился снова предъ рядами обѣихъ армій, какъ будто прямой ихъ предводитель.

На разсвѣтѣ непріятель, съ превосходными силами напавъ на деревню Бородино, которую занимали гвардейскіе егеря, такъ сильно-сталъ тѣснить этотъ полкъ къ рѣкѣ Колочѣ, что не далъ ему даже времени сжечь мостъ. Не смотря на картечь, которою засыпала ваша артиллерія непріятельскія колонны, онѣ, ежеминутно подкрѣпляемы свѣжими войсками, по пятамъ слѣдовали за гвардейскими егерями. Въ это самое время подскакалъ къ деревнѣ Барклай. Онъ тотчасъ же приказалъ полковнику Вунну ударить въ штыки на непріятеля, съ вѣренной ему сгерской бригадой. Храбрый штабъ-офицеръ этотъ молодецки исполнилъ данное ему приказаніе, такъ что не прошло и получаса времени, какъ непріятель былъ уже опрокинутъ, частію истребленъ, а частію сбитъ въ рѣку; не многіе только успѣли перебѣжать черезъ мостъ, который вслѣдъ за тѣмъ и былъ сожженъ. Между тѣмъ и на лѣтомъ флангѣ второй арміи послышался сильный ружейный и пушечный огонь. Прибывъ туда,

Барклай засталъ войска наши въ самой жаркой схваткѣ. Для подкрѣпленія ихъ, онъ самъ привелъ съ праваго фланга и изъ-за центра обѣихъ армій 4-й корпусъ, остававшійся еще въ его распоряженіи, вмѣстѣ съ 6-мъ пѣхотнымъ, 2-мъ кавалерійскимъ и тремя гвардейскими полками, и построилъ ихъ въ видѣ крюка, на лѣвомъ флангѣ 26-й дивизіи, фронтомъ ко второй арміи. Но пока движеніе это исполнялось, вторая армія, потерявъ своего предводителя, кнѧзя Багратиона, и многихъ другихъ генераловъ, была уже опрокинута; всѣ укрѣпленія съ частію батарей достались непріятелю; одна 26-я дивизія удерживала еще свою позицію, два раза сбивъ французскую пѣхоту съ высотъ, находившихся впереди центра позиціи. Но вскорѣ и на эти высоты непріятель направилъ значительныя силы, атаковавъ ихъ разомъ нѣсколькоими колоннами. 26-я дивизія не устояла и, разстроенная, отступила; высоты, вмѣстѣ съ батарею, на нихъ стоявшую, достались въ руки французамъ. Но въ это время генералъ Ермоловъ успѣлъ остановить 26-ю дивизію и самъ повелъ ее на высоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Барклай направилъ Оренбургскій драгунскій полкъ вправо отъ высотъ, приказавъ полуку этому дружно ударить на лѣвый флангъ непріятельской колонны, следовавшей въ нѣкоторомъ разстояніи для подкрѣпленія сражавшихся; кроме того, по этой же колоннѣ, Барклай приказалъ направить и огонь всей нашей артиллеріи, здѣсь стоявшей. Всѣ эти распоряженія увѣнчались самымъ блестящимъ успѣхомъ: непріятель сброшенъ съ высотъ, артиллерія обратно отбита и только изъ враговъ уцѣльли, которые успѣли спастись бѣгствомъ. При этомъ случайнѣ непріятель потерялъ по меньшей мѣрѣ до 3 т. человѣкъ; высота и прилегающее къ ней поле на нѣсколько сотъ шаговъ были устланы непріятельскими трупами. Здѣсь былъ взятъ въ пленъ и генералъ Бонами.

По отбитіи нами высотъ, загорѣлся съ обѣихъ сторонъ самый усиленный орудійный огонь. Во время этой страшной канонады, вырывавшей цѣлые рады, непріятель сталъ устраивать свои кавалерійскія и пѣхотныя колонны. Барклай предвидѣлъ, что лѣво не обойдется безъ новаго, отчаяннаго нападенія со стороны французовъ. Кавалерія его была уже крайне утомлена. Онъ послалъ было за 1-ю кирасирскую дивизію, но, къ несчастію, дивизія эта была уже направлена на край лѣваго фланга; посланный едва настигъ только два гвардейскія кирасирскія полка. Между тѣмъ непріятель, съ частію своей кавалеріи, врубился въ 24-ю дивизію, которая прикрывала батарею, стоявшую на высотѣ. Опрокинувъ эту дивизію, конница непріятельская облегчила тѣмъ аттаку своимъ пѣхотнымъ колоннамъ, подвигавшимся къ высотѣ съ другой стороны. Такимъ

образомъ высота, съ частію артиллериі, снова досталась въ руки непріятеля. Всльдъ за тѣмъ непріятельская кавалерія стала готовитъся къ новымъ атакамъ. Кавалерія, которой могъ въ это время располагать Барклай, была недостаточна для удержанія всей громады кавалеріи непріятельской. Онъ даже не рѣшался пустить ее въ дѣло, опасаясь, чтобы, бывъ опрокинута, въ разстройствѣ не наскочила она на свои войска. По необходимости приходилось ему возложить всю надежду на пѣхоту да на артиллерию, какъ вдругъ, на рѣсахъ, прилетѣли къ нему два гвардейскіе кирасирскіе полка. Тотчасъ же указалъ онъ имъ на непріятеля, и оба полка молодецки ринулись въ атаку. Всльдъ за ними понеслись полки Сумскій, Мариупольскій, Бѣлорусскій и Ольвіопольскій гусарскіе. Въ это же время подошли Псковскій драгунскій и Изюмскій гусарскій полки; ихъ оставили въ резервѣ.

— Такъ вотъ такимъ-то образомъ, изволите видѣть, — разсказывалъ мнѣ покуривая свою трубочку, и не одинъ, а пѣсколько разъ, пушкарь Салтановскій, такъ что даже оборотъ его рѣчи остался у меня въ памяти: — завязалъ подъ Бородинымъ бой кавалерійскій нашъ герой квартенскій, а такого боя ела ли когда и бывало. Съ часъ времени земля не преставала стонать подъ топотомъ коней. То конница наша, въ-облакѣ пыли и дыма, опрокинетъ непріятельскую, то непріятельская событь нашу; потомъ снова, какъ та, такъ и другая, стройились подъ прикрытиемъ огня артиллериі и пѣхоты, и снова уносились въ молодецкую схватку. Конная артиллерия при этомъ также не дремала. Гдѣ было только можно, она молодецки выскакивала впередъ и своею картечью много пособляла нашимъ атакамъ. Кончилось, наконецъ, тѣмъ, что конница непріятельская скрылась съ поля и болѣз уже не показывалась намъ въ глаза. Впрочемъ, кроме этого чудеснаго дѣла, было много еще и другихъ, полезныхъ по послѣдствіямъ, распоряженій Барклай въ день Бородинской битвы, но обѣихъ я вамъ не рассказываю, потому что самъ не былъ ихъ свидѣтелемъ. Но здѣсь я его видѣлъ самъ, видѣлъ собственными глазами; какъ будто теперь гляжу на его величественное лицо, въ которомъ отсвѣчивалось такъ много ума, проницательности, твердой воли, энергии и хладнокровія, не поколебимаго подъ самымъ адскимъ огнемъ.

— Если такъ, то за что же не любили его въ двѣнадцатомъ году?

— Точно не любили, — отвѣчалъ всякой разъ смыючись старикъ: — и на это были причины. Во-первыхъ не любили его за то, что въ двѣнадцатомъ году назывался онъ Барклаемъ-де-Толли, а не Лутузовымъ или Багратіономъ; во-вторыхъ за то, что изъ бригадныхъ командировъ вдругъ облекся въ главнокомандующіе; много

генераловъ, которые были его начальниками, сдѣмались его подчиненными; притомъ не всѣ тогда въ арміи и знали о премиже его боевыхъ заслугахъ, особенно въ Финляндіи; въ-третьихъ за то, что онъ преслѣдовалъ въ главной квартирѣ тунеллцевъ и болтуниевъ съ крылатыми рѣчами, изъ которыхъ иныхъ высмѣялъ даже изъ арміи; наконецъ, въ-четвертыхъ, и за то еще его не любили, что онъ не позволялъ ни кому собою командовать, а распоряжался вездѣ и во всѣхъ случаихъ по крайнему своему убѣждѣнію и разумѣнію. Прибавьте къ этому, что у него не только не было ни одного protégé, но даже ни одного родственника въ обѣихъ арміяхъ; что же касается до «бабушекъ» и «тетушекъ», то о важномъ вліяніи этихъ почтенныхъ особъ на лѣла міра сего, онъ, безъ сомнѣнія, и не слыхалъ даже никогда, прослуживъ весь свой вѣкъ въ арміи, въ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ. Можно сказать, что въ дѣлахъ подобного рода онъ былъ сущій ребенокъ.

— Ну, а сами то вы также не любили его?

— Грѣщенъ, каюсь, не жаловалъ въ войну отечественную и я его. Но вѣдь тогда всѣ мы были, какъ угорѣлые; всѣ ходили, какъ будто въ туманѣ. Ни кому не вѣрилось, чтобъ можно было не управляться съ этимъ антихристомъ Аполліономъ, какъ называли у насъ тогда императора французскаго. Теперь, разумѣется, когда прошло уже болѣе сорока лѣтъ послѣ пожара московскаго, не трудно хладнокровно обсуживать события двѣнадцатаго года, но тогда.... грустно даже вспомнить, какіе были мы, прости Господи, сѣ每一天цы не разумные.

Послѣ Бородинской битвы, Барклай, по прежнему, обратился къ роли совѣтолатчика. Но всегда ли исполнялись его совѣты, это было тайною для всѣхъ, тѣмъ болѣе для пушкия Салтановскаго, который не часто бывалъ въ главной квартирѣ. Между тѣмъ заслуги Михаила Богдановича примѣтно стало ему измѣнять. Переимѣжающаяся лихорадка обезсилиvalа его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Наконецъ болѣзнью состояніе до того изнурило его силы, что врачи настойчиво уже стали совѣтовать ему — искаль отдохновенія отъ боевыхъ, а частю и душевныхъ тревогъ. Онъ отпесся объ этомъ къ князю Кутузову, прося у него позволенія, для поправленія разстроеннаго здоровья, оставить армію. Князь согласился и Барклай уѣхалъ изъ арміи 22 сентября, вечеромъ, на другой день послѣ вступленія войскъ нашихъ на позицію у Тарутинъ.

П. ГЛѢБОВЪ.

1857 г.
Г. Херсонъ.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

I.

ПОРОСЕНOKЪ.

(Рассказъ вдовы).

— Вотъ къ слову пришлось, Аксинья Тихоновна, про воровъ-то... домъ-отъ яма, гляди прямо.... У одного мужика была лошаденка, лядащая такая: все, бывало, на огородахъ и дпюетъ и ночуетъ. Приходить къ ней воръ ночью. Видѣть, нечего взять, животъ блестень плетнемъ, ногъ не волочеть. Подумай маленечко, да и говорить: семь, штуку выкину,—и зажегъ ей хвостъ. Какъ ты думаешьъ?.. известно, лошадь со всѣхъ ногъ бросилась, куда глаза глядятъ. Воръ за ней, кричать: берегись!.. а огонь такъ и развѣвается.

— Царь Небесный!....

— Да-а-а!.. вотъ что дѣлаютъ озорники. Говорить пословица: кошкѣ игрушки, а мышкѣ слѣзки.

— Точно-съ... точно-съ... Что же, Федосья Николаевна, лошадь-то жива осталась, аль ужъ гдѣ?..

— Жива.... поди! на другой день ноги протянула.

— Грѣхъ какой!...

— А вечеръ она уѣжала на большую дорогу. Тамъ ее и нашли. Говорятъ юхали о ту пору чи-то господа, глядять: что за польши такое?.. Вѣрно саломъ какимъ намазалъ разбойники:

долго горѣло... Это лошади господскія какъ увидали, что ищутся огонь на встрѣчу, такъ и бросились въ сторону, на силу кучеръ сдержалъ...

— На силу сдержалъ.... чего не бываетъ, Федосья Николаевна, на бѣломъ свѣтѣ. Я думаю, это все по злобѣ... Вотъ тоже, говорять, въ Осинкахъ, когда еще покойникъ былъ живъ, мѣрина удавили...

— Воры?..

— Полагаютъ, что воры. А вѣстимо, дѣло Божie... подъ самый переметъ подпихнули-сь... вонъ какъ!...

— Э! не скалозубятъ ли, Анисья Тихоновна? Воръ скорѣй-ча сведѣть животину долой со двора, чѣмъ того...

— Думаютъ такъ точно сдѣлалось... одначе, кто знаетъ. А вотъ, Федосья Николаевна, я вамъ разскажу сущую правду про вора... Со мной случилось... Только никакой особенности, знать, небыло... укралъ и вся недолга... про поросенка-съ... Ей Богу! Сказать?...

— Ну-ко, ну-ко... я послушаю.

— Извольте послушать. Знаете, у меня прежде, при покойнике, существовали свиньи, то есть, какъ сиѣгъ бѣлыя,—Господь съ ими,—и такихъ завсегда поросенья жаловали, что ни на есть самыхъ лучшихъ: съ дивушки дашься; провалиться, не вру....

— Я помню....

— Право-съ. Теперь, стало быть, поѣхала я, осенью¹, поросенья продавать въ городъ В... я и Агапъ мужичекъ со мной... просятѣночка пятокъ всего взяли. Вотъ, мать моя, прѣѣхадчи въ городъ, сей часъ остановились на хлѣбной площади. А народу тамъ, знаете, въ базарный день безчисленное множество-съ... лодору нѣть. Вы, чай, бывали тамъ?..

— Какже, бывала.

— Хлѣбушекъ продавали-съ?

— И хлѣбушекъ продавала, и по разнымъ оказіямъ всяческимъ....

— Да-съ... Такъ, изволите видѣть: остановились мы на площади, отпрыгли лошадь. Агапъ мнѣ говорить: Анисья Тихоновна! я пойду ведерочекъ купить. — Поди, говорю, поди, купи. Онъ и ушелъ. — Слышите? осталась я одна: сѣла на телѣгѣ съ плащушкой и сижу съ поросятами. Вокругъ меня эвто торговки всякия съ пирогами, съ грушей горячей, мужики, купечество.

разное, съ посудой, кто съ чѣмъ. Я взяла подтыкала платье-съ и сѣла, ожидаю покупателей.—Вскорѣ, сударыня ты моя, подходитъ ко мнѣ купчикъ молоденький-такой, щеголекъ, подходитъ и спрашивается: «съ какими товарами?» Съ поросятами, говорю. «Покажи.» Я открыла плетушку. Онъ вынулъ одного и освѣдомляется касательно цѣнъ. «Какъ цѣна?» Безъ лишку: полтора рубля. «Такихъ, говорить, цѣнъ нонѣча не бываетъ, а ты скажи настоящее». Я говорю, ужь для почину, такъ и быть, рубль съ четвертью. Онъ вынимаетъ кисетикъ и выкладываетъ мнѣ. Пересчитала я, «такъ точно-съ» говорю и перекрестилась. Подходитъ другой покупатель, также полюбопытствовалъ товаръ, спросилъ цѣну и отдалъ денежки. Гляжу-съ идетъ третій, Федосья Николаевна. Идетъ въ синей поддевкѣ, худощавень-кій, на лицѣ у него шовъ. А глядѣть, честный. Право-съ. Какъ разъ подходитъ и освѣдомляется: «почемъ поросята?» Рубль съ четвертью. Знакомыхъ же, сударыня моя, вокругъ меня никого неѣтъ. За симъ говорить такія рѣчи: (прасолъ онъ, что ли, какой). «Держи гривенникъ задатку, остальное сейчасъ принесу», и пошоль. Я сижу. Годя не много, другъ ты мой, вижу онъ идетъ обратно. «Что цѣль, говоритъ, поросенокъ, котораго я торговалъ? Цѣль, милый человѣкъ; какъ давича двоихъ продала, только и есть, опричи никто не бралъ. «А цѣль гривенникъ? Цѣль-съ, и показала ему въ горсти гривенникъ. «Дай его сюда, отвѣчаетъ онъ мнѣ, я тебѣ огуломъ всѣ деньги отдамъ». Я отдала. Подѣзъ онъ послѣ того въ плетушку, выбралъ поросенка, вытащилъ его за заднюю ножку и несетъ... самъ удаляется отъ меня... Я кричу: сударь! почтенный человѣкъ! куда вы?.. деньги пожалуйте!.. Онъ издали вопіетъ: «за мнай иди, за мнай, дома отдамъ». Въ одну минуту вырнулся въ народъ и исчезъ, аки прахъ какой. Что дѣлать, Федосья Николаевна? какъ быть?.. поросята бросить не на кого; бѣжать въ слѣдъ ему не приходится: товаръ весь растаскаютъ. Я кричу: ахъ, батюшки, заступитесь за вдову: поросенка унесъ одинъ человѣкъ. Подвернулся тутъ какой-то мѣщанинъ, спрашиваетъ меня: «что ты, говоритъ, тетушка?» Я такъ и такъ, поросенка унесъ одинъ человѣкъ, я его совсѣмъ не знаю. Онъ говоритъ: и я не знаю, и отошелъ. Потомъ подходятъ ко мнѣ, сударыня ты моя, два молодыхъ юношей, обнявшись промежду собою, и спрашиваютъ: «что ты кричишь, тётичка?» Я отвѣтствую: покра-жа, голубчики мои, сотвориласъ; не знаете ли сего человѣка; въ

синей поддевкѣ? «Э! говорять, у него рубецъ на щекѣ? Такъ, такъ; рубецъ... «Нѣть, говорятъ, не знаемъ», засмѣялись и ушли.

— Бѣдовы!.. тутъ дѣржи ухо востро, да востро: съ ногъ смотаютъ, женское дѣло....

— Именно съ ногъ смотаютъ, мать ты моя родная.. охѣаютъ пуще гадости всякой....

— Ты бы жаловаться скорѣе... чего жь смотрѣть?

— Вотъ-съ извольте дослушивать, Федосья Николаевна.—Я, конечно-съ, намѣревалась жаловаться. Вѣдь вы сами посудите: мое дѣло вдовье, — кто мнѣ что припасеть?.. Слѣдственно сами разсудите по Божьему.... Приходитъ Агапушка съ ведеркамъ. Я ему сказываю: какъ намъ, Агапушка, быть? рассказываю ему все: примѣта, дескатъ, такая-то, въ синей поддевкѣ.... Только что вы думаете? А Агапъ его знаетъ.... «авто, говоритъ, Аниссия Тихоновна, прощалыга надмѣтный, ибо всѣмъ извѣстный, я его и домъ знаю». Какъ разъ, значитъ, уложилъ ведерки, переполсался и пошелъ къ нему на домъ. «Одначе врядъ-ли мы, Аниссия Тихоновна, розыщемъ», объяснялъ онъ мнѣ такимъ манеромъ. Почему?.. «Такъ какъ онъ есть воръ, по этой причинѣ вора взловить трудно». — Но я доказала ему; ты хоть посмотрѣ, сходи поросеночекъ съ примѣтой: правое ушко съчено и хвостикъ въ легтию.... За тѣмъ Агапъ приходитъ туда, всходитъ въ горницу; спидть хозяйка, чтѣ-то работаетъ; а поросеночекъ по полу ходитъ.... Слышиште? дай Богъ исчезнуть, не лгунъ... ходить, вотъ какъ есть, ходить, похрюкиваетъ себѣ по легопечку... Примѣрно, Агапъ ведетъ такія рѣчи съ хозяйствкой:

«— Здравствуйте, матушка. Гдѣ вашъ супругъ?..

«— Тебѣ на что?

«— Да дѣльце есть.

«— Мой супругъ на торгу....

«— На торгу.... А я у васъ поросенка возьму. Почему возьму?.. потому что онъ нашъ собственный....

«— Не смѣешь братъ, его мой супругъ купилъ.

«— Пѣтъ не супругъ; а Спасовъ деньги наѣзданная свинья пожаловала. Слѣдственно, я долженъ взять.

«— Ступай вонъ, говоритъ, мужикъ. Ты, говоритъ, самъ свинья, рыло нечесаное.

Агапъ приходитъ и докладываетъ: не даетъ поросенка. Вотъ тутъ, Федосья Николаевна, я встала и говорю: Агапушка! пожарауль, голубчикъ, поросятикъ, видно сидѣвшій-то ничего не вы-

свидишь, что будетъ, то будетъ, иду къ купеческому Голову. А сейчасъ номереть, ни за тысячу рублей не пошла бы жалиться, еслибы голова не былъ мнѣ знакомъ: то есть я, сударыня ты моя, теперь порѣшусь на какое другое дѣло, опричи жалобы. Истинно справедливо говорю. Всегда дрожмя дрожу, какъ злодѣйка какая, ежели придется чтѣ касательно начальства. Такой характеръ.—У Агапа же я не забыла спросить домъ того человѣка... не далеко отъ площади онъ... такой изъенкѣй...

«А купеческій Голова знакомъ мнѣ по тому случаю, что я брала у нихъ въ лавкѣ, чтѣ требовалось; покупала, значитъ, харчи всякия, ни у кого больше, только у нихъ. Прихожу. Онъ собирается куда-то идти и встрѣтилъ меня уже на лѣсенкѣ.

«— Здравствуй, Анисья Тихоновна, говорить онъ мнѣ.

«— Здравствуйте, батюшка, Прохоръ Антипычъ.

«— Что ты?...

«— Заступись, отецъ родной: поросенка укралъ.

«— У тебя укралъ?

«— У меня, Прохоръ Антипычъ.

«— Какъ такъ?

«— Сижу я на торгу съ плетушкой; подходитъ человѣкъ.

«Почемъ поросеня?.. и все подробно описала.

«— Давно? спрашивается онъ меня.

«— Недавно-съ...

«— А какъ недавно?..

«— Не могу вамъ подлинно разсудить, только очень недавно.

«— Посиди, говорить, здѣсь. Я собрался по одному дѣлу къ его высокородію тутошнему городничему, потолковать съ нимъ о важной матеріи, такъ намекну ему и про твою покражу. Пойди, сядь, говорить. Я вошла въ лавку и присѣла тамъ. Городничий же, какъ есть, мать моя, жиль пасупротивъ головина дома, руку подать.... Пошелъ онъ, а у меня сердце такъ и замерло... Ну, да потребуютъ къ городничему?.. что я могу сказать ему съ своимъ бабымъ толкомъ?.. трясусь, точно самодерга какая. Глядь, вижу, Федосья Николаевна, дѣвствительно входитъ въ лавку солдатъ, возглашаетъ:

«— Кто здѣсь женщина?...

«— Я, милый человѣкъ.

«— Вы просительница?

«— Я просительница.

Т. LXVII. Отд. I.

«— Пожалуйте къ городничему.

«— Ну ! иду, голубушка ты моя, иду.... ногами совсѣмъ не обладаю.... ступить не могу.... Дорогой служивый меня вопрошаешь:

«— Относительно поросенка дѣло затѣваете?

«— Относительно поросенка-съ....

«Послѣ этого я ему:

«— Научи ты меня, господинъ служивенькій , какъ, примѣрно, объясняются супротивъ городничаго ? какъ его величаютъ?

«Онъ сказалъ:

«— Говори: ваше высокородіе, да смотри въ ноги и езабудь шаркнуть.

Ладно. Всхожу въ палаты, стою у двери, жду, а сама, родная ты моя, передъ Господомъ Богомъ, шепчу про себя: помяни, моль , царя Давыда и его кротость , помяни царя Давыда и его кротость.... Вдругъ изъ дальнихъ покоевъ грѣдеть онъ комъ въ шелковомъ, матерчатомъ-такомъ балахонѣ , съ трубкой; автакъ изъ-за пазушки крестикъ виднѣется. А за нимъ, мать моя, Голова, значитъ, почтительно сложимши руки за спину. Подходитъ.

«— Ты просительница ?

«— Я, ваше высокородіе.... сама въ ноги.

«— Встань, говорить.

«Я встала.

«— У тебя поросенка украли? — Какимъ манеромъ?...

«— Такъ и такъ , ваше высокородіе.... сижу съ плетушкой на хлѣбной площади, жду покупателей и все расписала.... а у самой въ глазахъ такие нѣшто огоньки, бѣда-съ.... что съ моей натурой дѣлать, Федосья Николаевна? Намѣсь, ей же ей не лгу, Старшины въ церкви испугалась: «передай , говорить , свѣчку Смоленской», и толкаетъ меня ; всполошилась ужастъ какъ.... Даже онъ запримѣтилъ; опослѣ выговариваетъ: «чего ты , говорить , взблѣнилась, дурища этакая! »

«Дальше-съ, городничій , выслушавши меня, подумалъ и пошелъ въ комнаты. Я стою у двери. Выносить мнѣ , сударыня моя , купеческій Голова писулечку и гласитъ: «ступай къ квартальному во вторую часть на Пощечинскую улицу.» Потомъ самъ городничій кричитъ мнѣ : «ходи, тѣтенка , съ моимъ сол-

датомъ, онъ тебѣ укажеть домъ.» Я и побрела. Солдатъ со мной. Идемъ, да поговариваемъ, бесѣдуемъ, значить, дорогой-то. Разговорились. Слово за слово, мать моя, онъ и держитъ такія словеса: «не тужи, сердечная! поросенокъ теперича отыщется, ежели милость твоя будетъ пожаловать мнѣ на полштофъ...» Конечно-съ, совѣтно было отказать. Деньги, я, Федосья Николаевна, завсегда при себѣ находила; ибо, знаете, дѣло мое вдовье, не равень всякий случай можетъ случиться.... дала ему. Онъ, то есть, зашелъ, выпилъ; скоро управился. Въ это самое время зазвонили къ вечерни. Домъ у квартального такой особенный, деревянной; отдельно стоять на пустырѣ; на воротахъ лежать хищные звѣри, зеленою краской выкрашенные. Недалече бутка-сь. Ну-съ, вотъ мы входимъ въ хоромы самая. У двери стоитъ солдатъ, вычищаетъ платье. Онъ обращается къ намъ:

«— Что вамъ угодно?

«— Доложите, говорю, вашему барину, и подаю записку.

«— Касательно чего потребствіе имѣете?

«— Касательно поросенка-сь... такъ и такъ.

«Онъ пошелъ и доложилъ про насъ. Квартальный выходить съ стаканомъ чаю въ рукѣ и съ моей записочкой. Читаетъ. Прочиталъ и говоритъ:

«— Ты просительница?

«— Я-съ, ваше высокоблагородіе.

«— У тебя поросенка украли?

«— У меня-сь.

«— Что же, ты хочешь найти его?.. Поди-ко сюда въ комнатку, потолкуемъ о твоемъ дѣлѣ.

«Поставилъ стаканъ на прилавочекъ въ прихожей и ведеть, голубушка ты моя, меня въ махонькую каморочку, тутъ и есть направо. Заперь за мною дверку и вопиеть:

«— Ты какъ смѣешь беспокоить городничаго? а? Я такъ съ испугу и раскисла. Въ глазахъ, вѣрите Богу, вотъ какъ замутилось, что квартального изъ виду потеряла.

«— Да, говори: почему ты беспокоила городничаго? почему не обратилась ко мнѣ?

«— Ваше высокоблагородіе, говорю: я и не вѣдала даже, гдѣ городничій жительствуетъ, и не думала къ нему ходить. Первоначально я осмѣлилась утруждать купеческаго Голову.

«И слышать не хочеть: шумить.
 «— Въ часть тебя дрань такую.... въ часть запру.... ей! солдаты!...
 «— Батюшка! помилосердствуйте.... что хотите съ меня изволите взять, только избавьте муки... все возьмите....
 «— Да что съ тебя взять-то, съ пасквили?
 «— Вотъ цѣлковый....
 «Оль протянулъ руку.... и отворилъ дверь.
 «— Смотри, говорить, ежели ты теперича когда вторично будешь жаловаться городничему, я съ тобой не разстанусь такъ.
 «— Не буду, говорю, никогда....
 «Слава Богу, отлегло отъ сердца.
 «— Какъ же, спрашиваю, ваше высокоблагородие, относительно поросенка, прикажете уйти мнѣ?...
 «— Сейчасъ, говорить, со мной пойдешь вмѣстѣ.
 «Ну, думаю, Федосья Николаевна, нечаяла въ живѣ остатъся.... такой характеръ, заноза у меня....
 «— А знаешь, спрашивается онъ, домъ того человѣка, что унесъ у тебя поросенка?
 «— Знаю-сь. Недалече отъ площади.
 «Въ скоромъ времени мы пошли съ хвартальнымъ; въ добавокъ съ нами два солдата идутъ. Только что мы, сударыня моя, приходимъ къ тому домику, крохотный такой, и шагаемъ прямо въ покой; хвартальный у переди. Видимъ: на лавочкѣ сидить женщина, вяжетъ чулокъ; вокругъ ея никого нѣтъ. Сейчасъ хвартальный вскинуль взорами и возглашаетъ:
 «— Гдѣ твой мужъ?
 «Она поднялась, обдернула фартукъ и гласитъ:
 «— Мой мужъ на работѣ-сь.
 «— На какой работѣ?
 «— Канаты сучить.
 «— Въ которомъ мѣстѣ?
 «Она маленько подумала и доложила:
 «— Въ Грязной улицѣ, у своего хозяина.
 «— Ты врешь? вопрошаетъ хвартальный.
 «— Никакъ вѣтъ-сь. Съ мальства не училась автому дѣлу, чтобы врать....
 Хвартальный обернулся и повелѣлъ солдату сходить въ Гряз-

ную улицу и развѣдать все. Мы стоимъ, ожидаемъ. Хвартальный сѣль, закуривъ папочку такую, а самъ ни слова. Солдатъ приходитъ, ужъ долго годя.

«— Чѣ?...

«— Да чѣ, хозяинъ говорить, у меня его вѣту. Я незнаю, чѣ за человѣкъ такой есть.

«Хвартальный какъ разозлится, милая ты моя, только нешто зубами поскрѣпѣлъ.

«— Я тебя попотчую, говорилъ онъ ей на прощаніи, какъ совсѣмъ выходилъ.

«Вся причина поросенка не отъищемъ никакъ.

«— За мной идите, говорить хвартальный.

«Мы пошли. А ужъ, Федосья Николаевна, становилось поздно. Куда ведеть, въ толкъ никакъ не возьму. Сердце у меня не на мѣстѣ. Думаю: какъ Агапъ на площади? чего доброго: не расстаскали бы послѣднихъ.... Вотъ-съ идемъ изъ одной улицы въ другую, какъ повернемъ за уголь, такъ хвартальный обращается:

«— За мной идите,—и все дальше, да дальше....

«Очутились мы передъ чистенькимъ домикомъ. Хвартальный остановился у калиточки и началъ дергать за веревку.... зазвенѣль колокольчикъ.... Сію минуту калиточка отворилась и показался кто-то съ надворья. Онъ спросилъ: «дома?» и ушелъ туда Слышиште? Ждемъ, сударыня ты моя, послѣ этого; проходить съ часъ времени, ничего нѣть, проходить другой, мы разговариваемъ: — что, молъ, такое значитъ?

«Солдаты мнѣ объясняютъ:

«— Онъ еще долго не воротится. Ежели ужъ засидѣлся на мѣстѣ, то скончанія не будетъ сидѣнью....

«— Какъ же, служивенкіе, такъ?

«— Да такъ. Не будетъ ли вашей милости пожаловать намъ ва полштофъ, а то намъ пора отправляться....

«— А я то, господа кавалеры, съ кѣмъ останусь? Терепича я и дороги не найду.

«— А съ нами же, говорять, и останешься, ежели пожертвуетъ опохмѣлиться.... Мы даже проводимъ васъ послѣ такихъ дѣловъ....

«— Размышляю въ своемъ разумѣ: надо бно дать!... чѣ какъ въ заправду они уйдутъ?... Даа. Вторая причина, отказать

зеприходится, взгла и дала. Недалече, сударыня моя, тутъ быль кабачекъ.... Я осталась у калитки, стою. Солдаты вышли скоро. Глядь, выходитъ съ надворья хвартальный, смотрю за нимъ другой,—тоже хвартальный: стало двое ихъ. Теперь, Федосья Николаевна, милая ты моя, тотъ, что съ нами быль прежде, сдѣлался хмѣленъ, а другой нѣть: не совсѣмъ, чтобы хмѣленъ. Хмѣльный идетъ да покачивается и называетъ другаго своимъ пріятелемъ. Другой отвѣчаетъ только: спасибо, говорить.... Захмѣявшій шумитъ: за нами идите, и все шатается.... А тотъ глаголеть ему: не хорошо, говорить, не качайся!... Такимъ манеромъ, сударыня моя, мы идемъ. Солдаты ведутъ рѣчи промежъ себя, что хмѣльный хвартальный, когда тверезовъ, дока бываетъ.... на всѣ дѣла мастеръ.... Только что, какъ выпить, не хороши дѣлаются... Приходимъ, мать моя, къ прежнему дому, гдѣ воръ-то жительствовалъ; всходимъ. Опять его хозяйка сидитъ, чулокъ вяжетъ. Сию минуту тверезой хвартальный обращается не къ ней, а ко мнѣ:

«— У тебя поросенка украли?...

«— У меня, ваше высокоблагородіе.

«— Кто, говорить, видѣлъ твоего поросенка въ эвтомъ самомъ дому?...

«— Мой Агапушка, говорю....

«— Позвать!...

«Я какъ разъ отправляюсь съ однимъ солдатомъ за Агапомъ на площадь, и больно ужъ рада, что по крайности узнаю, какъ онъ тамъ, сердечный, справляется? Дорогой, Федосья Николаевна,—что вы станете дѣлать?—солдатъ опять просить опохмѣлиться. Ну ужъ тутъ я ему прямо сказала: ты, моль, голубчикъ служивенькій, посмотри, сколько у меня деньжонокъ осталось? на, пожалуйста, посмотри: всего, вишь, на всего три четвертака. Онъ отвѣтствуетъ: ну не надо!... главное дѣло, говорить, я такъ спрашиваю: дескать, нѣть ли опохмѣлиться? Ну приходимъ мы на площадь; стало темненько, вижу вдалекѣ сидитъ Агапушка, ждетъ.... никого нѣть на площади. Подхожу, смотрю, поросятъ всѣхъ раскупили.... ну, слава Богу?... Пойдемъ, говорю, Агапушка къ хвартальному; сѣли на телѣгу и подѣхали къ тому дому.

«Спрашиваетъ хвартальный Агапа:

«— Ты тутъ видѣлъ поросенка?

«— Тутъ-съ, какъ же не тутъ, когда нашъ поросенокъ мѣ-ченый, хвостикъ въ дегти и прочее....

«Потомъ гласить хвартальный супротивъ хозяйки:

«— Ты что жь, анаема, говориша, что у тебя не было поро-сенка?

«А хмѣльный хвартальный себѣ глаголеть:

«— Ты что жь, анаема, разговариваешь, будто у тебя нѣтъ поросенка?... Въ часть ее! эй!...

«Но тверезой отвѣчаетъ ему: не кричи, говорить, не хо-рошо!...

«Хозяйка же только твердить: — знать не знаю, что есть за поросенокъ такой на свѣтѣ. Бились, бились! вдругъ хмѣльный хвартальный подходитъ ко мнѣ и вопіеть:

«— Да ты, что жь, говоритъ, дурища, молчишь? а? Я за тебя стараюсь, шумлю здѣсь отъ души сердца, а ты не разго-вариваешь?...

«А тверезой возглашаетъ на Агапа:

«— Ты врешь, дурья порода! ты здѣсь и не былъ.

«— Какъ не былъ....

«— Я тебѣ говорю, что ты не былъ.... ты послушай меня, что я говорю: ты не былъ!...

«— Нѣтъ я былъ....

«— Врешь!...

«Да какъ пошли, какъ пошли ... батюшки!...

«— Въ полицию васъ всѣхъ, кричатъ.

«А хмѣльный хвартальный объясняетъ мнѣ:

«— За водкой надо посыпать!... Ты у меня не размышляй, а дѣло дѣлай. Я тебѣ сказываю такъ точно.... чтобы въ акку-ратъ, водка явилась....

«Только послѣ такихъ разговоровъ, голубушка моя, окончи-лось тѣмъ, что поросенка такъ таки не розыскали (воръ—бѣдо-вый). Хвартальные же, между тѣмъ, сказали другъ другу:

«— Пойдемъ въ трахтиръ, ихъ самъ шутъ не разберется!...

«И пошли. Мы постояли маленько и себѣ пошли.

«— Жалко поросеночка-то.... право слово.... какой былъ чудесный, какъ налитой, Господь съ имъ!... сама три недѣли кормила....

II.

ХОРОШЕЕ ЖИТЬЕ.

(Рассказъ цѣловальника.)

Цѣловальникъ съ подстриженой бородкой, одѣтый въ синюю суконную чайку, распахнувшись и упервшись лѣвой рукой въ свое кольно, сидѣлъ за столомъ противъ своего пріятеля, дробнаго, низенькаго мѣщанина, который пристально смотрѣль ему въ лицо и куриль трубку. Дѣло происходило за двумя бутылками пива.

— Да, братецъ ты мой, такой жижи, кажись, не будетъ супротивъ той, какъ я служилъ цѣловальникомъ въ Покровскомъ... нѣтъ!..

— Ты вѣдь перва былъ прикащикомъ у какого-то купца?

— Какъ же, какъ же... три года выслужилъ, въ Ливнахъ.

— Ну, а какъ торгашемъ-то сдѣлался?

— Попросту: стало быть, сказать тебѣ по секрету, у хозяина пѣддѣли на Егорьевъ день пудовъ шесть сахару, чистаго рефиваду.

— Вонъ какъ! и сдѣлался торгашемъ?

— И сдѣлался торгашемъ. Да что? должностъ самая пустая євта, Иванъ Иванычъ. И какой случай, сударь мой: прихожу опослѣ къ одному купцу найматься, въ сидѣльцы. Нѣть, говорить, мнѣ такихъ не надо.— А хозяинъ, тресни его бока, все расписалъ про меня: вся причина, толстобрюхой вникнуть не могъ, какъ было дѣло: воровалъ-то не я, значитъ, а товарищи; я только принималъ. Прихожу къ другому, тотъ говорить: — не надо! Былся, былся, таѣ приписался въ торгashi. Что сдѣлалъ? Близко локоть, да не укусинь.

— Эвто точно...

— Бывало ъездишь, ъездишь съ горшками, али съ дектемъ, смѣхota ей-Богу!.. орешь, орешь, хочь-бы те на грошъ кто купилъ. Къ примѣру въ рабочую пору: въ цѣломъ селѣ ни души. Горланишь: «соли, дегти, табаку, моль, лежитъ баба па боку.» Хочь что хочешь дѣлай! комисія! ей-же-ей... индо горло распухнетъ кричамши. На твое зѣванье, только собаки вѣкаютъ.

— А никакъ, Андрей Фадеичъ, тутъ прибаутки какія-то ци-таются? Мнѣ ихъ не приходилось знавать,

— Есть и прибаутки, тамъ: «эй, тетки, молодки охотницы до-водки, старыя старухи охотницы до сивухи...» Мало ли? Да все пустое, Иванъ Иванычъ. Я бъ, кажется, таперечка не взялъ ты-сячи рублей въздить опять по деревнямъ, да распѣвать эти прибаутки. Вотъ цѣловальничья жисть! ай-люш!.. надо прямо говорить.

— За что тебя смѣнили?

— Вспоминать не хотца! (цѣловальникъ шепчетъ на ухо мѣ-щанину): то есть, въ моемъ кабакѣ убийство приключилось... ну и...

— М-и...

— Да я не роблю; разя я роблю? У меня опять будеть мѣсто, цѣловальничье же и скорехонъко.

— Въ Запиваловкѣ?

— Въ Запиваловкѣ. Говорятъ, кабакъ не плоше нашего Покровскаго... пьяницъ довольноное множество.

— А видно, хорошъ быль кабакъ въ Покровскомъ? Разскажи-ко мнѣ что нибудь про него.

— Изволъ. Одолжи ко мнѣ своей трубочки... что-то въ гор-лѣ першишъ. Годъ назадъ я тамъ сидѣлъ. Слободка порядочная; народъ все однодворцы, такія забубенныя головы.... лю-ди важные! Вся причина, Покровскій народъ пить здоровъ.

— Ужъ какъ пойдетъ пьянствовать — держись шапка! Отты-кай бочки!... жену пропить готовъ совсѣмъ съ утварью. И житъе, Иванъ Иванычъ, было разчудесно: благопріятeli, мужи-ки-то... Вотъ сказываютъ цѣловальники, что на большихъ до-рогахъ, говорятъ на хлѣбъ не добудешь... а тутъ знай разѣвай пошире ротъ... Оно хочь и смѣнили меня, це замай! лучше авось не сыщутъ. Нонѣ кто живеть по чести? бають: «своя рубаш-ка къ тѣлу ближе.» Такъ ли?

— Подлинно, Андрей Фадеичъ.

— Какъ же можно? Да ты, братецъ мой, разсуди: таперича вдеть мужикъ въ кабакъ, несетъ онъ, положимъ, полушубокъ, али везеть телегу, телега новая, колеса шинкованныя, педавно-обтянулъ, просить: «дай ведерку!..» Ну съ чего же не дать? и-ихъ! По мнѣ вещія лихородшая, деньги ли, статья одна: что въ лобъ, что по лбу, все едино! Первая на перво я, какъ только пос-

тупилъ въ кабакъ, тоже почеремонился, не хотѣлъ братъ... Приводить мужикъ телешка,—говорю: «ты отважись отъ меня лучше... здѣсь кабакъ, не скотный дворъ; телять мнѣ твоихъ не надѣть.» Онъ вдругъ на меня: «да ты что жь куражишься? первый ты у насъ, что ли? законодатель, вишь, пришелъ; до тебя, небойсь, жиль цѣловальникъ не токма телять, лошадей принималъ.» Точно, принималъ лошадей. Думаю: «что же?...» и пошелъ съ того времени, да какъ пошелъ... хе, хе, хе... благодарствуютъ мужики... кланяются, кричатъ: отецъ! примутся иную пору обнимать, ей Богу! «вотъ такъ ботворитель, вотъ защититель! отцовъ такихъ мало...» Смотрю на нихъ, смѣюсь...

«Сидиши иногда эвтакъ, помышляешь: что значить поставить кабачекъ-то родной въ селѣ, что твой улей съ медкомъ; пиши льнутъ!.. со всѣхъ сторонъ; отбою нѣть... завсягды народу злѣй, чѣмъ на ярмаркѣ. Подиже въ полѣ, на большой дорогѣ... раза ужъ стыдъ загонить какого проѣзжаго и тотъ выпилъ шкалку, касушку много, закусиль кренделькомъ и маршъ вонъ; ты жди. Случаются и такие проѣзжие: Богъ благослови, войдетъ къ кабакъ, помолится и зачнетъ бороду разглаживать, сосульки очищать; потирается, пожимается, перебросить словечко, другое, глядь, стукнуль рукавицами, крякнуль и быль таковъ. А спроси, зачѣмъ онъ приходилъ?—погрѣться. Нешто такъ-то грѣются? Ты спроси у нашихъ мужиковъ, что есть грѣнья такое? они тебѣ покажутъ.

«И такое диво, Иванъ Иванычъ: нашъ священникъ разъ до трехъ пытался снести кабакъ въ сторону, подальше отъ села: говорить, на церковной землѣ стоитъ; помнишь, истребить задумалъ пьянство, и подавалькуда-то прошеніе—нѣть! о сюпору стоять себѣ, дескать мнѣ и тутъ хорошо... Какъ слѣдуетъ быть, прїѣзжали суды, мѣрили землю (въ аккуратѣ у меня попили). Говорятъ священнику, Ликсандромъ его звали, Погожевъ прозывался: «дѣло твое, бачка, маленько съ хвостикомъ; кабакъ на пол-аршина стоять отъ церковной земли, подвинулъ-бы ты его чѣмъ; законное оно мѣсто занимаетъ.» Бачька и остался, кабысь несолно хлебалъ. Опослѣ почалъ въ церкви гласить проповѣди, увѣщасть мужиковъ: «что вамъ, православные, кабакъ-то сласть какая, что ли?» Мужики слушаютъ...

«Вспомнилъ я про одного мужиченка, пьяница быль оторви голова! и плугтина... безперечь сидитъ на своемъ крыльцѣ, вы-

жидаетъ, какъ бы гдѣ ломануть?.. съ кабака глазъ не сводить.. Кабакъ же, надобно тебѣ сказать, стоялъ на самомъ на юру, ровно среди улицы. Въ тихую погоду, я возьму нарочно выдвину изъ сѣней бочки, что были съ виномъ, всплосну ихъ, да съ боку на бокъ переворачиваю, и-и-и запахъ идетъ... а мужикъ сидитъ...

«Однова въ воскресенье заблаговѣстили къ обѣдни, тронулся народъ, эвтотъ мужикъ тоже: честь честью вышелъ изъ двора, снягъ шляпу, перекрестился и бредетъ, словно, къ обѣдни. Отсюда чудокъ, да какъ вдарится къ кабаку и прилетѣлъ, говорить: «давай скорѣй!» вынимаетъ подпояску. Смотрю дверь отворилась, бѣжитъ его жена, цапъ его за виски, кричитъ: «воръ, мошенникъ, куда те родимецъ занесъ?» Схватила его, давай кудѣлить... Сама ведеть вонъ. Меня смѣхъ такъ и разбираетъ. Что же? убѣжалъ таки. Ну мы съ нимъ тутъ посмѣялись порядкомъ; говорить: баба дура, нешто она понимаетъ?..

«Главная вещь, доложу тебѣ, кабачекъ былъ самою что ни на есть благостынею, истинно тихая пристань. По этому случаю онъ не токма что для выпивки находился, а какъ палата какая. Тамъ и судь и питра и все: ужъ ежели задумали порѣшать какое дѣло, сейчасъ всѣ гурьбой идутъ къ кабаку, почему что нѣтъ мѣста гоже; чувствія такого нѣтъ въ другомъ мѣстѣ. У нихъ, знаешь, всѣми вещами орудуетъ ихняя сходка. Сходку собираетъ староста, съ прутикомъ, понимаешь, расхаживаетъ; за нимъ дѣла больше никакого нѣть. По правдѣ сказать, пустая башка. А повыше тамъ есть еще начальство: писарь, старшина, голова. Эвти жили не въ нашемъ селѣ, а верстъ за пять, въ деревнѣ Анишинѣ: въ Анишинѣ опять есть кабакъ и гульба такая же, какъ у насъ: въ частную самъ голова сбереть мужиковъ къ кабаку, па ихній счетъ нарѣжется и растиянется; а мужики надъ нимъ пѣсни поютъ; голова только бормочеть: «хорошень, ребята, хорошень!» Наша сходка почесь никогда не обращалась къ начальству, кромѣ какъ ежели убийство, пожаръ сотворится гдѣ; сами все обдѣливали. Да вѣдь поди, къ примѣру покражка учинилась, поди проси голову: сперва надо его, пебойсь, упоштовать, упоштвуй, а тамъ онъ пошлесть къ старшинѣ; эвтого тоже надыть уботорить; а тамъ привяжется писарь; ему... Да неизвѣстно, пойдетъ ли дѣло въ ходъ; а то праваго и виноватаго отхолять и ступай почесывай спину: «ты, дескать, не

воруй, а ты не разъвай ротъ, не беспокой начальство.» Что и толковать! А вотъ сами, миромъ, соборомъ... лучше!..

«Разскажу, братецъ ты мой, я тебѣ оказію, какъ стало быть нашъ мужикъ пить-то охочъ, да здоровъ. Пьянствуетъ такъ, не роди мать на площади!... ах-ти!... Знамо, для меня эвто лучше требовать нельзя! мнѣ какое дѣло? По мнѣ хоч (въ разсужденіи чего избави Боже, защиши мать Пресвятая Богородица всякаго православнаго христіянина), хочь на мѣстѣ очепся.... мнѣ все равно; что я матка, али дядька ихъ, что ли?

«Первымъ дѣломъ Покровскій мужикъ замѣшанъ вотъ па чемъ: какъ, значитъ, утро забрезжилось, заря еще не занималась, ни росинки во рту нѣтъ, глазъ путемъ не прочистилъ, а ужъ чухаетъ: какъ бы дерябнуть гдѣ, да какъ бы объегорить кого? Ежели падутъ не кого, тащить что нибудь свое; а если есть, прижидаетъ времячка. Одно слово, одинъ подъ другимъ подкапывается, одинъ другаго поддѣвается. Такъ разскажу.... исторій, сударь мой, не оберешься.... Хочь къ примѣру возьмемъ такого сорта матерію: весенней порой нашей сходкѣ нужно было рѣшать, когда выѣзжать въ поле, запахивать землю? съ котораго дня? съ легкаго, али еще съ какого? У мужиковъ дѣлалось все сообща: косить ли, жать ли, колодезь ли чистить, обманывать ли кого, всегда собиралась сходка. И прежде, какъ станутъ толковать, сложатся перва на четверть, ведерку, какъ какое дѣло потребуетъ и почнутъ судить. Тутъ тоже, касательно запахиванія. Вышли они четверти съ полторы, давай судить; «какъ? что? когда?» Ну порѣшили такимъ манеромъ запахивать, чтобы безпремѣнно въ четвергъ, не въ середу. «Смотри, моль, ребята въ четвергъ!» Такъ. Послѣ всѣ разошлись по домамъ. Вотъ проходитъ попедѣльникъ, вторникъ. Въ середу, батюшка мой, и выѣзжаетъ одинъ мужикъ въ поле (по чести сказать бѣдныѣ); помолился, занесъ соху и пошелъ пахать свою землю, самъ озирается: не видить ли кто его; знаетъ, что въ середу неположено: Пашеть. Прошелъ рядъ, другой, глядить: идетъ мужикъ; за плечами несетъ мѣшокъ съ мукой.

«— Здорово, кумъ.

«— Здорово.

«— Богъ помочь.

«— Спасибо.

«— Что, рыхла земля-то?

«--- Рыхла.... начего.... Земля добро.... Знатная.

«Прохожий мужикъ поглядѣлъ на небо:

«— А чтò, небойсь, теперь давно журавли прилетѣли? Ишь сарить какъ!

«--- Теперь прилетѣли. Мишутка сказывалъ, недѣли двѣ какъ прилетѣли.

«--- Гмъ.... Ну, прощавай.

«--- Прощавай.

«И пошелъ мужикъ, идетъ дорогой да говоритъ:

«— Постой ты у меня; я те журавлями такими попоштвую, другу не другу закажешь по середамъ запахивать.

«Приходитъ на село прямо къ старостѣ. Староста взялъ тросточку и пу ходить по дворамъ, постукивать подъ окнами:

«— Эй! православные! ко цареву кабачку!...

«Живо всѣ собрались.

«— Что?

«— Да, чтò? сем-ка, Федъка запахиваетъ землю.

«— Какъ?

«— Да, такъ.

«— Ребята! бѣги туда, къ нему.

«Человѣкъ шесть бросились въ поле, подхватили у Федъки соху — и къ кабаку. Я сижу подъ окошкомъ, щелкаю подсолнечники, самъ ухмыляюсь: «молъ, дружки!... къ чему прицѣпились.»

«— Ну-ко, говорятъ, Фадеичъ, отпусти двѣ четвертки. Богъ послалъ поживу: соху въ полѣ нашли; виши до четверга забралась туда.

«Я говорю: подите, возьмите (вижу, соха добрая). Двѣ четверти не велика важность. Да смѣюсь имъ: когда вы, бояре честные, перестанете кабакъ-отъ набивать всякою упряжью?

«— А все тогда же, говорятъ, когда насть на свѣтѣ не будетъ.

«Хорошо. Федъка же, братецъ ты мой, стонгъ, смотрѣть на соху, такъ и дрожитъ: умолять не можетъ сходку, а дрожитъ. Ну, ладно! Взали мужики вино, выносить изъ кабака, а въ еѣнцы ко миѣ-волокутъ соху. Федъка глянулъ на нее, да какъ бросится всѣмъ въ ноги, кричитъ:

«— Братцы! сошникъ хочь отдайте!...

«Мужики ему бають:

«— Одначе, ты, Федоръ Зобовъ, ловокъ; словно набитыхъ дураковъ нашелъ; кабысь мы не знаемъ, что въ союзникъ все и дѣло-то!... Ловокъ, нечего сказать!

«Потомъ обращаются къ нему:

«— А вотъ, Федоръ Зобовъ, не хочешьли съ нами выпить? Ладнѣй будетъ.

«Мужикъ совсѣмъ отказался: стоить, не знаетъ, что дѣлать, растерялся. Опослѣдъ, выпивши, ему толкуютъ: «Э! Зобовъ.... Соха куда не шла! вещія нажитая.... живы будемъ, сыты будемъ!» И то дѣло! А староста успѣль назюзиться пережъ всѣхъ: тычетъ палочкой въ землю, себѣ бормочеть: «живы будемъ, сыты будемъ....» (Зобовъ Федъка все молчитъ). Комиссія, Иванъ Иванычъ, съ эвтимъ народцомъ! Главная сила любопытно смотрѣть на нихъ, какъ расчагокаются, какъ расчагокаются, берись забока, да покачивайся. Такъ то иное время долгонько не видишь никого, можетъ не повѣришь, ей же ей скуча беретъ.... право! а показалась эвта сходка, чуешь, гвардія-то идетъ, размахиваетъ руками.... «Ге! думаешь, вотъ єни, голубчики!...» и ничего....

— Какъ же, Андрей Фадеичъ, а начальство ежели?... Ничего, что принимаете рухлядь всякую?... чай, не показано....

— Знамо не показано. Ты, Иванъ Иванычъ, гляди сюда: всѣ эвти вещи разя держишь въ кабакѣ? и-и!.. Кто же себѣ врагъ, живьемъ такъ таки и отправляешь куда слѣдъ: имѣешь на сторонѣ ботоворителя такого... Да комнѣ хочь за полночь прїѣзжай хочь чиновникъ какой — ни крохи не найдетъ: все спущено! Тоже вѣдь надо на лицо имѣть деньги, какъ же быть? и работѣствуешь....

— Вотъ что....

— А ты полагалъ, у меня въ кабакѣ-то лавка? шалишь!... кажинную тряпку живьемъ на базаръ. Такъ-то, сударь мой. Ты бы лучше спросилъ вотъ о чемъ: что было бы нашему брату дѣлать, ежели бы не было кабаковъ въ сelaхъ? Чѣмъ тогда?... какая жизнь цѣловальнику была?... Нешто понесъ бы тогда мужикъ за десять верстъ соху, или женину понявшу? Нѣть!... А это милость Божія, что несутъ: неси пожалуйста!... душа наша кривая, все примая, и медъ и тортъ претъ; смекнуль?...

— Разскажи-ко, Андрей Фадеичъ, еще какую исторію; право, занятно.

— Какъ занятно-то, слушай!... Выпьемъ-ко.... Эй, Карпуша, дай намъ другую парочку... Напримѣръ, такого рода слу-чай: въ запрошломъ году требовалось изъ нашего села выбрать ратника. Ну, здѣсь мужикамъ много не удалось попить; не на того напали. Сходка должна была выбрать ратника изъ своей братіи, кого, значитъ, заблагоразсудить. И сошлись они къ ка-баку. Староста похаживаетъ по середкѣ, понукиваетъ:

«— Что же? какъ? кого ребята? надыть что ни на есть ля-дашаго, понимая, вора какого, али лошевода.

«— Да, знамо, говорять, когоже больше, какъ не Петруш-ку Носа, что два раза въ острогѣ сидѣлъ за покражу.

«— Его!

«— Ну его, такъ его! туда ему дорога.... подѣломъ, незымъ его разгуляется.... незымъ!

«Всѣ согласились — и пошли было; только отошли шаговъ десять отъ кабака, одинъ и кричитъ: «стой, малый!» самъ ду-маетъ. Мужики остановились: «что?» «Да вотъ что: оно Пет-рушку-то мы сдадимъ, да какъ бы не было худо; вѣдь ратни-ковъ скоро обѣщались распустить по домамъ; а Петрушка ежели воротится назадъ, знаешь, что онъ тогда сдѣлаетъ?» «Что?» «Да то, что подпустить краснаго пѣтуха и шабашъ!... вотъ что сдѣлаетъ!» Мужики такъ и разинули рты: «Э, малый, заговорили: — и вپрямь такъ; не надыть: воръ захочеть, все сдѣлаетъ: онъ своей головой не дорожить. Коли такъ, пу-скай идеть Ахремъ, онъ же на очереди.» А Ахремъ, Иванъ Иванычъ, точно былъ на очереди; но запрежде его совсѣмъ не думали отдавать, почему-что одинокій былъ: никакъ чело-вѣкъ шесть дѣтей имѣлъ, маль-мала все меныше, жену (она въ то время была брюхата), больше никого: а самъ былъ хворъ, нездоровъ. Иные изъ мужиковъ тутъ уирались, не хотѣли, значитъ, его сдавать; моль, на кого бросить семью? на что луч-ше-воры есть; одначе нѣть! Всѣ порѣшили такимъ обычаемъ: ежели Ахремъ не напоитъ до пьяна всю слободу, и толковать много не слѣдъ: въ ратники! Я тебѣ докладывалъ, что такъ и чухаютъ, съ когобы сорвать выпивку? Самъ себѣ говорю: «да! напоить всю слободу махина порядочная... кѣбы согласился!»

«Призываютъ Ахрема, сбились къ кабаку.

«— Ну, Ахремъ, какъ полагаешь?

«— Да что, говорить, ребята: у меня не токма, что напоить всю деревню; кажись, дома жратъ нечего! поди вонъ, нонѣ зи-

му послѣдняя коровенка издохла; а на гумѣ ни бывалки, ни травинки.

«— Неужели ужъ на четыре ведра не достанетъ?

«— Я жъ вань баю, уменя вотъ до чого дошло: хлѣба скоро не будетъ!

«Мужики думаютъ, соображаютъ, какъ ухитриться?

«— Это, говорить одинъ, того... балы, что бы, къ примѣру, на четыре ведра не достало. Врѣгъ! виши гнѣтъ экося околесицу: трескать нечего! Одно калянство, упрямость одна. Не хотѧ нопоштовать...

«— И то, малый, заговорили всѣ. Ежели бы боялся ратниковъ, послѣднія колеса заложилъ, да поднесъ бы. Вѣрно пебоится, а небоится не трожь, идетъ!

«Тѣмъ и покончили. Межъ тѣмъ пошли они къ Петрушкѣ Носу, къ вору, говорятъ ему: «пожертвуй Петръ Айсымычъ на ведерку: оставшися, голубчикъ... мы тебя пожалѣли; малый-то ты добрый. Ахремъ за тебя идетъ.» И сдернули съ Носа; только не ведерку (ведерки не даль, собачій сынъ), а всего поль-осьмухи.

«Опослѣ, братецъ ты мой, какъ повезли Ахрема, смѣхъ!.. окружили его телегу, шумятъ: «прощавай, Ахремъ! вся причина, не помышляй много... не отчаявайся!.. Слыши, Царь батюшка обѣщалъ ратниковъ скоро воротить.»

«Ахремъ сидитъ, самъ утираетъ слезы... Жена его шибко убивалась! отъ телеги-то пи какъ не отводокутъ...

«Онъ не воротился назадъ. До Ливенъ почитай дошелъ идущи изъ Севастополя, передовымъ будучи, пѣсни играль и говориль своему земляку: «Микитъ! придемъ въ свой городъ, надѣлу красную рубаху, пойдемъ пѣсни заиграешьъ.» (Что на умѣ-то подержаль!) А Микита говорить: «хорошо, Ахремъ, какъ велить Богъ дойти до своего города; я запримѣтилъ, что ты пить воду безтолковъ.» Онъ, глядь, подъ Ливнами попилъ воды и скочурился.

«Я панаходидку обѣ немъ отслужилъ въ Тулѣ; Ѣздили упряжь разную продавать...

Мужики наши услыхали про смерть его, разсуждаютъ, стоять у кабака: «вѣрно на роду ему напечатано, что не воротиться: другіе вонъ воротились». Хе, хе, хе, хе... Обращаюсь къ виши изъ окошка: «что жъ, ребята, товарищъ-то вашъ воротилъ-

ся? Стоять, почесываютъ виски: «иѣть, не воротился»... Со-ломатники! говорю имъ: «чтобы вамъ тогда урезонить его? и сами бы насолезѣвались и товаришъ быль бы цѣль; а теперь такой, говорить, камялный попался...»

«Одно слово, день деньской шляются, то и наровятъ, какъ-бы попьянствовать?... взогрѣть кого? Смотрю на нихъ: ну корову за рога! али имущество какое; чего дремать? Однова, что ты думаешь? вотъ чудо! «Сидять они супротивъ кабака на срубленомъ дубу и гуторятъ очемъ-то; смекаютъ, должно, дерябнуть... сидѣть, думаютъ. Думали, думали, да взяли пропили дубъ, на которомъ сидѣли,—Богъ свидѣтель! вотъ дивись, колыно какое сотворили... Что значитъ замысловатый народъ-отъ. Минъ же и не въ домѣкъ обѣ дубъ; годъ цѣлый валялся, общій — ихній; его и колыхнули! Отпущаю вино, говорю:

«— Ишь, дерево-то!.. Я обѣ немъ словно и забыть; безъ призора совсѣмъ валялось. Кто у вастъ такъ придумалъ?

«— Все же я, говорить Филимошка, что изъ церкви убѣжаль.

«— Ловчатка, говорю: — стоитъ чести приписать.

«— Мы, бають мужики, думали, что ты не примешь.

«— Какой? подавай знай!... толковать тамъ!

«Опослѣ облапили меня, кричать: «заступитель! отецъ!» ха, ха, ха... Стало быть, уваженіе имъ дѣлаю. А за дубъ-отъ я въ тотъ же день далъ пятакочъ свезть въ городъ и получилъ бѣлетиками три цѣлковыхъ. У меня будь знакомъ, ходи дальше!

«Да, Иванъ Иванычъ, житѣе было хорошее, хорошее... знатное житѣе.... Каждынъ разъ продовольствіе чувствовалъ: пей, ѿшь, сколько влѣзеть; и карманъ никогда засухи не видывалъ.

«А вотъ, доложу тебѣ, ежели у кабака не приходится имѣть дѣла, положимъ, дождь ежели идетъ, али сиверка, ненасѣе, танѣ мужики собирались въ ригу, недалече стоять она, пустая: громадища такая; па каменномъ фундаментѣ построена. Надъ воротами же у ней содержится надпись такого происшествія, написано: «входъ въ сарай.... для, таперечка, угощенія и поштванья крестьянъ покровскихъ виномъ изъ питейнаго кабака съ продажею пива». Какъ, то есть, важно выведено! грамотѣй какой-то постарался.

«Разъ, лѣтомъ, во время дождика, мужики заключались въ

T. LXVII. Отд. I.

этой самой ригѣ, сидѣли, запивали наемные луга; десятнъ пятнадцать купили и попойка была богатая: три ведра взяли. Народу собралось много; былъ тамъ съ ними, тоже вкладчикъ, отставной дьячекъ; онъ находился для потѣхи больше: веселилъ кампанию. Еще нѣкій мужикъ Еремка. Онъ слышилъ запѣвалой; мухортный такой мужиченка: на видъ, двѣ денежки, грошъ сдачи. Но пѣль ловко: какъ завѣтъ: «сидить воронъ на березѣ», унеси ты мое горе! аки пѣвчій какой, и руку приложить къ виску. Дьячекъ же пѣть вовсе не умѣлъ; за то, говорять, и отставили его, что уши въ церкви драли до самой до болятки: доказывали, того и гляди изъ уха кровь пойдетъ. А игрецъ былъ лихой: захочетъ откачать въ присядку, откачаетъ! сдѣствуетъ миловидно: смотри! и больше—прибаутки сочинялъ. Мой кабакъ онъ все звалъ «капернаумъ», моль «капернаумъ.... пойдемъ въ капернаумъ.» Въ частую мужиковъ училъ, чтобы какъ можно пошибче пьянствовать: «я, говоритъ, однова ѿхаль изъ Тулы, когда на нашестъ садились куры (дьячекъ стихами безперечь говорилъ). Пришло мнѣ наумъ, забѣхать въ капернаумъ. Хорошо. Тогда я забѣхаль въ харчевню, лошадь женнюю проопилъ: потомъ телегу съ хомутомъ, сѣделку съ кнутомъ, узду съ маҳрами, лугу съ возжами, чулки съ сапогами, хехе-хе.... мѣшки съ пирогами, трубку съ чубукомъ, кисеть съ табакомъ.» Подлакно, Иванъ Иванычъ, онъ было такъ: онъ дочиста пропился, маленько только жаль, что не у меня, а въ Анишиномъ кабакѣ: но вотъ что случилось съ нимъ въ нашемъ селѣ: нѣкогда Рудневъ «принялъ на себя трудъ, гонять лошадей своихъ на прудъ: онъ съ пруда домой пошелъ, на пути въ кабакъ зашелъ.» И пропилъ, батюшка ты мой, какъ бы тебѣ сказать, не солгать, что бишь...дай Богъ память... забылъ... нѣть: да чтожь я? я-то что? Гнѣдую кобылу пропилъ.... тьфу!... что было забылъ; такъ, гнѣдую кобылу: онъ было хотѣлъ саврасую; но я не взялъ, почему что жеребая лошадь: гдѣ мнѣ съ ней возжаться? Онъ, сударь мой, и пропилъ гнѣдую. Ну такимъ манеромъ гуляли мужики въ своей ригѣ; я тебѣ хочу разсказать про одно воровство. Воровъ мужики больно презирали: попался воръ, аминь! лучше улепетывай куда подальше: всего оберутъ, послѣдніе сапоженки снимутъ. Про дьяка будешь рѣчь впереди, мы поразскажемъ про Еремку-запѣвалу. Когда всѣ въ ригѣ шумѣли, кричали, смилялись на Руднева, пынѣ бо-

ролись, иные плясали, хозяинъ той риги вдругъ какъ заореть во все горло:

«— Ребята! стой! несчастіе приключилось.

«Всѣ въ одну минуту притихли.

«— Что?

«— Пропажа сдѣлалась.

«— Гдѣ? кто? гдѣ?

«— Здѣсь. Отъ воротъ замокъ пропалъ.

— Обыскивать!

«— Обыскивать! Обыскивать!

«— Въ кружокъ!

«— Становитесь въ кружокъ!

«Пошла работа: давай обыскивать всѣхъ до чиста. Сей часъ ворота приперли, стали въ кружокъ: «раздѣвайся!» Старосту первого.... осмотрѣли — нѣтъ! другаго — тоже нѣтъ. Третьяго, четвертаго.... Съ кажинаго снимали чекмени, сапоги, у дѣячка за галстукомъ освѣдомились. Вотъ Еремка-запѣвало видѣть, что до него очередь доходитъ — шмыгъ замокъ въ сторону.... отбросилъ. Самъ ни въ чемъ будто не бывало, стоять, кричать: «обыскивай кругомъ!» А дѣло-то и смѣтили.

«— Ты что бросилъ?

«— Ничего.

«— Врешь! ты бросилъ вотъ замокъ.

«— Я не бросалъ.

«— Васька, ты видѣлъ? бери, держи, вяжи!..

«И ужъ какъ всѣ обрадовались вору-то, какъ батюшкѣ родному.

«— Веди къ кабаку!

«Грязь на улицѣ, — ничего! прутъ гурьбой. Доскреблись до кабака. Крѣпко держутъ вора.

«— Ну, малка, какъ?

«— Да много разговаривать нечего: бѣгите къ нему домой, везите телегу.

«Воръ бросился бухать въ ноги то тому, то другому. Нѣтъ, поздно. Староста далъ ему въ спину, чтобы попусту не вякалъ. Привезли телегу: телега, Иванъ Иванычъ, новая и такая, зна-

ешь, все съ рѣзьбой. На Миколу я продалъ ее Веневскому яищику за четырнадцать рублевъ. Важная посудина !

«— Ну, сколько же вамъ ? говорю.

«— Три ведра !

«— Ведро больше не дамъ; повѣренный бранится, спрашивается ; куда такъ много вина выходитъ, слыши ?

«— Давай хоть ведро, кричать.

«— Я отпустилъ; телъгут живо отправилъ на постоянный дворъ и куманьку. Вотъ они у меня въ сѣняхъ принялись пить; сажаютъ съ собою Еремку вора. Онъ не отказывается ; присусѣдился къ нимъ. Дьячекъ за прибаутки взялся; поднялось веселье, куда что !... Нѣкоторые спрашиваютъ у Еремки :

«— Ну, что ? таперь не будешь воровать ?

«— Я, ребята, право слово пошутилъ, говорить.

«Мужики отвѣчаютъ :

«— Да и мы шутимъ съ тобой. Колиже не шутимъ ? Вѣдь тебя бы слѣдовало дратъ, домоваго ; а мы вишь что дѣлаемъ ? угощаемъ твою милость. За эвто, мотрѣ, чтобы ты намъ спѣль пѣсню.

«— Нѣть , братцы , силъ не хватитъ.

«— Врешь , споешь , чортовъ синецъ . У насъ благимъ матомъ затаинешь.

«Точно; какъ нализался Еремка, все позабылъ: игралъ пѣсни напропалую. Когда мужики распили вино, начали они придумывать, чинить совѣтъ, чтобы еще пропить у вора ? Нородецъ эвтотъ чѣмъ больше пить, то больше ожесточается, входить въ настоящую силу: норовить натесаться до самого нельзя.... Кричать :

«— Ребята ! или опять къ Еремкѣ : бери что на дворѣ увидишь.

«А воръ Еремка захмѣлѣлъ, кабысь ополоумилъ совсѣмъ, ореть :

«— Тамъ , говоритъ , у меня передки отъ водовозки стоять, щоцай ихъ сюда ; смотри овцу невздумай привестъ , али живота какого.

«— Ладно , говорять мужики.

«Гляжу въ окно : одинъ везетъ передки, другой ведеть овцу. Помираю со смѣху :

«— Сколько? спрашиваш.

«— Ведро!

«— Полведра!

«— Давай!

«И пошли гулять; дождикъ тутъ пересталъ маленько; вышли на улицу; вино поставили на траву, и кто во что!... Еремку заставили пѣсню играть: онъ подбоченился, разинулъ пасть, задралъ, закатился въ вышину (голосъ звонкій), подхватили — трогай! Только по всему селу раздается. Горланили, горланили, перестали. Обратились къ дѣячку.

«— Ну-кося, Рудневъ, сдѣствуй трепака! кажи намъ, гдѣ раки зимуютъ.

«Дѣячекъ подобралъ полы, не взирая на грязь, ударила трепака. «Въ обмочку, кричать, въ обмочку.» Согнула колѣна, зачали въ обмочку (*), ногами вывертывать, самъ прибирается: «ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь...» Веселье поднялось такое!.. На селѣ бабы, дѣвки выступили изъ домовъ, смотрять... истинно праздникъ! А тутъ же промежъ сходки кто цаляетъ, кто лѣзетъ къ рулю съ кулаками; известно, пьяному чего не взбредеть на умъ.

«Между этими вино сѣять вышло все; спохватились они, сбились въ кучу, шумятъ; «а что, малый, почто воръ-то не поштууетъ насть? Забыль? мы не токма пропьемъ догола весь домъ его, въ острогъ упрячемъ: воровъ не приказано держать въ деревнѣ.»

«Послали въ третій разъ къ Еремкѣ на дому. Онъ же ничего не слышитъ, не чуетъ и знать не хочетъ: топчетъся въ грязи ногами, покручиваетъ платкомъ на воздухѣ.

«Черезъ четверть часа смотрю, ведутъ жеребенка (стригунокъ чаленкій, — славная скотинка). И какая, Иванъ Иванычъ исторія: здѣсь мужики берутъ у меня вино, а Еремка, еле-живъ, увидалъ своего жеребенка, подошелъ къ нему, заломилъ шапку на бокъ и кричитъ: «Ты зачѣмъ сюда? а? вонъ пошелъ отсюда, дурья твоя порода! Вина захотѣлъ? Ты у меня не смѣй... Чтобы этого небыло... Ни, ни... Хозяинъ будешь пьянствовать, и лошади тоже... шинь! прочь пошелъ; потомъ: коняшь, коняшь!..» камедія!

(*) Въ присядку.

«А какъ развѣдалъ, что его жеребенка пропивають, обласилъ его за шею, наклонилъ свою голову и говорить: «Вотъ оно что!.. прощавай—же коняшка! Родимая моя!.. Вѣрно судьба твоя такая... плохая... пропьють тебя мужики черти... Вишъ, жеребятины, дьяволы, захотѣли.»

«Какъ взяли мужики еще ведро,--ну, гулять! Я тебѣ говорю, праздникъ веселый.

«Къ вечеру всѣ такъ натискались, нараѣзались, ногъ неволо-
жутъ: растянулись у кабака на грязи и хрюкаютъ.... Одинъ бор-
мочетъ, на силу языкъ поворачиваетъ: «а! говорить, попал-
ся... Не воруй! По дѣломъ вору мука...» Еремка же, братецъ
мой, то-то разбойникъ!.. легъ носомъ въ грязь и тоже кри-
читъ: «не воруй!» ха, ха, ха... Чудеса!..

«Вотъ тактъ-то пьянствуютъ—косималина! Каждынъ, почесть,
день гульба, каждый день: подраяся кто—выпивка, потина на
чужой огородъ зашла—выпивка! Чья собака взбѣсилась—опять
выпивка! Къ примѣру, вечеромъ пьюгъ, на ранѣ идутъ опохмѣ-
ляться: такимъ обычаемъ заряжать недѣли на три! Отъ кабака
совсѣмъ не отходятъ; при немъ и днюють. Одинъ- мужикъ,
слышь, до того пропился, что приходитъ однова когдѣ въ ка-
бакъ съ мѣшкомъ въ рукахъ и говоритъ:

«— Фадеичъ! дай полштофникъ. Я тебѣ штуку принесъ.»

«— Какую?

«— Да вотъ... и развязываетъ мѣшокъ. Боюсь, что ты не
возьмешь.

— Ну-ко, покажи.

«Гляжу, въ мѣшкѣ собака. Залился я со смѣху.

«— Ахъ ты, говорю, молодецъ, молодецъ!.. Съ чѣмъ прива-
лилъ.... Нѣть, подъ эвти сбруи мы не даемъ.

«Мужикъ пожимается.

«— Возьми, говорить, ради Бога.

«— Н-н-нѣть...

«— Ато возьми.

«— Н-н-нѣть... не возьму.

«— Ну видно, говорить, дѣлать нечего...»

«Вышелъ въ сѣни, отыскаль польно, съ одного конца раско-
лоилъ топоромъ и защемилъ собакѣ хвостъ, пустилъ ее по дерев-

нъ; собака зѣваетъ; «гамъ, гамъ, брехъ, брехъ». А ей тамъ кричать: «тию-лю, у лю-лю, гай гай...» Самъ же мужикъ толкуетъ: «ладно, Фадеичъ! и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.» Что же? Черезъ никакъ день онъ говорился съ дьячкомъ Рудневымъ: меня обокрасть, выкачать вино изъ бочекъ. Дѣствительно, въ полночь въ самую они подступили къ кабаку, проломали въ крышѣ щель, залѣзли въ сѣни, гдѣ стояли бочки, выкачали семь ведеръ и только было стали отправляться, какъ въ то время нагрянула на нихъ сходка. Она подкараулила дружковъ. (Я сяю, ничего не слышу).

«— Что несешь?

«Воры смѣшились. Говорятъ сходкѣ:

«— Ребята! Вотъ вамъ три ведра, отважитесь.

«— Давай.

Сходка взяла три ведра и идетъ къ кабаку. Воры какъ разъ останавливаютъ мужиковъ, говорятъ: «Куда вы? Ступайте дальше отъ кабака; цѣловальникъ не равно узнаетъ: онъ все скрося брюхо-то у тебя видить.» Сходка говорить: «небось, не увидеть. Мы тихо разопьемъ.» (Я все сплю). Подсѣли мужики къ кабаку и принялись за питру. Перва тихо шло, а какъ напились, давай шумѣть, потомъ засучили рукава, да драться. Слушаю: что закрикъ? Выбѣгаю! въ одной рубахѣ, такое несказанное пьянство.

«— Ребята, говорю', вы воровать!..

«— Кой чортъ, воровать. И рассказали мнѣ всекакъ слѣдуетъ, докладываютъ только: «мы съ тѣмъ уговоромъ, Фадеичъ, тебѣ открыли, что бы ведро намъ за работу.»

«— За ведромъ не постоимъ; а гдѣ теперь они?

«— У дьячка.

«Народомъ нахлынули мы на дьячковъ домъ и слаудили воровъ. Мужикъ, что собаку-то приносилъ, вывернулся, оправдался передъ пачальствомъ, а обвинилъ одного дьячка. Его представили въ острогъ.

«Передъ отъездомъ онъ какъ нешто отзанивалъ трепака! приговаривалъ: «Эхъ, прощай, голубчикъ Ваня, скоро будешь тебѣ бания!..» Его Иваномъ звали.

«Такъ-то, сударь ты мой, Иванъ Иванычъ; такія-то дѣла! Да хорошо, оченпо хорошо-было жить въ Покровскомъ. Вспоминать-любо!

(Молчаніе.)

— А что, Андрей Фадеичъ? Слыша́ль я тебя слуша́ль, зна́ешь ли что пришло ми́й въ гологу? Брошу я кошатничать! най-муйсь-ко я себѣ въ цѣловальники! такой жизни я, призна́ться, ни гдѣ не слыхивалъ... Наймусь.

— И отмѣнно сдѣлаешь. Одинъ тебѣ совѣтъ отъ меня: вы-бирай кабакъ не тотъ, что въ полѣ стоитъ, а въ селѣ, какъ въ бывшемъ моемъ Покровскомъ; да смотри, спуску ничему не да-вай!....

Н. УСПЕНСКІЙ.

АКТЕРЫ ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Извѣстный знатокъ русской старины, князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, узнавъ, что пишущій эти строки занимается исторіею стариннаго театра въ Россіи, предоставилъ въ его распоряженіе собранныя изъ дѣлъ бывшаго Посольскаго Приказа извѣстія о театральныхъ труппахъ въ Москвѣ во времена Петра Великаго. Извѣстія эти, по своимъ подробностямъ, представляютъ любопытный современныій матеріалъ для исторіи драматическаго искусства въ Россіи, и мы помѣщаемъ ихъ въ «Современникѣ», какъ дополненіе къ свѣдѣніямъ, которыя собраны въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ этомъ журнальѣ (№ 3 и 4, 1857 г.), подъ заглавіемъ «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи.» При этомъ случаѣ, обязанностью своею считаемъ выразить глубокую признательность князю Михаилу Аныреевичу за его радушное вниманіе и готовность помочь изслѣдователю словомъ и дѣломъ: при такомъ просвѣщенномъ содѣйствіи, какимъ мы имѣли честь пользоваться во время занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, легка становится кропотливая работа и можно забыть неудачи, которыя иногда испытываешь при поискахъ источниковъ и матеріаловъ для знакомства съ русскою стариною.

Въ 1698 году выѣхалъ въ Россію «къ царю на службу» комедіантъ Иванъ Славскій. Не осталось никакихъ свѣдѣній, что дѣлалъ

онъ въ этой должности до 1701 года, въ которомъ его отдали въ вѣдѣніе посольского приказа и отправили за грацицу для вербованія въ Москву театральной труппы. На расходы ему было выдано 200 рублей, да женѣ его съ дочерью положено, на время отсутствія Спивакскаго, по 5 рублей въ мѣсяцъ.

Въ Данцигѣ, или Гданскѣ, какъ называли тогда у насъ этотъ городъ, Спивакскій договорился съ нѣкимъ Яганомъ Кунштомъ, чтобы этотъ набралъ актеровъ и пріѣхалъ съ ними въ Россію. Въ контрактѣ, заключенномъ при этомъ случаѣ и въ которомъ Спивакскій, оставивъ свой титулъ комедіанта, именуется уже капитаномъ, Кунштъ обязывался, по прибытіи съ труппою въ Москву, «царско-му величеству всѣми вымыслами, погѣхами, уголить, и къ тому всегда доброму, готовому и должностному быти», и за все это имѣть ежегодно получать по 5000 сфиниковъ. Кроме того, ему слѣдовало оказать пособіе на счетъ казны при постройкѣ зданія для театра, при шитьѣ костюмовъ и приготовленіи декорацій. Сохранились также, въ современномъ русскомъ переводе, и контракты Куншта съ набранными для Россіи актерами. Отсюда можно видѣть, что послѣдніе поступили на службу изъ какой нибудь странствующей нѣмецкой труппы; кроме «комедіального дѣйствія», они должны были исполнять и другія обязанности; такъ одинъ изъ актеровъ Антонъ Ротаксъ былъ парикмахеромъ и приготавлять для труппы парики и накладки, другой Яганъ Эрманъ облеченьбыль въ должность портного для шитья костюмовъ и проч.

Въ 1702 г. Кунштъ и его труппа прибыли въ Москву. Автропренеръ тотчасъ же обратился въ Посольской Приказъ съ просьбою о выдачѣ ему, на обзаведеніе и необходимые расходы, впередъ всей сѧдущей ему по контракту головой платы. При этомъ Кунштъ предполагалъ приступить къ постройкѣ «адѣлательного двора», который долженъ быть имѣть въ длину 20 сажень, въ ширину 15, а въ вышину 7. Всѣ работы Кунштъ надѣялся покончить въ 3 недѣли, если только дадутъ нужныхъ для постройки мастеровыхъ, какъ то плотниковъ, портныхъ, живописцевъ, также строительные материалы (доски и гвозди).

Всѣ требованія Куншта были удовлетворены и «комедіальная деревянная храмина» отстроена въ Москвѣ на Красной площади, «а въ пей театрумъ, и хоры, и лавки, и двери, и окна; и впнутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ. Да въ Нѣмецкой слободѣ, въ дому генерала Франца Яковлевича Лейфорта въ большой палатѣ, для поспѣщенія, покамѣстъ та храмина построитца, сдѣланы комедійной театрумъ и хоры.»

Недолго Кунштъ жилъ въ мирѣ съ своими актерами, которые,

по его словамъ, вели разгульную жизнь, кутили и вовсе не слушали своего антрепренера; особенно актеръ Яганъ Плантинь возбудилъ противъ себя негодованію директора его царскаго величества придворныхъ комедіантовъ (*Directeur von ihre zarischen Majesteten hof komoedienten*) — такъ подписывался подъ прошеніями Кунштъ). Всѣдѣствіе такихъ жалобъ, нѣмецкихъ артистовъ потребовали въ Посольской Приказѣ и стали тамъ отбирать показанія. Актеры объявили, что «они въ комедійныхъ дѣлахъ послушаніе Куншту отдавать должны и отъ дѣла не отрекаются, только-де онъ, Яганъ, роскоши имѣетъ многія, а ихъ по многія времена всякими бранными словами безчеститъ напрасно, невѣдомо за что, и дѣла никакова онъ имъ не даетъ, а по договорнымъ писмамъ, какія у нихъ съ нимъ, Кунштомъ, учинены, безчестья никакова имъ чинить не доведется»...

Въ октябрѣ 1702 года русское правительство вознамѣрилось имѣть актеровъ изъ своихъ и для этой цѣли выбрано было онѣсколько подъячихъ изъ разныхъ приказовъ. Всѣ они отданы въ nauку къ Куншту, а этотъ долженъ былъ «ихъ всякихъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ.» (*)

Такъ какъ въ контрактѣ ничего не упоминалось о томъ, чтобы учить театральному искусству русскихъ учениковъ, то Кунштъ просилъ о прибавкѣ за то къ жалованью, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловался, что, при выдачѣ ему денегъ, ефимокъ полагали въ пользу, что несправедливо, потому что въ Россіи ефимокъ ходить тогда по 23 алтына и 2 деньги (въ алтынѣ 3 копѣйки, а въ копѣйкѣ 2 деньги). Вѣроятно, это ходатайство было справедливо: Куншту было додано къ прежнему жалованью еще 500 рублей.

Кунштъ былъ не совсѣмъ доволенъ прилежаніемъ и бережливостью своихъ новыхъ учениковъ: онъ просилъ въ Посольскомъ Приказѣ, чтобы обязали ихъ являться на представленія въ одно время, чего многіе изъ русскихъ не исполняютъ, а отъ того происходит напрасная трата времени въ ожиданіи. Притомъ Кунштъ рѣшительно отказывался давать русскимъ костюмы, на томъ основаніи, что «не возможно русскихъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своими театральными платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами наря-

(*) Вотъ имена этихъ русскихъ актеровъ: изъ ратуши — Федоръ Буслаевъ, Семенъ Смирновъ, Никита Кондратовъ, Евѳимъ Невѣжинъ; изъ сибирского приказа — Дмитрій Яковлевъ, Михаила Сойтовъ, Тимофей Степановъ; изъ монастырского приказа: Петръ Гнѣвшевъ, Иванъ Потаповъ; изъ ратуши — Петръ Боковъ, Петръ Долговъ, Иванъ Васильевъ Мешшой, Яковъ Комзрской, Михаила Егоровъ, Гаврила Евсѣевъ; изъ помѣрной — Василій Кошелевъ; изъ посадскихъ, а былъ въ историкахъ, — Василій Теленковъ,

дить, понеже иныхъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а иныхъ, Куншту, больше 1,500 рублейъ стали, опричь турецкихъ, и персицкихъ, которые еще готовить надобно»...

Въ 1703 г. русскимъ актерамъ «для ихъ скудости» и потому что «ходя въ Нѣмецкую слободу по вся дни, платьемъ и обувью обносимыи и испроѣмьись», царь приказалъ выдать съ октября 1702 г. по январь 1703 года — 100 рублей.

Ниже будетъ говорено о репертуарѣ тогдашней русской сцены; теперь же скажемъ, что изъ одной просьбы Куншта видно, что въ то время его труппа представляла такъ называемыя-пьесы на случай (*pièces de circonstances*), который поручалось составлять тому же Куншту. Такъ онъ обязывался въ 1703 году приготовить драматическое представление къ торжеству по случаю взятія русскими Нотебурга или Орѣшка. Кунштъ при этомъ не преминулъ подать новое прошение, любопытное именно въ томъ отношеніи, что знакомить съ положеніемъ его въ Москвѣ и требованиеами, которыя на него ссыпались со всѣхъ сторонъ. «Азъ платье и театръ такою доброю цѣною дѣлаю, пишеть онъ между прочимъ, аки овогда при дворѣхъ иныхъ потентатовъ видимо есть; о которыхъ (т. е. платьѣ и театръ) также попрекательныя и укорыныя слова всегда слышати приужденъ, яко токмо полотняныя платья дѣлаю и мишурою обшиваю: не размышаютъ, аще бы прямое золото было, то при свѣчахъ не яснилось и на театрѣ не тако явилось, а прымымъ (золотомъ) на 100,000 рублейъ нечего дѣлать... ни которому комедіанту (не) надлежитъ толикое перемѣненіе въ операхъ летаниемъ и махинами симѣтовъ окказать, однако азъ же творить готовъ... никакой комедіантъ на свѣтѣ вовсе новую, невиданную и неслыханную комедію въ недѣлю на письмо изготовить и въ 3 недѣли сказать и дѣйствовать не можетъ; любви же ради и униженной должности противъ царского величества, я то на ся принимаю и совершу»...

Въ концѣ 1703 года, Кунштъ умеръ, и вдовѣ его Аннѣ, да актеру Бендрелу велико было остаться въ Россіи, чтобы они продолжали учить русскихъ актеровъ, но первые просили ихъ обѣ отпустить за границу. Вѣроятно, эта просьба была уважена, и съ марта 1704 года является новый антрепренеръ и учитель театрального искусства-Артемій Фюрстъ. На него-то подаваль донось одинъ изъ актеровъ, Петръ Боковъ, говоря, что Фюрстъ не занимается обучениемъ актеровъ, а потому «которыя комедіи они, комедіапты, выучили, и тѣ комедіи за нерадѣніемъ его въ комплементахъ и за неизданіемъ въ рѣчахъ дѣйствуютъ не въ твердости, для того что онъ, иноземецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ»... Боковъ предлагалъ, что лучше всего, для надзора за актерами, выбрать изъ

нихъ же одного или двухъ учениковъ, а помянутаго иноземца отставть.

Изъ бумагъ около 1705 г. можно видѣть, что для театральныхъ представлений были выписаны изъ-за границы и музыканты. Въ первый разъ ихъ вызывали изъ Гамбурга чрезъ иноземца Матвѣя Поппа, въ числѣ 7 человѣкъ; изъ нихъ двоимъ назначалось жалованья по 140, а остальнымъ по 114 рублей. Въ другой разъ нанято еще 4 музыканта, съ жалованьемъ каждому по 150 руб., что прежнихъ заставило просить о сравненіи въ платѣ съ послѣдними.

О русскихъ актерахъ сохранился докладъ, чрезвычайно интересный, какъ для исторіи той эпохи, такъ и для оцѣнки тогдашняго состоянія драматического искусства у насъ. Этотъ докладъ относится къ 1705 году и помѣщается здѣсь вполнѣ:

«Ученики комедіантъ русскіе безъ указу ходать всегда съ шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и, не престанно по гостямъ въ нощныя времена ходи, пьють. И въ рядѣхъ у торговыхъ людей товары емлють въ долги, а денегъ не платять. И всакіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людми чинять, придираясь къ безчестію, чтобы съ нихъ что взять нахально. И для тѣхъ взятковъ ишутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ, мимо Государственного Посольского Приказу, гдѣ они вѣдомы. И, взявъ съ тѣхъ людей взятки, мириятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжуть для такихъ же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье. А комедій, которыя по приказу боярина Феодора Алексѣевича (Головина) велико имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшего обученія належитъ имъ списывать.

«А въ Посольскомъ Приказѣ тѣмъ комедіантамъ вышепомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказываютъ, однажды они такъ приказъ презираютъ и чинятся во всемъ неислушны, а именно въ вышепомянутыхъ причинахъ явились комедіанты:

«Василей Теленковъ (онъ же Шмага пьяный), да Романъ Аммосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человѣка, у Иванова сына Полунина, сукна и не хоти денегъ платить, били челомъ въ ратушѣ, мимо Посольского Приказу, въ безчестіе и въ томъ волочили его многое время и потомъ, нѣчто съ него взявлъ, помирились.

«А нынѣ тотъ же комедіантъ, Василей Теленковъ, биль человѣкъ мимо Посольского Приказу въ Судномъ Приказѣ на ратушнаго подъячего Якова Новикова въ безчестіе же, а по свидѣтельству постороннихъ людей явилось, что въ томъ задоръ и брань была отъ него, комедіанта, а не отъ того подъячего.

•И для того посыпаны изъ Посольского Приказу по него, комедіята, приставы, чтобъ ево въ томъ унять. И онъ, комедіянтъ, въ Посольской Приказъ по многое время не пошелъ.

«А потомъ октября въ 30 день изъ Посольского Приказу отъ дѣлковъ посыпанъ къ нему комедіяту Федоръ Буслаевъ говорить, чтобы онъ такихъ противныхъ дѣлъ чинить пересталъ. И онъ, комедіянтъ Василий Теленковъ, ему, Федору, говорилъ съ великимъ крикомъ, что онъ никого не слушаетъ и не боится, и судить его некому, и при томъ многія противныя слова говорилъ. И того числа тотъ комедіянтъ въ Посольскомъ Приказу сысканъ, и до указу велико его содержать въ Приказѣ.

«А въ комедіи дѣйствіе комедійное за нимъ не станетъ, потому что не во многихъ комедіяхъ дѣйство ево есть, и дѣла за нимъ мало, только безчестья много, а у того дѣла и быть онъ не потребенъ. А есть ученики комедійные русскіе добрые, которымъ велико быть до убыльныхъ окладовъ въ прибыли (т. е. сверхъ комплектныхъ).

«И о тѣхъ послушникахъ и безчинникахъ что чинить?»

Докладъ этотъ былъ посланъ къ боярину Головину, который изъ похода присланъ такое рѣшеніе: «комедіята пьяваго Шмагу, взявъ въ приказъ, выските батоги; да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіяновъ, явитца въ какомъ плутовствѣ потому же, взявъ въ Приказъ, чините имъ паказанье, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отписывая ко мнѣ. Велите комедіяномъ учить комедію торжественную на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и чтобъ они опу изучили къ пришествію великаго государя къ Москвѣ, конечно имъ съ подтверждениемъ велите дѣлать ту комедію»... По этому приказу сдѣлана такая отмѣтка объ исполненіи: «къ комедіяту о учении комедіи торжественной сказано того же числа (10 декабря), и комедіянтъ сказалъ, что комедія новая тріумфальная на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ у него, къ пришествію великаго государя, будетъ готова, да и спускателныя вещи у него будуть же.»

Изъ дѣла о жалованьѣ актерамъ и служителямъ на 1787 годъ, узнаемъ, что въ 1704 г. въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли жена генерального доктора Паггенкампа (въ русскихъ документахъ она передѣлана по просту въ Поганкову) и дѣвица Фонъ-Вильхъ, за что имъ было положено—первой по 300, а второй по 150 рублей въ годъ. Фюрстъ, однако, произвелъ уплату не сполна, что и подало поводъ къ слѣдующей жалобѣ отъ названныхъ актрисъ:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій. Въ прошломъ, государь, 1704 году, по твоему, великаго государя, указу, велико намъ быть на комедіи, и на той твоей, государевой, комедіи

управляли чинъ свой, какъ надлежитъ, и за то мы твою, государевою, милостию взысканы: по именному указу велико намъ на годъ дать полное жалованье, и то жалованье комедиантъ Фюрстъ имъ, Германнъ, только выдалъ 170 р., а имъ, Ягана, 80 р. А достальшое твое, государево, жалованье онъ, Фюрстъ по се число не выдается, не вѣмъ ради чего... Фюрста потребовали къ допросу, и онъ объявилъ, что, дѣйствительно тѣ иноземки за означенную плату имъ были наняты, но онъ въ комедійномъ дѣйствіи находились только полгода, почему имъ и заплачено — Паггенкампфъ 200, а Вилихъ 95 рублей, а болѣе имъ давать не слѣдуетъ, потому что въ 1705 году вѣмецкихъ комедій въ Москвѣ вовсе не давалось.

Въ первыхъ статьяхъ нашихъ о старинномъ театрѣ мы привели извѣстія Вебера и Бергхольца о драматическихъ представлениихъ, устроившихся тогда сестрою Петра, великою княжною Натальею Алексѣевною, и при Дворѣ царицы Прасковьї Феодоровны. Эти свѣдѣнія нынѣ дополняются нѣкоторыми подробностями изъ официальныхъ документовъ, изъ которыхъ видно, что декораціи и костюмы труппъ Куншта и Фюрста служили также и на сказанныхъ домашнихъ спектакляхъ при Дворѣ.

Въ 1707 году высыпались, въ разное время, въ село Преображенское театральные костюмы, по требованію великой княжны Натальи Алексѣевны: такъ 19 января туда было отправлено, кроме вѣсколькихъ камзоловъ и кафтановъ съ кружевомъ и бахрамою мишурными, арапское платье: «камзоль, да штаны черные крашенинъе, фартукъ доброй, на подобіи обѣяри серебряной, шляпка съ перьями». Доставкою этихъ предметовъ въ Преображенское распоряжался стольникъ Иванъ Никитичъ Хитровъ.

9 февраля туда же, между прочимъ, отосланы: «кафтанъ шитой стеклами, самой дорогой, къ нему фартукъ шитой же... двѣ япанчи королевскія, окладены кружевомъ мишурнымъ, обѣ крашенинныя, пара шутовскаго пестраго платья; корона бѣлаго желѣза съ часами (?), которую накладываетъ комедиантъ; 2 бороды волосяныхъ» и т. д.

Извѣстно, что погребеніе боярина Феодора Алексѣевича Головина происходило съ большою пышностью и что сохранилась современная гравюра, гдѣ изображено погребальное шествіе и изображеніе умершаго боярина. Фюрстъ принималъ участіе въ церемоніи и на этотъ конецъ ему были выданы изъ театрального платья «латы добрыя всел воинскія одежды и съ поручи и съ руками».

Въ ноябрѣ 1709 г., въ Москвѣ, по случаю торжества о полтавской побѣдѣ, было построено нѣсколько триумфальныхъ воротъ, и на однихъ, именно въ Китаѣ городѣ, на площади у церкви Казан-

скія Богородицы, велько было поставить на время, до окончанія нарочно на тотъ случай устроенныхъ декорацій, картины изъ комедіального дома. Тогда же, по требованію великой княжны Натальи, театральные декораціи отсылались въ Преображеніе и въ домъ митрополита Стефана Яворского.

Въ томъ же 1709 г. сдѣланъ былъ осмотръ театрального дома и имущества; оказалось: «картины комедіантскихъ большихъ и среднихъ на полотнѣ 80 въ рамахъ простыхъ бѣлыхъ, да 1 картина безъ рамъ изодрана, да рамы простыя бѣлые, а кромѣ того иныхъ никакихъ нѣтъ.... припасовъ и столовъ, кромѣ скамей, нѣтъ.... Да при той же комедійной храмицѣ въ двухъ свѣтицахъ въ 7 окнахъ оконницы слюдныя, ветхи и изломаны, хотя же тамъ печи и есть, но нагревать ими не возможно.»

Въ 1713 году, по указу царицы Прасковьи Феодоровны, взяты «изъ комедіи, обрѣтающіяся близъ Николаевскихъ воротъ, которая подъ вѣдѣніемъ въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ.... 20 пропективныхъ (sic) картинъ»: они потребовались для домашнаго театра Ея Величества, потому, что новыхъ, по недостатку времени, сдѣлать было не возможно.

Какія пьесы давались на всѣхъ этихъ театрахъ? Вопросъ этотъ разрѣшается довольно обстоятельно спискомъ драматическихъ произведений, сохранившимся также въ лѣнахъ Посольского Приказа. Изъ него видно, что игранныя русскими учениками Кувшта и Фюрста пьесы представлялись потомъ и на домашнихъ театрахъ великой княжны Натальи и у царицы Прасковьи. Нѣкоторыя изъ нихъ (отмѣченныя здѣсь звѣздочкою) сохранились въ рукописяхъ Императорской Публичной Библиотеки и описаны нами въ первыхъ статьяхъ о старинномъ театрѣ, другія пока остаются извѣстными только по заглавіямъ; одна уцѣльла въ бумагахъ, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія для настоящей статьи.

«Описаніе комедіймъ, что какихъ есть въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ, мая по 30 число 1709 года.

Заглавіе.

Количество экземпляровъ и іѣль находятся.

1. О Франталпѣ эпирскомъ и о Мираиловѣ сыне его.

Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича (вице канцлера Шафирова) для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

2. О честномъ измѣннике, въ вей первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ Поплей.

Три. Одна послана въ Преображенское, мая въ 31 день, 1709 г.

3. Донъ Педро, почитанный шляхтичъ, и Аммарилисъ дочь его.

Одна.

4. Прельщенной любящій.

Одна.

5. * Тюремный заключенный или принцъ Никель Гарингтъ.

6. О крѣпости Грубестона, въ ней же первая персона Александръ Македонский.

7. * Сципій африканскій, погубленіе королевы Софонизбы.

8. О графинѣ Тріерской Геновевѣ.

9. Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.

10. Постоянныи Папинъявусь.

11. Порода Герикулесова, въ ней первая персона Юпитера.

12. О Баазетѣ и Тамерланѣ.

13. Докторъ принужденный.

Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, мая 31, 1709 г.

Одна.

Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 года.

Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.

Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.

Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Двѣ. Одна отослана съ вышеписанными на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Сверхъ того есть еще опись, сколько было комедій переведено и въ какомъ количествѣ экземпляровъ, именно: 1) О Александрѣ Македонскомъ — 2; 2) О Геновевѣ — 1; 3) о докторѣ Битомѣ (шутовская) — 2; 4) О честномъ измѣнникѣ — 3; 5) О королѣ Епирскомъ — 1; 6) О принцѣ Никель Гарингтѣ — 1; 7) О Донѣ Педрѣ и Донѣ Янѣ (т. е. известный Донъ Жуанъ; отрывокъ изъ перевода помѣщенъ нами въ «Современникѣ») — 1; 8) О Сципіи африканскомъ — 1; 9) О Тенере Лизетѣ или отцѣ винопродавцѣ, перечневая, шутовская — 3; 10) О онѣ Вуртишѣ, старомъ шляхтичѣ съ дочерью, перечневая, шутовская — 3 (*).

(*) Въ настоящее время, изъ пьесъ, хранившихся въ Посольскомъ Принцаѣ, уцѣлѣла одна (первый листъ утраченъ), подъ заглавиемъ «Баазетъ»: она давалась, какъ видно изъ эпилога, еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, и потомъ ее разыгрывали въ Москвѣ даже во времена Штелина.

«Баазетъ» написана въ 4 дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужасы — сраженіе, убийства и проч. Баазетъ намѣревается напасть на Константинополь, но встрѣчаетъ противника себѣ въ союзникѣ Палеолога, Тамерланѣ. Подданные этого послѣдняго осыпаютъ упреками Баазета за то, что онъ ненавидитъ христіанъ, и молятъ Бога о помощи «убогому христіанству». Баазетъ впередъ увѣренъ въ удачѣ своего нападенія и насыщается надѣль приготовленіями непріятеля. Наконецъ на сценѣ происходить сраженіе, Тамерланъ остается побѣдителемъ и является на битву на конѣ — къ нему приводятъ побѣженного Баазета въ кѣфѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себѣ голову. По обыкновенію, въ пьесѣ есть шутовскія сцены, шутъ называется по голландски Никель Гарингтъ; встрѣчаются и пѣсни въ родѣ:

T. LXVII. Отд. I.

Упоминаніе о 13-й п'єсѣ въ первомъ спискѣ «Докторъ принужденный» подтверждастъ вполнѣ слухъ о существованіи у насъ перевода извѣстнаго произведенія Мольера *Le Medecin malgr t lui*.

Въ этой комедіи осмѣянъ невѣжество и шарлатанізмъ докторовъ; кутила Сганарель, бывшій слугою лекаря, безпрестанно бѣть свою жепу; эта, въ отмщеніе ему, выдастъ его за доктора. Сганарель спачала не соглашается, но потомъ, покорясь неотразимымъ убѣжденіемъ палокъ, съ успѣхомъ разыгрываетъ роль знаменитаго медика. Въ п'єсѣ много превосходныхъ монологовъ (напр. консультациія, какъ лечить болѣнную ханжествомъ и проч.), но великий писатель здѣсь, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ, заплатилъ дань требованіямъ своего времени, считая неизбѣжнымъ приправлять свои геніальные комедіи шутовскими выходками, драками и цаючными побоями. Въ «Докторѣ по неволѣ» первыя явленія заняты скорою и погасовкою Сганареля съ женою, съ сосѣдомъ и т. д.; чтобы убѣдить Сганареля принять на себя леченіе, его колотятъ палками съ двухъ сторонъ. У насъ въ старину скорѣе вѣрили, что доктора — колдуны, а не шарлатаны, и потому причиной, почему, для перевода изъ многихъ комедій Мольера выборъ падъ на «Le Me-

Братья, да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся!
Богъ убо вѣсть — сколько намъ жити:
Нынѣ идемъ купно въ поле,
Убитыми быти, или вздрѣвъ
Съ корыстю быти, а не убити (ы)
Тѣмъ же да будемъ винажъ
Веселіе(ье) радостю нынѣ,
Богъ убо вѣсть, кто доживеть
Въ годъ испити того вина!
Са, са, са, са, са.

Въ эпилогѣ обращеніе къ царю:

«Пресвѣтѣйшій, великий государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ! Яко древле поди всѣ смопы передъ единимъ снопомъ Іосифа кланяхуся, такъ и мы, оставивъ тamerлановъ престоль, кланяемся должно и падъ иницъ на землю, усмиряемся предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но какъ служба, о великий государь, симъ поклономъ нашимъ предъ величествомъ вашимъ и милосердіемъ быти можетъ? Никака ниже на меньшій солнечный градъ (градусъ?). Однакожъ, яко вѣкогда великий Александръ, царь македонскій, со судъ студеної воды отъ единаго отъ рабъ своихъ предъ иными златыми жертвы въ даръ пріяти воспріялъ есть, тако и мы, уповая на превысокую милость вашего царскаго величества, припадаемъ таки смиренно къ подножію престола величествія вашего, упчиженію молище, да ваше царское величество благоволить сю малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще леникучыхъ и несмышеныхъ отрочатъ, всемилостиво воспріяти, иже до изгону (sic) живота нашего пребывающъ вашего царскаго величества смиренные, євріи рабы»....

decin malgoé lui, кажется можно полагать то, что тамъ шутовской элементъ игралъ не послѣднюю роль. Чѣмъ это любили наше предки, тому служатъ доказательствомъ дошедшими до насъ интермедіи начала XVIII вѣка, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются драки и побои. Такой вкусъ господствовалъ у всѣхъ народовъ, когда искусство и литература находились у нихъ во младенчествѣ.

Собирая материалы для исторіи книжной торговли въ Петербургѣ, пишущій эти строки совершенно нечаянно узналъ о дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ пьесъ, игравшихъ на театрѣ великой княжны Натальи. Послѣ смерти ея, всѣ «книги комедіантскія» были отосланы, 28 марта 1717 года, въ Санктпетербургскую типографію и сложены въ амбарѣ вмѣстѣ съ изданіеми ея, которыя не могли помѣститься въ книжной лавкѣ. Амбаръ этотъ стоялъ на Петербургской сторонѣ около крѣпости и его часто заливала водой во времена наводненій; отъ того, а также и отъ коноплянаго масла, положеннаго кстати съ книжнымъ материаломъ, большая часть книгъ, при разборкѣ и осмотрѣ ихъ въ разныя времена, оказывалась негодными. Въ 1723 году вотъ чѣмъ оставалось тамъ отъ театральной библіотеки Натальи Алексѣевны: «Разныхъ комедіантскихъ дѣйствій, письменныхъ, въ поль-дѣсть, въ кожаномъ переплетѣ—2. Такія же письменныя въ бумажномъ переплѣтѣ, въ поль-дѣсть—15 книгъ; дѣйствіе о Георгіѣ и Плакидѣ. Тетрадь письменная въ поль-дѣсть, по которой дѣйствовано въ комедії «О страданіи святыхъ мученикъ Ксенофонта и Маріи»—7 тетрадей; Крисанфа и Даріи — 2 тетради. Адріана и Натальи — 3 тетради; Іоанна — 3 тетради; Евстафія Плакиды — 3 тетради; Павла и Іуляніи — 3 тетради; Искупленіе отъ человѣка паденія его — 3 тетради; Изъявленіе комедіи дѣйствующей отъ ревности православія, тетрадь, печатанная церковными литерами (*). Повѣсти о цесарѣ римскомъ Оттѣ—7 листъ. Да прешелъ С. Петербурга и обрѣтающимся при немъ строеніемъ — полуклеенныя на холстѣ, въ деревянныхъ простыхъ рамкахъ — 3 картины, которыя въ продажѣ бывають по 3 руб. каждая, отъ мышней всѣ понорчены и въ продажу быть негодны..»

Въ описяхъ послѣ 1723 года не встрѣчается болѣе упоминаній сбѣ этихъ пьесахъ, и надо предполагать, что онѣ погибли въ одно изъ наводненій.

Изъ дневника Бергхольца видно, что о представленіяхъ при Дворѣ царицы Прасковы разносились къ знатнымъ афиши самими актерами: одинъ изъ нихъ придумалъ даже извлекать изъ того выгода, вынуждавшая вознагражденіе, за что и паказанъ былъ батога-

(*) Этой театральной пьесы извѣстенъ мнѣ только одинъ экземпляръ въ Румянцовскомъ Музѣѣ, гдѣ онъ значится подъ № 134.

ми. Были ли эти афиши печатные — неизвестно, только должно предполагать, что программы и некоторыхъ изъ старинныхъ театральныхъ пьесъ (называвшіяся въ такомъ случаѣ перечневыми) и различныхъ публичныхъ увеселеній печатались въ тѣ времена съ тю же цѣлью, какъ и нынѣ, т. е. для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представлѣнія.

Намъ удалось видѣть печатную афишу петровскихъ временъ объ одномъ сидачѣ, вѣроятно, о томъ самомъ, про которого рассказывается Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ, что онъ обманулы собравшихся къ нему зрителей первымъ апреlemъ. Въ нашей афишѣ означено, что съ 17 марта будутъ представлѣнія по два раза въ недѣлю. Третій спектакль, такимъ образомъ, дѣйствительно, приходился 1 апраля.

Она напечатана на одной сторонѣ листа, внизу отмѣчено, что вышла въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ, 1719 г. марта 17, и озаглавлена такъ: «Объявленіе о чудномъ мужѣ, его жены вторымъ Сампсономъ нарицаются». Такъ какъ оно можетъ считаться въ своемъ родѣ величайшею библиографическою рѣдкостью, (*) то помѣщаемъ его здѣсь вполнѣ.

«Фама хотя, любопытный читателю, довольно время въ Германіи летала, и много старого и новаго въ свѣтѣ вострубила, однакожъ охотно признаю, что подобныхъ чудныхъ дѣлъ, яко въ недавнѣ въ Лейпцигѣ, и въ Берлинѣ видѣть было, еще никогда не видела. Ибо тамо своими очами видѣла зѣло сильнаго мужа, которые много весьма другаго Сампсона нарицаются, противно воли его, не смотря на то, что онъ отъ иѣкоторыхъ высокихъ потентатовъ такое имя получилъ. Онаго сильнаго мужа силу и крѣпость могу сказать, что можетъ за чудное дѣло причитатца, егда онъ присутствіемъ его королевскаго величества польскаго, таакожъ его королевскаго величества прусскаго и всей его высокой королевской фамиліи и прочихъ знатныхъ духовныхъ и мірскихъ особъ съ великимъ удивленіемъ оказалъ. Онъ же имѣеть прикуріозную (любопытную) компанію, при которой особенно находитца англіянская танцовальная мастерица, которой въ Европѣ въ танцовани и въ прыганїи по веревкамъ еще подобной не нашлось. А для лутчего изъясненія о силѣ того мужа, здѣ иѣкоторыя штуки кратко объявляются:

1.

Подымаетъ онъ пушку отъ 2000 до 2500 фунтовъ тяжелую однорукую, на которой барабанщика съ барабаномъ или съ иными

(*) Видѣть одинъ только корректурный экземпляръ.

какимъ инструментомъ посадить. Опую пушку толь долго поднявъ держить, пока другою рукою про здравіе господъ смотрителей рюмку вина выпьетъ.

2.

Двухъ или трехъ сильныхъ лошадей припрегаетъ къ себѣ, которые хотя всѣми силами тащутъ, однакожъ съ мѣста сволочь не смогутъ.

3.

Канатъ перерываетъ своими обѣими руками, котораго двѣ лошади перервать не могутъ.

4.

Ложитца онъ на два стула, а именно голову на одинъ стулъ, а ноги на другой, и велитъ на тѣло свое стать 5 или 6 человѣкомъ самыми тяжелыми, которыхъ на себѣ держить, вимало не угибаюсь.

5.

Подымаетъ лошадь одною рукою, на которой человѣкъ или два силы либъ и до тѣхъ мѣсть поднявъ держить, пока вина рюмку выпьетъ.

6.

Наковальню отъ 500 до 600 фунтовъ тягостію, постановляеть себѣ на грудь и заставить на ней двухъ кузнецовыхъ пруть желѣзной разбить.

7.

Ляжетъ на землю и велитъ на себя двумъ тяжелымъ человѣкамъ стать, съ которыми онъ встаетъ, и станетъ на стулъ, которой на столѣ стоитъ.

8.

Подымаетъ отъ 10 или 12 человѣкъ самыхъ тяжелыхъ, и подавъ одною рукою толь долго держигъ, пока рюмку выпьетъ вина.

9.

Желѣзной гвоздь, въ футъ длиною, а въ дуплю ширину, сверть, какъ пыжевникъ.

10.

Скамью возьметъ въ 18 футовъ длиною за одинъ конецъ ртомъ (зубами), а на другой конецъ стулъ поставитъ, которую отъ земли десять футовъ вверхъ подымаетъ.

II.

Возьметъ палку въ ротъ (зубы) и велитъ двумъ самымъ сильнымъ людямъ тянуть, которую не могутъ у него изо-рту вытянуть вонъ.

Господамъ охотникамъ къ ловли объявляется, что едъ можетъ фузью зарядить, изъ которой на тысячу шаговъ, а изъ цистолета на 500 шаговъ выстрѣлить, и сколько долго ружье годно будетъ, всегда такимъ образомъ стрѣлять мочено. Ежели кто охотники похотятъ сего видѣть, оные имѣютъ платить послѣдующую плату, а именно: за первое мѣсто полтицу, за другое десять алтынъ, а въ третьемъ или въ послѣднемъ пять алтынъ, а дѣйство сіе будетъ сего марта 17 дня (и впрель по дважды въ недѣлю) 3 часа по полууди отправляться. А дѣйства сіи показаны будуть въ домѣ томъ, гдѣ прежде сего игрывались комедіи».

Изъ этого объявленія видно, что афиша петровскихъ временъ, какъ по искусству заманивать зрителей, такъ и дорожившъ мѣсть (принимая въ разсчетъ тогдашнюю цѣнность денегъ), едва ли можетъ стоять ниже произведеній подобного рода нашего времени.

II. ПЕКАРСКІЙ.

ЧУДО «МОРСКАГО СБОРНИКА».

Литература, этотъ двигатель народнаго просвѣщенія и народной нравственности, въ глухой и темной провинціи производить явленія, которыхъ въроне встрѣтишь въ просвѣщенной столицѣ, для которой нѣтъ ничего удивительнаго и новаго. Провинція, со всей своей оригинальностью, со всей отрицательной (къ несчастію, преобладающей) стороной своего быта, сохраняетъ однакожъ родъ дѣвственности, какое-то свойство, подобное плодородной, не тронутой еще и покрытой дикимъ зелемъ, почвы. Всякое зерно правды, брошенное съ чистымъ и святымъ желаніемъ добра, найдеть на этомъ дикомъ полѣ юстечко, на которомъ придется, взойдеть и дасть плодъ, достойный зерна. А сколько зеренъ закинеть вътерь на камни, дороги или безплодную почву! какъ мало ихъ восходитъ! но чѣмъ рѣже, тѣмъ драгоценнѣе должны быть эти всходы.

Объ одномъ изъ такихъ явленій, вѣроятно не единственномъ, я хочу разсказать благосклоннымъ читателямъ, а потому прошу со снисходительнымъ терпѣніемъ дочитать до конца небольшой рассказъ этотъ.

Въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Русскаго Царства, на краинеи рубежѣ Европы, есть городъ, весьма важный въ административномъ значеніи, весьмъ тѣломъ своимъ стоящий на землѣ европейской, но протянувшій руку свою на азіатскій берегъ пограничной рѣки, для принятія обмѣна богатыхъ каравановъ Хивы, Бухары и Кокана. Коренное, весьма

немногочисленное население этого города не поднялось по лѣтнициѣ общественного быта выше мѣщанства; благородное же слово его состоитъ почти исключительно изъ чиновниковъ, прибывающихъ сюда изъ столицы и прочихъ концовъ государства, для разнаго рода административной дѣятельности, какъ гражданской, такъ и военной. За то ужъ какихъ тамъ нѣть чиновниковъ! На первомъ планѣ, конечно, гг. военные, и впереди ихъ адъютанты, преимущественно изъ гусаръ: гусары, извѣстно, народъ разбитной и храбрый. И Собрание Благородное есть въ этомъ богоспасаемомъ градѣ, гдѣ широкое поле развернуться имъ широкой натурѣ. Хотя нѣкоторые провинціальные вольнодумцы и пошептываютъ, что они изъ Собрания дѣлаютъ манежъ, но все это нѣйдетъ къ дѣлу. Дѣло начинается съ того, что въ этотъ городъ житейская волна забросила майора Нурку, десницѣ которого судьба ввѣрила, ежели не жизнь и смерть, то по крайней мѣрѣ счастіе и несчастіе цѣлой тысячи людей. Шуточное дѣло! счастіе цѣлой тысячи, когда часто труды цѣлой тысячи не сдѣлаются и одного счастливаго. Но посмотримъ, какъ былъ подготовленъ герой нашъ къ такому высокому посту.

Воспитанія и образованія, этихъ двухъ пріуготовительныхъ пособій къ гражданскому служенію, онъ не получилъ блестательнаго. Сынъ бѣднаго отставнаго офицера, которыхъ называютъ у насъ *бурбонами*, едва ли не раньше 10-ти лѣтнаго возраста отданъ былъ онъ для воспитанія и образованія въ батальонъ военныхъ кантонистовъ, гдѣ выучился грамотѣ и военному артиллерию, а затѣмъ вышелъ на дѣйствительную въ Учебный Карабинерный полкъ: при помощи правъ, переданныхъ ему отцомъ, еще болѣе при помощи крѣпкаго здоровья и безпримѣрнаго усердія, дослужился Нурка до офицерскаго чина, и далѣе въ томъ же полку проходилъ всѣ оберъ-офицерскія степени до маіора. Всѣмъ военнымъ извѣстно, чѣмъ такое Карабинерный полкъ, и мнѣ остается только прибавить, что герой нашъ сталъ въ полномъ значеніи *солдатской косточкой*. Этотъ терминъ вѣ требуетъ объясненія для военныхъ, для непосвященныхъ же скажемъ, что простой, здравый смыслъ русскаго солдата запечатлѣлъ этимъ словомъ всѣ злоупоребленія, къ которымъ ведетъ дурно понятая обязанность начальника. Къ несчастію, не смотря на мѣры самой примѣрной строгости правительства, съ оте-

ческою любовью пекущагося о благѣ солдата, эти солдатскія косточки въ прежнее время не были рѣдки въ нашей арміи.

Чтобы рельефъ выставить всю важность ихъ злоупотреблений, стоять только взглянуть въ инструкціи, даваемыя начальниками. Для примѣра вышишемъ здѣсь первый пунктъ, изданыхъ по Высочайшему повелѣнію правиль о приемѣ рекрутъ въ военную службу:

«Поступая въ военную службу, рекрутъ переселяется иногда за тысячи верстъ, въ климатъ ему непривычный; совершиенно измѣняетъ родъ занятій, привычки, одежду, а нерѣдко и свойство пищи; при томъ, надо лго покидая родину, разрывая связи семейныя, онъ, собственно, скорбитъ и тоскуетъ въ первое время службы. Всѣ эти ощущенія переноситъ рекрутъ по большей части въ юномъ возрастѣ, съ тѣломъ еще несовершенно окрѣпшемъ, а потому легко подвергается началамъ недуговъ и физическихъ и нравственныхъ.»

«Только особеною попечительностію и постоянною заботливостью со стороны начальниковъ, сберегается рекрутъ отъ развѣтія означенныхъ гибельныхъ началь, пріучается мало по малу къ новому своему положенію и дѣлается наконецъ настоящимъ солдатомъ.»

Этого, полагаю, довольно для того, чтобы выказать всю отеческую заботливость правительства и его попечительность о солдатѣ.

Сослуживецъ майора Нурки, подполковникъ Травка, былъ человѣкъ вполнѣ достойный. Наслѣдіе предковъ—честная, прямая душа,—благородное, сочувствующее добру сердце, за тѣмъ заслуга и уваженіе перешли къ нему отъ отца и дѣда безъ ущерба въ полной нераздѣльности и вѣроятно наслѣдство это было признано въ Палатѣ Гражданскаго Суда законымъ, потому что онъ и понынѣ жилъ имъ мирно и покойно. Родъ подполковника былъ чисто русскій; а ежели бы кто и желалъ искать въ немъ инонлеменного элемента, то долженъ бы пошарить между потомками Ермака, или Кучума, а ужъ никакъ не во французскомъ гербовнике. Дѣдъ и отецъ его хотя занимали очень высокія степени общественной лѣстницы, но всю жизнь провели въ провинціи. Самъ же подполковникъ, избравъ тоже наслѣдственную въ родѣ военную карьеру, прошелъ черезъ Военную Академію. Таковъ былъ нашъ другой герой, который вслѣдствіе жизненныхъ треволненій очутился въ томъ же богоспасаемомъ, хо-

ти не родномъ ему, городѣ, гдѣ господа адъютанты гарновали въ залѣ Благороднаго Собрания, иgdѣ благоденствовалъ майоръ.

Какихъ чудесъ не дѣлаютъ предписанія. Разъ начальникъ прїѣхалъ въ ротную кухню, щи ему не понравились,—супруга и дѣти ротнаго командира очень любили хороший ростбифъ,—начальникъ и пишетъ: «такого то числа я замѣтилъ, что въ ротахъ пищевареніе не исправно. Поставляя сіе на видъ ротнымъ командинамъ, строжайше предписываю обратить на сей предметъ особенное вниманіе подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія»,—и въ ротахъ послѣ этого цѣлую цѣлью варили щи съ говядиной.

Другой разъ одному очень толстому поручику строжайще предписано было на другой день въ десять часовъ утра явиться къ баталіонному командиру безъ брюха, и дѣйствительно поручикъ на другой день явился тощій, какъ будто возсталъ изъ гроба.

Предисланіе этостолкнуло впервые майора съ подполковникомъ. Сблизившись по службѣ, дѣло дошло и до знакомства, майоръ счелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе старшему, и сдѣлалъ визитъ. Подполковникъ же, какъ человѣкъ порядочный и деликатный, заплатилъ ему тѣмъ же. Майоръ и подполковникъ имѣли имя и отчество, въ чемъ никто, вѣроятно, не сомнѣвается; майора величали Тимофеемъ Петровичемъ, а подполковника Алексѣемъ Яковлевичемъ. У Алексѣя Яковлевича была жена Полипа Евгениевна, отличная, смѣрная, вселѣдствіе развитія, и по добротѣ сердечной. Все это дѣлало домъ ихъ весьма отраднымъ явленіемъ въ провинціи.

Сначала подполковникъ былъ не радъ знакомству съ майоромъ, но когда увидѣлъ, что увернуться нельзя ни какимъ образомъ, то, какъ человѣкъ благородный и доброй воли, искусился мыслью: нельзя ли какъ нибудь и сколько нибудь исправить майора?

Алексѣй Яковличъ принялъ за дѣло со всею энергией, какую возбуждаетъ въ добромъ сердцѣ стонъ цѣлой тысячи людей; но не тутъ то было: майоръ неподдавался, на всѣ враждебныя покушенія онъ оставался твердъ и непоколебимъ; разъ даже подполковникъ чуть чуть еще болѣе не испортилъ дѣла.

Майоръ, кромѣ Устава, изданного въ 1807 году, и исправно, собственоручно имъ дополняемаго, согласно измѣненіямъ, какія послѣдовали, какъ подобаетъ хорошему служивому, нечитывалъ

ВО ВСЮ ЖИЗНЬ ми одной книжки, во тѣмъ временіе царицъ оже-
сточеннюю пенависть ко всѣмъ пишущимъ. Не весьма благозвуч-
ными именами честилъ онъ гг. литераторовъ и всегда, когда слу-
чалось ему быть свидѣтелемъ разговора, касающагося литера-
туры, вмѣшивался съ сентенціей: «Ей Богу, дали бы только
право, всѣхъ бы пересѣкъ этихъ щелкоперовъ, бумагу только
изводить, да людей мутять своими побасенками; за Уставъ офи-
церовъ и загнать нельзя, все читаютъ эти тамъ романы да по-
вѣсти; куда не взглянешь, все Булгаринъ да Соллогубъ; а Сол-
логубъ то вѣдь еще графъ, сіятельный, стыдно бы, кажется,
ему глупости писать!» Побольшай части, впрочемъ, негодованіе
майора противъ литераторовъ изливалось болѣе рѣзкимъ краспо-
рѣчіемъ, отъ котораго мы освободимъ читателей.

Подполковникъ быль противоположнаго мнѣнія, и думалъ,
что чтеніе можетъ заронить въ душу майора хоть маленькую
искру правды, которая со временемъ, можетъ быть, разгорится и
озарить темпую пучину души его. Всѣ книги, которыхъ могли
способствовать нравственному усовершенствованію майора, бы-
ли предлагаемы ему подполковникомъ, который бралъ съ него
честное слово, что онъ непремѣнно ихъ прочтетъ. Разъ какъ-
то, онъ далъ ему Лермонтова. Не любя литературы вообще,
майоръ не любилъ и поэзіи, но кажется для сти-
ховъ имѣлъ нѣсколько снисходительности, считая-ли ихъ менѣе
прозы вредныи или такъ ужъ, изящества ради, подобно тому,
какъ въ ружейныхъ пріемахъ допускалъ онъ хватку съ вывер-
тожъ, тоже ради изящества, хотя въ ущербъ нравиламъ. Есть
даже поводъ думать, что онъ имѣлъ тайное расположение къ
стихамъ. Извѣстно, что всякий человѣкъ имѣть минуты вдох-
новенія, когда на душѣ у него дѣлается свѣтло и тепло. Въ
эти минуты миришься съ жизнью, безъ злобы смотришь па
товарища, обогнавшаго тебя чиномъ, и такія минуты из-
ливаются часто задушевной пѣсенкой. И майоръ имѣлъ такія
минуты; тогда онъ обыкновенно расхаживалъ большими шагами
по комнатѣ и голосомъ, составлявшимъ средину между деклама-
ціей и напѣвомъ, повторялъ:

«Нашъ полковникъ при полку,
Куритъ трубку табаку.»

Что онъ глубоко чувствовалъ прелестъ этого двустишія, до-
казывалъ его жестъ, движение вокругъ лѣвой ногой и правой ру-
кой, по рекрутской школѣ составляющей первый пріемъ вольнаго

учебного шага, а что онъ и смыслъ его понималъ такъ же глубоко, доказывала варяція:

«Нашъ полковникъ предъ полкомъ,
Курить трубку съ табакомъ.»

и кажется что это послѣдняя форма ему еще болѣе нравилась, потому что риema ее подходила подъ многія исполнительныя команды:

Онъ, гомъ, на лѣво кругомъ,
Курить трубку съ табакомъ.

кончалъ майоръ уже съ пѣкоторымъ экстазомъ....

Но несмотря на предпочтеніе къ стихамъ, въ сочиненіи Лермонтова прежде всего обратило его вниманіе проза, ради заглавія своего: Герой нашего времени «А, вѣрно про Севастополь описываютъ?» подумалъ майоръ и съ патріотическимъ чувствомъ началъ читать хорошо знакомую читателю повѣсть. Около половины ея онъ только догадался, что дѣло идетъ не о Севастополѣ. Майоръ вскочилъ, бросилъ книгу на полъ, плонулся, и завопилъ: «Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ, все это пакость, а еще въ офицерскомъ мундирѣ нарисованъ!»

— Вѣстовой, отнеси эти книги подполковнику Травкѣ, и скажи, что я ихъ не хочу читать, новдругъ спохватившись, майоръ прибавилъ:—скажи, что я ихъ не могу окончить, понимаешь: не могу окончать.

— Слушаю-сь, ваше высокоблагородіе, и выставивъ правую ногу впередъ, вѣстовой повернулся съ быстротой флюгера.

Въ тотъ же вечеръ, майоръ отправился къ подполковнику, почувствовавъ, что поступилъ неучтиво со старшимъ, хотя подполковнику и въ голову не приходило, какая борьба совершилась въ душѣ майора.

— Здравствуйте, Тимофей Петровичъ, говорилъ подполковникъ входящему майору:—добро пожаловать, хоть вы и неудачное выбрали время, потому что мнѣ нужноѣхать къ Крючко-хвостову, но съ полчасика посидимте вмѣстѣ; садитесь пожалуста.

Майоръ сѣлъ, но съ видимымъ волненіемъ.

— Что съ вами, Тимофей Петровичъ? спросилъ хозяинъ, замѣтивъ ненормальное состояніе гостя:— ужъ не случилось ли чего въ батальонѣ?

— Никакъ нѣтъ-сь, ничего съ; все обстоитъ благополучно-сь,

благодареніе Господу-съ, а я такъ-съ, къ вамъ Алексѣй Яков-
личъ, на счетъ то есть литературы зашель, отвѣчаль майоръ.

— Да, перебилъ подполковникъ, непонимая настоящаго смы-
сла словъ гостя:—отчего это вы отослали Лермонтова? вѣстовой
сказаль, что вы не можете его окончить. Чѣмъ же вамъ помѣ-
шало.

— Виноватъ, запинаясь началь майоръ:—можеть быть я пе-
редъ вами невѣжество, то есть, сдѣлалъ, но ужъ, извините-съ,
Алексѣй Яковличъ, а ужъ такого разврата я въ домѣ моемъ по-
терпѣть не могу, — тридцать-два года на службѣ-съ.

— Э, э, э, игриво перебилъ хозяинъ, все таки непонимая
майора; — ай да Тимофей Петровичъ, черкешенка въ книгѣ
кровь вскиптила, а чѣмъ было бы, если бы вы увидали жи-
вую красотку, а! Тимофей Петровичъ?

Майоръ былъ совершенно озадаченъ такимъ неожиданнымъ
возваніемъ и въ свою очередь ровно ничего не понялъ.

— Чѣмъ вы изволите говорить? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Ато, что вы этакъ, зечеркомъ, начитались стиховъ, Тамару,
напримѣръ, Дэры Терека, а кровь то въ васъ и повзывалаась,
а вы какъ человѣкъ солидный и благочестивый, и разсердились
на Лермонтова... признайтесь?

Майоръ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и скрчилъ гримасу.
Онъ продолжалъ уже съ мѣньшимъ азартомъ.

— Никакъ нѣть-съ, я стиховъ-съ и не читалъ, а хотѣлъ
было узнать, что такое это за герой нашего времени, думаль,
что тутъ описываютъ, какъ ваши француза и агличана бывать,
какъ некрещенаго турку отправляютъ къ чорту; а тутъ просто
одинъ развратъ.

— Да что такое, скажите, ради Бога, я пе понимаю при-
чины вашего неудовольствія.

— И, полноте-съ, Алексѣй Яковличъ, вѣдь сами изволите
знатъ, какія тамъ вещи напечатаны.—Да это ужъ воля ваша,
намъ штабъ-офицерамъ и въ дому-стъ держать не приходится.

— Да что же такое, перебилъ хозяинъ, терявшій уже
терпѣніе, но все еще крѣпившійся, чтобы не оскорбить гостя.

— Да какъ что такое! началь съ живостью майоръ: — ког-
да пришелъ капитанъ къ этому мерзавцу Печорину и говорить:
подайте вашу шпагу, онъ и не всталъ съ дивана передъ начальникомъ — а говорить денъщику: Мишка, подай шпагу —
ну, да ужъ воля ваша, я бъ ужъ такого разврата не стерпѣлъ —

ужь бы дуагу погубиль, а не стериль бы отего. И это позволяютъ печатать! продолжать-майоръ съ новыи ясаромъ: — и это написалъ офицеръ!!

Подполковнику вдругъ все стало ясно, но онъ молчалъ, чтобы не раздражать еще болѣе оскорбленного майора, который снова началъ:

— Нѣть того, чтобы маршировать съ козырцемъ-сь, а туда же писать стихи!.. Охъ ужь мнѣ эти стихи! Намедни приходитъ ко мнѣ прaporщикъ Шпитюрка, знаете толь, что на такомъ шагу всегда подымается на носокъ стоящей ноги,—приходитъ и говоритъ: «господинъ майоръ, я написалъ стихи къ Шарлотѣ Ивановнѣ», къ Шарлотѣ Ивановнѣ, знаете, что жила прежде у стряпчаго, а теперь перешла къ контролеру; «извольте прочитать ихъ и благоволите отправить въ Петербургъ, чтобы тамъ въ газетахъ напечатали»—и чего тамъ не было въ этихъ стихахъ!.. — и волоса алмазные, и глаза херубиновые и груди бѣлныя, какъ аммуниція на смотру, и чортъ знаетъ чего не написалъ. Я ему и говорю: «попольвой, а то я тебѣ такие стихи задамъ, что ты во весь вѣкъ и руки не подымешь.» А онъ мальчишка негодяй въ толь же самый дѣп и пишеть мнѣ рапортъ, что онъ.... да вотъ онъ со мною, — неугодно ли посмотреть?

Майоръ вынулъ изъ бокового кармана листъ, сложенный по формѣ, и подалъ подполковнику, который прочиталъ:

«Командиру такого-то батальона, генералу майору и кавалеру Нурѣ.

*Оналожъ батальона, 2-й роты прaporщика Шпитюркина
Рапортъ.*

Сочинивъ поэтическое произведеніе къ Шарлотѣ Ивановнѣ, я честь имѣю просить ваше высокоблагородіе, отправить оное въ г. С.-Петербургъ, дабы оное напечатано было въ Сѣверной Пчелѣ или въ Сынѣ Отечества, яко завѣдомо мнѣ, что газеты сіи паibолѣ печатаютъ сочиненія патріотическія.»

Подполковникъ, не дочитавъ до конца, разразился самымъ добродушнымъ смѣхомъ, чтѣ было немного непріятно майору.

— Ну что же вы отвѣтили Шпитюркѣ на этотъ рапортъ?

— Я его пока посадилъ на гаубвахту *впередъ до приказанія*, а пріѣдетъ полковой командиръ, непремѣнно настой, чтобы отдали подъ судъ мальчишку.

— Но что же это за стихи? гдѣ они? покажите мнѣ ихъ.

— Да что стихи, все равно какое ни есть, а под судъ подадеть непремѣнно! какъ смѣль писать стихи! Нѣтъ ужъ, слуга вашъ покорный, Алексѣй Яковличъ, а ужъ въ вашихъ книжкахъ проку мало; только что глаза портишь, да изъ сердца выходишь.

Подполковникъ увидѣлъ, что дѣло испорчено на долго, и что злой духъ Печорина помѣшалъ этому добромъ дѣлу; чтобы не раздражать болѣе майора, хозяинъ рѣшился отправиться къ Крючкохвостову, а майора передалъ на попеченіе супруги своей Полинѣ Евгеньевны.

— Вы сегодня производили ученіе? спросила у него подполковница. Исаімопѣніе не веселило такъ души царя Давида, какъ разговоръ объ ученіяхъ веселилъ майорскую душу.

— Какъ-же-съ, съ живостью подхватилъ майоръ:—сначала покойцемъ продѣлали пріемы всѣмъ батальономъ, а потомъ съ разомкнутыми шеренгами, тихимъ шажкомъ—съ землю поласкали.

Полина Евгеньевна закусила губы.

— Досадно, продолжалъ майоръ:—завтра же *коимъ* въ карауль, а то время славное какъ нарочно Богъ даетъ для ученья, поляночка сухая, ровная, точно скатерь, только знай, что подъигрывай посочкомъ... Да-съ, за пынѣшній смотръ я *долженъ* благодарность получить, за то ужъ и помаялся. Здаровкаются, какъ одинъ, такъ вотъ всякое слово разберешь: «Здравія желаю, ваше превосходительство...» майоръ произнесъ фразу отчетливо, удаляя на каждомъ словѣ.—Нѣтъ того, какъ у другихъ этакъ, ооооооо, точно бараны ревутъ, а не начальника встрѣчаютъ; видѣ тоже у солдатъ чего стоять, веселый, въ особенности въ первой шеренгѣ; а ужъ, я вамъ скажу, чтобы пріучить ихъ веселѣе глядѣть: мало въ нихъ этой добродѣтели, чтобы на начальника веселѣе глядѣли, а это первое дѣло, сами разсудить изволите. Подъѣзжаетъ начальникъ къ фронту: видишь, одинъ смотритъ, будто съѣсть его хочетъ, а остальные бабами, то есть этакъ безъ всякаго виду, вотъ начальнику и непонравится, а тамъ ужъ все и пропало: извѣстно, отъ первой встрѣчи смотрѣ разрѣшается.

Полина Евгеньевна улыбнулась.

Майоръ продолжалъ:

— У меня больше въ третьей ротѣ, все этакія бабы, туфлики, то есть образа человѣческаго въ нихъ нѣтъ; а ты этакъ подойдешь къ которомунибудь изъ нихъ, да съ подходитцемъ въ зубы и тюк-

иши (майоръ сдѣлалъ приличный смыслу жестъ), да прикажешь: *веселъе смотри, веселъе сук...* веселъе смотри, мерзавецъ, вотъ онъ тебѣ и выпрямится, молодецъ молодцемъ станетъ, настоящій солдатъ. Да еще не надѣялсякимъ кротостью и возьмешь! Вотъ, тепериче-съ, въ 1-й ротѣ есть у меня рядовой Малопугаевъ, вотъ ты съ пимъ хотѣ чорта съѣшь, такъ ничего не сдѣлаешь, стонти себѣ ровно швабра въ въ, то есть, изволите видѣть, въ цейхгаузѣ, замявши пѣсколько прибавилъ майоръ.— Вотъ-съ я тоже скажу, что солдаты отъ лѣнности часто въ гошпитали бѣгаютъ. Я безъ себя не веду пускать въ гошпиталь...

— Ну, а если солдатъ дѣйствительно боленъ? возразила Полина Евгеньевна, такъ только, чтобы сказать что нибудь.

— Знаю я солдатскую болѣзнь! все мошенники, такъ и норовятъ какъ бы отъ службы бѣгать, а въ госпиталь рады здоровыхъ принимать, да и пишутъ потомъ, что вылечили.

— Однако же, много солдатъ умираютъ, перебила Полина Евгеньевна, желая разговоръ отклонить отъ веселаго взгляда солдатъ.

— Вотъ недавно, недѣли двѣ — три, привели билетныхъ комѣ въ батальонъ; одинъ бестія выходитъ и говоритъ: «Я, ваше высокоблагородіе, къ службѣ не способенъ, сдѣлайте Божескую милость, пустите меня, у меня жена старуха больная, да два внучка безъ призрѣнія остались; прикажите меня освидѣтельствовать, ноги совсѣмъ высохли, ходить нѣту мочи». А онъ солдатъ совсѣмъ здоровый, даромъ, что сѣдой и старый, его начальство прислало на службу, значить здоровъ, а служить не хочешь, такъ ужъ наше дѣло заставить. Но я все-таки говорю доктору: «осмотрите, Христіанъ Капутовичъ», хоть и знаю, что онъ, дуракъ, ничего не смыслитъ. Вотъ онъ и смотрѣть и вертить его и такъ и слѣдить и слушаетъ и нюхаетъ, я ужъ и вижу, что онъ ничего не понимаетъ.

«— Неспособенъ, говоритъ, Тимофей Яковличъ, по положенію о неспособныхъ, его слѣдуетъ назначить въ IV разрядъ.

«— Врешь, братъ, я думаю себѣ:—самъ ты неспособенъ, онъ значитъ способенъ, коли начальство на службу назначило, и говорю: пу-ка, становись, руки по швамъ. Онъ всталъ какъ слѣдуетъ, а я ему командую: тихимъ шагомъ, маршъ.

«— Не могу, ваше высокоблагородіе, ноги, говорить, не подымаются.

«— Скорымъ, шагомъ, маршъ.

«— Не могу, говорить, ваше высокоблагородие.

«— Ну, бѣглымъ шагомъ маршъ.

«— Не могу ваше высокоблагородие, совсѣмъ мочи нѣтъ.

«— А! въ тебѣ пѣтъ мочи? а вотъ мы сейчасъ посмотримъ.

И задалъ ему встрѣчу-съ.

— Тимофея Петровичъ, вамъ, я думаю, ужинать хочется? сказала Полина Евгеньевна и вышла изъ комнаты.

Майоръ между тѣмъ оправился: поразмѣль плечи, обтянуль, и безъ того безъ морщинки сидѣвшій на немъ сюртукъ, и сталъ помахивать лѣвою ногою.

— Эхъ, старость пришла! нѣтъ страху въ ногѣ, не слушается! и колѣнко не сгибается! подумалъ онъ вздохнувъ.

Полина Евгеньевна возвратились.

— А, я думаю, началь майоръ, посматривая на полъ:—напаркетъ маршировать не ловко, по неволѣ будешь подсѣкать шагъ.

— Да, можно легко поскользнуться и упасть.

— Нѣтъ-съ, возразилъ майоръ,—не упадешь! Вотъ у насъ въ карабинерномъ полку пробовали падать, такъ какъ упадеть, его подъ-оконникомъ и прикроютъ, да сотню и ввалить,—такъ охота и пройдетъ падать. За то и офицеры оттуда выходятъ хороши, а теперь, что за офицеры? одно только званіе носять, да мундиръ марають. Вотъ хоть бы у меня, только всего и есть, что одинъ штабсъ-капитанъ Шванцкугель: у этого и выправка есть, и носокъ и особенно локти хорошо держить; талію, то есть сложеніе, отличное отъ воспитанія получилъ; одно не хорошо, никакъ неможеть привыкнуть командовать, а голосъ у него славный, заносистый; жалко, онъ изъ иностранцевъ, а во всемъ прочемъ то есть примѣрный офицерь. А то вотъ хоть-бы подпоручикъ Тютюшуковъ!.. Что въ немъ? ротъ кривой, никакой показности нѣтъ: его ко мнѣ перевели, самъ просился, а еще полковой командиръ его прежній пишетъ: «Поздравляю васъ, вы берете отличного офицера, воспитывался въ университѣтѣ.»—А я какъ взглянуль на рожу, и думаю себѣ: наградилъ же меня Господь: только что не хромой, да не кривобокий, а то совсѣмъ уродъ! Но исчего сказать, усердія въ немъ много: на ученье, въ караулъ, всегда первый, иной разъ даже раньше моего угодить, да и по хозяйственной части очень заботливый; да этого намъ не нужно, на это артельщикъ есть, а намъ нужна выправка. Начальникъ тебѣ не вѣзеть въ душу да не спросить: «а знаешь ли ты, что въ ротѣ дѣлается?» а пода-

вай ему на смотру выправку... Вотъ и въ прошломъ годѣ, начальникъ дивизіи смотрѣлъ: идеть мой поручикъ передъ взводомъ тихимъ шагомъ, да какъ нужно салютовать и сдѣлать поворотъ, онъ и пригни гогову къ правому плечу, а ноги такъ чортъ знаетъ что у него ужъ дѣлали: носокъ къ верху, какъ будто просить кого нибудь подъ... то есть какъ будто кто нибудь его сзади толкнуть хочетъ. Вотъ мнѣ и выговоръ. «Вы, господинъ майоръ, не наблюдаете за нравственностью офицеровъ, никакой въ никъ образованности нѣть.» Одинъ онъ все дѣло изгадилъ; известно, паршивая овца все стадо портитъ. Но этотъ годѣ, я его покажу больнымъ, пусть его хоть окольется, каналья.

— Да вы сами же говорите, что онъ хороший офицеръ, что исправень, заботится о солдатахъ, отличный хозяинъ... что же за бѣда, что онъ маршируетъ некрасиво? У васъ такія штуки выдѣлываются, что не всякий же способенъ исковеркаться по вашему: ноги въ одну сторону, плечи въ другую, голова въ третью.

— Ну нѣть-съ, съ позволенія вашего-съ позвольте доложить, вы объ этомъ предметѣ, извините, бабье сужденье имѣть изволите. Это не коверканье, а форма ужъ изволите видѣть такая въ восемьдесятъ первомъ параграфѣ, въ двѣнадцатой статьѣ, пятаго отдѣла второй части рекрутской школы сказано такъ; а ужъ коли начальство приказало, то оно значитъ не коверканье а форма-съ... Эхъ, сударыня, возвыся головъ продолжай майоръ со вздохомъ,—эхъ, сударыня, страху Божьяго въ нихъ нѣть, а то всему бы выучиться! Какъ не выучиться!

— Я не знаю, что это со мною, голова ужасно какъ разболѣлась, торопливо сказала хозяйка, замѣтивъ, что майоръ собирается еще говорить. Онъ начинать надоѣдать ей.

— А у меня есть прекрасное лекарство супротивъ головной боли, перебилъ онъ.

— Извините, Тимофей Петровичъ, у меня голова кружится... я пойду.

— Позвольте-съ, подхватилъ майоръ: — лекарство отличное-съ, пробовалъ на себѣ-съ. Надо понюхать сапожного товарища, я пришлю-съ вамъ его сейчасъ же; жаль только, мнѣ въ этомъ году изъ Комисариату совсѣмъ негодный товарищъ отпустили. Педошла трехъ дней не проторпить, ну, а отъ болѣзни всетаки это полезно, оттого, что запахъ силенъ, кислотой несетъ. Я вамъ пришлю сейчасъ же.

— Благодарю васъ, прощайте,—и Полина Евгеньевна вышла изъ комнаты.

— А ей Богу, славная дама! подумалъ майоръ: — сейчасъ видно, что военная! Жаль, что ростомъ не взяла. — Вотъ у моего брата такъ жена по аккуратнѣе: — та сама на экзекуції Ѳэдить; третьяго года тройни родила да и пристаетъ къ мужу: «пиши рапортъ къ министру, награду дадутъ, въ слѣдующій чинъ произведутъ». — А можетъ быть и дали бъ, только бригадный не согласился представлять обь этомъ, потому что были неисправности, по командѣ....

— Ну, другъ мой, сказала Полина Евгеньевна, возвратившемуся мужу, заставилъ-же ты меня вынести пытку! Майоръ этотъ, ужасный человѣкъ, у него просто нѣтъ сердца,—и мнѣ кажется, ты ужасно обманываешься, ежели думаешь, что онъ сколько нибудь исправится. Онъ кровожаденъ.

— Истинно злой человѣкъ, отвѣчалъ подполковникъ: — тотъ, который терзаетъ людей вслѣдствіе врожденной потребности, никогда не хвастается этимъ, а скрываетъ свое безчеловѣчіе. А майоръ хвастаетъ этимъ, какъ ребенокъ шалостью; натура у него, мнѣ кажется, весьма недурная, но правила, которыя онъ всасывалъ въ себя съ дѣтства и укрѣпляя впродолженіе всей жизни, до того заглушили въ немъ это доброе зерно, что онъ его и нечувствуетъ вовсе; теперь до него докопаться трудно... Онъ дикъ, необразованъ, но въ немъ много здраваго смысла и сердце у него незлое.... Хотьбы ты пококетничала съ нимъ, Полина, — можетъ быть онъ влюбился бы въ тебя и сталъ бы по мягче.

— Да онъ, кажется, и такъ влюбленъ въ меня по уши, — смѣясь перебила супруга: — съ какимъ усердiemъ онъ занималъ меня! какие отпускалъ комплименты! — обѣщалъ даже прислать мнѣ лекарства отъ головной боли.

— Какого?

— Подашь пюхать.

Подполковникъ расхохотался.

Онъ однако продолжалъ дѣйствовать на майора. Майоръ крѣпко отстаивалъ свои вѣрованія, но не рѣдко, вслѣдствіе ли непрочности своего принципа, или просто потому что онъ не всегда могъ совладать съ діалектикой, уступалъ подполковнику и молчалъ.

Подполковникъ радовался этому грозному молчанию. «Хорошо думать онъ: — майоръ защитить себя не можетъ; и онъ

на себя злится за это, но потомъ привыкнетъ, станеть обдумывать хладнокровнѣе, а наконецъ можетъ быть по немногу и смягчится.

Но подполковникъ ошибался; на дѣлѣ выходило вовсе не-такъ. Раздраженный и оскорбленный майоръ почти всегда прямо отъ него отправлялся въ батальонъ—и искалъ выхода для своей злобы, хотѣль.

«На свой поруганный алтарь
Повергнуть жертву очищенья»...

или, говоря проще, излить злость свою надъ подчиненными.

Дѣло не подвигалось впередъ, а ставилось день ото дня хуже. Къ счастью неожиданный счастливый случай помогъ подполковнику...

Подполковникъ съ восторгомъ читалъ неофиціальный статьи «Морскаго Сборника» и разсуждалъ такъ: «слава Богу, должно быть общество наше почувствовало потребность разъяснить себѣ многіе вопросы; не дать ли прочесть майору статью Пирогова? По всему вѣроятію, онъ мало пойметъ изъ нее, но слово правды имѣть ту магическую силу, что можетъ вдругъ озарить свѣтомъ своимъ темную голову и пробудить спящую душу.... Онъ даже старался увѣрить себя въ возможности такого явленія фактомъ о Савлѣ, котораго слова, вырвавшіяся изъ глубины души: «Савль, Савль, за что ты меня гонишь?» вдругъ пробудили къ сознанію и изъожесточеннаго гонителя, сдѣлали однимъ изъ величайшихъ мужей христіанства. Но когда увлеченіе подполковника немного поостыло, онъ сообразилъ, что параллель, сдѣланная имъ, довольно смѣшна... Между тѣмъ получена была еще книжка «Морскаго Сборника» со статьей: «Нѣсколько мыслей объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ». Въ этой статьѣ многое подходило къ положенію майора, потому что отношенія старшихъ къ подчиненнымъ и взаимныя обязанности тѣхъ и другихъ одни и тѣ же, — на морѣ и на сушѣ. Подполковникъ не медлилъ и завелъ съ майоромъ рѣчь о «Морскомъ Сборникѣ», не забывъ упомянуть, подъ чьимъ руководствомъ онъ издается.

— Неужели? въ остољбенѣнії произнесъ майоръ.

— Я это знаю навѣрно, повѣрьте мнѣ....

Майоръ долго молчалъ и наконецъ сказалъ:

— А ужъ вы, Алексѣй Яковличъ, дайте мнѣ эту книжку, я ее прочитаю.

Подполковникъ отдалъ книжку майору съ инструкціей, какъ и что ему читать слѣдуетъ.

Возвратясь домой, майоръ сейчасъ же принялъся за чтеніе. Прочитавъ страницъ съ пять, онъ всталъ, походилъ по комнатѣ и потомъ приказалъ вѣстовому, чтобы онъ всемъ говорилъ, что его нѣтъ дома, заперся въ своеемъ кабинетѣ.

Невозможно проникнуть въ кабинетъ майора и подсмотретьъ, что онъ тамъ дѣлаетъ; но еще труднѣе проникнуть въ его душу, и подмѣтить тотъ психической процессъ, который вызванъ былъ въ немъ чтеніемъ, а впечатлѣніе было сильное, потому что и сквозь закрытыя двери комнаты слышны были его беспокойные шаги; иногда какія-то рѣзкія восклицанія долетали даже до отдаленныхъ комнатъ и такіе признаки волненія пугали деньщика и вѣстоваго въ продолженіе всей ночи. Да, майоръ не спалъ всю ночь—первую ночь въ своей жизни.

— Чтобы его разорвало! говорилъ вѣстовому деньщикъ, который терялъ уже терпѣніе въ ожиданіи, когда баринъ позоветъ раздѣвать себя:— завсегда обѣ эту пору дрыхнетъ, бывало, а сегодня точно дѣшій опуталь, мечется у себя въ кабинетѣ; должно быть, на смотрѣ штабъ-начальникъ больно распекъ.

— Да; завтра обѣщалъ всѣхъ перепороть, возразилъ ефрейторъ:— всѣмъ, говорить, по пятисотъ розогъ закатаю, и розги вѣльмъ въ соленой водѣ вымо치ть,—небось, еще поѣдетъ смотрѣть ночью.

— То-то его холера и корчить, началь было деньщикъ.... но снова какой-то рѣзкій звукъ долетѣль до нихъ и они оба вытянулись въ струнку....

Чтобы читателю не показалось страннымъ, отчего это вдругъ стало майора корчить, какъ выразился деньщикъ его, намъ надо сказать два слова, о той сторонѣ майоровской натуры, которой до сихъ поръ въ немъ и не подозрѣвали. Подполковникъ, говоря женѣ, что у майора добрая натура, не ошибался вовсе. Натура дала ему не только много доброты, но надѣлила его такой твердой волей, которая, при хорошемъ направленіи и при умственномъ развитіи, могла бы сдѣлать его человѣкомъ весьма замѣчательнымъ. Съ самого дѣтства очутившись среди грубаго и дикаго невѣжества, онъ повѣрилъ, что все такъ быть должно какъ есть, что исполнять все это требуетъ его долгъ, его честь,—и всѣ богатства его натуры пошли на постройку этого уродливаго нравственнаго зданія.

Но еще въ немъ, въ десятилѣтнемъ ребячкѣ, безсознательно возмущалась душа противъ грубаго и звѣрскаго быта его окружавшаго; человѣческія инстинкты громко говорили ему, что это все ложь изло; онъ мучился долго, наконецъ сломился:—сила солому ломить; слезы высохли и онъ примирился со всѣмъ и очерствѣлъ.

Недавно же еще наши журналы повторили изумительный фактъ, встрѣчающійся недавно въ Индіи, что мальчики, пожицаемые волками, становятся настоящими волченками: лишаются слова, бѣгаютъ на четверенкахъ и ёдятъ сырое мясо. Тоже явленіе повторилось съ майоромъ. Правила, внушенные ему, вривились къ нему такъ сильно, такъ крѣпко врѣзались въ его душу, что сдѣлались второю его природою.... Можнo себѣ представить послѣ этого какую страшную ломку произвело въ майорѣ чтеніе статьи «Морскаго Сборника», вдругъ пробудившей въ немъ всѣ заглохшіе человѣческія инстинкты....

Но, оставимъ покуда майора въ его кабинетѣ.

О надеждахъ, какія возлагалъ онъ на смотръ, известно читателю изъ его собственныхъ словъ, ежели онъ не забылъ его разговора съ Полиною Евгеньевной; но что обыкновеніе на свѣтѣ обманутой надежды? Дѣйствительно, смотръ былъ отвратительный: не только вторая и третья, даже первая шеренга завалила въ серединѣ, когда батальонъ шелъ впередъ тихимъ шагомъ. Шпилюрка, какъ на зло, еще больше поднималася на носокъ стоящей ноги, Тютюшуковъ, котораго по недостатку офицеровъ майору нельзя было показать больнымъ, былъ ужъ вовсе никуда не годенъ: — правое ухо точно приросло къ зполету, а ногами онъ выдѣльвалъ такія штуки, что его превосходительство изволили выразиться про него: «настоящій козелъ». Самъ даже майоръ оступился какъ-то на совершенно гладкомъ мѣстѣ, — просто несчастіе этого дня и представить нельзя. Его превосходительство были очень недовольны а къ доворщенію всего, когда опрашивали претензіи, и когда солдаты громогласно отвѣчали: «довольны, ваше превосходительство, получаемъ, ваше превосходительство» и т. д., вынеси чортъ проклятаго Шпилюрку съ жалобой, что майоръ не хочетъ послать въ печать его поэтическаго творенія.

Когда генераль разсерженый всѣмъ этимъ уѣхалъ, майоръ скомандовалъ только: смирио! и прибавиль: «завтра всѣмъ по пятисотъ розогъ.» Потомъ, отведя батальонъ въ казарму, приказалъ, дѣйствительно, какъ передалъ вѣстовой, всѣ ротные

котлы, кадки и бочки наполнить розгами и намочить ихъ въ-соловьиной водѣ.

Солдатики пощучивали, да посыпывались: «завтра никакъ париться будемъ», говорили, — ишь вѣничковъ что наготовили», и, спокойно провозившись остальную часть дня, еще спокойнѣе уснули.

На другой день солнце свѣтило ярко, обливая міръ Божій своимъ свѣтломъ и теплотою. Казалось невозможнымъ, чтобы въ такой веселый, ясный день могло быть кому-нибудь тяжело и горько....

Солдатики встали вскорѣ послѣ солнечнаго восхода. На ихъ лицахъ выражалась тупая покорность; не было ни шутокъ, ни говору. Еще до пяти часовъ весь батальонъ выстроился на площадкѣ за казармами.

По срединѣ роты лежали кучи соменныхъ розгъ, по шеренгамъ бѣгали фельдфебели и унтеръ-офицеры. Офицеры, вѣвая и потягиваясь, стояли толпой въ нѣкоторомъ отдаленіи, равнодушно разговаривая между собою. Одинъ только штабсъ-капитанъ Шванцкугель состязался съ фельдфебелями въ исправности и усердіи.

Часовой далъ знать, что майоръ идетъ, и видно было, какъ по всемъ пробѣжала дрожь, какъ у многихъ подкосились колѣни.

Шванцкугель бросился къ майору съ подобострастною улыбкою, докладывая, что вчерашнее приказаніе его исполнено въ строгой точности, что онъ самъ три раза приходилъ ночью посмотретьъ, не сливаются ли эти мошенники соленую воду.

— Г. штабсъ-капитанъ ваше мѣсто при ротѣ, сухо отвѣчалъ на это майоръ.

Шванцкугель осталбенѣлъ отъ изумленія и испуга.

Майоръшелъ широкимъ и твердымъ шагомъ, съ лицомъ пасмурнымъ и грознымъ; всегда мрачное и строгое лицо его, въ эту минуту казалось еще строже и мрачнѣе; глаза его были немного красны, а на лбу и около губъ казалось еще прибавилось нѣсколько морщинъ.

Выйдя передъ роты, майоръ отвернулся отъ кучи розокъ и скомандовалъ, не оборачиваясь къ батальону:

— Шагомъ, маршъ!

Когда роты подвинулись шаговъ на тридцать, майоръ вскрикнулъ:

— Стой... на лѣво и на право, заходи, маршъ!...

— Спасибо вамъ, братцы, а мотръ вчерашній, началь майоръ голосомъ твердымъ, но гораздо мягче обыкновеннаго: — усердія вашего было много; я видѣлъ и знаю, какъ три мѣсяца вы трудились; ну теперь, слава Богу, кончили, надо отдохнуть немножкѣ. Еще разъ спасибо вамъ.

— Ради стараться, ваше высокоблагородіе, нерѣшительно и недовѣрчиво отвѣчали солдаты.

— Две недѣли, продолжалъ майоръ: — не будетъ никакихъ ученій, отдохните, оправьтесь, осмотритесь хорошенько, все ли у васъ въ исправности. Кто не получилъ еще всѣхъ годовыхъ вещей, пусть скажетъ мнѣ завтра, когда я буду въ казармахъ; только смотри, братцы, говори всякий, кому что недодано, я буду смотрѣть послѣ, все ли у васъ на лицо. Да чтобы у меня налостей никакихъ не было, понимаете; поотдохните, да похозяйничайте около себя, а тамъ, съ Божьей помощью, примемся за дѣло бодро, весело, молодцами. Слышите!

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе, болѣе рѣшительно крикнули солдаты.

— А теперь въ казармы, маршъ, бѣгомъ! сказалъ майоръ.

И солдаты веселою толпою, съ крикомъ и шумомъ, бросились съ площадки. На площадкѣ остались только майоръ и офицеры.

Майоръ вѣжливо поклонился офицерамъ и мѣрнымъ и твердымъ шагомъ отправился домой. Впечатлѣніе, испытанное имъ въ эту ночь, было такъ сильно, что, подъ вліяніемъ его, онъ еще былъ какъ бы въ чаду и невполнѣ сознавалъ, что дѣлалъ. Дѣйствія его не были слѣдствіемъ хладнокровнаго размышленія; онъ совершенно сохранилъ прежній строгій и мрачный видъ, но, ему казалось, что онъ ощущалъ какой-то давно незнакомый ему родъ душевнаго удовольствія.

— Подполковникъ Травка заходили къ вашему высокоблагородію, приказали сказать, что они пошли гулять въ рощу, привозгласилъ вошедшій деньщикъ, когда майоръ возвратился домой.

— Давно заходилъ подполковникъ? спросилъ майоръ.

— Можетъ быть будетъ этакъ съ четверть, али съ три четверти часа.

— Дуракъ! коротко отвѣтилъ майоръ, и отправился къ подполковнику.

Жена подполковника еще не вставала, майоръ съ подполковникомъ стояли глазъ на глазъ.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся болѣе часу, вошла въ комнату и Полина Евгеньевна. Она замѣтила, что лица обоихъ были оживлены необыкновенно; глаза блестали. Когда же майоръ сталъ прощаться, онъ бросился къ подполковнику съ чувствомъ и они поцаловались горячо и крѣпко.

Трудно предположить, чтобы такъ скоро и легко совершился этотъ благодѣтельный переворотъ въ душѣ майора.... Но едва ли мы не ошибаемся, говоря: скоро и легко; человѣкъ иногда въ одну минуту проживаетъ много и много годовъ.... Кто можетъ измѣриТЬ и оцѣнить силу внутренней борьбы? Часто одинъ мигъ рѣшаетъ всю жизнь человѣка. Кому доводилось испытывать подобнаго рода внутреннюю борьбу, тотъ пойметъ, что должно было происходить въ душѣ майора, — передать этого мы не беремся.

Ненормальное состояніе, въ которомъ находился майоръ, не могло продолжаться долго, оно утомило его, и послѣ безсонной ночи, онъ чувствовалъ потребность отдыха. Сонъ восстановилъ его силы и ослабилъ жаръ впечатлѣнія. Поднявшись отъ сна, майоръ сталъ думать хладнокровнѣе обо всемъ съ вниманиемъ случившемъся. Прошедшее его стало домогаться правъ своихъ, ему казалось, что онъ сдѣлалъ величайшую глупость, ненаказавъ солдатъ, что это унизить его значеніе, можетъ сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ подчиненныхъ — и онъ уже готовился поправить свою ошибку. Самолюбіе, этотъ злѣйшій врагъ человѣка, gepозволяло ему сознаться, что онъ тридцать лѣтъ ошибался, служилъ злу и дѣлалъ зло. Но были минуты, когда онъ отрекался отъ этого прошедшаго, сознавая свое безчеловѣчіе — и въ ушахъ его раздавались раздирающіе душу крики: «помилуйте, ваше высокоблагородіе! помилосердуйте, отецъ-командиръ.» Ему слышались плачъ и стонъ не одной вдовы и сироты — и майоръ вздрагивалъ. Въ немъ совершалась борьба.

Майоръ вдругъ переходилъ отъ крайней строгости къ мягкому и кроткому обращенію.

Такъ прошелъ мѣсяцъ... Однажды майоръ отправился въ батальонъ, обошелъ роты, говорилъ съ солдатами ласково, нѣкоторыхъ побранилъ и постращалъ, даже никого собственноручно не удостоилъ.

Уходя домой, онъ подозвалъ къ себѣ адъютанта и сказалъ ему:

— Попросите ко мнѣ сейчасъ же штабсъ-капитана Шванцкугеля, а прочимъ офицерамъ передайте, что я прошу ихъ къ себѣ сегодня часовъ въ пять вечера.

Непрошло и десяти минутъ послѣ возвращенія домой майора, какъ явился къ нему Шванцкугель. Онъ вошелъ въ комнату, поклонился уваженно, и принялъ положеніе тѣла, о которомъ говорятъ: стоитъ будто проглотилъ шомполь.

— Вамъ угодно быво требовать меня, господинъ майоръ, произнесъ послѣ поклона вошедшій.

— Да, отвѣчалъ майоръ: — я долженъ сказать вамъ, что мы не можемъ и не должны служить вмѣстѣ. Подавайте въ отставку и приготовьте роту къ передачѣ поручику Жижюльскому; завтра будетъ приказъ обѣ этомъ.

Шванцкугель окаменѣлъ.

— Я думаю, продолжалъ майоръ: — мнѣ не нужно объяснять причинъ, которыя заставляютъ меня такъ поступать. Вы сами должны знать это, если въ васъ осталось хоть немножко честности и благородства.

— Мой... моя... пряжка... чинъ... мой усердіе... мой честь, бормоталъ не опомнившійся еще штабсъ-капитанъ

— Полноте дурачить людей, нѣсколько вспыхнувъ перебилъ майоръ: — вамъ ли говорить о чести.

— Мой всегда служилъ, какъ честная офицеръ, исполняль долгъ, служба и присяга.

— Какой долгъ и какая присяга велѣли вамъ подслушивать по ночамъ подъ окнами своихъ товарищѣй и послѣ каждое ихъ слово передавать начальнику, который имѣлъ несчастіе дозволить вамъ это гнусное ремесло? Нѣть, г. Шванцкугель, довольно; пора мнѣ освободить себя и офицеровъ отъ вашего усердія и вашей чести, которыя до сихъ поръ мѣшали всякому порядку и согласію между нами.

— Если вамъ, г. майоръ, неугодно это, началь Шванцкугель: — то я не будеть больше слушать, что говорятъ эти негодяи, хотя ихъ надо держать въ страхѣ, а то они такая вещь про начальства говорятъ?

— Оставьте пожалуйста это, перебилъ майоръ штабсъ-капитана...

— Но если вамъ неугодно это, мой не будеть, г. майоръ, мой всегда повинуется воля начальникъ.

— Потому-то я и не хочу держать васъ, что вы очень легко согибаетесь въ ту сторону, куда подует вѣтеръ, возразилъ майоръ.

— Моя долгъ быть покорна волѣ начальника.

— Вашъ долгъ покоряться и не отступать отъ того, что вамъ велить совѣсть и честно понятая обязанность. Я скажу вамъ: украдьте то-то, или убейте того-то, а вы и пойдете исполнить, потому что вамъ приказалъ глупый или сумасшедшій начальникъ?

— Но военный дисциплинъ.... отозвался было штабсъ-капитанъ. Майоръ снова перебилъ его:

— Военная дисциплина требуетъ отъ каждого, чтобы онъ строго и свято исполнялъ свою обязанность, подлости же и уничиженіе не составляютъ дисциплины. Прощайте, черезъ недѣлю, чтобы рота была сдана на законномъ основавіи, а сегодня вечеромъ я жду вашего прошенія обь отставкѣ.

— Сдѣлайте божескую милость, г. майоръ, говорилъ чуть не со слезами Шванцкугель: — позвольте, я лучше подамъ прошеніе о переводѣ въ другой полкъ.

— Вы этимъ себѣ сдѣлаете хуже; при переводѣ отъ меня потребуютъ атестаціи вашей, а я, будьте увѣрены, правды не скрою, тогда вѣсь исключать изъ службы. Прощайте.

Шванцкугель хотѣлъ что-то говорить, но майоръ уже вышелъ въ другую комнату.

— О ты подлая майоръ! верчалъ выходя Шванцкугель, я сейчасъ пойду на генераль. Сама ты пойдешь отставка, а мой не пойдетъ... Еще и рота давай этотъ Зизулька, другая подлецъ. Самъ ты идешь отставка, а мой будеть не нѣмецъ, если Эзузлька подъ судъ нейдетъ будеть.

Въ назначеннное время собрались къ майору офицеры, Шванцкугель былъ между ними, но майоръ очень вѣжливо замѣтилъ ему, что у него теперь времени не должно быть лишняго по поводу приготовленія къ сдачѣ роты и попросилъ его отправиться заняться своимъ дѣломъ. Шванцкугель вышелъ, но черезъ минуту подъ окномъ мелькнула офицерская фуражка.

— Видите, господа, сказалъ майоръ: — онъ подслушиваетъ.

— Да ему это не новость! отозвался кто-то.

— Однако надо прогнать его, замѣтилъ другой.

— Пойду посмотрю, сказалъ третій, но вернувшись объявилъ, что Шванцугель убѣжалъ.

Майоръ попросилъ офицеровъ сѣсть. Они съ удивленіемъ переглянулись, такъ имъ было это ново.

Майоръ началъ говорить и рѣчь его была проста и ясна. Онъ говорилъ, что очень ошибался, что много по этому выходило недобраго, что пора перемѣнить все это, просилъ у офицеровъ содѣйствія, увѣщевалъ ихъ предаваться своему дѣлу съ любовью и сознать, какъ много заслуги и славы въ хорошемъ исполненіи своей обязанности, какъ бы она мала не казалась;—что достоинство человѣка заключается не въ томъ: что онъ дѣлаетъ, а въ томъ: какъ онъ дѣлаетъ. Онъ позволилъ себѣ даже нѣсколько рѣзкое сравненіе, что хорошо шить сапоги лучше и благороднѣе, нежели дурно командовать батальономъ, полкомъ или бригадою, и т. д. и т. д.; просилъ офицеровъ, чтобы они забыли, ежели онъ прежде поступалъ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ несправедливо и необдуманно,—обѣщаю торжественно, что будетъ стараться, чтобы впередъ ни одинъ благоразумный и честный подчиненный не имѣлъ повода на него жаловаться и говорилъ, что будетъ стараться снискать дружбу офицеровъ.

Наконецъ при прощаніи дружески подалъ каждому руку— и сказалъ: «пусть только каждый изъ насъ пойметъ и сдѣлаетъ свое дѣло, и увидите, какъ все хорошо пойдетъ.

— Слава Богу, слава Богу, сказалъ Тютюшковъ, когда офицеры вышли отъ майора: — на него что-то сильно подѣйствовало, онъ совсѣмъ переродился.

— Просто ушамъ не вѣришь, продолжалъ Жижюлька: — что бы это былъ тотъ самый Тимофей Петровичъ, я все боюсь, не сонъ ли это; но кажется всѣ мы на яву это слышали, — дай Богъ, чтобы это только непрошlo скоро и чтобы онъ снова не запѣлъ по старому.

— Нѣтъ,—возразилъ Тютюшковъ:—я присмотрѣлся къ его натурѣ—онъ не скоро поддается, — по ежели ужъ что нибудь успѣло сломить его, то повѣрь, это на всю жизнь останется.

— Дай Богъ, дай Богъ! повторило нѣсколько голосовъ.

Офицеры раздѣлились и разошлись въ разныя стороны....

Прошелъ годъ, и баталіона, которымъ командовалъ майоръ Нурка, и самаго его узнать было невозможно.

Откуда взялась у солдатъ бойкость, веселость, развязность, видъ, полныи энергіи и гордости! Это уже не машина для дѣланія на караулъ, а человѣкъ, существо со смысломъ, съ сознаніемъ... Надо знать солдата: одинъ день отдыха, одинъ день свободы, одно доброе слово—и онъ воскресаетъ, какъ бы не угнѣтили его прежде!

До сихъ поръ еще нерѣдки невѣжественные толки, что съ солдатомъ безъ палки ничего сдѣлать нельзя. Нѣть, палкою ничего хорошаго не сдѣлаете. Доброеслово дѣйствуетъ сильнѣе палки. Одною силою взгляда укрошаютъ кровожадныхъ звѣрей. Какъ же силою живаго слова, силою убѣжденій, силою правды и добра не подѣйствовать на человѣка? Въ самомъ дурномъ, въ самомъ порочномъ сердцѣ есть сторона, которая поддается этому оружію, но намъ лѣнъ отыскивать ее, намъ нѣкогда, намъ нужно дѣлать визиты, играть въ ералашъ, у насъ много, много обязанностей, которыхъ оставить нельзя.... Офицеры у майора Нурки перемѣнились не менѣе солдатъ, даже наружностью, начиная съ платья, которое на нихъ сдѣлалось не только опрятно, но и щеголевато.

Здравый смыслъ майора научилъ его, не хуже курса политической экономіи, что гдѣ єсть двое, тамъ и третій суть будетъ, а когда расходъ двоихъ раздѣлить на три, то каждому менѣше заплатить прійдется. Вслѣдствіе этого онъ и предложилъ офицерамъ имѣть общій столъ и расходъ дѣлить не поровну, а пропорционально жалованью. Поваръ у майора, какъ у всякаго командаира отдѣльной части, былъ отличный, обѣдъ приготовлялся превосходный изъ четырехъ блюдъ, четыре раза въ недѣлю давали вино и когда послѣ десяти дней свели счеты, оказалось, что прапорщику за всю эту благодать прійдется заплатить только три рубли въ мѣсяцъ.... Но не кончилъ на этомъ Тимофей Петровичъ Нурка: квартиры офицерскія ему тоже не нравились, и онъ панялъ изъ офицерской суммы пѣсколько домовъ близь казармъ, и отдѣлалъ ихъ такъ, что въ каждомъ могло помѣститься нѣсколько человѣкъ совершенно отдѣльно, не только съ удобствомъ а еще съ комфортомъ. Табакъ и чай, сукны и вообще все, что необходимо, выписывалось гуртомъ на цѣлый годъ и не только обходились въ половину деше-

вле, и были въ десять разъ лучше покупавшихся въ уѣздномъ городишкѣ.

Майоръ сдѣлался не только другомъ, но дядькой и нянчикой своихъ офицеровъ, а офицеры ожили и крѣпко полюбили майора.

Не смотря на то, что офицеры были размѣщены такъ, что они ни сколько не стѣсняли другъ друга, однако ежедневныя сходки на обѣдъ и ужинъ, близкое сосѣдство, дѣлало то, что всѣ они почти все знали другъ о другѣ, такъ что если кого и подозоривало выкинуть какую нибудь шалость, то страхъ бралъ, что не скроешь ее. Я забыть сказать, что вмѣстѣ съ прочими припасами тоже на общее изживеніе выписывались и журналы; а какъ во время обѣда большую частью толковали о разныхъ статьяхъ, рѣхъ нихъ напечатанныхъ, такъ не прочитывать ихъ не было уже никакой возможности. Офицеры повемножку втянулись въ чтеніе, и привыкли къ нему, и даже начали предпочитать чтеніе картамъ или другимъ того рода благороднымъ развлеченіямъ. Весело и свободно проходили ихъ обѣды; іерархическая важность чиновъ, остававшаяся въ строгой неприкосновенности на службѣ, здесь исчезала совершенно. Каждый говорилъ, что думалъ, но зато никто не говорилъ не думалъ.

Если кому нибудь изъ читателей, истинное событие, разсказанное мною, покажется неправдоподобнымъ, то того я прошу вспомнить, что угодники, люди праведные, люди проникнутые волею и словомъ Божиимъ, вся сущность котораго по словамъ самого Спасителя заключается въ томъ, чтобы любить ближняго *какъ самого себя*, — возложеніемъ руки отверзали глаза слѣпымъ, уши — глухимъ, снимали печать безмолвія съ устъ нѣмыхъ и очищали прокаженныхъ.... Что же непонятного въ томъ, что живое слово правды пробудило въ человѣкѣ благородныя человѣческія истинкты, звѣря превратило въ человѣка?...

ИВАНЪ ПУТИНКА.

МОГИЛЬНЫЯ ПРЕДАНИЯ.

I.

ДВІТСКАЯ МОГИЛА.

Бодай там степовак

Могила засала!

Малорос. нар. пляск.

Извѣстно, какое множество могилъ у насъ въ Южной Руси. Для тѣкъ, кто неизвѣдъ съ мѣстнымъ образомъ выраженія, замѣтимъ, что могилою у насъ называется не только мѣсто, гдѣ погребено мертвое тѣло, но и большой холмъ, насыпанный человѣческими руками, то, что въ Великороссіи называется курганъ. Иногда даже называютъ могилою и естественное возвышеніе земли. Наши могилы почти единственные остатки съдѣй древности; они однѣ служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ, что страна наша не была необитаема въ тѣ времена, о которыхъ не осталось никакихъ другихъ писаныхъ свидѣтельствъ, кроме страницъ Геродота и Страбона, гдѣ въ непрояцаемомъ мракѣ такъ часто трещатъ ученыя головы, ударившись невзначай о какой нибудь народецъ съ исковерканымъ шлемомъ. Языкъ нашихъ могиль теменъ, загадоченъ, для изученія труднѣе клинообразныхъ и гвоздеобразныхъ надписей, но эта самая темнота заключаетъ въ себѣ много увлекательнаго, много такого, что щекочетъ воображеніе, обдаетъ его плѣнительнымъ фантастическимъ полуслѣдомъ и позволяетъ ему разгуливать на свободѣ въ области собственныхъ вымысловъ. Впрочемъ, не одна далекая древность, лишенная письменного помина, — и наши

средніе вѣка, вѣка нашего удальства, юношескихъ страстей и поэзіи, записаны на родной почвѣ могилами. Могилы замѣняютъ для насъ и готическія ратуши, и руины рыцарскихъ замковъ, которыми такъ богата историческая почва Западной Европы. Какъ съ каменными зданіями на Западѣ, — у насъ съ могилами связаны богатырскія преданія и легенды. Какъ на Рейнѣ развалины Драхенфельса напоминаютъ единоборство Зигфрида съ змѣемъ, такъ па Днѣпрѣ насыпи Змѣинаго Вала связаны съ рассказами о подвигахъ русскаго Зигфрида, Кирилла Кожемяки. На Западѣ два-три обломка каменной стѣны, поросшіе плющемъ и кустарниками, съ высокой горы угрюмо озирающіе жизнь новыхъ поколѣй, напоминаютъ путнику о какомъ нибудь богатырѣ крестовыхъ походовъ, а память нашего Сѣрка или Нечая остается въ степныхъ могилахъ, насыпанныхъ надъ ихъ тѣлами вѣрными товарищами. Вся прошлая жизнь наша, съ ея раздѣлительными эпохами отпечаталась въ этихъ земляныхъ насыпяхъ, которыми исторія избороздила по всѣмъ направленіямъ наши южныя провинціи.

Наружность нашихъ могилъ разнообразна, какъ вѣка; отъ которыхъ они остались. Есть могилы съ острыми верхами, круглобокія до того, что почти нѣтъ возможности взойти на вершину; другія, напротивъ, представляютъ бока отлогіе, расплюснутые, иногда въ одну сторону, иногда во всѣ стороны, съ закругленными широкими площадками на верхахъ, куда воображеніе такъ и перрывается помѣстить хороводъ славянскихъ дѣвицъ, пляшущихъ и поющихъ весеннія пѣсни богу солнца. Иногда вы ходите по дорогѣ и замѣ чааете въ сторонѣ могилу; издали вершина ея кажется такою широкою, что, повидимому, можно бѣ было на ней, сидя въ честной компаніи, распивать чай вокругъ самовара, но когда вы туда взберетесь, то очутитесь на краю углубленія, обведенаго съ трехъ сто ронъ круглою земляною стѣною, а съ четвертой увидите входъ, широрѣзанный въ земляномъ кругѣ. Въ такихъ могилахъ попадаются угольки, подстрекающіе воображеніе создавать языческихъ жрецовъ, приносящихъ жертвы, можетъ быть, человѣческій, слышать ихъ дикіе гимны, смѣшанные съ жалобными стонами жертвъ, обреченныхъ на умилостивленіе каждойнибудь наменной бабы или безобразнаго деревянного чурбана. Безспорно, могилы этого рода самые древнія: нельзѧ придумать, для чего бы годилась такая форма въ поэзднейшія времена. Въ иныхъ могилахъ углубленіе доходитъ до самого уровня земли; въ другихъ же увидите наверху яму аршина въ три или четыре глубиною и станете подозрѣвать подъ землею обвалившійся склепъ, съ тайнами археологіи или безъ оныхъ. Нѣкоторыя могилы обведены

двоумъ земляными полукругами съ двумя входами , другія цѣльныи кругомъ, съ прорѣзомъ прямо противъ углубленія, а иные оторочены земляными валами въ разнообразныхъ, затѣйливыхъ направленияхъ. Иногда встрѣтите одинокую могилу, иногда двѣ-три на равномъ разстояніи одна отъ другой , а иногда глазамъ представляются цѣлыи могильный городъ: могиль двадцать , тридцать , даже пятьдесят и болѣе разной величины, и между ними одна, самая высокая. Такова , между прочимъ , Перепетовка, эта царица могиль, столь щедро наградившая трудолюбіе профессора Иванишева. Есть могилы до того высокія , что ихъ видно за двадцать верстъ , есть, напротивъ, такія низкія , что ихъ примѣтишь только тогда , когда за нихъ наступишь. Но даромъ , что онѣ малы: народная фантазія побуждаетъ рѣть въ нихъ клады охотнѣе , чѣмъ въ большихъ ; въ особенности , если онѣ стоять недалекъ отъ большихъ. Между разными теоріями о кладахъ , существуетъ и такая , что зарыватели кладовъ насыпали большія могилы для отвода , а въ самомъ дѣлѣ клали сокровища въ маленькихъ.

Поэтическое чувство народа съ любовію обращается къ этимъ почтеннѣмъ старушкамъ родного края. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ могила часто бываетъ свидѣтелемъ и грусти одинокаго бурлака , оплакивающаго утраченную молодость , и раздумья чумака , среди длиннаго пути , въ чужой сторонѣ , вспоминающаго о женѣ и дробныхъ дѣтяхъ , и грустно-веселыхъ порывовъ молодой жизни парубка , наигрывающаго на своей дудочкѣ про милую , и томнаго прощанія любовниковъ , разлучаемыхъ лихою долею. Преданія самыя роскошныя , самыя затѣйливыя носятся надъ могилами. Но такъ какъ житейская проза всегда береть верхъ надъ минутнымъ увлеченіемъ , то и могилы въ народной фантазіи болѣе всего представляются хранилищами положенныхъ Богъ-знаетъ когда и Богъ знаетъ кѣмъ сокровищъ. Склонность къ кладоискательству у нашихъ поселянъ довольно извѣстна. Не беремся изслѣдоватъ, откуда она происходитъ. Можетъ быть , это естественное стремлѣніе человѣка искать лучшаго за кругомъ настоящей жизни; а можетъ быть , утомленный подъ гнетомъ тяжелой и часто для него самого бесполезной работы , труженикъ-поселянинъ чувствуетъ , что гдѣ-то зарытъ непроизводительный капиталъ , который онъ имѣть бы право достать , еслибъ зналъ , гдѣ онъ подливно и какъ добывается.... и вотъ онъ ищетъ его въ могилахъ бездушныхъ и воображаетъ , что посреди почи , вооружась желѣзною лопатою , можно было бы вырыть котель съ золотомъ и серебромъ , еслибъ злые духи не окружали землянаго казначейства и не пугали искателя разными чудовищными образинами. Кладоискатели обыкновенно бываютъ не-

счастны въ своихъ предпріятіяхъ, потому, что не обладаютъ до-статочнымъ запасомъ смѣлости и отваги, чтобы не испугаться при-видѣній; только немногіе смѣльчаки, — передовыѣ люди борьбы человѣчества съ привидѣніями, выдерживали вскіе страхи, всѣ навожденія нечистой силы, добывали клады и потому смигались надъ хвастунами, когда они сперва примутся за дѣло горячо, а по-томъ и бѣгутъ безъ оглядки, коль скоро безобразное чучело высу-нетъ изъ-за дерева или изъ-подъ земли свою отвратительную рожу. Могильные разсказы и преданія богаты не только поззію страха, но и комизмомъ. Даже и для изслѣдователей древности наши моги-лы готовы доставить много комического: археологъ, не искушен-ный опытомъ, легко можетъ принять за мавзолей скифскаго царя какой нибудь остатокъ селитренаго завода.

Въ дачѣ нашего села Гепделишки чрезвычайное множество мо-гиль всякаго калибра. Есть мѣсто, называемое «каминъ», гдѣ сорокъ-двѣ могилы стоятъ одна близъ другой, а посрединѣ одна очень, очень высокая, вѣчно съ голой вершиной, лишенная травы отъ солнечнаго жара. Другія разсыпаны по полямъ въ разныхъ на правленіяхъ. У могиль есть свои особыя названія, напримѣръ: Гостра, Чорна, Широка, Гудунъ-могила, Козарьска могила. Одна такая могила стоитъ себѣ отдельно, безъ товарищей по крайней мѣрѣ на полверсты, и называется дитяча могила, т. е. дѣтская. Она не принадлежитъ къ очень высокимъ, не трудно взойти на нее, вѣтъ въ ней замѣчательного углубленія. Но свое название она полу-чила отъ ужаснаго происшествія, случившагося, по вародному преданію, въ давніе годы.

Въ этомъ селѣ жилъ когда-то бѣдный чередникъ (коровій пас-тухъ). Жизнь пастуховъ въ нашихъ южнорусскихъ селахъ вез-видна. Обыкновенно въ пастухи идетъ самая послѣдняя голь, тотъ, у кого ни вола, ни коша, кто не можетъ пахать земли: бородочный мужикъ никогда не пойдетъ въ пастухи ужъ изъ того только, чтобъ дѣтей его и внуковъ не укоряли тѣмъ, что въ роду ихъ быъ пас-тухъ. Мы, какъ извѣстно, давно прошли періодъnomадовъ: неуди-вительно, что земледѣльческая жизнь у насъ преимущественно пасту-шеской. Чередникъ не сѣть, не жнетъ, живетъ тѣмъ, что даютъ ему за штаніе въ поляхъ за скотиною, а это вознагражденіе тако-во, что можетъ называться почти подаяніемъ. Получаетъ онъ обык-новенно копѣекъ двадцать или тридцать ассигнаціями съ головы, и получить онъ такимъ образомъ много-много рублей шесть се-ребромъ въ годъ, да сверхъ того даутъ ему когда нибудь изъ ми-лости сала или пшена. Изъ этого онъ долженъ прокормить и себя, и семью, и теплую одежду и обувь купить себѣ, и женѣ, и дѣтямъ,

и полушилось заплатить, и барину оброкъ дать, потому что онъ не работает пашни, а если жено или дѣтей гоняютъ на панщину, такъ это за нихъ самихъ, а не за него. Народъ же въ панской селѣ не богатъ и не щедръ на подарки; хозяева говорятъ ему: «что твоя работа? земли ты не роешь, косой не машешь, сидишь себѣ на бугре да посматриваешь за стадомъ. Что это за работа?» А какъ приглядѣться хорошенько, такъ право работа чередника самая претрудная; въ жаркій день на солнцѣ, въ непогоду на дождѣ, вѣчно на ногахъ, вѣчно долженъ смотрѣть въ оба, чтобы какая нибудь своеизравненная скотина не забѣжала въ хлѣба или въ сѣнокосъ; бѣгаешь онъ то въ ту, то въ другую сторону, оретъ на скотовъ во все горло, позже всѣхъ ложится, пока хозяинки разберутъ пригнанное въ село стадо, раньше всѣхъ встаетъ принимать отъ хозяекъ коровъ. А сохрани Богъ, какой нибудь гуляка-бугай ворвется въ запойданную нескошенную полосу и увлечетъ за собою свой гаремъ; тутъ чередникъ и отдувайся вычетомъ изъ жалованья, — а коли поймаютъ, такъ и спину набѣхаютъ; если же стало сдѣлаться набѣгъ на панскій хлѣбъ, то чередника ведутъ такъ, что цѣлую недѣлю на большое мѣсто нельзя будетъ сѣсть. Поэтому никто такъ не радъ осени, какъ чередникъ; когда хлѣба снимутъ, тутъ ему раздолье; всюду онъ ходить, и ходить привольно. Лѣтнія же пора — истинное мученіе для чередника. Впрочемъ, не бываетъ горя безъ съѣтыхъ, хоть бы и короткихъ минутъ; такъ и горькое для Чередника лѣто услаживается однимъ Петровымъ днемъ. Тутъ чередникъ съ самого утра загоняетъ скотъ въ какуюнибудь кошару, а хозяева должны выкупать, т. е. платить череднику его жалованье. Тогда, сверхъ уговора, хозяйки привосятъ ему и женѣ его малую толику сыра, сметаны, сала и т. п., и долгъ послѣ того, вздыхая, вспоминаетъ чередникъ счастливый Петровъ день.

Охримъ, — такъ звали нашего чередника, — былъ бѣднѣйший изъ своей собратии. Его кривобокая хата рудаго цвета съ полусогнившимо хворостяною трубою торчала на краю села почти безъ двора и огорожи: только около огорода, гдѣ были посажены бураки и капуста, уѣздили кое гдѣ остатки плетня: пѣкогда окружалъ онъ и весь дворъ, да мало по малу истребила его хозяйка на топливо. Охримъ боялся идти въ панской дворъ просить хворосту на поправку плетня. Да и на что ему? Плетни около двора заплетаются на то, чтобы скотъ и птица не сбѣгали со двора, да чтобы ворамъ не такъ было удобно забираться. А у Охрима не было никакой домашней животины, кромѣ кошки, чрезвычайно тощей, осужденной снискивать себѣ пропитаніе одною охотой; не было у Охрима никакой домашней птицы, кромѣ воробьевъ подъ соломою крыши.

Воровъ бояться ему было нечего. Былъ былъ Охримъ, былъ онъ и лѣнивъ; былъ онъ то, что называется по малороссійски ледающо. Зимою, когда нельзя пасти скотину, онъ ровно ничего не дѣлалъ и большую часть времени пролеживалъ на печи; а когда такая лежня ему наконецъ надоѣдала по своему однообразию, то принимался за какую нибудь поправку по домашнему обиходу и никогда не кончалъ своего дѣла. Такъ, напримѣръ, когда двери хаты безпрестанно отворялись и ходиль безпокоилъ его на печи, онъ принимался поправлять дверь; первый мѣсяцъ онъ только осматривалъ ее да прымѣривался къ ней со всѣхъ сторонъ, да придумывалъ, съ чего бы ему начинать; во второй мѣсяцъ стала стругать деревянный колокъ; работалъ этотъ колокъ для того, чтобы, входя въ хату, можно было, взявшишь за него, захлопнуть дверь. Едва къ веснѣ окончилъ Охримъ свой колокъ, а тогда теплая погода позволяла уже держать хату и настежь. Жена его была съ придурию: хотя въ свободные дни отъ барщицы и занималась она поденно полоть, грести, жать и вязать, да ей давали меньше, чѣмъ другимъ, и даже не считали большими грѣхомъ недодать всего, что слѣдовало, а доплачивали насыпками: все это за то, что она болтала глупѣе другихъ. Неудивительно послѣ этого, что Охримовы ребятишки ходили босикомъ по морозу, и самъ Охримъ съ женкою и дѣтьми кормился большую часть года однимъ чернымъ хлѣбомъ съ водою; въ голодные же годы иногда не доставало и этого, и бѣдная семья проводольствовалась по нѣсколько днѣй соленою водой съ мякиною. Правда, въ огородѣ у нихъ сажалась капуста, но больше для чужихъ свиней, которымъ былъ всегда свободный доступъ въ огородъ; оттого часто у бѣдной Охримихи не имѣ чѣго было сварить борщу. Въ селѣ не безъ добрыхъ людей: давали череднику и женѣ его и сала, и пшена, и сыру, да Охримъ съ женю не любили сберегать про запасъ: побѣдять въ два-три днѧ то, чѣго могло бы стать на мѣсяцъ; и не столько побѣдять, сколько поразбросаются, такъ, что у нихъ раскрадутъ и кошки и собаки, а потомъ и голодаютъ сердечные!

Однажды вечеромъ,—это было осенюю,—Охримъ гналъ стадо въ село и остановился съ нимъ на косогорѣ, гдѣ былъ недавно снятъ хлѣбъ; скотъ жадно пустился обѣдѣвать остатки колосьевъ на стерни, какъ называется въ Южной Руси скатое поле. Охримъ сѣлъ себѣ на пригоркѣ и зангралъ на сопилкѣ «Долю». Охримъ былъ мастеръ играть на сопилкѣ; онъ также отлично работалъ сопилки; онъ даже ихъ продавалъ; его сопилки были въ славѣ не въ одномъ его родномъ селѣ, знали ихъ и въ сосѣднихъ селахъ, да никто не умелъ играть на нихъ лучше самого Охрина.

Онъ игралъ больше печальные пѣсни, подхалившія и по содержанію и по звукамъ къ его судьбѣ. Самъ онъ былъ нрава задумчиваго и грустнаго. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ сѣлъ такимъ образомъ Охримъ, былъ оврагъ, а за нимъ столла могила, называемая послѣ «дитачею». Охримъ больше и больше входилъ въ игру; между тѣмъ солнце заходило; липовая полоса оторачивала горизонтъ, и сумракъ тихо спускался на землю. Охримъ вдругъ припомнилъ, что уже пора гнать стадо, вскочилъ, крикнулъ на своихъ коровъ и послѣшно погналъ ихъ по дорогѣ въ село. Дорога шла мимо могилы. Какъ только онъ поровнялся съ нею, и было отъ нея шагахъ въ пятидесяти, вдругъ услышалъ глухой ударъ, глянувъ на могилу и увидѣлъ, что наверху ея выходитъ изъ земли тонкая огненная струя съ голубоватымъ отливомъ; она вытягивалась въ воздухѣ какъ стрѣла, потомъ верхній конецъ началъ загибаться къ низу, а нижній отдѣлялся отъ земли и подымался до тѣхъ поръ, пока сѣмь разъ не склонился къ земле, а въ концѣ концовъ, когда другой началъ уходить въ землю и мало по малу увлекъ за собой всю струю. Охримъ стоялъ, какъ вкопанный, дожидаясь еще чего-то: но больше ничего не было.

— Скарбъ! сказалъ Охримъ:—скарбъ перегораетъ! Видио миѣ на роду написано его достать; онъ самъ теперь миѣ о себѣ вѣсть подаетъ.

И съ тревогою, и съ боязню спѣшилъ Охримъ домой. Пока онъ добралъ до села, боязнь совершенно уступила надеждѣ и мечтамъ: онъ видѣлъ себя хозяиномъ богатства, котораго количественной цѣнности не могъ себѣ представить: не умѣлъ онъ считать да-ле ста. Когда онъ раздалъ коровъ и вошелъ въ свою бѣдную хату, въ немъ уже засѣдала другаго рода боязнь, чтобы кто другой не подсмотрѣлъ того же и не воспользовался прежде него.

— Ну, жена, сказалъ Охримъ, разсказавши ей все, что видѣлъ:— теперь мы съ тобою не будемъ кланяться всякому изъ-за кусковъ и объѣдковъ, не буду я мокнуть на дождѣ за проклятою чередою. Можетъ быть въ могилѣ денегъ такъ много, что мы и пашамъ за себя заплатимъ и вольную выпросимъ; перейдемъ въ вольное село, станемъ жить-поживать, каждый день Ѣсть вареники, да сало, да медъ, а ты будешь ходить вся пестрая, пестрая.... рукава на сорочки вышитые.... на шеѣ кораллы красные, да кресты серебряные, и очипокъ тебѣ куплю славный, парчевый, весь золотой! А, жена!

Охримиха предавалась сладкимъ грезамъ о нарядахъ не хуже провинціальной барыни, когда ей предстоитъ поѣздка въ Петербургъ. Но скоро воображеніе Охримихи дошло до границъ, за кото-

рымъ, память отказывала ей въ материальную, а въ изобрѣтательную, сти отказала ей природа. Мужъ и жена рѣшили, отыскать кадъ можно, скорѣе и вырыть кладъ, чтобы другіе не опередили.

— Пойдемъ сейчасъ, закричала баба.

— Да, — кадъ его матери! вскрикнула опомнившаяся отъ восторга Охримъ: — у насъ одна лопата, да и та тупецкая; не скро дорога до скарба, а скарбы кладутся глубоко. Быги-то, жена, по-скорѣй къ сосѣдямъ, пока спать не легла, да поговори взаимъ лопаты; скажешь, что, молъ, грилки будешь рано копать.

Жена прибѣжала къ сосѣдямъ. Послѣдняя какъ только услышала, что Охримихъ понадобилась лопата, такъ и залилась смѣхомъ и закричала:

— Твой чередникъ кладъ наѣдалъ въ могилѣ. Вы вѣрно собираетесь въ эту же ночь достаивать его.

Разумѣется, такое воскликаніе сбило съ толку Охримиху. Она растерялась. Какъ? Чуть только они промежъ себя что-нибудь задумаютъ, какъ ужъ всѣ знаютъ! Экое несчастье! Она божилась, увѣрила всѣми святыми, обрекала на сухоту свои руки, на изломъ свои ноги, на погибель своихъ дѣтей, если мужъ ея что-нибудь подобное, видѣлъ. Въ селѣ ее почитали дурковатою, оттого хозяйка слушала ея божбы и смотрѣла на ея замѣшательство, не догадываясь, что попала въ самую правду, а чтобы еще больше ради смѣха дразнить Охримиху, продолжала обличать ее.

— Неправда! неправда! Твой членникъ сегодня увидѣлъ огнен-наго змѣя надъ могилой и теперь хочетъ съ тобою рѣть кладъ.

— А чтобы тому языцъ отсохъ, натуживалась, кричала Охримиха. Это все онъ, дурень, вами набрехалъ! Не вѣрьте ему. Это ему съ дуру привидѣлось, а тамъ кладу нѣтъ, ей-Богу нѣтъ. Вотъ дуракъ! Не успѣлъ увидѣть и разболтать! И за чѣмъ сюда заходилъ? А мнѣ, виши, не сказалъ!

Кулина (такъ звали хозяйку) и на этотъ разъ не вошло никакого подозрѣнія: привыкла она смотрѣть на Охримиху, какъ на дурочку. Всѣ такъ давно знали ее за лѣнтайку, что было странно услышать отъ нея просьбу о лопатѣ. Кулина шутя сказала ей о кладѣ, а когда Охримиха своимъ испугомъ разсмѣшила ее, Кулина припомнила кое-что изъ преданий объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ, и случайно сказала то, что на самомъ дѣлѣ происходило съ Охримомъ. Чѣмъ больше конфузилась Охримиха, тѣмъ сильнѣе смѣялась Кулина. Она однако дала ей лопату, приваривая: «ну, копайте, копайте, да и со мной подѣлтесь, коли пайдете!»

Прибѣжала Охримиха домой, принеслась бранить мужа: зачѣмъ она разсказывала всѣмъ что увидѣть, сердилась, зачѣмъ заходить къ Кулинѣ; въ сердце къ ней вкрадывались припадки ревности; она замахнулась на него лопатою. Охримъ хотѣлъ вступить въ свои супружескія права, схватилъ другую лопату и замахнулся на жену, отбивая направленный ударъ. Но къ счастью ударовъ не послѣдовало; супруги ограничились одними взмахами лопаты и потокомъ бранныхъ выражений; потомъ начались объясненія, и Охримъ, ставъ на колѣни передъ образомъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, призывалъ его въ свидѣтели и вакликалъ на себя разныя болѣзни, если онъ въ самомъ дѣлѣ куда нибудь заходилъ съ поля или кому-нибудь говорилъ о видѣніи. Тогда Охримиха заключила, что Кулина вѣдьма и зарапѣе стакалась съ духами, чтобы помѣшать имъ достать кладъ.—Хоть она и вѣдьма, сказала Охримъ:—а все таки кладъ достается намъ, потому что онъ мнѣ явился; а кому опѣ покажется, тому и достанется. Оно правда: Кулина вѣдьма; какъ же не вѣдьма, коли все знаетъ? а кладъ все таки достается намъ, не ей. Оттого-то она и досадуетъ, что знаетъ, гдѣ клацъ, да не ей достанется, а намъ!

Взявши по лопатѣ, Охримъ и Охримиха побѣжали изъ села въ поле.

— Ну, жена, говорилъ Охримъ:—теперь нечистая сила будетъ намъ творить разныя перешкоды, пугать всякими страстями; да бояться не должно! Все это для одного примѣра, а вѣдь это одна мана; коли ничего не испугаемся, такъ и кладъ достанемъ.

Черезъ полчаса были они подъ могилы. Храбро вскочилъ Охримъ на нее; за пимъ вѣбѣжало жена, и приспѣли копать.

— Экдиво! говоритъ Охримъ, прокопавъ съ полъ-аршина:—что это какъ легко копается? вотъ такъ и слышишь, что кто-то полъ тобой землю поднимаетъ и выкидываетъ.

— На что мое женское дѣло, копаю пристально, а не утомилась, замѣтила Охримиха.

Копають часъ, копають другой; вотъ ужъ яма аршина въ четыре. Вдругъ Охримова лопата уларила о чѣто-то желѣзное.

— Скарбъ! закричалъ Охримъ.

— Скарбъ! повторила Охримиха, пробулъ въ то же мѣсто своей лопатой.

Привялисъ они обкапывать землю и вскорѣ появился передъ глазами огромный желѣзный котелъ.

— Какъ же мы его вытащимъ?—говорила Охримиха.

— А на что его вытягивать? отвѣчалъ Охримъ:— вотъ крышка: надоѣно поднять ее. Мы выберемъ изъ казана все, что тутъ

есть, да и покинемъ пустой казанъ: пускай кто-нибудь подойдетъ къ нему, да губами посмокнетъ, какъ увидитъ, что добрые люди все уже выбрали.

Съ этими словами Охримъ приложилъ свою лопату къ окраинѣ крышки котла.

Вдругъ что-то подъ землею загудѣло; котель стремглавъ опустился подъ землю, оставя за собою глубокую яму, которая тотчасъ засыпалась обрушившимся землею.

— Не дается! воскликнули супруги. — Это все бѣсова Кулина дѣаетъ! — прибавила Охримиха.

— Не какой другой чортъ! присовокупилъ Охримъ.

Оба со вздохомъ выѣздили изъ ямы и вслѣдъ за ними обрушилась нарытая земля и могила стада какъ-будто петронутою.

Въ совершешной безнадежности прибѣжали они домой. Счастье было такъ близко и ушло; пропали труды бѣдвяковъ, какъ пропадаютъ они часто и при работахъ другого рода. Охриму стало горько, но онъ готовъ былъ примириться съ судьбою и покинуть блестящія надежды. Не такова была его половина. Она была увѣрена, что только козни Кулины помышляли имъ, и на другой день, когда ея мужъ опять погналъ стадо въ поле, отправилась къ Кулину.

— Богъ съ вами, тетушка, сказала Охримиха: — не захотѣли вы намъ добра. Богъ съ вами?

— А что, кладъ не дался? сказала Кулина, не подозрѣвая, какъ и прежде, что и впрямъ тутъ идетъ дѣло о кладѣ.

— Не дался по вашей милости! сказала Охримиха. — Ужь коли вы въ этомъ силу знаете, и коли вамъ самимъ не нужно, такъ будьте милостивы, не мѣшайте нашему счастью. Сами посудите, у насъ маленькия дѣти, есть всемъ хочется, а недостатки.... черевиковъ нечасто купить. Пани-матка! будьте милосерды; въ вашихъ рукахъ наша доля. Позвольте взять кладъ. Вѣдь ужь вѣрно па то Божья воля, чтобъ этотъ кладъ намъ дался; колибѣ не такъ, такъ онъ бы и не показался; а что онъ не дался, такъ только оттого, что вы не попускаете. Пани-матка! смируйтесь!

И Охримиха поклонилась Кулину въ ноги.

Только теперь начала понимать Кулина, что дѣйствительно Охримъ съ женой искали клада. Надобно было хитро вызвать всю ихъ тайну. Кулина не измѣнилась ни въ лицѣ, ни въ голосѣ, сохранивъ видъ, будто ничего нового не узнала, будто и прежде говорила серьезно о кладѣ, и сказала,

— А за чѣмъ же не пришли ко мнѣ да не поклонились? За чѣмъ меня обманывали? Вишь, ты пришла ко мнѣ просить лопаты и говоришь, что хочешь грядки копать, а я тебѣ говорю: врешь, не

грядки копать, а кладовъ искать. А ты начала божиться, да клясться, что пѣть. Вотъ тебѣ за то и не дался кладъ!

— Виноваты! говорила Охрииха, кланяясь въ землю:—простите!

— Ну, говори, сказала Кулина:—какъ все было у васъ, да смотри, не бреши; и все напередъ знаю, да одной покорности отъ тебя жду. Коли сбрешешь, такъ я тебя козой переверну; у меня такое слово есть, что только скажу, — такъ козой и перекинешься!

Испуганная Охрииха рассказала ей все подробно, и сильно боллась, какъ бы чего нибудь не забыть да не переврать: не хотѣлось ей стать козою.

— Безъ меня вы ничего не сдѣлаете, сказала Кулина:— а со мною и кладъ достанете, и на корысть его себѣ оборотите. Слушайте жь: никому ни гугу! Сами не ходите; а когда я позвону, тогда и пойдете со мною! Теперь совсѣмъ не время клады копать; на-добно молодаго мѣсяца дождаться.

Охрииха воротилась домой съ обновленною надеждою, что если не теперь, такъ на молодомъ мѣсяцѣ, а все-таки получить кладъ; и спать въ воображении ея запестрѣли кораллы, кресты и зеленые исподницы.

Но Кулина себѣ на умѣ. Она не думала да и не умѣла помочь Охриихѣ, а разсудила обратить въ свою пользу чужую находку. Пересказала она все своему мужу Пархому. Оба въ радости порѣшили въ слѣдующую же ночь Ѹхать рыть кладъ.

— А что же мы будемъ дѣлать, коли, видишь, кладъ не дается?— сказала Пархомъ, опомнившись послѣ первого впечатлѣнія.—Развѣ ты какое нибудь слово знаешь?

— Слыхала я, сказала Кулина:—отъ старыхъ людей, давно смыкала, когда еще дѣвовалася, что скарбы не даются по грѣхамъ нашимъ; могутъ только взять его такія руки, которыя съ родунегрѣшили. Мы возьмемъ съ собой свою Оксанку; ей всего девять лѣтъ; она еще не успѣла нагрѣшить и Бога прогнѣвить. Какъ докопаемся до котла, такъ и заставимъ ее выбирать оттуда все, что тамъ есть.

Настала ночь. Пархомъ запрѣгъ свою шапку въ возъ, сѣлъ съ женой: посадили они между собою дѣвочку. Прибыли къ могилѣ; приселились копать.

— Экодиво!— воскликнулъ Пархомъ, выкопавши яму въ полѣ-аршину.—Какъ легко копается! Словно, кто съ-исподу землю поднимаетъ и выкидываетъ.

— На что мое женское дѣло, замѣтила Кулина: — копаю пристально, а не утомилась.

Копаютъ часть, копаютъ другой; вотъ уже выкопали яму аршинъ на въ четыре. Вдругъ Кулинина лопата ударила о что-то жесткое:

— Скарбъ! закричала она.

— Скарбъ! — закричалъ Пархомъ, пробуя въ тоже мѣсто своей лопатой.

Дружно принялись они обкапывать землю и появился предъ ими огромный желѣзный котелъ.

— Теперь иди сюда, дитя наше, любое чадо, сказалъ Пархомъ, взялъ дѣвочку и посадилъ подъ котла. — Бери на свое счастье.

Дѣвочка безъ труда открыла крышку котла; предъ глазами обрадованныхъ супруговъ въ немъ были до самаго верха серебряныя деньги.

— Твоё счастье, твоё счастье, дитя, повторили оба. — Выбирай да намъ подавай.

Мать поспѣшила выскочила изъ ямы, разослава на возъ рядно и приготовила мѣсто складывать деньги. Дѣвочка горстями подавала ихъ отцу, а отецъ изъ ямы передавалъ женѣ; такимъ образомъ, скоро наклали половину воза. Котелъ оказался очень глубокъ. Дѣвочка, нагибаясь, не могла уже доставать изъ него денегъ.

Тогда отецъ посажилъ ее въ котель.

Едва только дѣвочка протянула изъ котла рученки полные денегъ для передачи отцу, который нагнувшись стоялъ надъ котломъ, вдругъ крышка быстро захлопнулась и котель съ гуломъ провалился подъ землею, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившимся землею.

Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Отецъ, какъ сумасшедший, выскочилъ изъ ямы и вслѣдъ за нимъ обрушилась нарытая земля и могила стала какъ будто не-тронутая и въ могилѣ раздавалось глухо, протяжно и жалобно: ой тату! ой мамо!

— Сатана! Дьяволъ! возьми свои проклятые деньги! отдай мою дочку! — кричала изступленная мать. — Возьми мою душу на придачу, только дочку отдай. — Она опрокинула съ воза деньги на землю. Копай, копай, Пархомъ, дитя еще живо! Дьяволъ взялъ ее за деньги! Не надобно намъ денегъ! Пусть отдастъ назадъ нашу дочку, а мы ему воротимъ все его деньги.

Пархомъ принялъ копать спова; отчаянно принялъ за работу и Кулина — и опять словно кто съ исподу землю поднимаетъ, еще легче копается, чѣмъ прежде. Слава Богу! Надежда оживляетъ ис-

шуганными. Крики дитяти все ближе, все ближе. Вотъ и изнемезъ Пархомъ стукнула въ котель лопатой.

— Жизна, сказа онъ: бросай деньги сюда! а самъ между тѣмъ обманывать котель. Жена тащила было въ яму радио съ деньгами.

Но едва только котель показался, какъ вдругъ съ гуломъ провалился подъ землю, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившимся землею.

Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

— Да что же это такое! — кричали родители. За чѣмъ же мы погубили дитя свое! Будемъ молиться Богу. Согрѣшили мы передъ Господомъ. Будемъ каяться, просить прощенія и милости.

Пархомъ вылезъ изъ ямы и вслѣдъ за нимъ обрушилась парытая земля, и могила стала какъ будто нетронутая, а въ могилѣ раздавалось глухо, протяжно и жалобно: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Они молятся, плачутъ. Молитва и слезы, говорятъ, исцѣляютъ скорби сердца. Они помолились, поплакали и принялись снова за работу. И снова, еще пуще прежнаго, какъ будто кто съ-исцоду землю поднимаетъ и выкидываетъ. Какъ будто самъ котель къ нимъ вылезаетъ. Вотъ недалеко.... недалеко.... дружинѣе принялиськопать родители.... голосъ дѣтскій все ближе и ближе.... Наконецъ лопаты ударились въ котель.

— Дочка! тутъ? — кричать родители.—Дочка, вылезай скорѣе, Господь съ тобой! Господи, благослови.

Оба разомъ хотѣли схватиться за крышку, чтобы приподнять ее, но котель съ гуломъ провалился подъ землю, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившимся землею. Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

— Пропала, пропала! Нѣть спасенія! въ отчаяніи закричала матъ, схватила себя за волосы и съ дикимъ смѣхомъ во весь духъ пустилась бѣжать по полю. Пархомъ машинально вылезъ изъ ямы, и вслѣдъ за нимъ обрушилась парытая земля, и могила стала какъ будто нетронутая, а въ могилѣ глухо, протяжно и жалобно раздавался какъ будто уже ослабѣвшій крикъ дитяти: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Въ изнеможеніи силъ стоялъ Пархомъ надъ деньгами. Утренняя зара почти совершенно прогнала ночную темноту. Голосъ дитяти въ могилѣ раздавался какъ будто все дальше, все дальше, наконецъ сталъ до того слабъ, что Пархомъ не могъ себѣ дать отчета:

съшенть ли онъ его дѣйствительно, или только въ испуганномъ ухъ онъ отзыается по памяти. Наконецъ онъ исчезъ совершенно.

— Деньги! охъ вы деньги! сказалъ Пархомъ. Проклятая деньгъ! Дьявольскія деньги! Продаль я за васъ дочку мою; кровь мою, рожденіе мое. Продаль я за васъ и душу свою. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Буду же я съ вами жить проживать, добра свѣтowego уживать, пока черти не потащутъ за васъ на уголья.

И собралъ Пархомъ деньги, положилъ на возъ, прикрылъ рядомъ, сѣлъ на возъ и поѣхалъ.

— Глупая жена, куда-то забѣжала, думалъ онъ:—можеть быть въ водѣ утопится или о камень разобьется. Чортъ съ нею! Съ деньгами и другая будетъ. Что за невидаль жена! Лишь бы деньги, а то ихъ сотня найдется. Теперь же что мнѣ дѣлать? За разъ итти къ пану да откупиться? Нѣтъ, постой дурень Пархомъ, не такъ! Папъ начнетъ допрашивать: гдѣ денегъ взялъ,... становишь брекать, выскѣкть—по неволѣ сознаешься, а когда сознаешься, такъ панъ и деньги отниметъ и воли не дастъ! А я лучше припрачу деньги, да никому, никому не скажу, да найду такого смысливца, чтобы мнѣ фальшивую бумагу написалъ; тогда я съ этою бумагою, да съ деньгами и уйду далеко, далеко уйду... за Волгу уйду....да тамъ и буду себѣ жить, какъ папъ. Сострою большущій себѣ каменный домъ, въ купцы запишусь, чай пить буду каждый день.

Съ такими планами о будущности прѣѣхалъ Пархомъ домой, остановилъ свою шкапу у порога, слѣзъ съ воза и прежде всего хотѣлъ нести деньги въ хату. Онъ раскрылъ рядно... Но передъ нимъ лежали не деньги, а трухлыя, перегнилые кости, какъ видно человѣческія: тутъ были и ямки для глазъ и ушей, и челюсти съ зубами, и пальцы, и колѣнки, и ребра... весь человѣкъ разобранный по составамъ, да не одинъ человѣкъ, а видно много ихъ.

Какъ увидѣлъ это Пархомъ, покачалъ головою да и побѣжалъ въ сѣни. Досталъ онъ тамъ веревку, пошелъ съ нею подъ повѣтку, сталъ на ослонѣ (скамье), старательно на одномъ концѣ веревки завязалъ петлю и надѣлъ себѣ на шею, а другой конецъ заткнулъ за соху и завязалъ, потомъ оттолкнулъ отъ себя ослонъ ногою. Глаза у него выпучились, лицо сперва побагровѣло, а потомъ посинѣло, ноги прижались крѣпко одна къ другой, языкъ высунулъся по горло... и закляпнулъ Пархомъ, неусиѣвшіи распречь своей шкапы.

На другой уже день въ селѣ явилась Кулина, вся окровавленная, избитая, растрепанная. Она была безъ памяти и безъ разсудка. Страшно выла, и какъ будто приплясывала ногами, приговаривала дикимъ голосомъ: ой тату! ой мамо! Не могли отъ неї ничего допроситься. Другихъ словъ она не говорила, одно да одно: ой тату!

ой мамо! Добрые люди изъ состраданія взяли ее къ себѣ, но она, поживи у нихъ день, убѣжала, нѣсколько дней безъ пищи и безъ ночлега бѣгала по лѣсамъ и степямъ и наконецъ утонула въ прудѣ. Только по чистосердечному сознанію чередника и жены его узнали, что это была за исторія, погубившая цѣлое семейство.

Съ тѣхъ поръ прозвана страшная могила «дитячью». Никто больше не осмѣшивался искать въ ней клада, зная, что тамъ клада нетъ, а владѣсть ею нечистая сила, приманивающая человѣка на погибель души и тѣла.

II.

ПЛАЧЪ НА МОГИЛЬ.

Ой зайду я на могилу
Та погляну у до живу,
А въ долинѣ кущъ калини,
А въ тіен калиновник
Ажъ до землі віти въютца.
А въ тіен дівчиновник
Ажъ по землі сліозы лъютца.

Малор. нар. пѣсня.

— Много у васъ на полѣ могилъ? спросилъ я у одного поселенца, жителя волынскаго мѣстечка.

— Такъ много, пане, отвѣчалъ онъ, что и счету несть. Куда ни поглянешь, могилу увидишъ! На иныхъ фигуры поставлены,— паны когда-то ставили, кое-гдѣ стоять, а кое-гдѣ повалились и упали. Такъ и лежать; никто не подниметь.

— А что у васъ говорятъ про эти могилы? Кто насыпалъ ихъ и давно ли онъ стоять?

— А Богъ ихъ знаетъ, пане. Кто говорить, что въ старые годы, когда татары воевали, такъ наши насыпали могилы и ставили на нихъ сторожевые признаки: огни зажигали, какъ увидятъ татаръ, да съ одной могилы на другую вѣсть подавали; вотъ люди видѣли да и прятались. А кто говорить, что давно уже — не за нашихъ дѣдовъ и прадѣловъ памяти — живали тутъ иные народы; такъ они мертвыхъ хоронили. Кто говорить, что тутъ клады закопаны. Давно дѣялось, пане, кто его знаетъ!

— Ну, а такихъ разныхъ страстей не бываетъ на могилахъ? Напримеръ, не увижается ли кому ипбудь чего? Не показывается ли чего на могилахъ?

— Говорить люди много, да Богъ это знать: правда ли?

— Ну, а что говорят?

— Да говорятъ, что часомъ на могилы ягоны показываются, такъ будто бы клады перегораютъ. Богъ знаетъ, пане, мало ли чего говорятъ! Да видно, никто съ этихъ кладовъ не разбогатѣлъ.

Этотъ духъ сомнѣнія въ поселнинѣ былъ притворный. Если вы спросите мужика о его вѣрованіяхъ, онъ часто покажетъ вамъ недовѣріе къ чудесамъ, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но потомъ какъ войдетъ въ разсказъ, тогда покажетъ, что и самъ вѣрить въ тоже. Такъ было и теперь.

— Вотъ подъ Острогомъ, сказалъ я: — мнѣ говорили, что изъ одной могилы выскочилъ козакъ на конѣ съ копьемъ, да такъ не знать куда и дѣлался! Много людей видѣло.

Тутъ поселянинъ ободрился и началъ мнѣ говорить:

— Было, пане, и у насъ, лѣтъ двадцать диво. Нечего таинъ, было. Это и теперь вамъ скажутъ люди, что сами видѣли, да и батюшка покойникъ — Царство Небесное, умеръ годовъ шесть тому — тоже видѣлъ!

— Что же такое?

— Есть у насть недалеко отъ мѣстечка могила: — на царинѣ стоять.... она не люже и высокая, да и не мала; такъ себѣ могила! Одинъ разъ этакъ — осенью было — ъдуть наши мужики съ поля, снопы возили. Солнышко только что зашло. Вотъ, ъдуть они по дорогѣ, а могила эта будетъ отъ нихъ сажень съ десять, и видѣть они: сидѣть на могилѣ дивчина; одежда на ней красная, волосы черные да длинные, такъ по плечамъ и лежать; сидѣть да плачеть, такъ горько плачеть, да тужить: то къ землѣ припадетъ, то привстанетъ, то за голову обѣими руками возвьмется да качаетъ головою, то голову спустить, да рукою подопрѣть, да плачеть, да тужить. Кто бъ это? думаютъ люди. Незнаютъ. Остѣновились, посмотрѣли, а она сидѣть да плачеть и не замѣчаетъ, что на неѣ смотрѣть. Сперва они подумали, что такъ какая-нибудь изъ мѣстечка пришла сюда плакать сама- себѣ; знаете, мало ли горя бываетъ? у всякаго свое лихо... Можетъ быть, грѣшнымъ часомъ проожнихалась, такъ дѣвованье свое оплакиваетъ, Богъ съ нею! Пойхали себѣ мужики своей дорогой, а она все сидѣть да плачеть. На другой вечеръ ъдуть они съ поля, опять тоже все дивчина: сидѣть на могилѣ, да плачеть, да такъ тужить и голосить, что даже отголосокъ раздается! Тутъ пришло людямъ на удивленье: за чѣмъ бы этой дивчинѣ приходить по вечерамъ на могилу и плакать? Ужъ, конечно, на могилѣ никого не похоронятъ; плакать не наль кѣмъ; а если свое какое ни есть горе, такъ плакала бѣ себѣ разъ на могилѣ,

а въ другой разъ и дома слезы выливать можно! Пріѣхали въ мѣстечко, спрашиваютъ одного, другаго; а тутъ и другое, что впереди и позади ихъ ъѣхали, тоже видѣли и тоже дивуются. Утромъ поѣхали люди въ поле мимо этой могилы, никого нѣть! Вечеромъ, опять ъѣдутъ, — сидитъ, да плачетъ, и не видить, и не замѣчаетъ, что на нее всѣ глаза вытаращили. «Это не дивчина, сказали тогда люди, это мара». Мара, мара, повторяли другое да съ поля и поѣхали. Пріѣхали въ село, распрыгали коней и воловъ, отѣдались Оно хозяйству, да и сошлись на улицѣ,—ночь же была мѣсячная, — стоять да разговариваютъ про дивчину, а тутъ и атаманы подошли. «Что у васъ за сборище?» спрашиваютъ. «Такъ и такъ, говорятъ, дивчину на могилѣ третій вечеръ видимъ. «А пойдемте всѣ гурьбою!» говорятъ атаманы. И пошли. Оно, знаете, не далеко; вышли на царину, могилу и видно; а на могилѣ никого нѣть. На четвертый вечеръ ъѣдетъ домой съ поля людей уже большая сила вмѣстѣ; разнеслась вѣсть, что дивчина послѣ заката солнца является, такъ всякому хотѣлось повидать: они вмѣстѣ собирались и ъѣдутъ. Тогда, только, что подѣхали, а она сидитъ, да плачетъ и тужитъ, какъ прежде. Они па нее смотрятъ, она не глядить на нихъ. Напослѣдокъ, кто-то вскочиль на половину могилы, дальше боится идти, — сталъ, да какъ крикнетъ: «дивчино, чего ты плачешь? Что ты такое есть?» А она такъ и пропала. «Вѣрно кладъ! Это кладъ показывается!» заговорили люди. А другое говорятъ:— «нѣть, это не кладъ, это чья-то душа плачетъ!» То и сѣ, то и сѣ. Пойдемъ къ батюшкѣ. Пошли къ батюшкѣ. Рассказываютъ ему. А батюшка имъ и говоритъ: «сегодня суббота, завтра воскресный день; всѣ люди дома, соберемтесь, да всѣ и пойдемъ туда, и я съ вами.» Переждали мы день. Насталь вечеръ; мы и пошли, и батюшка съ нами, и причеть весь съ нимъ. И пошли мы нарочно раньше, до захода солнца, пока еще дивчина не являлась, хотѣлось намъ видѣть, какъ и откуда она явится. Вотъ вышли мы на царину, — видна могила, а на могилѣ никого нѣть; мы ближе, нѣть никого, а солнышко опускается, опускается; мы ужъ совсѣмъ подходимъ къ могилѣ, а тѣмъ часомъ и солнышко спряталось за гору; и только что не стало солнышка, — глядимъ, а она сидитъ на могилѣ: такъ, Богъ-се знаетъ, откуда и взялась, сидитъ и плачетъ, да тужитъ. Батюшка съ крестомъ такъ прямо и взошелъ на верхъ могилы и сталь подѣлъ ей, смотритъ на нее; а она какъ будто ничего не видить, не слышитъ, все плачетъ, да тужитъ. Смотрѣль на нее батюшка, смотрѣль, смотрѣль, да послѣ громко какъ выговоритъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь». Она ничего, какъ будто ничего не слыхала и не глянула на него, сидитъ себѣ да плачетъ. Тогда ба-

тюшка наклонился къ ней да и стала святой крестъ къ ней приближать; рукою-то, знаете, видно, поопасовался тронуть, а крестъ святой — извѣстно, всякую мару прогонить! И только что тронулъ ее крестомъ—ея и не стало! Такъ, вотъ, гдѣ и дѣлась! Тогда священникъ тутъ же облачился въ ризу и отслужилъ панихиду по неизвѣстной рабѣ Божіей. Съ той поры уже дивчина никогда испоказывалась. Вотъ уже сколько лѣтъ прошло, никто ея не видалъ. А чѣр оно такое было, — Богъ его знаетъ!

Н. КОСТОМАРОВЪ.

ЭПИЛОГЪ НЕНАНСАННОЙ ПОЭМЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тяжель мой крестъ: уединенье,
Преступной совѣсти мученье,
Нужда, недуги. — Говорять,
Къ цветущей юности возвратъ
Подъ старость намъ одно спасенье,
Отрада вѣрил. — «Живи,
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старъться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И имя сердце обнови»...
И я попробовалъ.... но что же?...
Душа по—прежнему нѣма,
И съ одичалаго ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый Боже!
Ужеля долгая тюрьма,
Ограбивъ сердце безъ пощады,
Душѣ моей не дастъ отрады
Въ воспоминаніи юныхъ лѣтъ?
Иль точно тамъ отрады нѣть?...
Увы! тамъ душно, тамъ пустыня....
Любя, прощая, чуть дыша,

Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа....

Переступить порогъ не смѣя,
Тоски и ужаса полна,
Такъ вишеть сказочная фея
Въ волшебномъ замкѣ колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисуетъ ей другіе дни:
Въ чертогахъ, убранныхъ на диво,
Горятъ вѣчальные огни;
Невѣста ждетъ, женщихъ приходитъ,
И рѣчь его тиха, нѣжна....
Гдѣ умъ красавицы не бродить,
Чего не думаетъ она?
Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходить до дверей темницы
Любви и воли голоса, —
Но ей нѣть воли, нѣть отрады....
Не нужно камней дорогихъ,
Возьмите пышные наряды!
Гдѣ мать? гдѣ сестры? гдѣ женихъ?
Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?
Никто не склонится надъ ей,
И только докучаетъ лаской
Противный, старый чародѣй.
Но пѣть! она любить не станетъ,
Скорѣй умретъ.... Уходить онъ
И въ гнѣвѣ слугъ своихъ тиранить....
Кругомъ проклятья, вопли, стонъ....
Но въ сказкѣ витязь благородной
Придѣтъ — волшебника убьетъ,
И клочья бороды негодной
Къ ногамъ красавицы свободной
Съ рукой и сердцемъ принесетъ.
А здѣсь!...

Рога трубятъ регибо,
Шугая ранній сонъ дѣтей,

И воютъ псы нетерпѣливо....
 До солнца сѣли на коней —
 Ушли ... Орды вооруженной
 Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ
 И блѣдный домъ, какъ осажденой,
 Свободно переводить духъ.
 Мѣняя быстро постъ невольный
 На празднословье и вино,
 Спѣшишь забыться рабъ довольный....
 Но есть одна: ей все равно!
 Въ ея душѣ свѣтлѣй не станетъ,
 Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнѣтъ.
 И сонъ перерванный не манить
 И утро къ жизни позовѣть!
 Скорѣй, затворница пѣмая
 Рыданьемъ душу отведи!
 Терпи любя, терпи прощая,
 И лучшей участи не жди!...

Осаду ненадолго сняли....
 Вотъ вечеръ — снова рогъ трубитъ.
 Примолкнувъ, лѣти побѣжали,
 Но мать оставаться имъ велитъ;
 Ихъ взоръ унылъ, невнятень лепетъ.
 Опять содомъ, тревога, трепетъ!
 А ночью свѣчи зажжены,
 Обычный пиръ кипитъ мятежно,
 И блѣдный мальчикъ у стѣны
 Прижавшись, слушаетъ прилежно
 И смотритъ жално (узнаю
 Привычку дѣтскую мою)....
 Что слышитъ? пѣсни удалыя
 Подъ топотъ пляски удалой;
 Глядитъ, какъ чаши круговыя
 Пустѣютъ быстрой чередой;
 Какъ на лету куски хватаютъ
 И ротъ захлопываютъ псы,
 Какъ на тѣни ростутъ, киваютъ

Большіе дядины усы....
 Смѣются гости надъ ребенкомъ
 И чей-то голосъ говоритъ:
 «Не правда ль, онъ всегда глядитъ
 Какимъ-то травленымъ волчонкомъ?
 Поди сюда!» Блѣдиеть мать,
 Волчонокъ смотритъ — и ни шагу....
 «Упрямство надо наказать —
 Поди сюда!» — Волчопокъ тягу....
 «Ату его!...»

Тяжелый сонъ!...
 Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ —
 Ничѣмъ я въ дѣствѣ не плѣненъ
 И никому не благодаренъ.
 Скорѣе къ юности! Она
 Всегда мила, всегда ясна....
 Не бѣдняку! — Воображеніе
 Къ столицѣ юношу маѳитъ,
 Тамъ слава, тамъ просторъ, движенье,
 И вотъ онъ въ ней.... Идетъ, глядить —
 Какъ чудно городъ изукрашенъ!
 Шпили его церквей и башенъ
 Уходятъ въ небо; пышны въ пемъ
 Театры, улицы, жилища
 Счастливцевъ міра — и кругомъ
 Тѣснятся тихія кладбища....

О, городъ, городъ роковой!
 Съ пѣвцомъ твоихъ громадъ красивыхъ,
 Твоей ограды вѣковой,
 Твоихъ солдатъ, коней ретивыхъ
 И всей потѣхи боевой,
 Плѣненный мирой сладкоструиной,
 Не спорю я: прекрасенъ ты
 Въ безмолвны полночи безлуниой,
 Въ движеньи гордой суеты!
 Пусть солнце тусклое, скучное

Глядится въ невскія струи;
 Пусть, тѣша буйство удалое
 И съя плевелы свои,
 Толпы пустыхъ, надменныхъ, праздныхъ,
 Полны пороковъ безобразныхъ,
 Въ тебѣ кипшать.... Въ стѣнахъ твоихъ
 И есть и въ старину бывали
 Сердца изъ золота и стали,
 А посреди могиль нѣмыхъ
 Найдутся громкія могилы.
 Ты дорогъ намъ, — ты былъ всегда
 Ареной дѣятельной силы,
 Пытливой мысли и труда!

Все такъ. Но если не нарокомъ
 Въ твои предѣлы загляну,
 Купаясь въ омутѣ глубокомъ,
 Переживая старину,
 Душа болитъ. Не въ залахъ бальныхъ,
 Гдѣ торжествуетъ суэта, —
 Въ прютахъ пищеты печальныхъ
 Блуждаетъ грустная мечта.
 Не благодатный, золотистый,
 Но рѣдкій-рѣдкій солнца лучъ, —
 Твой день больной, твой вечеръ мглистый,
 Рожденье утра среди тучъ
 Воображенье мнѣ рисуетъ....

Свѣтаетъ. Чу! какъ вѣтеръ дуегъ —
 Невнемля ропоту людей,
 Онъ стономъ стонеть надъ столицей
 И флагомъ гордыхъ кораблей
 Играетъ, какъ простой тряпцей ;
 Нева волнуется; дома
 Стоять какъ крѣпости пустыя,
 Желѣзнымъ болтомъ запертыя
 Угрюмы лавки, какъ тюрьма.
 Ихъ постепенно отворяютъ,

Товару въ окна прибавляютъ —
 Такъ ставить съ вечера капканъ
 Охотникъ на добычу падкой.
 Вотъ солнце глянуло украдкой,
 Но одолѣлъ его туманъ
 И снова мракъ. Какія лица
 Теперь приходится встрѣтить!
 Такую страшную печать
 Умѣеть класть одна столица....
 Пробѣхаль возъ; ни русъ, ни сѣдъ
 Чухонецъ имъ курносый правилъ
 И ельника зеленый слѣдъ
 На мокрой улицѣ оставилъ,
 Покойникъ будетъ. Вотъ и онъ!
 До цыпныхъ дожилъ похоронъ:
 Четверкой дороги, гробъ угрюмой
 Стоитъ высоко подъ парчой,
 Идетъ родня съ печальной думой,
 Поникнувъ молча головой,
 Плетутся дряхлые кареты,
 То тамъ, то тутъ полуодѣты
 Изъ оконъ женщины глядятъ,
 Прохожій крестится сурово....
 Прошла процессія — и снова
 Все пусто. Вотъ идетъ солдатъ
 За фурой въ родѣ погребальной —
 Глядитъ оттуда глазъ печальной
 И видно блѣдное лицо....
 Довольно! что теперь ни встрѣтишь
 На всемъ унынья слѣдъ замѣтишь.
 Но вотъ парадное крыльцо
 Въ богатомъ домѣ отворяетъ
 Какой-то рослый молодецъ, —
 Теперь-то утро наступаетъ!
 Туманъ осиливъ наконецъ,
 Одѣло солнце сѣтью чудной
 Дворцы и храмы и мосты,
 И пѣть слѣдовъ заботы трудной

И невеселой нищеты!
 Какъ будто появляться вредно
 При полномъ водвореныи дня
 Всему, что зелено и блѣдно,
 Несчастно, голодно и бѣдно,
 Что ходить голову склоня!
 Теперь гляди на городъ шумной!
 Теперь онъ пышенъ и богатъ—
 Несется въ толкотнѣ безумной
 Блестящихъ экипажей рядъ,
 Все полно жизни и тревоги,
 Всѣ лица блещутъ и цвѣтутъ,
 И съ похоронъ обратно дороги
 Пустыя весело бѣгутъ....

Ликуетъ сердце молодое —
 Въ восторгѣ юноша.... Постой!
 Ты будешь говорить другое,
 Родство постигнувъ роковое
 Межъ этимъ блескомъ и тобой!
 Пройдутъ года въ борьбѣ безплодной
 И на красивыя плиты
 Какъ изъ машины винть негодной,
 Быть можетъ, брошенъ будешь ты!
 Счастливъ, кому мила дорога
 Стяжанья, кто ей вѣренъ былъ
 И въ жизни ни однажды Бога
 Въ пустой груди не ощутилъ.
 Но если той тревоги смутной
 Не чуждо сердце — пропадешь!
 Въ глухую полночь, безпріютной
 По стогнамъ города пойдешь.
 Громадный, стройный и суровой
 Заснувъ подъ тучею свинцовой,
 Тогда предстанеть онъ инымъ,
 И опоясанный гробами,
 Своими пышными домами,
 Величьемъ царственнымъ своимъ

Не будетъ радовать. Невольно
 Припомнишь бѣдный городокъ,
 Гдѣ солнца каждому довольно;
 То правда, городъ не широкъ,
 Не длиненъ: лай судейской шавки
 Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.
 Домишки малы, пусты лавки,
 Аптека, два три кабака,
 Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
 Домъ судный, госпиталь досчатый
 И площадь.... площадь велика:
 Кругомъ невидно ей границы
 И, слышно, осенью на ней
 Чудакъ, забѣжій изъ столицы,
 Успѣшно ищетъ душелей.
 Ну, все какъ надо, какъ известно,
 Надъ чѣмъ столичные давно
 Острять то глупо, то умно.
 Зато покойно — и не тѣсно....
 Не жди особенныхъ отрадъ,
 Что Богъ послалъ, тему будь радъ,
 Гляди въ халатѣ на дорогу:
 Вотъ гуси выступаютъ въ ногу
 Съ гусиной важностью.... но вдругъ —
 Смятенье, дикий крикъ, испугъ!
 Три тройки паскали близко.
 Присѣвъ и крылья распустивъ,
 Одни бѣгутъ, другіе низко
 Летятъ, а треты прискочивъ
 Удрать не летомъ и не бѣгомъ
 Спѣшатъ.... и вотъ просторъ телѣгамъ,
 Разсыпались, куда могъ.
 Такъ гордый собственнымъ значеньемъ,
 Своимъ нежданнымъ появленьемъ
 Дѣтей пугаетъ педагогъ;
 Такъ поэтическія грэзы
 Разносить дуновенье прозы....
 Но ужъ запѣли словы;

Иди гулять — до сна недолго!
 Гляди, какъ тихо катить Волга
 Свои спокойныя струи, ..
 Уснувъ въ песчаной колыбели;
 Какъ нагибаясь до земли
 Таскаютъ бурлаки кули,
 А воробы ужъ шалестѣли;
 И, теребя мочалу, носъ
 Просунуть силятся въ овесъ....
 Куда ни взглянешь — птичье племя !
 Уснувъ подъ берегомъ рѣки,
 Чернѣютъ утки, какъ комки,
 Но видно имъ покушать время:
 Проснулись — пошли гурьбой,
 Кувыркъ! и ногъ утиныхъ строй
 Стоитъ недвижно надъ водой.
 На всемъ лучи зари румяной;
 Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
 Какъ изваянія гробницъ ,
 Сидятъ на отмели песчаной,
 И тутъ же сотни куликовъ
 Снуютъ съ оглядкой вороватой :
 Всѣ бѣлобрюхи, безъ хохловъ,
 А почему жъ однѣ хохлатой?
 Недолинявъ, съ весеннихъ поръ
 Сберегъ онъ пышную прибавку
 И ходить важно, какъ майоръ,
 Съ мундиромъ вышедшій въ отставку ,
 Не достаетъ счастливцу шпоръ !

Не любишь птицъ, гляди бездумно
 Какъ приближается паромъ
 Не торопливо и не шумно,
 А тамъ, на берегу другомъ
 Подъ легкимъ, матовымъ туманомъ,
 Какъ будто войско тѣснымъ становъ
 Расположилось на почлегъ :
 Не перечтешь коней, толъгъ !

Подъ каждымъ стогомъ — великаномъ
 Толпа.... и слышны голоса ,
 Стыдливый визгъ и хохотъ женской.
 Но потемнѣли небеса,
 Спи мирно, житель деревенской !
 Ты стоишь сна.... Идемъ домой.
 Закрыты ставни — все спокойно.
 Что жь медлить мѣсяцъ золотой?
 Темно. Ни холодно, ни зноено —
 Такъ ровно—ровно дышеть грудь.
 Но слышишь — что-то заскрипѣло !
 Калитку отворивъ чуть-чуть,
 Выходитъ дѣвушка не смѣло.
 Она глядѣть по сторонамъ ,
 Но вотъ увидѣла — и къ намъ
 Шаги проворно направляетъ.
 Ты улыбнулся, ты молчишь... .
 Вдругъ — «ахъ!» и быстро исчезаетъ.
 Ошиблась, милая ! Такъ мышь
 Съ испугу пискнувъ, убѣгаеть,
 Замѣтивъ любопытный глазъ.
 Пору любви, пору проказъ ,
 Чѣмъ нашу молодость помянемъ ?
 Не побѣжать ли намъ за ней ?
 Не подстеречь ли у дверей ?
 Нѣтъ, только даромъ мы устанемъ !
 Народъ уснулъ — пора и намъ .
 Одно досадно: по ночамъ ,
 Должно быть, переспавъ нещадно,
 Собака воетъ безотрадно —
 Весь городъ чьей-то смерти ждетъ ,
 Толкуютъ набожно и тихо,
 И вѣдь случается — возьметъ
 Да и скончается купчиха ,
 Передъ которой глупый песь
 Три ночи выль , поднявши носъ .
 Тогда попробуй разувѣрить....
 «Да какъ ты смѣешь самъ не вѣрить?...»

Молчи — озлобятся они !...
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то среды поддайся и гу
И лямку общую тяни.

Но есть и тамъ свои могилы ,
Но тамъ безплодно гибнутъ силы ,
Тамъ духота, бездумье, лѣнь ,
Тамъ время тянется сонливо ,
Какъ самодѣльная расшивка
По тихой Волгѣ въ лѣтній день .
Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать .
Куда жь идти? къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытать?

Храни Господь того, кто скажеть:
«Простите, мирныя поля!»
И бѣдный свой челнокъ привяжеть
Къ кормѣ большаго корабля....

Кому судьба вѣнецъ готовить
Того вопросъ: куда итти?
Не устрашить, не остановить;
Кого на жизненномъ пути
Любовь лелеять съ колыбели ,
Незримо направляя къ цѣли —
И тотъ находить путь прямой .
Но кто ни Богомъ не отмѣченъ ,
Ни даже любящей рукой
Не охраненъ, не обеспеченъ ,
Тотъ долго бродить какъ слѣпой ;
Кипитъ, желаетъ, тратить силы
И позднимъ опытомъ богатъ
Находить у дверей могилы
Невольныхъ заблужденій рядъ....
Къ чему бы жизнь ни вынуждала

И даже разницы путемъ
 Не зная межъ добромъ и зломъ,
 Я по теченью плыть смила, —
 Лишь гордость иногда спасала....
 Богъ вѣсть куда бы прихоть волнъ
 Прибила мой убогій чолнъ:
 Сбиравшись тучи, путь быль труденъ ,
 А я упоренъ, безразсуденъ —
 Ждала тяжелая борьба....
 Но вдругъ распутала судьба..
 Загадку жизни несчастливой —
 Я полюбиль, дикарь ревнивой...

О ты, кого я съ ужасомъ бѣжалъ, ...
 Кому съ любовью рвался я въ объятья ,
 Кому чистосердечно расточалъ ...
 Благословенья и проклятья —
 Тебя ужъ нѣть! На жизненной стезѣ
 Оставилъ слѣдъ загадочной и странной ,
 Являясь ангеломъ въ грозѣ
 И демономъ у пристани желанной ,
 Погибла ты.... Ты сладить не могла
 Ни съ бурнымъ сердцемъ, ни съ судьбою
 И, бездну вырывъ подо мною,
 Сама въ ней первая легла....
 Ругаясь буйно надъ кумиромъ ,
 Когда-то сердцу дорогамъ ,
 Я могъ бы передъ цѣльмъ міромъ
 Клеймомъ отмѣтить роковымъ
 Твой путь.... Но за предѣлы гроба
 Не перешла вражда моя,
 Я понялъ: мы виновны оба....
 Но тяжелый наказанъ я!
 Года чредой опредѣленной
 Идутъ, но время надо мной
 Остановилось: стражъ безсмертной ,
 Среди той ночи роковой
 Стою.... ревниво закипаю....

И вдругъ шаги... и голосъ твой....
 И вопль — и съ крикомъ: «не прощаю!...»
 Все помню съ ясностью такой,
 Какъ будто каждый день свершаю
 Убийство.... Тотъ же, тотъ же сонъ
 Ужь двадцать лѣтъ: молящій стонъ,
 Безумный крикъ, сверканье стали....
 Прочь, утонувшія въ крови,
 Воспоминанія любви !
 Довольно сердце вы терзали....

Скорѣе въ душную тюрьму !....
 Оттуда сердцу моему
 Единый въ жизни лучъ отрады
 Мерцаешь.... Такъ огнь лампады
 До вѣчной сѣни гробовой
 Горить надъ каждою душой....

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Безлюдье, степь.... Кругомъ все бѣло
 И небеса надъ головой...
 Еще отчаянье кипѣло
 Въ душѣ, упившейся враждой,
 И смерти лишь она алкала,
 Когда преступная нога
 Звуча цѣпями, попирала
 Недружелюбныя снѣга
 Страны пустынной, сиротливой....
 Среди звѣрей я звѣремъ сталъ,
 Виномъ я совѣсть усыплялъ
 И умъ гасилъ....

Въ толпѣ строптивой,
 Межъ нами былъ одинъ: его
 Не полюбили мы сначала —
 Не говорилъ онъ ничего,
 Работалъ медленно и мало.

Крехтя, копается весь день,
 Какъ кротъ — мы такъ его и звали —
 А толку нѣть; не то, чтобы лѣни,
 Да силы скоро измѣняли.
 Рука не твердая въ трудѣ,
 Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
 И словно ленъ, пущистый волосъ
 На головѣ и бородѣ.
 Обросъ онъ скоро волосами,
 Питался черствымъ сухаремъ,
 Но и подъ грубымъ армякомъ
 Глядѣть неровней между нами.
 Его дежурный понукалъ
 И было намъ сначала любо
 Смотрѣть, какъ губы онъ кусаль,
 Когда съ нимъ обходились грубо;
 Такъ удила кусаетъ конь,
 Когда сѣдокъ его пришпорить.
 Въ глазахъ покажется огонь,
 Однако, промолчить — не спорить!
 Бывало, подойдемъ гурьбой,
 Уронимъ, будто ненарокомъ,
 Кричимъ: «не хочешь ли домой?»
 Онъ только поглядить съ упрекомъ
 И побѣкаетъ головой,
 Не пьетъ, не балагурить съ нами....
 Но скоро часъ его насталъ:

Былъ вечеръ; скрежеща зубами,
 Одинъ изъ нашихъ умиралъ.
 Куда дѣваться въ подземельи?
 Кричимъ: «скорѣй! мѣшаешь спать!»
 И стали въ бѣшеномъ весельи
 Его мы хоромъ отпѣвать:
 «Умри! намъ всѣмъ одна дорога,
 «Другой не будетъ изъ тюрьмы!...»

Вдругъ кто-то крикнулъ: «Нѣтъ въ васъ Бога!»
 И пѣсни не допѣли мы....

Глядимъ: добро бъ вошелъ начальникъ,
 Нѣтъ, просто выступилъ впередъ
 Нашъ блоручка, нашъ молчальникъ
 Смиренный, копотливый Кротъ.
 Корить! грозить! Дыханье трудно,
 Лицо сурово какъ гроза,
 И какъ-то бѣшено и чудно
 Блестяще глубокіе глаза.

Смущились мы. Какая сила
 Ему строптивыхъ покорила —
 Богъ вѣсть! Но грубые умы
 Онъ умнѣлъ, обезоружилъ,
 Онъ намъ ту бездну обнаружилъ,
 Куда стремглавъ летѣли мы!

Въ заботѣ новой, въ думахъ строгихъ
 Мы совѣщались до утра,
 Стараясь вразумить немногихъ,
 Не внявшихъ вѣстнику добра:
 Душой погибнувъ невозвратно,
 Они за мами не пошли
 И обновиться благодатно
 Ужь не хотѣли, не могли.
 Въ нихъ сердце превратилось въ камень,
 На вѣкъ оледенѣла кровь....
 Но въ комъ, какъ подъ золою пламень,
 Таинствъ совѣсть и любовь,
 Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой
 Съ душой увѣровать готовой....

Не вдругъ мы поняли его,
 Но онъ учить не тяготился —
 Онъ съ нами братски подѣлился
 Богатствомъ сердца своего!
 Забыты буйныя проказы,
 Наступить вечеръ —тишина,
 И стали намъ его разсказы
 Милѣй разгула и вина....

Пусть рѣчь его была сурова
 И не блестала красотой,
 Но обладалъ онъ тайной слова,
 Доступнаго душѣ живой.
 Не на конѣ, не за сохою,
 Провелъ онъ свой недолгій вѣкъ
 Въ трудѣ ученья, но душою ,
 Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.
 Онъ не жалѣлъ, что мы не-нѣмцы,
 Онъ говорилъ: «во многомъ нась
 Опередили иноземцы,
 Но мы догонимъ въ добрый часъ !
 Лишь Богъ помогъ бы русской груди
 Вздохнуть пошире, посмѣлѣй —
 Покажетъ Руслъ, какіе люди ,
 Какія силы скрыты въ ней !
 Она не знаетъ середины —
 Грѣшна — куда ни погляди !
 Но не проль до сердцевины
 Ее порокъ. Въ ея груди
 Бѣжитъ потокъ живой и чистой
 Еще нѣмыхъ народныхъ силъ —
 Такъ подъ корой Сибири лѣдистой
 Золотоносныхъ много жить....»

Его пѣньяло солнце Юга —
 Тамъ море ласково шумитъ,
 Но слаще сѣверная выюга
 И больше сердцу говоритъ ,
 При словѣ: «Руслъ» бывало встанеть —
 Онъ помнилъ, онъ любилъ ее ,
 Заговоривши про нее —
 До поздней ночи не устанеть....

Наступитъ ли вечерній часъ —
 Внимая бури вой жестокой ,
 «Теперь — онъ говорилъ — «у нась ,
 «На нашей родинѣ далекой

« Еще тепло.... Закать горячъ,
 « Надъ Божиимъ храмомъ рѣютъ отицы;
 « Домой идутъ съ работы жницы;
 « Въѣзжая на гору, скрипить
 « Снопами полная телѣга;
 « Играя, колось изъ снопа
 « Хватаетъ сытый конь съ разбѣга,
 « И ржетъ.... За нимъ бредеть толпа
 « Коровушекъ. Стѣнѣло небо
 « И смолкли вдругъ работы дна,
 « Ложится пахарь безъ огня,
 « И распостерли скирды хлѣба
 « Свою хранительную тѣнь
 « Вокругъ ўснувшихъ деревень.
 « Все тихо; развѣ безъ оглядки
 « Фельдѣгеръ пролетитъ селомъ
 « Или обратныя лошадки,
 « Понуря голову, шажкомъ
 « Пройдуть: заснулъ ямщикъ лѣнивый
 « Верхомъ на дремлющемъ конѣ,
 « Одинъ бубенчикъ говорливый
 « Воркуетъ сладко въ тишинѣ.
 « Да старый взъ въ концѣ селеня
 « Шумитъ, стоятій часовой;
 « Предъ нимъ проходятъ поколѣнья,
 « Мѣняясь быстрѣй чередой,
 « Онъ невредимъ: корысть, беспечность
 « Его ничто не сокрушитъ,
 « Любовь народная хранить
 « Его святую долговѣчность.
 « Онъ укрываетъ въ лѣтній зной
 « Шатромъ дѣтей деревни цѣлой;
 « Бѣднякъ, калѣка престарѣлой
 « Подъ нимъ ложится на покой;
 « Нашъ братъ, звука цѣпями, ссылкой
 « Подъ нимъ спитъ — обритый, пыльной,
 « И богомолокъ молодыхъ

«Подъ тѣнь вѣтвей его густыхъ
 «Приводить давнія привычка....

«Чу! тянутъ въ небѣ журавли
 «И крикъ ихъ, словно перекличка
 «Хранящихъ сонъ родной земли
 «Господнихъ часовыхъ, несется
 «Надъ темпымъ лѣсомъ, надъ селомъ,
 «Надъ полемъ, гдѣ табунъ пасется
 «И пѣсня грустная поется
 «Передъ дымящимся костромъ....

«Не ждутъ осенія работы,
 «Не дологъ отдыхъ мужиковъ —
 «Скрипятъ колодцы и вороты
 «При третьей пѣснѣ пѣтуховъ,
 «Дудитъ пастухъ свирѣлью звонкой;
 «Бѣжитъ по нивѣ чья-то тѣшь, —
 «То бѣглый рекрутъ сторонкой
 «Уходитъ въ лѣсъ, послышавъ день.
 «Искалъ опѣ чѣмъ бы покормиться,
 «Ночь не послала ничего,
 «Придется видно воротиться,
 «А страшно!... что ловить его?
 «Хозяйка старшихъ разбудила —
 «Блеснули въ ригахъ огоньки
 «И застучали молотила....
 «Богъ помочь, братья-мужики!...»

Родныя русскія картины!
 Заснуль, и видѣлъ я во снѣ
 Знакомый домъ, лѣса, долины
 И братья сказывали мнѣ,
 Что сонъ ихъ уносилъ съ чужбины
 Къ забытой, милой сторонѣ....
 Летиши мечтой къ отчизнѣ дальпой
 И на душѣ свѣтлѣй, теплѣй....
 Чего не зналъ нашъ другъ опальпой?

Слыхали мы въ тюрьмѣ своей
 И басни хитрья Крылова
 И пѣсни вѣщія Кольцова,
 Узнали мы такихъ людей,
 Передъ которыми позднѣй
 Потомокъ нашъ восторгъ почуетъ,
 Вздохнетъ — и совѣсть уврачуетъ,
 Воздвигнувъ пышный мавзолей.
 Такъ иногда узнавъ случайно,
 Кто спасъ его когда-то тайно,
 Бѣднякъ, взлнованпый, бѣжитъ.
 Приходитъ, смотрить — вотъ жилище,
 Но гдѣ жъ хозяинъ? Все молчитъ.
 Идетъ бѣдняга на кладбище
 И па могильныя плиты
 Бросаетъ поздніе цвѣты....

О, Русь!... Достало въ немъ геройства
 «Прости на вѣкъ!» сказать всему,
 Но ты, святое беспокойство!
 Тебя принесъ онъ и въ тюрьму!
 О ней, о родинѣ державной,
 Онъ говорить не уставалъ,
 То жребій ей пророчилъ славной,
 То старину припоминалъ, —
 Кто въ древни вѣки ею правилъ,
 Какъ люди въ ней живали въ старь,
 Какъ обучилъ, вознесъ, прославилъ,
 Ее тотъ мудрый Государь,
 Кому въ царяхъ никто не равенъ,
 Кто до скончанья міра славенъ
 И святъ: Великаго Петра
 Онъ звалъ отцомъ Россіи новой,
 Онъ видѣлъ сльдѣ руки Петровой
 Въ основѣ каждого добра.
 Сто вечеровъ до поздней ночи
 Онъ говорилъ намъ про Него —
 Никто сомнинуть не думалъ очи

И не промолвилъ ничего.
 Онъ говоритъ, ему внимаемъ,
 И полны новыхъ думъ, тогда
 Свои оковы забываемъ
 И тяжесть чорнаго труда.
 Встаетъ во мракъ подземелья
 Предъ нами чудный ликъ Пётра,
 И какъ монашеская келья
 Тиха преступниковъ пора.
 Споспѣй на утро трудъ несносный,
 Таскаешь горы на плечахъ,
 Чтобъ трудолюбецъ Вѣнценосный
 Сказалъ спасибо въ небесахъ....
 Да! видить Богъ, въ кровавомъ потѣ
 Омыли мы свою вину,
 И не напрасно на работѣ
 Пѣвали пѣсенку одну: —

ПѢСНЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

I.

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
 Не даромъ насы сюда вели,
 Не даромъ Богъ насытилъ златомъ
 Утробу матери земли.

Трудись, покамѣсть служать руки,
 Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь,
 Спасибо скажутъ наши внуки,
 Когда разбогатѣеть Русь!

2. — 3.

Пускай бѣжитъ въ упорномъ дѣлѣ
 Съ насъ потѣ ручьями, какъ вода,
 И мерзнетъ на клейменомъ тѣлѣ,
 Когда почнемъ отъ труда.

Пускай томимся гладомъ, жаждой,
 Пусть дрогнемъ въ холодѣ зими,
 Ей пригодится камень каждой,
 Который добываемъ мы!...

Ее сложилъ въ часы недуга
 Нашъ тихій, вѣчно грустный Кротъ,
 И часто, поминая друга,
 Въ своемъ углу ее поетъ
 Прошенный ссылочный. Здѣсь мы гости,
 Сюда вернулись мы не жить,
 Съ отцами рядомъ положить
 Трудомъ изломанныя кости,
 Но ради, ради и тому!...

Начальство къ намъ добрѣе стало,
 Получше отведо тюрьму,
 И хорошо аттестовало.
 Чѣмъ будеть съ нами — до конца
 Тяжелой было намъ загадкой,
 Но въ умиленныя сердца
 Прокрался лучъ надежды сладкой.
 Такъ, помню, солнышко украдкой.
 Глядить бывало поутру
 И въ нашу чорную нору....

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
 Едва бродя, едва дыша,
 И только насъ бодрить хватало
 Въ немъ силъ.... Ведикая душа!
 Его страданья были горды,
 Онъ ихъ упорно подавлялъ,
 Но иногда изнемогалъ
 И плакалъ, плакалъ.... Камни тверды,
 Любой попробуй.... Но огня
 Добудешь только изъ кремня.
 Таковъ онъ былъ. Воспоминанья
 Страшнѣй не помню: зналъ и я

Изнеможеніе страданья,
 Но что была печаль моя? —
 Къ довольству суетному зависть ,
 Быть можетъ , личная ненависть ,
 Тоска по женщинѣ пустой
 Съ тряпичной , дюжиной душой ,
 Томленье скучи , злость безсилъ.
 Я , говорятъ , былъ мелко золъ
 Въ моей тоскѣ.... Не такъ орель
 Свои оплакиваєтъ крылья ,
 Которыхъ мощь извѣдалъ онъ ,
 Которыхъ царственная сила
 Его подъ небо уносила....
 Да ! возвращаясь съ похоронъ ,
 Я помпю , въ голосъ мы сказали :
 «Зачѣмъ его кротомъ мы звали ?
 «И мертвый сходенъ онъ лицомъ
 «Съ убитымъ молніей орломъ!»

О чѣмъ была его кручина?
 Рыдалъ ли онъ рыданьемъ сына ,
 Давно отчаявшись обнять
 Свою тоскующую матерь ,
 И не веселая картина
 Ему являлась : старый домъ
 Стоитъ въ краю деревни бѣдной
 И голова старухи блѣдной
 Видна сѣдая подъ окномъ .
 Вздыхаетъ , молится , гадаетъ
 И смотрить , смотрить , и двойной .
 Въ окошко рамы не вставляетъ
 Старушка позднею зимой .
 А сколько , глядя на дорогу ,
 Уронить слезъ — извѣстно Богу !
 Но цѣль ! никто ихъ не считалъ ,
 А то бы радость ей послалъ !

Любовь ли бѣднаго томила ?
 Что стало съ нею?... Позабыла

**Или грустить?... и далеко
Несется.... мысленно заглянетъ
И содрогнется глубоко?
Гдѣ ей! въ ней сердца не достанетъ!
Ахъ! чувство женское легко!
Они его хранятъ, лелеютъ,
Покуда радуетъ оно,
Но если тучи тяготѣютъ
И небо грозно и темпо —
Его спасти имъ не дано!...**

**Быть можетъ, онъ душою вѣрной
Пропоминаль былыхъ друзей,
Въ кичливой гордости своей
Быть можетъ, врагъ высокомѣрной
Ему являлся въ часъ ночной
И съ крикомъ кинувшись, ногами
Отягощенными цѣпями,
Топталъ онъ призракъ роковой?**

**Или изгладила чужбина
Все то, чѣмъ молодость жила —
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?...**

**Какъ знать! Предъ пимъ мы дѣти были,
Ничѣмъ мы права не купили
Дѣлить великую печаль.
Но было трудно, было жаль....
Закоренѣлаго невѣжды
Спроси, и тотъ отдать быль радъ
Свою послѣднюю надежду,
Подъ небо родины возвратъ
За мигъ единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный Богъ
Утѣшить мученика могъ.
И скоро гробовыя двери**

Предъ нимъ открылся; но не вдругъ
 Отверженцевъ несчастныхъ другъ
 Сошелъ въ нихъ: роковой потери
 По каплѣ ядъ глотали мы;
 Почти два года изъ тюрьмы
 Не выходя, онъ разрушался.
 Зачѣмъ? Извѣстно небесамъ!
 «Чтобъ человѣкъ не баловался»,
 Смѣясь, говоривъ онъ намъ.
 И день и ночь поочередно
 Его мы ложе берегли,
 Зимой окутывали плотно,
 Весной на солнышко весели
 (Былъ для того у насъ устроенъ
 Снарядъ особенный): большой
 Киваль тихонько головой
 И какъ-то грозно былъ спокоенъ.
 Не шевельнется цѣлый день,
 Тоскливъ и кротокъ безпредѣльно
 Молчать: такъ раненый смертельно
 Глядитъ и смерти ждетъ олень...

И наконецъ пора пришла....
 Въ день смерти съ моихъ онъ воспрянулъ.
 И снова силу обрѣла
 Нѣмая грудь — и голосъ грянулъ!
 Мечтанемъ чуднымъ окрылилъ
 Его Господь передъ кончиной,
 И онъ подъ небо воспарилъ
 Въ красѣ и легкости орлиной.
 Кричалъ онъ радостно «впередъ!»
 И гордъ, и ясенъ и доволенъ;
 Ему мерещился народъ
 И звонъ московскихъ колоколенъ,
 Блаженствомъ взоръ его сиялъ,
 На площади, среди народа,
 Ему казалось, онъ стоялъ
 И говорилъ....

Прошло два года.

Насталъ святой, великий мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенної,
И до Сибири отдаленой
Прощенія благовѣсть достигъ.
Взыдавъ душою умиленной,
Мы пали ницъ, благодаря
Насъ не забывшаго Царя.
Разверзлась роковая яма,
Какъ птицы, вольны вышли мы,
И не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою ихъ тюрьмы
Къ одной могилѣ одинокой.
Стѣснилась грудь тоской жестокой.
И каждый небо вопрошалъ:
«Зачѣмъ онъ жилъ, зачѣмъ страдалъ,
«Зачѣмъ свободы не дождался?»
— Чтобы человѣкъ не баловался! —
Одинъ сказалъ — и присмирѣлъ.
Переглянулись мы уныло,
И тихій ангелъ пролетѣлъ.
Лишь буревѣтъ южная выла
И небо хмурилось. Земли
Добывъ лопатою привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чредой обычной!...

Хотѣлось мнѣ увидѣть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрешится
Утесь, готовый обвалиться,
На плечи брата своего?
Кто скажеть ей: «ужъ нѣтъ его!
«Загородись двойною рамой,
«Напрасно горницъ не студи,
«Простись съ надеждою упрямой
«И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу

Отдастъ съ надеждой душу Богу.
Но люди звѣри: кто нибудь
Утесъ обрушить ей на грудь....

Кто зналъ его — забыть не можетъ,
Тоска по немъ язвитъ и гложетъ
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ.
Пустыня бѣлая;—надъ гробомъ
Неталый снѣгъ лежитъ сугробомъ,
То солнце тусклое блеститъ,
То туча чорная виситъ,
Встаютъ смерчи, ревутъ бураны,
Сѣдые стелются туманы,
Восходитъ день, ложится тьма,
Вороны каркаютъ — и злятся,
Что до костей его добраться
Мѣшаетъ вѣчная зима....

Н. НЕВРАСОВЪ.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПРОКОПОВИЧЪ

И ОТНОШЕНИЯ ЕГО КЪ ГОГОЛЮ.

Съ полгода тому назадъ умеръ Прокоповичъ, лучшій другъ Гоголя, тихо, и безвѣстно, какъ жилъ. Онъ сошелъ въ могилу, какъ скромный, незамѣтный дѣятель, привнеся извѣстную долю пользы въ тѣсной сферѣ своей деятельности и далеко не осуществивъ тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на него Гоголь и другіе, близкіе къ нему и умѣвшіе цѣнить его люди. Не смотря на свою несомнѣнную даровитость, онъ никогда не пользовался извѣстностью въ публикѣ какъ поэтъ, тогда какъ въ тѣсномъ кружкѣ его друзей—литераторовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Гоголь, въ немъ чтили талантливаго писателя и постоянно сѣтовали на то, что онъ печаталъ мало и не охотно. Но если публика не знаетъ поэта-Прокоповича, то хорошо знаетъ Прокоповича—друга Гоголя, имѣвшаго на автора «Ревизора» и «Тараса Бульбы» сильное и благотворное вліяніе до самого 1843 года, когда Гоголь, вслѣдствіе разныхъ причинъ, въ разбирательство которыхъ входить заѣсь не мѣсто, охладѣлъ къ своимъ старымъ друзьямъ и нашелъ новыхъ въ князѣ В. В. Лѣѣ, графѣ М. Ю. Вѣѣ, Н. Н. Шѣї, отцѣ Матвѣѣ, Ф. Ф. Вѣѣ и другихъ. Вслѣдствіе этого, мы будемъ обращать вниманіе читателей папіи статьи болѣе на отношенія Прокоповича къ Гоголю, чѣмъ на изложеніе скромныхъ фактовъ его жизни, не представляющей ничего, особенно рѣзко выдающагося изъ обыденнаго уровня тысячей другихъ, быть можетъ столько же честныхъ и полезныхъ жизней.

По смерти Прокоповича, меня нѣкоторое время занимала мысль

собрать его стихотворения, разбросанныя въ разныхъ журналахъ, и издать ихъ отдельно книжкой, препославъ имъ небольшую биографию покойшаго поэта, отчего, впрочемъ, я долженъ былъ вскорѣ отказаться, за недостаткомъ матеріаловъ для составленія подобной биографіи, когда счастливый случай отдалъ въ мое распоряженіе въ высшей степени интересное собраніе писемъ Гоголя къ Прокоповичу (*). Не говоря ужъ о томъ, что письма эти содержать въ себѣ ключъ къ уразумѣнію многихъ жизненныхъ подробностей, не выговоренныхъ Гоголемъ перель другими, и потому драгоценныхъ, какъ матеріалъ для будущихъ его биографовъ,—они бросаются яркій свѣтъ на отношенія его къ Прокоповичу, и выставляютъ эти отношенія въ самомъ отрадномъ свѣтѣ.

Радуюсь, что на мою долю выпалъ завидный жребій изобразить самую свѣтлую сторону житейскихъ отвѣшений Гоголя, его целичесмѣрныхъ отношеній къ другу его молодости, котораго онъ всегда любилъ горячо и уважалъ до такой степени, что послѣ своего *красственного перерожденія* уже не могъ и не хотѣлъ болѣе продолжать своей переписки съ нимъ — своимъ старымъ, вѣрнымъ другомъ, чей свѣтлый образъ стоялъ съ тѣхъ поръ пѣмымъ упрекомъ передъ его хуховыми очами. И молчаніе это продолжалось вплоть до 1847 года, то-есть до страшнаго переворота въ его жизни, послѣдившаго за възсігѣкомъ выданной имъ книги, когда измученная душа его снова ощущила потребность подѣлиться своими печальми съ другою любящей и преданной ему.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ родился въ Оренбургѣ, 25 ноября 1810 года. Отецъ его, коллежскій советникъ Яковъ Семенычъ, въ то время былъ управляющимъ Оренбургской пограничной таможней. Намъ ничего не известно о раннихъ годахъ Прокоповича, проведенныхъ въ Оренбургѣ, кромѣ того, что онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родительскомъ, а покинувъ отца въ отставку, переселился со всемъ семействомъ въ Нѣжинъ. Здѣсь Яковъ Семенычъ былъ избранъ повѣтовымъ маршалочъ дворянства. Около этого времени, то-есть 4-го сентября 1820 года, въ Нѣжинѣ была открыта покойшимъ графомъ Александромъ Григорьевымъ Кушелевымъ-Безбородко Гимназія син-

(*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что все письма Гоголя къ Прокоповичу, приводимыя въ нашей статьѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ не большихъ отрывковъ, помѣщенныхъ Н. В. Апченковымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Гоголѣ» (Виб. для Чтен. 1857. №№ II и XI), являются здѣсь въ первый разъ. Несколько переписки принадлежатъ теперь графу Г. А. Кушелеву-Безбородко, и будетъ въ скоромъ времени напечатана въ предпринятомъ имъ изданіи: «Дѣяния князя Безбородко».

шихъ наукъ князя Белгородко (нынѣ Лицей), куда, два года спустя, опредѣленъ былъ и Прокоповичъ.

Въ этомъ заведеніи, какъ извѣстно, воспитывался въ тоже время и Гоголь. Прокоповичъ былъ всего однимъ годомъ моложе своего знаменитаго соученика. Они вскорѣ сблизились и потому всю жизнь оставались друзьями. Надо замѣтить, что Гоголь въ юности сближался довольно легко: онъ любилъ своихъ товарищъ вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи опѣ изъ глубины души воскликнула: «О моя юность! о моя свѣжесть!», что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни обѣ однѣ изъ нихъ не отзывался онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждого интересовала его въ высшей степени. «Что ты ничего не пишешь обстоятельный?», замѣчаетъ Гоголь Прокоповичу въ письмѣ къ нему изъ Парижа, отъ 25 января 1837 года, «о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хотя и не такъ сильно выглядываютъ, во дороги намъ потому, что творцы ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники; напримѣръ: Кукольникъ, Базили. Ты очень легко упоминаешь о «Художественной газетѣ». Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы пріятно. Также о «Босфорѣ». Нѣть ли тамъ еще какого нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть вѣсколько и обѣихъ частной жизни и о новыхъ подвигахъ ихъ на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забываетъ. Въ какомъ салонѣ видѣнъ теперь Б — и въ какую инѣй образѣльную физіономію? А другой Б — и съ кистью, вѣсто цара, художникъ М — ? Это тоже лицо не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непремѣнно нужно говорить; все это родственники, которые будуть интересовать насъ въ продолженіе всей нашей жизни. Второстепенные лица въ этомъ романѣ также необходимы и потому, отъ времени до времени, непремѣнно нужно будетъ говорить о философѣ Данченкѣ и обѣ менышихъ братцахъ.»

Сколько сердечной теплоты просвѣчиваетъ сквозь эти, повидимому, насмѣшливые отзывы! Гоголь всегда былъ такимъ, и въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Насмѣшка и щѣкое слово всегда шли у него обѣ руки съ задушевностью и сочувствіемъ. Еще мальчикъ, любимецъ своихъ товарищъ, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, онъ былъ уже насмѣшливъ, и слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе, что, впрочемъ, не мѣшало имъ любить его горячо.

Гоголь, какъ мы уже сказали выше, любилъ всѣхъ своихъ то-

варищей вообще, но между ними немногихъ только, и притомъ саныхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, избиралъ онъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались въ вѣкоторой степени его довѣріемъ, потому что вполнѣ откровеннымъ онъ небыть ни съ кѣмъ, даже въ школѣ. Въ числѣ этихъ немногихъ, и избраннымъ изъ избранныхъ былъ Прокоповичъ. Ни о комъ Гоголь не отзывался впослѣдствіи съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ товарищѣ его первыхъ игръ и свидѣтель первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и виѣстѣ съ тѣмъ, никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ. Вотъ что говорить самъ Гоголь о дружескихъ отношеніяхъ своихъ къ Прокоповичу въ письмахъ къ товарищу юности, десять лѣтъ спустя послѣ выхода ихъ обоихъ изъ Лицея: «Слава Богу, ты здоровъ, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое насть раздѣляетъ. Конечно лучше лежать виѣстѣ на диванчикѣ твоей постоянной квартиры у Б. Врангеля,—ты въ халатѣ, съ трубочкой, я—въ старомъ сертукѣ, и толковать о всякомъ вздорѣ. Признаюсь, часто, когда вспомню Ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрожкахъ въ Свѣтчиной переулокъ, то оченьбы хотѣлось мнѣ быть въ Петербургѣ. Но что жъ дѣлать? Будемъ покорны нашей судьбѣ. Я тебя, пока живъ, вижу, ты, вѣрно, тоже воображаешь часто меня передъ собою. Притомъ мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами виѣшими. И такъ, да будетъ между нами Римъ близокъ отъ Петербурга... Ты, старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности, будь здоровъ и весель мыслью, что хотя не многолюденъ кругъ твой, состоящій, можетъ быть, изъ трехъ (*) только лицъ; но тѣсна связь его, и будетъ продолжаться даже тогда, когда даже ни одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ» (**). «Не роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллелии липъ Нѣжинскаго сада, во второмъ музѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія виѣстѣ» (***) .»

Въ одну изъ своихъ иѣтимыхъ прогулокъ по саду, еще будучи въ одномъ изъ низшихъ классовъ гимназіи, Гоголь прочелъ Прокоповичу наизустъ свою стихотворную балладу, подъ заглавиемъ: «Дѣ Рыбки», въ которой, подъ двумя рыбками, изобразилъ судь-

(*) Гоголь, Прокоповичъ и А. С. Данилевскій.

(**) Отъ 2-го іюня 1837 года, изъ Рима.

(***) Отъ 2-го іюля 1838 года, изъ Рима.

бу свою и своего брата, умершаго на десятомъ году, весьма трогательную, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Николай Яковлевичъ (*).

Въ молодости Прокоповичъ былъ хорошъ собой и отличался цвѣтущимъ здоровіемъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему умереть отъ чахотки, естественнаго слѣдствія постоянной несоразмѣрности труда съ тѣлесными силами, потому что трудъ не убиваетъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, если онъ уравновѣшенъ съ силами;—главное, если духъ человѣка доволенъ самимъ собою; а этого-то главнаго и недоставало Прокоповичу. Благодаря своимъ румянымъ щекамъ, онъ получилъ въ школѣ прозвище «красненький», съ которымъ и оставался до конца. Надо думать, что Гоголь самъ присочинилъ его, потому что авторъ «Вечеровъ» и «Тараса Бульбы» былъ всегда большимъ охотникомъ до даванія прозвищъ. Подъ именемъ Красненькаго является онъ во всѣхъ первыхъ письмахъ Гоголя къ А. С. Данилевскому и другимъ его лицейскимъ товарищамъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ онъ къ самому Прокоповичу, изъ Рима, отъ 15 апрѣля 1838 года: «Мнѣ очень жаль, что я занесъ тебѣ столько хлопотъ и беспокойствъ, мой лобрый, мой ми-лый... я хотѣлъ было сказать по старому — *Красненький*, да вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы иззвели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ. Но все же въ именахъ, данныхъ во время нашей юности, есть сладость, отъ которой не хочется отказаться.»

Во все времена своего пребыванія въ Лицѣ друзья были неразлучны: дѣлили братскіе боре и радость, вмѣстѣ приготавливались къ урокамъ, вмѣстѣ трудились надъ устройствомъ лицейскаго театра и были его первыми и лучшими актерами, съ тою только разницей, что Гоголь болѣе отличался въ комическихъ роляхъ, тогда какъ Прокоповичъ былъ преимущественно трагикъ.

По окончаніи курса наукъ въ 1828 году, однимъ — дѣйствительнымъ студентомъ съ правомъ на четырнадцатый классъ, а другимъ — кандидатомъ, съ правомъ на двѣнадцатый, друзья разстались на время. Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ; Прокоповичъ, до пріисканія мѣста, остался въ Нѣжинѣ, гдѣ проживало еще его семейство и воспитывался въ гимназіи младшій братъ Василий, бывшій въ послѣдствіи также учителемъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, и умерший лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Въ слѣдующемъ году друзья свидѣлись въ Петербургѣ, куда Прокоповичъ пріѣхалъ для пріисканія мѣста, по вызову Гоголя. Разлука не только не окладила ихъ дружбы, а, напротивъ, усилила

(*) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 23.

её до того, что въ первое время пребыванія ихъ въ столицѣ, Прокоповичъ былъ рѣшительно необходиимъ для Гоголя. Изъ «Записокъ о жизни Гоголя», изданныхъ П. А. Кулишемъ, видно, что первое время они даже жили вмѣстѣ. Одинъ Прокоповичъ зналъ, кто авторъ поэмы «Ганцъ Кюхельгартенъ», которую Гоголь, дорожа своею литературною репутациею, истребилъ всю до послѣдняго экземпляра, но никогда не тревожилъ поэта разспросами, и даже не показалъ вида, что подозрѣваетъ его тайну, и только по смерти своего знаменитаго друга объявилъ о томъ г. Кулишу. Прокоповичъ былъ послѣднимъ, кто обніялъ и проводилъ Гоголя въ его первое загадочное путешествіе за границу, въ Травемюнде и Любекъ, и первый, увидѣвшій въ Петербургѣ неожиданно вѣрнувшагося друга. И снова Прокоповичъ не потревожилъ его безполезными разспросами, въ слѣдствіе чего обстоятельства, сопровождавшія фантастическія путешествія, какъ и многое въ жизни Гоголя, остались тайною для его друга. Эта благородная черта характера Прокоповича, доказывающая необыкновенную его деликатность и добродоту, не требуетъ ни комментарій, ни восклицаній!

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о литературныхъ занятіяхъ Прокоповича, тѣмъ болѣе, что около этого времени, то есть въ 1831 году, было напечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» первое его стихотвореніе: «Мои мечты». Стихотвореніе это, какъ и все написанное Прокоповичемъ, прошло почти не замѣченнымъ; хотя и носить на себѣ несомнѣнныи признакъ таланта, въ присутствіи которого былъ крѣпко увѣренъ Гоголь. Замѣчательная легкость стиха и всегда благородная смилая мысль — неотъемлемыя достоинства напечатанныхъ имъ стихотвореній. Въ подтвержденіе моихъ словъ помѣщаю здѣсь небольшое его стихотвореніе:

ГОРОДЪ.

Движимъ думою чудесной,
•Здѣсь,» онъ молвилъ «будеть градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ!»

Чудо! волю полубога
Понялъ доблестный народъ,
И Европы у порога
Изъ лѣсовъ и изъ болотъ

Всталъ красавецъ полуночи
На землѣ получужкой,

Гордо глянуль міру въ очи,
Опоясался Негой...

И у ногъ его сердито
Волны финскія кипять;
Весь онъ въ латахъ изъ гранита,
Съ головы до самыхъ пять.

Держить онъ въ рукѣ могучей
Богатырское копье,
И горитъ его за тучей
Золотое остріе.

Дряхлый міръ ему дивится,
Самъ спѣшить по лону водъ
Исполину поклониться,
И дары покорно шлетъ.

Такъ-то волею чудесной
Созданъ Ильмъ могучій градъ,
Украшенъе поднебесной
И Москвы державный братъ.

Будучи въ Лицѣ, Прокоповичъ былъ, что называется, записаннымъ литераторомъ, то-есть писалъ много и во всѣхъ родахъ, прозой и стихами. Все, по словамъ Гоголя, «пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста». Съ переѣздомъ въ Петербургъ—декораций перемѣнилась; обремененный вужкой и множествомъ уроковъ, которые онъ долженъ былъ давать въ разныхъ частяхъ города, бѣдный поэтъ отказался отъ обольщений славы и почти бросилъ свою литературную занятія, не смотря на безпрерывныя поощренія и поѣжданія Гоголя, какъ это видно изъ его писемъ. Вотъ, напримѣръ, его письмо изъ Парижа, отъ 25 января 1837 года: «....Ты долженъ узнатъ ее современную (славу). Ты долженъ начать съ цяи непремѣнно, вкусить и горкіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не истребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя отрѣхнуть лѣни. Не припимайся за большое дѣло, примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣщай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но (онъ) еще не разболтался. Годъ или два употреби непремѣнно, чтобы росписаться, и тогда... нечего говорить: ты самъ узнаешь и постигнешь тогда свое назначеніе и рѣшишь, за что и какъ нужно взяться.» Вотъ слова другаго письма, отъ 3 юня того же года изъ Рима:

Т. LXVII. Отд. I.

«Право, даже досадно, какъ ты мало объявляешь о себѣ. Хоть бы строчку о томъ, что пишешь; даже ничего о томъ, въ какіе корпуса ходишь. Ей, пора тебѣ. Берись за перо; не то будетъ поздно. Пиши повѣстеночки или стишионочки; если стишионочки, то пришли ихъ въ твоемъ письмѣ кусовочки. На меня пришла; теперь особыная жажда читать твои стихи послѣ итальянскихъ звуковъ, послѣ Тасса и Данта, духъ(?) жаждеть послушать русскаго.»

Всѣ знатціе Прокоповича свидѣтельствуютъ о его крайней скромности и той неувѣренности въ самомъ себѣ, о причинахъ которой здѣсь распространяться не мѣсто, и которая лишила наше отечество многихъ замѣчательныхъ писателей. Однако, въ слѣдующемъ (1832) году, Прокоповичъ напечаталъ еще два небольшихъ стихотворенія: «Полночь» и «Къ портрету Вальтеръ-Скотта», первое въ «Сѣверныхъ цѣѣахъ» на 1832 годъ, а второе въ «Литературныхъ прибавленіяхъ».

Около этого времени, судя по письму Гоголя къ А. С. Данилевскому (отъ 30 марта 1832 года), Прокоповичъ, какъ и его знаменитый соученикъ, задумалъ поступить на сцену. «Онъ еще не актеръ» пишетъ Гоголь, «но скоро будетъ имъ, и, можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой» (*). Что помѣшало исполненію этого намѣренія—неизвѣстно. Изъ слѣдующаго письма къ г. Данилевскому видно только, что Прокоповичъ, вскорѣ послѣ Святой, уѣхалъ на все лѣто въ Малороссию, въ Нѣжинъ (**). Въ слѣдѣ за Прокоповичемъ и Гоголь уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, на пути въ родную деревню Васильевку. Вотъ письмо его къ Прокоповичу, изъ Подольска, отъ 8 іюля 1832 года:

«Я думаю, ты уже слышалъ отъ Божко (***) что путь мой не слишкомъ былъ благополученъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ и остался, и пробылъ полторы недѣли, въ чёмъ, впрочемъ, не раскаиваюсь. За все я былъ вознагражденъ. Теперь я выѣхалъ и ожидаю на первой уже станціи лошадей,—ожидаю уже часовъ шесть, но и здѣсь видна providentia, и за это я долженъ благодарить судьбу. Можетъ быть, сѣмна падутъ не на каменистую и безплодную землю. Послушай (объ этомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ изъ Москвы, но не успѣлъ)—я ѿду прямо въ Полтаву, слѣдовательно не увижу Нѣжина. Ты долженъ... я тебя заклинаю всѣмъ (впрочемъ, ты самъ же и слово даже далъ)—немедленно прїѣхать съ братомъ ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ простонародіи зовомую Яновщина. Что тебѣ въ Нѣжинѣ? Какія инбуль за старѣлыхъ дѣлишки? По стыду мужу,

(*) Сочиненія и Ниссма Гоголя, т. V, стр. 182.

(**) Ibid, стр. 186.

(***) Андрей Андреевичъ Божко—школьный товарищъ Гоголя.

закаленному уже опытомъ, прошедшему всѣ мытарства, ребячиться такимъ образомъ. Пріѣзжай, если тебѣ я скольконибудь дорогъ, потому что отъ твоего пріѣзда здоровье мое непремѣнно поправится. Жизнь мы проведемъ самыми эстетическимъ образомъ, спать будемъ въ волю, пить тоже будемъ очень много; а главное,—что варварскій пость твой, лишенный всякаго обоняшія, прошибеть запахъ настоящей деревни. Еще должно тебѣ сказать, что въ этомъ же мѣсяцѣ прибудетъ, если уже не прибылъ, Данилевскій съ Кавказа. Нѣтъ, ты будешь совершенный..... если все это подъѣствуетъ на твою ялую душу....»

Въ декабрѣ того же года Прокоповичъ снова былъ въ Петербургѣ. Въ 1834 году онъ женился на дочери коллежского совѣтника Трохнева, Марьѣ Никифоровнѣ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Тихая семейная жизнь, казалось, снова пріохотила его къ литературнымъ занятіямъ. Такъ, напримѣръ, онъ напечаталъ въ слѣдующемъ году стихотвореніе «Полнолуніе» (въ «Библіотекѣ для Чтенія») и большую повѣсть въ стихахъ «Своя семья» (въ «Московскомъ Наблюдателѣ»), да, кроме того, написалъ еще какую-то театральную пьесу, какъ это видно изъ письма къ нему Гоголя (отъ 24 июля 1835 года).

«Твоя піеса», пишетъ онъ, «за день до моего пріѣзда только получена и еще до сихъ поръ не была въ рукахъ Совѣта. Я поручилъ Погоди(ну) сей же часъ уведомить тебя и дать ему твой адресъ. Получилъ ли ты отъ него отзывъ, или нѣтъ?»

10-го июля 1836 года Прокоповичъ утвержденъ былъ учителемъ 3-го рода въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, по преподаванію русскаго языка и словесности. Не смотря на это, онъ тогда же думалъ перемѣнить родь службы и уѣхать изъ Петербурга, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма къ нему Гоголю, изъ Женевы, отъ 27-го сентября 1836 года. Вотъ оно: «Увы! мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваются къ старому, къ прежнему, а не къ будущему. Какъ быть! во прекрасно ста-
рое. Когда-нибудь мы соберемся вмѣстѣ — и вспоминемъ и Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость. Весела и грустна будетъ наша пирушка. Что, какъ идутъ учительскія дѣла твои? Нахваталъ ли ты новыхъ часовъ, или нѣтъ — и думаешь дать тягу изъ Петербурга? Теперь я, какъ подумалъ хорошенько, не знаю, хорошо ли будетъ для тебя его оставить. Въ Петербургѣ все можно сдѣлать, все подъ рукою: не нравится служба — перемѣни и бери другую. Притомъ, какъ бы то ни было,—ближе къ людямъ, ближе къ миру литературному и крещеному. Въ провинціи этого пельзя сдѣлать. Захочешь

писатоночки(?)—есть типографія и книгопродацы, все передъ глазами. Я ужь и не говорю о многихъ другихъ удобствахъ и о томъ, что жаль оставить Петербургъ. И для меня теперь Петербургъ остался чѣмъ то такимъ пріятнымъ. Впрочемъ, какъ требуютъ твои выгѣоды. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ планахъ, намѣреніяхъ и распоряженіяхъ.»

Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ писемъ (*) Гоголь спова побуждаетъ Прокоповича къ литературной дѣятельности. «Прежде всего», пишетъ онъ, «нужно тебя поздравить съ новымъ годомъ. Желаю одного, чтобы онъ былъ плодороднѣй для тебя прочихъ, чтобы ты ваконецъ принялъ за дѣло. Тебѣ нужно испытать горькое и пріятное нашего ремесла. Жизнь твоя неполна: ты теперь долженъ иногда чувствовать пустоту ея. Пора, братъ, пора! Вотъ тебѣ и желаніе мое, и упрекъ выѣстъ». Но скромный, неувѣренный въ себѣ поэтъ не принимался за дѣло и попрежнему довольствовался скромною ролью учителя, не думая о славѣ писателя. Подтверждение этому находимъ въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ А. С. Дантесевскому (**), когда Гоголь поручилъ Прокоповичу иродать его ббліотеку, и Прокоповичъ, не найдя для нея покупателя, занялъ для своего друга, уже автора «Ревизора», 1500 рублей. Вотъ что говорится, между прочимъ, въ этомъ письмѣ: «Прокоповича письмо очень, очень коротенько. Говорить, что онъ совершенно сжился съ своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическая холоняя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники, и что онъ теперь постигнулъ все значеніе словъ:

«Привычка свыше намъ дана —
Замѣна счастія она.»

Или въ письмѣ къ самому Прокоповичу (отъ 15 апреля 1838 года): «Шѣкоторыя слова въ письмѣ твоемъ меня смущили. Ты пишешь, что ты такъ занятъ своей должностю и такое нашелъ въ ней забвенье всего, что даже мысль ни о чёмъ другомъ не тревожить. Нѣть, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратится съ ними та дѣятельность воображенія, которую подымаютъ свѣжія силы молодости.»

Гоголь вообще былъ самаго пылкаго мнѣнія о литературныхъ способностяхъ Прокоповича. Въ 1846 году, въ письмѣ къ П. А. Плетневу (***) обѣ изцііи «Современника» въ новомъ видѣ, пере-

(*) Изъ Парижа, отъ 25 января 1837 года.

(**) Изъ Рима, отъ 13 мая 1838 года. См. «Сочиненія и Письма Гоголя», т. V, стр. 323.

(***) «Сочиненія и Письма Гоголя», т. VI, стр. 302.

числяя необходимыхъ для журнала сотрудниковъ, Гоголь доходитъ и до своего старого друга. «Мнѣ бы очень хотѣлось», пишетъ онъ, «чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣстователя. Изо всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно—обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ; самыи кругъ его сталъ тѣснѣ, и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь — вездѣ жизнь, и чѣмъ меныше ея просторъ и тѣснѣ ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная, душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляюще съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа. Какой бы праздникъ былъ душѣ моей если бы я встрѣтилъ въ «Современникѣ» повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя.»

Не могло не быть таланта, и таланта замѣчательнаго въ человѣкѣ, о которомъ такъ отзывался Гоголь. Къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ выше, Прокоповичъ, вѣрный своей робкой натурѣ, печатали мало и неохотно. Онъ всего помѣстилъ, въ разныx журналахъ, одиннадцать стихотвореній, въ томъ числѣ двѣ повѣсти въ стихахъ, да въ 133 № «Сѣверной Ічелы» за 1854 годъ «Письмо къ одному изъ издателей» въ защиту своего друга и товарища по Лицѣю К. М. Базили, автора «Очерковъ Константинополя, Архипелага, Греціи и Босфора» и другихъ сочиненій, пріобрѣтшихъ заслуженную извѣстность. Чтобы не возвращаться больше къ обзору необщирной литературной дѣятельности Прокоповича, помѣщаю здѣсь полный списокъ его стихотвореній, напечатанныхъ имъ съ 1836 по 1855 годъ включительно, съ означеніемъ места, гдѣ они были помѣщены. Вотъ онъ: Въ «Сынѣ Отечества» 1836 года — *Повѣсть о томъ, какъ Сидко богатый былъ въ гостяхъ у царя Морского*; въ «Современникѣ» 1838 года — *Сестра и братья, сербская баллада, Городъ и Старость*; въ томъ же журнальѣ 1840 года — *Графъ Конрадъ и его жена, баллада*; въ «Звѣздочкѣ» — *Федина елка*, и законецъ въ «Журналѣ Военно-Учебныхъ Заведеній» 1855 годъ — *Тыни Пушкина*. Кромѣ того, въ бумагахъ Прокоповича осталось два ненапечатанныхъ стихотворенія: «Три житія», сказка и «Панъ Мышковскій», старинная сказка.

Теперь обратимся снова къ письмамъ Гоголя — этому почти единственному материалу для биографии Прокоповича.

«Поговоримъ теперь о тебѣ», пишетъ онъ изъ Парижа, отъ 25 января 1837 года. «Что ты подѣлываешь теперь? Тамъ же ли ты, гдѣ и прежде? Въ той ли самой квартире? Такъ же ли похаживаешь по комнатѣ съ трубочкой, въ томъ ли самомъ халатѣ, нѣсколько поизношенномъ, какъ бываетъ у всѣхъ порядочныхъ людей? Ты ничего мнѣ не написалъ объ этомъ. Можетъ быть, ты квартиру перемѣнилъ и письмо мое долго будетъ таскаться изъ дома въ домъ, а можетъ быть не попадется даже въ руки къ тебѣ. Это, признаюсь, было бы мнѣ страшно непріятно. Я все имѣю надежду на скорый твой отвѣтъ, который для меня теперь почти такое же заключаетъ въ себѣ наслажденіе, какъ чтеніе прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мнѣ! Ты долженъ это дѣлать чаще моего, потому что твоє письмо доставляетъ мнѣ теперь больше удовольствія, нежели мое тебѣ. Тощи ваши петербургскія литературныя новости. Да скажи, пожалуста, къ какой кстати пишете вы всѣ про «Ревизора»: въ твоемъ письмѣ — и въ письмѣ Пащенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч.... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я право никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дня русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого дѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка. И ты!... Стыдио тебѣ, — ты предполагалъ во мнѣ столько мелочного честолюбія! Если и было во мнѣ что нибудь такое, что могло показаться легко меня злакшему тѣсславіемъ, то его уже нѣтъ; пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили все то, за что поэзъ слышитъ упреки въ глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ мояхъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазами моими. Забвенья, долгаго забвенья просить душа. И если бы полвилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ иными «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ втеченіе долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова — я бы благодарили судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы, не сдѣлалъ я до сихъ поръ ничего) знакома душѣ неподѣльного поэта. А современная слава не стоитъ копѣйки....»

Въ этомъ же письмѣ онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «Получили (ли) вы куплеты: «Да здравствуетъ нѣжинская бурса!» которые

Данилевский послалъ въ письмѣ къ Пашенку? Кстати помѣщаю заѣсь это весьма интересное стихотвореніе, найденное въ бумагахъ покойнаго Прокоповича, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ:

Неоконченные стихи Гоголя и Данилевскаго, присланыя изъ Парижа.

«Да здравствуетъ нѣжинская бурса!
Севрюгинъ (1), Билевичъ (2) и Урео (3),
Студенты первого курса,
И прочіе курсы всѣ также!
Безъ нихъ обойтиться какже?
Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:

Въ каретѣ въ Стамбуль уѣхалъ одинъ (4), другой въ Оренбургѣ (5),
А тѣ же (6), что прочихъ здоровьемъ пожиже,

Все лѣто водами лечились, а зиму проводятъ въ Парижѣ;

Женились одни и въ сладкомъ дремлють покоѣ:

Учителя въ корпусѣ двое (7):

Извѣстныи лгунишко бумаги въ Юстиціи пишеть, —
Чортъ его колышетъ!

Артистовъ (8), поэтовъ (9) межъ нихъ есть довольно,

Читаешь — сердцу становится больно.

А тѣ, что въ гусарахъ — не храбраго люди десятку —

Коней объѣжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку....

Въ концѣ 1839 года Гоголь возвратился изъ-за границы въ Петербургъ, и друзья свидѣлись снова. Гоголь сталъ по прежнему наѣзжать весьма часто своего старого товарища и друга, и проводить у него вечера, гдѣ вскорѣ составился около него кругъ его лицейскихъ пріятелей, которые любили его горячо и были ему по сердцу. Сюда сходилъ онъ съ шумнаго, трудового своего жизненнаго по-прища, чтобы потолковать преимущественно о явленіяхъ искусства, которые въ сущности одни только и наполняли его душу. «Передъ этимъ кругомъ», говоритъ г. Анишковъ, «Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный,

(1) Учитель музыки и танцеванія въ Гимназіи высшаго рода князя Безбородко.

(2) Старший профессоръ политическихъ наукъ.

(3) Учитель фехтованія.

(4) К. М. Базилі.

(5) И. Д. Халчинскій.

(6) Сами сочинители.

(7) Н. Я. и В. Я. Прокоповичи.

(8) А. И. Мокрицкій и А. И. Городницкій.

(9) Н. В. Кукольникъ, Г. П. Гребенка, А. П. Бородинъ, В. И. Любичъ Романовичъ и другіе.

въ сколько скрытый характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кроме жаркой привязанности, которую онъ имѣлъ вообще къ двумъ — тремъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ, — Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузиазмъ, который высказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, не смотря на совершенно-короткое, вецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевленныя лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры (*).» На одинъ изъ такихъ вечеровъ, на которомъ было и г. Анпепковъ, явился Гоголь въ голубомъ фракѣ съ золочеными пуговицами, съ какого-то обѣда, и засталъ тамъ, по обыкновенію, всѣхъ скромныхъ, извѣстныхъ своихъ друзей и почитателей, которыми еще дорожилъ въ то время. Надо замѣтить, что первыя главы «Мертвыхъ Душъ» были уже имъ написаны, и пріятели знали, что онъ собирался прочесть имъ новое свое произведеніе, по приступить къ дѣлу было не легко. «Гоголь» разсказывается г. Анпепковъ, «какъ ни въ чемъ не бывало, ходилъ по комнатѣ, добродушно подсмѣшивался надъ вѣкоторыми общими знакомыми, а объ чтеніи и помину не было. Даже разъ онъ намекнулъ, что можно отложить засѣданіе, по И. Я. Прокоповичъ, хорошо знавшій его привычки, вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ подошелъ къ Гоголю сзади, ощупалъ карманы его фрака, вытащилъ оттуда тетрадь почтовой бумаги въ восемьштуку, мелко-на-мелко исписанную, и сказалъ по-малороссійски, кажется, такъ: «А что се таке у васть, пане?» Гоголь сердито выхватилъ тетрадку, сѣль мрачно на диванъ и тотчасъ же началъ читать, при всеобщемъ молчаніи. Онъ читалъ безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока истощился весь его голосъ и зарябило въ глазахъ. Мы узнали такимъ образомъ первыя четыре главы «Мертвыхъ душъ».... Общий смѣхъ мало поразилъ Гоголя, во изложеніе испытѣмѣрного восторга, которое видимо было на всѣхъ лицахъ подъ конецъ чтенія, его тронулъ.... Онъ былъ доволенъ (**).»

Кромѣ вечеровъ у Прокоповича, пріятели сходились также другъ къ другу на чайные вечера, гдѣ всякий очередной хозяинъ старался перевещивать другаго достоинствомъ и разнообразиемъ продѣлокъ. Въ этихъ сходкахъ царствовала веселость и, между прочимъ, сочинялись куплеты и пѣсни на общихъ знакомыхъ, чтобы особенно любилъ Гоголь. Съ помощью Прокоповича и А. С. Дани-

(*) «Библіотека для Чтенія», 1837, № II, отд. II, стр. 126.

(**) Ibid., стр. 122.

левского, нѣкоторые изъ нихъ, какъ увѣряетъ г. Аиненковъ, выходили дѣйствительно карикатурно-мѣтки и уморительны. «Въ памяти у меня» продолжаетъ г. Аиненковъ, «остался довольно-нелѣпый куплетъ, дѣлженствовавшій увѣковѣчить подвиги молодыхъ учителей изъ его (Гоголя) знакомыхъ, отправлявшихся каждый день на свои лекціи, на Васильевскій Островъ. Куплетъ, кажется, принадлежалъ Гоголю безраздѣльно:

«Всѣ бобрами завелись,
У Фаге всѣ завились —
И пошли черезъ Неву,
Какъ чрезъ мягкую мураву», и т. д. (*).

Эти молодые учителя были — оба Прокоповичи.

Въ юнѣ мѣсяца 1840 года Гоголь снова уѣхалъ за границу, гдѣ и пробыть до конца слѣдующаго года. На возвратномъ пути въ Россію, онъ только проѣздомъ побывалъ въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ Прокоповичемъ и другими близкими ему людьми, и отправился прямо въ Москву — печатать первый томъ «Мертвыхъ Душъ», представивъ тамъ и рукопись свою на цензурное одобрение. Встрѣченныя затрудненія побудили Гоголя переслать рукопись въ Петербургѣ, причемъ Прокоповичу, по обыкновенію, поручено было хожденіе и хлопоты по этому дѣлу. И того и другаго пришлось на долю ходатая порядочное количество. Съ этого времени возникаетъ у нихъ весьма дѣятельная и интересная переписка, изъ которой видно, какъ много томился и страдалъ Гоголь въ петербургскомъ ожиданіи обратной присылки своей рукописи, отправленной въ Москву для напечатанія, какъ говорили, въ половинѣ марта и полученной авторомъ только въ началѣ апрѣля, и того болѣе, какъ онъ огорчался — не одобрениемъ цензурой къ печатанью «Повѣсти о капитанѣ Конѣйкинѣ», которую слѣдовало передѣлывать.

Привожу здѣсь болѣе интересные отрывки изъ этой переписки, которая, по словамъ самого Гоголя, обратилась въ дѣльную, то есть за небольшими исключеніями, вертится около «Мертвыхъ Душъ», изданіе которыхъ въ свѣтъ было тогда единственою цѣлью его помысленій и темою всѣхъ его разговоровъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ къ Прокоповичу въ исходѣ декабря 1841 г., или началѣ января 1842 года, судя по содержанію письма, такъ какъ даты на немъ нѣтъ: «Ты слышалъ, я лумаю, уже обо всемъ. Навѣдайся къ Плетневу и узнай отъ него, что и какъ рукопись моя, и чтобы они мнѣ прислали ее какъ можно скорѣе, если дѣло сдѣлано: и типографія, и бумага ожидаютъ».

(*) Ibid., стр. 136.

14 Февраля.

«Я получилъ твоё увѣдомленіе, но такое же самое, назадъ тому полторы недѣли, я получилъ уже оть Плетнева, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, было сказано, чтобы я готовился къ печати, что на днѧхъ миѣ пришлется рукопись; а между тѣмъ уже двѣ недѣли прошло (а ея нѣтъ). Не затѣялась ли опять какаянибудь умная исторія? Пожалуйста, зайди къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову (*) и князю Дондукову-Корсакову (**). Послѣдній бывъ когда-то благосклоненъ ко мнѣ. Пусть опѣ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человѣчества, потому что я и безъ того уже много потерялъ и терплю, (что) меня слишкомъ истомили, измучили этой исторіей, и что я теряю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ (средствъ существованія). Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это. (Неужели) они будутъ такъ безчувственны....»

13 Марта.

«Вотъ уже недѣля прошла со времени получения твоего письма и почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ оно тобой написано, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получаю моей рукописи. Я не предчувствовалъ ни мало скораго разрѣшенія и, читая твоё письмо, я и не думалъ предаваться такой надеждѣ. Миѣ было только пѣсколько жалко, что ты уже праздновалъ и простодушно предавался мысли, что все уже кончено, тогда какъ я чувствовалъ, что еще не все кончено. А время между прочимъ все уходитъ и становится невозможнымъ ея печатаніе. И такъ, ты видишь, что и въ Петербургѣ можетъ завариться путаница изъ простаго дѣла. Но что бы ни было—ничѣмъ я не могу смутииться и ничто не въ сиѣ локолебать меня, и также далекъ я отъ отчаянія, какъ далекъ отъ радости....»

23 Марта.

«Не могу рѣшительно постичь, что сдѣлялось и что могло сдѣлать(ся) съ моей рукописью. Если бы (случилось) вновь какое препятствіе—объ этомъ даши бы мнѣ знать письмомъ. Ты бы первый, вѣролѣтно, увѣдомилъ меня; но вотъ ужъ почти мѣсяцъ отъ числа, въ которое былопущено твоё послѣднєе письмо.... Уже четвертая недѣля почти къ концу: уже нѣтъ никакой возможности приступить къ печатанью. Боже, какая страшн(ая), непостижимая судьба!

(*) Покойный графъ С. С. Уваровъ, министръ народнаго Просвѣщенія.

(**) Князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, тогдашній товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія.

И я сижу безъ всего, безъ всякихъ средствъ, и нѣтъ впереди тоже никакихъ средствъ, даже надежды. Что же съ нею сдѣмалось? Развѣ пропала на почтѣ? Ради Бога, не мучь меня хотя ты, и дай мнѣ какой нибудь отвѣтъ. Все оно будетъ лучше, чѣмъ совершенная неизвѣстность».

30 марта.

«Послѣ полученія письма твоего, я сдѣлю еще прожаль, лу-
мая, не получу ли какъ нибудь увѣдомленія объ этомъ непріятномъ
для меня происшествіи, и наконецъ пишу къ тебѣ. Вотъ уже 30
марта, а рукописи все нѣтъ какъ (нѣтъ). Всякій день я посыпаю
развѣдывать на почту, и все безплодно. Что со мною дѣлаютъ....
такъ пусть ихъ Богъ за это проститъ. Тебѣ легко произноси(ть)
подобное утѣшеніе: рукописи—де моей все равно хоть въ іюнѣ выдти:
она равно разойдется. Она конечно разойдется больше, чѣмъ всякая
иная книга. Но я беру расходъ ея ве въ сравненіи къ другими кни-
гами, а въ сравненіи, или въ отношеніи къ ней же самой. Выди
она зимой—мнѣ бы оставалось четыре, или пять мѣсяцевъ продажи,
время, въ которое, по моему разсчету, успѣло бы выпродаться все
первое изданіе, и могло бы къ маю мѣсяцу накопиться денегъ
сколько мнѣ нужно на дорогу. А теперь развѣ только къ зимѣ мо-
жетъ что нибудь набраться, да и это все должно пойти въ уплату
прошедшаго времени. Потому что все же таки воздухомъ нельзя
жить, и я долженъ теперь издерживать грядущіе прибытки. При-
томъ, неужели ты до сихъ (поръ) не можешь понять всю разницу
зимняго времени отъ лѣтняго. Какъ можно сказать: пора на такое-
то сочиненіе не существуетъ. Пора существуетъ на все. Что тако-
то сочиненіе разошлось много лѣтомъ,—это не говорить въ пользу
твоего мынія; это значитъ только, что зимою разошло(сь) бы его
вдвое болѣе. Подумай только, что размѣшь мыслей, новостей и
впечатлѣній у насъ производится только зимою. Зимой все соеди-
няется въ общества въ городѣ. Все расходится быстро, все узнается
всѣми до послѣдней мелкой сilletни. Лѣтомъ все гаснетъ и ар-
маетъ; сообщенія людей исчезаютъ: одинъ на Кавказѣ, другой за
границей, третій зарылся въ деревенско(мъ) захолустіѣ. Слухи дви-
жутся лѣниво, новости и вѣсти едва едва доносятся; шумъ и крики,
способствующіе огласкѣ, умолкаютъ (во)все. Сообщенія нѣтъ: все
разъеди(не)по. Какъ же ты хочешь, чтобы могли быть эти два
противоположныхъ времени (года) равно благопріятны расходу кни-
ги какой бы то ни было. Разница видна — и тебѣ пора это знать,
потому что тебѣ предстоитъ дѣятельность по этой части, а какимъ
образомъ и какъ, — мы обѣ этомъ поговоримъ серьѣзно. Но, кля-
нусь, это непостижимо, что дѣлается съ моей рукописью. Это во-

всѣхъ отношеніяхъ—чудеса, и всякий другой могъ бы давно сойти съ ума. Я самъ дивлюсь, какъ у меня не переворотилось въ головѣ. Еслибъ я знала по крайней мѣрѣ, гдѣ она, въ какихъ рукахъ, все бѣ это было бы хотя сколько нибудь утѣшительно. И ты самъ сказалъ, что она отправлена въ среду на первой недѣль поста, но какимъ образомъ, имъ ли самимъ, или отъ Цензурнаго Комитета, и какъ отправлено, по почтѣ, или съ оказіей —ничего этого не сказалъ...»

9-го Апрѣля.

Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ, а отъ Цензурнаго Комитета.... Выбросили у меня цѣлый эпизодъ «Копѣйкина» (*), для меня очень нужный, больше нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать никакъ. Передѣлала его теперь такъ, что ужъ никакая цензура не можетъ прідраться: генераловъ и все выбросила, и посылаю его къ Плетневу для передачи. Пожалуйста навѣдайся къ нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, а потому задержка мнѣ весьма повредитъ.....»

18-го Апрѣля.

«Что же ты замолчалъ? Теперь переписка завязалась между нами, и потому не должно уже прерывать ее никогда. Она обратилась въ дѣльную, а это ручательство за ея долговременность и аккуратность. Прежде всего: къ Плетневу о «Копѣйкинѣ». Я боюсь, чтобы не затянулось.... а безъ «Копѣйкина» я не могу и подумать выпустить рукопись. Скажи, что я молю отдать, во чтобы то ни было. Просто срамъ цензурѣ, потому что теперь въ томъ видѣ, какъ я передѣлала и послала къ Плетневу, никакая цензура не можетъ сдѣлать привязки. Если имя Копѣйкина изъ остатковъ, то я готовъ назвать его Пятаковымъ и чѣмъ ни попало. Впрочемъ, имя Копѣйкина вездѣ въ другихъ мѣстахъ оставилъ цензура. Теперь второе: рукопись мол, безъ сомнѣнія, уже побывала во многихъ рукахъ въ Петербургѣ, стало быть о ней послышались толки. Пожалуйста развѣдай, какъ и что говорятъ о ней, и, если можно, перескажи мнѣ съ соображеніемъ самой физиогноміи замѣчашій. Это мнѣ нужно и полезно. Наконецъ,

(*) Въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ вывѣ спечатанъ въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. VI, стр. 548), по доставленному мнѣ списку, который я сдѣлала съ подлинной рукописи первого тома «Мертвыхъ Душъ», подаренной самимъ Гоголемъ покойному Прокоповичу. Въ настоящее время помянутая рукопись, вмѣстѣ съ другими рукописями Гоголя, какъ-то: «Тараса Бульбы», «Портрета» (обѣ въ исправленномъ видѣ), «Игроковъ», «Тяжбы», «Лакейской» и «Театральнаго разъѣзда», съ пріобрѣтеніемъ тридцати-двухъ писемъ Гоголя къ Прокоповичу, пріобрѣтены графомъ Г. А. Кутузевымъ-Безбородко у семейства Прокоповича, для погарка Лицею князя Безбородко, котораго онъ почетный почетитель.

третье: навести тебя на движение и на действительную работу могу только одинъ я, а какимъ образомъ, — объ этомъ поговоримъ при встречѣ, и ты почувствуешь истину словъ моихъ. Печатанье мое шло бы успѣшно, но праздники помѣщаются въ продолженіи почти полторы недѣли. Нельзя никакими силами заставить здѣсь наборщи-ковъ работать.»

11 Мая.

«Ты удивляешься, я думаю, что до сихъ порь не выходить «Мертвые Души». Мое дѣло задержалъ Н-о. Какой нелѣ(пый) человѣкъ! Болѣе полутора мѣсяца онъ держитъ у себя листки «Копѣйкина» и хоть бы увѣдомилъ меня однимъ словомъ, а между тѣмъ всѣ листы набраны уже недѣлю тому назадъ, и типографія стоитъ, а время это мнѣ слишкомъ дорого. Но Богъ съ ними со всѣми! Вся эта исторія есть пробный камень, на которомъ я долженъ испытать, въ какомъ отношеніи ко мнѣ находятся многіе люди. Я пожду еще два дни и, если не получу отъ Н—а, обращусь снова въ здѣшнюю цензуру, тѣмъ болѣе, что она чувствуетъ теперь раскаяніе, такимъ образомъ поступивши со мною. Не пишу къ тебѣ ни о чемъ, потому (что) черезъ недѣли двѣ буду, можетъ быть, самъ у тебя, и мы поговоримъ обо всемъ, и о дѣлѣ, отъ котораго, какъ самъ увидишь, много будетъ зависѣть твое положеніе и твоя дѣятельность. Я получилъ письмо отъ Бѣлин(скаго). Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и слѣдаемъ въ нынѣшній проѣздѣ мой чрезъ Петербургъ. Прощай. Будь здоровъ, твердъ и крѣпокъ духомъ и надѣйся на будущее, которое будетъ у тебя хорошо, если только ты вѣришь мнѣ, дружбѣ и мудрости, которая не даромъ дается человѣку.»

Въ этомъ письмѣ Гоголь въ послѣдній разъ сѣтуетъ о медленности печатанья «Мертвыхъ Душъ», и выражаетъ свои опасенія о судьбѣ «Капитана Копѣйкина», котораго все еще не высыпало,—потому что, какъ бы то ни было, поэма печаталась и дѣло приходило къ развязкѣ: тучи расходились и горизонтъ прояснялся.

Въ слѣдующемъ письмѣ его къ Прокоповичу уже «звучитъ могу-чимъ аккордомъ» (говорить П. В. Анненковъ въ своихъ воспоми-наніяхъ) торжество писателя и гражданина, достигающаго по-слѣдней цѣли своихъ стремлений. «Благодарю тебя именно за то, что ты въ день 9 мая (*) написалъ письмо ко мнѣ. Это было дви-женіе сердечное; оно сквозитъ и слышно въ твоихъ строкахъ. Я хорошо провелъ день сей, и не можетъ быть иначе: съ каждымъ го-домъ торжественнѣй и торжественнѣй онъ для меня становится.

(*) День импичмента Гоголя.

Нѣть нужды, что не сидѣть за пиромъ пировавшіе прежде: они присутствуютъ со мной неотразимо и много присутствуетъ съ ними другихъ, а отолѣ небывавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновеніе осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего, кроме просвѣтлѣнья мыслей и предчувствій чудеснаго грядущаго, недолженъ заключать сей день для всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смыло веселье новаго поколѣнья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое, разумное мужество, и мудрую страсть. Узнаешь ихъ прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, какъ, непостижимой Божьей властью, я чувствую отпышнѣе всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ. Девятаго же мая я получилъ письмо отъ Данилевскаго. Оно меня утѣшило. Я за него спокоенъ. Три-четыре слова, посланныя мною еще изъ Рима, низвели свѣжестъ въ его душу. Я и не сомнѣвался въ томъ, чтобы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Оно свѣтло и твердо стоитъ теперь на жизненной дорогѣ. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры, — и живящая сила отдѣлится въ твою душу. Я увижу тебя скоро, можетъ быть черезъ двѣ недѣли. Книга тоже выйдетъ къ тому времени, все почти готово. Прощай. До свиданья. Твой Г.»

Внизу приписка: «О книгѣ можно объявить. Постарайся обѣ этомъ. Попроси Бѣлинскаго, что бы сказалъ что нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ся. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литератур(ныхъ) новостяхъ извѣстіе, что скоро выйдетъ такая-то книга, такого-то, и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ права отказать.»

Подъ вліяніемъ занимавшей его мысли о близкомъ появлениі въ свѣтѣ поэмы, Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ, и притомъ не лично, не подъ своимъ наблюденіемъ, потому что онъ хотѣлъ, по отпечатанію «Мертвыхъ Душъ», уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найти человека, кто бы и могъ и хотѣлъ взять на себя довольно сложную (продолжаемъ словами г. Аничкова), хлопотливую, но совсѣмъ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатанія и изданія чужихъ сочиненій. Кто, кроме Прокоповича, чья преданная и исполнѣнная дружба не знала предѣловъ, могъ согласиться на такое самоотверженіе? И вотъ Гоголь, въ концѣ мая 1842 года, приѣзжаетъ въ Петербургъ, видѣться съ Прокоповичемъ, уговаривается его принять на себя изданіе сочиненій его, и въ первыхъ числахъ июня уѣзжаетъ за границу, — и вотъ между друзьями скоро возни-

каетъ дѣльная переписка. По поводу этой, хотя сложной, но простой комиссии, Гоголь заглядываетъ въ будущее и нѣмѣеть предъ необычайными наградами, которыя готовятся тамъ за подвигъ, доступный всякому, только что грамотному и порядочному человѣку.

Онъ входитъ въ мельчайшія подробности касательно изданія: распредѣляетъ статьи, назначаетъ время выпуска книгъ и условія книгопродавцамъ, разсчитываетъ выгоды, какихъ можно ожидать отъ предприятия и, наконецъ, опредѣляетъ употребленіе будущихъ суммъ. Почта за почтою присыпаетъ издателю своему перемѣны, дополненія, прибавки къ разнымъ статьямъ. Однимъ словомъ ведетъ самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь два отрывка изъ писемъ отъ 27-го іюля и 26-го ноября, въ доказательство того, какого великаго мнѣнія былъ Гоголь о дарованіи Прокоповича, какъ писателя:

«При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «Тарасъ Бульба» многое есть погрѣшностей писца. Онъ часто любить букву и; гдѣ она не уместна, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота periodовъ, дай имъ другой и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо,—все будетъ хорошо»... «Насчетъ наимѣнія твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ», я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее название было вставлено такъ только, въ ожиданіи другаго.»

Въ августѣ 1843 года печатанье «Сочиненій Гоголя» было приведено къ совершенному концу, и одинъ экземпляръ былъ тотчасъ же посланъ, черезъ О. Моллера, въ Римъ къ автору. Къ сожалѣнію, доблестные труды и хлопоты Прокоповича по изданію не заслужили полнаго одобренія автора, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ издателю, отъ 24 сентября 1843 года:

«Книги я получилъ, посланныя съ Моллеромъ, за которыя благодарю тебя. Критики я прочелъ также всѣ съ большимъ аппетитомъ. Жаль только, что ты не исполнилъ вполнѣ моей просьбы и не прислали ихъ всѣхъ. Зачѣмъ ты не велилъ скорописцу списать критикъ Сенковскаго. Ихъ бы можно было уписистымъ почеркомъ вмѣстить на двухъ — трехъ листахъ почтовой бумаги и прислать прямо по почтѣ. Намъ слѣдуетъ все знать, что ни говорять о шасть, и не преперегать никакими мнѣніями, какія бы причины ихъ не внушили. Кто этого не дѣластъ, тогдѣ просто глупъ и никогда ни будетъ умнѣй человѣкомъ. Мы люди вообще полмецы и не любимъ, или забываемъ оглядываться на себя. Изданіе сочиненій моихъ вышло

же въ томъ полномъ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, нераспорядившись аккуратнѣе. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькия. Подлецъ типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ тонка, что сквозить, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкралисъ ошибки, но я думаю они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежать писцу или даже мнѣ. Все, что отъ издателя — то хорошо, что отъ типографіи — то мерзко. Буквы тоже подлыя. Я виноватъ сильно во всемъ. Во-первыхъ, виноватъ тѣмъ — ввелъ тебя въ хлопоты, хотя тайный умыселъ мой былъ добрый. Мнѣ хотѣлось пробудить тебя изъ недвижности и призвать къ дѣятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всякихъ дряговъ, и до тѣхъ поръ, пока я не перѣду совершенно на Русь, нельзя начинать многаго. Самъ я теперь бѣгу отъ всякаго дѣла. Не хотѣль бы и слышать ни о чёмъ, и между тѣмъ вижу, что никакъ нельзя увильнуть самому отъ того, чтобы не впутаться въ свои дѣла. Увѣдомъ меня поскорѣе, въ короткихъ словахъ: 1-е — сколько продано экземпляровъ? 2-е — сколько послано въ Москву? 3-е — сколько осталось на лицо? Ты еще меня не увѣдомилъ до сихъ поръ. Отъ Шевырева я уже имѣю подробнѣйшій отчетъ. Отъ тебя еще ни слова. Я также на тебя еще долженъ сердиться за то, что ты не сказалъ мнѣ прежде ни слова о подлостяхъ типографіи и тайль ихъ отъ меня долго. И потому ради Бога отвѣчай мнѣ поскорѣе. Разлѣвался ли ты совершенно съ типографіею, то-есть я разумѣю не о платежѣ твоими деньгами, а моими, и. потомъ на всѣ три упомянутые запросы: 1) сколько продано экземпляровъ? 2) сколько послано въ Москву? и 3) сколько на лицо? Все это мнѣ нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить зараше все, то-есть предпринять другія мѣры въ случаѣ недостатка денегъ. Боюсь я сильно, чтобъ мнѣ не досталось бѣдствовать гдѣ нибудь на дорогѣ, тогда какъ я расположилъ сроки и сообразуюсь во всмѣ съ ними. Получаю я деньги, какъ я уже тебѣ писалъ, два раза въ годъ. Три тысячи мнѣ должны высыпать сякъ 1 октября, и три къ 1 мая, и потому вы, за мѣсяцъ до срока, должны увѣдомить другъ друга, Шевыревъ тебя, а ты Шевырева, въ какомъ положеніи ваши дѣла и деньги. Шевыревъ написалъ мнѣ, что онъ уже увѣдомилъ тебѣ, но отъ тебя еще отвѣта не имѣть. А между тѣмъ еще въ Москвѣ не уплачена часть долговъ моихъ, которая меня очень беспокоитъ. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляровъ въ Москву сверхъ высланныхъ прежде. Онъ съ ними сдѣлается, извернется и не потеряетъ копѣйки. Я не знаю въ точности никакого ему равнаго. Съ «Мертвыми Душами» и съ посланными ему

жизнеписьми отъ тебя онь распорядился прекрасно и во всемъ до послѣдняго нуля присдалъ отчетъ. Теперь, сообразя всѣ мои грядущіе доходы, я вижу, что большое сдѣлалъ неблагоразуміе, затѣявъ изданіе въ Петербургѣ. Восемь тысячи я потерялъ изъ собственнаго кармана. Самъ отвѣль у себя. Напечатаніе тома «Мертвыхъ Душъ» миѣ стало двѣ тысячи. Четыре подобныхъ тома составили бы восемь тысячи, а въ Петербургѣ изданіе этихъ томовъ обошлось ровно вдвое больше. Обо всемъ этомъ я помышлялъ уже въ Петербургѣ и миѣ хотѣлось перенести изданіе въ Москву, но манила скопость печати и желаніе видѣть прежде напечатанными въ собравіи тѣ пьесы, которымъ должно было играться на театрѣ. Причину сего отчасти ты поймешь и самъ, но все пошло на выворотъ. Какъ бы то ни было, но что случилось, то случилось, и что сдучилось, то вѣрно случилось для того, чтобы быть человѣкъ умнѣе и узналъ бы кое-что, чего не зналъ. На меня не сердись за это брѣмя, можетъ быть тажкое. Какъ бы тажело оно ни было, ии какъ бы я потерпѣль ты чрезъ это, все будетъ вознаграждено. У меня все стоитъ въ счету, и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ, но возмогу потонуть много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможнѣ. Затѣмъ цалую тебя; исполни пунктуально всѣ мои просьбы до одной, иакъ необходиимый законъ. Прощай дѣ слѣдующаго письма.

Твой Гоголь.»

Это было послѣднее письмо Гоголя къ Прокоповичу по поводу завершения «Сочиненій». Письмо это не требуетъ комментарій. *Нравственное перерожденіе* Гоголя вачиналось. Затѣмъ, до 1847 года, друзья не переписывались. Въ 1847 и 1848 годахъ Прокоповичъ получалъ отъ Гоголя по письму — и только. Послѣднее письмо Гоголя къ товарищу его юности — было изъ Москвы, отъ 29 марта 1851 года. Оно чрезвычайно интересно и потому я привожу его здѣсь целикомъ. Вотъ оно:

Мартъ 29. Москва (1851) (*).

«На твое письмо не отвѣчалъ, въ ожиданіи лучшаго расположения духа. Съ нового года напали на меня всякаго рода недуги. Все болѣю и болѣю: климатъ допекаетъ. Куда убѣжать отъ него, еще неизнаю; пока не рѣшился ни на что. Радъ, что ты здоровъ и твое семейство также. По настоящему слѣдуетъ позабыть свою хандру, когда видишь, что друзья и близкіе еще, славу Богу, здравствуютъ. Впрочемъ, и то сказать: ладобно знать честь. Мы съ тобой, слава Богу, перешли сорокъ лѣтъ, и во все это время ничего не звали, кроме хорошаго, тогда какъ иныхъ вся жизнь одно страданіе. Да будетъ же прежде всего на устахъ нашихъ благодарность. Болѣзни

(*) На этомъ письмѣ стоитъ отмѣтка Прокоповича: «послѣднее».

прюстановили мои занятія «Мертвыми Душами», которые (я) пошли было хорошо. Можетъ быть болѣзнь, а можетъ быть и то, что, какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не подымается руки. Странное дѣло, хоть и знаешь, что трудъ твой не для какогонибудь переходного современной минуты, а все таки современное неустройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе. Уведоми меня о себѣ. Все же и въ твоей жизни, какъ дни ея повидимому ни похожи (дать) одинъ на другой, случится что нибудь не ежедневное: или прочтется что нибудь, или услышится, или сама собой, какъ подарокъ съ неба, почувствуется такая минута, что хотѣлъ бы благодарить за нее долго, и быть вѣчно свѣжимъ и новымъ въ своей благодарности. Адресуй по прежнему: въ домъ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ. Супругу и дѣтокъ обними.

Твой весь Н. Гоголь.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ нѣсколько словъ о служебной дѣятельности Прокоповича. 10-го іюля 1840 года онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, ровно черезъ три года — въ надворные совѣтники, и опять черезъ три года — въ коллежскіе совѣтники. Потомъ, 3 апрѣля 1849 года, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени, 6 декабря 1852 года, того же ордена 2-й степени и паконецъ 17 апрѣля 1857 года св. Станислава 2-го класса.

Николай Яковличъ Прокоповичъ умеръ 1 іюня 1857 года, въ чась ночи, послѣ продолжительныхъ страданій чахоткою. Тѣло его похребено на Смоленскомъ Кладбищѣ.

Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые въ отведенномъ имъ судьбою тѣсномъ кругѣ дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вїянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ, встрѣчающіихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знавшіе его коротко сохранить о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, способномъ къ самой преданной и безпристрастной дружбѣ; а многія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимаго учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма преподаваніе. Покойный Евгений Павловичъ Гребенка, бывшій также учителемъ во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и знаяшій прекрасно свое дѣло, всегда говорилъ о Прокоповичѣ, что онъ не знаетъ лучшаго преподавателя русской грамматики. Онъ скончался послѣ болѣе — чѣмъ двадцатилѣтнаго преподаванія въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, оставивъ жену и шестерыхъ дѣтей.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

10-го ноября 1857 г.

РУССКИЕ ВЪ ИТАЛИИ (*).

ПОВѢСТЬ.

Въ печати давнымъ давно, а на словахъ еще чаще попадается мысль, что русскій, побывавъ за-границей, начинаетъ цѣнить свое отечество и любить его. Эта мысль вѣрна. Побѣжайте за границу, и вы убѣдитесь въ ней, какъ на самомъ себѣ, такъ и на каждомъ соотечественникѣ, котораго встрѣтите тамъ. Сознательно или несознательно, она отразится съ первыхъ же словъ. Съ этой точки зреіа, особенно пріятно видѣть огромное количество русскихъ, кинувшихся въ послѣднее время за границу. Еще два-три такихъ года и мода ъздить заграницу пройдетъ. Это сдѣлается также пошло, какъ бывало пошло одно время въ Петербургѣ ъздить въ Александрынскій театръ, а потомъ дѣло войдетъ въ обыкновенную колею, то-есть будуть ъздить за границу только по однимъ дѣльнымъ побуждѣямъ.

Если бы вы знали всѣ роды убийственной скуки и моральной пытки, которой добровольно подвергаютъ себя наши соотечественники изъ одного желанія похвастать передъ своимъ ближнимъ; небывавшимъ далѣе Каширы, что они были заграницей, вы бы удивились, какъ глубоко и сильно въ человѣкѣ тщеславіе! Всѣ многоразличныя жертвы, приносимыя тщеславію, ничтожны передъ этимъ героическими самоотверженіемъ, которое длится

(*) Повѣсть эта служитъ окончаніемъ повѣсти «Домашній Аль». (См. «Совр.» № XI, сентябрь 1857 г.)

мѣсяцы и годы,—длится безсмысленно и непрерывно. Вы живете не такъ, какъ привыкли жить, дѣлаете не то, что хотите; кушаете не то, что любите кушать, видите не тѣхъ людей, которые вамъ пріятны; съ утра до вечера насилиуете свой умъ, чувства, волю... словомъ, находитесь почти въ положеніи рыбы, вытащенной на берегъ. Вы постыдно испытываете моральныя страданія, которыхъ, быть можетъ, вамъ никогда непришлось бы испытать въ отечествѣ; на каждомъ шагу, лицомъ къ лицу становитесь вы съ вашимъ невѣжествомъ; проѣзжая историческіе города, поѣзжающая галлереи, развалины, вы пріобрѣтаете одно не безполезное, во-едва ли отрадное, убѣжденіе, что вы сущій и круглый неучъ—убѣжденіе, которое пробьетъ кору самодовольства, какъ бы крѣпка она ни была.... Самолюбіе ваше постоянно встревожено: если вы молчите, васъ мучить мысль, что васть сочтуть невѣждой; если говорите, то страшитесь поминутно попасть въ просакъ. То разъахаетесь надъ посредственной картиной, которую проводникъ выдалъ вамъ за Рафаэля; то пройдете безъ всякаго вниманія дѣйствительно великое произведеніе. Хорошо еще, если вы не замѣтите своей ошибки, а какъ уличить васть какой нибудь свидѣтель? Боже мой, что за нравственное истязаніе испытываете вы!...

— Что же дѣлать? скажете вы. Значить не надоѣдить за границу?—Нѣтъ! поѣзжайте, пожалуйста поѣзжайте! Избави меня Богъ отговаривать васъ. Нужно, непремѣнно нужно, чтобы вы сами на мѣстѣ убѣдились, что за наслажденіе перебѣжать изъ одного города въ другой, гдѣ ровно никому до васъ нѣтъ дѣла и гдѣ для васъ не можетъ быть дѣла, во той простой причинѣ, что вы не знаете, ни исторіи страны, въ которую заѣхали, ни ея настоящаго; что вымы для васъ эти памятники, эти статуи, картины, развалины, готическіе храмы и все, что вы не встрѣчаете. Поѣзжайте, сдѣлайте одолженіе, и возвратясь въ отечество, повторяйте, какъ можно чаще, вашимъ знакомымъ: «когда я былъ или мы были за границей» пась они сочтуть за человѣка образованнаго и вамъ будутъ завидовать,—а чего же вамъ болѣе?... И когда васть будутъ разспрашивать о жизни за-границей,—хвалите ее какъ можно болѣе,—и природу и людей, рѣшительно все хвалите, и совѣтуйтеѣхать: пусть и другіе получать полезный урокъ.

Съѣздивши такимъ образомъ и вынесши въ душѣ своей то убѣжденіе, котораго вы никому не передадите, но которое про себя не худо вамъ запомнить, не торопитесь же отправлять вашихъ

дѣтей за границу, сначала образуйте ихъ, чтобы они изъ поѣздки за границу могли извлечь болѣе пріятное и полезное впечатлѣніе.

Бхать заграницу, не будучи достаточно приготовленнымъ къ тому роду развлечений и наслажденій, которыя ожидаются въасъ, наприм. въ Италии, — значитъ подвергать себя, безъ преувеличенія, пыткѣ. Исключение остается, разумѣется, залюдями, бѣдущими съ цѣлью специальной, по болѣзни, по торговымъ дѣламъ, и прочее. Людямъ зрѣлаго возраста и даже совѣтовалъ бы, прежде отъѣзда въ Италию, съѣздить напримѣръ хоть въ петербургскій Эрмитажъ, чтобы узнатъ, дѣйствительно ли доступны имъ тѣ наслажденія, которыя доставляютъ картины, статуи и прочее. Тоже въ отношеніи природы,—проба здѣсь еще проще и легче. Кто не умѣеть насладиться тихимъ вечеромъ въ самой убогой мѣстности, кто не можетъ припомнить себѣ ни одного случая въ жизни, чтобы глухой ропотъ какой нибудь безыменной рѣки, шумъ лѣса гдѣ нибудь на дорогѣ, доставилъ ему наслажденіе, тотъ будетъ лгать передъ самимъ собой и передъ другими, восхищаясь природой Италии. И какую жалкую роль придется ему постоянно разыгрывать!... Что же дѣлать? кудаѣхать? въ Парижъ, въ Лондонъ?... Кому ни природа, ни искусство, ни наука недоступны, кто умѣеть только обѣдать, играть въ карты, пить вино и раззоряться на лоретокъ, тому не стоитъ дѣлать длишнее путешествіе; все любезное его сердцу онъ можетъ найти въ Петербургѣ. И между тѣмъ вы встрѣчаете множество такихъ путешественниковъ за границей, которымъ вездѣ скучно, ица все досадно, и они то, по возвращеніи, съ наслажденіемъ повторяютъ избитую пословицу: «славны бубны за горами.» Нѣтъ, такимъ господамъ рѣшительно не нужно путешествовать по Европѣ; и безъ нихъ есть тамъ жадкіе и невольные путешественники — Матрешки и Гришки, которыхъ возятъ по Европѣ наши бары. Такого рода русскіе невольные путешественники на все смотрятъ тупо — равнодушно или озабоченно, какъ бы за то, что они сдѣлались невольными свидѣтелями европейской жизни. Нѣмые и глухіе, по незнанію языковъ, они томятся въ шумныхъ отеляхъ, или на черлакахъ. Спящіе проѣзжаютъ они Альпы, моря и города; иногда только разразятся звучнымъ смѣхомъ, надѣя наивѣдь мѣстнымъ обычаемъ: напримѣръ, что картофель пролаѣтъ на фунты, что итальянцы єдятъ ветчину съ свѣжими фигами, или что французы пьютъ кофе столовой ложкой. Для этихъ жалкихъ и не-

довольныхъ путешественниковъ, всѣ красоты природы Италіи,—ничто передъ жарко натопленной башей; всѣ удовольствія европейской жизни—передъ самоваромъ въ грязной кухнѣ, въ обществѣ своихъ собратовъ, гдѣ они другъ передъ другомъ щеголяютъ своею наблюдательностью и острять надъ своими господами.

Есть еще жалкіе и невольные путешественники—маленькия дѣти, которыхъ эгоистические и неумѣренно-любознательные родители заставляютъ по цѣлымъ суткамъ задыхаться въ душныхъ вагонахъ или дилижансахъ, качаться нѣсколько дней съ ряду на морѣ, а потомъ запираютъ въ двухъ комнатахъ съ нянью, взятой съ улицы, по рекомендаций какого нибудь лакея. Въ каждомъ городѣ нянки мѣняются, и несчастныя дѣти отдаются въ ихъ полное распоряженіе, потому что любознательные и нѣжные родители цѣлый день рыскаютъ по городу, и въ то время, когда они восхищаются рѣдкостями искусствъ или занимаются покупками въ магазинахъ, бѣдненькие маленькие путешественники, изщипанные своими надзирательницами и голодные, томятся зимой въ холодныхъ, а лѣтомъ въ душныхъ комнатахъ. Неужели этимъ любознательнымъ и нѣжнымъ родителямъ не приходитъ въ голову, что ихъ дѣти осуждены на скучу и страданіе, лишены роднаго языка и даже игрушекъ, (потому что,—гдѣ же возиться съ игрушками въ дорогѣ!) творящей своихъ игрь и даже своей няни, которая, при всемъ своемъ невѣжествѣ, замѣнила имъ мать, потому что родители изодлия въ день ъѣздили въ гости, въ театры, а утромъ развозили визиты? Лицемѣрство до того укоренилось въ обществѣ, что подобные родители никого не возмущаютъ; ктому-же мать при постороннихъ ощупываетъ озабоченно головку ребенка и пугливо говоритъ: «Поль, у тебя болитъ головка?» и вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ гостямъ: «Я такъ боюсь, когда они у меня чуть захвораютъ.» Гости знаютъ очень хорошо, что пугливая маменька не заботится, какъ они спать, чтѣ ъѣдять и какъ проводить время, когда она разъѣзжаетъ по гостямъ, по считають долгомъ замѣтить ей: «что она черезъ чуръ нѣжная мать, и что такъ сильно не слѣдуетъ любить дѣтей.» Не лучше ли ужъ такого рода родителямъ оставлять дѣтей на рукахъ нянекъ? На родинѣ, по крайней мѣрѣ не будуть они защищаны иностранными нянками и не станутъ голодать. Бѣдныя бѣдныя дѣти! за васъ никто не вступается,

съ вами дѣлаютъ что хотятъ, воспитаютъ какъ хотятъ, не отдавая никому отчета...

Странная вещь: наши избалованные соотечественники, привыкшіе дома къ комфорту и роскоши, за границей иногда не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на удобства домашней жизни. Мать преравнодушно смотрить, что ея дочери лѣтъ тринадцати или двѣнадцати спятъ въ комнатѣ отдѣленныя отъ курьера одной ситцевой перегородкой; да и сама барыня почиваетъ такъ близко, что слышитъ его храпенье ночью. Надо замѣтить, что наши барыни, какъ бы ни были ограничены ихъ средства, не могутъ путешествовать по Италии безъ курьера; онъ лишаютъ своихъ дочерей гувернантки, будуть оставлять ихъ въ обществѣ Матреши, но безъ курьера ни за что не обойдутся. Эти курьеры постоянно обкрадываютъ барыню, они берутъ деньги съ прачки, съ хозяйствки квартиры, съ трактирщиковъ, откуда приносятъ обѣдъ, съ магазиновъ, гдѣ покупаютъ себѣ путешественницы вещи и наряды, съ кучера и даже съ булочника. Барыня все видитъ, но прощаетъ имъ, потому что они величаютъ ее принчессой или контессой.

Въ характерѣ у русскихъ есть странныя противорѣчія. Если отъ великаго до смѣшнаго, какъ говорятьъ, одинъ шагъ, такъ отъ скучности до безсмысленной расточительности русскихъ баръ--мечты--шагу. Эти противорѣчія еще яснѣе выставляются въ нашихъ путешественникахъ за границей: они спорятъ изъ-за гроша съ извозчикомъ или носильщикомъ ихъ тяжелыхъ чемодановъ, и въ тоже время, бросаютъ деньги безъ счету, для того только, чтобы задать тону. Та самая барыня, которая три мѣсяца жалась въ двухъ крошечныхъ комнатахъ съ курьеромъ и дочерьми, къ карнавалу нанимаетъ большую квартиру, и даетъ балы для знатныхъ своихъ соотечественниковъ, которые удостоивають ее своимъ посѣщеніемъ единственно потому, что имъ скучно и некуда дѣться вечеромъ. Но по прибытии въ Россію, они не будутъ узнавать ту, которая бросала имъ въ коляску и на ихъ балконы, во время карнавала, дорогія игрушки, букеты, ту, которая тратилась на ихъ угоженіе и истощала передъ ними весь запасъ своей раболѣпной лести.... Извѣстно, какъ неприступны и горды вообще русскія дамы у себя дома, относительно своихъ соотечественниковъ; за границей-же, они совершенно утрачиваютъ свою величавость и неприступность и любезны даже съ нянюшками какихъ нибудь итальянскихъ мар-

Есть. Иногда бѣдно и грязно одѣтыхъ итальянскія дѣти уѣстиваются ихъ ласкъ и онѣ щедро награждаютъ ихъ деньгами; тогда, какъ въ Россіи ни одному ребенку не дадутъ и греша, и на грязь и лохмотья русскихъ дѣтей своихъ соотечественниковъ смотрять съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Вообще, всѣ русскіе за границей воображаютъ, что въ Европѣ они пользуются глубокимъ уваженіемъ, потому что лакеи, трактирщики и магазинщики величаютъ ихъ *принчипессами* и *контессами*. Тонъ этого величанія, впрочемъ, походитъ на тонъ, который употребляютъ наши лихачи-извошики, относясь къ какому нибудь кутилѣ-приказчику, котораго они называютъ *ваше сіятельство*. Всѣ впрочемъ лакеи на земномъ шарѣ походята другъ на друга: изъ границей, прислуга величаетъ своихъ иностраннныхъ хозяекъ, которымъ служить, *принчипессами*, также, какъ наша прислуга на вопросъ: «чи это дѣти?» отвѣчаетъ обыкновенно: «генеральскія,» хотя ей очень хорошо известно, что эти дѣти какого нибудь надворнаго совѣтника. Но нельзя винить въ низкопоклонничествѣ тѣхъ иностранцевъ, которые какихъ нибудь Петровыхъ величаютъ *принчипессами*, потому что эти Петровы, путешествующіе съ крѣпостными Матрешами и съ Палагеями, уверяютъ довѣрчивыхъ иностранцевъ, что только княгини могутъ владѣть Матрешами.

Немудрено также, что иностранцы впадаютъ въ заблужденіе, касательно того, что всѣ русскіе богаты. Действительно и богатые и бѣдные русскіе путешественники несравнѣнно щедрѣе за границей, чѣмъ дома. Щедрость же богатыхъ русскихъ въ самомъ дѣлѣ изумительна за границей. Албанскія крестьянки прогуливаются по Риму, разодѣтыя какъ маркизы, по милости русскихъ путешественниковъ; сотни курьеровъ слѣдались господами, по милости богатыхъ и старыхъ барынь, которые удаляются въ Италію, для поправленія своего здоровья. Ловкія иностранныя горничныя получаютъ отъ нихъ приданое; и не одинъ гувернеръ пріобрѣлъ себѣ маркизскій титулъ посредствомъ купленного для него иѣжногорусского маменькою, замка въ знакъ благодарности за прекрасное воспитаніе ея дѣтей.

Почему же о подобной щедрости имъ не приходитъ въ голову на родинѣ? Правда, что у нашихъ богачей полонъ домъ иностраннцевъ, которымъ дается потомъ пепсія, но своя престарѣлая прислуга отсылается въ деревню, какъ вещь больше уже

история къ употребленію. Путешествуя по родинѣ, этиль бѣрамъ никогда не приходить желаніе перекрыть хоть какую-нибудь соломенную сгнившую крышу своего русскаго бѣдняка, а за границей они дѣлаются сюрпризы нѣмцамъ, покупая имъ дома и земли. Въ Ницѣ или въ Баденѣ, въ салонѣ, у многихъ нашихъ дамъ, на столѣ лежатъ листы въ пользу бѣдныхъ города, а ни одной изъ этихъ благотворительныхъ дамъ, никогда не приходила мысль, хоть изъ лицемѣрія, сдѣлать такую подпиську у себя дома. Иностранцы вѣрять въ ихъ сострадательныя сердца и восхваляютъ ихъ въ своихъ журналахъ, но мы краснѣя читаемъ эти похвалы. Истинное состраданіе не между этими господами!... Посмотрите на бѣдняка, подающаго милостыню калѣки нищему.. И онъ еще крестится, что Богъ послалъ ему возможность удѣлить копейку изъ грошей, добытыхъ трудомъ!..

А сколько разъезжаютъ по Европѣ такихъ русскихъ путешественниковъ и путешественницъ, которые считаютъ долгомъ рассказывать всей нублики на пароходахъ или желѣзныхъ дорогахъ, сколько ими истрачено денегъ за границей и сколько-еще они намѣрены прожить. Я упомяну только слегка о тѣхъ-путешественникахъ, которые, вѣроятно желая возвысить русское имя за границей, заказываютъ въ лучшихъ итальянскихъ кафе, такие баснословные обѣды, для которыхъ трактирщикъ долженъ выписывать провизію почти изъ всѣхъ столицъ Европы и еще о тѣхъ, которые желая пустить ныль въ глаза пиши (такъ зовутъ они итальянцевъ), обѣдаются съ ними въ общемъ кафе и чуть не поливаютъ полъ шампанскимъ, а въ заключеніе еще бьютъ посуду и зеркала. Впрочемъ, эта выходка одного изъ такихъ русскихъ патріотовъ неудалась: итальянцы въ ужасъ разбѣжались при первомъ бокалѣ брошенномъ на полъ, думая, что русскій богачъ сошелъ съ ума...

Вообще всѣ ваши путешественники рѣзко дѣлятся на два разряда: одни всѣмъ восторгаются до приторности, другіе ничѣмъ недовольны: къ послѣднимъ въ особенности принадлежать наши дамы. Они недовольны и мѣстами втораго класса въ вагонахъ, и помѣщеніемъ въ театрахъ, и прислугой въ отеляхъ; имъ трудно угодить. Но онѣ не хотятъ принять въ соображеніе того, что за театръ и за вторыя мѣста въ вагонахъ, плата заграницей ничтожная, сравнительно съ Петербургской. За два франка въ сутки русская барыня имѣть швейцара, лакея, горничную и

обижается если эта прислуга не вытягивается передъ икою въ струнку, не ѿддается со всѣхъ ногъ на ея безтолковые звонки.

Жалуясь на дорожевизну заграничной жизни, паши путешественники смѣшиваются обыкновенно со своими ежедневными расходами, свои счеты по магазинамъ, проигрыши въ рулетку и различные тайные расходы. Надъ германскую жизнью вообще и въ особенности надъ столомъ острять всѣ, забывая только упоминать о дешевизнѣ этого стола и остальныхъ потребностей жизни. Есть и такие путешественники, которые морятъ себя съ голоду изъ скучности и кричатъ, что за границей можно умереть съ голоду....

Но довольно о всѣхъ этихъ мелочныхъ, общихъ чертахъ нашихъ путешественниковъ. Посмотримъ, какъ они проводятъ время въ большихъ европейскихъ городахъ. Начнемъ съ германскихъ цѣлебныхъ водъ, куда стекаются со всего свѣта больные не тѣломъ, а духомъ. Цѣлебные европейскіе источники, по моему мнѣнію, должны бы были давно засориться отъ злословія, интригъ, кокетства и самыхъ порочныхъ человѣческихъ страстей, разыгрывающихся у ихъ ключей. Впрочемъ, они могутъ не только засориться, даже изсянуть, ихъ все-таки будутъ посещать, лишь бы неутомимо вертѣлась рулетка и неизтощалось золото на карточныхъ столахъ.....

Въ Парижѣ каждый русскій считаетъ долгомъ прожить почти всѣ свои деньги, взятые имъ на продолжительное путешествіе. Парижская жизнь такъ весела, свободна, удобна! Она никогда не нарушаетъ семейного счастья и не повредить репутаціи, только карманъ сильно страдаетъ. Въ Парижѣ, даже русскіе аристократы ведутъ себя смѣло, просто и удостовѣряютъ посыщать Мабиль — они, которые пришли бы въ ужасъ и негодованіе, если бы ихъ попросили поглядѣть, какъ танцуютъ въ благородномъ собраниі петербургскіе чиновницы и офицеры! Но въ Лондонѣ они снова превращаются въ строгихъ аристократовъ, впрочемъ не болѣе какъ на двѣ недѣли. Они не любятъ оставаться долго въ Лондонѣ, потому что послѣ свободной парижской жизни, имъ вездѣ скучно, да и къ тому же англичане неудивлятся, если бы даже иностранцы вздумали передъ ними разстапливать какіиы банковыми билетами!.. Въ Швейцаріи на нашихъ путешественниковъ, вѣроятно, дѣйствуетъ живописная природа, потому что они превращаются вдругъ въ истинныхъ туристовъ: не разбираютъ общества, пренебре-

тгаютъ удобствами и готовы проводить ночь въ какой нибудь одинокой хижинѣ, на горѣ!

Но вотъ Италия.... Голубое небо, синее море, померанцевыя рощи, мраморныя скалы, музыка, красота туземцевъ, все это вѣдѣстъ дѣйствовать сильно на воображеніе путешественниковъ, подготовленное романическими разсказами тѣхъ, которые прежде побывали въ Италии, и особенно дамъ! Романическая похожденія въ Италии русскихъ разсказываются и описываются ими очень забавно. Вы вѣроятно, читатель, и до меня слышали отъ какой нибудь дамы путешественницы, разсказъ о томъ, какъ итальянецъ, разумѣется красавецъ собой, преслѣдовалъ ее на гуляньяхъ, въ театрахъ и даже по ночамъ прохаживался мимо ея оконъ. Чѣмъ же кончились эти преслѣдованія? спрашивали вы ее... Путешественница съ достоинствомъ отвѣчала вамъ, что эти преслѣдованія ей надоѣли, что онъ пугали ее и потому она уѣхала изъ Рима прежде, чѣмъ предполагала. Дѣло было впрочемъ не совсѣмъ такъ: путешественница сама кокетничала съ красавцемъ, я это знаю навѣрно, и ей очень нравились его преслѣдованія... Однажды ей случилось выѣхать очень рано утромъ изъ дома. Городъ еще былъ пустъ, одни бѣдняки попадались ей на встрѣчу, да повара и кухарки съ провизією. У одного дома, путешественница вдругъ съ ужасомъ видѣть своего красавца съ ножомъ въ рукѣ.... Что же это такое? бандитъ!... Ахъ, влюбленной бандитъ еще романничѣ! Но увы! это не бандитъ, а просто мясникъ.... Въ Италии натурщики, мясники, рыбаки и вообще люди изъ народа очень избалованы частыми романическими приключеніями.

Вы вѣроятно также слыхали, какъ одно русское полу-свѣтское семейство, чуть не породнилось съ курьеромъ, который выдавалъ себя за маркиза? Ужь непремѣнно какая-нибудь барышня писала изъ Неаполя своей пріятельницѣ, что полѣя окиномъ, два вечера сряду, въ извѣстный часъ, какой-то незнакомецъ, въ плащѣ, и съ гитарой задавалъ ей серенаду. Какъ это мило!... Серенада ночью! въ Петербургѣ по ночамъ прохаживаются только одни дворники съ дубинками! Но пріятельница путешествующей барышни никогда не узнаетъ развязки разсказа объ интересномъ пѣвцѣ.... Я за нее разскажу вамъ это окончаніе. Въ одинъ вечеръ, когда онъ пѣлъ,сосѣднее окно отворилось и англичанинъ раздражительно крикнулъ пѣвцу, бросивъ ему скудо: «я спать хочу, убирайтесь

подавшъ!» Неизнакомецъ поднялъ деньги, поблагодарилъ франтъ и скрылся. Черезъ четыре дома онъ снова запѣлъ..., Дѣло оказалось просто. Интересный незнакомецъ ждалъ денегъ и отъ барышни!... Въ Венеціи русскіе путешественники, долго не заживаются хотя приходя въ неописанный восторгъ отъ лагуны и гондолъ. Они прѣезжаютъ въ Венецию на отдыхъ и для экономіи промотавшиесь въ Парижъ....

Флоренція, — дѣло другое. Этотъ городъ любимъ не только русскими, но всѣми путешественниками. Флоренція—главный резервуаръ курьеровъ, горничныхъ и кормилицъ....

На гуляньяхъ во Флоренціи почти на каждомъ шагу встрѣчаются удивительные франты и разрумяненные старушки; они кажутся сѣѣжающимися сюда со всего свѣта. И все это смѣшивается съ толпами монаковъ: монахи съ бритыми макушками, монахи въ сандалияхъ.... куда не посмотришь, вездѣ монахи! Церковная торжественная процессія на улицахъ встречается ежедневно и въ пихъ участвуютъ всѣ: горожане съ дѣтьми мужескаго пола, солдаты съ ружьями и съ музыкой, и множество различныхъ орденовъ. Духовенство въ парчѣ, съ парчевыми зонтиками, съ громадными евѣчами, золочеными фонарями, хоругвями, которая несутъ гиганты, облеченные въ красные одежды. Туалеты благочестивыхъ и ревностныхъ прихожанъ изящны и въ ихъ рукахъ тоже громадныя свѣчи. Дѣти отъ трехъ лѣтъ до семи играютъ не послѣднюю роль въ этихъ торжественныхъ процессіяхъ. Онѣ прокрыты только барабанчиками, на головахъ у нихъ золотисто-блѣлокурыя парики, съ голубой лентой на лбу. Ихъ несутъ на рукахъ отцы, и чтобы онѣ не плакали, то у каждого въ руки сладкій пирогъ или конфекта. Усталыя малюткичасто засыпаютъ на плечахъ своихъ отцовъ, сбивая на бокъ паричокъ, изъ подъ котораго виднѣются, густые черные волосы. Дѣти по старше ведутъ на голубыхъ лентахъ барабановъ съ золочеными рогами. Онѣ разряжены въ пухъ и гордо идутъ въ процессіи, съ букетами цветовъ, со свѣчами, а некоторые съ серебряными блюдами, устпая путь цветамъ. Нарады дамы смотрятъ на эти церемоніи, какъ на спектакль... а на ихъ драпированные окны и балконы жадно посматриваютъ монахи. По протяженію всей процессіи, цѣлые лѣса стульевъ, для зрителей — женщины и дѣтей по бѣдѣ....

Римъ, считающійся святымъ городомъ, не такъ пристрастенъ

иъ карнавалъ процессіемъ па уличать; тутъ же торжество съвѣршаются въ карнавалъ. Видѣть Римъ, мечта всякаго итальянца. Это ихъ столица! Римскій карнавалъ извѣстенъ всему свѣту. До 1848 года римляне гордились имъ. Нѣкогда все народонаселеніе города и его окрестностей ждало этого праздника нетерпѣливо; весь римскій житељ обыкновенно копили деньги въ теченіе года, чтобы ихъ потратить въ одну недѣлю, а бѣдные люди лишали себя необходиаго для того только, чтобы имѣть средство сдѣлать себѣ карнавальный костюмъ и подѣль маской дурачиться и веселиться до упаду. Но съ 1848 года, по милости самого веселаго народа въ нѣрѣ, римлянинъ пересталъ веселиться вовремя карнавала, теперь маски дозволяются только въ коляскахъ; а гдѣ бѣдняку взять деньги на коляску? Французашь не понравиись, что римляне веселились, ихъ не понравиись свобода...

Ничего не можетъ быть печальнѣе памятника на виллѣ Пан-Фикла близъ Рима, въ честь погибшихъ французскихъ республиканцевъ, сражавшихся противъ Римской республики!..

Но кстати-ли въ повѣсти касаться такихъ серьезныхъ пред-
метовъ?... Переѣдемъ къ римскому карнавалу и посмотримъ на него въ настоящую минуту.

Наши соотечественники, хорошо знакомые съ римскимъ карнаваломъ, обыкновенно очень пугаютъ новичковъ русскихъ путешес-
твенниковъ, являющихся въ Римъ для карнавала. Раѣскываютъ печальные происшествія: одному изъ русскихъ выкололи
глазъ, какой-то дамѣ проломили голову, другую даму забросали выпачкаными букетами со свистомъ и бранью....

Наѣзывавшись такихъ разказовъ, я признаюсь не безъ
робости отправился на карнавалъ и сталъ наблюдать за
нашими соотечественниками. Тутъ только я понялъ, почему
итальянцы такъ грубо обращаются съ ними. На Корсѣ
всѣ дороги балконы заняты обыкновеніе англійскими и рус-
скими семействами.... Въ Римѣ англичане и русскіе постоянно
соперничаютъ бросаниемъ денегъ другъ предъ другомъ, и от-
нимаютъ этимъ всякую возможность дешево путешествовать
своимъ небогатымъ соотечественникамъ....

На балконахъ, занимаемыхъ русскими, запасены кули известіи, перемѣнной съ мукой и крупными шариками изъ тѣста.
Шарики эти очень чувствительны, когда они съ мукой съ раз-
маха бросаются въ лицо.

И наши нувещественники бросают муку съ маркими съ балконовъ своихъ не горстами, а цѣльми рѣшетами и безъ разбора—на дѣтей, на шаряды одѣтыхъ женщинъ, на кутеровъ, которые должны превѣтъ лошади. Засыпанные извѣстью и осѣпленные, кучера давятъ народъ, толпами бѣгущій между рядами колясокъ и дѣтей, перебѣгающіе черезъ улицы, къ окнамъ подобно стаи воробьевъ, чтобы поживиться конфектами и цѣѣтами, летающими изъ оконъ въ коляски и изъ колясокъ въ окна.

Карнаваль для римлянъ всеобщій праздникъ; на немъ всѣ заселятся, начиная отъ маркиза до крестьянина, и всѣ одинаково вѣжливы къ женщинамъ и внимательны къ дѣтямъ. Итальянцы на гуляньяхъ вообще народъ весьма услужливый и вѣжливый, сравнительно съ другими націями....

И сколько артистической прелести въ этомъ празднике! итальянская общительность доходитъ до того, что каждый молодой итальянецъ изъ знатнаго круга признаетъ, и съ большой вѣждивостью, букеты даже отъ безобразныхъ старухъ или бѣдныхъ девушекъ и сейчасъ же отдаиваетъ за нихъ цѣѣтами или конфектами. Если же они и обсыпаютъ женщинъ мукою, то слегка и осторожно. Иностранны же, по большей части, на карнавалъ являются грубыми относительно дамъ, и всегда разсчитываютъ: броить или нѣтъ отвѣтный буquetъ? «Нѣтъ, она не такъ красива, лучше я поберегу его для другой», разсуждаютъ они, а есть и такие, которые на любезность отвѣчаютъ тѣмъ, что бросаютъ и еще съ какой-то злостью въ лицо горсть извѣсти!

Нѣкоторые русскіе, желая привести въ волненіе толпу для своей потѣхи, бросаютъ съ своихъ балконовъ байоки и смыются, какъ дѣти лежатъ на эту добычу, и какъ въ это время лошади давятъ ихъ. Неправда ли остроумная выходка? Недурна также и забава: привязать на шнуръ дорогую игрушку и спустить ее такъ съ балкона, чтобы каждый бѣднякъ покусился сорвать ее. И въ то время, какъ она подирогивается, десять рукъ въ бѣдныхъ перчаткахъ и въ числѣ ихъ дамскія ручки бросаютъ извѣстю ему прямо въ глаза и радуются, что осѣпили его.

Послѣ всего этого понятно, почему иностранцы подвергаются разнаго рода непріятностямъ. Итальянцы бѣдняки начинаютъ сѣдовать примѣру богатыхъ иностранцевъ, и на ихъ грубия выходки отвѣчаютъ тѣмъ же. Вотъ нѣсколько трагическихъ проишествий съ русскими на Римскомъ карнавалѣ. Послѣ обычнаго сигнала конныхъ музыкантовъ, проѣхавшихъ по Корсо, че-

ресь пять минутъ улица очищается отъ экипажей, веселые оканчиваются и толпы народа съ обѣихъ сторонъ сдержаны рядами солдатъ, чтобы можно было свободно скакать на неосѣделанныхъ лошадяхъ, облѣпленныхъ бумажными трещотками. Въ это время многія семейства пробираются домой. Однажды одно изъ такихъ семействъ было задержано густой толпой: оно терпѣливо ожидало, когда проскачутъ лошади, чтобы продолжать путь. Съ балкона, вопреки обычаю, продолжали сыпать муку; одну даму и ребенка совсѣмъ засыпали.... Дама просила перестать, но ее не слушали и всѣ остатки изъ мѣшка разомъ высыпали ей на голову и въ заключеніе бросили мѣшокъ, который совсѣмъ прикрылъ ей голову. Она въ испугъ дико вскрикнула и упала въ обморокъ. Въ эту минуту кто-то изъ толпы бросилъ табакеркой па балконъ и попалъ въ голову нарядной дамѣ, принимавшей дѣятельное участіе въ этой сценѣ. Другому печальному происшествію я былъ самъ свидѣтель. Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ бросилъ букетъ въ окно какой-то юбщенской итальянки, но, по неловкости, букетъ не достигъ назначенія, и бѣднякъ мальчикъ, стоявшій тутъ, поднялъ его. Букетъ, такимъ образомъ поднятый, считается уже собственностью того, кто его поднялъ. Мальчикъ охотно возвратилъ бы букетъ за паули. Но раздосадованный соотечественникъ мой сталъ вырывать букетъ у мальчика; тотъ хотѣлъ бѣжать, но былъ догнанъ и больно отколоченъ палкой. На крики мальчика явились защитники и въ толпѣ раздался ропотъ: «Надо проучить этихъ богачей форестьеро, чтобы они не были нашими дѣтьми. Экіе дикари палками бьютъ дѣтей!» Побѣдителямъ увели поскорѣе прочь его товарищи, вѣроятно понимавшіе по итальянски. На другое утро я встрѣтилъ моего соотечественника, воевавшаго съ мальчикомъ на Корсѣ, съ подвязанной щекой.

— Что съ вами? спросилъ я его.

— Да какой-то мерзавецъ бросилъ въ меня букетомъ и разпарашасть мнѣ щеку. Я не вѣрилъ всѣмъ этимъ розсказнямъ, а теперь вѣрю, что эти мерзавцы и глаза готовы выколоть подъ видомъ шутки....

Такого рода происшествія на карнавалѣ производятъ непрѣятное впечатлѣніе на всѣхъ образованныхъ итальянцевъ. Нѣкоторые съ удивленіемъ спрашивали меня, указывая на балконы, за-

чтъяющими соотечественниками, съ которыхъ сынались байоны;

— Неужели это забавно? Къ чему это они бросаютъ деньги въ народъ? мы и безъ того вѣримъ, что они богаты.

Большой раздражительный итальянецъ отвѣчалъ на мой вопросъ: — почему онъ не бываетъ на Корсѣ во время карнавала? — Я не могу бывать тамъ, гдѣ богатые и образованные иностранцы подаютъ дурные примѣры, бѣдному и невѣжественному нашему народу. И какой это карнавалъ? И что за веселье? Ни одного хорошенькаго лица, всѣ засыпаны известью, дѣти раздавлены лошадьми, драки!... Нѣть, мы не привыкли такъ веселиться, это насть оскорбляетъ....

За исключенiemъ карнавала, жизнь въ Римѣ вообще тихая, и потому всѣ наши соотечественники и соотечественницы превращаются въ любителей искусствъ: онъ бѣгаютъ по галереямъ, во дворцахъ, посѣщаю мастерскіе художниковъ и не иначе, какъ французскими фразами изъявляютъ свой восторгъ. Въ Ватиканѣ они являются почти всякий день и отдахаются на Пинче.... Здѣсь любуются съ террасы закатомъ солнца, который привлекаетъ сюда толпы публики.

Я замѣтилъ, что русскіе, встрѣтясь за границей съ своими соотечественниками, смотрятъ или враждебно другъ на друга, или съѣхѣтъ иронію. Что за причина? Трудно разгадать!

Страсть русскихъ къ искусству довольна оригинальна: они, посѣща мастерскіе своихъ соотечественниковъ-художниковъ, восхищаются чуть не до слезъ ихъ произведеніями, но рѣдко покупаютъ ихъ. Это вѣрно еще не въ модѣ. Между тѣмъ эти господа съ любовью собираютъ римскія древности, фабрикуемые въ настоящее время. Если же русскій художникъ и продаетъ своимъ картину, то вовсе не на выгодныхъ усло-віяхъ. Кто не знаетъ, что у насть есть свои особенные вонятія, многіе изъ насть не считаютъ грѣхомъ украдь собаку, на-дуть лошадью, зачитать книгу, а также заплатить за купленную картину у русскаго художника когда вздумается?

Наши ламы въ Римѣ, вѣроятно, отъ нечего дѣлать и отъ скучи, въ послѣднее время, стали также знакомиться съ русскими художниками. Но онъ не удостовѣряютъ ихъ той любезности, которую расточаютъ передъ иностранными артистами. Конечно, художники наши не имѣютъ того лоску и той смѣлости, какими владѣютъ иностранцы, но за то какъ они услужливы, какъ терпѣливы, какъ полезны для русскихъ въ Римѣ; они замѣня-

ють гидовъ, учителей, ихъ мысли объ искусстве выдаются. по- томъ за собственныя мысли, и на родинѣ, по ихъ милости, многіе пріобрѣтаютъ почетныя титла любителей и любительницъ ис-кусства. А альбомы наполняются ихъ трудами. За одну ласковую улыбку они списываютъ вѣснѣ съ дѣтей вашихъ портреты. За одну улыбку! — тогда какъ за это же иностраннымъ художни-камъ платятся большія деньги.... О милыя мои соотечественни-цы! хотя за эти даровые портреты примите ихъ въ ваши салоны, какъ вы принимали ихъ въ Римѣ, гдѣ за неимѣніемъ другихъ кавалеровъ, вы даже слегка и попривычкѣ позволяли себѣ кокет-ничать съ ними! Докажите, что ваша любовь къ искусству не ложь, что она не оканчивается вмѣстѣ съ отѣздомъ вашимъ изъ Рима!.. Я видѣлъ вѣснѣ и въ Парижѣ: съ какимъ искрен-нимъ рвениемъ бѣгаютъ вы по магазинамъ, любуясь дорогими ку-сками матерій! вы восхищены столько же, какъ въ Римѣ, пе-редъ произведеніями искусства!... Но въ Римѣ, въ мастерскихъ художниковъ, вы отдаѣвались одними только фразами, азѣйсь, въ парижскихъ магазинахъ, вы разсыпаете и деньги и фразы.... Насколько вы благоразумны и расчетливы для покупки карти-ны, на столько вы расточительны въ магазинахъ....

Въ доказательство, страсти русскихъ путешественницъ по- купать наряды за границей, я разскажу одно произшествіе, слу- чившееся съ однимъ знакомымъ ми семействомъ. Семейство это со-стояло изъ матери, довольно пожилыхъ лѣтъ, но сохранившей- ся, и трехъ блокурыхъ, наивныхъ дочекъ, изъ которыхъ мень- шой четыре года сряду все было шестнадцать лѣтъ. Семей-ство это давно мечтало о поѣздкѣ за границу; наконецъ, эта ра- достная минута наступила: деньги на поѣздку берутся подъ залогъ разоренного небольшаго имѣнія. Пріѣхавъ на парохо-дѣ въ Гамбургъ, семейство мое пленяется страшною дешевиз-ною нарядовъ и блескомъ магазиновъ, оно начинаетъ закупать, ридиться и веселиться. Въ какомъ-то чаду семейство истрачи- ваетъ всѣ деньги, привезенные на годъ, и еще дѣлаетъ долги! Кто-то изъ добрыхъ знакомыхъ сжалился надъ ними и даль- имъ взаймы столько денегъ, чтобы добраться до родины. Се-мейство не было нигдѣ, кромѣ Гамбурга, а между тѣмъ съ вос-торгомъ разсказываетъ о «Дрезденской Мадонѣ» Рафаэля, о прелести Италии и о томъ, что изъ Ватикана они уходили по-

слѣдніе, что въ Неаполѣ они вѣбирались на Везувій и любовались, какъ лазарони єдятъ макароны на улицахъ....

Странное дѣло! я пробылъ двѣ недѣли въ Неаполѣ и ни разу не видалъ, лазарони, єдящихъ макароны, хотя многие путешественники не могутъ не упоминать объ этомъ, говоря о Неаполѣ....

Я не упомянулъ о печальной сторонѣ заграницкой жизни нашихъ путешественниковъ — о процессахъ, но такъ какъ за границей судопроизводство гласное, то я лучше умолчу объ этихъ процессахъ.... эти процессы бываются по большей части съ прислугой.

Меня навѣрно многіе упрекнутъ за то, что я выставляю одни рѣзкіе недостатки моихъ соотечественниковъ-туристовъ? Но о приличныхъ и хорошо ведущихъ себѣ русскихъ путешественникахъ и говорить нечего.

Я разговорился такъ подробно о жизни нашихъ путешественниковъ за границей потому, что дѣйствіе этой повѣсти за границей.—Главное лицо моего разсказа—Бѣгичевъ въ третій разъ путешествовалъ. Въ первый разъ для того, чтобы учится, во второй наслаждается жизнью и искусствами.... въ третій для разсвѣтія, для оживленія себя, потому что онъ начиналъ чувствовать свое душевное увяданіе....

Кому незнакома тяжелая, бесплодная борьба съ самимъ собой?... Осьдлая жизнь томитъ человѣка, для людей образованныхъ, самолюбивыхъ, но бесполезныхъ самимъ себѣ и другимъ остается впослѣдствіи только одно—странствующая праздность.

Бѣгичевъ, уѣзжая за границу, далъ самому себѣ одну вѣтъхъ неизмѣнныхъ клятвъ, которыми человѣкъ себя утѣшаетъ, подобно утонающему, хватающемуся за соломенку. Эта клятва состояла въ томъ, чтобы по возвращеніи своемъ изъ-за границы заняться благоустройствомъ своихъ крестьянъ, о любви къ которымъ онъ говорилъ такъ увлекательно, что не одну даму трогалъ до слезъ.

Осуществить планъ этой будущей дѣятельности онъ считалъ необходимостью. Ему уже рисовались сцены, какъ онъ, желая освободить своихъ мужиковъ, стоитъ посреди нихъ и начинаетъ къ нимъ рѣчь такою фразою: «Господа! я болѣе уже не вашъ баринъ!... Вы свободны!...» Но вслѣдъ за тѣмъ, ему приходила мысль, не рано ли это и не лучше ли устроить спачала-

школу въ своей деревнѣ, и строго запретить беременнымъ бабамъ исправлять тяжелыя работы?.. Не завестили какую нибудь бумагопрядильную фабрику или что нибудь въ этомъ родѣ, чтобы половину доходовъ съ нее отдавать мужичкамъ своимъ, работающимъ на фабрикѣ?.. Эти неопределенные планы онъ часто сообщалъ съ жаромъ въ гостиныхъ своихъ знакомыхъ, а тѣ, озадаченные такимъ невѣроятнымъ самопожертвованіемъ, съ удивленіемъ слушали эти фантазіи. Возвращаясь изъ гостиныхъ, Бѣгичевъ ощущалъ невыразимое чувство собственного достоинства отъ своихъ благородныхъ мечтаній; ему дѣлалось легко, и онъ невольно думалъ о томъ высокомъ счастіи, которое онъ долженъ быть ощутить, когда эти мечты осуществятся на дѣлѣ!... Начинайте же съ Богомъ благородно-мыслящіе люди! Пора! Уже изшапиваются ваши благородныя рѣчи, непереходящіи въ дѣло.... Уже драпироваться одними фразами и щеголять ими стыдно въ настоящую минуту!.. Но къ дѣлу.

Въ началѣ августа мѣсяца, вечеромъ у одного изъ кафе на площади св. Марка въ Венеціи, Бѣгичевъ прохладжалъ себя мороженнымъ, любуясь чистымъ, темно-синимъ небомъ, на которомъ блестѣли золотые кресты церкви. На этой площади было ему все такъ знакомо, что онъ даже могъ указать на тѣ мѣста, где были углубленія на мраморныхъ плитахъ мостовой. Слухъ его не возмущали никакіе звуки флейтъ, гитаръ, скрипокъ и контрабасовъ. Его не бѣспили докучливые, ловкіе торгаши, преслѣдующіе всегда вновь прибывшихъ иностранцевъ и полагающіе, вѣроятно, что эти иностранцы за тѣмъ только пріѣзжаютъ, чтобы покупать у нихъ туфли, раковины, вѣеры, лорнеты, спички.

Бѣгичевъ зналъ не только всѣ диковины города, но даже всѣ анекдоты, обыкновенно разсказываемые гидами во время плаванія въ гондолѣ отъ одной церкви къ другой. Онъ самъ могъ исправлять обязанность чicherоне, водить путешественника по дворцу дожей и перевирать, какъ они, историческіе факты.

Бѣгичевъ живо помнилъ старика сторожила дворцовыхъ темницъ, который, показывая ихъ, подробно разсказывалъ, какъ рубили головы заключеннымъ, самъ клалъ свою голову на какую-то перекладину, ударялъ себя рукой по затылку, и поднявъ мимо отрубленную голову, выбрасывалъ ее въ окно.

Бѣгичева не сердили услужливые гондольеры, бросающіеся на иностранца, съ предложеніями покатать ихъ въ Лагунѣ точно также, какъ это дѣлаютъ наши извощики. Удивительные люди

Эти гондолсты! Отъ нихъ вы узнаете все мелкія подробности обѣ осадѣ Венециі, о томъ какъ голодаль народъ, и непремѣнно услышите о сбирахъ прежнихъ временъ, отъ которыхъ ничто не могло укрыться—не только слова, но и мысли! Они непремѣнно разскажутъ вамъ анекдотъ обѣ англичанинѣ, который очень сердился за то, что у него вытащили кошелекъ изъ кармана на какомъ-то гулянѣ. Англичанинъ никому обѣ этомъ не жаловался, кромѣ своего соотечественника и то когда они были только вдвоемъ. Въ этой дружеской бесѣдѣ онъ обвинялъ сбировъ въ нерадѣніи къ ихъ обязанности. Въ туже ночь, когда англичанинъ возвращался домой, его гондолу остановила другая гондола и замаскированный господинъ попросилъ англичанина перейти изъ своей гондолы въ его. Сопротивленіе было напрасно, потому что гондольеръ не повиновался приказанию англичанина продолжать дорогу. Замаскированный господинъ подалъ кошелекъ англичанину, когда тотъ перешагнулъ въ его гондолу, и вѣжливо спросилъ: — Это вашъ кошелекъ, украденный вчера на площади св. Марка?

— Да! отвѣчалъ англичанинъ.

— Пересчитайте, все ли деньги.

— Все, отвѣчалъ англичанинъ и съ ужасомъ бросился въ уголъ гондолы, потому что въ эту минуту замаскированный господинъ приподнялъ плащъ, лежавшій на днѣ ея. «А вотъ и воръ!» При лунномъ свѣтѣ, лицо удавленнаго человѣка было страшно.

— Впередъ не обвиняйте сбировъ въ нерадѣніи! Вотъ вамъ паспортъ, въ Лидо васъ ждетъ судно, которое васъ отвезетъ куда вамъ угодно, только не совсѣмъ приставати къ венецианскимъ берегамъ.

И сбиръ, сказавъ это, пересѣлъ въ гондолу англичанина, а его съ трупомъ отправилъ въ Лидо. Десятки такихъ анекдотовъ знаѣтъ Бѣгичевъ и намѣревался переслушать ихъ вновь отъ болтливыхъ гондольеровъ, лежа на мягкихъ подушкахъ гондолы. Дорога привела на него благодѣтельное вліяніе. Впрочемъ, Лайбахская дорога хоть кого оживить. Проѣхавъ по ней, вся кому становиться легко и свободно, — точно какъ будто отравляешься послѣ опасной болѣзни. Хотя переѣздъ этотъ продолжается не болѣе десяти часовъ, но устаешь страшно, потому что ни на одну минуту не можешь оторвать глазъ отъ окна. Смотря на рисующіяся въ дали вершины горъ, покрытыя тумапомъ и облаками, не вѣ-

рится, чтобы паръ отъ машины могъ подняться такъ высоко, чтобы смыщатся съ ними. Но вотъ горы все ближе: тучи лѣниво плывутъ по ихъ вершинамъ. одни заходить въ ущелья какъ бы для отдыху, другія точно усталыя ложатся на вершинахъ и покачиваются все блѣднѣютъ и блѣднѣютъ, и наконецъ разорвавшись на куски, исчезаютъ совершенно. Машина въ это время пыхтя врѣзывается въ лощину горъ, которая растутъ все больше и больше и помѣрѣ того, какъ вагоны съ грохотомъ безстрашно летятъ на нихъ, дорога съуживается и машина извиваясь, какъ змѣй, можетъ на верхъ; но не успѣть она взобраться на одну скалу, какъ другая выступаетъ, загораживая путь, который превращается въ узенькую тропинку на краю пропасти, у самой громадной стѣны желтоватаго мрамора. Растилающаяся внизу прощастъ нестреметь воздѣланными полями, оживляется строенями и помѣрѣ того какъ вагоны поднимаются, прощастъ все дѣлается глубже, дома меныше.... А машина, какъ будто робко посвистывая, летить на такой высотѣ, что духъ замираетъ. Скалы мрачно громоздятся другъ на друга, а надъ ними висятъ еще скалы, кажется готовыя рухнуть на смѣльчаковъ, которые дерзнули бы забраться ближе къ нимъ и наконецъ громадная масса граниту совсѣмъ загораживаетъ дорогу. Машина жалобно пискнула, какъ испуганная мышь, юркнула въ узенькое отверстіе горы и кружася во мракѣ, огласила необычайнымъ грохотомъ и шишенiemъ своды. На секунду вагоны выходятъ на свѣтъ, чтобы промчаться надъ пропастью по перекинутому чрезъ нее длинному мосту и снова скрываются во мракѣ тунеля; стѣны гранитныхъ скаль увлажены просочившимися ключами какъ будто онѣ проливають потокъ слезъ о томъ, что человѣкъ изуродовалъ ихъ.

Я часто думалъ, какъ и чѣмъ объяснить страшный противорѣчія въ человѣкѣ. Мы лелеѣмъ, бережемъ себя отъ всякихъ мелочей, которые бы могли разстроить наше здоровье; только и думаемъ, какъ бы сохранить нашу жизнь; часто превращаемся отъ этого въ жестокихъ эгоистовъ, тушимъ—и въ тоже время смыло и беспечно садимся въ вагоны, которые летять по горамъ надъ прошастями; мчимся вихремъ по безконечнымъ мостамъ надъ громадными рѣками, или кружимся во мракѣ въ искусственныхъ и безконечныхъ пещерахъ. И всѣ мы при томъ очень хорошо знаемъ, что кромѣ этихъ очевидныхъ опасностей, еще тысячи случайностей могутъ произойти отъ не-

радъя сторожа или машиниста, которымъ вѣрена наша жизнѣ! Но мы даже не полюбопытствуемъ заглянуть въ лицо машинисту, тогда какъ отдавая деньги въ займы или на какое нибудь предпріятіе, соблюдаемъ столько формальностей и осторожностей!...

Дорога изъ Лайбаха до Трѣста необыкновенно утомительна и уныла; продолжительно тянутся съ двухъ сторонъ сѣрыя скалы, съ мрачнымъ ельникомъ, или совсѣмъ голымъ, покрытыя мѣстами сѣро-желтоватымъ мохомъ, какъ будто грязнымъ снѣгомъ. Почва земли усѣяна осколками сѣраго камня и мохомъ. Солнѣй не видно, кое-гдѣ прилипла къ скалѣ сѣрая хижина изъ камня такого же цвѣта и нѣсколько тощихъ фруктовыхъ деревьевъ, огороженныхыхъ каменной стѣной изъ осколковъ; видѣ этихъ деревьевъ такъ жалокъ, какъ будто они зачахли въ одиночествѣ.

Но вдругъ картина неожиданно измѣняется и передъ утомленными глазами путешественника совершается волшебное превращеніе. Спускъ огромной горы, съ роскошной растительностью изъ фруктовыхъ деревъ, съ домами и садами оканчивается у моря, на самой окраинѣ котораго стоитъ Трѣстъ.

Сѣверный житель, не видавшій южной природы, еще болѣе поражается грандиозностью этой картины.. Всѣ колориты здѣсь для него новы, голубизна и въ иныхъ мѣстахъ прозрачная азленоватость воды, яркость зелени, мягкой воздухъ, какъ бы ласкающей и привѣтствующей гостя,—все это чудно-хорошо!... Спускаясь болѣе часа съ горы, не замѣчаешь этого, потому что наслаждаясь голубизной моря, въ которомъ четко отражается синее небо. Блестящее солнце, какъ бы дрожа отъ восторга, серебристымъ отливомъ искрится на едва замѣтныхъ волнахъ, по которымъ оно широко разбросало свои лучи, медленно измѣня ихъ направлениѣ. Даль замыкается въ синеватомъ туманѣ неба и моря, съ лѣва зеленѣющіе берега, мысами врѣзываются въ воду; съ права, какъ перламутръ, блестятъ сѣроватыя горы и ихъ пышные вершины, точно облака, рисуются на небѣ....

Кто проѣхалъ разъ эту дорогу, тотъ никогда не забудетъ ни ея величественной природы, ни тѣхъ ощущеній, которыя она оставляетъ....

Венеція поражаетъ своей оригинальностью, когда подъѣзжаешь къ ней. Городъ весь въ водѣ, лабиринтъ островковъ разнообразныхъ формъ окружаетъ его. Кроткая Лагуна омываетъ мраморныя ступени площади св. Марка съ ея дворцомъ изъ цестраго мрамора и съ ея двумя колоннами, въ видѣ

воротъ. Съ права берегъ, съ высокими маленькими мостами, перекинутыми черезъ узенькие каналы, оканчивается публичнымъ садомъ, а съ лѣва новѣйший дворцовый садъ съ стрижеными деревьями у входа въ большой каналъ; таможня раздѣляетъ его съ каналомъ Жюдека. Вода, кругомъ вода, а изъ нее какъ бы выступаютъ громадные, мраморные дворцы и снова отражаются въ водѣ, которая своей трепетной зыбью, освѣщенной лучами солнца, играеть на ихъ красно-мраморныхъ стѣнахъ. При яркомъ освѣщеніи солнца, при синемъ небѣ, на гладкой голубой поверхности Лагуны, чорная гондола, несмотря на свой трауръ, красива и заманчива. Въ Венеції такъ привыкли къ траурнымъ гондоламъ, что весь городъ пришелъ въ волнение, когда какая-то иностранка вздумала обить свою гондолу цветными сукномъ. Ей не было проѣзду отъ остротъ гондолеровъ, такъ что иностранка должна была бросить свою цветную гондолу. Надо замѣтить, что все это происходило до воцаренія бѣлыхъ мундировъ въ Венеції: незваные гости привыкли теперь венеціянцовъ къ нарушенію всѣхъ ихъ обычаевъ. Бѣлые мундиры вмѣшиваются во всѣ даже увеселенія венеціянцевъ, измѣняютъ ихъ вѣковыя привычки и, вѣроятно, заботясь о здоровье жителей, хотятъ пріучить ихъ жить по нѣмецки: вставать и ложиться рано, и потому теперь устроиваются праздники гораздо ранѣе той поры, въ которую жители выходятъ изъ своихъ домовъ. Въ партерѣ оперы стоять вооруженные солдаты и стучать ружьями. Первые ряды кресель заняты всегда одними бѣлыми мундирями, и эти бѣлые господа страшно стучать своими еаблями во время пѣпія, громко разговариваются на свое мѣзвучномъ языкѣ—однимъ словомъ пытаются терпѣніе венеціянцевъ, потому что если кто изъ смѣльчаковъ зашикаетъ имъ, тотъ платится дорого за это. Во имя спокойствія города, у австрійцевъ столько шпіоновъ, что они какъ голодные собаки бросаются на бѣдныхъ венеціянцевъ, чуть тѣ крупно проговорятъ между собой въ кафе. Выѣздъ изъ города на дачу такъ былъ затруднителенъ до 1856 года, что паспортъ, выданной на прогулку, переходилъ десятки рукъ; по возвращеніи также процедура.

Я замѣтилъ, что венеціянцы гораздо болѣе римлянъ сохранили чувство своего национального достопиства. Римлянинъ любуется еще разводами и ученьями французовъ, но венеціанецъ никогда, ни на секунду не остановится тамъ, гдѣ марши-

рутъ бѣлые солдаты и, при первомъ же звукѣ барабана, уходить съ площади. Горько и больно видѣть даже иностранцу, какъ на этой прекрасной площади св. Марка, похожей болѣе на бальную залу, чѣмъ на площадь, раздается барабанный бой, звуки нѣмецкой команды и бряцанье оружій. Весь мраморный постъ площади изборожденъ теперь австрійскими саблями.

Три потолка во дворцѣ дожей, поврежденные при осадѣ Венеціи, только въ 1856 году вздумали поправлять; вслѣдствіе этого варварскаго перадѣнія, картины на плофонахъ сгнили. И то, говорять, потому принялись за поправки, что одинъ изъ коронованныхъ путешественниковъ обратилъ на это свое высокое вниманіе. Недурно было бы, если бы этотъ коронованный путешественникъ, также замѣтилъ австрійцамъ, что неприлично на балконахъ ими-захваченныхъ дворцовъ развѣшивать солдатскія панталоны, какъ какія нибудь трофеи.

Я привель здѣсь только мелочныя, ничтожныя факты самовластія бѣлыхъ мундировъ. О такомъ серьѣзномъ дѣлѣ неумѣсто рас пространяться съ одними данными простаго наблюдателя-путешественника....

Венеціанцы боятся дневнаго свѣта лѣтомъ. За то они сохраняютъ цвѣтъ лица и блескъ глазъ удивительный. Женщины всѣ бѣло-матового цвѣта, безъ кровинки въ лицѣ. Они постоянно ведутъ сидячую жизнь. Визитовъ не развозятъ, по магазинамъ неѣдятъ; ихъ модистки все имъ привозятъ на домъ. Они не гуляютъ, не танцуютъ, и только съ наступленіемъ ночи покидаютъ свои дома, чтобы вернуться домой съ разсвѣтомъ. Дамскія работы, чтеніе, хозяйство не знакомы имъ, даже заботы о детяхъ вмѣняются въ обязанность отцамъ, которые, надо сказать правду, очень нѣжны и цопечительны къ дѣтямъ.

Аристократическія кофейни въ Венеціи недоступны всей публикѣ, какъ другія кофейни. Надо абонироватьсь на годъ. Дамы въ этихъ кофейняхъ царицы: пить вино и курить не позволяетъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ сидятъ онѣ, и только съ ихъ дозволенія кавалеры нарушаютъ правило кофейни. Въ этихъ-то кофейняхъ венеціанки проводятъ цѣлые ночи въ разговорахъ, и какъ у себя въ салонахъ принимаютъ визиты.

Публичная жизнь такъ вкоренилась въ жизнѣ венеціанца, что онъ на улицѣ и въ кофейнѣ какъ дома. Родители постоянно берутъ своихъ дѣтей въ кофейни. Этому подражаютъ и австрійцы. Надо видѣть, въ какое волненіе приходитъ вся площадь,

когда будущій австрійскій воинъ разкапризничается, а грубая нѣмка нянѣка начинаетъ дисциплинировать его: щипать, толкать въ спину и таскать за собою, какъ какую нибудь грязную тряпку. Мягкость и нѣжность отличительныя черты характера венеціанцевъ. Остальныя итальянцы сравнительно съ ними грубы и въ манерахъ и въ тоиѣ голоса. Врожденная деликатность въ венеціанцахъ уже доказывается тѣмъ, что дѣти и дѣвушкы свободно и безпечно однѣ расхаживаютъ на площади во время томболы, когда она покрыта многочисленной и разнообразной публикой. Какъ бы ни было тѣсно у кофейни, но для дамы и для дѣтей всегда найдутся стулья....

Бѣгичеву были слишкомъ хорошо знакомы и эта публика, и эта площадь, потому онъ, не развлекаясь новизной картины, слегка перенесся въ давно минувшія воспоминанія, въ то время, когда столько идеальныхъ ощущеній волновали его и было пережито имъ столько мечтательныхъ ночей на этой площади. «О, молодость, молодость!» подумалъ Бѣгичевъ, припоминая, какъ онъ чуть-чуть не влюбился поуши въ одну изъ хорошихъ дѣвушекъ, разносящихъ воду. Здѣсь надобно непремѣнно замѣтить (я попрошу у читателя извиненія за это небольшое и постыдное уклоненіе), что въ Венеціи разносятъ прѣсную воду по домамъ изъ близайшихъ колодцевъ и также продаютъ ее стаканами на улицахъ. Туалетъ этихъ дѣвушекъ очень оригиналъ и похожъ на нашъ русскій: — бѣлая рубашка, синій сарафанъ, поярковая шляпа съ высокой тульей, къ верху съуживающейся, какіе носятъ подмосковные крестьяне, увитая лентами; она украшается еще съ переди павлиннымъ перомъ, розаномъ и зеркальцемъ. Эти дѣвушки отличаются и наружностію отъ другихъ венеціанокъ: они худощавы, вѣроятно въ слѣдствіе большаго движенія, свѣтлѣ лица ихъ смуглѣ и съ яркимъ румянцемъ, ножки и ручки маленькия, а это рѣдкость во всей Италии.

Бѣгичевъ вспомнилъ подробнѣ, какъ онъ, вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Венецію, разъ всталъ довольно рано и пошелъ пить кофе на площадь св. Марка. Читая газету, онъ поднялъ глаза при жалобномъ пискѣ, подобномъ писку нашихъ русскихъ качель, напомнившемъ ему живо родину. Две дѣвушки проходили близъ кофейни; мѣдные, пустые ихъ ведры, покачиваясь на желѣзныхъ коромыслахъ, издавали эти звуки. Красивое, умное лицико одной изъ дѣвушекъ и оригинальный ея туалетъ, обратили вниманіе Бѣгичева. Онъ началъ разглядывать дѣвушку пристально.

— Катарина, какъ на тебя глядѣть форестьеро, замѣтила ей ся подруга.

— А что имъ дѣлать, какъ не глядѣть на женщинъ, да курить сигары? отвѣтила Катарина, бросивъ быстрый взглядъ на Бѣгичева.

И на ея личикѣ, какъ зарница на ночномъ небѣ, мелькнула улыбка.

Она очень понравилась Бѣгичеву и онъ пошелъ за ней.

— Онъ идетъ за нами, сказала подруга Катарины.

— Пускай пройдется, ему вкуснѣе покажется его кофе, отвѣчала Катарина въ полной увѣренности, что форестьеро непонимаетъ ихъ разговора.

— Ну, а если ты ему понравилась?

— Трудная вещь понравиться имъ.

— Ну, а какъ онъ богатый?

— Форестьеры всѣ богаты, да я ихъ денегъ не хочу.

Бѣгичевъ былъ пораженъ безкорыстiemъ бѣдной дѣвушкы и сказалъ ей по итальянски:

— Это благородно съ вашей стороны.

Дѣвушки вздрогнули и, повернувъ головы, дико посмотрѣли на Бѣгичева, который продолжалъ:

— Я васъ испугалъ.

— Нисколько! отвѣчала Катарина: — но что вамъ нужно? Пожалуйста, синьоръ, не ходите за нами къ колодцу!

— Отчего?

— Будутъ говорить, что мы знакомы съ иностранцами, отвѣчала Катарина.

— А развѣ у васъ это считается дурнымъ?

— Еще бы хорошимъ! Прощайте, синьоръ. Здѣсь много и безъ настѣ синьоринъ.

И Катарина ласково кивнула Бѣгичеву, который вернулся на свое мѣсто и сталъ поджидать, когда дѣвушки съ водой пойдутъ назадъ. Проходя мимо, Катарина раза два бросила на Бѣгичева такой утонченно кокетливый взглядъ, что ей позавидовала бы не одна кокетливая женщина. Бѣгичевъ плѣнился болѣзнями ножками Катарины; утомленный жаромъ, онъ вернулся домой, и только что хотѣлъ лечь, какъ ему помѣшилъ знакомый скрипъ ведеръ, качавшихся на коромыслахъ. Бѣгичевъ выглянула изъ своего окна, выходившаго на маленькую пристань, и

увидаль Катарину, идущую за водой, вѣроятно для ванны какой нибудь иностранкѣ.

Бѣгичевъ выбѣжалъ на улицу, но остановился завидѣвъ гондольеровъ, обслуживающихъ Катаринѣ; одинъ черпалъ ей воду, другой очищалъ весломъ воду отъ травъ, третій клахъ кружки въ ведры, чтобы не плескалась вода. Катарина серѣзно-учтиво принимала всѣ эти услуги, какъ какая нибудь сеньора.

Бѣгичевъ возвратился къ себѣ въ сѣль у окна; онъ видѣлъ пристань и гондольеровъ, но самъ быль скрытъ подъ защитою жалюзи. Разговоръ подъ его окномъ удостовѣрялъ его, что гондольеры очень зоркій народъ. Они все знаютъ, что дѣлается въ городѣ. Память у нихъ на лица удивительная, имъ стоитъ разъ видѣть человѣка, чтобы узнать его ночью, и черезъ три года встрѣтясь съ нимъ они тотчасъ узнаютъ его.

— Какъ ты думаешьъ, зачѣмъ онъ выходилъ на улицу? спро-
силъ одинъ гондольеръ другаго, когда дѣвушка ушла съ пристани.

— Извѣстно зачѣмъ! отвѣчалъ его собрать.

— Говорятъ, она сегодня болтала съ какимъ-то форестьеро на піацѣ.

— Экая важность! что же ей было въ ротъ воды набрать, коли ее спрашиваютъ.

— Смотри-ко, чтобы намъ не пришлось вечеркомъ проката-
тить ихъ.

— Изъ такихъ она! знаешь самъ, что она денегъ не любить.

— Да, чортъ ихъ знаетъ! можетъ понравится.

— Эти форестьеро народъ балованный, ему скучно будетъ долго вздыхать.

На этомъ разговоръ ихъ прекратился....

Какъ бы въ доказательство, что форестьеръ можетъ вздыхать долго, Бѣгичевъ вставалъ нарочно рано, чтобы видѣть Катарину на площади, и выпивалъ много стакановъ воды, когда она являлась со столикомъ на маленькой площади и продавала воду. Толпа молодежи около стола ея, придавала еще больше прелести дѣвушкѣ въ глазахъ Бѣгичева; онъ идеализировалъ свои чувства, и влюбленнымъ прохаживался по цѣлымъ вечерамъ у Лагуны, любуясь небомъ и яркими звѣздами.

Любовь эта, впрочемъ, окончилась скоро. Разъ утромъ, когда онъ пилъ кофе на площади, поджидая Катарину съ ее мас-
ковой улыбкой, къ нему подсѣль плохо одѣтый господинъ, съ

очень непріятной фізіономіей и указавъ на появившуюся вдали Катарину сказалъ, сладко глядя въ глаза Бѣгичеву:

— Хотите, синьоръ, я устрою вамъ съ нею прогулку вечеркомъ въ гондолѣ?

Бѣгичевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего сосѣда и строго спросилъ его:

— Кто вамъ сказалъ, что я желаю этого? И кто вы?

— Я гидъ, поспѣшилъ отвѣчать рябой господинъ и продолжалъ съ чувствомъ: — эта дѣвушка чиста, какъ ангель, я вамъ ручаюсь честью, что вы будете мнѣ очень, очень признателны.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ услугахъ, возразилъ Бѣгичевъ.

— Не совсѣтую вамъ, синьоръ, безъ опытааго человѣкаходить около ея дома. У ней три брата, и такие сердитые, что страхъ. Они дали слово одному изъ своихъ друзей, который уѣхалъ отсюда на купеческомъ кораблѣ, отдать ее за него. Дѣвушка не любить своего жениха... Въ девять часовъ, синьоръ, она выйдетъ къ вамъ.

И рябой господинъ поспѣшилъ ушель, какъ бы избѣгая отказа. Бѣгичевъ рѣшился не принимать этого господина подозрительной наружности въ повѣренные своего сердца. Однако мысль о возможности имѣть съ нею свиданіе разгорячила воображеніе его и онъ все утро промечталъ о прогулкѣ въ гондолѣ съ своей красавицей. Какъ только Бѣгичевъ явился на маленькой илощади, чтобы начать свою обычную прогулку, приторно сладкій голосъ раздался позади его:

— Угодноѣхать синьору? Я къ вашимъ услугамъ.

Въ одну минуту закрытая гондола отчалила отъ пристани. Долго она плыла по узкимъ каналамъ, изрѣдка гидъ вставлялъ свою голову въ дверь буточки и произносилъ утѣшительно: «Сейчасъ, сейчасъ». Наконецъ, гондола остановилась у одного угловаго мрачной наружности дома. Гидъ проворно выскошилъ на ступени, приказавъ гондолѣ обѣхать домъ и стать у другаго крыльца.

Бѣгичевъ находился въ сильномъ волненіи. Судя потому, какъ дѣвушка смотрѣла на него, онъ могъ надѣяться, что отказу съ ея стороны не будетъ. Но, вотъ, двери съ шумомъ разпахнулись — гидъ бросился въ гондолу, жалобно крича гондольеру:

— Скорѣе, скорѣе!

Бѣгичевъ съ сердцемъ спросилъ:

— Гдѣ же она?

— Ахъ, синьоръ, Боже мой, какое несчастье! Всѣ ея братья дома, они ужъ и безъ того чуть меня разъ не убили, отвѣчалъ гидъ.

— Зачѣмъ же вы приставали ко мнѣ? выходя изъ себя, произнесъ Бѣгичевъ.

— О синьоръ, пе сердитесь. Не хотите ли, я васть свезу сей-часъ къ одной красавицѣ, синьорѣ?

— Не нужно.

— Не подумайте, чтобы за деньги, о пѣтъ! она сама богата. Я только хочу услужить вамъ.

Бѣгичевъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ затворить дверь, гидъ исполнилъ его желаніе, но черезъ пѣсколько минутъ робко выглянула опять и раболѣпнымъ голосомъ спросилъ:

— Здѣсь, недалеко, одна иностранка живеть, не....

— Заприте дверь! крикнулъ на него взбѣшенный Бѣгичевъ.

Когда гондола подѣжала къ площади св. Марка, гидъ скороговоркой произнесъ едва раскрывъ дверь:

— Синьоръ, будьте пощедрѣ съ гондольеромъ, а то онъ настѣ выдастъ ея братьямъ.

— А что они могутъ мнѣ сдѣлать? спросилъ Бѣгичевъ.

— Кто ихъ знаетъ, мнѣ грозились ребра поломать, ну а васть синьоръ можетъ быть и пожемъ пырнуть, и измѣнивъ голосъ, онъ продолжалъ жалобно: — теперь я хоть умирай съ голоду, показываться на улицу долго нельзѧ, а то изувѣчать.

Бѣгичевъ бросилъ пѣсколько денегъ гиду и запретилъ ему строго, однажды навсегда, предлагать ему свои услуги.

Эта неудавшаяся прогулка вылечила Бѣгичева отъ его воображаемой любви на пѣсколько дней; онъ избѣгалъ видѣть Катарину, чтобы не встрѣтиться съ ея братьями, а потомъ увлекся какой-то блѣдноликой синьорицой, которая искусно умѣла играть глазами и вѣромъ.

Вспоминая все это, Бѣгичевъ съ грустью подумалъ: — Отчего же я теперь не могу увлечься красотой, женщины?... Неужели я такъ старъ! И онъ сталъ разглядывать публику, желая отыскать женское лицо, которымъ бы онъ могъ заинтересоваться, хоть для развлеченія. Въ это время музыка на минуту смолкла и до Бѣгичева долетѣли звуки роднаго языка.

Мужской голосъ, очень рѣзкій, съ сильными удареніями, говорилъ дамамъ, сидѣвшимъ спиной къ Бѣгичеву:

— Я вамъ скажу, сударыня, что Ватиканъ, — это казарма! Комнаты безъ мебели, какой же это дворецъ? ни малѣйшей роскоши, однѣ статуи.... И прилично ли, доложу вамъ, такой особѣ какъ папа, украшать такими вещами свой дворецъ?... Недѣльть-сь, какъ угодно, пѣдѣльть-сь!... Ну Петръ хорошъ? про Петра я молчу, имъ можно полюбоваться. Говорятъ, въ Пасху иѣсколько тысячъ солдатъ помѣщаются свободно въ Петрѣ? Это любопытно было бы видѣть. Я былъ съ на самомъ куполѣ, едва добрался до него, но не раскаиваюсь. Тамъ-сь я имѣль счастье видѣть все надписи великихъ государей, въ томъ числѣ и нашихъ. Грѣшный человѣкъ! нацарапалъ въ уголку и свое имя.

Одна изъ дамъ что-то тихо сказала оратору, который продолжалъ:

— Я вѣдь не говорю, что Римъ нехорошъ, для меня профана есть что посмотреть, но, признаюсь, Парижъ все таки лучше. Я себя въ Парижѣ такъ чувствовалъ, какъ бы въ самые цвѣтущіе годы. Я, доложу вамъ, очень крѣпкаго сложенія; докторъ нашъ, полковой, всегда называлъ меня «кремень». .. Парижъ веселый городъ, отличный!.. Въ Италии я нахожу-сь одно хорошо, женщины скромнѣе, чѣмъ при видѣ мужчины сейчасть, знаете, потупляютъ глаза, не такъ какъ эти француженки или венуазки....

Бѣгичевъ съ любопытствомъ слушалъ разсужденія своего соотечественника, о чинѣ и званіи котораго онъ догадался съ первого взгляда. Въ Россіи чины придаютъ людямъ особую складку. Тотъ, чей разговоръ привелъ я, сидѣлъ какъ-то молодцовато на стулѣ, точно верхомъ на конѣ; одну руку онъ выгнуль дугой и упирался ладонью на колѣно, а другая рука его висѣла на бѣломъ шальцѣ, задѣтомъ за петлю борта узкаго сюртука, застегнутаго на все пуговицы, не смотря на удушающей жаръ. Золотой перстень съ гербомъ блестѣлъ на его указательномъ пальцѣ. Руки его были толсты и красны. Тупое самодовольствіе выражалось на его румяномъ мускулистомъ лицѣ, покрытомъ морщинами; широкій носъ былъ вздернутъ къ верху, а большие сѣрые глаза блестѣли ясной глупостью. Рыжіе усы соединялись съ такими же бакенбардами и были довольно коротко подстрижены. Сложенія онъ былъ коренастаго, съ высоко вздер-

нутыми плечами, такъ что его коротенькая шея, затянутая въ стоячій галстукъ, едва была замѣтна. Росту онъ былъ не болѣшаго.

— Какая жара! обвѣваясь фуражкой, продолжалъ этотъ господинъ:—просто иногда дуракъ дуракомъ дѣлаешься отъ жары. Я, признаюсь, поѣхалъ за границу изъ любопытства, думаю себѣ: дай я самъ взгляну, что у нихъ тамъ за диковины. Всѣ кричатъ «Европа! Европа!» Но я смѣю доложить вамъ, я престранный человѣкъ, ужъ что я обсудилъ и рѣшилъ въ своемъ разсудкѣ, то ужъ меня никакіе умники въ томъ не разувѣрятъ... лосиъ порѣ еще ничего не вижу въ Европѣ хорошаго! Вольность большая! это правда! Ну посмотрите, сударыня, сами, что это?... какая публика? солдаты, рыбаки, лакеи, — и всѣ какъ господа, сидятъ и туда же кофе распиваются. Какъ вамъ угодно, да наши гулянья благороднѣе, ни черни, ни лакеевъ не допускаются туда, гдѣ господа. А здѣсь, что это такое? всякаго мужика въ галереяхъ увидишь, въ музей лѣзеть! Ну, что имъ тамъ дѣлать? Одно нахальство, дескать я мужикъ, а виши куда заѣзжай.—Нѣть право пословица наша вѣрна: «славны бубны за горами». Ну-съ, а эти общіе столы въ трактирахъ? Развѣ позволительно сажать возлѣ порядочныхъ людей всякаго сапожника, да еще ему первому подавать блюды, а ты жди!.. Признаться, въ началѣ я думалъ, что эти рыжіе какіе-нибудь лорды, обслуживалъ имъ, а оказалось потомъ, что это пивовары или прикащики.... У наѣтъ такой молодчикъ не посмѣть бы сѣсть передо мной!.. А еще кричатъ: англійская аристократія! Всѣ они торгаші и только прїезжаютъ въ Россію наживать деньги!—вотъ что-съ!

Чѣмъ болѣе вслушивался Бѣгичевъ въ разговоръ своего соотечественника, тѣмъ болѣе онъ завлекалъ его. Ему даже захотѣлось посмотреть па него поближе. По выражению лицъ русскихъ дамъ, бывшихъ съ генераломъ, можно было также очень легко угадать, какого чина и званія ихъ отцы, или супруги, — титулованые ли, или просто дворяне.

Судя по туалету, дамы эти принадлежали къ богатому классу, и одѣты были со вкусомъ. Высокая и стройная фигура одной изъ нихъ была очень завлекатльна. На ней было бѣлое легкое платье, дорогая кружевная мантилья, и бастовая шляпка, съ вѣнкомъ изъ незабудокъ.

Пробираясь между публикой, чтобы стать противъ своихъ

соотечественница, Бѣгичевъ услышалъ что кто-то произнесъ его фамилию: онъ повернулъ голову, и на минуту оторопѣлъ.

— Ахъ, мосье Бѣгичевы! радостно произнесла г-жа Денисова, и протянула ему свою руку дружески. Бѣгичевъ съ чувствомъ пожалъ ее и поклонился другимъ дамамъ, сидѣвшимъ по бокамъ ея. То были хорошо знакомыя ей—Ольга Львовна и Катерина Петровна. Дроздовъ сидѣлъ сзади нихъ. Бѣгичевъ обмѣнялся съ нимъ холоднымъ поклономъ.

Въ первое время, Бѣгичевъ не нашелся ничего сказать, такъ встрѣча эта была неожиданна. Онъ решительно забылъ о существованіи г-жи Денисовой и ея воспитанницы, равно и о другихъ лицахъ.

. Какую важную роль играетъ случайность въ жизни человѣка! Одинъ спасается отъ смерти тѣмъ, что опаздываетъ десятью минутами на тотъ поѣздъ желѣзной дороги, который погибаетъ въ тунелѣ; а другой гибнетъ, случайно попавъ на этотъ поѣздъ. Какъ объяснить встрѣчи людей, ни мало не разсчитывающихъ встрѣтиться другъ съ другомъ, и которыхъ судьба непремѣнно столкнетъ гдѣ нибудь лицомъ къ лицу?...

Послѣ обычныхъ вопросовъ, сдѣланныхъ Бѣгичеву, г-жа Денисова сказала обращаясь къ генералу:

— Позвольте, генераль, познакомить васъ, съ мосье Бѣгичевымъ — съ моимъ старымъ и очень хорошимъ знакомымъ, съ самымъ пріятнымъ и увлекательнымъ человѣкомъ.

Генераль всталъ со стула и протянулъ руку Бѣгичеву. Г-жа Денисова въ это время произнесла:

— Генераль Каразинъ.

— Очень пріятно на чужбинѣ встрѣтить своего земляка. — Позвольте спросить, какъ вамъ придется Иванъ Антиповъчъ Бѣгичевъ?

— Онъ мнѣ дальний родственникъ, онъ умеръ незадолго передъ моимъ отѣздомъ.

— Какъ! неужели? ахъ какая жалость, и недождался новаго года!.. Вотъ судьба! воскликнулъ генераль съ искреннимъ огорченіемъ.

— Вы его хорошо знали? спросилъ Бѣгичевъ.

— Конечно, иѣтъ-съ, но вѣдь онъ долженъ былъ, къ этому Новому году, получить чинъ. Какая жалость, что за несчастье бываетъ съ людьми!

— Какимъ же образомъ вы знаете это? насыпчиво спросилъ Дроздовъ.

— Этого не знать? Мне-то! Еще бы! Я вѣдь очень хорошо знаю которымъ онъ стоялъ по старшинству.

— Какой рѣдкой памятью вы обладаете, въ томъ же тонѣ замѣтилъ Дроздовъ.

Генералъ простодушно отвѣчалъ:—Нѣть-съ, у меня память очень плоха. Я, напримѣръ, не могу никакъ запамятовать названія этихъ всѣхъ городовъ, церквей и проч. Это ужъ вотъ его обязанность.

И генераль указалъ короткииъ своимъ пальцемъ съ перстнемъ на молодаго человѣка, сидѣвшаго безмолвно, въ почтительной поэзѣ.

— Яковъ Иванычъ, подайте стулъ! повелительно прибавилъ генералъ, указывая на Бѣгичева, который искалъ свободнаго стула, но такого не оказывалось. Молодой человѣкъ вскочилъ съ своего мѣста.—Вотъ-съ, садитесь, продолжалъ генералъ, ударяя рукой по стулу, съ котораго вскочилъ молодой человѣкъ.

Бѣгичевъ не хотѣлъ беспокоить незнакомаго ему человѣка и отказался отъ предложенаго стула, но генералъ, схвативъ его за руку, произнесъ:

— Извольте садиться, не церемоньтесь, — ну вотъ возьмите пожалуй мой стулъ.

Генералъ пересѣлъ на стулъ молодаго человѣка и съ нѣкоторою торжественностью, небрежно сказалъ ему:

— Поди, братецъ, принеси себѣ стулъ.

Стулъ Бѣгичева былъ прямо противъ дамъ, и онъ чувствовалъ большую неловкость. Ему особенно было непріятно встрѣтить грустный, смущенный взглядъ Ольги Львовны, которая по своему туалету рѣзко отличалась отъ остальныхъ дамъ и имѣла видъ бѣдныхъ дѣвицъ, живущихъ при богатыхъ барыняхъ. За то Катерина Петровна показалась Бѣгичеву блестательнѣе чѣмъ прежде. Можеть быть этому способствовалъ ея утонченный парядъ, граціозно кошетливая поза, и прелестныя ножки, въ сквозномъ розовомъ чулкѣ, въ башмакѣ изъ бронзовой кожи, съ высокими каблукомъ и бантикомъ. Этими ножками можно было свободно любоваться, потому что онъ поклонился на перекладинѣ стула, служившей имъ вмѣсто скамейки. Глаза Катерины Петровны, безъ малѣйшаго смущенія, встрѣчались съ

глазами Бѣгичева; правда, они блестѣли особенно живо, но величавая улыбка на спокойномъ лицѣ ея скрывала внутреннее волненіе.

Г-жа Денисова была напрежнemu блѣдна и худа, только ея вицальные глазки были какъ будто оживленіе прежняго; они помпнутно обращались къ спинѣ стула Катерины Петровны, на которой лежала рука Дроадова. Дроадовъ имѣлъ видъ здороваго человѣка, но блескъ глазъ его не мало уменьшился. Одѣтъ онъ былъ совершенно художникомъ: какого-то особеннаго покроя пальто, сѣрая шляпа съ большими полями, надѣтая очень эффектно, усы и бородка, тщательно и разсчитанно расположенные.

Г-жа Денисова, разговаривая съ Бѣгичевымъ о своемъ путешествіи и пребываніи въ Венеціи, вдругъ положила свою руку на руку Ольги Львовны и съ чувствомъ произнесла:

— Вы знаете, миссѣ Бѣгичевъ, что это моя маман? она у меня естьѣ завѣдуетъ и ворчить на меня, если я бросаю деньги.— Вѣтъ экономка-то. Мы съ ней такъ сжились, что я минуты не могу пробыть безъ нее. Это ангель кротости и преданности! Я подобной лѣвуши не встрѣчала въ своей жизни.

И произнеся это, она бросила взглядъ на Катерину Петровну, небрежно говорившую съ генераломъ.

Въ это время пѣвица, пѣвшая у кафе, начала обходитьсь тарелочкой публику, и въ томъ числѣ подошла къ генералу. Генераль замѣтилъ сурое по-русски:— эти итальянцы такъ и наловятъ содрать что нибудь съ русскаго. Съ Богомъ! прибавилъ онъ, махнувъ пѣвицѣ рукой.

Дроадовъ съ громомъ бросилъ пѣвицѣ на тарелочку и сколько цвѣты геровъ, такая щедрость, рядомъ съ неучтивостью генерала, произвѣдалъ кеторое вложеніе въ венеціянцахъ; они стали пристально слѣдить за всей группой русскихъ, причине и причинѣ пѣссы.

Генераль покосился на щедраго своего соотечественника и обратясь къ Бѣгичеву, сказалъ:

— Вѣдь не денегъ жаль, а бѣсить безстыдство этихъ парашаекъ. Иной разъ такъ и хочется отвалить ихъ палкой. Я выѣхъ пренепріятную исторію въ Неаполь съ лазаропи. Это просто разбойники! Я съ этихъ поръ ни за что въ Петербургъ въ итальянскую оперу не пойду. Они мнѣ такъ надоѣли, эти проклятые итальянцы.

— О! я прощаю имъ все, за ихъ прекрасное прошедшее. И

какое мнѣ дѣло до людей? Я наслаждаюсь ихъ благословенной природой, искусствами, восторженно сказала г-жа Денисова и прибавила въ умиленіи:—взглядите вокругъ себя, генераль, что за небо, что за вечеръ.... вѣтъ! въ Венеціи есть какая-то обаятельная поэзія!...

— Такъ; вы изволите говорить правду, вербиль генераль:— этотъ городъ лучше всѣхъ итальянскихъ городовъ, но, позвольте мнѣ замѣтить вамъ, сударыня, что опь мнѣ кажется потому только лучше другихъ, что въ немъ я имѣлъ честь и счастье познакомиться съ моими соотечественницами, и провожу здѣсь время, можно сказать, какъ въ своей семье. Какъ угодно; я доложу вамъ, что однокому человѣку вездѣ будетъ скучно, если онъ не будетъ такъ счастливъ, какъ теперь вашъ покорныйшій слуга.

Генераль говорилъ это съ необыкновенными удареніями и улыбочками и закончилъ тѣмъ, что бросилъ многозначительный взглядъ на Катерину Петровну; потомъ она обратилась прямо къ ней и спросила:

— Не правда ли, сударыня, что эти черные лодки,—т. е. гондолы, очень какъ-то располагаютъ къ возвышенію и мечтамъ?

— Невѣдо! Я не люблю мечтать! отвѣчала она сухо.

Г-жа Денисова подхватила насмѣшило:—Да, генераль, жена вами согласна, что гондола превоетическая выдумка. Въ Венеціи все необыкновенно. Я благодарю Бога, что прѣѣхала не очень молодой сюда: съ моими артистическими наклонностями, подъ этимъ очаровательнымъ небомъ, я непремѣнно сдѣлалась бы артисткой.

— Да-съ, за это стоять поблагодарить Бога! особенно выразительнымъ тономъ замѣтилъ генераль.

— Отчего же? спросилъ Дроздовъ.

— Какъ отчего?... въ недоумѣніи воскликнулъ генераль.— Дворянинъ-то? сдѣлаться какой-нибудь пѣвицей? развѣ это прилично? еще спрашиваете: «отчего же?»

— Вы считаете это неприличнымъ? ядовито улыбался, спросилъ Дроздовъ.

— Очень-съ!

— Но есть люди, которые не раздѣляютъ вашего мнѣнія и цѣнятъ гораздо болѣе искусство, чѣмъ ваши чины...

Дроздовъ разгорячился.

— Сапожника! проворчалъ генераль.

Дроздовъ вспыхнулъ и дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Ошибаетесь! Коронованныя особы цѣнили высоко искусство. Вы развѣ не знаете кто во имя его поднялъ кисть Тиціану?... Королева Елизавета приказала раскрыть обѣ половники дверей, когда вошелъ къ ней Шекспиръ! Вы этого не знали?

Генераль нахмурился. . онъ хотѣлъ возражать, но видимо не находилъ словъ.

Г-жа Денисова поспѣшила ему на помощь и сказала:—Я, генераль, вообще называю артистами тѣхъ, кто безкорыстно, горячо любить искусство.

— Я увѣренъ, сударыня, что вы, какъ русская дворянка, вполнѣ согласны съ моими мыслями, и никогда бы не рѣшились за деньги пѣть и плясать, или рисовать картины.

Генераль бросилъ сердитый взглядъ на Дроздова при словѣ картины и со вздохомъ продолжалъ:

— Къ сожалѣнію, не всѣ такъ думаютъ вынче — и теперь дворяне вздумали торговатъ! Это ужъ просто развратъ.

— А что вы приличнѣе находите для дворянина, барышни чать лошадью или честнымъ образомъ продавать картины собственного произведенія? Дроздовъ спросилъ это дерзкимъ тономъ. Г-жа Денисова быстро встала и, протягивая свою руку генералу съ любезной улыбкой, перебила Дроздова:

— Генераль, дайте мнѣ вашу руку, пройдемтесь, mesdames.

Всѣ встали, Дроздовъ повелъ подъ руку Катерину Петровну, Бѣгичевъ медлилъ, поджидая молодаго человѣка, но тотъ вошелъ разплачиваться за мороженое по приказанію генерала. Не видя его, онъ предложилъ свою руку Ольгѣ Львовнѣ, и чувствовалъ, что ея рука слегка дрожала, онъ вспомнилъ свои прогулки съ нею и ихъ жаркіе разговоры. О чёмъ онъ тогда не говорилъ съ нею? А въ эту минуту онъ съ трудомъ отпускаль короткія фразы.

— Гдѣ вы это отыскали такого замѣчательнаго генерала? спросилъ онъ ее.

— Мы встрѣтились съ нимъ на желѣзной дорогѣ въ Миланѣ и обѣдали съ нимъ за table-d'hôte въ гостинницѣ, гдѣ стояли; онъ прїѣхалъ вслѣдъ за нами и вотъ съ мѣсяца, какъ мы видимся съ нимъ почти ежедневно. Ольга Львовна говорила довольно скоро, противъ своего обыкновенія.

— А этотъ молодой человѣкъ, который съ нимъ?

— Это его тѣнь, онъ всюду за нимъ ходить, должно быть адъютантъ его.

— Весело ли вы проводите время?

— Много хлопотъ въ дорогахъ.

— Вашъ братъ совершенно поправился?

— Онъ не бережется, и отъ этого могутъ быть очень дурные послѣдствія.

— Я радъ, что встрѣтилъ васъ!... Но вы что-то измѣнились, грустны?...

— Постарѣла.

— Вотъ забавно! постарѣли!... Ну, а что намъ общій знакомый?...

— Кто?

— Докторъ?

— Онъ живъ, уѣхалъ на службу въ провинцію.

— Бѣдный, онъ заглохнетъ тамъ, а жаль, у него порядочная натура.

— Почему это вы думаете, что онъ заглохнетъ? обиженно спросила Ольга Львовна и прибавила съ иѣкоторой раздражительностью:—въ немъ слишкомъ много энергіи, онъ строгъ къ себѣ и не допустить себя облѣпиться, очерствѣть, въ какомъ бы кругу людей онъ ни находился. Онъ любитъ трудъ, и вѣрно будетъ жить не безъ пользы для другихъ.

Бѣгичевъ замолчалъ, онъ понялъ по звуку голоса дѣвушки, что скрываемое ею неизрѣзанное ощущеніе къ нему можетъ обнаружиться. А онъ всегда боялся женскихъ слезъ и упрековъ, однако все обошлось благополучно. Г-жа Денисова вывела его изъ затруднительного положенія. Она пріостановилась и сказала ему:

— Я просто влюблена въ эту площадь! Какъ хороша эта церковь ночью, она меня вызываетъ всегда на молитву.

— Что это сударыня! Помилуйте, возможно ли это!... Нѣтъ-съ, я ни за что не могу молиться въ этихъ церквяхъ. Въ нихъ я никакого религіознаго чувства неощущаю. Вотъ, вернусь во свояси, такъ ужъ попошу и помолюсь, надо будетъ испросить помилованія за всѣ грѣхи, замѣтилъ генераль.

— Сегодня лунная ночь, надо ѿхать кататься въ Лидо, сказала Бѣгичевъ.

— Отлично, прекрасная мысль! Какъ я вамъ благодарна, вы не измѣняетесь: гдѣ вы—тамъ всегда общество оживаетъ, от-

въчала г-жа Денисова и пригласила съ собой ъхать обояхъ кавалеровъ.

— Гдѣ же Катиша? вѣчно заставляетъ себя ждать! привѣтила она, проворно глядя на всѣ стороны: — пойдемте ихъ искать.

Бѣгичевъ, не менѣе г-жи Денисовой, досадовалъ на пропавшую Катерину Петровну, потому что онъ рѣшительно не могъ найти предмета для разговора съ своей дамой, а молчаніе его было. Наконецъ, общество столкнулось съ Дроздовымъ, который какъ бы желая предупредить выговоръ г-жи Денисовой, сказалъ ей съ притворной досадой:

— Я измучился, ища васъ, гдѣ это вы скрывались?

— Мы васъ искали, озадаченная словами Дроздова отвѣчала г-жа Денисова.

— Мы точновъ прятки играли, замѣтилъ съ усмѣшкою генераль.

Все общество пошло къ маленькой площади. Роскошная шестивѣстная гондола стояла у мраморныхъ ступенекъ. Ихъ поджигали два красивые гондольера, одѣтые въ бѣлые куртки и вапталоны, съ голубыми шарфами съсеребрянной бахромой и въ круглыхъ соломенныхъ шляпахъ съ голубыми лентами. Газовый фонарь бросалъ яркій свѣтъ на голубой коверь гондолы и ея бронзовыя украшенія. Двумъ дамамъ подали бѣлые алжирскіе бурнусы. Ольга Львовна осталась безъбурнуса: вѣроятно она не боялась сырости. Дроздовъ драпировался въ пледъ. Дамы въ бурнусахъ сѣли на первыя мѣста, Дроздовъ съ сестрой по бокамъ, генераль съ Бѣгичевымъ въ кресла напротивъ дамъ въ бурнусахъ. Для Якова Иваныча, слѣдовавшаго въмолчаніи за обществомъ, не оказалось мѣста.

— Извольте-ка пройтись пѣшкомъ, совѣтъ разучились ходить здѣсь, замѣтилъ генераль молодому человѣку.

Дроздовъ, вѣроятно, желая уязвить генерала, попросилъ сѣсть Якова Иваныча возлѣ себя и вслѣдствіе этого придвигнулся ближе къ Катеринѣ Петровнѣ.

Гондола безъмалѣйшаго шума отчалила отъ пристани... Свѣтъ фонарей наплощади все слабѣлъ и слабѣлъ на лицахъ плывшихъ въ гондолѣ. Искусное управлѣніе гондольеровъ дало быстрый ходъ гондолѣ и скоро она погрузилась въ совершенный мракъ. Свѣтло-зеленая пѣна воды, волнуемая веслами, всплыvalа голу-

Боязливы спуржками и шапка искривлять, доказав только этимъ знать, что гондола несется не по воздуху, а плыветъ по Лагунѣ.

— Забавный-сь экипажъ! замѣтилъ генералъ посреди-всего общаго молчанія.

— Гондола — это самая поэтическая фантазія венеціанца. Какъ она убаюкиваетъ! Посмотрите, что за прелестъ отъ сюда площадь! сказала г-жа Денисова.

Точно, площадь была очень красива. Она горѣла огнями и береговые фонари отражались длинными огненными полосами въ водѣ, какъ бы иллюминація. Дворецъ отчетливо выдавался на темномъ небѣ, а двѣ колонны высоко вытягивались, какъ бы желая достать небо, на которомъ ярко блестѣли звѣзды, казалось съ завистью смотрѣвшіе на народъ, медленно движавшійся по мраморному посту....

— Да! Венеція единственный въ юрѣ городъ.... Его водяные улицы такъ оригинальны, такъ таинственны, началь было Дроздовъ.

— И въ Россіи есть такія Венеціи, перебилъ его генералъ: — но къ сожалѣнію, многіе изъ насъ не видятъ того, что есть хорошаго въ нашей матушкѣ.

— Скажите пожалуйста, гдѣ же это вы открыли у насъ Венецію?

— А вотъ, я вамъ сейчасъ скажу, гневно отвѣчалъ генералъ и обратясь къ своему сосѣду Бѣгичеву продолжалъ: — Я, знаете, пріѣхалъ разъ въ разливъ въ городъ Гороховецъ, во Владимирской губерніи; смотрю — вода вездѣ, по всему городу бѣдять на лодкахъ; дома точно также какъ здѣсь стоять въ водѣ. Иной, знаете, маленькой домишко, такъ одна крыша только видна, а на ней-то народу-то, народу! Дѣти плачутъ, коровы мычать, бабы ореть — просто потопъ....

— Да, большое сходство съ Венецію! смылся, замѣтилъ Дроздовъ.

Генералъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и продолжалъ:

— Я самъ пріѣхалъ въ присутственное мѣсто въ ботикѣ, — эдакая маленькая лодочка, юркая такая, чуть пошевелись, она и опрокидывается на бокъ.

Дроздовъ разхохотался.

Г-жа Денисова поспѣшило обратилась къ генералу:

— А вправитъ ли вами Флоренція? Я очень люблю этотъ городъ...

— Я вамъ доложу, сударыня, отвѣчалъ генераль: — что городъ ничего не значитъ, все зависитъ оть людей: люди хороши и городъ покажется хорошъ. Я во Флоренціи чуть не умеръ съ тоски, ну день кое какъ еще промаешься, а вечеръ? Днемъ я гдѣ я не перебывалъ. Этотъ... ну, какъ бишь, Яковъ Иванычъ? обращаясь къ молодому человѣку: — какъ бишь?

— Оффіція, ваше превосходительство, отвѣчалъ Яковъ Иванычъ.

— Нѣтъ!... Ну, вотъ гдѣ страшный судъ....

— Ахъ! Должъ-съ, ваше превосходительство.

— Да... вѣчно забываю эти названія. Такъ, изволите видѣть, мнѣ очень понравился плафонъ въ куполѣ этой церкви. Прекрасная картина и она въ особенности тѣмъ хороша, что каждому изъ насъ напоминаетъ, что за наши грѣхи будетъ тамъ наказаніе.... Но вотъ, что смѣшно у этихъ католиковъ, выдумаютъ же такую несообразную вещь! Вздумали въ церквяхъ ставить памятники. Помнишь, мы видѣли, Яковъ Иванычъ?... Кому бишь это?...

— Данту-съ, ваше превосходительство.

— Данту, слышите? который комедію написалъ....

— Божественную, подсказалъ Дроздовъ.

— Да какую угодно, все же комедію! замѣтилъ генераль, разгорячась.—И что за чепуха, божественная комедія?... Кто пишетъ комедіи, тому, я думаю, и на улицѣ не прилично ставить памятники. Памятники ставятъ воинамъ, которые за свое отечество кровь проливаютъ.

— Вамъ странны казутся италіянцы, что они глубоко уважаютъ гениальныхъ людей, а итальянцамъ показались бы странны вы съ вашими сужденіями.

Генераль перебилъ разгорячившагося Дроздова.

— Да я, милостивый государь, презираю мнѣніе о себѣ этихъ ивніихъ!... Опи кричатъ: «мы европейцы!» а сами нашъ хлѣбъ єдять. Всѣ такъ и лѣзутъ въ Россію! Вы, батюшка, у себя дома готовы все назвать дурнымъ, потому что въ васъ нѣтъ патріотического чувства.... Конечно, за картиночки не ставить у насъ памятниковъ!

— А въ Лѣтнемъ саду поставленъ памятникъ за побасенки? Поживете подольше, еще и не то увидите, замѣтилъ Дроздовъ.

— Я, сударь, русский, всегда буду защищать матушку Россию, и не позволю смеяться надъ ней, сказалъ мрачно генераль.

— Да съ чего вы взяли, что вы одни ее любите? возразилъ Дроздовъ: — и развѣ только въ вашемъ чинѣ позволено любить свою родину? Я вамъ тоже, сударь, не позволю клеветать на Россію, я ее, люблю, но не хочу, чтобы она походила на Китай и чтобы въ ней разводились квасные патріоты.

Дроздовъ едва говорилъ, онъ задыхался отъ волненія и залѣлся кашлемъ.

Г-жа Денисова, обратилась къ генералу и сказала умолявшимъ и дрожащимъ голосомъ:

— Генераль, вы принимаете насъ за ученыхъ жепщинъ, за санихъ чулковъ. Вы заводите ученые споры.

— Помилуйте, сударыня, — сохрани Боже, я понимаю неумѣстность такихъ разговоровъ и не буду возражать г-ну Дроздову, онъ можетъ найти болѣе удобный случай для продолженія со мной такихъ споровъ, съ достоинствомъ заключиль генераль, обращаясь къ Дроздову, который пробормоталъ:

— Очень радъ!

Гробовое молчаніе воцарилось въ гондолѣ, но по счастью она скоро подъѣхала къ небольшому дому или вѣрнѣе къ двумъ мраморнымъ терассамъ съ павильонами, между которыми виднѣлся садъ.

Генераль ловко высадилъ дамъ. Г-жа Денисова обратилась къ Ольгѣ Львовнѣ и съ упрекомъ сказала:

— Что это, мой ангель, за беспорядокъ? Павильоны не освѣщены.

Ольга Львовна исчезла, а хозяйка дома заняла гостей разговорами и потомъ, когда павильоны освѣтились, попросила ихъ въ комнаты. За ней и за генераломъ послѣдовалъ Дроздовъ, горячо разсуждая съ молчаливымъ Яковомъ Иванычемъ о невѣжествѣ вѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ. Бѣгичевъ шелъ позади Катерины Петровны, которая пріостановилась въ дверяхъ, повернула къ нему голову и тихо, мягкимъ голосомъ произнесла:

— Прошу вѣсть, не возобновляйте старой комедіи.

И она исчезла вслѣдъ за другими.

Бѣгичевъ на минуту остался на террасѣ. Странное чувство волновало его. Неожиданная встрѣча, выразительные взгляды во время плаванія въ гондолѣ, — все это напомнило ему живо-

прошедшее. Въ смущеніи онъ вошелъ въ павильонъ. Первая комната была безъ оконъ, уставлена цветами и деревьями и кроме мягкихъ дивановъ, въ ней не было никакой другой мебели. Въ съѣдующей за тѣмъ комнатѣ были три большихъ стеклянные двери; зелень изъ сада врывалась въ комнату. Вся меблировка этой комнаты говорила объ артистическихъ занятіяхъ. Катерина Петровна стояла въ ней передъ зеркаломъ въ простынѣ дверей и поправляла свою прическу, исполненную привлекательной небрежности. Ея роскошные плечи сквозили透过 прозрачную кисею платья. Бѣгичевъ залюбовался стройнымъ станомъ Катерины Петровны, въ ней не было и тѣни прежней мрачности, напротивъ, ея губы дышали иѣвой, глаза блестѣли мягко; въ нихъ не было замѣтно никакой раздражительности и величавость ея манеръ умягчалась привлекательной томностью.

Вѣроятно, итальянскій воздухъ действовалъ благодѣтель по на ея красоту.

Бѣгичевъ едва сдерживалъ улыбку, невольно просившуюся на его губы, смотря на генерала, уморительно расхаживавшаго около Катерины Петровны. Съ каждымъ движениемъ ноги то одно, то другое плечо генерала выдавалось впередъ, какъ бы на показъ вѣмъ. При поворотахъ онъ повертывался на каблукахъ и, закидывая голову къ верху, глядѣлъ равно гордо, не только на всѣхъ присутствовавшихъ, даже на мебель, и на стѣны; только при взглядѣ на Катерину Петровну разглаживались его густыя рыжія брови, торчавшія надъ выпуклыми глазами, и все румяное юсвящющееся лицо его принимало маслянистое выраженіе. Впрочемъ, суровость его болѣе происходила отъ желанія стоять въ уровень съ своимъ чиномъ.

Бѣгичева, какъ магнитомъ, потянуло въ садъ, куда пошла Катерина Петровна. Садъ былъ небольшой, съ тремя крытыми аллеями, и съ двумя лужайками съ цветами, которыя защищены сплющемъ отъ жгучихъ лучей солнца. Садъ этотъ оканчивался двумя небольшими флигелями, соединявшимися мраморной террасой.

— Какой отличный домъ вы нашли, и съ садомъ—здѣсь это рѣдкость, сказалъ громко Бѣгичевъ, поровнявшись съ Катериной Петровной, и совершенно понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Умолю васъ, объясните мнѣ вашу фразу. Какую комедію я....

Катерина Петровна приложила палецъ къ губамъ и громко отвѣтала:

— Мнѣ страшно падоѣла Венециа!

И потомъ тихо продолжала:

— Пожалуйста, безъ эффектовъ.

— Куда же вы желали бы ѿхать? спросилъ Бѣгичевъ громко.

И умоляющимъ голосомъ тихо докончилъ:

— Вы я вижу вооружены противъ меня, я долженъ оправдаться передъ вами; мнѣ....

Запретительный жестъ рукой прервалъ его слова, и онъ продолжалъ громко:

— И почему вамъ не нравится здѣсь? чего вы желаете?

— Я желала бы ѿхать туда, гдѣ бы мнѣ не было слушаевъ видѣть лицемѣре, и гдѣ бы мнѣ самой поменьше приходилось лгать.

— И вы думаете отыскать такой городъ? шутливо спросилъ Бѣгичевъ.

И, загородивъ ей дорогу, настойчиво, но тихо добавилъ:

— Пожалѣйте меня, дайте мнѣ средства говорить съ вами, чтобы разъяснить вамъ мой поступокъ....

— Пора пить чай, а то обѣ настѣ забудутъ, очень громко произнесла Катерина Петровна.

И шотомъ добавила:

— Стыдитесь!...

Бѣгичевъ, смущаясь, посторонился. Катерина Петровна, не ускоряя шага, пошла въ комнату, напѣвая что-то по итальянски.

Бѣгичевъ остался въ саду, не будучи въ силахъ отдать себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, и ужъ потомъ сталъ допрашивать себя.

«Зачѣмъ это я просилъ у неї свиданія? Развѣ я не былъ доволенъ тѣмъ, что первое наше знакомство такъ благополучно окончилось для меня?»

Если бы Бѣгичевъ встрѣтилъ Катерину Петровну не въ Венеции и не въ разнѣженномъ настроеніи духа, при воспоминаніи о давнѣ минувшей молодости; если бы ее не окружала блестательная обстановка, вѣроятно ему не пришло бы въ голову начинать снова свое эгоистическое волокитство. При видѣ Ольги Львовны ему не приходила же мысль возобновлять старыя отношенія! Кро-

мъ болзни, чтобы она не вздумала вспомнить прошедшее, онъ не испыталъ передъ нею ровно никакого чувства....

Бѣгичевъ вошелъ въ комнату; всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ. Комната показалась ему невыносимо ярко освѣщенной. Хозяйка дома усадила его возлѣ себя и стала угождать фруктами и чаемъ.

По приказанію брата, Ольга Львовна вышла изъ комнаты, а Катерина Петровна попросила генерала приготовить ей лимонаду.

— Съумѣете ли вы? сказала она ему.

— Помилуйте, да когда я былъ еще корнетомъ, то всегда разливалъ чай нашимъ полковымъ дамамъ, отвѣчалъ генераль.

— А по тюлю вы вышиваете? спросилъ Дроздовъ.

Генераль, вѣроятно, не читалъ Гоголя, а если и читалъ, то забылъ о губернаторѣ, вышивавшемъ по тюлю, и потому этотъ вопросъ такъ его озадачилъ, что онъ вытарашилъ глаза на Дроздова и преуморительно заморгалъ вѣками.

— Налейте мнѣ чаю, генераль, мнѣ будеть очень пріятно видѣть, какъ вы будете хозяйничать у меня, сказала г-жа Денисова, сердито глядя на Катерину Петровну, едва сдерживавшую свой смѣхъ, и на Дроздова, очень довольного своимъ вопросомъ.

— Для прекраснаго пола я готовъ въ огонь и воду. Извольте; я докажу вамъ, что я разливаю чай также ловко, какъ владѣю шпагой, прошнесь генераль, подходя къ самовару.

Г-жа Денисова бросила умоляющій взглядъ на Дроздова, но онъ продолжалъ смотрѣть на генерала съ презрительной улыбкой.

— Не налить ли вамъ, сударыня? спросилъ генераль Катерину Петровну, подавая, въ то же время, чашку г-жѣ Денисовой.

— Нѣтъ, я и такъ много пила сегодня, отвѣчала Катерина Петровна.

— Это ничего-съ. Полноте, нельзя же дамамъ однимъ воздухомъ питаться? Богъ съ ними, съ этими воздушными дамочками! Я такъ нѣть-съ, я люблю матерію-съ, то есть, какъ бы это вамъ выразить, ну, словомъ, русскую красоту, чтобъ... ну, вотъ, какъ вы сами!

— Вотъ новость, какое открытие! Развѣ Катерина Петровна по вашему имѣетъ русскую красоту? — Русская красавица полна, бѣла, румяна... а Катерина Петровна...

Въ эту минуту г-жа Денисова встала съ своего мѣста и сказала:

— Однако, намъ пора ѿхать въ Лидо.

Ольгу Львовну затормошили: г-жа Денисова посыпала ее во флигель за перчатками и вѣромъ, въ павильонъ за сигарами и шарфомъ. Ее не взяли на прогулку, потому что Дроздовъ воздумалъ оказывать молчаливому Якову Иванычу особенное вниманіе и пригласилъ его ѿхать вмѣстѣ со всѣми.

Бѣгичеву стало жаль бѣдной дѣвушки, когда гондола двинулась.... Луна отчетливо обрисовывала печальную ея фигуру на террасѣ.

— Какъ жаль, подумалъ онъ, смотря на нее: — и подъ самыми прекрасными небомъ могутъ быть прежалкія существованія!

— Ведите, мой ангель, приготовить льду и фруктовъ, крикнула г-жа Денисова Ольгѣ Львовнѣ.

— Осмотрѣши хорошенъко, чтобы опять ко мнѣ въ спальню не забрались комары, добавилъ братъ.

Гондола неслась какъ на крыльяхъ; гондольеры работали сильно, но безъ шуму и плеску, на минуту они останавливались въ бездѣйствіи и приподнявъ надъ водою веслы, какъ бы сами любовались быстрымъ бѣгомъ гондолы по гладкому какъ стекло каналу, изъ глубины котораго возвышались темные мраморные дворцы, съ висячими балконами, съ бѣлыми ступенями, купавшимися наполовину въ водѣ. Яркій свѣтъ газовыхъ фонарей у нѣкоторыхъ подѣздовъ дразнилъ Бѣгичева, то освѣщая, то погружая во мракъ живописно драпированную въ бѣлый бурнусъ фигуру Катерины Петровны, лежавшую на мягкихъ подушкахъ чорной гондолы.

Бѣгичеву случайно досталось сидѣть возлѣ нея. Дроздовъ никакъ не хотѣлъ уступить это мѣсто генералу, а г-жа Денисова ему.

Обстановка была великолѣпная, природа въ лунномъ блескѣ величаво красовалась; и если бы не споры Дроздова съ генераломъ и не колкости, которыми перекидывались между собою двѣ дамы, то прогулка показалась бы Бѣгичеву восхитительна. Онъ ясно видѣлъ, что ихъ не можетъ теперь примириить никакая природа, никакая обстановка; вражда ихъ развѣти утихнула бы только тогда, когда бы гондола перевернулась и опѣ исчезла въ безднѣ. Но все-таки это не мѣшало Бѣгичеву ощущать пріятный жаръ отъ сосѣдства съ Катериной Пе-

тровной и любоваться ея лицомъ, которое отъ накинутаго бѣлаго капишиона на ея голову было необыкновенно эффектно и полно самой увлекательной нѣги и страсти.

Бѣгичевъ чувствовалъ по временамъ легкое прикосновеніе ея ножки, или близость ея лица у своего плеча, потому что въ гондолѣ было тѣсно. Катерина Петровна играла водой, забавлялась фосфорическимиискрами, обнажала свою руку до локтя и какъ бы поддразнивала своего сосѣда, котораго такъ и тянуло притянуть губами къ этой рукѣ....

Трудно передать всю поэзію итальянской ночи тому изъ сѣверныхъ жителей, кто не бывалъ на югѣ... Небо чисто, ясно и разукрашено мигающими звѣздами; луна мягко серебрить землю, дышащую какой-то таинственностью; воздухъ влаженъ, но пышетъ теплотой, въ немъ слышенъ малѣйшій шорохъ; неутомимый ручей гдѣ-то бѣжитъ съ пригорка, сверчки трещать во всѣхъ стопонахъ; лягушки бываютъ согласно гортанину трель и множество невидимыхъ насѣкомыхъ усиливаютъ таинственное движение ночи. Пахнетъ ли вѣтерокъ—онъ такъ ласково, такъ горячо обвѣтъ лицо; страстный трепетъ промчится по листамъ темныхъ, громадныхъ, неподвижныхъ деревъ, около которыхъ, въ густой тѣни зелени, какъ звѣздочки летаютъ свѣтящіяся мухи; одинъ высокій верхушкѣ деревъ освѣщенъ луной и рисуются отчетливо въ воздухѣ, какъ черное кружево на голубомъ атласѣ.... Пусть хвалять морозныя ночи сѣвера, но я боюсь ихъ, онъ всегда на меня производятъ безотчетно-тоскливоѣощущеніе. Правда, есть что-то торжественно-печальное въ этихъ свѣтлыхъ и морозныхъ ночахъ; небо безоблачно, луна разливается какой-то зеленовато-матовый свѣтъ на пышный, ослѣпительной бѣлизны снѣгъ, а онъ, подобно мраморному помосту, тяготитъ надъ всѣмъ; все скрыто подъ нимъ: холмы, луга, ручьи и рѣки; обнаженная деревья, какъ человѣческіе скелеты, недвижно стоятъ въ этомъ суровомъ воздухѣ и только вѣчно зеленѣющій ельникъ мрачно красуется на снѣжномъ морѣ, а снѣгъ, запавшій между сучьями елей, дѣлаетъ ихъ похожими на сѣдовласыхъ старцевъ. Тишина этой ледяной почі ничѣмъ ненарушается, все вѣеть смертью въ этой оциѣнѣлой природѣ, только луна движется въ легкомъ парѣ, какъ бы страшась ярче освѣтить землю.... И каждый разъ, чтобы сброситься съ себя подавляющую окочепѣлую кору, сѣверная природа должна вытерпѣть пытку бурь и вѣтровъ. И какъ тяжко приходитъ землѣ пробиваться на свѣтъ изъ-подъ сиѣга; какъ стопеть

и бурлить рѣка всякий разъ, чтобы сбросить съ себя подавляющую ее массу льда. И какъ грустно смотрѣть на эти бѣдныя сѣверныя деревья! Лишенныя тепла и обнаженные большую часть года, они и въ свое короткое существованіе не знаютъ покоя: день и ночь ихъ раскачиваетъ вѣтеръ, какъ бы злясь, зачѣмъ они зеленѣютъ, и, измучивъ ихъ въ этой борьбѣ, заставляя ихъ сбрасывать прежде временно свой зеленый уборъ, чтобы снова одѣться въ бѣлый саванъ; спѣгъ заботливо окутаетъ икѣ, а сѣрое небо, насупясь, не пропускаетъ ни одного солнечнаго луча, а если этотъ лучъ какъ нибудь и пробьется сквозь свинцовую броню, то только на одно мгновеніе...

Впрочемъ, плывшіе въ гондолѣ, не думали въ эту минуту о своей родинѣ, о ея суровой и бурной природѣ. Только генераль вдругъ напомнилъ о ней: Бѣгичевъ похвалилъ въ своемъ разговорѣ французскую администрацію, генераль перебылъ его:

— Нѣтъ, ужъ прошу извинить. У нихъ тамъ, чортъ знаетъ, что дѣлается. Я въ Парижѣ самъ уѣхалъ — какіе у нихъ тамъ плохіе законы, и какъ они мошенничаютъ. Князь Петръ Васильичъ... вы вѣрно знаете его, это человѣкъ очень известный, взявшись собой повара заграницу, а тотъ и сбѣги отъ него. Ну какъ бы кажется не найти его? Вѣдь когда имъ нужно поймать своихъ бунтовщиковъ, такъ небось, тотчасъ поймаютъ и какъ разъ въ кандалы... Вотъ-съ объѣхалъ князь всю Европу и вернулся опять въ Парижъ, одинъ англичанинъ и пригласи его обѣдать къ себѣ. Обѣдъ былъ отличный, притомъ, вообразите себѣ удивленіе князя — наша родная кулебяка, съ рыбой, какъ слѣдуетъ. «Откуда у васъ это?» спрашивавъ князь у англичанина. «У меня русскій поваръ», отвѣтъ англичанинъ. — А какъ его зовутъ? «Жоржъ» говорить онъ. Князь вспыхнулъ, онъ тотчасъ же догадался, что это его бѣжалій Егорка. Навѣрно справки, оказалось точно онъ. Князь требовать его у англичанина, а англичанинъ отвѣтъ ему, что Егорка хочетъ служить ему, а не князю. Каково? Тогда князь въ полицію. Что же бы вы думали отвѣчали французы. «Егорка — де англійскій подданный и они неимѣютъ никакихъ правъ заставить его служить тому, кому онъ не хочетъ». Что же это, я васъ спрашиваю? А еще образованное государство! Хорошо что ли, укрывать бѣглцовъ и выдавать имъ паспорты....

— Чѣмъ же кончилась эта исторія? она очень интересна, сказалъ иронически Дроздовъ.

Генераль продолжалъ:

— И сколько непріятностей потерпѣлъ черезъ это князь. Наконецъ онъ плюнула и принужденъ былъ взять съ Егорки тысячу франковъ, — слышите, тысячу франковъ!... когда одно обучение его стоило князю до трехъ! А какой-то аббатикъ по этому поводу написалъ ему еще прегрубое и предерзкое письмо. «Вы, говорить, должны помнить, что вы христіанинъ» и понесъ и понесъ.

— Какъ, и князь взялъ деньги? воскликнулъ Дроздовъ.

— Я бы не взялъ, отвѣталъ генераль, не обращая, впрочемъ, вниманія на Дроздова. — Я бы добился, чтобы миѣ отдали то, что миѣ принадлежитъ!

— Вы безъ Егорки здѣсь?

— Что это за вопросъ?

— Да миѣ бы хотѣлось знать, какъ вы добились бы принадлежащей вамъ живой вещи....

— Я, милостивый государь, очень хорошо знаю, что люди, не имѣющіе права имѣть помѣстья, всегда очень великодушны и большіе филантропы.... А мы знаемъ, что такое намъ слѣдуетъ дѣлать!

— Мсьѣ Поль, поправьте миѣ капишонъ, прервала г-жа Денисова.

И когда Дроздовъ исполнялъ ея приказаніе, она ему тихо сдѣлала выговоръ, а онъ запальчиво, но также тихо отвѣталъ:

— Я не могу его выносить!

Г-жа Денисова въ волненіи произнесла:

— Вы не должны забывать, что при дамахъ не спорять такъ рѣзко, и не дѣлаютъ ихъ свидѣтельницами ссоръ!

Бѣгичевъ старался говорить громко, чтобы заглушить этотъ разговоръ. Генераль возразилъ ему на его слова:

— Да, чу это другое дѣло—вотъ вы изволите говорить какъ дворянинъ!...

Гондола причалила въ Лидо, одинъ изъ ближайшихъ островковъ, окружающихъ Венецію. Чтобы добраться до моря, надо было пройти нѣсколько строеній съ садами и пустое песчаное мѣсто.

Генераль, еще не выходя изъ гондолы, изъявилъ желаніе быть кавалеромъ Катерины Петровны. Г-жа Денисова пошла подъ руку съ Дроздовымъ и увлекала его подальше отъ генерала. Бѣгичевъ шелъ рядомъ съ Яковымъ Иванычемъ и старался за-

вѣсть съ нимъ разговоръ, но ничего отъ него не добился, кромѣ «да» и «нѣть-съ». Якову Иванычу все нравилось: Италия, Германія, Варшава, даже Тильзитъ.

Уже слышался сильный гулъ, прерываемый шипѣньемъ, но самое море было еще скрыто отъ глазъ небольшимъ возвышеніемъ, къ которому подходило общество. По временамъ раздавались пошлые фразы заученаго восторга, по когда общество ввошло на валъ, то всѣ смолкли на минуту въ неподдельномъ и благоговѣйномъ совершеніи величественной картины.

Свинцовая даль моря, какъ тяжело-дышащая масса, обхватывала всѣ горизонты и исчезала въ туманѣ. Въ одномъ концѣ его чистое, синее небо, съ блестящей серебряной луной, купалось въ большихъ волнахъ, которыхъ, катясь безостановочно, все свѣталѣ и свѣталѣ, и, подкатываясь къ берегу, принимали зеленовато-голубоватый отливъ, и потомъ шипя и пѣнясь, исчезали на гладкомъ, твердомъ и влажномъ пескѣ.

Лунный блескъ усиливалъ мрачную даль, въ которой величественно и медленно двигалось только что пустившееся въ путь большое судно и его бѣлые паруса, заслоняя даль, походили на распустившіяся крылья исполинской птицы, приготовившейся летѣть. Передъ этой картиной все казалось безсильно и мелко, и какое-то торжественное чувство невольно охватывало душу.

Генеральша съ своей дамой по влажному и гладкому пешку; волны подливались почти къ ногамъ ихъ. Онь былъ, казалось, очень доволенъ собою и его голосъ рѣзко звучалъ, даже среди морского гула.

— Я признаюсь, говорилъ онъ: — очень люблю пить воду, но когда качаетъ на пароходѣ, это просто гадость. Сего дня я, впрочемъ, въ первый разъ чувствую удовольствіе, смотря на море. Вѣроятно этому способствуетъ ваше присутствіе и ваша маленькая ручка... вы все украшаете.

Эти любезности, кажется, не нравились Катеринѣ Петровнѣ, и она, оставивъ генерала, пошла впередъ. Тешный, но сильный вѣтеръ разыгрывалъ ея бѣлый бурнусъ, надувая его какъ парусъ. Катерина Петровна вдругъ вбѣжала на возвышеніе и, драпированная въ бурнусъ, походила на статую, освѣщенную серебрянымъ блескомъ луны.

Генеральша, поровнявшись съ Бѣгичевымъ, сказала ему, указывая на Катерину Петровну:

— Что-съ? Какова-съ?... Знаеть, плутовка, что красавица!
Т. LXVII. Отд. I.

— Еще бы съ! произнесъ Яковъ Иванычъ захлебывась.

Бѣгичевъ взглянуль на него изамѣтиль, что даже его тусклые глаза забѣгали и заскрипились при взглядѣ на Катерину Петровну.

— Я вамъ рекомендую великаго любителя дамскаго пола, указывая на молодаго человѣка, сказаль весело генераль, и, обратясь къ Бѣгичеву, продолжалъ:

— Знаете, какъ онъ увидаль *ихъ* въ первый разъ, просто растаяль, такъ и одурѣль: ему велишь подать трубку, а онъ волы ташить. Во снѣ бредить ей. Недѣлю тому назадъ булыхнулся съ кровати, перепугая меня: — Что ты? спрашивавъ я, проснувшись. Охъ, говорить, ваше превосходительство, онъ съ приснились, говорить мнѣ,—будто вошли въ комнату, а я, неодѣтый, хотѣль убѣжать отъ *нихъ* поскорѣе.»

Генераль хототаль до слезъ и закончилъ тѣмъ, что ласково потрепавъ по плечу молодаго человѣка, сказаль выразительно:

— Нѣть, братъ, еще молодъ для такихъ лакомыхъ кусочекъ, будетъ съ тебя твоихъ Каролинъ и Луизъ... Вѣрите ли, въ каждомъ городѣ, хоть па два дня остановимся, онъ заводить знакомство. Я ужъ его журю за это. Ну, что, неправда ли, мокрая курица? а? Да я въ твои годы какъ красная дѣвушка жилъ. Смотри, наплачешься пѣслѣ. Я думаю, что нынѣшняя молодежь стала отъ того такая хилая, что раненько начинаеть жить, глубокомысленно добавилъ генераль.—Ну, какое, напримѣръ, сравненіе я и онъ?... Я кремень, я эдакихъ мозгликовъ за поясъ заткну, даромъ что въ лѣтахъ.... Надо сохранять себя въ молодости, закалить въ среднихъ годахъ, тогда старость не посмѣть рано прийти. Я, знаете, могу холить много, на лошади цѣлыи день пробуду безъ боли въ поясницѣ. Желудокъ у меня варата отлично, я, доложу вамъ, пересталъ пить вино, одну воду, чистую воду пью....

Возвращеніе изъ Лидо было бурно, г-жа Денисова поминутно должна была быть на сторожѣ, чтобы Дроздовъ съ генераломъ не наговорили другъ другу дерзостей. Бѣгичевъ совершеніе былъ счастливъ: онъ могъ говорить съ Катериной Петровной, и, пользуясь ссорами другихъ, успѣть вымолить у нее свиданіе. Разумѣется, для этого было употреблено все краснорѣчие, весь умъ, все практическое познаніе женскаго характера. Свиданіе было назначено на другой вечеръ у ѳанаала Жудекъ, но толь-

ко въ такомъ случаѣ, если у ней будетъ роза въ рукѣ, когда она явится къ музыкѣ на площадь св. Марка.

Подъѣзжая къ дому, издали послышалась музыка.

— Это вѣрно вчерашия компания ёдетъ кататься, я вчера до трехъ часовъ почти слушала ихъ пѣніе и игру, замѣтила Катерина Петровна.

— Вотъ народъ! нечего имъ дѣлать, замѣтилъ генераль.

— Разумѣется, они глупы, лучше пить и играть въ карты, сказалъ Дроздовъ.

— Чемъ? вамъ странно, что люди играютъ въ карты? Въ нашъ холодъ извольте-ка просидѣть цѣлую ночь на водѣ, такъ и флейта къ губамъ примерзнетъ, засмѣясь отвѣчалъ генераль.

— Конечно, только въ Италии можно позволить себѣ ночью проводить время на водѣ, подхватила г-жа Денисова.

Она не пригласила гостей войти къ ней, а простясь съ ними, предложила имъ свою гондолу.

Бѣгичевъ, генераль и Яковъ Иванычъ поплыли къ площади св. Марка, а оттуда пошли пѣшкомъ до своихъ отелей. Генераль ласково сказалъ Бѣгичеву:

— Я надѣюсь, что мы поближе познакомимся. Я стою близко отъ васъ.

Бѣгичевъ поблагодарилъ генерала за честь, но внутренне рѣшилъ уклониться отъ этого лестнаго знакомства.

— А что, вы давно изволите знать г-жу Денисову? спросилъ генераль, идя по площади.

— Я сосѣдъ ей по имѣнію, отвѣчалъ неопределенно Бѣгичевъ.

— Скажите, пожалуйста, кто такой съ ней этотъ грубіанъ? Я признаюсь, только изъ уваженія къ дамамъ не проучилъ его до сихъ поръ, но онъ меня выведетъ, наконецъ, изъ терпѣнія. Эдакая дрянь! Чѣмъ онъ такое? Кажется, богатъ?

— Не знаю.

— Я спрашивалъ у ней самой, не родственникъ ли ей онъ? Нѣтъ, говорить, а талантъ, большой талантъ. Да мнѣ-то что, чортъ возьми, въ его талантѣ? Я влюю на его талантъ.... А Катерину Петровну изволите знать давно? Не знакомы ли съ ихъ родными?

— У Катерины Петровны, кажется, нѣтъ ни отца, ни матери....

— Сирота!... Сиротство тяжела вѣшь! Я, знаете, самъ сирота, умилно и грустно произнесъ генераль: — ахъ, какъ это горыко! Я съ малыхъ лѣтъ испыталъ это несчастье. Павенька и маменька отдали меня малолѣтнимъ въ корпусъ, они сами жили далеко отъ Петербурга, потомъ я поступилъ въ полкъ.... Вотъ ужъ могу сказать выростъ безъ материнскихъ ласкъ.

Голосъ генерала становился все трогательнѣе и трогательнѣе; онъ продолжалъ:

— Я былъ женатъ съ, но, ужъ такъ видно угодно было судѣй, — я потерялъ мою Авдотью Матвѣеву; у меня осталась сиротка дочь.

И генераль тяжело вздохнулъ.

— Ну, что отцу прикажете дѣлать съ дѣвочкой? Это не то, что сынъ, за дѣвочкой надо глаза, да и глаза.... Меня, можно сказать, спасла одна только религія да дружба, а то я готовъ былъ умереть, вотъ какъ потеря моей Авдотии Матвѣевны на меня подѣйствовала. Я очень привязчивъ: на что, вотъ, у меня моська—Авдотья Матвѣевна щенкомъ ее взяла, такъ, право, совсѣмъ сказать, плакаль, ей-Богу плакаль, какъ тѣхъ сюда, разставаясь съ ней, она всегда спала со мной. Я очень привязчивъ и ужъ кого разъ полюблю, такъ не скоро разлюблю. Да, все готовъ отдать, послѣднюю рубашку.

Генераль говорилъ горячо, — онъ рванулъ себя за борть сюртука такъ, что пуговицы затрещали.

— Что за жизнь холостяка, продолжалъ печально генераль: — придется домой, некому приласкать тебѣ; а какъ боленъ? безъ жены кто будетъ ухаживать за тобой? Нѣть-съ, одиночество и сиротство горыко; я, знаете, кажусь строгимъ, но безъ этого нельзя на службѣ, никакъ нельзя.... Я какъ былъ молодъ, жалостливъ былъ; разъ простилъ солдату за то, что онъ пьянъ былъ, а въ другой разъ, что же бы вы думали? онъ тоже съ цапну волѣзъ къ лошади, а она его лягнула, у него и духъ вонъ. Съ тѣхъ поръ меня все совсѣмъ мучить, и я сталъ строгъ на службѣ. Съ меня взыскивали тоже строго, и я черезъ это сдѣлался хорошимъ служакомъ. Нельзя.... начальнику надо всегда быть строгимъ съ подчиненными.

Бѣгичевъ былъ очень доволенъ, когда настала минута проститься съ говорливымъ генераломъ.

Теперь займемся биографіей генерала. Она не будетъ длинна, потому что жизнь его не замѣчательна воинскими подвигами. Нач-

немъ по порядку. Родители генерала были бѣдные дворяне. воспитаніе его не было сложно въ гигиеническомъ отношеніи: оно ограничивалось обыкновеніемъ насилино заставлять ребенка есть супъ и какъ можно больше хлѣба; это вѣчная вытка для дѣтей. Выѣто чая, ему давали смородинный листъ и заставляли сосать солодковый корень. Эти медицинскія средства, можетъ быть, способствовали его постоянному румянцу и крѣвкому сложенію, которые онъ такъ гордился въ пятьдесятъ—пять лѣтъ. Моральное воспитаніе его было еще ограниченіе: чинно сидѣть за столомъ, шаркать ножкой гостямъ и паловать ручку у дамъ и у значительныхъ гостей. О умственномъ образованіи его почти не заботились родители, его обучали только русскому чтенію и писанію, да четыремъ правиламъ ариѳметики, за то ребенокъ бралъ приватные уроки у прислуги, и выучившись отъ нее разныя цѣсни и прибаутки, а также почерпавъ обильная познанія въ практической жизни. Съ такими свѣдѣніями родители переслали сына въ корпусъ; буквально *переслали*, потому что сначала мальчика называли одному дальнему родственнику,ѣхавшему въ Москву, родственникъ изъ Москвы передалъ его кунцу, возвращавшемуся въ Тверь, а изъ Твери довезла его какая-то поимѣница до Новагорода. Изъ Новагорода онъ одинъ уже доѣхалъ въ дилижансъ до Петербурга, и кондукторъ сдалъ его по адресу какимъ-то родственникамъ, жившимъ въ Петербургѣ, которые, не теряя ни минуты, отправили мальчика въ корпусъ. Въ корпусѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ, и не было человѣка который бы хоть навѣдался, живъ ли онъ. Отъ родителей получалъ онъ письма съ наставленіями, но безъ денегъ. Мальчикъ учился плохо, за то отличался благонравіемъ, чистоплотностью... Онъ впрочемъ не лишенъ былъ талантовъ—мастерски маршировалъ и владѣлъ ружьемъ такъ, что преподававшій ему эту науку офицерь изъ иѣмцовъ, во вниманіе къ его таланту, сталъ его брать къ себѣ по праздникамъ. Когда чистоплотному мальчику минуло шестнадцать лѣтъ, то на него обратила особенное вниманіе капитанша и безъ него даже не выѣзжала въ гости, а при производствѣ его въ офицеры въ одинъ изъ дальнихъ полковъ, добрая капитанша очень плакала и на память вышила ему феску и кисеть. Безъ покровительства, безъ знакомства, безъ денегъ, съ одной услужливостью, молодой человѣкъ обратилъ на себя вниманіе старика генерала, и былъ допущенъ въ его домъ. Генеральша, очень пожилая дама, пришла въ восторгъ отъ необыкновенной

скромности корнета а также и отъ его розовыхъ щекъ. До майорского чина онъ былъ молчаливъ и услужливъ; голосъ его былъ тихъ, взглядъ скроменъ и пріятелъ. Только при полученіи этого значительного чина явилась въ немъ развязность и несокрушимая увѣренность въ своихъ достоинствахъ. Въ малыхъ чинахъ, по его собственному сознанію, онъ никогда не разсуждалъ, а только исполнилъ волю старшихъ. «Тогда можешь разсуждать, когда дослужишься до моего чина» — часто повторялъ онъ Якову Иванычу и безъ тѣга лишенному способности мыслить. Но не одна генеральша оказывала расположение скромному и румяному корнету, многія полковые дамы также цѣнили его прекрасныя качества. Въ полку, товарищи его смеялись надъ памъ, а иные презирали его, увѣряя всѣхъ, что корнетъ наушникъ. Корнетъ впрочемъ терпѣливо сносилъ насмѣшки товарищѣй, онъ не кутиль съ ними, не курилъ, не пилъ вина, а больше все раздавалъ шоколадъ съ полковыми дамами. На квартире у него была удивительная чистота: ни пылинки, все развѣшено, все прибрано. На диванѣ у него появилась вышитая подушка, и у кровати коверъ на стѣнѣ, а когда его произвели въ слѣдующій чинъ, то генераль и генеральша назывались кушать чай у него. Эта честь сколькихъ хлопотъ стоила молодому человѣку! Для генеральши были поданы ея любимые сухарики, а для генерала взято у товарищѣй мягкое кресло. Слезы благодарности увлажнили глаза молодаго хозяина, когда генераль вошелъ въ его скромное и чистенькое жилище. Юный хозяинъ раздалъ сморщенныя ручки генеральши и приникъ къ плечу своего благодѣтеля, который потрепавъ его по спинѣ, да позволилъ поцаловать себя въ пуговицу мундира. Признателный хозяинъ не сводилъ глазъ съ генерала и когда тотъ хотѣлъ поставить свою маску на окно, онъ схватилъ ее и сказалъ:

— Ваше превосходительство, тутъ дуетъ, — и бережно перенесъ маску на столъ.

Умѣніе ли или счастье, а есть такіе люди на свѣтѣ, которые нравится всемъ своимъ начальникамъ, какъ бы часто они не избѣгали. Къ такимъ людямъ принадлежала нашъ молодой человѣкъ. Получивъ генеральскій чинъ, онъ уже имѣлъ, неизвѣстно какъ, тысячу душъ и капиталецъ. Во взяточничествѣ его нельзя было никакъ подозрѣвать, потому что на словахъ онъ такъ любилъ матушку Россію, такъ много говорилъ о своемъ безкорыстіи! Женильба не принесла ему также богатства,

потому что свидѣтели его супружескаго счастья рассказываютъ, что онъ женился совершенно безкорыстно. Въ чинѣ генерала ему уже надоѣла холостая жизнь, и онъ сталъ искать себѣ невѣсты. Одна благородная и безкорыстная сваха приготовила генералу невѣstu, девушку молодую, хорошей фамиліи, но безъ приданаго. Смотрѣй былъ назначенъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, у благородной свахи. Генераль остался доволенъ молодѣстью и свѣтскостью невѣсты и днія черезъ два сдѣлалъ ея родителямъ формальное предложеніе, а черезъ три недѣли былъ уже женатъ... Многіе возстаютъ противъ куческихъ браковъ черезъ свакъ но никто однако не думаетъ возставать противъ благородныхъ свакъ... Впрочемъ, я поспѣшу утѣшить читателя, что невѣстагенерала шла охотно; ей нужень было именно мужъ генераль. И какъ потомъ отрадно было видѣть ихъ супружеское счастье, которое никакъ нельзя было предвидѣть, потому что невѣста и женихъ всего были запакомы менѣе мѣсяца до свадьбы! Молодая генеральша безпрестанно допрашивала стараго генерала съ наивностью:—«За что я тебя такъ люблю?...» Генераль былъ пріимѣрный мужъ. Строгій по службѣ, онъ передъ свѣтской женой превращался въ овечку. Она перевернула весь домъ, завела лакеевъ въ ливреяхъ, модные экипажи; но увы! не долго наслаждался генераль своимъ счастіемъ: супруга скончалась послѣ родовъ, оставивъ ему дочь. Генераль долго оплакивалъ потерю жены, какъ водится купилъ себѣ мѣсто на кладбищѣ, возлѣ могилы покойницы и поставилъ надъ нею памятникъ съ слѣдующей громкой надписью: «Здѣсь покоятся лучшая половина моего существованія», и далѣе: «Незабвенный другъ! наша разлука будетъ коротка!» А на другой сторонѣ «Генераль-Майорша Авдотья Матвѣевна Каразина, урожденная дочь Дѣйствительного Статского Совѣтника Шанафидина, родившаяся такого-то числа и умершая такого-то. Свершила свой жизненный путь доблестно, украсивъ его всѣми добродѣтелями; была прекрасной и вѣрной супругой, почтительной дочерью и пѣжной матерью».

Вотъ и все, что можно сказать о предшествовавшей жизни генерала; за границу онъ поѣхалъ — первое, съ намѣреніемъ пѣвѣрить свое убѣжденіе, что Европа дрянь, въ чемъ онъ и дѣйствительно убѣдился, хотя во время путешествія имѣлъ дѣло только съ трактирными слугами. И второе, чтобы имѣть право говорить: «Я батюшка, все знаю, все видѣль, я былъ за гравицей!» Генераль съ горяча даже было начать вести журналъ

своего путешествія, въ такомъ родѣ; «Городъ Берлинъ:—прібылъ 17 числа въ 7 часовъ и 5 минутъ. Осмотрѣлъ все, городъ не- сколько похожъ на нашъ Петербургъ, только негодится ему въ подметки. Обѣдъ плохъ, но уваженія много у прусаковъ къ рус- скимъ». Онъ также наблюдалъ надъ температурой: «Вѣна: 3 апрѣля. Здѣсь тепло, какъ у насъ въ юль. Много военныхъ на улицахъ, все народъ видный. Венуазски задорны. Ночи темныя, но тепло». Въ особенности о площадяхъ очень много упоминалось въ этомъ журналѣ: «площадь такая, что можно легко уставить десять полковъ пѣхоты и пять конницы»....

О спутникѣ генерала нельзя сообщить даже и краткихъ био- графическихъ свѣдѣній. Онъ былъ молодъ годами, но старъ фи- зически и духомъ, восситывался также въ корпусѣ и попалъ въ адъютанты къ генералу по просьбѣ дальней родственницы его покойной жены. Генералъ оказывалъ своему адъютанту покро- вительство, и взялъ его за границу на свой счетъ. Яковъ Ива- нычъ не былъ ни самолюбивъ, ни золь, ни добръ, ни горячъ, у него даже не было желанія дослужиться до генерала и пріобрѣ- сти капиталецъ. Впрочемъ, такихъ людей какъ Яковъ Иванычъ и даже его покровитель пространно описывать нечего. Такіе лица у насъ встрѣчаются на каждомъ шагу....

На другое утро, послѣ описанной мною прогулки, Бѣгичевъ пришелъ въ кафе на площадь св. Марка и былъ свидѣтелемъ, какъ генералъ въ невыносимый жаръ расхаживалъ мѣрно по са- мой срединѣ площади, билъ рукою тактъ, поворачивался на каблукахъ и пятясь назадъ салютовалъ палкой, какъ шпагой, и произносилъ: Разъ, два, три! разъ... .

Бѣгичевъ думалъ, что генералъ помѣшался, но тотъ подойдя къ нему и вытирая потъ съ своего краснаго лица, сказалъ:

— Уфъ, усталъ! немножко, знаете вспомнилъ службу. Пора домой батюшка, что баклушки-то бить!... А позвольте спросить, вы служите?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бѣгичевъ.

— Ай, ай, молодой человѣкъ! Какъ же это? нехорошо! Вы дворянинъ! съ упрекомъ замѣтилъ генералъ и прочиталъ Бѣги- чеву по этому поводу мораль, даже упрекнулъ его въ отсутствіи патріотизма, а также и въ вольнодумствѣ: — А сколько у васъ душъ? спросилъ онъ въ заключеніе.

— Тысяча.

— А, а, а! Ну это чѣло другое, возразилъ генераль смягча-
ясь: — значить, у васъ есть дѣло. Заниматься своими мужиками
это наша священная обязанность. Миѣ вотъ служба мѣшаетъ, а
то бы я въ такой порядокъ привелъ своихъ мужиковъ, что они
въ троє бы приносили мнѣ доходу. Впрочемъ у меня хорошій
управляющій, строгій, я, батюшка, по старинному, не хитрю
какъ пынче....

Генераль долго развивалъ свою методу, какъ слѣдуетъ упра-
влять мужиками. Бѣгичевъ не возражалъ ему и пилъ свой кофе.
Генераль спросилъ его любезно:

— Ну-съ, что, какъ вы послѣ вчерашней прогулки? Не бре-
дили нашей красавицей? Миѣ, такъ она снилася цѣлую ночь!
Знаете ли, я хочу ей сдѣлать сюрпризъ? Вѣдь ея рожденіе зав-
тра. Задамъ ей серенаду, а утромъ полнесу ей по русски — хлѣбъ
соль. Ну къ чему себѣ отказывать въ удовольствіяхъ? Я коли
раскучусь, тѣкъ по русски, тогда все для меня тринъ-трава!...

Бѣгичева спасть отъ генерала Яковъ Иванычъ, явившійся за-
шимъ, чтобы заказывать букеты....

Бѣгичевъ ждалъ нетерпѣливо, чтобы блескъ солнца смѣнился
темнотой. Онъ въ волненіи поджидалъ появленія Катеринѣ Пет-
ровны на площади, и когда г-жа Денисова съ дѣвицами и Дро-
зовымъ усѣлась у кафе, и Бѣгичевъ подошелъ къ нимъ, то ему
сдѣлалось очень весело, потому что Катерина Петровна вѣртела
условную розу въ рукѣ.

Какъ только генераль подсѣль къ дамамъ, Дроздовъ шеп-
нуль что-то г-жѣ Денисовой; она встала, объявивъ Катеринѣ Петровнѣ и Ольгѣ Львовнѣ, что надоѣдать домой.

— Такъ рано, сударыня? съ удивленіемъ спросилъ гене-
раль.

— Миѣ нужно, у меня есть дѣло.... отвѣчала она съ за-
мѣшательствомъ.

Генераль, по уходѣ дамъ, началъ метаться по площади и
приставалъ къ Бѣгичеву съ разными вопросами о Дроздовѣ.
Чтобъ отвязаться отъ него, Бѣгичевъ далъ ему русскую газету,
которая была у него въ карманѣ.

Генераль усѣлся читать съ большимъ глубокомысліемъ....

Бѣгичевъ сѣлъ въ гондолу, когда еще не было одиннадцати
часовъ; онъ остановился у назначеннаго мѣста. Смотря на ясное
небо, онъ припомнилъ свои свиданья въ деревенскомъ саду.

— Странно, думалъ Бѣгичевъ: — тогда я безъ всякихъ волнений ждалъ ее. Я былъ увѣренъ, что она придетъ.... Чѣмъ же однако все это кончится?...

Кровь бросилась ему въ голову при новой мысли: что если она вздумала мстить ему за прошедшее? Но эта мрачная мысль разсѣялась быстро, потому что онъ далеко, далеко завидѣлъ гондолу и поплылъ къ ней на встрѣчу.

Катерина Петровна вся въ черномъ, съ кружевнымъ вуалемъ, наброшеннымъ по венеціански на голову, была очень красива. Бѣлизна ея шеи и рукъ рѣзко обозначалась на черномъ.

Она сказала по итальянски Бѣгичеву:

— А, и вы катаетесь? какъ душно сегодня!...

Услужливые гондольеры, безъ приказаний, сдвинули гондолы и онъ тихо поплылъ рядомъ, слегка подталкивая другъ друга.

— Вы желали меня видѣть, отчего же вы ничего не говорите? сказала по русски Катерина Петровна.

— Я любуюсь вами, вы очень покорощли, отвѣчалъ Бѣгичевъ. — Вы одержали блестательную победу, завтра вамъ готовится серенада.

— Надъ кѣмъ? надъ вами? насмѣшило спросила Катерина Петровна.

— Нѣть, надъ генераломъ.

— Очень блестательная победа! вы хотите этимъ сказать, что для бѣдной дѣвушки генералъ лестный женихъ?

— Вы не похожи на бѣдную дѣвушку.

— Это правда, я ограждаю себя отъ той роли, которую заставляютъ разыгрывать Ольгу Львовну. мнѣ жаль ее, она меня не любить, по я ей все прощаю. Вы знаете, что она до сихъ поръ при вашей фамиліи краснѣетъ? Какія сильныя чувства вы оставляете въ сердцахъ женщинъ.

— Къ чему вы язвите меня? Я самъ хорошо знаю, что во многомъ виноватъ передъ вами и желалъ бы теперь изгладить изъ вашей души всѣ непріятныя впечатлѣнія. Предлагаю....

— Какъ это чувствительно, не дружбу ли? перебила его Катерина Петровна.

— Нѣть, не дружбу, а мои услуги, всю мою жизненную опытность и знаніе людей.

— Къ несчастью, я сама очень хорошо знаю людей, на чѣмъ ваша опытность?

— А вотъ на чтѣ: генераль въ васъ влюбленъ и будеть на-
вѣрно свататься....

— Ну, такъ что же?

— И васъ не ужасаетъ мысль сдѣлаться его женой?

— Я ужъ испытала, глядя на другихъ, всю сладость домаш-
наго счастья и не думаю, чтобы со мною могло быть хуже того,
что я видѣла.

— Все это вамъ такъ кажется, вы не были еще въ столкно-
вениі съ самимъ грубымъ невѣжествомъ. Права мужа страшнѣ
всѣхъ другихъ правъ для женщинъ. Вы еще молоды, вы можете
полюбить....

Катерина Петровна сдѣлала отрицательный знакъ головой.

— Возможно ли, такъ легко смотрѣть на жизнь и такъ мало
уважать ее?

— Довольно, я пріѣхала сюда не для того, чтобы слушать
мораль. Это старо.. И съ чего вы взяли, что генераль влюбленъ
въ меня?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ, Катерина Петровна кокетливо облокоти-
лась на бортъ гондолы и начала обмахиваться вѣромъ. Бѣгичевъ
невольно принялъ ту же позу, локти ихъ сблизились и они молча
продолжали плѣть. Жаръ разливался по всему тѣлу Бѣгичева,
какое-то приятное томленіе охватывало его и онъ безсознательно
скжаль руку Катерины Петровны.. голова его склонилась къ ея
плечу; но она отшатнулась отъ него, и приняла утомленную
позу. Бѣгичевъ однимъ скачкомъ очутился въ ея гондолѣ, но не
успѣлъ сѣсть въ нее, потому что Катерина Петровна привстала
и повелительно указала ему на пустую гондолу.

— Я васъ буду слушаться во всемъ, только сбросьте вашу
холодность, сказалъ Бѣгичевъ.

— Вынуждать обѣщаніе! сухо возразила Катерина Пет-
ровна.

Бѣгичевъ перескоцилъ въ свою гондолу и схвативъ руку Ка-
терины Петровны проговорилъ восторженно и нѣжно:

— Я все буду исполнять, что вы велите, но хоть одно
добroe слово, одинъ взглядъ... Катерина Петровна нерѣ-
шительно и въ волненіи потупила глаза, Бѣгичевъ ждалъ отвѣ-
та. Онъ чувствовалъ внутреннюю лихорадку, голова его горѣла,
губы прильнули къ блѣдой рукѣ, лежавшей на бортѣ. Но въ эту
минуту гондола пошатнулась и кола раздѣлила ихъ. Бѣгичевъ
подумалъ, что это произошло случайно и повернулъ голову къ

гondольеру, но въ это время преворные гондольеры Катерины Петровны усердно принялись за работу и придали такой скорѣй ходъ гондолѣ, что Бѣгичевъ не успѣлъ опомниться, какъ она уже очутилась отъ него на большомъ разстояніи. Онъ приказалъ своему гондольеру гresti скорѣе, чтобы снова плыть вмѣстѣ. чо замѣтилъ, что гондола Катерины Петровны уклоняется отъ его гондолы.

— Прикажите вашей гондолѣ подождать, закричалъ Бѣгичевъ Катеринѣ Петровнѣ, но она сдѣлала ему только прощальный знакъ вѣромъ.

Нѣсколько минутъ Бѣгичевъ гнался еще за гондолой, наконецъ разозлился и приказалъ гондольеруѣхать назадъ. Мысль, что она теперь смѣется надъ нимъ, мучила его самолюбіе и онъ удивлялся, почему она именно теперь ему такъ нравится? «Я веду себя какъ мальчишка, въ мои лѣта глупо разыгрывать роль вздыхателя», подумалъ Бѣгичевъ, стараясь забыть о Катеринѣ Петровнѣ, но ея фигура, вся въ черномъ, неотвязчиво преслѣдовала его....

На другое утро Бѣгичевъ послалъ ей отличный букетъ розъ, а самъ прѣхалъ поздравить съ днемъ рождения нѣсколько позже. Онъ засталъ генерала у ихъ дома, сидящимъ въ гондолѣ. Онъ и Яковъ Иванычъ были въ мундирахъ, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ, но никакое золото не могло ровняться съ блескомъ самодовольствія генерала.

— И вы къ новорожденной?... сказалъ онъ: — прекрасно! Я вамъ скажу, она сегодня очаровательна! Просто съума сводить, ей Богу! Я знаете, по руски къ ручкѣ, а самому, грѣшный человѣкъ, такъ ц хотѣлось этакъ по старинному въ губки....

И генераль, смѣясь, юркнулъ въ гондолу, изъ окна выставилъ свое румяное лицо и прибавилъ:

— Смотрите, ни гугу. Да спасибо вамъ за вашу газету, умаялся я съ ней, въ первый разъ залпомъ прочелъ такъ много...

На столѣ павильона красовался сладкій пирогъ, но букета, который прислали Бѣгичеву, не было видно: «уже не выкинула ли она его?» подумалъ онъ, и старался быть веселымъ.

Катерина Петрова точно была очень хороша въ это утро, къ ней необыкновенно шелъ легкій утренній нарядъ, щеки ея горѣли, що взглядъ былъ задумчивъ.

Ольга Львовна значительно посматривала на Бѣгичева и ему не трудно было догадаться, что она желаетъ ему сообщить что-

то важное; онъ вышелъ въ садъ и она тотчасъ послѣдовала за нимъ. Съ дурно скрытымъ волненіемъ она сказала:

— Вы очень неосторожны, вашъ букетъ отдали при всѣхъ.

— Для чего же мнѣ было принимать предосторожности? это простое вниманіе, возразилъ Бѣгичевъ.

— Конечно, но послѣ вчерашией вашей вечерней прогулки надо было бы.

— Какъ? ужь эта случайная встрѣча перетолкована, какъ свидавіе?

— Случайная?

— Но это надо какъ нибудь предупредить, чтобы не вышло изъ этого какой нибудь сплетни.

— Совѣтую вамъ быть осторожнымъ.

Бѣгичевъ иронически поклонился и сказалъ:

— Значитъ мыны подведены?

Лицо Ольги Львовны вспыхнуло гнѣвомъ и она грустно вошла въ комнаты.

Бѣгичевъ, раздосадованный, отправился къ г-жѣ Денисовой, чтобы какъ нибудь предупредить ее о своей случайной встрѣчѣ съ Катериной Петровной. Она горячо говорила съ Дроздовымъ но при его появленіи оба замолчали.

— Здѣсь жара становится невыносимо! сказала Бѣгичевъ, я вчера цѣлую ночь пробылъ на Лагунѣ, встрѣтилъ Катерину Петровну... Въ эту самую минуту вошла въ комнату сама Катерина Петровна и простояла, услышавъ свое имя, г-жа Денисова обратилась къ ней и строго спросила:

— Катиша? почему вы мнѣ ничего не сказали о вчераший вашей прогулкѣ?

— Ночной, прибавяясь дрожащимъ голосомъ Дроздовъ и бросилъ уничтожающій взглядъ на всѣхъ.

— И съ кѣмъ это выѣздили? спросила г-жа Денисова.

Катерина Петровна въ первую минуту замѣтила потерянность, лицо ея измѣнилось, брови сдвинулись и она обвела гибкими глазами всѣхъ, какъ бы измѣряя силы каждого и твердо произнесла:

— Одна!

Дроздовъ выбѣжалъ изъ комнаты. Г-жа Денисова не съ умѣмъ скрыть явительной и довольной улыбки, что ей не помѣшало наставительно сказать своей Катиша:

— Я увѣрена, что мсѣ Бѣгичевъ, встрѣтивъ вѣсъ одну, не-

сдѣлать никакихъ замѣчаній.... Но что могутъ сказать другіе? Я васъ прошу, Катиша, стараться избѣгать впередъ подобныхъ вещей. Мнеъ тяжело дѣлать вамъ замѣчанія, это всегда меня разстроиваетъ.

Катерина Петровна не произнесла ни слова и только уходя взглянула такъ презрительно на Бѣгичева, что у него пробѣжалы мураски по тѣлу. Между тѣмъ г-жа Денисова на отличномъ французскомъ языке разсуждала о трудности воспитывать дѣвушекъ и слѣдить за ихъ поступками и прибавила, что она исполняла свято свои обязанности относительно Катеринѣ Петровны.

— Я немогу быть строгой съ Катишей, продолжала она. Я люблю ее, какъ свою сестру, и потому меня огорчаетъ, когда она со мной не откровенна. Я знаю, что вчерашняя ея прогулка пустая шалость, но я обязана была ей сдѣлать за это выговоръ, хотя и сквозь слезы. Катиша такъ хороша собой, что я за нея будущее счастье не боюсь....

Нѣть, чтобы быть счастливой, женщины нужно встрѣтить порядочнаго человѣка, который полюбилъ-бы ее искренно и неугада-бы семейныхъ хлопотливыхъ обязанностей. Но увы! счастіе не въ красотѣ; подобныя встрѣчи случайность, выпадающая на долю красивой и некрасивой женщинѣ. Конечно, для успѣха въ обществѣ нужно имѣть прежде всего красоту; да въ этомъ ли усмѣхъ счастье? И какъ непрочно торжество красавицы въ обществѣ! и можно ли гордиться торжествомъ въ этомъ пустомъ и безнравственномъ обществѣ, гдѣ царятъ: праздность, злословіе, лицемѣріе и продажность, гдѣ любовь превращена въ гнусный расчетъ, въ удовлетвореніе хвастливаго самолюбія? Сдѣлать связь и разорвать ее считается ни почемъ! Когда красавица появляется въ обществѣ — вѣдь прикидываются страстью влюбленными въ нее, а какъ угадать женщинѣ, кто дѣйствительно любить ее? Положимъ также, что на ее долю выпадаетъ счастливый жребій, что она выходитъ замужъ за достойнаго, искренно-любящаго ее человѣка, то и при этомъ какое испытаніе предстоитъ имъ семѣнному счастью. Вѣдь какъ будто изъ зависти начинаютъ хлопотать, что бы разстроить этотъ счастливый союзъ... А клевета? это страшная отрава въ жизни красивой женщины, счастливые поклонники хващаются ея расположениемъ, а отвергнутые превращаются въ клеветниковъ. И если Пушкинъ сказалъ про влюбленныхъ:

«Я любовниковъ счастливыхъ
Убою по ихъ глазамъ.»

То можно сказать про тѣхъ, которые клевещутъ на хорошенкую женщину:

« Я отвергнутыхъ влюбленныхъ
Узнаю по клеветамъ.... »

Нѣтъ, хорошенкія женщины заслуживаютъ болѣе жалости, чѣмъ зависти. Трудно безсильной женщинѣ бороться съ такими сильными врагами какъ мужчины. Примѣры рѣдкіе, чтобы женщина выходила побѣдительницей и неподдалась на страшно льстивыя, любовныя фразы. Однѣ безсердечныя и разсчетливыя кокетки съ достоинствомъ выдерживаютъ роли неприступныхъ красавицъ, но что такое женщина безъ сердца?...

Бѣгичевъ былъ приглашенъ на чай вечеромъ и явившись засталъ дамъ въ павильонѣ. Дроздовъ былъ съ ними и его физиономія носила печать сильного раздраженія. Вообще, что-то затянутое было въ наружномъ спокойствіи этого общества. Дроздовъ и г-жа Денисова, какъ черкесы изъ засады, стрѣляли колющими въ Катерину Петровну, походившую на раненую лань, съ сверкающими глазами, съ гордо поднятой головой, которая веселится по утесамъ и опаснымъ пропастямъ. Отвѣты Катерины Петровны были язвительны и дерзки, и она боялась, вѣроятно, потерять благородное, обратилась къ Ольгѣ Львовнѣ и сказала ей :

— Пойдемте кататься.... въ комнатахъ душно.

— Останься! повелительно произнесъ Дроздовъ своей сестрѣ.

И, нозвонивъ въ колокольчикъ, онъ отдалъ приказаніе вошедшему лакею, чтобы гondola не уѣзжала безъ его приказанія.

Ольга Львовна была страшно сконфужена, она не смѣла поднять глазъ на Катерину Петровну, которая такъ злобно смотрѣла на Дроздова, что она поспѣшила уйти.

Г-жа Денисова предложила Бѣгичеву пройтись и выйдя на террасу, тихо сказала ему:

— Я не могу понять, что дѣлается съ Катишей! она должна быть осторожнѣе теперь—болѣе, чѣмъ когда нибудь... Я вамъ сообщу моя наблюденія.... Мне кажется, что генераль имѣетъ въ ней расположение... Замѣтили ли вы это, мсьѣ Бѣгичевъ?

— Нѣтъ, я ихъ видѣлъ вмѣстѣ только одинъ разъ.

— Но влюбленнаго сейчасъ можно узнать... Генераль мнѣ кажется человѣкъ съ состояніемъ... Партия очень хорошая для

бѣдной дѣвушки, особенно для дочери — вольноотпущеннааго... Я боюсь, однако, чтобъ это обстоятельство не помѣшало ея счастью, ну а какъ предупредить объ этомъ генерала?

И г-жа Денисова вопросительно посмотрѣла въ лицо Бѣгичеву.

— Надо какънибудь ему осторожно намекнуть объ этомъ. Хуже будетъ, если онъ узнаетъ это отъ постороннихъ, продолжала она. — Катиша создана для свѣта, она безъ роскоши не можетъ существовать. Я вмѣшиваться въ это дѣло не буду, пусть дѣйствуетъ какъ знаетъ, ей минуло 24 года.

Бѣгичевъ зналъ, что г-жа Денисова прибавляетъ года своей воспитанницѣ, и видѣлъ, что она горитъ желаніемъ поскорѣй какимъ-нибудь образомъ вытолкнуть ее изъ дома, заваливъ обвиненіемъ на ея характеръ, для того, чтобы избѣжать отвѣтственности за нелѣпое воспитаніе, данное ею бѣдной дѣвушки.

Пока она прогуливалась по террасѣ, на каналѣ послышались отдаленные звуки музыки.

Бѣгичевъ предупредилъ г-жу Денисову о серенадѣ генерала. Она поспѣшила въ павильонъ, радостно и нѣжно произнося: «Катиша, Катиша!»

Въ темной дали канала, Бѣгичевъ увидаль большую гондолу, увитую зеленою въ видѣ бесѣдки. Бесѣдка эта освѣщалась стеклянными бѣлыми фонарями, музыканты играли военный маршъ. За гондолой, въ которой находились музыканты, тихо плыла другая гондола, съ балдахиномъ изъ розовой и бѣлой кисеи, съ золотой бахрамой и гирляндами изъ искусственныхъ розъ; ее освѣщали розовые и бѣлые бумажные фонари въ видѣ тюльпановъ и двѣ канделябры, стоявшія на столѣ, на которомъ было сервированъ чай, фрукты и конфекты. Офиціантъ суетился около стола, разставляя вазы съ букетами цвѣтовъ. Третья, черная, скрытая гондола слѣдовала за этой и Бѣгичевъ догадался, что въ ней скрывался генералъ, разыгравшій въ этотъ вечеръ роль графа Альмавивы.

Постороннія гондолы какъ вороны слетались на музыку изъ-за всѣхъ темныхъ закоулковъ и мрачныхъ углубленій подъѣздовъ. Окны и балконы палаццо разскрывались и въ нихъ силуэтами обрисовывались фигуры женщинъ и мужчинъ.

Въ Венеціи музыкой наслаждаются богатые и бѣдные одинаково. Въ Венеціи всѣ понимаютъ музыку.

И какъ хорошо разеваться музыкальными звуками въ вѣч-

ной тишинѣ этого поэтическаго города! Здѣсь любители музыки, безъплатно, на пролетъ цѣлыхъ лѣтнія ночи играютъ и поютъ, плавая по лагунѣ и каналамъ. Музыка необходима итальянцу, безъ музыки онъ не можетъ ни веселиться, ни молиться. Одинъ венецианецъ пресерѣзно сказалъ мнѣ, что если бы во время послѣдней осады Венеции начальники республики позабочились о музыкѣ, то осажденные имѣли бы больше энергіи и были бы равнодушнѣ къ мукамъ голода.

— Стало быть музыка для венецианца нужна какъ вино для другихъ народовъ? замѣтилъ я.

— Да, эта наша общая пища. Страшно сказать чѣмъ бѣдные люди пытаются въ Венеции, но они веселы и счастливы, когда проведутъ ночь, слушая хорошую серенаду; тогда ихъ голодные желудки молчатъ и ихъ усталыя руки неноютъ отъ труда, они засыпаютъ сладко....

Всѣ три наши дамы взошли на террасу, чтобы послушать увертюру изъ «Севильского Цирюльника.» Вслѣдъ за тѣмъ раздались звуки гитары и теноръ запѣлъ романсъ Альмавивы.

Румяное лицо, какъбы выходящіе изъ золотаго ошейника, одно высунулось изъ окна чорной гондолы. Генераль, вѣроятно, желая взглянуть, какое впечатлѣніе эти звуки произвели на его Розину.

Романсъ былъпринятъ отлично и публика наградила пѣвца рукоплесканіями. Гондола съ музыкантами отѣхала немного, чтобы дать мѣсто чорной гондолѣ и при звукахъ какого-то воинственнаго марша явился генераль на террасу въполномъ мундирѣ и въ сопровожденіи своего молодцовато рисовался. Генераль расшаркался съ шумомъ и съ неописаннымъ самодовольствіемъ сказалъ дамамъ:

— Осмѣливаюсь попросить васъ порусски на чашку чаю; я путешественникъ и потому прошу невзыскать за помѣщеніе. И генераль указалъ на гондолу съ драпировкой, уже стоявшую у ступеней террасы.

Г-жа Денисова разсыпалась въ похвалахъ вкусу генерала и его любезности, а онъ только молодцовато рисовался, поглядывая выразительно на Катерину Петровну.

Въ эту минуту заигралъ что-то изъ «Донъ-Жуана.» Генералу непонравилось это. Онъ громко закричалъ на Якова Иваныча, что выборъ пьесть дурень, и обратясь къ дамамъ прибавилъ: — жаль съ, что они не играютъ ничего русскаго, какъ бы хорошо

было разыграть какую нибудь русскую пьесинку. Для меня русская пѣсня выше всего на свѣтѣ!

Генералъ очень суетился на террасѣ; онъ то отдавалъ приказанія Якову Иванычу, то любезничалъ съ дамами, громко смеясь, то заговаривалъ съ Бѣгичевымъ касательно дороговизны серенады и желая чѣмъ-то замѣтить офиціанту въ гондолѣ, крикнулъ ему впопыхахъ порусски.

Въ толпѣ послышалось шиканье и кто-то крикнулъ по итальянски «тише». Это озадачило генерала, онъ обратился къ Бѣгичеву и съ досадою сказалъ:

— Слышали? А, каковъ здѣсь народецъ? слушаетъ мою музыку и смееть еще шикать. Я бы ихъ проучилъ въ Россіи....

Бѣгичеву было невыносимо тяжело смотрѣть на Катерину Петровну, около которой увивался генералъ. Было ясно, что эта серенада должна решить судьбу девушки. Какое-то ревнивое чувство шевельнулось въ его сердцѣ, тоска охватила его и онъ смотря на толпу людей и на иллюминированные гондолы, вообразилъ, что это уже свадебное празднество, а чайный столъ въ гондолѣ — брачный столъ, за который должны сѣсть молодые. Бѣгичеву все было противно, музыка раздражала его; онъ пошелъ въ павильонъ и тамъ усѣвшись на диванъ ободрялъ себя мысленно, что все это съ его стороны ребячество, и что же все выйдетъ отличная генеральша!...

Г-жа Денисова прервала его размышленіе своимъ приходомъ.

— Знаете ли, мсьѣ Бѣгичевъ, я не ошиблась, сказала она: — генераль въ сію минуту очень серьезно говорить съ Катицъ.

— Скажите пожалуйста, скоро ли эта глупѣйшая серенада прекратится? она меня истерзала! появясь въ дверяхъ, въ какомъ-то бѣшенствѣ, спросилъ Дроздовъ г-жу Денисову.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Выгнать всѣхъ вонъ! задыхаясь воскликнулъ Дроздовъ и вышелъ.

Г-жа Денисова поспѣшила на террасу, мимокодомъ замѣтивъ Бѣгичеву:

— Воздухъ Венеции начинаетъ раздражать слабые нервы мсьѣ Поля.

Бѣгичевъ отказался отъ приглашенія генерала по руски выпить чашку чаю. Невѣроятное самодовольство и торжество сияли на румяномъ лицѣ генерала, онъ задыхался отъ сча-

стъя, во за то лицо Катерины Петровны было блѣдо, глаза потуплены, точно какъ будто она совершила что нибудь ужасное.

Бѣгичевъ печально сѣдалъ за веселыми гондолами — и не одинъ онъ: Дроздовъ явился тоже на террасу. Онъ долго стоялъ въ одномъ положеніи, не замѣчая Бѣгичева... Звуки музыки слабѣли, наконецъ гондолы скрылись совершенно, вѣхавъ въ Лагуну... только музыка слышалась издалека. Дроздовъ склонился на перила и заплакалъ на взрыдъ.

Бѣгичевъ тихонько вышелъ черезъ павильонъ въ садъ и очутился у флигеля, въ которомъ жили дамы. Онъ какъ бы иска чего-то вошелъ туда, заглядывая въ каждую комнату. Огни горѣли вездѣ. Ни одного человѣка изъ прислуги не было видно тутъ: вѣроятно и прислуга приняла участіе въ серенадѣ. Наконецъ онъ добрался до чьей-то спальни и посвоему букету угадалъ, кому она принадлежала. Бѣгичевъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки, написалъ очень скоро нѣсколько строкъ, сдѣжилъ бумажку и вложилъ ее въ букетъ, такъ чтобы она могла броситься въ глаза.

Въ эту минуту раздались чьи-то шаги. Онъ вздрогнулъ и вышелъ изъ этой комнаты. Въ залѣ его встрѣтила нѣсколько удивленная горничная и спросила: «Чего жадаетъ синьоръ?»

— Я искалъ здѣсь кого нибудь, нѣть ли одеколону? у меня страшно болитъ голова.

Итальянка попросила его подождать и выбѣжавъ изъ залы, скоро вернулась съ флакономъ и спросила Бѣгичева:

— Правда, что моя синьорина выходитъ замужъ?

— За кого?

— За принчипе, улыбаясь лукаво, отвѣчала горничная: — это досадно!

— Почему?

— Оттого что моя синьорина такъ хороша собой!... А почему вы за нее не сватаетесь? Синьорина очень богата, а принчипе пусть женится на другой синьоринѣ — бѣдной, которой нечего разбирать старъ или молодъ женихъ.

Бѣгичевъ хотѣлъ идти, но словоохотливая итальянка остановила его. Онъ увидѣлъ въ ея руѣ свою бумажку. Лукавая улыбка придавала особенно хитрое выраженіе итальянкѣ.

Бѣгичевъ смущался и протянулъ руку, чтобы взять назадъ свою бумажку, но горничная проворно отдернула отъ него руку и протянула ему другую; Бѣгичевъ положилъ ей въ руку золотой,

горничная произнесла «grazie» и не слушая просьбы Бѣгичева о томъ, чтобы она возвратила ему записку, убѣжала. Онъ обошелъ всѣ комнаты, тщетно отыскивая итальянку. Онъ боялся, чтобы она не отдала записку Дроздову или г-жѣ Деписовой, но успокоился потому, вспомнивъ, что итальянская прислуга въ этихъ случаяхъ необыкновенно смѣтлива и что она всегда на той сторонѣ гдѣ болѣе поживы.

Черезъ часъ Бѣгичевъ въ закрытой гондолѣ помѣстился въ самомъ темномъ углу около террасы.

Музыка, раздаваясь въ ночномъ воздухѣ, все приближалась къ нему, наконецъ она смолкла, подѣхавъ къ террасѣ, а за ней послѣдовали прощанья. Долго еще слышалось плесканье веселья удалявшихся съ серенады гондолъ потомъ все стихло. Но вотъ на террасѣ послышался шорохъ, Бѣгичевъ напрягъ свое зрѣніе и увидѣлъ бѣлое платье, но онъ на столько былъ остороженъ, что не шевельнулся, боясь все еще, чтобы его записка не пошла въ другія руки.

— Вы здѣсь? раздался тихій голосъ Катерины Петровны.

— Бѣгичевъ радостно бросился къ периламъ и вскарабкавшись на нихъ, хотѣлъ выскочить на террасу; но Катерина Петровна остановила его и сказала:

— Чѣмъ вы дѣлаете? Къ чѣму все это? Развѣ вы не знаете, что я окружена шпіонами?

— Боже мой! воскликнулъ Бѣгичевъ.—Но знаете ли вы, что стоите на краю пропасти?

— Знаю, отвѣчала она:—но что же мнѣ дѣлать, когда меня всѣ толкаютъ въ нее? И что вы можете сдѣлать? Къ чѣму это свиданіе? Для меня теперь все кончено!...

Голосъ ея дрожалъ.

Бѣгичевъ съ минуту молчалъ и потомъ произнесъ съ одушевленіемъ:

— Послушайте, Катерина Петровна, вы не купите себѣ счастья этимъ бракомъ. Умоляю васъ, возьмите свое слово назадъ.

— Полноте! Вы хотите, чтобы я еще сдѣлала дурной поступокъ? Ужъ мнѣ вѣрно суждена такая участь.

И она залилась слезами.

Бѣгичевъ прислонилъ свою голову къ периламъ террасы и его голова коснулась ногъ плачущей. Катерина Петровна отодвинулась, но Бѣгичевъ удержалъ ее за платье.

— Погодите, сказала онъ испуганный.

— Чего ждать?

— Вы не вѣрите тому, что мое участие въ васъ искреннее? съ упрекомъ спросила Бѣгичевъ.

— Прощайте, отвѣчала она.

Онъ все еще держался за ея платье, порываясь подняться, чтобы взять ее за руку. Она угадала его желаніе и, наклонясь, протянула ему свою. Бѣгичевъ замеръ, прильнувъ къ ней. Мысль, что рука эта будетъ принадлежать другому, показалась ему ужасною.... Еслибъ не одна только замаскированная зависть управляла его словами и движеніями въ эту минуту, то онъ произнесъ бы ей хотѣдно утѣшительное слово.... Она напраснождала этого слова, высвободила руку изъ его руки и скрылась, не обращая вниманія на его нѣжные призывы. Онъ нѣсколько минутъ простоялъ въ одномъ положеніи, прислоня свою голову къ холоднымъ мраморнымъ периламъ. Когда онъ приподнялъ ее, то узналъ въ ней итальянку-горничную, и, не давъ ей открыть рта, предупредилъ ее, всунувъ ей въ руку еще золотую монету.

— Grazie, произнесла итальянка.

Черезъ нѣсколько минутъ, Бѣгичевъ былъ уже далеко отъ террасы.

Всю ночь онъ думалъ объ участіи Катерины Петровны, но ничего не придумалъ утѣшительного. Онъ былъ еще въ постели, когда ему подали письмо. По почерку руки онъ сейчасъ узналъ, что оно отъ Катерины Петровны. Въ волненіи онъ сорвалъ конвертъ, пробѣжалъ быстро письмо, провелъ рукой по волосамъ, и потомъ снова сталъ перечитывать внимательнѣе.

Катерина Петровна писала слѣдующее:

«Вчера вы навели на меня такой ужасъ, что я до сихъ поръ еще не могу пріѣти въ себя! Я откажу ему. Но что мнѣ дѣлать? Научите. Можетъ быть, вы вчера не успѣли мнѣ указать выхода изъ моего положенія? Я сознаюсь, что вчера не вѣрила вашей искренности, вашимъ совѣтамъ. Но наконецъ невозможно же, чтобы всѣ мнѣ желали одного зла; и за что? Нѣть, вы благородно поступили, вы хотѣли предупредить меня на краю гибели....»

Испугъ изобразился на лицѣ Бѣгичева, онъ пожалъ плечами и болѣзnenno воскликнулъ:

— Что-же я-то могу сдѣлать? Какой выходъ бѣдной дѣ-

вушкѣ, воспитанной въ глупѣйшей роскоши?... Что ей дѣлать?... Ей ничего не остается, кроме того, чтобы сдѣлаться генеральшой.

Дѣйствительно, каждый день мы видимъ молодыхъ, хорѣшенькихъ барышень, свѣтски образованныкъ, выходящихъ замужъ за старыхъ богатыхъ генераловъ. И эти браки не бываютъ несчастливы. Иезнаю только, можно ли имъ радоваться?

Цѣлое утро Бѣгичевъ находился въ нерѣшительности: писать ли ему отвѣтъ или ѿхать самому, и рѣшился на послѣднее.

Когда онъ подъѣхалъ къ дому г-жи Денисовой, навильоны были освѣщены. Бѣгичевъ вошелъ на террасу съ подготовленными выразительными взглядами и великолѣпными фразами. Въ первой комнатѣ не было никого, онъ отправился далѣе, но вдругъ остановился въ дверяхъ, пораженный странной картиной: г-жа Денисова и Ольга Львовна въ слезахъ цаювали Катерину Петровну. Бѣгичевъ было хотѣлъ тихонько скрыться, но было поздно: г-жа Денисова увидѣла его и радостно бросилась къ нему; сжавъ съ чувствомъ его руку, она поспѣшно сказала:

— Вы знаете, мсьѣ Бѣгичевъ, что я вѣсъ считаю самыемъ близкимъ мнѣ человѣкомъ, и очень рада, что вы такъ кстати прїѣхали, я даже хотѣла посыпать за вами. Вы другъ мнѣ? Не правда ли? Вы принимаете во мнѣ участье?

Волненіе, слезы, не успѣвшія еще высохнуть на лицахъ дамъ, все это было загадочно. Г-жа Денисова крѣпко сжала онѣ руку Бѣгичеву и убѣдительнымъ голосомъ произнесла:

— Отвезите письмо отъ меня генералу, я умоляю вѣсъ.

Замѣтивъ, что Бѣгичевъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, она быстро прибавила:

— Это письмо я могу довѣрить только брату или вамъ!

Бѣгичевъ поклонился слегка.

Г-жа Денисова бросила на него нѣжный взглядъ и вышла изъ навильона. Бѣгичевъ остался одинъ. Изъ сосѣдней комнаты доходили до него дамскіе поцалуи и шопотъ. Онъ со страхомъ думалъ, въ какую еще исторію онъ хотѣть его впутать?...

— Вотъ письмо, мсьѣ Бѣгичевъ, сказала г-жа Денисова, возвратившись: — прошу вѣсъ, привезите мнѣ на него отвѣтъ... это порученіе я могу только вѣрить вамъ.

Бѣгичевъ взялъ не охотно письмо, но, узнавъ чей почеркъ, оживился. Ему пришла мысль, что онъ везетъ отказъ невѣсты генералу, и былъ радъ, что все обошлось безъ его совѣтовъ,

и что онъ не будетъ отвѣтчикомъ ни за какія послѣдствія. Съ веселымъ лицомъ онъ постучался въ нумеръ генерала.

— Войдите, раздался генеральскій голосъ.

Бѣгичевъ отворилъ дверь и очутился прямо передъ генераломъ, сидѣвшимъ на постель въ халатѣ, съ предлиннымъ чубукомъ.

Комната, которую занималъ генералъ, была очень небольшая. Постели стояли одна противъ другой, почти у самого входа. Мебель, какъ обыкновенно въ итальянскихъ гостиницахъ, была плохая. Запахъ русской кожи и жуковскаго табаку бросились въ носъ Бѣгичеву и живо напомнили родину. При видѣ гостя, генералъ вытаращилъ какъ-то пугливо свои глаза, но вскѣдѣ за тѣмъ мгновенно принялъ молодцоватый видъ и произнесъ:

— А, а, а! милости просимъ! и съ принужденной веселостью, улыбаясь, протянулъ Бѣгичеву руку, прибавя: — извините, что я васъ принимаю въ такомъ неглиже? Жара просто замучила.

— Это къ дожду-сть, ваше превосходительство, замѣтилъ Яковъ Иванычъ, находившійся тутъ же.

— Стуль и трубку! повелительно крикнулъ ему генералъ.

— Если это для меня, то благодарю, я не курю, сказалъ Бѣгичевъ Якову Ивановичу, который подставлялъ ему свой стулъ.

— Жукова-то, нашего Жукова? Батюшка! ну какъ не не-курить? Я такъ просто жить безъ него не могу! Сколько я переплатилъ за него однѣкъ пошлины! Здѣсь эти надсмотрщики ужасное дурачье, даешь имъ деньги не берутъ, а ташутъ тебя къ начальнику. Но я все-таки, признаюсь, не вѣрю въ ихъ честность. Они узнаютъ, что ёдетъ русскій познательнѣе, поважнѣе, ну, вотъ, и хотятъ разыграть передъ нимъ безкорыстную роль.

Бѣгичевъ подалъ письмо генералу, замѣтивъ, что онъ ожидаетъ отвѣта, который долженъ лично передать.

Лицо генерала помрачилось, онъ взялъ письмо, распечаталъ его и не совсѣмъ смѣло произнесъ:

— Слушаюсь.

И, сердито обращаясь къ Якову Ивановичу, прибавилъ:

— Да посвѣтите же, догадайтесь!

Яковъ Иванычъ подсунулъ ему свѣчу подъ носъ. Генералъ разбиралъ письмо медленно; румяное лицо его ирняло багровый оттѣнокъ, а брови подвинулись на глаза. Онъ ворчалъ:

— Эти женщины такъ мелко пашутъ, что ничего не разбѣрешь!

Но, по мѣрѣ чтенія, къ удивленію Бѣгичева, генеральское лицо прояснялось все болѣе и болѣе, и наконецъ засияло полнымъ самодовольствіемъ. Онъ вдругъ со смѣхомъ вскрикнулъ:

— Шампанскаго!

И Яковъ Иванычъ юркнулъ въ дверь при этомъ крикѣ.

Бѣгичевъ, въ свою очередь, насупился.

Генераль, подбоченясь, произнесъ:

— Ну-съ, прошу вѣсть поздравить меня по русски рюмочкой винца. Да, батюшка, я подцѣпилъ себѣ невѣсту на славу. Я бы давно могъ жениться на миллионщикахъ купчихахъ, да что мнѣ деньги? Я просто замучился въ это время, пускай бы такъ просто нравилась—нѣтъ-съ, спать не могу, ей-Богу... Все она мере-щится, а тутъ еще жарища эдакая, да комары проклятые! Я, знаете, вчера это дѣлько покончилъ; думаю, пожалуй еще раз-думывать станеть. А долго вздыхать надоѣло, поскорѣй бы чест-нымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Вашъ отвѣтъ? сказалъ Бѣгичевъ.

Генераль, не слушая его, продолжалъ:

— Я здѣсь же все покончу. Чего тутъ ждать!

— Вашъ отвѣтъ, повторилъ Бѣгичевъ сухо:—мнѣ пораѣхать домой.

— Позвольте—первое, я прошу вѣсть быть моимъ шаферомъ.

— Благодарю, отвѣчалъ Бѣгичевъ, но я долго не останусь въ Венеціи.

— Отчего?... попиремъ вмѣстѣ! воскликнулъ генераль до-бродушно.

— Мои дѣла мнѣ не позволяютъ.... Я жду вашего отвѣта.

— Да какой же отвѣтъ? въ недоумѣніи произнесъ генераль:— вамъ, чай, извѣстна вся исторія? Вѣдь женскій полъ страшно болтливъ!

— Нѣтъ, я ровно никакой исторіи не знаю, съ сердцемъ про-изнесъ Бѣгичевъ.

— Что-то не вѣрится, чтобы женщины не проболтались!... Ну, да я вамъ все разскажу. Прошу, присядьте, прибавиль генераль, указывая Бѣгичеву на стулъ, съ котораго онъ всталъ.

— Сегодня утромъ, продолжалъ генераль, не обращая вни-манія на то, что Бѣгичевъ не сѣлъ: — я-съ отправился къ г-же Денисовой, чтобы сдѣлать формальное предложеніе. Мнѣ все-та-

ки хотѣлось узнать, какое приданое за Катериной Петронной. Хоть я и не гонюсь за деньгами, могу, слава Богу, жену прокормить, а все-таки лучше спросить. Приданого не оказалось, и вообразите, что...

Генераль вдругъ запнулся, Бѣгичевъ догадался, что онъ узналъ о томъ, къ какому сословію принадлежала его невѣста.

— Что же? спросилъ торопливо Бѣгичевъ.

Генераль, подумавъ, отвѣчалъ:

— Только что мы разговорились, вдругъ влетаетъ этотъ грублінъ, какъ бишь его.... точно изступленный какой, и прямо ко мнѣ: «Вы, говорить, ей отецъ, какой вы женихъ», и пошелъ, и пошелъ. Признаюсь, такая наглость меня взорвала, я вышелъ изъ себя. Ну, а за тѣмъ, какъ водится, слезы, обмороки.... Я взялъ шляпу и домой. Вотъ, указывая на Якова Иваныча:— онъ, было, уже настроилъ къ вамъ письмо, я хотѣль васъ просить, какъ дворянка, въ секунданты. Ну, а вышло иначе: пришлось просить въ шафера.... Моя нарѣченная требуетъ, чтобы я простить его. Да и точно, что связываться съ нимъ? Онъ должно быть съумасшедший. Одного я не понимаю, зачѣмъ это дворянкѣ держать въ дому такого сомнительного человѣка!

— Я радъ, что все окончилось такъ благополучно, сказалъ Бѣгичевъ, теряя терпѣніе.

— Нѣтъ, да вы можете думаете, что я бы его не вызвалъ? Извините, я вѣдь звѣрь, какъ меня разсердятъ.

Въ эту минуту Яковъ Иванычъ появился съ бутылкой шампанского и съ бокаломъ на подносѣ. Пробка съ шумомъ выско-чила и пѣна заклубилась въ бокалахъ.

— Сначала за здоровье невѣсты! воскликнулъ генераль подавая бокаль Бѣгичеву и чокнувшись съ нимъ обратился фамильярно-ласково къ Якову Иванычу, лицо которого такъ глупо улыбалось, что даже разсмѣшило Бѣгичева:— Ну а ты что не пѣешь за свою генеральшу? не нравится?

Генераль залпомъ выпилъ свой бокаль, и сѣвъясь, скомандовалъ: «наливай!»

— Что же я долженъ передать вашей невѣстѣ? снова спросилъ Бѣгичевъ генерала.

— А меня-то не хотите поздравить? эхъ нехорошо! и всунувъ въ руку гостя бокаль, генераль молодцово чокнулся съ нимъ, однимъ глоткомъ выпилъ вино и бросивъ бокаль на полъ, прокричалъ во все горло «ура!».

Яковъ Иванычъ въ подражаніе генералу также бросилъ свой бокалъ и тоже прокричалъ радостное «ура!»

Темное шампанское остановилось въ горлѣ у Бѣгичева. Онъ поклонился генералу и хотѣлъ уйти.

— Что же это? удергивалъ за руку гостя, обиженно воскликнувъ генераль. Посидѣли бы съ нами да порусски, да ради стихъ, по военному, распили бы даѣ, три солнички. Посмотрите, какие я пиры задамъ на родинѣ-то! Завтра же напишу къ друзьямъ, что женюсь. Вотъ удивляется-то! чего доброго, подумаютъ, что я привезу иностранку.... Нѣтъ, я батюшка никогда бы не могъ иначе женится, какъ на православной. Это ужъ плохо, коли мужъ въ свою церковь, а жена въ свое мирику....

Бѣгичевъ вышелъ, но генераль не обращая вниманія на свое неложе, послѣдовалъ за нимъ, продолжая разговаривать.

Яковъ Иванычъ набросилъ на генеральскія плечи татарской трязинѣ халатъ, потому что генераль въ жару рассказа сбросилъ его.

— Скажите г-же Денисовой, что я скоро буду къ ней самъ. А у моей невѣсты целую ручки....

Бѣгичевъ въ изнеможеніи бросился въ гондолу. Онъ былъ взбѣшенъ, что г-жа Денисова заставила его играть такую глупую роль....

Бѣгичева нетерпѣльно ждали на террасѣ; не успѣлъ онъ еще выйти изъ гондолы, какъ г-жа Денисова и Ольга Львовна въ одинъ голосъ спросили:

— Ну что, есть письмо?

— Онъ скоро самъ будетъ, я ужъ пилъ съ нимъ за здоровье невѣсты, отвѣчалъ Бѣгичевъ.

Ольга Львовна радостно уѣжала въ павильонъ къ брату, а г-жа Денисова сказала:

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна за все.... Вы успокоили жею бѣдную Ольгу.... Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще кончилась эта исторія.... Благодарю васъ, благодарю! пойду къ мсьѣ Полю, она нездоровъ. Катиша дома, вы можете поздравить ее.... И г-жа Денисова исчезла вслѣдъ за Ольгой Львовной.

Съ минуту Бѣгичевъ колебался, пати ли ему къ Катеринѣ Петровнѣ, однако вошелъ. Онъ засталъ ее у письменного стола. Она сидѣла облокотившись на столъ и лицо ея было закрыто руками.

Бѣгичевъ парочно встучалъ стуломъ, чтобы обратить ея внимание. Она вздрогнула, встала и толча пересѣла на диванъ. Глаза ея опухли, лицо было страшно-блѣдно.... Бѣгичевъ рѣшился заговорить съ ней....

— Вы не желаете знать отвѣта отъ вашего.... и онъ недовѣрчивъ фразы, потому что Катерина Петровна прервала его словомъ «нѣтъ» и вышла въ садъ.

Бѣгичевъ остановился въ дверяхъ, самъ не зная, чего онъ ждетъ. Катерина Петровна скоро ходила по аллеѣ, и вдругъ подошла къ нему.

— Скажите, чего-же вы еще ждете?... сказала она сухо и дрожащимъ голосомъ. — Вы хотите проститься со мной?

— Если вы желаете? сухо отвѣчалъ Бѣгичевъ.

— Прощайте, сказала она.

— Прощайте, повторилъ съ эффектомъ Бѣгичевъ, и протянулъ ей свою руку.

Катерина Петровна покачала головой и скрылась за деревьями.

Бѣгичевъ еще долго стоялъ въ ожиданіи, что она вернется, но ея не было....

Внѣсто нее появилась г-жа Денисова.

— Вы одни? сказала она. — а гдѣ Катинъ? и она стала озираться кругомъ.

— Въ саду.

— Она бѣдненькая взолнована. Ей очень тяжело разстаться со мной, мы такъ любили другъ друга!...

Бѣгичеву показалась эта ложь возмутительной. Онъ забывалъ, что самъ лгалъ также возмутительно на каждомъ шагу. Да вирочемъ какъ и обйтись безъ язи въ свѣтѣ. Свѣтскіе люди жутъ такъ мило и артистически!

Когда г-жа Денисова узнала о немедленномъ намѣреніи Бѣгичева уѣхать изъ Венеція, она пришла чуть не въ отчаяніе. Они прощались очень долго и нѣжно. Глядя на это прощаніе, можно было подумать, что разстаются два искреннихъ друга. А оба они въ сущности были этому очень рады: г-жа Денисова боялась, чтобы Бѣгичевъ не смущалъ Катерину Петровну своимъ присутствіемъ, — а Бѣгичеву быда шевыносимо-противна эта лживая и сентиментальная дама.

Прошло три года. Бѣгичевъ случайно въ одномъ днѣ встрѣтился въ Москвѣ съ Катериной Петровной. Встрѣча эта была очень умилительна. Они оба непринужденно обрадовались другъ другу. Генеральша безпрестанно повторяла въ разговорѣ, что она счастлива и любить своего мужа. Бѣгичевъ вѣрилъ ея счастію, потому что туалетъ ея былъ блестательный. Въ любви же ея къ мужу онъ сомнѣвался немного. При генералѣ былъ новый адъютантъ—очень молодой, очень красивый и очень свѣтскій господинъ, которого генералъ называлъ своимъ другомъ. Генералъ и отъ друга и отъ жены своей былъ въ полнѣ восхищенія, и не могъ скрыть своего счастія.

Катерина Петровна очень мило заботилась о здоровьѣ генерала, румяное лицо которого начинало принимать багровый оттѣнокъ, близкій къ удару. Отъ супружескаго счастія онъ очень растолстѣлъ.

— Какъ вы похорошѣли! сказалъ Бѣгичевъ генеральшу послѣ первыхъ привѣтствій.

Онъ лгалъ, потому что въ теченіе трехъ лѣтъ она утратила много свѣжести и при этомъ еще приняла несіріятное выраженіе самодовольствія. Можетъ быть, генералъ удѣлилъ ей часть своего.

— А вы помолодѣли! возразила генеральша.

Она также лгала, потому что у Бѣгичева прибавилось много морщинъ и сѣдыхъ волосъ, а глаза приняли апатическое выраженіе.

И странно! отчего онъ могъ такъ измѣниться? Въ эти годы жизнь его текла ровно. Онъ кушалъ хорошо, спалъ отлично, оградилъ себя отъ всякихъ заботъ и принималъ въ мѣру участіе въ дѣлахъ и въ людяхъ. Относительно женщинъ сдѣлялся онъ еще осторожнѣе и тотчасъ разрывалъ всѣ отношенія съ ними, когда замѣчалъ, что они начинаютъ стѣснять его праздную свободу. Разрывы эти сопровождались, конечно, великодѣльными фразами. Въ минуты апатіи отъ лѣтъ и пустоты сердечной, онъ мечталъ жениться и тосковалъ о семейномъ счастіи,—впрочемъ, для приобрѣтенія этого счастія, онъ не пожертвовалъ бы даже одной безсонной ночью!

Бѣгичевъ спросилъ генеральшу о г-жѣ Денисовой.

— Она возится въ Римѣ съ кардиналами, и чуть ли не приняла католическую религию, отвѣчала Катерина Петровна.

— Ну, а Дроздовъ что?

— Онъ женился, живеть въ своей виллѣ близь Флоренціи.
 — Чужъ, онъ женился на богатой?
 — Нѣтъ, но она изъ хорошей фамиліи и очень образована.
 — Стара?
 — И очень дурна! смѣясь добавила генеральша.
 — А Ольга Львовна?

— О! она отлично устроила сѣбя! съ ироніей произнесла Катерина Петровна: — влюбилась въ какого-то музыканта и сама сдѣлалась учительницей.

— Ну, а докторъ? Не имѣете ли вы какихъ нибудь извѣстій объ немъ?

— О какомъ докторѣ?... Ахъ! да! Я, почти и забыла о его существованіи.

— Онъ погибъ должно быть гдѣ нибудь въ провинції?

— Мы говорили, что онъ въ Кіевѣ и пользуется тамъ извѣстностью, что у него множество дѣтей, и что онъ взялъ себѣ жену изъ-какого-то сомнительного семейства.

— То есть, какъ?

— Кажется, дочь съдельного мастера, что-то въ родѣ этого, съ презрительной гримасой добавила генеральша, забывъ, вѣроятно, о своемъ собственномъ происхожденіи.

Бѣгичевъ не призадумался бы сдѣлаться на время другомъ генерала, если бы его жизненный опытъ не говорилъ ему, что вниманіе генеральши было уже завоевано. Вести борьбу съ такимъ соперникомъ было бы неблагоразумно. Да и генеральша въ три года своего счастливаго супружества и свѣтской жизни пріобрѣла много опыта и, вѣроятно, потребовала бы для своего самолюбія много мелочныхъ жертвъ, а на жертвы, даже и на мелочныя, Бѣгичевъ, какъ я уже говорилъ, не былъ способенъ.

Да и дѣйствительно эти жертвы излишня роскошь. Сколько на свѣтѣ еще глупыхъ женщинъ, не требующихъ никакихъ жертвъ и отъ души вѣрующіхъ въ великолѣпныя и притворно-страстныя рѣчи....

Н. СТАНИЦКІЙ.

ОТГОЛОСОКЪ

НА «ЖАЛОБУ ЖЕНЩИНЫ».

Въ наше время, когда литературная дѣятельность достигла до такой высокой степени развитія, людимъ съ талантомъ ограниченнымъ или вовсе неталантливымъ слѣдовало бы держаться въ сторонѣ. Но такъ какъ Господь никому не отказалъ въ правѣ ощущеній, а добросовѣтный разскѣзъ ощущеній всегда можетъ представить что нибудь любопытное и полезное, то я рѣшилась писать.

Я вовинуюсь убѣждению, что, какъ для гениального живописца иногда цѣлесочь симпокъ съ природы, сдѣланый самой неизкусной рукой, такъ для деревитыхъ писателей вѣрный, хотя и не краснорѣчивый очеркъ душевныхъ ощущеній. Я начинаю.

Родилась я не въ бѣдности, но и не въ богатствѣ; мать моя умерла рано, и въ двѣнадцать лѣтъ я осталась полной хозяйкой въ домѣ, съ меньшими братьями на рукахъ и еще очень молодымъ отцомъ, которому я была болѣе товарищемъ, нежели дочерью. Отецъ страстью любилъ музыку, и его главное вниманіе было устремлено на то, чтобы образовать изъ меня порадочную музыкантшу; остальные же предметы было довольно заброшены.

До этого времени была у насъ одна только гувернантка—нѣмка, женщина отличная, добросовѣтная, но не ученая, забывшая даже свой родной языкъ и плохо изъяснявшаяся на французскомъ и русскомъ.

Послѣ смерти матери, отецъ, любившій насть горячо и даже для насыть не женившійся въ другой разъ, хотѣлъ намъ дать по возможноти хорошее воспитаніе; но ограниченное состояніе не позволяло ему жить въ городѣ, а братъ учителей въ далекую провинцію и дорого и неудобно. Онъ однако съѣздилъ въ столицу и привезъ молодаго учителя, бойкаго и веселаго, который оказался славныемъ компаньономъ для него, но плохимъ учителемъ для насть.

Въ два года мы едва дошли до глаголаю по грамматикѣ Греческой, а во всевобщей исторіи онъ диктовалъ намъ какое-то предличное и презапутанное введеніе, на которомъ и остановились наши познанія.

Старшаго брата опредѣлили въ полкъ, меньшихъ въ корпуса, учителю отказали, и я осталась одна, съ полной свободой.

Къ счастію, Богъ надѣлилъ меня характеромъ робкимъ, и я не употребила во зло своей воли. Страстная любовь къ природѣ, врожденное стремленіе ко всему прекрасному, спасли меня отъ испорченности, которая была бы такъ естественна при безграничной свободѣ, которой я пользовалась. Какъ вспомню, что за дрянь я перечитала! Ни одной дѣльной книги, ни одного хорошаго русскаго сочиненія, все пустые французскіе романы.

Но болѣе всего охраняло меня воспоминаніе о моей святой матери, воспоминаніе, такъ глубоко врѣзавшееся въ мою душу, что оно действовало благодѣтельнѣе всѣхъ лекцій о нравственности и религіи, которыя читали бы лучшіе профессора.

Да! ответственность родителей — страшна! Чтобы сдѣлать своихъ дѣтей порядочными, надо прежде всего быть порядочными самому.

Не распространяюсь о своихъ молодыхъ годахъ. Много въ нихъ прожито въ чуднаго, и грустнаго. Не кому до этого дѣло? описывать свое дѣтство только для того, чтобы дать некоторое понятіе о свойствѣ характера и положенія.

Я вышла за мужъ по любви; состояніе моего мужа было обременительное; съмѣшно было, что у его отца дѣла разстроены, не смотря на тысячу оброчныхъ душъ въ одной изъ лучшихъ нашихъ губерній. Но въ какомъ именно видѣ были дѣла, — никто не зналъ, и мыѣ всехъ мой мужъ, проведший молодость на службѣ и вынужденный отставку только передъ женитьбой.

Когда свадьба кончилась, старикъ передалъ намъ хозяйство. Но это было только на словахъ, потому что свобода действовать была ограничена некоторыми членами семейства, въ особенности же безхарактернымъ старикомъ, который не позволялъ рѣшаться на сильныя мѣры. Впрочемъ, придумывать было нечего: долги превышали цѣнность имѣнія.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ; беззаботность старика, убѣжденіе, что изъ нашего положенія вышутаться невозможно, привили и къ намъ какую-то странную безпечность.

Мы жили, какъ говорится, спустя рукава, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, находя отраду въ обществѣ нѣсколькихъ избранныхъ друзей, образованныхъ, артистичныхъ, не похожихъ на обыкновенныхъ деревенскихъ сосѣдей.

Чтение, музыка, домашніе спектакли наполняли время, проведенное вмѣстѣ, а сѣзжались мы раза три въ годъ и живали по деревенски недѣли двѣ, не разъѣзжаясь.

Того поэтичнаго времени не забыть мнѣ никогда. Сколько было задушевности въ нашихъ разговорахъ и простоты въ обращеніи, какая увлекательная веселость, сколько разнообразія въ характерахъ, и между тѣмъ какое единство!...

Въ каждомъ изъ насъ была какая нибудь особенность или талантъ, придававшій прелесть нашему кружку; одинъ прекрасно читалъ сочиненія нашихъ лучшихъ современныхъ писателей, другой, своимъ музыкальнымъ талантомъ уносилъ всѣхъ въ чудный міръ фантазіи.

Въ одномъ углу комнаты вели живой, свѣтскій разговоръ, въ другомъ жарко спорили объ искусствѣ или толковали о современныx вопросахъ жизни, и вдругъ — всѣ смолкли, до слуха долетали звуки итальянской аріи, которую пѣлъ голосъ не юный, но симпатичный; или — подъ вечеръ, всѣ хоромъ танули какую нибуль русскую пѣсню. Не совсѣмъ она шла согласно и музыкально, но всѣмъ хотѣлось пѣть, потому что у всѣхъ на душѣ было ясно, а чѣмъ же и высказать свою душу, какъ не нашей родной пѣсней? Весело ли, грустно ли, у насъ на все есть своя пѣсня, или такая, которая наэлектризуетъ и заставитъ всѣ жилки заговорить, или уже охватитъ душу такой тоской, такимъ томленіемъ, что станетъ и жутко, и хорошо жить на свѣтѣ.

Въ такомъ-то обществѣ провела я лучшіе годы своей жизни. Вроцеденная страсть къ чтенію и музыкаѣ еще болѣе развилаась подъ его вліяніемъ, и стала я серьѣнѣеглядываться въ жизнь и наслаѣдаться ею уже не такъ дѣтски безпечно, какъ въ первые годы, во съ полнымъ сознаніемъ своего счастія. Боже мой! сколько твердости противъ мелочей жизни вынесла я оттуда, сколько душевнаго спокойствія и какой ясный взглядъ на людей!.. Чудное, незабвенное время!... не вернуться ему!... да и Богъ съ нимъ; пришла другая пора, другія стремленія.... всему свое время.

Война разбудила всѣхъ насъ отъ сладкой дремы. Забылось сердце безпредѣльной любовью къ родинѣ, тоской и страхомъ за близ-

кихъ. Одинъ изъ моихъ братьевъ палъ первый жертвой при страшномъ бомбардированиі Севастополя; другой оставался тамъ въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ лицемъ въ лицу со смертью, и, несмотря на такое напряженіе положеніе, умѣлъ сохранить обще-русскую черту: удальство и дѣтскую веселость, напримѣръ, въ то время, когда я унывала, читая объ усиленіяхъ непріятеля овладѣть Малаховымъ курганомъ, на которомъ онъ служилъ. Онъ присыпалъ мнѣ турецкихъ кофектъ или писалъ такое уморительное письмо, что мы смѣялись до упада, забывая страхъ и грусть.

Страшно вспомнить, сколько горя свалилось разомъ на мою бѣдную голову!... Мужъ мой, фанатично преданный родинѣ, по-челѣ долгомъ вступить въ ополченіе по призыву покойнаго государя, и оставилъ меня больную, убитую горемъ, съ четырьмя дѣтьми въ рукахъ и разореннымъ состояніемъ. Богъ свидѣтель, чрезъ какую борьбу, чрезъ какія страданія перешелъ онъ, покидая страстно-любимую жену и дѣтей; но онъ утѣшалъ себя мыслю, что, кроме исполненія долга, онъ, можетъ быть, вернется безъ руки или ноги, и тѣмъ выслужить себѣ пенсіонъ и казенное воспитаніе дѣтямъ. Богу не угодно было принять его жертву; его дружина не была въ дѣлѣ, хотя и стояла въ полуторѣ verstѣ отъ турецкой крѣпости.

Въ это время наше имѣніе было публиковано въ продажу. Не зная, куда голову приклонить, и, желая, во что бы то ни стало, спасти достояніе своихъ дѣтей, я рѣшилась просить. Мои родные и друзья—люди небогатые; я должна была обратиться къ родственнику моего мужа, человѣку, восящему одну изъ лучшихъ русскихъ фамилій и имѣющему громадное состояніе.

Мыль одной знать, сколько кровавыхъ слезъ пролила я прежде, нежели рѣшилась написать къ нему, но любовь къ дѣтямъ превозмогла мою болѣзненную робость и женскую гордость. Я попросила взаймы сумму, достаточную, чтобы выкупить отцовскій кровъ; но видно просить и унижаться я еще не умѣла, потому что письмо мое оскорбило богатаго роднаго. Вѣрою сказала я, что онъ обязанъ помочь ближнему, особенно, когда этотъ ближній безпомощный старикъ для и больна женщина съ дѣтьми. Я забыла, что человѣкъ, взросшій въ богатствѣ и самъ не испытавшій лишеній, не можетъ понять, что положеніе нищаго, привыкшаго на улицѣ протягивать руку, завиднѣе положенія порядочнаго человѣка, который доведенъ до ужасной необходимости — просить.

Просьба моя была точно рѣзка; я поступила, какъ дѣти, которыхъ чегонибудь боятся, и невольно бросаются на предметъ, ихъ пугавшій, чтобы скорѣе отѣлаться отъ страха.

Т. LXVII. Отд. I.

24

Какъ бы то ни было, мнѣ черезъ другихъ отвѣчали, что такъ не просятъ, и пр., и пр. Имѣніе наше продано, намъ остается самыи крошечный уголокъ.

Быть можетъ спросить, какое впечатлѣніе произвелъ на меня отказъ? Я ожидала его, и онъ не поразилъ меня. Положа руку на сердце, могу сказать, что даже и тѣни желчи не вкрадось въ мою душу противъ богатаго родственника, въ одинъ день тратившаго болѣе, чѣмъ я просила для обеспеченія цѣлой жизни, и просила взаймы. Мнѣ только стало жаль, зачѣмъ онъ лишилъ себя высочайшаго въ мірѣ счастія — слѣдать истинно доброе дѣло. Богъ быть вполнѣ милостивъ ко мнѣ: жаркая любовь моя къ ближнимъ, вѣра въ то, что на свѣтѣ болѣе хорошихъ, чѣмъ лурныхъ людей, осталась тѣже. Вишеваты ли люди, что я ошиблась въ одномъ, думала я; за что буду я вымѣщать на всѣхъ то зло, которое невольно сдѣлалъ мнѣ одинъ, и не сама ли я во многомъ виновата?

Когда мой мужъ вернулся, не достигнувъ своей грустной цѣли — цѣли быть калѣкой, то, собравшись съ духомъ, мы опредѣлили себѣ свое положеніе, и увидѣли, что воспитаніемъ дѣтей мы должны заняться сами. Уже въ отсутствіе его, не смотря на слабое здоровье, я начала ихъ учить, и, Боже мой! какой это было для меня трудъ. Я говорю было, тогда какъ до сихъ поръ вслкое утро я припинаюсь за дѣло съ какимъ-то трепетомъ. Мои ограниченныя познанія, недостатокъ опыта, боязнь учить не такъ, какъ слѣдуетъ, остававливаютъ меня на каждомъ шагу. Образовать своихъ дѣвочекъ нравственно, я, кажется, успѣла; они религіозны безъ суевѣрія, добронравны и чувствительны, готовы отдать послѣднее бѣдному; не жаждутъ нарядовъ и способны на всякия лишенія.

Не могу не разсказать здѣсь одного маленькаго эпизода изъ нашей домашней жизни.

Однажды, послѣ класса, я позволила имъ готовить кушанья. Испытавъ на себѣ, какъ трудно вникать въ хозяйство, когда не пріученъ къ нему съ малолѣтства, я нахожу, что бѣдной дѣвочкѣ необходимо знать экономическую часть. Къ несчастію, многія обстоятельства мѣшаютъ мнѣ сдѣлать изъ этого отрасль воспитанія.

Я оставила ихъ въ большихъ хлопотахъ около печи и ушла, но скоро возвратилась, желая узнать, такъ ли они смирны безъ меня, какъ при мнѣ; слышу одна изъ нихъ говоритъ: «я пойду за маменькой, пусть она попробуетъ нашей стряпни»; а меньшая, живая дѣвочка лѣтъ десяти, отвѣчаетъ: «зачѣмъ? намъ и безъ нея весело.»

Она едва окончила эти слова, какъ увидала меня передъ собой; я не браница ее, а только покачала головой; вѣрно лицо мое отразило ту невольную грусть, которую я почувствовала, узнавъ, что

нимъ веселье безъ меня, потому что дѣвочка бросилась ко мнѣ со слезами на глазахъ: я отстранила ее и пошла въ садъ; слышу, кто-то бѣжитъ за мной и тянется за руку; оглянулась — дитя стояло на колѣняхъ въ грязи и горько плакало.

— Послушай, сказала я, желая испытать ее: — ты, можетъ быть, боишься, что я иду разсказать это твоему отцу? Но вѣдь ты знаешь, что я не захочу добровольно огорчить его; при нашихъ грустныхъ обстоятельствахъ, грѣшио тебѣ не понять, что наше единственное угѣшненіе — дѣти, и что мать, которая раздѣляется уроки и игры своихъ дѣтей, не должна бы быть лишняя.

— О, мама, говорила дѣвочка, плача безутѣшно: — развѣ я не вижу всѣхъ вашихъ горестей и не чувствую своей вины? Я не боюсь отца, а напротивъ прошу васъ, — расскажите ему все, пусть онъ пакажетъ меня, только забудьте, что я васъ огорчила; теперь я вижу, какъ вы справедливо останавливае мою болтливость; если я умѣла огорчить васъ, то сколькоихъ постороннихъ я обидѣла, сама того не замѣчая.

И своимъ дѣтскимъ краснорѣчіемъ она выражала такое сердечное сокрушеніе, что я сама едва удерживала слезы. Отрадно мнѣ было читать въ ея юномъ сердечкѣ такую боязнь оскорбить, какою рѣдкіе взрослые надѣлены.

Да, мои дочери будутъ хорошія семьянки; но этого мало: я хотѣла бы образовать ихъ умъ и приготовить изъ нихъ гувернантокъ. А какими книгами руководствоваться? Обстоятельства какъ будто нарочно стекались, чтобы увеличить мои сомнѣнія и еще болѣе запутать вопросъ о воспитаніи, который я ежедневно или, лучше сказать, ежеминутно задавала себѣ.

Одна молодая, богатая сестрѣка, имѣвшая тоже дѣтей, напала на меня серьѣзно, во-первыхъ, за то, что я при одиннадцатилѣтней дочери своей сказала, что сестра моя беременна, во-вторыхъ, за то, что даю имъ читать «Мертвые Души», «Семейную хронику», Аксакова, «Дѣтство и отрочество», графа Толстаго, «Записки охотника», Тургенева, и еще избранныя сочиненія нашихъ лучшихъ писателей; называю нарочно нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы могли судить о моемъ выборѣ. Она находила, что не слѣдуетъ такъ рано знакомить дѣвочку съ настоящей, пѣсколько грустной стороной жизни, а держать ее какъ можно дольше ребенкомъ.

Я доказывала, что мнѣ, съ моимъ бѣднымъ состояніемъ, съ моими добрыми, но простыми родными, невозможно вести своихъ дѣтей, какъ она. Она имѣеть средства окружить ихъ гувернантками, отѣлить отъ всего, что не дѣтскіе разговоры или дѣтскія забавы; а мы люди бѣдные, живемъ одной жизнью, и все у насъ общее. Вотъ

почему я не могла уберечь ихъ дѣтскаго невѣдѣнія, и при первомъ вопросѣ, отъ чего у такой-то тѣти бываетъ большой животъ передъ тѣмъ, какъ родится ребенокъ, я отвѣчала просто, безъ всякихъ подробностей, что это законъ природы, которому должна покориться всякая замужняя женщина. Я не бранила ихъ за неумѣстный вопросъ, не увѣряла, что дѣтей находятъ подъ ёлкой; я хотѣла, чтобы они вѣрили мнѣ безусловно, и, зная, что я готова безъ обмана отвѣтить на всѣхъ вопросы, обращались прежде всего ко мнѣ. Знакомлю же я ихъ съ лучшими нашими авторами потому, что они описываютъ не фантастическую жизнь, а ту, которую и имъ придется пережить. Но москому мнѣю, бѣдныя дѣвочки должны рано узнать, что есть и горе, и страданія, что на свѣтѣ живутъ не одни хорошия люди, но и смѣшные и дурные, что они, однако, не мѣшаютъ испытать высокое счастіе, если будешь умѣть оправдать ихъ и судить строго только одного себя.

Споръ нашъ, какъ почти всѣ споры, кончился тѣмъ, что никто не убѣдилъ другъ друга; но онъ оставилъ во мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Кто знаетъ, думала я, можетъ быть, инстинктъ матери обманываетъ меня иона права; можетъ быть, мнѣ не следовало бы такъ рано давать дѣтямъ понятіе о жизни. Кто разрѣшилъ мои сомнѣнія? Кто дасть мнѣ бодрость безукоризненно выполнять обязанность матери и воспитательницы?

И вдругъ попадается мнѣ запоздалая книжка «Современника» съ статьей, подъ названіемъ: «Жалоба женщины». Она была какъ будто отголоскомъ на всѣ вопросы, шевелившіеся въ моемъ умѣ: женщина, написавшая ее — или матерь, или прекрасное существо, умомъ и сердцемъ постигшее всѣ недоумѣнія матери. Неужели на этотъ прікъ души не найдутся люди, готовые помочь вамъ своими советами: вѣдь у васъ теперь такъ дѣльно, такъ чудно пишутъ! Неужели вопросъ о воспитаніи женщины важенъ менѣе другихъ животрепещущихъ вопросовъ?

Сколько горькой истины въ этой статьѣ! Я вижу наѣ своимъ дѣтьми, какъ много значить отсутствіе материнскихъ попечений съ самого юнаго возраста; остаются нѣкоторыя привычки, оттѣшокъ въ выговорѣ, однимъ словомъ чтѣ-то чужое, что искорешить трудно даже и тогда, если впослѣдствіи будешь сѣдѣть за ними неусыпно.

Съ смущеннымъ сердцемъ пошла я къ обѣднѣ. Въ нашей приходской церкви есть теплый придѣлъ и довольно породочные пѣвчіе, которые заманиваютъ не однихъ прихожанъ. Вскорѣ послѣ насъ прїѣхала дама, о которой я говорила, и съ нею ея дочь. Сыно
и грациозно взошла дѣвочка щегольски одѣтая, и, проходя мимо мо-

ихъ дѣтей, поклонилась имъ слегка и, какъ мнѣ показалось, съ вѣсколько презрительной улыбкой. Можетъ быть, дѣвочку, воспитанную въ роскоши, скандализировали неизящные бурнусы моихъ дѣтей; вѣроятнѣе всего, тяжелое настроеніе моего духа заставляло меня видѣть то, чего не было; знаю только, что сердце мое перевернулось отъ какого-то нового Ѣдкаго чувства. Быстро посмотрѣла я на своихъ дочерей, боясь прочитать на ихъ лицахъ досаду или зависть: страшно мнѣ стало, что они не выдержутъ испытанія и подадутся дурнымъ чувствамъ. Ихъ ясныя физиономіи успокоили меня, но зато какъ мнѣ за нихъ стало обидно и больно; сколько тяжелыхъ мыслей прихлынуло разомъ къ моей головѣ! Я вдругъ постигла, что бѣдность несчастіе, потому что всеяляетъ чувство зависи-ти въ душу самую твердую и невозмутимую. Зависть будетъ ми-нутная, но такой минуты достаточно, чтобы поколебать вѣру въ свои силы и нарушить счастіе. И нѣтъ надежды залечить рану, если не за себя, а за дѣтей она раскрылась. Счастливы богатые, думалъ я, не потому только, что они могутъ давать дѣтямъ хорошее воспи-таніе, дѣлать добрья дѣла или пользоваться всѣми удобствами и прихотями жизни, но потому, что имъ чужды Ѣдкія страданія зависти, оскорблій гордости и сознанія, что по большей части бѣд-някъ долженъ молчать передъ богатымъ, хотя бы мнѣніе или дѣ-ло его было право.

О, сколько ропота вырвалось вдругъ изъ моей души, какое безздѣдное будущее раскрывалось передо мной! Я спрашивала себя, гдѣ возьму я теперь то спокойствіе и убѣженіе, съ которыми вну-шала дѣтямъ, что богатство не можетъ дать того счастія, которымъ пользуемся мы, любибѣдные, тѣсно связанные между собой мыслю, что нѣтъ для насъ другаго міра, кроме своей семьи. Вѣль цикому не нужны наши радости, наши страданія, никто не пойметъ и не раздѣлитъ ихъ, какъ кровные родные? До сихъ поръ я умѣла охра-нить своихъ дѣтей отъ разрушающаго чувства зависти, не смотря на то, что они бывали въ столкновеніи съ дѣтьми богатыми, для которыхъ жизнь готовится беззаботная, роскошная, а моимъ почти съ колыбели внушено, что они должны трудами зарабатывать па-сущный хлѣбъ.

Что же я теперь буду дѣлать, повторяла я съ отчаяніемъ, и ни одной теплой молитвы не находила я въ своей душѣ, ни одной слезы на глазахъ.

Я не слыхала ни службы, на пѣнія; не знаю, чѣмъ бы это разре-шилось, еслибы къ причастію не подошелъ крестьянинъ, неся подъ руки мальчика лѣтъ десяти, бѣлокураго, кудряваго, въ полномъ смыслѣ красавца, но безногаго.

Бѣ ожиданіи выхода священника, отецъ положилъ его передъ царскими вратами. Дитя молилось, и лицо его было таѣь прекрасно, спокойно, что я невольно забыла свои ощущенія и начала слѣдить за нимъ. Бѣдный крестьянинъ тоже молился; на лицѣ его отражалось много грусти, но еще болѣе покорности Высшей волѣ.

Занавѣсь отдернулась. «Титя, сказаль кротко мальчикъ: — подними меня, — я хочу слѣдѣть земной поклонъ.»

Тутъ ужъ я не выдержала и сама упала на землю, рыдая отъ раскаянія. «Боже! думала я: — я позволяю себѣ смущаться мелочами, когда есть столько истиннаго, страшнаго горя въ жизни; я дерзаю бунтоваться противъ Твоего святаго промыслы, когда на мою долю вышло такъ много счастія: мои дѣти не калѣкі, не ідіоты, характера и сердца бодраго; есть у меня, хоть маленький, но мой собственный уголъ, а этотъ бѣдный крестьянинъ долженъ забыть сердечное горе и въ потѣ лица зарабатывать кусокъ хлѣба себѣ и убогому ребенку, и что же? онъ принимаетъ испытанія покорно, а я ропщу!»

Тихія рыданія отвлекли меня отъ моихъ думъ; оглянулась и вижу, что мои дѣти тоже плачутъ, глядя на мамку; посмотрѣла я на маленькую богачку и кроме дѣтскаго любопытства не прочитала ничего на ея хорошенъкомъ лицикѣ. «Прости мнѣ Господи, повторяла я: — все въ твореніи Твоемъ гармонія и справедливость. Ты милостивый и всеблагий.»

И мнѣ стало легче; только сознавъ еще серѣзнѣе свою слабость и всю важность отвѣтственности воспитательницы, я рѣшаюсь воскликнуть вмѣстѣ со многими матерями: помогите намъ, кто чѣмъ можетъ, и пусть мои плохо-выраженные недоумѣнія вызовутъ чей нибудь свѣтлый умъ на разрѣшеніе одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ жизни — воспитанія женщины!

В..... И.

ЗАМѢТКИ

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Прежде, нежели мы станемъ говорить объ отдельныхъ явленіяхъ польской литературы, почему нибудь замѣчательныхъ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о господствующемъ нынѣ характерѣ и направленіи ея. Для этого намъ не нужно начинать слишкомъ издалека: для нашей цѣли будетъ совершенно достаточно взглянуть на характеръ литературной дѣятельности въ Польшѣ втеченіе прошедшаго года.

Начнемъ съ поэзіи въ обширномъ смыслѣ. Романъ, или повѣсть, и въ Польшѣ составляетъ самую любимую форму поэтическихъ произведеній, а главнымъ представителемъ польского романа остается по прежнему Крашевскій. Въ прошедшемъ году онъ не издалъ ничего особенно замѣчательнаго, за то нашелъ случай полнѣе выскакать свои убѣжденія въ «Письмахъ въ редакцію Газеты Варшавской», возбудившихъ живую полемику. Заговоривъ въ одномъ изъ нихъ о поразительномъ равнодушіи, которымъ отвѣчаютъ поляки на всѣ вопросы общественной жизни, Крашевскій перешелъ къ солжерамъ, толпами хлынувшимъ въ прошедшемъ году за границу. Стоилоъ это дѣлать полякамъ? Авторъ такъ отвѣчаетъ на свой вопросъ:

«Незачто любить намъ жизнь старой Европы, нечего подражать ей. Тамъ жизнь на исходѣ, напряженная, возбужденная искусственно,—а у насъ силы еще молодыя; тамъ жизнь прожита и уже догораетъ, — наша обѣщаетъ намъ славную будущность. Мы можемъ быть больше тѣхъ, которыхъ ставимъ себѣ въ образецъ, — стоять

только захотѣть. Но прежде всего надо сознать, что намъ не съдѣть подражать кому нибудь, что мы должны идти впередъ только при помощи своихъ силъ, своимъ собственнымъ духомъ и путемъ. Намъ стоитъ нагнуться (?) и мы поднимемъ то, что старая Европа пріобрѣла наукой и опытностью; но того, что есть у настѣ и что она потеряла, ей никогда уже не воротить, потому что молодость, энергія, надежда — невозвратимы.... Самонадѣянность западныхъ народовъ скрываетъ въ себѣ отчаяніе; ихъ веселье, ихъ оргіи маскируютъ глубокую печаль; они къ намъ, а не мы къ нимъ должны простираять руки. Сто ихъ изобрѣтепій не стоять пашего искрепнаго чувства, нашихъ благородныхъ и дѣтскихъ порывовъ, подобно тому, какъ телеграфы и желѣзныя дороги не стоять одной слезы, одного воція изъ глубины души. А тамъ уже не плачутъ и не вздыхаютъ, тамъ смируются или зѣваютъ.... У насъ деревня живетъ еще здоровой, неиспорченной жизнью, какой не найти уже въ столицахъ; наша деревня находится въ связи съ Богомъ, съ міромъ, съ обществомъ (?), богата будущностью, тогда какъ тамъ, куда мы спѣшили — ума набраться, люди не вѣрятъ въ будущность и съ кубками въ рукахъ стоятъ, наклоненные надъ бездной. Мы идемъ почерпнуть у нихъ отчаянія, научиться невѣрію и равнодушію... (№ 273).

Привожу этотъ отрывокъ не съ тѣмъ, чтобы сказать: «каковъ Крашевскій!» — иѣтъ. Въ настоящемъ случаѣ его мнѣнія, конечно, не стоять нашего одобренія; но они не заслуживаются и пасынки. Онъ ошибся; онъ употребилъ ложный пріемъ, сравнивая простой классъ польского съ образованнымъ классомъ французского народа (такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно подъ именемъ старой Европы разумѣется Франція); преувеличилъ хорошее въ первомъ, дурное въ послѣднемъ. Но на то же уважить и побужденіе, по которому онъ это сдѣлялъ. Побужденіемъ была любовь къ родинѣ, а во имя этой любви прощаются и большія ошибки....

Убѣжденіемъ своимъ Крашевскій никогда не измѣняется и въ жизни, и за эту-то жизнь, проживаемую не въ свое уловольствіе или пользу, полную неусыпнаго труда, такъ уважаютъ его всѣ поляки, — многіе за жизнь даже больше, чѣмъ за сочиненія. Впрочемъ, это уваженіе всѣмъ мѣшаѣтъ видѣть недостатки самого популярнаго польского писателя. За примѣромъ недалеко ходить. Въ той же газетѣ, вскорѣ послѣ напечатанія письма Крашевскаго, въ которомъ находится и приведенный мною отрывокъ, явилась статья парижскаго корреспондента «Варшавской газеты», очевидно вызванная письмомъ и рассматривавшая вопросъ съ крайне-благонамѣренной точки зре-
нія. Авторъ ея, обозрѣвъ исторію французского общества, находитъ, что хоть и были у него времена глубокаго упадка, но эти времена

мена уже прошли; и Чеперъ въ Парижѣ переживе гуманить мельте, чѣмъ гдѣ и кто нибудь.

Крашевскому пришлось въ началѣ прошедшаго года выдержать нападеніе со стороны Грабовскаго и «Хроники отечественныхъ и заграничныхъ извѣстій», за то особенно, что онъ будто бы испынилъ чистому назначению искусства, вздумавши высказывать свои убѣжденія. Искусству, — сказали ему, — вѣтъ дѣла до личныхъ тенденцій писателя; оно должно существовать само для себя, и тому подобное, въ томъ же родѣ. — Это нападеніе прошло, вѣроятно, незамѣченнымъ, еслибъ Аполлонъ Корженевскій, какъ видно по всему — еще очень молодой поэтъпольскій, не взялся защищать Крашевскаго. Въ своей статьѣ (въ «Газ. Варш.») онъ обидѣлъ Грабовскаго и Бартушевича (редактора Хроники), которые безъ всякой задней мысли высказывали только свой взглядъ на искусство, и вместо того, чтобы спорить, началь браниться. Не станемъ сдѣлать его искусства въ этомъ дѣлѣ.

Объ Осинѣ Корженевскому въ настоящемъ случаѣ можно сказать только то, что онъ по прежнему отличается высокой гуманностью въ своихъ сочиненіяхъ и въ художественномъ отвешеніи все еще идетъ впередъ. — Послѣдняго нельзя сказать о Качковскомъ, первыя произведенія котораго, рядъ повѣстей подъ заглавіемъ: «Послѣдній Нечуя» (*Ostatni z Nieczujów*), былъ поставлены въ Польшѣ наравнѣ съ романами Вальтеръ-Скотта. Его «Папъ Староста Голубецкій», романъ изъ временъ Станислава Августа, представляетъ рядъ интересныхъ картинъ, — не болѣе; а «Могила Нечуи», романъ, печатающійся въ фельетонѣ «Газеты Варш.», и еще неконченный (*), пока служитъ только новымъ доказательствомъ его замѣчательнаго умѣнья поддѣлываться подъ стариинный польскій языкъ и слогъ. Этими языками и слогомъ написаны всѣ историческіе романы Качковскаго; языкъ — въ родѣ того, какимъ писаны разговоры въ романахъ Кукольника изъ петровской эпохи, а слогъ — въ родѣ исторического слога Погодина, отрывочный, со множествомъ союзовъ, по пынѣшнему неумѣстныхъ. Онобы не бѣда, если бы авторъ заставлялъ только свои дѣйствующія лица говорить современнымъ имъ языками; но зачѣмъ же и самъ онъ говорить такъ же, какъ они? — Впрочемъ, къ этому придется возвратиться; а о Качковскомъ надо еще замѣтить, что онъ большой почитатель старо-польской жизни, что ему грустно по ней. Къ части его, впрочемъ, нужно сказать, что онъ понимаетъ невозвратимость этой жизни и потому заботится

(*) Въ «Хроникѣ» печатается его романъ «Agnieszka», также еще не конченный.

только о томъ, чтобы познакомить съ моим читателямъ безымянственнымъ ея изображеніемъ.

Совершенно иначе поступаетъ извѣстный польскій писатель графъ Генрихъ Ржевускій. Признавая старо-польскую жизнь, съ ея magnatствомъ, высшимъ идеаломъ гражданской жизни, онъ изъ всѣхъ силъ старается, посредствомъ изображенія ея въ самомъ привлекательномъ видѣ, привить свое убѣжденіе читателямъ, старается воскресить умершую, на сколько это кажется ему возможнымъ. Съ этой цѣлью написаны всѣ его произведенія, между прочими романъ «Ноябрь» (Listopad) и «Разсказы старика», имѣющіе высокое художественное значеніе; съ этой же цѣлью онъ издалъ въ прошедшемъ году, сочиненный или передѣланный имъ, «Записки Вареоломея Михаловскаго» (5 т.), про которыхъ полки нашли нужнымъ сказать только то, что это—старая пѣсня, старое «Господи помилуй».

Съ полгода тому назадъ, къ числу первоклассныхъ польскихъ романистовъ принадлежалъ еще докторъ Трипплинъ, но теперь уже къ немъ не принадлежитъ. Въ короткое время онъ издалъ множество повѣстей, и во многихъ изъ нихъ замѣтенъ былъ большой талантъ, особенно въ первоначальныхъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился слабѣе и между тѣмъ все множились въ числѣ. Это возбудило подозрѣнія; стали пристальнѣе всматриваться въ его изданія и наконецъ открыли, что онъ пользуется чужими трудами, что онъ—plagiarus. Между прочими нашли, что его «Новѣшес путешествіе въ Норвегію» переведено и передѣлано изъ путешествія на островъ Шпицбергенъ ш-ре Aunet, точь въ точь, какъ русская «Финляндія». Въ настоящее время докторъ находится въ Константинопольѣ.

Отъ повѣсти въ прозѣ прямой переходъ къ повѣсти въ стихахъ, жъ поэмѣ, или какъ ни назвать ее. На этомъ поприщѣ господствуютъ по прежнему Викентій Поль и Владиславъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ). Первый издалъ въ прошедшемъ году поэму «Витъ Ствошъ» (напечатана въ полномъ собраніи сочиненій Поля, изданномъ въ Вѣнѣ, 4 тома in-16, цѣна 10 р. с.). Витъ Ствошъ—это замѣчательный польскій скульпторъ XV столѣтія; трудился онъ и умеръ въ Германіи—и вотъ теперь Поль «переноситъ прахъ его въ Польшу»: съ этой цѣлью написана поэма. По вѣнчаниемъ премьера она очень похожа на извѣстную «Марію» Мальчевскаго. Содержаніемъ служитъ изображеніе внутренней жизни, внутренней борьбы Ствоша, какъ человѣка, и еще болѣе, какъ художника XV столѣтія. Но въ этомъ изображеніи нѣтъ ни лиризма, ни драматизма; есть только картиинность или образность, да слогъ, который очень пра-

вится полькамъ, но который съ одной стороны напоминаетъ слогъ Качковскаго, а съ другой покойный высокій слогъ русскій, съ тѣмъ только различиемъ, что, за исключениемъ своего церковно-славянскаго языка, здѣсь съ той же цѣлью употребляются старинныя польскія слова (впрочемъ, большую частію похожія на церковно-славянскія). Вся поэма проникнута духомъ истинно-христіанского спирія, которое еще въ большей мѣрѣ господствуетъ въ приложенныхъ къ ней объясненіяхъ, по объему равныхъ самой поэмѣ. Въ этихъ объясненіяхъ для насъ всего интереснѣе будетъ взглянуть автора на искусство, весьма гармонирующій съ общимъ настроениемъ Поля и той партии, къ которой онъ принадлежитъ, — католической партии въ Галиції. Въ Царствѣ Польскомъ оно не нашло себѣ придерживцевъ.

Сырокомля въ прошедшемъ году издалъ нѣсколько стихотворныхъ рассказовъ подъ называніемъ «*Gawęd*» (эти гавэанды теперь въ большой модѣ въ Польшѣ). Одинъ изъ нихъ, «Гетманскій почлегъ», подалъ поводъ «Познанскому Обозрѣнію», тоже жаркому поборнику католицизма (а уже выѣтѣ съ тѣмъ и шляхетства и пр.), напасть на Сырокомлю со стороны его взгляда на польское дворянство и простонародье; за Сырокомлю энергически вступился Крашевскій, и дѣло кончилось довольно миролюбивымъ объясненіемъ со стороны «Познанскаго Обозрѣнія».

Драматическая поэзія до сихъ поръ какъ-то не дается полякамъ; до сихъ поръ у нихъ нѣть драматического произведенія, которымъ можно было бы похвалиться передъ другими литературами. Это заставляетъ польскихъ поэтовъ изо всѣхъ силъ биться надъ сочиненіемъ драмы, уже не просто замѣчательной, а народной по формѣ польской драмы. Подобныхъ стремленій не обнаруживаетъ лучшій польский драматургъ, О. Корженевскій; но ихъ имѣетъ Сырокомля, тоже не лишенный драматического таланта; какъ *rium desiderium*, ихъ имѣетъ еще кое-кто, а въ Галиціи они давно уже осуществлены въ двухъ трагедіяхъ епископа Лэнтовскаго, изданныхъ въ Краковѣ еще въ 1856 г. подъ заглавіемъ «Самуилъ Зборовскій и Ядвиги жена Ягеллы, трагедіи двѣ, въ три дѣйствія каждая» (*Samuel Zborowski, Jadwiga żona Jagielly, tragedie dwie, po trzy akty každa*). Объ этихъ трагедіяхъ, которыхъ польские книгопродавцы (Натансонъ и Оргельбрандтъ) провозгласили явленіями капитальными, составляющими эпіху въ исторіи польской драмы, довольно будется замѣтить, что въ нихъ введены хоры: въ этомъ главное право ихъ на название народныхъ по формѣ.

Все это не мѣшаєтъ однакожъ ни О. Корженевскому, ни самому Сырокомлю идти обыкновеннымъ путемъ, писать драмы или хоть

драматический сцены, о которыхъ, впрочемъ, новаго нечего сказать. Сырокомля пробуетъ свои силы также въ комическомъ родѣ; но пока онъ напечаталъ только двѣ отрывочные сцены изъ своей комедіи «Сельскій политикъ», по которымъ о цѣломъ нельзя судить (замѣтимъ только, что тамъ есть одно лицо, нѣсколько похожее на князя Луповицкаго). Въ комическомъ же родѣ здѣсь явился недавно новый поэтъ, Венярскій, судя по началу, много обѣщающій. Его комедіи «Уличный мальчишка» (*Ulicznik*) и «Варшавяне и деревенщица» (*Warszawiacy i Hgreczko sieie*) исполнены истиннаго комизма и на сценѣ имѣли успѣхъ.

Лирическая поэзія почти замолкла въ Польшѣ. Только рѣдко появляется въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи стихотвореніе (иногда кантата) Сырокомли, гимнъ Поля, элегія Одынца, импровизація Деотимы; иногда въ Кіевѣ, въ Вильнѣ издается книжка стихотворныхъ опытовъ какого нибудь начинающаго поэта или (чаще) поэтессы, но большую частью тамъ же и остается. Исключение въ прошедшемъ году составили стихотворенія Коротынскаго, встрѣченныя всѣми съ большимъ сочувствіемъ. Этотъ новый поэтъ постъ такую же грустную пѣсню, какъ и всѣ старые.

Вообще поэзія стихотворная въ Польшѣ имѣеть (конечно съ исключеніями) чувствительно-религіозное направленіе. Трогательное, родное (т. е. прежде всего католическое) вотъ эпитеты, которыми сплошь да рядомъ награждаются въ ней произведения даже лучшихъ ея поэтовъ. Дѣйствительно, много есть въ нихъ и трогательного и роднаго, но уже черезъ чурь много: будь менѣе, быльбы лучше. Разнообразіе, какъ вездѣ, не мѣшасть и въ литературѣ, а его-то здѣсь и не хватаетъ. Сатирическое направленіе развито здѣсь весьма мало и, разумѣется, обнаруживается преимущественно въ романахъ; да и то сатира поражаетъ не новые, современные недостатки общественной жизни, а историческіе, уже издавна поражаемые, давно уже избитые. Конечно, если нѣтъ талантовъ въ этомъ родѣ, то нечего и толковать: на нѣть и суда нѣть. Но въ томъ-то и дѣло, что таланты есть; нѣть только требованія, нѣть дѣльной критики. Въ польскихъ газетахъ часто встречаются похвальные или осуждающіе отзывы о новыхъ сочиненіяхъ; въ нихъ же, а иногда и въ «Бібліотекѣ Варшавской», можно найти и рецензіи; но настоящей критики вѣтъ. Есть люди, которые могутъ заниматься и занимались этимъ дѣломъ, напр. Грабовскій, Новосельскій; но теперь они молчатъ или пишутъ очень не много. Есть еще Семенскій, который пишетъ и теперь; но статьи его извѣстны очень немногимъ, потому что журналъ, въ которомъ онѣ печатаются, лучшій изъ двухъ польскихъ журналовъ, расходится въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ.

А между тѣмъ критика здѣсь необходимѣе, чѣмъ гдѣнибудь, если не для писателей, такъ для публики, потому что здѣсь нѣть почти вичего ни по части теоріи, ни по части исторіи словесности. Теорія словесности здѣсь заброшена съ тѣхъ поръ, какъ разбиты формы ложнаго классицизма, и заброшена не только въ литературѣ, но и въ обученіи. Только въ послѣднее время явились два серьёзныя сочиненія, но не по теоріи словесности, а по теоріи изящнаго вообще. Одно изъ нихъ подъ заглавіемъ «Эстетика», принадлежитъ Либелту; другое, «Письма изъ Кракова», Кремеру (оба—вторыя изданія). Какъ то, такъ и другое представляетъ опытъ чисто польской, самобытной теоріи изящнаго; притомъ первое служить введеніемъ въ таковую же философию, въ народную польскую философию.

По части исторіи польской литературы, кромѣ огромнаго, но неполнаго сочиненія Вишневскаго, кромѣ занимательныхъ, но также неполныхъ очерковъ Сырокомли и Мацѣвскаго, есть еще разные, большия и малые, полные и неполные курсы литературы; но во всѣхъ ихъ, не исключая и первыхъ, предметъ разработанъ со стороны библіо-и біо-графической, даже со стороны обще-исторической, но всего меньше съ критико-литературной. Одинъ только Вуйццикій въ своей «Исторіи-хрестоматіи», доведенной до новѣйшаго времени, рѣшился дѣлать отзывы о достоинствахъ или недостаткахъ сочиненій каждого писателя; но это не болѣе, какъ голословные, бездоказательные отзывы о современныхъ писателяхъ, основанные большою частію только на личныхъ воззрѣніяхъ автора и потому не всегда справедливые. Почти единственное завѣчательное исключение составляетъ извѣстное сочиненіе Маврикія Мокнацкаго «О польской литературѣ въ 19-мъ столѣтіи»; говоримъ: почти, потому что можно, пожалуй, сюда же причислить и «Литературу и Критику» Грабовскаго, да и еще кое-что.

Въ прошедшемъ году въ Краковѣ вышло сочиненіе, которое, по заглавію, можно было принять за новый опытъ въ этомъ родѣ. Оно называется: «Петръ Скарга и его время». Но авторъ не сказалъ вичего новаго объ этомъ витіи и его времени, даже сказалъ о главномъ своемъ предметѣ слишкомъ мало, а такъ какъ Скарга былъ іезуитъ, то онъ счелъ за лучшее написать при семъ удобномъ случаѣ апологію іезуитовъ (*). Гораздо дѣльнѣе и важнѣе появившес-

(*) Разборъ этого сочиненія именно въ такомъ смыслѣ, написанный, кажется, ученымъ польскимъ археологомъ Липковскимъ, напечатанъ въ октябрьской книжкѣ «Бібліотеки Варшавской», а отъѣтъ на него въ 253 № краковской газеты «Czas»—обѣ статьи характеристическія. Послѣдняя приписывается первой, и журналу, въ которомъ она напечатана, привинъ подкашиванія, подъ покровомъ и «севдо-либерализма, всякой традиціи, всякой «неродной святыни».

ся наконецъ продолженіе извѣстной «Бібліографическо-исторической картины литературы и наукъ въ Польшѣ», Іохера, составляюще 16-ю и послѣднюю тетрадь третьяго тома. Ею заключается историческо-бібліографическое обозрѣніе духовной литературы. Еще интересные статьи біографическія въ родѣ воспоминаній, начинаящія появляться въ послѣднее время о Мицкевичѣ, а также и о писателяхъ, еще здравствующихъ. Таковы извѣстные уже «Три разговора изъ прошедшаго» (*Trzy Konwersacje z przeszlości*); таковы же «Одесскія воспоминанія» Ковальскаго (въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Бібліотеки Варшавской»): первая статья, о Мицкевичѣ и Пушкинѣ, содержитъ вообще незначительныя извѣстія о томъ, какъ дружно жили Мицкевичъ и Пушкинъ, какова была ихъ наружность, какъ они познакомились въ Петербургѣ и какъ Мицкевичъ имѣлъ свои импровизаціи; — все это вещи, давно уже извѣстныя, хотя въ печати являются чутъ ли не въ первый разъ; въ цѣломъ, въ связи съ другими лицами, онѣ не лишены занимательности, а въ частности для исторіи польской литературы имѣютъ свое значеніе. Такой же домашній интересъ представляетъ «Mozaika kontraktowa», замѣчательная по обилію характеристическихъ извѣстій о польскихъ писателяхъ. Сочиненія Мехержинскаго: «Исторія краинъ юга въ Польшѣ» вышелъ пока только первый томъ.

Исторіей всеобщей литературы занимается въ Краковѣ Л. Семенскій; но до сихъ поръ онъ издалъ тоже только первый томъ своего сочиненія.

Переходимъ къ польской исторіи, которой поляки занимаются съ большимъ усердіемъ, преимущественно предъ всѣми отраслями знанія. Это явленіе продолжается уже издавна и до сихъ поръ все еще имѣть видъ работъ приготовительныхъ,—направленіе, позволяющее надѣяться, что уже недалеко то время, когда мы увидимъ настоящую польскую исторію, вполнѣ соответствующую современному понятію объ исторической наукѣ.

Приготовительныя работы польскихъ историковъ являются или въ видѣ изданія матеріаловъ, источниковъ, или въ формѣ изслѣдований объ отдельныхъ предметахъ польской исторіи. Первые изъ нихъ въ прошедшемъ году не были значительны, и потому нѣтъ надобности ихъ перечислять; довольно будетъ упомянуть, что Августъ Бѣлевскій предпринимаетъ изданіе *Monumenta Poloniae historica* и для этого въ прошлый вакаціи предпринималъ поѣздку въ Познань, Берлинъ, Петербургъ и Москву, для осмотра тамошнихъ бібліотекъ (подробный отчетъ еще не напечатанъ), и что съ другой стороны въ разныхъ семейныхъ архивахъ, въ Италии, открыто много рукописей, относящихся къ польской исторіи (изъ которыхъ

одна, говорятъ, содержитъ много новыхъ, неожиданныхъ извѣстій о Самозванцахъ): въкоторыя изъ нихъ уже приготавляются къ печати въ польскомъ переводѣ.

Что касается до изслѣдователей отдельныхъ событій польской исторіи, то первое мѣсто между ними, не считая ни Лелевеля, — который имѣть совершенно другое значеніе и котораго заслуги уже извѣстны и остаются неизмѣнными, — ни Мацѣевскаго, который болѣе извѣстенъ другими своими трудами, не въ тѣсномъ смыслѣ историческими, — первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежитъ молодому галицкому ученому Шайноху. Въ короткое время своей дѣятельности онъ издалъ два большихъ историческихъ рассказа, «Болеславъ Храбрый» и «Ядвига и Ягело», которые имѣютъ не только ученое, но и литературное достоинство; да кромѣ того, въ своихъ историческихъ этюдахъ, до сихъ поръ издающихъся выпусками (вышло два), и въ статьяхъ, напечатанныхъ въ периодическихъ издаваніяхъ, онъ успѣлъ объяснить по своему, весьма остроумно и правдоподобно, по прежнимъ источникамъ, такие факты, которые давно уже считались объясненными или давно были отвергнуты (напр. бани Болеслава, бороды меченосцевъ). Балинскій, въ Вильнѣ, издаетъ свои «Исторические этюды», отчасти извѣстные уже, отчасти новыя статьи о разныхъ предметахъ и лицахъ (между прочимъ о королевѣ Варварѣ). Бартушевичъ (издатель «Хроники»), обладающій глубокими свѣдѣніями по части польской исторіи, кромѣ критическихъ статей по своему предмету, часто предпринимаетъ разныя изданія въ видахъ распространенія науки въ публикѣ, — разсказываетъ то о «Знаменитыхъ людяхъ польскихъ», то объ «Епископахъ польскихъ», то (теперь) о «Короляхъ польскихъ» и т. п. Кромѣ того, являются и совершенно отдельные изслѣдованія о разныхъ предметахъ. Назовемъ «Исторію Армянъ въ Польшѣ», замѣчательную не по исполненію, а потому, что на конецъ и на нихъ, какъ на Валаховъ — колонистовъ, обращено серьёзное вниманіе.

Изъ вспомогательныхъ наукъ для исторіи польской обрабатывается археологія польская вообще и археологія польского искусства. Въ Вильнѣ существуетъ археологическая комиссія, но до сихъ поръ польская археологія находится тамъ не въ самомъ лучшемъ положеніи, такъ что за прошедшій годъ, кромѣ «Холоднаго оружія вообще и въ Польшѣ», Лэнковскаго, да каталога варшавской археологической выставки, не о чёмъ, кажется, и упомянуть. Особенно въ плохомъ состояніи миѳологія славянская (да и литовская). Новосельскій (псевд. Марцинковскаго) собирается оказать ей свои услуги. Болѣе обработана археологія и исторія польского искусства. Въ

настоящее время есть уже «Словарь польскихъ живодѣствъ», ко-
нечно, далеко не полный, но хорошо и то, что есть; собираются
свѣдѣнія о польскихъ скульпторахъ, музыкантахъ, производятся
изысканія въ польской иконографіи и т. п. Кромѣ того, издаются (и
издавались) рисунки замѣчательнѣйшихъ въ Польшѣ произведеній
скульптуры, архитектуры, живописи, альбомы калинскій, люб-
линскій (и прежде — виленскій); извѣстные «Образцы средневѣко-
ваго искусства въ старинной Польшѣ» Пршеадѣцкаго и Раставец-
каго, изданіе самое разностороннее и весьма замѣчательное даже
по художественности исполненія (въ концѣ 1857 г. вышли послѣд-
нія тетради 2-го выпуска).

Кромѣ историковъ Польши, есть еще здѣсь ученые, постоянно
занимающіеся естественной исторіей, есть свои натуралисты. Тру-
ды ихъ относятся главнымъ образомъ къ Польшѣ, къ ея природѣ
органической и неорганической; съ этой стороны извѣстны они
специалистамъ другихъ странъ и имѣютъ для нихъ свое значеніе.

Польская филология также имѣть постоянныхъ представителей,
и хотя до сихъ поръ, кромѣ словаря Линде, она не можетъ похва-
литься ни однимъ удовлетворительнымъ сочиненіемъ, за то обѣ-
щаєтъ близкіе успѣхи въ будущемъ, начало которыхъ является
уже и теперь въ изданіи «Древнѣйшихъ памятниковъ польского
языка» гр. Дзялынскаго (Познань), въ изданіи въ Варшавѣ
«Опытѣ философіи слова» Кудасевича (дѣйствительно, только
опытъ, не болѣе, и притомъ произведеній, кажется, тѣмъ же
удобнымъ манеромъ, какимъ И. Давыдовъ производилъ свой
опытъ надъ «Общесравнительной грамматикой русского языка»), да
въ новомъ «Ручномъ словарѣ польского языка» (Вильно), который,
по числу, цѣлой $\frac{1}{2}$, словъ богаче словаря Линде (изъ чего впрочемъ
не слѣдуетъ, что и лучше его).

Книги по части политической Экономіи въ Польшѣ выходить
меньше мало. Впрочемъ, въ послѣднее время и въ польской жизни
возникли разные политico-экономические вопросы, которые нахо-
дятъ себѣ отзывъ и въ литературѣ. Съ однимъ изъ такихъ вопро-
совъ, перешедшимъ въ область науки, самымъ важнымъ въ настоя-
щее время, я считаю необходимымъ познакомить теперЬ читателей.

Это — вопросъ о свободѣ труда, поднятый по поводу польскихъ
крестьянъ, — не крѣпостныхъ, а свободныхъ крестьянъ Царства
Польскаго: всѣ они свободны уже съ давняго времени. Онъ сильно
возбужденъ общественнымъ переворотомъ, девять лѣтъ тому па-
задъ начатымъ въ Галиціи, но только недавно приведеннымъ къ
концу. Именно: тамъ въ 1848 году крестьяне были освобождены
отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщикамъ и полу-

чади земли, а помѣщикамъ обѣщано было вознаграждение; индемі-
зация. Въ 1856 г. эта индемізация состоялась. Исчислено было,
на основании согласныхъ показаний обѣихъ сторонъ, годичное ко-
личество крестьянскихъ повинностей (о землѣ не было рѣчи, такъ
какъ земля, воздѣльваемая крестьянами для себя, помѣщикамъ не
принадлежала); найденное такимъ образомъ количество было опре-
длено по кадастровымъ австрійскимъ цѣнамъ и капитализовано
обыкновеннымъ способомъ, на основанія 5%. Но полученная та-
кимъ образомъ сумма (около 75 мил. руб. сер.) выплачена помѣщи-
камъ не вся, а только три-пятыхъ ея части, или немножко больше;
остаточный двѣ пятыхъ части вычтены по разнымъ уважительнымъ
причинамъ. Уплата производится въ облигацияхъ (пятипроцент-
ныхъ, но при всемъ томъ упавшихъ было до 70 за 100), погашеніе
которыхъ состоится (неизвѣстно, по какому плану) изъ слѣдую-
щихъ источниковъ: изъ специального налога на крестьянъ съ тягла,
который даетъ половину нужной для этого суммы; изъ общаго на-
лога на все населеніе Галиціи (именно съ этой цѣлью подати воз-
вышены тамъ на 25%); и наконецъ съ земель, принадлежащихъ
королевству (что доставитъ, впрочемъ, едва 0,02 всего капитала).

Не входя въ дальнѣйшія подробности этого дѣла, довольно буде-
тъ сказать, что оно кончено и главная цѣль достигнута: крестьяне
свободно располагаютъ своимъ трудомъ. Теперь вопросъ въ томъ,
принесло ли это пользу для нихъ и для всей страны? Основываясь
на началахъ политической экономіи, можно впередъ сказать, что
принесло и не могло не принести, если только крестьяне дѣйстви-
тельно трудятся. А такъ какъ для этого у нихъ есть — невысокое,
положимъ, носильное побужденіе — нужда, то, казалось бы, не о чёмъ
тутъ и толковать. Но личные интересы не такъ легко уступаютъ
интересамъ науки, т. е. общимъ интересамъ. Галиційскіе помѣщи-
ки, члены тамошняго Общества Сельскаго Хозяйства, рѣшились за-
щищаться, и такъ какъ дѣло уже сдѣлано и сдѣдовательно нельзя
было возставать противъ принципа свободнаго труда или способа
его примѣненія, то они стали ратовать противъ извѣстій, природ-
ной мужицкой лѣни, придумали или нашли въ подтвержденіе сво-
его взгляда нѣсколько фактовъ, имѣющихъ другія причины, и чуть
было не успѣло ввести въ обычай — принуждать крестьянъ работать
за деньги. Мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ уже сдѣлано
было распоряженіе въ этомъ смыслѣ; но австрійское министерство
Внутреннихъ Дѣлъ заставило его взять это распоряженіе назадъ и
объяснило при этомъ крестьянамъ, что подъ именемъ свободы тру-
да оно разумѣло свободу полную,ничѣмъ не стѣсняемую. Въ на-
стоящее время въ Галиціи цѣны поземельной собственности не па-

даются, напротивъ возвышаются (конечно, и тутъ действуютъ, кроме освобожденія крестьянъ, еще и другія причины).

Въ Царствѣ Польскомъ помѣщики напали на галицкую реформу со стороны способа исполненія (понимая, что нападеніе на самую идею были бы неудобны). Они говорили, что австрійское правительство поступило въ этомъ дѣлѣ весьма неосмотрительно, принявши на себя плату, и не выдавали ее сполна. Если это невозможно, говорили помѣщики, то лучше всего было предоставить устройство крестьянскихъ отношеній добровольному уговору между крестьянами и помѣщиками. Все это говорилось, конечно, въ духѣ благонамѣренности; но нельзя не сказать что будь въ этомъ дѣлѣ принять добровольный договоръ за единственно-справедливое основаніе, то польскіе крестьяне и впрѣль будутъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ теперь, т. е. будутъ имѣть только право переходить отъ одного помѣщика къ другому. Такая свобода существуетъ въ Польшѣ уже 50 лѣтъ, но она ни мало неизмѣнила видъ польскихъ деревень, теперь такъ же грустный, какъ полвѣка тому назадъ.

Извѣстія эти мы почерпнули изъ брошюры гр. Урусскаго «Полемика о крестьянскомъ вопросѣ. Свобода и неволя труда» (Варшава, 1857), въ которой онъ собралъ статьи, явившіяся въ польскихъ газетахъ еще въ 1856 г. по поводу галицкой реформы, напечаталъ свои замѣчанія на нихъ и свои мысли о томъ же предметѣ и въ заключеніе, объявляетъ подпиську на четырехъ-томное свое изданіе подъ заглавіемъ: «Дѣло о крестьянахъ», *Sprawa wloscianska* (первые два тома будутъ содержать въ себѣ обзоръ польскихъ узаконеній о крестьянахъ съ древнѣйшаго до нашего времени, а также положеніе Остзейскаго, Западныхъ губерній, Бессарабскаго, кн. Познанскаго, Галиціи). Убѣжденный въ пользу галицкой реформы для Галиціи и въ необходимости чегонибудь подобнаго для Царства Польскаго, гр. Урусскій предлагаетъ единовременный выкупъ крестьянскихъ земель, посредствомъ крестьянскихъ облигаций, — не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать крестьянъ во что бы то ни стало поземельными владельцами, а съ тѣмъ, чтобы при помощи этого средства воскресить въ крестьянахъ духъ трудолюбія, чтобы развить потребности этого самого многочисленнаго класса народа.»

Общественные вопросы, къ сожалѣнію, рѣдко находятъ отголосокъ въ журналахъ польскихъ. Впрочемъ, тамъ и журналовъ-то немного: всего два, на которые стоитъ обратить вниманіе, да и тѣ распространены въ публикѣ очень мало. О нихъ мы когданибудь поговоримъ впослѣдствіи, а теперь обратимся къ газетамъ Царства Польскаго. Въ Варшавѣ издается пять, но только двѣ изъ нихъ заслужи-

многим вниманием. Это же «Газета Варшавская» (редакторъ Лёшновскій) и «Хроники отечественныхъ и заграничныхъ извѣстий» (редакторъ Бартошевичъ). Что составляетъ и есть самую существенную часть, решить трудно. Конечно, не политическая новость, потому что она въ очевидномъ пренебреженіи (это очевидно изъ того, что почти единственными источниками для нихъ служатъ: «Independance Belge, Stats-Anzeiger и Neue Pr. Zeitung»), но также и не фельстоные романы, потому что кто же ихъ читаетъ? и есть ли возможность ихъ читать?— Остаются ежедѣльные обозрѣнія, рецензіи, статьи о разныхъ современныхъ вопросахъ, да корреспонденція внутренняя и заграничная. Послѣдняя, дѣйствительно, въ обѣихъ газетахъ очень разнообразна, съ тѣмъ различиемъ, что въ «Газетѣ Варшавской» она *можетъ* болѣе общій, а въ «Хроникѣ»—политико-экономической характеръ. Этими собственно и отличаются оба названія издания, да еще тѣмъ, что въ первомъ труду подмѣтить его основное убѣждѣніе (можетъ быть и потому, что редакторъ—человѣкъ пепишуцій), тогда какъ въ послѣднемъ онъ видны съ первого взгляда, не смотря на то, что Бартошевичъ никогда не отказывается, если нужно, печатать статьи, несогласныя съ его убѣждѣніями, или лучше сказать, именно по этому (такъ какъ подобныя статьи всегда печатаются съ комментариями).

Вотъ и все по этой части (*), потому что о «Газетѣ ежедневной обѣ «Еженедѣльникѣ Петербургскомъ», о газетахъ «Познапской», «Львовской», а тѣмъ болѣе—о «Курьерѣ Варшавскомъ», не стоитъ и упоминать.—Не правда ли, очень не много? Дѣйствительно, мало. Это все здѣсь чувствуютъ и стараются вознаградить недостатокъ periodическихъ издаваний сборниковъ.

Первое мѣсто между ними обѣщасть занять «Вилнискій портфель», подъ редакціей Киркора, появленіе которого имѣнно въ такомъ видѣ не трудно было предугадать. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ стихотворенія (Кантату) Сырокомли, Пропевской; разсказъ Плура, отрывки изъ «Дидактики» Трентовскаго, переводъ «Вопросовъ жизни» (Шлягера), Минскъ,—Сырокомли, о сельскихъ обывателяхъ по древнерусскому праву,—Малиновскаго, краткій очеркъ чешской литературы,—Риттерсберга, письмо профессора Праги. Одно это перечисленіе статей можетъ дать некоторое представление обуирующемъ характерѣ «Портфеля», а впрочемъ—подождемъ, увидимъ.

(*) Есть еще здѣсь специальные изданія: «Природа и промышленность въ Познаніи, а въ Варшавѣ: «Музикальное движение», для артистовъ и любителей музыки; «Истории отечественного сельского хозяйства» для сельскихъ хозяевъ; «Нравственно-религиозные записки» для духовенства; «Модный Журналъ для портныхъ».

Другое замечательное, хотя тоже временное, издание праходило подъ названием «Вѣнецъ» (Wipper), сборникъ разныхъ статей, издававшійся въ пользу наставника Станислава Яховича его учениками и помощниками. Въ составъ его входили сочиненія всѣхъ даровитыхъ и знаточестныхъ юношъ совершающихъ пленебѣстнаго польскаго писательства, разумѣется, болѣею частію въ короткихъ отрывкахъ; но здѣсь важно не столько литературное, сколько дѣятельство (которое у нихъ, впрочемъ, есть), сколько чувство, руководившее писателями. Читатели тоже не заставали себѣ ждать. Въ настоящее время «Вѣнецъ» имѣть до 800 исполнителейъ; поѣдѣшику, это много. Только самъ Яховичъ не дождался результатовъ предпринятаго въ его пользу изданія: онъ недавно умеръ.

За сборниками идутъ иллюстрированные изданія: «Книга міра», изд. Мерцбаха, въ родѣ Живописного Сборника Августа Семена; «Эскизы и Картины», сатирическое изданіе во вкусѣ французскомъ; «Польские короли» съ текстомъ Бартоневича; «Несколько галлерей» различновидовыхъ портретовъ, съ текстомъ Котубаса.

Все это изданія, существующія приносить пользу публикѣ; но есть въ Польшѣ и изданія роскошные, дорогія, хотя и къ-то и нельзя было ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ многаго необходимаго и ничего дешеваго; а впрочемъ, если они есть въ Англіи, то отчего же имъ не быть и въ Польшѣ? Чѣмъ Польша хуже Англіи?.. сюда примадлежатъ вѣкоторыя изданія Вольфа въ Петербургѣ, а въ Варшавѣ издавно изданій Фалансомъ альбомъ: «Цвѣты и вѣсна (Kwiaty a roeszus),—пѣсколько отличнѣо сдѣланыхъ, и притомъ отечественныхъ, (Krajowych) цвѣтковъ съ соответственнымъ чилемъ коротенькихъ стихотвореній. Въ томъ же родѣ Фалансъ издає и «Польскія деревья».

Стоитъ еще упомянуть о календаряхъ, издаваемыхъ къ концу года почти всѣми книгопродающими, потому что между ними есть «Календарь Варшавской астрономической обсерваторіи», въ которому находится много интересныхъ и важныхъ статистическихъ изысканий о Польшѣ (въ настоящемъ году, о движении народонаселенія въ Польшѣ съ 1816 г. до настоящаго времени,—статья, между прочимъ, показывающая, что за 4,696,919 жителей страны приходится 571,421 жидъ и 264,438 немцевъ, и что еврейское населеніе удвоется въ 28 лѣтъ, тогда какъ другія вѣроксповѣданія требуютъ для этого 70 лѣтъ.)

Намъ остается сказать о книгахъ и изданіяхъ для дѣтей. О руководствахъ мы говорить не будемъ, — они болѣею частію остаются старыя (иногда даже очень старыя, напр. обязательное руководство—Исторія Кайданова въ польскомъ переводе), и только поль-

аріа грамматики продолжаютъ писать все новые, но засыпь проявлять родъ. Я хочу сказать объ изданикъ для дѣтскаго чтенія, издаваемыхъ заѣсь подъ заглавіемъ «Развлеченій для малолѣтнаго возраста», «Пріятныхъ и полезныхъ увеселеній» и пр. Трудится на этомъ поприщѣ преимущественно женщины (Северина Прушакъ, Стигельская, Земецкая и др., а прежде и Яковичъ), главная цѣль которыхъ сдѣлать для дѣтей то, чего не дѣлаютъ для нихъ общественные училища. Въ общественномъ обученіи здѣсь преобладаетъ реальное направление (съ первыкъ классовъ) и очень мало элемента народнаго (нѣть, напр., изученія своей страны, (*) ни своей истории); женщины стараются оживить эту гуманность посредствомъ нравственныхъ повѣстей и внушить дѣтямъ любовь къ своей странѣ и исторіи посредствомъ описаний историческихъ разсказовъ. Такимъ образомъ они приносятъ существенную помощь ученикамъ въ дѣлѣ общественного образования.

«Воскресное чтеніе» (*Czytelnia niedzielna*), издаваемое въ Варшавѣ для высшихъ классовъ народа г-жею Петровою, мы также отоснимъ къ дѣтскимъ изданіямъ; но объ немъ когда нибудь послѣ, а теперь спѣшимъ дополнить сдѣланый нами пропускъ — сказать, что нужно, объ отрывкахъ изъ «Дидактики» Трентовскаго. Этотъ учитель, извѣстный своими попытками къ созданию народнойпольской педагогики и нововведеніями въ языке (свою педагогику онъ назвалъ Хованна), теперь неожиданно изумилъ всѣхъ, заявивъ его, выступивши въ «Дидактике» съ такими мнѣніями, которыя не приличны были бы въ Польшѣ даже во время полнаго господства въ ней магнатовъ. По его учению, цѣль нашего существования на землѣ — семейство, частнѣ — возвышеніе своего рода. Средства для этого — богатство, просвещеніе и власть, «благословенія небесныя». Вотъ въ какомъ видѣ представляется онъ семейство, достигшее цѣли, вотъ его заманчивый рай земной: «такія семейства, живущая сладкіе плоды своего любленія (w zlodkim owocu miłowań swego), живутъ во дворцахъ столь очаровательныхъ и отрадныхъ, какъ будто они добыты изъ «Тысячи и одной ночи». Европа, Азія, Африка, Америка, со всѣми своими землями, по ихъ мановенію, доставляютъ имъ самые драгоценныя свои произведения» и. т. д. Или вотъ его рыцарскій взглядъ на ожиданіе вѣчнаго мира: «Только извѣщаніе, преданный ремеслу, торговлѣ, промышленности, живущій ради денегъ, не любитъ бурь и войнъ, этого общаго страданія, облагороживающаго народы и любимаго рыцарскій дворянинъ».

(*) Иногда не худшій учебникъ 3-го класса скажетъ, что Галиція въ Азії.

сторонъ; и все толкуетъ о вѣчномъ шарѣ, какъ обусловленіи человѣчества.»

Вотъ и весь замѣчательнѣйшій явленіе польской литературы за прошлый годъ. Какъ видите; нѣтъ ни одного новаго капитальнаго сочиненія и даже вообще: не много новыхъ дѣльныхъ сочиненій. Это, можетъ быть, отчасти потому, что прошлый годъ богатъ новыми изданіями, въ числѣ которыхъ есть два самыхъ замѣчательныхъ. Мы говоримъ объ изданіи сочиненій Мицкевича, въ Варшавѣ, и Лелевеля, въ Познаніи.

Сочиненія Мицкевича издаются книгопродавцемъ Мерцбахомъ въ 8 томахъ т. in-8, въ 10 тыс. экземпляровъ, цѣна одного экземпляра съ портретомъ поэта—10 р., а на лучшей бумагѣ, съ портретомъ и нѣсколькоими рисунками—15 р. с. За право изданія заплачено дѣтамъ поэта 36 т. франковъ. Все это не мѣшаетъ знать потому, что настоящее изданіе Высочайше разрѣшено именно въ пользу дѣтей поэта, которыя, кромѣ сочиненій资料 его отца, ничего не имѣютъ; кажется, тутъ ужъ не должно бы имѣть мѣста барышничество. Первый томъ сочиненій Мицкевича уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ: предисловіе; о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ; примѣчанія; баллады и романсы; сонеты; крымскіе советы и разныя стихотворенія. Второй томъ долженъ выйти въ неиздолжительномъ времени и будетъ состоять изъ поэмъ: «Конрадъ Валленродъ» и «Гражина» и мелкихъ стихотвореній. «Панъ Тадеушъ» будетъ напечатанъ съ неизвѣстными до сихъ поръ варіантами, найденными въ бумагахъ поэта.

Сочиненія Лелевеля издаются книгопродавцемъ Жупанскій, въ 7 томахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Польша и ея исторія и дѣла, рассматриваемыя I. Лелевелемъ» (Polska, dzieje i rzeczy jej, gogratchywane przez J. Lelewela). Содержаніе: 1-й томъ,—первые десять столѣтій или хронологія Польши; писатели о Польшѣ; картина Польши; географія; культура страны (въ первый разъ); алфавитный списокъ библіографіи польской; 2-й т.—исторія Польши въ рассказахъ для внуковъ; 3-й т.—замѣчанія о Польшѣ; 4-й т.—званія, должности, гербы, поединки, надгробные памятники польскихъ королей, пчеловодство, борти. 5-й т.—царствованіе Станислава Августа; 6-й т. Польша возраждающаяся; 7-й — исторія Литвы и Руси и мелкая етажи.—Томы 3-й и 4-й уже вышли.

Такимъ образомъ почти въ одно время издаются здѣсь сочиненія двухъ писателей, — одного уже умершаго, другаго — старика, въ Брюсселе доживающаго свой вѣкъ.

Народомъ и некоторыя другія новыя изданія или полныя собрания сочиненій польскихъ авторовъ. Сюда принадлежитъ огромное предпріятіе изданія сочиненій лучшихъ старинныхъ польскихъ писателей во всѣхъ родахъ, впрочемъ пока не имѣющее успѣха; новое изданіе сочиненій Юлія Славацкаго, автора «Балладины» и «Лильи Венеды», который также въ свое время стремился къ народности въ драмѣ, но дошелъ только до псевдо-шекспризма; новое изданіе «Словаря Линде»; изданіе романовъ Крашевскаго; полное собрание сочиненій Поля; продолжающееся изданіе драматическихъ сочиненій О. Корженевскаго и пр. Издателямъ было что печатать, авторамъ было чѣмъ заниматься, и такимъ образомъ новыхъ сочиненій явилось въ прошедшемъ году меньше, чѣмъ бы слѣдовало ожидать.

Не излишнимъ будетъ упомянуть еще о переводахъ, не для того, чтобы сказать, какъ переводятъ, а чтобы видѣть, что переводить: выборъ сочиненій для перевода всегда служитъ вѣрнымъ мериломъ литературнаго развитія народа. И такъ, Вольфъ издаетъ стихотворенія лорда Байрона (разныхъ переводчиковъ); очень часто являются переводы (и не въ первый разъ) изъ Шекспира, изъ греческихъ трагиковъ; Аполлонъ Корженевскій перевелъ или, какъ онъ выражается, сказалъ по польски «Чаттертона», А. де-Винни; переведенъ и извѣстный «Равенскій боецъ». Романы также переводятся; существуетъ для этого особое изданіе Натаансона: «Выборъ переводовъ изъ образцовыхъ иностраннѣй писателей» содержащій въ себѣ переводы съ англійскаго, француэскаго, итальянскаго, нѣмецкаго, шведскаго, даже съ венгерскаго, но только не съ русскаго. Начинаютъ появляться переводы изъ Беранже, но нѣть, и кажется долго не будетъ, изъ Гейне. Въ прошедшемъ году конченъ переводъ «Всеобщей исторіи» Каупту; приготовляется къ изданію въ Петербургѣ «Исторія завоеванія Англіи Норманнами»; тамъ же издаются «Польскіе историки» (*Dziejopisowe kwajowі*) въ переводѣ съ латинскаго (въ прошедшемъ году изданъ Гейденштейнъ). Въ Вильвъ выходить выпусками «Библіотека путешествій и живописно-историческихъ описаній разныхъ странъ». Въ Островѣ Брониковскій переводитъ Платона, въ Варшавѣ издается «Коранъ Магомета». Кроме того, переводятся популярныя астрономіи, разныя математическія, технологическія, агрономическія сочиненія. Тутъ ужъ, разумѣется, не можетъ дѣло обойтись и безъ чисто-книжныхъ спекуляцій; но этихъ спекуляцій едвали не всего больше въ отдѣлѣ духовной литературы, потому что здѣсь слишкомъ ужъ иного (сравнительно) является оригиналныхъ и особенно переводныхъ сочиненій. Но объ нихъ мы ничего не скажемъ.

Всюдомъ ученая польская литература (съ немногими исключениеми) идетъ по хорошему пути и будетъ по немъ идти: поройейшъ будущее служить ея прошедшее и настоящее, да еще ученыя общества и учрежденія, существующія въ нѣсколькихъ мѣстахъ (университетъ и ученое общество въ Краковѣ, «Народное учрежденіе имени Оссолинскихъ» во Львовѣ, ученое общество въ Познани).

Въ послѣдующій разъ мы подробнѣе поговоримъ о нѣкоторыхъ изъ названныхъ уже здѣсь произведеній и будемъ говорить о замѣчательнѣшихъ новыхъ, по мѣрѣ ихъ появленія.

А. И - ковскій.

О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО ВЫТА.

Возлюбилъ еси правду и возз-
ванилъ еси беззаконіе: сего ра-
ди помаза тя Богъ твой. (Мала.
XLV, стих. 8.)

Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величию и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ. Царствованія Петра III и Екатерины II, Александра I и Николая I, были ознаменованы многими благодѣтельными для государства дѣлами чрезвычайной важности: жалованная грамота дворянству, устройство областного управления, организация центрального правительства учрежденіемъ министерствъ и государственного совета, издание Свода Законовъ, — каждый изъ этихъ правительственныйыхъ актовъ былъ великимъ шагомъ впередъ и принесъ неисчислимый блага государству. Но все они далеко не имѣютъ такого всемирно-исторического значенія, какое принадлежитъ дѣлу уничтоженія крѣпостного состоянія въ Россіи, начатому рескриптами, названными выше. То были мѣры, безъ сомнѣнія, могущественнымъ образомъ улучшившія нашу государственную жизнь, но все таки, каждая изъ нихъ касалась только отдельной вѣтви ея: корень, изъ которого возникли почти все наши бѣдствія и недостатки, остался нетронутымъ. Крѣпостныя правомъ парализовались.

всѣ заботы правительства, всѣ усиїа частныхъ людей на благо Россіи. Ни правильный ходъ администраціи, ни вѣрное отправлѣніе правосудія не были возможны при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ положеніе болѣшой части отношеній по имуществу не было сообразно съ принципами разумности и права, при которомъ сословіе, имѣющее своими сочиненіями почти всѣхъ лицъ, руководящихъ исполненіемъ законовъ, находилось въ условіяхъ быта, рѣшительнѣйшимъ образомъ нарушавшихъ всякую идею справедливости, при которомъ другое сословіе, составляющее почти половину населенія въ Европейской Россіи стояло (по выражению, не намъ принадлежащему) виѣ закона. Не могли приносить при такомъ положеніи дѣль никакія правительственные мѣры надлежавшихъ плодовъ, не могла даже дѣйствовать сколько нибудь правильнымъ образомъ государственная организація. Могло ли, напримѣръ, учредиться правосудіе въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ значительнѣйшіе и вліятельнѣйшіе жители каждой области съ одной стороны опредѣляли важнѣйшую часть своего гражданскаго быта, свои доходы и свою власть надъ сотнями и тысячами людей, руководясь единственно произволомъ,—съ другой стороны сознавали, что строгое исполненіе закона областною администрациєю и вниманіе судебныхъ властей къ жалобамъ на нарушеніе закона, было бы и стѣснительно, и убыточно, и даже, по господствовавшему на此刻 ложному понятію, обидно почти для каждого изъ нихъ, вліятельныхъ жителей области. Они должны были на все, чтò дѣлалось вокругъ нихъ, смотрѣть сквозь пальцы, потому что ихъ собственныя дѣйствія нуждались въ подобной же противозаконной синкодительности. Страгая честность администраціи, неукоснительное правосудіе, во всѣхъ стравахъ поддерживается сочувствіемъ и содѣйствіемъ людей, владѣющихъ значительной недвижимою собственностью, потому что они болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы строгимъ охраненіемъ порядка. У насъ было напротивъ. Ненормальное положеніе землевладѣльца относительно людей, населяющихъ его землю, нуждалось въ томъ, чтобы и всѣ другія отрасли областной жизни находились въ такомъ же ненормальномъ, безпорядочномъ состояніи. Возьмемъ одну только отрасль этихъ послѣдствій крѣпостнаго права,—состояніе судебной областной власти и Земской полиціи. Всѣ, въ томъ числѣ и дворяне, жалуются изъ неправильности хода дѣйствій поэтимъ частямъ общественной жизни. Повидимому, совершенно отъ дворянъ зависѣло бы отстранить эти исправильности, потому что большинство членовъ (и въ томъ числѣ прелѣздатели) въ уѣздахъ и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ и исправники, руководящіе уѣздною полицією, избираются помѣщиками. Но эти чиновники и суды из-

отираются съ тѣмъ; конечно болталивымы, усмѣхаемъ, чтобы не вспоминалось въ сельской бытъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ по шоу обходимости создается положеніе неразумное: если бы избранный чиновникъ вздумалъ строго исполнять обязанности, възлагаемыя на него закономъ и чувствомъ правды, онъ возвратился бы противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ его выборъ и въ зависимости отъ которыхъ находится онъ постоянно, во все отправление своей должности; стало быть идти въ эти мѣста и удерживаться на нихъ только исполнениемъ и часто прямымъ нарушениемъ законныхъ обязанностей. Таково положеніе избраннаго. Избиратели же, сами выводя его на путь, идущій мимо закона и часто въ противность закону, не могутъ подвергать его серьезному отчету за то, что онъ дѣйствуетъ самопроизвольно: только этою произволюють, по которой онъ постоянно нарушаетъ законъ, когда тѣ считаешь удобнымъ, для себя и сохраняется непрѣ основенность ихъ собственного сельского быта. Всѣ неудовольствія съ ихъ стороны на чиновника — мимолетныя слова, лишенныя возможности примѣниться къ дѣлу: правда, каждому горько бываетъ въ ту минуту, какъ чиновникъ, по своему произволу, беретъ съ него взятку или оказываетъ ему противозаконное притѣсненіе; но если отнять у чиновника произволъ, по гораздо многочисленнѣйшимъ и по гораздо важнѣйшимъ дѣламъ помѣщикъ потерпѣлъ бы невыгоду; случайное обстоятельство или временное раздраженіе заставляютъ иногда землевладѣльца скорбѣть о нарушеніи закона, но постоянный интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы законъ не былъ исполненъ. Потворство избранному для того, чтобы самому пользоваться потворствомъ отъ него, — вотъ глубочайшее и инстинктивное стремленіе огромнаго большинства избирателей. Это стремленіе не зависитъ естъ сознательнаго или безсознательнаго желанія: оно влагается въ натуру ненормальностію отношеній, доселе существовавшихъ въ сельскомъ бытѣ; оно управляетъ дѣйствіями человѣка независимо отъ словъ, независимо отъ его образа мыслей. Тотъ, чьи домашнія дѣла не могутъ выдерживать контроля, инстинктивно соглашается на всякия уступки, лишь бы избѣжать контроля. Независимъ и твердымъ образомъ можетъ дѣйствовать въ гражданскомъ быту одинъ лишь тотъ, кто чувствуетъ себя совершенно чистымъ и по закону и по совѣсти въ своемъ быту.

При существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ находился въ такомъ отношеніи къ правосудію и администраціи, которое подобно отношенію къ немъ человѣка, имѣющаго два процесса: одинъ на очень значительную сумму, по которому законъ противъ него,

другой на маловажную сумму, но потерпевшую злону до него; члены суда, члены администрации будут жалеть этого человека? Конечно, и смильть и выгода заставят бы его желать по поводу малочестивого процесса, чтобы судъ быль сираведливъ; администрация честна и чѣрка; тогда она выиграла бы свой маловажный процесс, и прокурору суда взысканіе было бы скоро и точно совершено въ его пользу администрацией. Безъ сомнѣнія, это было бы ему приятно; но каковъ быль бы результатъ справедливости въ судѣ, вѣрности въ администраціи для его большой тѣжбы? Эта тѣжба была бы проиграна и взысканіе по ней быстро и неукоснительно было бы произведено съ него. Пускай же будуть продажные администраторы,—также иль проложность дастъ ему средства уклониться отъ платежа, если судъ будетъ сираведливъ, или доставить суду полномочныя свѣдѣнія, по которымъ дѣло рѣшилось бы въ его пользу; пускай же будутъ подкупные судьи,—только ихъ продажность можетъ решить тѣжу для него важнѣйшую въ его пользу. Разумѣется теперь, человѣкъ можетъ досадовать на продажность и неправду, по которой проигресть онъ свое маловажное правое дѣло, но никакъ не захотеть ехъ изгнать изъ суда и администраціи неправду, которая одна влесна ему по его большому процессу.

Мы коснулись только одного изъ безчисленнаго множества посвѣствий, исчинявшихъ отъ крѣпостнаго права. Какую бы отрасль общественной жизни ни вздѣли бы мы, въ каждой оказываются точно такія же дѣйствія этого коревнаго зла, какъ въ областномъ судопроизводствѣ и управлениі. Напримѣръ, что можетъ быть ближе къ сердцу людей, пользующихся и досугомъ и избыткомъ, нежели же хотѣлъ дать своимъ дѣтямъ образование? — но и въ этомъ случаѣ человѣкъ, богатство которого основано на крѣпостномъ правѣ, не имѣть ни надобности, ни охоты поступать такъ, какъ поступалъ бы онъ, если бы не связанъ быль ненормальными условіями своего быта. Изъ двухъ сторонъ, по которымъ образованіе составляетъ предметъ человѣческихъ желаній, ни та, ни другая не имѣютъ при крѣпостномъ правѣ того интереса, какой дается имъ всякими другими отношениями: практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное помѣщество, а идеальная привлекательность просвѣщенія далеко уступаетъ въ его мнѣніи опасностямъ и испрѣпѣностямъ, возникающимъ для него отъ науки. Справедливость, уваженіе къ достоинству человѣка—это идея, не примиримая съ крѣпостнымъ правомъ, а наука винушаетъ ихъ своему воспитаннику. Въ человѣкѣ просвѣщеніемъ доходы и власть, простирающіе изъ крѣпостнаго права, найдутъ юризателя; такой человѣкъ едва ли будетъ способенъ извлечь

иначе никакихъ крѣпостныхъ подданныхъ чиній выходятъ, иначе чинъ, именуемъ голову не приходило, что оттѣ быть дурецъ. Лучше же не приготовлять себѣ въ сыновъ нарицателя, быть можетъ, противника; лучше не лишать этого сына способности пользоваться всѣми выездами наслѣдства. Но говорить, будто обравованіе наебоди и для хорошаго устройства житейскаго дѣла, будто чиновникъ со спорванной головою не уիзвѣсть отирывать источникъ для увеличенія своихъ доходовъ? Такъ, если эти доходы зависятъ отъ сообразительности и предпринимчивости; но при крѣпостномъ правѣ все не такъ. Увеличивать господскую запашку или обрѣкъ—это и весь секретъ къ увеличенію доходовъ; тутъ не нужно никакихъ соображеній, не нужно даже никакихъ разсчетовъ: по хуже первого мудреца въ мірѣ, круглый неевѣда съущѣсть сказать своему управляемому или старостѣ: «Я хочу вѣдь виѣсто 10 тысячъ ꙗ; потому приказываю захватывать тяглу на моихъ поддѣль виѣсто двадцать десантъ, по три, или платить виѣсто 20 рублей по 30»; этимъ словами оканчивается все дѣло при крѣпостномъ правѣ: скажите же, скъ чену тутъ хлонотеть о развитіи головы?

Моли таково вліяніе крѣпостнаго права на учрежденія, уже существующія, на потребности, уже пробудившіяся въ обществѣ, то легко заключить, до какой степени затрудняется иль всякое нововведеніе, къ которому желаетъ приступить правительство для увеличенія государственного могущества или благосостоянія. Укажемъ хотя на одинъ частный случай. Постепенное пониженіе нашего террира показываетъ, что правительство желаетъ избавить народную жизнь отъ громадныхъ потерь, приносимыхъ крайнимъ развитіемъ протекционной системы. Скажите же, легко ли объяснить огромность этихъ потерь людейъ, которые основываются фабрики и заводы на основанії обязательнаго труда, чуждаго и противнаго великому здравому разсчету? Какимъ образомъ, напримѣръ, убѣдить въ невыгодности свеклосахарного производства такого заводчика, который или самъ не знаетъ, во сколько обходится трудъ, употребляемый на его заводѣ, или говоритъ: «инѣ некуда дѣвать руки; я построилъ заводъ потому, что иначе не зналъ бы, какъ извлечь изъ нихъ хоть какую символу прибыль.» Это частный случай, маловажный въ сравненіи со многими другими. Вообще, правильное распределеніе государственныхъ налоговъ и повинностей невозможно при крѣпостномъ правѣ; оно дѣлаетъ большую часть населенной территории государства какой-то привилегированной землей, черезъ это до излишества обременяетъ налогами другую, меньшую, часть и значительно уменьшаетъ государственные доходы. Раціональный бюджетъ невозможенъ при крѣпостномъ правѣ: этимъ однѣмъ дается уже до-

староческое название французской промышленности на земле не было никакого отрасли государственной жизни, почему что разумная финансовая система составляла первое условие всего государственного благоустройства.

Духъ сословий, имѣющаго главное участіе въ государственномъ изѣмѣ, организация войска, администрація, судопрѣзволѣтіе, пра-
восъщіеніе, финансовая система, чувство уваженія къ закону, народное трудолюбіе и бережливость, — всѣ это сильнейшій образомъ стра-
даетъ отъ крѣпостнаго права, все искается имъ въ настоящемъ и сильнейшее препятствіе въ немъ встрѣчается каждымъ нововведе-
ніемъ, каждымъ улучшеніемъ для будущаго. Многе говорили мы о нашихъ недостаткахъ и множествѣ всевозможныхъ недостатковъ находили въ себѣ, но общій, главный источникъ всѣхъ — крѣпостное право; съ уничтоженіемъ этого основного зла нашей жизни, каждое другое зло едва ли потеряетъ девять десятыхъ своей силы. Поэтому-то дѣло, начатое реформами 20 ноября, 5 и 24 декабря, предстаиваетъ столь великимъ, что по сравненію съ нимъ мало-
важны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершенные со временемъ Петра. Съ царствованія Александра II начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованія Петра. Исторія Россіи съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со временемъ Петра отъ прежнихъ временъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ на столь же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блестательнѣе и счастливѣе прежней, на сколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII сто-
лѣтія въ Россіи.

Блистательные подвиги временъ Петра Великаго и колоссаль-
ная личность самого Петра покоряютъ чаше воображеніе; неосно-
римо громадно и существенное величіе совершенного имъ дѣла. Мы же знаемъ, какихъ вышшихъ событий свидѣтелями поставить чашь будущности. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостнаго права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшего въ мірѣ.

Благословеніе, обѣщающее миротворцамъ и кроткимъ, увѣличи-
вается Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣличить еще никто изъ государей Европы — счастіемъ одному начать и совершить
освобожденіе своихъ подданныхъ. Длинный рядъ великихъ мо-
нарховъ во Франціи со временемъ Людовика Святаго стремился къ дѣлу освобожденія французскихъ поселенъ, и ни у кого изъ нихъ не достало силы совершить это дѣло. Благороднѣйшій человѣкъ свое-
го времени, Іосифъ II Австрійскій также успѣлъ сдѣлать только пер-
вый шагъ къ освобожденію своихъ подданныхъ. Счастливѣе фран-

«**Честный король и величайшего честотою своих пановъ и подданныхъ императоръ Австрійскаго были короли Пруссіи: благословленіе судьбы иѣхъ юношескому правлѣнію Иоганнъ Иоакимъ совершилъ это благодѣяніе; но слава его раздѣляется между двумя монархами: Фридриху II принадлежитъ часть многогодичнаго законодательства царя, вънѣцомъ которыхъ было окончательное уничтоженіе феодальнаго отнѣшненія при Фридрихѣ Вильгельмѣ III. Въ русской исторіи, всѣ эти славы будуть сосредоточиваться на едной главѣ Александра II: его раскрытыи и полагають теперь начало величайшему изъ ишутреннихъ преобразованій, и опредѣляютъ постепенный ходъ этого преобразованія до самого конца.**

Изъ безчисленныхъ благихъ послѣдствій уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, мы теперь хотимъ разсмотрѣть краткимъ образомъ только одну экономическую сторону дѣла, оставляя до будущихъ статей разсмотрѣніе его въ историческомъ, юридическомъ, административномъ и государственномъ отношеніяхъ. Даже и экономическую сторону его мы не беремся изложить во всей ее полнотѣ; мы посвѣмъ только въ некоторыхъ изъ вопросовъ, ею возбуждаемыхъ, измѣненіяхъ, которые подвергаются въ общестѣ многоразличныи толкамъ и решеніе которыхъ въ пользу освобожденія объясняется сомнительнымъ отъ иныхъ людей, но странному заблужданію воображающихъ, что ихъ выгоды соединены съ сохраненіемъ крѣпостнаго права.

Прежде всего должны мы говорить здѣсь о чѣмъ, будто въ настоящей степени развитія русской жизни сохраненіе крѣпостнаго права могло бы быть выгоднымъ для сельскаго хозяйства, будто бы сть уничтоженіемъ обязательнаго труда должно уменьшиться количество пахотныхъ полей. Не удивительно было бы слышать подобные слова отъ людей, думающихъ, что земной шаръ стоитъ наезднико, а солнце обращается вокругъ него, или полагающихъ, что мы съ геоподѣтующими у насъ крѣпостными правомъ; богачевѣть другихъ европейцевъ; но изумительно то, что къ стыду науки встречаются люди, которые, по видимому, знакомы съ политической экономіею, а между тѣмъ имѣютъ рѣшимость говорить о пользѣ крѣпостнаго права для земледѣлія. Между ними особеннымъ авторитетомъ пользуется Тенгборгскій. Мы не знаемъ, действительно ли думалъ онъ о крѣпостномъ правѣ такъ какъ писалъ; мы знаемъ только, что при изданіи его книги въ русскомъ переводеъ, переводчикъ къ сожалѣнію не разсудилъ, что честь науки требовавша выбросить дурныя страницы, написанныя Тенгборгскимъ обѣ этомъ предметѣ, если нельзѧ было прибавить къ нимъ примѣча-

и, говоряши о землевладении поземелья, выражаясь
самими авторами сего.

«Многие пространственные и отраслевые видимости, говорить Тенгборский, приписывают почки исключительно нашей селецкой крестьянской приватной собственности въ обработкѣ, какъ той земли, которую пашеть она на помѣщика, такъ и той, которую пашеть она на себя, и эту власъдѣю, говорить они, не считають ею свою собственностью. Прежде всего мы должны заметить здесь, что вообще ошибочно представлять себѣ мысль русского мужика о крѣпостномъ состояніи и соединеніи съ нимъ зависимости, и что крѣпостной крестьянинъ вовсе не таъ раздѣлъ къ данной ему землѣ, какъ предполагаютъ. Каждый, физико-экономій нашихъ крестьянъ, имѣть довольно случаевъ убѣдиться, что они считаютъ санихъ себя принадлежащими сюзѣмъ господамъ, но что въ то же время каждый изъ нихъ считаетъ ту землю, которую пашеть на себя, свою собственностью, или скорѣе частную собственности своей общины, частью, вымытой ему изъ его правъ на такой участокъ, и что следовательно она не можетъ быть раздѣлена къ этой землѣ. Если, несмотря на то, русский крестьянинъ често очень нерадко обрабатываетъ свое поле, это надобно приписать еще другимъ причинамъ, о которыхъ мы еще будемъ иныхъ слушать говорить^(*)). Крѣпостное право, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и должно имѣть неблагопріятное влияніе на земледѣліе, потому что обезвѣчный трудъ всегда менѣе производителенъ, нежели свободный (не съ тозки зряня выгодъ земѣльца, потому что есть случаи, чьи каторжанъ при замѣтѣ обязательного труда наемнымъ не вознаграждалось бы для собственника происходящее отъ такой замѣты увеличеніе издержекъ производства), но съ общей точки зрения на производительность труда въ созданіи цѣлостей; потому что обязательный трудъ исполняется всегда болѣе или менѣе небрежно, отчего происходит потеря времени и производительныкъ силъ, и стало быть, уронъ въ національномъ хозяйстве. Несомнѣмо также что крѣпостная новизна, когда она слишкомъ обременительны, часто отнимаютъ у крѣпостного мужика средства ходо-
—

(*) Эти причины, по мнѣнію Тенгборского, общинное владѣніе и наклонность къ бродячей жизни.—О первомъ можно еще думать такъ иначе, хотя и тутъ Тенгборский, по нашему мнѣнію, сильно ошибся. Но какое нѣкогда въ экономистѣ толковать о наименовании къ бродячей жизни, будто рѣдко идетъ о какихъ-то поэтическихъ бедунахъ, а не о прозаическомъ русскомъ мужикѣ, у которого есть поговорка: «оть добра, лобра не ишуть», есть также поговорка «на одному мѣстѣ и камень покомъ обрастаетъ», и который потому съ незапамятныхъ временъ сидитъ всѣмъ своимъ родомъ на одномъ мѣстѣ, если можно корыститься, не уходя съ мѣста.

тывать свою землю; во вміннії этой причины за состояніе нашего земледѣлія не такъ громадно, какъ вообще думаютъ. Чтобы судить о степени вліянія крѣпостного права на ваше сельское хозяйство, надобно сначала привѣтъ въ соображеніе числительное отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ свободнымъ сельскимъ сословіямъ.»

Затѣмъ Тенгборгскій ванишаетъ вычлененіе, результатомъ ко-котораго оказываются слѣдующія цифры:

	Число душъ муж. пола.
Крѣпостныхъ крестьянъ разныхъ наименованій. .	11,683,290.
Свободныхъ сельскихъ сословій	11,687,500.

Изъ этой таблицы Тенгборгскій дѣлаетъ такое заключеніе:

«Сравнивалъ эти два итога, мы видимъ, что число крестьянъ, подверженныхъ обязательному труду, равно числу крестьянъ, свободно располагающихъ своимъ трудомъ, и если принять въ разсчетъ, что у многихъ помѣщиковъ баршина затѣнена оброкомъ, то можно принять, что болѣе двухъ третей производительной земли воздѣльивается не по системѣ обязательного труда. И такъ, онъ не можетъ имѣть на состояніе нашего земледѣлія такого общаго вліянія, какъ думаютъ.

«Какъ ни велики съ общей агрономической точки зреінія невыгоды обязательного труда, но въ настоящее время для значительной части Россіи онъ еще составляетъ необходимость нашего земледѣльческаго состоянія, потому что: 1) масса свободныхъ капи-ловъ, которые надлежало бы обратить на земледѣліе для заведенія рациональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ, не соответствуетъ безимѣрной обширности воздѣльываемыхъ земель; 2) во многихъ областяхъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не дала бы ренты, достаточной для покрытия издержекъ производства; 3) въ провинціяхъ, бѣдныхъ торговою промышленностію, имѣющихъ мало денегъ въ оборотѣ, мужику гораздо удобнѣе отправлять свою повинность трудомъ, нежели платить какую нибудь ренту наличными деньгами. По этому иногда поселяне, находящіеся на оброкѣ, менѣе замѣтны, нежели ихъ сосѣди, отправляющіе барщину и случается даже, что съ оброка они охотно возвращаются къ барщинѣ. Это замѣтилъ и Гакстгаузенъ при проѣздѣ черезъ Сибирскую губернію. Часто также замѣчаютъ, что мужики, переведенные съ барщинъ на оброкъ, начинаютъ пренебрегать обработкою своихъ полей и удаляются изъ дома, чтобы зарабатывать хлѣбъ менѣе труднымъ образомъ. На оборотъ, есть области, въ которыхъ замѣчаются противоположныя слѣдствія замѣнѣи барщины обро-

жомъ. Всюдѣ, гдѣ работники легко находить себѣ паемную работу, какъ напримѣръ, въ большей части губерній по Волгѣ, мужикамъ бываетъ выгодна такая замѣна; это и служить доказательствомъ тому, что подобные перемѣны удаются только тамъ, гдѣ имъ благоприятствуютъ и, такъ сказать, указываютъ на нихъ мѣстныя обстоятельства. Вообще появленіе желанія и потребности къ замѣнѣ барщины оброкомъ можетъ всегда считаться вѣрнымъ признакомъ успѣховъ благосостоянія и национального богатства.

«Какую бы впрочемъ степень вліянія на дуриое состояніе нашего земледѣлія ни долженъ былъ приписать беспристранный изслѣдователь, съ одной стороны, барщина, съ другой стороны причинамъ, лежащимъ въ самомъ характерѣ资料 our sельского населенія, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что въ большей части областей, имѣющихъ плодородную землю, удобный и правильный сбытъ сельскихъ продуктовъ и развитую до извѣстной высоты торговую и промышленную дѣятельность,—что во всѣхъ этихъ областахъ, и у различныхъ классовъ свободныхъ земледѣльцевъ, и у крѣпостныхъ крестьянъ состоящихъ на оброкѣ, и у крѣпостныхъ крестьянъ еще находящихъся на барщинѣ, мы находимъ порядочно обработанныя поля, наполненные домашнимъ скотомъ дворы и такую степень благосостоянія, какая не часто встрѣчается во многихъ странахъ центральной Европы. Гакстгаузенъ видѣлъ тому много примѣровъ, которые и приводить въ своей книгѣ.

«Этотъ ученый изслѣдователь провелъ часть своей жизни въ изученіи земледѣльческихъ отношеній общинныхъ учрежденій и состоянія земледѣльцевъ въ различныхъ странахъ, и напослѣдокъ особенно подробнымъ образомъ изслѣдовалъ нравы и общественный бытъ славянскихъ племенъ. Чрезвычайно уважая его мнѣнія, мы не можемъ не привести здесь его словъ въ подтвержденіи того, что сказали мы выше относительно обязательнаго труда.

«Высчитавъ, во сколько обошлась бы въ Россіи въ Ярославской губерніи обработка помѣстья извѣстной величины паемнымъ трудомъ и какъ велики были бы убытки на процентахъ оборотнаго капитала, который оставался бы празднѣ въ продолженіе почти всего долгаго зимняго времени по отсутствію производительнаго занятія для людей, служащихъ на фермѣ и для скота, употребляемаго въ земледѣльческую работу, и сравнивъ эти издержки съ доходомъ отъ такой земли въ Россіи, во Франціи и въ Германіи^(*), Гакстгаузенъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

(*) Этотъ расчетъ переведенъ въ нашей статьѣ о книгѣ Гакстгаузена: «Современикъ» 1857 г. № 7, Критика.

«Если бы кому набудь предлагали въ Ярославль подарить помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по тому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не только не получилъ бы отъ такого хозяйства никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ.

«Изъ этого видно, что въ подобныхъ областяхъ владѣлецъ помѣстья не можетъ обрабатывать его наемнымъ трудомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ и оставить его. Земледѣліе тутъ не коммерческое предпріятіе, разсчитывашее па выгоду, но обязанность, возлагаемая желѣзною необходимостию (*eine eiserne Nothwendigkeit*).

«При настоящемъ положеніи дѣлъ я долженъ выразить слѣдующее мнѣніе о сельскомъ хозяйствеъ этихъ областей Россіи. Большая хозяйства могутъ здѣсь поддерживаться только двумя способами, именно: или посредствомъ барщины, такъ что бы земледѣлецъ не обязанъ быть самъ содержать своихъ работниковъ, содержать скота и другихъ принадлежностей земледѣлія, иначе сказать, чтобы расходы обработки не лежали на немъ; или посредствомъ введенія такой системы хозяйства, связанного съ промышленными предпріятіями, которая доставила бы способъ съ выгодою пользоваться производительными силами, остающимися безъ земледѣльческаго занятія во время долгой зимы, пользоваться въ это время рабочими руками людей и силой домашняго скота. Обстоятельства, благопріятныя послѣднему устройству, встрѣчаются рѣдко.

«Существованіе извѣстнаго числа большихъ помѣстій я считаю для этихъ странъ совершенною необходимостію; потому что безъ нихъ нечего и думать объ успѣхахъ земледѣлія, которые для Россіи гораздо нужнѣе, нежели до сихъ поръ думаютъ.

«И такъ, Россія имѣеть нужду въ помѣщикахъ, которые жили бы въ селахъ, какъ имѣеть нужду и въ классѣ людей, населяющихъ города; и земледѣліе не могло бы развиваться, если бы дворянство не владѣло помѣстіями и сельскохозяйственными заведеніями, дающими для него выгоднымъ и необходимымъ жить въ деревнѣ. А если существованіе большихъ хозяйствъ необходимо для успѣхъ сельского хозяйства и национального благосостоянія, то само собою слѣдуетъ, что въ настоящую минуту крѣпостное право не можетъ быть еще отмѣнено; но оно можетъ быть почищено болѣе точному порядку, введено въ болѣе нормальныя границы, ограничено законными условіями, которыми съ точностю опредѣлялись бы обязанности крестьянъ для удаленія злоупотреблений и произвола,

именно такова цѣль указа 2 сентября 1842 года.» (Гакстгаузенъ томъ I, стр. 174 и слѣд.)

«Къ этимъ практическимъ и благоразумнымъ замѣчаніямъ (продолжаетъ Тенгоборскій) мы должны прибавить, что русскій мужикъ не подлежитъ, какъ нѣкогда подлежалъ французскій поселникъ, безотчетному наложенію произвольныхъ податей и повинностей (*taillable et corv able   volont *), и что если онъ подвергается иногда несправедливымъ повинностямъ, то это можетъ случаться только по злоупотребленію и въ противность существующимъ законамъ. Указъ Императора Павла, данный въ 1797 году, опредѣлилъ тремя днями въ неѣлю высшую степень барщины и послѣдующие законы постоянно стремились къ правильному опредѣленію всего относящагося до этой повинности.

«Нельзя также не видѣть, что время инравственій прогрессъ оказываются постепенное и неоспоримое вліяніе на смягченіе суровости обязательнаго труда и производить все больше и больше добровольныхъ соглашеній, которыми мало по малу натуральныя повинности измѣняются въ личную ренту (*rente personnelle*, рента, лежащая не на землѣ, а на самомъ человѣкѣ, иначе сказать оброкъ), которая въ свою очередь можетъ современемъ обратиться въ поземельную ренту; послѣдняя замѣна и начинаетъ уже производиться въ государственныхъ имуществахъ (Тенгоборскій говоритъ о переложеніи податей съ душъ на землю). Но внимательно наблюдалъ чрезвычайно различныя послѣдствія этихъ отдѣльныхъ случаевъ соглашеній, съѣдствія, измѣняющіяся по различію областей и мѣстностей, легко убѣдиться въ трудностяхъ, препятствующихъ общей мѣрѣ, которая имѣла бы въ виду систематически и по однообразнымъ условіямъ опредѣлить отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Мѣра, которая успѣшиа быта въ той или другой мѣстности, могла бы имѣть самыя вредныя послѣдствія въ другой, и г. Гакстгаузенъ очень справедливо говоритъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи непремѣнно должно быть рѣшаемо по мѣстнымъ условіямъ, а не однообразно по всей имперіи (*).

«Въ тѣхъ областяхъ, где земля неплодородна и неудобна для обработки, где ея промывденія не покрываютъ потребностей землемѣльца, где онъ долженъ въ другихъ занятіяхъ искать вс помогательныхъ средствъ для своего прокормленія и уплаты повинностей, тамъ обращеніе барщины въ личную ренту столько же требуется выгодою крестьянина, какъ выгодою владѣльца; но эта замѣна мо-

(*) Die Leibeigenschaft und ihre Aufhebung oder Umwandlung m este in Russland stets eine Local-Frage, keine allgemeine Staats-Frage, seyn. (Гакстгаузенъ, примѣчаніе къ стр. 178, томъ I.)

жеть быть выгодна тому и другому только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работнику легко найти себѣ занятія. Этими причинами вызываются и размножаются подобныя добровольные соглашения въ мѣстностяхъ, гдѣ мало пахотной земли, и гдѣ излишнія руки и излишнее время легко находятъ выгодные себѣ занятія. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пахотныхъ земель много, гдѣ почва плодородна, гдѣ жатва превышаетъ потребности населения, гдѣ въ тоже время есть удобный сбытъ для земледѣльческихъ произведеній, владѣльцу часто бываетъ выгоднѣе обрабатывать свои поля барщиной, по за то въ этихъ мѣстахъ барщина не мѣшаетъ благосостоянію земледѣльцевъ, и когда она замѣняется оброкомъ, такая замѣна скорѣе бываетъ слѣдствиемъ взаимныхъ удобствъ, нежели мѣрою, необходимо требуемою мѣстными обстоятельствами. Потому чрезвычайно трудно закону регламентировать всѣ эти обстоятельства по общимъ принципамъ, заранѣе опредѣленнымъ.

«Независимо отъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для приведенія барщины въ правильныя границы, есть другія мѣры, могущія сдѣлать барщину трудомъ болѣе производительнымъ и въ тоже время повинностью менѣе обременительной для крестьянъ, и зависящія всего болѣе отъ самихъ владѣльцевъ. Одна изъ этихъ мѣръ состояла бы въ замѣнѣ поденщины работою по урокамъ, такъ чтобы вспахать поле или выкосить лугъ известной величины считалось за столько-то, или столько-то дней барщины. Такимъ образомъ прилежный земледѣлецъ могъ бы скорѣе отправить свою повинность и имѣть больше времени для собственной работы. Это могло бы дѣлаться по попробовскому соглашенію, какъ теперь дѣлается соглашеніе между общиной и владѣльцемъ для замѣны барщины оброкомъ. Отдельные примѣры такого положенія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и Гакстгаузенъ приводитъ одинъ такой случай, испрѣченный имъ въ помѣстіи г. Бунина въ Тамбовской губерніи. Надобно желать, чтобы эти отдельные примѣры находили больше подражателей. Барщина, такимъ образомъ видоизмѣненная и сообразованная съ справедливостію, была бы значительнымъ улучшеніемъ въ сельскомъ хозяйстве. Но мы удерживаемся отъ сужденія о томъ, до какой степени повсемѣстна исполнимость такого измѣненія. Каковы бы ни были впрочемъ измѣненія, которымъ можетъ въ будущемъ подвергнуться, и безъ сомнѣнія подвергнется со временемъ, система барщины, эти измѣненія будутъ имѣть только второстепенное вліяніе на состояніе нашего земледѣлія, пока не будутъ болѣе или менѣе измѣнены другія условія, въ которыхъ находится наше земледѣліе» (*).

(*). *Etudes sur les forces productives de la Russie.* 1854 г. I. стр. 325—339.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ памъ разсужденій въ пользу обязательнаго труда, эти страницы Тенгоборскаго представляютъ самый разсудительный сводъ экономическихъ соображеній. Потому мы и выбраемъ этотъ отрывокъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ быть логичны и сообразны съ фактами подобныя соображенія.

«Многіе экономисты думаютъ, что крѣпостное право вредно для обработки полей». — *Mais!* — послѣ этого можно сказать, что *многіе* астрономы думаютъ, что земля обращается вокругъ солнца. Почему же бы не сказать точнѣе: за исключеніемъ меня, автора книги *Études etc.* и Гакстгаузена, — *есть* экономисты.

«Нашъ крестьянинъ считаетъ поле, которое обрабатывается на себя, свою собственностью, или лучше сказать собственностью своей общины.» Правда, и этотъ фактъ мы должны запомнить какъ можно тверже; но какой выводъ дѣлается изъ него Тенгоборскимъ? «потому нашъ мужикъ не можетъ дурно обрабатывать эту землю.» — Да разы мышцемъ мужика отстраняются причины, препятствующія ему хорошо обрабатывать эту землю? Во-первыхъ, тутъ надобно исключить всѣхъ поселянъ, состоящихъ на оброкѣ: какъ извѣстно, оброкъ опредѣляется сообразно средствамъ мужиковъ заплатить его. Если деревня не можетъ выплачивать болѣе 20 рублей серебромъ оброку съ тягла, она и будетъ платить 20 руб.; но если является у мужиковъ хотя нѣсколько болѣе денегъ, вы увидите, что оброкъ не замедлитъ возвыситься; исключенія встрѣчаются, какъ извѣстно каждому, но встрѣчаются очень рѣдко. Какъ общее правило, надобно принять, что оброкъ при каждой сменѣ владѣльца возвышается, если только есть физическая возможность возвысить его. Каждому извѣстно, что часто возвышеніе оброка происходитъ, иногда по нѣсколько разъ, и при одномъ владѣльце. И вотъ, изъ двухъ способовъ получеія доходовъ при крѣпостномъ правѣ, одинъ способъ, оброкъ, является уже совершенно прямо задерживающимъ старательность поселянина въ обработкѣ своего участка. Обрабатываетъ онъ его плохо и получаетъ съ него 10 четвертей хлѣба; онъ платитъ, положимъ, 20 руб. серебр. оброку. Начни онъ и другіе крестьяне той же деревни обрабатывать свои участки лучше, и пусть возвысится сборъ хлѣба до 15 четвертей съ участка, — всѣ крестьяне знаютъ, что вслѣдъ за этимъ оброкъ не замедлитъ возвыситься до 30 и хорошо еще, если только до 30, а не до 40 рублей. Спрашивается теперь, можетъ ли эта перспектива возбуждать ихъ старательность, или скорѣе она повергаетъ ихъ въ апатію, заставляетъ обрабатывать поле какъ нибудь, лишь бы только прокормиться? Вѣдь имъ извѣстно, что какова бы ни была ихъ старатель-

ность, въ результаѣ за уплатою оброка останется имъ на долю однозначно и тоже.

Но если оброкъ и дѣйствуетъ прямѣе, очевиднѣе, то все таки его дѣйствіе не такъ сильно, какъ вліяніе барщины. Тенгоборскій, заемствовавшій всѣ свои свѣдѣнія о сельскомъ бытѣ нашемъ исключительно изъ книги Гакстгаузена, могъ не знать, какимъ образомъ примѣняется къ языку обычай, утвержденный закономъ, о трехдневной барщинѣ. Есть помѣсты, въ которыхъ исполняется онъ по точному своему смыслу, т. е., напримѣръ, три первые дни недѣли берутся крестьяне на барщину, а послѣдніе три дня оставляются крестьянамъ на свою работу, или своя и барская работа идетъ черезъ день. Но рѣдки случаи, въ которыхъ бы этотъ порядокъ сохранился неуклонно. Большею частію онъ измѣняется по одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ. Первый способъ: назначеніе того, въ какой день крестьяне отпускаются на свою работу, опредѣляется соображеніями распорядителя господскихъ работъ; напримѣръ, въ понедѣльникъ крестьянамъ слѣдовало бы по очереди дней идти на барскій сѣнокосъ, но помѣщикъ, или управляющій, видѣть, что погода неблагопріятна для сѣнокоса и потому отпускаетъ крестьянъ въ этотъ день на ихъ работу, а потомъ въ зачетъ этого дня назначаетъ барщину въ четвергъ, или въ субботу, когда погода будетъ хороша. Тоже бываетъ и во время пашни. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ выпадъ дождь, — и вотъ назначается въ этотъ день барщина, хотя бы по очереди дней приходилось и не такъ. Очевидно, что такой порядокъ, нарушая правильность работы на крестьянскихъ поляхъ, отнимая у крестьянъ возможность дѣлать предусмотрительныя распоряженія для своихъ работъ, наконецъ, перенося эти работы на неудобное время, не можетъ не имѣть вліянія какъ на обработку крестьянскихъ полей, такъ и на самый характеръ работниковъ. Но еще произвольнѣе и неблагопріятнѣе второй способъ, если не ошибаемся, самый употребительный, по которому принимается за правило, что деревня должна сначала окончить господскую работу сплошною барщиною безъ очереди дней, и потомъ ужъ отпускается обрабатывать свои поля. Соответственность обычая, опредѣляющему число дней барщины равнымъ числу дней работы крестьянъ на собственныхъ поляхъ, полагается при такомъ порядке въ томъ, что крестьянскимъ полямъ дается приблизительно такой же размѣръ, какой имѣютъ господскія поля. Очевидно, что невыгоды, чувствительныя въ первомъ способѣ, развиваются здѣсь еще сильнѣе: вообще говоря, и при запашкѣ, и при сѣнокосѣ, и при жатвѣ все наиболѣе благопріятное время занято обработкою господскихъ полей, а для крестьянскихъ остается уже наи-

менѣе выгодное время: на этихъ послѣднихъ при такомъ порядкѣ всѣ работы производятся спустя пору; пашня и посѣвъ дѣлаются поздно, и чаще всего при дурныхъ условіяхъ погоды, когда земля уже слишкомъ много утратила соковъ со времени таянія снѣговъ, а пора весеннихъ дождей обыкновенно уже прошла; уборка хлѣба на крестьянскихъ поляхъ дѣлается очень часто тогда, когда хлѣбъ уже перезрѣлъ и много зерна уже осипалось изъ колоса на корню; очень часто подоспѣваютъ къ этому осенніе дожди и хлѣбъ на запоздавшихъ поляхъ полажеть отъ нихъ на корню. Къ этимъ неудобствамъ присоединяется неизбѣжно еще та невыгода, что крестьяне приступаютъ къ обработкѣ своихъ полей уже не съ свѣжими силами, а утомленные предыдущею работою, и рабочій скотъ ихъ бываетъ также уже истомленъ. Обѣ эти невыгоды неизбѣжны и постоянны. Но часто присоединяется къ нимъ еще то обстоятельство, что размѣръ господскихъ полей превышаетъ ту норму, которая соотвѣтствовала бы тремъ днямъ барщины. Надобно при томъ сказать, что часто первый способъ соединяется съ вторымъ, т. е. при обработкѣ господскихъ полей раньше крестьянскихъ, а при дурной погодѣ передаются изъ барщины въ собственную работу крестьянъ. Нельзя забыть и того, что трехдневная норма, поставленная обычаемъ, не всегда соблюдается: размѣръ господскихъ полей зависитъ отъ расчетовъ землевладѣльца и достигаетъ иногда такого объема, что требуетъ четырехъ и даже больше дней въ недѣлю. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ есть третій способъ отправленія барщины: крестьянскія тагла распредѣляются по хозяйствамъ такъ, чтобы въ каждомъ хозяйстве было четиное число работниковъ, именно: два или четыре. Если въ семье только одинъ работникъ, къ этой семье въ домѣ поселяютъ семью батраковъ, имѣющую также одного работника. Тогда изъ двухъ работниковъ одинъ (обыкновенно хозяинъ) все время остается работать на своемъ полѣ, а другой (обыкновенно батракъ, или малшій родственникъ) все рабочее время безсмѣнино отправляетъ барщину. Очевидно, что этотъ способъ имѣетъ новыя стороны невыгоднаго вліянія на характеръ работы: крестьянинъ, постоянно отправляющій барщину, безъ сомнѣнія привыкаетъ къ небрежному, сонному труду; черезъ такую школу проходитъ почти каждый крестьянинъ, прежде, чѣмъ сдѣлается главою семьи, и проходитъ онъ эту школу нерадивости именно въ тѣхъ лѣтахъ молодости, когда формируется характеръ человѣка и приобрѣтаются привычки на цѣлую жизнь.

Таковы-то способы исполненія барщины, раздѣляющіе между собою почти все количество крѣпостныхъ крестьянъ, состоящихъ

ва барщинѣ. Кто знаетъ ихъ, тотъ не можетъ сомнѣваться, подобно Тенгборскому, въ томъ, велика ли степень невыгоднаго вліянія барщины на обработку даже тѣхъ полей, которыя предоставлены крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что обязательный трудъ вообще чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на трудолюбіе и энергію, на образованіе привычекъ къ бережливости временемъ и средствами. У каждого экономиста можно найти превосходные, проникнутые благороднымъ жаромъ страницы обѣй этой общей чертѣ обязательного труда; мы хотимъ обратить вниманіе читателя на то, что способами пользованія обязательнымъ трудомъ, у насъ господствующими, еще въ значительной степени увеличиваются тѣ невыгоды, которыя уже лежать въ самой его натурѣ.

Внимательный читатель, конечно, чрезвычайно дивится тому странному направленію, какое принято нашимъ разсужденіемъ о невыгодахъ обязательного труда въ обработкѣ полей. «Говоря, что такой трудъ не производителенъ, каждый разсудительный человѣкъ думаетъ преимущественно о тѣхъ работахъ, которыя совершаются этими трудомъ, то есть, о работахъ на господскомъ полѣ (готовъ замѣтить читатель); по какому же нелѣпому уклоненію отъ здраваго смысла разсуждастѣ вы о его вліяніи на крестьянскія поля, когда дѣло должно идти о его вліяніи на господскія поля? Вы совершенно сбились съ дороги.»—Да, дѣйствительно, мы совершенно сбились съ дороги, пошедшіи вслѣдъ за нашимъ авторомъ; это онъ разсудилъ придать такой оборотъ вопросу: ловкость изумительная и смѣльость еще болѣе изумительная!—онъ долженъ опровергнуть мнѣніе всѣхъ безъ исключенія экономистовъ, что баршина—работа самая непроизводительная,—и опровергаетъ онъ эту мысль чѣмъ же? тѣмъ, что на своихъ поляхъ крѣпостный крестьянинъ работаетъ усердно. Ему говорятъ: человѣкъ плохо исполняетъ обязательный трудъ, онъ позражаетъ: «обязательный трудъ не такъ плохъ, какъ вы думаете, потому что свободный трудъ на собственныхъ поляхъ исполняется крестьяниномъ не дурно, стало быть ваша мысль, будто онъ трулитъся плохо, совершенно неосновательна.» Такая отважная софистика неѣроятна, однакоже дѣйствительно къ ней отваживается прибѣгать нашъ авторъ. Пусть припомнитъ читатель его слова: въ нихъ мало рѣчи о господскихъ поляхъ, онъ все возраженіе противъ обязательного труда сворачиваетъ на крестьянское поле. «Мы должны замѣтить, что ошибаются, думая, что будто крестьянинъ равнодушенъ къ своему участку. Люди, знающіе нашего крестьянина, знаютъ, что онъ очень дорожитъ своимъ участкомъ и любить его и старается воздѣлывать какъ можно лучше, а если иногда воздѣлываетъ плохо, такъ не отъ того, о чёмъ вы гово-

ритъ, а разъ отъ другихъ какихъ причинъ.» После такого поворота говорите, если хотите, о добросовѣсности, объ учености и тому подобномъ, мы дивимся только отважности, съ какою тутъ предполагается, что читатель—тупоумный простякъ, просвети котораго можно самыи грубымъ обманомъ.

Но для насъ очень пріятенъ тотъ оборотъ, по мнѣнию автора, очень искусный, которымъ онъ думалъ вернуться отъ мысли о не-выгодности обязательного труда. Этотъ оборотъ заставилъ насъ винить въ ту сторону сельского быта, которая на первый взглядъ представляется не подверженной вреднымъ дѣйствіямъ обязательного труда. Мы разсмотрѣли, имѣетъ ли какое нибудь дѣйствіе даже на ту работу, которую крестьянинъ совершає для себя, то обстоятельство, что онъ подлежитъ также обязательному труду, и мы нашли, что это дѣйствіе очень сильно и очень вредно; такимъ образомъ обнаружилось, что даже тотъ уголокъ, въ которомъ ізводимъ укрыться защитникъ обязательного труда, не даетъ ему ни малѣйшей защиты, и хитрый оборотъ адвоката неправды послужилъ только къ тому, что вредное дѣйствіе неправды раскрылось въ большемъ объемѣ, пожели какъ представлялось бы съ первого взгляда; сверхъ того, отъ хитрости, придуманной нашимъ авторомъ, мы получаемъ то преимущество, что она служить для насъ призваніемъ съ его стороны невозможности отвергать то вредное вліяніе барщинны, которое обыкновенно указывается политическою экономіею. Онъ не отваживается и говорить о томъ, производительная обработка господскихъ полей обязательнымъ трудомъ,—значить, онъ самъ признаетъ эту невыгоду, и намъ уже не для чего много распространяться объ этомъ; скажемъ только два, три слова.

Помѣстя Замойскихъ, по освобождениі крестьянъ на нихъ, стали приносить въ три раза болѣе дохода.

Графъ Бернедорфъ, великий датскій министръ, желая показать датскимъ помѣщикамъ невыгоды обязательного труда, приводилъ имъ въ примѣръ свои собственные помѣстья, въ которыхъ онъ освободилъ крестьянъ; и дѣйствительно, пока его поля обрабатывались барщиною, средній урожай ржи на нихъ бывалъ самъ 3, а овса самъ 2½, а когда онъ сталъ обрабатывать ихъ по найму, урожай ржи воз-высился самъ 8½, а урожай овса до самъ 8.

Датскихъ помѣщиковъ остававшаго то, что освобожденіе крестьянъ на первый разъ стоило нѣкоторыхъ пожертвованій, но Бернедорфъ могъ доказать незначительность этихъ пожертвованій своимъ приходо-расходными книгами. Освобождая крестьянъ, онъ терялъ сто тысячъ талеровъ капитала; за то доходы съ его помѣстья быстро стали возрастать въ пропорціи еще гораздо боль-

шѣй, нежели какая видна изъ сравненія урожаевъ. Помѣстье съ обязательнымъ трудомъ давало ему три тысячи талеровъ, черезъ 24 года онъ, при свободномъ трудѣ, получалъ съ этого помѣстья двадцать-семь тысячъ талеровъ; стало быть, если его земли выѣстъ съ крѣпостными работниками могли быть проданными за полтораста тысячъ талеровъ, то теперь, по освобожденіи работниковъ, эти земли стоили въ девять разъ больше или 1,350,000 талеровъ, — выигрышъ, кажется, достаточно вознаграждающій за видимую потерю ста тысячъ талеровъ при освобожденіи. Такихъ примѣровъ представляются тысячи всѣми странами, гдѣ совершилось освобожденіе крестьянъ. Повсюду неизмѣнно оно было соединено съ быстрымъ возвышеніемъ доходовъ помѣщика, освободившаго крестьянъ. Да и можетъ ли быть иначе? — нужно только вспомнить, въ какой именно пропорціи наемный трудъ производительне обязательного. Негры въ одну послѣ обѣданію половину дня успѣваютъ сдѣлать столько же, когда работаютъ на себя, сколько въ цѣлый день на барщинной работѣ. Такова разница между свободнымъ и обязательнымъ трудомъ даже того человѣка, энергія котораго подавлена и силы котораго истощены обязательнымъ трудомъ. Но еще значительнѣе становится она, когда человѣкъ успѣетъ отвыкнуть отъ апатіи, свойственной крѣпостному состоянію. Наемный трудъ такого человѣка производить въ день съншкомъ въ три раза больше, нежели день барщины крѣпостного работника (¹)

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести также нѣсколько примѣровъ изъ множества фактovъ, представляемыхъ пре-восходнымъ «Статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи», которое составлено покойнымъ Журавскимъ и издано г. Фундуклемъ. Мы употребили слово: «удовольствіе», и действительно, трудно иначе называть чувство, производимое длиннымъ рядомъ фактovъ, неразумность которыхъ доходитъ до поразительного комизма, фактovъ въ родѣ слѣдующаго. Въ помѣстии, имѣвшемъ около 250 взрослыхъ работниковъ, отправлявшихъ барщину, все число барщинныхъ дней просигралось до 45 тысячъ въ годъ; изъ нихъ на шевелю работы употреблено менѣе 12 тысячъ дней, т. е. около четвертой части всего труда. На что же были потрачены три четверти рабочихъ дней? Нѣкоторое количество изъ нихъ было употреблено на работы производительныя, а другіе дни разошлись въ родѣ слѣдующихъ: 1900 дней потрачено на господскій садъ и огородъ. Этотъ садъ и огородъ доставляли фруктовъ и овощей столько, что никогда бы они достаточнѣ для господскаго стола, а иногда и недостаточ-

(¹) *Principes d'Economie Politique*, par Roscher, traduits par M. Wolowski, Paris, 1857, vol. I p. 187—189.

но (шавърное, на фрукты и овощи къ господскому столу, если бы они производились наемною работою, или покупались, не было бы употреблено и той суммы, какой стоятъ хотя 500 рабочихъ дней; а тутъ при 1900 дняхъ нужно было еще прикупать). На починку печей и бѣление комнатъ и т. п. въ господскомъ домѣ употреблено 950 рабочихъ дней; на выѣлку холста, кожъ, сапоговъ для господской экономіи употреблено дворовыми людьми и крестьянами слишкомъ 11 тысячъ рабочихъ дней и все таки не выѣлано было столько кожъ и холста, чтобы обуть и одѣть дворню,—нужно было много прикупать. И такъ, почти столько же, сколько на все хлѣбопашество, потрачено было рабочихъ силъ на производство платья для дворовыхъ людей, да и то оказалось мало. Превосходны также факты такого рода: была при господскомъ хозяйствѣ молотильная машина; работа ею заняла около 5800 дней и обмолочено въ эти дни около 4200 копенъ хлѣба, такъ что результатъ рабочаго дня при этой машинѣ лавалъ мешѣе, нежели три четверти копны обмолоченного хлѣба, а падобно замѣтить, что машина приводилась въ движение лошадьми, работу которыхъ мы уже не кладемъ въ счетъ. Но въ томъ же хозяйствѣ, просто цѣломъ, мужикъ обмолачиваетъ болѣе копны хлѣба, и стало быть выходить, что при помощи машины работа производилась гораздо медленнѣе, нежели безъ помощи машины. Ие много думать о такихъ цифрахъ, чтобы прійтіи къ слѣдующему заключенію: три четверти рабочихъ силъ барщинѣтратились въ этомъ хозяйствѣ совершенно пошансну, не принося владѣльцу ровно никакого дохода, а часто обращаясь ему въ прямой убытокъ, который приходилось покрывать ему вычетомъ изъ доходовъ, доставлявшихся ему остальюю четвертою частью барщины. Такихъ фактовъ въ «Описаніи Киевской губерніи» сотни и тысячи. Но, можетъ быть, въ томъ же хозяйствѣ, разпределеніе барщины котораго мы видѣли, и другихъ подобныхъ ему хозяйствахъ, экономія была плохо устроена?—вовсе нѣтъ, это хозяйство было еще изъ самыхъ лучшихъ. Сводя цифры о всѣхъ помѣщичихъ имѣньяхъ Киевской губерніи, Журавскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: соображая пространство господскихъ полей съ уроками, которые отрабатываются въ одинъ день, Журавскій приходитъ, что для полной обработки господскихъ полей, вмѣстѣ съ уборкою сѣнокосовъ, требовалось бы въ Киевской губерніи 17,500,000 рабочихъ дней; между тѣмъ число всѣхъ дней, отбываемыхъ барщиной въ Киевской губерніи, простирается до 65,000,000; такимъ образомъ три четверти барщины растратаиваются такъ себѣ, то туда, то сюда; не считая даже вовсе зимнихъ дней, все таки выхо-

дить, что и изъ лѣтнихъ дней половина растрачивается самыи непроизводительнымъ образомъ. (")

Теперь читатель не будетъ удивляться слѣдующему разчисленію, основныи цифры котораго мы также заимствуемъ у Журавскаго. Журавскій опредѣляетъ наемную цѣну, какую имѣть въ разныхъ мѣстностяхъ Киевской губерніи лѣтомъ и зимою день работы пѣшаго мужика, мужика съ лошадью, и женщины; по этимъ вычислѣніямъ онъ перѣлагаетъ на деньги всю цѣнность 65 миллионовъ днѣй барщины, и оказывается, что вся цѣнность работы, исправляемыхъ барщиною, доходитъ до 7,232,350 рублей сереб. Каковы же теперь всѣ доходы помѣщиковъ Киевской губерніи? Каждый производительный трудъ даетъ въ проѣктѣ избытокъ противъ того, всоколько обошлось производство. Напримеръ, фабрикантъ употребляетъ 100,000 рублей на жалованье рабочимъ, на покупку матеріаловъ, на ремонтъ фабрики, на уплату процентовъ съ основнаго капитала, и проч.; а продуктъ своей фабрики продаѣтъ онъ на 120,000 тысячъ и болѣе. Если бы обязательный трудъ былъ производителенъ, очевидно, что помѣщики Киевской губерніи получали бы гораздо болѣе той суммы, какой стоитъ барщина. Сколько именно получали бы они, трудно сказать, но легко опредѣлить наименѣшую величину, ниже которой никакъ не могли бы спускаться ихъ доходы. Барщина замѣняетъ только наемную плату работникамъ. Наемная плата работникамъ въ земледѣліи никакъ не можетъ составлять болѣе половины всего оборотнаго капитала, а по настоящему надобно полагать ее гораздо менѣе (**). Но если положить этотъ расходъ равняющимся цѣлой половинѣ издержекъ производства, мы все таки получимъ сумму въ 14,500,000 руб. сер., — это издержки производства; во производство должно же давать какой нибудь чистый доходъ; положимъ его хотя только въ 10%, и мы получимъ 1,450,000 руб. сер. Такимъ образомъ составляется сумма въ

(*) Статистическое описание Киевской губерніи. Часть II, стр. 220 и слѣд. и 372 и слѣд.

(**) При урожаѣ самъ 5, одна цѣнность посѣва составляетъ уже 20 процентовъ оборотнаго капитала. Ренту земли, конечно, слишкомъ низко будетъ оцѣнить въ одну четверть валового дохода, который долженъ быть больше издержекъ производства, и потому въ издержкахъ производства рента составляетъ болѣе значительную часть, нежели въ немъ. Но положимъ, что она будетъ составлять только одну четверть издержекъ производства. Вотъ цѣна посѣва и рента составляютъ уже 45% издержекъ производства. Прибавимъ расходъ на управлениѣ, и мы получимъ уже гораздо болѣе 50%, и на жалованье работникамъ останется менѣе 50%. Совершенно близко къ истинѣ было бы сказать, что это жалованье составляетъ въ земледѣліи отъ одной четвертой до одной третьей части издержекъ производства.

16,000,000 руб. сер., и мы видимъ, что доходы помѣщиковъ Киевской губерніи должны были бы простираяться по крайней мѣрѣ до этой суммы даже тогда, когда бы расходъ на работниковъ можно было считать вполовину издержекъ производства. Если же считать его только въ третью часть издержекъ, что гораздо ближе къ истинѣ, то надобно ожидать дохода въ 24,000,000 руб. сер. Но вспомнимъ, что работники трудятся не по найму, а обязательно, и мы уже можемъ ожидать, что доходы помѣщиковъ далеко не достигаютъ этой цифры 16,000,000 руб. сер., которая при наемной труде была бы слишкомъ низка. Какъ же велики они въ действительности? Быть можетъ 12, быть можетъ 10 миллионовъ? Нѣтъ, по вычисленію Журавскаго, всѣ доходы помѣщиковъ Киевской губерніи не простираются выше 7,123.380 руб. сер.,—то есть, они даже меньше той суммы, которой стоитъ одна рабочая сила барщины.

Чтобы понять всю экономическую несообразность такого порядка дѣлъ, представимъ себѣ напримѣръ, что существовала бы хлопчато-бумажная фабрика, которая на одно жалованье рабочимъ расходывала бы 10,000 руб. сер., а доходовъ отъ продажи своихъ продуктовъ получала бы 9,500 руб. сер.; вспомнимъ, что фабриканть долженъ считать проценты съ основнаго капитала, представляемаго зданіемъ фабрики и машинами, долженъ ежегодно покупать болѣе чѣмъ на 10,000 руб. сер. хлопка,—и мы поймемъ, что его фабрика представляетъ изумительно неразумное явленіе, что ея существованіе противно всякому экономическому разсчету, что кроме разоренія всѣхъ участвующихъ въ дѣлахъ этой фабрики, ничего нельзя ждать отъ нея. Каждый здравомыслящий человѣкъ изъ любви къ самому фабриканту долженъ посовѣтовать ему измѣнить странный порядокъ дѣлъ, существующій на его фабрикѣ.

Точно таково положеніе помѣщиковъ. Одной рабочей силы употребляется ими, напримѣръ въ Киевской губерніи, на 7,230,000 р. с., а всего дохода получается только 7,130,000 руб. сер. (*)

Но мы еще далеки отъ истины, полагая, что весь доходъ помѣщиковъ Киевской губерніи происходитъ отъ обязательнаго труда. Еслибы вся сумма 7,123,000 р. с. возникла изъ работы, стоящей 7,232,000, это было бы уже чрезвычайно неразумно; что же надобно будетъ сказать, когда сообразимъ, что около половины помѣщичьихъ доходовъ въ Киевской губерніи должны считаться не плодомъ барщины, (**) а доходами съ различныхъ капиталовъ, кромѣ позе-

(*) Описаніе Киевской губерніи. Часть II, стр. 230 и 378.

(**) Пропавація лѣсная пролажа даютъ 1,250,000 р. с., тонкорунное овцеводство, фабричная промышленность и вишокуреніе даютъ болѣе 1,300,000 р. с., изъ нихъ по крайней мѣрѣ половину, т. е. 650,000, надобно считать доходомъ ос-

мельного капитала? Потому доходъ, доставляемый барыциою, слѣдуетъ считать не болѣе какъ въ 4,000,000 р. с., и въ результатѣ окажется, что всѣ продукты, доставляемые барыциою, едва равняются 60% стоимости самой барыцины, и параллель съ фабрикою, представлена на ми вышѣ, измѣнится такимъ образомъ:

Есть фабрикантъ, который, кромѣ того, что употребляетъ ежегодно болѣе 10,000 р. на покупку сырыхъ материаловъ и ремонтъ, одной рабочей силы расходуетъ на 10,000 р., а всѣхъ продуктами своей фабрики продаетъ только на 6,000 р., — спрашивается, разумно ли идетъ его фабрика?

Но чѣмъ поправить ему свои дѣла? — Очевидно, откуда весь недочетъ: работа на его фабрикѣ плоха и ему должно измѣнить порядокъ этой работы, если онъ не хочетъ съ каждымъ годомъ разоряться все больше и больше. Иначе ему никакъ не избѣжать банкротства.

Этотъ выводъ неоспоримо слѣдуетъ изъ фактовъ, подробно излагаемыхъ Журавскимъ. Люди, незнающіе сельского хозяйства въ Киевской губерніи, могутъ пожалуй подумать, что въ другихъ губерніахъ дѣла могутъ идти лучше, что порядокъ помѣщичьяго хозяйства въ Киевской губерніи хуже, нежели въ великорусскихъ. Напротивъ, въ ней онъ гораздо лучше. Отчетность по хозяйству ведется съ такою точностью, какая совершенна неизвѣстно великорусскимъ помѣщикамъ; экономіи въ употребленіи рабочихъ силь несравненно больше, небрежной растраты ихъ горадо меньше въ Киевской губерніи, нежели въ Великой Россіи, и выводъ, представляемый изслѣдованиемъ Журавского для Киевской губерніи, еще съ гораздо большою силою прилагается къ Великой Россіи, которую мы имѣемъ преимущественно въ виду въ этой статьѣ.

Раззореніе для самихъ помѣщиковъ, вотъ очевиднѣйшее слѣдствіе обязательного труда. Отчеты кредитныхъ учрежденій о количествѣ заложенныхъ имѣній и публикаціи о продажѣ этихъ имѣній

новнаго и оборотнаго капитала; изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицей (3,800,000) по крайней мѣрѣ одну пятую часть надобно считать слѣдствиемъ работы реманештаго скота, господскихъ машинъ и т. п.; это дастъ около 750,000; вотъ у насъ уже насчитано 2,630,000 р. с. дохода, возникающаго не отъ барышиной работы. Прибавивъ къ этой цифрѣ различными мелкія отрасли доходовъ, исчислять которыя было бы здѣсь слишкомъ длинно и которыя легко отыщеть внимательный читатель въ изслѣдованіяхъ Журавского, мы получимъ тогъ выводъ, что изъ 7,123,000 р. с. общаго дохода, по крайней мѣрѣ 3,000,000, а вѣроятно и болѣе, даются помѣщикамъ Киевской губерніи не обязательнымъ трудомъ. — Въ статьѣ объ описании Киевской губерніи (Соврем. 1856, № 9) этотъ вычетъ даетъ меньшую цифру, по тамъ онъ очень не половина.

ній за неуплату долга, къ сожалѣнію, слишкомъ громко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ подтверждается эта научная истинѣ фактыми нашей жизни. Недавно ученый, котораго мы не хотимъ называть по имени, вздумалъ было доказывать, что помѣстья наши не такъ обременены долгами, какъ всѣ мы знаемъ, — единодушная горькая улыбка всѣхъ читателей была отвѣтомъ на такую розовую шутку. Помѣщикъ, имѣніе котораго не заложено, представляется у насъ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Точныя свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ долговъ, лежащихъ у насъ на дворянскихъ имѣніяхъ, не собраны, но достовѣрно то, что съ каждымъ годомъ тяжесть этихъ долговъ возрастила и что въ настоящее время изъ всѣхъ имѣній въ Европѣ наиболѣе обременены долгами русскія помѣстья. Тутъ можно говорить о расточительной жизни, о пренебреженіи къ собственнымъ дѣламъ; но во-первыхъ, всѣ эти и т. п. второстепенные причины недостаточны для пакощенія долговъ, столь всеобщихъ и столь громадныхъ; во-вторыхъ, и расточительность и пренебреженіе къ дѣламъ возникаютъ главнымъ образомъ изъ того основнаго зла, которому нынѣ полагается предѣль. Можетъ ли экономически вести свои расходы тотъ, доходы котораго получаются способомъ противнымъ экономическому разсчету? Можетъ ли съ усердіемъ заниматься своими дѣлами тотъ, кому представляется, что источникъ его доходовъ, обязательный трудъ, остается неизсякаемъ и безъ всякой заботы съ его стороны?

Потому намъ кажется, что обязательный трудъ раззорителенъ не только для крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ; потому-то и не можемъ согласиться мы съ словами Тенгборского, что обязательный трудъ, хотя всегда невыгоденъ для государственного хозяйства, но бываетъ иногда выгоденъ для помѣщика. Нѣтъ, онъ всегда невыгоденъ и для него. Ниже мы подробно разсмотримъ основаніе, на которомъ опирается мнѣніе Тенгборского, мнѣніе, что издержки землевладѣльца на наемную плату послѣ уничтоженія крѣпостного права, не вознаградятся продажею продуктовъ; теперь замѣтимъ только, что тогда и увеличится количество и нозвысится цѣна хлѣба, получаемаго помѣщикомъ съ своихъ полей, и передадимъ къ слѣду ющимъ мыслямъ Тенгборгскаго.

Онъ самъ чувствуетъ, что нельзя сомнѣваться въ невыгодности обязательного труда, и потому старается доказать, что масса полей, воздѣлываемыхъ этимъ трудомъ, не такъ велика, чтобы могла имѣть преобладающее влияніе на дурное состояніе нашего сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью прежде всего разсчитываетъ онъ, каково отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ числу всего сельскаго населенія. Прот-

тиль этого счета замѣтимъ, что напрасно вносить онъ въ число крестьянъ, не подлежащихъ крѣпостной работе, 816,000 крестьянъ разныхъ наименованій, означенныхъ въ таблицѣ Кеппена нумерами 5 и 6. Исправивъ эту ошибку, мы увидимъ, что количество крестьянъ, подлежащихъ обязательному труду, почти на 2,000,000 душъ мужскаго пола больше числа свободныхъ крестьянъ. Но если даже принять въ его разсчетъ, по которому та и другая цифры почти равны, все таки надобно сказать, что работа цѣлой половины крестьянъ, подлежащей крѣпостному праву, представляетъ уже массу труда, съ избыткомъ достаточную для подчиненія всего народнаго хозяйства, какой принадлежитъ обязательному труду.

Въ тѣхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза, гдѣ существуетъ невольничество, весь характеръ и общественного быта и национального хозяйства опредѣляется трудомъ негровъ; а между тѣмъ число невольниковъ въ этихъ штатахъ далеко не достигаетъ цифры бѣлаго населенія въ тѣхъ же штатахъ. Мы возьмемъ только тѣ штаты, въ которыхъ всегоболѣе невольниковъ, именно: Виргинію, Сѣверную и Южную Кароліны, Георгію, Флориду, Алабаму, Миссисипи, Луизіану, Техасъ, Арканзасъ, Теннесси, Кентукки и Миссурі. Въ этикъ тринадцати штатахъ число невольниковъ простирается до 3,075,000, а число бѣлаго населения болѣе, нежели до 5,400,000. Мы видимъ, что даже въ этихъ штатахъ, имѣющихъ исключительно невольническій характеръ въ своемъ производствѣ, число свободныхъ почти вдвое превышаетъ цифру невольниковъ; и однако же этой одной третьей части населенія, подлежащей принужденному труду, уже достаточно для уничтоженія въ народномъ бытѣ и труде всякаго элемента, имѣющаго характеръ свободнаго труда (*). Если примѣсь третьей части обязательного труда къ двумъ третямъ свободнаго оказываетъ такое громадное влияніе, что же сказать отомъ, когда цѣлая половина работниковъ подлежитъ обязательному труду?

Но Тенгуборскій не останавливается на томъ, что неправильнымъ счетомъ уравниваетъ число крѣпостныхъ крестьянъ съ чис-

(*) Если бы мы, слѣдя примѣру всѣхъ статистиковъ, причислили къ этимъ штатамъ Мерилендъ, Делаваръ и т. д., то оказалось бы, что въ невольническихъ штатахъ число негровъ едва превышаетъ четвертую часть всего населенія, и мы могли бы сказать совершенно справедливо, что для сообщенія всему быту и производству стравы того характера, какой свойственъ обязательному труду, достаточно уже и того, когда хотя четвертая часть работниковъ подлежитъ обязательному труду. Но мы, предупреждая даже излишнія притязанія противниковъ, внесли въ счетъ только тѣ штаты, въ которыхъ цифры назначены благопріятны нашимъ выводамъ: даже и эти цифры уже съ избыткомъ подтверждаютъ нашъ выводъ.

люди свободныхъ, хотя ему самому известно, что первое больше. Онь идетъ да же, и рѣшается утверждать, что такъ какъ «во многихъ помѣстяхъ барщина замѣнена оброкомъ, то надобно принять, что двѣ трети воздѣлываемыхъ земель обрабатываются крестьянами, не отправляющими обязательного труда». Эта смѣлость очень замѣчательна; во-первыхъ Тенгборскій не приводить точныхъ сѣльскихъ о числахъ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, и, пользуясь этимъ, онъ отважно предполагаетъ число ихъ гораздо больше, нежели каково оно должно быть въ действительности: онъ считаетъ ихъ, какъ видимъ, до 4,000,000 (*); но едва ли можно считать ихъ и 2,000,000; во-вторыхъ, если бы даже число оброчныхъ и доходило до 4,000,000, изъ этого еще не следовало бы, что двѣ трети земли населены крестьянами, не отправляющими барщины: на оброкъ отпускаются крестьяне преимущественно въ помѣстяхъ малоземельныхъ, а у государственныхъ крестьянъ земли вдвое и втрое меньше, нежели у помѣщиковъ по числу душъ; стало быть, если бы даже только одна треть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другія двѣ трети состояли бы изъ свободныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то и тогда большая половина воздѣлываемой земли все-таки оставалась бы подъ помѣстями, отправляющими барщину; въ-третьихъ, оброкъ у насъ довольно мало отличается отъ барщины по своему вліянію на характеръ хозяйства: возвышаясь соразмѣрно возвышению доходовъ крестьянинъ, онъ точно также, какъ и барщина, противодействуетъ энергіи труда, потому что стремится постоянно поглощать всѣ избытки, имъ производимые. Дѣло иное, если бы нашъ оброкъ не возвышался произвольно.

Такая цѣль противорѣчий фактамъ и фальшивыхъ гипотезъ нужна была Тенгборскому, чтобы прийти къ желанному заключенію, будто бы «обязательный трудъ не имѣеть на ваше сельское хозяйство столь преобладающаго вліянія, какое обыкновенно ему приписывается». Для такого вывода нужно было слишкомъ отважнымъ образомъ исказить смыслъ мнѣнія о невыгодности обязательного труда, поворотивъ рѣчь съ работы, отправляемой барщиною, къ которой рѣчь прямымъ образомъ относится, на работу крестьянъ на своихъ поляхъ; нужно было представить чистый счетъ числа крѣпостныхъ крестьянъ; нужно было забыть и о характерѣ нашего оброка, и о малоземельности оброчныхъ имѣній. И однако же при всѣхъ этихъ смѣлыхъ отступленіяхъ отъ истины, онъ могъ дойти только до такого результата, который совершенно уже достаточенъ для разрушения его мнѣнія. Да, если бы у насъ только третья часть

(*) Эта цифра необходима, чтобы состоящихъ на барщинѣ осталась одна треть изъ всего числа поселеній.

сельскихъ работниковъ отправляла барщину, уже и тогда все наше сельское хозяйство находилось бы подъ исключительныиъ, подъ совершенно преобладающимъ вліяніемъ крѣпостной работы. Примѣръ южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза уже говоритъ, что свободная работа двухъ третей населенія совершенно искается вліяніемъ принудительной работы одной трети населенія. Но по словамъ самого Тенгоборскаго число крѣпостныхъ крестьянъ равняется числу свободныхъ; въ дѣйствительности же превосходитъ ихъ.

Но, продолжаетъ Тенгоборскій, какъ ни вредна система обязательнаго труда, она въ настоящее время, для значительной части Россіи, необходима. Почему же? Причинъ на это приводится три:

1) «Капиталовъ у насъ недостаточно для рационального хозяйства съ наемнымъ трудомъ при безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель». Тутъ сколько словъ, столько и ошибокъ. О томъ, до какой степени безмѣрна обширность нашихъ земель, мы будемъ говорить позже; пока здѣсь замѣтимъ прежде всего хитрое слово «рациональный»; оно намекаетъ на плодоперемѣнную систему съ искусственнымъ луговодствомъ, пренажемъ и т. п. Для такой системы, конечно, нужны большіе капиталы, но самъ Тенгоборскій говоритъ, что она еще не нужна и неумѣстна для насъ; а еслиъ и была умѣстна, то наемная плата самый незначительный расколъ, въ сравненіи съ расходами на луговодство, скотоводство, машины и прочее, при такой системѣ, и обязательный трудъ можетъ только помѣшать ея распространенію, потому что при немъ невозможна ни строгая экономія въ жизни самого хозяина, ни старательный и искусный трудъ работниковъ. Но Тенгоборскій хитритъ: онъ только сбиваетъ читателя намекомъ на плодоперемѣнную систему въ словѣ «рациональный», а самъ и не думаетъ о ней, подробно доказавъ первую тѣмъ, что для насъ еще на долго выгоднѣе всѣхъ другихъ системъ трехпольное хозяйство. При трехпольномъ хозяйствѣ капиталовъ не очень много нужно. Но если бы у насъ было мало капиталовъ даже и для этой системы, тѣмъ сильнѣе доказывалась бы необходиимость отмѣнить обязательный трудъ, потому что онъ соотставляетъ сильнѣйшее препятствіе образованію и нозрастанію капиталовъ. При немъ работа не производительна, при немъ нѣть ни разсчетливости, ни предпріимчивости. Жалоба на недостатки въ капиталахъ есть требование отмѣны обязательнаго труда.

2) «Во многихъ мѣстахъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не давала бы ренты, достаточной для покрытия издержекъ производства». Не мѣшаетъ замѣтить тутъ оригинальное упо-

требование слова «рента» выстоит дохолъ: Тенгоборский забылъ, что рентою называется только та часть дохода, которая вовсе не служитъ къ покрытию издержекъ производства, а составляетъ наемную плату, получаемую землевладѣльцемъ съ арендатора; его фраза подобна следующей: дивидендъ акціонерной фабрики недостаточенъ на покрытие издержекъ ея. Такія фразы свидѣтельствуютъ о сбывчивости понятій, которая одна впрочемъ и можетъ давать человѣку рѣшимость выступать защитникомъ обязательного труда. Тенгоборский не умѣлъ сказать того, что хотѣлъ сказать, именно, что цѣнностью продуктовъ не будутъ покрываться издержки производства.

Предположимъ сначала, что это возраженіе совершенно справедливо; въ такомъ случаѣ, что пѣзъ него слѣдуетъ по теоріи, принятой всѣми безъ исключенія экономистами? Насъ часто упрекали за то, что мы предпочитаемъ основательныя сужденія новой школы ошибочнымъ мнѣніямъ старой; но изъ нашего противорѣчія ошибкамъ старой школы вовсе не слѣдуетъ, что бы мы не находили въ сочиненіяхъ Сѣ или Россіи ни одной страницы справедливой; есть случаи, въ которыхъ всѣ школы согласны; къ нимъ принадлежитъ и тотъ, о которомъ мы должны теперь вести рѣчь. Надѣемся, что самъ Сѣ не нашелъ бы въ слѣдующихъ строкахъ ни одного слова, съ которыми бы не согласился вполнѣ.

Если цѣнность продуктовъ не покрываетъ издержекъ производства, это значитъ, что производство убыточно; национальный интересъ и собственная выгода хозяина требуютъ, чтобы такое производство было оставлено.

Если продукты моей фабрики не покрываютъ моихъ расходовъ на фабрику, я долженъ или закрыть или продать ее. Я не имѣю права требовать, чтобы государство разорилось для моей фабрики, чтобы, напримѣръ, оно поставило мнѣ за даромъ или матеріалъ, мню обработываемый, или машины, нужные мнѣ для обработки, или лошадей, приводящихъ въ движение эти машины, или работниковъ, управляющихъ этими лошадьми и машинами.

Положимъ, что я занимаюсь выдѣлкою шляпъ. Если продажа не окупаетъ мнѣ моихъ издержекъ, это происходитъ отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) или моя фабрика устроена дурно, и въ такомъ случаѣ я долженъ стараться улучшить ее, а если не умѣю улучшить, то вѣчно мнѣ и тягаться быть шляпнымъ фабрикантомъ, и пусть я разорюсь, государство тутъ ничего не проиграетъ; напротивъ, оно выигрываетъ, когда однимъ (урннымъ) фабрикантомъ будетъ меньше; или 2) я работаю шляпы не хуже и не дороже другихъ,—въ такомъ случаѣ, значитъ, всѣ шляпные фабриканты терпятъ убытокъ, подобно мнѣ; отчего же это? оттого, что шляпныхъ фабрикъ разве-

дѣсь слишкомъ много, и шляпы слишкомъ неко упали въ цѣнѣ: запросъ несоразмѣрнъ предложенію. Чѣмъ помочь этому? Всѣ экономисты согласны въ томъ, что изъ этого затруднительного положенія нельзя вывести насть, шляпныхъ фабрикантовъ, никакими пособіями, нарушающими справедливость. Если бы, напримѣръ, государство стало намъ давать за-даромъ матеріалы для выдѣлки шляпъ, мы по прежнему стали бы давать шляпъ больше, нежели требуется,—чтобы сбывать этотъ излишній товаръ, мы стали бы другъ передъ другомъ сбивать цѣну, и сбили бы опять-таки до того, что продажею шляпъ не покрывались бы наши расходы на ихъ выдѣлку. Тоже самое было бы, если бы мы получили отъ государства работниковъ, которые давали бы шляпы на нашихъ фабрикахъ по системѣ обязательного труда, то есть, или стоили бы намъ дешевле наенныхъ или вовсе ничего не стоили,—мы продолжали бы выдѣлывать шляпъ больше, нежели требуется, и цѣна ихъ все таки упала бы до того, что не покрывала бы нашихъ издережекъ.

Такими разорительными для государства пособіями не прекратилось бы наше затрудненіе. Корень его — излишество выдѣлки шляпъ по сравненію съ требованіемъ на нихъ, и потому лекарство тутъ одно — сократить выдѣлку. Чѣмъ больше будемъ мы разорять государство пособіями на нашу излишнюю выдѣлку, тѣхъ больше будемъ только сами запутывать свои дѣла; и лучшее для насть, чтѣ можетъ сгѣвать государство — не давать намъ этихъ разорительныхъ для него и вредныхъ для насть пособій, или прекратить ихъ выдачу, если ужъ по какой нибудь ошибкѣ они выдавались намъ. Такъ предоставленные собственнымъ силамъ, мы должны будемъ взяться за умъ, и скоро увидимъ, какъ пособить затрудненію.

Пособить ему очень просто: выдѣлка шляпъ невыгодна,—и такъ надобно отказаться отъ нея и заняться чѣмъ нибудь болѣе выгоднымъ.

Между нами, шляпными фабрикантами, найдутся люди дѣльные и предпріимчивые, поймутъ это, и закрывъ свои шляпныя фабрики, займутся, напримѣръ, выдѣлкою мыла или сукна. Гогда дѣла остальныхъ шляпныхъ фабрикантовъ поправятся: шляпъ выдѣлывается меньше прежняго, именно столько, сколько нужно, и цѣна ихъ поднимается на столько, чтобы быть выгодною безъ всякаго обязательного труда и другихъ разорительныхъ для государства привилегій и всjomоженій.

Каждый экономистъ скажетъ, что таково единственно справедливое и единственно возможное рѣшеніе дѣла о шляпныхъ фабрикантахъ.

Точно таково же было бы дѣло землемѣдѣльцевъ. производящихъ хлѣбъ обязательнымъ трудомъ, если бы кѣрны были слова Тенгоборскаго, что при отмѣнѣ обязательнаго труда не окупались бы издержки ихъ на наемную плату. Это значило бы только, что хлѣба на продажу предлагаютъ они больше, нежели требуется, и что они слишкомъ низко сбили его цѣну.

Ни въ одной изъ тѣхъ отраслей промышленности, которымъ предоставлены собственныи смысли, невозможенъ случай, предположенный нами, — именно, что издержки производства при наемной платѣ не покрываются продажею продуктовъ. Если же наше земледѣліе находится въ такомъ ненормальномъ состояніи, то очевидно, что оно введено въ это положеніе обязательнымъ трудомъ, и что единственное средство поднять цѣну хлѣба до нормальной высоты, то-есть, до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоитъ въ отменѣ обязательнаго труда. Онъ губить наше земледѣліе, роняя цѣну за хлѣбъ.

Неоспоримъ, дѣйствительно, тогъ фактъ, всѣми признаваемый, что цѣны на хлѣбъ у насъ сбиваются обязательнымъ трудомъ, ниже того, каковы бы были бы безъ этой язвы земледѣлія. Но даже и при этихъ цѣнахъ, воодѣльваніе хлѣба по системѣ наемнаго труда не только возможно, даже выгодно. Это извѣстно каждому, знающему русский бытъ: есть много купцовъ, разочищиковъ, поселянъ, которые воодѣльваютъ большая пространства земли наемнымъ трудомъ и получаютъ отъ того выгоды. Эти очень многочисленные факты доказываютъ совершающую исосновательность мысли, будто помѣщикамъ не будетъ выгодно обрабатывать свои поля наемнымъ трудомъ. Даже и теперь это дѣлается, какъ мы сказали, купцами и людьми другихъ званий, неимѣющихъ въ своемъ распоряженіи крѣпостныхъ работниковъ. Тѣмъ выгоднѣе будетъ это при уничтоженіи крѣпостнаго права, — когда цѣна хлѣба должна возвыситься.

Дѣло въ томъ, что наемный трудъ не окупается, — это неправда; дѣло въ томъ, что хозяйство съ наемнымъ трудомъ есть коммерческое предпринятіе, требующее расчетливости, сообразительности, требующее разумной заботы со стороны хозяина. Вотъ этихъ то условій отврашаются партизаны крѣпостнаго права, которое даетъ имъ даровой труль и доставляетъ возможность вести лѣла небрежно, неразсчетливо.

Если партизаны крѣпостнаго права откровенно скажутъ: при отменѣ обязательнаго труда, не будетъ въ состояніи съ выгодою раздѣльвать своихъ полей тотъ, кто не можетъ вести своего хозяйст-

ва экономическимъ, разочарованнымъ образомъ, кто умѣть только проживать достающееся ему дерево, и не можетъ сдѣлаться человѣкомъ цѣльнымъ, — если они откровенно скажутъ это, мы вполнѣ согласимся съ такими словами, въ которыхъ и заключается вся сущность вопроса.

Изъ трехъ доводовъ, представляемыхъ Тенгоборскимъ въ подтверждение «необходимости» крѣпостного права для Россіи, мы разсмотрѣли два первые, — и оказалось, что они говорятъ всѣхъ не въ пользу крѣпостного права, а свидѣтельствуютъ о его вредѣ: если у насъ мало капиталовъ, либою тому крѣпостное право, мѣшающее развитию свободнаго труда, который одинъ производитель, одинъ увеличиваетъ богатства націи; если дѣны на хлѣбъ слишкомъ идутъ, вину тому опять таки обязательный трудъ, разрушающій соразиѣрность производства съ потреблениемъ и уничтожающій въ деревняхъ разсчетливость. Изъ того и другаго одинаково слѣдуетъ «необходимость» не поддерживать, а какъ можно скорѣе отмѣнить обязательный трудъ. Остается третій доводъ въ пользу крѣпостного права, — доводъ, основанный на странномъ смѣшаніи доказателей.

3) • Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля и промышленность слаба, гдѣ мало денегъ въ оборотѣ, тамъ мужику удобнѣе отправлять повинности натурою нежели выплачивать за наемъ земли деньгами», говоритъ Тенгоборскій.

Оборотъ очень смѣлый. Да развѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и наемномъ труде есть вопросъ о томъ, какъ должны производиться уплаты по обязательствамъ, натурою или деньгами? Вѣдь самъ же Тенгоборскій говоритъ, что въ обязательномъ труде, кромѣ отправленія повинностей натурою (барщина), бываетъ и уплата за нихъ деньгами (оброкъ); и при вольнонаемномъ труде, уплата ищогда производится деньгами, а иногда натурою, — напримѣръ, при системѣ половничества, при нашемъ обычай нанимать людей на извѣстную землемѣльческую работу изъ третьаго, изъ четвертаго спона; даже въ многихъ фабрикахъ жалование вольнонаемнымъ рабочимъ выдается натурою, — производеніями фабрики, а не деньгами. Дѣло должно идти о томъ, нужно ли сохранить обязательный трудъ, а Тенгоборскій повергаетъ вопросъ на то, во всѣхъ ли мѣстностяхъ можно замѣнить барщину оброкомъ. Оборотъ очень смѣлый, но оскорбительный для читателя, которого авторъ предполагаетъ слишкомъ тупоумнымъ простакомъ, воображая, что его можно провести такимъ грубымъ обманомъ.

Вы говорите, что въ малоденежныхъ мѣстахъ при обязательномъ труде уплата работника хозяину удобнѣе производится натурою.

некоторыи деньгами, — чтожъ иль того? — въ этихъ мѣстностяхъ при вольнопасемомъ труде уплата отъ хозяина работнику можетъ также произволиться натурою, а не деньгами.

Но тутъ опять мы должны возвратиться къ вопросу: отчего же въ этихъ мѣстностяхъ мало денегъ въ оборотѣ, отчего слаба торговля и промышленность? — Все отъ той же коренной причины нашей бѣдности; — отъ обязательного труда, разорительного для націи.

Но всѣхъ прежнихъ ловодовъ еще мало Тенгоборскому, — онъ все таки чувствуетъ, что не защитилъ крѣпостнаго права своими разсужденіями, и пробуетъ опереться на факты. Онъ говоритъ, что поселене въ Россіи живутъ довольно зажиточно, и полагаетъ доказать этимъ, что вредное вліяніе крѣпостнаго права не такъ велико, какъ всѣ думаютъ. О степеніи благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить, — какова она, знаетъ каждый; а если бы вздумали мы здѣсь излагать то, что известно каждому, это заняло бы слишкомъ, слишкомъ много места. Если же въ некоторыхъ странахъ Западной Европы поселене живутъ не лучше, нежели въ Россіи, хотя въ этихъ странахъ и нѣтъ крѣпостнаго права, изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ въ пользу крѣпостнаго права. Иванъ худъ и слабъ оттого, что изнуренъ золотухою, говорите вы, — вѣтъ, золотуха болѣзнь не изнурительная, возвращаю я, и указываю вамъ на больнаго лихорадкою Петра, съ торжествомъ прибавляя: «Вотъ, Петръ не страдаетъ золотухою, а не лучшіе Ивана, стало въ золотухѣ нѣтъ ничего особенно дурнаго и у Ивана здоровье не страдаетъ отъ нея». У насъ однѣ причины бѣдности, въ Западной Европѣ другія; и намъ нужно заботиться о томъ, чтобы, уничтожая свои недостатки, не попасть въ тѣ ошибки, которыя ведутъ къ другимъ бѣдствіямъ. Въ чемъ источникъ страданій поселеній Западной Европы, мы будемъ еще имѣть случай говорить, развивая наши мысли о томъ, какъ вамъ предохраниться отъ подобныхъ бѣдствій. Въ Западной Европѣ бѣденъ тотъ землемѣръ, который не обрабатываетъ землю на себя; у насъ каждый, даже крѣпостной землемѣръ, имѣтъ своей участокъ, — этимъ до нѣкоторой степени вознаграждаются всѣ другіе наши недостатки, и основываясь на своихъ желаній по дѣлу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, мы должны привыкнуть то, чтобы они не остались безъ земли. Этотъ принципъ, слава Богу, пестащенъ теперь въ опасности Высочайшими реескриптами, опредѣляющими освобожденіе крестьянъ съ усадьбою и раздѣленіе господскихъ полей отъ крестьянскихъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

Но, чувствуя, что съ этой стороны, со стороны посѣдѣствій обязательного труда для благосостоянія крестьянъ, крѣпостное право

не можетъ быть защищено, Тенгборский опять возвращается къ мысли о необходимости его для обработки господскихъ полей; чувствуя, что умозаключенія его на эту тему малоубѣдительны, онъ думаетъ найти лучшую опору въ авторитетѣ, и приводитъ отрывокъ изъ Гакстгаузена. Въ статьѣ о книгѣ Гакстгаузена («Собр.» 1857 № VII) приведена была часть этого отрывка съ предисловиющими ему разсчетомъ, на которомъ основывается заключеніе, цитируемое Тенгборскимъ. Тогда же замѣчено было въ этой статьѣ, что разсчетъ Гакстгаузена о невыгодности наемного хозяйства въ Россіи построенъ на фальшивомъ сближеніи и опровергается фактами, приводимыми у самого Гакстгаузена; замѣчено было также, что если бы даже принять втогъ фальшивый разсчетъ, изъ него следовало бы вовсе не то заключеніе, какое дѣлаетъ Гакстгаузенъ. Теперь мы можемъ точнѣе развить эти мысли.

Прежде всего повторимъ, что уже было сказано въ настоящей статьѣ: если бы разсчетъ и выводъ изъ него у Гакстгаузена были совершенно справедливы, еслибы действително возможшаніе въ которыхъ поля въ Россіи было возможно только при обязательномъ труде,—что следовало бы изъ того? Слѣдовало бы только, что искоторые поля не окуютъ работы, на нихъ употребляемой, и что чѣмъ скорѣе прекратится ихъ обработка, невыгодна для государства, тѣмъ лучше будетъ для государства. Еслибы я, пользуясь какими нибудь привилегіями, давными мною отъ государства, вздумалъ разводить лѣса въ Вологодской или Вятской губерніяхъ, въ которыхъ и безъ того слишкомъ много лѣса, боясь сомнѣй мною удалось бы кое какъ развести иѣсколько десятинъ лѣса на моихъ плантацияхъ. Но само собою разумѣется, продажа этого лѣса далеко не покрываетъ мои расходы, и плантации мои поддерживались бы только потому, что государство каждый годъ жертвовало бы мнѣ пособіе,—что слѣдовало бы изъ такого положенія лѣса?—только то, что я разорюю государство для поддержки моего неразумѣливаго производства, — слѣдовало бы, что здравый смыслъ долженъ говорить государству о необходимости прекратить помощь, которую я растратаю неразумѣльнымъ образомъ, а мнѣ должна говорить совѣсть, чтобы я прекратилъ свое неразумѣльное производство и обратился къ какому нибудь другому занятію, которое было бы не разорительно, а выгодно для государства.

Основнымъ принципомъ всѣхъ соображеній о государственномъ и частномъ хозяйстве должна быть аксиома, несомнѣнная какъ $2 \times 2 = 4$ для каждого экономиста: производство, не покрывающее при наемномъ труде своихъ издержекъ продажею продуктовъ, раз-

зарегистрировано для государства, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ лучше для государственного благоустройства.

Кто не признаетъ этой аксиомы, тотъ обнаруживаетъ совер-шеннуу непріготоуемость свою къ разсужденію о какихъ бы то ни было экономическихъ дѣлахъ, государственныхъ ли или част-ныхъ, своихъ ли собственныхъ или чужихъ.

Такимъ бытъ бы отвѣтъ на разсчетъ и выводъ Гакстгаузена о невыгодности обработки некоторыхъ полей въ Россіи наемнымъ трудомъ, таковъ, говоримъ мы, бытъ бы отвѣтъ, если бы разсчетъ бытъ вѣренъ и выводъ логиченъ. Но разсчетъ Гакстгаузена фальшивъ и выводъ изъ него ошибоченъ.

Прежде всего, нрапомнимъ точный смыслъ словъ Гакстгаузена. Ось говоритъ, что если бы ему давали даромъ землю въ Ярослав-ской губерніи, съ условіемъ воздѣлывать ее наемнымъ трудомъ въ такомъ же родѣ, какъ воздѣливаются земли въ юго-западной Гер-маніи, такое хозяйство бытъ бы убыточно, и онъ отказался бы отъ подарка.

Справедливо. Но въ чѣмъ тутъ сущность дѣла? По выводу Гакст-гаузена, кажется, будто невыгода произойдетъ отъ условія воздѣльывать землю наемнымъ трудомъ; такъ ли? не отъ другаго ли ка-кого условія? Гакстгаузенъ говоритъ, что вести хозяйство онъ ду-малъ бы такъ, какъ въ юго-западной Германіи; не довольно ли од-ного этого обстоятельства для объясненія невыгоды?

Въ Николаевскомъ уѣзѣ, Самарской губерніи, земля не удоб-рается, въ Рязанской усобряется. Если бы мнѣ даромъ давали зем-лю въ Самарской губерніи съ условіемъ удобрять ее по-рязански, это условіе было бы раззорительно, все равно, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ стала бы я ее обрабатывать. Черноземъ не терпитъ рязанского удобренія, и урожай бытъ бы плохі, да и цѣ-нного хлѣба въ Самарѣ не окupaются издержки на удобреніе. Наобо-ротъ: если бы я долженъ бытъ рязанскую землю воздѣлывать по-са-марски, безъ удобренія, я раззорился бы, все равно, и при обя-зательномъ и при наемномъ трудахъ; урожай безъ удобренія въ Ряза-ни не возвращалъ бы даже съмнѣнія.

Чѣмъ изъ этого сдѣлусь? Просто то, что въ каждой области по-разному хозяйства должны быть сообразены съ климатомъ, почвой, и т. п. Дѣло идетъ о томъ, въ чѣмъ должны состоять работы, а вовсе не о томъ, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ онъ совершаются.

Въ юго-западной Германіи земледѣлецъ круглый годъ можетъ быть занятъ полевыми работами, сообразно тому, онъ и не зани-маются ни чѣмъ другимъ. Если бы у насъ, при нашей длинной зи-мѣ, земледѣлецъ проводилъ въ бездѣйствіи все то время, когда

чѣть полевыхъ работъ, это было убыточно,—вотъ и все. Потому у насъ поселеніи зимою и занимается какими нибудь промыслами, преимущественно извозомъ. Гакстгаузенъ не принимаетъ этого въ разсчетъ; оттого и выходитъ у него недочетъ въ хозяйстве. Если бы онъ считалъ, что научный работникъ, точно также, какъ крѣпостной крестьянинъ, и точно также, какъ самостоятельный хозяинъ поселеніи, половину года занятъ промыслами, результатъ быль бы иной.

Пусть хозяинъ нанимаетъ работника для полевыхъ работъ только на полгода, или, если нанимаетъ его на цѣлый годъ, употребляетъ наемщика зимою на какой нибудь промыселъ,—вотъ прямое, известное у насъ каждому по опыту съѣздѣствіе продолжительности вашей зимы. Упускать это изъ виду, значитъ искажать сущность вопроса.

Не менѣе дурное искаженіе состоится и въ томъ, что, взявъ обстоятельства, существующія въ Ярославской губерніи, которая одна изъ самыхъ невыгодныхъ у насъ для земледѣлія, и въ которой поэтому почти все населеніе имѣеть главнымъ источникомъ дохода не земледѣліе, а промыслы, Гакстгаузенъ, а еще болѣе Тенгборскій, дѣлаютъ по этой губерніи заключеніе обо всей Россіи. Это похоже на то, какъ если бы изъ невыгодности хлѣбопашства на западномъ берегу Ирландіи дѣлать заключеніе о невыгодности его во всей Западной Европѣ. Добросовѣстна ли такая уловка?

Если бы разсчетъ Гакстгаузена и не былъ фальшивъ, онъ примѣнялся бы только къ Ярославской губерніи и очень немногимъ другимъ мѣстностямъ, которыхъ известны подъ именемъ промышленныхъ. Добросовѣстно ли брать за образецъ Ярославскую губернію, когда дѣло идетъ о выгодахъ земледѣлія въ Россіи? это все равно, что брать за образецъ Бранденбургъ, когда дѣло идетъ о виноградникахъ Западной Европы. И въ Бранденбургѣ есть виноградники, и тамъ выдѣлываются вино, во этотъ промыселъ невыгоденъ и бранденбургское вино очень дурно—слытуетъ ли изъ того, что во всѣхъ странахъ Западной Европы виноградники даютъ мало дохода и приносятъ вино дурнаго качества?

Въ Ярославской губерніи земледѣліе менѣе выгодно, нежели въ другихъ русскихъ областяхъ, — итакъ, во всей Россіи земледѣліе можетъ существовать только при обязательномъ труде; русское хозяйство устраивается такъ, что только половину года занято земледѣліемъ, а другую половину года другими промыслами,—и такъ, обязательный трудъ выгоняется наемнаго. Какія изумительныя заключенія! «Я плохо играю на скрипкѣ, потому мой братъ хорошо играетъ на гитарѣ» — превосходный силлогизмъ!

Гакстгаузена и Тенгборского занимаетъ вопросъ: возможно ли земледѣліе съ наемнымъ трудомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлецъ можетъ заниматься воздѣлываніемъ своихъ полей съ выгодою для себя,—этотъ вопросъ представляется уже совершенно неизвѣстною, если вникнуть въ сущность понятій, которыхъ онъ касается.

Если земледѣлецъ, воздѣлывающій на себя свой участокъ, находить выгоду обрабатывать его, это значитъ, что цѣнность производства съ избыткомъ покрывается цѣнностью продуктовъ.

Наемная плата составляетъ только часть расходовъ производства.

Какимъ же образомъ наемная плата не будетъ покрываться цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ наемщика?

Изъ этого видно, что повсюду, гдѣ возможно существование земледѣльца, воздѣлывающаго на себя свой участокъ, наемный трудъ, и подавно, будетъ окупаться цѣнностью продуктовъ.

Боже мой! не во снѣ ли привидѣлось намъ, будто ученые агрономы усумнились въ возможности воздѣлывать землю въ Россіи наемнымъ трудомъ? на яву едва ли могла прійти комунибудь въ голову такая химера. Развѣ не извѣстно каждому, не только агроному, но и простому человѣку, что увеличеніе числа работниковъ, въ русской земледѣльческой семье, считается благодѣтью Божіею, что чѣмъ больше работниковъ въ семье, тѣмъ она зажиточнѣе? Развѣ не значитъ это, что содержаніе работника съ избыткомъ, и большимъ избыткомъ, окупается его работою? Развѣ не извѣстно, что каждый домохозяинъ, если только имѣеть достаточное количество земли, считаетъ выгоднымъ для себя принанять работника? Что же это значитъ, скажите ради Бога, если не значитъ, что наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи выгоденъ?

Укажите мѣстности, въ которой земледѣльческая семья, напримѣръ изъ восьми человѣкъ съ тремя работниками, считалась бы бѣднѣе такой же семьи съ двумя работниками,— только въ такой мѣстности трудъ не окупается, стало быть невозможенъ наемный трудъ, но такой мѣстности въ Россіи вы не найдете.

Боже мой, и люди, называющіе себя агрономами-экономистами, отваживаются, при такихъ очевидныхъ фактахъ, говорить о убыточности наемного труда! Неужели они не могутъ сообразить, что наемный трудъ только тогда убыточенъ, когда работа не окупаетъ себя? Неужели же они воображаютъ, что доходы, доставляемые работою мужика земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ, обращаются въ убытокъ этому мужику? «Наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи не окупается» — вѣдь это значитъ, что Россія не мо-

жетъ заниматься земледѣліемъ, что земледѣліе для Россіи — убыточное занятіе.

Можно ли отваживаться высказывать такія неизвѣстности? Вѣдь это посрамление, — не говорить уже для науки, — это посрамление для смысла человѣческаго.

Не будемъ же разсуждать о томъ, окупаются ли въ Россіи издержки наемнаго земледѣльческаго труда; сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ томъ, выгодное или убыточное дѣло хлѣбопашество въ Россіи, можетъ ли русскій поселенникъ-земледѣлецъ имѣть выгоду запаски отъ своего участка, — если онъ имѣть выгоду, то будетъ имѣть выгоду отъ своего поля и тотъ, кто найметъ работника для его воздѣлыванія.

Тенгборскій въ Гакстгаузенъ въ своей ревности за крѣпостное право зашли слишкомъ далеко, поставили вопросъ такъ, что сомнѣвіе въ его положительномъ рѣшеніи представляется очевидною неизвѣстностью. Но это они увлеклись излишнею ревностью, — въ сущности имъ слѣдовало говорить не о томъ, возможно ли вести земледѣліе наемнымъ трудомъ, — это не подлежитъ спору, а только о томъ, какимъ образомъ выгоднѣе для помѣщика вести земледѣліе, наемнымъ или обязательнымъ трудомъ. Наемный трудъ не убыточенъ; но, быть можетъ, обязательный трудъ въ настоящее время выгоднѣе для помѣщика?

На это положительнымъ образомъ отвѣчаетъ наука. Одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ выгодность или невыгодность наемнаго труда для помѣщика, сравнительно съ обязательнымъ, есть густота населенія. Чѣмъ меньше населеніе въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для землевладѣльца обязательный трудъ; чѣмъ гуще населеніе въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для него наемный трудъ. Токеръ (Tucker) занимался изслѣдованиемъ объ этомъ, и нашелъ, что при населеніи въ шестьдесятъ-шесть человѣкъ на квадратную англійскую милю, наемный трудъ для земледѣльца становится уже выгоднѣе обязательнаго. Эта цифра слишкомъ высока, какъ мы увилишили выше; и, при населеніи нешѣ, нежели шестидесяти-шести душъ наанглійскую квадратную милю, наемный трудъ уже выгоднѣе обязательнаго, — это мы докажемъ, но попробуемъ примѣнить къ Россіи даже ту цифру, которую находимъ у Токера.

Чтобы примѣнить эту цифру къ Россіи, надо привѣтъ въ соображеніе два обстоятельства, — число городского населенія и количество неудобныхъ земель.

Въ тѣхъ странахъ, которыя имѣлъ въ виду Токеръ (Западная Европа и Сѣверная Америка), городское населеніе составляетъ не менѣе одной трети всего числа жителей. Въ Россіи, оно, считая сто-

лицы, сюда соотставляется десять процентовъ, а въ большей части губерній не соотставляетъ и девяти процентовъ.

Въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, количество неудобныхъ для хлѣбопашства земель очень не велико, — пять, шесть процентовъ всего пространства территории; въ Европейской Россіи неудобныя земли занимаютъ болѣе одной третьей части всей территории.

Эти два обстоятельства падобно ввести въ разсчетъ, если принять къ Россіи цифру, показываемую Токеромъ.

66 человѣкъ на англійскую квадратную милю, — это даетъ 1,400 на квадр. географическую милю. Изъ нихъ, въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, на городское населеніе приходится не менѣе $\frac{1}{2}$, стало быть для сельского населенія остается 966 человѣкъ. И такъ, тѣ губерніи Россіи, въ которыхъ число сельского населенія превышаетъ эту послѣднюю цифру, удовлетворяютъ условію, представляемому Токеромъ.

Но неудобной земли, которая не занимаетъ рукъ, нечего считать, когда рѣчь идетъ объ отношеніи числа рабочихъ рукъ къ пространству воздѣльываемой земли. Есть въ Россіи губерніи, напримѣръ Воронежская, Тульская, Подольская, Нижегородская, Тамбовская, въ которыхъ пропорція неудобной земли ненелика, всего 3% — 8%, — это пропорція къ роли той, какую имѣть въ виду Токерь. Но въ губерніяхъ Оренбургской и Херсонской цѣлая половина пространства — неудобная земля; въ Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерніяхъ неудобной земли даже больше, нежели удобной. Несправедливо было бы считать населеніе на обширныхъ пустыніи, неимущія имѣть населенія и не могущія занимать работниковъ. Поэтому 966 сельского населенія мы должны считать на удобныхъ земляхъ, съ прибавкою 5%, неудобныхъ земель, какъ считалъ Токерь, а излишнее затѣмъ пространство не удобныхъ земель выбрасывать изъ счета, — оно не занимаетъ рабочихъ рукъ.

Производя примѣщеніе Токкерова вывода къ Россіи съ соблюденіемъ двухъ этихъ условій, требуемыхъ сущностью дѣла, мы увилимы, что на исемъ почти пространствѣ Россіи, имѣющимъ крѣпостныхъ крестьянъ, населеніе уже достигло той плотности, при которой паемый трудъ становится для землемѣльца выгоднѣе обязательнаго. Изъ областей, имѣющихъ сельского населенія менѣе 966 душъ, на квадр. геогр. милю удобной земли съ прибавкою 10% неудобной, о всѣхъ почти мы положительно знаемъ, что малочисленность населенія съ избыткомъ возлагается въ нихъ другими обстоятельствами, благопріятствующими развитію выгодности паемаго труда, и въ большей части этихъ областей мы имѣемъ положительные фак-

ты, свидѣтельствующіе неоспоримымъ образомъ, что наемный земледѣльческій трудъ въ этихъ областяхъ съ успѣхомъ выдерживаетъ соперничество обязательнаго.

Области Русской Имперіи, не имѣющія и въ настоящее время обязательнаго труда, или, по самой плотности своего сельскаго населенія достигшія такого положенія, при которомъ наемный трудъ становится для землевладѣльца выгоднѣе обязательнаго, или по другимъ мѣстнымъ условіямъ достигшія такого же экономического положенія, обнимаютъ почти все пространство Россіи и населеніе ихъ простирается слишкомъ до 63,000,000. Во всѣхъ этихъ областяхъ обязательный трудъ для самого землевладѣльца менѣе выгоденъ, нежели наемный.

Затѣмъ остаются въ двухъ мѣстностяхъ округи, незначительные по своему объему и населенію и сравненія съ пространствомъ Россіи. Пространство этихъ областей составляетъ около 6,000 географическихъ миль, менѣе нежели одну пятнадцатую часть Европейской Россіи, а населеніе простирается не болѣе, какъ до 3,500,000 душъ обоего пола, то есть не составляетъ и одной восемнадцатой части населенія Россіи. Объ этихъ мѣстностяхъ нельзя съ достовѣрностью решить по Токкерону правилу, выгоднѣе ли въ нихъ наемный трудъ обязательнаго. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, существуютъ ли въ нихъ, какъ въ другихъ многоземельныхъ областяхъ Россіи, условія, которыми и при малонаселенности придется наемному труду выгодность сравнительно съ обязательнымъ; потому мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, что въ этихъ областяхъ замѣна обязательнаго труда наемнымъ будетъ для землевладѣльцевъ выгодно, но еще менѣе оснований имѣть кто либо сказать, что она была бы невыгодна; — объ этомъ вопросѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и нужно еще собрать ихъ; но, судя по примѣру сходныхъ съ этими областями мѣстностей, имѣющихъ выгоду въ наемномъ труде, надобно ожидать, что точнѣйшія свѣдѣнія обнаружатъ выгодность наемнаго труда и для этихъ областей. (*)

(*) Вотъ цифры и факты, на которые ссылаемся мы въ текстѣ. Замѣтить, что числа о населенности и о пропорціи неудобныхъ земель взяты нами изъ тога же Толгоборского, который говорить о невыгодности наемнаго труда, сань не воображая, что данными изъ его собственной книги опровергается это мнѣніе.

1) Царство Польское, Финляндія, Курляндія, Эстляндія, Лифляндія и Сибирскія губерніи не имѣютъ крѣпостнаго населения; общее число жителей 10,750,000.

2) Въ губерніяхъ: Архангельской, Вятской, Астраханской, Олонецкой, Тверской, въ Бессарабской области и Закавказскихъ владѣніяхъ, число крѣпостныхъ крестьянъ такъ незначительно, что съ увѣтоженiemъ обязательнаго труда не можетъ произойти никакой чувствительной перемѣны въ экономическаго отношеніяхъ, по которымъ воздѣлывается земля (тѣ Архангельской губ.

Теперь спрашивается: могутъ ли всѣ области Русской Имперіи съ громаднымъ населеніемъ въ 63,000,000 человѣкъ,—могутъ ли эти

берніи, наименьшая пропорція — крѣпостные люди не составляютъ и одной 15,000—ной части населенія; въ Таврической губерніи, где пропорція ихъ наиболѣе значительна, они не составляютъ и одной 15-той части населенія). Общее число жителей 6,250,000.

3) Изъ остальныхъ губерній, А) имѣютъ болѣе 1,400 жителей на квадратную милю: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Киевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская (по Тенгоборскому), также Харьковская (по Кеппену, см. Мѣсяцословъ, 1853 г.) Общее число жителей 19,000,000.

В) За вычетомъ количества неудобной земли, превышающаго 5%—ную пропорцію, имѣютъ болѣе 1,400 жителей на квадр. милю губерніи: Гродненская, С.-Петербургская, Екатеринославская. Общее число жителей 2,750,000.

С) За вычетомъ городского населения, имѣютъ болѣе 1000 сельского населения на квадратную милю: Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Константиновская, Казанская, Тверская, Болыпская, Смоленская. Общее число жителей 11,500,000.

Д) За вычетомъ неудобныхъ земель, сельского населения приходится болѣе 1000 душъ на милю въ губерніяхъ: Виленской, Могилевской, Витебской, Херсонской. Общее число жителей 3,250,000.

Губерніи и области, наим исчисленія, или не имѣютъ обязательнаго труда, или уже по самой плотности своего населения находятся въ такомъ состояніи, при которомъ для землевладѣльца наемный трудъ выгоднѣе обязательнаго. Число жителей всѣхъ этихъ губерній составляетъ цифру 53,500,000.

За тѣмъ, остаются губерніи: Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Костромская, Ставропольская, Минская, Новгородская, Вологодская, Ісковская и Земля Днѣсскихъ Козаковъ, съ общимъ населеніемъ въ 13,250,000.

Эти области не имѣютъ столь густаго населения, чтобы одна плотность его умѣла указывать на то, что наемный трудъ для воздѣлыванія полей выгоденъ въ нихъ землевладѣльцу. За то въ большей части изъ нихъ существуютъ другія условія быта, приводящія къ тому же результату, — въ однихъ областяхъ — черноземъ, уменьшающій издержки пахоты, въ другихъ — выгодный сбытъ въ приморскіе порты или въ столицы, съ избыткомъ замѣняющей малочисленность местныхъ потребителей. «Въ большей части этихъ областей», а не во всѣхъ безъ исключенія этихъ областяхъ сказали мы только потому, что сельскохозяйственная статистика наша разработана еще очень мало, и о состояніи сельского хозяйства въ некоторыхъ областяхъ вѣтъ у насъ точныхъ свѣдѣній; но о всѣхъ тѣхъ областяхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія, известно, что воздѣлываніе хлѣба наемными трудомъ выгодно въ нихъ даже винѣ, — вѣтъ, напротивъ того, изъ одной области, о которой было бы известно, что она въ ней невыгоденъ. Исчислимъ же тѣ изъ многоземельныхъ областей, въ которыхъ и нынѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, землевладѣльцу выгодно воздѣлываніе полей пахомъ.

Ставропольская губернія, подобно другимъ Новороссійскимъ, съ выгодно воздѣлываетъ поля наемными трудомъ.

Саратовская губернія также, — это доказывается хозяйствомъ колонистовъ, имѣющимъ множество наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ; доказывается

области, въ которыхъ даже для самыхъ помѣщиковъ выгодно отысканіе крѣпостного права, — могутъ ли онѣ подвергаться всѣмъ безчисленнымъ неудобствамъ, вытекающимъ изъ обязательного труда, потому только, что въ двухъ или трехъ небольшихъ округахъ, не имѣющихъ и 3,500,000 населенія, для нѣкоторыхъ земледѣльцевъ наемный трудъ можетъ быть (не навѣриное, вовсе нѣть, а только можетъ быть, да и то едва ли) будеть менѣе выгоденъ, нежели обязательный? Припомнимъ еще, что даже для этихъ немногихъ землевладѣльцевъ небольшихъ округовъ наемный трудъ безъ сомнѣнія будетъ приносить выгоду, и сомнѣніе только въ томъ, будеть ли онѣ приносить имъ столько выгоды, сколько обязательный (*).

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ примѣненіе къ Россіи той нормы, которая поставлена Токеромъ. Но мы замѣтили, что эта также множествомъ примѣровъ русскихъ купцовъ, разночищевъ и поселянъ, также воздѣлывающихъ поле наемнымъ трудомъ.

Таковъ же, какъ въ Саратовской губерніи, характеръ хозяйства въ Симбирской.

Тоже самое въ Землѣ Донскихъ Козаковъ.

Тоже самое (по свидѣтельству самого Гакстгаузена) въ Вологодской губерніи.

Въ Пермской губерніи наемный трудъ также выгоденъ.

Въ Оренбургской губерніи также, и притомъ число крѣпостныхъ крестьянъ незначительно.

Самарская губернія, составившаяся изъ уѣздовъ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Астраханской губерній, можетъ, съ такою же выгодою, какъ и тѣ, воздѣлывать хлѣбъ наемнымъ трудомъ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ и областахъ находится жителей 9,750,000.

Съ прежнимъ итогомъ, эта цифра составляетъ 63,230,000 жителей.

Остаются губерніи: Костромская, Минская, Новгородская, Псковская, о которыхъ мы не знаемъ, воздѣлывается ли въ нихъ съ выгодою хлѣбъ наемнымъ трудомъ, — того, что въ нихъ это не представляло бы выгоды, мы не можемъ сказать. Всѣ эти губерніи, единственный, въ которыхъ недостовѣрна (хотя и вѣроятна) выгодность наемнаго земледѣльческаго труда, едва имѣютъ жителей 3,500,000.

Въ томъ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ менѣе 2,000,000 душъ обоего пола.

Если въ Вологодской и Вятской губерніяхъ, имѣющихъ климатъ болѣе холода и населеніе не болѣе плотное (Вятка) или даже гораздо менѣе плотное (Вологда) наемный трудъ выгоденъ, то мы имѣемъ всю вѣроятность ожидать, что точные свѣдѣнія покажутъ его выгодность и для этихъ областей.

(*) По Твергуборскому, число всѣхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Костромской и Минской—12,107; изъ нихъ имѣютъ менѣе 20 душъ, то есть, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сколько нибудь порядочнымъ образомъ жить доходамиъ въ своихъ помѣстій—8,323. Остается помѣщиковъ, у которыхъ доходы съ помѣстіевъ имѣютъ нѣкоторую важность—3,784. Итакъ, съ одной стороны, благо государства и прямая выгода 63,000,0.10 человѣкъ (не говоря уже про облегченіе судьбы крѣпостныхъ крестьянъ), — съ другой — быть можетъ нѣкоторый убытокъ для 3,784 лицъ, — быть можетъ, нѣкоторый убытокъ, а быть можетъ, также и для нихъ самихъ выгода.

T, LXVII. Отд. I.

форма, подъ которой уже подхалишь почти вся Европейская Россия, слишкомъ высока. Было бы слишкомъ долго здѣсь излагать, почему должно признать слишкомъ высокимъ число 66 жителей на квадратную англійскую милю, при которомъ по Токеру начинается рѣмѣтальная невыгодность обязательного труда для землевладѣльцевъ. Довольно будетъ указать одинъ фактъ: съверные штаты Американскаго Союза, въ которыхъ иѣть обязательного труда, прощеются, какъ известно, при свободномъ труде, и всѣ жители ихъ, землевладѣльцы и земледѣльцы, капиталисты и работники, одинаково думаютъ, что для всѣхъ нихъ было бы разореніемъ, если бы существовать у нихъ обязательный трудъ. Между тѣмъ, густота населения въ этихъ штатахъ гораздо менѣе, нежели въ Европейской Россіи (*).

Но зачѣмъ искасть за Атлантическимъ Океаномъ примѣръ того, что въ земляхъ населенныхъ гораздо менѣе, нежели русскія области съ крѣпостнымъ правомъ, наемнымъ трудомъ поля воздѣльзываются съ выгодою противъ обязательного труда? У насъ подъ глазами Финляндія, въ которой населенность гораздо менѣе, нежели во всѣхъ нашихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ, въ которой климатъ сурое, почва неблагодарна, нежели въ русскихъ областяхъ нашей Имперіи. Мы видимъ, что наемный трудъ финляндскаго земледѣлія приноситъ владѣльцамъ земли болѣе выгодъ, нежели получаются наши землевладѣльцы отъ земледѣлія съ обязательнымъ трудомъ.

(*) Вотъ цифры населения съверныхъ (не имѣющихъ обязательного труда) штатовъ Американскаго союза, за 1850 годъ:

1) Штаты Новой Англіи (Мэнъ, Ньюгемпширъ, Вермонтъ, Массачусетсъ, Родъ-Айлендъ, Коннектикутъ) 2.727,879 жителей на 63.226 англ. квадр. миляхъ, то есть 43,07 жителей на квадр. англ. милю или 915 на квадр. геогр. милю. Въ Европейской Россіи, гораздо гуще населены губерніи: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Разанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская, Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Гродненская, Ковенская, Казанская, Харьковская, С.-Петербургская, Тверская, Волынская, Виленская, Смоленская, Область Бессарабская, губ. Могилевская, также Царство Польское, Курляндія и Лифляндія. Равную этимъ штатамъ населенность имѣютъ губерніи: Сибирская и Витебская.

2) Съверозападные штаты (Индіана, Иллінойсъ, Мичиганъ, Уисконсинъ и Йода) 5,168,000 жителей на 308,210 квадр. англ. миляхъ, то есть по 16,78 жителей на квадр. англ. милю или 356 жителей на квадр. геогр. милю. Въ Европейской Россіи почти всѣ области гораздо болѣе населены; менѣе 356 жителей на квадр. геогр. милю имѣютъ только губерніи Архангельская, Астраханская, Олонецкая, Великое княжество Финляндское (во всѣхъ этихъ областяхъ иѣть обязательного труда) и губерніи Вологодская, Пермская, Оренбургская и Земля Донскихъ казаковъ (во всѣхъ этихъ областяхъ наемный трудъ въ земледѣліи выгоденъ, какъ известно изъ положительныхъ фактовъ). Во всей оставшейся Европейской Россіи населеніе гуще, нежели въ этихъ штатахъ и стало быть надобности въ обязательномъ труде еще менѣе, нежели въ нихъ.

Но Финляндия населяется племенемъ, съ другими привычна имъ? Есть у насъ примеръ и въ одноплеменныхъ наимъ странахъ. Сибирь съ своимъ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ превосходно воздѣльваетъ свои поля безъ обязательного труда. Впрочемъ, зачѣмъ ходить въ Азію, когда много такихъ примѣровъ и въ Европейской Россії? Архангельская и Олонецкая губерніи — самыя малонаселенные страны Европейской Россіи, и однако же вовсе не нуждаются въ обязательномъ труде тамошніе землевладѣльцы для того, чтобы съ выгодою для себя воздѣльвать каждый удобный для хлѣбопашства кусокъ земли.

Если наемный земледѣльческий трудъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ Европейской Россіи, допускающихъ по своему климату земледѣліе, выходитъ, то мы не знаемъ, зачѣмъ послѣ этого нужно существованіе обязательного труда. «Ва тѣмъ, говоритъ Гакстгаузенъ, чтобы издержки производства не падали на землевладѣльца» — а, это хорошо.

Впрочемъ, едва ли не напрасно оспаривали мы выводъ Гакстгаузена о необходиности обязательного труда, — отъ самъ отступаетъ отъ этого вывода, говоря, что есть средство съ выгодою вести хозяйство наемнымъ трудомъ: нужно только, чтобы наемные работники не сидѣли сложа руки, — для этого слѣдуетъ или нанимать ихъ только на время полевыхъ работъ, или во время зимы, когда нетъ полевыхъ работъ, давать имъ другое занятіе. Если такимъ легкимъ способомъ по мнѣнію Гакстгаузена можно сдѣлать наемный земледѣльческий трудъ выгоднымъ, къ чему же толковать онъ и особенно къ чему еще рѣшительнѣе его толковать всѣдѣ за нимъ Тенгборский о надѣбности въ обязательномъ труде? и къ чему опять послѣ того начинать онъ толковать о необходимости资料ного же обязательного труда для сохраненія большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ? Вѣдь онъ самъ уже объяснялъ, какимъ образомъ они удобно могутъ поддержаться и безъ обязательного труда.

Въ заключеніе всего, надѣлавъ противорѣчій самому себѣ, Гакстгаузенъ говоритъ, что обязательныя повинности должны быть ограничены закономъ, и Тенгборскій наивно прибавляясь, что въ дѣйствительности русскій крестьянинъ *n'est pas taillable et corrigable à volonté*, какъ никогда французскій. Такъ смѣло противорѣчить фактамъ *аффицно* только въ книгѣ, писанной на иностранномъ языкѣ, назначеннай не для русскихъ читателей, изъ которыхъ каждому слишкомъ хорошо извѣстны слѣдующіе факты:

Замѣнить барщину оброкомъ или ссадить крестьянъ съ барщиной за оброкъ зависитъ отъволи помѣщика. Надобно ли объяснять, что

такія перемѣны чаше всего производятся въ видѣкъ увеличения доходности имѣнія?

При оброчномъ положеніи, величина оброка зависитъ совершенѣ отъ воли помѣщика.

При барщинѣ, воля помѣщика опредѣляется:

1) Пространство господской запашки; отъ него зависитъ число рабочихъ дней.

2) Дополнительные къ барщинѣ сборы натурою (полотно, ягоды, куры, яйца, и т. д.)

3) Отправление обозной повинности.

При оброкѣ и барщинѣ, воля помѣщика одинаково опредѣляется, до какихъ лѣтъ мужикъ несетъ тягло.

Это главныя и общія черты того вліянія, которыя имѣеть воля помѣщика на величину повинностей.

Надобно ли прибавлять, что отъ воли того же лица зависитъ, останется ли оно вѣрно обыкновенному порядку, какого держится большинство, или вздумаетъ отличаться отъ большинства какими нибудь особенностями, то есть, удовольствуется ли этими и другими обычными способами полученія доходовъ отъ обязательного труда, или введетъ другіе способы?

Изъ этихъ способовъ, которыхъ не держится большинство помѣщиковъ, но принять которые можетъ каждый желающій помѣщикъ, назовемъ хотя слѣдующія:

1) Учрежденіе завода или фабрики съ обязательнымъ трудомъ.

2) Соединеніе оброка съ барчиною, двумя путями: А, съ преобразованіемъ барщины, причемъ денежный оброкъ есть уже, такъ, сказать сверхкомплектный окладъ (независимый отъ дополнительныхъ сборовъ, упомянутыхъ выше); В) съ преобразованіемъ оброка, при которомъ барщина есть уже такъ сказать сверхкомплектный окладъ. Напримѣръ: А) полная барщина во все время полевыхъ работъ, съ оброкомъ въ 5 или 10 рублей съ тягла за зиму; В) оброкъ въ 20 или 30 рублей съ тягла, съ работою по одной или по полуторы неѣли во время запашки и сѣнокоса.

3) Переводъ пахотныхъ крестьянъ всей деревни на мѣсячину.

4) Поставка рекрутовъ сверхъ-комплекта.

Этихъ способовъ можно бы назвать гораздо больше, но полного списка ихъ никогда, не только намъ, но и никому въ мірѣ, не удалось бы составить, потому что изобрѣтательность человѣческаго ума неистощима.

При всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ необходимости сохранить въ Россіи обязательный трудъ, Тенгборскій по чему-то, вѣроятно вслѣдствіе внутренняго увлеченія ошибочными мнѣніями, которыя

такъ основательно опровергъ, начиная говорить о средствахъ уменьшить объемъ и произволъ обязательного труда и даже вовсе уничтожить эту повинность. Онъ чрезвычайно восхищенъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ барщина замѣняется оброкомъ, а въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ вводится урочное положеніе, и воображаетъ, что это великий шагъ впередъ, и что оброкъ чуть ли уже не есть превращеніе обязательного труда въ поземельную ренту, т. е. уничтоженіе обязательного труда; изъ такой прекрасной мечты онъ выводить, что можно правительству и не заботиться объ этомъ дѣлѣ,—оно, дескать, совершается само собою, по волѣ самихъ землевладѣльцевъ, по мѣстнымъ удобствамъ, безъ участія правительства, и во всякомъ случаѣ составляеть мѣстный, а не государственный вопросъ.

Мечта эта прелестна, какъ ющая изъ идилій Теокрита. Чтобы вѣрить ей, нужно только два очень легкия условія: не понимать или отвергать факты, и спутывать самыя основныя экономическихъ понятія.

Барщина иногда замѣняется оброкомъ,—есть ли это уменьшеніе произвола въ наложеніи обязательного труда? Всё пѣть, напротивъ, произволъ увеличивается. Обычай и, въ случаѣ нужды, законъ можетъ мѣшать увеличенію барщины выше трехъ дней; размѣръ оброка не зависитъ ни отъ обычая ни отъ закона, онъ весь въ произволѣ. Когда барщина обыкновенно замѣняется оброкомъ? Тогда, когда онъ выгоднѣе для помѣщика, нежели барщина; потому результатъ его вообще увеличеніе, а не уменьшеніе обязательныхъ повинностей. Барщина касается только сельско—хозяйственнаго, извознаго и фабрично—заводскаго труда; оброкъ обнимаетъ всѣ промыслы и занятія. Торговецъ изъ крестьянскихъ людей по системѣ барщины долженъ быть бы только поставить вмѣсто себя работника, — то есть отправлять повинность цѣною въ 20, 30 р. сер. въ годъ; по онъ платить оброкъ въ 50, 100 и болѣе рублей. Мы вовсе не отаемъ преимущества барщины передъ оброкомъ, мы говоримъ только, что оброкъ ни мало не составляетъ шага впередъ къ уменьшенію произвольности въ наложеніи обязательныхъ повинностей.

При томъ, если барщина иногда замѣняется оброкомъ, то развѣ иногда не сводится деревня, обратно, съ оброка на барщину? Кто считалъ, которое изъ этихъ двухъ направленій имѣсть перевѣсь въ общей массѣ?

Урочное положеніе также зависитъ отъ воли помѣщика; и стоять ли говорить объ этомъ измѣненіи, которое можетъ быть и удобно для сельскихъ работъ, но ни мало не относится до различія между наемнымъ и обязательнымъ трудомъ? Наемный трудъ точно также,

какъ и, обязательный, бываетъ поденныи или урочныи; чрезъ промежутокъ труда урочное положеніе, очень часто, выгодно для усиления производства; при обязательномъ труде это бываетъ далеко, не всегда, потому что уроки опредѣляются, подобновеличиной оброка, одностороннимъ образомъ, и размѣръ ихъ, часто ведетъ только къ расширению трехдневной работы на четырехдневную и болѣе, черезъ определеніе такихъ поденныхъ уроковъ, которыхъ нельзя исправить въ день, и черезъ пропажу для мужика, дней неудобной погоды; при такомъ порядкѣ, энергія труда можетъ ослабѣвать даже болѣе, нежели при поденной работе. То же самое часто бываетъ и съѣстствиемъ оброка.

«Оброкъ есть шагъ къ замѣнѣ обязательнаго труда поземельной рентою»—вовсе нѣтъ. Оброкъ есть средство получать съ помѣстїемъ больше доходовъ, нежели могла бы доставить баршина; ни къ чему другому ни средствомъ, ни шагомъ она не служить. Чрезвычайно любопытно сближеніе его съ поземельной рентой: оно совершение похоже на сближеніе обязательнаго труда вообще съ наемнымъ трудомъ. Рента опредѣляется свободною торговою сѣлкою между отдадющими и, нанимающими землю, точно такъ, какъ плата за работу свободными торговыми между нанимателемъ и нанимающимъся. Оброкъ назначается волею землевладѣльца, точно также, какъ и вообще размѣръ обязательнаго труда. Ни на одинъ волость не ближе оброкъ къ рентѣ, нежели баршина къ найму.

«Правительство можетъ не заботиться объ уничтоженіи обязательнаго труда,»—ну да, оброкъ все равно что рента,—ну да, оброкъ уже уничтожается обязательный трудъ.

«Во всякомъ случаѣ отмененіе обязательнаго труда должно быть, мѣстнымъ вопросомъ.» Умилитеренъ ловкій оборотъ, придаваемый дѣлу словами «мѣстный вопросъ». Что это значитъ? то дѣлъ, что по различию мѣстностей, формы и размѣры вознагражденія, опредѣляемые землевладѣльцемъ за отмену обязательнаго труда и передачу части земель, крестьянамъ, должны быть различны? Но, въ этомъ смыслѣ все совершающееся въ государствѣ подпадаетъ подъ формулу мѣстного вопроса. Государство береть поземельную подать съ крестьянъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ; величина этой подати не по всему государству одинакова, напротивъ, сообразна мѣстнымъ условиямъ. Десятина земли въ одной губерніи платить больше, нежели въ другой, въ одномъ уѣздѣ больше, нежели въ другомъ. Государство даетъ жалованье учителямъ гимназій и армейскимъ офицерамъ;—форма выдачи различна: офицеры получаютъ жалованье по третямъ, учителя гимназій по мѣсяцамъ; и размѣръ жалованья различенъ по мѣстностямъ: тотъ самый учитель латинскаго языка, который въ

Богатый крестьянин получает 500 р. с., въ Испаніи получаетъ только 400; потому что въ Петроводскѣ содержание дороже, нежели въ Испаніи; вопросъ о жалованье разрешенъ; какъ видимъ, по мѣстному условію. Если это хотѣть сказать Тенгеборскій, каждый согласится съ нимъ. Но попробуйте согласиться на выражение «мѣстный вопросъ», и черезъ пять минутъ вамъ объяснятъ защитники обязательнаго труда, что умыселъ другой тутъ былъ, никакой именно умыселъ—слишкомъ ясно доказывается всѣми предшествовавшимъ разсужденіями Тенгеборскаго о томъ, что необходимо сохранить крѣпостное право, а если суждено когда нибудь уничтожиться этому выгѣдному для насъ учрежденію, то подождемъ того времени, когда барщина сама собою замѣнится оброкомъ, а оброкъ самъ себою обратится въ ренту, отъ которой онъ вирочемъ мало чѣмъ и отличается, а Правительству, дескать, хлопотать объ этомъ нечего.

«Съ теченіемъ времени обязательный трудъ облегчается смягченіемъ правовъ и правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эти дѣла.» Въ отвѣтъ на это выпишемъ нѣсколько словъ изъ Рошера, которое никто не назоветъ человѣкомъ мрачнаго взгляда на вещи или любителемъ перемѣнъ, или партизаномъ правительства вмѣшательства въ экономической отношеніи.

«Прогрессъ цивилизациіи отягощаетъ бремя обязательнаго труда: По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ требования роскоши, бездна; отдѣляющая господина отъ слуги или крестьянинъ, расширяется съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того, какъ развивается промышленность и торговля, господинъ находитъ все болыше и болыше выгоды требовать чрезмѣрнаго труда. По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ общества, покровительство законовъ становится все болѣе и болѣе действительнымъ, опасеніе насилий — эта послѣдняя узда, которая могла бытъ удерживать жадность,—становится все болѣе и болѣе слабымъ, а между тѣмъ деморализація и господъ и слугъ все увеличивается соразмѣрно возрастанию роскоши. Съ обѣихъ сторонъ страждеть чистота правовъ. Lenо древней комедіи бытъ хозяинъ невольницъ. Въ Англійскихъ Вестъ-Инійскихъ колоніяхъ, когда существовало тамъ невольничество, часто случалось, что посытитель, пріѣхавшій въ гости къ плантатору, уходя снать, говорилъ провожающему его негру, что бы прислать ему дѣвушку, и говорилъ это стѣсняясь или совѣстясь также мало, какъ если бы въ Англіи просилъ зажечь въ своей комнатѣ на ночь лампу.

«Этимъ объясняется, почему у всѣхъ почти народовъ, при развитіи цивилизациіи, государственная власть старалась о смягченіи обязательнаго труда. Самодержавная монархія у всѣхъ почти народовъ видѣла себя въ необходимости энергически содѣйствовать уничто-

женою обязательного труда и вообще улучшению участия нижнихъ классовъ. Въ Италии Фридрихъ II освободилъ всѣхъ государственныхъ невольниковъ. Въ Англіи, Альфредъ Великий старался, хотя безуспѣшно, объосвобожденіи навольниковъ. Вильгельмъ I имѣлъ болѣе успѣха. Королева Елизавета совершила тоже въ Англіи, что Фридрихъ II въ Италии. Даже въ Россіи царь Іоаннъ III возвратилъ крестьянамъ свободу перехода, которой лишились они во время Монгольского ига; но они снова потеряли это право въ смутныя времена при началѣ XVII вѣка, когда усилилось значеніе вельможъ въ правительственныйыхъ дѣлахъ. Въ Богеміи, когда при Владиславѣ II усилилось дворянство, было возстановлено крѣпостное право, уничтоженное въ прежнія времена. Датская аристократія, когда усилилась въ государствѣ, также подчинила крѣпостной зависимости свободныхъ поселеній.

«Наконецъ, при высокой степени развитія цивилизациі, непреродимая сила общественного мнѣнія приводитъ къ уничтоженію всѣхъ остатковъ рабства.» (*)

Кому это объясненіе необходимости правительственныйыхъ мѣръ къ отмѣнѣю обязательного труда покажется недостаточнымъ, тому, конечно, будетъ пріятно прочесть слѣдующія соображенія, которыми, какъ намъ кажется, совершенно отстращается всякое сомнѣніе по этому вопросу.

Сдѣлаемъ полѣйшую уступку теоріи, говорящей, что правительство не должно вмѣшиваться въ политico-экономической отношенія. Пожумъ, что правительство никогда, ни въ какой формѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно касаться дѣлъ, совершающихся подъ вліяніемъ политico-экономическихъ принциповъ. Мы выражали правило о независимости экономического труда отъ административныхъ мѣръ, съ такою безусловною энергіею, отъ которой далеки самые ревностные приверженцы этой системы. Прекрасно, что же изъ того слѣдуетъ? — правительство не должно нарушать независимаго дѣйствія политico-экономическихъ отношеній; такъ; какихъ же принциповъ и отношеній не должно касаться правительство? — политico-экономическихъ. Теперь: обязательный трудъ принадлежитъ ли къ политico-экономическимъ принципамъ, отношенія, имъ порождаемыя, подлежатъ ли правиламъ политico-экономической науки? Нѣтъ. По словамъ Шторха, въ его лекціяхъ, читанныхъ покойному государю Николаю I, тогда бывшему Великимъ княземъ, — по словамъ Шторха «обязательный трудъ не подлежитъ вѣдѣнію политической экономіи; онъ совершенно чуждъ кругу понятій и от-

(*) Ропперъ, «Основанія политической экономіи», переводъ Роловскаго, часть I, §§ 72 и 73.

концепций, подлежащих этой науке и ея правиламъ.» Всѣ ученые, занимавшіеся политическою экономіею, оть Адама Смита до Рощера, согласны въ этомъ.

Такимъ образомъ, думайте какъ хотите о зависимости или независимости политico-экономическихъ принциповъ и отношеній отъ правительства, — ваши политico-экономическая теоріи ни мало не прилагаются къ вопросу объ обязательномъ труде. Обязательный трудъ — явленіе совершенно чуждое правиламъ политической экономіи, историческое явленіе совершенно иной сферы. Онъ и возникаетъ и держится въ противность всѣмъ экономическимъ принципамъ; это явленіе чисто историческое, возникающее изъ отношеній къ событий, подлежащихъ вѣдѣнію политики, военного быта, административной власти, по никакъ не политической экономіи. Роль его, относительно политico-экономическихъ принциповъ, — роль препятствія ихъ развитію. Правительство имѣть не только право, опо, по требованію всѣхъ экономистовъ, имѣть прямую обязанность удалять отъ народной жизни всѣ препятствія дѣйствію экономическихъ принциповъ. Напримѣръ, когда въ государствѣ мало безопасности на дорогахъ — это препятствуетъ развитію экономическихъ принциповъ, и потому государство не только можетъ, но прямымъ образомъ обязано водворить безопасность на дорогахъ. Точно также, по мнѣнію всѣхъ экономистовъ, правительство обязано всѣми своими силами поддерживать правосудіе, наблюдать за исполненіемъ контрактовъ, карать преступленія и т. д. Точно таковы же его обязанности по дѣлу свободнаго труда, который одинъ признается политической экономіею: прямая обязанность правительства составить въ отстраненіи всѣхъ препятствій къ развитію этого экономического принципа.

Какимъ образомъ правительственная власть отстраиваетъ препятствія дѣйствію экономическихъ началъ, это дѣло чисто административной науки, дѣло политики, но не политической экономіи. Политическая экономія требуетъ результата; какимъ путемъ политика и администрація достигнутъ этихъ результатовъ, — для политической экономіи все равно.

Этотъ аргументъ совершенно достаточенъ для здраваго смысла. Но, кроме здраваго смысла, бываютъ въ людяхъ страсти. Противъ нихъ существуютъ аргументы, еще болѣе точные, и т. д.

Въ этой статьѣ мы говорили вообще о благотворности дѣла, начатаго Высочайшими рескриптами оть 20 ноября, 5 и 24 декабря 1858 года. Въ слѣдующей должны мы говорить въ частности о каждой изъ оснований, на которыхъ должна быть, по этимъ рескриптамъ, совершена великая реформа, ими нацинаемая.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ИСТОРИИ

КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССИИ.

по поводу статьи, помещенной въ 23 № 1898 г. газеты «Le Nord».

Кто-то изъ нашихъ соотечественниковъ написалъ 18 января прошлого года изъ Ниццы письмо къ редактору газеты «Le Nord». Начинавший корреспондентъ начинаетъ свое письмо похвалой этой газетѣ за то, что она сообщаетъ своимъ читателямъ о происходящихъ у насъ въ Россіи преобразованіяхъ подробно, безпристрастно и съ знаніемъ дѣла (avec dÃ©tail, impartialitÃ© et connaissance de cause). Если такія похвалы справедливы, то жаль, что неизвѣстный корреспондентъ нарушилъ эти прекрасныя достоинства газеты «Le Nord», помѣстивъ на ея страницахъ свое письмо о важномъ для Россіи вопросѣ касательно крѣпостного состоянія, не отличающееся, ни подробностью, ни безпристрастіемъ и замѣчательное единственно не-зnaniemъ дѣла.

Справедливо въ этомъ письмѣ только одно, что уничтоженіе въ Россіи крѣпостного права займетъ прекрасныя страницы въ исторіи благополучно царствующаго Государя Императора. Все же остальное въ этомъ письмѣ представляется весьма неудачный рядъ неосновательныхъ срѣвеній, произвольныхъ заключеній и изобилуетъ собственными вымыслами корреспондента. Я рѣшаюсь разобрать предъ читающею русскою публикою письмо неизвѣстнаго соотечественника съ тою подробностью, которую оно заслуживаетъ по важности затронутаго имъ предмета, но вовсе не по собственнымъ воззрѣніямъ и мыслямъ почтеннаго корреспондента.

Начиная говорить о существующемъ у насъ нынѣ крѣпостномъ правѣ, г. составитель письма находитъ, что въ этомъ отношеніи Верховной Власти нужно исправить ошибку Петра Великаго, который, обративъ злоупотребленіе въ законѣ, окончательно подорвалъ крѣпостное состояніе въ нашемъ отечествѣ и только самыми надѣлками много затрудненій своимъ преемникамъ и пресекъ постепенное разеніе великаго народа (*).

Что Верховной Власти въ Россіи, при всѣхъ ея благихъ стремленіяхъ, действительно, представлялось и представляется много затрудненій по вопросу о перемѣнѣ положенія лицъ, состоящихъ на крѣпостномъ правѣ—это справедливо. Но позвольте же, однако, спросить васъ, дорогой соотечественникъ, почему же вы подлагаете что причиной этому былъ Петръ I? Но пока вами еще вздумается отвѣтить на этотъ вопросъ, не угодно ли будетъ выслушать кое-что.

Въ современность нашемъ законодательствѣ (я признаю въ руководство IX томъ Св. Законовъ Российской Имперіи «о состояніяхъ») 112 статей опредѣляютъ положеніе лицъ крѣпостного сословія. Всѣ эти статьи имѣютъ своимъ основаніемъ только 13 указовъ императора Петра I. Но въ особенности важно при этомъ то, что 914 статья упомянутаго тома, опредѣляющая законное существованіе въ Россіи крѣпостного права, основывается, на XI ладѣ Уложение Царя Алексея Михайловича; на этомъ же самомъ узаконеніи основывается и другая весьма важная статья нынѣ дѣйствующихъ законовъ, именно о сообщеніи крѣпостного состоянія.

Кромѣ того, самый способъ обращенія свободныхъ лицъ въ крѣпостное состояніе наши современные законы не основываются на чѣмъ иначе какъ на указахъ Петра Великаго; но вообще цѣа указахъ и грамотахъ, въ разное время пожалованныхъ Государями на деревни, и сверхъ того на двухъ особыхъ указахъ: одномъ, состоявшемся 13 июня 1744 года, и другомъ, состоявшемся 13 мая 1754 года. Ясно, что если постановленія, законно утвержденныя цѣа крѣпостное право и опредѣлившія законный способъ его распространенія, были изданы не Петромъ Великимъ, а его отцемъ и дочерью, и если постановленія эти основываются вообще на грамотахъ предшественниковъ и преемниковъ Петра, то, конечно, никакъ нельзя приписать имъ законное установленіе крѣпостного состоянія въ нашемъ отечествѣ. Что же касается собственно Петра Великаго, то онъ во всякомъ указѣ, какъ вы это увидите послѣ, относившемся

(*) Страна 13: à corriger la faute de l'Empereur Pierre le Grand, qui en législatif un abus, a definitivement implanté le servage dans notre pays, a créé par là tant de difficultés à ses successeurs et paralysé le développement graduel d'une grande nation.

и крѣпостному состоянію, пытался оградить прѣстолъ владѣльца надъ иѣ крѣпостными людьми.

Самому Петру было трудно действовать решительнѣе, потому что руское законодательство, предшествовавшее его царствованію, не только уже утвердило законное существованіе у нась крѣпостнаго права, но и опредѣлило даже многія, связанныя съ нимъ, отношенія и обязанности съ большою точностью.

Такъ, напримѣръ, важнейшая законодательная мѣра, безъ которой крѣпостное право всегда было бы шатко, именно способъ доказательства крѣпостного состоянія опредѣлило еще Уложеніе въ XVII и XX главахъ статьи 108; и на эту часть, всего проче, утверждающую закрѣпленіе одного лица за другимъ, не послѣдовало ни одного указа, который бы былъ данъ Петромъ Великимъ.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе нашего законодательства касательно крѣпостнаго права все болѣе и болѣе должно убѣждать нась, что Петръ I не желалъ быть его подборникомъ и что оно окончательно, въ законномъ порядкѣ, было утверждено еще до него.

Такъ современное законодательство (ст. 946 Т. IX), опредѣляя власть владѣльца надъ крѣпостными его людьми, прежде всего ссылается на XX главу, ст. 80 и XXII главу, ст. 12, 16, 21 Уложенія царя Алексея Михайловича. Притомъ, согласитесь сами, любезный соотечественникъ, что одна изъ главныхъ невыгодъ крѣпостнаго права заключается въ трудности сыскать себѣ защиту передъ судомъ отъ произвола владѣльца, а между тѣмъ запрещеніе о подачѣ иска къ крѣпостнымъ людьми на своихъ господъ введено также Уложеніемъ, II главой, 13 статью:

Впрочемъ, боюсь утомить вниманіе читателей перечнемъ тѣхъ государственныхъ постановлений, которыя еще до Петра Великаго окончательно опредѣлили зависимое положеніе лицъ крѣпостнаго сословія, и которыя еще до нынѣ существуютъ у нась, какъ законы неотъемлемые, — и они-то именно представляютъ тѣ затрудненія, о которыхъ упоминаетъ корреспондентъ; но однако указать на эти постановленія необходимо для устраненія всѣхъ недоразумѣній. Замѣтьте, что еще Уложеніе въ XIII гла. ст. 7 положительно отняло у крестьянъ право искать и отъѣзжать за себя въ дѣлахъ гражданскихъ; Уложеніе же въ гла. XVIII, ст. 37 и 41 и гла. XIX ст. 5, 9, 15, 16 и 17 постановило, что крѣпостные люди не могутъ пріобрѣть еї собственность недвижимыхъ имѣній; оно же, въ гла. XI ст. 23 и 32, отняло у крѣпостныхъ право занимать деньги на общемъ для сего основаніи, разрѣшивъ дѣлать это только съ дозвolenія владѣльца. Ему же Уложеніе предоставило домашнюю управу надъ крѣпостными людьми на основаніи гла. XIX, ст. 92 и гла. XXI ст. 97; и по этому

предмету, воаго болѣе подчыпшему крѣпостныхъ моихъ въ залѣзьпу, во все царствование Петра Великаго не послѣдовало ни однаго узаконенія, которое бы разширило предѣлы домашней расправы владѣльца надъ его крѣпостными. Петръ дѣйствовалъ въ противоположность духу. *Возорщеніе бѣлыхъ людей ихъ владѣльцамъ* предписывало тоже Уложениемъ, въ гл. XI, ст. 1, 2, 3, 9, 12, 15, 17, 18, 25, 26 и 27 и гл. XIX, ст. 37, гл. XX ст. 88, а Петръ Великий отъ дальнаго ряда узаконеній подтвердилъ только однажды указомъ 26 июня 1724 года. *Обѣ оброкаахъ, ясенистяхъ и работахъ крѣпостныхъ людей въ пользу ихъ помѣщиковъ* было постановлено также въ Уложении, гл. XIX, ст. 14 гл. XX ст. 99. Въ дополненіе же къ этимъ узаконеніямъ Петръ, въ январѣ 1719, издалъ указъ, который всего лучше доказываетъ его заботу о томъ, чтобы господа не притѣсняли своихъ крѣпостныхъ. «Понеже есть въ некоторые непотребные люди, пишетъ Петръ, которые своимъ деревнямъ самые беспутные разорители суть, что ради пьянства или иного какого непостояннаго жития вотчины свои не только не снабдѣваются, но разоряютъ, налагаютъ на крестьянъ есякия неспосыпкая тягости и въ толъ изъ бытия и мучанія... Въѣдствіе этого Государь приказываетъ, чтобы за этими ирѣнко смотрѣть и доносить Сенату, съ тѣмъ, что уже самъ Государь расправится съ такими господами.

При этомъ не излишнимъ будетъ замѣтить, что по 953 ст. т. IX запрещеніе крестьянамъ самовольного перехода основывается только на четырехъ указахъ императора Петра, именно — на указахъ, послѣдовавшихъ отъ 19 февраля 1721 года, 6 апрѣля 1722 года, и 8 марта и 8 мая 1723 года, и поэтому съ первого разу можно, не зная, подумать, что Петръ, дѣйствительно, утвердилъ крѣпостное состояніе, прекративъ самовольные переходы. Но первый указъ Петра былъ ничего болѣе, какъ только подтвержденіе кѣлькоѣхъ статей Уложения и распоряженій, состоявшихся еще до его соцрека, а послѣдующіе указы самого Петра издавались только какъ напоминанія и объясненія указовъ, имъ предшествовавшихъ.

Послѣ всего, что здѣсь сказано, позвольте спросить васъ, нечестивѣшій изслѣдователь исторіи нашего отечества, въ какомъ положеніи засталъ въ Россіи Петръ Великий крѣпостное право? Засталъ ли онъ его какъ злоупотребленіе или же какъ государственное устакновленіе, освященное уже силою закона? Какъ вамъ кажется?

И такъ, до предъявленія вами опровергейій противъ фактъ, не вымыселенныхъ мною, но взятыхъ, говоря высокогорно, изъ скрижалей нашего законодательства, я, со мною правды, вычеркиваю изъ вашего письма тѣ строки, въ которыхъ вы такъ легкомысленно разсказываете о законодательствѣ Петра. Кажется, что его лич-

ность должна иметь право на защиту со стороны каждого русского, особенно если, какъ бы въ укоръ ей великой чести, известная французская статья, написанная русскимъ и пущенная для распространения по Европѣ:

«Но теперь позвольте указать вамъ, г-н корреспондентъ, а вѣбѣтъ съ тѣмъ и читателямъ подробной, беззречетрастной и знающей дѣло газеты «Le Nord» на то, какъ Петръ Великій стремился не узаконить злоупотребленія крѣпостного права, а, напротивъ, истреблять ихъ.

Самая важная статья изъ всѣхъ статей нынѣшняго законодательства, опредѣляющихъ права, предоставленныя крѣпостному состоянию, безспорно есть 949 ст., недопускающая принужденія при бракѣ трехъ крѣпостныхъ людей. Между тѣмъ эта основана единственно на трехъ указахъ Императора Петра, отъ 12 и 15 апреля 1722 г. и 5 января 1724 г.; частое повтореніе этихъ указовъ служитъ доказательствомъ, что Петръ хотѣлъ облегчить участъ крѣпостныхъ въ ихъ семейной положеніи. Въ этихъ указахъ Петръ повелѣвалъ, чтобы господа, при совершеніи браковъ ихъ крѣпостныхъ людей, давали имъ письмо, заручая подъ клѣтию Суда Богоугоднаго, что они изъ-за браку не изоляютъ и созкаютъ, что въ противномъ случаѣ они посыпны истязанію церковскому и политическому. Такими мѣрами, какъ кажется, предупреждаются злоупотребленій. Къ чести великаго законодателя надо бы также сказать, что продажа у насть людей проезжая отъ семейства, окончательно прекращенная только указами отъ 2 и 3 мая 1833 года и 2 января 1841 года, возмущала еще сердце Петра. Въ удостовѣреніе этого, позвольте привести вѣдь, дорогой соотечественникъ, указъ отъ 15 апреля 1721 года. Изъ него вы увидите, что кабинет-секретарь Макаровъ явился, неподѣлью государы, въ Сенатъ, и сказалъ присутствію его отъ имени Его Величества съдующее: «Обычай бы въ «Россіи и нынѣ есть, что крестьянъ, и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство предаетъ броху, кто похочетъ купить, какъ скотина, чено во всемъ бояться не водится, а начиная отъ семейства, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщичью предастъ, отъ чено же малый солдатъ бываетъ, и его величество приказывъ сиюю предашу людемъ просясь, а сихъ невозможно будеть того просить; что хотя бы по нуждѣ и продавали, но цѣлыми фамиліями, а не по раздробъ и императоръ повелѣвалъ Сенату подумать объ этомъ и внести это въ «Уложение, которое тогда предполагалось составить. Убѣдитесь ли вы послѣ этого, г-нъ корреспондентъ, что Петръ не только не обращалъ злоупотребленія въ законы и тѣмъ, запрещи нашему мѣфию, не затруднилъ своихъ пресмыкость, но что напротивъ онъ самъ старался сдержать злоупотребленія крѣпостнаго

драма и, ко сожалѣнію, заходиъ первоимѣнность изобретеніяъ этого автораго онь быть лучшій противникъ?

Ко всему этому, какъ лучшее доказательство, что вы виноватъ заблужденіе и редактора газеты «Le Nord», отозвавшагося, что призывъ ваша заслуживаетъ «орбидансъ» симпатіи, а мнѣстъ съ тѣмъ, что вы точнѣ также поступали со многими читателями этой газеты, покрививши самъ на слово,—позвольте имъ сказать слѣдующее: въ цынѣ действующемъ у насъ законодательствѣ относительно лицъ крѣпостного званія находится только 11 статей, оправдывающихъ обласканіемъ сладъльца поимѣкъ о благосостояніи крѣпостныхъ людей; изъ нихъ 3 составлены на основаніи свода разновременныхъ указовъ, 5 на основаніи постановлений, изданныхъ въ первые сорокъ-двадцать пятьѣннаго столѣтія, и 3 на основаніи санкціи только распоряженій Петра Великаго. Сообразите теперь, что все эти 11 статей составляютъ промежеденіе почти двухъ-тьѣской эпохи нашего законодательства и что между тѣмъ участіе Петра въ этихъ законахъ, классифицирующихся къ благосостоянію крѣпостныхъ людей, выражается болѣе, чѣмъ участіе нежлаго иль его предшественниковъ и преемниковъ. При томъ, на основаніи сего указовъ составлены: статьи 1018, 1020 и 1022, которые всего вѣрѣ и положительные замыкаютъ проблемы злоупотребленій помѣщичьей власти, такъ какъ статьи эти лишаютъ помѣщика права распоряжаться крѣпостными людьми въ случаѣ злоупотребленія власти. Я не знаю, найдете ли вы въ Ницѣ Сводъ Законовъ Российской Имперіи; но если онъ будетъ у васъ когда нибудь подъ рукой, то потрудитесь пробѣгать указанныя мною статьи и потомъ не откажитесь сообщить въ «Le Nord» ваше мнѣніе: утверждалъ ли Петръ злоупотребленія законами, или же наоборотъ хотѣлъ ихъ уничтожить этими средствами. Отвѣтъ вашъ на это будетъ весьма любопытенъ.

Вторая подпись разбираемаго мною письма показываетъ въ егосочинительѣ какую-то ложную и неумѣстную патристическую застѣнчивость, потому что авторъ его, ревнуя о славѣ любезнаго отечества, искалечаетъ его исторію; кроме того, онъ въ письмѣ «своемъ» выражаетъ какую-то вовсе неосновательную робость. Ось находить, что помѣщикъ изъ газеты *Le Nord* пишетъ объ усилкеніи краснѣянъ-прибалтийскихъ губерній, безъ особыхъ толкований, но рядомъ съ напоминаніемъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыхъ теперь у насъ предпринимаются, будемъ отдельно оговорено, сколько и крецко. И какъ бы вы, читатель, думали, почему можетъ случиться послѣднее? Да потому, что русскіе помѣщики изъ подобныхъ обстоятельствъ заходили бы дѣйствовать по ярмарку прибалтийскихъ областей, не собравшись съ империальномъ между народомъ этого кресть-

шаго края и народа из собственно тихъ называемыхъ Россіи. Конечно, если помѣщники наши знаютъ свою отечественную исторію, какъ пишутъ се г. корреспондентъ, да г. статскій советникъ Блавкъ, то ничего нельзѧ мудренаго, что они перепутаютъ исторію ливонскихъ рыцарей съ исторіей русскихъ удельныхъ князей. Г. Блавкъ ужо показалъ русской публикѣ изумительное знаніе отечественной исторіи, когда онъ, пустившись въ изслѣдованія о происхожденіи у частъ крѣпостнаго права, пришелъ къ тому, что крѣпостное состояніе существуетъ въ Россіи тысячелѣтіе и что оно проистекло изъ опыта русскаго народа; такого заключенія никакъ нельзя было быть сдѣлать, если бы г. Блавкъ зналъ, что тысячелѣтіе Россіи исчисляется только въ 1862 г. и что, следовательно, на основаніи его разысканій, выходитъ, что еще въ ту пору, когда вовсе не было русскаго народа, у него была уже однако опыта и въ добавокъ къней, на всякий случай, имѣлось въ запасѣ крѣпостное состояніе.

Доказательствомъ же образцового незнанія исторіи своего отечества г. корреспондентомъ, илиже, быть можетъ, и умышленной его мистификаціи, служитъ лучше всего приятное его самообольщеніе, состоящее въ томъ, будто русскій народъ никогда не былъ покоренъ никакими другимъ народамъ; «le peuple russe n'a jamais été vaincu par aucun autre peuple», говорить онъ въ своемъ письмѣ. Конечно, еслибы Россія, въ теченіи слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ, не была подъ татарскимъ игомъ, то такое сказаніе ниццкой лѣтописи было бы совершенно справедливо. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, у почтеннаго лѣтописца есть свои объясненія и для того, что мы и татарь призываи къ себѣ для установленія порядка, какъ нѣкогда, для этого же самого, замании къ себѣ норманновъ, приходившихъ, впрочемъ, очень часто, въ видѣ завоевателей, а не водворителей порядка и туда, куда вовсе не приглашали; чтобъ лучше всего доказываютъ съверная Франція, южная Италія и даже Сицилія, куда являлись эти воители, несмотря на то, что эти страны были гораздо дальше отъ нихъ, чѣмъ обильная, но безпорядочная земля Новгородская.

Если мы будемъ почаще сообщать такія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, то скоро всѣ наши ученыи изслѣдованія о судьбахъ его потерянуть всякое довѣріе. Не забудемъ одноко, что мысль даже въ элементарныхъ историческихъ учебникахъ, французскихъ и немецкихъ, есть уже статьи о завоеваніи Россіи татарами. Вѣдь, право, будетъ стыдно, когда окажется, что какой цибуль западный школьнікъ знаетъ исторію Россіи гораздо лучше, нежели одинъ изъ просвѣщенныхъ ся сыновъ, ирасцерѣчно разговарива-

юный о важныхъ современныхъ вопросахъ, на гладкой французской языке, во всеуслышаніе цѣлой Европы.

Но это только начало историческихъ изслѣдований ученаго корреспондента; имъ, однако, нельзя не удивляться, какъ имъ не удивляться и тому, что едва только мы, русскіе, привыкли за печатание, какъ за належное средство для развитія и уясненія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, какъ уже наши же заботливые соотечественники стали за нами учреждать какой-то свой честный, весьма бдительный надзоръ. Такъ одинъ русскій господинъ пишетъ съ береговъ Волги въ Москву, что нашему народу не пришла, моль, пора еще читать, и что если онъ примется теперь за чтеніе, то онъ остановится на распутьи. Заботливость другого русскаго господина, чтобы у насъ и помѣщики читали французскія газеты не просто, а съ осторожностью, зашла еще дальше. *По чисто-русскому дѣлу* онъ спѣшилъ, однако, написать пофранцузски изъ Ниццы въ Брюссель, и поставить на видъ редактору газеты «Le Nord» что онъ поступаетъ неосторожно, давая читать русскимъ помѣщикамъ письмо объ увольненіи остзейскихъ крестьянъ безъ надлежащаго обѣтствія предостереженія и истолкованія, и замѣтить, что «Le Nord» такимъ несвоевременнымъ дѣйствіемъ событье съ толку нашихъ помѣщиковъ, и что они при этомъ могутъ перепутать чужонъ съ русскими. Вотъ что значитъ поступать въ духѣ истинно патріотическому и застутиться за своихъ!

Хотя нѣкоторыя воззрѣнія почтеннаго корреспондента на крѣпостное право, существующее въ Россіи, не вполнѣ склоняются съ знаменитыми розысканіями г. Бланка, утверждавшаго, что крѣпостное право, существующее у насъ, могутъ порицать только безмыслии и злобы; но нельзя, однако, не сказать, что вообще оба эти писателя имѣли придать многимъ грустнымъ явленіямъ какой-то утѣшительный, патріархальный оттѣнокъ. Подъ ихъ перьями нѣкоторыя событія становятся поэтическими образами.

(*) Стр. 22, и сл. «Simultanément avec les dÃ©tails intÃ©ressants, que vous avez publiÃ©s sur la rÃ©forme, qui s'opÃ¨re chez nous relativement Ã cet Ã©tat abnormal, vous avez inserÃ© des lettres fort remarquables sur l'affranchissement des paysans dans les provinces dites baltiques de l'Empire russe. Je crois devoir de vous dire, Monsieur, que la publication de ces lettres, si elles devaient rester sans commentaires, pourrait, dans le cas present, Ãªtre aussi nuisible que bienfaisante, parceque si d'un cotÃ© elles prouvent victorieusement la possibilitÃ©, si injustement contestÃ©e par la malveillance et par l'ignorance, de la solution de la dite question, d'un autre cotÃ© elles peuvent induire en erreur ceux des propriÃ©taires russes qui dans des circonstances analogues, voudraient calquer leurs actes sur ces des propriÃ©taires des dites provinces baltiques sans tenir compte de la difference historique qu'il y a entre le peuple de ce petit pays et celui de la Russie proprement dite.

Почтенный корреспондентъ говоритъ: «*въ балтийскихъ провинцияхъ, какъ видно изъ писемъ, напечатанныхъ вами, господствовали самые жестокіе законы даже до царствованія Екатерины II, до такой степени, что тамъ продавали крѣпостныхъ людей публично, отъдѣляя супруговъ, и что дворянство смотрѣло на крестьянина какъ на существенную принадлежность его господина* (*)». Признаюсь откровенно, что я очень плохо знаю нѣмецкія узаконенія, и, вслѣдствіе этого, я совершенно соглашуюсь съ тѣмъ, что у нѣмцевъ дѣйствительно все было такъ гадко, какъ напечаталъ объ этомъ въ 23 нумерѣ газеты «Le Nord» одинъ изъ его сотрудниковъ.

Но за то, вмѣстѣ съ этимъ, позвольте предъявить вамъ нѣкоторыя возраженія противъ тѣхъ свѣдѣй, которыя вы, милостивый государь, доставили въ эту газету о Россіи.

Въ Россіи никогда не было ничего подобнаго тому, писать нашъ соотечественникъ, что было тамъ, гдѣ помѣщики могли смотрѣть на крѣпостное состояніе какъ на законное, хотя бы и безчеловѣчное, слѣдствіе завоеванія, спланированаго ихъ предками. У насъ, продолжаетъ онъ, дворяне — помѣщики должны видѣть въ этомъ порицаніи вещей только временное злоупотребленіе своихъ отцовъ, допущенное во времіе неусовершенствованнаго законодательства и при помощи ложнаго истолкованія духа нашихъ законовъ (**). Но позвольте спросить васъ, г. корреспондентъ, отчего, по вашему мнѣнію, нѣмецъ, пріобрѣтшій крѣпостное право посредствомъ завоеванія, могъ считать это право законнымъ слѣдствіемъ, и отчего русскій, пріобрѣтшій тоже самое право на основаніи похожихъ государственныхъ законовъ, можетъ считать свое пріобрѣтеніе не законнымъ слѣдствіемъ? Отчего вамъ кажется, что нѣмецъ могъ законно сказать: предокъ мой завоевалъ его, и отчего поэтому самому русскому не можетъ сказать тоже законно (***): мой предокъ *куриль* его. Положимъ, что вамъ неизвѣстны ни законы царя Алексея Михайловича, ни указы Петра Великаго, но ужъ современная постановленія—то вамъ вѣроятно извѣстны и слѣдовательно вы долж-

(*) Стока 44... dans les provinces baltiques, comme on le voit dans les lettres que vous avez publiées, les lois le plus barbares ont existé jusqu' au règne même de Catherine II, au point qu'on y vendait encore les serfs sur les places publiques, en séparant même les époux, et que la noblesse envisageait encore le paysan comme la pièce la plus essentielle de son maître.

(**) Стока 51. En Russie au contraire rien de pareil n'a jamais existé; c'est pourquoi le peuple n'y a pas été avili et abruti pendant des siècles comme dans les provinces où les seigneurs ont pu considérer le servage comme le résultat légal, bien qu'inhumain, de la conquête de leurs aieux.

(***) Ст. 86. Chez nous les propriétaires nobles ne doivent voir dans cet état des choses que le résultat provisoire de l'abus de leur pères commis à l'ombre d'une législation imparfaite et à l'aide d'une fausse interprétation de l'esprit de nos lois.

ны знать, что въ Россіи купчая крѣпость на населенное имѣніе не есть злоупотребленіе и ложное толкованіе духа нашихъ законовъ, а есть совершаемый въ законномъ порядке актъ, оплачиваемый установленною отъ правительства пошлиною. Другое зло—законъ правственный, законъ совѣсти, но, на основаніи его, нельзя ни покупать, ни завоевывать своего ближняго, для обращенія его въ крѣпостное состояніе. Не забудьте, что вы пишете объ исторіи, а не объ естественномъ правѣ.

Печальную картину состоянія ливонскихъ и эстонскихъ крестьянъ вы представили удачно. О! какъ бы мы охотно, вмѣстѣ съ вами, воскликнули: а у насъ никогда и ничего подобного не было! но,—простите за прямую откровенность,—гораздо болѣе вѣрю, касательно многихъ предметовъ русской исторіи, «Полному Собранию Закоповъ Россійской Имперіи», чѣмъ вашему письму, красующемуся въ заграницей газетѣ, и потому я приглашаю читателей послушать то, что говорить противъ васъ-это основной памятникъ нашей гражданской жизни. Изъ приведенныхъ прежде статей Уложенія царя Алексея Михайловича, можно было уже видѣть, въ какое стѣсненное и зависимое положеніе были поставлены крѣпостной человѣкъ по злуупотребленіямъ нашихъ отцовъ и неестественному истолкованію духа законовъ, а по ясно выраженнымъ въ нихъ правиламъ. Мало этого, по указу 26 ноября 1688 года, крѣпостныхъ людей, не въ примѣръ другимъ сословіямъ, велико было пытать по ложному поносу помѣщиковъ о покражѣ ихъ пожитковъ, хотя бы на этихъ людей и не падало прямаго подозрѣнія. Въ добавокъ къ этому напомню приведенный уже мною указъ Петра Великаго, данный имъ въ видѣ наказа воеводамъ въ январѣ 1719 года. Въ этомъ указѣ Петръ, какъ замѣчено прежде, прямо говоритъ, что у насъ были такіе помѣщики, которые разоряли крестьянъ, налагая на нихъ *всякія несносныя тягости и били и мучили ихъ*. Наконецъ, мы видѣли, что ближайшій сотрудникъ Государя въ лѣвахъ гражданскихъ явился, по волѣ его, въ высшее правительственное мѣсто и тамъ напримѣкъ, отъ имени государя, объявилъ, что у насъ много людей продается *порознь, какъ скотовъ*, и что этого *во всѣхъ сельцахъ не подится*. Тотъ, кто приказалъ кабинетъ-секретарю Макарову объявить въ Сенатѣ такія слова, вѣроятно зналъ, что дѣжалось въ балтийскомъ побережье, покоренному его оружіемъ, и однако не только не сравнилъ такіе поступки съ немецкими, но, вопреки свидѣтельству Ниццкаго корреспондента, вѣрѣлъ сказать, что подобного *во всѣхъ сельцахъ не водится*.

Мы вѣримъ г. корреспонденту, что немецкіе помѣщики торговали людьми въ публичныхъ мѣстахъ, но къ сожалѣнію приходится сказать, что и у насъ бывали подобные случаи. Это доказывается

тѣмъ, что императоръ Александръ I, въ 1808 г. юля 14, издалъ указъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей на ярмаркахъ и императоръ сдѣлалъ это потому, что и у насъ не только производилась такая торговля, но даже однажды на крѣпостныхъ людей, проданныхъ подпоручикомъ Гололововымъ, по ловѣренности помѣщиковъ, на Урпинской ярмаркѣ, Рязанская Гражданская Палата совершила формальный актъ, безъ утайки всѣхъ обстоятельствъ этой продажи. Впрочемъ, можетъ быть, ваша правда, что у насъ ничего не было подобного тому, чѣмъ дѣжалось у нѣмцевъ; слова повторяю, что я вовсе не знаю способа ихъ крѣпостной управы.

Само собою разумѣется, что если почтенный корреспондентъ газеты «Le Nord» отвергаетъ сказаніе о покореніи Руси монголами, то онъ вмѣстѣ съ этимъ и не можетъ даже упоминать о вредныхъ послѣдствіяхъ такого события; что кнутъ, правежъ и вообще всѣ тѣлесныя наказанія были слѣдствіями татарскаго гостеприимства надъ нашей родиной, а не произведеніемъ нашихъ народныхъ понятій.

Между тѣмъ, нельзя не сказать, что въ старинномъ нацемъ быту эти наказанія принимали значительные размѣры и, что, конечно, изъ всѣхъ этихъ наказаній особеннаго вниманія заслуживаетъ правежъ, самая несложная расправа, водворенная у насъ Татарами, и состоявшая, какъ извѣстно, въ томъ, что неисправнаго должника сѣкли на площади до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворялъ своихъ истцовъ. Правда, что посѣчь资料 самого должника въ ту пору,—куда бы еще ви шло; быть можетъ, мѣра эта и отъучила бы нашъ тороватый народъ отъ свойственнаго ему мотовства и неразсчетливости и со временемъ довела бы его до нѣмецкой аккуратности; да дѣло-то въ томъ, что, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, у насъ въ старину былъ странный обычай: благородные люди, въ случаѣ неплатежа своихъ долговъ, посыпали вмѣсто себя на правежъ своихъ крѣпостныхъ людей. Повторяю снова, что мнѣ извѣстно, было ли что выбудь подобное у прибалтийскихъ нѣмцевъ; разрѣшить это—входить въ обязанность Ниццскаго историка. Должно только сказать, что такой обычай, правда, видоизмѣнившись, продолжался у насъ еще до 1803 года, потому что въ этомъ году императоръ Александръ, указомъ, даннымъ 28 октября, запретилъ судебнѣмъ мѣстамъ отдавать въ работы крѣпостныхъ людей за долги ихъ помѣщиковъ. Нужно, писать Государь, чтобы каждый былъ наказываемъ за собя. Какая святая и простая истина! и однако она такъ долго не была извѣстна нашимъ судилищамъ, когда дѣло касалось лицъ крѣпостнаго званія и пользы ихъ владельца.

Разумѣется, что на всѣ приводимые мною несомнѣвныя факты,

могутъ быть дѣламъ самые различные взгляды. Такъ, напримѣръ, самъ чувствительный Карамзинъ называлъ расправу на чужой, ровноничѣмъ незнакоматой, спинѣ—только страшныи обычаи. А въ новѣйшее время, часто упоминаемый мною г. статскій совѣтникъ Бланкъ всѣ условия крѣпостнаго быта силился объяснить «заботливостію областей подчиненнаго лица и объ исполненіи имъ своего долга.» Вы, быть можетъ, любезный читатель, плохо вѣрите моимъ словамъ, такъ потрудитесь сами посмотреть статью этого великаго современаго мыслителя; статья его напечатана въ шестомъ нумерѣ «Трудовъ Имп. Воль. Эконом. Общ.» за 1855 годъ. То, что я говорю о толкованіи г. Бланка, точне такой же несомнѣнныи фактъ, какъ и правежъ, и ярмарки.

Почтенный корреспондентъ, продолжая смотрѣть на описываемый имъ предметъ также съ своей собственной точки зрењія, замѣчаетъ, что вслѣдствіе завоеваній *отъ прибалтийскихъ провинцій, донынъ между помѣщиками, потомками завоевателей, и крестьянами, потомками покоренныхъ туземцевъ, кѣть никакой связи, ни по крови, ни по народности, ни по языку* (*). «*Въ Россіи же, тамъ есть сословія великой семьи одного и того же происхожденія, одной и той же кровью; они не различаются ни по языку, ни по народности* (**).» Нѣтъ, г. корреспондентъ, вамъ рѣшительно не удается ни одво замѣчаніе. Потрудитесь только посмотреть первый отдѣль всѣхъ десяти томовъ Общаго Россійскаго Гербовника и васъ поразить, что почти все *коренное* русское дворянство ведетъ свое происхожденіе отъ чужеземныхъ выходцевъ, и откуда только эти господа не выѣзжали въ Россію: и изъ Золотой Орды, и изъ Крыма, и изъ Нѣмцеѧ, и изъ Греціи, и изъ Кабарды, и изъ Швеціи, и изъ Англіи, и изъ Италии, и изъ Франціи, и изъ Литвы, и изъ Польши, и изъ Венгрии, и изъ Богеміи, и изъ Давіи и изъ Пруссіи, и изъ Цесаріи. Вирочемъ, все это было въ старину, и теперь потомки всѣхъ выѣхавшихъ иноземцевъ совершенно обрусили, остались только преданія. Но вотъ скажите мнѣ что: отчего, не смотря на слишкомъ шестисотъ-лѣтнєе господствованіе въ Ливоніи и Эстляндіи, тамъ, по словамъ вашимъ, *нѣть еще и доселъ между помѣщиками никакой связи, ни по крови, ни по народности, ни по языку*, и отчего *въ настоящее время подобная связь должнаtotчась образовываться и между чистокровнымъ русскимъ человѣкомъ и, положимъ, хоть ис-*

(*) Ст. 60. C'est pourquoi dans les provinces baltiques, il n'y a jusqu'à present entre les seigneurs descendants des conquérants et les paysans descendants du peuple indigène, mais conquis, aucun lien ni de sang, ni de nationalité, ni de langue.

(**) Стока 63. En Russie toutes les classes de la grande famille ont la même origine, le même sang, la même nationalité et la même langue.

тымъ нѣмцемъ, если только послѣдній, какъ помѣщикъ, пріобрѣтеть такого человѣка съ публичныхъ торговъ? Притомъ вамъ, вѣроятно, также извѣстно и то, что законъ не препятствуетъ даже еврею, пришвшему св. Крещеніе и получившему потомственное дворянство, пріобрѣсти населенное имѣніе.

Не довольствуясь своимъ собственнымъ бредомъ, г. корреспондентъ находитъ опору высказываемъ имъ мнѣніемъ даже въ народныхъ пѣсняхъ. «Старинныя народныя пѣсни, говоритъ онъ, напоминаютъ народу, что при всѣхъ бѣдствiяхъ нашею отечества весь народъ составляетъ одну вѣзанку (*faisceau*), одну семью (*).» Что это было такъ на самомъ дѣлѣ, этого я вовсе не опровергаю, но меня затрудняетъ только подкрѣпленіе этихъ несомнительныхъ фактъ народными пѣснями, и то потому только, что, по поводу этого замѣчанія, я просмотрѣлъ всѣ сборники нашихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, и, признаюсь, среди ихъ не нашелъ ни одной, которой бы можно было подкрѣпить мнѣніе нашего нового ученаго. Вѣроятно, по прѣзѣ корреспондента, любители отечественной старины по-просить его пропѣть хоть одну пѣсню такого занимательного и утѣшительного содержанія. Впрочемъ, ничего нѣтъ мудренаго, что онъ у него находятся, вѣдь вовсе не трудно владѣть неизвѣстнымъ публикѣ сборникомъ народныхъ пѣсень такому господину, который имѣеть собственную свою русскую исторію, не упоминаящую вовсе о покореніи Россіи монголами!

Перехода постепенно отъ исторіи къ поэзіи, составитель письма коснулся наконецъ весьма важнаго предмета, именно вопроса административнаго. Чтобъ уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи, говоритъ онъ, достаточно преобразовать одно злоупотребленіе, возникшее въ ихъ нормальномъ состояніи (**). Вотъ образцовый примѣръ политico-экономической галиматьи! Позвольте спросить васъ, глубокомысленный администраторъ, какое же изъ бывшихъ отношеній между владельцемъ земли и работникомъ, вы признаете нормальнымъ? Быть можетъ то, которое было до прикрытия крестьянъ къ земль; но мы не можемъ возстановить его; во-первыхъ потому, что мы не имѣемъ достаточно данныхъ для руководства при учрежденіи вновь старого порядка, во-вторыхъ—почему вамъ кажется что Россіи лучше всего возстановить узаконенія XVI столѣтія, тогда какъ она хочетъ и можетъ идти впередъ и имѣть

(*) Страна 70. Les anciens chants populaires rappellent au peuple, que dans toutes les calamit s de notre pays toute la nation n'a toujours fait qu'un seul faisceau, qu'une m me famille.

(**) Pour abolir le servage en Russie il suffit de reformer un abus r tablissant les faits dans leur  tat normal.

достаточно средствъ для разрѣшенія подобнаго вопроса, сообразно съ современными понятіями, а не съ отжившими началами? Если бы рѣшились принять вашъ совѣтъ, то вышла бы такая путаница, какой вы и не воображаете, потому что къ возстановленію порядка, существовавшаго въ XVI вѣкѣ, примѣщалось бы столько новыхъ основныхъ и современныхъ вопросовъ, что старый нормальный порядокъ никакъ бы не могъ удовлетворить всѣхъ этихъ вопросовъ, обусловленныхъ и состояніемъ сельского хозяйства и цѣнностью земель и другими многими обстоятельствами. Не ясно также, почему вы находите, что нужно только измѣнить злоупотребленіе; но при уничтоженіи злоупотребленія законы разумѣются останутся, и при нихъ вы не прекратите дѣйствія крѣпостнаго права. Нѣтъ, тутъ нужно не уничтоженіе злоупотребленія, а введеніе совершенно новаго порядка.

Письмо свое нашъ соотечественникъ заключаетъ слѣдующими трогательными строками: «сообщая вамъ эти мысли, почерпнутыя изъ исторіи и изъ знакомства съ русскимъ народомъ, я, движимый любовью къ моей родинѣ, ревнующій о ее благѣ, столько же сколько и обѣя славѣ, принимаю смѣлость просить васъ, милостивый государь, дать этому письму мѣсто на страницахъ вашего уважаемаго журнала, въ надеждѣ, что письмо это привлечетъ вниманіе людей болѣе сильнущихъ въ этомъ вопросѣ, чѣмъ я, и побудитъ ихъ дать болѣе обширное развитіе тѣмъ истинамъ, которыя оно въ себѣ содержатъ» (*).

Г. редакторъ газеты «Le Nord»! говорю я:—вѣдь вы введены въ страшное заблужденіе историческими истинами вашего корреспондента. Для опроверженія же моихъ настоящихъ словъ попросите его сообщить вамъ: изъ какой именно исторіи почерпнетъ онъ свои свѣдѣнія? Любовь къ отечеству, ревность къ его благу и къ его славѣ безспорно самыя святыя чувства каждого гражданина, но согласитесь, что и при этихъ чувствахъ не мѣшаетъ знать кое-что о судьбахъ своего отечества и о личностяхъ, его прославившихъ. Поэтому, хорошо бы сдѣлать вашъ корреспондентъ, если бы онъ, въ лобавокъ къ тѣмъ высокимъ чувствамъ, которыя подвижнули его написать къ вамъ письмо, выучилъ на первый разъ исторію своего отечества, хотя бы по краткому руководству для уѣздныхъ учи-

(*) Стока 90. En vous communiquant ces quelques idées, puisées dans l'histoire et dans la connaissance du peuple russe, mu par l'amour de mon pays, jaloux de son bien-être, autant que de sa gloire, je prends la liberté de vous pri-r. Monsieur, de donner à cette lettre une place dans les colonnes de votre estimable journal, dans l'espoir qu'elle attirera l'attention de personnes plus versées que moi dans cette question, et les engager à donner un plus ample développement aux vѣrités qu'elle contient.

лишь, составленному академикомъ Устриловымъ; конечно, такого бы онъ изъ этой книжки не узналъ, но за то никакъ не написалъ бы въ вашу газету, «что русскій народъ никогда не будетъ покоренъ никакимъ другимъ народомъ», — потому что въ маленькой книжкѣ г. Устрилова онъ нашелъ бы особую статью, подъ рубрикою: «Иго Монгольское».

Не излишнимъ бы было также г. корреспонденту посмотреть законы, изданные Петромъ I: тогда онъ не писалъ бы таѢ же спаседливо о томъ, что составляетъ вѣчную славу и гордость нашей родины! При такихъ знаніяхъ, вашъ корреспондентъ не уничтожилъ бы въ нашихъ сказаніяхъ тѣхъ событий, которыхъ, хотя сами по себѣ и были очень не красивы, но все таки дѣйствительно совершались въ нашемъ отечествѣ.

Но, статья можетъ, авторъ письма не хотѣть написать обо всемъ, боясь затмить славу Россіи? Напрасно. Всѣмъ известно, что Россія была долгое время покорною данницею татаръ, всѣмъ также известно, что въ жизни каждого народа бываетъ пора и ненѣжства и жестокости.—къ чему же таинъ все это? Развѣ язвы, покрывающія тѣло безвиннаго страдальца, могутъ быть позорны? Развѣ темнота убѣгающей ночи можетъ уменьшать свѣтъ грядущаго дня? Развѣ новое поколѣніе не можетъ начать жить новою жизнью, потому только, что предки его исчезли подъ гнетомъ невзгодъ и страданій?

Подавимъ же этотъ ложный стыдъ и скажемъ, что не въ казленіи, а тѣмъ болѣе не въ искусственномъ возстановленіи отжившаго порядка, но въ добрыхъ качествахъ нашего народа, въ лучшемъ устройствѣ гражданскаго быта и въ свѣжихъ силахъ Россіи лежитъ залогъ счастья!

Евгений Карновичъ.

ЧОРНА РАДА, ХРОНИКА 1663 ГОДА. Написав П.
Кулишъ. Спб. 1857.

ПРОПОВѢДИ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.
протоієрея Гречулевича. Изданіе второе, исправленное, Кулишъ. 1857.

Малороссійское сочиненіе г. Кулиша «Чорна рада» принадлежить къ сочиненіямъ такого рода, гдѣ авторъ вводить историческія событія, но дозволяетъ себѣ сочетать ихъ съ вымышенными, стараясь изобразить послѣдовати такъ, какъ бы они происходили въ известный вѣкъ и въ известной странѣ, еслибы не были вымышлены. Хорошо задуманныя и оконченныя сочиненія такого рода могутъ по справедливости называться дополненіемъ исторіи. Относительная скудость подробностей въ лѣтописяхъ и актахъ, служащихъ прямыми источниками для историческихъ описаній, часто не дозволяетъ историку представлять историческихъ фактовъ съ живыми чистотами ихъ обстановки; между тѣмъ въ тѣхъ же источникахъ и вообще въ памятникахъ старинѣ встречаются разсѣянныя черты, которыя, бывъ собраны, соединены и принаровлены къ изображаемымъ историческимъ событіямъ, могутъ придать описанію болѣе яркихъ красокъ и способствовать читателю къ уразумѣнію духа описываемаго времени. Авторъ собирается такія черты, слагаетъ ихъ въ свой разсказъ и такимъ образомъ составляетъ произведеніе, гдѣ хотя есть вымыслы, но очертаніе этихъ вымысловъ носить строгое сходство съ дѣйствительностію. Нѣть ничего труда въ такого рода. Съ одной стороны автору предстоитъ самое строгое послѣдовати за историческою дѣйствительностію; необходимо, чтобы все черты его разсказовъ и описаній были щепетильно вѣрны, чтобы не нашлось ни одной, въ которой можно было бы открыть не только невозможность ея въ протекшой жизни, но обличить неизвѣстность ея возможности. На всякое возраженіе критика — архео-

Т. LXVII. Отд. II.

1

лога авторъ долженъ быть готовъ дать отвѣтъ; заранѣе у него долженъ быть собранъ богатый запасъ мелкихъ свѣдѣній въ частностяхъ, пріобрѣтаемый только долговременнымъ и прилежнымъ изученiemъ памятниковъ, запасъ, изъ котораго, не затрудняясь, можетъ онъ поразить противника такимъ свидѣтельствомъ, которое бы научноостояло за его сочиненіе. Изображаетъ ли онъ любовь, ненависть, ищеніе, дружбу и вообще человѣческія чувства и побужденія—онъ долженъ представить ихъ въ тѣхъ самыхъ движепіяхъ, въ какихъ они дѣйствительно выражались въ данное время; понятія, убѣженія, увлеченія, предразсудки должны явиться на сцѣнѣ дѣйствія со всѣми своеобразными пріемами, налагаемыми особенностями воспитанія, общественной жизни и семейного быта. Каждая складка одежды на его герояхъ должна быть проведена такъ, чтобы хранитель старыхъ одеждъ не въ силахъ былъ замѣтить малѣйшей несообразности съ тѣмъ, что находится въ его древехранилищѣ. Мало того, что герой такого сочиненія будетъ есть и пить изъ утвари стариннаго устройства — надобно, чтобы онъ бралъ въ руки эту утварь съ тѣми привычками, какія господствовали въ его время. Языкъ долженъ отличаться сочетаніемъ словъ, складкою оборотовъ и теченіемъ рѣчи, свойственными описываемому вѣку. Это одна сторона достоинствъ такого рода сочиненій — историческая. Есть другая, художественная. Обыкновенный историкъ представляетъ свой фактъ какъ онъ нашелъ его въ источникахъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и рады, скажетъ онъ. Не отговорится этимъ историкъ — романістъ. При строжайшей исторической достовѣрности разсказа инаго, произведеніе его должно представлять искусственную постройку. Все твореніе должна проникать главная идея; единство дѣйствія должно соединять отдѣльныя явленія; краски и тѣни должны быть наложены въ свойственномъ между собою соотношеніи, все должно носить образъ послѣдовательности и законченности, все должно быть оживлено духомъ того созерцанія, которое изглаживаетъ искусственность и следы работы, и представляетъ цѣлое сочиненіе какъ бы произведеніемъ вдохновенія и внезапнаго творчества. Повторяясь, вѣтъ ничего труdnѣе, какъ удовлетворить этимъ требованіямъ: онъ часто представляютъ непреодолимыя противорѣчія. Выполняючи, авторъ упускаетъ другое: ему часто придется или изъволять себѣ иерадѣніе къ исторической точности, ради художественной обработки, или, удовлетворяя сулу археолога, грѣшить противъ законовъ эстетики. Наконецъ, если авторъ счастливъ преодолѣть эти кабинетныя трудности своего дѣла, то не освобождается еще отъ высшаго требованія: не довольно, чтобы все сочиненіе было проникнуто идею; надобно, чтобы эта идея была плодотворна, чтобы чтеніе сочиненія оставило

въ душѣ читателя віяніе на отправленія его умственной практической жизни.

При чрезвычайной трудности достиженія этихъ требованій, очень мало сочиненій въ этомъ родѣ, не только удовлетворяющихъ всему изложенному, но даже такихъ, которыя выходили бы изъ области однодневной литературы. Историческихъ романовъ и повѣстей очень много, наша русская литература богата ими по количеству, но качественная бѣдность ея столь велика, что въ послѣдніе годы сочиненія этого рода вышли изъ моды.

Къ этому-то отдалу сочиненій принадлежитъ и книга г. Кулиша, а потому суть нацѣю долженъ совершаться на основаніи изложенныхъ требованій. Но г. Кулишъ, зная напередъ всю тяжесть ответственности, самымъ названіемъ своего сочиненія заставляетъю волить его подъ наши правила только до извѣстной степени. Цѣль его была представить эпоху 1663 г. въ Украинѣ; вымышленная сторона сочиненія есть второстепенная, служитъ единственно для исторической и не носить сама по себѣ притязаній на художественность. Критика должна судить эту книгу съ точки историческихъ ея достоинствъ или недостатковъ, а эстетического образа выраженія она вправѣ требовать отъ автора на столько, на сколько онъ сообщилъ его исторической сторонѣ своего сочиненія, но отнюдь не съ точки художественной постройки независимо отъ исторического элемента.

Выборъ предмета для подобного рода сочиненій есть дѣло первой важности. Здѣсь совсѣмъ не такъ какъ въ беллетристическихъ сочиненіяхъ, гдѣ мы почти не вправѣ спрашивать автора: за чѣмъ онъ выбралъ такой, а не иной предметъ; для насъ тамъ важнѣе вопросъ: какъ авторъ изобразилъ свой предметъ. Въ хроникѣ же выборъ предмета важнѣе чѣмъ гдѣ нибудь: для того, чтобы занять насъ картиною прошедшаго времени, авторъ долженъ ввести насъ въ такую эпоху, которая бы сама по себѣ могла возбудить въ насъ интересъ. А по этому считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на историческую эпоху, избранную г. Кулишемъ для своей хроники.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго разрушило весь старый порядокъ Южной Руси и не создало новаго. По смерти славнаго гетмана, Украина осталась въ неопределенномъ положеніи, безъ охраненія извнѣ, безъ устройства внутри, безъ яснаго сознанія формъ своеаго грядущаго бытія, съ тѣнью самостоятельности, безъ самобытности, съ военнымъ правлениемъ, которое могло имѣть только слишкомъ временное, условное примѣненіе, безъ гражданственныхъ учрежденій, безъ своеобразнаго законодательства, безъ определенныхъ источниковъ благосостоянія, безъ политического образования, съничтож-

ными силами народного просвещенія. Возстаніе Хмельницкаго имѣло, кроме религіознаго побужденія, еще общественное. Это была борьба русскаго простаго народа противъ польскаго и русскаго, большою частію ополячившагося панства. Количественная сила народа, воодушевленная энергию — избыткомъ юности, сломила это панство. Но духъ его, тяготѣвшій наль Украиною, не могъ быть изгнанъ скоро, потому что не было другого, чтобы его замѣнить. Еще до возстанія Хмельницкаго въ Южной Руси существовало различіе козаковъ (военнаго сословія) отъ посполитыхъ или простыхъ землемѣльцевъ. Уже проявлялась непріязнь между этими сословіями; козакъ считалъ себя благороднымъ человѣкомъ, а посполитаго называлъ подлымъ; во такъ какъ козацкое сословіе возникло изъ посполитыхъ и пополнялось ими, то посполитые считали себя равными козакамъ. Если прибавимъ къ этимъ двумъ сословіямъ мѣщанъ, имѣвшихъ свои интересы, отличавшиеся ихъ и отъ козаковъ и отъ посполитыхъ, то найдемъ, что кроме дворянскаго класса, въ Южной Руси было три сословія: козацкое, мѣщанско и посполитые. Утѣшениія со стороны дворянства на время слили ихъ — особенно козакъ и посполитыхъ. Паны стали прославлять православную вѣру и когда православные — козаки, мѣщане и посполитые, принуждены были ее защищать, то между ними исчезло сословное различіе въ этомъ отношеніи: они слились въ имени православнаго, русскаго. Паны, считая только свое сословіе свободнымъ, и козакъ и мѣщанъ смѣшивали съ хлопами и посполитыми, нарушая ихъ отдельныя права, не хотѣли знать гордости, какую имѣло одно сословіе передъ другимъ, но всѣхъ равно, какъ и хлоповъ, подвергали презрѣнію, угнетенію, произволу. Тогда и козакъ, и мѣщанинъ, и посполитый равнымъ образомъ ненавидѣли пановъ; всѣ равно чувствовали ихъ иго и всѣ равно ополчились противъ нихъ, когда наступилъ часъ возстанія, — всѣ сдѣлались козаками, т. е. воинами, ибо общее противодѣйствіе врагу должно было обратить всѣхъ въ воиновъ. Но когда борьба съ панствомъ утишилась, прежнія враждебныя отношенія сословій не только возникли снова, но приняли обширнѣйшее значеніе; нисшія сословія, разъ уравнявшись съ вышшими, не хотѣли снова отрекаться отъ равенства съ ними. Дѣло шло уже не о приобрѣтеніи равенства праѣть вновь, а о сохраненіи того, что было пріобрѣтено. Если только позволительны догадки о томъ, что было бы, еслибы не произошло того, что произошло, то можно сказать, что, послѣ возстанія Хмельницкаго, Южная Русь имѣла средства организоваться пре- восходнымъ для того времени образомъ. Необходимо было, чтобы предводитель возстанія, въ рукахъ котораго находилась тогда

судьба народа, стояла выше варварского предразсудка, будто воинъ долженъ пользоваться преимуществами, отяготительными для землемѣльца, а землемѣлецъ уже по самому занятію своему принадлежитъ къ темной породѣ, осужденной на униженіе. Это было тѣмъ легче, что тогда положеніе страпы каждого землемѣльца дѣлало имѣсть съ тѣмъ и воиномъ. Но Хмельницкій не былъ выше предразсудковъ. Величайшая ошибка его, навсегда опредѣлившая плачевный исходъ исторіи Южной Руси въ періодъ козачества, была Зборовскій договоръ, тотъ самый договоръ, который прославляли наши историки, который и теперь незнакомые съ тайнами исторіи Почитаютъ блестательною страницею нашего бытописанія. Между тѣмъ день 16 августа 1649 г. былъ роковымъ днемъ для современниковъ и потомковъ. По Зборовскому договору сорокъ тысячи человѣкъ выбраны въ козацкое сословіе: имъ предстояла завидная судьба пользоваться особыми правами; остальная масса народа, стоявшаго съ оружіемъ на поляхъ збарацкихъ и зборовскихъ, возвращалась въ сословіе послѣднѣхъ и обращалась или въ прежнее подданство панамъ, или въ новое — козацкимъ чиновникамъ. Что могло быть несправедливѣе такого приговора? Народъ, который помогалъ Хмельницкому трудами и кровью, постыдно отдавался своимъ избраннымъ главою въ руки прежнихъ враговъ! Но таковы были особенности взгляда, полученного Хмельницкимъ отъ воспитанія и нравовъ, среди которыхъ онъ сжился. Естественно, Зборовскій договоръ, при такихъ условіяхъ, былъ не проченъ; народъ не хотѣлъ повиноваться владѣльцамъ; Хмельницкій казнилъ непокорныхъ, а кончилъ тѣмъ, что послалъ въ Варшаву требовать совершенной свободы народа. Но было поздно. Хмельницкій за годъ передъ тѣмъ не послѣдовалъ мудрости русской пословицы: куй желѣзо пока горячо. Вспыхнула новая война, печальная для Украины, доведшая ее до рокового дна Берестечка. Послѣ Бѣлоцерковскаго мира, Хмельницкій, уже по привужденію измѣнившей ему судьбы, сдѣлался снова охранителемъ рабства; опять лилась кровь непокорныхъ; южноруссы, не желая повиноваться ни панамъ, ни гетману, бѣжали въ южныя степи Московскаго государства. Снова вспыхнула война, продолжавшаяся до Жванецкаго договора, война столько же нанесшая бѣдствій Украинѣ, какъ и Польшѣ. Не поправивъ дѣла, проигравшаго вначалѣ отъ собственнаго неумѣнья, Хмельницкій отдался Московскому государю. Переяславскій договоръ не могъ имѣть прямаго выявленія на важные соціальные вопросы внутри страны; русскій царь предоставилъ совершенную свободу мѣстной власти во внутреннемъ управлѣніи восприсоединеннаго края. Богданъ Хмельницкій еще разъ доказалъ, что не былъ ни законодатель, ни правитель.

Онъ умеръ, оставилъ во себѣ метеорную славу и нерѣшилые во-
просы внутри стравы своей.

И вотъ, послѣ его смерти въ буряхъ и неурядицахъ выскакалась
та историческая истина, что народъ, получивъ свободу и независи-
мость, не можетъ сдѣлать ничего доброго съ этими драгоцѣнными
дарами, если самъ въ себѣ не будетъ носить новыхъ гражданскихъ
началь, вышетѣхъ, отъ которыхъ освободился. Духъ панства остал-
ся въ Украинѣ. Шляхтичи (одни, рожденные въ русской вѣрѣ,
другіе, принявшіе ее ради спасенія жизни), вступившіе въ козац-
кое званіе, удерживали въ себѣ и воспитывали въ другихъ отцов-
ской понятія. Козаки вообще смотрѣли на себя, какъ на сословіе
высшее, существующее только воевать и жить трудами другихъ.
По праву сильнаго, козацкіе урядники захватили себѣ лучшія земли,
на которыхъ напрасно послолитые предъявляли права; многія села,
населенные послолитыми, слѣдались раптовыми, т. е. приписаны
къ урядамъ, и хотя жители ихъ по праву были свободны, однако на
самомъ лѣвѣ подчинялись козацкому произволу. Послолитые долж-
ны были платить всякия дани, исполнять всѣ повинности, отъ ко-
торыхъ освобождались козаки, твердившіе, что они, какъ воины,
не должны носить никакихъ общественныхъ таѣостей. Гордость
происхожденія и моральное чувство привадлежности къ благород-
ному сословію, столь обычное въ обществѣ польско-русского ста-
раго дворянства, въ Украинѣ уступало другимъ, болѣе материаль-
нымъ побужденіямъ. Классы перемѣнялись; большая часть козаковъ
слишкомъ недавно поступила изъ послолитыхъ; еще не потерпѣла
между сословіями кровная связь; отъ этого одинъ предъ другимъ
величался и называлъ себя принадлежащимъ къ высшему кругу
преимущественно на томъ основаніи, что бытъ богатъ. Всякий, кто
носилъ кармазинъ, пиль изъ серебряныхъ кубковъ или привѣши-
валъ саблю съ богато-украшеною рукоятью — плодомъ грабежей
прежнихъ лѣтъ, поглядывалъ съ высокомѣріемъ на того, кто
побѣдище; съ своей стороны, бѣдникъ зналъ, что богачъ на-
жилъ случаеній и насилиемъ, и съ завистію поглядывая на
кармазинниковъ или дуковъ — серебряниковъ (какъ они называ-
ны въ драгоценной народной думѣ того времени объ Альбѣ-
рѣ) выжидалъ случая, чтобы также насилиемъ стать на ихъ мѣсто;
и если такому униженному бѣднику, сносившему презрѣніе отъ
богача, удавалось возвыситься, онъ съ высокомѣріемъ и надмен-
ностію начинай смотрѣть на того, кто оказывался бѣдниче его.
Такимъ образомъ, кромѣ различія козаковъ, мѣщанъ и послоли-
тихъ, украинскій народъ раздѣлялся на значныхъ (богатыхъ, знат-
ныхъ) и чернь или голоту, т. е. голь, какъ презрительно называли

бѣдныхъ богачи. Къ голотѣ разумѣется относились преимущественно посполитые; но также и бѣдные козаки — войсковая чернь — въ отношеніи своихъ старшинъ, чиновниковъ и богатыхъ товарищей принадлежали къ голотѣ. Бѣднякъ поневолѣ служилъ богатому, сносилъ отъ него знаки презрѣнія, но за то и самъ, сознавая незаконность обогащенія своего господина, почиталъ себя по праву равныхъ ему и ожидалъ случая, чтобы отомстить за побои и оскорблѣнія, которыя богачъ дозволялъ себѣ наносить бѣдняку. Собственность приобрѣтена была и еще пріобрѣталаась силою; время не успѣло упрочить и освятить ее привычкою; она не получила еще правъ на всесобщее уваженіе. Мѣщанскій классъ также дѣлился на значныхъ и простыхъ: и между ними существовала неуряднь, но не въ такой степени, ибо способы пріобрѣтенія были законны; за то мѣщане вообще находились во враждѣ съ козацкимъ сословіемъ, особенно съ значными козаками, которые не слишкомъ уважительно обходились съ правами мѣщанъ на ихъ земли; а управы на нихъ мѣщанамъ иногда негдѣ было взять. Чѣмъ-то посрѣдствующимъ стало въ этомъ хаосѣ Запорожье. Оно хота и было населено жителями Южной Руси, однако сложилось въ отличной формѣ, съ своеобразными понятіями, нравами, образомъ жизни и бытомъ. Связь съ Украиною не прекращалась, но запорожскій кошъ не хотѣлъ подчиняться украинскимъ властямъ, напротивъ, ломогался распологать судьбою Южной Руси; а старые Сѣчовики думали навязать на неустроенное южнорусское общество порядокъ своей военной общины, который по своей странности вовсе былъ неприлагаемъ къ устройству гражданского общества. Между запорожцами и городовыми козаками была вражда: запорожцы смотрѣли на себя, какъ на людей, достойныхъ особаго уваженія, людей высшихъ передъ городовыми козаками и по заслугамъ и по образу жизни; съ другой стороны у нихъ было много такого, что поражало къ нимъ сочувствіе въ простомъ народѣ. Въ Запорожской Сѣчѣ личность приносилась въ жертву общинности; запорожцы были равны между собою и не терпѣли возвышенія своихъ членовъ; власть выборныхъ чиновъ завиѣла отъ собранія или рады; запорожцы отличались простотою жизни и цинизмомъ, приближавшимъ ихъ образъ жизни къ быту бѣдныхъ простолюдиновъ. Запорожцы поддерживали въ черни злобу къ знатнымъ и распространяли въ народѣ желаніе устроить такое общество, гдѣ бы господство вело совершенное равенство и даже общность имѣній. Впрочемъ, надъ всемъ этимъ у проповѣдниковъ равенства, какъ почти всегда бывало, господствовало тайное желаніе самимъ сѣѣтися господами.

Такое брожение умовъ, такое преобладаніе надъ нимъ единичныхъ интересовъ, было слѣдствіемъ того, что потрясенное возстаніемъ Хмельницкаго общество осталось безъ новой организаціи, безъ зачатковъ свѣжей гражданственности; не образовалось тогого, что можно было назвать отечествомъ, а потому и идея объ отечествѣ, не находя для себя приложенія въ существующемъ положеніи страны, выражалась блестящими фразами въ устахъ честолюбцевъ, прикрывавшихъ ими свои личныя побужденія. Вирочить, никто да не подумаетъ, что такое общество было нравственно испорчено; дѣйствительно подобное состояніе показывало бы нравственное паденіе тамъ, гдѣ господствовалъ твердый, устарѣлый гражданскій порядокъ; но тамъ, гдѣ гражданственность не устанавлилась, тѣ же самыя явленія бывають слѣдствіями неоконченного броженія. Если бъ Богданъ Хмельницкій повелъ свое дѣло иначе, если бъ, наконецъ, онъ жилъ долѣе, чтобы удержать силою своей вели народныя страсти и самому научиться изъ опыта тому, чего онъ не могъ постигнуть вначалѣ, Украина представляла бы иной видъ. Теперь народъ, сбросивъ панское иго, а вмѣстѣ съ нимъ и прежній гражданскій порядокъ, чувствовалъ, что дѣло не кончено и не звалъ, какъ его кончить.

Межу значыми были люди образованые; они одни могли бы руководить судбою края, но они воспитались на почвѣ польского образованія и вносили въ Украину польскія понятія, венавистныя массѣ; при томъ же между ними не было ни одного высокаго ума, который бы соединилъ съ предпочтеніемъ общаго блага личнымъ интересамъ умѣніе направлять кстати практическую дѣятельность народа. Они думали о введеніи въ Украину порядка на польскій образецъ, съ привилегированнымъ классомъ, къ которому причисляли самихъ себя. Народъ видѣлъ въ нихъ посягательство на возрожденіе польского дворянства. Говоря о свободѣ и отечествѣ, эти люди хотѣли власти высшаго класса. По смерти Богдана эта партия въ лицѣ Выговскаго захватила правленіе. Возстаніе Пушкаревка было первою оппозиціею народа противъ нея. Побѣдивъ голоту, она, какъ бы въ ознаменованіе торжества, заключила знаменитый Гадачскій договоръ, явленіе блестящее, но неудовлетворившее народныхъ потребностей. По этому договору Украина составляла независимую рѣчь — послопитую, подъ названіемъ Великаго княжества Русскаго, въ федеративномъ соединеніи съ Польшею. Въ то время, когда составлялся договоръ, еще не упала документальная сила Віленскаго договора, заключеннаго въ 1656 г., по которому послѣ смерти Яна Казимира королемъ польскимъ дѣялся царь Московскій и такимъ образомъ не только Украина, но и Польша соеди-

иалась съ Московіею, а потому Гадацкій договоръ, заключенный между Украиною и Польшею, не условливалъ распоряженія первой изъ этихъ странъ съ Московскіемъ: тогда всѣ боялись, чтобы русскій государь не возвратилъ Украины Польшѣ; Украина хотѣла предупредить такое возвращеніе; она поспѣшила организоваться независимымъ государствомъ, побудила Польшу признать свою независимость и соединилась съ Польшею на выготныхъ условіяхъ равенства, прежде чѣмъ могла быть присоединена къ ней на такихъ условіяхъ, какія будутъ угодны другимъ. Составители договора обратили вниманіе на просвѣщеніе своего края: въ договорѣ упоминалось о заведеніи въ Южной Руси академіи съ университетскими правами, школъ, типографій. Что касается до устройства словесныхъ отношеній, они также явили себя нѣсколько выше обыкновенныхъ понятій польского дворянства, но не на столько, на сколько это могло удовлетворять массѣ народа. Шестьдесятъ тысячъ козаковъ должны были составлять особое сословіе; изъ нихъ гетманъ ежегодно могъ представлять на сеймъ достойнѣйшихъ къ возведенію въ дворяне. Связь козаковъ съ послопитыми поддерживалась уже тѣмъ, что козаки пополнялись изъ послопитыхъ. Такимъ образомъ дворянское достоинство дѣлалось легко доступнымъ для козаковъ, а за ними даже и для послопитыхъ, переходившихъ въ козаки: дворянство служило наградою доблестямъ. Такой порядокъ уже отступалъ отъ польскихъ понятій; это видно изъ того, что на сеймѣ дворяне сильно вооружались противъ допущенія въ свое сословіе холоповъ, какъ они говорили; было ясно, что посредствомъ легкаго пріобрѣтенія дворянства и умноженія числа его членовъ, оно потеряетъ со временемъ свое значеніе. Но оскорблія гордость польскихъ дворянъ, этотъ договоръ не радовалъ русскихъ послопитыхъ. Права простаго народа не были прочно означены, объяснены, ограждены; по этому не только простой народъ, но и козацкая чернь видѣли въ этомъ дѣлѣ возвращеніе того, что сломлено восстаніемъ Хмельницкаго, только въ болѣе русской одеждѣ. Тогда образовалось бы дворянство, которое стало бы управлять страною, а все послопитство предано было бы произволу привилегированнаго класса. Исходъ Гадацкаго договора былъ самый плачевный. Выговскій изгнанъ; составители договора—Немиричъ, Верещака, Сулима—умерщвлены. Ненависть къ этой партии усилилась по поводу непріязненныхъ столкновеній съ Московскіемъ, дошедшихъ до открытыхъ военныхъ дѣйствій: народъ, пострадавшій отъ опустошеній, причиненныхъ московскими войсками, видѣлъ въ Выговскомъ и его соучастникахъ предателей отечества, измѣнниковъ царю, наилѣкихъ на весь край гнѣвъ самодержца.

Вмѣсто Выговскаго избранъ Юрій Хмельницкій, воплощенная
ничтожность. Какъ будто какая-то насмѣшика судила ему
открыть и закончить собою печальную исторію Украины отъ смер-
ти Богдана до Московскаго договора, окончательно разѣшившаго
Украину между двумя государствами и тѣмъ, самыи, парализовав-
шаго ея стремленіе къ самобытной жизни. Заключили съ Моск-
віею новый договоръ, который болѣе Переяславскаго ограничивалъ
самодѣятельность мѣстной власти; такое явленіе, возбуждая неудо-
вольствіе къ Москвіи, полавало полякамъ средства дѣйствовать въ
свою пользу. Исходъ возобновленной Москвіею войны быль для
нея несчастенъ; поляки разбили на-голову московское войско подъ
Чудновымъ, а Хмельницкій съ толпою старшинъ и козацкимъ вой-
скомъ, атакованный поляками подъ Слободищемъ, добровольно
призналъ власть Польши. Вскорѣ ничтожный гетманъ, неудачно
попытавшись склонить къ Польшѣ лѣвую сторону Днѣпра и
пугаемый запорожцами, негодовавшими на него за переходъ
къ Польшѣ, отказался отъ булавы. Вмѣсто его утвердили на пра-
вой сторонѣ Днѣпра Павелъ Тетера, человѣкъ ограниченный, хотя
образованный, сторонникъ Польши по воспитанію и личнымъ по-
бужденіямъ. На лѣвой сторонѣ Переяславскій полковникъ Сомко,
шуринъ Богдана Хмельницкаго, отбивъ покушенія племянника сво-
его Юрія, удержалъ лѣвую сторону Днѣпра въ повиновенії царю и
избранъ гетманомъ въ Козельцѣ партію значныхъ, къ которой
принадлежалъ самъ по богатству и связямъ. Но избраніе станови-
лось вполнѣ дѣйствительнымъ только послѣ царскаго утвержденія,
а врежде чѣмъ оно послѣдовало для Сомка, у него явились сопер-
ники. Другой шуринъ Хмельницкаго, братъ послѣдней жены его,
іїжинскій полковникъ Василій Золотаренко, известный въ просто-
рѣчіи поль именемъ Васюты, при помощи тоглашнаго блестителя
митрополичьяго престола, епископа Мееодія, хотѣлъ отнять у Сом-
ка булаву; совѣсть не препятствовала ему прибѣгать для своей цѣли
къ самыи гнусныи поступкамъ: такъ, напримѣръ, онъ созывалъ
къ себѣ значныхъ казаковъ и угрозами принуждалъ признать себя
гетманомъ и писать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву доносы на Сомка.
Но когда два шурина Хмельницкаго другъ у друга вырывали его
наслѣдіе, явился третій претендентъ на гетманство, также близкій
къ Хмельницкому, но инымъ путемъ: то быль прежній слуга Бог-
дана Иванъ Мартинецъ, теперь Иванъ Мартиновичъ Бруховецкій,
запорожскій кошевой атаманъ. Запорожцы, думавши о его возведе-
ніи, начали прежде для вида ласкать Золотаренка, вѣсколько време-
ни льстили ему, увѣрая, будто они держатся его партіи и побужда-

лямъ его носить въ Москву на Сомка доносы. Когда же эти доносы въ Москвѣ посыпали къ Сомку недовѣрѣ, запорожцы явно показали, что цѣль иѣ—возведеніе Бруховецкаго. Между тѣмъ они послали въ Москву съ своей стороны объясненіе, что хотя Сомко избранъ гетманомъ, но народъ не желаетъ этого, зная, что онъ измѣнникъ; при этомъ они вообще обвиняли значныхъ въ непостоянствѣ и на-
клонности снова соединить свое отечество съ Польшею и просили московское правительство собрать Черную Раду, т. е. такое собра-
ніе, въ которомъ бы присутствовали и подавали голоса не одни ко-
заки, а все поспольство, ибо простой народъ преданъ царю и конеч-
но изберетъ такого гетмана, который будетъ сохранять нововведеніе московской власти. Тѣмъ временемъ ихъ агенты, разсѣянныя по Украинѣ, волновали народъ, утверждая, что Бруховецкій желаетъ гетманства для того, чтобы ввести въ Украину совершившее равен-
ство, отдать богачей и значныхъ на разграбленіе черни, что при новомъ гетманѣ не будетъ уже различія козаковъ и посполитыхъ, а всѣ сдѣлаются козаками—свободнымъ сословіемъ, не будетъ бѣд-
ныхъ, а все будетъ общее. Извѣстно, что въ смутныя времена че-
сто любцы нерѣдко употребляли подобныя приманки для завлечения на свою сторону народные толпы, съ намѣреніемъ захватить надъ
ними власть. Легко было тогда преклонить украинскій народъ эти-
ми мечтательными надеждами и вооружить противъ Сомка, который,
какъ всѣ знали, думалъ утвердить въ Украинѣ единство и соеди-
нить ее съ Молдавіею на основаніи Гадячскаго договора, столь не-
навистнаго черни. Съ одной стороны успѣхъ Сомка грозилъ наро-
ду властію богачей, созданіемъ дворянства и вообще господствомъ
привилегированного класса; съ другой, власть Бруховецкаго по-
давала надежду на установление вольности и равенства правъ.
Но когда надежды на равенство и общность имѣній располагали на-
родное легковѣріе въ пользу Бруховецкаго, самъ Бруховецкій въ
тоже время располагалъ въ свою пользу запорожскихъ старшинъ
общинами подавать имъ начальническія мѣста и урады въ Украи-
нѣ и надѣлить ихъ селами и хуторами, где живущіе посполитые,
ожидающіе равенства, принуждены будутъ на нихъ работать; нако-
нецъ, всѣхъ вообще запорожцевъ Бруховецкій ласкалъ обѣщаніями
отдать имъ на разграбленіе всѣхъ значныхъ городовыхъ козаковъ,
такъ называемыхъ кармазинниковъ. Хитрый, лукавый, готовый на
всякую низость, Бруховецкій успѣхъ въ этомъ омутѣ ловче другихъ.
Когда, наконецъ, въ Украину явился для открытия желаемой наро-
домъ Черной Рады бояринъ князь Великогагинъ, Бруховецкій рас-
положилъ его въ свою пользу нижепоклонничествомъ, подарками

и обѣщаніями; и князь приступилъ къ дѣлу съ намѣреніемъ рѣшить судьбу народа по заданному условію. Только тогда, когда сторона Бруховецкаго брала явный перевѣсъ въ народѣ, Василій Золотаренко отказался отъ притязаній на гетманство и соединился съ Сомкомъ. Но уже было поздно.

17 іюня 1663 года подъ Нѣжиномъ собралась знаменитая въ исторіи Южной Руси Черная Рада. Едва князь Великогагинъ началъ читать длинный царскій титулъ, которымъ начинался царскій указъ, толпа приверженцевъ огласила Сомка гетманомъ; въ тоже время запорожцы и черны провозгласили Бруховецкаго и кинулись на соперниковъ: произошла междуусобная схватка, разнятая виѣшательствомъ московскихъ войскъ. Видя это и притомъ замѣчая, что самъ князь Великогагинъ держится стороны Бруховецкаго, воины Сомка перешли на противную сторону, а самъ Сомко, лишившись помощи, отдался подъ защиту князя, но былъ выданъ головою своему врагу. Всеобщій грабежъ и убийства значныхъ нѣсколько времени потѣшили народные страсти, но слишкомъ скоро украинцы обманулись въ ожидавшемъ. Правленіе Бруховецкаго содѣялось торжествомъ не равенства, а грубаго деспотизма запорожцевъ, получившихъ уряды и власть надъ чернью. Сомко былъ обвиненъ въ измѣнѣ царю и казненъ вмѣстѣ съ тремя старшинами; въ числѣ ихъ былъ и Золотаренко.

Вотъ эту-то замѣчательную, полную смысла эпоху протекшей малороссійской жизни выбралъ г. Кулинъ для своей «Хроники». Читая это сочиненіе, съ первого взгляда можно замѣтить, что авторъ имѣлъ цѣлую изобразить собранные народные типы и рѣзкія явленія, выказывающія особенности страны и вѣка. Героемъ сочиненія избранъ паволоцкій попъ — козакъ, лицо очень замѣчательное по своей судьбѣ, записанной въ лѣтописи Самовидца. Этотъ богатырь хмельчины (вѣроятно священническій сынъ) въ юности учился въ кievской Бурсѣ, потомъ былъ козакомъ, отличался при Хмельницкомъ въ битвахъ, а когда войны утихали, сдѣлался священникомъ въ Паволочи, желая посвятить старость церковному богослуженію, за которое такъ долго подвизался мечемъ. Но когда Тетера началъ склонять Украину подъ польское владычество, онъ снова принялъ полковничій урядъ, возстановилъ Паволочь противъ Тетеры, перебилъ живоѣтъ и хотѣлъ соединиться съ Сомкомъ, чтобы взаимными силами исторгнуть правый берегъ изъ подъ польского вліянія. Несчастный исходъ Черной Рады лишилъ его надеждъ. Осажденный въ Паволочи Тетерою, попъ — козакъ для спасенія жителей города пожертвовалъ собою, отдался врагу и былъ казненъ.

Въ лѣтописи онъ названъ Поповичъ, г. Кулишъ назвалъ его *Шрамъ*, какъ будто бы это прозвище дано ему отъ рубцовъ, которыми покрыто было его лицо.

Зававка «Хроники» основана на путешествії Шрама съ сыномъ Петромъ изъ Паволочи на лѣвый берегъ Днѣпра для сообщенія съ Сомкомъ. Всѣ явлевія представлены въ видѣ встрѣчъ во время этого путешествія.

Шрамъ съ Петромъ пріѣзжаютъ въ хуторъ Хмарище близъ самаго Киева, принадлежащей козацкому сотнику Черевану. Хозяинъ нѣкогда воевалъ подъ знаменами Хмельницкаго, но теперь засѣлъ въ хуторѣ, вкусилъ черезъ край удовольствій домашней жизни, расступчій и облынился; онъ человѣкъ чрезвычайно добросердечный, прямой, благородный, но довольно ограниченный. У него жена и дочь, красавица Леся (Саша). Старый козакъ, выкупленный имъ изъ турецкой неволи, Василь-невольникъ, изъ благодарности служить у него привратникомъ, слугою и возницею. Какъ вообще старики, онъ любить вспоминать о прошлыхъ несчастіяхъ, и кстати и не кстати сводить рѣчь на свои страданія въ неволѣ. Шрамъ засталъ Черевана на пасѣкѣ (на пчельникѣ), гдѣ слѣпой кобзарь поѣдалъ его козацкими пѣснями. Этотъ кобзарь носить въ народѣ прозвище Божьяго человѣка; онъ собирается за свою игру деньги для того, чтобы выкупать невольниковъ отъ мусульманъ — лица, присущее вѣку. Отъ него Шрамъ узнаетъ о положеніи дѣлъ въ Украинѣ и о томъ, что Бруховецкій домогается гетманства. Въ домѣ Черевана молодой Петро влюбляется въ Лесю, а отецъ дѣластъ за него предложеніе; Череванъ соглашается, но жена его показываетъ видъ нежеланія и хотя не отвѣчаетъ совершеннымъ отказомъ, но прежде всего предлагаетъ сѣѣздить на богомолье въ Киевъ. Послѣ угощеній и бесѣдъ, въ которыхъ авторъ изображаетъ картину тогдашняго гостепріимства и образа домашней жизни, всѣ ёдуть въ Киевъ. Дорогою жена Черевана объявляетъ Петру, что за дочь ея сватался самъ гетманъ Сомко и что ему почти дано обѣщаніе. Петро загрустилъ, но скрываетъ сердечную тоску, какъ прилично козаку.

Въѣхавъ въ Киевъ, путешественники были остановлены толпой народа на Подолѣ. У одного мѣщанина, бывшаго прежде трубачемъ въ козацкомъ войскѣ, родился сынъ и онъ, по тогдашнему обычаю, зазываетъ къ себѣ на пиръ мимоидущій пароль. Онъ зналъ давно Шрама и, встрѣтивъ его, проситъ выпить за здоровье новорожденнаго. Шрамъ отговаривается тѣмъ, что ёдетъ на локционіе св. мощамъ, а потому не голится ему предаваться разгулу въ такое время. Стоявшиѣ вокругъ мѣщане занѣгали, что такой отказъ про-

исходитъ отъ го^дости; что Шрамъ, какъ значный человѣкъ, стыдится волить компашю съ простаками. Въ этой сценѣ выведена авторомъ тогдашняя вражда козаковъ и мѣщанъ между собою. Шрамъ защищаетъ козаковъ, мѣщане себя и въ пылу перебранки грозятъ козакамъ Черной Радой. Наконецъ Шрамъ кротко началь укорять ихъ въ непочтеніи къ его старости и заслугамъ. Тогда самъ хозяинъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе, перемѣнили тонъ и дружелюбно пропустили путешественниковъ.

Путешественники отправились въ Братскій монастырь; авторъ сообщаетъ при этомъ описание наружности тогдашней обители, игравшей такую важную роль въ исторіи южнорусскаго образованія. Выходя изъ монастыря, путники увидѣли оригиналную сцену, обыкновенную въ XVII вѣкѣ. Въ тотъ вѣкъ многіе изъ удалыхъ сѣчевиковъ — запорожцевъ кончали свое поприще тѣмъ, что на старости удалялись въ монастырь и посвящали остатокъ жизни отшельничеству, во въ день своего вступленія въ обитель считали необходиымъ отпраздновать прощеніе и разлуку съ міромъ и его суетами гульнею и бражничаньемъ. Будущій отшельникъ нанималъ музыку, шелъ съ нею по городу въ сопровожденіи товарищей, пѣѧть, плясалъ и смѣшиль народъ юродивыми выхолкаи, которыми хотѣль доказать свое презрѣніе къ міру и всѣмъ его богатствамъ: разбивали на базарѣ у торговокъ посуду и платиль за все, разливали бочку съ лагтемъ, пачкалъ имъ свой дорогой кунтушъ и прочее. Это дѣлалось теперь передъ глазами Шрама и его товарицей. Шрамъ неблаговолилъ къ запорожцамъ и не утерпѣлъ, чтобы не сказать на счѣтъ ихъ оскорбительныхъ замѣчаній: ихъ послушали запорожецъ и отвѣчалъ насмѣшилымъ воскликаніемъ къ досадѣ Шрама.

Изъ Братскаго монастыря богомольцы наши отпѣвились въ Печерскій. Мужчины ѿхали верхомъ, женщины въ рыданѣ, которыми правилъ Василь-невольникъ. Вдругъ являются двое верховыхъ запорожцевъ; начали они гарцоватъ вокругъ рыдана и одинъ другому громко сталъ говорить о намѣреніи похитить Лесю. Мать и дочь перепугались; но Василь-невольникъ успокоивъ ихъ, говоря, что запорожцы только дурачатся, а въ самомъ дѣлѣ этого никогда не сдѣлаютъ. Первый изъ запорожцевъ былъ Кирилло Туръ, второй Богданъ Черногорецъ, его побратимъ (другъ).

Въ Печерской обители встрѣтили путешественники Сояка. Онъ повелъ ихъ въ хуторъ, построенный близъ монастыря для приходящихъ на богомолье козаковъ, чтобы гулянки ихъ, отъ которыхъ

козакъ не въ силахъ былъ удержаться и въ священномъ иѣстѣ, не возмущали богомыслія братіи. Тамъ среди политическихъ разговоровъ о положеніи Украины, Сомко дѣлаетъ предложеніе отдать за него Лесю и получаетъ согласіе, а Шрамъ благословляетъ ихъ. Однако Сомко мало цѣнитъ любовь женщины и очень разнодушенъ къ невѣстѣ: онъ обращается снова къ бесѣдѣ о политикѣ, къ негодованію Леси, которой самолюбіе оскорблено такимъ недостаткомъ вниманія. Входитъ запорожецъ Кирилло Туръ. Сомко давно знаетъ его и уважаетъ; Шрамъ, ненавидящій вообще запорожцевъ, привѣтствуетъ его сначала грубыми выраженіями, а потомъ измѣняетъ тонъ, когда узнаетъ въ немъ атамана, вѣкогда спасшаго его отъ смерти въ пылу схватки съ поляками. Кирилло Туръ принять въ общую бесѣду вѣстѣ съ моцаливымъ товарищемъ, Богданомъ черногорцемъ. Запорожецъ открываетъ свое намѣреніе похитить у Сомка невѣstu и бѣжать съ нею въ Черную гору. Уже одна страшность такой откровенности заставляетъ всѣхъ принимать ее за шутку, свойственную юродствующимъ запорожцамъ. Только Леся испугалась и была уведена матерью. Козаки обращали такъ мало вниманія на женскія чувства, что слезы Леси не нарушили доброго согласія съ Кирилломъ Туromъ: никто на него не разсердился за то, что онъ своими выходками испугалъ дѣвицу. Кирилло, побоявшись, ушелъ. Шрамъ высказалъ было сомнѣніе на счетъ шуточнаго значенія словъ Кирилла Тура, но Сомко успокоилъ его, утверждивъ, что знать этого запорожца давно, что онъ только юродствуетъ, а въ самомъ дѣлѣ настоящій отшельникъ, и самъ Сомко однажды подсмотрѣлъ, какъ Кирилло усердно молился Богу въ ночной тишинѣ. Шрамъ съ Сомкомъ отправился къ архимандриту Печерского монастыря, Иннокентію Гизелю. Жаль, что г. Кулишъ не изобразилъ этого свиданія; иначе онъ бы дополнилъ свою «Хронику» новою интересною картиною.

Послѣ вечерни, компанія опять сходится на хуторѣ: женщины вѣтѣ на этотъ разъ. Кирилло Туръ снова объявляетъ, что въ нѣступающую ночь венремѣшио украдеть Лесю и убѣжитъ съ нею въ Черную-Гору. Всѣ, какъ прежде, принимаютъ и на этотъ разъ слова Кирилла Тура за шутку и цаляютъ запорожца въ благодарность за то, что онъ ихъ потѣшаетъ. Запорожецъ прикидывается характерникомъ (колдуномъ) и заколдовываетъ двери и окна. Къ Шраму опять вводятъ подозрѣнія, но Сомко снова ихъ разсѣваетъ.

Всѣ улеглись спать. Не спалось одному Петру отъ грусти, что Леся предпочла ему гетмана. Онъ вышелъ въ поле. Была прекрасная, весенняя ночь. Онъ слышитъ голоса: то были Кирилло Туръ и Бог-

данъ черногорецъ; они ъхали верхомъ и говорили о предпринятомъ похищении Леси. Сперва Петро ужаснулся, а потомъ въ сердце его пало злорадство за презрѣніе къ нему дочери Черевана, но это злобное чувство исчезло, какъ скоро онъ увидѣлъ, какъ Кирилло Туръ держаль въ рукахъ почти бездыханную отъ испуга Лесю. Когда дѣвица начала приходить въ себя, то Кирилло грозилъ ей смертю, если она будетъ кричать. Петро сообщилъ о похищении Василю—невольнику, а самъ вскочилъ на коня и во весь опоръ поскакалъ за похитителемъ. Кирилло, увидѣвъ погоню, разломалъ за собою мостъ, соединившій два края глубокаго и обрывистаго оврага и остановился на мѣстѣ, ожидая соперника. Петро никакимъ образомъ не могъ заставить своего коня перескочить черезъ оврагъ, скочилъ съ него и попытался перепрыгнуть собственными ногами, но земля подъ нимъ осунулась и увлекала его въ пропасть; тутъ Кирилло Туръ подалъ ему руку, вытащилъ изъ оврага и потомъ предложилъ поединокъ за красавицу. Козаки сѣѣлись сначала на сабляхъ, а когда обѣ саблиихъ переломились, привязались драться на кинжалахъ; одинъ другого ударили въ грудь и упали за мертвое. Въ эту минуту догнали ихъ Шрамъ и Сомко. Шрамъ и Леся стали ухаживать за Петромъ, Сомко, къ крайнему негодованію Шрама, за Кирилломъ Туromъ. Забывая невѣсту, не почтивъ вниманіемъ того, кто лежалъ въ крови за его невѣсту, гетманъ обращался съ соболѣзваніемъ къ тому, кто ее похитилъ. Этого мало; на замѣчанія Шрама, онъ отвѣчалъ «найдется и другая невѣста, а другого Кирилла Тура не будетъ». Леся услышала эти слова и сердце ея навсегда отвратилось отъ Сомка. Шрамъ завернувъ сына въ рису, прицѣпилъ къ коню и повезъ домой, а Сомко хотѣлъ быдо самъ везти Кирилла Тура; тутъ явились запорожцы и взяли его на излечение.

Петро привезенъ къ Черевану и больной лежаль въ Хмарпшѣ; за нимъ ухаживала Леся. Эти минуты сблизили между собою молодыхъ людей и превратили ихъ взаимное влеченіе въ дѣйствительную любовь. Но тѣмъ не менѣе, когда Петро поднялся на ноги, старики рѣшили, что Череванъ съ семьею пойдетъ къ своему шурину Гавиатовкѣ, жившему на хуторѣ полѣ Нѣжина и будетъ тамъ ожидать Сомка, чтобы праздновать его свадьбу, а Шрамъ съ сыномъ пойдетъ въ Переяславль. Дорогою планъ измѣнился. Встрѣтился съ нимъ Переяславскій сотникъ; онъ извѣстилъ, что три полка: миргородскій, лубенскій и зиньковскій перешли на сторону Бруховецкаго. Шрамъ рѣшился ъхать съ Череваномъ въ Нѣжинъ, чтобы тамъ примирить съ Сомкомъ Золотаренка.

Авторъ ведетъ читателя за Шрамомъ по дорогѣ до Нѣжина и томъщаетъ любопытную его встрѣчу съ мужиками. Шрамъ слышитъ, какъ они, собравшись, толкуютъ между собою о тогдашнемъ времени. Наконецъ вся компанія путешественниковъ доѣхала до хутора Гвинтовки. Гвинтовка женатъ на польской княгинѣ, которую взялъ насильно, убивъ ея мужа.

Несчастная полячка узнаеть въ рѣдванѣ, въ которомъ пріѣхало семейство Черевана, рѣдванѣ своего прежняго мужа и въ отчаяніи падаетъ безъ чувствъ. Мужъ обращается съ нею варварски, дабы доказать гостямъ, что полячка, сѣлавшись его женой, не имѣть на него влиянія, но доказываетъ противное высокомѣрнымъ обращеніемъ съ прислугою и насилиями, которая причиняетъ мѣщанамъ, не только захвативши безъ всякаго права городскія земли, но овладѣвшіа мѣщанскими волами, пойманными на этой землѣ. Хотя онъ и увѣряетъ, что держится стороны Сомка, но Шрамъ замѣчаетъ иное. Въ его домѣ является запорожецъ батько Пугачъ требовать отдачи воловъ мѣщанамъ. Обращеніе съ нимъ показываетъ, что Гвинтовка стакался съ запорожцами и подчиняется имъ внушеніемъ. Шрамъ уѣзжаетъ отъ него, а Петро, оставаясь въ домѣ Гвинтовки, избѣгаетъ встрѣчи съ Лесею, имъ любимою и любящею его, по чужою невѣстою. Онъ холитъ по полу и встрѣчаетъ козака, которого ведеть за руку дѣвушка. Петро узнаеть въ немъ Кирилла Тура; дѣвушка — его сестра. Прежніе заклятые враги встрѣчаются друзьями. Кирилло Туръ въ шуточномъ тонѣ разсказываетъ, какъ его избавили отъ смерти и жалѣть объ этомъ, показывая совершенное равнодушіе къ жизни. Петро приглашенъ къ нему завтрашній. Среди семейной бесѣды съ матерью и сестрою Кирилла, явился батько Пугачъ и съ бранью требуетъ Кирилла на судъ за поступокъ съ Лесею. Испуганныя женщины бросаются ему въ ноги, но Кирилло успокаиваетъ ихъ, увѣряя, что батько Пугачъ только шутить, и приглашаетъ грознаго вѣстника есть блины. Пугачъ не отказывается отъ блиновъ, а побѣши, требуетъ Кирилла ѣхать съ супругою. Кирилло, уѣзжая изъ дома и прощаюсь съ родными, запѣвасть безэтрадную пѣсню, давая знать, что не заѣдется больше ихъ увидѣть. Петро, оставшись съ матерью и сестрою прокажника, вызываестся итти въ Кошъ и узнать о судьбѣ Кирилла.

По поводу предстоявшаго избрания гетмана, запорожскій Конѣцъ стоялъ близъ Нѣжина въ уроціи Романовскій Кутъ. Собрались ради судить Кирилла Тура: по запорожскимъ обычаямъ не только врѣюбодѣявіе, но всякое сердечное отношеніе къ женщинѣ въ безбрачномъ состояніи наказывалось какъ большое преступленіе:

новнаго привязывали къ столбу; передъ нимъ ставили вино, клали хлѣбы и палки. Всякий товарищъ имѣлъ право подойти, выпить, закусить и отвѣстить преступнику ударъ. Рѣдко случалось, чтобы осужденный на такую казнь отходилъ живой отъ столба, но Кирилло Туръ былъ такъ крѣпко сложенъ и отличался такимъ здоровьемъ, что не только перенесъ истязаніе (которое впрочемъ, по уваженію къ нему, запорожцы не доводили до высокой степени), но еще послѣ казни пѣлъ и плясалъ въ пріятельской бесѣдѣ съ товарищами, а потомъ, сопровождаемый Петромъ, отправился къ роднымъ: тамъ приложили попеченіе о его язвахъ, но Кирилло Туръ, какъ бы въ насыпшку падъ бабыми попеченіями, напился пьянъ до безчувствія.

Между тѣмъ Шрамъ заѣхалъ въ Борзну, и тамъ узнавъ отъ сотника Бѣлозерца о вступленіи Черной Рады, поспѣшилъ въ Нѣжинъ.

Далѣе — описывается весь ходъ Черной Рады, занимающей въ «Хроникѣ» около трехъ главъ. Бруховецкій остался побѣдителемъ; Сомко, выданный бояриномъ врагу, заключенъ въ тюрьму. Череванъ убѣжалъ изъ Рады очень комически. Шрамъ, прощаясь съ нимъ, затаиваетъ въ себѣ какое-то отчаянное намѣреніе.

Чернъ изъ обращенія съ нею запорожцевъ тотчасъ же увидѣла свое ослѣплеіе; явилось сознаніе, что народъ былъ игрушкою. Всеобщее уныніе и негодованіе заступило мѣсто прежнихъ надеждъ.

Обманувши ожиданія народа, Бруховецкій обманулъ и старыхъ запорожцевъ, которые ожидали, что онъ введетъ въ Украину запорожскіе обычай. Когда еще онъ не былъ гетманомъ и привели на судъ Кирилла Тура, на вопросы товарищей что съ нимъ дѣлать, онъ совершенно отдалъ его въ ихъ волю. Теперь поймали запорожца въ явно-непозволительномъ обращеніи съ женой одного коваля. Бруховецкій не дозволилъ его бить кілми, и запорожскіе старики — на главѣ ихъ суровый ненавистникъ прекраснаго пола батько Пугачъ — послали ему проклятія и удалились въ свою Сѣчь.

Сомко сидѣлъ въ тюрьмѣ; Бруховецкій беспокоился; чернъ, раздраженная своеольствомъ запорожцевъ надъ нею и запрещеніемъ грабить значныхъ, которыхъ имущество доставались одинимъ только запорожцамъ, готова была перейти на сторону Сомка, если бы онъ явился на свободѣ. Бруховецкій задумалъ убить его. Онъ открываетъ намѣреніе свое какому-то сердюку; но сердюкъ не только не согласился быть палачемъ, а еще разгласилъ объ этомъ. Услышавъ Кирилло Туръ, переодѣтый явился къ Бруховецкому, предла-

гасъ ему услуги. Бруховецкий далъ ему перстень, съ которымъ Кирилло Туръ явился къ Сомку, чтобы его спасти: онъ уже заранѣе уговорился съ Шрамомъ и велѣлъ ему въ уютномъ мѣстѣ дожи-даться освобожденного Сомка. Но Сомко не захотѣлъ купить жизнѣ цѣнною пожертвованія Кирилла, ибо Кирилло Туръ не могъ спасти его иначе, какъ оставшись самъ на его мѣстѣ въ тюрьмѣ. Со слезами прощается онъ съ Сомкомъ, а воротившись къ Шраму извѣ-щаетъ его обѣ этомъ съ своимъ обычнымъ юродствомъ.

Здѣсь собственно кончается «хроника». Въ послѣдней главѣ, авторъ коротко разсказываетъ о смерти Шрама, о казни Сомка. Сынъ Шрама, лишившись родителя, пріѣзжаетъ въ Хмарище къ Черевану, и узнаетъ, что Кирилло Туръ бережно доехалъ его семью изъ хутора Гвинтовки въ Хмарище, не забывъ, однако, всю дорогу пугать Лесю обѣщаніями снова похитить ее. На этотъ разъ слова: его действительно были шуткою. Онъ уѣхалъ въ Черногорье съ своимъ побратимомъ, разставшись навѣки съ матерью и сестрою, которыхъ думалъ вознаградить за потерю брата и сына тѣмъ, что оставилъ имъ безбѣдное состояніе. Божій человѣкъ свидѣтель этой бесѣды. Петро замѣтилъ, что грустно слушать, какъ зло торже-ствуетъ, а добродѣтель за трудъ и горе остается безъ награды.

Божій человѣкъ отвѣчалъ:

«Іванця Богъ гріхомъ ужѣ покаравъ; а праївленому чоловіковѣ якої трёба въ світі награди? Гетьманство, багатство, аби верхъ надъ ворогомъ? діти тилько ганяються за такими цицьками (игрушками), а хто хоть разъ заглянувъ черезъ край світу, той іншого блага бажає.... Немає, важешъ, награди? Зашо награди? Зате, що въ інє душа лучча одь моїхъ ближніхъ? А се жъ хиба малà милостъ Госпо-дня? Малà милостъ, що мої душа сміє и зможе таїе, що іншому й не приснитца? іншій ище скаже, що такій чоловикъ, якъ твій из-нотець, уганяє за славою. Химера! Слави трёба мирови, а не то ѹ хто славенъ. Миръ нехай навчаетца добру, слухаючи, якъ отдавали жизни за людське благо, а славному слава у Бога!

Петро женился на Лесѣ.

Г. Кулишъ представляетъ избранную эпоху съ разнообразными сторонами: у него изображены и политическія страсти, и борьба эти-стическихъ побужденій, и семейный бытъ, и могущество и сла-бость духовной жизни народа. Не только цѣлое проникнуто мысліемъ; нѣть страницы, которая бы не возбуждала думъ въ душѣ читателя. Каждое лицо выражаетъ собою какую нибудь изъ сторонъ вѣка. Ярче всѣхъ поражаетъ читателя характеръ Кирилла Тура — вѣрен-

и до крайности странное одицтвование могучести духа въ эпоху броженія, въ вѣкъ юношеской силы, начинающей чувствовать начатки раннаго безсилія. Только при многолѣтнихъ трудахъ изученія книжныхъ и пѣсенныхъ памятниковъ, только послѣ разностороннаго знакомства съ народомъ, можно было создать такое лицо, воскресить идеалъ запорожца старого времени. Постоянная брань съ мусульманами, потребность отстаивать православіе противъ Польши, развили въ малороссійскомъ народѣ религіозное настроение духа, внутреннее благочестіе, подчиненность жизни набожному воззрѣнію; но беспрестанная неудачи, всеобщее страданіе народа, позорные бѣдствія, какія малороссіяне должны были выносить на членахъ своихъ, частая потребность самопожертвованія, непрочность домашняго очага, необходимость расторженія гражданскихъ и семейныхъ связей — воспитали въ этомъ народѣ сознаніе земнойничтожности, презрѣніе къ жизни, насыщенный взглядъ на всѣ симѣнія, который и теперь, послѣ долгихъ лѣтъ успокенія, составляетъ поразительную черту малороссійскаго характера. Малороссіянинъ до того свыкся съ неудачами, что даже на собственныи плачъ о своихъ лишеніяхъ часто глядѣть со смѣхомъ. Безпечность, въ которой обыкновенно упрекаютъ малороссіянъ, есть слѣдствіе этихъ обстоятельствъ. Точно то же можно сказать о томъ юродствѣ, къ которому едва ли такъ созненъ другой какъ нибудь народъ, какъ малороссіяне. Этими юродствомъ встарину особенно отличались запорожцы. Запорожье было населено выходцами изъ Украины, которые не уживались съ тамешней гражданственностью и приходили въ Сѣчь, принеся съ собой убѣжденіе въничтожности прежнихъ своихъ стремленій и трудовъ. Запорожецъ — если онъ былъ одаренъ энергіческою, высокую душою, болѣе или менѣе дѣлался юродомъ. Такой образъ представляется собою Кирилло Туръ. Военное занятие препятствуетъ ему обладать крѣпостію и неизбѣжно Христа ради юродиваго; съ преврѣтеніемъ къ земной жизни и съ насыщеніями надъ нею, свойственными послѣднему, онъ соединяетъ жестокость и грубость воина варварскаго вѣка. Онъ трудится для правды, ибо сознаетъ ея совершенство; но онъ сознаетъ невозможность достигнуть ея на землѣ, и потому насыщается надъ собственнымъ стремленіемъ къ правдѣ. Онъ не пощадитъ своей жизни для пустаго случая, не пощадитъ ея ради служенія правдѣ, пожертвуетъ жизнью другаго, вопреки законамъ правды, ибо убѣженъ, что ни онъ самъ, ни другой, правды не достигнетъ, а жизнь, какъ своя, такъ и чужая — не важное дѣло. Онъ убѣженъ въ обманчивости земныхъ благъ, любъ,

семейства, но знать о нихъ пріятностяхъ и готовъ самъ наслаждаться ими при случаѣ, пытаясь не дорожа ими, и не разбирая, не будетъ ли это вредно другимъ? Мгновенное увлеченіе дѣвицею заставило его забыть и свое призваніе, и спокойствіе чуждаго семейства и горе своей жертвы; нѣтъ ему нужды, что его не полюбить дѣвица: онъ знаетъ, что любовь, семья, взаимность чувствъ, радость, горе, — все вздоръ, все мечта; у него отняли жертву, — онъ не горюетъ, ибо и сожалѣніе о потерянномъ также мечта, вздоръ. У него нѣтъ личной вражды: онъ дрался съ Петромъ на смерть, а потомъ входить съ нимъ въ дружескія отношенія; но у него нѣтъ и дружбы: побратимство его съ черногорцемъ болѣе взаимное условіе, чѣмъ чувство; эта связь не отличается большею зацѣпливостію, чѣмъ знакомство съ другими лицами; у него нѣтъ тайнъ, которыми бы онъ открылъ одному черногорцу и скрывалъ отъ прочихъ; онъ отдастъ себя за всякаго другаго, не подумавъ, что другъ будетъ въ немъ нуждаться, и вѣрою, не очень бы горевалъ, еслибы убили его побратима. Онъ сознаетъ, что въ мірѣ все какъ-то некстати, а потому и самъ поступаетъ такъ, какъ другимъ кажется некстати: скрытенъ тамъ, гдѣ бы нужно искренности, откровенецъ тамъ, гдѣ другое скрыты; работаетъ за Сомка, говорить за Бруховецкаго; отнимаетъ у Сомка певѣсту и отдаетъ за Сомка жизнь. У него нѣтъ другаго убѣжденія, кроме того, что жизнь ничего не стоитъ, а потому онъ смеется надъ жизнью, смеется надъ смертію, смеется надъ радостями, смеется надъ страданіями, смеется надъ правдою, смеется надъ зломъ, смеется не забываясь: если для него есть что нибудь серьезное, то развѣ его собственныи смѣхъ, тотъ смѣхъ, которымъ онъ осущаетъ невольно-пробивающіяся свои слезы.

Есть другой типъ сознанія земнойничтожности — это Божій человѣкъ. Онъ также разувѣрился въ господствѣ правды, во не считаетъ безполезнымъ стремленія къ ней. Онъ проэрѣваетъ ея величие въ видимомъ униженіи. Лишась зреїнія, онъ не слѣдался отшельникомъ, но обратилъ послѣднія силы на трудъ для правды и облегченія страданія своихъ ближнихъ. Стоя на рубежѣ земного міра, онъ равнодушенъ къ торжеству зла, когда другое сокрушаются обѣ этомъ; убѣжденный въ непримлемости добра людьми, онъ проновѣдуетъ его до послѣдней минуты, ибо слишкомъ проникнутъ созерцаніемъ его красоты. Высокій, нравственно-могучій представитель силы поэзіи, Божій человѣкъ и начинаетъ и оканчиваетъ дѣйствіе. Когда въ первомъ свиданіи съ Шрамомъ, онъ рассказалъ ему о событияхъ въ Украинѣ, Шрамъ убѣждалъ его дѣй-

ствовать съ нимъ за одно; но Божій человѣкъ чуждъ политическихъ замысловъ; онъ знаетъ тщету ихъ — и вотъ буря разразилась надъ Украиной и не зацѣпила Божіяго человѣка. Снова, ясный душою, слѣпой старецъ является привѣтствовать молодое поколѣніе, перенесшее грозу, и возвѣщасть торжество правды тамъ, где зрячіе тѣлесно видятъ побѣду зла и неправды.

Тѣ же побужденія, какія, при сознаніи зачатковъ безсилия и упадка, произвели юродствующаго запорожца, безъ этого горькаго сознанія, выражаются на лицѣ Шрама. Буря, вырвавшая Южную Русь изъ правильнаго теченія, сдѣлала возможнымъ соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ противоположностей, какъ православный священникъ и козакъ. Исторически извѣстно, что этотъ типъ, столь обычный въ Черногоріи, существовалъ и у насъ. Г. Кулишъ восхрашать его не столько на основаніи бумажныхъ памятниковъ, сколько по разумѣнію народнаго духа. Его герой — пастырь прошелъ мужественный возрастъ въ кругу козаковъ: супровость воинственной жизни, духъ варварства, неразлучный съ тоглашнимъ образомъ войны, одолѣли благочестивое настроеніе, полученное въ юности; эта личность въ спокойное время явилась бы, можетъ быть, въ образѣ проповѣдника Божія слова или свѣтлаго борца гражданской правды; но въ XVII вѣкѣ для подобной мощной натуры кровавое поле было обычной и почти единственной ареной дѣятельности. Не могли, однако, сраженія и герцы наполнить такой души, какъ Шрамова. На склонѣ лѣтъ, онъ почувствовалъ иное призвание, болѣе человѣчное, болѣе благородное: въ немъ тогда начали возрастать семена, посѣянныя издавна, во затоптанныя дикою жизнью среди лвѣпровскихъ камышей. Церковь была единственнымъ прибѣжищемъ для такой души. Шрамъ сдѣлался священникомъ. Но крѣпкая, здоровая, энергическая воля не допустила его душу стать на высоту той созерцательности, которая возвышаетъ Божіяго человѣка. Несчастія родины, за которую онъ украсилъ лицо свое почтенными рубцами, не проходили мимо него, безъ сотрясеній въ сердцѣ: забилось оно снова козацкою отвагою подъ священническою ряскою. Снова бросился онъ на бурное, политическое поле, во ужъ не такъ, какъ прежде: на немъ теперь лежитъ отпечатокъ пастырскаго званія. Не чуждый предразсудковъ своего времени, не чуждый даже его жестокости, онъ, однако, управляетъ саблею уже не какъ удалой рубака, для котораго панюшка шабляка и мать, и сестра, и любовница.... Онъ не изъ любви къ оружію взялся за оружіе, а съ сознаніемъ, что инымъ путемъ нельзя доставить мирной и спокойной будущности своему народу. Въ немъ,

подъ рясою священника, козакъ-наездникъ превращается въ воина-гражданина. Религія превращаетъ порывистую удаль на дѣло блага грядущихъ племенъ: онъ выражаетъ собою влияніе церкви на воинственное козацкое полчище; онъ воплощаетъ въ себѣ прямое стремленіе къ цѣли, къ которой, по ходу исторіи, должно было устремиться долговременное волненіе народа, цѣли, которую ни что другое не могло указать, кроме церкви, ибо церковь была разумною, одухотворяющею силой, торжествующею надъ дикими, небузанными побужденіями матеріальныхъ силь. Шрамъ гражданинъ-патріотъ, вѣрный другъ, добрый отецъ, храбрый воинъ; живеть не для себя, а для идеи, которую хочетъ осуществить въ благѣ своего отечества. Этимъ доблестнымъ характеромъ онъ обязанъ своему религіозному призванію пастыря, которое не довело его до отшельничества, подобно запорожцамъ, удалавшимся въ старости въ монастыри, а обратило къ практической жизни. Надежды его рушились; зло, противъ которого онъ подвигался, восторжествовало.... что сдѣмалъ Шрамъ? и послѣ этого безотрадного урока, онъ не пришелъ къ сознанію вичтожности земнаго бытія и невозможности воцарить на землѣ правду; не достало у него сосредоточенности въ себѣ, чтобы прелатъ исключительно пустынническому богоискательству; не достало у него также на столько созерцательности, чтобы смотрѣть съ спокойной высоты на мірскія треволненія, подобно Божію человѣку. Шрамъ христіанинъ практическій; онъ пастырь, онъ проповѣдникъ, и вѣрный эвангелю проповѣдника, возвѣщаетъ своему отечеству послѣднюю проповѣдь, проповѣдь не слова, а дѣла, проповѣдь собственного примѣра: Шрамъ отдаетъ себя на самопожертвованіе за своихъ собратій. Жаль, что г. Кулишъ не изобразилъ послѣднихъ минутъ своего героя-пастыря. Отъ этого характеръ его, несмотря на всю вѣрность изображенія, остается неоконченнымъ.

Бруховецкій есть выраженіе дурной стороны духовныхъ силь описываемаго времени. Человѣкъ ума проницательного, сильный волею, но сосредоточившій свои способности на зло, эгоистъ, дѣйствующій постоянно для собственного возвышенія и тщеславія, готовый на всякия низости для корыстныхъ цѣлей, отлично пользующійся обстоятельствами и увлеченіями другихъ,—таковъ былъ Бруховецкій и такимъ представленъ въ разбираемой нами «Хроникѣ».

Въ лицѣ Черевана авторъ знакомитъ насъ съ образомъ мало-rossiavina добра сердца, съ благородными убѣжденіями, но съ ограниченнымъ умомъ, безъ сильной воли, способного къ порывамъ гражданской доблести, но скоро охладѣвающаго: это человѣкъ

массы, готовый на самоожертование вслѣдъ за другими, полевый тамъ, гдѣ такихъ, какъ онъ, много; въ претензіи случай, годный только на то, чтобы войти смишнымъ образомъ въ жизненную драму. Леся, съ первого взгляда, кажется лицомъ темнымъ, малоочерченнымъ. Но присмотрѣвшись къ этой личности, можно замѣтить, что авторъ поставилъ се въ тѣни съ намѣренiemъ. Малороссійская девушка была существомъ безгласнымъ, не развитымъ, осужденнымъ и въ грядущей жизни своей оставаться безъ проявленія собственныхъ желаній и свободной дѣятельности; но этому она и должна была явиться въ тѣни; пріученная съ пеленокъ къ молчанию, она уже какъ будто во природѣ лишена способности проявлять свои чувства, да и не кому передавать ихъ; ее привыкли она къ языку, какимъ она выражается.... во виднѣется прекрасная душа, когда случай исторгнулъ ее отъ первороднаго сна; когда судьба, сведши ее съ Петромъ во время его болѣзни, вызвала ее изъ внутренняго одиночества, она выразилась мало, но ясно.... это полуразвернутый полевой цветокъ, не сіююцій разнообразіемъ красокъ и отливовъ, но тѣмъ не менѣе прекрасный въ своей бѣдной, простой красотѣ. Нельзя не остановиться на изображеніи княгини, жены Гвинтовки, которой безвыходное положеніе представлено художественно и возбуждаетъ въ душѣ читателя ужасъ.

Характеры Сомка и Петра вышли слабѣе другихъ. Они довольно общі. Впрочемъ, что касается до Петра, блѣдность этого лица произошла отъ положенія, въ которомъ оно изображено въ продолженіе всего дѣйствія: этотъ юноша постоянно съ отцомъ, и самобытность уничтожается какъ родительскими отношеніями, такъ равно и высотою характера Шрама.

Несмотря на вѣрность описанія самого народнаго себранія Черной Рады въ «Хроникѣ» г. Кулиша, оно лишено нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей, которыхъ могли бы способствовать живости его и большему сходству съ историческою дѣйствительностью. Г. Кулинъ, какъ видно, не воспользовался «Дневникомъ» Патрика Гордана, гдѣ помѣщено описание Черной Рады, составленное очевидцемъ. Дѣйствіе начинается весною 1663 года. Шрамъ только тогда узнаетъ о замыслахъ Бруховецкаго, а между тѣмъ, Черная Рада происходила въ половинѣ іюня того же года. Разумѣется, тогда не было газетъ; извѣстія передавались медленнѣе, чѣмъ теперь; дѣйствительно, о Черной Радѣ не имѣно было Шраму услышать здѣсь въ первый разъ, но онъ долженъ былъ столько знать положеніе своей страны и замѣчательныхъ лицъ ея, чтобы не прійти въ

изумление; услышавъ отъ Божьяго человѣка о покушеніяхъ Бруховецкаго на гетманство. Кирилло Туръ и Петро выздоравливаютъ слишкомъ скоро. Вся сцена дѣйствія «Хроники» совершается втечеіе не болѣе двухъ мѣсяцівъ. Больные лежали никакъ не болѣе мѣсяца. Какъ ни крѣпка была патура запорожца, однако подчинялась физическимъ законамъ. Едва ли возможно, чтобы люди, которые напесли другъ другу столь тяжелые удары въ грудь, что пѣсколько времени были безъ памяти, послѣ истеченія столько крови, могли въ мѣсяцъ опять сдѣлаться молодцами. Отчасти тоже можно замѣтить о нечувствительности Кирилла (уже недавно передъ тѣмъ тяжело раненаго) къ побоямъ. Наконецъ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Когда Кирилло Туръ пришелъ съ перстнемъ Бруховецкаго въ тюрьму къ Сомку, отчего бы ему не вывести Сомка вѣстъ съ собою? Для чего Кириллу непремѣнно слѣдовало оставаться на мѣсто освобожденаго узника? Это случалось только тогда, когда къ узнику допускались его родные или домашніе по милости сильнаго; тогда провожатые приведутъ посѣтителя и сторожъ понимаетъ, что изъ тюремы должно выйти только одно лицо: такъ поступила жена Кейстута, посѣтившая супруга въ темницѣ. Но Кирилло Туръ вовсе не былъ въ такомъ положеніи. Когда онъ получилъ отъ Бруховецкаго перстень (если только допустить возможность такой неосмотрительности со стороны опытнаго и хитраго проныры), то вѣстѣ съ нимъ получилъ право предъ стражею дѣйствовать какъ хочетъ. Сторожу не нужно было знать, зачѣмъ пришелъ къ узнику неизвѣстный; съ него довольно знать, что онъ посланъ гетманомъ, и еслибъ Кирилло Туръ вывелъ съ собою Сомка, сторожъ не имѣлъ бы права остановить ихъ, такъ же точно какъ не имѣлъ права возбранить входъ въ тюрьму человѣку, показавшему ему гетманскій знакъ.

Языкъ «Хроники» правиленъ и своеобразенъ, слогъ простъ, плавенъ и благороденъ. Встрѣчаются слова и обороты, вышедши изъ употребленія, но счастливо возобновленные авторомъ; встрѣчаются также новые, но столь удачно составленные, что малороссіянинъ, слыша ихъ въ первый разъ, тотчасъ же свыкается съ ними: авторъ не произвольно ихъ выдумывалъ, а отыскивалъ въ законахъ построенія живой рѣчи народа, столь глубоко имъ понятой. «Черная Рада» на малороссійскомъ языкѣ выигрываетъ передъ русскимъ переводомъ, напечатаннымъ въ «Русской Бесѣдѣ». Во-первыхъ лица, говорящія тѣмъ языккомъ, какимъ они на самомъ дѣлѣ говорили, представляются читателю живѣе и вѣрнѣе; во-вторыхъ, самъ авторъ въ малороссійскомъ подлинникѣ находился въ гра-

ницахъ, чрезвычайно благопріятныхъ для соблюденія простоты выражения и объективности рассказа. Южнорусский языкъ развивается путемъ обратнымъ русскому. Русский языкъ создавался книжно, мало по маку отставалъ отъ школьныхъ формъ и доходилъ до свободной народной рѣчи, но еще и до сихъ поръ не усвоился съ нею; напротивъ, южнорусский отъ простонародной рѣчи возвышается до литературного значенія. Назадъ тому лѣтъ двадцать наши журналы смѣялись надъ странными, по ихъ мнѣнію, попытками возводить рѣчу мужика въ языкъ образованныхъ читателей, признавали совершенную невозможность и бесполезность такого стремленія. Многимъ казалось даже непристойно писать языккомъ, которымъ говорятъ люди, незнающіе перчатокъ и лакированныхъ сапоговъ. Теперь люди, чуждые мелкихъ предразсудковъ и ограниченаго взгляда на дѣло народнаго словоизвѣстія, едвали выскажутъ подобное мнѣніе. Во-первыхъ, они знаютъ, что уваженіе къ человѣческимъ правамъ вообще запрещаетъ даже ставить для разрѣшенія такой вопросъ: имѣеть ли право какой-то народъ обрабатывать свой собственный языкъ? Во-вторыхъ, они видѣть, что вопросъ: можетъ ли быть плодотворно такое стремленіе? разрѣшается утвердительно такими явленіями въ малороссійской литературѣ, какъ стихотворенія автора «Наймички», помѣщенной во второмъ томѣ «Записокъ о Южной Руси». «Черная Рада» и проповѣди г. Гречулевича, изданныя авторомъ «Черной Рады».

Проповѣди эти являются уже вторымъ изданіемъ. Вотъ что говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ:

«Истина неоспоримая, что для успѣха проповѣди необходимо, со стороны нашей, говорить народу на языкѣ, для него совершенно понятномъ, близкомъ сердцу, родномъ. И сія-то истинна, если гдѣ, то особенно въ Малороссіи, давно бы уже должна быть приведена въ исполненіе и приноситьожеланные плоды. Но, къ соожалѣнію, доселѣ еще, сколько мнѣ известно, никогда почти не видно опытовъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Наши служители Слова Божія, получая образованіе въ семинаріяхъ и академіяхъ и привыкая въ нихъ къ литературному русскому языку, не могутъ, или не хотятъ, въ послѣдствіи времени, отвыкнуть отъ усвоенного ими способа выраженія; и вотъ иные изъ нихъ проповѣдуютъ народу Слово Божіе на языкѣ, если не вовсе для него неизвестномъ, то по крайней мѣрѣ весьма мало вразумительномъ, какъ бы пренебрегая роднымъ языккомъ пасомыхъ, — языккомъ, на которомъ (по исчислению известнаго народаописателя Шафарика)

говорять тринадцать миллионовъ православныхъ. Оттого-то такие проповѣдники, почти всегда бывая для своихъ слушателей, нѣкоторымъ образомъ, «иноязычниками» (1 Кор. XIV, 11), не приносить надежащей пользы своимъ проповѣданіемъ.

«Поставленный Господомъ священодѣйствовать благовѣствованіе Божіе (Рим. IV, 16) въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ православной Подольской епархіи; гдѣ малороссійскій языкъ у народа во всебошемъ употреблѣніи, я всегда живо сознавалъ приведенную выше истину и, при помощи Божіей, въ теченіе тридцати-шести лѣтняго моего служенія Церкви Христовой, и въ званіи приходскаго священослужителя, и въ санѣ первоприсутствующаго Духовнаго Правленія (Брацлавскаго), а донынѣ окружнаго благочиннаго, — вполнѣ убѣдился въ великой пользѣ для нашихъ прихожанъ проповѣданія Слова Божія на общепонятномъ для нихъ языке малороссійскомъ. Это возбудило во мнѣ искреннѣйшее желаніе распространить, сколько можно далѣе, испытанную пользу, и я вышелъ изъ многихъ поученій, говоренныхыхъ мною разновременно, — хотя нѣкоторыя привести въ извѣстность посредствомъ печати.

«Съ помощью Божію, мой первый опытъ въ дѣлѣ малороссійскаго проповѣданія ученія Христова увѣнчался желаннымъ успѣхомъ. Несмотря на все его несовершенства, происшедшія отъ недостаточности моего изученія малороссійскаго народа и языка на всѣхъ мѣстахъ ихъ существованія, первое изданіе моихъ проповѣдей разошлось. Предпринявъ напечатать ихъ вторично, я новѣтовался съ извѣстными въ малороссійской словесности людьми и просилъ ихъ содѣйствія. Результатомъ общихъ нашихъ трудовъ, во славу Божію, является это второе, почти совершенно новое изданіе.»

Въ числѣ этихъ извѣстныхъ въ малороссійской словесности людей, безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаетъ авторъ «Черной Рады», напечатавшій вторымъ изданіемъ проповѣди почтеннаго пастыря. Слѣды его совѣтовъ и исправленія языка видны чуть не на каждой строкѣ, и этимъ совѣтамъ, вѣроятно, почтенный проповѣдникъ обязанъ тѣмъ, что второе изданіе его проповѣдей является уже въ несравненно лучшемъ видѣ. Но не только по языку, и по содержанію это изданіе значительно лучше первого. Кромѣ проповѣдей, говоренныхыхъ на годовые праздники, извѣстныхъ уже по первому изданію, теперь издавныхъ въ лучшемъ видѣ, читатель найдетъ здѣсь еще столько же новыхъ и превосходныхъ, относящихся уже къ праздникамъ, но прямо развивающихъ прав-

ственные вопросы. Желавіе разъяснить эти вопросы, представить для прихожанъ нравственное учение въ привѣтствіиъ къ ихъ быту образъ составляетъ характеръ проповѣди иероіерея Гречулевича вообще. Проповѣди Гречулевича, вмѣстѣ съ поученіями для великоруссовъ Родіова Путатина, составляютъ у насъ драгоценные примѣры проповѣдничества простымъ слушателямъ, доступнаго вполнѣ ихъ сердцу и условіямъ жизни. Желательно, чтобы эти примѣры нашли для себя побольше подражателей на обоякъ народныхъ русскихъ языкахъ.

И. КОСТОМАРОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ДЕКАБРЬ 1857.

Сочиненія Пушкина. Седьмой, дополнительный томъ.
Издавіе П. В. Анненкова. Спб. 1857.

Всѣ еще помнятъ, вѣроятно, какой живой восторгъ возбудило, три года тому назадъ, во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина, подъ редакцію г. Анненкова. Но съ за-
лости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или
за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, это изданіе, дѣйствительно, было со-
бѣтіемъ, не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе,
любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ
последніхъ просвѣщеній, давно уже пламенно желали новаго изданія
его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили преіпріятіе г.
Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ
сказать Пушкина, какъ будто еще разъ поглощала жизнью и свѣже-
стью не нашу литературу, точно окропила насы живой водой и при-
несла въ движеніе наши, очистенівшіе отъ бездѣйствій, члены.
Дѣйдѣ же Пушкинъ вышло второе изданіе «Мертвыхъ Душъ»,
потомъ второй томъ икъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ
изданіе Кольцова съ біографіей его, написанною Бѣлинскимъ...
Верочень, нечего и перечислять столь недавніе и общезнѣвѣстные
факты; довольно сказать, что со временемъ изданія Пушкина, первые
томы которого вышли въ началѣ 1855 года, наша литература ожи-

вилась весьма замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелые события сопряженные съ войною. Послѣдствія показали, впрочемъ, что эти самыя бѣствія имѣли весьма полезное значеніе для нашего умственнаго совершенствованія: они заставили насъ и дали намъ возможность получше разсмотрѣть самихъ себя, пооткровеннѣе сообщить другъ другу свои замѣчанія, побольше обратить вниманія на свои недостатки. Литература тотчасъ же явилась у насъ выразительницею общественнаго движенія, и ея дѣятели одушевились — сознаніемъ важности своего долга, любовью къ дѣлу, горячимъ желаніемъ добра и правды. Это одушевленіе, при новомъ положеніи литературы, скоро выразилось рѣшительно во всемъ, даже въ библіографіи, бывшей у насъ долгое время безилліднымъ занятіемъ празднолюбцевъ, для развлеченія ихъ скучи. Въ прежнее время библіографы наши подбирали факты ничтожные, спорили объ обстоятельствахъ пустыхъ, занимались часто рѣшеніемъ вопросовъ ни къ чѣму не ведущихъ. Мы помнимъ за послѣднія десять лѣтъ множество статеекъ, написанныхъ даже людьми дѣльными и почтенными, но пускавшимися въ такія ненужныя мелочи и дѣлавшимися при этомъ такія виновныя ошибки, что со стороны становилось наконецъ досадно, хотя и забавно, смотрѣть на трудолюбивыхъ библіографовъ. И замѣчательно, что цѣлыми годами труда самого копотливаго — не добывалось тогда ровно никакихъ результатовъ: публику душили ссылками на №№ и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, а она часто и незнала даже, о чѣмъ идетъ дѣло. Въ послѣднее время и библіографія перемѣнила свой характеръ: она обратила свое вниманіе на явленія, важныя почему нибудь въ исторіи литературы, она старается въ своихъ поискахъ по архивамъ и библіотекамъ отыскать что нибудь дѣйствительно интересное и нерѣдко сообщаетъ читателямъ всѣ, доселе бывшія вовсе неизвѣстными въ печати. Такъ напримѣръ, недавно были напечатаны — «Сумасшедшій Доцъ» Воейкова, пародія Батюшкова на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», и проч. такъ представлены были (въ Запискахъ г. Донгинова, въ «Сборникѣ» студента Сиб. Университета) новые интересныя свѣдѣнія о маркинатахъ, о Радищевѣ, о Новиковѣ, и проч. Ставя это въ заслугу библіографамъ послѣднихъ лѣтъ, мы, разумѣется, вовсе не думаемъ этихъ унижать лично прежнихъ дѣятелей. На поприщѣ библіографіи въведеніе подвигаются, большою частію, тѣ же лица, что и прежде, — съдовательно за вынѣшніе полезные труды упрекать ихъ въ проявленіи безполезныхъ было бы съ нашей стороны совершенно несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что удача или неудача библіографа въ сообщеніи читателямъ интересныхъ свѣдѣній весь-

ма часто не зависить отъ его воли. Онъ всегда радъ бы 'нечатать все хорошее, но что же дѣлать если не имѣть средствъ къ этому? Личности литературныхъ дѣятелей обвинять за это нельзя,—и мы хотимъ обратить вниманіе читателей на вопросъ , именно съ той точки зрѣнія, что въ послѣднее время наша библіографія значительно разширилась въ своихъ предѣлахъ и средствахъ.

Вышедшій вынѣ седьмой томъ Пушкина служить однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого разширѣнія средствъ нашей библіографії, особенно въ отношеніи къ возможности и легкости сообщать публикѣ свои находки. Правда, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи она еще и теперь далеко несовершenna, даже неудовлетворительна; но все же, какое сравненіе съ тѣмъ, что было прежде, и не за долго прежде! Мы помнимъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ, двое ученыхъ — старый и молодой — ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина: на четыре *стороны* или *строкы*; помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ за одного вздорного стихотворенія, съ подписью Д.—гъ, не зная, кому приписать его — Дельвигу или Дальбергу. Да мало ли что можно вспомнить изъ этого времени, въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ отчаяніемъ скучи. И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдований и открытій: г. Аиненковъ взялъ просто рукописи Пушкина, да съ нихъ и печаталъ большую часть его стихотвореній; библіографическія справки также наведены имъ, кажется, почти совершенно независимо отъ указаній прежнихъ библіографовъ. Говоримъ это потому, что большая часть стихотвореній и отрывковъ, помѣщенныхъ въ VII томѣ, или является нынѣ въ первый разъ въ печати, или указана не ранѣе прошлаго года, въ «Библіографическихъ Замѣткахъ» г. Лонгинова. Такъ имъ указаны были пьесы: «На лирѣ скромной, благородной», «Когда средь оргій жизни шумной», «И вѣкій духъ повѣялъ невидимо» (отрывокъ), нѣсколько строфъ изъ Евгенія Онѣгина и другихъ стихотвореній, нѣсколько эпиграммъ и проч. Объ этихъ произведеніяхъ мы не станемъ говорить, потому что читатели «Современника», вѣроятно, помнятъ ихъ содержаніе, или, по крайней мѣрѣ, характеръ. Изъ стихотвореній, напечатанныхъ нынѣ въ первый разъ, замѣчательны особенно два, относящіяся къ послѣднему времени жизни Пушкина: «Когда по городу задумчивъ я брошу» и «Когда великое свершалось торжество». Оба они напечатаны были въ прошедшей книжкѣ «Современника», и потому о нихъ мы тоже не станемъ распространяться. Изъ раннаго періода дѣятельности Пушкина напечатаны два превосходныя посланія къ Аристарху, силою и сербезностью мысли напоминаю-

щіє посланіе «Лицанію», а по енергії выраженія не уступаючій лучшимъ либамъ Пушкина познайшій эпохи. Что бы яснѣе обрисовать характеръ выраженія пьесы, приведемъ неъ иса чѣсто, гдѣ поэтъ опредѣляетъ обизанности своего Аристарха (Пушкинъ, томъ VII, стр. 32).

«О, варваръ, кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной съкіри?
Докучнымъ снухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «пироръ», столь чистый, благородный —
Ни что не трогаетъ души твоей холодной !
На все кидаешь ты косой, неизѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ, ни мало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный;
И, право, никогда искусный коновалъ —
Излишней пылкости Негаса не лишай.»

За этимъ стихомъ въ изданіи г. Анненкова перерывъ: вѣроятно, поэтъ допустилъ «нѣкоторые намеки на современные лица и события», отъ которыхъ издатель старался, по его словамъ, очищать пьесы Пушкина. Не знаемъ, до какой степени полезно это очищеніе, потому что не имѣемъ подъ руками полной пьесы; но думаемъ, что пьеса нисколько не потеряла бы своеего художественнаго значенія, если бы была напечатана вполнѣ. Да если бы и такъ, то все-таки сдѣловало бы выпущенные въ пьесѣ стихи помѣстить хоть въ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, такъ какъ этого не сдѣлано и, конечно, по уважительнымъ причинамъ, то мы возвращаемся къ тому, что есть. Поэтъ продолжаетъ свое обращеніе къ Аристарху.

«Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ; свои права; пойдешь иными путемъ.
Въ глазахъ Монархии сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.

.....

Державинъ, бичъ вельможъ, при звука греческой лиры,
Ихъ гордеивые разоблачай кумиры:
Хемицеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ «Душеньки» двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала,
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Привнайся, въ наши дни

Съ тобою не такъ легко бъ раздѣлисъ бы.
 Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало,
 Дней Александровыхъ прекрасное начало:
 Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
 На поприщѣ ума нелья намъ отступать...»

За этимъ стихомъ, заключающимъ въ себѣ столь высокую и благородную мысль, опять находится у г. Аниенкова перорывъ, тѣмъ болѣе досадный, что тутъ слѣдовали, вѣроятно, какія нибудь подробности, которыя могли бы объяснить намъ иѣкоторые литературные взгляды Пушкина. Но тутъ издатель опять оставляетъ въсъ въ недоумѣніи, и за послѣднимъ, приведеннымъ нами стихомъ, слѣдуютъ стихи, заключающіе въ себѣ возраженіе аристарха, выказывающее его личность въ иѣсколько комическомъ свѣтѣ.

«Всѣ правда, скажешь ты, — не стану спорить съ вами,
 Но можно ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
 Я долженъ то того, то этого щадить.
 Конечно, вамъ сиѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Читаю да крешусь, — мараю наудачу.
 На все есть мода, виусъ. Бывало, напримѣръ,
 У васъ въ большой части Бентамъ, Руссо, Вольтеръ;
 А вынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
 Я бѣдный человѣкъ; ктому жъ жена и дѣти...»

Разсерженный этой репликою, поэтъ заключаетъ ее, съ своей стороны, слѣдующими стихами:

«Жена и дѣти, другъ, повѣрь, — большое зло;
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!»

Второе посланіе къ аристарху, писанное въ томъ же 1827 г., отличается уже тономъ гораздо болѣе умѣреннымъ. Тутъ Пушкинъ уже очень доволенъ тѣмъ, что аристархъ его разрѣшилъ завѣгные до сей эпитеты: божественный, небесный, въ приложеніи ихъ къ красотѣ, — и приписываетъ это благотворному вліянію Шишкова, «воспріявшаго тогда правленіе наукъ». Стихи: «Сей старецъ дорогъ намъ», и пр. находятся въ этомъ посланіи. Мысли обоихъ посланий интересно сличить, между прочимъ, съ позднѣйшими «Мыслями о цензурѣ», чтобы видѣть, какимъ образомъ Пушкинъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе умѣренности въ сужденіяхъ объ общественныхъ вопросахъ.

Въ VII томѣ являются также въ первый разъ довольно-полные отрывки изъ «Моей родословной» (1830 г.); но и здѣсь она напечатана не вполнѣ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ выкинуты иѣкоторые стихи изъ посланий къ аристарху. На-

иъкоторые изъ выпущенныхъ стиховъ едва ли могли бы вредить писцѣ въ какомънибудь отношеніи.

Вообще мы не понимаемъ, отчего до сихъ поръ не печатались многія ихъ стихотворенія Пушкина, давно извѣстныя въ рукописяхъ и не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго. Ихъ бы, тѣмъ скорѣе слѣдовало напечатать, что ихъ вѣдь ужъ знаютъ же почти наизусть всѣ почитатели Пушкина. Напр. зачѣмъ не напечатаны многія литературныя эпиграммы? Мы не хотимъ подозрѣвать издателя въ согласіи съ мнѣніемъ «Сѣверной Пчелы» и фельетонистовъ «Русскаго Инвалида»; но все-таки не можемъ не заметить, что въ изданіи напрасно слѣдана эта уступка мнѣніямъ иѣкоторыхъ господъ, которые боятся, чтобы не помрачилась память Пушкина отъ напечатанія его эпиграммъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» недавно помѣщена была благодарность «Инвалиду» за его брань на эпиграммы. Къ этой благодарности «Пчела» отъ себя прибавляетъ сравненіе эпиграммъ и полемическихъ статей Пушкина съ доносомъ Ломоносова на Миллера, хотя еще сизвѣстно, кто, въ отношеніяхъ Булгарина и Пушкина, болѣе приближался къ Ломоносовскому образу (тѣйствій), и весьма замысловато замѣчасть, что отъ обнародованія этого донаса гораздо болѣе проигралъ во мнѣніи публики Ломоносовъ, нежели Миллеръ. Изъ этого ясно должно быть выведено заключеніе, что и отъ изданія полемики Пушкина гораздо больше проиграетъ онъ самъ, нежели гг. Гречъ и Булгаринъ. Такъ думаетъ «Сѣверная Пчела» и осыпаетъ г. Анненкова укоризнами. Спрашивается теперь, къ чему же послужила деликатность г. Анненкова, вездѣ выставившаго только заглавные буквы именъ тѣхъ, на кого нападалъ Пушкинъ, и даже вмѣсто «Видокъ Фигляринъ» поставившаго только В. Ф.? Совершенно напрасно думалъ издатель, что гг. Гречъ и Булгаринъ сконфузятся отъ напоминанія о томъ, какъ честны ихъ Пушкины. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило взять одно изъ изданій, выходившихъ подъ редакціею сихъ двухъ журналистовъ во время Пушкина. Не говоря о пошлий брави, расточавшейся тамъ великому поэту, мы нашли бы тамъ, что гг. Булгаринъ и Гречъ все умѣютъ растолковать въ свою пользу!... Не даромъ же г. Булгаринъ столько лѣтъ подвизался на позорищѣ журнальномъ выѣстѣ съ Н. И. Гречемъ; не даромъ же про него и альгорія была сложена, что онъ владѣлъ иѣкогда мечемъ обоюду—острымъ. Нѣтъ, совершенно напрасно было церемониться съ тѣми господами, которые сама не церемонились съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Иамъ могутъ сказать, что о гг. Гречѣ и Булгаринѣ лучше не говорить, потому что участъ ихъ въ литературѣ уже решена.... Пусть имъ ихъ своею смѣртию умреть; пусть ихъ писательская дѣятель-

ность не донесется до потомства, не взпрай на то, что *ими* са-
ми многократно чужая дѣятельность довесима была до съ-
дѣнія любителей въ ихъ разборахъ, и еще большему частію
въ искаженномъ видѣ.... Это все такъ, и въ литературѣ оно
ничтожествѣ гг. Булгарина и Гречи мы никакъ не сомнѣваемся.
Но вѣдь объявляютъ же они сами о себѣ,—вѣдь объявляетъ же, вѣ-
роятно, въ трехсотый разъ, книгопродавецъ Лисенковъ о томъ,
что у него *поступили въ продажу или могутъ быть получены* —
сочиненія О. В. Булгарина (вышедшія лѣтъ 20 тому назадъ, —
о чёмъ, впрочемъ, объявленіе благоразумно умаічиваєтъ).... Напо-
минаютъ же они о себѣ; отчего же и *цамъ* не напомнить имъ кое-
чего? Въ полемику, разумѣется, съ ними никто ужъ вступать не
будеть. Что для нихъ могли бы значить скроинные, деликатные па-
межки и упреки новѣйшаго времени, когда яркія, живыя, энергиче-
скія, убийственно-остроумныя статьи Феофилакта Косичкина не мог-
ли устыдить ихъ. Имъ сказали, что напрасно они пренебрегаютъ
Александромъ Антоновичемъ Орловымъ, который ничуть не хуже
ихъ, а г. Гречъ возразилъ на это, что въ мизинчикѣ г. Булгарина
гораздо больше ума, чѣмъ въ головахъ многихъ рецензентовъ!...
За то и осталось же имъ за этотъ мизинчикъ.... Жаль только, что
«настоящій Выжигинъ» обещанный Пушкинымъ въ концѣ статьи
о мизинчикѣ,—не появился въ свѣтѣ. Тамъ, вѣроятно, интересы
были бы въ литературномъ отношеніи многія главы, особенно VIII
и X.

Изъ другихъ полемическихъ статей, напечатанныхъ въ VII
томѣ, интересенъ «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», съ
неподражаемымъ юморомъ рассказывающій исторію о томъ, какъ
г. Каченовскій «принималъ другія (не литературныя) мѣры» противъ
игриваго произвола Полеваго, «бывъ увлеченъ слѣдствіями неблаго-
годарнамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоин-
ству мѣста, при которомъ г. Каченовскій имѣлъ счастіе продол-
жать оную.» Исторія была въ самомъ дѣлѣ забавна, и положеніе
почтеннаго профессора крайне незавидно: Пушкинъ скромно и ство-
койно, но совершенно ясно успѣлъ изобразить дѣйствія Михаила
Трофимовича такъ, что для публики не могло оставаться на счетѣ
ихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, особенно при помощи ядовитой эн-
таграммы: «Обиженній журналами жестоко», —которая появилась въ
тоже время.

Изъ статей историческихъ въ VII томѣ вошли двѣ записки
Пушкина, составленныя имъ только какъ матеріалъ для обработ-
ки: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго» и «О
камчатскихъ дѣлахъ». Обѣ онѣ впервые являются теперь въ печа-

ти. Точно такъ же впервые напечатана статья Пушкина о Радищевѣ, совершенно кончавшая и отданная. Относительно этой статьи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что она принадлежитъ къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденіе Пушкина о людяхъ недалеко до его кончины. — Въ этой статьѣ мы видимъ взглядъ весьма поверхностный и пристрастный. Пушкинъ увлекся здѣсь мыслью единственно о прямодушіи, необходимомъ въ авторскомъ дѣлѣ, и понялъ вседѣло односторонне. Онъ никакъ не хотѣлъ отдать *преступленія печати*, совершенного Радищевымъ въ молодости, отъ всей его послѣдующей жизни. Стаяясь видѣть въ Радищевѣ полу-невѣжду и полу-неголя, Пушкинъ нерѣдко впадаетъ даже въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ концѣ статьи онъ говоритъ немъ съ рѣзкотью, какую рѣдко позволялъ себѣ: «онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе всему прошедшему, слабоумное изумленіе предъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частная поверхностная свѣдѣнія, наобумъ призванные ко всему, — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ.» Такой приговоръ слишкомъ жестокъ, и эпитеты — слабоумнаго, невѣжественнаго, слѣпаго — слишкомъ положительны, чтобы можно было ожидать отъ Пушкина высокаго мнѣнія обѣ умѣ Радищева. Несмотря на то, мы находимъ, что Пушкинъ, упрекая Радищева за его книгу, говорить, что онъ могъ бы лучше прямо представить правительству свои соображенія, потому что оно всегда «чувствовало нужду въ содѣствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ»; такимъ образомъ, поэтъ не отказывается поставить въ число людей «просвѣщенныхъ и мыслящихъ» этого человѣка, которому самъ же приписалъ невѣжество, слабоуміе, поверхностность и проч. Это не послѣдовательно. Или нужно было признать Радищева человѣкомъ авторитѣтнѣй и просвѣщеннѣй, и тогда можно отъ него требовать того, чего требуетъ Пушкинъ; или видѣть въ немъ до жонца слабоумнаго представителя полупросвѣщенія, и тогда совершенно неумѣстны тѣ требования, какія высказываетъ Пушкинъ. Онъ хочетъ отъ Радищева очень многаго, онъ требуетъ такихъ вещей, какихъ можно ожидать только отъ человѣка умнаго и просвѣщенаго. Зачѣмъ такія высокія требования отъ человѣка, въ которомъ, тремя строками выше, не признается ничего, кроме невѣжства, слабоумія, и пр. Что толковать съ такимъ человѣкомъ?... Зачѣмъ укорять его, что онъ не сдѣлалъ того, чего мы хотимъ, если мы сами признаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать?... Но Пушкинъ не одинъ только разъ впадаетъ въ такую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ онъ старается оправдать Радищева въ томъ, что

онъ подъ старость «перемѣнилъ образъ мыслей и не питалъ уже въ сердцѣ своей никакой злобы къ прошедшему.» Отъ какого же обвиненія оправдывается онъ Радищевъ? Конечно ужъ не отъ обвиненія въ томъ, что онъ оставилъ свою злобу; само по себѣ это обстоятельство должно было представляться Пушкину очень похвальнѣмъ. Оправданіе здѣсь возможно было для Пушкина только въ отношеніи къ самому факту *перемѣны мнѣній*. Но стоило ли оправдывать *перемѣну мнѣній* въ человѣкѣ, который отличается только «съльпымъ пристрастіемъ къ новизнѣ, поверхностными свѣдѣніями, наобумъ приноровленными ко всему?» Такой человѣкъ, разумѣется, долженъ изѣять свои мнѣнія тотчасъ, какъ только проходитъ мода: на нихъ. Не забудьте, что онъ съльпо увлекается всѣмъ новымъ, не мыслить самъ, а только наобумъ принаравливается ко всему своимъ поверхностнымъ свѣдѣніямъ. Но Пушкинъ считаетъ нужнымъ оправдывать *перемѣну Радищева*, следовательно тѣмъ самымъ признаетъ въ немъ искреннія убѣжденія, оставленіе которыхъ можетъ бросать тѣнь на самый характеръ человѣка. Еще яснѣе выражается, безъ вѣдома автора, уваженіе его къ Радищеву, въ самомъ оправданіи, рѣшительно противорѣчащемъ строгому приговору, произнесенному относительно всей дѣятельности этого человѣка, вообще. «Время измѣняетъ человѣка, говоритъ Пушкинъ. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ (следовательно Радищевъ не былъ глупъ, не былъ невѣжественнымъ представителемъ полупросвѣщенія, а постоянно развивался и пользовался опытами времени). Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса? (следовательно онъ не съльпо увлекался всѣмъ новымъ). Могъ ли онъ безъ смерзенія глубокаго слышать нѣкогда любимиа свои высли, проповѣдуемые съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ червей? (Следовательно, онъ не всему изумлялся слабоумно въ своемъ вѣкѣ, а признавалъ дурными нѣкоторыя его явленія). Учененный однажды львинымъ ревомъ колосальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспіера, этого сентиментального тигра» (значить ли это, что онъ наобумъ примѣнялъ ко всему свои поверхностные свѣдѣнія?)... Выразивши такимъ образомъ, противъ воли, высокія понятія о Радищевѣ, котораго неизрѣмѣнно хочетъ выставить съ дурной стороны, поэтъ-критикъ разсказываетъ всѣдѣль затѣмъ смерть Радищева и поводъ къ ней, съ явнымъ желаніемъ и тутъ осудить его. Дѣло происходило такимъ образомъ. Императоръ Александръ, по вступлении на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и замѣтивши въ сочинитель пустешествія

«отвращение отъ моихъ злоупотреблений и въкоторые благонамѣ-
ренные виды», опредѣлилъ его въ Комиссію составленія законовъ
и приказалъ ему изложить свои мысли касательно въкоторыхъ
гражданскихъ постановленій. Радищевъ исполнилъ это со всемъ от-
кровенностью и смѣлостью своихъ задушевныхъ убѣждений. На-
чальникъ, которому принесъ онъ свой проектъ, — замѣтилъ ему:
«Эхъ, Александръ Николаевичъ! охота тебѣ пустословить по преж-
нему! или мало тебѣ было Сибири?» — Видя, что убѣженія его при-
нимаются такимъ образомъ, Радищевъ глубоко оскорбился и, при-
шедши домой, отравилъ себя. Разсказывая эту исторію, Пушкинъ,
какъ бы съ шамъренiemъ кольнуть Радищева, замѣчаетъ, что «авторъ
Путешествія вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ
значальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ.» Объ этомъ
обстоятельствѣ, вѣроятно, забылъ Пушкинъ, когда высказалъ свое
требованіе, чтобы Радищевъ, вѣсто браны, представилъ лучше
свои соображенія, и пр. Несчастный авторъ, вѣрно, зналъ себя и
обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, гораздо лучше, неже-
зъ его беспощадный критикъ.

Въ заключеніе своей статьи, авторъ спрашиваетъ: «чего именно
желалъ Радищевъ?» И говорить за него: «на сіи вопросы врядъ
ли могъ онъ самъ отвѣтить уловительно», то есть, по мнѣ-
нію Пушкина, несчастный авторъ, печатая свое путешествіе, самъ
не понималъ, къ чему онъ это дѣлаетъ. Мы не будемъ входить
въ разсмотрѣніе того, справедливо ли это мнѣніе само по себѣ, но
замѣтимъ, что такое сужденіе противорѣчитъ другому мѣсту той
же самой статьи, где Пушкинъ говоритъ: «не можемъ въ немъ не
призвать преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическою
фанталіка». Замѣтимъ на это, что фанатизмъ непремѣнно дол-
женъ привязываться къ какому нибуль предмету, и начъ кажется,
что невозможно представить себѣ фанатика, который бы не зналъ,
чѣмъ онъ увлекается. Возможно ли же примирить суженія Пуш-
кина, что Радищевъ былъ политическимъ фанатикомъ, и чтобы, не
смотря на то, онъ немогъ отвѣтить на вопросъ: «чего желаюшъ?»

Вообще нужно замѣтить, что статья о Радищевѣ любопытна,
какъ фактъ, показывающій, до чего можетъ дойти умъ живой и
свѣтлый, когда онъ хочегъ непремѣнно подвести себя подъ извѣст-
шыя, заранѣе принятыя опредѣленія. Въ частныхъ сужденіяхъ, въ
фактахъ, представленныхъ въ отдѣльности, постоянно видѣнъ жи-
вой, умный взглядъ Пушкина, но общая мысль, которую доказать
онъ поставилъ себѣ задачей, ложна, неопределена и постоянно вы-
зываетъ его на сбивчивыя и противорѣчащія фразы. Къ сожалѣнію,
статья о Радищевѣ представляетъ не единственный примѣръ подоб-

наго несправедливаго увлеченија. Онъ составилъ себѣ кругъ идей, кеторыя уже были для него неприкосновенны, хотя бы даже несправедливость ихъ и была очевидна. Онъ уже восклицаетъ:

«Да будетъ проклять правды гласъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угощаетъ праздно.»

Проклиная правду, когда она благопріятна была для посредственности, и наивно признаваясь въ этомъ, поэтъ, разумѣется, старался поддерживать въ себѣ искаженный обманъ, казавшійся ему благороднымъ и возвышеннымъ. «Насъ возвышающей обманъ» былъ для него, действительно, дороже тьмы низкихъ истинъ. Въ раздѣленіи истинъ на низкія и высокія опять отражалось, разумѣется, влияние старой реторической школы, допускавшей еще и среднія истины, также точно, какъ допускала она высокій, средній и низкій слогъ. И Пушкинъ, при всемъ своемъ презрѣніи къ реторической школѣ, не могъ отъ нея освободиться въ этомъ случаѣ, и въ послѣднее время жизни, выѣстѣ съ полнымъ обращеніемъ его къ чистой художественности, усилившись въ немъ и пристрастіе къ вѣкоторымъ исключительнымъ истинамъ, соединенное съ отвращеніемъ отъ другихъ. Онъ уже заглушалъ въ себѣ вѣкоторые изъ прежнихъ сердечныхъ звуковъ, называвшихъ слѣдствиемъ безумства, лѣни и страстей; онъ уже позволилъ себѣ въ одномъ стихотвореніи назвать наглецомъ Наполеона, о которомъ самъ писалъ за десять лѣтъ: «да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто омрачитъ безумнымъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь....» Прежнія задушевныя мечты высказывались теперь уже тономъ шутливымъ и даже насмѣшивымъ, а то, что въ молодости вызывало насмѣшки, теперь возбуждало въ поэта благоговѣйное умиленіе. Прежде писалъ онъ къ одному изъ друзей гордое посланіе (не напечатанное почему-то у г. Анищенко), въ которомъ повѣрялъ другу свои надежды и мечты о славѣ пророка; а черезъ пѣсколько лѣтъ онъ писалъ:

«Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣни, и тишина,
И въ умиленьи вдохновленномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я ваши имена.»

Не мудрено, что при такомъ расположеніи, ему очень не нравилось все, что мѣшало лѣни и тишинѣ.

Впрочемъ, здравый природный умъ предохранялъ Пушкина отъ излишнихъ крайностей въ принятомъ имъ направлении, и, при

всемъ недостаткѣ серьёзного образованія, имъ умѣть понимать ошибки людей, заходившихъ слишкомъ далеко въ прынципиѣ тѣхъ началь, вѣрности которыхъ онъ самъ, повидимому, винилъ до конца. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ясное подтвержденіе того, что направление, приштое Пушкинымъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественныхъ потребностей души его, а было только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣвшаго внутренней опоры въ серьёзныхъ, независимо развившихся уображеніяхъ. Оттого-то въ послѣдніе годы его жизни мы видимъ въ немъ какое-то странное бореніе, какую-то двойственность, которую можно объяснить только темъ, что несмотря на желаніе успокоить въ себѣ всѣ сомнѣнія, проникнуться какъ можно полнѣе заданнымъ направлениемъ, — все-таки онъ не могъ освободиться отъ живыхъ порывовъ молодости, отъ гордыхъ, независимыхъ стремленій прежнихъ лѣтъ. До сихъ поръ въ печати известны были почти только тѣ произведенія послѣдніхъ лѣтъ жизни Пушкина, въ которыхъ выражалось, болѣе или менѣе ярко, направление, господствовавшее въ немъ въ эти послѣдніе годы. Нынѣ изданный дополнительный томъ сообщаетъ много произведеній совершенно-противоположнаго характера, и они то доказываютъ, что Пушкинъ и предъ концомъ своей жизни далеко еще не всей душою предалъ быль тому направлению, которое пришлось, по-видимому, такъ племенно, которое за то произвело охлажденіе къ нему въ нѣкоторыхъ изъ его почитателей. Извѣстно, напр., что въ послѣднее время въ немъ особенно сильно развились генеалогические предразсудки; но нынѣ напечатанное стихотвореніе: «Когда по городу задумчивъ я хожу» обнаруживаетъ возрѣніе совершенное чистое, равно, какъ и нѣкоторые стихи пьесы, озаглавленной «Изъ VI Пиндемонте», — и написанной, также какъ и «Кладбище», въ 1836 г. Въ ней есть между прочимъ, такие стихи:

«Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропшу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участїи оспоривать налоги,
Или мѣшать... другъ съ другомъ воевать. .
... Иныя, лучшія мнѣ дороги права.
. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угодждать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шен...
... Вотъ счастье! вотъ права!...

Извѣстно, также, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, и чѣмъ позже, тѣмъ ярче, высказывалось испражненіе громозвучной поэзіи,

которое такъ сильно было въ нашихъ поэтахъ прошедшаго столѣтія. Онъ восхищался побѣдами, славою оружія, но мало выказывалъ уваженія къ оружію слова. Были такіе изъ тогдашнихъ критиковъ Пушкина, которые, опираясь на его знаменитый стихъ: «кому вѣнецъ — мечу иль крику», утверждали даже, что Пушкинъ вовсе не признавалъ силы литературного убѣжденія. Но—напечатанный пытливъ статьи его—«о мнѣніи г. Лобанова», «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», и пр. доказываютъ, что онъ придавалъ очень большое значеніе не только вообще литературѣ, но даже и тѣмъ памфлетическимъ возгласамъ, которые именно можно назвать крикомъ. Въ послѣднее время Пушкинъ окончательно также склонился, повидимому, къ чистой художественности, полагая, что слова, сатира, литературное обличеніе ничтожны для исправленія людей, что для этого нужны другія, болѣе сильныя средства. Онъ отталкивалъ отъ себя всѣ практическія притязанія толпы словами.

«Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?..

Но нынѣ, въ VII томѣ, напечатано его стихотвореніе, въ которомъ онъ самъ хочетъ приняться за сатиру и клеймить пороки. Стихотвореніе это написано въ 1830 году, слѣдовательно въ тоже время, какъ и пресловутая «Чернь». Начинается это стихотвореніе такъ:

«О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ

А оканчивается:

«О, сколько лицъ безстыдно блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!...

Поэтъ, какъ мы знаемъ, не исполнилъ своего предположенія; но уже самое намѣреніе его служить лучшимъ опроверженіемъ высокой, высказанныхъ въ «Черни» и доселъ приподнятыхъ приверженцами чистой художественности для подтвержденія ихъ мнѣній.

Въ отношеніи къ сужденіямъ о некоторыхъ литературныхъ явленіяхъ, Пушкинъ тоже является не всегда вѣренъ самому себѣ. Боязливая попечительность о соблюденіи нравственности, похожая на заботу жены Платона Михайловича о здоровье своего мужа, въ «Горе отъ ума»,— все больше и больше овладѣвала Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ изданія «Записокъ палача Самсона» и говорилъ, что слѣдовало бы запретить ихъ. Но онъ же, въ послѣдній годъ своей жизни, — очень энергически

возсталъ противъ г. Лобанова, когда сей академикъ промежеся въ Академіи рѣчь «О нелѣпости и безнравствіи современной литературы, и говорилъ что «по множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ цензура должна проникать всѣхъ ширенія пишущихъ», и что Академія должна ей помогать въ этомъ, «яко сословіе. учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка,» то есть для того, чтобы «неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло» на поприщѣ словесности. Пушкинъ возражалъ на это слѣдующей репликой, которая также напечатана въ изданномъ нынѣ томѣ, и которую мы считаемъ не лишнимъ выписать для того, чтобы показать, что и въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ здравыхъ идей, въ самомъ подчиненіи рутинѣ Шукшинъ не доходилъ никогда до обскурантизма и даже поражалъ, когда могъ, обскурантизмъ другихъ. Вотъ его мысль, опровергающія г. Лобанова:

«Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи леракіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспрровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? и можно ли упрекать у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣхъ ширенія пишущихъ. Цензура должна обращать особенное вниманіе на духъ рассматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе лекій смыслъ речи, не дозволяя себѣ произвольного толкованія онѣй въ дурную сторону. (Уставъ о цензурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и свободу мысли! Если съ первого взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону». (Т. VII, стр. 109, второй нумерации).

Мы коснулись всего, наиболѣе замѣчательнаго, въ дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина. О литературныхъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, сказать нечего; они интересны только въ томъ отношеніи, въ какомъ «всякая строка всякаго великаго писателя интересна для потомства.» Читая ихъ мы можемъ припомнить знакомыя черты, знакомые пріемы любимаго поэта; но подобные отрывки не подлежать критическому разбору.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Оно аккуратно по прежнему; опечатокъ значительныхъ не много; въ правописаніи сохраняются своенравныя ошибки Пушкина (такъ, напримѣръ писатель, отчество — печатаются съ большой буквы, а Гораций — съ маленькой); при каждой статьѣ находится

примѣчанія, большею частію бібліографическія; въ концѣ тома приложены: алфавитный указатель всѣхъ сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ VII томахъ изданія г. Анненкова, и подробный указатель къ материаламъ для біографіи Пушкина, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ того же изданія. Этотъ послѣдній указатель значительно облегчаетъ пользованіе материалами, которое до сихъ поръ было вѣсколько затруднительно, по недостатку раздѣленія ихъ на главы. Теперь съ изданіемъ VII тома Пушкина, дѣло г. Анненкова кончено, и всякий любитель литературы, кромѣ развѣ людей сочувствующихъ издателямъ «Сѣверной Пчелы», почтить, конечно, искренней благодарностью его труды по изданію нашего великаго поэта, какъ истинную заслугу предъ русской литературой и обществомъ.

Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ. Составилъ Санктпетербургской Духовной Семинаріи профессоръ магистръ Михаилъ Архангельскій. Спб. 1857 г.

Г. Архангельскій весьма справедливо говоритъ, на стр. 9-й своего руководства: «не должно читать вскихъ сочиненій безъ разбора. Есть, сочиненія худыя, т. е. скучныя и неправильныя по мысламъ, неудовлетворительныя въ отношеніи къ искусству (?) и слогу, и даже вредныя по своему направленію. Читать такія сочиненія было бы вредно и опасно, особенно для начинающихъ учиться словесности.» Внимательно просмотрѣвши книжку г. Архангельского, мы убѣдились, что приведенные слова въ полной мѣрѣ прилагаются къ его руководству. Оно издано для начинающихъ учиться словесности, то именно начинающимъ—то особенно вредно и опасно читать его. Этимъ замѣчаніемъ можно бы и покончить дѣло съ г. Архангельскимъ, тѣмъ болѣе, что это согласно съ образомъ мыслей самого автора руководства, который говоритъ, что «униизительно и бесполезно было бы критикѣ разбирать сочиненія, не имѣющія ни дѣльныхъ мыслей, ни красоты изложенія и отличающіяся притомъ многочисленными промахами противъ логики и грамматики». Отакихъ сочиненіяхъ авторъ дозволяетъ критикѣ или вовсе умалячивать, или сказать только, что они ниже всякой критики, и тѣмъ покончить съ ними свое дѣло. Мы хотѣли уже воспользоваться такимъ полномочіемъ, и просто осудить автора отъ собственныхъ устъ его. Но наскъ остановило замѣчаніе его, съдѣющеое непосредственно за тѣмъ, что дурныя сочиненія разбирать безвозвратно и униизительно: «впрочемъ, говоритъ г. Архангельскій, за не-

и мышлѣніе хордшихъ сочиненій, нельзя считать совершенно безполезныи и рассматриваніе дурныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ критика, по крайней мѣрѣ, научить насъ называть дурное дурнымъ, остановить вредное направлѣніе литературы и приготовить литературу къ произведенію хорошаго» (стр. 256). Не подумайте, чтобъ это «впрочемъ», совершенно уничтожающее силу предыдущаго положенія, было просто случайной обываткой со стороны автора. Нѣтъ онъ принялъ такую систему во всѣмъ своемъ руководствѣ, и съ этой-то стороны мы наимѣрены обратить па него особенное вниманіе читателей. У тѣхъ, кто бы вздумалъ довѣриться этому руководству, образовалось бы въ головѣ смѣщеніе самыхъ противоположныхъ понятій, еще болѣе жалкое, нежели воззрѣнія старыхъ теорій, въ родѣ «Реторики» Кошанскаго, «Чтений о словесности» Ивана Давыдова, и т. п. Руководства въ родѣ г. Архангельскаго могутъ пріучить только къ безхарактерности воззрѣній. Они означаютъ совершенное безсиліе автора провести насыщованѣльно и строго какую нибудь независимую теорію, выработать и примѣнить къ частностямъ какую-нибудь живую общую мысль. Они не хотятъ быть отсталыми, и потому принимаютъ въ себя и кое-что новое; но изъ этого выходитъ только то слѣдствіе, что они дѣлаются чрезвычайно похожими на безобразную кучу, въ которую Плюшкинъ пряталъ свои находки.» Все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все онъ тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу; случилось проѣзжему офицеру потерять шпору — шпора эта икогдѣ отправилась въ известную кучу; если баба, какъ нибудь разѣзвавшись у колодца, позабывала всдро, онъ утаскивалъ и ведро.» Дѣлая все это, Плюшкинъ воображаетъ, конечно, что у него хорошее хозяйство; подобно ему, и г. Архангельскій, собирая кое-гдѣ клочки разныхъ теорій и взглядовъ, воображаетъ, что у него выходитъ хорошее руководство. Главная цѣль его была, повидимому, та, чтобы представить ни одного твердаго положенія науки, не дать ни одного правила иначе, какъ съ ограниченіемъ, уничтожающимъ смыслъ его. Для успѣха въ сочиненіи нуженъ талантъ, говорить онъ; впрочемъ и безъ таланта можно быть писателемъ дѣльнымъ и полезнымъ. При сочиненіи можно изобрѣтеніе мыслей; впрочемъ иныи оно справедливо признается негоднымъ въ дѣль словесныхъ занятій. Для всѣхъ сочиненій, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, необходимы пять частей: приступъ, предложеніе, раздѣленіе, изслѣдованіе и заключеніе. Онъ не выдуманы древними, а вытекаютъ сами собою изъ природы нашего ума; впрочемъ, бываютъ сочиненія безъ приступа, безъ предложенія, раздѣленія и заключенія. Пишутъ обыкно-

сеною стихами или прозой; впрочемъ бываетъ рѣчъ, не составляюща ни стиховъ, ни прозы, а средиля между тѣмъ и другими. Слогъ есть способъ выраженія, свойственный каждому писателю; впрочемъ, по главнымъ способностямъ души, слогъ бываетъ троекратный: философскій, изобразительный и одушевленный; кромѣ того еще народъ, какъ отдельная собирательная личность, имѣеть свой слогъ... Для всѣхъ сочиненій вообще существуютъ только четыре формы: монологическая, эпистолярная, діалогическая и смѣшанная; впрочемъ, сочиненія ученыхъ излагаются еще иногда въ видѣ рѣчи и въ формѣ аллегорической. — Всѣ правила изложены такимъ образомъ; только что авторъ успѣетъ сказать: *кужко*, какъ на той же страницѣ соѣтить прибавить: а впрочемъ, *пожалуй*, и не нужно. Даже относительно надобности изученія словесности онъ говоритъ точно такъ же; сначала — «правила необходимы», — а потомъ «впрочемъ, *пожалуй*, они и не важны, сами по себѣ.» Словомъ руководство г. Архангельского есть какой-то литературный Межуевъ: «на первый взглядъ въ немъ есть, какъ будто, какое-то упорство; а кощится всегда тѣмъ, что въ характерѣ его окажется мягкость, что онъ согласится именно на то, что отвергалъ, глупое назоветъ умнымъ и пойдетъ потомъ поплясывать, какъ нельзѧ лучше, подъ чужую дудку.» По нашимъ понятіямъ, Межуевъ еще хуже Ноздрева, потому что онъ находится подъ вліяніемъ Ноздрева, признаетъ его нравственное превосходство, и, по его настоящему, можетъ решиться на какую угодно мерзость, хотя самъ по себѣ имѣеть не столько дурныхъ навыковъ, какъ Ноздревъ. Такъ точно, по нашему мнѣнію, «Руководство» г. Архангельского хуже даже «Чтений о словесности» Ив. Давыдова. Какъ бы для довершенія сходства въ нашемъ сравненіи, руководство никакъ не можетъ освободиться отъ вліянія «Чтений», и беспрестанно толкуетъ объ образцовыхъ сочиненіяхъ ихъ автора.

Кто отличается у насъ правильностью рѣчи? — Ив. Давыдовъ (стр. 67). Кто точностью? — Ив. Давыдовъ (стр. 91). Кто пишетъ образцовые некрологи? — Иванъ Давыдовъ (стр. 206). Кто служитъ образцомъ въ философическихъ и педагогическихъ разсужденіяхъ? — Ив. Давыдовъ (стр. 245). Кто основалъ у насъ учennу критику? Ив. Давыдовъ. Чьи лучшія рѣчи академическія? — Ив. Давыдова (стр. 306). Какое сочиненіе представляетъ образецъ изложенія науки? — «Чтения о словесности» Ивана Давыдова. Безъ Ивана Давыдова и его «Чтений» вѣть спасенія для г. Архангельского, и вліяніемъ этого авторитета объясняется нѣсколько и то двоедушіе, которое обнаруживается «Руководствомъ» въ изложеніи разныхъ правилъ и опредѣленій науки. Вмѣстѣ съ именемъ Ив. Давыдова не-

рѣдко упоминается имя его литературного антагониста, г. Греча, которому удалось недавно (рѣдкій для г. Гречи случай!) доказать, что г. Иванъ Давыдовъ не можетъ служить образцомъ ни въ правильности и точности языка, ни въ хорошемъ изложеніи и пониманіи науки. Къ именамъ сихъ двухъ маститыхъ ученыхъ прибавляются иногда имена людей, совсѣмъ не принадлежащихъ къ столь почтенному кругу, напр. гр. Л. Н. Толстаго, И. А. Гончарова, и т. п. Какъ должно быть имъ лестно увидѣть свое имя на страницахъ «Руководства» рядомъ съ именами г. Гречи и г. Ивана Давыдова! Вообще въ именахъ у г. Архангельского происходит тоже благоразумное примиреніе и нашихъ 'и вашихъ, какъ п въ научныхъ положеніяхъ. Избранная библіотека можетъ вообще опредѣлить характеръ и направленіе человѣка, и почитатель Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, конечно, не похожъ будетъ по характеру своихъ воззрѣній на почитателя Державина, Хераскова и Мерзлякова. Но у г. Архангельского все смѣшивается: въ образецъ описаній приводятся описания Лермонтова, Полеваго, Марлинскаго; лучшими письмами признаются письма О. Глинки и Гоголя; лучшими критическими исторіями—«Римская исторія» Нибура и «Изслѣдованія» г. Погодина; просто же исторіи лучшія у насъ Карамзина, Полеваго, Устрилова и Соловьевса. Объ исторіи Соловьевса, впрочемъ, г. Архангельский говоритъ, что оней, какъ о твореніи еще не конченномъ, произносить рѣшительный приговоръ было бы поспѣшно. Это напоминаетъ намъ одного профессора, который отказывался произнести свое сужденіе о «Мертвыхъ Душахъ» подъ тѣмъ предлогомъ, что они еще не кончены. Но курьезнѣйшій примѣръ смѣшиванія именъ представляетъ слѣдующее мѣсто въ «Руководствѣ» г. Архангельского: нужно читать св. Писаніе, Творенія св. Отцовъ и вообще сочиненія духовнаго содержанія. «Байронъ, поэтъ апглійскій, говорилъ, что онъ многими достоинствами своихъ сочиненій обязанъ чтенію св. Писанія, которымъ съ малолѣтства любилъ заниматься. Лучшими мѣстами въ одахъ Кострова и нынѣ признаются критикою тѣ, въ которыхъ онъ подчинялся вліянію священныхъ книгъ и писаній церковныхъ». (стр. 8) Байронъ и Костровъ! Свалилось ли когда-нибудь подобное сопоставленіе самому барону Брамбеусу, который восклицалъ нѣкогда: великий Гете! великий Кукольникъ! Каковы же будутъ литературныя попытія учениковъ г. Архангельского, если они, увлекшись его руководствомъ, вообразятъ, что лучшія мѣста у Байрона похожи на тѣ дпкія впроти, которыхъ тутъ же приводятся въ примѣръ изъ Кострова!

Примирительныя, благоразумныя мыслья, повидимому, уступающія вѣсколько новому направленію, но не увлекающіяся имъ совер-

шенно, — всегда казались намъ самыми вредными для истиннаго прогресса просвѣщенія. На нихъ легко успокаивается лѣшивая посредственность, и на электика дѣйствовать гораздо труднѣе, чѣмъ даже на раскольника. Раскольникъ удивляетъ насъ своимъ тупоумнымъ упорствомъ предъ голосомъ правды; но зато, если ужъ на него найдеть добрый стихъ и разумъ его раскроется для выслушанія правды и размышенія о ней — то обращеніе бываетъ полное. Старыя основы, одна за другой падаютъ и новыя начали торжествуютъ. Такая полнота внутренняго переворота свидѣтельствуетъ о силѣ и свѣжести мысли въ человѣкѣ, заблуждающемся, но сохранившемъ и въ заблужденіи самобытность убѣженій. Напротивъ электика, не станетъ даже долго упорствовать противъ нашихъ теорій; онъ тотчасъ согласится съ вами. Но въ головѣ его чуднымъ образомъ новое ученіе помѣстится рядомъ со старымъ, совершенно ему противоположнымъ, и примирится съ нимъ паружно, посредствомъ: впрочемъ, положимъ, пусть, привсемъ томъ и пр. Съ такимъ человѣкомъ ужъ вы ничего не сдѣласте; его умственное безсиліе таково, что онъ не въ состояніи, не только проинкнуться новыми для него взглядами, но даже и отстаивать старыхъ. Эти господа любятъ сравнивать себя со пчелами, снимающими медъ даже съ ядовитыхъ цвѣтовъ. Сравненіе очень замысловато, и басенка.

Fine Kleine Biene flog,

изъ которой оно заимствовано, — весьма поучительна. Но не надо забывать, что пчела все-таки сама выработываетъ свой медъ, а электики ничего не вырабатываютъ. Они, по нашему мнѣнію, похожи скорѣе на сырое тѣсто, къ которому все липнетъ, и тараканъ, и соломинка, и угольскъ, и щепочка, и камешекъ, и кусокъ сахара, и зернышко перцу. Испеките хлѣбъ изъ этого тѣста, и вы увидите совершенно неудобную смѣсь различныхъ веществъ, мирно лежащихъ здѣсь рядомъ, подобно различнымъ теоріямъ, сложеннымъ рядомъ въ какомъ нибудь электическомъ руководствѣ; есть такой хлѣбъ будетъ такъ же отвратительно, какъ учиться по электическимъ теоріямъ, способнымъ притупить и погубить всякую свѣжую, здоровую голову, которая безъ того способна была бы къ хорошему развитію. Изъ этого страшнаго извращенія здравой мысли и чистой человѣческой логики происходитъ всякая безнравственность человѣческая. Дѣло вѣдь не въ томъ, признаете ли вы источники изврѣтенія, или не признаете: Богъ съ ними, — пусть ихъ остаются въ учебникѣ, если они вамъ нравятся. Толкуйте себѣ и о раздѣленіи слога на три рода, и о періодахъ, и о хряхахъ всѣхъ сортовъ, — никто вамъ не мѣшастъ, скажутъ только, что вотъ, дѣ, руководство, воскрешающее старину давно забытую. Но

яѣть, вы этого не хотите, — вамъ нужно понимать, что и вы отъ вѣка не отстали, и вы къ своимъ хріямъ прибадаете исконицко именныхъ взглядовъ. Слѣдовательно — вы знакомы съ новыми теоріями, вы ихъ признаете, — и мы уже смотримъ на то, что вы съумѣли нѣхъ сдѣлать. Оказывается, что вы своимъ упоминаніемъ о нихъ умѣли только помредить имъ, заставивъ ихъ стать рядомъ съ старой реторикой, и еще въ какомъ-то подобичевномъ положеніи. Вы считаете полезными источники изобрѣтения, — прекрасно: зачѣмъ же вы прибавляете потомъ, что они признаются нынѣ негодными? Вы сами согласны съ нынѣшнимъ мнѣніемъ? тогда зачѣмъ напрасно толковать о бесполезныхъ общихъ мѣстахъ? — Вы сознастесь, что хріи, какъ прямые, такъ и обратные, вовсе не суть даже сочиненія въ собственномъ смыслѣ слова: на что же вы распространяетесь о хріяхъ прямыхъ, аѳоніанскихъ, превращенныхъ — чрезъ предыдущее и чрезъ послѣдующее? И что за радость вашему ученику, если онъ выучивши всѣ эти хріи и 24 общихъ мѣста, узнаеть на конецъ, что все это выдумано древними риторами, но нынѣ признается негоднымъ. Не сбивайтесь съ толку, рѣшите на чѣмънибудь однотъ: хріи ли съ общими мѣстами, или свободное, естественное изложеніе мыслей, сообразное со степенью развитія ученика? Впрочемъ, вы не только другихъ сбиваетесь съ толку, вы и сами безпрестанно сбиваетесь, вслѣдствіе того, что всѣ истины для васъ не органическое, стройно и самобытно развивающееся цѣлое, а кое-гдѣ сорванные раз蓬勃ные лоскутки, сшитые живыми нитками вашего эклектизма. Вы пишете напр. руководство къ словесности и практическому упражненію въ сочиненіяхъ; сочиненіе вы опредѣляете, какъ произведеніе духа человѣческаго, составленное по замысламъ изящнаго и притомъ словеснаго искусства; въ примѣръ того, что такое сочиненіе, вы приводите отрывокъ изъ Ермака Дмитріева (и это хорошо: привести отрывокъ для того, чтобы дать понятіе, что такое сочиненіе!) и замѣчаете, что такія сочиненія называются изящными, художественными, а самое составленіе ихъ творчествомъ, искусствомъ сочинять, и пр. Но всему видно, что вы собираетесь говорить и о прозѣ, и о поэзіи. А между тѣмъ теорія поэзіи исчезла изъ вашей словесности, — и хоть бы слово оней, какъ будто она и къ словесности не принадлежитъ. Мало того, вы безпрестанно перемѣшиваете произведенія прозы и поэзіи. «Записки Охотника» по вашему составляютъ только рядъ прозаическихъ описаний; а «Дѣтство и Отрочество» графа Л. Н. Толстаго вы приводите въ примѣръ автобіографіи, рядомъ съ автобіографіями Подшивалова, Полеваго и Гречи. Вы говорите о разговорной формѣ, и приводите въ примѣръ разговоры:

Карамзина о счастії, Шишкова (котораго «Руководство» называется «клязем») о словесности, — а затемъ ставите новую рубрику: о разговорахъ вымыселныхъ. Да не умели вы думаете, что разговоры о счастії и о словесности — не вымыселны? Къ вымысленныи вы относите, между прочимъ, «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ», приведя съ большою похвалою примѣръ изъ М. Н. Муравьева, и замѣчая, что теперь ужъ это не годится, — не употребляется: такъ къ чему же вы примѣръ-то привели? Въ вашемъ руководствѣ есть правило, что наука, и вообще ученое сочиненіе не должно пускаться въ излишнія подраздѣленія; посмотримъ, держитесь ли вы этого правила. Словесность раздѣляется у васъ на: 1) общую и частную; 2) частная — на учение о прозѣ и учение о поэзіи; 3) проза раздѣляется на простую (т. е. подряды, контракты, по объясненію автора), и краснорѣчную или художественную; 4) проза краснорѣчива раздѣляется на сочиненія исторической и философической; 5) историческая — на описательные и поэтические; 6) описательные — на простые (опять дѣловые) описи, который по раздѣленію автора не должны бы и входить въ краснорѣчную прозу), и художественные; 7) художественные — на простые и сложные; 8) простые — на хронографию, эпиграфизмъ, просопографию, ее же и параллель; а 9) сложные — на описания природы физической, на описанія искусства и характеристики; изъ соединенія этихъ отрывковъ образуются о числѣ 10) смѣшанные — или путешествія, которые раздѣляются 11) на ученыя и художественные; 12) художественные же раздѣляются на собственно — описанія путешествій и путевые очерки. — Въ прочихъ частяхъ руководства раздѣленія соответствуютъ этому, по количеству членовъ и по ихъ совершенной непужности.

Кажется, мы уже слишкомъ даже распространялись въ доказательствахъ того, что начинаяющимъ учиться словесности не должно читать руководство г. Архангельского, какъ зреднее по своему направлению. Мы не говоримъ уже о частныхъ ошибкахъ, напримѣръ; что для успѣха въ сочиненіи необходимо быть нравственно добрымъ (какъ будто мы не знаемъ жизни Саллюстіевъ, Баконовъ и пр.); что «Библіографическія Записки» г. Лонгинова принадлежатъ къ числу историческихъ записокъ, достоинство которыхъ возышается краснорѣчивымъ и, поистинѣ, драматическимъ изложеніемъ (любопытно было бы видѣть краснорѣчие и драматизмъ въ «Библіографическихъ Запискахъ»), что критика раздѣляется на собственно — критику, въ которой отличаются Гречъ, Булгаринъ, Шевыревъ и пр., и на разборы, образцы которыхъ помѣщаются въ «Дѣтскомъ Журналѣ» (какъ будто всякая критика не есть разборъ); что спар-

такка, подавая мечь (!) своему сыну, сказала: *aut hoc aut in hoc* (какъ будто спартанцы говорили по латыни!); что есть особый родъ сочинений, называемый *чувствованіями*, и еще особый, называемый *мыслами и чувствованіями*, и что нужно учиться сочинять сіи мысли и чувствованія, по образцу «Отрывковъ изъ дневника русского офицера» Марлинского. При всей своей забавности, это все вещи ничтожныя, мелкія, въ сравненіи съ главнымъ недостаткомъ руководства—совершенной безхарактерностью направлениі, выражавшееюся въ жалкихъ полумѣрахъ, принятыхъ противъ старого ученія, и въробкомъ полу-ближеніи съ новымъ. Вышло то, что руководство отъ одного отстало, а къ другому не пристало, и сдѣлалась Матрена—ни пава, ни ворона.

Чтобы покончить съ руководствомъ, представимъ еще нѣсколько примѣровъ, которые могутъ дать понятіе о ясности логики и о степени знанія русскаго языка у автора. Вотъ какъ онъ говоритъ, напримѣръ, о третьемъ источнике изобрѣтенія мыслей, состоащемъ въ заимствованіи чужихъ мыслей послѣ усвоенія ихъ размышилѣемъ: «заимствованія всякаго другаго рода, а тѣмъ болѣе цѣлые выписки, выдаваемыя за свою работу, и предосудительны и вредны. Этотъ источникъ изобрѣтенія мыслей (т. е. выписки!) служитъ необходиимъ условіемъ для составленія упражненій, особенно богословскаго и историческаго содержанія». (стр. 32). Полнота ~~и~~ развиціи главной мысли сочиненія (которое авторъ по обычаю тѣхъ заведеній, гдѣ онъ былъ профессоромъ, называетъ часто *задачей*) состоитъ въ разсмотрѣніи предмета во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ; «недостатокъ полноты бываетъ: 1) когда о предметѣ не все сказано, что слѣдуетъ; 2) когда сказано больше, чѣмъ слѣдуетъ; 3) когда берутся *все* части предмета, но излагаются слишкомъ суко». (стр. 43). Каково отношеніе между опредѣленіемъ и его поясненіемъ отъ *противнаго*?—Вотъ еще примѣръ: «письмо есть форма рѣчи, общая всѣмъ сочиненіямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ» (стр. 138), т. е. я могу написать драму или комедію въ формѣ письма? Такихъ промаховъ много у г. Архангельского, и не всѣ изъ нихъ происходятъ прямо отъ непониманія имъ предмета. Много ошибокъ вкрадось въ руководство, благодаря неумѣнию руководящаго автора писать по-русски, а вѣкоторыя ошибки объясняются даже опечатками, которыхъ здѣсь очень много и которыя отличаются какою-то замысловатостью, такъ что вдругъ не догадаешься, въ чёмъ дѣло. Напримѣръ, вместо органическое, напечатано—ограниченное, вместо Аанъ—Ааксъ, вместо ученыхъ степеней—ученыхъ сочиненій, и т. п. Но уже не къ опечаткамъ принадлежитъ то, что авторъ безпрестанно пишетъ и вместо или, отчего смыслъ

жестоко страдаетъ, — или что онъ говорить противъ вѣдома, вмѣсто безъ вѣдома, — раскрашенныя рѣчи, вмѣсто прикрашенныя, и т. п. Удивительно, какъ это всегда случается, что наши руководители всегда берутся учить насть именно тому, въ чёмъ сами еще очень слабы. Не мудрено, что надъ нами такъ часто сбывается пословица: слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба въ яму впадаютъ.

Новые стихотворенія В. Бенедиктова. Спб. 1857.

Много смыялись надъ господиномъ Бенедиктовымъ, много разъ повторяли о немъ давно извѣстныя всему миру истины, но только все не въпрокъ. Г. Бенедиктовъ издаетъ новые стихотворенія, пріобрѣтаетъ новыхъ хвалителей, принимаетъ новое направление, — но въ сущности все неизмѣняется себѣ, все фигурируетъ по прежнему. Нельзя иначе: такъ онъ привыкъ, привычка вторая природа. Слѣдовательно критика должна наконецъ убѣдиться, что ей не остановить г. Бенедиктова, неудержимаго, «какъ бурныя силы природы», по его собственному сравненію. Критика должна оставить гордяя притязанія на улучшениія манеры г. Бенедиктова. Остается ей смиренная лѣтописная роль: отмѣтить фактъ появленія «Новыхъ Стихотвореній» г. Бенедиктова, и сказать, что въ нихъ онъ остался вѣренъ своему прежнему характеру, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ.

«Но какъ же это можно? Это несправедливо, это недобросовѣсно», возопіютъ противъ насть многочисленные почитатели г. Бенедиктова, пріобрѣтенные имъ послѣ того, какъ онъ обнаружилъ свое новое направление. «Помилуйте, — то ли теперь г. Бенедиктовъ, что онъ былъ прежде? Прежде онъ воспѣвалъ только аппетитныхъ дѣвъ, съ грудями въ цѣлый океанъ, бурно кидающихся на пышный диванъ и вонзающихъ въ уста сердечный поцѣлуи. Прежде онъ только и дѣлалъ, что утоплялъ въ зеирномъ станѣ таковыхъ красавицъ пылающую ладонь свою и припекалъ поцѣлуями ихъ кудри—кольца, кудри — змѣйки. Прежде горы представлялись ему побѣгами праха въ небеса, рванувшимися въ высь и повиснувшими отъ ужаса между небомъ и землею; пожаръ казался ему младымъ красавцемъ, прильнувшимъ сладострастно къ груди дѣвы и разметавшимъ кудри свои въ воздушныхъ кругахъ. Вотъ какъ выражалась и вотъ на что обращена была прежняя дѣятельность г. Бенедиктова. А теперь есть ли что нибудь подобное? Г. Бенедиктовъ стала простъ, естественъ, остроуменъ въ выраженіи; а содержаніе его вынѣвшихъ стихотвореній дѣлаетъ честь не только ему, но и всей русской литературѣ. Онъ затрогиваетъ важнѣйшия современные вопросы, преслѣдуя общественные пороки, онъ проникнутъ глубо-

жиль сочувствиемъ къ добру и правдѣ, горячимъ любовью къ человѣчеству, стремлениемъ къ прогрессу, и проч. Сказать, что г. Бенедиктовъ и теперь тоже самое, что былъ прежде, значитъ обнаружить самое грубое пристрастіе или непростительное равнодушіе къ «благороднымъ порывамъ поэта».

Такіе голоса раздаются отсюду. Одинъ фельетонистъ утверждаетъ даже, что вся русская публика въ одинъ голосъ воспіетъ такимъ образомъ. Нечего дѣлать, приходится остановить лѣтописную, безъ искусственную правду наглядного впечатлѣнія и вооружиться критическими разсмотрѣвіемъ. Разсмотрѣніе наше все будетъ направлено противъ новыхъ почитателей г. Бенедиктова, которые за вынѣшними его заслугами не видятъ, ни вынѣшнихъ его недостатковъ, ни прежнихъ достоинствъ. Въ разборѣ наше мы будемъ скромны, потому что старыя насмѣшки надъ г. Бенедиктовымъ это мучдаются въ повтореніи, а новыхъ поражать его мы не хотимъ, а здѣсь уваженія къ тому направлѣнію, котораго онъ сталъ все болѣе придерживаться въ послѣднее время.

Утверждать, что г. Бенедиктовъ сталъ простъ и естественъ въ «своихъ новѣйшихъ стихотвореніяхъ»; а мы, напротивъ, утверждаемъ, что онъ до сихъ поръ сохранилъ свою прежнюю манеру, и что гиперболическая изысканность фразъ и вынѣкъ отличаетъ его стихъ во всемъ. Представляемъ примиры. Позаговорить, что Шекспиръ своими созданіями бьетъ его и ударомъ съ плеча возводитъ въ рыцари, и обивши его молнией, благородитъ просторождемца. Неужели это простое и естественное выраженіе мысли? Неужели это не можетъ стать ряюмъ съ сладострастнымъ красавицемъ-поларомъ и съ побѣгами праха въ небеса! Да вы, можетъ быть, думаете, что мы нарочно выдумали, будто Шекспиръ прибилъ г. Бенедиктова, и такимъ образомъ возвелъ въ рыцари? Вотъ замъ собственнѣе стихи资料 of вашего поэта (Нов. стих. стр. 80).

«Онъ бьетъ и я, принявъ ударъ,
Ударомъ тѣмъ не опозорень,
Зане ударъ тотъ — Божій даръ.

Когда предъ вѣщимъ на колѣни
Я становлюсь, чело склоня,
Онъ, ставъ на горнія ступени
И молнией обивъ меня,
Просторождемца благородитъ,
Раба подъемлетъ и съ плеча
Плебея въ рыцари возводить
Ударомъ Божъяго меча..

А хороша ли вотъ эта гибельюха: во «Встрѣчномъ голосѣ», описывая торжества, бывшія въ Москвѣ лѣтомъ 1856 г., г. Бенедиктовъ замѣчаетъ, что глаза у собравшагося на иллюминацію народа такъ ярко горѣли, что помрачали даже огни фонарей, пламень шкаликовъ и фейерверковъ; сердца бились такъ громко, что заглушали звонъ всѣхъ колоколовъ московскихъ. Вотъ его стихи (стр. 2).

«Но огней потѣшныхъ пиршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа; бой сердецъ довольноыхъ
Тамъ гудѣль смышище звоновъ колокольныхъ.»

А каково уподобленіе сѣнокоса цирульни? (стр. 141).

«Гдѣ твои волосы, шелковый лугъ?
Гдѣ твои косы? — Все сбито вокругъ.»

Хорошо ли также, что деревья въ лѣсу стоятъ на постель мѣсяца (стоять на постель!) и посылаютъ свои вершины на поискъ бурныхъ облаковъ? Это находится въ недавно напечатанномъ стихотвореніи г. Бенедиктова: Къ лѣсу. (Нов. стих. стр. 101).

«Твои стволы, какъ испоили,
Поправь пятой постелью ихъ,
Стоять, пославъ свои вершины
На поискъ бурныхъ облаковъ.»

Просто-ли также желаніе поэта, что бы сердце его взвѣсило число лѣтъ(?), превратилось въ камень и поросло мохомъ? (стр. 27)..

«Лучшебъ вымеръ этотъ пламень!
Лучшебъ, взвѣсивъ лѣтъ число,
Обратилось сердце въ камень
Да и мохомъ поросло!»

Намъ кажется, что все это напоминаетъ довольно сильно прежнаго г. Бенедиктова и вимало не подтверждаетъ той мысли, что онъ дошелъ теперь до художественной простоты выраженія. Мы привели немногого примѣровъ, но внимательное чтеніе стихотвореній г. Бенедиктова покажетъ, что эти приведенные нами мѣста не составляютъ исключенія: въ стихотвореніяхъ безпрестанно, то поэтъ желаетъ, чтобы ему кто нибудь дружбу бросилъ въ окошко (стр. 134), то онъ яркимъ взглядомъ брызгаетъ (стр. 109), то небо къ нему нагнулось, подошло и просится въ окно (стр. 139), и т. п. Изобразительность великолѣпная! Если нѣть въ ней прежней размашистости, можно сказать, азартной живости, это ужъ происходитъ единственно отъ преклонныхъ лѣтъ поэта. Онъ самъ съ сожалѣніемъ отзыvается объ этомъ въ одномъ стихотвореніи:

«Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь—молодость моя,
Какъ съ тобой, моей родною,
Погулялъ бы выначе я.
Этимъ юношамъ степеннымъ
Даль бы я какой урокъ.»

Желания поэта остались, какъ видите, тѣ же. — «Пыль чувства я сохранилъ», признается онъ самъ. Но силы ужъ не тѣ, нельзя дѣлать того, что прежде, и по неволѣ дѣлаешься скромнѣе, хотя въ душѣ все остаешься тѣмъ же;

«Еле ходишь, сухопарый ;
Ломить поясницу;
Кашель душитъ, — а и старый
Любишь молодицу.»

Только ужъ и молода не отвѣчаетъ на селадонство старика, и онъ понимая это, ограничивается грустнымъ сожалѣніемъ;

• Во многомъ доживъ до изъяна,
Теперь не могу не тужить:
Зачѣмъ я родился такъ рано,
Зачѣмъ торопился я жить.»

Вотъ вамъ и объясненіе, кажется, весьма простое, — почему чѣтъ менѣе выказываетъ теперь азарта въ своихъ стихотвореніяхъ и почему онъ пересталъ описывать аппетитныхъ красавицъ. Это совсѣмъ не означаетъ какои нибудь особенности въ развитіи таланта, а просто показываетъ, что есть время всякой вещи на свѣтѣ. Поэтъ вспоминаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 51) о томъ, какъ онъ бывало ударялъ кулакомъ по столу, читая свои стихотворенія: въ молодости разумѣется, и это ничего не значило, когда кровь кипѣла сильнѣе, да и руки были крѣпче, — еще необломались; а въ етапѣ сибирской жизни сильно ударять кулакомъ по столу, пожалуй, и опасно для тѣлесного благосостоянія. Тутъ опять вѣтъ особенности въ развитіи поэтическаго таланта, а просто неизбѣжное по чину естества ослабленіе физическихъ силъ. Зато г. Бенедиктовъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свою молодость, что, конечно, нисколько не предосудительно, — и даже соблазняетъ собственное соображеніе намеками нескромнаго характера, — что, по нашему откровенному мнѣнію, уже излишне. Конечно мы попимаемъ, что и старости позволительно увлекаться, подобно молодости, и что увлеченія г. Бенедиктова минутны и даже, можетъ быть, совершенно безответственны. Мы не имѣемъ права обвинять поэта въ беззубомъ юнизмѣ, которому предаются иные старички, пожуировавшіе

въ своей жизни и непремѣнно желающіе сыграть до конца роль шалуновъ и повѣсь. Но все таки намъ показались не слишкомъ опрятными слѣдующіе стихи, находящіеся въ юмористическомъ стихотвореніи: «Плачъ остающагося въ городѣ при видѣ отъезжающихъ на дачи», (стр. 49). Описывается возъ, на которомъ перевозится на дачу мебель, и, между прочимъ, стулья.

«И—что за деракій видъ! И стулья, и столы,
Предъ всею публикой — (у нихъ стыда ни крошки) —
Съпились, ножки сверхъ, и ножки черезъ ножки
Продѣты такъ и слакъ, — трясутся, дребезжатъ....»

Въ числѣ прекрасныхъ изображеній, представленныхъ, въ разныхъ стихотвореніяхъ, г. Бенедиктовымъ и «такъ много говорящихъ уму и сердцу», эти стихи займутъ вѣроятно не послѣднее мѣсто. Со временемъ на нихъ могутъ указывать въ литературныхъ характеристикахъ наряду съ извѣстными стихами «о нагломъ сукѣ» изъ Душеньки. Впрочемъ, тамъ — фривольное изображеніе совершенно естественно и понятно: рѣчь идетъ прямо о женщинахъ. А здѣсь — помилосердуйте, о поэтъ! — здѣсь вѣдь столы и стулья. Слѣдовательно ваше замѣчаніе объ ихъ безстыдствѣ (о, еслибъ не было этого несчастного замѣчанія!) совершенно неестественно, наявуто, и можетъ быть объяснено только нечистой игрой вашего старческаго воображенія.

Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что эротическая стремленія не составляютъ главнаго элемента поэзіи г. Бенедиктова. Она по прежнему слагается изъ вычурности и эффектовъ, для которыхъ канвою служатъ нынѣ церѣдко общественные вопросы, такъ какъ прежде служили заоблачныя мечты, выписанныя чувства, величественные картины природы, и т. п. Мы совсѣмъ не думаемъ унижать этимъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова, и вовсе не хотимъ сказать, чтобы его нынѣшнее направление не вытекало изъ самой глубины его сердца. Напротивъ, мы имѣемъ въ виду доказать, что его сочувствія давно уже влекли его къ нынѣшнему его поприщу, и что только недостатокъ таланта удерживалъ его до послѣдняго времени отъ выраженія своихъ истинныхъ стремленій. Въ самомъ лѣтѣ, г. Бенедиктовъ давно уже, и очень громозвучно, очень рѣшительно, провозгласилъ миру свое призваніе:

«Я въ мірѣ боецъ! Да, я биться хочу....
Смотрите — я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
Навстрѣчу нечистому міру.
И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,

И въ батѣ глубоко, глубоко,
 Могучей рукою сталь правды вонзить
 Въ шипучее сердце порока.
 Не бойтесь, друзья, не падеть вашъ пѣвецъ!
 Пусть грозно враговъ ополченье, —
 Какъ левъ я дерусь, — какъ разумный боецъ,
 Упрочилъ себѣ отступленье.»

Какъ видите, стремленіе соѣтаться днѣй новѣйшихъ Ювеналомъ и провозвѣстникомъ добра и правды — давно уже сознано было г. Бенедиктовымъ оченъ ясно. Онъ давно уже чуаъ, что въ противорѣчіяхъ современной общественной жизни, въ уклоненіяхъ человѣчества отъ естественного пути можно найти неизысканный источникъ потрясающихъ эффектовъ, а это ему было нужно всего, по самой сущности его дарованія. Но что же помѣшало ему исполнить свое намѣреніе въ тоже время, какъ оно было высказано? Почему онъ такъ долго не являлся въ роли бойца, которую принялъ на себя такъ рѣшительно. Причину этого нацобю искать въ недостаткѣ таланта. Въ то время, когда желаніе биться было впервые сознано г. Бенедиктовымъ, общественное мынніе въ Россіи еще не созрѣло до того, чтобы вызвать открытую борьбу съ порокомъ. Въ литературѣ тогда уже проявлялось влияніе Гоголя и Бѣлинскаго, но читающая масса находилась еще въ Пушкинскомъ періодѣ, за весьма немногими исключеніями. Чтобы дать побѣду новому направлѣнію, нуженъ былъ — или новый сильный талантъ, который увлекъ бы за собою публику, или обстоятельства, постороннія литературѣ, житейскія, которыя бы доказали истинность новыхъ стремленій въ литературѣ. Дарованію людянину нельзя было идти противъ господствующихъ мынній; оно должно было увлечься общимъ течениемъ. Такъ вообще бываетъ съ второстепенными литературными талантами. Они могутъ прелупредить современное имъ направлѣніе или остаться въ сторонѣ отъ него только въ двухъ случаяхъ. Первый бываетъ тогда, когда человѣкъ, не имѣя замѣчательнаго таланта поэтическаго, обладаетъ одинакожеоченъ свѣтлымъ умомъ, при помощи теоретического изученія или живой наблюдательности, угадываетъ тѣ потребности, которыя общество должно силинѣ почувствовать уже спустя вѣкоторое время. Такіе писатели пользуются большими успѣхомъ въ избранныхъ кружкахъ, но не увлекаютъ за собою массы, именно потому, что до ихъ воззрѣній она еще не доросла, а художественная сторона ихъ произведеній не столько совершенна, чтобы ясно говорить душѣ каждого читателя. Другой случай бываетъ тогда, когда писатель на столько ограниченъ умственno, что уже рѣшительно ничего не въ состояніи видѣть въ той тѣс-

вой сферы, которая нашла сочувствие въ его душѣ и въ которой онъ можетъ создавать иногда вещи, дѣйствительно не дурными. Такою сферой для поэта могутъ особенно сдѣлаться изображенія и впечатлѣнія природы, и второстепенный талантъ, не одаренный особенною умственной проницательностью, можетъ преисполнено воспѣвать солнце и луну, зимніе вечера и майскія ночи, хотя бы міры рушились предъ его глазами. По счастью, или по несчастью,— г. Бенедиктовъ не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому сорту людей: онъ шелъ за вѣкомъ. А идя за вѣкомъ, онъ долженъ быть поневолѣ искать для своихъ эффектовъ чего нибудь другаго, а не общественныхъ пороковъ. Тогда въ модѣ были, благодаря отчасти Марлинскому, волканическія страсти и граниловыя картины. Г. Бенедиктовъ радъ былъ и этому, хотя, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, что здѣсь для трескучихъ фразъ недостаетъ порядочнаго содержанія; чувствуя это, онъ, можетъ быть, безосознательно, можетъ быть и намѣренно, рѣшился прикрыть недостатокъ содержанія,— напропалую отчаянно увличивая трескучесть самыхъ фразъ. Такимъ образомъ и произошли великолѣпныя созданія, возбуждавшія столько насыщекъ лѣтъ 15 тому назадъ. Между тѣмъ въ литературѣ нашей явился Лермонтовъ, Бѣлинскій продолжалъ дѣйствовать на сознаніе публики, события смыкались одно другимъ, война пробудила общество и литературу отъ недавней апатіи, публика наша выросла въ три-четыре послѣдніе года, битва, котою замышлялась когда-то г. Бенедиктовъ, поднялась со всѣхъ сторонъ: чего же лучше? Онъ и воспользовался общимъ движениемъ, изыскивая наиболѣе эффектные предметы для своихъ звучныхъ фразъ. И, дѣйствительно, избранные имъ предметы были способны возбудить эффектъ, хотя мысли о нихъ, изложенные г. Бенедиктовымъ, уже и не были новостью послѣ «Губернскихъ очерковъ», нѣкоторыхъ статей «Морскаго Сборника», «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ. Поэзіи въ нихъ, признаемся, мы находимъ не больше, какъ и въ граниловыхъ описаніяхъ и огнедышащихъ страстиахъ того же поэта. Напр. лирическое аллегорическое поѣствованіе (стиховъ въ 400) о «Посыщепіи правды» не оживлено ни однимъ поэтическимъ мотивомъ. Однакоже это стихотвореніе, при своемъ появлѣніи, встрѣтило сильный восторгъ въ публикѣ — за нѣсколько здравыхъ мыслей, въ немъ высказанныхъ. Другія стихотворенія того же рода всѣ полны мыслей самыхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ, и потому тоже обращали на себя вниманіе публики. И, разумѣется, мысли эти сами по себѣ стоили общаго вниманія, кѣмъ бы и какъ бы они были изложены. На-

примѣръ во «Встрѣчномъ голосѣ» поэтъ обращается къ Русскому Царю съ такими словами:

«Пусть, отецъ нашъ, тѣми, кто къ тебѣ приближенъ
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!
Родственно-живая связь царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
Тыбъ нась вѣрно не даль никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣжъ, родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи—и пр.

Въ «Современной молитвѣ», поэтъ говоритъ:

• Гнѣздо нечестия было свито
Отъ давнихъ лѣтъ въ родномъ краю.
Средь обновившагося быта —
Ты видишь, Господи, открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.
Публично наше покаянье
Въ давно-таившихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье—
Верига въ прозѣ и въ стихахъ.
Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Больши духа уврачаемъ,
И тихо, мирно завоюемъ,
Свѣтъ человѣческихъ идей.»

Въ стихотвореніи: «Что шумишь», иронически изложены возраженія вѣкоторыхъ практическихъ людей противъ гласности литературныхъ обличеній. Что намъ за дѣло до какихъ-то вашихъ истинъ, говорятъ практическіе люди,—

«Что намъ въ нихъ, когда и съ ложью,
Благъ земныхъ имѣя часть,
Можно славить правду Божью,
И, чтобы духомъ не упасть
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть?
Не смущая нашу совѣсть,
Не ворочая души,
Дай намъ пѣсню, сказку, повѣсть,
Позабавь насть, посмѣши, —
Такъ, чтобъ было все пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало маленько

Въ смиѣхѣ круглое брюшко,
Посреди отдохновенія
Въ важный часъ пищеваренія!
Не ломись въ число судей,
Не вноси къ намъ ни уроковъ,
Ни обидныхъ намъ намековъ,
Ни мучительныхъ идей,
И не будь бичемъ пороковъ.
Что бѣ не быть бичемъ людей!
Если жъ лико и сурово
Заревешь ты свысока,—
Эко диво! Намъ, не ново:
Мы какъ разъ уймемъ дружка....»

Въ стихотвореніи на новый 1857 г. Бенедиктовъ тоже представляетъ подобныхъ господъ, и на ихъ возгласы, что «тѣхъ, что мысль колышутъ, надо бы связать», отвѣчаетъ:

«Но друзья ль тутъ Руси
Съ гласностью въ борьбѣ?
Нѣть,—вѣдь это гуси
На умѣ себѣ!
Въ маскѣ патріотовъ
Мраколюбцы тутъ
Изъ своихъ разсчетовъ
Голосъ подаютъ,» и пр.

Повторяемъ: тутъ поэзіи пѣть и слѣда (что, впрочемъ, читатель и самъ видитъ); но мысли — превосходны. Кто бы и какъ бы ихъ ни высказалъ въ Россіи въ настоящее время, — всякий заслуживаетъ привѣта и благодарности. И шлются эти благодарные привѣты г. Бенедиктову со всѣхъ сторонъ; и мы сами готовы отъ всей души уважить въ поэти благородство его чувствованій, возвышенность его стремленій (совершенно некстати вспомнились тутъ намъ нескромные стулья; во вы, читатели, постарайтесь забыть о цихъ)... Только все же общественные заслуги г. Бенедиктова не ослѣпятъ насъ на счетъ степени его поэтическаго таланта. Мы знаемъ, что если бъ его дарование имѣло хоть сколько-нибудь внутренней силы, а не было чисто-виѣшнимъ, то онъ бы выступилъ на то поприще, на которомъ теперь подвизается съ такимъ успѣхомъ, — гораздо раньше, — покрайней мѣрѣ немедленно послѣ того, какъ провозглашали, что онъ въ мірѣ боецъ. Что дарование г. Бенедиктова внутренней силы не имѣетъ, это видно даже изъ современныхъ его стихотвореній. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ, не только не ставитъ новыхъ вопросовъ, не изыскиваетъ новыхъ предметовъ, — но даже и въ предметахъ, давно уже вызванныхъ на Божій свѣтъ, не оты-

скиваетъ новыхъ сторонъ, не составляетъ мысль комбинацій. Характеръ его новѣйшей литературной дѣятельности можно объяснить въ немногихъ словахъ: то зло, которое повержено или покрайней мѣрѣ заклеймено общественнымъ мнѣніемъ,—онъ караетъ; то добро, которое сдѣлано,—прославляетъ; предъ зломъ еще нетронутымъ обнаруживаетъ полное безсиліе, о добрѣ еще несдѣланномъ или вовсе не заводить рѣчи, или говоритъ общія фразы, давно сдѣлавшіяся ходящими въ обществѣ. Правда, что это не есть недостатокъ, свойственный одному только Бенедиктову: такова почти вся наша литература послѣдняго времени. Характеръ ея очень напоминаетъ памъ школьный анекдотъ, читанный нами когда-то въ одной дѣтской книжкѣ. «Въ одной школѣ между многими благонравными мальчиками, были два негодяя. Они были старше другихъ и потому исправляли въ классѣ какую-то должность. Пользуясь этимъ, они всячески притѣсняли маленькихъ мальчиковъ,— были ихъ, отнимали у нихъ разныя вещи, несправедливо жаловались па нихъ учителю. Добрые мальчики очень страшали и много плакали, по все терпѣли. Наконецъ учитель самъ замѣтилъ въ чемъ-то старшихъ негодяевъ, преъбольно высѣкъ ихъ и лишилъ должности въ классѣ. Тогда добрые мальчики очень обрадовались и, желая исправить негодяевъ, начали упрекать ихъ въ прежнихъ поступкахъ, говоря: что взяли, гордецы, воры, забіяки, ябедники, мошенники,—что взяли? Скверно вы дѣлали? Признайтесь, вѣдь скверно? Хорошо, что добрый нашъ учитель наказалъ васъ, право, хорошо; давно пора бы».... Негодяи мальчики, слушая эти упреки, не знали, что отвѣтить, и имъ было очень стыдно.»

Возвращаясь отъ дѣтской сказочки къ г. Бенедиктову, мы должны замѣтить у него одну мысль, которая не имъ, конечно, выдумана, но имъ развивается съ особенной любовью въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Это — мысль о благѣ мира и о противостоянности войны. Въ представлении этой мысли г. Бенедиктовъ возвышается даже до поэтическихъ образовъ, которые вообще ему такъ рѣдко удаются. Стихотворенія «Война и миръ», «И туда», «Вана и мания», по нашему мнѣнію—рѣшительно лучшія изъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова. Между прочимъ эти самыя произведения могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, до какой степени сильно бываетъ подчиненіе рутины у второстепенныхъ литераторныхъ дарованій. Личное отвращеніе отъ дикихъ ужасовъ войны выразилъ г. Бенедиктовъ въ давнишнемъ, чуть ли не одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній «Золотой векъ». Тамъ говорить онъ, между прочимъ, довольно неудрными стихами:

Вы были-ль когда-то златые года,
Какъ праздно лежало въ недвижномъ покой,

Въ рожденіи подземельи, жглое чудоое,
И имъ не играла пустая вражда;
И хищца сила по лицу земному
Гравицъ не чертила кровавой чертой,
Но тихо катилось отъ рода къ другому
Святое наследье любви родовой.»

Но въ то время, когда это было писано, у насть сильно было бранное направлениe поэзии. Привычка восхищаться пространствомъ России и силой несмѣтайхъ ея штыковъ со временъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго господствовала въ нашей литературѣ. Около 1830 г. Пушкинъ поднявшиъ воинственность нашей поэзии нѣсколькими бранными стихотвореніями (лишеными, впрочемъ, поэтическаго достопиства), и могъ ли г. Бенедиктовъ противиться общему направлению? Онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не только не противился, а даже ровно послѣдовалъ ему, оставивъ свою мысль о безчеловѣчности войны — до болѣе удобнаго времени. Онъ воспѣвъ громозвучными стихами «Ватерло», съ большимъ одушевлениемъ описывая сраженія въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ, говорилъ, что во время пира овъ «ждалъ вѣтнѣй праздника мечей», и что

«Юной жизни жаръ и пламя
Сладко несть отчизнѣ въ давъ.
Ей да служитъ въ охраненье
Этотъ мечъ головосѣкъ!»

Въ томъ же самомъ стихотвореніи, желая прославить Русь, онъ не находитъ сї другихъ похвалъ, кроме общирности и крѣпости бранной —

«Широка она, родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная
Только сердце горячо;
Чуть вазнала пиръ кровавый,
И разсыпались враги,
Высоко шумитъ двухголовый,
Землю топчутъ русской славы
Семимильные шаги!...»

Совершенно противно своему убѣжденію, поэтъ восхищается здѣсь ложнымъ блескомъ, потому, что имъ тогда восхищались. Онъ не въ силахъ быть сказать что-нибудь свое, не въ силахъ быть развить той мысли, которую никохоломъ выразилъ, въ родѣ мечты, въ одномъ изъ своихъ же стихотвореній. Мало того, онъ отрекся отъ своей мысли, привыкшіи восхіщать предметъ,

который, по его собственному признанию, былъ ему неподобенъ. За то, посмотрите, какъ смѣло и решительно говорить онъ объ этомъ теперь, когда гуманныя идеи созрѣли, когда война всѣми признается тяжкимъ зломъ, которое становится все менѣе и менѣе неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Теперь г. Бенедиктовъ не увлекается уже бранной славой русскаго народа, а прямо и решительно говоритъ, что

«Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Неподѣлимый — общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ.»

Даже о своей собственной дѣятельности и о трудахъ подобныхъ ему воспѣвателей браны, г. Бенедиктовъ отзыается теперь съ похвальнымъ негодованіемъ. Во время войны, говорить онъ:

«Злобствуетъ даже поэтъ, сынъ слезы и молитвы:
Музы свою окунивъ испареньями битвы,
Опiumъ ей онъ подносить, не нектарь; святыню
Хлещетъ бичомъ; стервенить своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьють по струнамъ его руки;
Лира его издастъ барабанные звуки.
«Бейтесь», кричать сорванцы, притаись подъ заборомъ,
И поражаютъ любителей мира укоромъ.»

Вообще о войнѣ г. Бенедиктовъ говорить теперь съ явнымъ пренебреженіемъ. Еще во время войны извѣстно было его стихотвореніе «Молитва», въ которой онъ съ благородныи отвращеніемъ говорилъ о тѣхъ, которые смѣютъ молить у Бога успѣха въ убийствахъ, и заключалъ, что единственno приличная христіанину молитва во время войны есть молитва о мирѣ. Почти тѣ же мысли повторяются имъ въ стихотвореніи «Война и миръ». Тутъ, говорить онъ:

«Брошены въ прахѣ всѣ идеи, въ почетѣ гремушки;
Проповѣдь мудрыхъ молчать, проповѣдуютъ пушки,
И опьянѣлые въ оргии дикой народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы.
Чувствуя въ злобѣ своей сатану душегубца,
Распир заводять во имя Христа-миролюбца...»

Все стихотвореніе заключается грустнымъ восклицаніемъ: «жалѣмъ тебя, человѣчество, бѣдное стадо.»

Въ приведенныхъ нами стихахъ опять таки нѣть поэзіи; главное ихъ достоинство — смѣлость и твердость мысли. Но на ту же тему

написаны г. Бенедиктовымъ еще два стихотворенія, въ которыхъ мы не можемъ не признать вѣсколькохъ искрь поэзіи. Одно изъ нихъ: «И туда», испорчено вычурностью представлениія предмета и желаніемъ во что бы то ни стало произвести эффектъ. Дѣло въ томъ, что англійскіе корабли подплыли къ берегамъ Камчатки и начали ихъ обстрѣливать. Камчадалы съ изумленіемъ встрѣчаютъ незванныхъ гостей и не знаютъ, чтобы могло значить ихъ враждебное посѣщеніе. Съ виду пришельцы, кажется, похожи на людей; но поступки ихъ вовсе не человѣческие. Странно, «а вѣдь все же это люди», камчадалы говорятъ. Вдругъ самимъ камчадаламъ дается приказаніе защищаться:

«Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй.
И дикарь въ недоумѣніи
Слышитъ странное вѣдѣніе:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?
И, ушамъ своимъ не вѣра,
«Нѣтъ», сказалъ, «стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью!»

Содержаніе нѣсколько аффектировано, особенно если мы вспомнимъ, что камчадалы хотятъ не любить сражаться по своей трусости, но убийство человѣка не считаются неслыханнымъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ они дрались съ русскими въ началѣ прошедшаго столѣтія. Поэтому поэтический образъ, выбранный г. Бенедиктовымъ, не совсѣмъ удаченъ. Но уже одно то, что для выраженія своей мысли поэтъ обратился къ образу, а не къ голословными фразамъ, — одно уже это заслуживаетъ большую похвалу въ такомъ поэту, какъ г. Бенедиктовъ.

Другое стихотвореніе: «Ваня и няня», проще и лучше. Мальчикъ спрашивается няню про войну. Та ему начинаетъ разсказывать. «Такъ они дерутся», прерываетъ мальчикъ. — «Да», говоритъ няня.—«Да вѣдь дратьсястыдно», снова возражаетъ Ваня:

«Миѣ сказаѣ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ.»

Разъ мы съ Мишой поссорились за игрушки, такъ папаша выскѣ на насъ обоихъ.

«Стыдно дратся, говорить,
 Скоряте лишь алье.»
 Ишь, и маленькинь-то стыдъ!
 А вѣдь тамъ больши.
 Самъ я видѣлъ сколько раетъ:
 Мимо шли солдаты.
 У! большущіе! Я глазъ
 Не спускаль: все хваты!
 Шапки мѣдныя, съ хвостомъ!
 Ружей много, много!
 Барабаны тромъ-томъ-томъ!
 Вся гремитъ дорога.
 Тромъ-томъ-томъ! И весь горитъ
 Отъ восгорга Вана;
 Но, подумавъ, говорить:
 «А вѣдь вѣрно, няня,
 На войну шло столько ихъ,
 Гдѣ палять изъ пушкі:
 Вѣрно вышла и у нихъ
 Скора за игрушки.»

Если судить слишкомъ строго, то, конечно, и это стихотвореніе можно уподобить «Разговору въ царствѣ мертвыхъ». Но г. Бенедиктову и такие разговоры рѣдко удаются. Его «Посѣщеніе» то же «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ», но тотъ разговоръ крайне валь и утомителенъ; а здѣсь въ представлениі чувствъ и мыслей мальчика есть даже какъ будто немножко поэтическаго одуванчакія. Поэтому стихотвореніе «Вана и няня» мы причисляемъ къ наиболѣе удачнымъ стихотвореніямъ г. Бенедиктова не только по мысли, но даже и по исполненію.

Недурные мысли попадаются у г. Бенедиктова во многіхъ стихотвореніяхъ; но цѣлаго стихотворенія, вполнѣ выдержанаго, мы не можемъ указать ни одного. То какойнибудь неизѣпый тронъ испортитъ картина, то странное изображеніе ослабитъ мысль, то сравненіе какое нибудь затемнитъ дѣло, то безчеловѣчныя фразы нарушатъ впечатлѣніе. И это прилагается не только къ созданіямъ собственной музы г. Бенедиктова, но даже къ его переходамъ, которыхъ помѣщено въ новой книжкѣ его до двѣнадцати. Все это вообще приводитъ насъ къ тому, чтобы повторить наше заключеніе, которымъ мы начали рецепцію стихотвореній г. Бенедиктова. Онъ остался тѣмъ же, что и былъ, не измѣнивши себѣ ни въ формѣ, ни въ содержаніи своей поэзіи. Эффектъ и вычурность по-прежнему остались ея элементами, только канва перемѣнилась сообразно съ обстоятельствами времени. Въ зародыши, въ предчувствія г. Бене-

диктова давно уже заявлялись тѣ прекрасныя мысли (да и у кого же изъ мыслящихъ людей онъ не заявлялись?), которые онъ излагаетъ нынѣ; но какъ дарование очень слабое, вгостеленное, г. Бенедиктова не рѣшался высказывать своихъ мыслей, пока справедливость ихъ не была наконецъ признана лучшою частью общества. И общество встрѣтило рукоплесканіями его убѣжденія въ томъ, въ чемъ оно само давно ужъ убѣждено было. (Тѣ, которые не были убѣждены, не убѣлились и стихами г. Бенедиктова и не рукоплескали ему). Въ этомъ фактѣ мы видимъ, между прочимъ, доказательство того, что публика наша все еще не совсѣмъ твердо стоитъ на почвѣ современныхъ идей: ей еще нужна поддержка, нужнѣйший голосъ для ея ободрѣнія; открытыхъ приверженцевъ и постоянныхъ дѣятелей нового направлѣнія еще мало. Но все же ихъ ужъ не сравненно больше, чѣмъ сколько было два-три года тому назадъ. Можно надѣяться, что если все пойдетъ такъ, какъ идетъ теперь, то черезъ нѣсколько лѣтъ новыя идеи перейдутъ изъ области общихъ фразъ къ настоящимъ, живымъ примѣненіямъ, и проповѣдывать, что свѣтъ лучше тьмы, и что надо открыто идти противъ зла, будетъ столько же безполезно и странно, какъ страпано теперь серѣѣно доказывать, что, напримѣръ, убить человѣка дурно, или что выпиться пьянишъ непохвально. Тогда-то можно ожидать и истинно-поэтическихъ произведений въ вымишленѣ общественномъ направлѣніи. А пока оно входитъ въ поэзію только какъ общая фраза, какъ отвлеченная теорія, до тѣхъ поръ, разумѣется, публика можетъ довольноствоваться и стихами г. Бенедиктова, у котораго все-таки, за добно отдать ему справедливость, есть много мыслей, изложенныхъ очень звучно и весьма поучительныхъ.

Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ. Замѣтки Михаила Семевскаго. Спб. 1857.

Обращаемъ на книжку г. Семевскаго особенное вниманіе г. Бенедиктова. Въ ней увидишь онъ, что въ наше время общія фразы о современныхъ идеахъ, сочувствие общественнымъ вопросамъ и т. и. уже перестаютъ быть рѣдкостью, и что на нихъ однихъ нельзя далеко уѣхать. Нынѣ, какъ бы ни былъ бездаренъ писатель, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ его зрѣнія, какъ бы ни смутны были понятія о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, — все-таки онъ уже понимаетъ вредъ нерѣжества, беззаконность взятокъ, притѣсненій, гадость обмана, ханжества, и т. и. Это уже теперь обязанность писателя, а не достоинство; подобно тому, какъ нынѣ уже не составляетъ достоинства умѣнье писать грамотно и складно; а прежде всякаго, кто умѣлъ составить порядочную строку, счита-

т. LXVI. Отл. II.

3

ли же за чужное хвалить, какъ человѣка, «слогъ имѣющаго.» Нынѣ безграмотные писатели до того доведены, что имъ ужъ и носа показать нельзѧ въ литературѣ,—просто сунуться не куда, развѣ только учебникъ составить или дѣтскую книжку сочинить имъ еще дозволится. Нынѣ даже простое глумленіе надъ грамматическими промахами авторовъ считается излишнимъ, всякий готовъ пропустить безъ вниманія даже дѣйствительную ошибку противъ языка въ статьѣ, интересной въ какомъ нибуль отношеніи. Пропускаются же эти ошибки не потому, чтобы ихъ не считали ошибками и одобряли, а просто потому, что не хотятъ въ нихъ видѣть доказательствъ безграмотности писавшаго, а считаютъ ихъ слѣдствиемъ разсѣянности, недосмотра, опечатки и т. п. Нынѣ уже смѣшно видѣть, если кто-нибудь, въ спорѣ о важномъ предметѣ опровергая своего противника, вдругъ начнетъ разбирать его фразу: гдѣ тутъ подлежащее, гдѣ сказуемое, и потомъ объявить торжественно, что въ фразѣ глагола нѣтъ, слѣд. грамматического смысла нѣтъ, и потому онъ ея непонимаетъ. Къ такимъ грамматическимъ фигурамъ нынѣ прибѣгаютъ люди ужъ только тогда, когда они ничего дѣльного сказать неумѣютъ. До того вошло въ литературу сознаніе о томъ, что кто берется писать, тотъ ужъ не можетъ быть неграмотнымъ. То же самое скоро совершился и съ мнѣніями, провозвѣстники которыхъ теперь еще вызываютъ столь громкое, и иногда не совсѣмъ заслуженное, одобреніе публики. Отчасти, въ отношеніи къ некоторымъ мнѣніямъ это уже и начинаетъ совершаться: теперь, напримѣръ, никто не удивится и не подниметъ восторженного шума похвалъ, если кто-нибудь скажетъ, что у насть въ чиновничьемъ мірѣ есть злоупотребленія, что общее образованіе важнѣе специального, что насильственные мѣры всегда дурны и т. п. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали же вѣдь очень дерзкимъ и отважнымъ того, кто осмѣшивался сказать, что и гвардейскіе офицеры иногда дурно танцуютъ, или что и пряжка безпорочная не всегда знаменуетъ дѣйствительное отсутствіе пороковъ въ томъ, кто ее носятъ. Тогда немногого нужно было, чтобы прослыть передовыми членами. Но теперь ужъ дѣла совсѣмъ въ другомъ положеніи. Къ тому, что было, ужъ нѣтъ возврата. Всѣ наши quasi поэтическіе возгласы противъ людей, любящихъ тьму, теперь несвоевременны и излишни. Не мы съ вами дѣлаемъ литературу, г. Бенедиктовъ: мы съ вами и прежде существовали, да вѣдь не говорили же того, что нынѣ говоримъ. Да и не мы одни,—и г. Шедринъ съ г. Печерскимъ существовали, и г. Цироговъ тоже, и г. Бабель тоже,—да мало ли и ешкото было; авѣдь не писалось женичего такого, пока общество само не заговорило, пока въ немъ не явилась потребность гласности, свѣга, правды, дѣятельности. Но произошло движенье мысли въ обществѣ,—и

литература пришла въ движение, отдавая всѣ свои средства на служеніе общественнымъ интересамъ. Общество съ благодарностью ими воспользовалось, обратило на литературу больше вниманія, тѣснѣе сблизилось съ ней, видя, что она объясняетъ ему весьма многое и придаетъ болѣе разумности и сознательности его собственнымъ стремленіямъ.

Говоря все это, мы вовсе не хотимъ утверждать той мысли, будто наше общество такъ ужь высоко стоитъ, что ему почти и не нужно литературы. Литература во всякомъ случаѣ умѣртвляетъ слишкомъ необдуманные порывы всестороннимъ показаніемъ вопроса и хладнокровнымъ, разумнымъ его обсужденіемъ; въ этомъ и состоитъ вообще ся заслуга передъ обществомъ. Этой-то заслуги и не имѣютъ общія фразы, какія съ важностью произносятся г. Бенедиктовымъ, г. Семевскимъ и т. п. Кстати, возвратимся къ г. Семевскому, о которомъ мы совсѣмъ позабыли, заговоривши съ г. Бенедиктовымъ.

Книга г. Семевского замѣчательна, какъ мы уже сказали, въ томъ отношеніи, что авторъ ея, при крайней ограниченности понятій и званій, все-таки выражаетъ сочувствіе къ современному направлению. О степени его знаній историческихъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій примѣръ: разсказывая исторію Великихъ Лукъ, онъ распространяется, неизвѣстно для чего, о томъ, что «христіанство было вовзорено въ Россіи Владиміромъ Святославичемъ, внукомъ св. Ольги, который, по общему совѣту епископовъ, уничтожилъ идолопоклонство» и пр. И чтобы кто нибудь не усомнился въ открытомъ имъ фактѣ, имѣющемъ столь близкое отношеніе къ исторіи города Великихъ Лукъ, онъ дѣлаетъ при этомъ ссылку на «Исторію Псковскаго Княжества» и на «Степенные книги». Статистические пріемы г. Семевского характеризуются тѣмъ, что онъ представилъ таблицу числа жителей, домовъ, церквей, заводовъ и пр. въ Великолуцкомъ уѣзда, и поспѣшилъ замѣтить, что онъ не ручается за вѣрность и точность нѣкоторыхъ цифръ. Какихъ именно нѣкоторыхъ, онъ не сказалъ, и такимъ образомъ на всѣ цифры падаетъ подозрѣніе въ невѣрности и неточности; зачѣмъ же было и составлять невѣрную и неточную таблицу? Въ этнографіи г. Семевскій показываетъ себя болѣшимъ знатокомъ, потому что подробно описываетъ, какъ особенность Великихъ Лукъ, то, что тамъ женихи свахъ засыпаютъ, на дѣвичникѣ и на свадьбѣ пѣсни поютъ, что за столомъ великолучане пьютъ и ёдятъ, и т. п. При этомъ онъ съ гордостью замѣчаетъ, что замѣтки его «есть страница не безполезная при описаніи быта русскаго народа» (стр. 146). Но всего замѣчательнѣе то, что авторъ приводить изъ своего «Сборника Великолу-

кихъ пословицъ» (довольно значительного, по его замѣчанію), такихъ пословицы, какъ «чужое добро въ прокъ неидеть», «заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разобьетъ», «глупому сыну не въ помощь богатство», и т. п. Если все такія пословицы относить собственно къ Великолуцкому уѣзду, то, разумѣется, не трудно составить и очень значительный сборникъ: стоить переписать Снегирева со всѣми дополненіями. Словомъ, авторъ почти на каждой страницѣ своей книжки обнаруживаетъ такое наивное невѣдѣніе о самыхъ простыхъ предметахъ, что мы нисколько не удивились бы, еслибы увидѣли, что онъ къ особенностямъ Великолуцкаго уѣзда причисляетъ и то, что тамъ люди вверхъ головой ходятъ.

Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ фактовъ, сообщаемыхъ въ книжкѣ г. Семевскаго, нужно отмѣтить слѣдующія свѣдѣнія: 1) что *«въ нашемъ городѣ* (такъ г. Семевскій называетъ Великія Луки), на правомъ берегу Ловати, В. И. Семевскій, дѣль автора «Замѣтокъ о Великихъ Лукахъ», построилъ въ 1788 г. каменный домъ для боярѣніи; что Егоръ Семевскій, дѣль автора (вѣроятно, другой), былъ въ числѣ лицъ, подпиравшихъ на сочиненіе: «Историческое описание города Пскова, 1790 г.»; что И. Е. Семевскому, отцу автора, принадлежитъ село Федорцево; что 12 № «Москвитянина», за 1856 г. (одинъ, увы! изъ послѣднихъ нумеровъ издѣхавшаго «Москвитянина») украшенъ былъ статьею автора Великихъ Лукъ, «О фамиліи Грибоѣдовыхъ». Свѣдѣнія сіи будуть, конечно, драгоценны для великолуцкихъ гражданъ, сообщая имъ родословное древо ихъ историка и этнографа.

И, однако же, этотъ самый цаивный юноша, изъ «Исторіи Псковскаго Княжества» узнаяшій о возвращеніи въ Россія христіанства Владиміромъ, и полагающій, что свахи и дружки составляютъ исключительную принадлежность великолуцкой жизни, онъ же находить въ себѣ силы для того, чтобы пускать громовосные фразы противъ порока. И г. Семевскій даже не останавливается на фразахъ, какъ г. Бенедиктовъ: онъ приводитъ самые факты, хотя въ нихъ почти ничего неѣтъ такого, что бы неизвѣстно было людямъ, хоть сколько нибудь знакомымъ съ нашимъ бытомъ. По закону справедливости, г. Семевскому слѣдовало бы пріобрѣсти такую же громкую славу, какую пріобрѣлъ г. Бенедиктовъ; заслуги ихъ предъ обществомъ одинаковы, но, къ своему несчастію, г. Семевскій сказалъ своимъ прекраснымъ фразамъ двумя годами позже г. Бенедиктова, и не него теперь уже не хотятъ обращать вниманія, такъ какъ еще черезъ два года не будутъ обращать вниманія и на г. Бенедиктова.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

I.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО.

Святочный рассказъ новаго поэта.

Вечеръ ваканунѣ Рождества я провелъ дома съ однимъ изъ товарищъ моего дѣтства и молодости. Мы сидѣли у ярко пылавшаго камина въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и толковали о разныхъ предметахъ.

— Да, любезный другъ, — сказалъ мнѣ товарищъ мой въ заключеніе нашего разговора:— мы счастливы, что дожили до настоящаго времени. Наши лучшія належды и стремленія вачинаютъ мало по малу входить въ жизнь. Теперь мы уже не стоимъ на одномъ мѣстѣ, въ анатическомъ и боязливомъ раздумы, а благодаря Бога, двинулись впередъ по пути улучшенній и совершенствованій и отъ насъ зависитъ идти неуклонно и твердо по этому пути, который указанъ намъ свыше. Пусть загрубѣлое и тупое невѣжество, приходящее въ ужасъ отъ всякой смѣлой мысли, и отъ всякаго благороднаго порыва поднимаетъ крикъ... эти голоса трусливаго эгоизма немогутъ имѣть вліянія на просвѣщенныя убѣжденія, не могутъ остановить непреклонной и твердой воли и повредить великому дѣлу. Теперь ясно обозначатся тѣ, которые истинно любятъ свое отчество, нелицемѣрно жалуютъ ему блага, лорожатъ его славой и свои личные интересы приносатъ въ жертву общему дѣлу,— и тѣ, которые только упорно держатся за свои устарѣлые, отжившія понятія, за свои мелкие, эгоистические интересы и выше всего на свѣтѣ ставятъ свою выгоды, свою неприкословимость и свое личное спокойствіе;

которые при малѣйшемъ изобличеніи какихъ бы то ни было злоупотребленій, поднимаютъ вопли: и называютъ опасными мечтателями людей, осмѣливающихся говорить противъ неправды, распространяющія нравовъ, застоя, коснѣвія и рутину.

Я прибавилъ къ этому:

— А что достается отъ этихъ господъ бѣдной русской литературѣ и бѣднымъ современнымъ писателямъ русскимъ!... Ихъ обвиняютъ даже въ отсутствіи самого святаго и человѣческаго чувства—чувства любви и привязанности къ отечеству, чутъ не считаютъ врагами его потому только, что литература рѣшилась едва приподнять занавѣсь, за которымъ нѣсколько десятковъ лѣтъ скрывались безнаказанно ложь, воровство и всяка города безчинства; потому только, что литература рѣшилась вывести на всеобщій позоръ нѣсколькихъ мелкихъ воришекъ, случайно попавшихся ей подъ руку.... Какой страшный либерализмъ!... Какое ужасное преступление!... По мнѣнію этихъ господъ, истинный патріотизмъ заключается во лжи, въ молчаніи и въ прикрываніи разныхъ гаїстей живописной декорацией... «Литература вмѣшивается не въ свое лѣло, кричать они, судить и рѣдить обо всемъ, неимѣеть никакого уваженія къ нашимъ званіямъ, и проч. и проч...» Имъ и въ голову не приходитъ—да и не можетъ прійти, потому что эти патріоты не имѣютъ никакого понятія о своей отечественной литературѣ,—что нападки на казнокрадство, на различные служебныя злоупотребленія и общественные предразсудки и дикости, вовсе не новость,—что еще Сумароковъ, Капнистъ и Княжинъ нападали на взяточниковъ съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ нападаютъ на нихъ теперь; что Фонъ-Визинъ казнилъ въ своихъ комедіяхъ всякую отсталость, невѣжество и нещадилъ дикость современныхъ ему отечественныхъ нравовъ; что просвѣщенная Императрица Екатерина считала литературную сатиру полезной для отечества и удостоивала мѣткаго сатирика своимъ высокимъ покровительствомъ. Неужели же Сумароковъ, Княжинъ, Фонъ-Визинъ не любили своего отечества, были его врагами? Неужели же мудрая Императрица покровительствовала одному изъ такихъ враговъ отечества?.. Литература хотѣла постоянно, также какъ и правительство, — правды и свѣта, и не мудрено, что противъ нее возставали и возстаютъ любители лжи и мрака, или тупоумные, хотя можетъ быть честные рутинеры, болѣція выйти изъ избитой колеи....

Мы протолковали такимъ образомъ далеко за полночь. Товарищъ мой приводилъ по поводу нашего разговора примѣры, до чего иногда доводитъ людей трусливое невѣжество и пошлое рутинерство и сообщилъ мнѣ объ нихъ нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ и

нѣсколько отрывковъ изъ ихъ патріархальныхъ возвращеній и понятій....

Когда товарищъ мой ушелъ — мнѣ лѣни было подняться съ дивана. У камина было хорошо и тепло. Каменныи уголь вспыхивалъ изрѣдка слабымъ синимъ пламенемъ, наконецъ пламя совсѣмъ перестало показываться, раскаленные комки угля потухали на поверхности и на этихъ потухающихъ комкахъ только зажигались искры на мгновеніе.... Настроенный разговоромъ съ моимъ товарищемъ, я продолжалъ думать о бессильной борьбѣ стараго съ новымъ и о тщетныхъ, смѣшныхъ усилияхъ старовѣровъ и рутинеровъ остановить всякое движение, безъ котораго нѣть жизни.

«Нѣть» думалъ я, «борьба съ духомъ времени неизѣпа и безумна. Увы! возвратиться къ прошедшему нельзя, только можно воскрешать въ воспоминаніяхъ — и мнѣ начинало мерещиться это прошедшее со всѣми его мелкими и почти невѣроятными въ наше время подробностями... Передо мною оживлялся и воскресало мое дѣтство...

Я видѣлъ стариный барскій домъ, набитый биткомъ многочисленною дворнею: буфетчиками, дворецкими, єздовыми исполнителями роста, проживалками съ льстивыми ужимками и гримасами, ключницами, ницами, дѣвчонками, казачками.... Я видѣлъ большую залу съ хорами, съ нѣсколько разщелившимся паркетнымъ поломъ; съ арапри на окнахъ, обшитыми шелковой хитросплетенной баҳрамой, повѣшанными на вызолоченныхъ палкахъ въ видѣ стрѣль; съ большими пыльными зеркалами въ простѣнкахъ, съ подстольями, изукрашенными бронзой и съ мраморными досками; гостиную съ симетрически расположенною мебелью; диванную съ альковомъ, съ круглымъ зеркальцомъ на верху, съ пышными подушками на диванахъ, обтянутыми блѣдо-зеленымъ штофомъ, съ бѣлыми узорами; столовую съ люстрой,увѣшанной стеклышиками разныхъ формъ и величинъ, на которую я такъ любилъ смотрѣть бывало, когда она зажигалась и стеклышики начинали переливаться радужными отливами; дѣвичью, изъ которой всегда бывало раздавалось хихиканье и шушуканье; спальню, подходя къ которой всѣ поднимались на цыпочки и сдерживали дыханіе и ломашніе и гости и господа и прислуга. Когда крѣпостные дѣвочки, по очереди дежурившія въ этой комнатѣ у двери, отворяли завѣтную дверь и изъ нее выходила женщина высокаго роста и на высокихъ каблукахъ, въ небольшомъ круженномъ чепцѣ, съ строгими и повелительными чертами лица, одѣтая почти такъ, какъ на извѣстной гравюрѣ Императрица Екатерина, гуляющая въ Царскосельскомъ саду: въ длинномъ атласномъ брусничного цвѣта кафтанѣ съ высокой таліей и съ пуговками отъ груди до пятъ; когда

раздавался какъ-то особенно торжественно стукъ ея каблучковъ по паркету,—казалось всѣ и одушевленные и неодушевленные предметы на пути ея приходили въ движение и тотчасъ же замирали. Стеклянныя балаболки на жирандолахъ и листрахъ, пробужденныя этими шагами, закачавшись и ударяясь другъ о друга, какъ бы привлекали ее своимъ звономъ; проживалки растягивали рты, улыбались и глядѣли прямо въ глаза своей благодѣтельницѣ съ полюбострастнымъ благоговѣніемъ, ибо она любила, чтобы ей смотрѣли прямо въ глаза. «Кто смотритъ мнѣ прямо въ глаза, у того совсѣмъ чиста», говоривала обыкновенно величественная барыня въ брускиномъ капотѣ, питающая между прочимъ непоколебимую, безграничную довѣренность къ своему дворецкому, нагло обкрадывавшему ее, но всегда смыло и прямо смотрѣвшему ей въ глаза. При видѣ ея, исполнены (для барской прислуги, какъ въ гвардію, выбирались обыкновенно самые красивые и рослые люди изъ ея деревни) вздрагивали и вытягивали руки по швамъ; девки,—когда барыня удостоивала входить въ дѣвичью, вскачивали съ мѣстъ своихъ, оставляли свою работу и кланялись ей въ поясъ; старый пошугай—ея фаворитъ, когда она входила въ залу, начинавъ метаться въ своей мѣдной кѣткѣ и отглашалъ коинату четкимъ и пронзительнымъ крикомъ: «барыня идетъ!.. барыня идетъ!».

— Здравствуй, попка! говорила барыня, обращаясь къ кѣткѣ съ благословленно улыбкою:—здоровъ ли ты, попочка?...

— Барыня... барыня! повторялъ попугай.

Слово: «барыня», отъ попугая до послѣдней супомойки боязливо пробѣгало по всѣмъ губамъ, когда барыня поднималась съ своей кушетки, выходила изъ спальни и появлялась въ другихъ комнатахъ. У всѣхъ замирало сердце и всѣ шептали: «барыня идетъ!»

Только одинъ мой маленький братъ Петя пользовался въ домѣ неограниченной свободой и безнаказанно кричалъ, шумѣлъ и вѣгалъ во всякое время въ бабушкину спальню. Бабушка приводившая все въ трепетъ и безусловно подчинявшая всѣхъ своему беспощадному despoticismu, сама подчинила себя воли восъмилѣтняго ребенка, на которого она не могла налюбоваться и которого называла обыкновенно полушути и полусерьёзно «княземъ Петромъ», незная ужъ какъ и чѣмъ возвысить его передъ другими.

Комната Пети была возлѣ спальни бабушки; до пяти лѣтъ Петю водили напомочахъ изъ болезни, чтобы ребенокъ не упалъ; до 9-ти лѣтъ онъ спалъ съ нянѣйкой въ постель, обложенный со всѣхъ сторонъ подушками, чтобы какъ нибудь вѣтеръ не пахнулъ на барченка или чтобы онъ незашибъ головку; кроме нянѣи, при Пети приставлены были двѣ проживалки, нѣсколько горничныхъ и дѣвчонокъ для

что развлечения и забавы... — У бабушки ви́дѣтъ съ попугаемъ быть еще и другой фаворитъ, старый и толстый котъ Ванька, имѣвший лестную привилегію, подобно Пети, забираться когда ему вздумается въ спальню бабушки и располагаться на какой угодно мебели. Какъ бы догадываясь, чѣмъ особенно заслужить благоволеніе своей госпожи, Ванька съ исключительной нѣжностію ласкался къ барченку, терся около него и мурлыкалъ глядя ему подобострастно въ глаза, не смотря на то, что отъ Пети иногда ему порядочно доставалось... Когда толстый Ванька окользъ отъ старости, отъ Пети это долго скрывали, потомъ объявили, но не вдругъ, а съ различными предосторожностями. Не смотря однако на всѣ мѣры, барченокъ поднялъ страшный вопль по всему дому, — всю почти дворню нагнали для развлеченія неутѣшного барченка: проживалки вырѣзывали ему офицеровъ, дрожки и лошадей изъ картъ; — девки пѣли плясовыя пѣсни; дворецкій вергѣль шарманку; девочонки прыгали передъ Цетей — и сама бабушка, хлопая въ ладоши, новодила плечами и подпрыгивала, постукивая своими каблучками и съ умиленiemъ поглядывая на ненагляднаго внучка... Матушка послана была бабушкою для покупки новыхъ игрушекъ, хотя вся комната Пети и безъ того завалена была всяими игрушками. Бабушка держала своего любимица въ отдаленіи отъ матери; бабушка какъ будто ревновала ее къ нему. Ей не позволялось ви́дѣваться ни въ какія распоряженія касательно сына — и если бабушкѣ иногда казалось, что матушка строго взглянула на Петю, въ такомъ случаѣ бубушка дни два, три и даже болѣе отворачивалась отъ матушки, неговорила съ ней ни слова и когда матушка подходила къ ея рукѣ, съ гневомъ отрывала отъ нее свою руку. Если кто изъ прислуги хотѣлъ заслужить милостивое слово, или быть осчастливленнымъ одобрительной улыбкою, тогдѣ долженъ былъ какъ можно болѣе обнаруживать угодливости и подобострастія передъ внучкомъ-барченкомъ, и фаворить внучка дѣжался фаворитомъ бабушки. Вся дворня чуть не ползала передъ нимъ... Гости и родственники, заискивавшіе въ бабушкѣ, старались угощать ей и не осмѣливались пріѣзжать, особенно въ праздники, безъ конфектъ и игрушекъ.

Однажды, въ честь именинъ бабушки, богатая иблизкая родственница ея прислала къ ней съ поздравленіемъ свою бѣдную родственницу, исправлявшую въ ея домѣ обязанности высшей ключницы и надзирательницы. Бѣдная родственница должна была представить отъ имени своей благодѣтельницы подарокъ бабушкѣ — очень богатый по тогдашнему времени диванъ на пружинахъ, работы Гамбса-отца. Бабушка приняла поздравленія и диванъ благосклонно и указала мѣсто, куда поставить его. Только что диванъ быть поставленъ,

Петя вскочилъ на него, началъ бѣгать по немъ взадъ и впередъ и качаться на пружинахъ. Бѣдная родственница, дама суроваго нрава и строгихъ правилъ, обыкновенно саморучно расправлявшаяся съ подчиненными ей душами мужескаго и женскаго пола, съ крѣпостными дѣвками и съ родными племянницами и не терпѣвшая никакихъ безпорядковъ,—схватила Петю за ухо и стащила его съ дивана. Ничего пособнаго никогда не случалось съ Петей, никто ни изъ близкихъ, ни изъ постороннихъ не осмѣшивался дотрогиваться до него, иначе какъ съласкою; барченокъ такъ звиззгнулъ, что весь домъ вздрогнулъ въ испугъ, а бабушка, поблѣднѣвъ, вскочила съ своихъ волтеровскихъ креселъ и ринулась на этотъ визгъ....

— Что съ тобой, мой голубчикъ? Что такое случилось? раздавался голосъ бабушки.... Вѣрно ребенокъ ушибся!... Гдѣ же эти мамки, начинки, вся эта сволочь, все эти дармоѣды?.. Чего они смотрятъ?...

Все замерло при этихъ звукахъ. Бабушка остановилась и грозно, беспокойно оглянула комнату, изъ которой раздался визгъ; схватила внучка на руки и начала обнимать и целовать его.

— Что съ тобою, мое сокровище? повторяла она нѣжнымъ шепотомъ:—не испугался ли ты чегонибудь, ангелъ мой? И въ то время, какъ губы ея шептали эти нѣжныя, ласковыя рѣчи, бровь ея хмурилась и глаза бѣгали изъ угла въ уголъ комнаты, какъ бы доискивались причины, кто осмѣлился или что осмѣлилось обезопечить ея любимица.

— Это вотъ она, бабушка, забормоталъ внучекъ, снова начиная всхлипывать и указывая пальцемъ на ламу, прѣѣхавшую съ диваномъ и съ поздравленіемъ: — она выѣзала меня за уши и стащила съ дивана.

Бабушка отдала внучка на руки няни. Съ минуту смотрѣла она на свою бѣдную родственницу, измѣряя ее презрительно съ ногъ до головы; губы и руки бабушки дрожали; казалось, неудержимый потокъ гнѣвныхъ словъ готовъ былъ разразиться надъ головою совершившей преступленіе; люди, присутствовавшіе при этой сценѣ, мысленно творили крестное знаменіе и думали, чтѣ-то будетъ?.. Въ этой минутѣ тишины действительно было что-то страшное.

Но бабушка только подняла повелительно руку, указала пальцемъ на дверь, и съ усиліемъ могла только сказать:

— Вонъ, сейчасъ вонъ изъ моего дома, чтобы и духу твоего здѣсь никогда не было... Слышишь-ли?

Гнѣвъ задушалъ ее. Она не могла высказать всего того, что находилось въ ней въ эту минуту.

И когда бѣлая родственница разинула ротъ, вѣроятно для оира, вдавій,—бабушка затопала только каблуками и повторила гаухо:

«Вонъ, вонъ!»

За тѣмъ она отдала приказаніе дворецкому, чтобы ливанъ тотъ-чарь-же былъ вынесенъ и отправленъ назадъ съ тою которая привезла его.

— И его чтобы духу не было,—произнесла она въ заключеніе.

Всѣдѣствіе этого происшествія, бабушка поссорилась съ своей богатой родственницей и болѣе года не допускала къ себѣ ея посланницу.

Утромъ, просыпаясь въ одно время съ своимъ внучикомъ, бабушка употребляла обыкновенно болѣе часа на туалетъ, потому что она умывалась и одѣвалась, или лучше сказать се умывали и одѣвали съ большими церемоніями. И когда раздавался утренній звонокъ, такъ знакомый всему дому, весь домъ приходилъ въ волненіе. Камерь-юнгфера бабушки, Анна Михайловна, первая входила въ спальню въ сопровожденіи двухъ дѣвокъ и двухъ дѣвченокъ. Анна Михайловна подходила почтительно къ высокой постели, на который еще лежала бабушка, произнося щопотомъ молитвы и освѣняя себя мелкими крестами. Аннушка молча и недвижно останавливалась, покуда оканчивалась барская молитва и потомъ уже кланялась барынѣ низко, когда барыня, зѣнувшись громогласно, оборачивала къ пей голову.

— Ну что, Аннушка,—спрашивала обыкновенно бабушка, продолжая кряхтѣть, тянутся и слегка, но также вслухъ, позѣывать:— что на дворѣ?

Послѣ отвѣта на этотъ вопросъ, бабушка приподнималась съ постели съ помощью Липушки.

Въ это время двѣ другія горничныя: самая младшая, занимавшаяся глаженемъ бѣлья, съ накрахмальной юпкой въ рукѣ, и другая постарше, состоявшая уже въ званіи швеи, съ бабушкинымъ утреннимъ балохономъ—стояли поодаль у двери, вмѣстѣ съ двумя дѣвченками.

Когда бабушка съ высокой скамейки, стоявшей у постели, ступала ногою на полъ,—швася, кланяясь бабушкѣ, передавала балохонъ ея камерь юнгферѣ, а камерь-юнгфера надѣвала его на бабушку. Всѣ пять присутствовали во все время ея туалета, но кромѣ камерь-юнгферы никто изъ нихъ не прикасался къ бабушкѣ, остальные только помогали Аннушкѣ передавая ей юбки, шемизетки, чепчики, поднося булавки и прочее....

Бабушка только иногда строго и изкоса посматривала на нихъ

своимъ проницательнымъ взглядомъ и потомъ дѣлала замѣчанія Аннушкѣ:

— Что это Палашка—то какъ раздулась? а?... отчего это?... ты смотри за ней—ужь не пошаливаетъ ли она? чтобы у меня въ домѣ никакого срама не было—слышите? я нетерплю этого, —у меня, вы знаете, расправа коротка: велю высечь, выстричь косу и отправлю въ деревню на скотный дворъ.

Дѣвки и лакеи боялись Аннушки, какъ огня, листили ей, ухаживали за нею и дѣлали ей всевозможныя угощенія, потому что Аннушкѣ стоило сказать барынѣ одно слово на кого нибуль изъ нихъ, на лакея или на дѣвку—улакея тотчасъ же обривался лобъ, а у дѣвки обстригалась коса....

Когда бабушка оканчивала свой туалетъ, она отправлялась въ дѣтскую къ внучку обнять его, или внучекъ прибѣгалъ къ ней, целовалъ и поздравлялъ ее съ добрымъ утромъ... За тѣмъ она вмѣстѣ съ нимъ отправлялась въ комнату, которая называлась чайною, и сама разливала чай для себя и для внучка. За чаемъ бабушка обращала иногда такую рѣчь къ внучку:

— Красавецъ ты мой милый!... За этимъ восклицаніемъ съѣдавъ вздохъ и нѣжный взглядъ на внучка:—не приведетъ мнѣ Богъ увидѣть тебя, когда ты выростешь, будешь большой, въ блескѣ, въ почестяхъ....

Бабушка произносила это элегическимъ тономъ и кивала печально головою....

Когда воображеніе бабушки переносилось въ будущее, Петя представлялся ей не иначе, какъ сказочнымъ красавцемъ, который невольно заставляетъ страдать всѣхъ дѣвицъ и дамъ и первымъ умничкомъ въ государствѣ, на которого такъ и сыплится различныя награды и почести. И чѣмъ болѣе разгорячалась фантазія бабушки, тѣмъ великолѣпнѣе и блестящѣе являлся передъ нею Петя: онъ весь зашить въ золотѣ, весь завѣшанъ и ушиленъ звѣздами и орденами; у него красавица жена изъ самого знатнаго рода; нѣсколько тысячицъ душъ; до ста человѣкъ дворни; два гайдука на запяткахъ; арапъ, обернутый турецкою шалью....

И бабушка улыбалась этой блестящей картинѣ и шептала про себя: «каковъ мой князь Петръ!», какъ будто все это уже осуществилось.

— Ахъ-ахъ-ахъ! продолжала бабушка, обращаясь къ нянѣ, которая стояла за столомъ барченка: — намъ съ тобой няня не дождаться до этого счастія.

— Отчего же, матушка-сударыня, Господь Богъ милостивъ, можетъ быть вы и дождитесь до этого....

— Отчего же, сударыня? вторила Аннушка, стоявшая за кресломъ барини.

— Нѣтъ, люди не живутъ два вѣка, строго возражала бабушка: — во мвя утѣшаетъ по крайней мѣрѣ то, что ему будетъ чѣмъ вспоминать бабушку; что онъ будетъ имѣть средства беззаботно прожить весь вѣкъ бариномъ.... Бабушка все тебѣ приготовитъ, голубчикъ, и при этомъ бабушка гладила Петю по голевѣкѣ: — и о подаркахъ для невѣсты твоей тебѣ нечего будетъ думать — все готово.... Принеси ка, Аннушка, брильянты-то....

Брильянты являлись на столѣ, — бабушка вынимала изъ сафьяновыхъ коробокъ эсклопажи, фермуары, булавки, нити жемчуга.... опалы, изумруды, яхонты, и все это загоралось при солнечныхъ лучахъ, брызгавшихся въ комнату, разноцвѣтными, чудными огнями, и Петя, ослѣпленный фантастическимъ переливомъ этихъ радужныхъ огней, прыгалъ отъ восторга.

— И это все твое! произносила въ заключеніе бабушка.

— И мы всѣ твои, голубчикъ! вторили няня и Аннушка, кланяясь барченку....

Послѣ чая бабушка отправлялась прогуливаться со внучкомъ. На внучка надѣвали шубу, въ уши его втыкали паклю или вату, мѣховую шапку надвигали на глаза, шею обвязывали теплымъ платкомъ, на ножки надѣвали теплые сапоги; бабушка блескалась въ теплый капотъ, отороченный мѣхомъ, брала въ руку большую камышевую палку съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ было вырезанъ ее гербъ, и отправлялась гулять съ внучкомъ. Сзади ихъ шли два лакея исполнинскаго роста, въ травяниаго цвѣта ливреяхъ съ нѣсколькими воротниками, обшитыми гербовымъ басономъ, въ высокихъ трехъ-угольныхъ шляпахъ и щека высокая четырехмѣстная карета золотаго цвѣта, запряженная четверней па выносы, съ высокимъ выбритымъ форейторомъ, у котораго въ волосахъ юбродѣ пробивалась уже сѣдина, покотораго бабушка называла еще все мальчишкомъ.... Шестое бабушки съ внучкомъ по высокимъ деревяннымъ мосткамъ (тогда еще не на всѣхъ улицахъ въ Петербургѣ были каменные тротуары) было торжественно и медленно. При каждомъ спускѣ съ мостковъ, у воротъ, одинъ изъ исполниновъ бралъ барченка за руки и переносилъ его на другую сторону мостковъ, потомъ возвращался къ барынѣ и тогда вмѣстѣ съ другимъ лакеемъ осторожно бралъ барыню подъ локти при каждомъ спускѣ и при каждомъ подъемѣ. Когда кто нибудь шолъ на встрѣчу бабушки, она обыкновенно нѣсколько хмурила брови и выставляла палку впередъ, указывая такимъ образомъ, чтобы шедшій не беспокоилъ ея и обошелъ бы ее, сойдя съ мостковъ. На возвратномъ пути бабуш-

ка съ внуchkомъ садилась къ карету и садясь въ карету бабушка ежедневно повторяла подсаживающимъ ее лакеямъ:

— Скажите, чтобы бѣхали тише, осторожнѣе; да чтобы мальчики смотрѣли чаше назадъ на кучера и вытягивали хорошенько постройки, а то онъ все путается....

Послѣ обѣда въ диванной зажигались четыре свѣчи подъ зонтикомъ; бабушка ложилась па диванъ въ альковъ, а одна изъ очередныхъ проживалокъ являлась съ газетой и начинала читать одновѣчнымъ голосомъ. Бабушка въ началѣ всегда нѣсколько разъ перебивала чтеніе:

— Громче! говорила она: — я не слышу.... да не торопись.... тебя никто не погоняетъ.... громче!...

И когда проживалка возвышала голосъ, бабушка нѣсколько уже ослабѣвающимъ голосомъ, потому что ее начинала долить дрема, произносила:

— Тише.... тише.... какъ разоралась!.. вѣдь я не глухая.

Вскрѣпъ послѣ этого раздавалось тонкое храпѣніе... проживалка смолкла, затаивала дыханіе и оставалась неподвижною съ газетою въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока бабушка просыпалась и восклицала:

— Ну что жъ ты остановилась? я слушаю.

Бабушка никакъ не хотѣла обнаружить, что она вздрогнула, и когда одна изъ неопытныхъ проживалокъ осторожно замѣтила ей: «вы изволили заснуть», бабушка очень изволила разсердиться и вскрикнула:

— Пошли вонъ, дурища!... пошли мнѣ кого нибудь поумнѣе себя....

Барченокъ всегда ложился въ 11 часовъ и бабушка постоянно присутствовала при его раздѣвачьи, сама укладывала его въ постель и крестила его. Послѣ этого за двѣ комнаты отъ дѣтской вся дворня ходила на ципочкахъ и не смѣла говорить даже шопотомъ, а объяснялась одними жестами.

Гости и родственники обоего пола, пріѣзжавшіе къ бабушкѣ съ визитами, зная ея причуды, капризы и вспыльчивый нравъ, вели себя съ крайнею осторожностью; не смотря на это неожиданныя и оскорбительныя выходки бабушки, какъ громъ, разражались надѣниими.

Бабушка выгнала изъ своей комнаты своего племянника генерала созвѣздами за то, что онъ въ разговорѣ съ нею осмѣлился прислониться къ спинкѣ кресель и положилъ ногу на ногу и три мѣсяца послѣ этого не допускала его къ себѣ.

Однажды долго и пристально смотря на пріѣзжавшую къ ней съ визитомъ барышню, безобразной наружности, кокетливую старуху,

одѣтую безъ вкуса и съ большими претензіями, бабушка закричала:

— Дѣвочка, принеси ко мнѣ изъ спальни мое маленькое зеркальцо.

Дѣвочка исполнила ея волю. Бабушка взяла зеркальцо, поднесла его къ прѣбывшей дамѣ и сказала улыбаясь:

— Посмотрись, матушка, въ это зеркало.... шу къ твоему ли лицу такие наряды, скажи по совѣсти?...

Но вотъ страшная сцена, которую я какъ будто теперь вижу....

По желанію бабушки устроился пикѣ-чикѣ на ея дачѣ... съѣхалось множество гостей. Бабушка во все время была въ особенно веселомъ и милостивомъ расположениіи духа. Танцевали до часу послѣ полуночи. Въ часъ бабушка приказала подавать экипажи. Въ ожиданіи отѣзда, всѣ гости столпились въ большой залѣ. Бабушка стояла на первомъ планѣ съ своею тростью въ рукѣ. Вдругъ является на сцену Аинушка, подходитъ къ бабушкѣ, почтительно наклоняется къ ея уху и что-то шепчетъ... Бабушка измѣняется въ лицѣ... Аинушка исчезаетъ.

— Александръ Иванычъ! Гдѣ вы? пожалуйте сюда — воскликнѣаетъ бабушка, принимая грозную и торжественную позу.

Всѣ стихаютъ при этомъ голосѣ, въ предчувствіи чего-то необыкновенного.

Александръ Ивановичъ, родной племянникъ бабушки, тридцатилѣтній господинъ, выступаетъ не безъ боязни впередъ.

— Я здѣсь, тетушка,—говоритъ онъ:—что изволите приказать?..

И подходитъ къ ней.

— Правда-ли, говорить она:—что вы изволите самовольно распоряжаться съ моими людьми?

Племянникъ разбѣгаєтъ отъ, чтобы отвѣтить, но бабушка прерываетъ его, громко ударяя своей палкой объ полъ.

— Молчать!.. Правда-ли, что вы осмѣлились ударить моего кучера?... отвѣтайте теперь.

— Онъ шагрубилъ мнѣ, тетушка, онъ...

— Огвѣчайте, правдали, что вы узарили его? перебиваетъ бабушка, возвышая головъ,

— Да, я ударилъ его, потому что...

Нобабушка недослушиваетъ, палка выпадаетъ у нее изъ руки, рука ея замахивается и раздается оплеуха на всю залу. Всѣ гости вѣдрагиваются... Племянникъ скрываются въ толпѣ, а бабушка кричитъ вслѣдъ ему:

— Помните-же, что моихъ людей никто не осмѣливается бить, кроме меня самой...

Всѣ гости разъѣзжаются въ ужасѣ, а бабушка, какъ ни въ чемъ не бывало, съ спокойнымъ достоинствомъ обращается къ Пети и начинаетъ его ласкать и закутывать...

И давно ли все это совершалось? Еще сорока лѣтъ непрошlo отъ этой оплеухи, но все это кажется въ сію минуту уже чѣмъ-то невѣроятнымъ, преувеличеннymъ, чуть не баснословнымъ... Можетъ быть и многое изъ того, что совершается теперь, покажется также透过 сорокъ лѣтъ баснословнымъ... кто знаетъ?

Въ такихъ размышеніяхъ, потягиваясь, я поднялся съ дивана и подошелъ къ окну. На улицѣ ни спѣжики, на небѣ ни облачка, заря охватываетъ багровымъ свѣтомъ весь закатъ и изътысячи печныхъ трубъ завитыми столбами поднимается надъ городомъ дымъ въ багровыхъ сумеркахъ. Отчего же не скрипятъ половья по замершему, блестящему искрами снѣгу... Отчего на оконныхъ стеклахъ рождественскій морозъ не расписалъ своихъ фантастическихъ узоровъ?.. Неужели это Рождественскій сочельникъ? Да и какимъ образомъ теперь можетъ быть вечерняя заря, когда я въ сочельникъ за полночь просидѣлъ съ моимъ товарищемъ у камина?.. Развѣ время имеетъ раковыи шагомъ?... Старокѣры, рутинеры и эгоисты побѣдили духъ времени и заставили его идти назадъ?.. Какъ это неказалось нелѣпо, однако отъ этой мысли мнѣ сдѣлалось душно и страшно... Неужели я почувствовалъ невыносимую тяжесть на сердцѣ, а между тѣмъ все становилось темнѣй и темнѣй. Багровый закатъ потухъ, непроницаемый туманъ застилалъ улицы, въ окнѣ не видно было ни зги... я хотѣлъ встать, но ноги мои елва передвигались, какъ будто къ нимъ были привязаны гори.... Отъ этого мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе.... Что все это значитъ? подумалъ я, пройдя пѣсколько шаговъ во тмѣ, повалился ва что-то какъ снонъ и заснула... Долго-ли я такъ спалъ, не знаю, но это былъ свиацовый сонъ... Вдругъ я почувствовалъ на груди моей холодную и тяжелую руку... я усиливался поднять отяженѣвшія вѣки, но не могъ; мучительная тоска вмѣстѣ со страхомъ томила меня... наконецъ я приподнялъ вѣки... дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу... Передо мною стояла бабушка въ своемъ кружевномъ чепцѣ и брусиличномъ капотѣ съ высокой таліей... я хотѣлъ вскрикнуть, но не могъ...

— Гдѣ мой Петя? что вы съ нимъ сдѣлали? произнесла она тѣмъ гнѣвнымъ голосомъ, отъ которого я ребенкомъ прятался въ подушкѣ и который я тотчасъ узналъ, несмотря на то, что сорокъ лѣтъ не слыхалъ его:— отвѣчай, гдѣ мой Петя?

Сердце мое сильно билось... я смотрѣлъ на бабушку ни чего не понимая. Это точно она, но она давно уже умерла, какимъ же образомъ она теперь передо мною?

— Петя?.. сказалъ я съ удивлениемъ... Но онъ давно лежитъ рядомъ съ вами, бабушка!...

— Это вы его погубили изъ зависти къ его уму, красотѣ и богатству... вы свели его въ могилу преждевременно. Вы его убідѣли.... Вы отдаите за него отчетъ Богу! произнесла она, поднявъ руку и грозя мнѣ.

Жизнь моего брата, со всѣми ея мучительными подробностями, воскресла въ моей памяти. Въ эту минуту я смотрѣлъ на бабушку уже безъ страха; я даже радъ былъ, что она встала изъ своей мотылы, вышла изъ своего мраморного саркофага, съ бронзовыми гербами и явилась передо мною, — мнѣ хотѣлось ей многое выскакать, по поводу брата.

— Не мы погубили его, началь я смыло: — его погубила жизнь, къ которой онъ не былъ приготовленъ; его погубили вы, бабушка, своею горячою, искреннею, но не разумною любовью. Вы, конечно, не виноваты въ этомъ: вы рассматривали жизнь, какъ наслажденіе, какъ вѣчный миръ для немногихъ избранныхъ; вы не подозревали, добрая бабушка, что жизнь есть движеніе, борьба, и что горе тому, кто не приготовленъ къ этой борьбѣ; вы добродушно вѣровали, что миръ окаменѣлъ въ вашихъ формахъ; что ваше величие неприкосновено, что ему не будетъ конца, и что все создано Богомъ только для удовлетворенія вашихъ прихотей.... Вы сдѣлали изъ вашего внучка, изъ вашего бадовна и любимца, не человѣка, а нарядную куклу, вы задушили въ немъ всякую энергию, всякую волю, всякое свободное проявленіе мысли, всякое самостоятельное движеніе, всякую самобытную разумную дѣятельность; вы съ той минуты, какъ его отдали отъ груди, толковали ему только о томъ, что ему не о чѣмъ заботиться, не о чѣмъ думать, потому что, за него заботятся и думаютъ другие; что онъ, какъ существо избранное, высшее, только долженъ сидѣть или лежать, сложа свои бѣлые барскія ручки, и не прикасаться ни къ какому труду, потому что трудъ — не барское дѣло; вы на всю жизнь спеленали ему руки и ноги, и вообразили, что его всю жизнь будутъ водить на шелковыхъ помохаѣ....

Бабушка смотрѣла на меня вопросительно и печально, какъ на безумного, не понимая ни слова изъ того, что я продолжалъ говорить, разгорячаюсь болѣе и болѣе:

— Вы развили въ немъ предразсудки своей касты, привычки и прихоти, вы сдѣлали его на човѣ способнымъ, слабымъ, боязливымъ, бессильнымъ, общественнымъ трутнемъ, жалкимъ эгоистомъ, занятymъ только собою и своими удовольствіями; вы полагали, что вы застраховали его отъ всѣхъ невзгодъ, вполнѣ обезпеч-

чили его существование своими деревнями, своими бриллиантами, серебромъ и ломбардными билетами, а когда эти деревни, бриллианты и серебро пошли съ молотка; когда эти билеты были размѣнены на различные наслажденія, удобства и прихоти, — вашъ внучекъ вдругъ очутился безсильный, безоружный, лицомъ къ лицу съ жизнью. Ему оставалось на выборъ — или смерть, или безчестное существование или честный трудъ... О, если бы вы видѣли, бѣдная бабушка, его внутреннія страданія, горькое сознаніе собственного безсилія и неспособности никъ чemu, его отчаяніе и слезы, если бы вы слышали его жалобы и упреки тѣмъ, которые довели его до этого нравственного растѣнія и разслабленія, вы содрогнулись бы въ вашемъ гробѣ, добрая бабушка!... Онъ не могъ вынести борьбы съ жизнью и сломился отъ первого ея прикосновенія... О, если бы вы знали, добрая бабушка, сколько переворотовъ совершилось безъ васъ въ теченіе этихъ сорока лѣтъ! Какъ страшно измѣнилась жизнь! Сколько новыхъ потребностей возникло!... Вашъ старый порядокъ драхмѣтъ съ каждой минутой.... Намъ нужно теперь людей, гражданъ, честныхъ и просвѣщенныхъ слугъ Царю и Отечеству, а не такихъ господъ, какими былъ вашъ внучекъ. Для нового порядка нужны новые люди, а вашъ внучекъ былъ однимъ изъ послѣднихъ барченковъ. Миръ его практу!

Когда я кончилъ, бабушка гордо и грозно выпрямилась во весь станъ и бросила на меня уничтожающій, презрительный взглядъ.

— Если таковы ваши новыя разсужденія и понятія, произнесла она: — то я благодарю Бога, что ни меня, ни его нѣтъ на свѣтѣ. Между нами и вами я вижу нѣтъ ничего общаго. Я родилась барыней и сошла въ могилу барыней. Онъ — дитя моего сердца, не могъ измѣнить своей породѣ и унизиться до вашихъ новыхъ понятій. Благодареніе Богу, соединившему меня съ нимъ!...

И инѣ показалось въ эту минуту, что я стою на богатомъ кладбищѣ, съ тщеславными монументами и надписями.

— Для чего же, сказалъ я, невольно, въ слухъ: — эти бронзы и мраморы, эти гербы и титла на нивѣ Господней?... Развѣ смерть не сглаживаетъ всѣ жизненные отличія и не равняетъ всѣхъ?...

— Безумецъ! произнесла бабушка съ ядовитою и холодною ironіею, отчего ея блѣдное, мертвое лицо приняло ужасающее выраженіе: — безумецъ! Ты не понимаешь, что чувство достоинства и гордость переживаются смертью.... Онъ переходитъ наслѣдственно изъ рода въ родъ. Со смертію моего Пети, нашъ родъ кончился, потому что ты не достоинъ носить своего имени!

И произнеся это, бабушка бросила на меня уничтожающій взглядъ, вошла гордо и торжественно подъ мраморные своды своего мавзолея.

лел, уврашеннаго гербами, и опустялся въ могилу, призывай имъ своего внучка, имя послѣднаго барченка....

Я сознавалъ, что это сонъ, хотѣлъ и никакъ не могъ проснуться.... Мои усиленія были мучительны.... сердце мое страшно было.... Наконецъ мнѣ показалось, что я открываю глаза....

Блескъ свѣтъ и лампъ поразилъ меня.... Что же все это значитъ? думалъ я.... Гдѣ я? Что это за комнаты, совершенно незнакомыя мнѣ? Кто эти лица?...

И, не смотря на бальныи блескъ, мнѣ еще все было страшно жалко, и сердце мое билось болѣзненно.

Я сѣлъ въ уголъ, боясь быть замѣченнымъ, и началъ съ волненіемъ наблюдать за лицами, сидѣвшими въ расхаживавшими по этими блестящими и роскошно разубранными комнатами.

Мнѣ слѣдалось еще страшнѣе, когда въ этихъ лицахъ я узнавалъ порожденія собственной фантазіи: различныхъ почетныхъ лицъ—маменьку, сбывающую съ рукъ лочекъ и наивающую своихъ зятей; довольно сильную и чиновную особу, выгнавшую изъ службы бѣднаго Кондратія Иваныча; пріятелей молодости его превосходительства, незабвенної памяти знаменитаго петербургскаго Монте-Кристо, наглаго Нѣмца-музыканта, Литературнаго Промышленника, Талантливую Натуру, оканчивающую свое поприще въ Мопухинкѣ, — очаровательныхъ Шарлоту Федоровну, Луизу, Армансы, Берту и прочихъ, — наконецъ даже моего лакея, служившаго въ хорошихъ домахъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ я выводилъ въ моихъ замѣткахъ передъ читателемъ, въ прошломъ году.

Почетные лица силѣли въ сторонѣ отъ другихъ на видныхъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ довольно сильной, чиновной особой знаменитымъ петербургскимъ Монте-Кристо.... и маменькой, надувающей своихъ зятей.... Нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи отъ сей сановной компаніи находились пріятели молодости довольно сильной особы—Иванъ Ильичъ Нефедьевъ со свистомъ во-рту и со Стапиславомъ на шеѣ и Василій Васильичъ Прокофьевъ съ увлекательнымъ даромъ краснорѣчія, съ танцмейстерскими манерами и съ Анной на шеѣ... Оба они внимали рѣчамъ ихъ превосходительствъ въ благоговѣйномъ экстазѣ, съ какимъ слушаютъ знатоки музыки Моцартовскаго Донъ-Жуана. Только Сергій Федоровичъ Брусковъ подходилъ къ всѣмъ группамъ, прислушивался и приглядывался къ всemu, покачивалъ значительно головою и иронически улыбался.... Въ другой комнатѣ, похожей на будуаръ, обтянутой свѣтло-голубой шелковой матеріей, съ креслами и диванами изъ розового дерева съ медальонами изъ севрскаго фарфора, въ живописныхъ позахъ и въ неизмѣримыхъ кринолинахъ, сидѣли и полулежали Шарлота Федор-

ровъ, Луиза, Арманъ и Берга, и прочія (за знакомство съ которыеми на меня очень сердятся некоторые дамы безукириментныхъ правовъ и высокой добродѣтели и ужо, увы! не читаютъ, говорятъ, болѣе моихъ замѣтокъ, отзывавшись объ нихъ даже съ преартильной грамматикой). Около этихъ дамъ (и высокой добродѣтели, а легкихъ нравовъ) вѣртѣлись наглый Нѣмецъ-музыканть и мопухинская Талантливая Натура. Литературный Промышленникъ, понавшій не въ свое общество, чувствовалъ себя какъ-то неловко, вѣртѣль шляпу и изъ-за вортьера пожиралъ своими многозначительными и вводящими въ обманъ глазами очаровательныхъ Шарлотъ, Луизъ и проч., и все думалъ, какъ бы заговорить съ которой имбуть изъ нихъ, но не рѣшился, чувствуя себя для этого недостаточно свѣтскимъ и утонченнымъ... Мой лакей, служившій въ хорошихъ домахъ, въ бѣломъ, отлично вооруженномъ галстукѣ, стоялъ при входѣ въ первую комнату съ чувствомъ своего лакеysкаго достоинства и, посматривая на нѣкоторыхъ лицъ съ подозрѣніемъ, шепталъ про себя: «Этихъ господъ я что-то не видалъ въ хорошихъ домахъ. Хорошихъ господъ я всѣхъ знаю, — это все что-то не то!»

— Я, ваше превосходительство, говорила довольно сильная особа, обращаясь особенно къ одному изъ почетныхъ лицъ, — (его превосходительство всѣмъ почетнымъ генераламъ всегда говорилъ ваше превосходительство, а тѣ въ свою очередь платили ему тѣмъ же). Я не понимаю нынѣшняго направления, и не знаю, куда мы идемъ. Возьмите напримѣръ хоть нынѣшнихъ молодыхъ людей — они грубы, заносчивы, не оказывають ни малѣйшей атенциі старшимъ; кричать при старшихъ, разваливаются; вкось и вкрай толкуютъ о разныхъ предметахъ, для обсужденія которыхъ нужна зрѣлая опытность.... На гуляньяхъ появляются открыто съ известными женщинами, и въ театрахъ безъ всякаго стыда подходить къ ихъ бенуарамъ, несмотря на то, что тутъ же въ театрахъ дамы высшаго общества, наконецъ, ихъ собственные сестры и матери.... Помилуйте, на что же это похоже? и мы были молоды — и мы позволяли себѣ шалости, но все это дѣжалось въ известныхъ предѣлахъ, украдкой, въ тихомолку....

— Такъ, такъ; именно; да, да.... хоромъ подтверждали ихъ превосходительства.

— Посмотрите, продолжалъ его превосходительство: — какъ обращаются нынче молодые люди съ дамами и, прибавлю къ этому, какъ нынѣшнія дамы ведутъ себя.... Гдѣже нравственность? Это ужасно!

— Ужасно! повторила на французскомъ языкѣ нравственная ма-

менька, выталкивающая дочерей изъ дома и надувающая затей. — Ужасно!

— Горько, очень горько!... Его превосходительство вздохнулъ, вынувъ изъ кармана золотую табакерку рококо и понюхалъ:— горько именно потому, что нравственность страдаетъ, наша молодость попираетъ преданіе, пренебрегаетъ обычаями отцовъ, — о настоящей гордости поэтии не имѣть: дѣти почтенныхъ отцовъ, столбовыхъ дворянъ заводятъ знакомства чортъ знаетъ съ какими злодьями: съ актерами, музыкантами, сочинителями, словомъ съ самыми развращеннымъ классомъ и въ этомъ постыдномъ обществѣ набираются безнравственныхъ правиль и самыхъ зловредныхъ мыслей... Можно ли же, спрашивается, отъ такого безнравственного поколѣнія ждать ироку?... Было ли чтонибудь подобное въ наше время?.. Безъ прочной нравственности, которая должна быть такъ сказать основою жизни, общество не можетъ держаться....

— Безъ всякаго сомнѣнія! воскликнули съ живостью мѣхъ превосходительства.

Василій Васильичъ Прокофьевъ съ ловкостію, сдѣлавшую бы честь любому танцмейстеру, сдѣлалъ *chassé en avant* и воскликнулъ нѣсколько на распѣвъ:

— Какія высокія мысли, ваше превосходительство! Все это на-добно бы напечатать золотыми буквами!

Нравственная маменька, надувающая своихъ затей, пожала руку краснорѣчивому генералу, и съ чувствомъ произнесла по французски:

— Благодарю васъ! Ахъ, какъ отрадно слушать что вы говорите! и при этомъ отъ себя привезла нѣсколько высокихъ нравственныхъ разсужденій.

Знаменитый петербургскій Монте-Кристо былъ также до-глубины тронутъ нравственностью рѣчью его превосходительства и пригласилъ его къ себѣ на другой день откушать. Его превосходительство съ чувствомъ принялъ это приглашеніе, пожалъ руку Монте-Кристо, и прекрасное лицо его приняло при этомъ сладкое выраженіе, какъ бы предъкушая заранѣе утонченный и роскошный обѣдъ. Его превосходительство при этомъ случаѣ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ распространился обѣ изящномъ виусѣ, обѣ умѣніи жить и тратить деньги *истинно по барскимъ*, и о воззыв-щенныхъ нравственныхъ качествахъ ума и сердца Монте-Кристо. Всѣ окружавшіе были тронуты этими рѣчами и почти сквозь слезы умиленія смотрѣли на Монте-Кристо, который самъ чуть не прослезился при такомъ высокомъ вниманіи къ нему значительныхъ и нравственныхъ особъ. Послѣ этого его превосходительство обратился къ дру-

тому его превосходительству, и сказалъ шепотомъ незамѣтно подъ глазомъ на Монте-Кристо:

— Какой прекрасный, истинно достойный и высокоравнественный человѣкъ!... Конечно онъ имѣетъ свои слабости, но кто же ихъ не имѣетъ?.. А эти слухи, которыхъ обѣ немъ ходятъ въ городъ—все это пустяки, сплетни, распространяемые злонамѣренными и безнравственными людьми....

— Это новѣйший чародѣй, — произнесъ съ улыбкой Брусковъ, подходя къ Монте-Кристо и опуская руку на его плечо:— современный Каглостро, великий магикъ, сотни и тысячи рублей превращающій въ миллионы. Да и Каглостро-то передъ нимъ дранъ, потому что и Каглостро не умѣлъ съ деньгами выдѣлывать такихъ фокусовъ, какіе выдѣлываетъ онъ!.. Нѣть ли у тебя, ваше превосходительство, какъ въ сказкѣ, курицы, которая несетъ золотыя яйца?

Монте-Кристо скрылъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на него этими двусмысленными рѣчами, подъ принужденной улыбкой и произнесъ сквозь зубы, кивнувъ головой на Брускова:

— Шутникъ!

— Непріятный человѣкъ, замѣтилъ про Брускова шепотомъ его превосходительство ихъ превосходительствамъ.

— Грубый и дерзкій! воскликнули въ одинъ голосъ ихъ превосходительства.

По въ эту минуту женскій веселый смѣхъ, восхищанія и крики удивленія раздались изъ другой комнаты, изъ той, въ которой сидѣли очаровательнѣйшія Шарлоты, Луизы и прочія. Я незамѣтно пробрался по стѣнкѣ и спрятался между дверями въ портьерахъ.

Восхитительнѣйшая картина поразила меня. Свѣтлого лубой будуаръ, гдѣ сидѣли эти дамы, оказался палаткю на колесахъ, поставленою въ огромной роскошной залѣ. Никто въ началѣ не подозревалъ этого. То былъ сюрпризъ, устроенный для этихъ дамъ ихъ обожателями: пламеннымъ откупщиками, молодыми дикими купчиками, проматывающими всѣльдія своихъ бородатыхъ родителей, и почетными, вѣчно юными старцами.

Въ условленную минуту шоковая стѣны будуара-палатки открылись со всѣхъ сторонъ и неизмѣримый залъ, освѣщенный миллионами огней, открылся передъ изумленными взорами присутствовавшихъ. По срединѣ залы стояла исполинская ёлка, каждая вѣтка которой могла равняться по толщинѣ пятидесяти лѣтнему дереву. Елка занимала собою почти всю неизмѣримую залу, и на ней были повѣшены—изящныя и легкія, какъ пухъ, вѣнсія коляски, парижскія и лондонскія кареты, роали и піанины палисандрового дерева, бронзы, старый саксонскій и китайскій фарфоры, драгоцен-

ных кружева, блонды и матеріи для платьевъ, мебели орѣхового дерева съ художественной рѣзьбой, дорогие ковры, шкуры медведей, барсовъ, тигровъ и пантеръ; картины Маду, Кукука, Калама, и другихъ знаменитостей въ золоченыхъ рамкахъ, рѣки бриліантовъ и иныхъ драгоценныхъ камней въ формѣ фермуаровъ, булавокъ, брошъ, браслетъ и прочее... Елка эта освѣщена была тысячами карельскихъ лампъ и, кромѣ того, разноцвѣтными стеклянными шарами въ формѣ различныхъ фруктовъ.

Восторгъ этихъ дамъ при видѣ такого необыкновенного дерева, которое было соблазнительнѣе самого древа познанія добра и зла,—быть неописанъ. Мысль этой ёлки и самое устройство ея принадлежало петербургскому Монте-Кристо—блестящая нравственная мысль, которая могла зародиться только въ его смѣлой головѣ, не знавшей препятствій и не останавливавшейся ни передъ чѣмъ; колоссальная фантазія, которая могла только осуществиться подъ его надзоромъ, ибо петербургскій Монте-Кристо извѣстенъ былъ всему Петербургу своимътонкимъ, изящнымъ вкусомъ.... Всѣ замѣчательные благотворительные выставки въ Петербургѣ, какъ извѣстно, не обходились безъ его участія. Подъ этимъ деревомъ стояли обожатели этихъ дамъ, пламенные откупщики, почетные и вѣчно юные старцы, и прочее, съ умиленіемъ на старческихъ лицахъ, не замѣчая, что изъ-за нихъ выглядывали цвѣтущи красотою, пустотою и молодостью Артуры съ усами и усиками, съ стеклышиками въ глазу, въ мундирахъ и во фракахъ.

Послѣвизгу, рукоплесканій, криковъ удивленія и восторженныхъ восклицаній, эти дамы подбѣжали къ своимъ обожателямъ—старцамъ, обнимали, целовали ихъ и называли самыми нѣжными имѣнами... Затѣмъ они съ неудержимымъ бѣшенствомъ, съ сверкающими и опьяняющими отъ восторга глазами кинулись на самые цѣнныя и блестящіе подарки. Послѣ первыхъ мгновеній восторга начались, споры, неудовольствія, жалобы, слезы. Жадность и зависть выступили на первый планъ. Луиза завидовала брильянтамъ Шарлоты Федоровны, Шарлота Федоровна завидовала вѣнской колисѣ Арманѣ, Арманѣ завидовала бронзамъ, саксонскому и китайскому фарфорамъ Берты, и такъ далѣе...

Всѣ эти очаровательные дамы завидовали другъ другу, скорились между собою, отпускали другъ другу колкости и дули на своихъ престарѣлыхъ обожателей.... Между тѣмъ свѣчи понемногу гасли въ залѣ и на сценѣ. Все смыкалось и путалось. Герой изъ Лопухинки, съ гитарой черезъ плечо, пѣлъ по цыгански, бряцая на гитарѣ, становился на колѣни передъ дамами, приставалько всѣмъ, и всѣхъ уверялъ, что онъ человѣкъ со вздохомъ.

— Ты, ну, что ты такое, душа моя? кричать онъ Литературному Промышленнику, схватывая его за руку и подводя къ Луизѣ: — что онъ такое, Луиза Федоровна, скажите?.. больше ничего, какъ учёный, алхимикъ, ирачная энциклопедія, а я... я изъ учёности не понимаю, за то я человѣкъ со вздохомъ, съ кипяткомъ въ груди, съ искрой.. Ты только, душенька, надъ книгой сидишь, и въ книгѣ листы перевортываешь, а моя книга — жизнь... Я, братецъ, широковожий, сотни тысячъ прожилъ, въ поэзіи купался и съ такими красавицами знакомился, что сердце захлебывается при одномъ воспоминаніи. Вотъ, посмотри, какъ я трахну старину.

Онъ преклонилъ колѣно передъ Луизой Федоровной, закатилъ глаза подъ лобъ и запѣлъ дребезжащимъ голосомъ:

«Полюби меня, лѣва милая,
Радость дней моихъ, пепатладиан!
Еслибъ знала ты весь огонь любви,
Всю тоску души...»

И вдругъ остановился...

— Луиза Федоровна, сказалъ онъ: — матушка, я хоть и перегорѣлъ въ страстиахъ, хоть сердце мое сплюю, а голова съдѣйной подернуты, а я еще никакому эдакому фиккѣ-флеру съ ушками неуступлю....

Луиза съ презрѣніемъ отвернулась отъ него и отошла.

Лопухинскій герой проводилъ ее глазами, покачалъ головою, — вздохнулъ, обернулся къ Литературному Промышленнику и сказалъ:

— Вѣль дрянь, а туда же носъ лереть! да я плевать на нее некошь, потому что меня, душа моя, любили таіи женщины, которымъ все эти въ судомойки негодятся. Вотъ что... Ну, пойдемъ, душенька, протанцуемъ шазурку. Не все же по учёности прохаживаться.

И онъ схватилъ за руку Литературного Промышленника и притопнулъ ногою.

— Полно! полно! оставь, съ ума сошелъ, братецъ! бормоталь Литературный Промышленникъ, сердито и глубокоисленно надвигнувъ бровь на свой много выразительные и обманчивые глаза... Оставь!... Оставь!... Убирайся....

Межу тѣмъ въ залѣ становилось все темнѣй и темнѣй... и все перепуталось, перемышдалось. Въ отномъ изъ смытыхъ темныхъ угловъ залы, на колѣнахъ передъ Луизой, стоялъ его превосходительство съ воззвишеніемъ челомъ и орлинымъ носомъ, такъ прекрасно за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разсуждавшій о нравственности. Его превосходительство дрожащей рукой схватывалъ руку Луизы, щсыпалъ ее поцелуями и нѣжно лепеталъ:

— Если бы вы знали, какъ я люблю васъ, прелестная Луиза, для васъ я готовъ...»

— Развестись съ женой? перебила его Луиза съ хохотомъ.

— Что мнѣ жена? говорилъ его превосходительство: — у ногъ вавшихъ я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ!..

И его превосходительство слабѣя и тая опустилъ свою лысую голову на колѣни Луизы, а Луиза со смѣхомъ дергала его за ухо и повторяла: — «Шалунъ!»

Литературный Промышленникъ, сидя передъ Шарлотой Федоровной, съ книгой въ рукѣ, очень серьезно декламировалъ ей Лермонтова «Демона», а Шарлота Федоровна, ничего не понимая, отъ времени до времени повторяла: «Ахъ, какъ хорошо!» тогда какъ-то Артуръ, сидѣвшій сзади ее, шепталъ ей: «какъ-то этотъ господинъ надоѣлъ съ своимъ чтенiemъ... Нельзя поскорѣй спровадить его!»

При видѣ Литературнаго Промышленника, знакомящаго Нѣмецкую Аспазію съ русской поэзіей, я не могъ удержаться и засмѣялся громко.

Литературный Промышленникъ вздрогнулъ, поднялъ голову и увидѣлъ меня... Забывъ всякое примиціе, онъ съ злобой бросился на меня и закричалъ на всю залу.

— Вотъ онъ.... Наконецъ мы его поймали!... Вотъ онъ!... Онъ всѣхъ настъ описать, выставить, овозорить.... Милостивые государи, не вѣрите ему, — я платилъ хорошее вознагражденіе моему сотруднику Въ, о чёмъ я даже уже имѣть честь напечатать въ одномъ изъ подвѣдоственныхъ мнѣ изданій.... Господа! сюда, сюда! держите его.... Нашъ врагъ въ рукахъ нашихъ!...

И послѣ этого всѣ съ криками бросились на меня....

— Какъ вы, сударь, осмѣялись, несмотря на мой чинъ и званіе, выставить меня въ вашихъ замѣткахъ? вскрикнуль его превосходительство съ орлинымъ носомъ и возвышеннымъ чоломъ.

— Съ чего вы взяли, что я выталиваю моихъ дочерей изъ дома и обманываю моихъ дѣтей? взвизгнула нравственная маменька, о которой я вскользь упомянула въ моихъ замѣткахъ.

— Вы также описали меня, горячась и размахивая рукой восхликая Нѣмецъ музыкантъ: — mais savez vous, Monsieur, que c'est une chose impardonnable.... mais....

— Ахъ, душа моя, говорилъ Допухинскій Герой: — ужъ если ты непремѣнно хотѣлъ зацѣпить меня, — такъ ужъ надобно было размахнуться хорошенько, нарисовать меня широкою, смѣлою кистью, потому что, братецъ ты мой, у меня широкая и размашистая русская душа. Я человѣкъ со вздохомъ, съ искрой....

Шарлоты Федоровны, Армансы, Луизы, ихъ содржатели и Артурьи также напали на меня съ ожесточенiemъ. Даже и лакей, служившій въ хорошихъ домахъ, негодовалъ на меня....

— Милостивые государи и милостивыя государыни! отвѣчалъ я: — что съ вами? за что вы сердитесь, о чёмъ вы кричите? Я ничего непонимаю.... Вы дѣти моей фантазіи, вы порожденіе моего воображенія. Вы не существуете въ дѣйствительности. Я могу увѣрить васъ.... Для изображенія васъ, я только бралъ общія черты изъ петербургской жизни и изъ этихъ общихъ чертъ составилъ ваши лица.... Въ дѣйствительности есть можетъ быть люди на васъ болѣе или менѣе похожіе, дѣлающіе то, что я заставлялъ васъ дѣлать, — но вы — ваше превосходительство, вы — Шарлота Федоровна, вы — г. Шульцъ, вы — г. Литературный Промышленникъ, всѣ вы, милостивые государи и милостивыя государыни, не болѣе, какъ моя фантазія, я повторяю вамъ.... Какое же вы имѣете право нападать на меня? Слыканоѣ ли дѣло, чтобы дѣти возставали противъ своего отца?... Это безчеловѣчно, неблагодарно, безнравственно.

Но краснорѣчивое слово мое не произвело никакого дѣйствія, крики негодованія противъ меня дѣлались все громче и пронзительнѣе и среди этихъ неясныхъ и глухихъ криковъ раздавались восклицанія: «Все это обыкновенная, сочинительская уловка, — пустое оправданіе, ложь; вы неувѣрите насъ, что мы не существуемъ въ дѣйствительности... Мы будемъ на васъ жаловаться, — мы запретимъ вамъ писать, мы задушимъ всякую гласность, намъ не нужно гласности, мы не хотимъ знать ни о какихъ нашихъ злоупотребленіяхъ, предразсудкахъ, глупостяхъ, притѣсненіяхъ, — все это ваши выдумки... ваши сатиры никого не исправляютъ. Мы не хотимъ никакихъ перемѣнъ, никакихъ исправленій, никакого движенія.... оставьте насъ въ покой жить такъ, какъ жили наши отцы и дѣды.... и прочее.

Всѣ эти господа и госпожи такъ стѣснили меня со всѣхъ сторонъ, что я совсѣмъ задыхался. Они уже подняли на меня руки и хотѣли растерзать меня, но въ эту минуту я такъ вскрикинулъ, что испугался собственного крика... и наконецъ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ проснулся....

Я едва могъ прйті въ себя и протирая глаза смотрѣлъ кругомъ: я лежалъ на диванѣ передъ потушишемъ каминомъ. Съ боку на столикѣ стояли почти совсѣмъ догорѣвшія свѣчи.... Часы на каминѣ показывали половину четвертаго....

II.

Весельчакъ, располагающій къ разнымъ грустнымъ размышленіямъ и между прочимъ о томъ, что простое кривлянье и гримасы — очень далеки отъ остроумія и что онѣ не смѣшать, а оскорбляютъ, и прочее. — Балль въ Дворянскомъ Собраниі, удостоеный Высочайшаго посѣщенія. — Театры — Русскій: Князья Курбскіе, барона Розена. — Дебютантка Надеждина. — Французскій: Генрихъ III и его Дворъ и г-жа Напталь-Арну въ роли герцогини Гизы. — Балетъ. — Водопроводное общество въ Петербургѣ. — Засѣданіе Академіи Наукъ 29 декабря. — Новый годъ.

Кошемаръ этотъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что даже надругой день утромъ, прочитавъ принесенное ко мнѣ при афишахъ частное письмо къ почтенѣйшей публике о секретномъ журналь, которому название *Весельчакъ*, я думалъ, что это письмо продолженіе моихъ безобразныхъ и совершенно невѣроятныхъ грезъ.... Это объявленіе о новомъ веселомъ листкѣ въ формѣ частнаго письма, явленіе небывалое въ русской литературѣ, грустное явленіе, не смотря на усилия неизвѣстныхъ издателей разсмѣшить и развеселить почтенѣйшую публику, которой они безъ церемоніи, по ихъ словамъ, суютъ руку прямо въ карманъ. Вотъ избранный мѣста изъ этого объявленія:

Иванъ Ивановъ сынъ Хохоленко-Хлопотуновъ-Пустяковскій, отставной подпоручикъ, помѣщикъ разныхъ губерній и кавалеръ безпорочнай службы, женатъ на Василисѣ Васильевнѣ и имѣть отъ нее девять большущихъ дочерей, которыхъ есть дѣвки статныя, толстыя, дебелыя, надежныя; на счетъ здоровья — крося съ молодкомъ. Все это остроумное семейство хочетъ махнуть въ Петербургъ по Электрическому телеграфу, во пріѣзжаетъ съ товарыши поѣздомъ. Василиса Васильевна (которая когда начнетъ браниться, Цицерона за поясъ заткнетъ, передъ которой Пальмерстонъ баба и Решидъ паша дрянь) приказываетъ мужу рыскать по Петербургу и отыскивать жениховъ для дебелыхъ и надежныхъ дочерей своихъ.— Мужъ попадаетъ въ общество сочинителей и художниковъ, передъ которыми, за дружескимъ ужиномъ, выкладывается изъ глубины души на столъ есть отличнѣйшія, салныя вкусныя, соль-оксипросольныя глупости, — а они смыкаются и острятся (?) и никакъ не смѣшныя, тупыя и плохадныя глупости, которыхъ могутъ только смѣшить въ переднихъ, — называютъ кладомъ, золотомъ, бурлитскимъ жемчугомъ и совѣтуютъ г. Хохоленко-Пустяковскому напечатать эти глупости.

Ясно, что г. Хохотенко-Пустяковскій съ своими сельжепросолльными глупостями попалъ къ какимъ нибудь хвастунамъ дурнаго тона, которые выдали ему себя за сочинителей. Мало того, что эти хвастуны, выдающіе себя за сочинителей, присовѣтовали ему печатать его сельжепросольные глупости, они уговорили еще простодушнаго помѣщика издавать журналъ, а онъ зоветъ икъ къ себѣ, чтобы познакомить съ своими приятелями: съ Кутомицемъ Пародьевичемъ Залетающимъ, съ Дуломъ Патермуфьевичемъ Нюхъ-Подливайко, Нафнитиемъ Фармуфьевичемъ Гусевъ и съ темушкой своеї Музой Сатировной.

— Напишите же мнѣ, говоритъ г. Хохотенко мнимымъ сочинителямъ: — хорошенькую программу для моего изданія... эхакъ... знаете, чтобы оно тогор....

— Программы — старина! париковство! восклицаютъ мнимые сочинители: — подайте публикъ прошеніе, или напишите изъ кѣй частное письмо.... да пайдите трехъ, четырехъ умныхъ писателей, отлично смысленныхъ въ глупости.

Г. Хохотенко, вслѣдствіе этого совѣта, отправляется къ графу Соллогубу, къ барону Брамбесу, къ Нестору Васильевичу Кукольнику, къ и. Погосскому, Кушнерову, Львову (автору комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей»), и къ другимъ, по зго мнѣнію, первымъ русскимъ юмористамъ.

На дорогѣ къ графу Соллогубу неожиданный издатель разсуждаетъ такъ:

«Сказать и сдѣлать глупость не думал, даже самую дурацкую, всякой стыдѣтъ, я — первый; но штука выдуматъ важную глупость, сочинить и отдѣлать такъ натурально, какъ будто бы она была сдѣлана или сказана настоящими дураками. Это, сколько я знаю, удается только его сіятельству графу Владимиру Александровичу Соллогубу....

Г. Хохотенко бросается за тѣмъ къ барону Брамбесу и восклицаетъ: «ваше потѣшное баронство! помочите! спасите! и кланиается гг. Кукольнику, Погосскому, Львову, говоря послѣднему: Свѣтъ Николай Михайловичъ! батюшка, отецъ родной! Мы хотимъ смыться міромъ.... Набросайте намъ нѣсколько тѣхъ удивительныхъ сценъ, которыми (?) заставляете хохотать весь Петербургъ!

Всѣ эти юмористы и еще другие изъявляютъ свое согласие участвовать въ «Весельчакѣ»....

Обозрѣній этимъ участіемъ, г. Хохотенко обращается къ почтѣннѣйшей публикѣ и запускаетъ въ ея карманъ, кричитъ: земля наша широка и обильна, но смысъ въ кѣй нѣтъ.... Приходите

смыться со мною.... Подписывайтесь если потолстко. Я познакомлю вас с моей Василисой и со всеми моими дочерьми: Сашкой, Машкой, Дащей, Кашей (?), Пашей, Грушей, Мушкой (?), Дуньшкой и Дучкой (?), с теткой Музой Сатириной, со всеми приятелями моими и между прочими Кукшей Фифаинской-цемь Дымогаровомъ... Все это не простой народъ... все знаете эдакие... не типуны и не Антипы... а около того... Ахъ! да! скажите — типы!! Журналъ дешевъ, издается для того, чтобы прелестно послужить ради эстомаха... Онь съ сюрпризомъ: со всякой новой тысячью первых по порядку подписчики получать на придану одну изъ девяти дочерей моихъ, на выдержку... Въ заключеніе, обладающій съжепросольными глупостями г. Хохотенко налитографировалъ на своеъ объявленіи двѣ руки: первая рука указываетъ на г. Адольфа Плюшара... Этотъ, мой производитель, говоритъ г. Хохотенко, есть требованія удовлетворяется, печатаніемъ и доставкой управляетъ, приходъ и расходъ определяетъ. Вторая рука указываетъ на какого-то Якова Григорьевъа. Этотъ у насъ редакторъ, продолжаетъ г. Хохотенко, грамотный, книжную лудрость смыкаетъ, статьи выбираетъ, все ошибки исправляетъ, словъ и смыслъ, блюдоѣтель, отъ промаховъ оберегаетъ, скучу палкою сонъ гонитъ.

Подписька на этотъ журналъ съ съжепросольными глупостями принимается при магазинѣ придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына)....

Что это такое?... Въ самомъ дѣлѣ не кошмаръ ли это? Кутоній Пародьевичъ Залетаевъ, Дульшатель Фельвичъ Поливайко, Пафнутий Фармульевичъ Гусь, Кукша Фифаиловичъ Дымогаровъ, Муза Сатиринна, г. Хохотенко-Пустяковскій, Яковъ Григорьевъ—и съ ними баронъ Брамбесъ, графъ Соллогубъ и г. Несторъ Кукольникъ—одинъ, вѣкогда знаменитый юмористъ, другой, вѣкогда знаменитый свѣтскій повѣстователь, третій, вѣкогда знаменитый драматургъ и поэтъ! До какого общества низошли эти знаменитости! Ие печально зи это. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Принимать участіе въ съжепросольныхъ глупостяхъ, отдать имена свои на посмѣшище, въ безграмотное объявленіе, которое можетъ служить образцомъ безталантнаго и кривляющагося гаерства.... Это ужасно! Да, отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. — Могъ ли напримѣръ предвидѣть въ счастливые и блестящіе свои годы г. Адольфъ Плюшаръ, издатель знаменитаго «Энциклопедическаго Лексикона», такъ громко начавшагося и такъ печально прекратившагося,—что онъ дойдетъ со временемъ до изданія съжепросольныхъ глупостей и будетъ выдавать ихъ намъ за настоящую весе-

лость и за самый свѣжий юморъ?... Неужели г. Плюшаръ, столько лѣтъ ходящій около русской литературы, не догадывается, что не только его «Весельчакъ» въ родѣ Хохотенко, но даже и настоящіе весельчаки тридцатыхъ годовъ, имѣвшіе такой успѣхъ при Смирдинѣ(отцѣ)— и они даже не возвуждаютъ теперь прежнаго смѣха?... отъ Смирдина—отца до Смирдина—сына сколько пережили мы!...

И за кого же принимаетъ г. Плюшаръ почтенійшую публику 1858 года? Къ чести ея,—мы смыемъ думать, что ее нельзя поддѣлать на такой неискусственный и грубый фокусъ; что выдохшееся остроуміе тридцатыхъ годовъ, давно лежавшее безъ употребленія въ задникѣ комнатахъ и пропитавшееся запахомъ Гоголевскаго Петрушки, не можетъ подействовать пріятно на современную почтенійшую публику (мы разумѣемъ публику образованную) и что эта публика не позволитъ какому нибудь г. Хохотенко-Пустяковскому засовывать безщеремонно руки въ ее карманы. ..

Довольно впрочемъ обѣ этой печальной спекуляціи на смѣшиное, перейдемъ къ театрамъ,— но говорить подробно можно только о самыхъ замѣчательныхъ театральныхъ явленіяхъ. Газетные фельтоны прежде настѣ сообщаютъ публикѣ всѣ театральные мелочные новости — и для чего же намъ повторять ихъ прекрасныя театральные хроники?...

Что же было замѣчательного и новаго въ нашихъ театрахъ въ теченье декабря и января?...

Особенно замѣчательного ничего, а новаго много....

На Александровскомъ театрѣ:

1) Князья Курбскіе, трагедія барона Розена.

2) Передѣлка графа Нулина въ водевиль

и 3) дебютъ г-жи Надеждиной въ драмѣ г. Кукольника: Марки-тапка?

Содержаніе трагедіи барона Розена извѣстно уже читателямъ «Современника» (см. XII № Совр. 1857, въ отд. Библіографіи), слѣдовательно обѣ этомъ и говорить нечего, а обѣ игрѣ актеровъ за чѣмъ говорить? Довольно, я полагаю, будешь упомянуть, что г. Леонидовъ занималъ одну изъ первыхъ ролей въ трагедіи.... О передѣлкѣ графа Нулина говорить также, кажется, не для чего, — эти передѣлки являются обыкновенно въ бенефисы для привлече-нія публики; мы только можемъ замѣтить, что рассчетъ бенефи-циантовъ понятенъ, а ждать какого нибудь достоинства отъ такихъ передѣлокъ было бы смѣшно. Даже и о г-жѣ Надеждиной покуда сказать нечего.... она декламируетъ, возвышаетъ и понижаетъ го-лосъ, поднимаетъ и опускаетъ руки по традиціи, все какъ слѣдуетъ, но для чего г-жа Надеждина воскрешаетъ пьесы давно мирно почив-шія въ театральномъ архивѣ? Для чего она тревожить мертвыхъ?..

Въ театръ—цириѣ русская опера не безъ усѣйха даетъ Роберта и Фенеллу.

На Михайловскомъ театрѣ г-жа Напталь-Арну являлась въ драмѣ «Генрихъ III и его Дворъ» А. Дюма, въ роль герцогини Гизы; роль герцога занималъ ея супругъ, г. Арну. Г-жа Напталь воскресила намъ этою пьесою давно минувшее время нашей молодости и заставила насъ вздохнуть о г-жѣ Бурбье и г-нѣ Женье. Должно быть мы очень постарѣли, потому что нашъ показалось, что въ наше времѧ разыгрывали эту пьесу лучше. Старикамъ все старое обыкновенное кажется лучше.

Вирочемъ, можетъ быть, мы и избалованы нѣсколько.... Мы видѣли на Петербургской сценѣ *Бурбье*, *Аланъ*, *Мадленъ-Броанъ*.... Мы видѣли *Рашель*.... И давно ли кажется все это было?... давно ли? а уже великая артистка въ могилѣ!... Ее нѣть болѣе, этой краснорѣчивой, изящной, царственной Музы, какъ называется ее Жаненъ,—этой лѣвочки вдругъ какимъ-то чудомъ воскресившей Трагедію, поднявшей изъ забвенія Улиса, Агамемнона, Клитемнестру, Ифигенію, Ахилла, Камиллы, Федру, Герміону, Поліни и Ататію... Миръ праху твоему, геніальная артистка, доставлявшая намъ столько возвышенныхъ наслажденій!...

На Большомъ театрѣ — итальянскими артистами лана была въ первый разъ опера Верди: *Луиза Миллеръ*, содержаніе которой заимствовано изъ известной драмы Шиллера: «Коварство и Любовь.» Нечего говорить, что г-жа Бозіо пѣла роль Луизы превосходно.... г-жа Бозіо принадлежитъ къ такимъ артисткамъ, которыхъ придаютъ интересъ, одушевляютъ собою всякую даже посредственную оперу... Но надо бѣсѣдѣть о роли «Церлины» въ безсмертномъ Моцартовскомъ «Донъ-Жуанѣ» и въ роли Десдемоны въ «Отелло».

Балетъ оживился пріѣздомъ варшавской танцовщицы Виктории Козловской и лондонской танцовщицы — г-жи Фридбергъ. Кто-то сказалъ, что если г-жа Фридбергъ не изъ первыхъ танцовщицъ, то она стоитъ на дороши, чтобы быть первой танцовщицей. Очень можетъ быть.

Обявлено о новомъ балетѣ.... «Корсаръ». Пора! Нынѣшній театральный сезонъ такъ коротокъ!...

Дворянское петербургское Собрание дало прекрасный балъ въ честь Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и его Августѣшней Супруги.... Государь Императоръ и Государыня Императрица удостоили этотъ балъ своимъ присутствиемъ. Дипломатический корпусъ былъ почти въ полномъ комплектѣ. Изящество туалетовъ, богатство мундировъ при роскошномъ освѣщении — все способствовало блеску этого праздника.. ,

На наступающихъ Рождественскихъ праздникахъ Петербургъ представлялъ необыкновенное зрѣлище.... Въ это время года Петербургъ безъ морозовъ и безъ снѣга!... Наканунѣ Нового года термометръ показывалъ 40 тепла!...

Пріятѣйшее для петербургскихъ жителей новостью было учрежденіе Общества Петербургскихъ водопроводовъ. Мы занимствуемъ изъ «С. Петербургскѣхъ Вѣдомостей» слѣдующія подробности объ этомъ, въ высшей степени необходимомъ и полезномъ учрежденіи:

«Общество принимаетъ на себя обязанность устроить пропоры невской воды въ девяти частяхъ города, между Большою Невою, Обводнымъ Каналомъ и рѣкою Пряжкою. Невская вода будетъ произведена посредствомъ подземныхъ чугунныхъ трубъ, проложенныхъ въ два или одинъ рядъ согласно дѣйствительной надобности. Длина трубъ будетъ составлять, въ сложности, не менѣе ста верстъ, а длина улицъ, по которой они будутъ проложены, не менѣе восьмидесяти верстъ. Снабженіе трубъ водою будетъ производиться посредствомъ паровыхъ машинъ, помѣщенныхъ въ особомъ каменномъ зданіи, которое будетъ устроено на лѣвомъ берегу Большой Невы, близъ Таврическаго Дворца, на той части Невы, где она, во быстротѣ теченія и по совершенству отсутствію городскихъ стоковъ, сохраняетъ свою природную свѣжестъ и чистоту. Изъ трубъ вода будетъ проводиться во дворы и, по желанію владельцевъ, даже въ этажи всѣхъ домовъ, по линіи водопроводныхъ трубъ расположенныхъ. Въ частяхъ же города, населенныхъ недостаточными жителями, а именно: въ Рождественской, Каретной, 4-й Адмиралтейской и Нарвской, Общество устроитъ, по указанію городского начальства, десять водоемовъ, для бесплатнаго пользованія жителей этихъ частей водою посредствомъ ведеръ, ушатовъ и носильныхъ боченковъ. Каждый водоемъ будетъ устроенъ (по чертежамъ, утвержденнымъ въ Главномъ Управлѣніи Путями Сообщеній и Публичными Зданіями) не менѣе какъ на пятнадцать тысячъ ведеръ въ сутки, если онъ закрытъ, и не менѣе тысячи двухсотъ ведеръ объема, если онъ открытъ. Въ случаѣ пожара, предоставляется пожарной командѣ, безъ всякой остановки и бесплатно, повсемѣстное употребленіе воды изъ водопроводовъ.

«Устройство водопроводовъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими, будетъ окончено Обществомъ въ-течение четырехъ лѣтъ, считая со дня утвержденія Устава.

«По истеченіи тридцатипятилѣтняго срока существованія Общества, со дня открытия дѣйствія всѣхъ водопроводовъ и водоемовъ, водопроводы суть принадлежащи мѣстнымъ зданіямъ и ма-

шинами передаются въ полную собственность города. За таковую передачу и за предоставление, такимъ-образомъ, Городской Думѣ новаго и постояннаго источника дохода, Дума гарантируетъ Обществу, со дnia открытия всѣхъ водопроводовъ и водоемовъ, *четыре съ половиной процента чистаго дохода въ годъ съ миллиона двухъсотъ тысячи рублей серебромъ*, т.-е. съ капитала, который будетъ собранъ посредствомъ выпуска 12,000 акцій, въ сто рублей каждая, каковая сумма, въ случаѣ надобности въ распространеніи водопроводовъ, можетъ быть увеличена выпускомъ еще 3,000 акцій по той же цѣнѣ. До открытия же дѣйствія водопроводовъ, Общество уплачиваетъ каждому акціонеру, со дnia взноса имъ членъ и сообразно количеству оныхъ, ежегодно 4%, процента, до раздачи первого дивиденда.

«Плата за проводъ воды во дворы опредѣляется двоякая: а) *единовременная*, за проложеніе чугунаго рукава отъ водопроводной трубы, проходящей по улицѣ передъ домомъ, до мѣста, избраннаго для установки снаряда, доставляющаго воду къ употребленію, и б) *постоянная*, за количество воды, расходуемое потребителями.

«Плата *единовременная* опредѣляется по *десети рублей серебромъ* съ каждой погонной сажени чугунаго рукава, проведенного во дворъ. Она взимается до проложенія означенаго рукава сполна.

«Плата эта назначается за 100 ведеръ воды.

«Количество израсходованной воды будетъ опредѣляться въ каждомъ домѣ посредствомъ водомѣрного прибора, постоянно при водопроводной трубѣ находящагося.»

29 декабря истекшаго года происходило годичное собрание Императорской Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ президента ея, графа Дмитрія Николаевича Блудова, и въ присутствіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, многихъ знатныхъ именитыхъ особъ и любителей наукъ и просвѣщенія. Въ началѣ, предсѣдательствующій во Второмъ Отдѣленіи (Русскаго Языка и Словесности) академикъ И. И. Давыдовъ прочиталъ отчетъ о трудахъ сего Отдѣленія въ истекшемъ году. Изъ числа свѣдѣній, сообщенныхъ нами симъ отчетомъ, пріятно было узнать, что Отдѣленіе занимается составлениемъ и изданiemъ «Русскаго Словаря», не ученаго, а общепотребительнаго. Всльдъ затѣмъ непремѣнныи секретарь Академіи, академикъ Веселовскій, прочигалъ на французскомъ языкѣ отчетъ о прошлогодніхъ дѣйствіяхъ Перваго (Физико-Математическаго) и Третьаго (Историко-Филологическаго) Отдѣленій Академіи. Въ заключеніе объявлены были имена избранныхъ въ почетные члены.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

О народномъ воспитаніи по поводу статьи г. Аппельрота. — Воспоминанія г. Кошелева о путешествіи по славянскимъ австрійскимъ землямъ.

Въ послѣднее время очень много спорили у насъ о предметѣ, о которомъ, казалось бы, и нечего было спорить, — о грамотности. Г. Карновичъ поднялъ дѣло объ этомъ по поводу словъ г. Даля, который прошли совершенно незамѣченными въ «Русской Бесѣдѣ» еще 1856 г. Оказалось, что вопросъ поднять былъ не напрасно: г. Даляр обнаружилъ въ себѣ упорного врага крестьянской грамотности и грозится именными списками доказать вредъ ся. Противъ него возстали многие; въ «Сиб. Вѣдомостяхъ», гдѣ была помѣщена его послѣдняя замѣтка, появились черезъ нѣсколько дней письма противъ него гг. Соловьева, Тернера, А. Т.; г. Карновичъ также представилъ свои возраженія — въ «Современникѣ»; въ тоже время напечатана была статья г. Никитенко противъ мнѣнія г. Даля; даже «Молва», столь подобострастная ко всему, что печаталось въ «Русской Бесѣдѣ», возвысила голосъ въ защиту грамотности. Сама «Бесѣда» не приняла подъ свою защиту своего корреспондента (мысли г. Даля высказаны были въ письмѣ къ г. Кошелеву), и въ послѣдней, недавно вышедшей, книжкѣ высказалася рѣшительное убѣжденіе въ пользу грамотности для народа. «По нашему убѣждѣнію, говоритъ издатель въ примѣчаніи къ статьѣ г. Аппельрота, «Объ основномъ народномъ образованіи», — грамотность есть такое благо, что даже недостаточное, мало-разумное усвоеніе ея болѣею частію для людей не только полезно, но даже истинно благодѣтельно.» Въ другомъ примѣчаніи къ той же статьѣ, издатель «Бесѣды» приводитъ даже факты, опровергающіе взглядъ г. Аппельрота, вѣ сколько приближающійся къ мнѣнію г. Даля. Онъ говоритъ, что въ его мнѣніи грамотные крестьяне живутъ гораздо лучше неграмотныхъ, гораздо опрятнѣ, менѣе подвержены пьянству и озорничеству и пр. Въ заключеніе своей замѣтки, издатель «Бесѣды» высказываетъ слѣдующую мысль: «и безъ того много людей изъ своеокрыстныхъ видовъ хлопочутъ о мракѣ; съ радостью ухватятъ ся они за наши нападки на ложное просвѣщеніе, если мы положительно не скажемъ, что и механическая, недостаточная грамотность есть все-таки шагъ впередъ.» Такое замѣченіе, действитель-

но необходимо было, потому что статья г. Аппельрота можетъ подать поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ. Рѣшительное мнѣніе автора о грамотности вообще и о распространеніи ея въ русскомъ народѣ нигдѣ не высказывается. Но вся статья полна самыхъ жестокихъ нападокъ на цынѣшній способъ первоначального обученія крестьянъ. По замѣчанію издателя, г. Аппельротъ опытный педагогъ, «ознакомившійся съ русскимъ народомъ въ селахъ, уѣзжныхъ городахъ и столицахъ, въ избахъ, небогатыхъ домахъ и роскошныхъ палатахъ.» Опытность автора видна изъ самой статьи, но опытность не спасла его отъ односторонняго взгляда. Онъ съ ожесточеннымъ юморомъ разсказываетъ факты безмыслия обученія грамотѣ въ нашемъ народѣ; онъ передаетъ и явленія, происходящія въ народѣ вслѣдствіе этого безмыслия обученія, явленія—въ самомъ дѣлѣ печальные. Но разсказавши все это, г. Аппельротъ задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ же корень этой уродливой грамотности, гдѣ начало этого превратнаго и неестественнаго школьнаго ученія? Откуда привилась къ намъ эта мертвящая схоластика? Такъ какъ вопросъ заданъ въ «Русской Бесѣдѣ», то отвѣтъ легко угадать: отъ иностранцевъ. «Эта неосмыслиенная грамотность и схоластическая формалистика, никакъ не соотвѣтствующія здоровой и разиашистой природѣ русскаго человѣка, не вытекли естественнымъ образомъ изъ нашей крѣпкой и честной народной жизни, и занесены къ намъ случайно, изъ-за моря, какъ говорится.» Жаль, что г. Аппельротъ не говоритъ, изъ-за какого моря перешла къ намъ схоластика грамотности. Если изъ-за Чернаго, то мы готовы съ нимъ согласиться, потому что сами убѣждены во вредномъ вліяніи многихъ понятій, въ древности навязанныхъ русскому народу, торопливо и формально, съ греко-славянскими языками и съ византійской литературой. Если же г. Аппельротъ разумѣеть какое нибудь другое море, то съ нимъ нельзя согласиться, потому что школьнное ученіе книжниковъ все одно и тоже у насъ, со временемъ училищъ, основанныхъ Ярославомъ. Иноzemцы, являющіеся къ намъ изъ Западной Европы, вовсе не виноваты въ томъ, что у насъ буквы называются азъ, буки, вѣди,—что мальчишкѣ заставляютъ выдалбливать наизусть ихъ названія, потомъ такимъ же манеромъ выдалбливать склады—вѣди, земля, добро, рцы, еры == взdry. Не иностранцы, вѣроятно, виноваты и въ тѣхъ способахъ внушенія нравственности, которые г. Аппельротъ находитъ въ крестьянскихъ школахъ и описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Нельзя сказать, чтобы въ этихъ школахъ не внушалась нравственность; нѣтъ, она внушается и крѣпко вбивается роагами и другими колотушками, а чаще всего вдирается посредствомъ волосъ въ

голову и оттуда переходить прямо въ сердце. Въ самомъ способѣ атакъ наказаний уже заключается много нравственнаго; наприм. за неимѣніемъ особенного экзекутора, учитель приказываетъ одному изъ учениковъ наказывать другаго своего прокинившагося товарища; такимъ образомъ одинъ пріучается къ смиренію и терпѣнію, а въ другомъ вкоряется чувство любви къ ближнему, сострадательность и милосердіе. Вообще же эта школьнага нравственность ограничивается смирнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ въ продолженіе урока, и только. Всякій разговоръ есть нарушеніе порядка, а потому и самъ учитель не разговариваетъ и не распространяется ни о чёмъ, а просто задаетъ и спрашиваетъ уроки, и дѣло съ концомъ.»

Все это, къ сожалѣнію, весьма справедливо; но тѣмъ не менѣе иностранцы тутъ ни на волосъ не виноваты. Тутъ виноваты наши собственные обстоятельства историческія, развившися въ насъ безсмыслицу привязанность къ формѣ. Въ положеніи учителя народной школы весьма удобно наблюдать проявленіе, того и напрасно г. Аппельрота не обратилъ на вниманія. Факты, представлѣнныя имъ, говорять очень много для объясненія того, отчего народное обученіе идетъ у насъ такъ плохо. Сельскій учитель помнитъ обыкновенно свое собственное воспитаніе и ученикѣ и не считаетъ нужнымъ поступать съ другими иначе, нежели какъ съ ними поступали. Такіи, колотушки, розги— онъ считаетъ не только очень обыкновеннымъ и нисколько не предосудительнымъ дѣломъ, но даже неизбѣжной привадлежностью учения. Ему никогда и въ голову не придется, чтобы можно было обойтись безъ розги. А если бы и пришло какъ нибудь, то у него немедленно сложится слѣдующее разсужденіе: «мы получше ихъ, да вѣдь терпѣли же; отчего же и имъ не терпѣть.» Убѣженіе въ своемъ превосходствѣ сильно развивается въ сельскихъ и уѣздныхъ учителяхъ. На крестьянскихъ мальчиковъ, они смотрятъ обыкновено какъ на людей низшей породы, а себя стараются поставить въ обращеніи съ ними «на дворянскую ногу». Г. Аппельротъ вообще обвиняетъ учителей за то, что они берутся за дѣло обученія, не будучи къ нему достаточно приготовлены. Но мы не будемъ такъ строги къ несчастнымъ, принимающимъ на себя учительскія обязанности изъ-за куска наущнаго хлѣба. Они не знаютъ, что дѣлаютъ, потому, что имъ никто не внушилъ лучшаго взгляда на человѣческую природу, на значеніе образования, на высокую важность званія народнаго учителя. Они видятъ только, что званіе народнаго учителя есть ничтожное мѣсто, не дающее никакихъ выгодъ, никакихъ преимуществъ, не пользующееся почетомъ, припримаемое лишь тѣми, кому иначе некуда дѣваться. Естественная логика за-

ставляетъ ихъ сообразить, что, значитъ, обязанности, соединеныя съ этимъ мѣстомъ, вовсе не велики и не хитры: отчего же за нихъ и не взяться, если есть удобный случай? Недавно, въ «Землемѣрческой газетѣ» было вѣсколько статей о томъ «откуда взять учителей для сельскихъ школъ?» Предлагали, между прочими выбирать изъ самихъ крестьянскихъ лѣтъ по нѣсколько человѣкъ для приготовленія ихъ къ должности учителей. На это возражали, что помѣщики (дѣло шло о помѣщичьихъ имѣніяхъ) не согласятся лишиться рабочихъ рукъ, и еще заботиться обѣ образованіи мальчиковъ, какъ бы отнятыхъ у нихъ для дѣла, котораго польза должна оказаться Богъ знаетъ когда, черезъ нѣсколько поколѣній, можетъ быть. Вѣдь это не рекрутскій наборъ, въ которомъ помѣщики, по крайней мѣрѣ, понимаетъ, для чего онъ жертвуетъ своими крестьянами». Такого рода возраженіе, каково бы ни было его нравственное качествѣ, имѣло свое фактическое значеніе нѣсколько времени тому назадъ. Но при перемѣнѣ отношеній препятствіе это можетъ устраниться. Затѣмъ одно изъ главныхъ обстоятельствъ то, что крестьянскимъ мальчикамъ негдѣ учиться для того, чтобы приготовиться къ своему будущему званію. Въ гимназіяхъ, по разсчету населенія губерній, количество крестьянскихъ мальчиковъ, взятыхъ для ученья, неизвѣрно увеличило бы количество учащихся, такъ, что потребовалось бы разширение гимназій. Дѣйствительно, если брать по одному мальчику съ тысячи душъ, то при миллионѣ крестьянскаго населенія въ губерніи,—составится тысяча мальчиковъ, которымъ нужно дать гимназическое образованіе, между тѣмъ, какъ въ нашихъ гимназіяхъ даже триста учениковъ (въ сеѧніи классахъ) дѣлаются обременительны для учителей и требуютъ параллельныхъ классовъ. Такимъ образомъ одно уже это составитъ значительное препятствіе для всесмѣшнаго приготовленія учителей изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Особенныхъ же народныхъ педагогическихъ школъ, въ родѣ германскихъ педагогическихъ семинарій, у насъ нѣтъ. Педагогическій институтъ, правда, существуетъ, но его назначеніе — приготовлять учителей гимназій, и профессоровъ, что, впрочемъ, съ гораздо большимъ успѣхомъ, дѣлаютъ университеты. Учителями же низшихъ школъ назначаются люди безъ всякаго умственнаго и нравственнаго приготовленія къ этому дѣлу, люди, нерѣдко проклиниающіе свою должностъ и почти всегда стыдящіе ея въ обществѣ. А отчего они стыдятся, и чего собственно стыдятся? — Конечно, не рода своихъ занятій, а своего положенія, въ которомъ должностъ письмоводителя у становаго кажется имъ верхомъ благополучія. Этого-то положенія и боятся порядочные, способные люди, которые могли бы быть хорошими учителями въ сельской

школѣ. Потому мы думаемъ, что собственно о недостаткѣ въ людяхъ напрасно кричать въ этомъ случаѣ; нужно говорить только о томъ, чтобы дать порядочное положеніе этимъ людямъ. Поставьте должность сельскаго учителя хоть на ту степень общаго уваженія, на какой находится она въ Германіи; обезпечьте ее получше въ материальномъ отношеніи, и повѣрьте, что ею не побрезгуютъ порядочные воспитанники семинарій и гимназій. Поступаютъ же они въ гражданскую службу на пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, имѣя въ виду пять—шесть часовъ ежедневнаго механическаго труда, который вообще гораздо утомительнѣе учительскаго. Правда, въ гражданской службѣ можно черезъ нѣсколько лѣтъ добиться тепленькаго мѣстечка. Но, кажется, послѣ всѣхъ послѣднихъ явлений нашей общественной жизни и литературы, можно нѣсколько понадѣяться на наше молодое поколѣніе хоть въ этомъ случаѣ. Вѣроятно, много найдется молодыхъ людей, которые захотятъ лучше честно служить общественному дѣлу, при небогатомъ, но достаточномъ вознагражденіи, нежели добиваться случая нажить себѣ состояніе воровствомъ и обманомъ.

Отъ такихъ учителей можно будетъ и ожидать чего нибудь порядочнаго, если только не связывать имъ руки ненужными формальностями. Формальность отношеній, въ какихъ нынѣ поставленъ сельскій учитель, отнимаетъ возможность действовать успѣшно даже у лучшихъ изъ нихъ. Обязанность учителя опредѣлена ясно: выучить крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму, закону Божію и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, по даннымъ ему букварамъ, прописямъ и руководствамъ. За тѣмъ, какъ онъ свою обязанность будетъ исполнять — наблюденія нѣтъ почти никакого. Но все же отъ времени до времени наѣзжаетъ разное начальство, которое заглядываетъ и въ школу; а если иной годъ и никто не заглянетъ, то все же надобно представить отчетъ, въ которомъ объявить, что учениковъ столько-то, пройдено столько-то, — «отъ сихъ поръ до сихъ поръ.» — Мало обращается вниманія на то, каково развитіе мальчиковъ, къ чему направлено ихъ ученье; но легко можетъ случиться, что мальчикамъ захотятъ сдѣлать экзаменъ, т. е. заставить ихъ прочитать склады, написать какихънибудь пять тысячи квадрилионовъ на доскѣ цифрами, или сказать наизусть заповѣди, молитвы и т. п. Отвѣтятъ — хорошо: и начальству пріятно, и учителю хорошо, и мальчики довольны; не отвѣтятъ — начальство изволить гибнуть, учитель получаетъ выговоръ и поретъ мальчишкамъ. Ясно, что для общаго блага необходимо твердить буквы, склады и пр.; учитель такъ и располагаетъ весь ходъ ученья, припоминая притомъ, что въдь самъ онъ учился совершенно такъ же. Но здѣсь

мы приведемъ интересную страницу изъ статьи г. Аппельрота, излагающую весь порядокъ обученія въ сельскихъ школахъ.

«Въ школу набираютъ мальчиковъ обыкновенно сотскіе, или, какъ говорится, наряжаютъ ихъ въ учёбу, а тамъ учитель, обыкновенно семинаристъ, и посадить этихъ ребятишекъ на лавку рядышкомъ и тотчасъ же безъ разговора дастъ имъ въ руки по букварю и заставить уткнуть носъ въ этотъ букварь. Сидѣть несчастный мальчишка надъ букваремъ и смотрѣть онъ безсмысленно на эти черненькия заковычки, и бормочеть эти ненавистные азы, буки, да вѣди, да черви, а если иной назоветъ червь червякомъ, то и потасовку ему заладутъ за это,—а онъ, бѣдняга, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ: для него что червь, что червякъ одно и тоже—все такая же гадина, думаетъ онъ. Вотъ и просидить мальчишка надъ этими червями да людьми порядочное-таки время, и доберется онъ наконецъ до вожделѣнной книжцы, порядочно поистрешавши и засаливши свою книжонку, такъ, что и не разберешь въ ней полъ конецъ всѣхъ этихъ крючковъ да заковычекъ, и не отлишишь людей отъ червей и мыслете отъ хера. И мальчишка, хотя тоже ничего не можетъ разобрать въ своей книжонкѣ, а все-таки уткнется въ нее и повторяетъ название буквъ. Конечно, онъ исполняетъ это неохотно, нерадиво, кое-какъ, лишь бы только избавиться отъ наказанія,—а между тѣмъ этотъ мальчикъ думаетъ про себя: зачѣмъ это его заставляютъ въ эту ненавистную школу ходить, въ эту книжонку смотрѣть и эти азы твердить? Когда-то это мученіе кончится, и скоро-ли его отпустятъ домой? И носится онъ воображеніемъ въ поляхъ и лѣсахъ: тамъ и весело, и привольно, и вѣтъ тамъ глупыхъ заковычекъ, а все цветы да деревья, а на цветахъ жучки да бабочки, на деревьяхъ птицы гнѣзда вьють и весело посвистываютъ,—и онъ запѣль бы тамъ, съ ними вмѣстѣ,—а тутъ принуждаютъ его азы бормотать,—и на что ему эти азы? То-ли дѣло, думаетъ онъ,—на рѣчку пойдти, рыбу ловить и лодки спускать, или въ ручейкѣ плотину плотить и мельницу строить, или изъ прутьевъ и глины избы ставить, да сады разводить изъ разныхъ травъ и полевыхъ цветовъ. А тутъ его заставляютъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, смотрѣть въ книгу и бормотать какіе-то непонятные звуки, да еще за волосы таскаютъ безпрестанно. Не смотрѣль бы онъ на эту книжонку, да и теперь, хотя и смотрѣть въ нее, а ровно въ ней ничего не видить, а такъ себѣ бормочеть безсознательно; онъ занять своими собственными мыслями, а мысли его гуляютъ на волѣ, на просторѣ, далеко отъ букваря и отъ азовъ. Такъ пріучается этотъ свѣжій и здоровый мальчикъ къ невнимательности и къ притворству, потому, что его заставляютъ безсознательно заниматься такимъ дѣломъ, которое вовсе его не занимаетъ, и въ когоромъ онъ не видитъ ни цѣли, ни пользы. Природныя силы его просятъ дѣятельности—живой, энергической,—а тутъ его томятъ въ тупоумномъ бездѣлѣ; потому что это механическое, несмысленное бормотаніе нельзя назвать дѣятель-

ностю. Вследствие того, свѣжія силы этого здороваго мальчика постепенно слабѣютъ; энергія обращается въ апатическое равнодушіе, естественная, живая любознательность и внимательность ослабѣваютъ, и наконецъ такой мальчикъ привыкаетъ смотрѣть водовыми глазами не только въ книгу, но и на все, его окружающее. Поплатившись порядочнымъ количествомъ волосъ и получивши для поощренія достаточное количество пинковъ и тумаковъ, мальчишка наконецъ выучить всѣ эти занимательные азы; потомъ ему задаються навидательные склады,—и онъ вызубриваетъ ихъ во порядку, начиная отъ буки—азъ—ба, вѣди—азъ—ва, всѣ, сколько ихъ ни есть въ букварѣ, а тамъ такие мудреные встрѣчаются, что и выговорить трудно. Ну, да вѣдь розги не свой братъ, научать—не только мудреные склады выговаривать, а пожалуй, и по птичьему кричать научать. Только ужъ какимъ образомъ, изъ буквъ: слово, твердо, рчи, онъ, составится слогъ стро, или почему вѣди, земля, добро, еры, произносятся—какъ взды,—этого мальчикъ никакъ понять не можетъ, хоть пять пучковъ розогъ объ него избей; учитель же никогда и не подумаетъ ему это объяснить, а просто задаетъ выучить извѣстное количество складовъ; мальчишка и учить наизустъ совершенно безсознательно, будто звуки какого-нибудь невѣдомаго языка. Въ вѣкоторыхъ школахъ, правда, эти азы изгнаны изъ употребленія, а мѣсто ихъ заступили—а, бе, ве, и пр. въ остальномъ же все ученіе совершенно одинаково. Усовершенствованіе ограничивается только перемѣною клички бывъ.

«За складами слѣдуетъ чтеніе, развивающее умъ и сердце. Чтеніе гражданской печати по преимуществу развиваетъ умственныя способности, а церковно-славянская печать подъ титлами наиболѣе содѣйствуетъ нравственному развитію. Чтеніе же это обыкновенно производится такъ: ученику задаютъ нѣсколько строкъ, которыя онъ долженъ предварительно приготовить, т. е. въ нихъ всмотрѣться, сидя въ школѣ, а потомъ и дома; память у мальчика здоровая,—онъ и вызубритъ этотъ урокъ наизустъ, а потомъ и проговорить его, будто читаетъ. Случается ему тутъ иногда переставить слова и переврать эту рѣчь; иногда опо и съ руѣ сойдеть, потому что учитель его и не слушаетъ, а только для соблюденія порядка читать заставляетъ; во иногда и попадется бѣдняга, тутъ ужъ не погнѣвайся, потасовка бываетъ хорошая». (Рус. Бес. Смѣсь, стр. 67—68).

Все это, къ несчастію, слишкомъ справедливо. Еще болѣе: подобный способъ обученія употребляется не въ однѣхъ сельскихъ школахъ; не рѣдко онъ переносится даже въ уѣздныя училища, употребляется даже въ низшихъ классахъ гимназій и семинарій. И вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему изъ школъ часто, не смотря на грамотность (но, конечно, ужъ не по причинѣ грамотности), выходятъ неголяи и мошенники. На этомъ основаніи, г. Аппельротъ и возстаетъ противъ той безмыслиной, ни къ чему не ведущей грамотности, какая нынѣ преподается у насъ народу.

Неизвѣстно, чего желаетъ г. Аппельротъ — хорошаго ли преподаванія грамоты въ крестьянскихъ школахъ, или совершеннаго оставленія грамоты и употребленія какого нибудь другаго способа для образованія крестьянъ, напр. просто — нагляднаго ознакомленія лѣтей съ природою, и т. п. Но нѣкоторымъ мѣстамъ статьи можно думать, что послѣднее ему болѣе нравится. Онъ говоритъ, что простолюдинъ вашъ по своему здравому смыслу и такту дичится школьной мудрості, «какъ бы инстинктивно понимая, что она не соотвѣтствуетъ ни его внутренней духовной природѣ, ни его прямому назначенію». Это замѣчаніе не совсѣмъ опредѣленно, потому что неизвѣстно, чѣмъ разумѣть здѣсь авторъ подъ «школьною мудростью». Если грамотность въ томъ видѣ, какъ она преподается у васъ, — вышеизъясненнымъ способомъ, — то, разумѣется, такая мудрость никакой духовной природѣ въ мірѣ не соотвѣтствуетъ. Нужно слишкомъ низко думать о себѣ и о другихъ, чтобы приписывать себѣ, какъ преимущество, — отвращеніе отъ безсознательнаго долблѣнья, съ колотушками и потасовками. Если же авторъ разумѣеть здѣсь вообще грамотность, то мы уже рѣшительно отказываемся видѣть какой нибудь смыслъ въ словахъ, что «грамотность не соотвѣтствуетъ духовной природѣ народа». Вѣроятно, г. Аппельротъ и не хотѣлъ сказать этого. Но что же значитъ опять, что школьная мудрость, т. е. все-таки грамота и письмо — не соотвѣтствуютъ прямому назначенію крестьянина? Чѣмъ хочетъ сказать авторъ? То ли, что мужику нужно образованіе хозяйственное, нѣкоторыя знанія, приспособленныя къ его быту, нѣсколько мыслей изъ правоученія, да немножко ходячей житейской философіи, — а дальше соваться крестьянину не нужно, слѣдовательно не нужно и грамотности? Здѣсь вопросъ принимаетъ другой видъ и склоняется къ тому, какое образованіе важнѣе, общее или специальнѣе? Вопросъ этотъ рѣшенъ давно, и г. Аппельротъ не рѣшился, конечно, отвергать преимущество общаго образованія для всякаго званія, пола и возраста. По словамъ самого г. Аппельрота, это образованіе должно «дать направлѣніе всей жизни простолюдина, изъяснять ему назначеніе и призваніе его, призваніе человѣческое, христіанское и гражданское. Спрашивается, можно ли достигнуть этого безъ пособія грамотности? Очевидно, что если и есть средства, то далеко не такъ удобныя и совершенныя, какъ грамотность. Можно, конечно, многое устно растолковать мужику; но во-первыхъ, тогда кругъ дѣйствій съуживается: голосомъ не достанешь такъ далеко, какъ книгой; во-вторыхъ, книга все-таки гораздо болѣе находится въ распоряженіи крестьянина, нежели живой учитель. Съ книгой онъ всегда можетъ справиться, всегда можетъ читать ее,

когда только найдетъ самъ возможность и охоту; а учителя радъ бы послушать, да еще поди-ка залучи его къ себѣ. А и залучишь, такъ, чожалуй, не радъ будешь. Слѣдовательно, давая крестьянину грамотность, мы даемъ ему средство постоянно учиться и просвѣщаться, уже безъ помощи этихъ учителей, не умѣющихъ даже азбукѣ порядочно научить, не только что уяснить крестьянину его значеніе и назначеніе. Жалуются обыкновенно на то, что у насъ нѣтъ хорошихъ книгъ для крестьянъ; да кому же придетъ охота писать книги для безграмотныхъ? У русскаго общества не было вовсе никакихъ книгъ, когда Петръ училъ его читать по новой азбукѣ; а вѣдь теперь есть же книги, и очень недурныя. Не препятствуйте только развитію крестьянъ, какъ умственному, такъ и хозяйственному, — и вы увидите, что крестьяне сами съумѣютъ отыскать и даже сдѣлать себѣ полезныя книги. Замѣчательно, какъ въ народѣ скоро проходитъ это отвращеніе къ школьнй мудрости, о которомъ съ такою похвалою отзывается г. Аппельротъ. Грамотные крестьяне приводятъ дѣтей своихъ въ школу уже сами, безъ всякихъ послужденій. Можетъ быть, это значитъ, что гибельное вліяніе Запада успѣло уже, посредствомъ грамотности, испортить непосредственную, здоровую натуру мужика. Но какъ бы то ни было, это фактъ почти повсюду замѣчаемый въ Россіи, и доказывающій, что какъ ни плохо наученъ крестьянинъ, какъ ни дорого поплатился за ученье, а все-таки, вѣрно, грамота ему пригодилась и искусила въ глазахъ его тѣ нравственныя и физическія страданія, какимъ онъ подвергался во время ученья. Правда, что теперь грамотность не производить слишкомъ замѣтнаго вліянія на улучшеніе быта мужиковъ, и отчасти можно даже согласиться съ г. Аппельротомъ, что негодай всякаго рода равно попадаются между грамотными и не-грамотными. Это мнѣніе гораздо умѣренѣе, чѣмъ мнѣніе г. Даля, утверждающаго, что между грамотами негодаетъ болѣше. Но и слабость вліянія грамотности объясняется, судя даже по фактамъ, представленнымъ въ статьѣ г. Аппельрота, — отчасти тѣмъ, что учатъ дурно, отчасти тѣмъ, что крестьянскій мальчикъ, по своему положенію, не въ состояніи вести дальше своего образованія, и наконецъ отчасти многими посторонними причинами, препятствующими крестьянину употреблять грамоту на пользу, какъ бы онъ самъ хотѣлъ. Когда нужно каждый день работать для хлѣба насущнаго и для разныхъ уплатъ, такъ тутъ, разумѣется, мужикъ не возьмется за книжку; у него есть болѣе настоятельныя, физическія потребности, которымъ надобно удовлетворить. Если же въ мужика слишкомъ ужъ вѣглась грамота, такъ, что не можетъ онъ отстать отъ нея, то естественно, что за это званію неприличное

пристрастъе ему иногда приходится плохо; естественно и то, что желая извлечь изъ грамоты практическую пользу и почти не имѣя возможности извлечь ее честнымъ образомъ, онъ прибѣгаетъ не рѣдко и къ продѣлкамъ не совсѣмъ чистымъ. Все это складывать на грамотность—столько же несправедливо, какъ и видѣть причину этого въ самой натурѣ русскаго человѣка, который, будто бы, лукавствомъ отличается предъ всѣми народами. Г. Аппельротъ сообщаетъ наше свое наблюденіе, имѣющее нѣкоторый интересъ. Онъ говоритъ, что училъ дѣтей простолюдиновъ въ народныхъ школахъ, а равно и дѣтей такъ называемыхъ образованныхъ семействъ. Присматривалась къ тѣмъ и другимъ, онъ нашелъ между крестьянскими дѣтьми—не только больше способныхъ, но и больше безкорыстно-прилежныхъ мальчиковъ. Въ образованныхъ семействахъ учать дѣтей изъ какихъ нибудь житейскихъ разсчетовъ, или изъ тщеславія, и сами дѣти, понимая это, только и помышляютъ объ удачахъ на экзаменѣ и объ аттестатѣ, необходимомъ для карьеры. «Сынъ же какого-нибудь крестьянина, или бѣднаго рабочаго, замѣчаетъ г. Аппельротъ, никогда не думаетъ ни объ отмѣнѣахъ, ни объ аттестатѣ, а учится охотно и толковито, если только сумѣютъ его учить съ толкомъ и захотить живостію и наглядостію преподованія». Это наблюденіе че мѣшаетъ потверже запомнить тѣмъ, которые, съ высоты своей образованности, отзываются съ презрѣніемъ о грубой мужицкойатурѣ, и о совершенной неспособности мужиковъ понять что-нибудь безъ пособія палки. Вообще—многіе факты, представленные въ статьѣ г. Аппельрота, прекрасно доказываютъ, что народъ вовсе не виноватъ въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находится его образованность. Пока нѣтъ запаса знаній, нѣтъ материаловъ для разсужденія, до тѣхъ поръ не можетъ сложиться собственный взглядъ. Какъ скоро материалъ собранъ, онъ не можетъ остаться мертвымъ капиталомъ, въ сколько-нибудь свѣжей головѣ сужденіе и взглядъ составятся сами собою. Но на что до сихъ поръ могъ опереться нашъ простолюдинъ? Жизненный опытъ у него былъ, но и тотъ проходилъ, не оставляя слѣда въ его душѣ, потому, что крестьянину рѣдко приводилось задумываться о значеніи, связи и причинахъ ежедневныхъ явлений его жизни. При такомъ положеніи дѣла могло образоваться только слѣпое уваженіе къ старому, приверженность къ рутинѣ, и она, какъ неизбѣжное зло, дѣйствительно, мало по малу, утвердила въ нашемъ народѣ. Не мудрено, что ему и грамота, какъ всѣ новые порядки, кажется чѣмъ-то дикимъ и ненужнымъ, потому что въ старину и безъ нея жили. Но сила неразумной привычки не до такой еще степени овладѣла нашимъ простона-

рольемъ, чтобы заглушить здравый смыслъ его. У насть народъ очень скоро умѣетъ сообразить пользу хорошихъ нововведеній и очень скоро умѣстъ ими воспользоваться, если не помѣшаютъ постороннія обстоятельства. Но у насть, особенно въ настоящее время, не только всѣ мѣшаютъ народному развитію и распространенію повсюду образованности, а напротивъ всѣма мѣрами обѣ этомъ заботятся. Въ этомъ отношеніи русскій народъ имѣеть большое преимущество предъ многими другими славянскими племенами. Препятствія къ образованію, конечно, есть и у насть, но они болѣе зависятъ отъ случайныхъ отношеній, отъ частныхъ личностей, отъ вѣкоторыхъ ненормальныхъ отношеній между классами общества,— а совсѣмъ не отъ принципа, который бы имѣлъ въ виду покровительство невѣжеству. Въ нашей жизни нѣтъ этого принципа, и мы не можемъ даже безъ удивленія слушать разсказы о томъ, что въ другихъ мѣстахъ стараются держать народъ въ невѣжествѣ по принципу. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна статья г. Кошелева: «Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ», помѣщенная въ томъ же номерѣ «Бесѣды» въ которомъ находится и статья г. Аппельрота. Статья г. Кошелева заслуживаетъ особеннаго вниманія русской публики. Нельзя читать его замѣтокъ безъ изумленія: такъ все это намъ ново, чуждо; такъ для насть неудобна кажется точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на австрійскую жизнь, на всѣ австрійскія отношенія. Если здѣсь и найдутся какиенибудь факты, сконные съ нашими, то во всякомъ случаѣ точка зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на тѣ же явленія у насть и въ Австріи,—необходимо должна быть совершенно различна. Это—именно потому, что у насть всѣ грустныя явленія общественной жизни мы считаемъ случайными неудачами, слѣдствіями частныхъ злоупотреблений, и т. п., а тамъ—ясно во всемъ видспѣ принципъ, руководящій дѣйствіями тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится судьба страны. У насть образованность мало распространяется, но у насть г. Аппельротъ относить все это къ неискусству учителей и къ неизвѣстности способа преподаванія; у насть есть чиновники, берущіе взятки, но ихъ обличаютъ, какъ преступныхъ нарушителей закона или извиняютъ стѣсненнымъ положеніемъ семейства, и т. п. Прочтите же у г. Кошелева, какой видъ имѣеть все это въ Австріи. Представимъ здѣсь, для сравненія, сущность вѣкоторыхъ замѣтокъ г. Кошелева, придерживаясь, по возможности, ближе къ его собственнымъ словамъ.

«Мысль въ Австріи убита и не имѣстъ возможности развиватьсѧ, ни въ разговорахъ, ни въ печати», говоритъ г. Кошелевъ, и въ подтверждение своего сужденія представляетъ слѣдующіе факты.

Разсказы не могутъ быть свободными и откровенными, изъ опасенія повсюду распространеннаго шпіонства. Австріецъ никогда не начнетъ говоритьъ, даже въ пріятельскомъ кабинетѣ, о правительстве и его распоряженіяхъ, не оглянувшись на всѣ четыре стороны и не понизивши голоса. Шпіонство въ Австріи такъ сильно, что всѣ сословія принимаютъ въ немъ участіе, — а правительство поощряетъ ихъ, и слушаетъ доносы. «Не знаю, много ли полезныхъ свѣдѣній получаетъ правительство этимъ путемъ, говоритъ г. Кошелевъ; думаю, что оно узнаетъ болѣе такого, чего нѣтъ, чѣмъ что дѣйствительно есть, а потому эти свѣдѣнія не просачиваются, а только его тревожатъ». Явныхъ преслѣдований за мыслью правительство не дѣлаетъ, но тайное недоброжелательство постоянно руководитъ его дѣйствіями въ отношеніи людей подозрительныхъ. «Чиновникъ за нескромное слово лишается мѣста, литераторъ при изданіи своихъ сочиненій встрѣчаетъ вооруженнаго подозрѣваемъ судью, а помѣщикъ, попавшій въ число сомнительныхъ, можетъ быть увѣренъ, что получить отказъ въ самой справедливой просьбѣ или жалобѣ.» Отъ этого общественность повсюду убита, и никакъ нельзя услышать живаго слова.

«Въ печати также система. Цензуры собственно нѣть; но за то есть постановленіе, что всякая книга за три дня до выпуска въ свѣтъ должна быть представлена въ полицію; отъ полиціи зависѣтъ — разрѣшить выпускъ книги или конфисковать ее. Отъ этого происходитъ то, что ни книгопродавцы, ни сами авторы не решаются на изданіе книгъ, опасаясь, что въ нихъ можетъ быть найдено чтонибудь «сомнительное», и что сѣд. деньги, потраченныя на изданіе, пропадутъ даромъ. Оттого-то журналы австрійскіе вялы и пусты, а книги мало мальски живыхъ и дѣльныхъ вовсе не выходятъ.

«Но и при такомъ способѣ охраненія своихъ интересовъ, австрійское правительство все еще не свободно отъ опасеній, и для того, чтобы еще болѣе ограничить себя отъ слѣта просвѣщенія, оно издало слѣдующее постановленіе. Австрійскій чиновникъ не можетъ ничего печатать безъ предварительного разрѣшенія своего непосредственнаго начальства; въ журналахъ же участвовать имъ безусловно запрещено. Это постановленіе особенно тяжело для славянскихъ литераторовъ, пишущихъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Всѣ они большую частью люди бѣдные; литературными трудами существовать они не могутъ, потому что литература, по вѣности и безцѣнности своей, почти не обращаетъ на себя вниманія общества. Нужда заставляетъ ихъ искать службы, а съ службой соединена обязанность не быть литераторами.

«На славянъ особенно обращено неблагосклонное вниманіе австрійского правительства. Въ славянскихъ земляхъ Австріи почти вовсе не выходитъ книгъ политического и философского содержанія: первыя запрещаются полиціей, а за послѣдними зорко и недоброжелательно смотрить католическое духовенство. Выпiska книгъ иностранныхъ затруднительна и опасна. Особенно преслѣдуются русскія изданія; одно полученіе русскихъ книгъ возбуждаетъ уже подозрѣніе австрійской полиціи, и получатель немедленно причисляется къ сонму людей неблагонамѣренныхъ. Вообще — влечење славянъ къ Россіи всячески преслѣдуется австрійскимъ правительствомъ, хотя слѣдствія выходятъ совершенно противныя его ожиданіямъ: отъ преслѣдованій это влечење только усиливается, вмѣстѣ съ усиленіемъ ненависти къ Австріи.»

Впрочемъ, по словамъ г. Кошелева, отъ правительства австрійскаго достается не только славянамъ и другимъ подвластнымъ прапорамъ. «Сами нѣцы, господствующее племя въ Австріи, столь же стѣснены и недовольны правительствомъ, какъ и прочіе народы. Едва ли гдѣ число недовольныхъ правительствомъ такъ велико, какъ въ Австріи: можно безошибочно сказать, что въ Австріи нѣть человѣка, одобряющаго дѣйствія правительства и сочувствующаго его видамъ. Хуже всего то, что всѣ классы народа не уважаютъ правительства и видятъ во всѣхъ его распоряженіяхъ недобросовѣтность и враждебность къ частнымъ людямъ.»

Характеръ правительства выражается во всѣхъ чиновныхъ людяхъ Австріи. Характеристика австрійскихъ чиновниковъ превосходно представлена г. Кошелевымъ. Мы рѣшаемся выписать здѣсь собственные слова автора статьи, опасаясь, чтобы въ сокращенномъ пересказѣ нашемъ не утратилось впечатлѣніе, какое производится полнымъ изображеніемъ.

«При вѣзѣ въ Австрію изъ Пруссіи и Саксоніи (пишетъ г. Кошелевъ), первое непріятное впечатлѣніе на путешественника производитъ австрійскій чиновникъ. Онъ, правда, не грубъ, не высокомѣренъ и не черезъ-чуръ иенасытенъ въ денежномъ отношеніи (какъ бываютъ чиновники), но между нимъ и прусскимъ или саксонскимъ должностнымъ лицомъ (Beamter) есть разстояніе огромное, разстояніе земли отъ неба. Послѣдній очевидно проникнуть убѣжденіемъ, что онъ служить своей землѣ, что онъ тутъ ради людей, могущихъ имѣть въ немъ нужду, и что его долгъ всякому помочь въ исполненіи требованій закона. Прусскій чиновникъ охотно объясняетъ вамъ все, чтобъ нужно, помогаетъ вамъ въ затрудненіяхъ, просить васъ словно за одолженіе сдѣлать то, чего онъ имѣеть право отъ васъ требовать по закону, и такимъ образомъ даетъ наилучшее понятіе о правитель-

ствъ, коего онъ служитъ орулемъ. Австрійскій чиновникъ прежде всего смотритъ, чѣмъ онъ можетъ отъ васъ поживиться... Австрійскій чиновникъ взяточникъ, хотя и не грабитель; онъ не торгуется съ вами, не вымазживаетъ изъ васъ послѣдняго крейцера, но довольствуется всякою подачкою и остается вѣмъ за то какъ бы обязаннѣмъ. Австрійскій чиновникъ не отворачивается отъ васъ, когда вы къ нему подходите, не утыкаетъ носа въ бумагу, когда вы начинаете съ нимъ говорить, и не отвѣтываетъ грубо на ваши вопросы; но въ видѣ, въ дѣйствіяхъ его вы чувствуете лицо казенное—лицо, имѣющее привилегію самопроизвольно распоряжаться вами и достатками вашими. Австрійскій чиновникъ, конечно, не считаетъ просителя своимъ крѣпостнымъ, оброчнымъ крестьяниномъ, но видно, что онъ чувствуетъ себя частицею правительства, разработывающаго страну не для нея, а для собственной своей пользы: и онъ хочетъ поживиться, и ему хочется сорвать съ овцы клокъ шерсти. Замѣчательно, какъ въ чиновникъ прообразуется духъ самого правительства и существующихъ законовъ. Правительство и законы Пруссіи просвѣщены, умны, честны и благосклонны къ людямъ, точно таковъ и прусскій чиновникъ. Въ Австріи законы большею частію недобросовѣстны, двусмысленны, въ нихъ стелется обыкновенно мягко, но гражданамъ спать приходится жостко; правительство подозрительно и постоянно старается взять больше, чѣмъ что слѣдуетъ ему по буквальному смыслу закона; таковыми являются и чиновники австрійскіе. Минъ кажется, что худыя дѣйствія и испорченность чиновниковъ вообще относить къ ихъ личности—несправедливо: чиновники веадѣ таковы, каковыми правительство имѣть ихъ желаетъ. Чиновниковъ исправить частными мѣрами нельзя; приказанія, преслѣдованія, даже наказанія въ этомъ случаѣ безсильны. Въ Пруссіи чиновники исправились и дошли до вынѣшнаго своего положенія только потому, что само высшее правительство измѣнилось, что оно приняло въ себя новые, прежнею службою неискаженные элементы, что оно стало считать себя первымъ слугою отечества, что безкорыстіе и знаніе сдѣлались качествами первыхъ сановниковъ и что вообще правительство стало дѣйствовать честно, просвѣщенно и благонамѣренно. Я увѣренъ, что въ Австріи чиновниковъ исправить легко: стоитъ высшему правительству одушевиться искреннимъ желаніемъ служить отечеству и дѣйствовать безукоризненно, и примѣръ высшихъ чудотворно подѣйствуетъ на низшихъ». (Рус. Бес. 1857 г. т. IV, смѣсь, стр. 1—3.)

Грустно дѣлается послѣ чтенія подобныхъ изображеній, особенно когда представишь, что исправленіе, дѣйствительно, могло бы быть легко и скоро. Вообще, по человѣческому, тяжело видѣть людей, у которыхъ въ рукахъ огромная возможность дѣлать добро въ широкихъ размѣрахъ, дѣлать добро прочное, истинно благодѣтельное для миллионовъ людей, — и которые не пользуются этой возможностью или даже употребляютъ ее во зло. Но еще тяжелѣе ста-

новится на душѣ, когда подумаешь, что отъ этого страдаютъ наши единоплеменники, которыхъ судьба возбуждаетъ въ насъ все таки болѣе сочувствія, нежели судьба остальныхъ народовъ Европы. Пожелаемъ отъ всей души, чтобы исполнилось то, въ чемъ видѣть г. Кошелевъ лучшее средство къ искорененію всѣхъ злоупотребленій: чтобы высшее правительство Австріи, слѣдя примѣру Пруссіи, измѣнилось, приняло въ себя новые элементы, признало безкорыстіе и знатніе главными качествами высшихъ сановниковъ и вообще одушевилось искреннимъ желаніемъ служить отечеству и действовать безукоризненно. Нѣтъ сомнѣнія, что такое направление правительства неизбѣжно повлечетъ за собою уничтоженіе большей части злоупотребленій администраціи и улучшеніе судьбы миллионовъ людей.

Нельзя не поблагодарить издателя «Бесѣды» за его откровенныя и благородныя замѣтки, полныя любви къ правдѣ и свѣту. Не смотря на несогласіе съ «Бесѣдой» во многихъ мнѣніяхъ, мы отъ души желаемъ ей успѣха, если она, какъ обѣщаетъ въ своемъ объясненіи, «будетъ заниматься современными вопросами, имѣющими нынѣ особенно важное значеніе.» Благородство стремленій издателя «Бесѣды» и здравый взглядъ на вещи, неоднократно уже обнаруженный имъ въ его статьяхъ, ручаются, что разсмотрѣніе современныхъ вопросовъ въ «Бесѣдѣ» будетъ имѣть живой интересъ даже для партій, не раздѣляющей многихъ изъ убѣжденийъ славянофиловъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведенаго на насъ замѣтками г. Кошелева, мы не хотимъ на этотъ разъ вступать въ споры съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ, и въ заключеніе повторяемъ наше искреннее желаніе, чтобы «Бесѣда» сдержала свое слово и представила намъ свои взгляды на важнѣшіе современные вопросы, касающіеся европейской и русской жизни.

О СТЕПЕНИ УЧАСТИЯ НАРОДНОСТИ

ВЪ РАЗВИТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(*Очеркъ истории русской поэзии, А. Милюкова. Второе, дополненное, издание. Спб. 1858 г.*)

Книжка г. Милюкова—наша старая знакомая. Первое издание ея было въ 1847 г., и тогда же она была оцѣнена по достоинству въ яшихъ журналахъ. Новое издание этой книги пріятно напомнило намъ время первого ея появления и заставило подумать о томъ, что произошло въ нашей литературѣ въ послѣднее десятилѣтіе. Повидимому, ничего не произошло особенного: въ 1847 г. высказывались идеи и стремленія, совершенно близкія къ тѣмъ, какія высказываются въ 1858 г. Книжка г. Милюкова можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ. Слѣдя мѣяніямъ Бѣлинскаго о русскихъ литературныхъ явленіяхъ, г. Милюковъ составилъ тогда очеркъ развитія русской поэзіи,—и этотъ очеркъ до сихъ поръ не теряетъ своей правды и значенія. Тогда находилъ онъ хорошими только тѣ явленія русской поэзіи, въ которыхъ выражалось сатирическое направленіе; и теперь не нашелъ онъ ничего, что можно бы было похвалить у насъ виѣ сатирическаго направленія. Тогда заключилъ онъ свой очеркъ словами Лермонтова: «Россія вся въ будущемъ»—и теперь заключаетъ его тѣми же словами.. Ожидаемое будущее еще не настало для русской литературы; продолжается все тоже настоящее, какое было десять лѣтъ тому назадъ... Мы еще въ томъ же Гоголевскомъ періодѣ, и напрасно ждемъ такъ давно новаго слова: для него еще, вѣрно, не выработалось содержаніе въ жизни.

Т. LXVII. Отд. II.

9

Но если изъяснило ничего особенного во внутреннемъ содержании и характерѣ литературы, за то нельзя не видѣть, что външнимъ образомъ она развилаась довольно значительно. Вспомнимъ, какіе люди дѣйствовали у насъ на литературномъ поприщѣ въ сороковыхъ годахъ и до 1847 г. включительно. Хотя въ этомъ году Гоголь уже издалъ «Переписку», но все же онъ былъ живъ, и надежды на него не покидали его почитателей. За Гоголемъ возвышался гениальный критикъ его, энергически, громко и откровенно объяснявшій Россіи великое значеніе ся національного писателя. За Былинскимъ высились еще два-три человѣка, возбуждавшіе вниманіе публики къ вопросамъ философскимъ и общественнымъ. Подъ ихъ знаменемъ ратовала тогда литература противъ неправды и застоя; отъ никъ запиствовала она свою энергию и жизнь.

Теперь тоже литература призываетъ общество къ правдѣ и дѣятельности, тоже возстаетъ противъ злоупотреблений,—но кто несетъ наше знамя? Вокругъ кого собирались литературные дѣятели? Изъ тѣхъ, кто одушевлялъ литературу въ сороковыхъ годахъ,

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.»

Изъ новыхъ же дѣятелей нѣтъ никого, кто бы по своему таланту и вліянію равнялся Гоголю или Былинскому. Теперь нѣтъ литературныхъ вождей, подобныхъ прежнимъ; они исчезли одинъ за другимъ, русская литература утратила ихъ въ самый годъ смерти Былинского или не долго спустя. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали дѣйствовать и послѣ, даже еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; но для большинства русской публики труды ихъ оставались неизвѣстными въ эти годы. Такъ Гоголь до конца жизни не переставалъ работать надъ своимъ созданіемъ; но только немногіе, близкіе къ нему, люди знали, какое произведеніе готовитъ онъ. До прочихъ едва доходили темные, неопределенные слухи о продолженіи «Мертвыхъ Душъ». Такъ было и съ нѣкоторыми изъ другихъ литературныхъ дѣятелей. Такъ и до сихъ поръ, послѣ смерти Гоголя и прекращенія дѣятельности Былинского и нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, продолжается у насъ отсутствіе громкаго именія, отъ котораго приходила бы въ движеніе литература, которымъ бы направлялась извѣстнымъ образомъ ея дѣятельность.

А между тѣмъ кто не видѣть, что литература, при всѣхъ своихъ уратахъ и неудачахъ, осталась вѣрною своимъ благороднымъ преданіямъ, не измѣнила чистому знамени правды и гуманности, за которымъ она шла въ то время, когда оно было въ спливыхъ рукахъ могучихъ вождей ся. Теперь никого нѣтъ во главѣ дѣла, шо всѣ дружно и ровно идутъ къ одной цѣли; каждый писатель прони-

кнуть тѣни идеями, за которыхъ, лѣтъ десять тому назадъ, ратовали не многіе, лучшіе люди; каждый, по мѣрѣ силы, преслѣдуѣтъ то зло, противъ которого прежде возвышалось два-три энергическихъ голоса. То, что было тогда достояніемъ немногихъ, передовыхъ людей, перешло теперь во всю массу людей образованныхъ и пишущихъ. Кто неумѣлъ или не хотѣлъ усвоить себѣ этихъ живыхъ уроковъ недавняго прошедшаго, тотъ уже считается отсталымъ, отчужденнымъ отъ общаго дѣла, мертвѣцомъ между живыми, и его хоронятъ за-живо, не смотря ни на ученость, ни на талантъ. Да чѣ же иначе и дѣлать съ человѣкомъ, который самъ зарывается талантъ свой въ землю и мертввой буквой убиваетъ жизнь духа? Богъ съ вими; пусть сочиняютъ себѣ надгробныя надписи, долженствующія вѣкогда напомнить объ ихъ бессмертії. Живой о живомъ думаетъ, и вынѣшняя литература стремится извѣдать жизнь и на практикѣ приложить и пропрѣтить истины, привитыя общему сознанію достоинатными дѣятелями прежнихъ лѣтъ. Всѣ проникнуто этимъ духомъ, и,—повторимъ еще разъ,—хотя во внутреннемъ содержаніи литература не подвинулась впередъ, кругъ идей ея не разширился, но кругъ приверженцевъ этихъ идей значительно увеличился, усвоеніе ихъ стало тверже и полнѣе. Въ этомъ видимъ мы вѣнчаное развитіе литературы, составляющее прогрессъ ея въ послѣднія десять лѣтъ, и несомнѣнную, дѣйствительную ея заслугу. Она собственою силою сохранила еще свое достоинство отъ мелкихъ продѣлокъ и жалкихъ поползновеній, унижавшихъ въ другія времена званіе писателя. Она собственою силою завоевала себѣ этотъ кругъ людей, со всею энергией правды и молодости отдавшихъ себя правому дѣлу, чтобъ честно и правдиво послужить ему. Въ этомъ уже не малая заслуга, и она можетъ слѣдить громадно, если распространеніе идей добра и правды будетъ продолжаться такимъ уже образомъ и если интересы, возбужденные литературою, проникнутъ наконецъ въ массы народа. Тогда-то нельзѧ будетъ не признать великаго значенія литературы.

Но это все будущее, и, безъ сомнѣнія, довольно отдаленное. Книга же г. Милюкова даетъ намъ поводъ прослѣдить значеніе русской литературы въ прошелшемъ. Кстати здѣсь же мы можемъ объясниться съ нѣкоторыми книжниками, которые взводятъ на «Современникъ» обвиненіе, будто онъ совершенно отвергаетъ всякое значеніе литературы для общества.

Книжные приверженцы литературы очень горячатся за нее, считаю прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго добра. Они готовы думать, что литература заправляетъ исторію, что она передѣльваетъ даже нравы и характеръ народный; особенно поэ-

зід, — «я спасаю, подають живійню, знаєтьъ живилющие смиреніе», творить все, чому піддає... Він виступає із землю висадивши її уздовж рівнини, відкриваючи первістку віхід чоловічества, на якої зір ліндську, «срібну», грекою, і на, проложенісихъ въ творчіхъ величайшій генієвъ новихъ временъ... Сколько великихъ тайдъ, гегератъ ови; — повздовне міру въ величайшихъ со-запахахъ фантазіючаго чоловічества! Безъ ліндської і персид-кої поезії не було бы въ чоловічості созданія. бореній, івухъ інань: добрий, ала, я всемъ міръ, безъ Гомера не було бы Троїн-кої войны, безъ Віргілія Эней не стравстворалъ бы въ Італію, безъ Мильтона не було бы Потерянного Раю, безъ Данте—живыхъ представлений зла, чистилища и раю. Не було бы,—это въ высшей степени справедливо; всѣ эти прекрасныя созданія принадлежать творческой фантазії младенчествующаго народа или увлеченного вдохновеніемъ поэта. Но, знаете ли, что? — созданія фантазії такъ вѣдь и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не передодлять въ дѣйствительность. Не смотря на все величие гомерическихъ рапсодій, героический вѣкъ съ своими богами и богинями не явился въ Греції во времена Перикла, раздо какъ и въ Італії Віргілій, при всемъ своемъ краснорѣчіи, не могъ уже возвратить Римлянъ имперію къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ и не могъ превратить Тіверія въ Энея. Мало того,—авленія, изображенія во всѣхъ названихъ вами поэмахъ, и сами по себѣ то не имѣють дѣйствительности и съ каждымъ годомъ все далѣе отодвигают-ся въ туманный міръ призраковъ.. Увы!

. Мечты поэта!
Историкъ строгій гонитъ вѣсть!

Юнона не обольщала Зевса, Афродита не спасала Париса на полѣ битви, Аоина не обмазывала Гектора, Эней не видался съ Дионой, Шива не бородя съ Брамой, и т. д. Если во всѣхъ этихъ преданіяхъ и есть что-нибудь достойное нашего вниманія, то именно тѣ ча-сти ихъ, въ которыхъ отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія мы въ нихъ находимъ, интересы для насъ по-тому, что ѿкогда они не были заблужденіями, нѣкогда цѣлые на-роды вѣрили имъ и по нимъ располагали жизнь свою. Оттого-то и правится намъ доселъ поезія древняго міра и нѣкоторыя фантастическія произведенія поэтовъ новаго времени, тогда какъ ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждаютъ въ насъ нелѣвія сказки, сочи-няемые разными молодцами на потѣху взрослыхъ дѣтей, и выда-валяемые не рѣдко за романы, били, драмы, и пр. Тамъ видна жизнь своего времени и рисуется міръ души чловѣческой, съ тѣми осо-

беснованием, какъ производить въ земль жизни чародея възвышенную эпоху; а здесьничетъть, кроме производить и замкуть, склоняющихъ да размножьтъ живыя и производящихъ есть фантасмагетскаго, производимаго сийшевія шоктій и върховій разныхъ премнъшъ народовъ. Такъ въ музыкѣ нравится намъ не рѣдко: дикіе авторы, уклоняющіеся отъ правильнаго музикальнаго гармоніи, же удачно выражаютъ какъ-нибудь, действительное существующіе, диссонансъ въ природѣ; между тѣмъ намъ дергать уши, а вовсе не производить приятнаго звучанія начинию съставлена ошибка, когда пригнѣтъ вѣдьметъ одну поту вѣдѣто другой. Дѣлая это сраженіе, мы хотимъ сказать, что поэзія и вообще искусства, науки,— слагаются изъ жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи, и что все, что въ поэзіи является лишнимъ яротивъ жизни, т. с. не вытекающимъ изъ нея прямое и естественное, все это уродливо и безсмыслицно. Чѣмъ отнюдь свой вѣкъ, то уже не имѣть смысла, и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотою лица, отъ котораго выйдетъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскии трагедіяхъ и въ нашихъ олакъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззанія среднихъ вѣковъ могли увлекать сотни тысячъ людей на брань съ невѣрными, для освобождженія святыхъ иѣсть; но тѣ же воззанія, повторенный въ Европѣ XIX в., не прошли бы ничего, кроме смѣха. Пандаръ воспѣваѧ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣйно внимала ему; въ наше время никто уже серьёзно не воспѣваетъ церемоніальныи процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились поспаса, воспѣвавшия изъгревеніе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи, то они всѣмъ напоминались до того пошлы, что даже не возбудили смѣха. Конечно, же поэзія произвела всѣ эти явленія въ жизни, а жизнь застасила иначе смотрѣть на поэзію. Пора намъ освободить жизнь отъ таежной опеки, налагаемой на нее идеологіи. Начиная съ Платона, возстаютъ они противъ реализма, и еще, не понявши хорошошенько, перешутываютъ его учепіе. Невремѣнно хотятъ дуализма,—хотятъ дѣлить міръ на мыслимое и явлажное, увѣряя, что только чистая идеи имѣютъ настоящую дѣйствительность, а все являемое, т. е. видимое составляетъ только отраженіе этихъ высшихъ идей. Пора бы ужь бросить такія платоническія мечтанія, и понять, что хлѣбъ не есть пустой значекъ, отраженіе высшей, отвлеченої идеи жизненной силы, а просто хлѣбъ, объектъ, который можно съѣсть. Пора бы отстать и отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ будто бы образуется жизнь, точно такъ, какъ отстали, наконецъ, отъ телевологическихъ мечтаній, бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики.

Бывшаго, вѣдь, любимыи люди проинзвѣши разсуждали, какъ это умнѣвшіе глазъ приворожила природа къ тому, чтобы видѣть: и огни, и сѣточки, и оболочки, все, точно нарочно, такъ ужъ и придумано, чтобы видѣть; и никакъ тѣль не хотѣли сообразить добрые люди, что не потому глазъ такъ устроенъ, что наше этакая креатива есть необходимость видѣть, и видѣть именно аверхъ ногами и въ миниатюрѣ; а просто видѣть мы, и видѣть такъ, а не иначе, именно потому, что глазъ нашъ ужъ устроенъ. Или удивлялись, какъ рѣки текутъ: зодѣ, видите, наше всегдашии бѣжать, и,— непостижимая предусмотрительность природы!— въ каждомъ есть гдѣ рѣка течеть, неизрѣменно въ русль есть силонь; ну, вода-то и течетъ себѣ свободно.. Добрые люди и того не хотѣли подумать, что рѣка по склону-то именно и течеть: не будь его вправо, такъ она найдеть вѣтвь, а не становѣтъ дежицаться, покуда поѣтъ силонь образуется. Нѣтъ, по мнѣнію добрыхъ людей, если Волга течеть въ Каспійское море, такъ это потому единственно, что она пытаетъ себѣ особенное, невещественное, идеальное сочувствіе къ Каспію, и въ силу такой идеи она должна была неизрѣменно лѣтии именно до Каспія, хотя бы цѣльные Альны встрѣтились ей на дорогѣ:

Въ естественныхъ наукакъ вѣсъ подобныхъ аллегорій давнымъ давно оставлены; пора бы покончить съ ими и въ области литературы и искусства. Не жизнь идетъ по литературнымъ теоріямъ, а литература изиѣмлется сообразно съ направлениемъ жизни; по крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ, не только у насъ, а повсюду. Когда человѣчество, еще не сознавай своихъ внутреннихъ силъ, находилось совершенно подъ влияніемъ заѣшнаго міра и, подъ влияніемъ неопытнаго воображенія, во всемъ видѣло какія то таинственные силы, добрыя и злыя, и олицетворяло ихъ въ чудовищныхъ размѣрахъ; тогда и въ поэзіи явились тѣ же чудовищныя формы и также подавленность человѣка страшными силами природы. Когда же человѣкъ немножко попривыкъ къ этимъ силаимъ и созналъ отчасти свое собственное значеніе, тогда и силы природы стали онъ представлять автропоморфически, приближая ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ развилася поэзія греческая, съ своими божествами. Въ себѣ человѣкъ созналъ прежде всего виѣшнія, физическія качества — и на первой ступени развитія каждого народа являются героическая сказашія. Сила доставляетъ однімъ преимущества, которыхъ лишаются другіе; въ элементѣ поэзіи входитъ воспѣваніе того, какъ одинъ побѣдилъ другаго и какие получилъ трофеи. Трофеи доставляютъ побѣдителямъ возможность дивить побѣженныхъ своимъ великолѣпіемъ, а побѣженныхъ заставляютъ склониться предъ силою побѣдителя и признать надъ себой ея пра-

но: это первое въ это время выходитъ восторженная ода, въ которой
всю широту работы и въсасало. Но побѣдители забываются и
зачемъ уши слишкомъ тѣсните побѣденныхъ; явается ро-
вость, негодование, и въ литературѣ это выражается сатирой, сна-
чала глухой, действующей намеками—въ баснѣ, потомъ болѣе от-
крытой—въ сатиры лирической и драматической. Возбужденное не-
годование пробуждаетъ разумъ въ обѣихъ сторонахъ взаимныхъ
окасенія, желаніе уладить дѣло къ выгодѣ собственной, и какъ мож-
но больше выиграть для себя отъ противной стороны. Это обстоя-
тельство заставляетъ обратить вниманіе на устройство обществен-
ной и семейной жизни, на отношенія однихъ членовъ общества къ
другимъ, и литература склоняется къ общественнымъ интересамъ.
Разнообразіе этихъ интересовъ и успѣхи борьбы изъ-за нихъ опре-
дѣляютъ дальнѣйшее развитіе литературы. Бываетъ время, когда
народный духъ ослабѣваетъ, подавляемый силой побѣдителей,
естественные влеченія замираютъ на время, и мѣсто ихъ заступа-
ютъ искусственно возбужденія, насилиемъ навязанные понятія и
вѣтвицы, въ пользу побѣденныхъ; тогда и литература не мо-
жетъ выдержать: и она начинаетъ воспѣвать нелѣпыя и беззакон-
ные заслуги побѣдителей, и она вохващается тѣмъ, отъ чего съ
презрѣніемъ отвернулась бы въ другое время. Такъ было, напри-
меръ, у французъ въ началѣ прошлаго столѣтія, когда хотѣли заста-
вить наѣть забыть за разными потѣхами кровавыя передраги пред-
шествовавшаго времени. Подобное тому бывало и у другихъ наро-
довъ. Но какъ скоро общество или народъ очнется и почувствуетъ,
хотя смутно, свои естественные нужды, станетъ искать средство
для удовлетворенія своимъ потребностямъ, и литература тотчасъ
является служительницей его интересовъ. И голосъ ея обыкно-
венно бываетъ тѣмъ рѣзче, тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе силы пріобрѣ-
таеть въ обществѣ дѣло, ею защищаемое. Наоборотъ не бываетъ;
а если иногда кажется, будто жизнь пошла по литературнымъ убѣж-
деніямъ, то это иллюзія, зависящая оттого, что въ литературѣ мы
часто въ первый разъ замѣчаемъ то движеніе, которое, непринѣтно
для наѣтъ, давно уже совершалось въ обществѣ. Иначе и не можетъ
быть: откуда вдругъ взялись бы, хоть у наѣтъ, напримѣръ, жалобы
на злоупотребленія чиновниковъ или толки о желѣзныхъ дорогахъ,
если бы въ обществѣ не было давно уже потребности въ правосу-
діи и въ хорошихъ путахъ сообщенія? Для того, чтобы извѣстная
идея выскажалась наконецъ литературнымъ образомъ, нужно ей
долго, незамѣтно и тихо, созрѣвать въ умахъ людей, имѣющихъ
прямое, непосредственное соотношеніе съ практической жизнью.
На вопросы жизни отвѣчаетъ литература тѣмъ, что находить въ

жити. Но поэтому — изящество и солидность литературы можетъ служить доврашю вѣрныхъ поискахъ здѣ, изъ тѣхъ интересуетъ общество, какіе вѣдомыъ возбуждаютъ его, чemu онъ самъ не сочувствуетъ. Разумѣется, бывающіе измѣненія, по-своему же говоримъ. Большею же частю общественные жизненные интересы тотчасъ проявляются въ литературѣ, съ большего или меньшего сознательностью и ясностью.

Сознательности и ясности стремлений въ обществѣ литература много помогаетъ, — въ этомъ мы отдаемъ ей полную справедливость. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на то, чѣмъ полна теперь вся Россія, что отодвинуло далеко назадъ всѣ остальные вопросы, — на измѣненіе отношений между помѣщиками и крестьянами. Не литература пробудила вопросъ о крѣпостномъ правѣ; она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда онъ уже совершенно созрѣлъ въ обществѣ; и только теперь, когда онъ уже прямо поставленъ правительствомъ, литература смѣлѣстю прямо и серьѣзно рассматривать его. Но какъ-никако база ученія литературы въ возбужденіи вопроса, столь же велико можетъ быть ея значеніе въ строгомъ и правильномъ его обсужденіи. Намъ уже много разъ приходилось слышать, отъ многихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, что теперь необходимо, чтобы люди, науки и мысли, равно какъ и люди жизненного опыта, — ознакомлены пришли да себя трудъ высказать печатно свои замѣненія о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, лучше устроить это дѣло, столь важное и благотворительное. Въ этомъ случаѣ — литература незамѣнна. Поестественному, она можетъ принести здѣсь гораздо боѣлье пользы, чѣмъ даже открытыя, публичные совѣщанія. Совѣщанія эти во всѣмъ случаѣ должны имѣть болѣе или менѣе частный характеръ, и кроме того, вѣнчаны слишкомъ многою страстью, импровизація не рѣдко замѣняетъ строго-послѣдовательное разсужденіе и рѣшеніе. Литературныя разсужденія имѣютъ характеръ всебицкости: ихъ можетъ читать вся Россія. Кроме того, въ литературномъ изложеніи путь первого увлеченія непремѣнно слаживается и мѣсто его необходимо выступаетъ спокойная обдуманность, хладнокровное соображеніе мнѣній разныхъ сторонъ и выводъ строгого логическій, свободный отъ воспачтѣній минуты. Здѣсь роль литературы чрезвычайно важна, и величества ея значенія ослабляется въ этомъ случаѣ только малостью круга, въ которомъ она дѣйствуетъ. Это послѣднее — такое обстоятельство, о которомъ невозможно безъ сокрушенія вспомнить; и которое обдастъ насъ холодомъ всякий разъ, какъ мы увлечемся мечтаніями о великому значеніи литературы и о благотворномъ вліяніи ея на человѣчество.

«Вы ханжите добъ, — мы впадаемъ въ страшное самообольщеніе, когда считаемъ свои писанія столь важными для народной жизни; вы строите воздушные замки, когда полагаетъ, что отъ нашихъ слоевъ можетъ перенести съхъ историческихъ событий, хотя бы и самыи не были. Конечно, пріятно и легко — строить воздушные замки,

И уѣрять, и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но сдѣлайте маленький, беспристрастный разсчетъ, и вы увидите, какъ великое значение самообольщеніе. У лучшихъ нашихъ журналовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся литературная дѣятельность, насчитывается до 20,000 подписчиковъ; столько же будетъ и у газетъ (хотя подписаніи на журналы обыкновенно подписываются и на газеты). Если на каждый экземпляр положить 10 читателей, то окажется 400,000. Можно порадоваться такой цифрѣ, забывъ на мигу, что таа преувеличена. Но скажите, что же значать эти сотни тысячъ, передъ десятками миллионовъ, населяющихъ Россію? Какъ же живутъ эти остальные 64,600,000, не считающія нашихъ газетъ и журналовъ? Участвуютъ ли они въ тѣхъ разсужденіяхъ о возышшихъ предметахъ, какія мы съ такою гордостію стараемся проводить миру? Интересуютъ ли ихъ наши художественные созданія, которыми мы восхищаемся? Находитъ ли они отраду въ тѣхъ живыхъ мысляхъ, какія мы высказываемъ, въ нашикъ литературныхъ обличеніяхъ, общественныхъ вопросахъ, поднятыхъ во имя цѣлаго человѣчества? Знаеть ли это человѣчество, что мы о немъ клонечемъ, что мы лѣзимъ изъ кожи, готовы подрагнуть между со-бой, споря о его благосостояніи?... Можно предполагать, что число неголодающихъ и мещаниковъ, исправленныхъ литературую, крайне ограничено. Кажется, мы не ошибемся, если насто тысячу общего числа читателей положимъ одного исправленного негодяя (да и то мы боимся, чтобы читатели не осердились на насъ за то, что мы предполагаемъ въ ихъ числѣ такихъ небородихъ людей; но просямъ извиненія, оправдываясь пословицею: въ семье не безъ урода). Слѣдовательно, всѣ эти, столь многія сотни литераторовъ, проникнутыхъ горячою любовью къ добру, и еще болѣе горячою ненавистью къ пороку, всѣ эти доблестныя фаланги мирныхъ рыцарей слова, должны ограничить кругъ своихъ подвиговъ только четырьмя обращеніями (да и то сомнительными, замѣтить читатель). Туже самую ограниченность круга дѣйствій нужно замѣтить и въ тѣхъ отдалахъ литературы, которые имѣютъ предметомъ распространеніе знаній. Напр. сколько было у насъ толковъ о воспитаніи и обученіи. Толковали преимущественно о школьному

воспитаній. А сколько народу у насъ читаетъ школьнаго? Всего на всего, во всѣхъ вѣдомствахъ и во всѣхъ стеченияхъ обученія, съ не-большимъ 350,000 мальчиковъ, да девочекъ до 40,000. Изъ всего числа ихъ статьи о воспитаніи были прочитаны, разучены, только вѣсколькими студентами. Да онъ, правда, не для воспитанниковъ и назначались, а для учителей. Учителей у насъ тысячу 15 (не всею то Россію!), и можно полагать, что десятая часть изъ нихъ прочитала то, что было писано о недостаткахъ современного воспитанія и обученія. Изъ этой десятой части половина, павѣрное, знала еще гораздо раньше то, на что иаконецъ указывается литература, а изъ остальныхъ, одни прочитали и не согласились, другие согласились, да ионали по своему, и хорошо, если хоть десятая доля ионала все, какъ слѣдуетъ. Изъ появившихъ же, вѣроятно, не болѣе, опять, какъ десятина примѣна на себя трудъ приложить писанныя мудрости къ дѣлу, да и изъ нихъ дай Богъ, чтобы хоть десятая часть имѣла успѣхъ. Такимъ образомъ и окажется только пеатора человѣка, въ практической дѣятельности которыхъ проявится благотворительное вліяніе литературы. Результаты не до такой степени блестательные, чтобы за нихъ сочинять себѣ трофеи, сопоставлять вѣнки и воздвигать памятники! Наирасно также у насъ и громкое название народныхъ писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе не дѣла до художественности Шушкина, до плавнѣтельной сладости сти-мовъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошла до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится; онъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы дать средства полмиллиону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Она-то и служитъ причиной того, что литература доселе имѣть такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не называй мы народу заботы о нашемъ прокормленіи и о всакомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы же были бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространялись бы въ массахъ и мы стали бы имѣть больше значенія, наши труды стали бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, т. е. ея восхвалители и многіе дѣятели находятся въ горькомъ само-обольщѣніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цветъ розо-желтый облаковъ, или совершивши глубокій анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно рассказавши исторію будочника, вынувшаго пятакъ изъ кармана пьяного мужика, литераторъ воображаетъ, что онъ ужъ нѣвѣсть какой подвигъ совершилъ, и что есть

его сходіїя пройдуть для народа послѣдствіа немеческія. **Ницраско:** создавіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то винаго не займетъ его и не принесеть ему пользы. Массы народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавы наши восторги. Мы действуемъ и пишемъ, за многими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе значительного; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ парціальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа, и для него интересные, то трактуются опять не съ обще-справедливой, не съ человѣческой, и съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видеахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другаго класса. Въ нашей литературѣ это послѣднее обстоятельство еще не такъ замѣтно, потому что вообще у насъ въ прежнее время мало толковали о народныхъ интересахъ; но въ литературахъ западныхъ духъ парціальности выставляется несравненно ярче. **Всикое явленіе историческое,** всякое государственное постановление, вскій общественный вопросъ, обсуживается тамъ въ литературѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно интересамъ различныхъ партій. Въ этомъ, конечно, ничего еще нѣтъ дурнаго: пусть каждая партія свободно высказываетъ свои мнѣнія: изъ столкновенія разныхъ мнѣній выходитъ правда. Но дурно то, что всѣ эти партіи слишкомъ односторонни. Такъ, напр., множество есть исторій, написанныхъъ съ большими талантами и знаніемъ дѣла, и есть католической точки зрѣнія, и съ рационалистической, и съ монархической, и есть либеральной,—всѣхъ не перечтешь. Но много ли являлось въ Европѣ историковъ народа, которые бы смотрѣли на событія съ точки зрѣнія народныхъ выгодъ, рассматривали, что выигралъ или проигралъ народъ въ извѣстную эпоху, гдѣ было добро и зло для массы, для людей вообще, а не для нѣсколькихъ титулованныхъ личностей, завоевателей, полководцевъ и т. п. Политическая экономія гордо провозглашающая себя наукою о народномъ богатствѣ, въ сущности заботится только о возможно-выгоднѣйшемъ употреблѣніи и возможно-скорѣйшемъ увеличеніи капитала, с. і. служить только классу капиталистовъ, весьма мало обращая вниманія на массу людей безкапитальныхъ, не имѣющихъ ничего, кроме собственного труда. Нѣсколько голосовъ поднималось, правда, во Франціи въ защиту этихъ беспомощныхъ людей отъ односторонняго могущества капитала; но капиталисты назвали эти голоса безуміемъ и сочинили противъ нихъ великое множество системъ, въ которыхъ строго-логически доказывали, что никто не имѣть права запретить имъ приумножить свои капиталы посредствомъ труда лю-

дѣй бесчестивыхъ. Да ужь что говорить о наукахъ? Даже поэзія, всегда столь сочувствовавшая всему добруму и прекрасному миру, изрвавшая мелкие, своекорыстные расчеты, даже поэзія постоянно увлекающая духомъ партій и классовъ, и только въ членѣніи частныхъ явленіяхъ возвышалась до точки зреїнія чисто человѣческой, превышающей частные интересы кружковъ или какихъ набудутъ особенныхъ личностей. Она избирала всегда возвышенныя идеи, возвышенныя личности, далеко выдающіяся изъ толпы, и рѣдко спускалась до простаго люда. У грековъ это еще было такъ—себѣ, ничего; потому что и жизнь у нихъ была устроена особынною образомъ, такъ что масса народа не исключалась изъ участія въ общемъ ходѣ. Поэтому и въ литературѣ ихъ, хотя возвышенѣйшия роли играются богами, полу-богами, царями и героями; но съ другой стороны и народъ является нерѣдко въ видѣ хора, играющаго роль здравомысла и хладнокровно обсуживающаго преступлениа и глупости дѣйствующихъ лицъ пьесы. Въ началѣ греческой поэзіи видимъ мы, правда, взбалмошныхъ Менелавъ и Агамемновъ, да сладострастныхъ Парисовъ, изъ-за которыхъ народы проливаютъ кровь свою; но во время высшаго развитія греческой цивилизациіи являются и Аристофановы поселяне. Вообще въ греческой поэзіи интересы народа уважались еще не сколько. Но въ Римѣ находимъ уже не то: тамъ уже развивается односторонняя государственная идея, и человѣкъ имѣеть значеніе только какъ принадлежность Рима. Тамъ уже не трогаютъ страданія народа, не занимаютъ его интересы и радости. Римская поэзія воспѣваетъ отвлеченные, возвышенныя идеи, да сильныхъ мужей, въ родѣ того, который не побѣдить; если весь міръ станетъ предъ ними разрушаться. Это отталкивающее преклоненіе предъ безчеловѣческимъ мертвить всю поэзію Рима, и человѣческое чувство пробуждается въ ней почти только для эпикурейскихъ наслажденій. Даже сатира имѣеть тамъ характеръ вовсе не гуманный, а или отвлеченный, или лично раздражительный. При императорахъ народъ особенно подвергался презрѣнію; даже слово *vulgaris* (*vulgaire*, собственно народный) приняло значеніе пошлаго, даже неприличного. Въ среднихъ вѣкахъ продолжается также исторія, только въ болѣе грубомъ видѣ. Барды, прославляющіе подвиги побѣдителей, да трубадуры и менестрели, воспѣвающіе воинскую доблесть, знатное происхожденіе и неестественно-возвышенныя чувства, овладѣваютъ всей поэзіей. Народъ награждается полнымъ презрѣніемъ; ему за милость только дозволяютъ любоваться подвигами знатныхъ рыцарей, а ужь если придется простому человѣку угостить рыцаря, такъ ототакая честь, отъ которой онъ весь вѣкъ долженъ быть счастливъ.

Въ первомъ разѣ, преобразованіе общественной силы было таинъ проката, страхи, изгнаніе изъ общества не побѣденныхъ, таинъ бытия сидѣть; что самъ народъ, какъ будто убѣжалъ въ томъ, что всѣ эти высокородные бароны и ордены великаго рода,—особы священныя, высшей вороты, и что онъ долженъ чтить ихъ съ трепетомъ и вѣсты съ радостью. Не одни сановные трубадуры, юдини съ оруженосцами, жонглерами и всякими приспѣшниками, не одни придворные паразиты, а самъ народъ наивно воспѣвалъ героевъ, «погубившихъ болѣе народа, чѣмъ жесточайшая чума», и «величавые недоступные дворцы, у воротъ которыхъ стояли львы, какъ живые, будто готовые поглотить всякаго, кто, неприглашенный, дерзнетъ приблизиться къ великолѣпному жилищу». Скоро, впрочемъ, народъ воспользовался иначе орудіемъ, которое дали ему въ руки: въ XV вѣкѣ онъ рѣшительно измѣняетъ тонъ и слагаетъ злѣйшія сатиры на своихъ притѣснителей и ватѣхъ, отъ которыхъ онъ прежде ждалъ спасенія, но въ которыхъ жестоко обманулся,—на католическихъ духовныхъ. Ународовъ Западной Европы досихъ поръ сильно распространенъ этотъ родъ поэзіи, но настоящая, свѣтская, аристократическая литература пренебрегаетъ такой поэзіей. Она имѣетъ другія стремленія, другой характеръ: ей нужно сочувствіе извѣстныхъ кружковъ общества, полныхъ своими обыденными заботами и во все не беспокоящихъ о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ остальномъ человѣчествѣ, за предѣлами ихъ тѣснаго круга. Интересы этихъ кружковъ и отражаются въ поэтическихъ созданіяхъ новыхъ народовъ. Если же когда вздумается литератору взглянуть и на свои отношенія къ массѣ, то онъ взглянетъ на это непремѣнно по своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Съ теченіемъ времени, разумѣется, все больше и больше начинаютъ обращать вниманіе на требование массъ, иногда литература и разшумится, если произойдетъ какое нибуль замѣтное столкновеніе интересовъ различныхъ классовъ въ самой жизни. Но способъ разсужденія, употребляемый въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно напоминаетъ графа де-Местра и его книгу о папѣ. Графъ, какъ набожный католикъ и отставной пьемонтскій сенаторъ, разсуждаетъ очень мило. «Народы страдаютъ, говорить онъ, отъ произвола, жестокости и насилий свѣтской власти; нужно противодѣйствіе этой власти. Но самъ народъ глупъ, грубъ, беззаконенъ, подлъ, и потому противодѣйствія составить не можетъ. Единственно-возможное и дѣйствительное средство для его спасенія и охраненія состоить въ томъ, чтобы обратиться къ святѣйшему папѣ и признать надъ собою его духовную и свѣтскую власть... Въ такомъ же родѣ и современные, хоть бы французскіе писатели сочиняютъ: одинъ мел-

праву для доказательства, что богатство никого не принесетъ, кроме огорчений, и что судоводательно бѣдяки не должны заботиться о материальномъ улучшении своей участы; другой романъ, для убѣжденія въ томъ, что люди сладострастныи и роскошные чрезвычайно полезны для развитія промышленности, и что слѣд. люди, нуждающіеся въ работѣ, должны всѣй душою желать, чтобы побольше было въ высшихъ классахъ роскоши и расточительности, и т. п.

Рѣдко, и то у высшихъ геніевъ поэзіи, являлась чистая любовь къ человѣчеству, не возмущаемая интересами партій. Еще въ неизвѣстной Европѣ XVI вѣка раздались знаменательные слова: «Человѣкъ былъ онь», и въ нихъ выразилось сознаніе генія о достоинствѣ человѣка. Въ эпоху, близкую къ нашей, другой геній той же націи, называемый обыкновенно ненавистникомъ человѣчества, сказалъ пророчески, что «пройдетъ на земль царство меча, и невозможны будутъ поработители». Злобными сарказмами метилъ недавно торжествующимъ партіямъ за германскій народъ Генрихъ Гейне, полагавшій весь смыслъ искусства и философіи въ томъ, чтобы пробуждать отъ сна задремавшія силы народа. Всѣ горести и труды бѣдяковъ нашли себѣ живой и полный отголосокъ въ пѣсняхъ національного французскаго поэта, котораго недавно парижское правительство похоронило съ такой офиціальной торжественностью. Въ своемъ поэтическомъ пониманіи общихъ нуждъ и стремленій человѣчества, Беранже возвысился до такихъ стиховъ:

«Le pauvre a-t-il une patrie?
Que me font vos vins et vos blés,
Votre gloire et votre industrie,
Et vos orateurs assamblés!»

Но немного подобныхъ стиховъ въ европейскихъ литературахъ; немногіе поэты возвышались надъ интересами кружковъ и рѣшались отказаться отъ воспѣванія отвлеченныхъ добродѣтелей храбрости, рѣшительности, вѣрности, терпѣнія и т. п., или отъ сиюящихъ игрушекъ, въ родѣ великолѣпныхъ мостовъ, зданій фейерверковъ, и пр., или наконецъ личныхъ ощущеній при взглядѣ на звѣзды, при прогулкѣ вдвоемъ, при посѣщеніи музея, и т. п. Возвыситься надъ мелкими интересами кружковъ, стать выше угожденія своеокрыстымъ требованиямъ меньшинства, къ сожалѣнію, не умѣла еще до сихъ порь ни одна европейская литература.

Это невольное отступленіе, сдѣланное пами по поводу ограниченности круга дѣйствія русской литературы, приводить насъ теперь именно къ тому, съ чего мы хотѣли начать нашу статью, къ разсмотрѣнію содержанія и характера, успѣвшаго проявиться въ исторіи

вашей литературы. Выше мы заметили, что у насъ не такъ замѣтно выказывался характеръ парціальности, развитійся въ литературахъ Западной Европы. Слова эти требуютъ поясненія. Мы вовсе не хотѣли ставить нашу литературу выше всѣхъ европейскихъ, вовсе не думали приписывать ей небывалое безпредубежденіе и широту взгляда, отрѣшеніе отъ частныхъ интересовъ въ пользу общихъ, высшее сознаніе человѣческаго достоинства, и т. п. Совсѣмъ нѣтъ, мы хотѣли только сказать, что такъ какъ у насъ до сихъ поръ литература не считалась важной и существенной принадлежностью жизни, то, по большей части, никто и не думалъ дѣлать ее орудіемъ своихъ плановъ, никто и не обращалъ вниманія на то, служитъ ли литература какимъ набудь партіямъ, и какимъ именно, къ чему она расположена, противъ чего возстаетъ. Всѣ очень хорошо понимали, что мало кто можетъ у насъ соображаться съ тѣмъ, что говорится въ кампахъ, и что ходъ нашей жизни зависитъ не отъ писанныхъ убѣжденийъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, а отъ вещей гораздо болѣе существенныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе, по пословицѣ, къ *своей рубашкѣ* каждого. По этому-то никто и не заботился о духѣ и направлениіи литературы, и въ ней не выразилось такого замѣтнаго увлеченія духомъ различныхъ партій, какъ на Западѣ. Но нельзя же было оставаться ей безъ всякаго направлениія; нужно же было выразить какія нибудь стремленія и понятія: безъ этого не можетъ обойтись ни одно произведеніе мысли человѣческой. Всего ближе, разумѣется, было выразиться въ литературѣ интересамъ и мнѣніямъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было книжное дѣло, и тѣхъ, въ комъ оно находило хоть маленькую поддержку и опору. Такъ и слу-
чилось.

Во время языческой древности, у русскихъ, какъ и у всѣхъ славянъ, существовала уже поэзія народная. Не зная древней языческой русской поэзіи, въ ея настоящемъ, неиспорченномъ видѣ, мы можемъ судить о ней только по аналогіи съ поэзіею другихъ славянскихъ племенъ и по намекамъ, сохранившимся въ томъ, что до насъ дошло отъ русской древности въ измѣненіяхъ позднѣйшаго времени. Сравнительное изученіе поэзіи славянскихъ народовъ привело многихъ къ полному убѣжденію въ томъ, что въ древности выражались въ ней действительно обще-народные интересы и воззрѣнія на жизнь. Это, разумѣется, и было совершенно естественно при господствѣ патріархальныхъ отношеній, когда еще не существовало ни малѣйшаго разлада между жизнью семействою и государственію, а, напротивъ, они сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. Что можетъ быть проще и естественнѣе того, что

«Всакъ окочъ въ дому, срешиль замѣтъ:
 Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду,
 А умретъ глава всѣхъ домочадцевъ
 Дѣти всѣмъ добромъ съобща владѣютъ,
 Выбравъ старшину себѣ изъ рода,
 Чтобы ходить, для пользы ихъ, на сеймы,
 Гдѣ съ ними кметы, лехи и владыки.» (*)

Когда жизнь устроена еще такимъ образомъ, то, сама собою разумѣется, поэзія непремѣнно должна выражать народные интересы. Но, къ сожалѣнію, почти ничего не имѣемъ мы отъ той древности, когда кметы разсуждали съ лехами и владыками на общественныхъ сеймахъ. По всей вѣроятности и разсуждали-то они плохо, потому что мало имѣли образованія, слишкомъ сильно еще были подавлены вѣтшими вліяніями. Разсужденіемъ ихъ недоставало многаго для того, чтобы удовлетворить всѣхъ, и чтобы быть вполнѣ справедливыми и разумными. Небыло у нихъ пособія ни въ жизненной опыта-ности прошедшихъ вѣковъ, ни въ знаніи природы и умѣніи владѣть ею, ни въ знаніи міра души человѣческой. Кругъ ихъ зрѣнія былъ узокъ, ониходили ощущую, дѣлали неурядицу, и, не понимая выгоды своего положенія, сами должны были искать исхода изъ тѣхъ безпорядковъ, къ которымъ сами себя привели. Исходъ нашелся, конечно, такой же, какъ и всѣ: вѣсколько леховъ сказали безтолковымъ кметамъ: «выничего не помните и дѣлаете только глупости; предоставьте все намъ и дѣлайте то, что мы прикажемъ». По врожденной человѣкѣ лѣни по сознанію своего бессилия, кметы съ радостью согласились и даже начали сочинять пѣсни во славу мудрыхъ и сильныхъ леховъ, умѣвшихъ водворить между вими тишину и порядокъ. Тутъ-то народная поэзія и должна была измѣнить свой характеръ, сообразно съ новымъ устройствомъ жизнен-ыхъ отношений. Но и при этомъ измѣненіи остались слѣды об-щаго характера прежней поэзіи: народная пѣсни не скоро потеряли свой простой, естественный характеръ, не скоро увлеклись чуждыми интересами, и до сихъ поръ въ ней замѣчаются слѣды первоначаль-ной простоты естественныхъ условій быта. Въ этомъ отношеніи славянская народная поэзія имѣеть даже преимущество предъ про-чими европейскими: въ ней болѣе пѣсенъ бытовыхъ и менѣе естест-венныхъ, рыцарскихъ повѣствованій; да и тѣ, какія есть, отно-сятся болѣше частію къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда уже и на-роль пріучился ко множеству одностороннихъ отвлеченностей. Во-обще же, по отзыву одного изъ любителей славянистовъ (Бродзин-

(*) Кметы — простые поселяне, лехи — богатые владѣльцы, владыки — мелкие владѣтели.

скаго), «въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ выражаются люди, не властолюбивые, жестокіе, страстные ко всему необыкновенному, привязанные къ мечтамъ собственного воображенія, но люди, далекіе отъ желавій причудливыхъ и странныхъ, отъ страстей буйныхъ и вальственныхъ», и пр. Суждение это вполнѣ можетъ быть примѣнено къ русской народной поэзіи. По нашему мнѣнію, въ ней заключается много доказательствъ того, что въ народѣ нашемъ издревле хранилось много силъ для дѣятельности обширной и полезной, много было задатковъ самобытнаго, живаго развитія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Милюковымъ, который все безобразіе русскихъ сказокъ и пѣсень складываетъ на народность и говорить, что отъ нея ничего было ожидать безъ коренной реформы. Мы думаемъ, что вѣтъ у насъ достаточно данныхъ для того, чтобы обвинять народность въ безобразіяхъ поэзіи и даже самой жизни; а есть, напротивъ, данные, позволяющія видѣть причину ихъ въ обстоятельствахъ, пришедшихъ извѣтъ. Народная поэзія, какъ видно, долго держалась своего естественнаго, простаго характера, выражая сочувствіе къ обыденнымъ страданьямъ и радостямъ, и инстинктивно отвращаясь громкихъ подвиговъ и величавыхъ явлений жизни, славныхъ и безполезныхъ. На дѣлѣ народъ долженъ былъ терпѣть ихъ и даже принимать въ нихъ участіе, по въ поэзіи его нѣтъ ни малѣйшихъ следовъ хоть какого нибудь сочувствія къ подобнымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется любопытно замѣтка г. Бодянского (въ сочиненіи «О славянской народной поэзіи», стран. 124), въ которой онъ говоритъ объ участіи народа въ удѣльныхъ ссорахъ князей. «Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счетовъ между собою, говорить онъ, не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошить землю, взять на щитъ городокъ, и т. п. подъ стягомъ ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, не склонившая въ свою пользу сердца ратовавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ служитъ то, что народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни оной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хоть бы глухою, темною моловой.» Это замѣчаніе, высказанное слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не опровергнуто ни однимъ фактомъ, не смотря на множество вновь изданныхъ съ тѣхъ поръ памятниковъ и исследованій. Въ самомъ дѣлѣ, можно полагать, что до самой татарской эпохи народъ держалъ себя совершенно равнодушно въ отношеніи къ политическимъ событиямъ Руси, имѣвшимъ, со временемъ Владимира, большую частію династической интересъ. Только во времена бѣдствій родной земли вспомнилъ онъ минувшую славу и обратился къ разработкѣ старинныхъ преданій, оставшихся, конечно,

еще отъ временъ норманновъ. Тутъ онъ началъ организовать разбросанныя сказания, перепуталъ лица, мѣстности и эпохи, и цѣлый трехсотлѣтній періодъ сгруппировалъ около лица одного Владимира, бывшаго ему памятною другихъ. Возбуждалась любовь къ этимъ пѣснямъ, конечно, горькимъ чувствомъ при взглядахъ на современный порядокъ вещей. При нашествіи народа невѣдомаго, ожиданія всѣхъ обратились, разумѣется, къ князьямъ; они, которые такъ часто воевали свой народъ на битву съ своими, должны были теперь защищать родную землю отъ чужихъ. Но оказалось, что князья истощили свои силы въ удѣльныхъ междуособіяхъ и вовсе не умѣли оказать энергического противодействія страшнымъ непріятелямъ. Они бѣгали отъ монголовъ, пока не узнали, что они не вмѣщаются во внутреннее управление и довольствуются собирашеніемъ подати. Тогда они признали себя данниками монголовъ, и народъ узналъ, что онъ сталъ татарскимъ улусомъ и что подати на немъ прибавилось. Горько было настоящее положеніе народа, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ, онъ невольно сравнилъ выѣвшія события съ преданіями о временахъ давно минувшихъ, и грустно запѣлъ про славныхъ, могучихъ богатырей, окружавшихъ князя Владимира. Пѣсня эта была сначала горькимъ упрекомъ настоящему, а потомъ, доставляя народу забвеніе и даже уг҃щеніе, стала увлекать его и заставляла прымѣнять прежнія события къ современному теченію дѣлъ. Такимъ образомъ богатырей Владимировыхъ заставили сражаться съ Татарами и самого Владимира сдѣлали данникомъ «грознаго короля Золотой Орды Этмануила Этмануиловича». Дальнѣйшия искаженія объясняются такъ же легко: въ живой дѣйствительности народъ не видѣлъ никакого средства управиться съ своими поработителями и долженъ былъ безмолвно склониться предъ ихъ силой. Но тяжела ему была эта покорность, и онъ все не оставлялъ мечтать о средствахъ освобожденія. Чѣмъ далѣе эти мечты были отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе онъ принимали дѣтскій характеръ: въ нихъ являлись и волшебники, и оборотни, и неестественныхъ размѣровъ богатыри, и разумные кошки, и маговоры еретическіе. А когда попались эти пѣсни въ руки книжникамъ, то и послѣднюю жизненность потеряли, подъ ихъ реторическими прикрасами. Но вліяніе книжной литературы на народную словесность заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Г. Милюковъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого, и потому его статья о народной поэзіи русской не имѣеть окончательной полноты. Мы скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ, которыя кажутся намъ не лишними для того, чтобы яснѣе поцѣпить причины и свойства разлада, постоянно господствовавшаго у насъ между литературою книжною и словесностью народа.

Наша книжная славесность, начавшаяся со временъ Владимира, не была, какъ всѣмъ извѣстно, произведеніемъ національныхъ элементовъ, а была перенесена къ намъ съ чужа. Мало того — она явилась къ намъ не вслѣдствіе того, что въ народѣ явилась потребность заимствованія чужой образованности, а просто по случаю обстоятельству. Простодушный разсказъ Нестора убѣждаетъ насъ неопровергимо, что народъ во времена Владимира еще не созрѣлъ для той высшей цивилизациіи, которая при немъ привнесена была на Русь, вмѣстѣ съ Божественнымъ ученіемъ христіанства. Черезъ столѣтіе послѣ принятія христіанства въ Россії, одинъ, безъ сомнѣнія, изъ просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашней Руси — Несторъ лѣтописецъ, и тотъ еще не понималъ необходимости внутренняго убѣженія въ подобныхъ случаяхъ. Онъ входитъ совершенно естественнымъ, что паканунѣ невѣрные люди плачутъ о Перунѣ, котораго бросили въ Днѣпръ и кричатъ ему: вызыбай, Боже! а на другой день слышатъ приказъ: «аще не обращется кто на рѣцѣ, богатъ ли, или убогъ, или нищъ, ли работникъ, противъ мнѣ да будетъ», и съ радостью идутъ на рѣку, говоря: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боларе пріаху.» Рассматривая этотъ случай беспристрастно, можно приложить къ нему тоже самое мнѣніе, какое высказано г. Бодянскимъ объ участіи народа въ междуусобныхъ ссорахъ князей. А между тѣмъ Несторъ заключаетъ свой разсказъ тѣмъ, что «баше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволъ стоялъ глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмъ» (Нест., 6496 г.).

Все это неопровергимо доказываетъ, что народъ не былъ предварительно приготовленъ къ принятію тѣхъ высокихъ истинъ, которыя ему предлагались и не въ состояніи были еще воспользоваться, какъ слѣдуетъ, благодѣяніями новой цивилизациіи, входящей въ Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Для вполнѣшаго убѣженія въ этомъ нужно вспомнить продолженіе того же разсказа Нестора о томъ, какъ вели себя русскіе люди въ отношеніи къ новой цивилизациіи. Владимиръ, говорить лѣтописецъ, началъ поставлять церкви, разрушать кумиры, ставить поповъ и «нача поимати у нарочитое чада дѣти и даяти нача на ученье книжное; матерес же чадъ сихъ плакахуся по нихъ; еще бо не баху си утвердили вѣрою, но яко по мертвѣци плакахуся.» Нисколько не сочувствуя, конечно, отвращенію народа отъ ученья, нельзя, однако же, съ грустью не согласиться, что фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что даже въ наше время въ простомъ народѣ онъ не утратилъ своего значенія. Ни самаго ученья, ни тѣхъ, которые боятся его, обвинять тутъ нечего, да и вообще здѣсь никакого обвинять не-

льзя, кроме развѣ несовершенства рода человѣческаго, которое всегда мѣшаетъ исторіи исти, какъ бы намъ хотѣлось теперь, при нашихъ просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ. Разумѣется, если бы русскіе были болѣе образованы во времена Владимира, болѣе приготовлены самою жизнью къ отверженію своихъ языческихъ понятій и вѣрованій, то послѣдствія мѣръ, произведенныхъ Владимиromъ, были бы несравненно благотворнѣе. Но что же дѣлать, если этого не слушалось? Нельзя сердиться на это, а можно только отмѣтить факты, послѣдовавшіе за тѣмъ и имѣющіе неосредственную связь съ положеніемъ образованности русскаго народа при Владимире. Факты эти, правда, не утѣшительны; но пропустить ихъ нельзя, потому что они слишкомъ рѣзко обозначились и въ жизни, и въ поэзіи народной, и не истребились до сихъ порть. Мы говоримъ о множествѣ суевѣрій и предразсудковъ, до нынѣ охватывающихъ всю жизнь крестьянина и составляющихъ несомнѣнныи остатокъ языческихъ вѣрованій. Эти суевѣрія, тѣмъ глубже вкоренились въ народной жизни, что они издавна перемѣшались съ христіанскими воззрѣніями и такимъ образомъ какъ будто получили чѣлѣкоторую законность въ взглѣдѣ простолюдина. Такого смѣщенія, разумѣется, не могло бы быть, если бы высокія истины христіанства съ самого начала были хорошо поняты въ народѣ и если бы онъ самъ дошелъ до сознанія ложности язычества. Тогда и успѣхи цивилизациіи въ массахъ народа были бы быстрѣе, и ходъ развитія былъ бы правильнѣе, потому что не было бы двойственности въ началахъ, управлявшихъ жизнью и дѣятельностью народа. Теперь эта двойственность, должна была проявиться въ размѣрахъ весьма обширныхъ. Съ одной стороны новое ученіе должно было проникать постепенно въ сознаніе народа, и о внушеніи его должны были стараться тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилась власть надъ народомъ; съ другой стороны языческія ионатія и преданія были слишкомъ сильно вкорены во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта и оказывали сильное противодѣйствіе новымъ начальамъ. Возникло неизбѣжное противорѣчіе въ народной жизни, и оно, самымъ естественнымъ образомъ должно было привести къ тому, что имѣвшіе въ рукахъ своихъ силу, воспользовались ею, для того, чтобы доставить торжество своимъ начальамъ. Мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій объ этомъ отъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи; но послѣдующее время постоянно даетъ намъ аналогическіе факты, подтверждающіе мысль, что такъ велось и съ самого начала. Въ концѣ XI столѣтія правило Иоанна митрополита возстаетъ противъ волхвованія и языческихъ обычаевъ; въ половинѣ XII в. обличаются суевѣрія языческія въ вопросаніяхъ Кирика къ Иоан-

ту; въ XIII в. Серапіонъ обличаетъ ихъ. Начиная же съ XIV в. сохранилось множество окружныхъ посланій и грамотъ, запрещающихъ «бѣсовскія игрища» съ пѣснями. Обличенія пастырей противъ сильшемъ языческихъ понятій съ христіанскими не прерывались до времъ Тихона Воронежскаго. Къ несчастію, всѣ ихъ усилия не были въ состояніи возвысить народъ до совершенства чистыхъ и правильныхъ понятій о христіанской религії. Нужно было употребить другое средство заставить народъ по крайней мѣрѣ отставать хоть по немногу отъ привязанности ко всему языческому. Для этого надо было дѣйствовать запрещеніями, направленными противъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ язычества. Очевидно, что такое положеніе дѣль не могло быть благопріятно для развитія народной поэзіи, родившейся у славянъ тоже на языческой почвѣ. Ихъ древнія преданія должны были заглохнуть среди новыхъ условій быта, или измѣниться сообразно съ этими условіями. Заглохнуть совершенно они не могли, потому что народъ, неимѣющій еще письменной литературы, и притомъ народъ славянскій, не могъ оставаться безъ устной поэзіи. Но сохранить свою первоначальную чистоту и свѣжестъ эта поэзія тоже не могла, потому что новые понятія неизбѣжно примѣщивались къ кругу прежнихъ вѣрованій и измѣняли характеръ произведеній народной фантазіи. Книжная словесность, вынесенная къ намъ изъ Византіи, старалась, конечно, внести въ народъ свои идеи; но какъ чуждая народной жизни, она могла только по своему искашать то, что было живаго въ народѣ, и пе въ состояніи была ни проникнуться истинами его нуждами, ни спуститься до степени его пониманія. Что книжная словесность хотѣла сдѣлаться близкою къ народу, это доказывается множествомъ духовныхъ стиховъ, которые носятъ на себѣ самые ярkie слѣды книжнаго вліянія. Объ этихъ стихахъ г. Милюковъ совершенно справедливо говоритъ, что они «принесены къ намъ первоначально изъ Греціи и остались совершенно чуждыми народу, который, слушая слѣпыхъ пишущихъ, не занимствовалъ у нихъ ни одной пѣсни и не зналъ, о чёмъ они поютъ». Безъ всякаго сомнѣнія, размноженіе у насъ духовныхъ стиховъ не было случайнымъ явленіемъ, равно какъ не могло оно быть и явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребности самого народа. Необходимо предположить, что учители наши, прибывши изъ Византіи, старались о томъ, чтобы привить народу чуждяя ему преданія и даже прибѣгали для этого къ самимъ преданіямъ народнымъ, передѣливая ихъ на свой ладъ и примѣщивая къ нимъ то, что считали нужнымъ. Самыи яркии примѣромъ можетъ служить «Сказание о Мамаевомъ побоищѣ», въ

сравненіи съ «Словомъ о полку Игоревѣ». Сравнительный разборъ этихъ двухъ произведеній очень хорошъ у г. Милюкова, и мы привели бы его здѣсь, еслибы онъ не былъ слишкомъ обширенъ (стр. 15—24). Въ немъ весьма ярко выставляются прибавки позднѣшаго книжника, человѣка, принадлежавшаго къ клиру и потому старавшагося замѣнить народныя возврѣнія своими понятіями, болѣе или менѣе чуждыми народу и доселѣ. Извѣстно, что въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вполнѣ господствуетъ языческое міросозерцаніе: предзнаменованія, сны, обращеніе къ природѣ, все это противно духу христіанства. А между тѣмъ составлено это сказаніе могло быть не ранее конца XII вѣка,—вотъ доказательство, какъ мало новыя понятія успѣли укорениться въ умахъ народа, даже втеченіе двухъ столѣтій. Но еще черезъ два столѣтія книжникъ, вовсе незнавшій народа, выдумалъ воспользоваться книгою народнаго эпическаго сказанія для примѣненія ея къ другому событию, въ которому бы могъ выразиться другой взглядъ на міръ и на жизнь. И вотъ іерей Софоній пишетъ, какъ Мамай, попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, идетъ казнити улусъ свой, русскую землю; какъ великий князь Димитрій прежде всего обращается за совѣтомъ къ митрополиту Кіпріану; какъ тотъ совѣтуется «утолить Мамая честверицею» (т. е. дать ему вчетверо больше того, чѣмъ прежде давалось), дабы не разрушить Христовой вѣры; какъ Димитрій получаетъ благословеніе двухъ воиновъ-монаховъ отъ св. Сергія; какъ онъ припадаетъ съ молитвою слезною къ чудотворнымъ иконамъ; какъ предъ битвою вкушаетъ присланной ему отъ св. Сергія просфоры, какъ участь сраженія рѣшается святою помощью Бориса и Глѣба. Во всей повѣсти господствуетъ отрого — благочестивый взглядъ, и повсюду предвѣщанія и дива языческія замѣнены зна-меніями и чудесами христіанскими. Ясно, что новыя вѣровавія многого бы выиграли отъ подобнаго образа дѣйствій, если бы книжные учителя древней Руси, при своемъ благочестії, владѣли еще умѣніемъ постигнуть духъ народный и имѣли бы скольконибудь поэтическаго такта. Къ сожалѣнію, этого не было у нихъ; въ поэтическихъ произведеніяхъ зревшихъ книжниковъ господствуетъ вилость, мертвеннность, отвлеченностъ, отсутствіе всякой поэзіи. Оттого-то они и не проникли въ цардѣ, а съ тѣмъ вѣдѣ и идеи, вставленыя въ нихъ, распространялись очень слабо. Тѣмъ не менѣе народная поэзія не могла уже остаться неприосновеною, и позднѣшіе наросты ясно видны въ томъ, что по основѣ своей должно относиться къ древнѣйшему временіи. Очень жаль, что г. Милюковъ, мало принялъ въ соображеніе тѣ измѣненія, какія должны были произойти въ народныхъ, особенно въ историческихъ, пѣсняхъ съ тѣ-

человекъ временъ, и всю ихъ грубость и все недостатки отнести на счетъ древней русской мысли,—не опредѣлить, какую именно древность онъ разумѣеть. По этому иѣкоторыя явленія древней русской мысли понять имъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Напр. онъ, говоря, что въ историческихъ пѣсняхъ русскихъ есть даже попытки на изображеніе характеровъ, указываетъ для примѣра на лицо Владимира, которое будто бы имѣть сходство съ историческимъ Владимиромъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Вѣличество Владимира, по нашему мнѣнію, болѣе, нежели въ чемъ нибудь, выразилось византійское вліяніе на нашу народную поэзію. Не такимъ представлялъ народъ нашъ своихъ князей, близкихъ къ норманскому періоду; это мы видимъ въ народныхъ преданіяхъ, записанныхъ Несторомъ. Вспомнимъ величавый образъ Святослава, храбраго, дѣятельнаго, раздѣляющаго съ подданными всѣ труды и недостатки, заботящагося о богатствѣ земли своей, говорящаго: не посрами земли русскія, — ляжемъ костыми ту. Вспомнимъ и позднѣйшее изображеніе князя Игоря, въ «Словѣ», мало подвергшемся книжной порочѣ; и онъ, подобно древнимъ князьямъ, является храбрымъ и дѣятельнымъ; онъ самъ идетъ во главѣ своего войска, въ чужую землю, чтобы отомстить врагамъ за обиду земли русской; онъ не смущается предъ опасностями и говоритъ: «лучше потиту быти, веже полонену быти..». Не такимъ является Владимиръ въ нашихъ народныхъ скаваніяхъ. Въ немъ нѣтъ и признаковъ русскаго князя; это не что иное, какъ византійскій владыка, или вообще восточный правитель, недоступный для народа, стоящій отъ него на недосягаемой высотѣ, счастливый избранникъ судьбы, не имѣющій другаго дѣла, кроме пирорвъ и веселья. Въ народныхъ пѣсняхъ, Владимиръ постоянно является пирующимъ. Почти каждая пѣсня начинается тѣмъ, что у ласкова князя Владимира было первованье—почестной пиръ, было столованье—почестной столъ. Князь Владимиръ потѣшается на этомъ пирѣ, и, что бы ни случилось, онъ ничего другаго не дѣлаетъ, какъ только «по свѣтлой гридинѣ похаживаетъ, да черныя кудри разчесываетъ». Являются во времена пира его служители, израненные, булавами буйны головы прорублены, съ извѣстiemъ о какихъ-то невѣдомыхъ людяхъ, появившихся на княжеской землѣ,—а князь пьетъ, Ѣсть, прокладывается, ихъ человѣтъ не слушаетъ. Нападаетъ на Киевъ Калинъ Ѣарь, Владимиръ «весъма закручился, запечалился, повѣсили буйну голову и потупилъ очи ясныя», оттого, что «нѣтъ у него столятеля, вѣтъ оберегателя..». Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ съ Соловьевъ разбойникомъ и велитъ ему свиснуть въ пол-свиста, а князя Владимира, вѣстъ съ его княгинею, беретъ подъ пазуху, чтобы

они не унашли отъ свисту соловьинаго. А въ другой пѣсѣѣ книга Владимиръ и «окорачъ ползетъ» отъ сильнаго свисту конскаго... Есть ли во всемъ этомъ хоть какое выбудь сходство съ чисто-русскимъ, собственнымъ, народнымъ представлениемъ книжей? Есть ли что-нибудь подобное вообще въ славянскихъ пѣснѣахъ, не подвергшихся восточному вліянію? Какъ хотите, сваливать подобный представлениѣ на коренную русскую народность невозможно. Оно могло явиться только въ позднѣйшую эпоху, принесшую къ намъ много восточныхъ понятій, усердно распространявшихся въ народѣ книжниками, которые столь же плохо понимали требования поэтической истины, какъ и нужды русского народа. — Невозможно сомнѣваться, что значительная доля искаженій въ русской народной пеезіи произведена была, намѣренно или невамѣренно, — именно этими книжниками.

Съ течениемъ времени народная пеезія все теряла свое значеніе, слабѣла и глохла, а книжная словесность принимала все болѣе широкіе размѣры и вторгдалась съ своими опредѣленіями во всѣ отдылы народной жизни. Но въ ней не было жизненной силы, она не могла проникнуть въ самый духъ народа и должна была ограничиться только вѣшнностью, формой. Съ самаго начала не понимши народнаго характера, она стала совершенно чуждою народности русской и заключилась въ тѣсной сфереъ своихъ сколастическихъ опредѣленій. Въ этой сколастической отвлеченности держалась она невозмутимо, до тѣхъ поръ, пока жизнь Руси тянулась молчаливо и однообразно, безъ прогресса, безъ самобытнаго развитія, подъ неурядцей удѣльныхъ междуусобий, подъ игомъ татаръ, подъ вліяніемъ неустановившихся государственныхъ отношеній.... Отличительною чертою этой книжной, сколастической словесности было безсиліе предъ существующимъ фактомъ и безсмысленное подчиненіе ему, даже безъ желанія объяснить его. Если встрѣчались факты противоположные, книжники склонялись предъ тѣмъ, который бралъ перевѣсь, и во имя его преслѣдовали другой, противный. Такъ возставали они противъ языческихъ суевѣрій, съ течениемъ времени все больше и больше, между тѣмъ, какъ, по естественному порядку вещей, надобно полагать, что они съ течениемъ времени все-таки постепенно ослабѣвали. Такъ въ концѣ XIII стѣльтія вздумалъ Серапіонъ говорить противъ книжескихъ междуусобий, когда въ это время, подъ игомъ татаръ, удѣльныхъ распри сами собою уже значительно ослабѣли. Такъ было и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Но, при всей своей жалкой немощи, при всемъ отсутствіи живыхъ силъ, явленія, подобныя Серапіону, представляютъ еще отрадную сторону нашей древней письменности. Они быщи

прогрессомъ въ сравненіи съ тою безжизненною сколастикою, какая господствовала въ большинствѣ книжниковъ. Тѣ уже столы совершились въ сторонѣ отъ русской жизни и толковали, весьма горячо и пространно, именно о томъ, до чего русскому не было ровно никакого дѣла. Замѣчательно, чѣмъ начали свое письменное поприще въ Россіи древніе книжники. Первое, по времени, произведеніе, написанное въ Россіи, было посланіе Льва митрополита (умеръ въ 1007 г.) противъ латинянъ, гдѣ онъ подробно разсуждаетъ объ опреѣсновѣкѣ, о постѣ въ субботу, о безженствѣ священниковъ, и т. п. Нельзя не сознаться, что трудно было выбрать предметъ, болѣе далекій отъ русской жизни. Но выборъ его объясняется, конечно, отношеніями Византіи, которая была тогда въ самомъ разгарѣ своей вѣковой расцѣпи съ Римомъ.

Впрочемъ при всей видимой неподвижности древней русской письменности, при всей ея отвлеченности и безжизненной сколастики, и въ ней нельзя не видѣть нѣкотораго развитія, которое съ теченіемъ времени дѣлается все пріятнѣе. И въ ней выразился общий законъ распространенія образованности, постепенно разширяющей свой кругъ, не смотря ни на какія препятствія. Литература вообще всегдашній спутникъ образованности; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служить выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда все будуть образованы, литература,—нѣтъ сомнѣнія,—будетъ отзываться на потребности всѣхъ, разширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это самое разширеніе круга дѣйствія литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ — приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно-важныхъ. Любопытно было бы сдѣлать очеркъ всей русской литературы съ этой точки зрѣнія. Г. Милюковъ не могъ этого сдѣлать, потому что въ древней Руси онъ отвергаетъ всякое развитіе, а въ новой, послѣ — петровской, видитъ развитіе уже слишкомъ быстрое. Въ основаніи, конечно, и то и другое вполнѣ справедливо, особенно въ отношеніи къ поэзіи; но намъ кажется, что если мы согласимся вполнѣ съ первымъ, отрицательнымъ, положеніемъ господина Милюкова, то окажется нѣсколько преувеличеннымъ второе положеніе — о новой поэзіи. Дѣло въ томъ, что и въ древней письменности все же замѣтно нѣкоторое разширеніе взгляда, доказывающее, что, съ теченіемъ времени, книжное дѣло начинаетъ интересовать уже большее количество лицъ, чѣмъ прежде, и что эти лица принадле-

жать къ болѣе разнообразныиѣ круги. Въ первое время письменность никого не интересовала, кроме духовенства, и мы для чего-то нужна была, кроме распространенія истинъ вѣры. Другихъ потребностей еще не было въ обществѣ, и вслѣдствіе того пользовалася только книги священныиѣ, богослужебныиѣ, и разсуждемія о предметахъ, занимавшихъ только духовенство, и притомъ по русскому, а византійскому. Такимъ-образомъ и являлись посланія противъ латинянъ, поученія о посты, о житіи во храмѣ, обѣ иконахъ и пр., вызванныя не нуждами русской жизни, а возраженіями, которыми отъ предметы подвергались въ Византіи. Вокорѣ основаны были у насъ монастыри, и вслѣдъ затѣмъ явились монашескіе уставы, сочиненія о монашескомъ житіи, и пр. Почти при самомъ же своемъ началѣ, письменность не ограничивается уже, однако, исключительно религіозными интересами; она служить также оружиемъ власти свѣтской, хотя все еще не выходитъ изъ круга духовныхъ предметовъ. Владимиръ издастъ уже «Уставъ о церковномъ судѣ», который опредѣляется отчасти формальное отвѣщеніе духовенства къ народу. За то и со стороны духовенства является вскорѣ похвала князю Владимиру, написанная митрополитомъ Иларіономъ (полев. XI ст.). Долгое время затѣмъ въ письменности русской видно почти исключительное проявленіе интересовъ илліїческихъ и духовныхъ. Не говоря о поученіяхъ, посланіяхъ, грамотахъ монастырямъ и церквамъ, житіяхъ святыхъ,—даже древніи путешествія и лѣтописи отличаются тѣмъ же характеромъ. Путешествія предпринимались преимущественно на Востокъ, съ религіозной цѣлью, и на всѣ предметы смотрѣли наши древніи путешественники съ точки зренія иноческой. Свѣтскіе интересы ихъ не занимали: игуменъ Даниилъ былъ въ Іерусадимѣ тогда, какъ имъ владѣли крестоносцы, иидѣлъ съ Балдуиномъ, и, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на такое историческое событие, какъ крестовые походы, со всемъ теплотою души рассказалъ, какъ онъставилъ свое камнило, и перечиталъ, за какихъ именно князей русскихъ онъ поставилъ его. Тоже и въ лѣтописяхъ: внесены сюда и прооповѣдь грека-философа предъ Владиміромъ, и исповѣданіе Владимира, и исторія построенія Печерской обители, и житіе Бориса и Глѣба, и множество текстовъ и духовныхъ разсуждений. Съ другой стороны тщательно записывается время рожденія и смерти всякаго князя, описывается его вравъ, его наружность; его отношеніе къ духовенству никогда не забывается,—и только. Если отношеніе князя къ дружинѣ указывается, то лишь затѣмъ, чтобы восхвалить князя; дружина упоминается только къ слову. Если говорится, что князь былъ милостивъ и щедръ, то спать это говорится не потому, чтобы

благо народное трогало душу лѣтописца, а потому, что отъимъ доказывается дорогая для него мысль: «бѣ бо книжь сей люби словеса книжные; а въ словесахъ этихъ сказано: блаженъ мужъ милый, и т. п. Такимъ образомъ первые представители проевропейства въ Россіи, ставшіе выше массы народа, выражали въ письменности свои стремленія и интересы, тѣсно связанные одинъ съ другимъ и взаимно другъ друга поддерживавши. Но отношение ихъ къ массѣ народа естественно вынуждало ихъ обратить вниманіе и на то, чтобы устроить, сколько возможно лучше, эти отношения. Выраженіе этой потребности въ книжныхъ произведенияхъ является съ одной стороны въ свѣтскомъ законодательствѣ, начинаящемся весьма рано, съ «Русской Правды», а съ другой стороны—въ духовныхъ поученіяхъ, имѣющихъ вѣкоторое отношеніе къ жизни. Таковы были нравственные наставленія о смиреніи, терпѣвіи, отреченіи всѣхъ благъ мірскихъ и покорности волѣ Божіей, и т. п. Бывало даже и болѣе прямое отношеніе къ народной жизни, очевидно вызванное обстоятельствами, имѣвшими значеніе въ глазахъ князей и духовныхъ. Такъ напр. еще въ XI в., въ Правилѣ митрополита Іоанна начали статью противъ торговли рабами; такъ же въ XII в., въ посланіи Никифора, читаси увѣщаніе князю, чтобы онъ самъ входилъ во все и не слушалъ навѣтовъ людей, окружавшихъ его. Въ XII и XIII вѣкѣ самые лѣтописи вѣсколько болѣе начинаютъ обращать вниманія на положеніе народа; обстоятельство это, безъ сомнѣнія, произошло не безъ отношенія къ тому, что въ это время встрѣчаются между писателями многие изъ благо духовенства, бывшіе, конечно, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, чѣмъ монахи. Для Нестора жизнь ограничивалась Печерскимъ монастыремъ; а для какогонибудь попа Іоанна или попонаря Тимофея—не могла ограничиваться даже однимъ ихъ приходомъ. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ, напр. въ Новгородской лѣтописи (подъ 1230 г.), подробное и живое описание дѣйствій голода на новгородскихъ жителей, съ замѣчаніями даже о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ. Даѣще кругъ людей грамотныхъ (значить, по тогдашнему, образованыхъ) разширяется, какъ видно, и въ XIV—XV в. предпринимаются и описываются путешествія уже свѣтскими людьми, какъ напр. Стефаномъ Новгородцемъ, Василиемъ—гостемъ московскимъ, Асанасиемъ Никитинымъ—тверскимъ кунцемъ; въ то же время организуются цѣлые системы вѣроученія, противныхъ православію, и нерѣдко составлявшіе безъ всякаго участія лицъ духовныхъ. Кругъ дѣятельности духовенства разширяется и находить себѣ предметъ, имѣющій дѣйствительное значеніе въ народа и вызванный явленіями самой жизни. Точка зрения, разумѣется, остается та же, отде-

ченно—незынченіемъ, безъ малѣшаго примаровленія къ народнымъ нуждамъ и возрѣніямъ, безъ всякаго живаго взгляда на жизненные отвѣщенія, производящія то или другое явленіе въ народѣ. Но важно уже и то, что содержаніе письменности все-таки разширяется и обращается къ настоящему положенію дѣлъ: значить, въ самой жизни была сила, которая могла вывести даже книжную схоластику изъ ея мертвыхъ отвлечей на поприще дѣятельности, хоть сколько нибуль живой. Маю того, изъ среды самой массы поднимаются отголоски на явленія общественной и государственной жизни. Въ этомъ отношеніи интересны дошедши до насъ двѣ различныя повѣстіи о взятіи Цскова. Одна изъ нихъ составлена въ Москвѣ и восхваляетъ подвиги московского воинства, приходя въ негодованіе отъ свееволія псковитянъ. Другая повѣсть принадлежитъ псковичу и смотрѣть на дѣло съ другой стороны: обвиняетъ московскаго намѣстника въ притесненіяхъ, князя въ вѣроломствѣ, и сожалѣетъ объ утратѣ вольности. Это—несомнѣнныи знакъ, что литературные интересы теперь уже такъ разширились, что въ письменности можетъ даже отражаться мнѣніе большинства народа. Въ XVI вѣкѣ размножаются частные лѣтописцы отдельныхъ областей, раздаются обличенія Максими Грева, направленныя даже противъ митрополита и самого царя, и кроме того, это столѣтіе представляетъ намъ двѣ книги, въ высшей степени замѣчательныя: «Домострой» и «Сказанія Курбскаго». «Домострой» во всѣхъ своихъ возврѣніяхъ вѣренъ старой рутинѣ, и съ этой стороны даетъ только новое доказательство того, какъ книжное ученіе портило у насъ самыя простыя и естественные отношенія, какъ оно узаконило собою множество нелѣпыхъ и грубыхъ понятій. Появленіе этой книги важно въ другомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ, что въ XVI вѣкѣ чувствовали уже надобность применять книжную мудрость и къ семейной жизни, съдѣд. письменность служила уже неоднимъ интересамъ церковнымъ и государственнымъ. Сказанія Курбскаго имѣютъ другое значеніе. Здѣсь и самый взглядъ на дѣло рѣзко отличается отъ того взгляда, который старались усвоить греческіе и гречившіе наши книжники. Представителемъ этого взгляда является тутъ уже самъ Иоаннъ; бывшій, какъ известно, весьма искуснымъ въ книжномъ ученіи. Въ перепискѣ его съ Курбскимъ, весьма интересно слѣдить, какъ онъ располагаетъ арсеналомъ доводовъ, взятыхъ изъ книгъ того времени, для того, чтобы оправдать свое поведеніе и во чтобы то ни стало обвинить Курбскаго. Онъ силился доказать, что бояре, какъ и всѣ подданные, обязаны были до конца претерпѣть съ кротостью и незлобіемъ всѣ его жестокости; въ примеръ подобной кротости приводитъ онъ раба

Курбского, Василья Шебанова, который склонялся стоять предъ Іоанномъ, когда этотъ своимъ костылемъ пригвоздилъ его ногу къ полу и, облокотясь на костыль, читалъ письмо Курбского. Но Курбский уже не убѣждается доводами Іоанна; у него другая точка опоры — сознаніе своего собственного достоинства. Взглядъ его не можетъ еще возвыситься до того, чтобы объяснить недлежащимъ образомъ и поступокъ Грознаго съ Шебановымъ; нѣтъ,—Шебановъ пусть терпитъ, ему это прилично, и князю Курбскому дѣла нѣтъ до того, что проходится на долю Васьки Шебанова. Но съ собой, съ княземъ Курбскимъ, аристократомъ и доблестнымъ воаждемъ, онъ не позволяетъ такъ обращаться. За себя и за своихъ сверстниковъ аристократовъ онъ мститъ Іоанну гласностью, исторіей. Книжное дѣло призывается теперь для служенія не одной духовной власти и правительстvennымъ распоряженіямъ, а и для интересовъ иного класса—большъ и высшихъ сановниковъ. Къ нимъ преимущественно относились жестокія казни и ошалы Іоанновы; изъ ихъ среды и нашелся человѣкъ, который употребилъ оружіе слова для выраженія своего неудовольствія. Но въ Россіи того времени нельзя было писать того, что написалъ Курбский; только въ наше время его сказанія могли быть повторены русскимъ исторіографомъ и изданы въ Россіи въ подлинномъ видѣ. Въ царствованіе Грознаго горькая истина должна была высказываться въ чужой землѣ, далеко отъ Россіи, въ которой вся письменность блуждала еще въ византійскихъ отвлеченіяхъ, не касаясь жизни. Книга Курбского первая написана отчасти уже подъ вліяніемъ западныхъ идей; ею Россія отпраздновала начало своего избавленія отъ восточнаго застоя и узкой односторонности понятій. Всѣдѣ за нею начинаются события, болѣе и болѣе сближающія насъ съ Западомъ и оживляющія нашу литературную дѣятельность. У нихъ возбуждаются религіозные споры, но ограничивающіеся художественными преніями, но сопровождающіеся важными послѣдовательными въ самой жизни. Въ тоже время, вмѣстѣ съ желаніемъ, съ той и другой стороны, доказать народу превосходство своихъ идей, является потребность дать ему средства къ образованію. И вотъ являются катихизисы для народа, руководства къ правой вѣрѣ, и т. п. Но этого мало: надо дать возможность читателямъ понимать и обсуживать самимъ спорный вопросъ. Теперь уже нельзя ограничиться одними положеніями и запрещеніями: какъ скоро есть споръ, со мнѣніе, нужно, во что бы то ни стало, разсказать его, пользовавшися на разсудокъ. А для разсудка нужны данные, факты, знанія; и вотъ являются учебныя книжки, очевидно назначенныя для первоначального образованія: грамматики, словари, синонімы и пр. Разумѣется, вездѣ, гдѣ можно было, во всѣхъ этихъ книжкахъ вы-

снашивался взглядъ односторонній, не имѣющийъ виду никакихъ другихъ интересовъ, кромеъ своихъ собственныхъ, и что до народного блага тутъ никому дѣла не было. Но важно здесь то, что книжники уже поставлены были въ такое положеніе, въ которомъ должны были допустить надобность нѣкотораго образования и въ другихъ классахъ народа, не принадлежащихъ къ сословію, имѣвшему до того монополію книжного дѣла и вообще образования. Въ этомъ отношеніи Унія имѣла сходство съ Реформациею; при движении реформаціонныхъ идей, папы тоже поставлены были въ невозможность поддерживать свое значеніе запрещеніемъ народу читать библію, оставленіемъ его въ невѣжествѣ и т. п. Все нужно было разъяснить, все выставить наружу. Конечно, движение, возбужденное Уніею, не имѣло такихъ размѣровъ, какъ движение Реформаціи, но все же оно имѣло съ нимъ нѣкоторое сходство, по своему характеру. Оно выражалось преимущественно въ западной и южной Руси, но не могло не коснуться и съверо-восточнаго края, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ съ Западомъ въ ближайшее соприкосновеніе во время самозванцевъ. Тутъ интересъ былъ еще ближе къ жизни, нежели въ западной Руси въ время Уніи; обращеніе къ народу еще необходимо, чѣмъ тамъ. Книжники должны были понять теперь, какъ слабы узы, доселе державшія старый порядокъ: они разорваны были самими народомъ при первомъ появлѣніи призрака, привившаго имя законнаго государя. Видя, что невѣдѣніе народа о самыхъ простыхъ вещахъ гибельно дѣлается для тѣхъ самыхъ, которыхъ его воспитывали; догадавшись, наконецъ, что невѣжество ненадежно, что на него нельзя положиться ни въ чемъ, потому что оно постоянно можетъ служить орудіемъ въ рукахъ первого обманщика, книжники рѣшились разумѣльно народъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ: толковали ему о самозванцахъ, рассказывали исторію Голунова и Димитрія, писали увѣщательныя грамоты и пр. Грамоты и поѣзвѣвания эти читали теперь уже не только духовенство и правительственные люди: книжность спустилась уже и въ классъ мелкаго чиновничества, которое не только читало, но даже и само принадлежало сочинять. Много произведеній XVIII вѣка принадлежитъ въ Россіи дѣламъ, подьячимъ, переводчикамъ приказовъ и другимъ чиновникамъ. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное опять-таки не въ Россіи, а въ чужой землѣ — русскимъ подьячимъ Посольскаго Приказа, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній старой Руси и обизрживается уже замѣчательную силу анализирующей мысли. Мы говоримъ о Кошкинѣ. У него уже взглядъ болѣе широкій, болѣе человѣческій, чѣмъ у всѣхъ русскихъ; до него висавшихъ о Россіѣ, даже въ отрицательномъ духѣ. Онъ является образованнѣмъ пре-

стремителемъ интересовъ среднаго сословія, чадъ которымиъ находило старинное барство. У Кошихина ужъ не тѣ идеи, что у Курбскаго: онъ уже сожалѣть и о грубости семейныхъ отношеній, и о непрѣжествѣ высшаго класса, и объ административныхъ обманахъ, и о жестокости пытки, и объ отчужденіи Россіи отъ Европы. И замѣчательна его точка зреенія: въ немъ есть непріязни къ Россіи, онъ не смотритъ на ея недостатки, какъ на нераздѣльные съ природою народа, онъ объясняетъ ихъ обстоятельствами, отношеніями различныя классовъ между собою, и тому подобное. Такъ, напримѣръ, говоря о непрѣжествѣ бояръ, Кошихинъ объясняетъ его темъ, что они наученія никакого не привносятъ отъ другихъ народовъ; не привносятъ же потому, что обычая не повелосьѣздить за границу, изъ опасенія нарушить чистоту вѣры и старые обычаи. «Россійскаго государства людямъ породено своею преславы и необычайные ко всяко му дѣлу, помеже въ государствѣ своемъ поученія никакого доброго не имѣютъ и не пріемлютъ, кроме спесиства, и безотьпѣства, и ненависти, и неправды. Понеже для науки и обычая въ царево государства дѣтей своихъ не посыпаютъ, страшась того: узнавъ тамешнихъ государствъ вѣру и обычая, начали бы свою вѣру отмѣнять и приспособлять къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ родичамъ никакого бы пощеченія не имѣли и не мыслили... А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто нибудь самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого нибудь дѣла въ иное государство, безъ вѣдомости, че бывъ чедомъ государю, и такомуъ чедопѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вогчицы, и помѣстья, и животы врагы бѣ быди на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталася сродственники и ихъ цыталі, не вѣдами ли они мысли сродственника своего; илибъ кто послалъ сына, или брата, или влеммника, че его потомуужъ пытали бѣ, алѣ чего онъ послалъ въ имѣрѣ государства, че напропаживающи ли какихъ воницкихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти или для какого иного воровскаго умысла въ чьему наученію, и цытавъ того тацими же обычаемъ.» (41 стр.) Этотъ отзывъ привели мы для того, чтобы показать, что уже въ половинѣ XVIII вѣка сознавалась людьми среднаго сословія необходимость разумныхъ задѣствованій отъ Европы. Сужденіе Кошихина можетъ, пожалуй, покажаться исключительнымъ доказаніемъ; но здесь важно не то, во сколькихъ лицахъ мысль выразилась, а то, что она могла появиться въ это время, и появиться какъ естественный выводъ изъ данныхыхъ, существовавшихъ въ фазой жизни. Значить, жизнь уже сама по себѣ вела къ сближенію съ Западомъ и къ взаимоизмененію его знаний и обычая.

есть; и, значитъ, совершенно напрасно утверждаютъ некоторые, что мѣры Петрашли совершенно напрекоръ естественному ходу нашей истории. Онъ, конечно, ускорилъ движение, и еще, можетъ быть, отъ него зависѣла отчасти форма, въ которой проявилось заимствование. Но эта нѣсколько относящаяся сюда фактовъ изъ времень, предшествовавшихъ Петру, нельзя не убѣдиться, что и здѣсь отъ естественного хода дѣлъ зависѣло болѣе, чѣмъ отъ личной воли преобразователя. Обыкновенно петровской реформѣ дѣлаются тѣль упрекъ, что совершивши сближеніе наше съ Европой слишкомъ быстро, Петръ не далъ установиться у насъ на этотъ счетъ здравымъ и солиднымъ идеямъ, а все подражаніе обратилъ только къ одной формѣ, къ внѣшности. Фактъ самъ по себѣ справедливъ. Но невозможно приписывать его только вліянію быстроты петровской реформы: какъ бы медленно мы ни заимствовали, все-таки стали бы заимствовать сначала только внѣшность: таково было состояніе просвѣщенной даже въ высшихъ классахъ, которые болѣе другихъ имѣли средство къ сближенію съ «иныхъ государствъ людьми». Одни, какъ видно изъ Кошкина, вовсе не хотѣли тогда ничего иностраннаго; другіе же, какъ видно изъ фактовъ, признавали необходимость введенія нѣкоторыхъ вещей на иностранній манеръ,—но на какіе же предметы обращалось ихъ вниманіе? Изъ-за границы выписывали отличныхъ архитекторовъ, кое-какихъ музыкантовъ и комедіантовъ, которые «комѣдь ломали», и т. п. Развѣ это не внѣшность была? И развѣ этимъ путемъ Русь вѣриѣ могла дойти до истинныхъ началь образованности, чѣмъ путемъ обширной, всеобщей реформы, предпринятой Петромъ? Напротивъ, при этихъ-то мелочныхъ заимствованіяхъ, удовлетворявшихъ вкусу немногихъ бояръ, которые желали воспользоваться европейскою образованностью для собственной потѣхи, Русь всего менѣе могла бы успѣть въ своемъ развитіи; тогда какъ реформа Петра, возвеличивши давнишній застой Руси, разорвавши узы, которыми связывали всѣхъ остатки мѣстничества и другіе боларсніе предразсудки и обычаи, давши больше простора всѣмъ классамъ, значительно ускорила ходъ самой образованности,—которая до того подвигалась такимъ медленнымъ, едва примѣтнымъ шагомъ,—а выѣстѣ съ тѣмъ раздвинула и предѣлы литературы. Въ періодѣ послѣ-петровскомъ литературное развитіе, не отступая отъ своего главнаго хода, идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, хотя не до такой степени быстро, какъ полагаетъ г. Милюковъ.

Мы чувствуемъ, что читатели уже недовольны шами за то, что мы тѣкъ долю останавливаемъ ихъ вниманіе на предметѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго соотношенія ни съ однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. Мы знаемъ,

что теперь, когда уши всѣхъ обрещены къ интересамъ первой важности, къ отмѣнѣю крѣпостнаго права, къ гласности, злоупотреблѣніемъ между чиновниками, недостаткамъ воспитанія и образованія, и т. п., теперь немногіе захотятъ заглянуть въ статью, толкующую о вопросахъ литературныхъ, не касающихся жизни. Знаемъ мы, что плохое время выбрали для своей скроиной статьи, столь далекой отъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Но что же дѣлать, если дѣло литературы такъ мало намъ, — хоть насть и бранять за мнимое пренебреженіе къ ней; если судьба ея такъ насть занимаютъ, что мы не умѣемъ остановиться, разъ заговоривши о ней. А говоря объ ея историческихъ судьбахъ, что же могли бы мы сказать интересного для современныхъ читателей, когда общественные вопросы до самого послѣдняго времени были чужды нашей литературѣ, когда она держалась совершенно особнякомъ и существовала «для немногихъ?» Впрочемъ, мы чувствуемъ, что оправданія нашп очень неудовлетворительны, и сознавая свою вину, стараемся окончить наши замѣтки какъ можно скорѣе, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы (нужно предупредить читателя), интересы волнующіе нынѣ общество, оставались почти въ той же неприкосновенности, какъ было и до Петра.

Познакомившись съ правами и государственнымъ устройствомъ другихъ народовъ, Петръ увиѣль какъ важно образованіе народное для блага цѣлаго царства. Поэтому постоянной заботой его было подвергненіе въ Россіи образованія по примѣру Европы. Лучшимъ средствомъ для распространенія образованности онъ справедливо считалъ книги, и въ его время письменность русская является рѣшительно провозглашеніемъ воли монарха для подданныхъ. Онъ понялъ, что при заботѣ о просвѣщѣніи народа необходимо призвать на помощь живое убѣжденіе, и это убѣжденіе распространялось посредствомъ книгъ. Всякое событие его царствованія, всякий новый законъ, новое распоряженіе, находили себѣ объясненіе и оправданіе въ произведеніяхъ письменности. Такъ являются во время Петра книга о причинахъ, какія имѣлъ онъ къ началу войны со шведами, правда воли монаршей о наслѣдованіи престола, множество регламентовъ, специальныхъ книгъ, по части инженерной, артиллерійской, морской, и пр., паконецъ вѣdomости, въ которыхъ въ первый разъ русскіе увидали всенародное объявленіе событий военныхъ и политическихъ. Всѣ новые потребности, возбужденныя Петромъ, непремѣнно, по его же мысли и желанію, сопровождались книжными изложеніями, которыя такимъ образомъ служили разумнымъ оправданіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Почти всѣ книги такого рода были изданы не частными людьми, а по распоряженію самого же

правительства; по сама возможность писать о всякихъ предметахъ, начиная съ политическихъ новостей и оканчивая устройствомъ какой нибудь лодки, — разширила кругъ идей литературныхъ и вызвала на книжную дѣятельность многихъ, которые въ прежнее время никогда бы о ней и не полу^{чи}али. Замѣтальнѣйшимъ явленіемъ въ тогдашней письменности былъ, безъ сомнѣнія, крестьянинъ Порошковъ, рѣшившійся разсудить самоучкой о вопросахъ политической экономіи, — о средствахъ умножить избытокъ въ народѣ и отвратить скудость. Не говоря о точкѣ зрѣнія Порошкова, которая, можетъ быть, не совсѣмъ удовлетворитъ требованиямъ живой народной науки, — замѣтимъ здесь только о томъ, какъ въ этомъ случаѣ простой здравый смыслъ русского человѣка сошелся съ результатами, добытыми наконецъ въ многочисленныхъ фактахъ и изслѣдованіяхъ людей ученыхъ. Порошковъ принялъся за разсужденіе о богатствѣ народномъ просто потому, что этетъ предметъ былъ къ нему ближе всякаго другаго и проще для него; а между тѣмъ этотъ самый предметъ составляетъ науку, служащую вѣнцомъ всѣхъ, такъ называемыхъ общественныхъ наукъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что Порошковъ, хотя и крестьянинъ, не былъ вполнѣ представителемъ своего класса, а скорѣе выходцемъ изъ него: онъ занималъ какуюто начальственную должность, и въ его разсужденіяхъ, вместо естественного побужденія прямыхъ нуждъ народныхъ, видны нѣрѣко разные административные виды. То, что въ маленькихъ размѣрахъ примѣтило у Порошкова, въ колоссальномъ видѣ выказалось у другаго крестьянина, который, благодаря Петровой реформѣ, получилъ возможность выучиться разнымъ наукамъ, побывалъ за границей и сдался тоже выходцемъ изъ своего сословія. Ломоносовъ сдался ученымъ, поэтомъ, профессоромъ, чиновникомъ, дворяниномъ, чѣмъ вами угодно, но ужъ никакъ не человѣкомъ сочувствующимъ тому классу народа, изъ котораго вышелъ онъ. Иначе, впрочемъ, и не могло быть въ то время; хотя Петръ и уничтожилъ китайскую стѣну, отдѣлявшую до него боярина отъ окольничаго, окольничаго отъ думного человѣка, и т. д. хотя онъ, признавши права заслугъ и образованія, далъ всѣмъ просторъ идти впередъ, — но не могли же всѣ варуги приобрѣсть образованіе и отличиться заслугами. Всего легче могли воспользоваться средствами образования опять-таки дѣти бояръ, окольничихъ и т. д. Низшія сословія могли также высыпать теперь на состязаніе своихъ избранныхъ; но состязаніе во всѣхъ случаяхъ было неровное, и эти избранные все-таки оставались сдвоѣ замѣтными исключениеми изъ цѣлой массы. Если русская аристократія петровскаго пре-

и она не стала во главе цѣлой науки по своей образованности и нравственному превосходству, то причина этого заключается, конечно, ужъ не въ недостаткѣ материальныхъ средствъ, а просто въ лѣни и неподвижности нашего стариннаго барства. Впрочемъ, если не по умственнымъ совершенствамъ, то по своему общественному положенію, боярство все—таки завладѣло тогда литературою, и она, не сдѣлавшись непосредственнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, какъ была прежде достояніемъ духовенства, постоянно однако же употребляясь посредственно къ ихъ услугамъ. Мы говоримъ здѣсь о меценатствѣ, которое такъ распространилось у насъ во времена послѣ Петра, и дѣлало Россію отчасти похожею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на Римъ временъ имперіи и послѣднихъ годовъ республики. Князь Кантемиръ, принадлежавшій еще къ вѣку самого Петра, и притомъ самъ аристократъ, держался довольно независимо, и по влечению сердца воспѣвалъ правительственные и общественные реформы Петра. Но Ломоносовъ имѣлъ уже своихъ милостивцевъ, въ угоду которымъ сочинялъ разныя «стиховныя штуки», какъ говорилъ Тредьяковскій. Ломоносовъ иного сдѣлалъ для успѣховъ науки въ Россіи; онъ положилъ основаніе русскому естествовѣданію, онъ первый составилъ довольно стройную систему науки о языкѣ; но въ отношеніи къ общественному значенію литературы онъ не сдѣлалъ ничего. Какъ до него сколастическая поэзія ограничивалась изображеніемъ «Орла россійскаго», или сочиненіемъ аллегорическаго «П.лача и уг҃шненія», въ виршахъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Мелкѣдева; такъ точно и у Ломоносова поэзія не шагнула дальше дидактическаго нравоученія да напыщенаго воспѣванія бранныхъ подвиговъ. Дѣйствительной жизни онъ не хотѣлъ знать и даже полагалъ, кажется, что о ней можно говорить не иначе, какъ пизкимъ слогомъ, котораго долженъ избѣгать порядочный писатель. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, разсказывая хоть бы напримѣръ о затрудненіяхъ мужика, у котораго послѣдняя лошадь пала, — возвыситься до того пафоса, до какого доходили наши поэты, описывая ужинъ и фейерверкъ, данный знатнымъ бояриномъ. Тутъ уже не только чувства не тѣ, самый языкъ не тотъ будетъ. Возвышенными, краснорѣчивыми, витѣватыми слогомъ можно воспѣвать только высокія явленія жизни—взятіе непріятельского города, отбитіе у врага нѣсколькихъ пушекъ, торжество по случаю побѣды, иллюминацію, раздачу наградъ, и т. п. Всѣдѣствіе такихъ соображеній, лучшіе представители тогашней литературы старались, такъ сказать, вести себя сколько можно аристократичнѣе въ отношеніи къ предметамъ, касающимся быта простаго народа, и въ отношеніи къ са-

мому этому народу. Ломоносовъ, правда, говорить иногда судимъ земнымъ, чтобы они боялись отъ буйности и поддавныхъ не презирали, а наблюдали народную льготу; но это говорится такъ, въ шуте, въ видахъ отвлеченної добродѣтели и справедливости, и отчасти даже для краснаго словца, а ничуть не по глубокому сердечному сочувству къ нуждамъ народа. Такъ точно Сумароковъ возставалъ противъ невѣжества, спеси дворянской, взяточничества, и т. п., и въ тоже время сочинялъ трагедіи, въ которыхъ разные герои, вѣдьмы и ихъ наперсники вѣщали высокими слогомъ нельзѣйшиа безмыслицы. Тѣ, противъ кого писалъ Сумароковъ грозныя сатиры, слушали эти нельзѣости и хвалили, зная, что авторъ въ милости у знатныхъ особы; а простая публика, видя, что тутъ для нея ничего вѣтъ, преоткровенно грызла орѣхи во врема представлениѧ. Тутъ уже Сумароковъ пришелъ въ истинное негодованіе и отъ души высказалъ, что этотъ народъ не стонть чести смотрѣть трагедіи россійскаго Корнеля и Расина, такъ какъ онъ не понимаетъ ихъ высокихъ достоинствъ и даже не признаетъ такихъ авторитетовъ, какъ г. Вольтеръ и онъ, г. Сумароковъ. Но Сумарокову еще можно простить: у него ужъ такой нравъ былъ; онъ всѣхъ ругалъ, сколько силъ хватало, хотя самъ и восхищался очень нашимъ своимъ чиномъ и кавалерствомъ. Можно, съ другой стороны, простить и пресмыканіе передъ знатными какому нибудь Тредьяковскому, котораго можно было высѣчь за вспомогательку къ сроку оды на маскарадъ: это ужъ былъ человѣкъ убитый; его такъ всѣ и принимали за шута. О всѣхъ этихъ Петровыхъ, Костровыхъ и т. п. и говорить нечего: они только и жили милостивцами, стараясь потѣшать ихъ то великодушной стиховной галиматіей, то собственной фігурою. Такъ въ Римѣ, послѣ покоренія имъ Греціи, образованные рабы, гувернеры, піанти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шуты и позывные невольники невѣжественныхъ патриціевъ, служили имъ своимъ умомъ, образованностью, ловкостью и вмѣстѣ щеками и сминою. Учиться и работать считалось въ тогдашнемъ Римѣ недостойнымъ патриція; наука и работа признавались и въ тогдашней Россіи не дворянскимъ дѣломъ. Высшій классъ выпустилъ изъ головы своей мысль объ образованности и думалъ удержать ее въ своихъ рукахъ, посредствомъ подачекъ своимъ паразитамъ, торговавшимъ дарами просвѣщенія. Къ удивленію находимъ, что барыня нашимъ продѣлка ихъ удавалась очень долго. Г. Милюкову кажется, что Державинъ цѣлью вѣкомъ отдалъ отъ Ломоносова; но мы никакъ этого не находимъ. Державина сама императрица привѣда подъ свое цокровительство; но и тутъ не избавила его отъ необходимости отыскивать милостивцевъ, которыхъ производилъ онъ

и въ геркулесы, и въ гиганты, и чуть не въ полубоги. Что же касается до взгляда на пароль, его нужды и отношений, то Державинъ подвинулся немножко со временемъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго. Онь кажется вѣрнымъ своему восклицанію:

«Умолкни, чернь непросвѣщенна!...»

Восклицаніе, нужно признаться, не совсѣмъ гуманное, какъ и вообще произведенія Державина, восящія на себѣ отпечатокъ то отвлеченной мертвой сколастики, то эпикурейскихъ ощущеній, не очищенныхъ ни изящнымъ вкусомъ, ни здравой мыслью, то приворниаго шутовства въ духѣ нравовъ того времени. Нѣтъ, мы рѣшительно не согласны съ г. Милюковымъ, будто отъ Ломоносова до Державина совершилось какое-то громадное развитіе въ русской поэзіи. Если развитіе и было, то самое ничтожное, да и то скорѣе въ отношеніи къ вѣшности, къ формѣ выраженія, а ужъ никакъ не въ отношеніи къ развитію и разширенію содержанія. Какъ прежде воспѣвались отвлеченные добродѣтели и совершенства, такъ и теперь, только еще утомительнѣе. Ни одна изъ нравственныхъ оды Ломоносова не можетъ поравняться величиной съ подобными же одами Державина, изъ которыхъ въ иныхъ нѣтъ ли, пожалуй, стиховъ до тысячи. Какъ прежде поэтъ падалъ вицъ, въ вѣномъ восторгѣ, предъ мужемъ браны, мѣряя свое благоговѣніе числомъ людей, убитыхъ подъ его начальствомъ, такъ и теперь,—да еще восторженѣе прежняго. Какъ прежде на всемирныя события смотрѣли изъ маленькой форточки своего узенъкаго оконечка съ рѣшоткой, и мѣрили всю землю собственной четвертью, такъ и теперь кругъ зреінія нисколько не разширился. Довольно привести одинъ фактъ. Державинъ былъ кѣмъ-то обиженъ, и написалъ оду *на коварство*. Черезъ три года произошла Французская Революція, онъ придалъ къ своей «Одѣ на коварство» нѣсколько строфъ и пустилъ ее въ свѣтъ подъ названіемъ: «Ода на коварство французскаго возмущенія». Не удовольствуясь этимъ, онъ пришилъ къ ней еще похвалу князю Пожарскому. Такія возврѣнія существовали у русскихъ поэтовъ прошедшаго вѣка!...

На кого еще указать изъ этого же периода литературы? На Хераскова и Княжнина? У нихъ еще менѣе народности, еще менѣе вышенія до интересовъ общественныхъ, чѣмъ у Державина. Предметы поэмъ Хераскова и трагедій Княжнина уже сами собою показываютъ, какъ мало чуяли духъ русской народности сіи высокопарные пѣты, пѣвшіе «отъвариаровъ Россію свободженію» и гремѣвшіе своимъ Росславами. Выборъ событий миѳологическихъ или ценародныхъ, отвлеченная точка зреінія, стараніе дѣлать намеки, пріят-

ные высшимъ (какъ напр. въ «Титовомъ Милосердії»), все это обличало отчужденіе отъ народности, пренебреженіе къ нуждамъ и страданіямъ людей, если они только не пользуются громкими титулами.

О Карамзинѣ говорили у насъ, какъ о писателѣ народномъ, впервые коснувшемся родной почвы, спустившемся изъ области мечтаній къ живой действительности. Правда ли все это? Можно ли сказать, что Карамзинъ избавился отъ призраковъ, которые тяготѣли надъ его предшественниками, и взглянулъ на действительную жизнь съѣтло и прямо? Едва ли. Правда, державинское и ломоновское нареніе является у Карамзина уже весьма слабо (а все—таки является); правда и то, что онъ изображаетъ иѣжныя чувства, привязанность къ природѣ, простой бытъ. Но какъ все это изображается! Природа берется изъ армидиныхъ садовъ, иѣжныя чувства изъ садостныхъ пѣсень труверовъ и изъ повѣстей Флоріана,— сельскій бытъ—прямо изъ счастливой Аркадіи. Точка зрѣнія на все по прежнему отвлечена и крайне аристократическая. Главная мысль та, что умѣренность есть лучшее богатство и что природа каждому человѣку даетъ даромъ такія наслажденія, какихъ ни за какія деньги получить невозможно. Это проповѣдуетъ человѣкъ, живущій въ довольствѣ и который, послѣ вкуснаго обѣда и приятной бесѣды съ гостями, садится въ изящномъ креслѣ, въ комнатѣ, убранной со всѣми прихотями достатка, описывать блаженство бѣдности на лонѣ природы. Выходитъ умилительная картина, въ которой есть слова: природа, простота; спокойствіе, счастіе, но въ которой не дѣлъ нѣть ни природы, ни простоты, а есть только самодовольное спокойствіе человѣка, не думающаго о счастіи другихъ. Отчего происходило это? Неужели писатели карамзинской школы въ самомъ дѣлѣ полагали, что наши сѣверные поселенія похожи на аркадскихъ пастушковъ; неужели они не видѣли, что въ простомъ народѣ есть свои нужды, свои стремленія, есть нищета и горе житейское, а не призрачное? Конечно, они это знали и видѣли; но нѣкогда казалось, что этого не зачѣмъ вносить въ литературу, чтобъ это будеть даже неприлично и смѣшно. Въ карамзинское время нико было снисходить до истинныхъ чувствъ и нуждъ простаго класса. Въ самой исторіи Карамзинъ держится постоянно той точки зрѣнія, которая выразилась въ заглавіи его творенія: Исторія Государства Россійскаго. Черезъ 20 лѣтъ послѣ него Полевой хотѣлъ писать исторію русскаго народа; но ему весьма плохо удалось его дѣло. Нельзя, впрочемъ, винить ни его за неудачу, ни Карамзина за его образъ воззрѣнія. Исторія не сочиняется, а составляется по даннымъ, сохранившимся болѣе всего въ письменныхъ памятникахъ. А что представляла историку наша древняя письменность? Мы уже

читали, что въ ней принимали участіе только два малочисленнѣйшіе класса народа, и ихъ только интересы выражались въ ней. Слѣдовательно, исторіи народа по даннымъ лѣтописнымъ составить было невозможно, если человѣкъ не умѣлъ, какъ говорится, читать между строкъ. А Карамзинъ, если и имѣлъ отчасти это искусство, то единственno для проведенія своей главной идеи о государствѣ. Такимъ образомъ нашелъ онъ, что Іоаннъ III въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Петра Великаго; такимъ образомъ умѣлъ провести нить великихъ князей кievскихъ, а потомъ владимирскихъ, черезъ весь удѣльный періодъ; такимъ образомъ порядку государственному онъ противополагалъ свободу народную; не умѣши понять, что они нераздѣльны и взаимно другъ друга поддерживаютъ, онъ говорилъ: народы дикіе любятъ свободу, народы просвѣщенные любятъ порядокъ... До какой степени Карамзинъ сблизилъ русскую литературу съ дѣйствительностью, видно изъ твореній его поклонника и послѣдователя—Жуковскаго. Мечтательность, призраки, стремленіе къ чему-то невѣдомому, надежда на уснокоееніе тамъ, въ заоблачномъ туманѣ, патріотическія чувства, обращенные къ русскимъ шлемамъ, панцырямъ, щитамъ и стрѣламъ, соединеніе оружавинскаго паренія съ сентиментальностью Коцебу—вотъ характеристика романтической поэзіи, внесенной къ намъ Жуковскимъ. Одно только изъ русской народности воспроизвѣлъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ), и это одно—суевѣrie народное. И, кажется, только въ этомъ отношеніи романтическая поэзія и могла соприкасаться съ нашимъ народнымъ духомъ; во всемъ остальномъ она отдѣлялась отъ него неизмѣримой пропастью.

И однако же Карамзинъ и Жуковскій получили въ русскомъ обществѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей. Чѣмъ же объяснять это? Тѣмъ, разумѣется, что оба они удовлетворяли потребностямъ того общества, которое ихъ читало. Въ этомъ заключается важная заслуга ихъ предъ русской литературой; въ этомъ мы видимъ ихъ историческое значеніе; но если мы захотимъ взглянуть на тотъ же предметъ преиむущественно съ точки зрѣнія народности, то нельзя не сознаться, что слава тѣхъ, которые говорятъ: Карамзина и Жуковскаго любить и знать—всѧ Россія,—дѣсколько преувеличены. Несправедливо будетъ утверждать, что вся Россія заключается въ насъ только, людяхъ учёныхъ, а все остальное, находящееся въ нашего круга, вовсе недостойно благодѣяній литературы, вѣтъ,—коренная Россія неѣ насъ съ вами заключается, господа умники. Мы можемъ держаться только потому, что подъ нами есть твердая почва—настоящій русскій народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку

великаго русскаго народа. Вы, можетъ быть, намѣрены возразить мнѣ, заговоривши о преимуществахъ образованности, которая даетъ человѣку власть надъ неодушевленной природой, надъ неразумными животными, и возвышаетъ насть надъ толпой. Но погодите хвалиться вашей образованностью, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вы не найдете средствъ обходиться безъ этой толпы, или давать ей столько же, сколько она вамъ даетъ. Всякій законъ, всякое пріобрѣтеніе, всякое положеніе, всякая вещь ваконецъ — тѣмъ лучше, чѣмъ большему количеству личностей или предметовъ доставляетъ пользу или удобство. А это что же за великое явленіе, которое втечеміе въможъ все ограничивается сотнями и тысячами людей, не обращая вниманія на милюны!... И повѣрьте, что эти милюны вовсе не виноваты въ своемъ невѣжествѣ: — не они отчуждаются отъ знанія, отъ искусства, отъ поэзіи, — а ихъ чуждаются и презираютъ тѣ, которые успѣли захватить умственное достояніе въ свои руки. Если же имъ и даютъ что нибудь, въ родѣ мертвыхъ сколастическихъ стиховъ, вмѣсто живой народной поэзіи, то народъ, естественно, отвращается отъ подобныхъ прелестей, какъ вовсе не подходящихъ къ его потребностямъ и къ его положенію. Кѣмъ же ограничивалась литература даже во времена Карамзина и Жуковскаго? Кругъ людей, требовавшій которыхъ удовлетворили эти писатели, былъ, правда, шире прежняго. Ломоносовскія и державинскія оды восхвалялись и повторялись только людьми, нечуждыми придворной жизни; монсты Карамзина и баллады Жуковскаго перечитывались, можно сказать, во всемъ дворянскомъ кругѣ. Это и составляетъ значительный шагъ впередъ, сдѣянный карамзинской школою. Вѣсты сѣтѣмъ, она неизбѣжно должна была теперь вѣсколько спуститься къ дѣйствительности; — хотя все еще далеко не достигла ея. Что въ прежній, пидарической школѣ было призрачное величіе, те здѣсь — призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь достатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимозы, грохочущія славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью. Здѣсь приближеніе къ дѣйствительной жизни находимъ мы по крайней мѣрѣ въ томъ, что уже менѣе возбуждаются всякия страшилница и разрушители земнаго счастія. Литература сама еще не смѣетъ подойти къ дѣйствительности и объявить себя на сторонѣ настоящаго положенія вещей; но уже съ меньшей охотой, чѣмъ прежде, восхваляетъ она то, что противорѣчитъ естественному порядку дѣйствій. Въ литературѣ видимо является наклонность къ примиренію съ жизнью и характеръ консервативный. Теперь, если недовольство дѣйствительнымъ міромъ и является, то уже не во имя какихъ ни-

будь громкихъ, исключительныхъ явленій, а во имя чего-то «очаровавшаго,» какъ выражался Жуковскій, во имя какихъ-то глубочайшихъ стремлений человѣческаго духа, которыхъ, однако же, поэты и самъ не сознавалъ хорошенько. Такая перемѣна необходимо должна была явиться при разширеніи круга людей, интересующихся литературою. Очевидно, что въ древнія времена какой нибудь скользъ, для котораго весь міръ заключался въ высокородномъ рыцарѣ,—его господинѣ и милостивцѣ,—могъ безъ зазрѣнія совѣсти, съ самыимъ искреннимъ восторгомъ, пѣть его бравые подвиги, оставалась совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ человѣчества. Его вѣдь никто и не слышалъ изъ этого человѣчества; онъ пѣлъ для своего рыцаря и его дружины. Если же-какіе нибудь скованыи шляпчики и присутствовали тутъ же во время пѣсни, то ихъ стопы и проклятия только возвышали славу пѣвца и удовольствіе доблестнаго рыцаря съ дружиною. Нельзя было оставаться при такомъ же направлениі въ то время, когда не одна рыцарская дружина, но уже и мирные граждане стали интересоваться поэтическими созданиями. Нужно было и ихъ потѣшить чѣмъ нибудь, и вотъ является, для ихъ удовольствія, украшенная природа, граціозныя китайскія куколки, изящныя чувства и т. п. Это было — неудачный суррогат дѣйствительности, на которую явилась уже потребность, но которую болѣе дать живьемъ, боясь оскорбить отвлеченные требования искусства.

Батюшковъ, любившій дѣйствительную жизнь, какъ эпикуреецъ, но тоже боявшійся пустить ее въ ходъ прямо, увидалъ однако, что наши попытки на созданіе золотаго вѣка изъ простой жизни никакда не годятся. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, и въ своей недолгой литературной дѣятельности выразилъ такое умозаключеніе: «вы боитесь изображать просто природу и жизнь, чтобы не нарушить требованій искусства; но у древнихъ вы признаете соблюденіе правилъ искусства; смотрите же, я буду вамъ изображать жизнь и природу на манеръ древнихъ. Это все-таки будетъ лучше, чѣмъ выдумывать самими вещи, ни на что не похожія.» Это, дѣйствительно, было лучше, но все-таки было еще плохо, тѣмъ болѣе, что у насть почти не было людей, которые могли бы сказать, такъ ли Батюшковъ изображаетъ міръ и жизнь, какъ древніе, — или вовсе не подобно на нихъ.

Пушкинъ пошелъ дальше: онъ въ своей поэтической дѣятельности первый выразилъ возможность представить, не компрометируя искусства, ту самую жизнь, которая у насть существуетъ, и представить именно такъ, какъ она является на дѣлѣ. Въ этомъ заключается великое историческое значеніе Пушкина. Но и въ Пушкинѣ проявилось это не вдругъ, и при томъ проявилось не съ тою широтой

взгляда, какой можно бы ожидать отъ такой художественной личности. Карамзинская опрятность, мечтательность Жуковского и эпикуреанъмъ Батюшкова сильно проглядываютъ въ немъ; а къ этому присоединяется еще влияніе Байрона, котораго, какъ сиравелично замѣчаетъ г. Милюковъ, Пушкинъ не понималъ и не могъ понять, какъ по основѣ собственнаго характера, такъ и по характеру общества, окружавшаго его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся, и притомъ, вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія, увлекающаля болѣе внѣшностью, Пушкинъ не былъ вовсе похожъ на Байрона. «Пушкинъ не могъ понимать, говорить г. Милюковъ, той ужасной болѣзни, какою томилось общество европейское, не могъ питать къ нему той неумолимой ненависти и презрѣнія, какія имѣли въ душѣ британскаго пѣвца, рожденаго посреди самаго просвѣщенаго народа, не могъ проливать тѣхъ горькихъ, кровавыхъ слезъ, какими плакалъ Байронъ. Общество русское не было похоже на европейское, и если въ то время въ самой Европѣ не сцѣнили еще значеніе пѣвца Чайльть-Герольда, и называли его главою сантанинской школы, то, разумѣется, Пушкинъ совсѣмъ не былъ состояніи быть понять его.... Онъ пѣнился только разочарованнымъ и гордынъ характеромъ его героеvъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ и свободною легкостью формы.» Такимъ образомъ Пушкину долго не давалась русская народность, и онъ изображалъ разочарованныхъ «Плѣнниковъ» и «Алеко», вовсе не подозрѣвая, что такое разочарованіе не въ русскомъ характерѣ, хотя и встрѣчалось въ нашемъ обществѣ. Одаренный проницательностью художника, Пушкинъ скоро постигъ характеръ этого общества, и, не стѣняясь уже классическими приличіями, изобразилъ его простое иѣрно; общество было въ восторгѣ, что видѣть, наконецъ, настоящую, не игрушечную поэзію, и принялось читать и перечитывать Пушкина. Съ его времени литература вошла въ жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованнаго класса. Но святъ вопросъ: какъ относится этотъ классъ, по количеству и качеству, къ населенію цѣлой Россіи? Здѣсь нельзя не сознаться, даже съ некоторымъ удовольствіемъ, что классъ людей, изображенныx Пушкинымъ и находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, съдовательно и въ интересующихся, весьма малочисленъ у насъ. Повторяемъ: говоримъ это съ удовольствіемъ, потому что если бы въ Россіи было большинство такихъ талантливыхъ натуръ, какъ Алеко или Онѣгинъ и если бы, при своемъ множествѣ, они все-таки оставались такими пошлаками, какъ эти господа, — москвики въ гарольдовомъ плащѣ,—то грустно было бы за Россію. Къ счастью, икъ у насъ всегда было мало, и ихъ изображеніе не

только народу быво бы вовсе непонятно, но даже и въ образованномъ обществѣ интересовало не всѣхъ. Гораздо больше ярийскимъ къ Пушкину вниманіе публики тѣ картинны русской природы и жизни, какія разсыпалы по всюду въ его стихотвореніяхъ и выполнены съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ. Въ то время и живое изображеніе природы быво въ диковинку, а Пушкинъ такъ умѣлъ овладѣть формой русской народности, что до сихъ поръ удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи даже вкусу весьма взыскательному.

Мы сказали; *формой народности*, потому что содержаніе ся и для Пушкина было еще недоступно. Народность понимаемъ мы какъ умѣніе изобразить красоты природы мѣстной, употребить мѣстное выраженіе, подслушанное у народа, вѣрою представить обряды, обычая и т. д. Все это есть у Пушкина: лучшимъ доказательствомъ служитъ его «Русалка». Но чтобы быть поэтомъ истинно-народнымъ, надо больше: надо проникнуться народнымъ духомъ, прожить его жизнью, стать вровень съ нимъ, отбросить всѣ предразсудки сословій, книжного учения и пр. прочувствовать все тѣмъ простымъ чувствомъ, какимъ обладаетъ народъ,—этого Пушкину не доставало. Его генеалогіческіе предразсудки, его эпикурейскія на clinности, первоначальное образованіе подъ руководствомъ французскихъ эмигрантовъ конца прошедшаго столѣтія, самая натура его, полная художнической восприимчивости, но чуждая упорной дѣятельности мысли, — все препятствовало ему проникнуться духомъ русской народности. Мало того, — онъ отвращался даже отъ тѣхъ проявленій народности, какія заходили изъ народа въ общество, окружавшее Пушкина. Особенно проявилось это въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Жизнь все шла впередъ; мѣрь дѣятельности, открытый Пушкинъ и военѣтый имъ такъ очаровательно, началь уже терять свою поэтическую прелестъ; въ немъ осмыслились замѣчать недостатки, уже не во имя отвлеченныхъ идей и заоблачныхъ мечтаний, а во имя правды самой жизни. Ждали только человѣка, который бы умѣль изобразить недостатки жизни съ такимъ же поэтическимъ тактомъ, съ какимъ Пушкинъ умѣлъ выставить ея прелести. За людьми дѣло не стало: явился Гоголь. Онъ изобразилъ всю пошлость жизни современного общества; но его изображенія были свѣжи, молоды, восторженны, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя задушевныя пѣсни Пушкина. Пушкинъ тоже тѣ готился пустотою и пошлостью жизни; но онъ тяготился ею, какъ Овѣгинъ, съ какимъ-то безсильнымъ отчаяніемъ. Онъ говорилъ о жизни:

— Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я.»

Но онъ не видѣлъ выхода изъ этой пустоты, его сила не хватало на серьѣзное обличеніе ея, потому что внутри его не было ничего, то имъ чего можно бы было предпринять подобное обличеніе. Онъ могъ только воскликнуть съ лирической грустью:

«Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, правдень умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.»

Оттого-то онъ и не присталь къ литературному движению, которое началось въ послѣдніе годы его жизни. Напротивъ, онъ покаралъ это движение еще прежде, чѣмъ оно явилось господствующимъ въ литературѣ, еще въ то время, когда оно явилось только въ общестѣ. Онъ горло воскликнулъ въ отвѣтъ на современные вопросы: подище прочь! Какое мнѣ дѣло до васъ! и началъ пѣть Бородинскую гоголишину и отвѣтывать клеветникамъ Россіи знаменитыи стихами:

«Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постель,
Не въ силахъ завинтить свой измайловскій штыкъ?
Иль русскаго царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?»

Можно было бы спросить: это ли направленіе чистой художественности? Не пощимаетъ ли здѣсь поэтъ тоже общественные вопросы, съ тою разницей, что здѣсь выражаются интересы совсѣмъ другаго рода! Да, эти произведенія были въ поэтической деятельности Пушкина шагомъ назадъ,—къ державинской и ломоносовской эпохѣ. Но общество наше было теперь уже не то. Г. Милюковъ справедливо говорить: «Общество скоро поняло, что любимый поэтъ оставилъ его, что народныя радости и печали не находятъ уже въ немъ горячаго сочувствія и даже встрѣчаютъ холодное презрѣніе. Тогда публика, въ свою очередь, по невольному инстинкту, оставила поэта. Это охлажденіе публики сильно тревожило Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Онъ видѣлъ, какъ разорвалась та симпатическая связь, которая соединяла его съ обществомъ, и началъ съ дыхородочнымъ беспокойствомъ бросаться во всѣ отрасли литературы: въ исторію, романъ, журналистику, отыскивая какойнибудь струны, которая связала бы его съ публикою. Но ничто не помогало, и смерть избавила его отъ печальной необходимости вплѣтъ себя живымъ мертвѣцомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову» (стр. 177). Все это служитъ доказательствомъ того, что Пушкинъ постигъ только форму русской народности, но не могъ еще войти въ духъ ея. Этимъ-то и объясняет-

ся, что въ послѣднее время онъ сталъ писать стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи», и т. п., имѣвшія, можетъ быть, прекрасную художественную отлѣтку, но, во своей мысли, все-таки назначенные «для немногихъ», а никакъ не для большинства публики. Варочевъ, недавно изданій VII томъ Пушкина доказываетъ, что воспрѣимчивая натура поэта не оставалась глуха къ призываѣ общественныхъ вопросовъ; только недостатокъ прочнаго, глубокаго образованія препятствовалъ ему сознать прямо и ясно, къ чему стремиться, чего искать, во имя чего приступать къ решенію общественныхъ вопросовъ.

Болѣе силь нашелъ въ себѣ Гоголь, котораго значеніе въ исторіи русской литературы не нуждается уже въ новыхъ объясненіяхъ. Но и онъ не смогъ идти до конца по своей дорогѣ. Изображеніе пошлости жизни ужаснуло его; онъ не созналъ, что эта пошлость не есть удѣль народной жизни, не созналъ, что ее нужно до конца преодѣлывать, никакъ не опасаясь, что она можетъ бросить дурную тѣнь на самый народъ. Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти; онъ, не въ союзаніи будучи шагнуть черезъ Пушкина до Державина, шагнулъ въ задъ до Карамзина: его Муразовъ есть повтореніе Фрола Смынина, благодѣтельного крестьянина, его Уленъка — блѣдная копія съ блѣдной Лизы. Нѣть, и Гоголь не постигъ вполнѣ, въ чёмъ тайна русской народности, и онъ перемѣшалъ хаосъ современного общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаймы цивилизаціи, съ стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на начальныхъ правда и здраваго смысла.

Если окончить Гоголемъ ходъ нашего литературнаго развитія, то и окажется, что до сихъ поръ наша литература почти никогда не выполняла своего назначенія: служить выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Самое большое, до чего она доходила, заключалось въ томъ, чтобы сказать или показать, что есть и въ народѣ нечто хорошее. Съ течениемъ времени подобныя замѣчанія и указанія даются все чаще и чаще, и въ этомъ пока заключается развитіе нашей литературы. Въ числѣ исключительныхъ личностей, мало имѣвшихъ вліянія на литературное движеніе, нельзя забыть Крылова, Кольцова и Лермонтова. Крыловъ ограничилъ свою дѣятельность однимъ родомъ литературныхъ произведеній — баснею, и потому мало имѣть вліянія на развитіе литературы хотя, конечно, значеніе его будетъ весьма велико, когда его басни дойдутъ до народа. Кольцовъ жилъ народною жизнью, понималъ ея горе и радости, умѣлъ выражать ихъ. Но его поэзіи недостаетъ все-

сторонности взгляда; простой классъ народа является у него въ уединеніи отъ общихъ интересовъ, 'только съ своими частными житейскими нуждами; оттого пѣсни его, при всѣй своей простотѣ и живости, не возбуждаютъ того чувства, какъ, напримѣръ, пѣсни Беранже. Лермонтовъ же облачай, конечно, громаднымъ талантомъ, и, умѣвшіи рано постичь недостатки современного общества, умѣть понять и то, что спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ. Доказательствомъ служить его удивительное стихотвореніе: «Родина», въ которомъ онъ становится рѣшительно выше всѣхъ предразсудковъ патріотизма и понимаетъ любовь къ отечеству истинно, свято и разумно. Онъ говорить:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдить ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью.
Ни воинъ гордаго довѣрія помой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелить во мнѣ отраднаго мечтанья.»

Что же любить въ родинѣ этотъ поэтъ, равнодушный и къ воинской славѣ, и къ величавому покою государства, и даже къ преданьямъ темной старины, записаннымъ смиренными иноками-автосидцами? Вотъ что онъ любить:

«Проселочныи путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И, взоромъ медленныи пронзая ночи тѣнь,
Встрѣтить по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожаще огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаенной живыи,
Въ стени кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣльющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздничкѣ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На власку, съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.»

Полнѣйшаго выраженія чистой любви къ народу, гуманнѣйшаго взгляда на его жизнь нельзя и требовать отъ русскаго поэта. Къ несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко отъ народа, а слишкомъ ранняя смерть помѣшила ему даже поражать порою современного общества съ тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживалъ ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ...

Такожъ бытъ по нашему мнѣнію общий ходъ развитія русской литературы съ древнѣйшихъ ея временъ.

А сатирическое-то направленіе? воскликнадетъ читатель. Вы о чёмъничего не говорите? Что литературное развитіе вообще было слабо, это мы знаемъ; это и г. Милюковъ говоритъ, и еще гораздо сильнѣе въсъ. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, превозноситъ сатирическое направленіе. Г. Милюковъ говоритъ, что безъ сатирическаго направленія никакого спасенія не было для русской литературы, и что сатирическое направленіе всегда ее поддерживало, оживляло, возносило и прославляло. Г. Милюковъ говоритъ, «что сатира всегда сражалась съ массою, которая постепенно уменьшается; что она враждовала съ настоящимъ, какъ съ остатками прошедшаго, указывая на славное будущее; что она всегда производила благотворное лѣчіе на нравы; что въ сатирѣ общество наше нашло того двигателя, который постоянно продолжаетъ вести его по пути къ совершенству, уничтожая преграды, поставленныя вѣковымъ отчужденіемъ и невѣжествомъ.» Вотъ что говоритъ г. Милюковъ о значеніи сатиры. А вы даже не упомянули о ея благотворномъ вліяніи.

Да, отвѣчаемъ мы,—вѣрьтег. Милюкову! Онъ слишкомъ нѣжно смотритъ на русскую литературу; онъ проникнугъ тахой горячою любовью къ ней, что испрѣбѣніе хочеть въ ней отыскать вѣчно превосходное и благодѣтельное для нравовъ общества. Не за что взяться, такъ онъ и привился за сатиру, какъ за прекрасное средство дать почувствовать благородныя стремленія литературы. Это съ его стороны большая поблажка, дѣлающая честь добротѣ его сердца, но тѣмъ не менѣе излишна. Что касается до насъ, то мы вполнѣ вѣримъ г. Милюкову только тогда, когда онъ бранитъ что либудь. Ужъ если такой добрый и списходительный человѣкъ находить, что это дурно, думаетъ мы, то ужъ вѣрою и въ самое дѣлъ дурно. Но когда онъ хвалить, то нельзя не видѣть, какъ его доброе сердце преувеличиваетъ значеніе восхвалляемой вещи. Вотъ хоть бы и сатира русская... Мы о ней нарочно не говорили, именно потому, что г. Милюковъ такъ превозноситъ ее. «Очеркъ поэзіи» г. Милюкова составленъ такъ хорошо, какъ ни одна изъ исторій русской литературы, и потому намъ не дотѣлось спорить съ почтеннымъ авторомъ о предметѣ, который такъ послѣдовательно проведенъ имъ по всей книгѣ. Сатирическое направленіе, разумѣется, хорошо; кто же обѣ этомъ спорить? Но зачѣмъ приходить отъ него въ такой воссторгъ? зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоить всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады). Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлич-

но-выгодное: они видѣли передъ глазами, въ другикъ частакъ Европы, лучшій порядокъ, и могли смыться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставлять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но чѣмъ же дѣлала наша сатира? Она всегда шла позади жизни, тогдакакъ, по своему исключительному положенію, среди нашего общества, могла опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ ужь уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; раньше она не осмысливалась дотронуться до него. Вѣдь были у насъ, конечно, люди образованные и раньше Кантемира; были и противники просвѣщенія: отчего же только послѣ указа Петра о томъ, что стыдно быть невѣждою, особенно дворянину, и что всѣ дворяне должны учиться, отчего только послѣ этого является сатира на хулящихъ ученіе?... Пьянство испоконъ вѣку у насъ было распространено; противъ него были указы еще въ XVI и XVII вѣкѣ, а до Кантемира опять никто сатирически не изобразилъ его. Мѣстничество при Петре уже окончательно пало, а Кантемиръ потѣшается надъ имъ (то есть вообще наль боярской спесью) въ цѣлой длиннѣйшей сатирѣ. А ханжество, лесть, обманъ, и т. п. развѣ меньше были распространены до Кантемира? Что же никто не поражалъ ихъ? Отвѣтъ, конечно, легокъ: тогда и сатиры вовсе не было, а на нѣть и суда вѣтъ. Ну, хорошо; а почему Кантемиръ не поражалъ тѣхъ пороковъ, какіе въ его время были сильны? Вы сиросите, какіе пороки? Да возьмите современные записки, или хоть немножко пораньше. Возьмите хоть Кошихина: Вотъ, напримѣръ, опъ говорить, что при царскомъ погребеніи, которое совершается всегда ночью, бываетъ страшный грабежъ, потому что московскихъ людей *натура не боязливася*; «и сышется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей, убийщ и зарѣзанныхъ, больше ста человѣкъ. И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москву и въ городѣхъ близко того, что на голъ придетъ съ государства казны.» (Стр. 17). Или, напримѣръ, тотъ же почтенный подьячій пишетъ, что «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвики обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ», и описывается эти обманства. А они продолжались, съ разными видоизмѣненіями, и во времена Кантемира. Или — у Кошихина есть такое извѣстіе о чиновникахъ: хотя, говорить онъ, за взятки и положено наказаніе, и чиновники клянутся и крестъ даютъ, чтобы посуловать не принимать, но «ни во что вѣра ихъ и заклинательство, отъ прелести очей своихъ удержати не могутъ и руки ко взяткѣ скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ, чрезъ жену или дочерь, или чрезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ

во взятые посулы, будто про то и не вѣдають (стр. 93). Или вотъ это: «а буде (бояре и дворяне) учинить надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми, какія блудныя дѣла, или у жонки выбыуть робенка, или мученая и битая съ робенкомъ уиретъ, и будетъ на такихъ злочинцевъ челобитье, и по ихъ челобитью отсылаютъ такія дѣла на Москву къ патріарху» (стр. 114). Да чего тутъ ждать челобитья! Сатирой бы ихъ хорошенъко, этихъ злочинцевъ! Ихъ-то именно и прикрыть бы сатирой! Но сатира Кантемирова молчала объ этомъ, а возставала съ благороднымъ негодованіемъ противъ Медора, завивающаго кудри, противъ Менандра, переносящаго вѣсти, противъ скупаго Хризиппа, противъ расточительного Клеарха. А главной ея заботой было воспѣть пользу преобразованій, уже сдѣланныхъ Петромъ, и посмѣяться надъ тѣми, которые беспомощно, на словахъ, еще отвергали ихъ пользу. А то мало ли было во время Петра и вскорѣ потомъ пороковъ, подлежащихъ обличенію литературы! Загляните только въ «Записки Желабужекаго»: чего тамъ неѣтъ! «Въ 193 (1685) г. князю Петру Кропоткину чинено наказанье: бить кнутомъ за то, что въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и прописалъ своею рукою. Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ, сынъ Лобанова-Ростовскаго, да Иванъ Андреевъ, сынъ Микулинъ, вѣзли на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной сосни, разбивать государевыхъ мужиковъ, съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. Въ 201 г. (1693) князю Александру Борисову, сыну Крупскому, чинено наказанье: бить кнутомъ за то, что жену убилъ. Въ 202 г. Земскаго Приказу дьякъ Петръ Вязьмитиновъ, передъ московскимъ суднымъ приказомъ полымянъ съ козель и, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правежъ ставиль своего человѣка вмѣсто отвѣтчика.» Такія явленія заслуживали, я думаю, литературнаго обличенія болѣе, нежели завиванье кудрей и пристрастіе къ французскимъ модамъ. Если хотите прослѣдить явленія русской жизни, подлежащія сатирѣ, далѣе, то можете заглянуть во многія книги, только не въ сатирическія творенія. Въ русской сатирѣ современность мы рѣдко найдете; скопѣе попадется она вамъ въ какихъ нибудь мемуарахъ Манштейна, Миниха, Храповицкаго, Грибовскаго, въ «Семена Поропшина Запискахъ», въ актахъ извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ Тургеневыми, въ «Полномъ Собраниі Законовъ Россійской Имперіи». Въ полномъ Собраниі есть наприимѣръ указъ Петра I о томъ, «что крестьянъ продаются на розницу, какъ скотовъ, и даже такъ, что отъ семей, отъ отца или отъ матери dochь или сына

Т. LXVII, Отд. II.

12

помѣщикъ иродаетъ, отчего не малый волкъ бываетъ». Сатира не исснула таихъ явлений до послѣдняго времени. Можно ли же по-слѣ этого сказать, что она была двигателемъ общества по пути къ совершенству? стоитъ ли также говорить о ея благотворномъ вліяніи на исправленіе нравовъ? Сумароковъ преслѣдовалъ взяточничество; это было хорошо, хотя и поздно немножко, потому что обѣ этомъ злѣ есть уже положительный упоминанія въ XVI столѣтіи. Но что же вышло изъ его обличеній? Черезъ 25 лѣтъ послѣ него Каннистъ опять обличалъ тоже; черезъ 40 лѣтъ потомъ Гоголь возсталъ противъ того же въ «Ревизорѣ»; нынѣ, черезъ 20 лѣтъ послѣ Ревизора образовалась цѣлая литература приказной казуистики: видно, что мало пользы принесли сатиры русскихъ авторовъ, такъ какъ они были разнообразны и ядовиты). А все отчего? оттого, что сатира всегда была ребка, мелочна, близорука, пока сама жизнь не спережала ея. Кого выводили преслѣдователи взяточника? Городничаго, исправника, становаго, квартальнаго, предсѣдателя гражданской памѣты, да еще какого-то верицательшаго судью, вѣроятно уѣзднаго. Предположите же, что всѣ подобные мелкие чиновники дсправились бы послѣ сатирическихъ нападеній на нихъ: думаете ли вы, что этого было бы довольно для прекращенія взяточничества въ цѣлой Россіи? — Притомъ посмотрите, съ какой точки зрения дѣлаются у насъ всѣ обличенія сатирическия. Говоря, — совершенно справедливо, что

«... Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты»,

жаждущіи сатирики на этомъ и успокаиваются. Не прининая въ разсчетъ состоянія общественной нравственности, ни историческихъ обстоятельствъ развитія порока, ни общаго положенія администраціи, ни отношений одного класса къ другому, сатирики рады свидѣть всю бѣду на бѣдную личность чиновника, которая часто во сне безъ вины виновата. Такъ одинъ умный администраторъ, въ родѣ Сивозника-Дмухановскаго, хотѣлъ предать суду одного человека пойманнаго на мѣстѣ въ азартной игрѣ. «Съ кѣмъ же онъ былъ пойманъ?» Да одинъ, видите: онъ велъ азартную игру самъ съ собою!....

Возьмите другой мерокъ который преслѣдовала наша сатира,— невѣжество. Кантемиръ смѣялся надъ тѣми, которые не слушаютъ указовъ Петра I; чувства его очень похвальны, хотя опять нельзя сказать, чтобы они предупредили жизнь... Но посмотримъ, что изъ этого вышло. Прошло 30 — 40 лѣтъ; Сумароковъ опять выводитъ господина, который говорить:

«... Не надобно паузы;
Пускай убогнется, уча ребяточъ моты,
Мой мальчишъ не учень, а въ тѣжъ пойдетъ вороты.»

Прошло еще лѣтъ 20; г-жа Простакова говорить: что за географія? извощики есть; что за дѣлненіе? ни съ кѣмъ дѣлниться своимъ добромъ ненадобно, и пр., въ этомъ духѣ. Проходитъ еще лѣтъ 40, и мы слышимъ сожалѣніе о князѣ Федорѣ, который, Богъ знаетъ зачѣмъ, учится разныемъ наукамъ....Чтѣ изъ этого слѣдуетъ? По нашему,—то, что одно изъ двухъ положеній г. Милюкова въ пользу сатиры неѣрно: или сатира не производила благодѣтельнаго вліянія на нравы; или же она производила его, и тогда, значитъ, послѣ Кантемира, она ужъ все повторяла зады единственno для своего удовольствія.

Попытать зады, впрочемъ, не въ диковинку было русской сатирѣ; она отлично умѣла бранить то, что ужъ отжило свой вѣкъ и было нецѣнно. Въ этомъ отношеніи особеннымъ искусствомъ отличался Державинъ. Онъ умѣлъ сочинять даже оду сатирическую, обративши стрѣлы своего остроумія на прошедшее да на цѣкоторыя аномічныя личности, которыхъ, впрочемъ, исчугаць, узнавъ, что до нихъ дошла его ода. Между прочимъ, онъ остроумно и справедливо говорить, что при Дворѣ Фелицы

«... Свадѣбъ шутовскихъ не парить,
Въ ледовыхъ банихъ ихъ не жарить;
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы гъявъ ийъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожь.»

А вѣдь когда все это совершалось, ничѣй сатирическій голосъ не подавался для перипетій подобныхъ потѣхъ! Вотъ замъ и могущество русской сатиры!

Если же не на прошедшее обращались нападенія сатирическв, то умы на какіе микроскопическіе недостатки, отъ которыхъ общественная нравственность рѣшительно не измѣнила своего положенія. Напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи каждый сатирикъ непрѣменно преслѣдовалъ со всѣмъ жаромъ «влохихъ стихотворцевъ». На нихъ и сатиры, и басни писались, и въ посланіяхъ они заѣгвались, и даже, кажется, въ разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ осмысливались. Не правда ли, какое достойное занятіе для русскаго сатирика! Какъ хорошо расуется этимъ домашніе, патріархальное значеніе русской литературы, которая писалась сама для себя, находила предметъ изъ своимъ тѣломъ кружкѣ и довольна была тѣмъ, что производила посладія одного поэта и другому, энциклимы другаго

иа третьяго, критики третьяго на посланія первого, сатиры первого на критики третьяго, и т. д. Вотъ ужъ въ подлинномъ смыслѣ литература была сама для себя цѣлью: художественная, видно, была литература!

Что же касается до лѣйствительныхъ и важныхъ злоупотреблений поэзіи, они никогда не встрѣчали современного обличія. Пиндаризмъ, имѣвшій въ виду

... Награду перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,

не встрѣтилъ насмѣшки ни въ ломоносовское, ни въ державинское время; а уже тогда, когда онъ откинь ской вѣкъ, явилась злая сатира Дмитріева: «Чужой толкъ». Надъ поэмами Хераскова тоже стали смѣяться только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Только надъ Жуковскимъ Батюшкоъ осмѣялся посмѣяться очень скоро, сочинивши пародію на его «Пѣнца»; за то пародія эта не была извѣстна публикѣ до прошедшаго года.

А подражаніе французамъ! Отъ Кантемира, Сумарокова, Феофиль-Виззина до «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», издаваемаго съ прошлаго года иѣкимъ господиномъ Вышинеграцкимъ — всѣ, вотъ ужъ слишкомъ сто лѣтъ, всѣ нападаютъ на подражаніе французамъ; но только все не въ прокѣ! Богъ знаетъ, отчего это! кажется, ужъ «Русская Бесѣда» и русское воззрѣніе сочинила на мѣсто французыскаго, а все толку иѣть; какъ открылась первая возможность, такъ и отправились десятки тысячъ за границу... А замѣтьте, что подражаніе французамъ распространено вѣдь въничтожномъ меньшинствѣ русскихъ; народъ и до сихъ поръ, хоть и не чуждается иѣоземцевъ, какъ прежде, но и не думаетъ перенимать ихъ языки. Что же это за могучая сатира, которая съничтожнымъ кружасенъ, въ частномъ вопросѣ, не можетъ справиться?

Иѣть, какъ вы хотите, и въ сатирѣ нашей постоянно господствовала та мелкость, та узкость взгляда, которыи мы замѣтили вообще въ нашей литературѣ. И сатира не возвышалась у насъ до пониманія народныхъ интересовъ, не смотря на иѣкоторыя исключительныя явленія, почти всегда имѣвшія только частный смыслъ.

Вообще, что русская сатира не народна, это видно ужъ изъ того, что она претендуетъ народной пословицѣ: «лежачаго не бьютъ». Она постоянно возвставала на лежачаго, какъ только переставала пересыпать изъ пустаго въ порожнєе. А большую часть занималась этимъ полезнымъ пересыпаньемъ. Вѣдь придется же, ты самомъ дѣлъ, въ голову русскому сатирику переводить Босюозу сатиру о различіи страстей человѣческихъ! Или передѣльвать ча-

русскіе правы Ювеналому сатири о благородствѣ! Грибоедовъ, какъ будто, имѣлъ въ виду русскихъ сатириковъ, изображая Чапцаго. Ни къ селу, ни къ городу, люди, которые не хотятъ идти слушать и не могутъ понять, а если поймутъ, то не могутъ выполнить ихъ требованій, начинаятъ они кричать о Кузнецкомъ мостѣ и мѣчныхъ нарядахъ, обѣ шапкахъ и шапилькахъ (не замѣчая слова), возстаютъ противъ фраковъ и бритъ бородъ (а сами выбраны и во фракѣ), противъ мелочныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ обычая или даже приличій, принятыхъ естьи и въ сущности никому не иѣшающихъ. И тутъ же вдругъ, какъ гнѣгъ на голову, грянутъ съ какимъ нибудь маленькимъ требованіемъ: будь, дескать, добродѣтель, служи безкорыстно, ставь общее благо выше собственного, и т. п. абстракціи, весьма милыя и вполне справедливыя, но, къ несчастію, рѣдко зависящія отъволи частнаго человека.... Совершенно такъ, какъ Чапцкій издѣвается надъ фракомъ, очень хорошо понимая, однако, что носить или не носить фракъ, брить или не брить бороду, вовсе не зависитъ отъ восклицаній, какогонибудь одного азартнаго господина.

Нѣтъ, мы рѣшительно недоволны русской сатирой, исключая сатиры Гоголевскаго періода. Вотъ почему и не хотѣли мы говорить о ней такъ, какъ мы о многомъ не хотѣли говорить въ этой статьѣ. Просимъ читателей не видѣть въ нашихъ отрывочныхъ замѣткахъ никакъ нибудь особыхъ претензій. Мы даже не хотѣли проводить своего взгляда по всѣмъ явленіямъ русской литературы; мы сказали только, что любопытно было бы представить ходъ развитія русской литературы съ такой точки зрѣнія: какъ она постепенно сближалась съ народомъ и действительностью, постепенно избавляясь отъ исключительного влиянія кружниковъ-монаховъ и отъ привразныхъ, туманныхъ идей, насыщено навязанныхъ ими литературѣ. Г. Милюковъ отчасти имѣлъ въ виду этотъ взглядъ въ послѣдней половинѣ своего труда, именно въ оцѣнкѣ лѣтательности Пушкина, Лермонтова и Гоголя; но, увлекшись жаромъ любовью къ сатирическому направлению,—онъ не могъ провести этого взгляда по всей книгѣ. Да если бы и провелъ, то результаты его оказались бы, вѣроятно, излишне плодотворны, опять по тому же крайнему унаженію къ сатирѣ. Мы же съ своей стороны признаемъ только плодотворность сатиры Лермонтова, Гоголя и его школы,—да и то не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ представляется г. Милюковъ. Мы видимъ, что и Гоголь, хотя въ лучшихъ своихъ созданіяхъ, очень близко подошелъ къ народной точкѣ зреенія, во-положивъ безсознательно, просто художнической ощущью. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо пати дальше и уже

всѣ вопросы жизни пересмотрѣть съ той же народной точкой зритія, оставивши всякую абстракцію и всякие предразсудки, съ дѣятельнаго привнесшіе къ нему ложными образованіемъ; тогда Гоголь санъ испугался: народность представилась ему бездвой, отъ которой надобно отбѣжать поскорѣе, и охъ отбѣжалъ отъ нея и предался откличенійшему изъ занятій—идеальному самеусовершенствованію. Не смотря на то, художническая его дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ нынѣшняго направленія можно ожидать чего нибудь хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ. Предупредить жизни литература не можетъ, но предупредить формальное, официальное произведеніе интересовъ, выработавшихъ въ жизни, она должна. Пока еще могущественная идея находится въ умахъ, пока еще она только должна осуществиться въ будущемъ, тутъ-то литература и должна схватить ее, тутъ-то и должно начаться литературное обсужденіе предмета съ разныихъ сторонъ и въ видахъ различныхъ интересовъ. Но ужъ когда идея перешла въ дѣло, сформировалась и рѣшилась окончательно,—тогда литература нечего дѣлать: развѣ только одинъ разъ (не больше) похвалить то, что сдѣлано. Поздняя же брань будетъ просто постыднымъ пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее, и будетъ только напоминать того хокма, который, будучи сильно побитъ, пришелъ домой и храбрѣлся передъ родными, хвастаясь, что когда его били, такъ онъ тоже свое дѣло дѣмъ—«показывалъ фингу»—въ карманѣ.

Нора законенъ и разстаться съ г. Милуковымъ. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ, не обративши вниманіе читателей на его превосходный разборъ «Мертвыхъ Душъ», по всемъ правиламъ эпической поэмы. Принѣсеніе всѣхъ правильнѣй къ «Мертвымъ Душамъ» обнаруживаетъ въ авторѣ большой ліадектическій талантъ. Какъ, напр., умѣлъ онъ найти чудесное въ «Мертвыхъ Душахъ»? это была трудная задача, а онъ нашелъ, и нашелъ такъ искусно, что мы не можемъ удержаться отъ удовольствія выписать это мѣсто.

«Въ героической поэмѣ, по условіямъ теоріи, должно быть чудесное: таково въ Энейдѣ вмѣшательство Эола и Юноны въ судьбу сына Ахізова, а въ Иліадѣ — участіе боговъ Олимпа во всѣхъ битвахъ и событияхъ подъ стѣнами Трои. И это мы находимъ въ нашей отечественной эпопѣ. Что можетъ быть чудеснѣй этихъ первыхъ душъ, которыхъ «окончили въ нѣкоторомъ родѣ свое велиое существованіе», а между тѣмъ невидимо присутствуютъ передъ вами во всей полнотѣ и служатъ главнѣмъ основаніемъ подвиговъ героя, важнейшимъ сред-

ствомъ его къ достижению высокой цѣли обогащенія? И кому не можется сверхъ-естественнымъ, что души крестьянъ, давно уже совершившихъ свое жизненное поприще, существуютъ еще за стиковой гранью гражданской палаты; незримо живутъ въ грудахъ бумагъ и ревизскихъ сказокъ, таинственно прикованы еще къ землѣ и не смѣютъ вкусить успокоенія въ Елисейскихъ поляхъ, пока не прозвучитъ труба новой ревизіи и не освободить ихъ отъ невидимаго заключенія въ судебныхъ вертепахъ! Кто не увидитъ чудеснаго въ томъ, что эти первыя души продолжаютъ еще невидимо платить за себя подать и отправлять поминности, служить предметомъ сдѣлокъ и процессы, средствомъ обогащенія и спекуляціи, и даже вводять въ сомнѣніе Коробочку, не годятся ли онѣ еще на что нибудь въ домашнемъ хозяйствѣ. Все это въ высшей степени чудесно, а вмѣстѣ съ тѣмъ действительно и вполнѣ естественно,—выгода, какой не имѣлъ рѣшительно ни одинъ изъ древнихъ эпическихъ поэтовъ» (стр. 214—215).

Повторимъ въ заключеніе, что книжка г. Милюкова умнѣе, справедливѣе и добросовѣстнѣе прежнихъ исторій литературы, составленныхъ у насъ въ разныя времена, большею частію съ крайне педантической точки зрѣнія. Особенно тѣмъ изъ читателей, которые стоятъ за честь русской сатиры и которымъ нашъ взглядъ на нее показается слишкомъ суровымъ и пристрастно-неблагонамѣреннымъ, такимъ читателямъ лучше книжки г. Милюкова ничего ж. ждать нельзя въ настоящее время.

—НОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ЯНВАРЬ 1858.

Жизнь Магомета. Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Перев. съ англійскаго Петра Кирбевскаго. Москва. 1857 г.

Сочиненіе Ирвинга не нуждается въ томъ, чтобы мы стали хва-
лить его, а о переводѣ г. Кирбевскаго довольно сказать, что онъ чи-
тается очень легко. За его добросовѣстность и вѣрность съ подлин-
никомъ ручается имя переводчика. Слѣдовательно, съ этой стороны
намъ нечего распространяться, равно какъ не нужно, мы думаемъ,
дѣлать подробный обзоръ содержанія книги Ирвинга. Кому же неиз-
вѣстна исторія жизни Магомета въ главнѣйшихъ ея фактахъ? По-
этому, мы рѣшаемся ограничиться здѣсь нѣсколькими разыщленіями
о частныхъ обстоятельствахъ, касающихся отчасти нашей истори-
ческой науки.

Странный видъ принимаютъ историческія знанія подъ перомъ
нашихъ историковъ!.. Точно скучная, нелѣпая сказка для дѣтей, изъ
числа тѣхъ, которыхъ такъ неискусно составляются къ празднику и
издаются г. Генкелемъ! Начинается обыкновенно съ того, что такое-
то Царство основано такимъ-то царемъ, который завоевалъ такія-то
страны и основалъ свою столицу въ такомъ-то городѣ. А тамъ и
пойдетъ писать, все въ томъ же родѣ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ
государство падеть, непремѣнно отъ роскоши и развращенія нра-
вовъ. Откуда вдругъ взялась эта роскошь и развращеніе, ученикъ
никакъ не можетъ добиться въ нашихъ доморощенныхъ курсахъ
исторіи. На историческое развитіе народа, на естественную, живую

связь событий никогда не хотят обратить ни малейшаго вниманія наши историки. Ихъ исторія представляетъ обыкновеніе не исторію а какую-то плохо составленную «Всеобщую біографію великихъ людей.»—Это—Платархъ для юношества, написанный въ дурномъ духѣ и безъ всякаго такта. Все въ нашихъ исторіяхъ предоставлается видінію личностей: государство основалось оттого, что нашелся великий человѣкъ, который основаль его; мало государство—оттого, что пять—шесть государей дурно имъ правили и допустили развращеніе нравовъ; новая религія явилась—оттого, что явился человѣкъ, который ее выдумалъ; война проиграна—оттого, что полководцы были неискусные; восстание произошло—оттого, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ человѣкъ раздражили народъ.... И такъ далѣе, и такъ далѣе, за что ни возьмитесь. Но вѣдь былъ же какой нибудь матеріаль, надъ которымъ всѣ эти полководцы, правители и прочие великие люди производили свои упражненія? Вѣдь не одинъ же, самъ собою, полководецъ велъ войну, не самъ же собою какой нибудь молодецъ, ни съ того, ни съ сего, основаль вдругъ цѣлое «гражданское общество», какъ выражаются наши историки. Вѣрно, кто нибудь помогалъ ему, служилъ орудіемъ его плановъ, и, вѣрно, это замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностямъ тѣхъ, которые согласились содѣйствовать ему? Чуже это были за люди, каково было ихъ положеніе? отчего они слушались людей неблагонамѣренныхъ, а не слушались благонамѣренныхъ? Какія были въ нихъ самикъ качества или недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить ихъ орудіемъ въ своихъ замыслахъ? Всѣ эти вопросы рождаются непремѣнно въ головѣ всякаго ребенка, не совсѣмъ еще забитаго сколастикой; но отвѣтить на эти вопросы. Наши исторические учебники совсѣмъ не хотятъ обращать вниманія на эти вопросы. Ужь лучше бы они сказали прямъ: «вы хотите знать, что за народъ были греки и римляне? Это были народы, не стоящіе ни малѣшаго вниманія; о нихъ и говорить нечего. А было между ними десятка два порядочныхъ людей; о нихъ, пожалуй, мы вамъ разскажемъ съ великою охотою.» Тогда мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что обязательныи историки хотятъ дать намъ «Bibliothèque amusante pour les enfants»,—и не стали бы ожидать сть нихъ исторіи. Такъ нѣтъ, нехотятъ: скропаютъ кое-какъ десятка два-три біографій, большую частію воинственнаго характера, да и говорятъ, что сочинили исторію. Помыльте, какая исторія! Біографіи-то,—и тѣ плохо сшиты, и еще хуже приставлены къ общему ходу дѣйствия историческихъ. По мнѣнію нашихъ историковъ—захотѣла великай личность совершить что-нибудь—и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что нибудь не по нраву нашимъ историкамъ

чай, быва исторической личности! Онажетъ, что это быть обманщикъ, безнравственный человѣкъ, злодай; и т. д. Не хотать понять, что вѣдь историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ покру, которая можетъ изорвать порокъ, но не воспламенить камней, и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтить материала, скоро загорающагося. Не хотать понять, что эта матеріаль всегда подготавливается обстоятельствами исторического развитія народа, и что вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ и явлюются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени.

Вотъ, напр. хоть бы Магометъ, какъ онъ рисуется въ нашихъ исторіяхъ? Во-первыхъ—какъ обманщикъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ сочинившій новую вѣру и морочившій людей ложными чудесами; во-вторыхъ — какъ завоеватель, внезапно пріицесцій, неизвѣстно есть какихъ тайныхъ источниковъ, новые силы народа слабому и лѣнивому, и мгновенно превратившій мирныхъ пастуховъ въ хищныхъ завоевателей. Почтеннѣмъ историкамъ не представляется ни малѣйшей надобности подумать серьезнѣ, какъ же это, однако,— обманщикъ могъ увлечь столько миллионовъ людей и не быть уличенъ въ обманѣ? Что же это за сверхъ-естественные силы могъ онъ вдругъ сообщить народу? Откуда взялись въ немъ-то самомъ такие силы. Читающи исторію должны думать, что все это произошло отъ какихъ-нибудь каликъ перекожихъ, точно такъ, какъ богатырскія силы Ильи Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, если Илья Муромецъ, наименіемъ пива крѣпкаго, вдругъ пошелъ совершать славные подвиги, то почему же и съ Магометомъ не могло случиться того же самого?

Но туманъ мало по малу проясняется. У насъ начинаютъ появлять хорошія историческія сочиненія, и можно надѣяться, что это будетъ лигѣ вышнѣе вообще на изложеніе исторіи въ нашихъ курсахъ. Въ разсмотриваемомъ нами сочиненіи, Валингтонъ Ирингъ изображаетъ личность Магомета, его характеръ, его учение, и дѣянія очеркъ состоянія страны и народа, въ которыхъ онъ погибъ. Изъ этого изображенія ясно видно и естественное происхожденіе магометовой религіи, и развитіе мусульманского могущества, сообразное съ характеромъ самого ученика и съ характеромъ народовъ, которые его принадли. И во-первыхъ—былъ ли Магометъ грубымъ обманщикомъ, какъ думаютъ о немъ нѣкоторые историки? Для разрѣшенія этого вопроса, Ирингъ прежде всего спрашивается: была ли Магомету выгода обманывать, была ли какая-нибудь надобность изобрѣтать религію? Подробный обзоръ фактовъ приводить къ отрицательному заключенію. Чего бы онъ могъ искать, старалъся привлечь къ себѣ поклонниковъ? Могъ бы онъ имѣть въ виду вещественные выгоды, которые дали бы ему средства жить пышно и беззечно;—но онъ и безъ

того былъ очень богатъ. Имѣніе, приобрѣтенное изъ земельного на Кильдикѣ, дѣлало его однѣмъ изъ богатѣйшихъ людей Мекки и давало возможность дѣлать большиe обороты. Но, онъ вынуждалъ въ этомъ отношеніи большую умѣренность: онъ скоро вошелъ отъ торговли, чтобы вполгѣ предаться своимъ таинственнымъ северо-китайскимъ. Слѣдовательно, богатства онъ не искалъ. Онъ могъ умозрѣвать тицеславный желаніемъ заслужить общее уваженіе: но и этого не нужно ему было желать. По своему происхожденію, изъ знаменитаго рода Кореййтъ, по своему богатству, по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Однѣ изъ его историковъ, Абуль-Феда, говорить, что Магометъ по своей честности и прямодушію былъ наилѣпшій всѣмъ и даже получать проозвище—Аль-Аминъ—т. е. вѣрный. Могъ онъ иметь еще власти и могущество; но въ такомъ случаѣ онъ могъ избрать множество другихъ, болѣе легкихъ путей. Въ его родѣ преестественнѣе переходилъ, уже нѣсколькою половиною, сонь блестила Каабы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гланенство надъ смѣшанными городами; Магометъ могъ добиваться этого сама и, при своемъ богатствѣ, прекрасныхъ душевныхъ качествахъ и всеобщемъ уваженіи къ нему, безъ сомнѣнія успѣть бы въ своюъ исканія. Но отъ пренебрѣгть всѣхъ этихъ и избрать другой путь. Могло быть, наконецъ то, что Магометъ страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ непремѣнно совершить что нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всемъ человѣчествѣ. Но и тутъ, если бы онъ былъ хитрый обманщикъ, то скоро оставилъ бы свое дѣло, видя начало совершенного неблагопріятствія. У насть въ учебникахъ говорится обыкновенно, что ученіе Магомета быстро распространилось при посредствѣ огня и меча. Но на самомъ дѣлѣ проистекло это не tanto быстро. Магометъ долженъ быть вытерпѣть много испытаній, переносить порицанія, насмѣшки, отчужденіе ближнихъ и родныхъ, наконецъ гоненіе, пока ученіе его не стало торжествовать. Въ первое время послѣ того, какъ онъ объявилъ о своемъ призваніи—преобразовать вѣру,—ему нельзя было показаться на улицахъ Мекки: толпа бѣгала за нимъ съ бранью и грубыми насмѣшками, распѣвалъ злыя насквили, сложенные про него недобрыми поэтами Амру—Ибнъ-аль-Ассомъ. Даже во время молитвы Магомета въ Каабѣ, не давали ему покоя, бросали въ него грязью, а одинъ разъ даже чуть не задушили его. Въ четыре года своей проповѣди онъ приобрѣлъ только 15 явныхъ приверженцевъ: одиннадцать мужчинъ и четырехъ женщинъ; и тѣхъ на пятый годъ принуждены были отправить въ Абиссинію, чтобы снасти отъ ярості своихъ враговъ. Предиъ него самого вѣшаютъ въ Каабѣ приговоръ отчужде-

шіл, и въ продолженіе трехъ лѣтъ существуетъ запрещеніе входить въ какія бы то ни было сношенія съ инишь и съ его приверженцами. Никонецъ онъ принужденъ быть спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Медину, скрывался за пути въ пещерахъ и пустыняхъ. Всѣ эти факты очень легко говорить противъ иѣнія о Магометѣ, какъ о безчестивъ обманщикѣ. «Зачѣмъ же онъ, — замѣчаетъ Ирвингъ, — сталь бы стоять столько лѣтъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ такую пору жизни, когда уже поздно было приобрѣтать что либо ст.-изнова.» (стр. 265)

Какъ доказательство шарлатанства въ Магометѣ, производятъ обыкновенно его минимыя чудеса. Но въ этомъ случаѣ наши историки оказываются дѣтски легковѣрными, несравненно легковѣрѣ даже многихъ изъ поклонниковъ пророка. Невѣжественная часть его почитателей сложила про него преданія, изукрашенныя всѣми чудесами восточной фантазіи. Противники его вѣры стали злостнымъ образомъ объяснять его чудеса, уверяя, что онъ пріучалъ голубя клевать изъ своего уха, чтобы сказать народу, что это ангель прилетѣть къ нему; что онъ зарывалъ тихонью въ землю горшки съ изложкомъ и медомъ, чтобы потомъ всенародно вырыть ихъ, будто помолинные небомъ, по его молитвѣ и пр. Умѣйши изъ мусульманскихъ писателей сдѣлали гораздо проще: они сказали, что всѣ эти чудеса — позднѣйшія выдумки невѣжества, и что самъ Магометъ привозилъ одно только чудо — Коранъ. Это рѣшеніе мусульманскихъ писателей доказывается словами самого Магомета въ Коранѣ, приводимыми Ирвингомъ. «Какого вамъ нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ? — говорить Магометъ. Книга откровеній, начертанная безграничнымъ человѣкомъ, такая высота языка и неопровергимость доводовъ, что совокупное искусство людей и дьяволовъ не могло бы написать ничего подобного! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ? Самъ Коранъ — уже чудо.» — Въ этихъ словахъ замѣчательно-рѣзко выражается предложеніе, оказываемое Магометомъ внутреннимъ и нравственнымъ руслѣтельствомъ дѣла предъ вѣшними, какъ бы посторонними признаками. Основываясь на такихъ свидѣтельствахъ и самого Магомета, и лучшихъ его послѣдователей, Ирвингъ имѣлъ полное право сказать положительно: «Нѣть доказательствъ, чтобы Магометъ унизился до подобныхъ хитростей, подкрѣплять ими свое ученіе и утверждать притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполнѣ опирался на свой умъ и на красорѣчие, а въ первую, еще шаткую, эпоху своего появления, поддержанъ быть и религиознымъ одушевленіемъ» (стр. 57). Если же кто усомнился бы въ томъ, могли ли сложиться преданія о подобныхъ чудесахъ сами собою, можно привести

рассказы о множествѣ чудесъ, совершившихся будто бы при самомъ рождении и въ малолѣтство Магомета. Рассказываютъ, что матъ его не страдала муками рождения, что необыкновенное сіяніе явилось на небѣ въ самую минуту его рождения, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигръ вышелъ изъ береговъ, священный огонь Зороастровъ, хранившійся неугасимымъ уже болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ, и пр. и пр. Мальчикъ, на которомъ веали его, еще младенца, получилъ вдругъ даръ слова; когда онъ, еще мальчикомъ, легъ отдохнуть подъ скучной тѣнью засохшаго дерева, оно мгновенно покрылось свѣжей зеленью.... Такихъ чудесныхъ рассказовъ необыкновенно много сохранилось въ преданіяхъ мусульманъ; суетѣрна толпа вѣритъ имъ, но болѣе умные послѣдователи умѣютъ смотрѣть на нихъ надлежащимъ образомъ.

Чѣмъ же объясняется Ирвингъ дѣятельность Магомета? Онъ очень просто считаетъ ее естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ наклонностей, воспитанія, характера страны, въ которой онъ жилъ,— всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его характеръ и взглядъ на вещи. Просто, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ нелѣпость сабейскаго поклоненія звѣздамъ и идоламъ, и гебрскаго обожанія огненнаго начала,—двухъ вѣръ, которыя въ его времена господствовали въ Аравії. Затѣмъ, въ своихъ путешествіяхъ съ караванами, въ которыхъ пустыня онъ съ 12-ти-лѣтнаго возраста, сходился онъ съ людьми разныхъ вѣръ и, между прочимъ, съ евреями и христіанами, отъ которыхъ узнавъ о принципѣ единобожія. Получивъ потомъ возможность жить независимо, не занимаясь дѣлами торговли, Магометъ предался размышленіямъ о предметахъ богочтія, часто уединялся въ пещеры, въ которыхъ проводилъ по нѣсколько дней, изнуряя себя постомъ, сосредоточивъ духъ свой въ молитвѣ, и наконецъ дошелъ до такого состоянія, въ которомъ ему начали мерещиться разныя видѣнія, слышаться голоса и пр. Миръ собственной души принялъ для него такую осознательность, что онъ не могъ не приписать ему дѣйствительности явлений вѣнчаго мира.

Все это вполнѣ естественно и тысячу разъ повторялось другими людьми, которые вовсе не хотѣли обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинаціями собственного воображенія. Тѣмъ болѣе естественно это было въ Магометѣ, отличающемся пылкостью чувствъ и воображенія даже предъ своими восточными современниками. Точно такъ же весьма естественно физиологически и то явленіе, что Магометъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ изступленія предъ тѣмъ, какъ хотѣлъ высказать вновь открытую ему волю Божію. У него были припадки падучей болѣзни, при которыхъ нерв-

нее раздражение увеличивалось и видима представлялось ему ясно; чьи-нибудь когда-нибудь. Онъ объяснялъ однажды своимъ приверженцамъ, что знать о приближеніи откровенія по особенному звону, который слышитъ у себя въ ушахъ; а это есть одинъ изъ симптомовъ; обыкновенно означающихъ приближеніе припадка падучей болѣзни. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не видѣть въ Магометѣ энтузиаста, одушевленнаго горячимъ негодованіемъ противъ идолопоклонства и старающагося обратить своихъ соплеменниковъ къ новой вѣрѣ, которая, послѣ его созерцаній, составилась у него въ головѣ — отчасти изъ собственныхъ соображеній, отчасти же изъ истинъ, узнанныхъ имъ отъ евреевъ и разныхъ христіанскихъ сектъ, существовавшихъ тогда въ Аравіи. Что онъ всѣ свои мысли выдавалъ за богоизбранненія, это опять объясняется его мистическимъ самобольщеніемъ и вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ былъ злонамѣренный обманщикъ.

Какимъ же образомъ вышелъ завоеватель изъ этого энтузиаста, искашаго только распространенія своей вѣры? Какими силами придалъ онъ воинственность комадамъ Аравіи? Вотъ здѣсь-то особенно видно ничтожество личности предъ общимъ ходомъ исторіи. Дѣло въ томъ, что онъ самъ бытъ вызванъ на это своими послѣдователями. Принятый хорошо въ Мединѣ, онъ продолжалъ открыто проповѣдовать, и приобрѣталъ множество поклонниковъ между бѣгомъльцами, приходившими въ Медину. Въ числѣ ихъ было много молодыхъ, отважныхъ арабовъ, привыкшихъ къ хищничеству, постоянно упражнявшихъ въ войнѣ и доселе не производившихъ значительныхъ завоеваній только потому, что не было общаго интереса, который бы связалъ ихъ въ одномъ дѣлѣ.... Племена были разъединены и безпрестанно воевали одно съ другимъ; никто не думалъ обратить свое оружіе на служеніе какому нибудь другому дѣлу, кроме племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились въ вѣрѣ магометовой. Они вызвали его на ишѣніе Корейшанамъ, потомкамъ одного съ нимъ племени, но изъ другой отрасли, враждебной Гашемидамъ. И первыя воинскія предприятия исламъ обращены были, действительно, противъ меккскіихъ каравановъ, принадлежавшихъ Корейшанамъ. Это бытъ тотъ же степной разбой, къ какому давно привыкли арабы; но теперь Магометъ долженъ бытъ узаконить его, сказавши, что Аллахъ послалъ его съ мечемъ въ рукахъ утвердить господство истинной вѣры, и что, поэтому, нападать на враговъ пророка есть дѣло похвалыое. Долго всѣ предприятия Магомета не выходили изъ предѣловъ этой племенной вражды, соединенной съ ревностью о распространеніи вѣры. Даже взятие Мекки, предавшее въ руки его почти всю Аравію;

было предпринято не безъ разсчета уничтожить государство Корейшанъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда храненіе Каабы. Но такова обольстительная сила власти: чѣмъ Магометъ становился могущественнѣе, тѣмъ дальше простирались его замыслы, и мало по малу самая пропаганда вѣры принимаетъ у него завоевательный характеръ. Послѣ одной неудачной битвы (при Оходѣ), когда всѣ были поражены отчаяніемъ, Магометъ открылъ всѣмъ положеніе о предопределѣніи, будто бы ниспосланное ему Богомъ въ это самое время. Извѣстно, какъ много задержало оно развитіе мусульманскаго востока въ послѣдствіи; но нельзѧ обвинять въ этомъ только Магомета. Мысль о предопределѣніи, явившаяся въ головѣ Магомета со всей опредѣленностью, была вполнѣ естественна въ головѣ каждого араба того времени, да и вообще всякаго восточного человѣка, столь лѣниваго на дѣятельность мысли. На первый же разъ, пока продолжались завоеванія, она была очень полезна исламу. Ирвингъ замѣчаетъ, что туже самую мысль о предопределѣніи Наполеонъ старался внушать своимъ солдатамъ, и не безъ успѣха.

Такіе результаты извлекаются, между прочимъ, изъ данныхъ, представленныхъ въ книгѣ Ирвинга. Она можетъ представить еще много подобныхъ фактъ и соображеній; но мы не касаемся ихъ, потому что это могло бы далеко завести насъ. Мы хотѣли только слѣдѣть нѣсколько указаний на тѣ стороны исторического явленія, которыми особенно въ ложномъ свѣтѣ представляются обыкновенно въ нашихъ курсахъ исторіи, невѣрищъ, какъ видно, возможности естественного объясненія историческихъ событий.

Стихотворенія изъ Гейне. Переводъ И. Семенова. Снова-дѣція, пѣсни, романсы, сонеты. Спб. 1858.

Превосходно сдѣланный портретъ Гейне, съ его факсимилѣ, приложенъ къ этому изданію. Портретъ составляетъ главное достоинство изданія, которое и само, впрочемъ, имѣеть весьма изящную наружность. Но «не судите по наружности», какъ гласитъ заглавіе одной поэзіи, напечатанной лѣтъ восемь тому назадъ въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Не судите по наружности: этоъ новайший гробъ заключаетъ въ себѣ только мертвые кости поэзіи Гейне. Наружность книги г. Семенова крайне обманчива. Это какой-то оборотень, подобный тѣмъ, какихъ создала такъ много фантазія нашего народа. Вы видите книжку въ 230 страницъ, съ затмавшемъ: «Стихотворенія изъ Гейне», и думаете, что тутъ стихотворенія. Напррасно: 120 страницъ книги занято переводомъ воспоминаній Мейсенера о послѣдніхъ годахъ жизни Гейне. Вы думаете,

что по крайней мѣрѣ затѣмъ будете читать новый переводъ; но оживитесь и въ этомъ. Для васъ, читатель, конечно, всѣ переводы г. Семенова будутъ новостью. Но мы, несчастные, терзавшіе себя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, переводомъ г. Генслера, мы—прочитывали теперь переводъ «Сновидѣній», нашли, что онъ уже знакомъ намъ... Да, читатели, въ наше время повторилось явленіе, бывшее нѣкогда съ нѣкимъ г. Невскимъ. Оный г. Невскій издалъ сначала «Повѣсти и разсказы Владимира Невскаго», а потомъ, по неизвѣстной причинѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, издалъ тѣ же повѣсти, подъ заглавіемъ: «Фантастическая повѣсти, барона Брамеуса». Подобнымъ образомъ, нѣкій господинъ (не знаемъ его имени) издалъ въ прошломъ году переводъ «Сновидѣній» изъ Гейне, подъ именемъ И. Генслера; а теперь тотъ же господинъ издалъ тотъ же переводъ «Сновидѣній», (прибавивъ къ нимъ пѣсни, романсы и сонеты), подъ именемъ И. Семенова. Сoverшилась, какъ видите, метаморфоза нѣмца въ русскаго. Насъ очень занимаетъ, что могло быть причиною такого превращенія? и которое изъ имѣнъ истинное? или оба они только «для прикрытия вымысла»? или они оба истинны, и г. переводчикъ восситъ двойную фамилію Генслеръ—Семеновъ, соединяя въ себѣ германскую и русскую народность, чтѣ и налагаетъ на него нѣкоторымъ образомъ священную обязанность послужить обонимъ отечествамъ, переводя Гейне? Время разрѣшить, конечно, сіи вопросы; теперь же мы оставимъ эту достовѣрную исторію о превращеніи И. Генслера въ И. Семенова, и скажемъ что нибудь о трудѣ переводчика (имени и фамиліи не имѣемъ чести знать).

Воспоминанія Мейснера о Гейне довольно интересны. Переводъ ихъ во многихъ мѣстахъ удобопонятенъ, особенно тамъ, где говорится объ обыкновенныхъ, житейскихъ вещахъ. Нерѣдко, конечно, въ немъ попадаются и вещи, подобныя слѣдующей. Говоря о томъ, что Гейне былъ очень страшенъ къ женщинамъ, Мейснеръ, въ переводѣ... не знаемъ, чьемъ.... ну, хоть ужъ г. Семенова, — наудачу!... говорить: «безъ всякаго сомнѣнія, эта страсть была для него пагубна; но все-таки я, думаю, что допуская здѣсь участіе предназначеннія, надо судить иначе, нежели въ подобномъ же случаѣ о всякомъ другомъ смертномъ.» А переводчикъ (должно быть, г. Генслеръ, потому, что человѣкъ, называющійся Семеновымъ, не можетъ написать этого) прибавляетъ замѣчаніе: «Мейснеръ хочетъ сказать, что страсть эта пагубно дѣйствовала на поэта болѣе въ духовномъ, нежели въ материальномъ отношеніи, т. е. болѣе качественно, нежели количественно!» (стр. 44). Вообще примѣчанія переводчика, весьма многочисленныя, доказываютъ обширную ученость. Какъ только Мейснеръ упоминаетъ какое нибудь собственное имя, переводчикъ (вѣ-

плательщо — это долженъ быть г. Генслеръ: нѣмецкая аккуратность сейчасъ видна) считаетъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе: «Жанъ-Жакъ Руссо—извѣстный французскій писатель. Гердеръ—извѣстный нѣмецкій писатель XVIII вѣка. Стиксъ—рѣка въ Піутоно-вомъ царствѣ» и т. п. Совершенно, какъ тогъ господинъ, который объяснялъ Гейне, что Пекинъ главный городъ въ Китайскомъ государствѣ, а мандарины—нѣчто въ родѣ тамошнихъ первъ, сенаторовъ или аристократовъ! Не мудрено, что послѣ такихъ объясненій, Гейне обратился къ Мейснеру «съ словами, которыя сопровождали были голосомъ, смѣшаннымъ со скорбью и досадой» (по краснорѣчивому выражению г. Генслера-Семенова). Между прочими примѣчаніями замѣтили мы одно; особенно курьѣзное, на 97 стр. Мейснеръ говоритъ, что Гейне припомнить разъ при немъ слова Вольфа: «у всякаго великаго таланта есть свое гадкое настѣкомое, которое грызетъ (!) его». Къ этимъ словамъ слѣдуетъ примѣчаніе, которое мы приводимъ съ дипломатической точностью:

«Переводчикъ, передавая это мѣсто, невольно припомнить умную рецензію (?) на «Сновидѣнія» Гейне, написанную господиномъ съ группами понятіями о приличіи (convenance) и отличающейся знаніемъ искусства, знаніемъ нѣмецкаго языка (?) и знаніемъ Гейне (?), кото-раго онъ даже не приводить въ доказательство своихъ бравыхъ замѣчаній. Статья эта помѣщена въ ноябрьской (за 1857 г.) книжкѣ одного изъ петербургскихъ журналовъ, но, вѣроятно, въ отсутствіе редактора. Читая такого рода разборъ, переводчикъ «Сновидѣній» Гейне невольно подумалъ, — что и у него тоже завелось настѣкомое, съ такимъ усердіемъ кусающее.... И. Г.»

Рецензія въ ноябрьской книжкѣ «Современника» принадлежитъ намъ; другой рецензіи не было. Слѣдовательно, настъ долженъ благодарить г. И. Г., что мы дали ему случай пожаловать себя въ великихъ таланты. Мы сожалѣемъ только о томъ, что не г. Семеновъ, а г. И. Г. написалъ примѣчаніе противъ настъ: г. И. Г. назвалъ настъ *кусачущимъ настѣкомъ*, а г. И. Семеновъ назвалъ бы *грызущимъ*, что было бы оригинальнѣе. Въ этомъ видимъ мы разницу между И. Семеновымъ и И. Г., находящимися между собою въ столь тѣсныхъ отношеніяхъ.

Г. переводчикъ Гейне (жалъ, что мы не имѣемъ чести знать его имени и фамиліи), воображаетъ, что нужно знаніе нѣмецкаго языка и Гейне, для того, чтобы цѣнить переводъ, въ которомъ нѣмецкое аще переводится словомъ «браво!», а частица еі—словами: ври, вратъ здорово. Онъ воображаетъ, что нужно знаніе искусства и особенносъ совѣщаніе въ редакціи журнала, для того, чтобы назвать пошлымъ и грубымъ переводъ, въ которомъ являются стихи, подобные слѣдую-

щимъ. (Выписываемъ опять какъ сдѣлали и въ прежней нашей рецензіи,—цѣлое стихотвореніе, буквально довольно близкое къ подлиннику):

МОЕЙ МАТЕРИ Б. ГЕЙНЕ.

Я голову привыкъ держать высоко;
Я непреклоненъ, тугъ обыкновенно:
Ктобъ ни взглянуль въ лицо миѣ дерзновенно,
Я не моргну предъ нимъ никакою окомъ;
Но, матушка, признаюсь откровенно,
Какъ гордость ии учи меня далеко, —
Я уваженiemъ смирюсь глубокимъ
Въ присутствіи твоемъ благословенномъ.

Не знаю я: душа ли твоя смущаетъ
Меня, что мощно такъ все проникаетъ
И къ небесамъ, горѣ, порой взлетаетъ.

Меня гнетутъ воспоминанья тѣни,
Что столько причинилъ я огорченій
Тебѣ, въ любви которой вѣтъ сравненій!...

Русскій иллюстрированный альманахъ. Съ 200 рисунками, гравированными на деревѣ. Спб. 1858 г.

Вы открываете первый листъ, и видите портретъ какого-то кис-лаго, до нельзя сморщенаго господина, окруженный какими-то финтифлюшками. Подъ портретомъ подпись: Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. Непосредственно за симъ портретомъ слѣдуетъ статейка о Пушкинѣ, съ подписью: Н. Лайбовъ. Мы полагали, что г. Лайбовъ удовольствовался громкою извѣстностью, которую доставило ему нѣкогда остроуміе г. Галахова, удостоившаго дать ему щелчокъ и пазвать его верхоглядомъ и вѣтреной мельницей. По крайней мѣрѣ, послѣ убийственной, хотя и тонкой, критики г. Галахова, имя г. Лайбова исчезло изъ литературы, и не было о немъ ни слуху, ни духу. Мы уже думали, что сей пылкій библіографъ, столь презрительно отзывавшійся о великой наукѣ библіографіи, съ горя «смертью прекратилъ жизнь свою». Но вотъ онъ опять является, только—увы! въ какомъ видѣ! Теперь ужъ г. Галаховъ на него и нападать не станетъ. Статейка о Пушкинѣ, занимающая 12 страницъ, повторяетъ всѣмъ извѣстные факты биографіи Пушкина и всѣмъ извѣстны мысли о его талантѣ. Подъ статьею выставленъ 1856 годъ. Не знаемъ, какъ тогда, но теперь неужели комунибудь интересны и новы будуть мысли о томъ, что Пушкинъ не имѣлъ прочнаго образованія, былъ испорченъ самаго начала вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ—своимъ гувернеромъ, увлекался разными порывами, пока живописная природа

Кавказа и Гаврилы не заменила для него всячъ внутреннихъ вопросъ, что впослѣдствіи онъ предался исключительной художественности, которой ужъ мы теперь не довольствуемся, и пр., и пр. Полтора года тому назадъ все это, можетъ быть, ещемъю какой нибудь интересъ; но къ чому было издавать это теперь, когда уже и о Пушкинѣ, и о художественности, и объ общественныхъ вопросахъ наговорено столько хорошихъ вещей?

Въ этомъ же «Альманахѣ» есть еще статья о Державинѣ (понедѣлку издателей ошибочно приписанная также г. Лайбову). Статья эта замѣчательна мнѣніемъ, что получение Державинимъ большихъ чиновъ содѣствовало развитію русской литературы (стр. 119), и что Державинъ достоинъ нашего уваженія, какъ человѣкъ съ независимымъ характеромъ. Оспаривать эти положенія трудно, но и для подтвержденія ихъ немного найдется несомнѣнныхъ фактовъ.

Затѣмъ въ «Альманахѣ» замѣчательна повѣсть Гр. Данилевскаго «Хугорянскіе друзья», замѣчательна не по глубокости идеи, не по стройности и полнотѣ изображеній, не по живости и естественности нравовъ и характеровъ, не по изяществу выраженія... нѣтъ, всѣ вышереченныя достоинства, можетъ быть, и усвоены повѣсти самимъ авторомъ; но она не потому замѣчательна, чѣмъ, что составляетъ перепечатку одного изъ прежнихъ его разсказовъ. Повѣсть Гр. Данилевскаго, перенесенная въ «Альманахѣ!» Какова должна быть скудость издателей, рѣшившихся помѣстить повѣсть Гр. Данилевскаго! Да еще это, впрочемъ, куда бы не шло — помѣстить: «Русскій Вѣстникъ» помѣщаетъ нынѣ его творенія. Но перепечатать, перепечатать старую повѣсть Гр. Данилевскаго, и даже не сказать объ этомъ! Какъ хотите, а это болѣно для нашего литературнаго сердца.

Еще удивило насть одно обстоятельство въ «Альманахѣ». Его 200 рисунковъ взяты всѣ изъ старинной русской «Иллюстраціи». Само по себѣ это дѣло довольно обыкновенное и никакъ не предосудительное. Всякій понимаетъ, что книгу съ 200 гравированныхъ рисунковъ нельзя продавать по три рубля, если всѣ рисунки сдѣланы вновь. Притомъ же «Иллюстрація» имѣла не слишкомъ большой кругъ читателей; теперь ея и не найдешь вовсе; а между тѣмъ рисунки въ ней попадались хороши. Отчего же было и не воспользоваться ими, просто, безъ зазрѣнья совѣсти, во всеуслышаніе? Но таковы еще до сихъ поръ усилки нашей книжной торговли! Издатель счѣлъ священнымъ долгомъ умолчать обо всемъ этомъ. Лучше сдѣлать дѣло поти-хоньку, воровски, чѣмъ открыто; есть какая-то прелестъ въ сознаніи, что вотъ-де надуль же я покупателей. А и не надуль вовсе: любители картинокъ купятъ этотъ «Альманахъ» для дѣтей, и будутъ очень доволы, вовсе не думая сираляться, не были ль гдѣ нибудь преж-

до помыслы: эти картины, читате, наврядко было бы для нашей книжной торговли, если бы издатель въ предисловии признался, что картины не новые. Ну, если же пойдешь книга, тѣль се-
вѣсть мучить будетъ: зачѣмъ, дескать, иурать о простиолосилъ, — самъ себя обличать? Вотъ теперь и сиди съ своей правдой да отре-
венностью... Да, хорошо устроенъ мысалтельный смирь у русскаго торгового человѣка!

Статьи, очевидно, писаны для карманокъ и должны служить для чтенія—не то, чтобы юношества, а такъ, для людей, которымъ нужно еще узнать, что въ Дерптѣ есть университетъ, въ Сибири рудники, а въ Нижнемъ ярмарка. Объ этомъ есть въ «Альманахѣ» положительныя сѣдѣнія, и ихъ вѣрность и достоинство могутъ быть затѣмъ развѣ только опечатками, которыми изобилуетъ книга на каждой страницѣ. Есть, впрочемъ, здѣсь одна, дѣйствительно любопытная статья: Картины русского Сѣвера, г. Ф. А. Федорова, того самаго, который извѣстенъ изданиемъ Лудовика Наполеона, Крыма, Финляндіи, Геометріи, и т. п. спекуляцій, нестолько искусствъ, сколько разно-образныхъ. Статья его въ «Альманахѣ», благодаря специальности предмета, и, вмѣсть съ тѣмъ, привычкѣ автора къ «письменному» дѣлу, представляетъ нѣсколько интересныхъ изображеній, касающихся крестьянскихъ обрядовъ и обычаевъ въ Архангельской губерніи. Въ другихъ статьяхъ, принадлежащихъ гг. Толбину, Томилину, Домосѣ-
дову, Ив. Михайлову, А. В. и Ю. В. идетъ уже разговоръ о предметахъ не столь интересныхъ.

Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защите материка, Инженеръ-полковника Лебедева З. (Sur l'application des chemins de fer à la dѣfense du continent, p. lieutenant colonel du g  nie, P. Lebedeff Z. Trad. par El-Tikhanovitsch (soeur de l'auteur). Спб. 1857 г.

Какое торжество братской любви, или лучше сказать, сестрин-
ского самоуверженія! А вмѣсть съ тѣмъ—какое неопровергнутое доказательство той истины, что наука воина уже у насъ въ общественное сознаніе, проникла въ армію, въ гостиный, въ будуары, къ лампѣ, у которыхъ братья служить инженерными полковниками. Только въ литературу не проникла еще, къ несчастью, наука, осо-
бенно математическая. О, въ этой наукѣ самые ученыя литераторы, знающіе все, что есть на свѣтѣ, и даже все, что было въ древнемъ мірѣ, и тѣ оказываются полнѣйшими невѣждами. Недавно вся рус-
ская литература позорно признавалась, въ лицѣ своихъ критиковъ и фельетонистовъ, что она «не можетъ смыть свое сужденіе именемъ» о

статьи г. Коринна о какихъ-то функцияхъ. Уже какъ же за то и посыпалась подъ ея беззныцемъ ученье специалисты! Теперь готовится новое торжество: скоро вы услышите, что русская литература откажется свое суждение имѣть о книгѣ, переведенной съ русскаго на французскій языкъ, для назиданія Европы, г-жею Тихановичъ, *sœur de l'auteur*. Я первый начинаю такое признаніе и торжественно увѣрю въсѧ, что ничего не смыслю въ книгѣ, переведенной сестрою ея автора.... Что прикажете дѣлать? Пришлось предъ женской стыдиться своего невѣжества! Я воображаю, какъ должно быть пріятно сестрѣ автора понимать таинственный предначертанія своего брата! И какъ должно быть пріятно автору имѣть сестру, которая ему сочувствуетъ и пропагандируетъ на обще-европейскомъ языкѣ его идеи, которыя онъ,—вѣроятно изъ ложнаго патріотизма, измѣнили по русски! Да, сестра съ авторомъ и братъ съ переводчицей должны быть довольны другъ другомъ! Но мнѣ отъ этого не легче: я очень недоволенъ тѣмъ, что не могу до тонкости понимать всѣ красоты и всѣ выгоды изобрѣтенія, сдѣланного авторомъ книги, переведенной его сестрою. Предо мною два столбца—русскій и французскій; слова, кажется, извѣстны почти всѣ, а о неизвѣстныхъ во французскомъ лексиконѣ можно спрашивать; а не могу войти во вкусъ изобрѣтенія, сдѣланного братомъ переводчицы книги г. Лебедева З. Я, къ сожалѣнію, могу восхищаться только главной идеей автора, *en bloc*, не дeraя входить въ подробности. Идея эта высказана въ предисловіи: авторъ желаетъ помириться за кораблями на сухомъ пути. Его возмущаетъ пассивная роль, которую до сихъ поръ игралъ материкъ въ морскихъ войнахъ. «Флотъ, говоритъ онъ, вредитъ материку на выстрѣль, послѣднему недоступный, и удаляется въ море; а материкъ, хотя и можетъ нанести посильный вредъ своему врагу, но не иначе, какъ выждавъ его приближенія». Столь горестное положеніе материка возбуждаетъ сожалѣніе автора, и, вѣроятно, переводчицы его книги. Они задумали «уравнять силы двухъ противниковъ разныхъ стихій», т. е. доставить возможность материку «вредить кораблямъ на выстрѣль, недоступный ему». Авторъ и переводчица сознаются, что это намѣреніе должно казаться химерою, *chimérique*. Но, говоритъ авторъ (и ученья сестра—переводчица повторяетъ за нимъ тоже самое пофранцузски), «для нашего вѣка, обогащенного практическими приложеніями многикъ таившихся, такъ сказать, теорій, невозможности почти не существуетъ». И, какъ истинный представитель своего вѣка, г. Лебедевъ З-й, предлагаетъ обстроить всѣ морскіе берега желѣзными дорогами, съ которыхъ по его мнѣнію, выстрѣлы будутъ легче достигать кораблей, чѣмъ съ обыкновенныхъ батарей. Я не знаю, такъ ли это, но вѣрю г. Лебедеву З-му.

бедеву З-му, потому особенно, что ученая сестра его тоже утверждаетъ пофранцузски. Я, въ своемъ нѣвѣжествѣ, долженъ отказаться отъ разбора подробностей. Напримѣръ, я не понимаю устройства парка, который г. Лебедевъ считаетъ необходимымъ при желѣзной дорогѣ, и въ которомъ онъ помѣщаетъ канцелярію, офицерскіе покой, кузницу, конюшню, ледники и прочее. Можетъ быть, это все необходимо для того, чтобы выстрелы дальние хватали; но я никакъ не смѣю обѣ этомъ судить. Кромѣ этого, г. Лебедевъ говоритъ, что «неизлишне было бы имѣть при паркѣ — огородъ, баню и пороховой погребъ». Еще бы! Это ужъ и я понимаю, что не излишне было бы. Неизлишне было бы также имѣть тутъ оранжерею, кондитерскую, кафе-ресторанъ, библіотеку для чтенія, театръ.... Да, что вы думаете? Великолѣпная идея! Я превзойду г. Лебедева въ изобрѣтальности. У меня вотъ какая мысль есть: крѣпости строить на желѣзныхъ дорогахъ! Невозможно себѣ представить, какія неисчислимые выгоды произойдутъ отъ этого для блага человѣчества! Городъ построенъ на рельсахъ. Подходитъ непріятель, чтобы взять его; видѣть, что нѣтъ никакихъ приготовленій къ оборонѣ, и заранѣе радуется легкому успѣху. Вдругъ.... фть.... и крѣпость умчалась изъ виду по желѣзной дорогѣ.... Непріятель остался одинъ, среди голой равнинны. Отличная мысль! Я непремѣнно изложу ее, съ планами, чертежами и выкладками, и издамъ непремѣнно съ французскимъ переводомъ, если только у меня будетъ сестра, подобная по учености сестрѣ г. Лебедева З-го. А до тѣхъ поръ я сдѣлаю опытъ осуществленія моей идеи въ малыхъ размѣрахъ. Опытъ этотъ будетъ состоять вотъ въ чёмъ: лѣтомъ, живя на дачѣ, я всегда страдаю отъ комаровъ и мошекъ; невозможно въ садѣ выѣти, — такъ и обѣшать. При защищѣ отъ нихъ я, разумѣется, играю въ высшей степени пассивную роль. И это мнѣ столь же непріятно, какъ г. Лебедеву З-му безсилье материка передъ флотомъ. Силы наши, разумѣется, неравны: комарь можетъ укусить меня, и потомъ улетѣть, а я летать за нимъ не могу. Доселе я безмолвно покорялся своей участіи, отмахивалась, по возможности, отъ своихъ враговъ, находящихся совершенно въ другой стихіи. Но теперь изобрѣтеніе г. Лебедева внушило мнѣ преполѣнную мысль: воспользоваться желѣзными дорогами для защиты отъ комаровъ. Въ слѣдующемъ же году вокругъ всей дачи и внутри ся—по всемъ дорожкамъ садика—проведу рельсы и заведу маленькие локомотивы и вагоны. Какъ только увижу, что лѣтить комарь, брошусь въ вагонъ и мгновенно удару отъ него. Если же онъ захочетъ преслѣдовать, то я самъ начну наступательные движенія и буду гоняться за комарами въ открытому вагонѣ, размахивая по нимъ какой нибудь дубовой вѣткой. Вы увидите, какъ

это будетъ полезно. Осенью же издастъ непремѣнно книжку: «Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защищѣ дачниковъ отъ комаровъ».

О торфѣ и его добываніи во Франціи. Соч. В. Шмидта,
1858 г.

• Книга г. Шмидта—совершенно не то, что твореніе г. Лебедева. Эту книгу я понимаю и могу сказать, что она—интересная и полезная книга: просто очень написано это сочиненіе,—вовсе не для того, чтобы одни специалисты могли понимать его. Съ самаго нача-ла говорится о томъ, для какой потребы можетъ торфъ служить, и почему онъ именно теперь и именно для Россіи важенъ; а затѣмъ разсказываются способы его добыванія во Франціи; наконецъ да-ются соображенія о томъ, какъ можетъ производиться правильная разработка торфа у насть. Все это изложено очень ясно и убѣдитель-но. Въ самомъ дѣлѣ,—торфъ для насть вещь не пос.гѣдней важности въ настоящее время. Лѣсовъ у насть, конечно, еще очень много; но бѣ-да въ томъ, что и Россія-то велика: не всегда лѣсь находится въ изобиліи именно тамъ, где его больше нужно. А средства сообщенія не до того еще развиты, чтобы дрова могли быть доставляемы куда угодно, безъ большаго возвѣщенія цѣны. Да наконецъ лѣса вѣдь имѣютъ же конецъ: не на цѣную вѣчность ихъ станеть. Другой ма-териалъ для топлива—каменный уголь—добывается у насть только въ немногихъ мѣстностяхъ, да и то въ размѣрахъ слишкомъ незначи-тельныхъ. А между тѣмъ потребленіе дровъ у насть съ каждымъ го-домъ увеличивается: фабрики умножаются, рѣчное пароходство уси-ливается, желѣзныя дороги строятся, и все это часто въ такихъ мѣстностяхъ, где лѣсовъ немного. Въ замѣну дровъ представляется для топлива торфъ, который, по опыту, дѣланнѣемъ инженеромъ Клейномъ, даетъ въ топкѣ одинаковые результаты съ высушеными на воздухѣ дровами. Съ торфомъ у насть некуда дѣваться потому, что болотъ не малое количество. Разработка его дастъ занятіе мно-жеству рукъ и оживитъ тѣ самыя части Россіи, которыхъ теперь, именно по обилию въ нихъ торфянниковъ, представляютъ особенно грустный и бѣдный видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ разработки торфа, болотистыя мѣста, крайне нездоровыя, могутъ обращаться или въ поля и луга, или въ озера и канавы, которыхъ могутъ даже служить путями сообщенія, какъ въ Голландіи. Употребленіе торфа, какъ топлива, дастъ возможность сберегать лѣса и не нуждаться въ покупкѣ изъ-за границы каменнаго угля, который иногда обходится очень дорого.

Всѣ эти соображенія дѣлаютъ торфъ чрезвычайно важнымъ для Россіи,—болѣе важнымъ, нежели для другихъ европейскихъ странъ. И нѣтъ сомнѣнія, что если у нась заведена будетъ правильная разработка торфа, то эта отрасль промышленности достигнетъ огромныхъ размѣровъ. Во Франціи, несмотря на то, что добываніе торфа производится въ немногихъ департаментахъ, еще въ началѣ прошлого десятилѣтія болѣе 50,000 человѣкъ заняты были этой работой. Ежегодно добывалось полтора миллиона кубическихъ метровъ, цѣнностью на 4½ миллиона франковъ. Можно судить по этому, какихъ размѣровъ можетъ достигнуть разработка торфа у нась въ Россіи. Для тѣхъ, кого интересуетъ эта отрасль промышленности, весьма любопытна будетъ книжка г. Шмидта, очень ясно и подробно рассказывающая способы добыванія торфа во Франціи и указывающая примѣненіе правильной разработки его, возможное у нась въ Россіи.

ПЕТЕРВУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМЕТКИ НОВАГО ПОЭТА.

БЛАГОНАМЪРЕНІЙШІЙ ГОСПОДИНЪ.

Современный очеркъ.

Итальянская опера. — Чуиза Миллеръ и Фра-Діаволо. — Прощальный бенефис г-жи Надежды Богдановой. — Корсарь, новый балетъ. — Драка Мазини-Бенз-Израмъ. — Гг. Самойловъ и Зубровъ. — Шведские пѣвцы. — Отъездъ артистовъ. — Балы. — Маскарады. — Балаганы. — Некрологи: Коркуновъ и Кудрявцевъ. — Обѣды Московскаго и Харьковскаго университетовъ. — Осмотръ петербургскихъ мастерскихъ. — Статья г. Шестакова въ «Морскомъ Сборникѣ». — Литературный и художественный поэтический. — Новые книги и издания. — Новый журналъ «Военный Сборникъ», и прочее.

Представляю читателю кое-какія наблюденія, сдѣланныя мною въ послѣднее время. Изъ этихъ наблюдений въ моей фантазіи составился очеркъ цѣлаго лица.... Лицо это, впрочемъ, не новое. Такое лицо многого, не въ одномъ Петербургѣ. Лица эти, вообще довольно неподвижныя и безцвѣтныя, пришли въ движение, принесли особенный колоритъ и заговорили громко только въ послѣднее время, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, потревожившихъ ихъ блаженное существование.... Я не дамъ никакого имени моему воображаемому лицу. Пусть каждый изъ читателей даетъ ему имя того изъ своихъ знакомыхъ, который по характеру, образу возврѣнія, привычкамъ и разговорамъ будетъ подходить къ нему. Его даже можно бы пожалуй назвать *героемъ*, но только никакъ не *героемъ нашего времени*, потому что онъ съ ужаснымъ ожесточеніемъ, почти съ пѣной уста, нападаетъ на наше время и вообще на такъ называемый *духъ времени*, говоря, что этотъ духъ выдуманъ высокочками, мальчишками, либералами, людьми зловредными, нахватавшимися безнравственныхъ идей....

Для болѣйшей ясности, я долженъ прежде всего познакомить васъ съ биографіей моего воображаемаго лица, или говоря вѣрище съ его послужнымъ спискомъ.... Отъ роду ему шестьдесятъ-три года, онъ

изъ дворянъ, служилъ сначала въ военной службѣ, въ сраженіяхъ не былъ, изъ полка переведенъ въ комиссаріатское вѣдомство, дослужился до генеральскаго чина, родового имѣнія — ни одной души, благопріобрѣтенныхъ — тысячу пятьсотъ; два года передъ симъ уволенъ по прошенію отъ службы.... Наружность его очень обыкновенная, такого рода господъ встрѣчаешь у насъ сплошь и рядомъ: — ростъ средній, сложеніе тучное, лицо полное и круглое, глаза маленькие и заплытые, зеленоватаго цвѣта, носъ плоскій, губы толстые — признакъ доброты, волосы блокурые съ просѣдью, небольшая лысина; голосъ рѣзкій, манеры величественные, совершенно генеральскія.... Онъ пользуется большою любовию, какъ своихъ знакомыхъ, такъ и сослуживцевъ, которые считаютъ его прекрасный-шій, добрый-шій и благонамѣреній-шій господиномъ... Всѣдствіе этого я буду также звать его *благонамѣреній-шій господиномъ*....

Не чтобы читатель не заподозрилъ меня въ личности и не подумалъ, что такой формуларийский списокъ дѣйствительно существуетъ, я покорѣйше прошу его придать моему лицу какую угодно физиономію.... Онъ легко можетъ быть пожильымъ господиномъ, съ прекраснымъ орлинымъ носомъ, или сладенькимъ старичкомъ съ накрашенными бровями и бакенбардами, въ завитомъ паричкѣ и съ неизмѣримымъ ябомъ... для меня это совершение все равно, вѣшняя оболочка ничего не значитъ, дѣло въ сущности. Онъ можетъ, вмѣсто благопріобрѣтенныхъ 1,500 душъ, имѣть родовыхъ — 300, 500, 800, сколько угодно, больше или менѣе.... И я вовсе не поставляю *покрѣпленіемъ* условіемъ, чтобы онъ бытъ на службѣ въ Комиссаріатѣ и за два года передъ симъ бытъ уволеннымъ по прошенію отъ службы.... Дѣло не въ этомъ.

Отговорившись, я спокойнѣе продолжаю:

Мой благонамѣреній-шій господинъ получилъ воспитаніе въ корпусѣ.... въ какомъ, это для читателя все равно.... учился онъ собственно не для пріобрѣтенія знаній, а для того, чтобы поскорѣй выскочить въ офицеры. Вышелъ онъ въ армію, но вскорѣ переведенъ въ гвардію не столько за усердіе къ службѣ, сколько за величайшую способность угодывать начальству, за строгую подчиненность и примѣрную нравственность. Нравственность эта заключалась въ неумолимой строгости относительно подвѣдомственныхъ ему лицъ, въ раболѣпной мягкости относительно тѣхъ, отъ которыхъ онъ зависѣлъ, въ аккуратности, и въ безусловномъ поклоненіи всѣмъ служебнымъ и общественнымъ преданіямъ. Благонамѣреній-шій господинъ не разсуждалъ самъ и не позволялъ разсуждать другимъ. Никогда ни малѣйшая мысль не тревожила его головы: и ни-

когда ни малейшее сомнѣніе не помешало ему. Сомнѣніе въ честь, бы то ни было онъ почиталъ дѣломъ безнравственнымъ и прошлое оно передъ каждымъ фактомъ, какъ бы этотъ фактъ ни былъ несправедливъ, если только онъ опирался на преданія. Въ капитанскомъ чинѣ онъ былъ переведенъ въ комиссаріатское вѣдомство и, дѣйствуя на основаніи преданія, непротиворѣчилъ честь принятъмъ обычаямъ, легко пріобрѣлъ себѣ ордена, чины, души, любовь и уваженіе своихъ сослуживцевъ, своего семейства (ибо онъ богатѣлъ съ каждымъ годомъ) и своихъ сочиненій по клубу (ибо играя по большой). Постъ службы и хозяйственныхъ распоряженій, главнымъ его занятіемъ были—карты. Чтеніемъ онъ не занимался, говорилъ вообще мало, но иногда одушевлялся, когда разговоръ касался нравственности или патріотизма.... Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно билъ себя въ грудь, ударялъ кулакомъ по столу и воскликнулъ, коротко и ясно: «Тотъ, кто не патріотъ, только просто никакой негодный человѣкъ!... Свои хозяйственныя дѣла онъ велъ примѣрно и съ каждымъ годомъ дѣялъ какія нибудь улучшенія въ своемъ благоустройствѣ имѣнія: выстраивалъ новый флигель, или башню въ готическомъ вкусѣ, увеличивалъ садъ, украшалъ Храмъ Божій и тому подобное. Семейство его, состоявшее изъ жены и двухъ дочерей, лѣтомъ всегда проживало въ деревнѣ; самъ же онъ прѣѣзжалъ туда на короткое время, потому что служебныя обязанности не позволяли ему оставаться долго въ деревнѣ.

Въ часы отдохновенія отъ картъ и службы, любилъ онъ иногда поговорить о своихъ дворянскихъ достоинствахъ и преимуществахъ и не скрывалъ своего отвращенія къ другимъ классамъ, испражнявавшимъ ничего общаго между дворяниномъ и человѣкомъ просто.... Въ человѣкѣ не благородственномъ (благородственные по его мнѣнію были только дворянин), онъ не признавалъ ни возвышенного ума, ни замѣчательныхъ способностей, ни чувства чести и однажды, когда при немъ одинъ престарѣлый дворянинъ—стихотворецъ задалъ глубокомысленный вопросъ: «Почему въ наше время не пишутъ хорошихъ стиховъ?..» а другой дворянинъ, изъ молодыхъ и шутя отвѣчалъ: «оттого, я полагаю, что нынче большие пишутъ не дворяне,» — то мой благонамѣреній герой, не смотря на то, что вовсе не интересовался поэзіей, пришелъ въ такой восторгъ отъ этого отвѣта, что обнялъ отвѣчавшаго, раздала го его и воскликнулъ: «Дѣйственно и правда!» Въ другой разъ, когда кто-то сказалъ ему, что одинъ профессоръ на лекціи объявилъ, что дворяне отличаются отъ простыхъ людей тѣмъ, что рождаются съ бѣлою кожей, — герой мой обнаружилъ желаніе познакомиться съ этимъ

профессоромъ, не смотря на то, что не имѣть большаго уваженія къ этому званію....

Да не подумаетъ дворянинъ читатель, что я подемѣваюсь наль чувствами дворянскаго достоинства. Сохрани меня Боже отъ таѣй преступной мысли!... я быль бы въ отчаяніи, если бы кто-нибудь вздумалъ заподозрить меня въ томъ, что я непринадлежу къ этому почетному и привилегированному сословію.... Но я искренне желаю бы для собственной пользы этого, такъ сказать, передового сословія, чтобы оно поглубже понимало свои обязанности, свой долгъ, и умѣло бы возбуждать уваженіе къ себѣ въ другихъ сословіяхъ исполненіемъ этого долга, принося во время нѣкоторыхъ личныхъ жертвы въ пользу общаго.... «La noblesse oblige» — нельзя же забывать этотъ прекрасный девизъ французскаго дворянства.

Но оставимъ это лирическое отступленіе и будемъ продолжать разсказъ....

Мой благонамѣренійший господинъ слыть образцовымъ хозяиномъ, потому что умѣлъ извлекать всевозможныя выгоды изъ своихъ крестьянъ и при этомъ свои сады и парки, устроенные домашними средствами, содержать въ примѣрномъ благолѣпіи и услажденій глазъ чистотѣ.... Я самъ восхищался этими садами и парками, китайскими бесѣдками и мостиками, готической башней и прекраснѣшими домами съ бельведеромъ, на которомъ торжественно развивался флагъ съ гербомъ.... Внутри дома — порядокъ и чистота повсегдѣ въ изумленіе.... нигдѣ ни пылинки; поль какъ будто языкомъ вылизанъ, сть какимъ-то ятарнымъ отливомъ, все подведено подъ лакъ и разставлено подъ аранжиръ, или симметрически. Восная дисциплина отражалась на всемъ.... Городская квартира его отличалась таекою же чистотою, симметричностью и дисциплиной.... Все поставлено было въ струнку и все ходило по стрункѣ....

Безмятежно протекала жизнь благонамѣренійшаго изъ людей, се-реди этой вѣнчаной чистоты, благоустройства и порядка... въ той почетной и покойной золотѣ, почасть въ которую всѣ такъ добиваются въ которой жизнь двигается, какъ будто по маслу: состояніе невидимо разширяется, а грудь черезъ каждые два года украшается новымъ отличиемъ... «Слава Богу!» думалъ мой благонамѣренійший господинъ, «я почти уже совершилъ на землѣ назначеніе дворянина: достигъ генеральскаго чина, украсилъ грудь отличиями, пріобрѣлъ трудами большое состояніе и оставилъ его дѣтамъ въ благоустройствѣ и порядкѣ — надѣюсь, что имъ будетъ чѣмъ помянуть меня!... Хоть сю минуту готовъ предстать на судъ Всевышняго!».... И онъ продолжалъ съ душевнымъ спокойствіемъ и самодовольствіемъ, рѣзко проявлявшемъ на его привлекательномъ лицѣ, заплывшемъ отъ

счастія, ежедневно бѣдѣть по утрамъ на службу. Всепретѣшись со службы, плотно покушавъ и выкуривъ трубочку Жуковъ (его превосходительство былъ во всемъ рабъ привычки и Жуковъ предпочиталъ всякому другому табаку), онъ ложился соснуть час-секунду-другой, а потомъ, подкрѣпившись сномъ, отправлялся въ клубъ.... И думаль мой благонамѣренійшиій господинъ проводить такой регулярный, благонамѣреній и ничѣмъ невозмутимый образъ жизни до той минуты, когда положить его превосходительство на столъ и накрою богатой парчою, а вокругъ уставятъ табуреты съ знаками отличія.... Ему и въ голову не приходило, что условия жизни измѣняются, что жизнь движется и обновляется, что законы ея совершенствуются, что преданія вмѣстѣ съ людьми дрихляютъ и наконецъ разрушаются, что дурные привычки (какъ напримѣръ, привычка *наживаться на службѣ* и тому подобное), не всегда остаются безнаказанными.... Но, какъ гроза разражается иногда вѣдь головою незамѣтно, въ тихій и душный лѣтний день, такъ его превосходительство былъ пораженъ, внезапно, иссугательствомъ на его служебныхъ привычкахъ, которая онъ отъ долговременнаго употребленія почиталъ почти законными, хотя, между нами сказать, онъ былъ совсѣмъ беззаконны.

Смущенный увольненiemъ отъ службы *по прошенію*, благонамѣренійшиій господинъ, въ самомъ недовольномъ и мрачномъ расположenіи духа, отправился съ семействомъ въ деревню. Онъ безпрестанно повторялъ: «Вотъ служилъ, служилъ, здоровье потерялъ, зѣяніе ослабло на службѣ, а чѣмъ выслужыты?.... Только что могу проокормиться съ семействомъ.... вотъ и все.... Нѣть, у насъ *правдой ничего не наживаться на службѣ!*...» Эту послѣднюю фразу онъ повторилъ еще за долго до остроумной комедіи, имѣвшей нынѣшній сезонъ такой колоссальный успѣхъ въ Петербургѣ.... Замѣчательные умы сходятся, говорить французская пословица!... Несмотря однако на жалобы о разстройствѣ здоровья, благонамѣренійшиій господинъ спалъ и кашалъ отлично и разъ въ сумеркахъ, несмотря на слабость зѣянія, затѣтила надалека, на дворѣ, двѣ фигуры, очень нѣжно разговаривавшія между собою и тотчасъ ушали въ одной изъ никъ своего дворового человѣка Алексашку, а въ другой дворовую дѣвушку Аксютку, за что первый немедленно былъ имъ сосланъ въ отдаленную деревню, а послѣдняя удалена на скотный дворъ—за оскорблѣніе общественной нравственности....

Но въ деревнѣ благонамѣренійшиій господинъ не могъ прожить болѣе полу-года.... Ничего вѣтъ ужаснѣе, какъ измѣнять свои

привычекъ изъ прошлыхъ лѣтъ!... Его таcъ и такъе въ Петербургъ, существованіе его было не полне безъ Клуба....

Онъ возвращался въ Петербургъ и чуть не заплакалъ отъ радости, увидѣть Денисовъ переулокъ!...

Прошло нѣсколько недѣль, но не смотря на Клубъ, онъ и въ Петербургѣ начиналъ ощущать какую-то неловкость,... Ему недоставало чего-то.... Онъ не зналъ что дѣлать съ собою по утрамъ..., даже Жуковъ не развлекалъ его.... Его просто томила тоска по служебной дѣятельности.

Приглядываясь къ Петербургу, онъ началъ съ нѣкоторымъ непріятнѣмъ удивленіемъ замѣтить, что Петербургъ совсѣмъ измѣнился: особенно его смущали офицеры въ фуражкахъ и юнкера на шашоникахъ, и онъ нечайно покачивалъ головой, вздыхалъ о прошедшемъ. Въ обществѣ попадался ему иногда какой нибудь молодой человѣкъ, на видъ не большие какъ коллежскій асессоръ, неимѣющій ничего особеннаго въ физиономіи, — просто вниманія не стоющій, и онъ дѣйствительно не удостовѣрять его вниманія, — а вдругъ ему говорить, что этотъ молодой человѣкъ занимаетъ генеральское, директорское мѣсто....

— За кого же вы меня принимаете, чтобы я повѣрилъ этому? восклицаетъ благонамѣренійшій господинъ: — директоръ, у кого-раго еще молоко на губахъ не обсохло?... Это забавно!

Но когда онъ дѣйствительно убѣдился въ томъ, что господинъ, имѣющій видъ коллежскаго асессора, генераль, тажельный вдохъ вырвался изъ груди его вмѣстѣ съ словами: «Господи! до чего мы дожили!»

— Вирочемъ, произнесъ онъ послѣ минуты глубокомысленного молчанія: — если это какой цибуль князь или графъ, то тутъ нѣтъ ничего мудренаго....

Ему отвѣчаютъ, что это не князь и не графъ, а человѣкъ вовсе даже неимѣющій протекціи, но обратившій на себя вниманіе своимъ умомъ, способностями, свѣдѣніями и по этому быстро вышедшиi впередъ....

Благонамѣренійшій человѣкъ грустно улыбался....

— Прекрасно! прекрасно! возразилъ онъ: — положимъ даже, что онъ геній, стъ неба зѣфады хватаетъ, да у него никакой опыта нѣтъ. Можетъ ли же онъ быть директоромъ, — тутъ, я вамъ скажу, все дѣло въ опыта.

— А вотъ, ваше превосходительство, замѣчаютъ благонамѣренійшему господину; — слышно, что мѣста будуть давать по способностямъ, а не за выслугу лѣтъ.... Тогда, ваше превосходительство, еще болѣе покажется молодыхъ людей на почетныхъ и видныхъ мѣстахъ....

При этомъ вся жилка на лицѣ благонамѣреннѣйшаго господина деснѣмъ и во всемъ лицѣ его обнаружилось на минуту судорожное движение; онъ въ рочемъ подавилъ въ себѣ внутреннее раздраженіе и захочатъ, но неудержимый гнѣвъ вырвался невольно въ звукахъ его хохота....

— Ну что жъ и бесподобно! воскликнулъ благонамѣреннѣйшій господинъ:—этого только недоставало!... Наши дѣды и отцы видимо не знали, что дѣлали. Мы умнѣе ихъ!...

Когда какой нибудь молодой человѣкъ свободно разсуждаетъ о чёмъ нибудь въ обществѣ въ присутствіи значительныхъ старцевъ, — мой благонамѣреннѣйшій господинъ смотритъ на него иронически и пожимаетъ невольно плечами. Онъ указываетъ на него и говоритъ:

— Ужъ этотъ не генераль ли?

Иногда слова этого молодаго человѣка выводятъ его изъ себя и онъ перебиваѣтъ его рѣчъ....

— Позвольте, милостивый государь, сказать вамъ, говорить онъ ему.... (Надобно замѣтить, что молодому человѣку, къ которому онъ относится, лѣтъ тридцать-пять, но благонамѣреннѣйшій господинъ считается молокососами всѣхъ, недостигнувшихъ пятидесятилѣтнаго возраста): — позвольте сказать вамъ, чтобы судить о такихъ предметахъ, о которыхъ вы судите, надобно много прожить и пребывать больную опытность.... Помилуйте-ко, батюшка, до нашихъ лѣтъ, тогда мы посмотримъ, чтѣ вы заговорите!...

Благонамѣреннѣйшаго господина раздражаетъ все, совершающеся въ настоящую минуту; даже и литература, о существованіи которой онъ знать только по «Сѣверной Пчелѣ», начинаетъ беспокоить его и обѣ ней онъ отзыvается съ величайшимъ негодованіемъ, хотя не читаетъ ничего.... Но до него доходить слухи, что литература вооружается противъ взяточничества и разныхъ служебныхъ злоупотребленій — и онъ кричитъ, размахивая руками, съ чужаго голоса:

— Помилуйте, что это такое! на чтѣ это похоже! выставлять только однѣ гадости, одну грязь?... это все сочиняютъ какіе нибудь беззаконные молокососы, зараженные гнусными западными идеями (хотя въ западныхъ идеяхъ онъ имѣть очень смутное понятіе, но любить повторять эту фразу) враги отечества, которыхъ слѣдуетъ отдать подъ строгой полицейской надзоръ.... чего смотрѣть цензура-то?...

— Но указывать на зло, выставлять зло на позоръ.... возражаютъ:— въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, ваше превосходительство. Если бы, напримѣръ, указали по нашему вѣдомству на злоупотребленіе,

шестеро было въсѣ новое помѣстіе, которое бы скрывалось вѣкъ, какбы изволили, вѣроятно, прочитавъ это, принять мѣры къ измѣненію этого злоупотребленія и были бы за это очень благодарны сочинителю, изобличавшему его....

— Это не дѣло сочинителей указывать на такого рода цепи, перебивающе сухо его превосходительство. — Я не позволилъ бы какому нибудь сочинителю учить меня и вмѣшиваться въ мое управлѣніе....

— Но, ваше превосходительство, нельзя же совершенно идти противъ духа времени, почтительно возражаютъ ему.

— Всѣгда еще выдумали какой-то духъ времени! перебиваетъ благонамѣренійшій господинъ, разгорающаясь все болѣе и болѣе:— а вотъ заткнуть имъ глотку—такъ они и узнаютъ, что такое духъ времени....

Всякая мѣра усовершенствованія, улучшенія, измѣненія и нововведенія кажется благонамѣренійшему господину гибелью.... При каждомъ слухѣ о таковой мѣрѣ, онъ сердится поднимаетъ крикъ, ударяетъ кулакомъ по столу, ненаходя болѣе убѣдительныхъ выражений и даже топаетъ ногами. Семейство не узнаетъ его въ послѣднее время: изъ человѣка говорчивааго, весьма довольного собою и даже проктаго, онъ превратился чуть не въ звѣра: ни жена, ни дочери, ни прислуга, ничѣмъ угодить ему не могутъ....

— Что это, милый папа, съ вами? Вы такой нынче сердитый и скучный, говорить ему его любимица менѣшая дочь, науду его въ лобъ.

— Ахъ, матушка! восклицаетъ благонамѣренійшій господинъ: — оставь меня пожалуйста въ покой! И потому, осматривая ее неблѣгосклонно съ ногъ до головы, прибавляетъ:

— Ты думаешьъ, что это хорошо, что вы обручи-то нынче вздумали подкладывать подъ платья?... Это гадко, безобразно и чего это стоять? Вѣдь это раззореніе!... Ты думаешьъ, что у отца много денегъ? Да! какъ же!... Что скопилъ служебными трудами и economіей, то теперь и проживай на ваши карнолины!... (Его превосходительство никакъ не можетъ произнести кринолина.) Вы отца не помните, только пишите: «денегъ надо!» а откуда отцу взять деньги?... Знаешь ли ты, что теперь стоять жить въ Петербургѣ-то? Знаешь ли?... За все платиць втрое, въ четверо, противъ прежняго.... Принесла конечная гибель и раззореніе!... А вы еще съ вашими карнолинами....

Ибалованная дочка бѣжитъ въ слезахъ жаловаться маменьки на маменьку, а дапенька вымѣщаетъ гнѣвъ своей на прислугѣ....

Раздается рѣзкій барскій свистъ.

Является лакей.

— Бритъся! кричать благонамѣреннѣйшій господинъ.
— Готово, ваше превосходительство, черезъ минуту доклады-
ваетъ лакей.

Его превосходительство садится за туалетный столъ и вдругъ вскакиваетъ....

— Что это такое! восклицаетъ онъ на весь домъ: — Алексашка!
поди сюда!... что это?... Смотри!... Куда ты поставилъ бритвенни-
цу? Ты двадцать-пять лѣтъ служишь мнѣ, чучело, а не знаешь того,
что бритвенницу надо ставить на правую, а не на лѣвую сторону....
а? ты этого не знаешь? ты не знаешь, болванъ, до сихъ поръ мои
привычки; не знаешь того, что я сорокъ пять лѣтъ брѣюсь и со-
рокъ пять лѣтъ мнѣ ставить бритвенницу на правую сторону, а по-
логенцо кладутъ на лѣвую?!... Что у тебя въ головѣ-то? Смотри у
меня! Я вѣдь дурь-то у тебя выбью изъ головы!...

Является мальчикъ, одѣтый казачкомъ, только три мѣсяца ис-
передъ этимъ привезенный изъ деревни.

— Генеральша спрашиваетъ, говорить онъ: — поѣдете ли вы сего-
дня утромъ?....

Благонамѣреннѣйшій господинъ грозно смотритъ на козачка.

— Сколько разъ я твердилъ тебѣ, говорить онъ козачку: — что-
бы ты не смотрѣть изъ-подлобья, сколько разъ? Ты не можешь мнѣ
прямо въ глаза смотрѣть? Экой дрянной мальчишка!... Я тебя на-
учу смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, погоди ты у меня! Всѣ вы,
каналы, изъ рукъ выбились!... Пошелъ вонъ... Скажи генеральшѣ,
что я никуда не єду.... И куда мнѣ єхать? За чѣмъ мнѣ єхать?...

— Что это за народецъ нынче (говорить благонамѣреннѣйшій
господинъ своему пріятелю): — силъ недостаетъ справляться съ ними!
Выписа-гъ я изъ деревни мальчика, привезли его, вѣльгъ я его по-
звать въ переднюю, чтобы посмотрѣть; выхожу, смотрю.... Непо-
нравился мнѣ, смотреть эдакой букой, изъ-подлобья, грязный, ис-
чесанный.... вѣльгъ я его обмыть, выстричь, вычесать; одѣмъ его
потомъ въ козакинчикъ, — ну принялъ, кажется, человѣческій образъ,
а все смотрѣть изъ-подлобья.... и вѣришь ли, до сихъ поръ не могу
пріучить его смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.... какія мѣры не при-
нималъ, ничего не помогаетъ. А ужь въ томъ не бывать проку,
кто смотрѣть изъ-подлобья! Я это замѣтилъ.... Задаль я ему
должность, кажется не велика: топить печку въ маленькой го-
стиной моей, да прибирать ее. Тамъ ты знаешь у меня, для
мебели.... дочери вышили по канвѣ.... цвѣты и птицы.... На ол-
номъ стулѣ—птицы, а на другомъ—цвѣты. Вотъ я и говорю ему:
— «смотри, когда будешь убирать, ставь стулья такъ, чтобы цвѣты
были съ цвѣтами, а птицы съ птицами.... слышишь?».... Чтожъ бы

вы думали?... ничего не бывало, вѣчно, каналья, перемѣняется: цѣлѣты рядомъ съ птицами, а птицы съ цветами поставятъ.... Извольте сѣтѣ здаки народцомъ возиться: четырнадцатилѣтнему мальчишкѣ въ голову ничего вбить нельзя!... И вѣдь не потому, чтобы онъ не понималъ, — нѣтъ, просто потому, что не хочетъ, нѣтъ усердія, желанія угодить барину, чувства нѣть.... Я вѣдь помню, какъ прежде люди служили — только и думали о томъ, чтобы сдѣлать барину что нибудь угодное, смотрѣли ему въ глаза, чтобы предупредить его желаніе.... а нынче — это ни на что не похоже.... Занемогъ у меня на прошлой недѣлѣ камердинеръ, другіе люди все своимъ лѣломъ заняты, я не хотѣлъ ихъ отвлекать отъ дѣла, и призываю этого мальчишку.... «Покуда, я говорю, Алексашка боленъ, ты будешь исправлять должность моего камердинера,» — и смотрю какос это на него впечатлѣніе произведетъ.... Что же? стоять, какъ пень, насупившись и уткнувшись въ полъ, никакого выраженія въ лицѣ, точно какъ будто я сказалъ ему: «принеси стаканъ воды» и не чувствуетъ той милости, которую дѣлаетъ ему баринъ, допуская такъ близко къ себѣ, а вѣдь три мѣсяца назадъ онъ свиной пасъ въ деревнѣ!... Нѣтъ, любезнѣйший другъ, въ плохія времена живемъ мы!...

И благонамѣреннѣйшій господинъ, въ заключеніе, качая головою, испускаетъ глубокій вздохъ.

Но его превосходительство несправедливъ: виноваты не козачекъ, не прислуга его, которою онъ десять лѣтъ тому назадъ былъ очень доволенъ и которая служить ему съ прежнимъ усердіемъ.... Всему причиною внутреннее настроеніе духа его превосходительства, недовольство тѣмъ, что съ ходомъ времени совершаются различные перемѣны и преобразованія, которыя ему ненравятся.... Фуражки, военный пальто, юнкера на извозчикахъ, молодые генералы, литература, изобличающая взяточниковъ, — все это, взятое вмѣстѣ, мѣшаетъ ему жить... Онъ, кажется, готовъ бы, если можно, съѣзжествомъ броситься на Время, схватить его за шиворотъ, какъ подчиненнаго, и остановить. Ему бы хотѣлось, чтобы это неудержимое, Богъ знаетъ для чего такъ быстро бѣгущее время — всеоживляющее и всеобновляющее.... замерло и окоченѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно было нѣсколько лѣтъ назадъ тому, — въ тѣ дни, когда передъ нимъ вытягивались въ струнку писаря, курьеры и чиновники, ему подчиненные; когда нечего было бояться этой отвратительной гласности; когда онъ чувствовалъ свою силу, ощущая, что онъ не просто генералъ въ отставкѣ, на котораго никто не обращается вниманія, а особа, приводящая въ трепетъ и замиряніе нѣсколько десятковъ людей!

О! если его превосходительство и несправедливъ къ настоящему времени.... не сердитесь на него за это, не обвиняйте его, а лучше сострадательно войдите въ его положеніе и пожалуйте обѣ немъ!... Не раздражайте его вашими литературными выходками! Хорошо еще, что онъ не читаетъ ничего, но вѣдь ему могутъ прочесть добрые пріятели.... Оговорка, что такого лица нѣтъ въ дѣйствительности, нисколько не помогаетъ.... подобнымъ оговоркамъ никто вѣрить не хочетъ и прибѣгать къ нимъ, кажется, напрасно. Въ вашей фантазіи, въ вымыщенномъ вами лицѣ... непремѣнно тысячи лицъ узнаютъ своихъ пріятелей.... «Списанъ какъ живой! Всѣ его слова, всѣ выраженія, просто выпитый!» начнутъ кричать эти господа и развезутъ по городу пріятную новость, что Александръ Петровичъ или Григорій Иванычъ выставленъ въ такой-то книжкѣ такого-то журнала... И кончится тѣмъ, что даже самъ Александръ Петровичъ, нисколько не похожий на выставленное лицо, повѣритъ, что его списали, хотя ни онъ сочинителя, ни его сочинитель отъ роду никогда не видывалъ!...

Въ этихъ случаяхъ надобно быть чрезвычайно осторожнымъ.... Очень легко можно совсѣмъ свести съ ума человѣка, увѣривъ, что его описали... Не шутите съ этимъ; говорить, бывали и такие примѣры!....

Но какъ бы то ни было, лѣло сдѣлано—и я продолжаю мою фантазію, искренно желая, чтобы никто изъ благонамѣренійшихъ господъ, въ роли изображенаго мною, не принялъ его на свой счетъ...

Недовольство настоящимъ моего благонамѣренійшаго лица возрастило съ каждымъ днемъ и наконецъ достигло крайнихъ предѣловъ при одной изъ послѣднихъ улучшительныхъ мѣръ, задѣбшей его за живое.

Когда только носился обѣ этомъ слухъ, онъ не хотѣлъ вѣрить и затыкалъ уши....

— Перестаньте, перестаньте!... говорилъ онъ: — вздоры!... этого быть не можетъ!... Я и слушать не хочу....

Когда же слухъ осуществился, и сомнѣваться уже было невозможно,—въ первую минуту онъ остался вѣрить и неподвижно простоялъ нѣсколько времени, какъ-то дико вытарашивъ глаза.. Вся кровь вдругъ прилила къ его темени и лицо приняло жаркій, пурпурный колоритъ, который на картинѣ бы показался невозможнымъ... Минута — и можетъ быть смертельный ударъ былъ бы неизбѣженъ, если бы не случайно находившійся тутъ докторъ.... Докторъ бросился на него съ ланцетомъ и пустилъ кровь....

Послѣ трехъ чашекъ густой, черной, запекшейся крови благо-

благонамѣренійшій господинъ отошелъ и посмотрѣлъ кругомъ, болѣе мягкимъ взоромъ, произнеся:

— Боже мой, Боже мой!... Что же это наконецъ?...

Ночь онъ, однако, провелъ довольно покойно....

Но на слѣдующее утро снова пришелъ въ состояніе несѣханаго раздраженія, ударялъ кулакомъ по столу и произносилъ совсѣмъ нескладныя и отрывистыя рѣчи, обращаясь къ женѣ и дочерямъ:

— Теперь, матушка, конечно!... Всѣ прихоти выбить изъ головы.... я не знаю, что будетъ.... можетъ быть нечего будется... очень легко!... Надо ко всему приготовиться.... вотъ живешь, живешь и доживешь до эдакаго.... Теперь карнавалы—мое почтеніе... Ситцевое платье — по просту безъ затѣй — вотъ и все!

Несколько дней послѣ этого, благонамѣренійшій господинъ даже не ъѣзжалъ въ клубъ и не игралъ въ карты.... .

Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Изъ этого кабинета раздавались иногда восклицанія, знакомыя удары кулакомъ по столу, шаги и говоръ. Но никто не смѣгъ войти туда. Благонамѣренійшій господинъ выходилъ оттуда только къ завтраку и къ обѣду.... Кушалъ онъ довольно аппетитно, но вѣрь себѣ странно: былъ задумчивъ, говорилъ вообще мало, а если и говорилъ, то нескладно и не обращаясь ни къ кому.

— Вотъ теперь кулебяка съ сигомъ.... маionезы.... фрикасе разные.... а тамъ что?... зубы на полку.... щи.... каша.... И за что? Вотъ сорокъ лѣтъ и служи отечеству....

Генеральша съ боязливымъ участіемъ взглядывала на генерала.

— Что такое, другъ мой? рѣшалась замѣтить она: — что ты говоришь?... И отчего ты такой странный, голубчикъ?

— Ничего... я ничего... Что такое? перебиваясь онъ взрагивалъ: — тсс! тсс!... и онъ начиналъ дѣлать супругѣ многозначительные знаки глазами, указывая на козачка и на людей, служившихъ за столомъ....

При выходѣ изъ-за стола, онъ наклонился къ уху супруги и шепталъ:

— Ахъ, какая ты неосторожная!... какъ это можно!... при людяхъ!...

Проходя мимо козачка, его превосходительство пристально взглядывалъ на него и потомъ шепотомъ говорилъ дочери:

— Ты замѣтила, какъ онъ на меня смотрѣть?... Еще даче прошаго.... это я понимаю что тако....

Такое поведеніе благонамѣренійшаго господина и такія стран-

жилъ рѣчи, не могли не испугать его семейства. Супруга и дочери его передали все это домашнему доктору.

Докторъ улыбнулся и сказалъ:

— Это ничего,—пройдетъ.... Я знаю, что всякое новое положеніе, всякая перемѣна, покуда онъ съ нею не освоится, действуетъ на него тяжело... У него мало восприимчивости въ натурѣ. Ему надо разсѣяніе, я посовѣтую смущеніе.

Докторъ вошелъ въ его кабинетъ. Благонамѣренійшій господинъ сидѣлъ у своего письменного стола, опустивъ печально голову, съ безнадежнымъ выражениемъ въ лицѣ....

— Ну что, ваше превосходительство; какъ ваше здоровье?... какъ идутъ ваши клубныя дѣла... Хорошо?...

Докторъ произнесъ это веселымъ и фамильярнымъ тономъ, потому что онъ самъ былъ генералъ.

— Аах! воскликнулъ благонамѣренійшій господинъ, услышавъ голосъ доктора: — здравствуйте, почтеннѣйшій Ардалионъ Петровичъ!.. Ну что, батюшка?!.. до чего мы дожили! прибавилъ онъ печально, и послѣ минуты молчанія продолжалъ: — клубныя дѣла!.. Какія теперь клубныя дѣла!.. Нѣтъ вы лучше подумайте объ этомъ: вѣдь у меня въ деревнѣ садъ, паркъ, домъ — все это содержалось въ исправности, въ порядкѣ, собственными средствами... Чего это мнѣ стояло?... Зачѣмъ-же я убивалъ деньги на все это?...

— И полноте! Ну что жъ возразилъ докторъ: — и вы будете вѣдь этимъ пользоваться.... Вотъ я къ вамъ когда нибудь пріѣду въ деревню.... Посмотрю, какъ вы все это тамъ устроили... Я знаю, что вы большой хозяинъ!...

Благонамѣренійшій господинъ посмотрѣлъ на доктора, какъ на сумасшедшаго, и сказалъ:

— Чѣсть вами? Полноте! все пропало... Теперь ужъ все кончено....

— Э, батюшка... ей Богу все прекрасно обойдется... повѣрьте... перебилъ докторъ, да что вы дома-то сидите?... Вамъ нужно движенье, разсѣяніе.... Поѣзжайте-ко въ клубъ сегодня....

Благонамѣренійшій господинъ, къ удовольствію своего семейства, по собственному побужденію или по совѣту доктора, вечеромъ поѣхалъ въ клубъ....

При встрѣтѣ съ своими партнёрами и друзьями, онъ грустно и значительно пожалъ имъ руки и молча покачалъ головою.... Тѣ въ свою очередь также печально и молча покачали головами...

— Ахъ, ахъ, ахъ! вырвалось наконецъ изъ груди благонамѣренійшаго господина.

— Не думали мы, дожить до такихъ временъ! произнесъ одинъ изъ друзей его.

— Нѣтъ, вотъ вы посудите.... у меня тамъ садъ, паркъ, дому съ иголочки.... чего мнѣ это стоило!... началъ было его превосходительство....

— Сдѣлайте одолженіе.... нѣтъ ужъ лучше обѣ этомъ не говорить.... я не могу обѣ этомъ говорить хладнокровно, перебылъ сморщеній и повидимому значительный старишокъ въ паричкѣ, съ накрашенными бакенбардами, дрожа всѣмъ тѣломъ: — я запретилъ обѣ этомъ говорить и у себя дома, — лучше-ко вотъ займемся этимъ....

И онъ указалъ на зеленый столъ, на которому уже горѣли четыре свѣчи, лежали прекрасно заостренныя мѣлки и колоды отборныхъ картъ....

Еще и до сихъ поръ мой благонамѣренійшій господинъ, середи обыкновенного разговора, вдругъ прерывая его, начинаетъ какъ будто заговориваться и произносить слова и фразы несмѣющія между собой никакой связи: «домъ... жена... служба... паркъ... дѣти... я патріотъ... генералъ, вы сами согласитесь... чего это мнѣ стоило... это невозможно... сорокъ-два года службы... Что же это?» И тому подобное. Но вообще, въ послѣднее время, онъ, слава Богу, началъ говорить нѣсколько посвѣзанье... На дніяхъ, слушая, съ какимъ бѣществомъ онъ кричалъ противъ всѣхъ улучшений и нововведений, я подумалъ:

— Однако, можно ли его теперь называть благонамѣренійшиимъ господиномъ?... Это вопросъ... Въ старые годы онъ называлъ неблагонамѣренными и опасными людьми недовольныи тѣ даже петербургскою погодою и дурно отзывавшихся о петербургскомъ климатѣ.... На того, кто изъявлялъ какое нибудь неудовольствіе, хотя противъ кислой капусты и квасу, онъ смотрѣлъ уже какъ на врага отечества; того, кто читалъ книги и съ похвалой отзывался о заграницей жизни, онъ называлъ либераломъ.... А теперь... Какъ время-то подшучиваетъ надъ людьми и какъ странно иѣнять роли!.... Кто бы могъ повѣрить, пять лѣтъ назадъ тому, что его превосходительство будетъ принадлежать къ недовольныи?... А по его же собственному опредѣленію недовольные принадлежать къ людямъ неблагонамѣренныи. Во всякомъ случаѣ, я ни за что на свѣтѣ не позволю себѣ назвать этимъ именемъ его превосходительство....

Вчера одинъ мой знакомый сказывалъ мнѣ, что его превосходительство со всѣмъ семействомъ изволитъ отправляться за границу... «Я, говоритъ, тамъ отдохну отъ всего и, вѣроятно, останусь на дѣло....»

— Неужели? воскликнулъ я. — Чудеса! Свѣтъ рѣшительно начинаетъ идти на выворотъ....

— Нѣтъ, это еще не такъ удивительно, замѣтилъ мнѣ мой знакомый: — его превосходительство — человѣкъ старый, необразован-

ный, затрублѣній и очерствѣній въ своихъ дикихъ, эгоистическихъ понятіяхъ; но удивительно то, что нѣкоторые совсѣмъ не старые люди почти сходятъ съ ума по тому же самому поводу.... Я разскажу тебѣ одинъ случай....

— Прекрасно, но въ другой разъ, отвѣчалъ я:—теперь извини... мнѣ некогда.... Надо кончить эти замѣтки, надо еще передать моимъ иногороднимъ читателямъ о томъ, чѣмъ Петербургъ занимается и увлекається въ теченіи января мѣсяца.

— Разскажывай только объ этомъ покороче, сказалъ мнѣ мой знакомый: — все это болѣе или менѣе извѣстно, потому что разсказано уже въ фельетонахъ разныхъ газетъ и журналовъ....

Знакомый мой правъ — и я постараюсь быть краткимъ.

Петербургъ сильно веселится въ теченіи января мѣсяца, чѣму отчасти причиной была короткость нынѣшняго театрального сезона... Всѣ почти театры были биткомъ набиты; на масляничные утренія и вечерніе спектакли, доставать билетовъ не было никакой возможности.... Опера дала въ теченіи января — въ первый разъ «Луизу Миллеръ», Верди, не произведшую, впрочемъ, особенаго впечатлѣнія. Либретто этой оперы заимствовано изъ Шиллеровой драмы «Коварство и Любовь». «Фра-Діаболо» выполнено было итальянскими артистами довольно удачно; г-жа Бозіо пропѣла свою партію прекрасно, а г. Марини и Эверарди художественно воспроизвели роли бандитовъ, въ особенности посѣдній. Г. Эверарди обнаружилъ въ этой оперѣ превосходный сценическій талантъ. Новый балетъ «Корсарь» заимствованный изъ поэмы Байрона, какъ сказано въ афишѣ, имѣлъ огромный успѣхъ, чѣму безъ сомнѣнія много способствовала пятая, послѣдняя картина балета, представляющая открытое море съ кораблемъ по срединѣ, качающемся на всѣхъ парусахъ.... Вдругъ гроза: дождь, громъ, молнія и корабль тонетъ. Море утихаетъ посѣдѣ бури и при лунѣ видны на волнахъ остатки отъ крушеннія. Герой и героиня балета разумѣются спасаются чудомъ. Они достигаютъ берега, и появляются на скалѣ, освѣщенные струею яркаго, электрическаго освѣщенія. Картина эта выполнена превосходно и дѣлаетъ большую честь г. Роллеру. Костюмы балета великолѣпны... отъ танцовъ и говорить нечего: — корѣ-де-балетъ нашъ улучшается съ каждымъ годомъ... «Корсарь» страдаетъ только однѣмъ недостаткомъ — длиннотою. Г-жа Фридбергъ была очень не дурна въ ролѣ героини балета. Она почти не покидала сцены, по публика оставалась къ ней довольно равнодушно: — весь энтузіазмъ свой, весь восторгъ, крики, рукоплесканія, подарки, букеты, вѣнки, она истощила въ прощальной бенефисъ г-жи Надежды Богдановой.... Такого шумааго, оглушающаго спектакля, я думаю, не запомнятъ петербургскіе жители. При этомъ,

такъ я хотѣлось сказать: «Александръ Менделеевъ жадачъ по-
рой, но зачѣмъ же стыдъ-то ломать?» Г-жа Богданова уже от-
правилась за границу. На Александринскомъ театрѣ поднялась
новая драма, подъ названиемъ: «Манихимъ-Бенъ-Израиль». Дра-
ма эта кое-какъ склеена изъ извѣстнаго романа Шнейдеря:
«Евреи».... Дѣйствіе ее въ XV вѣкѣ, во Франкфуртѣ. У богатаго и
добродѣтельнаго Еврея Манихима — дочь Эсениръ, пылающая страст-
ною любовью къ рыцарю Дагоберту.... Но девяностолѣтній дѣдушка
Эсенири — Израиль хочетъ непремѣнно выдать ее за рыжаго, и при
томъ ужаснаго злодѣя Задика.... Эсениръ, разумѣется, неиз-
дѣтъ его.... Она ни за что не хочетъ выйти за него замужъ —
и Задикъ, изъ мщенія, клевещетъ на честное семейство Эсенири. Онъ обвиняетъ ея отца предъ судомъ въ умерщвленіи христі-
ансаго ребенка... Начинается допросъ. Манихимъ говоритъ, что онъ
точно взялъ къ себѣ въ домъ мальчика, что мальчикъ выбранъ быть
ему подъ величайшую тайну, но что этого мальчика у него украли.
Суды не вѣрятъ добродѣтельному еврею и осуждаютъ его на смертную
казнь... Узнавъ объ этомъ, девяностолѣтній Израиль скоропостижно
умираетъ.... и безъ этого обстоятельства нельзя вирочить жить два
вѣка!... Оказывается, что похищенный ребенокъ — плодъ преступ-
ной любви сестрицы рыцаря, которая когда-то оказала какую-то
услугу Манихиму, и потому, онъ ни за что не хочетъ обнаружить ся
тайны. Но ребенка находятъ, онъ украденъ быть разбойниками, къ
которымъ принадлежалъ Задикъ. Манихимъ оправданъ, преступни-
ковъ казнить, сестрица рыцаря идетъ въ монастырь.... Остаются
рыцарю, который съ своей стороны также влюблена въ Эсениръ, со-
единиться съ цею законными узами.... Но для этого ей необходимо
измѣнить вѣрѣ и оставить отца. «Я,» говоритъ Эсениръ рыцарю: —
«очень люблю васъ, но напечьку ни за что не оставлю».... Тамъ и
оканчивается піеса.... Роль Манихима — превосходно была разыг-
рана даровитымъ и умнымъ артистомъ нашимъ г. Самойловымъ, а
роль Задика — г. Зубровымъ, который во всѣхъ своихъ роляхъ, даже
въ самыхъ ничтожныхъ, всегда исполненъ правды и не жертвуетъ
ею для рутинныхъ и пошлыхъ сценическихъ эффектовъ. Г. Зубровъ
умѣлъ поставить себя на раду съ самыми замѣчательными нашими
артистами....

Въ началѣ прошедшаго мѣсяца появились въ Петербургѣ — швед-
скіе пѣвцы.... Они очень не дурно поютъ народныя пѣсни. Весь
хоръ состоять изъ восьми человѣкъ. Публика, впрочемъ, увлечена
другими развлечениями и увеселеніями, мало обратила вниманія на
этихъ пѣвцовъ и ихъ звуки довольно грустно раздавались въ пустой
залѣ Коммерческаго клуба.... Не удастся ли имъ обратить на себя

принеся жаль въ Великому посту?... Очень жаль отихъ французовъ.

Именитые артисты наши уже разъѣхались за границу. Говорить, что Лебланть-Меррикъ не возвратится больше въ Петербургъ,—а Лебланть, гениальный Лебланть, приводившій въ восторгъ всѣ европейскія націи, этотъ общий любимецъ—несуществуетъ уже бывѣ! Онъ скончался въ Неаполѣ, послѣ тяжкой болѣзни и тѣло его привезено теперь въ Парижъ....

Сколько было въ Петербургѣ баловъ въ теченіи января и какихъ великолѣпныхъ баловъ!... Упомянемъ о самыхъ замѣчательныхъ. о балѣ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, о балѣ англійскаго посланника, и о балахъ князя Д' и И-хъ. О блескѣ и великолѣпіи ихъ распросраняться нечего; они были удостоены посвѣщенія Государа Императора.... Упомянаю о балахъ, нельзя также пропустить безъ вниманія баловъ Дворянскаго Собрания.... Маскарады также были посвѣщаемы многочисленнouю публикою, но наши маскарады совсѣмъ-то вообще вѣлы и скучны!....

Блеску масляницы много способствовала хорошая погода. Адмиралтейская площадь была вся застроена разными балаганами и балаганчиками.... Здѣсь появился Карлъ Гине, профессоръ дрессировки лошадей; Юліус Гебгардъ съ своимъ механическимъ театромъ, съ своей прелестной Альбиноской и съ портретомъ во весь ростъ, какъ сказано было въ афишѣ, «изменитой чудовищной женщины—обезьяны Миссъ Джуліи Настрани, написанный съ натуры въ Берлинѣ, гдѣ, размѣнявъ въ Вильнѣ и въ Прагѣ, женщина эта произвела исключительный фуроръ». Остроумная афиша г-на Юліуса Гебгарда прибавляла къ этому, что «въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ, г. Гебгардъ, старается знакомить жителей Петербурга со всѣми достопримѣчательностями, промышляющими за границою и потому отъ лѣститъ себѣ надеждою, что публика очнитъ его настоящее величие и поклонитъ ее, за неимѣніе еще возможности лично представить (это прелестно!) миссъ Джулію, хотя съ вѣрнымъ изображеніемъ этой знаменитой женщины, найденной ребенкомъ въ Мекленбургѣ, въ ущельяхъ Сирры-Мадре и представляющей въ своемъ лицѣ доселе еще невиданный феноменъ, обратившій на себя внимание всей просвещенной Европы».

Афишка эта, попашему мнѣнию, гораздо веселѣе знаменитой афишки о Весельчакѣ, достойной, впрочемъ, стать рядомъ съ балаганными афишами.... Успѣхъ Весельчака въ извѣстномъ классѣ публики, говорить, неслыханный. Онъ уже имѣетъ тысячи подписчиковъ; не журю, если бы приложены были къ «Весельчаку» ихъ портреты. Любопытно было бы взглянуть на нихъ.

Кромѣ гг. Гине и Гебгарда.... г. Симонсонъ явился на Адмирал-

тесной площади съ эквилибристами-переиздами и разные другие актрисы, съ человеческими и собачьими пантомимами. Давно не забывали мы, чтобы было столько экипажей у горь, катя на нынешней Масляницѣ. На Невскомъ проспектѣ въ послѣдние дни не было почти проѣзда.

Катали на тройкахъ и бѣги на Невѣ также въ большомъ ходу нынѣшнюю зиму, которая, впрочемъ, началась только въ началѣ января. За городомъ, во всѣхъ почти трактирныхъ заведеніяхъ устроены горы, — на островахъ, и на Петергофской дорогѣ, и въ Екатерингофѣ — вездѣ.

Въ январѣ мѣсяцѣ даны были въ Петербургѣ два замѣчательные обѣда: одинъ бывшими студентами Московскаго Университета, на которомъ присутствовалъ, между прочими, бывшій понечитель Московскаго Университета, графъ С. Г. Строгановъ, нарочно для того пріѣхавшій изъ Москвы. Самыми замѣчательными рѣчами этого обѣда были рѣчи гг. Галахова и Кавелина.... Мы не будемъ распространяться объ этихъ обѣдахъ, ибо подробности о нихъ сообщены уже нашими газетами.

Русская наука понесла въ прошедшемъ мѣсяцѣ значительные потери. Московскій Университетъ лишился одного изъ замѣчательныхъ своихъ дѣятелей, профессора исторіи Петра Николаевича Кудрявцева. Кончина его отнимаетъ и у русской литературы дѣятеля съ самыми чистыми стремлѣніями, а у русского общества человѣка съ благороднѣйшимъ характеромъ.

Кудрявцевъ уже давно страдалъ грудью, изнуримою отъ участившихъ трудовъ. Давно уже ему было сказано врачами, что онъ долженъ надолго уѣхать въ Италию, чтобы отдохнуть тамъ. Онъ былъ готовъ къ поѣздкѣ, которая тогда вѣроятно еще могла возстановить его здоровье. Но когда все было готово, вдругъ встрѣтились препятствія его отѣху. Наконецъ Кудрявцевъ получилъ отпускъ: въ Италии поразилъ его ударъ, рѣшительно разрушившій его физическія силы. Супруга Кудрявцева, которая поѣхала провожать больного мужа, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, скончалась во Флоренціи, отъ внезапной болѣзни, среди жестокихъ страданій. Кудрявцевъ любилъ ее самою нѣжною и сильною привязанностью. Онъ былъ смертельно пораженъ этой невознаградимою ничтѣмъ для него потерю. Онъ возвратился въ Москву съ чахоткою въ такой степени развитія, которая не оставляла уже жѣстокихъ паїздамъ.

18 января, въ 4 часа по полуночи, онъ скончался.

Мы приводимъ отрывокъ изъ письма, написаннаго къ намъ М. Н. Лонгиновымъ въ день похоронъ Кудрявцева.

«Сегдня похоронили Кудрявцева. Въ пять часовъ вечера

весь замъкъ Смитергейт переулокъ, въ которомъ жилъ и овѣ, былъ наполненъ народомъ. Тутъ былъ почти весь университетъ и множество людей разныхъ званій, которые собрались на выносъ тѣла. Я вошелъ въ квартиру покойнаго въ то время, когда достойный товарищъ его, профессоръ Соловьевъ, говорилъ прощальное слово. Вы прочтете эту прекрасную, благородную рѣчь въ № 9 «Московскихъ Вѣдомостей», вмѣстѣ съ проникнутой чувствомъ статьей ихъ редактора и трогательныи некрологомъ, помещеннымъ въ № 1 «Русскаго Вѣстника», искреннимъ другомъ покойнаго М. Н. Катковымъ. Печатный «Некрологъ» этотъ раздавали еще вчера утромъ въ университетѣ, послѣ диспута г. Зедергольма, защищавшаго на степень магистра диссертациою о жизни и сочиненіяхъ Катона. Это ученое торжество невольно омрачалось мыслю обѣ отсутствіи того, котораго рѣчь оживила бы состязаніе, и котораго никогда не уздитъ болѣе живое, доброе поколѣніе студентовъ, такъ горячо его любившихъ. Все высказанное печатно о Кудрявцевѣ — истинно и искренно. Это не одно выраженіе чувства скорби небольшаго кружка друзей, но отголосокъ печали, можно сказать, всего московскаго общества. Надобно отдать ему эту честь: здѣсь интересы просвѣщенія чувствуются какъ-то горячѣ и ученая дѣятельность ближе къ сердцу каждого.

«Сколько встрѣчалъ я въ эти дни людей, преимущественно свѣтскихъ, женщинъ, даже дѣвушекъ, которыхъ, не зная даже лично Кудрявцева, жалѣли о его ранней кончинѣ! Замѣчательно, что всѣ они повторяли: «какъ всѣ студенты его любили!». Университетъ потерялъ много въ ученомъ отношеніи, лишившись такого ученаго; но нравственная потеря его еще сильнѣе и невознаградимѣе. Благотворное влияніе его на молодое поколѣніе не ограничивалось стѣнами аудиторіи, но было продолженіемъ того постояннаго, неотразимаго обаянія, которымъ дѣйствовалъ на него учитель и другъ Кудрявцева, покойный Грановскій. Говоря о недавней нашей утратѣ, нельзя не вспомнить и этой, любезной всякому честному человѣку, личности. Сегодня на панихидѣ, и стоять на томъ мѣстѣ, где сѣть небольшимъ за два года, на похоронахъ графа Уварова, стоять сѣть Грановскимъ и Кудрявцевымъ. Грустно было такое воспоминаніе. Равно сужено имъ было умереть, по счастливы они, что успѣли, по выражению г. Соловьева, водрузить знамя свое, на которомъ написано: *сѣть, и правда и добро*.

«На отпѣтаніи было множество людей. Бывшій попечитель, графъ Строгановъ, также отдалъ послѣдній долгъ ученому, бывшему украшениемъ любимаго имъ университета. Гробъ, какъ и вчера, несли

студенты, и на Даниловскомъ кладбищѣ похоронены теперь благородный, исзамъянный Кудрявцевъ.»

О Кудрявцевѣ, какъ членѣ и профессорѣ, должны разскажать публикѣ ближайшіе друзья и слушатели его. Мы хотимъ въ школьныхъ словахъ перечислить только его литературныя сасауки. Какъ историкъ, онъ хорошо известенъ публикѣ нашего века, но есть у него и другія заслуги, которыхъ не должно забывать. Одаренный замѣчательнымъ беллетристическимъ талантомъ, Н. И. Кудрявцевъ въ молоности написалъ подъ псевдонимомъ Нестроевъ вѣсколько повѣстей, которые даютъ сму едвали не первое вѣсно между белетристами новой школы, выступившимъ въ сльѣ за Гоголемъ. Въ то время, кромѣ повѣстей Пушкина и Гоголя и историческихъ романовъ г. Лажечникова, не было еще въ русской художественной прозѣ ничего такого, что было бы достойно удовлетворить требованиямъ европейскаго вкуса. Рядъ такихъ прозаиковъ, каковы нынѣ, напримѣръ, гг. Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій, начинается Кудрявцевымъ. Повѣсти Нестроева были первыми русскими повѣстями зрѣлаго периода русской белетристики. Бѣлицкій называлъ его «Послѣдній визитъ» первою истинно патетическою повѣстью на русскомъ языке. Белетристическія произведенія Кудрявцева, помѣщавшіяся въ «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» — первая изъ тѣхъ произведеній русской белетристики, которая до сихъ поръ сохранила свою цѣну и могутъ быть перечитаны съ удовольствіемъ публикою нашего времени. Послѣднію изъ повѣстей, написанныхъ Кудрявцевымъ, былъ превосходный разсказъ «Весь разсвѣтъ» (въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ).

Послѣ того, Кудрявцевъ исключительно предался ученымъ трудамъ. Они пользуются такою прочной и заслуженной известностью, что вѣтъ нужды перечислять ихъ или напоминать ихъ до-тоинства.

Академія Наукъ лишилась одного изъ самыхъ дѣятельныхъ своихъ членовъ, М. А. Коркунова. За печальными обѣдомъ послѣ похоронъ покойнаго, г. Билярскій почтилъ его память слѣдующею краткою рѣчью:

•М. Гг.! Позвольте мнѣ сказать вѣсколько словъ въ память того, кѣмъ теперь полны ваши чувства.

«Съ 1838 года началось почетное поприще ученої дѣятельности покойнаго Коркунова, скажетъ біографъ его. Съ 1838 года — скажемъ мы — начался подвигъ его самопожертвованія для науки. Съ этого года его любимыя занятія сдѣлались служебною для него обязанностью, съ этого года всѣ жертвы для науки для него лишь были

исполнения долгов. И какъ разъ показанъ быть отъ долгъ симеоновскій! Сколько разъ его задумывали мыслѣ, изумленіемъ добровольнымъ усердіемъ къ наукѣ, выработаннымъ трудомъ тяжелымъ и часто долговременнымъ, возвращающимъ къ нему для исполненія въ видѣ поручеи, на него возлагаемаго, или даже въ видѣ предписанія; и оно, творецъ своей мысли, дѣлалась смиренныемъ ее служителемъ! Сколько разъ его ученыя работы восхищали и совершенствовали общую массу трудовъ тѣхъ ученыхъ учрежденій, въ средѣ которыхъ онъ былъ исступленіемъ авторомъ! И въ этой добросовѣтной деятельности онъ добровольно забывалъ права неоспоримыхъ заслугъ своихъ, но охотно отдавалъ преимущество правамъ и заслугамъ другихъ. Да! не о себѣ думай, не для себя трудился онъ, а для науки. Сухи были предметы этихъ трудовъ; но они были симеонами прекрасныхъ плодовъ, которыми нынѣ уже пользуются многие, хотя не всегда помнятъ, вѣмъ посланы эти плодотворныи симеона. Такова часто участіе первоначальныхъ, коренныхъ дѣятелей науки! Самою лучшею, или по крайней мѣре самою вѣрной для нихъ наградой остается лишь собственное ихъ сознаніе, — сознаніе честно-исполненнаго долга и съ успѣхомъ совершеншаго труда. Они призываютъ довольствоваться этой наградой и всякий разъ считать въ свою пользу готовы считать пятномъ на своей совѣсти. Таковъ былъ именно нашъ незабвенный Коркуновъ. Только въ послѣдніе дни жизни, на одрѣ смертного недуга, созналъ онъ беспомощность своего спротивляющаго семейства, и какъ грустно выражалъ онъ это печальное сознаніе! «Вотъ все мое богатство!» сказаль онъ кому-то изъ ближнихъ, указывая на дѣтей своихъ.

«Но очарованіе сердце его было успокоено утѣшительными словами того, кто, какъ благодатный ангель, явился уладить послѣдніе минуты умирашаго и кто всѣхъ ближе зналъ и всѣхъ лучше могъ оцѣнить его прекрасныя душевныя качества, его безкорыстные труды и заслуги. Будемъ же и мы утѣшать себя отрадной мыслью, что незабвенный другъ нашъ разстался съ жизнью успокойный; но никогда не перестанемъ сожалѣть, что онъ скончался такъ преждевременно».

Въ числѣ разныхъ утѣшительныхъ явлений русской общественной жизни, нельзя не посвятить нѣсколько строкъ и указаній на то, какъ заботливость о благосостояніи человѣка, въ самой скромной его долѣ, обращается нынѣ изъ мертвой буквы закона въ дѣйствительную заботливость. Мы говоримъ это по поводу про-

известного намъ въ С. Петербургѣ мастерса мастерскихъ. Необходимость навѣрши отпомощи мастеровъ и мастерщи къ мальчишамъ и дѣвушкамъ, отдаваемымъ имъ, какъ говорится, «въ ученье», очевидна для каждого, кто имъ хотя малѣйший случай присмотрѣться къ быту этихъ существъ, часто совершаю подавленыхъ и неунынностю работы, и излишнею строгостью хозяина, и дурнѣемъ содержаниемъ. Изъ официальныхъ свѣдѣній видно, что въ концѣ прошедшаго года одинъ изъ учениковъ столярного мастера бросился съ моста въ воду, по причинѣ жестокаго съ кличъ обращенія жены хозяина и его кухарки. По слѣдствію оказывается, что вѣдь бывшіе у этого мастера ученики, не смотря на то, что столярное мастерство принадлежитъ къ числу самыхъ здоровыхъ, перебывали въ больницахъ, и что они содержались съ крайнимъ небреженiemъ и безъ всякой заботливости. Оказалось также, между прочимъ, при осмотрѣ мастерскихъ, что одна изъ женскихъ портнихъ, будучи раздражительного характера, не только била дѣвочекъ, вѣроятныхъ ея наказанію, но и неоднократно подвергала ихъ дома наказанію резами.

Если въ общественной жизни и во многихъ иравительственныхъ распоряженіяхъ проявляется, въ настоящее время, заботливость объ улучшenіи судьбы человѣка, то и литература наша постоянно обнаруживаетъ это благородное стремленіе. Самой замѣчательной статьею съ такимъ направленіемъ, изъ всѣхъ статей, жившихся въ напечатанныхъ журналахъ втеченіе января мѣсяца нынѣшняго года, должно, какъ по крайней мѣрѣ намъ кажется, считать помѣщеннную въ 1 № «Морскаго Сборника» статью подъ заглавиемъ «Старыя мысли не новое дѣло» И. А. Шестакова. Мы не будемъ разсматривать тѣхъ мѣстъ этой статьи, которая относятся собственно къ устройству нашего флота, но скажемъ только, что мысль почтеннаго автора о первоначальномъ образованіи флотскихъ офицеровъ въ общихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ быть весьма привлекательна, и что въ этой статьѣ замѣчательна весьма сѣтный взглядъ г. Шестакова на существующій у насъ обычай, что называется—обресть подчиненное лицо. Вотъ прекрасныя слова г. Шестакова по поводу этой привычки: «Зная столько же, сколько неосторожный начальникъ, онъ (то есть обрываемое лицо) можетъ отвѣтомъ заставить его раскаяться въ послѣдности; или же въ случаѣ невыносимаго оскорблѣнія, поставить себя въ положеніе не поддѣгнуть ему болѣе; если же обстоятельства заставляютъ продолжать службу, то останется на ней человѣкъ безъ достоинства, съ убитымъ духомъ, стыдящійся самого себя и неспособный смыслью требовать отъ подчиненнаго исполненія долга, искажа, какъ доказательство собственныхъ промаховъ, клеймо позора». «Въ случаѣ надобности, продолжаетъ г. Шестаковъ, «начальнику слѣдуетъ

ограничиваются ламанными замѣчаніями, непремѣнно заблаговременно обдуманными, замѣнами, которые выкасаны бы виновному столь же его проезахъ, сколько умъ, москвія и чуство высокившаго». Конечно, всѣ прочитавши эти строки отъ чистаго сердца поблагодарятъ, какъ почтеннаго автора статьи за его умысла и благородныя рѣчи, какъ и тотъ журналъ, который на страницахъ своихъ даетъ мѣсто такому честному учению! А сколько вѣрныхъ мыслей сказано о положеніи нашихъ матросовъ: «съ дѣтства, говоритъ г. Шестаковъ,—его бѣть отецъ; помѣщицы и земскія власти употребляютъ тѣже средства исправленія до поступленія ихъ на корабль.» Прекрасно также замѣчаніе г. Шестакова о военныхъ судахъ. Короче, статья его составляетъ въ истиннемъ мѣсяцѣ одно изъ утѣшительныхъ явленій въ развитіи нашихъ понятій. Дай только Господи, чтобы подобная статья не была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Литературныхъ новостей много:

Вышелъ третьимъ изданіемъ романъ И. А. Gonчарова «Обыкновенная Исторія.» Одостоинствахъ этого романа говорить не для чего. Онъ вполнѣ оцѣненъ публикою, что уже доказывается, между прочимъ, и это третье изданіе.

Вышли два новые тома «Собрания Сочиненій» И. И. Лажечникова, заключающіе въ себѣ «Послѣдній Новикъ». Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе это ожидаетъ блестящій успѣхъ.

С. Т. Аксаковъ издалъ: «Дѣтскіе годы Багрова Внука, служащіе продолженіемъ Семейной Хроники.» Объ этомъ сочиненіи въ «Современникѣ» будетъ подробный отзывъ.

Издано «Полное собраніе стихотвореній» покойнаго Языкова, въ двухъ книжкахъ.

Г. Солдатенковъ и Щекинъ издали «Записки объ осадѣ Севастополя, И. Берга», съ двумя планами и съ тетрадью литографированныхъ рисунковъ. — Записки эти, отрывки изъ которыхъ печатались въ «Современникѣ» и въ другихъ журналахъ, заключаются въ себѣ много любопытнаго.

Съ нынѣшняго года началось изданіе, въ болѣе обширномъ и улучшенномъ видѣ: «Газеты Лѣсоводства и Охоты», подъ редакціею специальнно занимающагося этимъ дѣломъ г. Шелгунова. Охотники и лѣсоводы найдутъ въ ней безъ сомнѣнія много поучительного и любопытнаго.

Но самая важная литературная новость заключается въ основаніи нового періодическаго изданія, предпринятаго по Высочайшему повелѣнію при Штабѣ Отдельнаго Гвардейскаго корпуса.

Редакціею «Воинаго Сборника» завѣдываются: генеральштаба подполковникъ В. М. Аничковъ, гвардейскаго генерального

тилье иллюстрации И. Н. Обручева и И. Г. Чертковской, книжечка, показывающая чье настоящее время у нас виновато изображение, предложенное читателями нашего журнала. (Подробности см. в приложенном къ этой книжке объяснении).

Упомянемъ еще объ Иллюстрацияхъ, симподийныхъ изданияхъ, не уступающихъ своему наружностю Лондонской и Парижской книжно-издательствъ и далеко превосходящей пъмчанку. —

и. Симподий, первая тетрадь которой заключаетъ въ себѣ четыре удивительные фотографические снимки: 1) съ портрета Брюллова; 2) голова старика, съ картины Ван-Дикса; 3) съ посольского дна Помпеи и 4) съ пейзажа Калама. При «Симподии» находятся тексты, что кажется уже величия роскошь.

Новыхъ карикатурныхъ альбомовъ также множество. Намъ показались болѣе другихъ забавными подписи подъ карикатурами г. Данилова, а подписи немаловажная вещь при карикатурахъ!

Говоря объ иллюстрированныхъ изданіяхъ, нельзя не упомянуть о «Художественномъ Листѣ» г. Тимма, который все-таки лучшее изъ японскихъ иллюстрированныхъ изданій. Нельзя не сознаться, что передъ карандашемъ г. Тимма блѣдиютъ всѣ другія карандаши русскихъ художниковъ....

Месяцами слухи о прѣѣздѣ къ намъ въ Великому Посту Дженнингсъ Линдъ и другихъ музыкальныхъ знаменитостей. Очень бы хорошо, если бы эти слухи оправдались....

Изъ вновь появившихся журналовъ въ 1857 году, прекратились, къ сожалѣнію, *Молса*, такъ воинственно выѣхавшая на литературную арену. Миръ ея памяти...

Заключимъ наши замѣтки прекраснымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ ея:

Былъ очень жарокъ день — и жатва зачиналась,
Семья усердныхъ жницъ съ серпами наклонилась
Надъ рожью, падшую отъ тяжести зерна,
И нива на землю ложилась какъ волна.
Вблизи поляны той, где жатву зачинали,
Въ кустахъ, съ младенцами кибиточки стояли,
Гдѣ пѣжихъ матерей забота собрала
Всѣхъ младшихъ жителей изъ мирного сеза.
Волы часто прерывали ретивую работу,
И мать мѣняла серпъ на лучшую заботу,
И грудь вложивъ въ уста младенца своего,
Умылоѣ пѣсенкой баюкала его.

Не плачьте горько такъ, невинные младенцы,
Юнѣйшие земли родимой поселенцы!
Надъ вашей младостью не дремлетъ ночи тѣнь:
Вашъ брежжеть вольный свѣтъ, вашъ всходить новый день!

тщедушону, считавшую своего обезьянство не достоиному никому
вокруг, и встать надеять свою любезность.

— Изучали ли вы когда-нибудь, Нина, языки науки? спро-
силъ онъ.

— Нѣть; я вообще не любила изучать языки.

— А знаете ли вы, что значитъ расцвѣвшая роза? — сказала
она, нѣжно подавая ейъ только что распустившійся цветокъ.

Нина взяла розу, покраснѣла отъ досады, и, потомъ, сорвавъ
съ куста другой цветокъ, который разцвѣть уже три дня, и
котораго листики начинали обсыпаться, подала ему и сказала:

— А знаете ли вы, что значитъ это?

— Вы сдѣлали весьма неудачный выборъ! Этотъ розанъ от-
цвѣлъ и разсыпается на части, — весьма паивно возразилъ мистеръ
Карсонъ.

— Я такъ и думала, сказала Нина, и потому, сдѣлавъ бы-
стрый поворотъ, она вспорхнула и въ пѣсколько легкихъ дви-
женій снова очутилась по срединѣ зала, въ то самое время, ко-
гда вошедший лакей объявилъ, что поданъ обѣдь. Клэйтонъ
всталъ и съ обычною серьёзностью подалъ руку свою тетушкѣ
Несбитъ, такъ что Нина увидѣла себя въ необходимости при-
нять услуги восхищенаго мистера Карсона, который, совер-
шенно ничего не замѣчая, находился въ лучшемъ расположеніи
духа и весьма уютно помѣстившись между тетушкой Несбитъ и
Ниаой.

— Я полагаю, вы здѣсь страшно скучаете; такого пустаго и
бездѣлного клочка земли еще не видывали! Скажите, пожа-
луйста, что вы находите интереснаго въ этомъ мѣстѣ? — сказала
она.

— Не угодно ли вамъ этого соуса? отвѣчала Нина.

— Я всегда была такого мнѣнія, сказала тетушка Несбитъ:
— что дѣвицамъ, по выходѣ ихъ изъ пансіона, непремѣнно бы нуж-
но было назначить курсъ чтенія.

— Непремѣнно, сказала Карсонъ. Я бы съ особеннымъ
удовольствиемъ назначилъ этотъ курсъ для Нины.. Я уже назна-
чалъ его многимъ молоденѣкамъ лэди.

Въ эту минуту все-таки взоры Нины случайно встрѣтились съ
взорами Клэйтона, устремленными на мистера Карсона непо-
движно и съ какимъ то любопытствомъ, приводившимъ ее въ
храйнее смущеніе.

— Конечно, продолжал мастер Карсонъ: — я не измѣряю молоденъихъ лади дѣлать синими чулками; но все же иѣзъ кажется; мистриссъ Несбитъ, что нѣсколько полезныхъ съѣдѣй значительно увеличилъ бы ихъ прелести. Не правда ли?

— Конечно, сказала мистриссъ Несбитъ. Еще не такъ давно я сама читала «Паденіе Римской Имперіи», Гиббона.

— Тетушка Несбитъ, замѣтила Нина: — читаетъ эту исторію съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

— Это прекрасное сочиненіе, сказала мастеръ Карсонъ, торжественно посмотрѣвъ на Нину: — только вотъ что, мистриссъ Несбитъ, неужели вы не боитесь правильъ этого писателя, про-проникнутыхъ атеизмомъ? Миѣ кажется, при желаніи образовывать молодые умы, надоѣно быть слишкомъ осторожными.

— Напротивъ, Гиббонъ поражаетъ меня своимъ благочестіемъ, сказала мистриссъ Несбитъ. У него безпрестанно встѣ чаются мысли, исполненные глубокой религіозности. Въ этомъ-то отношеніи онъ и правится миѣ.

Нинѣ казалось, что даже безъ всякаго желанія смотрѣть на Клэйтопа, она принуждена была встрѣтиться съ его взглядомъ. На что бы она ни смотрѣла — на спаржу ли, или на картофель, взоръ ея по какому-то роковому влечению отрывался отъ этикъ предметовъ и искалъ встрѣчи съ взглядомъ Клэйтона; и она видѣла при этомъ, что разговоръ чрезвычайно забавлялъ его.

— Что до меня, сказала Нина: — я не знаю, какими прави-лии проникнута исторія, которую читаетъ тетушка Несбитъ; въ однѣмъ только я совершенно увѣрема, — что за меня нечего опасаться, чтобы я не стала читать такой громадной, старой, не-улюжей книги, съ такой мелкой печатью. Вообще я не люблю читать и не вмѣю ни малѣшаго расположенія образовывать мой умъ; поэтому никому не нужно беспокоиться о назначеніи миѣ курсовъ чтенія! Я вовсе не интересуюсь знать, что происходило въ государствахъ, существовавшихъ нѣсколько стольтій тому назадъ. Для меня въ тысячу разъ интереснее знать и слѣдить за тѣмъ, что происходит въ настоящее время.

— Я постоянно сожалѣю, возразила тетушка Несбитъ: — что въ молодости пренебрегала развитіемъ своихъ умственныхъ способностей. Подобно Нинѣ, я предана была тщеславію и безразсудству.

— Странно, право, сказала Нина, покрасивъ: — миѣ по-стоянно твердятъ объ этомъ, какъ будто въ мірѣ существуетъ

только один родъ тщеславія и безразсуждства. По моему мнѣнію, ученые люди въ такой же степени заражены тщеславіемъ и безразсудствомъ, въ какой и мы, юные девочки.

И замѣтивъ, что Клэйтонъ засмѣялся, Нина бросила на него взглядъ негодованія.

— Я вполнѣ соглашаюсь съ миссъ Гордонъ, сказала Клэйтонъ. Въ этихъ сумасбродныхъ, пустыхъ занятіяхъ, которымъ носятъ название курсовъ чтенія, чрезвычайно много нелѣпости, прикрытой серебреною маскою, внушающею къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Я никакъ не удивляюсь, что самые учебники исторіи, принятые въ руководство въ пансионахъ, поселяютъ въ девочкахъ на всю жизнь отвращеніе не только къ исторіи, но и вообще къ чтенію.

— Вы тоже такъ думаете? сказала Нина, показывая Клэйтону видъ, что его вмѣшательство вывело ее изъ затрудненія.

— Непремѣнно такъ, отвѣчалъ Клэйтонъ. Многіе наши историки могли бы отличиться, еслибы составляли свои исторіи въ такомъ родѣ, который бы могъ заинтересовать молоденькихъ, исполненныхъ жизни ученицу. Тогда для насъ, пачитанныхъ людей, чтеніе не имѣло бы снотворнаго дѣйствія. Тогда можно было бы сказать навѣрное, что девица, просиживающая теперь цѣлую ночь за чтеніемъ романа, просидитъ цѣлую ночь за чтеніемъ какойнибудь исторіи. Романъ только тогда можетъ имѣть свой интересъ, когда события, случившіяся въ дѣйствительности, передаются въ немъ со всемъ величиемъ, роскошью и драматической силой. Недостатокъ этого рѣзче всего обнаруживается въ всякой исторіи.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Нина: — вы обратите исторію въ романъ.

— Такъ что же? Хорошій исторіческій романъ всегда вѣрилъ скучной исторіи, потому что онъ сообщаетъ болѣе точное повѣдѣніе объ истинѣ происшествій, тогда какъ скучная исторія не сообщаетъ ничего, кроме факта.

— Теперь я могу откровенно признаться, сказала Нина: — если я знаю чтонибудь изъ исторіи, такъ только одно, что прочитало мною изъ романовъ Вальтеръ-Скотта. Я признаваюсь въ этомъ учительницѣ; но она все-таки утверждала, что чтеніе романовъ весьма опасно.

— И я скажу, что чтеніе романовъ весьма опасно, особенно для девицъ, возразила мистрессъ Несбитъ. Въ молодости я сама

Чтение это чрезвычайно повредило мнѣ. Оно разыскиваетъ умъ и пріучаетъ къ ложному взгляду на жизнь.

— О Боже! сказала Нина:—бывало мы постоянно писали сочиненія на эту тему;—я даже выучила ванзустъ, что чтеніе романовъ возбуждаетъ ложные ожиданія и пріучаетъ воображение создавать ложные призраки, радуги и метеоры.

— А между тѣмъ, сказаль Клэйтонъ: — всѣ эти возраженія примѣнимы къ совершенно истинной исторіи и именно въ отношеніи къ ея истинѣ. Еслибы исторія Наполеона Бонапарте была написана самымъ краткимъ образомъ, она бы вызвала эти же самые возраженія. Читаюшій ее непремѣнно пожелалъ бы воспроизвести что нибудь особенное изъ весьма обыкновенныхъ явлений. — Тутъ точно также возникло бы смѣшанное понятіе о дурныхъ и хорошихъ качествахъ героя, воображеніе точно также пришло бы въ напряженіе. Въ обыкновенномъ разсказѣ этого не бываетъ, именно потому, что до некоторой степени онъ удлиняется отъ истины. Потому-то онъ и не производить столь живаго впечатлѣнія, столь живаго происшествія, какъ разсказъ о случившемся на самомъ дѣлѣ.

Изъ этихъ словъ тетушка Несбитъ вывела неопределенную идею, что Клэйтонъ защищалъ чтеніе романовъ, и потому, чтобы опровергнуть его доводы, она сочла необходимымъ пріѣхать къ особенному своему способу разсужденія. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что она, въ извѣстные промежутки времени, повторяла одни и тѣ же замѣчанія, не слушая и не обращая вниманія на возраженія другихъ. Въ силу этого она выпрямилась, принявъ серьёзный видъ и, обращаясь къ мистеру Клэйтону, сказала:

— Все-таки я повторю свое мнѣніе, что чтеніе романовъ подобряю. Оно сообщаетъ ложное понятіе о жизни, и поселяетъ въ молодыхъ людяхъ отвращеніе къ ихъ обязанностямъ.

— А я утверждаю, что это же самое возраженіе можно применить ко всякой, даже превосходно-написанной исторіи, сказала Клэйтонъ.

— Чтеніе романовъ производить чрезвычайно много вреда, замѣтила тетушка Несбитъ:—я никогда не позволяю себѣ читать сочиненія, основанныя на вымыслѣ. Я предубѣждена противъ нихъ.

— Еслибы мнѣ встрѣтилась такая исторія, о какой говорю

мистеръ Клэйтонъ, сказала Нина:— я бы, вавѣрпое, прочитала ее съ удовольствиемъ.

— Конечно; это была бы весьма интересная исторія, сказала мистеръ Карсонъ:— она доказала бы, что можно писать о самыхъ серьёзныхъ предметахъ самымъ очаровательнымъ образомъ. Удивительно, что до сихъ поръ не является такой писатель.

— Что касается до меня, сказала тетушка Несбитъ:— я ограничиваюсь исключительно тѣмъ, что практически полезно. Полезныя свѣдѣнія, вотъ все, чего я желаю.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Нина, я очень жалкое созданіе, потому что не имѣю понятія о полезномъ. Во время прогулокъ въ саду мнѣ часто приходило на мысль, что зоря, шафей и душистый майоранъ, такъ же и илы, какъ и многіе другіе цветы. Всѣ эти растенія употребляютъ же для начинки индюшечки; почему же бы мнѣ хоть одну вѣтку изъ нихъ не употребить для моего букета. Вѣдь это весьма дурно съ моей стороны, не правда ли?

— Эти слова напоминаютъ мнѣ, сказала тетушка Несбитъ:— что Роза, не смотря на всѣ мои приказапія, опять положила въ начинку шалфей. Мнѣ кажется, она дѣлаетъ подобныя вещи съ умысломъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ появился Гарри и вызвалъ миссъ Нину. Послѣ кратковременного разговора, веденаго шепотомъ, Нина воротилась къ столу въ разстроенному духѣ.

— Ахъ, какъ жаль! сказала она. Гарри изѣздилъ всѣ окрестности и не могъ пріискать священника на сегодняшніе похороны. Это такъ огорчитъ бѣднаго старика. Вы знаете, что негры чрезвычайно заботятся о томъ, чтобы надъ могилой умершаго были прочитаны молитвы.

— Если не нашли священника, то я прочитаю ихъ, сказала Клэйтонъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! о, благодарю васъ, — сказала Нина. Я такъ рада этому,—рада потому, что мнѣ жаль бѣднаго Тиффа. Къ пяти часамъ намъ подадутъ коляску, и мы отправимся: это въ своемъ родѣ будетъ для насъ прогулкою.

— Дитя мое, сказала тетушка Несбитъ, обращаясь къ Нинѣ, цо выходѣ изъ гостиной: — я и незнала, что мистеръ Клэйтонъ принадлежитъ къ епископальной церкви.

— Напротивъ, сказала Нина: — онъ и все его семейство принадлежать къ церкви пресвитеріанской.

— И отъ вызвался читать молитвы? Какъ это странно! сказала тетушка Несбитъ. Съ своей стороны я не одобряю подобныхъ вещей.

— Какихъ же имена?

— Я не одобряю повторства епископальными заблуждениями. Если мы правы въ своихъ убѣжденіяхъ, — запечатъ, заблуждаются они, — и потому мы не должны оказывать имъ спасхожденія.

— Но, тетушка, похоронная служба такъ прекрасна.

— Пожалуйста, не восхваляй ся, сказала тетушка Несбитъ.

— И онѣтъ тетушка, вы знаете, что Клэйтонъ не пасторъ, следовательно онъ будетъ читать молитвы безъ особенного уваженія.

— Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ шаткость религиозныхъ правилъ, сказала тетушка Несбитъ. Пожалуста, не хвалий подобныхъ вещей.

ГЛАВА XII.

ОБЪЯСНЕНИЯ.

Золотые стрѣлы заходящаго солнца носились повсюду между вѣтвями сосноваго лѣса, придавая мѣстамъ, къ которымъ они прикасались, особенную жизнь и игривость. Хоръ птицъ распѣвалъ вечернюю мелодію, когда небольшое общество расположилось вокругъ только что вырытой могилы. Съ инстинктивнымъ уваженіемъ къ предстоявшей сценѣ, Нина надѣла черное шелковое платье, и простую соломенную шляпку съ черными лентами; — обѣ этомъ уваженіи къ покойницѣ Тиффъ вспоминаль впослѣдствіи и рассказывала другимъ втеченіе многихъ лѣтъ. Крипсы стояли въ головѣ могилы съ тѣмъ холоднымъ, безчувственнымъ выраженіемъ, съ какимъ натура, совершенно грубая преданная животнымъ побужденіямъ, углубляется въ созерцаніе символовъ означающихъ конецъ человѣческаго существованія. Тиффъ стоялъ съ боку; — его блѣдая шляпа представляла разительный контрастъ съ чернымъ крепомъ, обивавшимъ тулью, съ траурнымъ бантомъ на правой рукѣ. Онъ крѣпко прижалъ къ груди своего груднаго ребенка, завернутаго въ черную

шах; между тѣмъ какъ двое другихъ дѣтей стояли подъ него, въ горько плакали. По другую сторону могилы стояли мистеръ Карсонъ, мистеръ Клэйтонъ и за ними, въ группѣ негровъ, Малли и Гарри. Но вотъ открыли гробъ, чтобы бросить посѣдѣній взглядъ на покойницу. Этотъ прощальный привѣтъ вызвалъ норынъ глубокой горести со стороны дѣтей. Въ то время, когда Клэйтонъ, мелодическимъ голосомъ, произнесъ слова: *я если воскресеніе и жизнь*, — Нина плакала, какъ будто могила скрывала отъ нея предметъ, близкій ея сердцу; — она не удерживала слезъ втеченіе всей похоронной службы. Тѣ же самыя побужденія, которые заставляли ее быть веселой при другихъ сценахъ, пробуждали въ ней глубокую горесть при этомъ обрядѣ. Когда все кончилось, она поцеловала дѣтей; и, пожавъ руку Тиффу, обѣщала навѣстить ихъ на другой же день. Послѣ того Клэйтонъ проводилъ ее до коляски, посадилъ ее и самъ сѣлъ вмѣстѣ съ Карсономъ.

— Кляпусь честью, сказала Карсонъ, скороговоркой: — это были чрезвычайно торжественные, чрезвычайно интересные похороны! Я въ восторгѣ отъ эффекта, произведенного на меня этимъ обрядомъ и въ такомъ романтичномъ мѣстѣ! Въ высшей степени интересно! Мне пріятно также видѣть, что молоденькия дѣвицы вашего званія, Нина, принимаютъ живое участіе въ положеніи бѣдныхъ. Еслибы они знали, до какой степени чувства состраданія къ ближнему дѣлаютъ ихъ привлекательными, они стали бы заботиться о развитіи этихъ чувствъ еще болѣе. А замѣчательная особа — это старый пегрь! Кажется, доброе созданіе. Интересны и дѣти. Надобно думать, что эта женщина, въ молодости, была очень не дурна. Бѣдная! должно быть много испытала горя! Отрадно думать, что теперь она чужда житейскихъ треволненій.

Этотъ монологъ только усиливалъ негодование Нины; она даже не принимала въ соображеніе того обстоятельства, что Карсонъ выражалъ свои лучшія чувства и всячески старался выказать то, что считалъ своимъ призваніемъ: — пытать какое-то отвращеніе къ безмолвію тамъ, где голосъ его могъ быть слышанъ. Чувство, заставлявшее Нину сохранять молчаніе и вызывавшее слезы на ея глаза, заставляло Карсона говорить безъ умолку. Онъ, однакоже, не довольствовался пустой болтовней; ему надобно было безпрестанно обращаться къ Нинѣ съ вопро-

сами: не правда ли, что это интересный случай, а что оно произвело на нее глубокое впечатление?

— Признаюсь вамъ, мастеръ Карсонъ, сказала Нина:—я вѣдь теперь ни малѣйшаго расположенія говорить о чёмъ бы то ни было.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гм!—да! Вы такъ растроганы. Натурально—такое настроеніе души должно располагать къ молчанию. Понимаю. Весьма приятно видѣть столь глубокое сочувствіе къ горестямъ ближняго.

Нина готова была вытолкнуть его изъ коляски.

— Что касается до меня, продолжалъ Карсонъ: — то мнѣ кажется, мы недостаточно размыслимъ о предметахъ подобнаго рода. По крайней мѣрѣ я рѣшительно о нихъ не думалъ. А между тѣмъ иногда полезно бываетъ давать мысламъ подобное направлѣніе; оно возбуждаетъ въ насъ добрыя чувства.

Такой болтовней Карсонъ старался разсѣять впечатлѣніе, произведенное похоронами. Коляска еще далеко не дѣхала до дома, когда Нина, взволнованная досадой, забыла все свое грустное сочувствіе. Она видѣла, до какой степени трудно дать понять Карсону, однимъ холоднымъ обращеніемъ, что онъ вовсе не любезенъ, и что, напротивъ, его пустыни фразы только раздражаютъ ее и еще больше огорчаютъ ее. Его самодовольство, его видъ, съ которымъ онъ постоянно обращался къ ней, навязывая ей то, что по праву принадлежало ему, приводилъ ее въ легодованіе. А между тѣмъ совѣсть говорила ей, что во всемъ этомъ она виновата сама.

— Нѣтъ! У меня не достанетъ силъ вынести это! сказала она про себя, поднимаясь по ступенькамъ балкона. И все это дѣлается передъ глазами Клэйтона! Чѣмъ овь подумать о мнѣ?

Тетушка Несбитъ и чай давно ожидали ихъ.

— Какъ жаль, сударыня, что вы не были съ нами! Если бы вы знали, какъ интересенъ похоронный обрядъ! сказалъ мастеръ Карсонъ, вспоминая въ разговорѣ съ величайшей словоокотливостью.

— Подобнаго рода прогулка произвела-бы на меня вредное дѣйствіе, сказала миссисъ Несбитъ:—чтобы простудиться, мнѣ стоять только выйти на балконъ, когда начинаетъ подниматься роса. Я испытала это втеченіе послѣдникъ трехъ лѣтъ. Мнѣ необходимо быть очень осторожной! Къ тому же, я страшно боюсь, когда лошадьми править Джонъ.

Може чрезвычайно забавлять гибель старого Гондрево, при необходимости лягать на эти похороны, сказала Нина. Я не-
ти утвержда, что еслибы ему можно было опрокинуть чаю, безъ-
всякаго вреда своей особы, онъ бы сдѣлалъ это непремѣнно.

— Надѣюсь, сказала тетушка Несбитъ:—это семейство уда-
ляется отсюда въ непродолжительномъ времени. Имѣть подоб-
ныхъ людей въ близкомъ сосѣдствѣ, весьма непріятно.

— Но какія миланѣцкія дѣти! сказала Нина.

— Напрасно ты восхищаешься ими! Они выростутъ и будуть
пѣкожи на родителей во всѣхъ отношеніяхъ. Я ужъ насмотрѣ-
лась на этихъ людей. Не желаю имъ зла, но не хочу имѣть съ-
ими дѣла.

— Мнѣ ихъ очень жаль, сказала Нина. Удивляюсь, почему
не заведутъ для нихъ школъ, какъ это водится въ Нью-Йорк-
скомъ штатѣ? Тамъ всѣ учатся,—разумѣется, всѣ тѣ, которые
хотятъ учиться. У насъ вовсе не обращено на это вниманія.
Кромѣ того, тетушка, эти дѣти происходятъ отъ старинной
виргинской фамиліи. Старикъ негръ, преданный слуга этого
семейства, говорить, что ихъ мать принадлежитъ къ фамиліи
Пейтонъ.

— Все вздоръ! я не вѣрю этому! Они лгутъ... всѣ лгутъ;—
говорить ложь у нихъ вошло уже въ привычку.

— Пусть лгутъ, сказала Нина: — но я, во всякомъ случаѣ,
что набуду сдѣлать для этихъ дѣтей.

— Я совершенно согласенъ съ вами, Нина. Это доказывается,
что у васъ доброе сердце, сказаль мистеръ Карсонъ. Вы всегда
найдете во мнѣ человѣка, готоваго поощрять подобныя чув-
ства.

Нина хмурилась и показывала видъ крайняго негодованія;
но ничто не помогало. Мистеръ Карсонъ продолжалъ пустую-
болтовню, пока она не сдѣлалась рѣшительно невыносимо для
Нины.

— Какъ жарко въ этой комнатѣ, сказала она, быстро
вставъ съ мѣста. Пойдемте лучше въ залу.

Нина столько же досадовала на молчаніе Клэйтона, на его
спокойствіе, на его наблюдательность, сколько на любезность и
предупредительность Карсона. Оставивъ чайный столъ, она про-
ворхнула мимо гостей въ залу, которая была теперь врохладна,
зловѣтна, погружена въ сумерки и наполнена ароматомъ розъ,
вливавшимся въ окна. Блѣдная луна, всплывшая на вечернѣ-

небо и подернутая золотистым туманомъ, бросала длинную золоту свѣта чрезъ отворенную дверь. Нина готова была отдать извѣшій міръ, чтобы только наслаждаться тишиною, которой обѣята была вся природа; но, зная хорошо, что подобная тишина для нея невозможна, она рѣшилась лучше поднять свой собственный шумъ. Она сѣла за фортепиано, и начала играть весьма бѣгло, стараясь выразить въ звукахъ свое неудовольствіе, успоконить первое настроеніе духа. Клэйтонъ опустился на кушетку подъѣзъ отворенной двери, между тѣмъ какъ Карсонъ восхищался музыкой, раскрывалъ и закрывалъ потные книжки, и безпрестанно дѣлалъ бѣглые замѣткія, пересыпая ихъ знаками восхищенія. Наконецъ, Нина, совершенно выведенная изъ терпѣнія, встала и, бросивъ рѣшительный взглядъ на мистера Карсона, сказала.

— Какой прелестный вечеръ!... Не хотите прогуляться? При концѣ одной садовой дорожки, есть превосходный видъ, гдѣ луга смотрятся въ воду: мнѣ бы хотѣлось показать вамъ это мѣсто.

— Не памѣренна ли ты простудиться, Нина? сказала тетушка Несбитъ.

— Вовсе нѣть; я никогда не простужусь, сказала Нина, выбѣгая на балконъ и принимая руку восхищенаго Карсона. И она удалилась съ имъ, почти прыгая отъ радости, оставивъ Клэйтона бесѣдоватъ съ тетушкой Несбитъ. Нина шла такъ скоро, что ся кавалеръ едва успѣвалъ за ней слѣдовать. Наконецъ они подошли къ окраинѣ небольшаго оврага, и Нина вдругъ остановилась.

— Мистеръ Карсонъ, сказала она: — я памѣренна поговорить съ вами.

— Я въ восторгѣ отъ вашего памѣренія, моя милая Нина! Я заранѣе восхищаюсь вашими словами.

— Нѣть.... нѣть.... пожалуйста не восхищайтесь, сказала Нина, дѣлая знакъ, чтобы онъ укротилъ свою восторженность.— Выслушайте спачала, что я хочу вамъ сказать. Я полагаю, вы не получили письма, посланнаго вамъ нѣсколько дней тому вѣдь.

— Письма! Я не получалъ! Какое несчастье!

— Большое несчастье, дѣйствительно, и для васъ и для меня, сказала Нина: — еслибы вы получили его, это избавило бы васъ отъ сегодняшняго свиданія. Я искала, мистеръ Карсонъ, что

слово, которое дала вамъ, я не считаю обязательнымъ; что я поступила весьма неплохо и весьма неблагородно, и что исполнить мое обещаніе я не могу. Въ Нью-Йоркѣ, гдѣ все и все, повидимому, шутилъ, и гдѣ между молодыми, неопытными девочками принято за правило шутить подобными вещами, я дала вамъ слово — такъ, для шутки, не больше. Я не думала, въ какую сторону припята будетъ эта шутка; не думала о томъ, что говорила, не думала о томъ, что должна испытывать впослѣствіи. Теперь я очень сожалѣю о своемъ поступкѣ; и на этотъ разъ должна говорить истину. Мне непріятно, — я даже неумѣю выразить, до какой степени непріятно ваше обращеніе со мной въ моемъ домѣ.

— Миссъ Гордонъ! сказалъ мистеръ Карсонъ: — я рѣшительно изумленъ! Я.... я не знаю.... что мнѣ думать!

— Я хочу, чтобы вы думали, что я говорю серьезно, — что я могу любить васъ искренно, какъ доброго знакомаго и всегда желать вамъ счастія, но что всякое другое чувство должно быть, для насъ такъ же недоступно, какъ недоступна луна, которая свѣтить намъ. Не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ, до какой степени огорчаетъ меня шутка, надѣлавшая вамъ столько беспокойства — очень, очень огорчаетъ! повторила Нина съ непріятворнымъ чувствомъ: — но, прошу васъ, поймите наши настоящія отношенія.

Нина отвернулась и пошла обратно къ дому.

— Наконецъ, сказала она: — я отвязалась отъ него.

Мистеръ Карсонъ стоялъ неподвижно, постепенно выходя изъ опѣснѣнія, въ которое приведенъ былъ неожиданнымъ обѣщаніемъ. Онъ выпрямился, протеръ глаза, вынувъ изъ кармана часы, посмотрѣлъ на нихъ, и потомъ, весьма мѣрнымъ шагомъ, началъ удаляться отъ Нины, идя по дорожкѣ, направлявшейся въ противоположную сторону отъ дома. При такомъ счастливомъ характерѣ, какимъ одаренъ былъ Карсонъ, стояло употребить только четверть часа на размышленіе, чтобы пополнить недостатокъ, который по какому нибудь случаю оказывался въ его самодовольствѣ. Прогулка была очаровательна; садовая деревянная лавка, извиваясь между густыми купами деревъ, по берегу рѣки, на которой съ каждымъ шагомъ открывались живописные виды, направляясь къ дому совершило съ другой стороны. Во время этой прогулки, мистеръ Карсонъ рѣшилъ все дѣло. Во-первыхъ, онъ повторилъ утѣшительную старую пословицу, что въ морѣ

та рыба хороша, которая ловится. Во-вторыхъ, такъ какъ мастеръ Карсонъ былъ дальновидный, практическій человѣкъ, то ему сейчаш же пришло на мысль, что плантациі находилась въ довольно разстроенномъ состояніи, и потому не представляла тѣхъ выгодъ, за которыми бы стоило гнаться. Въ-третьихъ, смотря на Нину, какъ лисица въ баснѣ смотрѣть на виноградъ, Карсонъ началъ думать, что она любить пышно одѣваться, и вообще жить роскошно. Наконецъ, владѣя тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, которое принадлежитъ натурамъ съ весьма мелкими чувствами, онъ сказалъ про себя, что не имѣть ни малѣйшей склонности къ этой дѣвочкѣ. Словомъ, вспомнивъ о своемъ прекрасномъ состояніи, о своемъ домѣ въ Нью-Йоркѣ и о всей своей обстановкѣ, онъ видѣлъ въ Нинѣ существо, достойное сожалѣнія; и потому, при входѣ на балконъ, въ душѣ его было столько человѣкомюбія и состраданія къ ближнему, сколько могъ бы пожелать для себя всякий отверженный любовникъ. Онъ вошелъ въ гостиную. Тетушкѣ Несбитъ подали свѣчи, и она сидѣла одна, затянувъ руки въ перчатки. Карсонъ, не зналъ что происходило во время его прогулки; но мы выведемъ изъ этой неизвѣстности и его и нашихъ читателей.

Нина вернулась домой съ тѣмъ же рѣшительнымъ видомъ, съ какимъ вышла и, вѣромъ ударивъ Клэйтона по плечу, вывела его изъ задутиности.

— Пойдемте со мной, сказала она: — посмотримъ изъ окна библіотеки, и полюбуемся луной.

И Нина пошла по старой дубовой лѣстницѣ, останавливаясь почти на каждой ступени; дѣлала Клэйтону повелительные жесты слѣдоватъ за нею и наконецъ отворила дверь обширной комнаты, съ черными дубовыми стѣнами, придававшими ей мрачный видъ. Клэйтонъ вошелъ въ нее. Комната эта находилась прямо надъ залой, и подобно залѣ на балконъ выходила окнами, сквозь которыхъ вливался потокъ лунного свѣта. Большой, покрытый бумагами, письменный столъ краснаго дерева стоялъ посерединѣ комнаты. Луна свѣтила такъ ярко, что на столѣ можно было видѣть бронзовую чернильницу и различить цвѣтъ облатокъ и сургуча. Изъ окна, за отдаленными вершинами деревьевъ, представлялся великолѣпный видъ рѣки, поверхность которой какъ будто усыпана была серебристыми блестками.

— Неправда ли, что видъ отсюда прекрасный? сказала Нина взволнованнымъ голосомъ.

— Превосходный! отвѣчалъ Клэйтонъ, садясь въ большое кресло подъ окно и глядя изъ него съ обычного задумчиво-стю.

Послѣ минутнаго молчанія и нѣкотораго ужаса подарило волненіе, Нина продолжала:

— Но не обѣ этомъ я хотѣла говорить съ вами. Я искала случая, и считала обязанностю сказать вамъ нѣсколько словъ: Я получила ваше письмо и премного обязана вашей сестрѣ за ея вниманіе. Мнѣ кажется, что въ теченіе всего времени, которое вы провели здѣсь, васъ чрезвычайно удивляло то, что мы видѣли.

— Чѣмъ же могло удивлять меня? спокойно спросилъ Клэйтонъ.

— Обращеніе со мною мистера Карсона,

— Нѣсколько, отвѣчалъ Клэйтонъ, съ обычнымъ спокойствіемъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказала Нина:—благородство, требуетъ отъ меня, чтобы я объяснила вамъ причину такого поведенія. Мистеръ Карсонъ вообразилъ, что имѣть полное право на мою руку и на мое состояніе. Я была такъ безразсудна, что сама искала ему поводъ думать такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что я играла жизнью, говорила и дѣлала все, чтѣ приходило въ голову, такъ, для шутки. До недавняго времени, мнѣ все казалось что въ моихъ словахъ и поступкахъ ничего неѣть серьезнаго или дѣйствительнаго. Знакомство съ вами показало мнѣ многія вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Теперь я убѣдилась, какъ безразсудно обыкновеніе, существующее между дѣвицами, играть и шутить всѣмъ па свѣтѣ. Ради шутки, я дала слово мистеру Карсону выйтти за него за мужъ, ради шутки я дала слово и другому.

— Ради шутки, вы дали точно такое же слово и мнѣ, сказала Клэйтонъ, нарушая молчаніе.

— Нѣть, сказала Нина, послѣ минутнаго раздумья: — не ради шутки, но и не серьезнѣ. Мнѣ кажется, я нахожусь въ состояніи человѣка, который начинаетъ пробуждаться. Я не узнаю себя, не узнаю, гдѣ я и что такое, мнѣ не хочется отрываться отъ безотчетно-иритной дремоты. Я нахожу слишкомъ труднымъ принять на себя ответственность серьезнѣй жизни. Мнѣ кажется, я не могу быть привязанною къ кому нибудь. Я хочу быть свободною. Я рѣшительно прервала всякую связь съ Карсономъ, прервала ее съ другимъ, и хочу....

— Прервать ее со мною? сказалъ Клейтонъ.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, чего я хочу. Это желаніе отличается отъ всѣхъ другихъ желаній, но въ тоже время къ нему привыкается чувство боязни, ответственности и стыдливости. Я знаю, что безъ васъ я буду чувствовать себя совершенно одинокою, мнѣ пріятно получать отъ васъ письма, а между тѣмъ, кажется, невозможнымъ быть связанной словомъ выйти за васъ за мужъ; мысль объ этомъ ужасаетъ меня.

— Милый другъ мой, сказала Клейтонъ: — успокойтесь, если васъ страшитъ подобная мысль.. Я отдаю назадъ ваше слово. Если вамъ пріятно быть со мною писать ко мнѣ, то, прошу васъ, не стыдитесь себя, — время сдѣлаетъ свое дѣло. Говорите и дѣлайте, чтò вамъ угодно, пишите комъ или не пишите, когда вамъ угодно; если вамъ нравятся мои письма, то читайте ихъ, если не нравятся, то не читайте. Безъ свободы не можетъ быть истинной любви.

— Благодарю васъ, очень благодарю! сказала Нина, и вздохъ облегчила грудь свою: — теперь я вѣдь что скажу: мнѣ понравилась приписка вашей сестры; но, не смотря на милые выраженія, въ этой припискѣ есть что-то особенное, дающее идею, что ваша сестра одна изъ тѣхъ серьёзныхъ, степенныхъ женщинъ, которая ужаснулась бы, узнавъ о моихъ шагахъ въ Нью-Йоркѣ.

Клейтонъ едва удержался отъ смѣха при этомъ замѣчаніи Нины, въ которомъ проглядывала инстинктивная прозорливость.

— Не знаю, сказалъ онъ: — почему вы замѣтили это? и еще въ такой коротенькой припискѣ.

— Знаете ли, — когда я гляжу на чей-нибудь почеркъ, у меня сейчасъ же составляется идея о характерѣ того, кто писалъ; какъ будто глядя на почеркъ, вы смотрите на человѣка, писавшаго имъ; точно такую же идею сообщила мнѣ и почеркъ вашей сестры, когда я читала ея приписку.

— Миссъ Нина, говоря по правдѣ, сестра Анна немногого серьёзна, строга и осмотрительна въ поступкахъ; не смотря на то, у нея доброе, любящее сердце. Вы полюбите другъ друга, я это знаю.

— А я такъ этого не знаю, сказала Нина. Я знаю только, что у меня есть способность ужасать степенныхъ людей своимъ

воступками, какъ и у нихъ есть способность дѣлать изъ водички дереворы.

— Прекрасно; только мою сестру вы не считайте за жемчуну серъёзную, въ буквальномъ значеніи этого слова; у нея, подъ серъёзной наружностью, какъ подъ самою тонкою оболочкою, бѣется искреннее и горячее сердце.

— Можетъ быть и такъ, сказала Нина: — а по моему мнѣнію, такие люди похожи на мелкій ручей, промерзшій до дна. Впрочемъ, оставимъ это. Мы были бы очень пріятно, еслибы ваша сестра навѣстила насъ, разумѣется, какъ навѣщаю хорошіе друзья; а то весьма непріятно, если кто нибудь пріѣдетъ только для того, чтобы высмотрѣть слабыя стороны и потомъ напоминать.

Клэйтонъ засмѣялся отъ наивнаго, незамаскированаго чистосердечія этихъ словъ.

— Надо вамъ сказать, продолжала Нина: — что хотя я ни болѣе, ни менѣе, какъ неопытная, ничего не знающая пансіонерка, но я горда, какъ будто во мнѣ есть все, чѣмъ должно гордиться. Откровенно признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось вести переписку съ вашей сестрой, потому что я не умѣю писать хорошихъ писемъ; я не могу просидѣть довольно долго и спокойно, чтобы подумать и написать что нибудь дѣльное.

— Пишите совершенно такъ, какъ вы говорите, сказъ Клэйтонъ: — пишите все, что придетъ вамъ въ голову. Я полагаю, что подобный способъ писать письма понравится и вамъ; писать патину было бы весьма скучно и для васъ и для тѣхъ, кому вы пишите.

— Прекрасно, мистеръ Эдвардъ Клэйтонъ, съ одушевленіемъ сказала Нина вставая. — Теперь если вы кончили восхищаться эффектами луннаго свѣта, можно спуститься въ гостиную, гдѣ тетушка Несбитъ и мистеръ Карсонъ давно, я думаю, сидятъ *tête-a-tête*.

— Бѣдный Карсонъ! сказалъ Клэйтонъ.

— Пожалуйста, не жалѣйте его! Это такой человѣкъ, которому стонть только проспать спокойно ночь, и онъ примирится со всѣмъ человѣчествомъ. Онъ такъ простосердеченъ! И за это я буду любить его. Не понимаю, что съ нимъ сдѣлалось: онъ никогда не былъ такимъ навязчивымъ и непріятнымъ. Въ Нью-Йоркѣ мы всѣ любили его: онъ былъ любезнымъ, услужливымъ, говорчивымъ, созданіемъ, всегда довольнымъ собою и

жесомъ, знающий все новости. Теперь же я вижу, что онъ принадлежит къ числу людей, которые становятся несчастными, когда дѣло коснется чего нибудь серьезного. Вы сами слышали какъ болтать онъ вздоръ, возвращаясь съ похоронъ. Повѣрьте, онъ болталъ бы точно такъ же, еслибы возвращался съ моихъ похоронъ.

— О, нѣтъ! вы уже слишкомъ дурно о немъ думаете, сказалъ Клайтонъ.

— Это вѣрно, возразила Нина:—онъ напоминаетъ мнѣ одну изъ тѣхъ бѣкихъ синихъ мухъ, который жужжать и летаютъ около васъ, спокойно гуляютъ по книгѣ, которую вы читаете, и садятся, гдѣ имъ вздумается. Когда онъ принимается за себя серьезный видъ и начинаетъ говорить о серьезныхъ предметахъ, онъ, въ моихъ глазахъ, становится этой мухой, опускающейся на Библію, которую вы читаете, и расправляемой своими крыльями. Но пора! пойдемте въ гостинную и будемъ утѣшать это доброе созданіе.

Они спустились съ лѣстницы, и Нина казалась совершенно другимъ существомъ. Никогда еще она не была до такой степени любезна: Она безъ умолку говорила, безпрестанно обращалась къ Карсону и пѣла для него любимиа его оперныхъ арии, пѣла тѣмъ охотнѣе, что Клайтонъ слушалъ ихъ внимательно. Во время этой дружеской бесѣды, въ дубовой аллѣ послышался звукъ лошадиныхъ подковъ.

— Кто это ёдетъ въ такую позднюю пору? сказала Нина, и подбѣжалъ къ двери, посмотрѣла изъ нея. Она увидѣла озабоченнаго Гарри, и поспѣшила спуститься съ балкона.

— Кто это ёдетъ, Гарри? спросила она.

— Мистеръ Томъ, миссъ Нина, въ полголоса отвѣчалъ Гарри.

— Томъ! О, Боже! воскликнула Нина, встревоженнымъ голосомъ: — зачѣмъ онъ ёдетъ сюда?

— За тѣмъ же, зачѣмъ онъ ёздить въ всякое другое мѣсто, сказала Гарри.

Нина поднялась па балконъ, и съ боязнью смотрѣла въ даль дубовой аллѣ, на которой звукъ лошадиныхъ копытъ съ каждой минутой становился все ближе и ближе. Гарри также поднялся па балконъ и стоялъ на нѣсколько шаговъ воодаль отъ Нины. Черезъ нѣсколько минутъ, ведущий подъѣхалъ къ крыльцу.

— Эй! кто тамъ есть? вскричалъ пріѣзжій: — поди, возьми мою лошадь! Слышаши ли ты, бездѣльникъ?

Гарри оставался неподвижнымъ; опустивъ руки, онъ стоялъ съ угрюмымъ выраженіемъ.

— Что же! развѣты не слышишь? закричалъ пріѣзжій громче прежняго, и съ крупной брапью: — поди сюда! возьми мою лошадь!

— Ради Бога! сказала Нина, обращаясь къ Гарри: — не заводи здѣсь сцены. Возьми сейчасъ же его лошадь! Дѣлай все, только бы онъ не шумѣлъ.

Гарри быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, и молча взялъ поводъ изъ руки новоприбывшаго.

— Ахъ, Нина, это ты? сказалъ Томъ Гордонъ. И Нина очутилась въ грубыхъ объятіяхъ Тома, — и вслѣдъ за тѣмъ почувствовала поцауди, отъ котораго пахло ромомъ и табакомъ.

— Томъ! ты ли это? сказала она дрожащимъ голосомъ, стараясь освободиться изъ его объятій.

— Конечно я! а ты думала кто? Чертовски радъ тебя видѣть, — а ты? — Пожалуй, ты и не надѣялась, что я пріѣду!

— Тише, Томъ! пожалуйста! Я рада тебя видѣть. У насъ въ гостяхъ джентльмены: — не кричи такъ громко.

— Вѣро, кто нибудь изъ твоихъ поклонниковъ? Ну что жъ! вѣдь и я не хуже ихъ! Надѣюсь, мы живемъ въ свободномъ государствѣ! Я не намѣренъ говорить для нихъ шепотомъ. Вотъ что, Нина... Это кажется старая Несбитъ! сказаль онъ, увидѣвъ подошедшую къ дверямъ тетушку Несбитъ: — Ало! старая дѣва, какъ поживаете?

— Томасъ, сказала мистриссъ Несбитъ, мягкимъ голосомъ: — Томасъ!

— Пожалуйста, не величать меня Томасомъ, старая кошка! Не смѣйте говорить мнѣ: тише! Я не хочу молчать. Я знаю, что дѣлаю! Этотъ домъ точно такъ же принадлежитъ мнѣ, какъ и Нинѣ, и потому я могу распоряжаться здѣсь по своему; я не намѣренъ зажимать себѣ ротъ для всякой дряни. Прочь съ дороги, говорю я! впустите меня.

Тетушка Несбитъ отступила въ сторону.

Томъ вошелъ въ комнату. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, и, какъ по всему было видно, обладалъ цѣлкомъ прасотою и лица и всей фигуры; но постоянная невоздержность исказила всѣ черты его лица и лишила ихъ всякой граціи.

Его чорные глаза имѣли тотъ мутный цвѣтъ и то озабоченное выраженіе, которые обнаруживаются въ молодомъ человѣкѣ сознаніе своей порочности. Его широкій и высокій лобъ, красный и покрытый угрями, его губы, толстые и отвислые, всѣ его движенія и манеры служили печальнымъ доказательствомъ, что въ настоящее время онъ находился подъ вліяніемъ охмѣляющихъ напитковъ, и при томъ до такой степени, что потерялъ уже сознаніе своихъ поступковъ. Нина слѣдовала за нимъ, и Клэйтонъ не на шутку испугался при видѣ страшной блѣдности ея лица. Она сдѣлала безотчетное движеніе къ нему, какъ бы прося его защиты. Клэйтонъ всталъ, Карсонъ тоже и, втѣченіе минуты, всѣ стояли въ безмолвномъ замѣшательствѣ.

— Вотъ это миѣ нравится, Нина! сказалъ онъ, крайне грубымъ тономъ:—что же ты не рекомендуешь меня? Прекрасно ты встрѣчаешь брата, послѣ четырехлѣтней разлуки. Чортъ возьми! Рекомендуй же меня!

— Томъ! не говори такъ грубо, ласковымъ голосомъ сказала Нина, взявъ его за руки:—вотъ этотъ джентльменъ, мистеръ Клэйтонъ; а это, продолжала она, глядя на мистера Клэйтона и говоря взволнованнымъ голосомъ: — мой братъ.

Въ знакъ выраженія обыкновенной учтивости, мистеръ Клэйтонъ протянулъ ему руку.

— Мистеръ Карсонъ, сказала Нина: — рекомендую вамъ брата.

Въ голосѣ и манерѣ, съ которыми она произнесла эти слова, было что-то невыразимо трогательное. Это замѣтилъ еще одинъ мужчина, который не былъ въ залѣ. Гарри, передавъ слугѣ лошадь, стоялъ, прислонясь къ дверному косяку и смотрѣлъ на сцену. Яркія искры, какъ отъ стального лезвія, вылетали изъ голубыхъ его глазъ; каждый разъ, когда Нина произносилѣ «мой братъ», Гарри удерживалъ дыханіе, какъ бы стараясь подавить порывы сильнаго душевнаго волненія.

— Полагаю, вамъ очень не нравится такой собесѣдникъ, какъ я, сказалъ Томъ, взявъ стулъ и съ шляпою на головѣ сядясь въ серединѣ группы. Но, вѣдь и я имѣю такое же право сидѣть здѣсь, какъ и всякий другой, продолжалъ онъ, выплевывая табачную жвачку къ ногамъ тетушки Несбитъ. По моему, родственники должны имѣть родственные чувства и радоваться при встрѣчѣ другъ съ другомъ. А вы видите сами, джентльмены, есть ли тутъ родственные чувства? Вотъ это моя сестра.

Вы поверьте мнѣ, если я скажу, что она не видѣлась со мной втечение четырехъ лѣтъ! Вместо того, чтобы радоваться, она заѣла въ уголъ, не хочетъ подойти ко мнѣ, боится меня, какъ чумы. Поди же сюда, моя кошечка, и сядь ко мнѣ на колѣни.

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы привлечь Нину къ себѣ. Съ выражениемъ ужаса, Нина сопротивлялась, глядя на тетушку Несбитъ, которая, будучи еще болѣе испугана, сидѣла на диванѣ поджавъ ноги. Томъ въ ея глазахъ былъ хуже бѣшеной собаки. Обѣ онѣ имѣли основательную причину ужасаться. Въ нихъ еще живо сохранились воспоминанія о жестокихъ домашнихъ ураганахъ, разражавшихся надъ всѣмъ семействомъ, когда Томъ Гордонъ возвращался домой. Нина помнила градъ проклятій и браны, ужасавшій ее, когда она была еще ребенкомъ; помнила время, когда отецъ ея, блѣдный какъ смерть, склонивъ голову на руку, вздыхалъ тяжелѣе, чѣмъ вздыхасть отецъ, потерявшій своего единственнаго сына. По этому нисколько не удивительно, что Нина, всегда неустрашимая и находчивая, сдѣлалась вдругъ боязливою и растерянною при возвращеніи Тома.

— Томъ! ласково сказала она, подходя къ нему: — ты еще не ужиналъ: не лучше ли тебѣ отправиться въ столовую?

— Нѣтъ, сказаль онъ, обхвативъ ея станъ, и сажая ее къ себѣ на колѣни: — напрасно ты хочешь выгнать меня изъ этой комнаты. Я знаю, что дѣлаю! Скажи мнѣ, продолжаль онъ, удерживая ея на колѣняхъ: — который же изъ нихъ лучше тебѣ нравится! къ которому изъ нихъ ты болѣе благоволишь?

Клэйтонъ всталъ и вышелъ на балконъ; мистеръ Карсонъ попросилъ Гарри проводить его въ отведенную спальню.

— А-га! разогналъ ихъ какъ бомбой! И въ самомъ дѣлѣ, Нина, сказать по правдѣ, я чертовски голоденъ. Не могу понять, что могло задержать моего Джима такъ долго. Я послалъ его полями, па почту. Ему бы слѣдовало воротиться въ одно время со мною. А! вотъ онъ ѳдетъ. Эй, ты, собака! вскричаль онъ, подходя къ дверямъ, противъ которыхъ спускался съ коня весьма чорный негръ. Есть ли письма?

— Нѣтъ, мистеръ Томъ! я дождался почты. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ почта приходитъ безъ писемъ. Я думаю, тутъ есть какая нибудь путаница, по которой мѣшки съ письмами попадаютъ не туда, куда слѣдуетъ.

— Чортъ возьми! Что же это значитъ? Послушай, Нина,

сказалъ онъ, возвращаясь въ залу: — почему ты не предложишь
мнѣ ужина? Пріѣзжаю домой, сюда, въ отеческій домъ, и что-
же? вижу людей, какъ будто приговоренныхъ къ смерти.
Даже и ужина нѣтъ!

— Помилуй, Томъ! я иѣсколько разъ предлагала тебѣ и про-
сила ужинать.

— Э — эхъ! шопотомъ сказалъ Джимъ, обращаясь къ Гар-
ри: — вся бѣда въ томъ, что онъ еще только въ полпьяна. Ска-
жите, чтобы дали ему немножко рому, да еще немножко, и тогда,
какъ нельзя легче, можно стащить его въ спальню.

Слова Джима оправдались. Тамъ Гордонъ сѣлъ ужинать и
въ иѣсколько минутъ прошелъ всѣ степени опьяненія. Суровость
уступила въ немъ мѣсто безпредѣльной иѣжности; онъ цаловалъ
Нину и тетушку Несбитъ; оплакивалъ свои пороки и сознавалъ
въ дурныхъ своихъ поступкахъ; смѣялся и плакалъ все слабѣе
и слабѣе и наконецъ заснуль на стулѣ, на которомъ сидѣлъ.

— Ну, видите: онъ готовъ теперь, замѣтилъ Джимъ, на-
блюдавшій процессъ опьяненія. Возьмемъ, вынесемъ его, ска-
заль онъ, обращаясь къ Гарри.

Нина, въ свою очередь, удалилась въ спальню. Она видѣла,
что ее ожидали впереди огорченія и тревожныя думы. Живѣе,
чѣмъ когда либо, она представляла себѣ исключительное одино-
чество своего положенія. Тетушка Несбитъ не располагала къ
себѣ; Нина не любила обращаться къ ней ни за помощью, ни
за совѣтомъ; при каждой новой попыткѣ пробудить въ ней со-
чувствіе къ себѣ, она испытывала только одно огорченіе и до-
саду.

— Что-то будетъ завтра, сказала она про себя, ложась въ
постель. Томъ, по обыкновенію, начнетъ во все вмѣшиваться,
будетъ терзать моихъ слугъ, придираться къ Гарри. О, Боже
мой! — я только начинаю жить, и уже жизнь становится для ме-
ня слишкомъ тяжелою.

Говоря эти слова, Нина увидѣла, что кто-то стоялъ подъ
ея кровати. Это была Милли, съ материнскою иѣжностью по-
правлявшая подушки и постель.

— Это ты, Милли! Присядь, пожалуйста, на минутку. Я такъ
устала сегодня! Какъ будто я провела цѣлый день въ хло-
потахъ! Ты знаешь, что Томъ вернулся домой и такой пьяный!
Ахъ, Милли, это ужасно! Знаешь ли, что онъ обнималъ меня и ца-

ловаль; — нравда, онъ мнѣ братъ, но все же это ужасно! И теперь я такъ утомлена, такъ озабочена!

— Знаю, милочка моя, все знаю, сказала Милли: — много и много разъ я видѣла его въ такомъ положеніи.

— А что всего хуже, продолжала Нина: — это неизвѣстность, какъ онъ будетъ вести себя завтра, и еще въ присутствіи мистера Клэйтона! Одна мысль объ этомъ огорчаетъ, стыдитъ, убиваетъ меня.

— Ничего, дитя мое, сказала Милли, пѣжпо приглаживая волосы Нины.

— Я такъ одинока, Милли, что даже не къ кому обратиться за совѣтомъ. У другихъ дѣвицъ есть по крайней мѣрѣ друзья или родственники, которые служить имъ опорой; но у меня нѣтъ никого.

— Почему же вы не просите вашего Отца помочь вамъ? съ кротостію и смиреніемъ сказала Милли.

— Кого? строила Нина, поднимая голову съ подушки.

— Вашего Отца! сказала Милли торжественнымъ голосомъ. Развѣ вы не знаете «Отца, который на небесѣхъ». Надѣюсь, кошечка моя, вы не забыли этой молитвы?

Нина смотрѣла на старуху съ изумленіемъ. — Милли продолжала:

— Еслибы я была на вашемъ мѣстѣ, овечка моя, я бы все рассказало моему Отцу: вѣдь Онъ, дитя мое, любить васъ! Ему было бы пріятно, еслибы вы обратились къ нему, высказали бы ему свое горе и, повѣрьте, Онъ успокоилъ бы васъ. Такъ по крайней мѣрѣ я дѣлала всегда, и всегда находила, что дѣлала не напрасно.

— Ахъ, Милли! неужели ты хочешь, чтобы я обратилась къ Богу и просила его помочь мнѣ въ моихъ безразсудныхъ поступкахъ?

— Почему же и нѣтъ? Вѣдь это ваши же поступки.

— Прекрасно; но, Милли, сказала Нина боязливо: — ты знаешь, что относительно религіи я была весьма дурная дѣвочка. Вотъ уже годы и годы, какъ я не читала молитвъ. Въ пансионѣ обыкновенно смыслись надѣтьми, кто читалъ ихъ, и потому я мало молилась.

— Чѣмъ съ вами, моя милочка? Вы ли это говорите? — Неужели вы думаете, что Отецъ Небесный не знаетъ всѣхъ нашихъ дѣлъ и помышленій, что Онъ не любить и не хранить васъ

во всякое время! Нѣтъ, дитя мое, Онъ знаетъ, какія мы бѣдныя и слабыя созданія.

— Милли, Милли! я такъ давпо не читала молитвъ, что даже и не знаю теперь, какъ онѣ читаются.

— Господь съ вами, дитя мое! Я обыкновенно обращаюсь къ Отцу Небесному и выскаживаю Ему все, что на душѣ, и когда я выскажу Ему все свое горе, камень этотъ становится легче всякаго перышка.

— Но все же, я такъ давно не молиласъ Ему!

— Вотъ что я скажу вамъ, моя милочка! Я помню васъ, когда вы еще были маленькимъ, умненькимъ ребенкомъ, прыгали по балкону, бѣгали отъ тѣхъ, кто смотрѣлъ за вами, убѣгали въ рощу, рвали цветы, рѣзвились и шалили. Разъ вы веселились тамъ, какъ вдругъ папа выходитъ на балконъ и не находитъ васъ. Онъ кличетъ васъ, вы его не слышите; онъ бросается въ одну сторону, заглядывать въ другую; бѣжитъ въ лѣсъ и наконецъ находитъ васъ: вы стоите въ болотѣ, башмачки ваши увязли въ грязи; ваши ручки и лицо перецарапаны, вы плачете и зовете папа. Онъ говорилъ, что этотъ призывъ былъ для него лучше всякой музыки, какую онъ слыхалъ въ своей жизни. Я помню, онъ взялъ васъ на руки и унесъ домой, безпрестанно цаля васъ. Вотъ какъ это было моя милочка! Вы только тогда призывали своего папа, когда нужна была его помощь! Такъ точно поступаемъ мы всѣ и во всякое время. Мы только тогда прибѣгаляемъ къ Отцу Небесному, когда намъ нужна Его помощь, когда сцепленіе трудностей и горестей заставляетъ насъ обратиться къ Нему. Когда пнбудь, я поговорю съ вами побольше объ этомъ. Но теперь, моя милочка, не горюйте: просите Его помощи и засните спокойно. Онъ услышитъ васъ. Господь съ вами!

Сказавъ это, Милли, съ заботливостью доброй няни, пригласила подушку, и, поцадовавъ Нину въ голову, удалилась.

ГЛАВА XIII.

томъ Гордонъ.

— Послушай, Нина, сказалъ ея братъ, вошедъ на другой день въ гостиную, послѣ осмотра плантаций: — ты непремѣнно должна оставить меня здѣсь, чтобы управлять плантацией. Здѣсь

все ужасно запущено! Этот Гарри только разъезжает въ своихъ блестящихъ сапогахъ и ничего не дѣлаетъ; обманываетъ тебя и заботится о своемъ гнѣздѣ. О, я знаю: всѣ эти полуѣздики ужасные бездѣльники!

— И ты знаешь, Томъ, что въ управлениіи плантаціею соблюдается тотъ порядокъ, который назначенъ покойникомъ отцомъ нашимъ въ духовномъ завѣщаніи. Дядюшка Джонъ говоритъ, что Гарри превосходный управляющій. Я съ своей стороны увѣрена, что преданіе его никто и быть не можетъ; и я очень имъ довольна.

— Я думаю! Правда, по духовному завѣщанію все оставлено тебѣ и душеприкащикамъ, какъ ты называешь ихъ; но ужь будто и я ничего не значу? Ты очень ошибаешься, если не считаешь меня своимъ прямымъ опекуномъ! Зачѣмъ-то я и прѣѣхала сюда, чтобы разъ навсегда покончить съ наглостью этого негодяя!

— Съ наглостію Гарри? Въ немъ ничего нѣтъ наглаго. Напротивъ, онъ поступаетъ благородно, какъ джентльменъ: всѣ замѣчаютъ это.

— Благодарю! Вотъ это мнѣ нравится, Нина! Какъ глупо съ твоей стороны употреблять это слово въ отношеніи къ негру. Хорошъ джентльменъ! Конечно, разыгрывая джентльмена, станетъ ли онъ заботиться о твоихъ выгодахъ? Подожди немнogo, и ты сама увидишь, въ какомъ положеніи находятся твои дѣла. Отчего всѣ эти беспорядки? Оттого, что ты никогда не слушаешь меня, не обращаешь ни малѣйшаго вниманія на мои соѣзы.

— Прошу тебя, Томъ, не говори мнѣ объ этомъ! Я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла. Пожалуйста, предоставь мнѣ право управлять и моими по моему усмотрѣнію.

— А кто этотъ Клэйтонъ, который шатается здѣсь? Ужь не думаешь ли ты выдти за мужъ за него?

— Не знаю, сказала Нина,

— Ну такъ я знаю: онъ мнѣ не нравится, и я ни за что не дамъ тебѣ согласія на этотъ бракъ. Вотъ другой, совсѣмъ иное дѣло, — тотъ вдвое достойнѣе. Это богатѣйшій человѣкъ въ Нью-Йоркѣ. Мнѣ говорилъ объ немъ Джо-Снайдеръ. За него ты можешь выдти.

— Еслибъ онъ былъ богаче Креза, я и тогда не пойду за него. У меня еще покуда нѣтъ желанія идти замужъ; но если захочу,

то мнѣ никто не можетъ запретить выдти за мистера Клэйтона, сказала Нина, и по лицу ея разлился яркій румянецъ. — Ты не имѣешь права распоряжаться моими дѣлами; — скажу тебѣ откровенно, Томъ, что я не хочу и не буду слушать твоихъ приказаний.

— Въ самомъ дѣлѣ! — посмотримъ! сказалъ Томъ.

— Кромѣ того, протяжала Нина: — я жѣлою, чтобы ты оставилъ здѣсь все въ покоѣ и помнилъ, что мои слуги — во твои, и что ты не имѣешь права повѣрять ихъ дѣйствіямъ.

— Увидимъ, будуть ли твои слова согласны съ моими дѣйствіями! Ты не забудь, что я смотрю на положеніе плантаціи моего отца не изподтишка, не какъ чужой человѣкъ. Если твои негры не хотятъ смотрѣть въ оба, то и они узнаютъ, и притомъ очень скоро, господинъ ли я здѣсь или нѣть, — особенно этотъ Гарри. Если эта собака осмѣлится не слушать моихъ приказаний, я вѣщлю ей пулю въ голову такъ же легко, какъ въ голову дикой козы. Пусть эти слова послужатъ тебѣ предостереженіемъ.

— О, Томъ! зачѣмъ говорить такія вещи! — сказала Нина, начиная не на шутку тревожиться. — Неужели тебѣ нравится огорчать меня?

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Миали.

— Миссъ Нина, я стапу крахмалить сегодня платье миссъ Лу, не угодно ли отдать мнѣ и ваши вещи.

Радуясь случаю прервать разговоръ, Нина уѣжала въ свою комнату; за нею послѣдовала и Миали и, затворивъ дверь, заговорила съ Ниной таинственнымъ тономъ.

— Миссъ Нина! нельзя ли вамъ отиривать Гарри куда нибудь съ порученіемъ, днія на три, пока не уѣдетъ мистеръ Томъ.

— Но какое право, сказала Нина, съ яркимъ румянцемъ: — какое право онъ предписывать законы моимъ слугамъ или мнѣ, и вмѣшиваться въ злѣшнія распоряженія?

— Теперь, миссъ Нина, безполезно разсуждать о правахъ. Мы должны дѣлать, что можемъ. — Такъ ли мы дѣлаемъ или нѣть, это опять другая статья. Дѣло въ томъ, дитя мое: Гарри у васъ правая рука, и не то что мы; онъ не гнется передъ вѣтромъ. Онъ вспыльчивъ; теперь онъ точь въ точь, какъ боченокъ, наполненный порохомъ; а масса Томъ, то и дѣло, что поджигаетъ его. Какъ вы хотите, моя милочка, а мнѣ кажется, что это не обойдется безъ чего нибудь ужаснаго.

— Неужели ты думаешьъ, что онъ осмѣлитъся...

— Ахъ, дитя мое, не говорите ишь! — Осмѣлится! Конечно, осмѣлится! къ тому же молодые люди имѣютъ множество случаевъ оскорбить беззащитнаго и вывести изъ себя. А если имъ тѣло ни душа не въ состояніи будуть вынести оскорблений, если Гарри подниметъ свою руку, тогда масса Томъ застрѣлить его! Пока еще ничего не сказано, ничего и не сдѣлано. А послѣ ужъ будетъ поздно: тогда ужъ ничѣмъ не поможешь. Вы не захотите заводить судебнаго процесса съ роднымъ братомъ, а если и заведете, то все же не возвратите жизни Гарри. Ахъ, дитя мое, еслиъ можно было разсказать вамъ, что я видѣла!... ишь! вы ничего не знаете объ этомъ. Я только одно вамъ скажу: пошлите за чѣмънибудь на плантaciю вашего дяди; пошлите туда Гарри съ чѣмънибудь, или просто ни съ чѣмъ; дайте только ему возможность уѣхать отсюда, а потомъ уже поговорите съ вашимъ братомъ откровенно и заставьте его удалиться отсюда. Но, ради Бога, не ссорьтесь съ нимъ, не сердните его, чтобъ ни случилось. Здѣсь вѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы равнодушно смотрѣть на него: его всѣ ненавидятъ. Пожалуйста, дитя мое, поторопитесь этимъ. Позвольте, я сбываю и отыщу Гарри; а вы между тѣмъ идите въ заднюю комнату; я приведу его туда.

Блѣдная и трепещущая, Нина спустилась въ маленькую комнату, куда черезъ нѣсколько минутъ вошла Милли вмѣстѣ съ Гарри.

— Гарри! сказала Нина, взволнованнымъ голосомъ: — возьми лошадь и свези письмо на плантaciю дядюшки Джона.

Гарри стоялъ, сложивъ руки на груди и потупивъ взоры. Нина продолжала:

— Я нахожу необходимымъ, Гарри, удалить тебѣ отсюда для на три, или даже на недѣлю.

— Миссъ Нина, сказала Гарри: — теперь наступили на плантaciю безотлагательныя работы, требующія строгаго надзора. Нѣсколько дней небрежнаго присмотра могутъ произвести большиe убытки, и потомъ будуть говорить, что я пренебрегалъ своимъ дѣломъ, лѣнился и разѣзжалъ безъ всякой цѣли по окружности.

— Если я посыпаю тебя, то принимаю на себя всю ответственность и всякие убытки. Дѣло въ томъ, Гарри, я боюсь что у тебя не достанетъ терпѣнія оставаться здѣсь, пока Томъ госпиталь у меня. Откровенно скажу тебѣ, что я боюсь за твою жизнь! Если ты уважаешь меня, то, пожалуйста, распорядись;

какъ можно лучше, работами, и сейчас же удалисъ отсюда. Я скажу Тому, что послала тебя по дѣлу, и между тѣмъ напишу письмо, которое ты долженъ свести. Это единственное средство спасти тебя. Томъ имѣть столько случаевъ оскорбить или обидѣть тебя, что наконецъ выведетъ тебя изъ терпѣнія; а мнѣ кажется, онъ рѣшился довести тебя до этого.

— Ужъ одно это обидно и оскорбительно, сказаль Гарри, стиснувъ зубы и продолжая смотрѣть въ землю:—что я долженъ бросить все, и бросить только потому, что не имѣю права защищать васъ и ваши интересы.

— Жаль! очень жаль! сказала Нина. Но, Гарри, не терай времени на подобныя размышленія, уѣзжай отсюда, какъ можно скорѣе. И Нина ласково взяла его за руку. Ради меня, Гарри, будь добрь, будь благоразуменъ.

Комната, гдѣ они стояли, имѣла придолговатыя окна, которые, подобно окнамъ залы, выходили на балконъ и на песчаную дорожку, окаймленную кустарникомъ. Въ то время, когда Гарри стоялъ въ раздумыи, онъ вдругъ вздрогнулъ, увидѣвъ на дорожкѣ Лизетту, съ небольшой корзинкой, въ которой лежали только что выглаженные дамскіе уборы. Ея статную, маленькую фигуру обхватывало легкое голубое платье; сѣжной бѣлизны платокъ наброшенъ былъ на ея граціозный, бюстъ, другой такой же платокъ накинутъ былъ на руку, которую Лизетта поддерживала на головѣ корзинку. Она весело шла по дорожкѣ, напѣвая какую-то пѣсенку, и въ одно и то же время обратила на себя вниманіе Тома Гордона и своего мужа.

— Клянусь честью, я въ первый разъ вижу такую милашку, сказаль Томъ, сбѣгая съ балкона на встрѣчу Лизеттѣ. Здравствуй, моя милая.

— Здравствуйте, сэръ, отвѣчала Лизетта своимъ обычнымъ веселымъ тономъ..

— Скажи пожалуйста, моя милая, чья ты такая? Мнѣ кажется, я никогда не видалъ тебя въ этомъ вѣстѣ.

— Извините, сэръ, я жена Гарри.

— Вотъ что! гм! У него чертовски хороший вкусъ, сказаль онъ, фамильярно положивъ руку на плечо Лизетты.

— Плечо было отдернуто въ то самое мгновеніе, какъ рука Тома прикоснулась къ ней и Лизетта, съ видомъ негодованія, дѣлавшій ее еще прекраснѣе, быстро перебѣжала на другую сторону дорожки.

— Какъ, неужели ты не знаешь, что я господинъ твоего мужа? Будь же поумнѣе, моя милая! сказалъ онъ, сѣдя за ней и стараясь взять ее за руку.

— Оставьте меня, сказала Лизетта, покраснѣвъ, и такимъ голосомъ, въ которомъ отзывались и мольба и негодованіе.

— Оставить тебя,—нѣтъ! этого не будетъ; особенно когда ты просишь такъ мило.

И онъ снова хотѣлъ положить руку на плечо Лизетты.

Надобно сказать, что Гарри, хотя не слышалъ этого разговара, но угадалъ его, и довольно вѣрно, по пантомимѣ, которой былъ свидѣтелемъ. Онъ смотрѣлъ на эту сцену, сжавъ губы и расширявъ зрачки. Нина, стоявшая спиной къ окну, удивилась выражению лица Гарри.

— Взгляните въ окно, миссъ Нина, сказалъ онъ. Видите ли вы мою жену и вашего брата.

Нина обернулась, и вспыхнула; глаза ея разгорѣлись, и прежде, чѣмъ Гарри успѣлъ подумать, что ему сказать, какъ она выбѣжала на дорожку и взяла Лизетту за руку.

— Томъ Гордонъ, сказала она:—миѣ стыдно за васъ! Молчите! продолжала она, устремивъ на него сердитый взглядъ и топнувъ ножкой. Вы осмѣялись пріѣхать сюда, и позволить себѣ такія дерзости! Пока я госпожа здѣсь, я не позволю вамъ этого; а незабудьте, что я госпожа въ этомъ домѣ! *Несмѣйтесь дотронуться пальцемъ до нея; пока она находится подъ моей защитой, она не прикоснется къ вамъ!* Пойдемъ, Лизетта!

Сказавъ это, Нина взяла за руку испуганную Лизетту и увела ее въ домъ. Томъ Гордонъ до такой степени былъ смущенъ порывомъ гнѣва въ своей сестрѣ, что оставилъ слова ея безъ возраженія; онъ только посмотрѣлъ ей вслѣдъ и просвисталъ.

— Можетъ говорить, что ей угодно! Она еще не знаетъ, что слово и дѣло, —двѣ вещи, совершенно различныя, проговорилъ онъ послѣ свистка и побрелъ на балконъ, гдѣ стоялъ Гарри, склонивъ на груди руки; жилы на лбу Гарри налились кровью и раздулись отъ подавленнаго гнѣва.

— Войди, Лизетта, сказала Нина: —неси эти вещи въ мою комнату, я сейчасъ приду къ тебѣ.

— Клянусь честью, сэръ, сказалъ Томъ, входя на балконъ и обращаясь къ Гарри съ самымъ оскорбительнымъ тономъ: — мы всеѣ какъ нельзя болѣе обязаны вамъ за эту милую игрушку, которую завели вы въ здѣшнемъ мѣстѣ!

— Моя жена не принадлежит къ здѣшнему мѣсту, сказала Гарри, принуждая себя говорить спокойно. Она принадлежит мистрисс Ле-Клеръ, которая недавно получила въ наследство плантацию Бельвиль.

— А! благодарю тебя за это извѣстіе! Можетъ быть, мнѣ вздумается купить твою жену, поэтому совершенно не лишнее знать, кому принадлежит она? Мнѣ же нужна такая женщина. Она можетъ быть хорошей ключницей, не правда ли? Умѣть ли она приготавлять бѣлье? Какъ ты думаешь, къ чему она бѣдѣ способна? Я непремѣнно поѣду къ ея госпожѣ.

Во время этихъ жестокихъ словъ, Гарри ломалъ себѣ пальцы, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и отъ времени до времени смотрѣлъ то на Нину, то на своего мучителя. Его лицо покрылось мертвенною блѣдностью; даже губы его побѣлѣли. Продолжая держать руки за спиной, онъ, вмѣсто отвѣта, устремилъ на Тома свои большіе голубые глаза, и теперь, какъ случалось это и въ другое время, особенно въ минуты сильнаго волненія, гнѣвныя черты лица Гарри имѣли такое сильное сходство съ чертами полковника Гордона, что Нина замѣтила это и испугалась. Томъ Гордонъ тоже замѣтилъ. Но это только послужило къ увеличенію его бѣшенства; злоба и ненависть, сверкавшія въ его глазахъ, были, поистинѣ, ужасны. Два брата, какъ двѣ электрическія тучи, готовы были разразиться громомъ и молніей. Нина поспѣшила вмѣшаться.

— Спѣши, спѣши Гарри! сказала она. Порученіе, которое я дѣлаю, очень важно. Ради Бога, поѣзжай скорѣ!

— Позвать развѣ Джима, сказала Томъ: — пусть онъ осѣдлаетъ лошадь. Гдѣ тутъ дорога въ Бельвиль? Я хочу туда сѣздить.

Онъ повернулся и началъ спускаться съ балкона.

— Стыдись, Томъ! ты не хочешь, ты не можешь сдѣлать это. Не грѣшно ли тебѣ огорчать меня своимъ поведеніемъ?

Томъ обернулся, посмотрѣлъ на сестру съ злобной улыбкой, снова обернулся и ушелъ.

— Поѣзжай, Гарри, поѣзжай скорѣ! Не огорчайся,—тутъ пѣть никакой опасности, прибавила Нина, понизивъ голосъ: — мадамъ Ле-Клеръ ни за что не согласится.

— Почемъ знать! сказала Гарри: — за деньги чего не дѣлаютъ?

— Въ такомъ случаѣ, я.... я куплю ее сама! сказала Нина.

— Мисс Нина, вы не знаете въ какомъ положеніи ваши дѣла, искрѣнно сказала Гарри. Въ настоящее время невозможно достать денегъ на это, тѣмъ болѣе, если я удашься отсюда на недѣлю. Быть мнѣ здѣсь или не быть—составитъ большую разницу; тогда какъ мистеръ Томъ въ состояніи заплатить тысячу долларовъ сю минуту. Я не знала еще, чтобы онъ нуждался въ деньгахъ, на удовлетвореніе своихъ гнусныхъ желаній. Ужели еще мало переносилъ я это иго?

— Послушай, Гарри, я продамъ все, что имѣю, продамъ брильянты, заложу плантацио, но не позволю Тому совершилъ такой гнусный поступокъ! Повѣрь, я не такъ себя любива, какою постоянно казалась. Я знаю, для моихъ интересовъ ты жертвовалъ собою; и я всегда принимала эту жертву, потому, что любила исполнять свои прихоти, потому, что была избалованнѣмъ ребенкомъ. При всемъ томъ, у меня не менѣе энергіи, чѣмъ у брата Тома; онъ затронулъ меня, и я сейчасъ же ѿду къ мадамъ Ле-Клеръ и дѣлаю ей предложеніе. Только ты, пожалуйста, Гарри, уѣзжай отсюда. Тебѣ не совладать съ завистью и раздраженіемъ, который ты возбудилъ въ моемъ братѣ; если ты станешь сопротивляться, тогда все и всѣ возстанутъ противъ тебя, и я не въ силахъ буду защитить тебя. Положись на меня... я не такой ребенокъ, какимъ меня считаютъ! Ты увидишь, что я съумѣю защитить и себя и тебя. Кажется, это пдеть мистеръ Клэйтонъ,—и прекрасно! Вели подать двухъ лошадей, и мы сейчасъ же отправимся къ мадамъ Ле-Клеръ.

Нина отдала приказаніе съ достоинствомъ принцессы, такъ что Гарри при всемъ своемъ волненіи не могъ не удивиться внезапной перемѣнѣ, которая произошла во всей ея натурѣ.

— Вѣмъ, сказала Гарри, понизивъ голосъ: — я готовъ служить до послѣдней капли крови! Но, прибавилъ онъ, голосомъ, который заставилъ Нину содрогнуться: — мнѣ ненавистны всѣ другіе! Мнѣ ненавистна Америка! Я ненавижу ея законы!

— Гарри, сказала Нина:—ты поступаешь нехорошо, ты забываешься.

— Я поступаю нехорошо.... я? Неправда! Я принадлежу къ классу людей, которыхъ поступки въ отношеніи къ другимъ бываютъ всегда еще слишкомъ добры. Лучше было бы, еслибы вашъ отецъ обратилъ меня въ обыкновенного квартирона, и заставилъ бы работать, какъ негра, это было бы въ тысячу разъ

лучше, чѣмъ дать воспитаніе и предоставить всякому бѣлому полное право топтать меня ногами.

Нина помнила выраженіе лица своего отца, въ минуты гнева, и снова была поражена сходствомъ между его лицомъ и судорожно стянутымъ лицомъ Гарри.

— Гарри, сказала она полу-умоляющимъ тономъ:—подумай о томъ, что говоришь ты! Если ты любишь меня, то успокойся!

— Люблю ли я васъ! Мое сердце всегда было въ вашихъ рукахъ! Моя привязанность къ вамъ, какъ цѣпь, сковывала меня. Еслибы не вы, я давно или пробилъ бы себѣ дорогу на Сѣверъ, или нашелъ бы могилу на пути къ свободнымъ штатамъ!

— Послушай, Гарри, сказала Нина, послѣ минутнаго размышленія:—любовь ко мнѣ ни для кого не должна быть цѣпью: я дамъ тебѣ свободу, это вѣрно, какъ вѣрно и то, что на Небѣ есть Богъ! Я внесу билль объ этомъ въ первое законодательное собраніе, и увѣренна, что билль этотъ будетъ утвержденъ: объ этомъ похлопочутъ мои друзья. Уѣзжай же, Гарри! уѣзжай, какъ можно скорѣй!

Гарри простоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ вдругъ взялъ руку своей миленькой госпожи, поднесъ ее къ губамъ, повернулся и ушелъ. Въ это время Клэйтонъ проходилъ между кустами по извилистой дорожкѣ; но замѣтилъ, что Нина занята серьезнымъ разговоромъ, остановился въ пѣкоторомъ разстояніи отъ балкона. Лишь только Нина увидѣла его, какъ съ радостю протянула ему руку.

— Мистеръ Клэйтонъ! сказала она:—вѣстѣ-то мнѣ и нужно! Не хотите ли прогуляться со мной.

— Съ большимъ удовольствиемъ.

— Подождите же минуту; пока я одѣваюсь, намъ приведутъ лошадей.

И Нина, торопливо вѣжливъ на балконъ, вошла въ комнаты.

Съ минуты приѣзда Тома Гордона, Клэйтонъ чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ замѣтилъ, что молодой человѣкъ съ первого раза не полюбилъ его, и не могъ скрыть этого чувства, при всемъ своемъ желаніи. Онъ находилъ затруднительнымъ показать видъ, что ничего незамѣчаетъ. Боясь привести Нину еще въ большее замѣшательство, онъ не хотѣлъ показать, что понимаетъ ея положеніе, не хотѣлъ сдѣлать этого даже подъ прикрытиемъ сочувствія и желанія оказать свою помощь; и

потому онъ ждалъ только отъ нея хоть одного слова, которое дало бы ему право начать разговоръ. Онъ ждалъ довѣрія съ ея стороны. Судя по ея откровенности, нельзя было сомнѣваться, что она заговоритъ съ нимъ о предметѣ, имѣвшемъ для нея такой глубокій интересъ.

Нина скоро явилась, и, сѣвъ на лошадей, они поѣхали по той же лѣсной дорогѣ, которая вела къ коттеджу Тома, и тамъ брали направленіе къ плантациіи Бельвиль.

— Увидя васъ, я обрадовалась по многимъ причинамъ, сказала Нина: — въ жизни своей я никогда еще не нуждалась такъ въ помощи друга, какъ сегодня. мнѣ непріятно, что вы были свидѣтелемъ сцены вчерашняго вечера, но вмѣстѣ съ тѣмъ я радуюсь, что это самое обстоятельство даетъ мнѣ возможность поговорить съ вами откровенно. Дѣло въ томъ, что мой братъ, хотя уменя и единственныи, но въего обхожденіи со мной не проплѣдываетъ и искры родственной любви. Что за причина тому? —не знаю: потому ли, что онъ завидуетъ любви моего бѣднаго папа ко мнѣ, или потому, что я кажусь капризною, избалованною дѣвочкой, и этимъ его раздражаю. Я не могу постыдиться этой причины, знаю только, что онъ никогда не былъ добръ и снисходителенъ ко мнѣ на долгое время. Быть можетъ, онъ и любилъ бы меня, еслибы я дѣйствовала по его совѣту: но я создана такою же рѣшительною и своевольною, какъ и онъ. Моими поступками никто еще не управлялъ, и я не могу признать права, которое братъ принимаетъ на себя, права повѣрять мои дѣйствія и управлять моими дѣлами. Я люблю его, но не хотѣла бы имѣть его опекуномъ. Надо вамъ сказать, онъ питаетъ глубокую и самую неосновательную ненависть къ Гарри; я не могу представить себѣ тѣхъ непріятностей, которыхъ ожидаются меня дома послѣ этой поѣздки. Какой-то злой духъ овладѣваетъ и Гарри и Томомъ, когда они сходятся вмѣстѣ; они, повидимому, наполняются электричествомъ, взрыва котораго я жду съ минуты на минуту. Къ несчастію для Гарри, онъ получилъ воспитаніе далеко выше большинства его сословія; довѣріе, которымъ онъ пользуется, возбуждаетъ въ немъ болѣе обыкновенного чувство свободнаго человѣка и даже джентльмена; во всемъ нашемъ домѣ нѣтъ никого, кромѣ Тома, кто бы не оказывалъ ему расположенія и даже почтенія. Это-то, мнѣ кажется, всего болѣе и раздражаетъ Тома, и заставляетъ его пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы обижать и оскорблять другихъ. Я увѣрена, что

брать мой намѣренъ довести Гарри до какого нибудь отчаяннаго поступка; когда я вижу, какъ страшно они смотрятъ другъ на друга, я трепещу за послѣдствія. Гарри недавно женился на хорошенькой дѣвушкѣ, съ которой живетъ въ маленькомъ коттеджѣ на краю бельвильской плантациі. Сегодня утромъ Томъ увидѣлъ ее, и это, повидимому, внушило ему самый безчеловѣчный планъ, чтобы оскорбить Гарри. Онъ грозилъ отправиться къ мадамъ Ле-Клеръ, и купить у нея жену Гарри; чтобы успокоить Гарри, я обѣщала предупредить брата и сдѣлать тоже самое отъ себя.

— А вы думаете, что мадамъ Ле-Клеръ продасть ее? спросилъ Клэйтонъ.

— Не знаю, сказала Нина: — я знакома съ ней только по слуху. Знаю еще, что она нью-орлеанская креолка, недавно купившая эту плантaciю. Лизетта, очень умная, дѣятельная дѣвушка; благодаря своимъ способностямъ и искусству въ рукоудѣляхъ, она ежемѣсячно платить своей госпожѣ довольно значительную сумму. Соблазнился ли она продать Лизетту, получивъ за нее большія деньги разу, — не знаю, и не буду знать, пока не испытаю. Во всякомъ случаѣ, я бы желала откупить Лизетту собственно для Гарри.

— Неужели вы полагаете, что угрозы вашего брата имѣютъ серьёзный характеръ?

— Я бы не стала опасаться за послѣдствія, еслибы не была увѣрена. Во всякомъ случаѣ, имѣютъ ли они или не имѣютъ серьёзный характеръ, но я рѣшилась сдѣлать это.

— Если окажется необходимость въ немедленной уплатѣ, сказалъ Клэйтонъ: — у меня есть небольшія деньги, которыя лежатъ безъ всякаго употребленія; вексель на эти деньги при мнѣ, и его примутъ съ первого взгляда. Я предлагаю вамъ это, потому что возможность представить наличныя деньги можетъ облегчить переговоры. Позвольте и мнѣ принять участіе въ добромъ дѣлѣ; вы этимъ доставите мнѣ величайшее удовольствіе.

— Благодарю васъ, сказала Нина отъ чистаго сердца: — быть можетъ я не встрѣчу этой необходимости; но если она непрѣдѣльна, я приму предложеніе ваше съ тою же готовностью, съ которой вы сдѣлали его.

Послѣ часовой поѣздки, Нина и Клэйтонъ приблизились къ границамъ плантациі Бельвиль. Въ дни своей юности, Нина знала это мѣсто, какъ резиденцію старинной и богатой фамиліи, съ которой отецъ ея былъ въ довольно близкихъ отноше-

иляхъ. Не удивительно, что въ настоящую минуту ее непріятно поразилъ видъ пищеты, занустѣнія и упадка, проглядывавшій во всѣхъ частяхъ плантаціи. Ничего не можетъ быть унылѣе и печальнѣе видимаго, постепенного разрушенія въ томъ, что устраивалось и сооружалось съ величайшей заботливостію. Увидѣвъ полуразвалившіеся ворота, оципанный и обломашный кустарникъ, прогалины въ прекрасной аллѣ, образовавшіяся отъ вырубки старыхъ деревьевъ на дрова, Нина не могла подавить въ душѣ своей чувства глубокаго унынія.

— Какимъ прелестнымъ казалось мнѣ это мѣсто, когда я прѣѣзжала сюда, будучи ребенкомъ! сказала Нина. По всему видно, что пышнѣя госпожа плохая хозяйка.

Между тѣмъ лошади подѣѣзжали къ лицевому фасаду дома, въ которомъ обнаруживались тѣ же самые признаки неряшества и небреженія. Многія шторы держались на одномъ только крючкѣ; двери перекосились и врѣзались въ гнилые пороги; деревянные столбы, служившіе опорою небольшаго навѣса, лежали подъ крыльца, и розы, когда-то обвивавшіяся вокругъ этихъ столбовъ, оставлены въ величайшемъ небреженіи и разставлялись по землѣ. Балконъ былъ заваленъ вслакаго рода хламомъ, ящиками различныхъ величинъ, седлами, тряпьями и другими предметами, образовавшими удобные уголки для пріюта и укрывательства, уголки, въ которыхъ до полдюжины маленькихъ негровъ и три—четыре собачки играли въ прятки, съ величайшимъ удовольствіемъ и шумомъ.

Когда Нина и Клэйтонъ остановились у крыльца, вся эта шумная ватага выстроилась въ рядъ, оскалила зубы и съ любопытствомъ смотрѣла на прѣѣзжихъ.

Ни одному изъ этихъ маленькихъ созданий не пришло даже въ голову подержать лошадей или отвѣтить на вопросы прѣѣзжихъ. Они поперемѣнно посматривали то другъ на друга, то на незнакомыхъ путниковъ, и скалили свои бѣлые зубы. Наконецъ какой-то оборванный лакей, съ половиною соломенной шляпы на головѣ, призываючи Клэйтона подняться на ноги; онъ взялъ лошадей, разумѣется, одаривъ сначала толчками всю группу ребятишекъ, которые до такой степени были невѣжливы, что даже не пригласили джентльмена и леди пожаловать въ компаніи. Послѣ такого увѣщанія, Нина и Клэйтонъ, предшествуемые ребятишками, вошли въ комнату на право отъ главной залы. Въ комнатѣ этой, повидимому, все находилось въ недокон-

ченномъ состояніи. Половина занавѣсей навѣшена была на окна, между тѣмъ, какъ другая половина валялась по стульямъ. Сырыя, покрытыя плесеню шпалеры мѣстами были оторваны отъ стѣнъ, приготовленныхъ для новой оклейки; нѣсколько полуразвернутыхъ кусковъ дорогихъ шпалерь лежало на столѣ, заставленномъ остатками старого, неоконченного завтрака: на немъ были тарелки, куски хлѣба и сыра, грязные стаканы и пустая бутылка. Трудно было найти стулъ, не покрытый толстымъ слоемъ пыли. Нина послала свою карточку съ однимъ изъ маленькихъ шалуновъ, которому на половинѣ лѣстницы вдругъ пришла фантазія спуститься внизъ по периламъ. Неудивительно, что во время этой операциіи, карточка выпала изъ рукъ и вся группа шалуновъ опрометью бросилась къ ней, отпавая другъ у друга честь снести ее на верхъ. Порывы ихъ усердія были остановлены внезапнымъ приходомъ лакея въ полуспящій, который, по убѣдительной просьбѣ Нины, вмѣшался въ крикливую толпу и разсѣялъ ее. Какъ стадо воронъ, съ говоромъ и крикомъ, они разлетѣлись по разнымъ частямъ залы, между тѣмъ, какъ лакей поднялъ карточку и съ безпредѣльнымъ радушіемъ, озарившимъ его лоснящееся черное лицо, пошелъ на верхъ, оставивъ Нину и Клейтона дожидаться внизу. Черезъ нѣсколько секундъ онъ воротился.

— Миссисъ проситъ молодую лэди пожаловать на верхъ, сказала она.

Нина торопливо пошла за нимъ, оставивъ Клейтона на цѣлый часъ однокимъ существомъ въ пустой, заброшенной комната. Наконецъ она воротилась въ величайшемъ одушевленіи.

— Дѣло кончено! сказала она: — купчая будетъ подписана, лишь только мы пришлемъ ее.

— Я привезу ее самъ, сказала Клейтонъ: — и самъ разсчитаюсь.

— Благодарю васъ, сказала Нина: — но теперь, ради Бога, уйдемте отсюда. Видали ли вы когда нибуль такое опустѣлое мѣсто. Я помню время, когда домъ этотъ казался настоящимъ раемъ, полнымъ любезныхъ и милыхъ людей.

— Скажите, что это за особа, съ которой вы вели переговоры? спросилъ Клейтонъ на обратномъ пути.

— Особа эта, сказала Нина: — принадлежить къ числу мягкихъ и говорчійыхъ женщинъ; высокаго роста, съ желтоватобѣднымъ лицомъ,люхаетъ табакъ, въ измятомъ платьи изъ

грубой матери. Голова у нея обвязана ярким ость-индским платкомъ; говорить она въ носъ болѣе, чѣмъ это принято у французовъ, и безпрестанно размахиваетъ желтымъ носовымъ платкомъ. Бѣдняжка! Нѣсколько разъ она повторяла, что у нея болѣли зубы, что втеченіе недѣли ни одной почї она не спала, и что поэту въ отношеніи къ-ея наряду не должно быть взыскательнымъ. Мнѣ нравится въ этихъ французахъ одна черта: они, какъ говорится, всегда *ravis de vous voig*, всегда остаются при убѣждѣніи, что чему быть, того не миновать; эта добрая дама была очень любезна; сейчасъ же приказала очистить для меня стуль отъ разнаго хлама и пыли. Комната, какъ и всѣ другія въ ея домѣ, представляла собою картину страшнаго беспорядка. Мадамъ Ле-Клеръ оправдывала такое состояніе невозможностью пайдти рабочихъ, которые бы съумѣли сдѣлать что нибудь порядочное; поэтому-то все и оставалось въ ожиданіи какого нибудь сильнаго потрясенія. Во всемъ этомъ хаосѣ преспокойно и въ большомъ обиліи ползаютъ какія-то черныя букашки, которыя, мнѣ кажется, когда нибудь, какъ саранча, нападутъ на эту добрую женщину и источать ее! Бѣдная! бѣдная! Здѣшній крайей не нравится и она съ грустью вспоминаетъ о Лузіаннѣ. Не смотря на ея табачную наружность и на желтый носовой платокъ, у нея развитъ вкусы къ прекрасному: она съ чувствомъ говорить объ олеандрахъ, миртахъ и жасминахъ своего роднаго штата.

— Желаль бы я знать, съ чего вы начали свои переговоры? сказала Клэйтонъ, засмѣявшись послѣ этого описанія.

— Очень просто! Я щегольнула французскимъ языкомъ, на сколько умѣла совладать съ нимъ, а она щегольнула англійскимъ, и, мнѣ кажется, я взяла верхъ надъ доброй душой, такъ, что могла приступить къ дѣлу. Я сейчасъ же рассказала сантиментальну исторію о любви Лизетты и Гарри; вѣдь я знаю, французы чрезвычайно любятъ все сантиментальное. Старушка расстрогалась, утирала чорные глаза свои, вытягивала крючковатый носъ, какъ бы отдавая дань моему краснорѣчію, называла Лизетту своимъ *enfantmignon* и въ заключеніе прочитала мнѣ маленькую лекцію о нѣжной страсти; эту лекцію я приберегу на будущее время.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала Клэйтонъ: — я быль бы въ восторгѣ, еслибы вы повторили ее.

— О, нѣтъ! Я вамъ только одно скажу, что, устроивъ это дѣло, и вырвавшись изъ этого опустѣлого дома, я чувствую се-

бы въ самомъ лучшемъ настроениц духа! Видали ли вы когда нибудь такое скучное мѣсто? Скажите, отчего это, если мы переселяемся сюда на Югъ, то все, видимому, приходитъ въ разрушеніе? Я замѣтила эту перемѣну во всей Аврелии. Здѣсь какъ будто все останавливается въ своемъ прогрессѣ, и подвигается не впередъ, а назадъ. На Сѣверѣ совсѣмъ другое дѣло. Однажды, во время вакацій, я отправилась въ Нью-Гэмпшиэръ. Падо вамъ сказать, что это страшно беспокойная страна, гористая и песчаная, а между тѣмъ тамъ всѣ живутъ, если не въ изобиліи, то, по крайней мѣрѣ, въ довольствіи. У нихъ такие маленькие, но уютненькие, чистенькие доиники! Все окружающее ихъ носитъ отпечатокъ особенной заботливости и комфорта, несмотря на то, что земля ихъ и вполовину не такъ хороша, какъ наша. Тамъ есть такія мѣста, где кромѣ камня ничего не видно. Тамъ и зима, мнѣ кажется, продолжается не меньше девяти мѣсяцевъ. Эти янки все принимаютъ въ разсчетъ. Если чье поле каменисто, тогдѣ непремѣнно найдетъ случай продавать камни и извлекать изъ этого выгоду; перенося морозы въ теченіе длиной зимы, они торгуютъ льдомъ и получаютъ барыша. Они, такъ сказать, живутъ, извлекая выгоды изъ своихъ невыгодъ!

— А мы бѣдиляемъ, расточая свои выгоды, сказалъ Клэйтонъ.

— Знаете ли, мистеръ Клэйтонъ, что быть приверженцемъ партіиabolиціонистовъ считается у многихъ страшнымъ преступленіемъ? сказала Пина. — Что касается до меня, то я имѣю особенное расположение принадлежать къ этой партіи. Быть можетъ это потому, что у меня капризный характеръ, или потому, что я не люблю вѣровать въ чужія убѣжденія. Если вы никому не скажете, я объявлю вамъ мое мнѣніе: я не вѣрю въ законность невольничества.

— Я тоже, сказалъ Клэйтонъ.

— Право? а я думала, что, сказавъ свое мнѣніе, сказала чтонибудь оригинальное! Въ нашъ домъ, къ тетушкѣ Несбитъ, иногда приѣзжаетъ ся пасторъ, и тогда между ними возникаютъ различные диспуты. Между прочимъ, я слышала вотъ что: «о, какое было бы блаженство, еслибы перевезти всѣхъ этихъ африканцевъ сюда и обратить ихъ въ христіанскую вѣру!» Чтобы придать пѣсколько одушевленія бесѣдѣ и изумить ихъ, я замѣтила,

что, по моему мнѣнію, для этихъ африканцевъ легче обратить насъ въ язычниковъ.

— Ваше замѣчаніе весьма справедливо, сказаль Клэйтонъ:— нѣть никакого сомнѣнія, что общество, устроенное на этихъ основаніяхъ, постоянно будетъ клониться къ варварству. Такое устройство будетъ препятствовать общему воспитанію бѣлыхъ, и, доводя до нищеты болѣе бѣдныя сословія, обогащать весьма немногихъ.

— Прекрасно; къ чему же намъ имѣть подобное общество? сказала Нина: — почему не уничтожить его съ разу?

— Подобный вопросъ легче предложить, чѣмъ отвѣтить на него. Законы противъ эманципаціи весьма строги. Но, я лу-
маю, что каждый плантаторъ долженъ имѣть это въ виду на бу-
дущее время, и, сообразно съ этимъ, воспитывать своихъ слугъ.
Вотъ это-то я и стараюсь ввести на моей плантациіи.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала Нина, посмотрѣвъ на Клэйтопа
весьма пристально: — ваши слова напомнили мнѣ о томъ, чтѣ
сама я хотѣла сказать. Вообще говоря, моя совѣсть не трево-
житъ меня относительно участія моихъ слугъ, потому что они
служатъ мнѣ, какъ стали бы служить во всякомъ другомъ мѣ-
стѣ. Но что вы скажете, напримѣръ, на счетъ Гарри: онъ пре-
красно образованъ, и я знаю, что во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ
былъ бы счастливѣе, чѣмъ здѣсь. Я всегда помнѣла это, но
серѣзно подумала объ этомъ только недавно; я намѣрѣна осво-
бодить его при первомъ законодательномъ собраніи, и при этомъ
случаѣ буду просить вашей помощи.

— И, конечно, я буду вѣсъ къ вашимъ услугамъ, сказаль
Клэйтонъ.

— Когда я гостила въ Сѣверныхъ Штатахъ, тамъ были лю-
ди, которые считали настѣ не лучше шайки грабителей. Само со-
бою разумѣется, я защищала наши учрежденія, не уступая моимъ
противникамъ ни на волосъ. Это, однакожъ, заставило меня за-
думаться; и результатомъ моихъ думъ было то, что люди, ко-
торыхъ мы заставляемъ работать на настѣ, очевидно, мо-
гутъ сдѣлать для себя что нибудь лучшее. Возьмемъ для
примѣра Милли, которая принадлежитъ тетушкѣ Несбитъ, по-
томъ Гарри и Лизетту. Кажется, ясно, что если они могутъ под-
держивать и себя, и частію настѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, въ
состояніи будутъ поддерживать одинъ себя. Лизетта платила

своей госпожѣ по восеми долларовъ въ мѣсяцъ, и кромѣ того содержала себя.

— Прекрасно; и вы думаете, что тетушка Несбитъ намѣрена сдѣловать вашему примѣру?

— Нѣтъ; въ этомъ отношеніи она далека отъ меня! Она до такой степени довольна какимъ нибудь трактатомъ въ редѣ: «Проклятый Ханаанъ», что будетъ братъ отъ Милли по десяти долларовъ въ мѣсяцъ втеченіе года съ совершенпо спокойною совѣстю. Вы знаете, что некоторые люди имѣютъ обыкновеніе приписывать свои поступки предопредѣленію судьбы. Тетушка Несбитъ принадлежитъ къ числу этихъ людей. Она всегда называетъ предопредѣленіемъ, что негры привезены сюда, и предопредѣленіемъ, что мы должны быть госпожами. Повѣрьте, что пока тетушка Несбитъ жива, Милли не получить свободы. А между тѣмъ, я скажу вамъ, хотя это и не совсѣмъ великодушно съ моей стороны, но я сама рѣшилась оставить Милли при себѣ, потому что она такая добрая и составляетъ для меня такое утѣшіе. Я имѣю къ пей болѣе расположепія, чѣмъ къ тетушкѣ Несбитъ. Мне кажется, еслибъ Милли получила такое воспитаніе, какъ мы, она была бы великолѣпною женщиною, была бы настоящею Кандась, зэюонской царицей. Въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ негровъ есть много любопытнаго и интереснаго. Мне всегда пріятно было сближаться съ ними: многие изъ нихъ такъ остроумны и оригинальны! Въ настоящую минуту я желала бы знать, что подумаетъ Томъ, узнавши, что я такъ неожиданно его предупредила. Яувѣренна, поступокъ мой его разсердитъ.

— А можетъ быть, онъ не имѣлъ серьѣзнаго намѣренія сдѣлать что нибудь въ этомъ родѣ, сказаль Клэйтонъ. Быть можетъ, онъ сказалъ это въ шутку, хотѣлъ похрабриться.

— Я бы такъ же и сама подумала, еслибъ не знала, что онъ постоянно питаетъ непавицтвъ къ Гарри.

Въ эту минуту по лѣсной дорогѣ послышался стукъ лошадиныхъ подковъ, и вскорѣ показался Томъ Гордонъ, сопровождаемый другимъ мужчиной, съ которымъ весьма серьѣзно разговаривалъ. Въ лицѣ этого человѣка было что-то особенное, отталкивающее съ первого взгляда. Онъ имѣлъ невысокій ростъ, крѣпкое, хотя и худощавое тѣлосложеніе; черты его лица были тонки и рѣзки; его волосы и брови—густы и черны; стекловидные, блѣднолубые глаза представляли рѣзкій контрастъ съ темными зрачками. Въ выраженіи этихъ глазъ было что-то

суроное и холодное. Хотя онъ и былъ одѣтъ джентльменомъ, по одежда не могла скрыть въ немъ человѣка грубаго, невѣжественнаго; эти качества обнаруживались въ немъ съ первого взгляда, какъ обнаруживается грубо дерево изъ подъ какой бы то ни было краски и лака.

— Здравствуй, Нина, сказалъ Томъ, остановивъ свою лошадь и сдѣлавъ товарищу знакъ, чтобы онъ послѣдовалъ его примѣру. Позволь представить тебѣ моего друга, мистера Джекиля. Мы ѓдемъ съ нимъ на плантацию Бельвиль.

— Желаю вамъ приятной прогулки,—сказала Нина, и тронувъ поводья, быстро проскакала мимо ихъ.

Нѣсколько секундъ спустя, она гнѣвно посмотрѣла имъ въ сѣдль, и-потомъ, обратясь къ Клэйтону, сказала:

— Я ненавижу этого человѣка.

— Кто онъ? спросилъ Клэйтонъ.

— Незнаю, отвѣчала Нина. Въ первый разъ его вижу, и чувствую къ нему отвращеніе. Должно быть, онъ очень дурной человѣкъ. Мнѣ кажется, я скорѣе бы позволила приблѣзиться ко мнѣ змѣю, чѣмъ ему.

— Дѣйствительно, лицо этого господина весьма непривлекательно, сказалъ Клэйтонъ: но, все же я бы не рѣшился проинесть такой приговоръ.

— Томъ изъ хорошаго сдѣлался дурнымъ и теперь имѣеть какое-то особенное влеченіе ко всему дурному, продолжала Нина, слѣдя за нитью своихъ размыщленій и не обращая вниманія на замѣчаніе Клэйтона. Его можно сравнить съ хорошимъ вишомъ, которое чуть попортится, и уже обращается въ уксусъ. Но товарищъ Тома, мнѣ кажется, не имѣеть и понятія о хорощемъ.

— Удивляюсь, право, какъ вы можете говорить такъ положительно о человѣкѣ, котораго видите въ первый разъ,—сказалъ Клэйтонъ.

— О! сказала Нина, принимая свой обычный веселый тонъ: развѣ вы не знаете, что дѣвицы, собаки, и другія созданія низшаго разряда, одарены способностью угадывать людей? Этой способности лишены всѣ возвышенныя существа, подобныя вамъ;—она принадлежитъ исключительно намъ, бѣднымъ созданіямъ, которыя вполнѣ полагаются на свой инстинктъ. Считайте же, берегитесь!

И съ этими словами, Нина обернулась къ нему, бросивъ на него очаровательно грозный взглядъ.

— Значить, вы замѣтили и во мнѣ что нибудь?

— Разумѣется, съ энергией отвѣтала Нина. Я замѣтила это при первомъ нашемъ свиданіи. И вотъ причина, почему...

Клэйтонъ принялъ серьёзный видъ и устремилъ на Нину пристальный взоръ. Нина замолчала, покраснѣла и потоють замѣялась.

— Что же вы замолчали? продолжайтѣ!

— Извольте! вы всегда напоминаете собою особу дѣдушки; вы никогда не рѣшились бы воспользоваться нашимъ легкомысліемъ и безразсудствомъ, какъ это дѣлаютъ другіе мужчины. И потому, я всегда имѣла къ вамъ особенное довѣріе. Я готова довѣрять вамъ чувства, которыхъ не рѣшусь довѣрить кому-нибудь другому.

— Ваша откровенность, сказалъ Клэйтонъ:—до такой степени дорога для меня, что мнѣ было бы больно лишиться вашего довѣрія. Не смотря на то, я долженъ сказать вамъ, что такого рода сужденія не всегда бываютъ основательны. Въ нашихъ чувствахъ инстинктъ можетъ запамятъ болѣе высокое мнѣсто, чѣмъ мы думаемъ; но, какъ и всякое другое чувство, его нельзя называть непогрѣшительнымъ. Мы даже и зрѣніе стараемся повѣрять разсудкомъ. Безъ этой повѣрки оно обманетъ насъ. Тѣмъ болѣе должно повѣрять инстинктъ, этотъ, такъ сказать, самый утонченный родъ зреенія.

— Быть можетъ, сказала Нина:—по во всякомъ случаѣ этотъ человѣкъ мнѣ не нравится. Впрочемъ, если Томъ праведѣтъ его къ обѣду, я постараюсь хотя наружно, измѣнить это чувство. Вотъ все, что я въ состояніи сдѣлать.

ГЛАВА XIV.

ГОРКІЕ ТЕТУШКИ НЕСВІТЬ.

При входѣ въ домъ, Нина была встрѣчена у самыхъ дворовой преданіюю Милли, на лицѣ которой выражалось замѣтило беспокойство.

— Миссъ Нина, сказала она:—ваша тетушка получила непріятная извѣстія.

— Непривычные известия! быстро повторила Нина. Какая же?

— А вотъ, изволите видѣть, продолжала Милли, провожавшая Ниину по лестницѣ:—здѣсь былъ адвокатъ и просидѣлъ съ мастриссъ Несбитъ цѣлое утро. Когда онъ вышелъ отъ нея, я застала миссъ Лу въ ужасномъ горѣ. Она сказала мнѣ, что живѣлась всего своего достоянія.

— Только-то? сказала Нина. А я думала, и Богъ знаетъ что случилось. Не беспокойся, Милли; это еще небольшое несчастіе. Ей немного и потерять-то придется.

— Господь съ вами, дитя мое! Много-ли, мало-ли, все-таки собственность: кому пріятно лишиться ея?

— Но, что же за бѣда? сказала Нина:—вѣдь ты знаешь, что тетушка Несбитъ можетъ жить вмѣстѣ съ нами;—небольшія деньги, необходимыя на ея прихоти, на новые чепчики, на каплю кашля и другія мелочи, она во всякое время, и безъ всякихъ хлопотъ, можетъ получить отъ насъ.

— Ахъ, миссъ Нина! у васъ доброе сердце! Вы бы, кажется, подарили оба конца радуги, еслибы это было возможно; да дѣло-то въ томъ, что вамъ недостать ихъ. Дитя мое! вѣдь домъ-то у васъ очень великъ:—надобно всѣхъ и накормить и напоить, а это чего стоять? Гарри, я вамъ скажу, очень затрудняется покрывать всѣ расходы,—хотя онъ и не говоритъ о своемъ затрудненіи; онъ хочетъ, чтобы вы ходили по цветамъ, носили цветы въ обѣихъ рукахъ, и никогда не думали, откуда берутся они. Я вамъ вотъ что скажу, дитя мое,—мы обязаны подумать и о васъ немногого; пора и намъ знать честь!

— Ахъ, Милли, какъ это забавно!

— Нисколько не забавно, миссъ Нина! Вы только послушайте, что я скажу. Миссъ Лу—это разъ; потомъ я—это два, Полли—большая здоровая девка—это три, Томтиль—четыре; всѣ мы ёдимъ вашъ хлѣбъ и не приносимъ вамъ ни малѣйшей пользы, потому что вся наша обязанность состоить въ томъ, чтобы прислуживать миссъ Лу; между тѣмъ какъ у васъ однажды столько прислуги, что ея слишкомъ достаточно на цѣлый домъ. Я знаю, миссъ Нина, молодымъ барышнямъ непріятно слушать подобныя рѣчи; но, на самомъ-то дѣлѣ, прокормить пасъ чего нибудь да стоитъ, а потому, кто нибудь изъ насъ долженъ заплатить вамъ чѣмъ нибудь. Джентльменъ, который разговаривалъ съ миссъ Лу, сказалъ, что онъ достанетъ мнѣ хорошее мѣсто въ городѣ, и я согласна на это. Салли теперь

выросла и можетъ сдѣлать все, чтò дѣлала я для миссъ Лу; такъ почему же мнѣ и не согласиться? кроме того, говоря вамъ истинную правду, миссъ Лу давно уже хочется отвязаться оть меня. Вамъ вѣдь известно, она такая слабая—не знаетъ, чѣмъ бы заняться самой, и чтò бы дѣлали для нея другіе: сидѣть себѣ въ креслѣ, качается да охаетъ. Она ужъ давно считаетъ меня лишнею, и когда я сказала ей обѣ этомъ, она такъ обрадовалась.

— Но, Милли, какъ же я то останусь безъ тебя?—Нѣтъ, я не могу отпустить тебя, какъ ты хочешь, сказала Нина.

— Полноте, миссъ Нина, неужели вы думаете, что у меня нѣтъ глазъ? Я вамъ вотъ чтò скажу: наши люди не всякаго полюбятъ изъ тѣхъ, кто пріѣдетъ съ видами на нашу плантацию; а теперь случилось совсѣмъ иное. Старый Гондредъ сказывалъ мнѣ, что когда мистеръ Клэйтонъ читалъ молитвы на похоронахъ, то любо было слушать его, точно на митингѣ. На своеемъ вѣку я выдала много джентльменовъ, красивыхъ, богатыхъ, и во всѣхъ отношеніяхъ пріятныхъ,—а между тѣмъ они намъ не нравились; а почему? потому что они или вертопрахи, или пьяницы, или моты, швыряютъ деньгами безъ всякаго разсчета и раззоряются. Смотришь,—является шерифъ и продаетъ нашего брата, кого въ одну сторону, кого въ другую; мистеръ Клэйтонъ не изъ такихъ людей.

— Все это прекрасно, Милли; но если я не люблю его?

— Ай, ай, миссъ Нина. И вы еще можете смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, говоря подобныя вещи? Дитя мое! Я вѣдь вижу васъ насквозь. Это вѣрно, мы все увѣрены, что вы его любите. Живя на свѣтѣ, я сдѣлала привычку наблюдать за погодою, и, ужъ повѣрьте, могу предсказать ее безошибочно. Такъ и дѣйствуйте, миссъ Нина, не отталкивайте его отъ себя, милая моя овечка, вамъ необходимъ добрый мужъ, который бы берегъ васъ, это вѣрно. Молоденькой лѣди, владѣтельницѣ такой большой плантациі, какъ ваша, и особенно имѣющей такого брата, какъ вашъ, тяжело жить безъ мужа. Если вы будете за мужемъ, мистеръ Томъ угомонится; тогда ему ничего нельзя будетъ сдѣлать. А пока вы однѣ, онъ постоянно будетъ огорчать васъ. Но, дитя мое, пора вамъ готовиться къ обѣду.

— Да; только вотъ чтò, Милли, сказала Нина:—я чуть, было, не забыла сказать тебѣ! Я была на плантациі Бельвиль, и откупила жену Гарри.

— Въ самомъ дѣлѣ, миссъ Нина? Да благословить васъ Небо! Послѣ того, что сказала мистеръ Томъ сегодня поутру, бѣдный Гарри совсѣмъ растерялся; совсѣмъ какъ полоумный.

— Ничего, сказала Нина: — это пройдетъ. Я сдѣлала свое дѣло. Вотъ и роспись.

— Но, дитя мое, гдѣ же вы достали деньги такъ скоро?

— Мне одолжилъ ихъ мистеръ Клэйтонъ.

— Мистеръ Клэйтонъ! вотъ видите, дитя мое, развѣ я не права говорила? Не любя его, развѣ вы бы позволили себѣ занять у него денегъ? Но пора, пора, дитя мое, торопитесь. Вонъ и мистеръ Томъ съ своимъ пріятелемъ, — идите поскорѣе.

Общество, собравшееся за обѣденнымъ столомъ, не отличалось особенной веселостью. Томъ Гордонъ, узнавъ во время утренней поѣздки, какъ много повредила сестра его предположенію, быть угрюмѣ и раздражительнѣе обыкновенного, хотя и не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на этотъ предметъ. Нина сердилась на присутствіе мистера Джекиля, котораго Томъ пригласилъ отобѣдать. Тетушка Несбитъ была необыкновенно угрюма. Клэйтонъ, любившій въ незнакомомъ обществѣ болыше слушать, чѣмъ говорить, говорилъ весьма мало; и еслибъ не Карсонъ, то трудно сказать, проговорилъ ли бы кто нибудь изъ обѣдавшихъ хотя одно слово. У всякаго человѣка есть свои привычки, свой взглядъ на предметы; въ обществѣ людей, у которыхъ эти привычки и эти взгляды не согласуются, какой нибудь живой, ни о чёмъ не думающій говорунъ становится настоящимъ кладомъ. Подобнаго рода люди, никогда не замѣчающіе замѣшательства другихъ и чрезвычайно легко вступающіе въ разговоръ, нерѣдко доставляютъ удовольствіе и себѣ и другимъ. Такъ и теперь Нина чувствовала себя признателыно мистеру Карсону за неумолкаемую и веселую болтовню, которая наводила на нее такую скучу наканунѣ. Карсонъ съ одушевленіемъ бесѣдовалъ съ адвокатомъ о цѣнности недвижимыхъ имуществъ, о процентахъ съ капиталовъ, и прочеѣ; выражая сожалѣніе тетушкѣ Несбитъ по случаю ея недавней простуды; смеялся надъ неудачной поѣздкой Тома; осыпалъ Нину комплиментами по поводу прекраснаго румянца, вызваннаго на сиянѣи верховой Ѣздой; словомъ, — онъ находился въ такихъ отличныхъ отношеніяхъ со всѣми вообще и съ самимъ собою въ особенности, что веселое настроеніе духа его невольнымъ образомъ сообщалось всему обществу.

— Какой же, по вашему мнѣнію, самый прибыльный обе-

роть для капитала? покупка земли — да? сказалъ онъ, обращаясь къ мистеру Джекилю.

Мистеръ Джекиль покачалъ головой.

— Земля слишкомъ скоро истощается. Кроме того, она требуетъ большаго ухода, и всѣ выгоды отъ нея зависятъ отъ выбора управляющихъ. Я насмотрѣлся на это и покупкѣ земли предпочитаю покупку негровъ.

— Вотъ что! сказалъ мистеръ Карсонъ.

— Да, милостивый государь, я покупаю негровъ; вотъ что; и отпускаю ихъ на заработки. Если человѣкъ имѣеть понятіе о человѣческой натурѣ, если знаетъ, гдѣ купить, когда купить, и выжидаетъ случая, чтобы купить, онъ чрезъ эту покупку получить самый выгодный процентъ. Объ этомъ-то сегодня поутру я и говорилъ съ мистриссъ Несбитъ. Положимъ, что негръ стоитъ тысячу долларовъ, и я даю эти деньги, но покупаю самого лучшаго, а это въ своемъ родѣ экономія;—человѣкъ этотъ достанетъ, по крайней мѣрѣ, десять долларовъ въ мѣсяцъ жалованья, на всемъ готовомъ, а это, согласитесь сами, весьма выгодный процентъ. Я одаренъ особенною способностію покупать этотъ товаръ, и надо вамъ сказать, при покупкѣ его я обыкновенно отдаю преимущество ремесленникамъ. У меня теперь есть три каменьщика, два отличныхъ плотника; и не дальше, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, я купилъ превосходнаго кузнеца. Это, я вамъ скажу, истинно неоцѣненный человѣкъ! Какъ нельзя легче опѣ достанетъ пятнадцать долларовъ въ мѣсяцъ, и что всего драгоценнѣе въ немъ, это — его религіозное воспитаніе. Многие изъ негровъ станутъ обманывать васъ при первой возможности, по этой негръ привезенъ изъ округа, гдѣ живутъ миссіонеры, и гдѣ употреблено было много труда, чтобы вкоренить въ немъ религіозныя правила. Этому человѣку — утаить какую нибудь бездѣлицу изъ своихъ заработокъ, точно такъ же кажется преступнымъ, какъ обокрасть меня. Я всегда ставлю его въ примеръ моимъ людямъ, когда замѣчаю, что они начинаютъ уклоняться отъ внутренній своей совѣсти. «Посмотрите» говорю я имъ:—«какую пользу приноситъ благочестіе въ здѣшней жизни!» Мистриссъ Несбитъ, кажется, вы знакомы съ св. Писаніемъ?

— Да, сказала мистриссъ Несбитъ: — я всегда вѣрила въ пользу религіознаго воспитанія.

— Все вздоръ! сказалъ Томъ: — я не вѣрю этому! Я не вижу пользы обращать этихъ людей въ низкихъ лицемѣровъ. По мо-

ему, мегру съдѣстуєть дать такое воспитаніе, которое доставили бы мнѣ деньги; но, чортъ возьми! если онъ подползетъ ко мнѣ змѣй и станетъ говорить, что это его долгъ, право, я готовъ задушить его! Религіознаго воспитанія, какъ вы называете его, онъ не понимаетъ, не пойметъ и не можетъ понять; это воспитаніе ии больше не меныше, какъ одно лицемѣрство.

— Неправда, сказалъ Джекиль: — основанное на добрыхъ правилахъ, оно не можетъ быть лицемѣрствомъ. Прибѣгайте къ этимъ правиламъ въ свое время, внушайте ихъ надлежащимъ образомъ, и вы вскорените ихъ. Въ нашемъ округѣ, противъ религіознаго образованія, при самомъ его началѣ, было большое предубѣжденіе. У насть боялись, что негры забудутся. Но миссионеры не дремали: они ввели въ свое ученіе сильные доводы относительно правъ господина.

— Все это вѣдоръ! повторилъ Томъ Гордонъ.

Тетушка Несбитъ посмотрѣла на него съ такимъ выражениемъ, какъ будто падала въ обморокъ. Но спокойствіе мистера Джекиля ни мало при этомъ не нарушилось.

— Я могу только одно сказать, продолжалъ онъ: — что относительно приращенія капитала, должно держаться практическаго взгляда на предметы. Съ тѣхъ порь, какъ у насть поселились миссионеры, издали правила своего ученія и распространяли ихъ между цергами, цѣнность ихъ возвысилась на десять процентовъ. Негры сдѣлались довольноѣ своей судьбой. Побѣги между ними сдѣлались рѣже, и это собственно потому, что въ господинъ ихъ сосредоточивается вся верховная власть, которой они должны повиноваться. Согласитесь, что это пре-восходная вещь.

— Я рѣшительно возстаю противъ такого рода ученія, сказалъ Клэйтонъ.

Тетушка Несбитъ до иелья разширила глаза, какъ будто она не довѣряла своему слуху.

— Позвольте узнать, въ чемъ же заключаются ваши возраженія? сказалъ мистеръ Джекиль, съ невозмутимымъ спокойствиемъ....

— Въ томъ, что во всемъ этомъ заключается чистѣйший обманъ, отвѣчалъ Клэйтонъ такимъ положительнымъ тономъ, что все общество посмотрѣло на него съ удивленіемъ.

Клэйтонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молчаливыхъ людей, которыхъ рѣдко можно вызвать на разговоръ, но, вызванные

однажды, они вступают въ него со всѣмъ увлеченіемъ. Не обращая, повидимому, вниманія на изумлѣніе всего общества, онъ продолжалъ:

— Это обманъ, тѣмъ болѣе позорный, что съ помощію его приводятъ въ недоумѣніе простосердечныя, необразованныя, довѣрчивыя созданія. Я не въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ благомыслящій человѣкъ можетъ смотрѣть въ лицо другому подобному себѣ человѣку и говорить подобныя вещи. Мнѣ помнится, въ одномъ изъ отчетовъ миссіонеровъ, между прочимъ, говорится, что когда это ученіе въ первый разъ провозглашено было въ какомъ-то собрания негровъ, то всѣ благоразумнѣйшиe изъ нихъ встали и преспокойно удалились; и признаюсь, я уважаю ихъ за это.

— И прекрасно сдѣлали! сказалъ Томъ Гордонъ: — я умѣю держать своихъ негровъ, не приѣгая къ подобной нелѣпости.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, сказалъ Клэйтонъ: — что эти миссіонеры — люди благопамѣреніе; по они, вѣроятно, воображаютъ, что единственное средство пріобрѣсть вліяніе надъ неграми, заключается въ угожденіи владѣльцамъ. Въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, они впадаютъ въ тоже заблужденіе, въ какое впали іезуиты, смѣшавъ христіанство съ язычествомъ, съ токо цѣлію, чтобы имъ позволили проникнуть и утвердиться въ Японіи. Обманъ никогда не принесетъ пользы ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ отношеніи.

— Я совершенно того же мнѣнія, съ горячностью сказала Нина.

— Но если вы не дадите имъ этого образованія, — чему же вы ихъ научите? спросилъ мистеръ Джекиль.

— Научите ихъ только тому, что вы имѣете власть, сказалъ Томъ Гордонъ: — научите ихъ познавать силу вашего кулака! Этого для нихъ весьма достаточно. Во мнѣ много недостатковъ, я это знаю; но я терпѣть не могу лицемѣрства. У меня судь и расправа коротки. Возьму въ руки пистолетъ, и скажу какомунибудь негодяю: ты видишь это! ты дѣлаешь то-то и то-то, смотри же, я тебя предупреждаю! сдѣлаешь еще разъ, — и жизнь твоя кончится отъ выстрѣла! Вотъ основаніе моего управлениія пеграми. Пусть каждый изъ нихъ, поступая на мою плантацио, знаетъ, чего онъ долженъ ожидать.

Эти слова поразили мистера Джекиля. Тетушка Несбитъ показывала видъ, какъ будто ожидала этого, и продолжала ку-

шать картофель съ такимъ угрюмымъ спокойствіемъ, какъ будто ничто не могло удивлять ее. Нина казалась чрезвычайно огорченна, и обратилась къ Клэйтону съ умоляющимъ взглядомъ.

— Что касается до меня, сказалъ Клэйтонъ:— я основываю религіозное воспитаніе моихъ людей па томъ, что каждый изъ нихъ, и мужчина и женщина, должны отдать отчетъ о себѣ одному только Богу, и что велѣніямъ Бога должно повиноваться прежде, чѣмъ мнѣ.

— Помилуйте, сказалъ мистеръ Джекиль: — это послужило бы поводомъ къ нарушенію всякой дисциплины. Если вы пам'ревы каждому изъ этой толпы нѣвѣждѣ и самолюбивыхъ негодяевъ дать полную свободу судить по своему о велѣніяхъ Бога, тогда одинъ заговоритъ одно, другой другое, тогда конецъ всякому порядку. При такомъ условіи невозможно управлять плантаціей.

— Зачѣмъ же допускать, чтобы эта толпа была толпою нѣвѣждѣ? сказалъ Клэйтонъ:— ее нужно научить, чтобы она умѣла читать книги св. Писанія безъ посторонней помощи и могла бы видѣть, что моя власть согласуется съ тѣми понятіями о ней, которыя толпа эта усвоитъ. Если я приказываю что нибудь несообразное съ ихъ почитіями о моей власти, они не обязаны повиноваться мнѣ.

— Гм! желалъ бы я видѣть плантацію съ такимъ управлѣніемъ, съ преэрѣніемъ сказалъ Томъ Гордонъ.

— Благодаря Бога, вы увидите ее, если пожалуете на мою плантацію, сказалъ Клэйтонъ: — вы доставите мнѣ своимъ посѣщеніемъ большое удовольствіе, сэръ.

Тонъ, которымъ Клэйтонъ произнесъ эти слова, до такой степени былъ искрененъ и чистосердеченъ, что Томъ припущенъ быть замолчать, и, хотя и съ мрачнымъ видомъ, принять такое приглашеніе.

— Я полагаю, сказалъ мистеръ Джекиль:— что такая мѣра, какъ бы она ни была хороша съ самаго начала, окажется впослѣдствіи никуда негодною. Вы позволите этимъ людямъ умствовать и они не захотятъ занимать тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они для васъ болѣе всего необходимы; они зайдутъ слишкомъ далеко; такова ужъ человѣческая натура. Чѣмъ больше вы даете, тѣмъ больше они будутъ требовать. Позволивъ своимъ людямъ обсуждать и предлагать всякаго рода вопросы, вы сейчасъ же сдѣлаете ихъ недовольными. Я видѣлъ этотъ опытъ въ

двухъ трехъ мѣстахъ, и онъ никогда не удавался. Негры становились безнокойными и недовольными. Чѣмъ больше вы давали имъ, тѣмъ недовольнѣе они становились, и наконецъ толпами бѣжали въ вольные штаты.

— И прекрасно, сказала Клэйтонъ: — если ужъ таковъ и долженъ быть результатъ, то пусть они бѣгутъ, лишь бы только приготовились къ тому. Если мои благоразумныя мѣры, если мое віяніе, основанное на пачалахъ здраваго разсудка, покажутся для нихъ невыносимыми, то я не хочу и удерживать ихъ. Тѣмъ больше никогда не соглашусь удерживать ихъ, внушая имъ, во имя религіи, ложныя убѣжденія, должно поставляя себя предметомъ повиновенія, должно присвоивая себѣ власть моего Создателя.

— Мистеръ Клэйтонъ говорить съ увлеченіемъ, сказала Карсонъ: — съ особеннымъ увлеченіемъ. Я бы желаль, чтобы наши сѣверные приверженцы свободы послушали вѣсль. Мы всегда бывають противны эти аболиціонисты, которые поселяютъ раздоръ между сѣверными и южными штатами, прерываютъ торговли и дружелюбныя сношенія и, вообще, производятъ подобные вещи.

— Мистеръ Клэйтонъ говорить съ увлеченіемъ, сказала мистеръ Джекиль: — это правда! но, мнѣ кажется, онъ ошибается, воображая, что можетъ воспитать нашихъ негровъ въ этомъ духѣ при нашихъ учрежденіяхъ, не сдѣлавъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы. Замѣчатель фактъ, что самыя гибельныя возмущенія происходили именно отъ чтенія Бібліи этими необразованными людьми. Возьмемъ для примѣра Ната Торнера, въ Виргиніи, и Вези, съ его сообщниками, въ Южной Каролинѣ. Я одно могу сказать, что воспитаніе толпы невѣжественныхъ людей, основанное на Бібліи, не поведеть къ добру. Эту священную книгу можно назвать источникомъ жизни, когда ею пользуются надлежащимъ образомъ; въ рукахъ же необразованныхъ людей, она будетъ служить источникомъ смерти. Самое лучшее въ этомъ случаѣ: удалять изъ нея такія частицы, которыя будуть удобопонятны для этихъ созданій. Эта удивительная система религіознаго воспитанія доставляетъ намъ возможность держать негровъ въ нашихъ рукахъ: мы можемъ выбирать для нихъ такія мѣста, которыя болѣе всего внушаютъ имъ смиреніе, почтительность и повиновеніе; потому-то я и утверждаю, что тотъ, кто вздумаетъ

управлять плантацией по другой системѣ, непремѣнно раззорится.

— Значить, вы боитесь довѣрить имъ слова Спасителя, сказать Тому, съ презрительной улыбкой: — это мы правите.

— Ваше замѣчаніе до меня не относится, сказалъ Клэйтонъ: — я охотно отрекаюсь отъ всѣхъ правъ, которыхъ не въ состояніи защищать словомъ Божіимъ, которыхъ не могу называть своими предъ человѣкомъ съ развитыми понятіями. Мы не навѣстимъ пса, что я долженъ угнетать человѣческій умъ и оставлять его въ невѣжествѣ и младенческомъ состояніи, съ той цѣлію, чтобы заставить его вѣрить въ ложь, которую вздумаю говорить ему на счетъ моихъ правъ! Я хочу имѣть людей здравомыслящихъ, получившихъ иѣкоторое образованіе, людей, которые должны повиноваться мнѣ по сознанію, что въ этомъ повиновеніи заключается ихъ собственная польза, и что вмѣстѣ съ правомъ позволяеть ими я долженъ заботиться объ ихъ благополучіи.

— По моему мнѣнію, сказалъ Томъ: — тотъ и другой способъ управлять людьми — чистѣйшій вздоръ. Въ одномъ случаѣ они могутъ сдѣлаться лицемѣрами, въ другомъ — мятежниками. Лучшее средство для воспитанія этихъ людей заключается въ томъ, чтобы доказать имъ, что безъ насъ они не могутъ обойтись. Всякіе другіе доводы и доказательства ни къ чему не поведутъ. Этими людямъ надобно только дать понять, что въ дѣлѣ подобнаго рода не можетъ быть двухъ дорогъ, и тогда у васъ все будетъ спокойно.

Послѣ этого замѣчанія разговоръ продолжался съ значительной горячностью, такъ, что Нина и тетушка Несбитъ приуждены были встать и удалиться въ гостиную. Нина, съ обычнымъ чистосердечіемъ, восхищалась словами Клэйтона, и это восхищеніе, быть можетъ, служило ей существеннымъ ободрѣніемъ удерживать прозію, которую онъ занялъ.

— Неправда ли, какъ прекрасно говорить онъ? сказала Нина тетушкѣ Несбитъ, вошедъ въ гостиную: — сколько проглядываетъ благородства въ каждой его мысли! А этотъ отвратительный Джекиль! у него, должно быть, препизкая душа.

— Дитя! сказала тетушка Несбитъ: — ты удивляешь меня своими словами! Мистеръ Джекиль очень почтенный адвокатъ, старшина въ нашей церкви и вообще человѣкъ весьма небожныхъ правилъ. Онъ далъ мыѣ превосходнѣйшій совѣтъ на

счетъ моихъ дѣлъ, намѣренъ взять съ собой Милли и пріискать для нея выгодное мѣсто. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя открытия и хочетъ сообщить тебѣ ихъ послѣ обѣда. Онъ узналъ, что въ Миссисипи есть одно имѣніе, которое стоитъ сто тысячъ долларовъ, и которое по всемъ правамъ должно поступить въ твоё владѣніе.

— Не вѣрю ни одному слову этого человѣка, сказала Нина.— Я не люблю этого человѣка, ненавижу его, не хочу слушать его, не вѣрю ему!

— Нина! какъ часто я остерегала тебя отъ внезапныхъ предубѣжденій, тѣмъ болѣе ты не должна имѣть подобныхъ предубѣжденій противъ такого человѣка.

— Извините, тетушка, вамъ меня не убѣдить, что это добрый человѣкъ, даже и тогда, если бы онъ былъ старшиной въ двадцати церквяхъ!

— Во всякомъ случаѣ, дитя мое, ты должна выслушать его. Твой братъ очень разсердится, если ты этого не сдѣлаешь, — и къ тому же извѣстіе, которое онъ хочетъ сообщить, весьма важно. Ты не должна огорчить своего брата.

— Ваша правда, тетушка, сказала Нина: — я выслушаю его, и буду держать себя по возможности лучше. Быть можетъ это ускорить его отѣзду отсюда. Не знаю почему, но его разговоръ для меня хуже ругательствъ Тома! Увѣряю васъ.

Тетушка Несбитъ посмотрѣла на Ницу съ такимъ выражениемъ, какъ будто считала ее существомъ, совершенно погибшимъ.

ГЛАВА XV.

ИМѢНІЯ МИСТЕРА ДЖЕКІЛЛЯ.

Когда джентльмены перешли въ гостиную, Нина, по приглашенію Тома, послѣдовала за нимъ и мистеромъ Джекиллемъ въ библіотеку.

— Мистеръ Джекилль намѣренъ сообщить намъ нѣкоторыя извѣстія на счетъ нашего имѣнія въ Миссисипи, и если эти извѣстія примутъ оборотъ, какого онъ надѣется, то дѣла наши значительно поправятся, сказалъ Томъ.

Нина безпечно опустилась въ сафьяновое кресло, стоявшее подлѣ окна, и устремила свой взглядъ вдоль дубовой аллеи.

— Занимаясь дѣлами по порученію вашего батюшки, скажь мистеръ Джекиль, тоже садясь и расправляя туго накрахмаленные кончики своего воротника: — я въ значительной степени ознакомился съ вашимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, весьма естественно принималъ въ немъ живое участіе и постоянно заботился о его интересахъ. Вы, вѣроягно, помните, что сестра вашего батюшки, мистрисъ Стюартъ, получила въ наслѣдство, послѣ своего мужа, прекрасное имѣніе въ Миссисипи.

— Помню, помню, сказалъ Томъ: — продолжайте.

— Она умерла, и завѣщала все своему сыну. Сынъ этотъ, какъ кажется, подобно многимъ молодымъ людямъ, завелъ преступную связь съ хорошенькой квартиронкой, съ горничной его матери. Будучи хитрымъ созданіемъ, какимъ бываютъ многоязычные, она до такой степени опутала его своими сѣтями, что онъ увезъ ее въ Огіо, женился на ней, жилъ съ ней не сколько лѣтъ и имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей. Онъ перевезъ ее въ Огіо собственно съ тою цѣлію, чтобы освободить ее, чтѣど дозволяется законами того штата. Мысль эта такъ сильно вкоренилась въ немъ, что онъ не могъ отказаться отъ нея, тѣмъ болѣе, что жена его подстрекала къ тому. Надо полагать, что она была женщина дальновидная, женщина, какъ говорится, съ характеромъ, иначе она бы не сумѣла такъ распорядиться. Мужъ ея умеръ мѣсяцемъ шесть тому назадъ, завѣшивъ плантацию и все свое имущество ей и дѣтямъ, и она дѣйствовала такъ умно, что сдѣлалась наслѣдницей завѣщенаго имѣнія. По наружности, она до такой степени приближалась къ племени бѣлыхъ, что изъ двадцати человѣкъ едва ли нашелся бы хоть одинъ, который бы догадался, что она такое. Окружавшіе ее не хотѣли даже и подумать обѣ этомъ: всѣ полагали, всѣ были увѣрены, что она принадлежитъ къ числу бѣлыхъ штата Огіо; никто бы, кажется, и не винкнулъ въ это обстоятельство, еслибы на ту пору не случился я въ тамошнихъ краяхъ. Дѣло было вотъ какъ. Она удалила отъ себя управляющаго плантацией, потому что негры жаловались на него. Случайно я встрѣтился съ этимъ человѣкомъ, онъ началъ разсказывать свою исторію, и, послѣ немногихъ вопросовъ, я узналъ, что это за люди. Я немедленно отправился къ одному изъ известныхъ адвокатовъ, потому что въ головѣ моей сейчасъ же мелькнула идея, что тутъ есть обманъ. Мы пересмотрѣли всѣ законы обѣ освобожденіи негровъ, и нашли, что акты обѣ эманципаціи ни боль-

ше, ни меныше, какъ одна макулатура. Слѣдствіемъ этого было то, что и она и ея дѣти такіе же теперь невольники, какъ и всѣ другія на ёя плантациі; и что все имѣніе, стоящее по крайней мѣрѣ сто тысячи долларовъ, принадлежитъ вашей фамилії. Я проѣхалъ съ адвокатами по всей плантациі, отрекомендовался ей и ея дѣтямъ, и осмотрѣль ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Понимая въ смыслѣ товара, я долженъ назвать ихъ драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ. Ей не много больше сорока, но на видъ она кажется не старше двадцати семи, или много двадцати восьми лѣтъ. Она очень видна, и, какъ говорятъ, очень умная женщина. На какомъ угодно рынкѣ за нее можно получить отъ одной до полуторы тысячи долларовъ. Смолли сказывалъ, что за нее падутъ и двѣ тысячи: стоитъ только переправить въ документахъ годъ ея рождения; но я не хотѣлъ и слышать объ этомъ, потому что подлогъ не въ моемъ характерѣ. А потомъ дѣти этой женщины: у нея два премиленькихъ ребенка, какихъ я никогда еще не видѣлъ, и почти какъ бѣлы. Мальчику лѣтъ десять; девочкѣ не больше четырехъ. Само собою разумѣется, я озабочился удержать ихъ, потому что, по моему мнѣнію, эта женщина съ своими дѣтьми составляютъ вѣсмь важную часть имѣнія: убѣги они до нашего прѣѣзда, и плантациѣ потеряла бы лучшихъ своихъ представителей. Гордоны—прямые и законные владѣтели этой плантациі: я нисколько не сомнѣваюсь, что вы немедленно объявите свои права на нее. Актъ освобожденія противорѣчить закону; и хотя покойный имѣль въ виду оказать благодѣліе, но тѣмъ не менѣе этимъ онъ отнялъ отъ наследниковъ то, что составляетъ ихъ неотъемлемую собственность. При видѣ спокойствія, съ которымъ это созданіе распоряжалось имѣніемъ, принадлежащимъ по закону вамъ, я приходилъ въ сильное негодованіе. Теперь, остается только получить согласіе наследниковъ; я отправлюсь туда и немедленно начну судебній процессъ.

Во все это время Нина, пристально и съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, глядѣла на мистера Джекиля.

— Мистеръ Джекиль, сказала она: — вы, кажется, старшина въ нашей церкви, правда ли это?

— Да, миссъ Гордонъ, я имѣю эту привилегію, отвѣчалъ мистеръ Джекиль, переходя отъ рѣзкаго, дѣловаго тона, къ мягкому, и заключивъ слова свои вздохомъ.

— А я, мистер Джекиль, ни больше, ни меньше какъ свое-правная девочка, весьма мало ценимающая религию. Скажите же пожалуйста, какъ христианинъ, есть ли справедливость въ вашемъ совѣтѣ? на чёмъ основывается право, по которому я должна лишить эту женщину свободы, отнять у нея дѣтей и имѣніе?

— Вы должны это сдѣлать, мисс Гардонъ; тутъ нѣть никакого сомнѣнія: развѣ владѣть своею собственностью не есть уже право? Я смотрю на вещи глазами закона, а въ глазахъ закона эта женщина съ своими дѣтьми составляетъ вашу неотъемлемую собственность, какъ составляетъ ее башмакъ на вашей ногѣ; тутъ рѣшительно не въ чѣмъ сомнѣваться.

— Желала бы я знать, мистер Джекиль, сказала Нипа: — съ какой точки зреіїя стали бы вы смотрѣть па это, еслибъ въ дѣйствіяхъ своихъ вы руководились словами св. Писанія? Какъ вы думаете, понравился ли бы мнѣ подобный поступокъ, еслибы я была на мѣстѣ этой женщины?

— Милая мисс Гардонъ, позвольте вамъ замѣтить, что молодые барышни, съ вашими прекрасными чувствами и вашего возраста, часто заблуждаются, неправильно примѣняя слова св. Писанія. Положимъ, что я разбойникъ, грабитель, который насильственнымъ образомъ отнялъ отъ васъ все ваше достояніе. Само собою разумѣется, я не захотѣлъ бы, чтобы меня припудили возвратить вамъ вашу собственность. Но можно ли вывести изъ этого золотое правило, что законный владѣтель не имѣеть права отнять у меня все, чтò принадлежитъ ему? Эта женщина есть ваша собственность, ея имѣніе тоже ваша собственность, и она владѣеть имъ незаконно, какъ воровка. Безъ всякаго сомнѣнія, она не захочетъ отдать вамъ своего владѣнія, по не смотря на то, право все-таки остается правомъ.

Подобно многимъ молодымъ людямъ, Нинѣ не нравились софизмы подобного рода, тѣмъ болѣе, что она не умѣла возражать на нихъ въ свою очередь софизмами, и потому на всѣ эти доводы она отвѣчала весьма просто:

— Во всякомъ случаѣ, я не вижу тутъ никакого права.

— Все это вздоръ! сказалъ Томъ: — кому какая нужда, есть ли тутъ право или нѣть? Дѣло въ томъ, Нипа, говоря тебѣ откровенно, ты и я въ настоящее время страшно нуждаемся въ деньгахъ; къ чему тутъ выставлять себя религиознѣе самыхъ религиозныхъ людей нашего времени? Мистеръ Джекиль чело-

вѣкъ набожный, одинъ изъ старшихъ членовъ нашей церкви! По его мнѣнію, это справедливо, за чѣмъ же намъ противорѣчить? Мистеръ Джекиль говорилъ объ этомъ съ лядомъ Джономъ, и тотъ вполнѣ соглашается съ нимъ. Для меня, такъ рѣшительно все равно, если тутъ право или нѣтъ! Я самъ сдѣлаю это право: сила есть право, — вотъ мое мнѣніе.

— Я изучалъ этотъ предметъ, сказалъ мистеръ Джекиль: — я никакъ не сомнѣваюсь, что невольничество есть учрежденіе благодѣтельное, и что права владѣтелей освящены самимъ Богомъ; по этому, какъ мнѣ не жаль эту женщину, какъ не несчастно ея положеніе, но все же мой долгъ наблюдать за исполненіемъ закона.

— Все, что я имѣю сказать, мистеръ Джекиль, сказала Нина: — заключается въ слѣдующемъ: — я не хочу мѣшаться въ это дѣло; если я не въ состояніи доказать, то всегда буду сознавать, что оно несправедливо.

— Ну, какъ это глупо! сказалъ Томъ.

— Я сказала, что чувствую, возразила Нина, вставая и выходя изъ комнаты.

— Весьма естественно, слова ваши доказываютъ, что въ душѣ у васъ чувства нѣжныя, но не получившія вѣрнаго направлѣнія, сказалъ мистеръ Джекиль.

— Разумѣется, мы люди опытные, набожные, мы знаемъ, какъ должно поступать въ этомъ дѣлѣ, — не такъ ли? возразилъ Томъ. Послушайте, Джекиль: сестра моя самое вѣтренное существо, вы можете заключить это по ловушкѣ, которую сегодня она намъ поставила. Она въ состояніи испортить все дѣло, если мы не приступимъ къ нему сейчасъ же. Надо вамъ сказать, что ея любимецъ негръ, этотъ Гарри, родной братъ женщины, изъ-за которой у насъ идетъ дѣло, и если Нина скажетъ Гарри о нашемъ предпріятіи, онъ напишетъ ей и заставитъ поднять тревогу. Завтра чѣмъ свѣтѣ, не дожидаясь возвращенія этого Гарри, мы отправимся въ путь. Онъ, какъ кажется, уѣхалъ отсюда на пѣсколько дней. Соглашается ли Нина на этотъ процессъ или нѣтъ, рѣшительно все равно. Она, какъ видно, не заботится о своихъ интересахъ.

— Совѣтую вамъ, сказалъ Джекиль: — поступить по справедливости, то есть, укрѣпить за собой эту женщину и ея дѣтей. Вы сдѣлаете прекрасный и законный поступокъ. Ваша фамилія и то уже должна громадную сумму за очевидное уклоне-

вія отъ законовъ здѣшняго штата. Дѣло это внесено будетъ въ открытый судъ, и ей позволено будетъ явиться въ него съ своимъ адвокатомъ. Слѣдовательно, совѣсть тутъ не пострадаетъ. А возвышенныя чувства вашей сестрицы даютъ вѣрное ручательство, что судьба этой женщины будетъ такъ же хороша въ рукахъ мисс Нины, какъ и въ ея собственныхъ.

Мистеръ Джекиль говорилъ теперь уже не для того, чтобы убѣдить Тома Гордона, но чтобы успокоить самого себя. Вопросы Нины пробудили въ душѣ его чувство необходимости разсмотрѣть тѣ доводы, съ помощью которыхъ онъ обыкновенно убѣждалъ самого себя.

Мистеръ Джекиль былъ теологъ и человѣкъ строгихъ правилъ. За познанія въ метафизикѣ, онъ пользовался отъ своихъ собратій значительнымъ уваженіемъ; все свободное время, онъ посвящалъ чтенію богословскихъ трактатовъ. Его любимымъ предметомъ было опредѣленіе сущности истинной добродѣтели; по его мнѣнію, она заключалась въ стремлениі къ величайшему благу. По его теологическимъ убѣжденіямъ, цѣль и право всѣхъ существъ состояли въ достижениіи высшей степени счастія; и каждое созданіе имѣло право быть счастливымъ соразмѣрно способности своей наслаждаться счастіемъ. У кого эта способность составляла, положимъ, десять фунтовъ, тотъ имѣлъ право ставить свое счастіе выше того, кто имѣлъ только пять, потому что такимъ образомъ общій итогъ увеличивался пятью фунтами. Понятія мистера Джекиля о невольничествѣ были основаны именно на этихъ убѣжденіяхъ. Онъ говорилъ, что такъ какъ бѣлое племя имѣло большую способность наслаждаться счастіемъ, то оно и должно держать въ рукахъ свою власть надъ чернымъ. — Часто и горячо спорилъ онъ объ этомъ предметѣ съ мистеромъ Иэрaelь-Макъ-Фогомъ, который, принадлежа къ другой теологической школѣ, приписывалъ все это закону, въ силу которого Творцу угодно было, во время Ноя, произнестъ проклятие надъ Ханааномъ. Фактъ, что африканское племя не происходилъ отъ хананитянъ, производилъ, конечно, маленькую несообразность въ его выводѣ, но теологи привыкли ежедневно преодолѣвать гораздо большія затрудненія. Во всякомъ случаѣ, оба противника достигали одного и того же практическаго результата. Мистеръ Джекиль, хотя и былъ жесткаго характера, но природа одарила его не болѣе жесткимъ и нечувствительнымъ сердцемъ, чѣмъ у другихъ людей; душа же его, вслѣдствіе

чнегойтнаго странствованія по областямъ закона, и темо-
гіи, проявилась такимъ непоколебимымъ уваженіемъ ѿ ве-
личайшему мірскому благу, что онъ сдѣлался совершение не до-
ступнымъ всякому другому человѣческому чувству. Дрожащій
голосъ сожалѣнія, которымъ Нина говорила о жемчінѣ и дѣ-
тахъ, долженствовавшихъ сдѣлаться жертвою законнаго поста-
новленія, возбудилъ въ немъ только минутное сожалѣніе.

ГЛАВА XVI.

РАССКАЗЪ МИЛЛИ.

Нина провела вечеръ въ гостиной. Ея братъ, одушевленный
мыслію о получении наслѣдства, забыть объ утреннемъ раздо-
рѣ, старался быть любезнымъ, и обходился съ ней съ такимъ
вниманіемъ и добролюбіемъ, какихъ не оказывалъ ей съ мину-
ты своего пріѣзда въ Канема. Даже Клэйтому сказали онъ из-
колько ловкихъ комплиментовъ, которые съ радушиемъ были
приняты послѣднимъ, и послужили къ большему, чѣмъ онъ
предполагалъ, развитію въ Нинѣ хорошаго расположения духа;
такъ что, вообще говоря, Нина провела вечеръ исключительно
приятно. Возвратившись въ свою комнату, она застала Милли,
которая терпѣливо ожидала ее, уложивъ сначала въ постель
свою госпожу.

— Завтра утромъ, миссъ Нина, я отправляюсь въ путешест-
вие. Немного остается мнѣ полюбоваться вами, моя милочка.

— Я не могу слышать, что тыmasъ оставляешь, Милли. Мнѣ
не нравится тотъ человѣкъ, съ которымъ ты уѣзжаешь.

— А мнѣ кажется, онъ очень хороший человѣкъ, сказала
Милли: — безъ всякаго сомнѣнія, онъ пріищеть для меня хоро-
шее мѣсто. Вѣдь онъ постоянно заботился о дѣлахъ миссъ Лу; —
такъ ужь вы-то, пожалуйста, обо мнѣ не беспокойтесь! Я вѣдь
вотъ что скажу, дитя мое; я не пойду туда, гдѣ не могу обрѣ-
сти Господа; и охотно пду туда, гдѣ могу обрѣсти его. Господь
— мой пастырь: о чёмъ же мнѣ заботиться?

— Но, Милли, ты не привыкла жить въ другомъ мѣстѣ, кро-
мѣ нашего семейства, сказала Нина: и я пѣкоторымъ образомъ
боюсь за тебя. Если съ тобой будутъ дурно обходиться, приходи
назадъ. Ты это сдѣлаешь, — не правда ли?

— Ахъ, дитя мое! Я за себя висколько не боюсь. Когда я ходи исполняють свои обязанности и дѣлають, что только могутъ, съ ними всегда хорошо будуть обходиться. Я еще не видѣла людей, съ которыми не могла бы ужиться, прибивила Милли съ сознаніемъ своего достоинства. Нѣть, дитя мое, не за себя, но за вась я боюсь. Миссъ Ниша! вы еще не знаете, что значить жить въ этомъ свѣтѣ, и мнѣ бы хотѣлось познакомить вась съ лучшимъ другомъ, который бы помогалъ вамъ идти по дорогѣ жизни. Овечка моя, вамъ нуженъ человѣкъ, которому вы моглибы иногда открыть свое сердце, который бы любилъ и защищалъ вась, который бы постоянно вѣль вась по прямому пути. Заботъ у вась больше, чѣмъ бы слѣдовало имѣть такому юному созданію; многие зависятъ отъ вась и многие вась разоряютъ. Дѣло другос, еслибъ жива была ваша мама. Но теперь совсѣмъ не то; много вы передумаете, много перечувствуете, и некому высказать своего сердца. Въ этомъ случаѣ, дитя мое, вы должны обращаться къ Господу. Вѣдь онъ, милосердый, любить вась; любить вась такими, какъ вы есть. Еслибъ вы постигли это, ваше сердце таяло бы отъ умиленія. Когда-то я хотѣла разскажать вамъ исторію моей жизни и, между прочимъ, о томъ, какимъ образомъ я въ первый разъ обрѣла моего Спасителя. О, Боже, Боже! Впрочемъ, это длинная исторія.

Нѣжная чувствительность Ниши была затронута горячностью словъ ея старого друга, а еще болѣе намеками на покойную жить, и потому она отвѣчала съ необычайной живостью:—Ради Бога! раскажи мнѣ, Милли!—Съ этими словами, она придвинула небольшую кушетку, опустилась на нее и склонила головку на колѣни своей смиренной Милли.

— Ужь такъ и быть, извольте, моя милочка, сказала Милли, глядя своими черными большими глазами на какой-то неподвижный предметъ, и говоря протяжно, голосомъ, который обнаруживалъ мечтательность и задумчивость.—Жизнь человѣческая въ этомъ мірѣ—вещь чрезвычайно странная. Моя мать... но прежде всего надоно сказать, что ее вывезли гзъ Африки, отца—тоже. Сколько прекрасного и дивнаго говорила она мнѣ объ этой странѣ! Тамъ, напримѣръ, рѣки бѣгутъ не по песку, какъ здѣсь,—а по золоту, и растутъ такія громадныя деревья, съ такими чудными прелестными цветами, какихъ здѣсь вы никогда не видали. Оттуда-то и привезли мою мать и отца; привезли ихъ въ Чарльстонъ, и тамъ мистеръ Кэмпбелль—отецъ ва-

шай мама, купилъ ихъ прямо съ корабля. У отца моего и матери было пятеро дѣтей; ихъ тоже продали, куда?—они никогда не знали. Вышедъ на берегъ, они не умѣли сказать слова поанглійски. Часто говорила мнѣ мать, какъ больно было ей потерять дѣтей своихъ и не умѣть высказать свое горе. Былъ еще ребенкомъ, я помню, часто она, съ окончаніемъ дневныхъ работъ, выходила изъ дома, садилась на крыльцо, глядѣла на звѣзды и вздыхала. Я была тогда маленькая шалунья; подходила къ ней, прыгала и говорила: «мамми, о чёмъ ты вздыхаешь? что съ тобой сдѣлалось? что за горе у тебя?»—У меня, дочь моя, довольно горя, говорила она. Я вспоминаю о моихъ бѣдныхъ дѣтяхъ. Я люблю смотрѣть на звѣзды, потому что дѣти мои тоже смотрѣть на нихъ. Мнѣ кажется, мы теперь какъ будто въ одной комнатѣ;—а между тѣмъ я не знаю, гдѣ они. Не знаютъ и они, гдѣ я. Вотъ и тебя, дочь моя, возьмутъ отъ меня и продадутъ. Почему знать, что ожидаетъ тебя впереди? Помни, мой другъ, если приключится тебѣ какое нибудь горе, какъ это бываетъ со мной, проси Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ.—«Кто же этотъ Богъ, мамми?»—однажды спросила я. «Невидимое существо дочь моя, Которое создало всѣ эти звѣзды.» Разумѣется, мнѣ хотѣлось бы узнать побольше о Немъ, но на всѣ мои вопросы мамми отвѣтчила ипъ только одно:—«Онъ можетъ сдѣлать все, что Ему угодно; и если ты находишься въ какомъ бы то ни было затруднительномъ положеніи, Онъ можетъ помочь тебѣ.» Въ то время я не много, обращала вниманія на ея слова, продолжала прыгать, вовсе не думая, что мнѣ когда нибудь придется просить Его помощи. Но она такъ часто повторяла мнѣ обѣ этомъ, что слова ея не могли не вкорениться въ моей памяти: «Дочь моя, наступить и для тебя тяжелое время: тогда проси Бога, и Онъ поможетъ тебѣ!»

— Слова моей матери сбылись. Правда, меня не продали, но настѣ разлучили, потому что мистеръ Кэмпбелль вздумалъ перевѣхать въ Орлеанъ, и мы распостились. Отца и мать увезли въ Орлеанъ, а меня въ Виргинію. Тамъ я росла вмѣстѣ съ барышнями—съ вашей мама, съ миссъ Гарритъ, съ миссъ Лу и другими, и жизнь моя протекала весело. Всѣ онѣ любили Милли. Ни одна изъ нихъ не умѣла ни бѣгать, ни прыгать, ни кататься на лошадяхъ, ни управлять лодкой, какъ умѣла Милли. Милли бывала и тамъ, и тутъ! что бы ни задумали молодыя барышны, Милли все исполняла. Между ними, однакожъ, была большая раз-

ница. Мисс Лу была красавица и имѣла многихъ поклонниковъ; помѣвшаша мамиа, — ее всѣ любили; и потому мисс Гаррить, — праздная жизнь ей не нравилась: всегда что-нибудь да дѣлала; и она любила менѧ за то, что я ни на шагъ отъ нея не отлучалась. Да, мисс Нина, тогда для менѧ было самое счастливое время; но когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, во мнѣ пробудилось какое-то странное и тяжелое чувство. Не знаю почему, но, вмѣстѣ съ лѣтами, я начинала чувствовать, что менѧ оковываютъ какія-то невидимыя цѣпи. Поминю, однажды, ваша мама вошла въ комнату и, увидѣвъ, что я смотрю изъ окна, спросила менѧ: «Милли, я замѣчаю, ты о чёмъ-то скучаешь?» — О томъ, сказала я, что для менѧ кончились счастливые дни. — «Почему? спросила она: развѣ тебя перестали любить? развѣ ты не имѣешь всего, чего ты хочешь?» — Ваша правда, отвѣчала я: — но вѣдь я невольница: вотъ и вся причина моей грусти. Милая Нина! ваша мама, была такая же женщина, какъ вы. Я поминю ея взглѣдъ въ ту минуту. Мнѣ было досадно на себя; казалось, что я огорчила ее своими словами. «Милли, сказала она: не удивляюсь твоей грусти: на твоемъ мѣстѣ, я бы чувствовала тоже самое.» Ваша мама сказала обѣ этомъ мисс Лу и мисс Гаррить, по опѣ засмѣялись и замѣтили, что еще не всякая дѣвочка можетъ быть такъ хорошо пристроена, какъ Милли.

«Мисс Гаррить вышла замужъ первая. Ей понравился мистеръ Чарльзъ Блэръ; и когда она вышла за него, ей больше ничего не оставалось, какъ только взять меня съ собою. Я любила мисс Гаррить; но для менѧ было бы пріятнѣе, еслибы въ то время вышла замужъ ваша мама. Я все разсчитывала, что принадлежу не мисс Гаррить, а вашей мама, и, какъ кажется, ваша мама хотѣла, чтобы я принадлежала ей. Но тогда она была такая тихенькая, между тѣмъ какъ для мисс Гаррить не было такой вещи, которой бы она не выпросила. Она была изъ числа тѣхъ созданий, которыхъ, если захотять чегонибудь, то, такъ или иначе, непремѣнно добываются того. У нее всегда бывало больше нарядовъ, больше денегъ, и вообще всякихъ вещей, тѣмъ у другихъ, потому что она никогда не дремала, и думала только о себѣ. Платанція мистера Блэра находилась въ другомъ концѣ Виргиніи, и я перѣхала туда вмѣстѣ съ мисс Гаррить. Но ее нельзя было назвать счастливой, ни подъ какимъ видомъ нельзя, потому что мистеръ Блэръ принадлежалъ къ большому

свѣту. Ахъ, мисс Нина! если я говорю, что выборъ вашъ хороши, и если совѣтую вамъ выдти за этого человѣка, то собственно по боязни за участъ молоденькихъ дѣнцъ; которыхъ выходить замужъ за людей изъ большаго свѣта. Пріятная наружность, любезность, изящныя манеры ихъ, нерѣдко губить несмытыхъ дѣвочекъ. Помню, когда онъ укаживалъ за ней, то, казалось, лучшетакого мужа ей и желать нельзя было. Онъ называлъ ее своимъ ангеломъ, обѣщалъ оставить всѣ дурныя привычки и вести порядочную жизнь. Она вышла за него... и всѣ обѣщанія превратились въ прахъ. Не прошло иѣсяца, какъ мистеръ Блэръ предался своимъ прежнимъ порокамъ, веселился и пьянствовалъ... или самъ въ гостяхъ, или у него гости... деньги текли какъ вода.

«Это произвело большую перемѣну въ мисс Гаррить. Она перестала смѣяться, сдѣлалась холодною и сердитою, и уже больше не была такъ ласкова ко мнѣ, какъ прежде. Она приревновала меня къ мужу; но напрасно! Даже пальцомъ до него я не дотронулась. Впрочемъ, я неудивлялась ея недовѣрчивости: мистеръ Блэръ былъ человѣкъ безхарактерный, безправственній. Моя жизнь сдѣлалась для меня источникомъ горечей, но все еще была довольно сносна. У мисс Гаррить было уже трое дѣтей, когда мужа ея разбила лошадь. Онъ былъ слишкомъ пьянъ, чтобы держаться на ней. Я думала: ну, слава Богу! теперь-то мнѣ будетъ полегче. Ничуть не бывало!... Послѣ его смерти, мисс Гаррить сдѣлалась, повидимому, спокойнѣе и добрѣе: старалась устроить себя, собирая въ одно щѣлое обломки и крохи, оставленныя ей и ея дѣтями. У нея былъ дядя, мужчина пожилыхъ лѣтъ; онъ приводилъ въ извѣстность ея долги. Однажды они сидѣли въ кабинетѣ, а я почему-то,—и сама не знаю,—занялась рукодѣльемъ въ соседней комнатѣ; но она такъ прилежно занималась счетами, что на меня не обратили и вниманія. Чтобы уплатить эти долги, надобно было, повидимому, продать и плантацию, и людей—всѣхъ, кроме очень немногихъ, которые должны были отправиться съ нею,—и снова начать жизнь болѣе скромную. И вотъ я слышу, говорить онъ ей: —и пока растутъ ваши дѣти, вы можете жить, не дѣлая лишнихъ расходовъ, сберегайте, что можно сберечь, увеличивайте ваши сбереженія, извлекайте выгоды изъ своей собственности. Цѣна на негровъ возвышается съ каждымъ днемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ округъ Миссури вошелъ въ число штатовъ, негры стали вдвое

дороне, и потому вы можете продавать ихъ за хорошую сумму. Наприѣръ, вотъ эта молоденькая негритянка Милли! — при этихъ словахъ, само собою разумѣется, я навострила уши: — вы рѣдко встрѣтите — продолжалъ онъ: такую славную, такую породистую дѣвушку! — Представьте, какъ будто рѣчь у нихъ шла о коровѣ! — Пріскали ли вы для нея мужа?

«Нѣтъ, — отвѣчала мисс Гаррить: — мало того, я замѣчаю, что Милли любить только пококетничать съ молодыми людьми, вовсе не думая о замужствѣ.»

«— На это должно обратить строгое вниманіе; потому что изъ однихъ ея дѣтей можетъ вамъ составиться порядочное имѣніе. Я знала женщину, которая имѣла по двадцати дѣтей; а вы замѣтите, что каждый изъ дѣтей вашей Милли будетъ стоить не менѣе восьми сотъ долларовъ. Вѣдь это капиталъ въ своемъ родѣ! Если они выдуть въ матеръ, то будутъ служить для васъ все равно, что наличныя деньги. Въ случаѣ нужды, вы можете послать ихъ на рынокъ и продать; и, повѣрьте, на это потребуется гораздо менѣе времени, чѣмъ на размѣнъ банковаго билета. «Ахъ, мисс Нина, эти слова, какъ синецъ падали мнѣ на душу, особенно въ то время. Я познакомилась тогда съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и въ тотъ самый день намѣрена была переговорить обѣ этомъ съ мисс Гаррить; но послѣ такихъ словъ, я оставила работу, и сказала про себя: не выду же я за мужъ въ этомъ мірѣ. Я проплакала весь день, и вечеромъ разсказалась все Полю, — молодому человѣку, о которомъ я вамъ говорила. Полъ старался успокоить меня. Онъ говорилъ, что напрасно я горюю, что этого, вѣроятно, не случится: что мисс обдумаетъ это и не рѣшится на подобный поступокъ. Во всякомъ случаѣ, мы любили другъ друга, и почему же бы намъ не воспользоваться тѣмъ счастіемъ, наслаждаться которымъ имѣютъ право другіе? Я пошла къ мисс Гаррить, и рассказала ей все, что было на душѣ. Я привыкла высказывать мисс Гаррить всѣ свои чувства, и на этотъ разъ не хотѣла отклониться отъ своей привычки. Мисс Гаррить смыялась, и совѣтовала мнѣ не плакать, потому что пока еще я ничѣмъ не обижена. Дѣла такимъ образомъ шли недѣли двѣ или три, и наконецъ Полъ убѣдилъ меня. Мы сыграли свадьбу. Когда родился у насъ первый ребенокъ, Полъ восхищался имъ и удивлялся моему унынію. Полъ, сказала я: этотъ ребенокъ не нашъ; когда нибудь его отнимутъ отъ насъ и продадутъ! — «Что же дѣлать, Милли, сказалъ онъ: — если онъ

не нашъ; то пусть онъ будетъ божиимъ ребенкомъ. Поль, миссъ-Нина, быль христіанинъ. Ахъ, дитя мое, безъ слезъ я не могу рассказывать. Послѣ этого дѣти пошли у насъ одинъ за другимъ, мальчики и дѣвочки, всѣ они росли на моихъ глазахъ. У меня ихъ было четырнадцать, и всѣхъ ихъ оторвали отъ меня и продали, всѣхъ до единаго. Господь послалъ мнѣ тяжелый крестъ! тяжелый, тяжелый! Только тотъ и можетъ постичь всю тяжесть этого креста, кто его носить!

— Какой стыдъ! воскликнула Нина. Неужели тетушка Гаррить была такая жестокая женщина? Неужели сестра моей матери могла поступить такъ безчеловѣчно?

— Дитя, дитя! сказала Милли: — кто можетъ знать, что скрывается въ глубинѣ нашей души. Когда миссъ Гаррить и я были дѣвочками, отыскивали куриные яйца и катались въ лодкѣ, тогда я и не думала, что у нея жестокое сердце, какъ въ свою очередь не думала и она. Все дурное въ дѣвочкахъ, почти незамѣтное, когда онѣ еще молоды, хороши собой, когда весь свѣтъ улыбается имъ, все это незамѣтно принимаетъ страшные размѣры, когда онѣ становятся зрѣлыми женщинами, когда лица ихъ начнутъ покрываться морщинами! Еще будучи дѣвочкой, — еще въ то время, когда мы вмѣстѣ собирали ягоды, рвали орѣхи, — въ миссъ Гаррить уже обнаруживалась сильная наклонность беречь и копить всякую всячину; съ лѣтами же болѣе зрѣлыми, эта наклонность обратилась къ деньгамъ.

— Неужели, Милли! сказала Нина: — возможно ли допустить, чтобы женщина хорошаго происхожденія, и въ добавокъ моя тетка, была способна на такія вещи?

— Не удивляйтесь, моя милочка! Повѣрьте, что и въ самыхъ благородныхъ лэди нерѣдко встрѣчаются тѣ же самые недостатки, которымъ подвержены мы, — женщины грубыя, необразованныя. Мнѣ кажется, это самая натуральная вещь въ мірѣ, стоитъ только внимательнѣе разсмотрѣть ее. Для примѣра возьмемъ хоть вашу тетушку: она была бѣдна и нуждалась въ деньгахъ до крайности. Ей нужно было платить за воспитаніе мистера Джорджа, мистера Питера и за миссъ Сюзи, всѣ они требовали денегъ; такъ, что было время, когда миссъ Гаррить не знала, какъ ей извернуться. И то сказать, поневолѣ задумашься, когда нужно заплатить двѣсти долларовъ въ одно мѣсто, триста въ другое, когда въ домѣ у васъ больше негровъ, чѣмъ можно держать, и когда вдругъ является человѣкъ, выни-

масть изъ кармана восемьсот долларовъ золотомъ и говорить:— мнѣ нужна Люси, или Джорджъ, тотъ изъ вашихъ негровъ или другой. Эти покупщики всегда умѣютъ соблазнить бѣднаго человѣка; у нихъ всегда есть наличныя деньги. Впрочемъ, я не должна говорить слишкомъ жестоко объ этихъ людяхъ: они вѣдь ничему хорошему не научились. Другое дѣло вотъ эти христіане, которые такъ много говорятъ о религіи, читаютъ біблію, ненавидятъ на словахъ покупщиковъ, и считаютъ себя неспособными имѣть съ ними какія либо сношенія, тогда какъ въ нихъ-то есть корень всего зла. Возьмемъ для примѣра хоть дядюшку миссъ Гаррить: это былъ человѣкъ чрезвычайно набожный,—всегда являлся на митинги, всегда говорилъ о чувствахъ христіанина, а все-таки возводилъ миссъ Гаррить противъ негровъ, подстрекалъ ее къ продажу ихъ. О, миссъ Нина, въ жизнѣ свою не забуду я дня, въ который продали мое первое дитя. Я излила всю душу передъ миссъ Гаррить, и она такъ горько плакала, что мнѣ стало жаль еë. Она говорила мнѣ:—Милли! впередъ я этого ни за что не сдѣлаю. Но, прости мнѣ Господи! я не вѣрила ей, ни слову не вѣрила, я знала, что она сдѣлаеть. Я знала, что въ душѣ ея было чувство, которому демонъ этотъ, ея дядя, не давалъ свободы. Я знала, что онъ позволялъ ей развлекать себя митингами, молитвами и тому подобнымъ, но ни за что не позволилъ бы себѣ выпустить изъ когтей своихъ ея сердце. Миссъ Гаррить не была злая женщина, она бы ничего не сдѣлала дурнаго, еслибы не этотъ дядя. Онъ прїѣзжалъ, читалъ молитвы, дѣлалъ увѣщанія, давалъ совѣты, и потомъ, какъ голодный волкъ, рыскалъ около моего дома, поглядывая на моихъ дѣтей.

«— Милли! говорилъ онъ:—какъ ты поживаешь? Люси у тебя становится славной дѣвочкой! Сколько ей лѣтъ? Въ Вашингтонѣ у меня есть знакомая лэди, которая нуждается въ хорошей дѣвочкѣ — лэди отличная, самыхъ набожныхъ правиль. Надѣюсь, Милли, ты не станешь упрямиться. Твоя бѣдная госпожа страшно нуждается въ деньгахъ!

«— Я не хотѣла говорить съ этимъ человѣкомъ. Только однажды, когда онъ спросилъ меня, дорого ли стоятъ, по моему мнѣнію, моя Люси, когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, я отвѣчала ему: сэръ! она для меня также дорога, какъ дорога для васъ ваша дочь. Сказавъ это, я вошла въ свою хижину и затворила дверь. Я не хотѣла видѣть, какъ онъ приметъ мои слова. Онъ воротился въ господскій домъ и завелъ разговоръ

съ мисс Гаррить. Онь говориль ей съ обязанности заботить-
ся о своемъ состояніи, а это значило—заботиться о продажѣ мо-
ихъ дѣтей. Помню, когда мисс Сюзи прѣѣхала домой изъ пан-
сиона, она была прехорошенькая дѣвушка, но я не могла смот-
рѣть на нее съ любовію, потому что на ее содержаніе въ пан-
сионѣ у меня отняли и продали троихъ дѣтей. Наконецъ от-
няли и Люси: ее отправили къ одной лэди въ горяніи; но
Боже мой! я знала, что это значило. У этой лэди былъ взрос-
лый сынъ; онъ увезъ Люси въ Орлеанъ; тѣмъ дѣло и кончилось.
Переписки между нами не водится. Равнученныя однажды, мы
не можемъ писать другъ къ другу, а это тоже или, пожалуй,
еще хуже, чѣмъ умереть. Поль выучилъ Люси пѣть передъ
сномъ небольшіе гимны, и еслибъ она умерла послѣ одного изъ
этихъ гимновъ, это въ тысячу разъ было бы лучше. Ахъ, дитя
моё! послѣ того я долго рвалась и бѣсновалась, какъ львица въ
сѣтахъ. Я была совсѣмъ не то, что теперь. Я сдѣлалась сварли-
вою и неспосплюю. Мисс Гаррить привязалась къ религіи бо-
лѣе, чѣмъ когда нибудь; адвокаты и проповѣдники были въ ся
домѣ почти безвыходно; иѣкоторые изъ нихъ заводили рѣчь со
мной. Я отвѣчала имъ коротко и ясно, что правила ихъ рели-
гія знаю очень хорошо, и не хочу ихъ слушать больше. Въ од-
номъ только Поль я видѣла истиннаго христіанина; только его
слова и утѣшали меня. Наконецъ мисс Гаррить обѣщала оста-
вить мнѣ одно дитя. Она подарила мнѣ моего младшаго сына,
и дала честное слово не продавать его. Мальчика этого звали
Альфредъ. Я любила его больше всѣхъ другихъ дѣтей. Въ немъ
заключалось все, чѣмъ мнѣ осталось любить. Господинъ Поля
уѣхалъ въ Лузіану и взялъ Поля съ собой въ то самое время,
когда Альфреду исполнился годъ. Послѣ этого мужъ мой какъ
будто въ воду канулъ; я ничего о немъ не слыхала. Такимъ
образомъ изъ большой семьи моей остался при мнѣ только этотъ
ребенокъ. И какой же славный былъ ребенокъ! Необыкновен-
ный мальчикъ! Онъ на все былъ способенъ, онъ служилъ мнѣ
отрадой. Ахъ, мисс Нипа!—еслибъ вы знали что былъ за маль-
чикъ мой Альфредъ! я не могла налюбоваться на него вдоволь.
Онъ имѣлъ сильную наклонность къ ученью; самъ собою научился
читать и иногда читалъ мнѣ Библію. Я старалась поддерживать въ
немъ эту наклонность, и, какъ умѣла, развивала ее. За одно
только въ памъ я страшилась—за его необычайную бойкость: я
боилась, что это не доведетъ его до добра, напротивъ надѣ-

заетъ ему большихъ хлопотъ. Въ немъ было столько бойкости, сколько бѣлыне любить видѣть даже въ своихъ дѣтяхъ. А между тѣмъ, когда у нихъ дѣти вздергиваютъ свои головки и бойко отвѣчаютъ, родители обыкновенно сиѣются и говорятъ: «моло-децъ! изъ него выйдетъ славный мальчикъ!» Но ужасная вещь, если сдѣлается это кто нибудь изъ нашихъ. Объ этомъ я постоянно твердила Альфреду, и совѣтовала ему быть скромнѣе. Но ни со-вѣты мои, ни увѣщанія не производили желаемаго дѣйствія. Въ немъ было столько огня, что не предвидѣлось никакой возможно-сти потушить его. Да, миссъ Нина,—пусть другіе говорятъ о не-грахъ, что имъ угодно, но я всегда останусь при своемъ убѣждѣ-ніи, что и между нами есть люди, которые ни въ чемъ не усту-пятъ бѣлымъ, если имъ будутъ предоставлены тѣ же самыя сред-ства. Многоли вы видали бѣлыхъ мальчиковъ, которые бы взы-мали научиться читать самоучкой? А мой Альфредъ научился. Я видѣла въ немъ мое единственное утѣшеніе; я надѣялась, что моя госпожа отпустить меня па оброкъ, и тогда я всѣми силами постаралась бы заработать деньги, чтобы откупить его, потому что мой Альфредъ. миссъ Нина, былъ слишкомъ уменъ, въ немъ было слишкомъ много одушевленія, чтобы быть невольникомъ. При всѣхъ своихъ способностяхъ, онъ не научился унижать себѣ; онъ никому не позволялъ бы обидѣть себя; у него всегда готово было возраженіе на всякое слово, что бы его ни ска-зали. Не смотря на то, для меня онъ былъ дорогинъ, добрымъ ребенкомъ; и когда я говорила ему, объясняла, что подобнаго рода поведеніе опасно, онъ всегда обѣщалъ держать себя осто-рожнѣе.

«Дѣла шли довольно хорошо, пока Альфредъ былъ маль. Я держала его при себѣ лѣтъ до тринацдцати. Онъ вытиралъ блюда, чистилъ пожи, ваксилъ башмаки, и вообще исполнялъ подобныя работы. Наконецъ начали побогваривать, что время ему заняться какимъ нибудь ремесломъ; этого-то времени я и страшилась. У миссъ Гарретъ былъ управляющій, который об-ходился съ невольниками чрезвычайно дурно: я все боялась, что изъ-за него выйдутъ хлопоты. — такъ и случилось. Между нимъ и Альфредомъ безпрестанно случались стычки. Управляющій то и дѣло, что обращался къ госпожѣ съ разными на него павѣтами. И чѣмѣ? однажды, возвратясь вечеромъ изъ города, куда ходила по какому-то порученію, я крайне изумилась, что Альфредъ не пришелъ къ ужину. Тутъ что нибудь да не такъ,

подумала я, сейчас же отправилась въ господскій дому и тамъ увидѣла, что мисс Гаррить сидѣть за столомъ и считаетъ деньги. «Мисс Гаррить, говорю я: — я не могу пайти Альфреда: не видали ли вы его?» Не отвѣчая мнѣ, она продолжала считать деньги: пятьдесятъ-одинъ, пятьдесятъ-два, пятьдесятъ-три. Я опять спросила: «падѣюсь, мисс Гаррить, съ моимъ Альфредомъ ничего не случилось?» При этихъ словахъ, она отвела глаза отъ денегъ и сказала: «Милли, дѣло въ томъ, что съ твоимъ Альфредомъ никто не можетъ управиться; мнѣ предложили хорошія деньги, и я продала его.»

«У меня захватило дыханіе, я подбѣжала къ стулу, на которомъ сидѣла мисс Гаррить, схватила ее за плечи и сказала: «мисс Гаррить! вы взяли деньги за тринадцать моихъ дѣтей; четырнадцатаго обѣщали оставить мнѣ, и я его требую отъ васъ! Неужели, поступивъ такимъ образомъ, вы поступили по христіански?»

«— Успокойся, Милли, сказала она: — твой Альфредъ недалеко отсюда; ты можешь видѣться съ нимъ во всякое время: онъ на плантаціи мистера Джонса. Вы можете приходить другъ къ другу, когда вздумается. И опять же тебѣ не нравился человѣкъ, который присматривалъ за нимъ и котораго онъ безпрестанно ставилъ въ затруднительное положеніе.

«— Мисс Гаррить, сказала я: — вы можете обманывать себя, говоря такія вещи, но вы не обманете ни меня, ни Господа. Вся власть на вашей сторонѣ, и ваши духовники, съ Библіей въ рукахъ, стараются омрачить вашъ разумъ. Вы не учите насъ грамотѣ; но я обращусь съ жалобой прямо къ Господу и буду просить его защиты. Если только можно отыскать Его, я отъмщу, — и умолю Его посмотреть на вашъ поступокъ, на продажу моихъ дѣтей, для того, чтобы заплатить за вашихъ дѣтей!

— Вотъ, дитя мое, чѣмъ сказала я ей. Я была жалкимъ, невѣжественнымъ созданіемъ; я не знала Бога. Будто каленый уголь лежалъ у меня на сердцѣ. Я отвернулась отъ нея и ушла: Ни я, ни она не сказали больше ни слова другъ другу. Я пришла въ свою опустѣлую хижину. Въ одномъ углу стояла кровать Альфреда, надъ ней висѣлъ его праздничный каftанъ и праздничные башмаки, которая куцила ему на свои собственные деньги; онъ былъ такой хорошенъкій мальчикъ, и я хотѣла, чтобы все на немъ было прынично и щеголевато!

«— Наступило воскресеніе, я сняла съ гвоздика этотъ каф-

тань, связала его въ узель, вмѣстѣ съ башмаками, взяла свою палку и сказала про себя: пойду на плантaciю Джонса и посмотри, что сдѣмалось съ Альфредомъ. Во все это время ни я не сказала слова госпожѣ, ни она мнѣ. На половинѣ дороги я остановилась отдохнуть подъ большими каштановыми деревьями. Стоя подъ нимъ, я смотрѣла вдалъ. По дорогѣ кто-то шелъ мнѣ навстрѣчу, и вскорѣ я узнала, что это была Юльда. Она была замужемъ за кузеномъ Полемъ, и жила на плантaciи Джонса. Я встала, встрѣтила ее и сказала, что иду повидаться съ Альфредомъ.

«— Господь съ тобой,.. Милли, сказала она: — да развѣ ты не знаешь, что Альфредъ умеръ?

«Ахъ, миссъ Нина, при этихъ словахъ, казалось, сердце мое перестало биться и кровь остановилась въ моихъ жилахъ.

«— Юльда! ужъ не убили ли его? спросила я.

«— Да, отвѣчала она мнѣ, и рассказала, какъ было дѣло. Стэйльзъ, управляющій Джонса, просыпалъ, что Альфредъ былъ ужасно бойкій и умный мальчикъ; а такие мальчики имъ не нравятся, они ихъ всячески раздражаютъ и потоють сѣкуть ихъ до крови. Поэтому Стэйльзъ, задавая Альфреду работу, бывшъ съ нимъ невыносимо грубъ; мальчикъ этотъ не хотѣлъ уступить ему ни наволость: на каждое слово онъ отвѣчалъ двумя, какъ это и всегда онъ дѣлалъ, потому что не могъ подавить въ себѣ своей гордости. Всѣ окружавшіе ихъ смыались; Стэйльзъ бѣсился и клялся, что высѣчетъ его; тогда Альфредъ бросилъ все и уѣжалъ прочь. Стэйльзъ выходилъ изъ себя, страшно ругался и приказывалъ подойти къ нему. Но Альфредъ не подходилъ. Во времена такой сцены, случайно проходилъ мистеръ Бидль и захотѣлъ узнатъ, въ чёмъ дѣло. Стэйльзъ объяснилъ ему. Мистеръ Бидль вынулъ пистолетъ и сказалъ: — если ты, щенокъ, не подойдешь, пока я сосчитаю пять, я выстрѣлю въ тебя.

«— Стрѣляйте? вскричалъ Альфредъ. — Мальчикъ этотъ не зналъ, что такое страхъ. Выстрѣль раздался.

«— Альфредъ, говорила Юльда: — прыгнулъ, вскрикнула и упала. Къ нему подѣжали, но онъ былъ уже мертвъ; — пуля попала въ самое сердце. Сняли съ него курточку и осмотрѣли его; но это было уже бесполезно; жизнь оставила его. Юльда говорила, что тутъ же вырыли яму и бросили въ нее Альфреда, бросили ничѣмъ не одѣвши, не покрывши, безъ гроба, зарыли, какъ собаку. Юльда показала мнѣ курточку. На ней была круглая дирка, точно вырѣзанная ножницами и

видно было, что сквозь эту дыру потоками текла кровь. Молча я взяла отъ Юльды курточку, завернула ее въ праздничное платье, и пошла прямо... домой. Я вошла въ комнату мисс Гаррить. Она сидѣла совсѣмъ одѣтая, собираясь идти въ церковь, и читала Библію. Не говоря ни слова, я разложила прямо передъ ней окровавленную куртку. «Видите вы эту дырку! сказала я. Видите вы эту кровь? Альфредъ мой убитъ! Вы его убійца; его кровь на васъ и на вашихъ дѣтяхъ! Царь Небесный! услышь меня и воздай ей вдвойнѣ!

Подъ вліяніемъ невольнаго ужаса, Нина съ трудомъ переводила дыханіе. Милли, увлеченная рассказомъ, пришла въ сильное волненіе; вся ея фигура наклонилась впередъ, ея чорные глаза расширились, ея сильныя руки судорожно сжались, словомъ,— весь ея органическій составъ какъ будто иринималъ болѣшіе разныѣ и приходилъ въ движеніе. Для человѣка, коротко знакомаго съ мисиологіей, она показалась бы Немезидой, обратившейся въ горы въ гнѣвъ въчерній мраморъ. Въ этомъ положеніи она оставалась втеченіе несколькия минутъ; посль того, ея судорожно стянутые мускулы начали ослабѣвать, выраженіе ея голоса постепенно смягчалось; она глядѣла на Нину пѣжно, по торжественно.

— Конечно, дитя мое, слова эти были суровы; но тогда я была въ Египтѣ. я блуждала въ пустынѣ Синая; я слышала трубный звукъ исłова Божіи, но не видѣла самого Бога.... Я вышла изъ комнаты молча. Между мною и мисс Гаррить легла течерь ужаснѣйшая бездна; слова не могли перелетать черезъ нее. Я дѣлала свое дѣло, и дѣлала охотно; но говорить съ ней я не хотѣла. Тогда только, дитя мое, вспомнила я давнишнія слова моей матери; я вспомнила слова: «Дочь моя, когда восстанешь тебя горе, проси Господа помочь тебѣ». Только течерь я увидѣла, что никогда еще не просила Его помощи, и сказала про себя: Господь не поможетъ мнѣ теперь; Онъ не возвратить мнѣ Альфреда. А между тѣмъ, я хотѣла обрести Господа, потому что не знала, куда дѣться съ своимъ горемъ. Я хотѣла прийти и сказать: Господи, Ты видишь что сотворила эта женщина! Я хотѣла представить Ему на судъ это дѣло, и узнать, вступится ли Онь за меня. Ахъ, мисс Нина, вы себѣ и представить не можете, чѣмъ казалася мнѣ въ то время міръ и все, что находится въ мірѣ! Все какъ будто предано было собственному своему произволу. И эти христіанѣ еще называютъ себя христіанами, гев'ярятъ, что они насядываютъ Царство

Небесное, а сами такъ поступаютъ! Я искала Господа и дению и не могла. Много я ночей проводила въ лѣсахъ, лежала на землѣ, плакала и плакала, но никто не услышалъ меня. О, какими страшными казались мнѣ звѣзды, когда я смотрѣла на нихъ! Они никогда мнѣ такъ спокойно и такъ торжественно, но не говорили ни слова! Иногда я выходила изъ себя и хотѣла бы прорваться сквозь небо. Я искала Бога, я ищѣла нужду до Него и должна была найти Его. Однажды я слышала, какъ читали изъ священного Писания, что Богъ явился одному человѣку на гумниѣ, и я подумала, что еслибы у меня было гумно, онъ и мнѣ, можетъ быть, также бы явился. Поэтому я избрала себѣ мыслько подъ деревомъ и уравняла его, стоптавъ землю, сколько моихъ силъ было, ногами, и придавъ ему такимъ образомъ видъ гумна. Я стала молиться, — но Господь не пришелъ.

«— Однажды назначень былъ большой митингъ подъ открытымъ небомъ, и я подумала: «схожу туда и посмотрю, не найду ли тамъ Господа.» — Миссъ Гаррить отнускала людей своихъ на митинги каждое воскресеніе. И вотъ я отправилась слушать пѣніе, подошла къ алтарю, слушала проповѣдь, и все таки на душѣ не стало легче. Меня не тронуло ни пѣніе, ни проповѣдь. Я слышала, какъ читали изъ Библіи: «О если бы я зналъ, гдѣ обрѣсти его. Я бы пришелъ даже къ его сѣданщицу. Я бы изложилъ передъ нимъ мою мольбу. Я бы наполнилъ уста мои доказательствами.» Эти слова, конечно, согласовались съ моимъ желаніемъ. Наконецъ, наступилъ темный вечеръ; вездѣ запыхали костры, повсюду раздавалось пѣніе божественныхъ гимновъ; и я снова пошла слушать проповѣдь. Проповѣдь говорилъ мужчина, блѣдный, худощавый, съ черными глазами и черными волосами. Мнѣ кажется, этой проповѣди я никогда не забуду. Онь говорилъ на текстъ: «Кто не цоцадилъ своего Сына, но добровольно принесъ его въ жертву за насъ всѣхъ, тотъ не ужела, вѣѣть съ этой жертвой, не отдастъ намъ всего?» — Слова эти съ первого раза поразили меня, потому что я сама лишилась сына. Послѣ того онъ рассказалъ начъ, кто такой былъ Сынъ Божій. О, какъ прекрасенъ былъ онъ! Какъ распространяла Онъ между людьми Божественное ученіе! И потомъ какъ взяли его, положили терновый вѣнецъ на главу его, распяли на крестѣ, и ирокололи Его кощемъ. Богъ до такой степени любилъ насъ, что допустилъ своего возлюбленного сына перенести за наши грѣхи всѣ эти страданія. Дитя мое! я встала, по-

дома къ алтарю, пала на колѣни и, прильнувъ къ землю, молилася такъ долго, что окружавшіе говорили, что я упала въ обморокъ. Быть можетъ я и была въ обморокѣ. Гдѣ находилась я тогда, — не знаю; но я увидѣла Господа. Сердцемое какъ будто замерло во мнѣ. Я видѣла Его, страдающаго за насть, и такъ терпѣливо переносящаго свои страданія. Я видѣла, какъ Онъ любилъ насть! всѣхъ насть, всѣхъ до единаго! Нась, которые такъ ненавидимъ другъ друга. Я поняла тогда, что значитъ ненавидѣть, какъ я ненавидѣла.

« — Господи! сказала я: — я прощаю имъ! Господи! я никогда еще не видѣла Тебя, я ничего не знала... я была жалкая грѣшица! Я больше не буду ненавидѣть! Я чувствовала, что сердце мое наполнилось чувствомъ любви. — Господи! сказала я: — я могу любить даже бѣлыхъ! — Чувство любви переполнило мое сердце, и я продолжала: — Господи! Я люблю бѣдную миссъ Гаррить, которая продала всѣхъ моихъ дѣтей, и была причиной смерти моего бѣднаго Альфреда! Я люблю ее! — И вотъ, дитя мое, я была побѣждена Агнцемъ, кровю Агнца! Еслибъ это былъ левъ, я бы еще можетъ быть поборолася съ нимъ! Агнецъ побѣдилъ меня!

« — Когда пришла я въ себя, я чувствовала себя не лучше ребенка. Я пошла прямо въ домъ миссъ Гаррить, и не смотря, на то, что со дня смерти Альфреда не обмѣнялась съ ней кроткими, миролюбивыми словами, я вошла въ ея спальню. Она была не здоровна, казалася необыкновенно блѣдною, желтою. Бѣдная жалкая сызъ ея лапился цыанымъ и жестоко оскорбилъ ее. Я вошла и сказала: — миссъ Гаррить, я видѣла Господа! Миссъ Гаррить, во мнѣ уже болѣе нѣтъ ожесточенія; я прощаю васъ и люблю отъ всего сердца, какъ прощаетъ Господь и любить насъ всѣхъ. Вы бы посмотрѣли, моя милочка, какъ плакала эта женщина! Милан, сказала она: — я величайшая грѣшица. Мы обѣ грѣшицы, миссъ Гаррить, отвѣчала я: — но Господь предалъ себя за насть обѣихъ; ужъ если Онъ любить насть, жалкихъ грѣшицъ, то мы не должны ненавидѣть другъ друга. Вы были введены въ искушеніе, миссъ Гаррить, продолжала я, стараясь оправдать ея поступки; — но Господь простиль насъ обѣихъ. Послѣ того я уже не стѣснялась. И въ самомъ дѣлѣ, дитя мое, вѣдь мы все же сестры по Господу. Я несла ея бремя, она несла мое. И, Боже мой! ея бремя было тяжелѣе моего, потому что во время нашего разговора, ея сына привезли домой мертваго: бу-

дачти пьялъ, онъ заряжалъ ружье и пристрѣлилъ себѧ въ сердце. О, дитя мое, я вспомнила о мольбѣ моей къ Господу воздать ей вдвойнѣ; но послѣ того я думала гораздо лучше. Еслибы я могла оживить бѣднаго мистера Джорджа, я бы это сдѣлала: всю ночь она лежала на моихъ рукахъ и плакала. Это приключение свело ее въ могилу. Не долго жила она послѣ этого; но успѣла, все-таки, приготовиться къ смерти. Она послала купить сына моей дочери Люси, вотъ этого самаго Тома, и отдала его мнѣ. Бѣдненькая! чтѣ могла, все она сдѣлала. Я находилась при ней, въ ночь ея кончины. О, миссъ Нина, если въ душѣ вашей родится желаніе ненавидѣть кого нибудь, то вспомните, до какой степени для ненавидящихъ тяжела бываетъ минута смерти. Миссъ Гаррить умирала тяжело! Она сильно сокрушалась о своихъ грѣхахъ.

«— Милли! говорила она:—и Господь, и ты можете простить меня, но я себя никогда не прошу» — «Недумайте объ этомъ, миссъ Гаррить, говорила я, стараясь успокоить ее:—Господь принялъ и скрылъ всѣ грѣхи ваши въ своеемъ сердцѣ.» Все же она долго боролась со смертію, боролась всю ночь, безпрестанно повторяя: Милли! Милли! не отходи отъ меня! Въ эти минуты, дитя мое, я любила ее, какъ мою собственную душу. Съ наступлениемъ дня, Господь освободилъ ее отъ страданій, и я склонила па подушку ея голову, какъ будто она была однимъ изъ моихъ кровныхъ дѣтей. Я приподняла ея руку; рука эта была еще тепла, но сила и жизнь ее покинули: бѣдная! бѣдная! — я думала я: — неужели могла я ненавидѣть тебя? Да, дитя мое, мы не должны ненавидѣть другъ друга: мы всѣ жалкія созданія, но Господь, повѣрьте, любить настъ всѣхъ одинаково.

ГЛАВА XVII.

Дядя Джонъ

Миляхъ въ четырехъ къ востоку отъ Канемы находилась плантация, куда былъ посланъ Гарри въ то утро, о которомъ мы уже упомянули. Молодой человѣкъ Бхаль еть порученіемъ въ весьма незавидномъ расположениіи духа. Дядя Джонъ, какъ всегда называла его Нина, былъ назначенъ опекуномъ ея имѣнія; и при томъ такимъ, ласковѣе и любезнѣе какого Гарри не могъ по-

желать. Его увѣренность въ Гарри была безгравимина; и онъ считалъ эту увѣренность за величайшее благодѣніе для себя, потому собствено. какъ онъ, шутя, выражался иногда, что и съ своей-то плантацией, по ее обширности, онъ едва едва управлялся. Подобно естьмъ джентльменамъ, которые ставятъ свое собственное спокойствіе выше всего въ мірѣ, дядя Джонъ воображалъ, что весь міръ спарапетъ, во что бы то ни стало, нарушасть его спокойствіе. Всё ніроздание такъ организовано, что люди должны работать и трудиться; а изъ этого слѣдуетъ, что никто не имѣеть столько заботы, сколько человѣкъ, который положилъ себѣ за правило ни о чёмъ не заботиться.

Дядя Джонъ систематически, и по самому обыкновенному порядку вещей, былъ обманываемъ и обкрадываемъ управляющими, неграми и бѣдными скоттерами; а что еще хуже, онъ за это постоянно получалъ выговоры отъ жены и постоянно находился подъ страхомъ. Природа, судьба или вообще то, что тасуетъ и сдаетъ карты супружества, и съ обычнею заботливостью уравниваетъ противоположности, распорядимось такъ, что веселый, самодовольный, беззаботный дядя Джонъ долженъ быть сочетаться брачными узами съ женщиною бойкой, дѣятельной, предиринчивой и рѣшительной, не оставляющей въ мокрѣ нищего, чтó ее окружаетъ. Постоянно вѣйывавшись въ художественные распоряженія, постоянно представляя на видъ злые умыслы, измѣны и заговоры, которыми изобилуетъ плантация, постоянно вищая необходимость заниматься различными разбирательствами, рѣшеніями и исполненіями приговоровъ, несноснѣйшимъ для любящаго спокойствіе, жена дядя Джона была существомъ, беспрестанно нарушающимъ эго физической и нравственный покой. Дѣло было въ томъ, что заботы и ответственность, увеличиваемыя небрежностью мужа, преобразовали эту достойную женщину въ родъ страшного дракона изъ садовъ Гесперидскихъ. По мнѣнію ея доброго супруга, она никогда не спала, воображая при этомъ, что не должны спать и другие.

Все это было очень хорошо, по мнѣнію дяди Джона. Онъ не сердился на нее, когда она проводила цѣлую ночь на могахъ; не сердился, когда она дремала, высунувъ изъ окна голову и карауля контилью; не сердился, когда она вскорѣ послѣ полнолуця тайкомъ выходила изъ дома, чтобы подловить Помпея, или обойдти Кофи; никакъ не сердился, только бы эти облизан-

ности не возлагались на него. Да и какая была бы тут польза? Если окорока и будут украдены между двумя и тремя часами ночи, и проданы Абиджъ Скинфлину за ронь, — что же тут станете делать? Дядя Джонъ должен был спать; если бы за это удовольствие нужно было заплатить окороками, онъ бы заплатил; но спать все же онъ долженъ, и онъ спалъ. Если онъ и былъ бы убежденъ въ душѣ, что Коффи, приведший поутру съ длиннымъ лицомъ объявить о покражѣ и предложить мѣры къ открытию воровства, что этотъ Коффи былъ главнымъ участникомъ въ кражѣ, — что же изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего! Вѣдь для Джонъ не могъ же уличить его! Коффи, съ тѣкъ поръ какъ родился, не сказалъ еще ни слова правды; какая же была бы польза изъ того, еслибы онъ сталъ сердиться и кричать, чтобы выпытать изъ Коффи правду? Нѣтъ, нѣтъ! Мистрисъ Джи, какъ дядя Джонъ обыкновенно называлъ свою супругу, могла дѣлать подобные вещи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она должна была утруждать него такими порученіями.

Нельзя, вирочемъ, сказать, чтобы для Джонъ былъ ровнаго характера: человѣческое терпѣніе имѣть свои предѣлы, но бываютъ минуты, когда и самимъ терпѣливый человѣкъ выходитъ изъ себя. Такъ и дядя Джонъ, добрѣйшій и лучшій человѣкъ въ мірѣ, подвергался отъ времени до времени тропическому урагану гнѣва, подъ влияниемъ котораго онъ топалъ ногами, бѣсновался и бравился съ удивительной энергией; въ эти минуты всыпъчивости, всъ скорби, скрывавшейся на днѣ его души, выбирались на верхъ и летали около него, какъ каленые ядра по всѣмъ направлѣніямъ. Въ эти минуты онъ проклиналъ негровъ, проклиналъ управлятелей, проклиналъ Коффи, Помпея и Дину, проклиналъ несчастныхъ скоттеровъ, проклиналъ инстера Абиджу Скинфлину, и говорилъ, что онъ пошлетъ ихъ со всѣми неграми въ такое мѣсто, назвать которое запрещаетъ намъ приличіе. Онъ изливалъ страшныя угрозы: грозилъ перерѣзать всѣхъ, содрать съ живыхъ кожу или продать въ Георгію. Весь этотъ шумъ, всѣ эти угрозы негры выслушивали, поворачивая бѣлки своихъ глазъ и упирая языками въ щеки съ видомъ величайшаго удовольствія. Опытъ въ достаточной степени доказалъ имъ, что вслѣдствіе такихъ порывовъ гнѣва никто еще не былъ зарѣзанъ, на съ кого не сдирали кожу, никого не продавали въ Георгію. Поэтому, когда съ ладей Джономъ случался подобный привадекъ, они поступали какъ курицы передъ грозою, — убѣга-

ли въхміни и выживали прекращенія грозы. Сосьмь другое дѣло, когда гійвъ проявлялъ въ мистриссъ Гордонъ. Они убѣдились, что угрозы ея что нибудь да значили; хотя часто случалось, что во время оказанія самого необходимаго правосудія, лідя Джонъ, разумѣется, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго юмора, бросался между виновнымъ и его госпожей, и съ триумфомъ уводилъ его, подвергая свою особу самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Читатели не должны выводить изъ этого, что мистриссъ Гордонъ была на самомъ дѣлѣ и отъ природы злая женщина. Нѣтъ! Она была одною изъ тѣхъ строгихъ домохозяекъ, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, — одною изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ обречены бороться, безъ посторонней помощи, за порядокъ и аккуратность, съ цѣлью свѣтомъ, во всеоружіи. Еслибъ она имѣла счастіе родиться въ Вермонтѣ или Массачусетѣ, она прослыла бы тамъ за женщину, которую нельзя обмануть на полцента при покупкѣ какой нибудь провизіи, которая инстинктивно угадывала, что въ извѣстной вязкѣ дровъ недоставало столько-то полѣньевъ; или въ фунтѣ масла недоставало столько-то золотниковъ. Поставьте такую женщину во главѣ безпорядочной толпы негровъ, составляющей населеніе плантациіи, дайте ей въ помощь плута управляющаго, окружите ее ворами скоттерами, которымъ, по самой организаціи общества, не представляется никакихъ другихъ средствъ къ существованію, кроме воровства; прибавьте къ этому беспечнаго мужа и землю, для которой миновали лучшіе дни, и которая быстро приближается къ бесплодію, — и вы не будете судить слишкомъ строгого характера мистриссъ Гордонъ, не станете порицать его, если онъ не всегда подчинялся условіямъ скромности. Чепецъ мистриссъ Гордонъ всегда имѣлъ какой-то ощущенный видъ: всегда наводилъ собой какой-то ужасъ, тѣмъ болѣе, что сама мистриссъ Гордонъ рѣдко сидѣла на мѣстѣ. Правда, иногда она опускалась на стулъ, но сей-часъ же вскакивала, чтобы посмотреть за хозяйствомъ, или прокричать, со всею силою своихъ легкихъ, какое нибудь приказание на кухню. Когда Гарри остановился у подъѣзда къ господскому дому, ворота для него были отворены Помпсемъ, престарѣлымъ негромъ, которому предоставлена была эта обязанность изъ уваженія къ преклонности его лѣтъ.

— Господь съ вами! Это вы, Гарри? Пожалуйста, держитесь, подальше отъ нашего господина! У насъ въ домѣ страшная бура!

— Что тамъ случилось, Помпей?

— Съ нашимъ господиномъ сдѣлался припадокъ! Рвется, нечется, стучать погами и бранится словно съумасшедший! — Чего добрали, и въ самомъ дѣлѣ не рехнулся ли! Привязалъ Джека къ столбу и клянется, что изрубить его въ куски. Хи! хи! хи! Вотъ у насть какъ! Привязалъ, да и только! Хо, хо, хо! Презабавная штука! Надрывается, что есть мочи; если вы хотите поговорить съ нимъ,—то обождите лучше, когда онъ успокоится!

Сказавъ это, старикъ потрясъ сѣдой головой своей и причмокнувъ губами съ невыразимымъ удовольствиемъ.

Медленно подъѣзжая къ дому по длинной алеѣ, Гарри увидѣлъ осанистую фигуру мистера Джона, ходившаго взадъ и впередъ по балкону, кричавшаго и грозившаго самымъ изгнаненнымъ образомъ. Это былъ дородный, среднихъ лѣтъ, мужчина, съ круглымъ лицомъ и высокимъ лбомъ, окаймленнымъ черными волосами, съ весьма замѣтною просѣдью; голубые глаза, чистое, румяное, полное лицо, ротъ, украшенный безукоризненной бѣлизны зубами, придавали ему, когда онъ находился въ пріятномъ расположениѣ духа, видъ прекраснаго и пріятнаго мужчины. Въ настоящую минуту его лицо имѣло багровый цвѣтъ; стоя на балконѣ, онъ изливалъ свое негодованіе на грубаго, оборваннаго негра, который, будучи привязанъ къ столбу, представлялъ собою картину совершеннаго равнодушія; картиной этой любовалась толпа негровъ, мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ.

— Я тебя выучу! кричалъ Джонъ, грозя кулакомъ. Слышать же хочу твоихъ оправданій! Ты не хотѣлъ слушаться меня! Я жъ тебе задамъ! Я убью тебя, непремѣнно убью! искрошу на мелкіе кусочки!

— Ничего не будетъ, ты это самъ знаешь! проговорила въ то же время мистриссъ Гордонъ, сидѣвшая позади его у окна. А вотъ и не сдѣлаешь, это ты самъ знаешь! Это знаютъ и они! Все это кончится, какъ и всегда, однимъ крикомъ. Лучше бы оставилъ свои пустыя угрозы:—они только дѣлаютъ тебя забавнымъ!

— Замолчите, пожалуста! Я хочу быть господиномъ въ моемъ домѣ! Алская собака! Коффъ! Сѣки ега! Чтò же ты думаешь? Сѣка, говорю я! чего же ты ждешь?

— Если господину угодно! сказалъ Коффъ, выкатывая свои глаза и принимая на себя умоляющій видъ.

— Если мнѣ угодно! чортъ возьми! если я говорю, значить мнѣ угодно! Начнай же сію минуту! Или постой, я его самъ отѣдаю.

И схвативъ лежавшій вблизи его кожаный ремень, онъ извернулъ его на обшлагъ, побѣжалъ съ лѣстинцы, ио, оступивъся, полетѣлъ внизъ головой къ тому самому столбу, у котораго былъ привязанъ преступникъ. —

— А! ты теперь доволенъ! ты убилъ меня! расшибъ мнѣ голову! я долженъ мѣсяцъ пролежать въ постели, и все изъ за тебя, неблагодарная собака!

Кофи и Самбо подѣжали на помощь, бережно подняли资料 of his master, и начали сметать пыль съ его платья, подавляя смѣхъ, которымъ готовы были разразиться; между тѣмъ преступникъ счѣлъ эту минуту за самую лучшую, чтобы выразить свою покорность.

— Простите меня, сэръ! Я говорилъ имъ, чтобы они выѣхали, но они отвѣчали, что не выѣдутъ. На умѣ у меня вичего не было дурнаго, когда я сказалъ имъ: пусть лучше прїдетъ самъ господинъ; ничего нѣть дурнаго на умѣ и теперь! а все таки думаю, лучше будетъ, если прїдетъ самъ господинъ! Эти скоттеры народъ преупрямый; они нашего брата и знать не хотятъ. Они всегда поступаютъ самыми странными образомъ; право такъ! Я вовсе не думалъ ослушаться васъ, вовсе не думалъ! Я подумалъ только, что если господинъ возьметъ лошадь и поѣдетъ туда, онъ ихъ выгонитъ; другой никто этого не сдѣлаетъ! Мы, то крайней мѣрѣ, этого не можемъ сдѣлать! А что я говорю истину, то свидѣтель тому Богъ. Господинъ можетъ убѣдиться въ этомъ: пусть онъ возьметъ лошадь, съѣздитъ туда, и посмотритъ. Онъ скажетъ тогда, что я говорю правду и что на умѣ у меняничего дурнаго нѣть и не было.

Шумная сцена эта, надобно сказать, была слѣдствіемъ неисполненнаго приказанія выгнать бѣдное семейство скоттеровъ, поселившееся въ пустой хижинѣ, на отдаленномъ краю плантациі Гордона. Мистрисъ Гордонъ съ помощью неутомимаго винманія и дѣятельности открыла этотъ фактъ и не давала мужу никако до тѣхъ поръ, пока не было предпринято мѣръ къ удалению несчастныхъ. Въ силу такой докучливости, для Джонъ поручилъ Джеку, дюжemu негру, въ утро этого дня, отправиться къ скоттерамъ и выгнать ихъ. Джекъ, по наслѣдствупитавшій глубокую ненависть, къ скоттерамъ которую негры обнаруживаютъ

къ нинѣ на всѣхъ плантаціяхъ, пустился въ путь весьма охотно, сопровождаемый двумя огромными собаками, наспинствавъ во всю дорогу самыя веселыя аріи. Но, когда онъ увидѣлъ бѣдную, жалкую, больную женщину, окруженнуя четырьмя голодными ребятишками, молоко его матери заговорило въ немъ, и вместо того, чтобы выгнать ихъ, онъ выпросилъ въ соседней хижинѣ блюдо холоднаго картофелью, и подалъ несчастныи, съ тѣмъ, однакоже, видомъ пренебреженія, съ которымъ иногда бросаютъ кость дворовому псу. Сдѣлавъ это, онъ воротился домой уже не съ прежнєю веселостью и донесъ своему господину, что никакимъ образомъ не могъ выгнать скоттеровъ: если господину непремѣнно хочется ихъ выгнать, то не угодно ли ему самому распорядиться.

Извѣстно всѣмъ, что порывъ гнѣва часто происходитъ совсѣмъ не отъ трага предмета, падъ которымъ онъ разражается. Когда облако черезъ чуръ наполнено электричествомъ, тогдѣ трудно угадать, который громовой отводъ привлечетъ его къ себѣ болѣе другаго. Мистеръ Гордонъ получилъ непріятныя письма отъ своего адвоката, высушаль непріятную нотацію отъ жены, его булки из завтракомъ были слишкомъ засушены, кофе пережаренъ, кроме того онъ чувствовалъ ревматизмъ въ головѣ, и надобно было раздѣляться съ управляющимъ. Вслѣдствіе всего этого, хотя въ поступкѣ Джека не было ничего дерзкаго, но буря разразилась надъ нимъ и бушевала, какъ мы уже видѣли. Благодаря непредвидѣльному обстоятельству, самая тяжелая часть тучи разсѣялась, и мистеръ Гордонъ согласился простить виновнаго, съ тѣмъ условиемъ, если Джекъ приведетъ немедленно лошадь, на которой онъ могъ бы отправиться къ скоттерамъ и лично убѣдиться, можно ли ихъ выгнать съ плантаціи. Отъ упросилъ Гарри, пользовавшагося его особыннымъ расположениемъ, быть его спутникомъ, — и черезъ четверть часа они ужеѣхали по направлению къ хижинѣ.

— Въ высшей степени невыносимо все то, что мы, владельцы плантацій, должны терпѣть отъ этого рода созданий! сказалъ мистеръ Гордонъ. Надо бы сдѣлать облаву и вывести ихъ, какъ выводятъ крысы. Эта мѣра была бы для нихъ благодѣяніемъ; единственная вещь, которую можно сдѣлать для ихъ пользы, заключается въ томъ, чтобы уничтожить ихъ всѣхъ до единаго. Что касается до милостиныи, то унѣ кажется, это тоже

самое, что бросать добро въ мусорную яму. Нужно бы издать законъ,—дамы и будемъ имѣть этотъ законъ,—чтобъ скоттеровъ не существовало въ нашемъ штатѣ.

Разговаривая въ этомъ родѣ, мистеръ Гордонъ прибылъ наконецъ къ дверямъ жалкой, полуразрушенной хижинѣ, изъ маленькихъ оконъ которой, не защищенныхъ стеклами, выглядала темная пустота, какъ изъ глазныхъ отверстій черепа. При ихъ приближеніи, двое испуганныхъ, или, вѣрнѣе, запуганныхъ дѣтей спрятались за уголъ. Толчкомъ ноги мистеръ Гордонъ отворилъ дверь и вошелъ. На грязной соломѣ, скорчившись, сидѣла жалкая, изнуренная женщина, съ большими, дико блуждавшими глазами, съ впалыми щеками, съ растрепанными, всклокоченными волосами, съ длинными, сухими руками, похожими на итичью лапу. Къ ея тощей груди прильнула чахлый ребенокъ, и толкалъ въ эту грудь костлявыми ручонками, какъ будто вызывая изъ нея питательность, въ которой отказывала сама природа; двое испуганныхъ дѣтей, съ лицами, покрытыми синеватою блѣдностью, вѣрнымъ признакомъ голода, держались за ея оборванное платье. Вся эта группа плотно сжималась въ одну массу, стараясь какъ можно дальше отодвинуться отъ незнакомца, и смотрѣла на него большими испуганными глазами, какъ группа дикихъ звѣрей, преслѣдуемыхъ охотникомъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? было первымъ вопросомъ со стороны мистера Гордона, вопросомъ, предложеннымъ весьма нерѣшительнымъ тономъ, потому что, говоря сущую правду, враждебное пастроепіе его духа начинало колебаться. Женщина не отвѣчала; но, послѣ непродолжительного молчанія, младшій ребенокъ пропищалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Затѣмъ, что больше некуда намъ дѣться!

— Дѣйствительно, сказала женщина:—мы расположились было на плантаціи мистера Дюрана; но Батфильдъ, его управляющій, разрушилъ хижину почти надъ нашими головами. Куда же дѣваться намъ?

— Гдѣ твой мужъ?

— Ушелъ искать работы. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ нигдѣ не можетъ отыскать ее: какъ будто никто въ нацѣ не нуждается. Надо же намъ гдѣ нибудь пріютиться, говорила женщина плачевныемъ, умоляющимъ тономъ:—не умереть же стать, хотя въ тысячу разъ было бы лучше, если бы мы умерли!

Глаза мистера Гордона остановились на двухъ-трехъ холодныхъ картофелинахъ въ глиняномъ горшкѣ, который старуха очевидно берегла съ особеннымъ тщаниемъ.

— Что ты дѣлаешь съ этимъ картофелемъ?

— Берегу дѣтямъ ва обѣдъ.

— Неужели у тебя больше ничего нѣть къ обѣду? спросилъ мистеръ Гордонъ громкимъ, рѣзкимъ тономъ, какъ будто недавно утихнувшій гнѣвъ быстро къ нему возвращался.

— Ничего, отвѣчала женщина.

— Чѣмъ же вы были вчера?

— Ничего.

— А третьяго дня?

— Подобрали кой какія кости у хижинъ вашихъ негровъ; да къ этому намъ подали кое-что изъ печенья.

— Чортъ возьми! Почему же ты не послала въ мой домъ попросить ветчины? Собирать кости и всякую дрянь около хижинъ! Чортъ знаетъ, на чѣмъ это похоже! Почему ты не послала ко мнѣ. Неужели вы считаете мистриссъ Гордонъ за собаку, которая кусаетъ встрѣчнаго и попречнаго! Оставайтесь же здѣсь, пока я не пришлю вамъ чего нибудь поѣсть. Слышите! предоставьте мнѣ позаботиться о васъ. И если вы памѣрены поселиться здѣсь, то надобно поправить хижину. Теперь ты видишь, сказаль онъ Гарри, садясь на лошадь:—чѣмъ значитъ быть созданіемъ съ крючками на спинѣ! Всякий, кто вздумаетъ, можетъ повиснуть на нихъ! Дюранъ выгоняетъ отъ себя этихъ людей, Петерсъ тоже выгоняетъ, и что же изъ этого слѣдуѣтъ? Они отправляются ко мнѣ, и селятся на моей плантациї, потому собственно, что я добрый, старый дуракъ! Это, я тебѣ скажу, чертовски скверно! Они плодятся, какъ кролики! Не могу постичь, зачѣмъ Господь создаетъ подобныхъ людей? Вѣроятно, съ какой нибудь благою цѣлію. У этихъ несчастныхъ всегда грула дѣтей; тогда какъ иные живутъ въ изобиліи и роскоши, до смерти желаютъ дѣтей,—и не имѣютъ ихъ, а если и появляются дѣти, то скарлатинъ, коклюшъ и другія болѣзни похищаютъ ихъ. Господи, Господи! въ мірѣ этомъ во всемъ-то замѣтна страшная неурядица! Что-то я скажу теперь мистриссъ Джи. Она—такъ я знаю, чѣмъ скажеть. Она скажеть, что «всегда говорила, и что всегда будетъ говорить. Желаю бы я, чтобы она сама посмотрѣла на нихъ, — право, желаю бы! Мистриссъ Джи въ

своемъ родѣ прекраснѣйшая женщина—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но въ ней ужасно много энергіи. Для спокойнаго человѣка, какъ я, это чрезвычайно утомительно, чрезвычайно тяжело! Съ другой стороны, не знаю, чтѣ бы я стала дѣлать безъ неї? Ужъ какъ же она напустится на меня за эту женщину! А что станете дѣлать? и то сказать, не умирать же ей съ голоду. Холодный картофель и старыя кости! Это ужасно! Такимъ людямъ не слѣдовало бы, инѣ кажется, и жить на свѣтѣ; но если они хотятъ жить, то должны есть, чтѣѣдять христіане. Кажется, это идетъ Джекъ... затѣмъ онъ не выгналь ихъ до моего приѣзда? Онъ бы избавилъ меня отъ всѣхъ непріятностей. Отправляя меня въ хижину, онъ ужалъ, собака, чтѣ дѣлаетъ. Джекъ! эй! Джекъ! поди сюда!

Переваливаясь съ боку на бокъ, Джекъ подошелъ къ свое-
му господину, съ видомъ глубочайшаго почтенія, изъ подъ ко-
тораго весьма ясно проглядывали радость и самодовольствіе.

— Вотъ что Джекъ: возьми-ка ты корзину.

— Сію минуту, сэръ! сказалъ Джекъ, съ дерзкимъ видомъ
полнаго пониманія дѣла.

— Подожди, отвѣтъ «сію минуту!», сначала выслушай и
войми меня.

Джекъ бросилъ на Гарри косвенный, невыразимо—комическій
взглядъ, и потомъ выпрямился передъ мистеромъ Гордономъ,
какъ вырѣзанная изъ чернаго дерева статуя покорности.

— Во первыхъ, иди къ твоей госпожѣ, спроси ключъ отъ
кофтильни и принеси его мнѣ.

— Слушаю, сэръ.

— Во вторыхъ, скажи мистриссъ Джи, чтобъ она прислала
мнѣ чего нибудь мужнаго... кѣбба, сухарей, булокъ и вообще,
чтѣ есть печенаго. Скажи, что я хочу отпразднить это въ наше-
жающее мѣсто.

Джекъ поклонился и исчезъ.

— Пока онъ ходить, мы можемъ прѣѣхать по этой дорогѣ.
~~мистриссъ Джи~~, я знаю, напустится сначала на Джека, такъ
что гнѣвъ ея на мою долю останется незамѣтной часть. Какъ
бы я желалъ, чтобъ она взглянула на этихъ несчастныхъ! Впро-
тень, Господь надѣй! вѣдь она все-таки довольно добрая
женщина! одно тѣлько, что, во ея мнѣнію, бесполезно дѣлать

СОВРЕМЕННИКЪ

1858

№ 1 ЯНВАРЬ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЛІЧЧСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНИЯМЪ

I. — КАВЕНЬЯКЪ. И. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО	1
II. — ПРЕДСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ БЕРАНЖЕ. А. А. ФЕТА	38
III. — АСЯ. Повѣсть И. С. ТУРГЕНЕВА	39
IV. — НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ! Картины изъ москов- ской жизни. А. Н. ОСТРОВСКАГО	85
V. — ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ БОЛЬШОЙ ЧЕЧНѢ ЗИМОЮ СЪ 1856 НА 1857 ГОДЪ	119
VI. — «Отъ солнца лилія пугливо». Стихотв. А. Н. МАЙКОВА. 128	
VII. — КРИТИКА. — ЧОРНА РАДА, ХРОНИКА 1663 ГОДА. Написалъ П. Кулишъ. — ПРОПОВѢДИ НА МАЛО- РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ,protoierea Гречулевича. Издание второе, исправленное, Кулиша. И. И. КОСТО- МАРОВА	1
VIII. — НОВЫЯ КНИГИ: Сочиненія Пушкина. Седьмой допол- нительный томъ. Издание П. В. Анненкова (29). — Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ. Составилъ Санкт- петербургской Духовной Семинарии профессоръ ма- гистръ Михаилъ Архангельскій (43). — Новыя стихо- творенія В. Бенедиктова (51). — Вѣликія Луки и Велико- луцкій уѣздъ. Замѣтки Михаила Семевскаго	65
IX. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. 1) Ночь на Рождество. Святочный разсказъ НОВАГО ПОЭТА. 2) «Весельчакъ», располагающій къ разнымъ грустнымъ впечатлѣніямъ и между прочимъ о томъ, какъ простое кривлянье и гримасы — очень далеки отъ остроумія и прочее. — Балъ въ Дворянскомъ Со- браніи, удостоенный Высочайшаго посыщенія. — Театры — Русскій: Князья Курбскіе, барона Розена. — Дебютантка, На- деждина, — Французскій: «Генрихъ III и его Дворъ» и.г.-жа Напталь-Арну въ роли герцогини Гизѣ. — Водопроводное общество въ Петербургѣ. — Заѣданіе Академіи Наукъ 29 де- кабря. — Новый годъ	69
X. — СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (О народномъ воспитаніи, по поводу статьи г. Аппельрота. — Воспоминанія г. Коше- лева о путешествіи по славянскимъ австрійскимъ землямъ.	98

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА романъ г-жи БИЧЕРЬ-СТОУ.

СОВРЕМЕНИКЪ

1858

№ II ФЕВРАЛЬ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНОГО ШТАБА ЕРГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
НО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНИЯМЪ

	Стр.
I. — СЛОВО О БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ. П. ГЛЯЗОВА	129
II. — ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА. (И. Поросенокъ Хорошее житье.) № УСПЕНСКАГО	157
III. — АКТЕРЫ ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ П. БЕЖАРСКАГО	185
IV. — ЧУДО «МОРСКАГО СБОРНИКА». Современная быль, рассказавшая Иваномъ Путинкою	199
V. — МОГИЛЬНЫЯ ПРЕДАНІЯ. Н. Н. КОСТОМАРОВА	223
VI. — ЭПИЛОГЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ. Н. А. НЕКРА- СОВА	241
VII. — НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПРОКОПОВИЧЪ И ОТНО- ШЕНІЯ ЕГО КЪ ГОГОЛЮ. Н. В. ГЕРВЕЛЯ	267
VIII. — РУССКIE ВЪ ИТАЛИИ. Повѣсть Н. Н. СТАНИЦКАГО	289
IX. — ОТГОЛОСОКЪ НА «ЖАЛОБУ ЖЕНЩИНЫ». В... ой	360
X. — ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРА- ТУРѢ. А. Я.-КОВСКАГО	375
XI. — О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.	393
XII. — ЗАМѢТКИ ДЛЯ ИСТОРИИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССИИ. По поводу статьи, помещенной въ 23 № 1858 г. газеты «Le Nord» Е. Н. КАРПОВИЧА	442
XIII. — КРИТИКА. — О СТЕПЕНИ УЧАСТИЯ НАРОДНОСТИ ВЪ РАЗВИТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова. Второе, дополн- енное изданіе). Статья —БОВА	113
XIV. — НОВЫЯ КНИГИ: Жизнь Магомета. Сочиненіе Вашинг- тона Ирвинга. Перев. съ англійскаго Петра Кирѣв- скаго (168). — Стихотворенія изъ Гейне. Переводъ И. Семенова. Сновидѣнія, пѣсни, романсы, сонеты (175). — Русскій иллюстрированный альманахъ (178). — Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка. Инженеръ-полковника Лебедева З (180). — О торфѣ и его добывавіи во Франціи. Соч. В. Шмидта.	183
XV. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. Замѣтки ПОВАГО поэта. (Благонамѣреній господинъ, современный очеркъ. — Итальянская опера. — Луиза Миллеръ и Фра-Діаволо. — Про- шальный бенефисъ г-жи Надежды Богдановой. — Корсарь, но-	

вый балетъ.—Драма «Манихинъ-Бенъ-Израмъ.»—Гг. Самойловъ и Зубровъ.—Шведскіе пѣвицы.—Отъездъ артистовъ.—Балы.—Маскарады.—Балаганы.—Обѣды Московскаго и Харьковскаго университетовъ.—Некрологи: Кудрявцевъ и Коркуновъ.—Осмотръ петербургскихъ мастерскихъ.—Статья г. Шестакова въ «Морскомъ Сборнике».—Литературныя и художественные новости.—Новые книги и издания.—Новый журналъ «Военный Сборникъ» и прочее) 185

XVI. — ЖИЗНЬ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. Романъ г-жи БІЧЕРЪ-СТОУ. (*) 129—208

(*) Новымъ подписчикамъ «Современника» не получавшимъ его въ 1857 году, при этой книжкѣ раздается бездепажно начало романа г-жи Бічерь-Стоу «Жизнь Южныхъ Штатовъ».

Объявленія: Объ изданіи журнала «Военный Сборникъ», и Музикального магазина Битнера.

Печатать разрешается. Февраля 8 дня, 1858 года.

Цензоръ *П. Ноедемильскій.*

СОВРЕМЕННИКЪ въ 1858 году выходитъ
перваго числа каждого мѣсяца книжками
отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА Г҃ДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки: | съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ. | 16 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ
(выходящей четырьмя большими томами въ годъ):
20 руб. серебромъ. | 21 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскому проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжского, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гр. иногородные благоволять адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

РОМАНЪ

Г-ЖИ БИЧЕРЪ-СТОУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

=

1858

АНДРІЙ
АМОТ НАР

АНДРІЙ

(ОТ)-ГІІРІАЛІ-І

САНКІТЕПЕЗАП

==
8681

AUG 10 1955

